SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 7.
ІЮЛЬ, 1889.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1889.

Стр.

I.—ВОТЧИННЫЯ ФАБРИКИ И ИХЪ ФАБРИЧНЫЕ.—**А. Ногожева** 5

II.—СТАРАЯ ПЕРМЬ.—Путевые очерки.—**Д. Сибирякъ** 44

III.—НЕ СУДЬБА.—Разсказъ.—**Н. Сѣверова** 105

IV.—ПРЖЕВАЛЬСКІЙ И ЕГО ПУТЕШЕСТВІЯ.—I.—**Л. Весина** 145

V.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I.-V.—**А. Будищева** 163

VI.—КАШИРСКІЕ ДВОРЯНЕ.—Семейная хроника XVI-XVII вѣка.—**Е. Щ.** . . . 171

VII.—„МОРЗЪ" И „ЮЗЪ".—На телеграфной станціи.—Разсказъ.—**П. Д. Боборыкина**. 205

VIII.—РУССКОЕ СЛАВЯНОВѢДЕНІЕ ВЪ XIX-мъ СТОЛѢТІИ.—I.—**А. Н. Пыпина**. 238

IX.—ЧЕРНАЯ СТРѢЛА.—Историческая повѣсть, соч. Р. Стивенсона.—Съ англійскаго.—Книга IV-V.—**А. Э.** 275

X.—ГЕНРИ ДЖОРДЖЪ И ЕГО ТЕОРІЯ ПРОГРЕССА.—**Л. З. Слонимскаго** . . 333

XI.—НА КЛАДБИЩѢ.—Стих. **Д. Михаловскаго** 352

XII.—ХРОНИКА.—Всемірная выставка въ Парижѣ.—Письмо второе.—**М.** . . . 354

XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Подробности проектируемой замѣны уѣздныхъ участковыхъ мировыхъ судей.—Неудобства соединенія въ одномъ лицѣ обязанностей слѣдователя и судьи. — Роль, предназначаемая почетнымъ мировымъ судьямъ.—Стоимость реформы. — Волостные суды и тѣлесное наказаніе.—Постепенность въ осуществленіи преобразованій. — Распоряженіе попечителя дерптскаго учебнаго округа. 380

XIV.—ЗАМѢТКА. — Новый источникъ свободныхъ земель.—**В.** 395

XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Періодическія газетныя тревоги и ихъ причины.—Оффиціальная и оффиціозная политика.—Ошибочныя предположенія и толкованія. — Конфликтъ съ Швейцаріею и его значеніе. — Вопросъ о швейцарскомъ нейтралитетѣ. — Мотивы и послѣдствія германской дипломатической кампаніи.—Политическія дѣла Австро-Венгріи.—Положеніе Босніи. 400

XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей. Ч. I и II.—Изъ дальнихъ лѣтъ, воспоминанія Т. П. Пассекъ.—Н. Лендеръ, Волга.—**А. П.**—Новыя книги и брошюры. 413

XVII.—ПОПРАВКА.—Письмо въ редакцію.—**Л. Слонимскаго** 423

XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I.—Das Staatsrecht des Kaiserthums Russland, v. Dr. J. Engelmann. **В. Д.**—II. Fr. Bouillier, Questions de morale pratique.—III. G. Géroult, Le centenaire de 1789.—IV. G. de Greef, Introduction à la sociologie. — V. Achajus, Der Werth der berliner politischen Presse.—**Л. С.** 425

XIX.—НЕКРОЛОГЪ.—Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ.—**А. Н. Пыпина** 438

XX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Продолженіе кампаніи противъ финляндскаго сепаратизма; ея комическія и серьезныя стороны. — Дачники въ роли патріотовъ.—Есть ли въ Финляндіи основные законы?—Надежда Дмитріевна Заіончковская (В. Крестовскій-псевдонимъ) †. — Ея общественные идеалы и литературное значеніе 442

XXI.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Распорядительнаго Комитета Кавказской выставки предметовъ сельскаго хозяйства и промышленности 454

XXII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 66. — Кантъ, Имм. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ, перев. Вл. Соловьева.—Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. С. А. Венгерова, вып. 16-19.—Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи, путеш. Норденшельда.—Г. Спенсеръ, Воспитаніе умств., нравств. и физическое.—Н. В. Жукъ, Мать и дитя, гигіена въ общедоступномъ изложеніи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Подписка на третью четверть 1889 г.

(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LIII. — ТОМЪ CCCXII. — 1/13 ІЮЛЯ, 1889.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Островѣ, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1889

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 2 ЛИН. 7.
(1601)

ВОТЧИННЫЯ ФАБРИКИ

И

ИХЪ ФАБРИЧНЫЕ

Исторія русскаго крестьянства лишь въ недавнее время послужила предметомъ спеціальнаго изученія въ извѣстной монографіи В. И. Семевскаго. Еще въ 70-хъ годахъ имъ было написано нѣсколько статей по вопросамъ крестьянскаго быта въ прошлое время, а затѣмъ въ 1881 году появилось обширное изслѣдованіе объ условіяхъ жизни крестьянъ въ царствованіе императрицы Екатерины II.

Много чрезвычайно интересныхъ подробностей и разсказовъ, почерпнутыхъ изъ различныхъ источниковъ, до того времени оставалось подъ спудомъ, въ пыли неизданныхъ и неразобранныхъ архивныхъ уголковъ; но кромѣ того въ изслѣдованіи г. В. Семевскаго впервые былъ выдвинутъ и рельефно очерченъ вопросъ о поссессіонныхъ и крѣпостныхъ фабрикахъ и заводахъ. На ряду съ характеристикою положенія рабочихъ въ концѣ XVIII и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, сравнительно съ современными данными по тому же вопросу, въ данномъ случаѣ наибольшаго вниманія заслуживаетъ указаніе на то, что фабрично-заводская промышленность въ Россіи возникла почти исключительно на условіи пользованія даровой рабочей силой.

Въ концѣ XVI столѣтія совершилось прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, но окончательно оно утвердилось въ половинѣ XVII в. Особаго развитія, качественно и количественно, крѣпостное право достигло въ концѣ царствованія Екатерины II и продолжало за-

тѣмъ развиваться, не считая отдѣльныхъ ограниченій, еще дальше, вплоть до 1833 года. Сводъ законовъ, изданный въ это время, окончательно освятилъ и завершилъ крѣпостное право, какъ оно сложилось въ теченіе своей долгой исторіи.

Черезъ два года исполнится ровно тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ стало наконецъ историческимъ фактомъ то, что̀ такъ еще, сравнительно, недавно казалось несбыточною и даже преступною мечтой. Гибельное вліяніе крѣпостного права отражалось въ сильнѣйшей степени на всѣхъ проявленіяхъ государственной и народной жизни. Оно парализировало успѣхи промышленности, препятствовало матеріальному и физическому росту народа, растлѣвало умы и нравственный складъ націи. Все это, конечно, общеизвѣстныя истины, но, въ данномъ случаѣ, онѣ съ точки зрѣнія общественной, такъ сказать, гигіены, пріобрѣтаютъ особенную силу и значеніе.

I.

Десять лѣтъ тому назадъ, именно осенью 1879 года, московское губернское земство предприняло обширное санитарно-промышленное изслѣдованіе. Въ настоящее время это изслѣдованіе уже закончено по всѣмъ 13 уѣздамъ московской губерніи, и сводная разработка разнообразнаго фактическаго матеріала, собраннаго относительно отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ на территоріи губерніи, далеко подвинулась впередъ. Эта обработка производится по общей программѣ, выработанной проф. Эрисманомъ; она освѣщаетъ всѣ санитарно-экономическія, санитарно-техническія и другія современныя нужды промышленной жизни по различнымъ отраслямъ фабрично-заводскаго производства.

Разработка матеріала по всѣмъ пунктамъ указанной программы [1]) распредѣлена между тремя врачами, принимавшими участіе въ самомъ изслѣдованіи фабричныхъ заведеній, причемъ на нашу долю выпало составленіе обзора историческаго развитія и настоящаго положенія фабричной промышленности въ московской губерніи. Само собою разумѣется, въ спеціальной монографіи по необходимости придется быть очень экономнымъ въ изложеніи историческихъ фактовъ, а тѣмъ болѣе въ разборѣ и обобщеніяхъ того, что̀ раньше уже было напечатано въ санитарно-фабричныхъ изслѣдованіяхъ отдѣльныхъ уѣздовъ.

---

[1]) Программа эта была утверждена москов. губ. зем. собраніемъ 1888 г. и помѣщена въ приложеніи къ докладу (№ 14) москов. губерн. санит. совѣта за 1888 г. стр. 3—4).

Между тѣмъ обиліе матеріала, разсѣяннаго болѣе, чѣмъ въ 16 выпускахъ третьяго тома изданій московскаго губернскаго земства по санитарной статистикѣ, послужитъ препятствіемъ для спеціалистовъ-историковъ къ тому, чтобы освѣтить тѣ вопросы и отдѣльные факты, которые заносились тѣмъ или другимъ изслѣдователемъ по каждой фабрикѣ или по каждому уѣзду. Въ настоящемъ очеркѣ, въ виду этого, нелишне будетъ сгруппировать отрывочныя свѣденія, характеризующія современныя условія развитія фабричнаго пролетаріата въ Россіи, а равно коснуться нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, которые не могутъ быть затронуты въ спеціальной работѣ.

Прежде всего мы должны замѣтить, что, сравнивая свѣденія, сообщаемыя В. И. Семевскимъ, на основаніи архивныхъ источниковъ, по вопросу о *кабальныхъ* фабричныхъ [1]), съ тѣми устными преданіями, которыя сохранились на мѣстахъ относительно отдѣльныхъ фабрикъ въ различныхъ уѣздахъ московской губерніи, мы замѣчаемъ между ними замѣчательное совпаденіе. Эти устныя преданія касаются трехъ категорій фабричнаго труда прошлаго времени — рабочихъ поссессіонныхъ, вотчинныхъ и *кабальныхъ*. При этомъ повсюду обнаруживаются почти одинаковыя условія возникновенія фабрикъ этого рода и быта рабочихъ [2]).

Наиболѣе многочисленный классъ подневольныхъ рабочихъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія составляли *поссессіонные* крестьяне. Подъ этимъ названіемъ разумѣются люди, купленные и приписанные къ фабрикамъ и заводамъ, принадлежавшимъ лицамъ не-дворянскаго сословія, преимущественно „купецкимъ людямъ", согласно указу Петра I, въ 1721 году.

Въ составъ поссессіонныхъ крестьянъ, близкихъ къ крѣпостнымъ, но пользовавшихся, сравнительно съ ними, нѣкоторыми немаловажными преимуществами, вошли: 1) казенные мастеровые, отданные на частныя фабрики; 2) вѣчно отданные (за опредѣленную плату и непомнящіе родства); 3) мастеровые и крестьяне, купленные къ заводамъ. Всего болѣе крѣпостныхъ крестьянъ,

---

[1]) В. И. Семевскій: Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Спб., 1881 г., стр. 393—484.

[2]) Эрисманъ: Санит. изсл. фабр. завед. Москов. уѣзда. М. 1882 г., стр, 5, 105—107.—Погожевъ: Верейскій уѣздъ. 1882 г., стр. 14—16; Можайскій уѣздъ, стр. 6—11; Рузскій уѣздъ, стр. 7—8; Дмитров. уѣздъ, стр. 91, 129—132; Богородскій уѣздъ, стр. 2, 7, 71—75.—Дементьевъ: Коломенскій уѣздъ. 1885 г., стр. 320; Подольскій уѣздъ. 1883 г., стр. 11, 93, 162, 176, а равно другія его изслѣдованія (Серпухов. и Бронницкій уѣзды).

работавшихъ на заводахъ, было на Уралѣ и въ прилегающихъ къ нему мѣстностяхъ [1]).

По закону поссессіонные крестьяне строго отличались отъ крѣпостныхъ, а именно: ихъ нельзя было продавать отдѣльно отъ фабрикъ или даже переводить съ одной фабрики на другую; они могли принадлежать и купцамъ; лишь извѣстная часть ихъ могла быть употребляема на работу; они могли жаловаться на притѣсненія со стороны фабрикантовъ и т. д.

Покупка крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ была разрѣшена лишь до Петра III, указомъ 29-го марта 1762 года, предписавшаго „всѣмъ фабрикантамъ и заводчикамъ довольствоваться вольными наемными по паспортамъ за договорную плату людьми". По свѣденіямъ, собраннымъ въ началѣ царствованія Екатерины II, къ фабрикамъ было куплено болѣе 20 тыс. душъ и къ горнымъ заводамъ болѣе 40 тыс., а всего до 68 тыс. душъ.

Запрещеніе пріобрѣтать деревни къ фабрикамъ оставалось въ силѣ въ теченіе всего царствованія Екатерины II. Однако иностраннымъ капиталистамъ, заводившимъ на свой счетъ фабрики и заводы, дозволено было покупать къ нимъ „надлежащее число крѣпостныхъ людей и крестьянъ", въ силу манифеста 1763 г., вызывавшаго иностранцевъ къ переселенію въ Россію.

Запрещеніе это все-таки обходили съ помощью различныхъ уловокъ, а потому императоръ Павелъ I въ 1798 году снова рѣшился дозволить фабрикантамъ покупать крестьянъ. При этомъ, однако, дозволеніе ограничено было условіемъ, чтобы купленныя деревни всегда состояли при фабрикахъ и заводахъ, не продавались, не закладывались и т. д. Въ 1802 году императоръ Александръ I дозволилъ покупать къ фабрикамъ крестьянъ только изъ живущихъ по близости, съ тѣмъ, чтобы ихъ отнюдь не переселяли съ прежняго мѣста жительства, а въ 1816 г. окончательно запрещена была покупка крестьянъ къ фабрикамъ, какъ съ землею, такъ и безъ земли.

Фабрики съ рабочими изъ крѣпостныхъ, построенныя въ дворянскихъ имѣніяхъ, принадлежавшихъ ихъ владѣльцамъ ранѣе заведенія, фабрики, если только ихъ владѣльцы не воспользовались никакимъ пособіемъ отъ казны, не превращали имѣніе въ такое, которымъ владѣли на ограниченномъ (поссессіонномъ)

---

[1]) Въ 1808 г. въ вѣдомствѣ екатеринбургскаго горнаго начальства (горные заводы пермской, оренбургской, вятской и казанской губерній) общее число крѣпостныхъ было 93 тыс. душъ мужского пола, въ томъ числѣ 30 тыс. собственно мастеровыхъ и 63 тыс. крестьянъ, включая около 44 тыс. купленныхъ къ заводамъ на поссессіонномъ (ограниченномъ) правѣ.

правѣ. Кромѣ крестьянъ, купленныхъ къ фабрикамъ ихъ владѣльцами, въ составъ того класса народонаселенія, который составлялъ неотъемлемую принадлежность фабрикъ, входили люди, отданные туда или прикрѣпленные къ нимъ правительственными указами: бѣглые, разночинцы и разные свободные гулящіе люди, затѣмъ незаконнорожденные, иногда солдатскія дѣти.

Образовавшійся, такимъ образомъ, особый отдѣлъ заводскаго населенія, отданнаго фабрикамъ навсегда по указамъ, подраздѣлялся на прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ за извѣстную плату и „непомнящихъ родства", отданныхъ безъ платы. Множество государственныхъ крестьянъ и гулящихъ людей, не говоря уже о прежнихъ крѣпостныхъ, были прикрѣплены этимъ путемъ къ заводамъ.

Кромѣ вѣчно отданныхъ, были на фабрикахъ и отданные на время. Такъ, указомъ 1736 г., было велѣно, если какіе „подлые и неимущіе люди" изъ купечества и разночинцевъ мужского пола, а изъ женщинъ чьи бы то ни было, будутъ праздно шататься и просить милостыню по городамъ и уѣздамъ, такихъ отдавать на *пять лѣтъ* на фабрики и мануфактуры съ согласія фабрикантовъ, которые обязывались за работу давать имъ пропитаніе, а по прошествіи 5 лѣтъ разрѣшалось отпускать ихъ съ паспортами.

Отдавались на фабрики также нищіе на нѣкоторое время, что впервые было дозволено компаніи купцовъ, устроившей въ 1717 г. игольный заводъ въ рязанскомъ уѣздѣ. „Нужно думать, —замѣчаетъ г. В. Семевскій по этому поводу,—что большинство рабочихъ обоего пола, временно отданныхъ на фабрики, не всегда оставалось тамъ по той или другой причинѣ и, такимъ образомъ, увеличивало контингентъ такъ-называемыхъ вѣчно отданныхъ".

Въ началѣ XIX ст. установлено было общее названіе для всѣхъ разрядовъ рабочаго населенія, не принадлежащаго владѣльцу завода на правѣ полной собственности. Именно, въ 1825 г. было указано, что всѣ фабрики и заводы, къ которымъ были отведены отъ казны земли или строенія, или приписаны мастеровые люди, или дано позволеніе на покупку къ нимъ крестьянъ, составляютъ имущество, называемое *поссессіями*, и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отдѣляемы отъ фабрикъ.

Къ числу поссессіонныхъ крестьянъ, кромѣ вышеуказанныхъ (казенные мастеровые, отданные заводчикамъ, вѣчно отданные— за опредѣленную плату и непомнящіе родства и, наконецъ, мастеровые и крестьяне, купленные къ заводамъ), въ началѣ XIX-го столѣтія присоединились еще „непремѣнные работники", замѣнившіе приписныхъ крестьянъ. Они были набраны изъ этихъ

послѣднихъ по 58 чел. съ 1.000 душъ и сдѣланы постоянными заводскими рабочими.

Изъ 70 тыс. слишкомъ душъ, числившихся при частныхъ заводахъ, было набрано болѣе 4 тыс. непремѣнныхъ работниковъ. По положенію 1807 г. они должны были отслужить на заводахъ только 30 лѣтъ, а дѣти ихъ — 40 лѣтъ. Затѣмъ ихъ слѣдовало отпустить на волю, и они могли приписаться, куда пожелаютъ. Однако, по словамъ В. И. Семевскаго, это не было исполнено, и „только спустя болѣе 50 лѣтъ положеніе 19-го февраля освобождаетъ ихъ на весьма благопріятныхъ условіяхъ".

Передъ освобожденіемъ число поссессіонныхъ крестьянъ по X-й ревизіи простиралось до 200 тысячъ душъ мужского пола, въ томъ числѣ при горныхъ заводахъ около 165 тыс. и при различныхъ фабрикахъ 25 тыс. душъ, хотя, слѣдуетъ замѣтить, что цифры эти весьма неточны.

Насколько тягостно было положеніе рабочихъ въ то время, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что не разъ поднимались волненія среди фабричныхъ мастеровыхъ: такъ, въ 1767 г. были волненія на шолковой кунавинской фабрикѣ Земскаго (москов. губ.) и рязанской игольной фабрикѣ Рюмина.

Изъ поссессіонныхъ фабрикъ въ предѣлахъ московской губ. были извѣстны слѣдующія: 1) Копнинская бумажная фабрика, принадлежавшая раньше Евреинову и въ 1774 г. проданная Угрюмову; фабрика была заведена купцомъ Евреиновымъ въ 1743 г., а въ 1791 г. была продана Угрюмовымъ Баташовой; всего на фабрикѣ было 235 душъ мужск. пола; 2) изъ прошенія 8 московскихъ суконныхъ фабрикантовъ объ освобожденіи ихъ фабрикъ отъ уплаты податей видно, что къ нимъ было приписано по указу 1736 г. 4 тыс. чел.; 3) бунтъ рабочихъ на суконной фабрикѣ Боготина и Докучаева въ Москвѣ въ іюнѣ 1749 г., причемъ изъ 1.000 рабочихъ, отданныхъ къ фабрикѣ по указу 1736 г., осталось только 120 чел.; отдача на фабрику 400 дѣтей изъ московской гарнизонной школы; 4) шолковая фабрика Лазаревыхъ въ богородскомъ уѣздѣ (нынѣ Фряновская камвольнопрядильная фабрика купца Залогина).

Иныхъ указаній на отдѣльныя казенныя фабрики въ московской губ. не существуетъ, но зато мы имѣемъ подробный очеркъ быта поссессіонныхъ фабричныхъ и сравненіе экономическихъ данныхъ (заработная плата и пр.) въ началѣ XIX-го столѣтія [1]) съ современными свѣдѣніями, имѣвшимися въ распоряженіи автора

[1]) В. И. Семевскій. Т. I, стр. 474—484.

(изданіе центр. стат. комит. въ 1868 г., и статья г. Исаева о результатахъ изслѣдованія фабрикъ московск. уѣзда въ 1876 г.).

II.

Подъ именемъ *вотчинныхъ* фабричныхъ мы разумѣемъ тѣхъ, которые работали при помѣщичьихъ фабрикахъ, устраиваемыхъ на вотчинномъ правѣ. Именно, однимъ изъ видовъ барщинныхъ повинностей, въ концѣ прошлаго столѣтія и въ первой половинѣ нынѣшняго, была работа въ помѣщичьихъ имѣніяхъ на различныхъ фабрикахъ, подобно тому, какъ въ древней Греціи рабовъ употребляли для работы въ рудникахъ и заводахъ. Вообще, законъ не воспрещалъ помѣщику обращать крестьянъ-земледѣльцевъ въ фабричныхъ рабочихъ.

Чрезвычайно трудно, и едва ли возможно опредѣлить общее число крѣпостныхъ, работавшихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ. Судя по такъ-называемымъ „Экономическимъ примѣчаніямъ“, т.-е. по результатамъ генеральнаго межеванія (начиная съ половины XVIII-го столѣтія), хранящимся въ московскомъ межевомъ архивѣ [1]), В. И. Семевскій полагаетъ, что ихъ было „немного“.

Можетъ быть, для той эпохи, которую имѣетъ въ виду авторъ, это предположеніе и справедливо, но по отношенію къ 20 — 40-мъ годамъ текущаго столѣтія есть основаніе думать, что число вотчинныхъ фабричныхъ достигало весьма почтенной цифры.

Крестьяне тѣхъ вотчинъ, гдѣ были фабрики, чрезвычайно тяготились этого рода работой и крайне радовались, когда наслѣдники прекращали ее у себя, какъ можно видѣть, напр., изъ любопытной челобитной крестьянъ тульской вотчины М. П. Нарышкиной въ 1775 году [2]).

Судя по историческимъ документамъ, можно вообще заключить, что на однѣхъ вотчинныхъ фабрикахъ крестьяне работали только по три дня въ недѣлю и, слѣдовательно, ходили на фабрику, какъ на всякую другую барщину, имѣя возможность заниматься также и земледѣліемъ, не получая, однако, никакой платы за фабричный трудъ. Въ другихъ же имѣніяхъ они были обращены въ постоянныхъ фабричныхъ и получали по-недѣльную

---

[1]) Тамъ же, стр. XLI.

[2]) Тамъ же, стр. 71.

или по-мѣсячную плату, а иногда и задѣльную. Вознагражденіе выдавалось иногда частью деньгами, частью натурой; на другихъ же фабрикахъ исключительно деньгами.

Въ монографіи В. И. Семевскаго встрѣчаются указанія относительно 14 вотчинныхъ фабрикъ и заводовъ, на которыхъ работало, въ общей сложности, приблизительно до 10 тысячъ душъ, по 11 уѣздамъ различныхъ губерній. Такъ, въ одномъ приволжскомъ селѣ гр. Головкина (900 душъ крестьянъ), была полотняная фабрика въ 200 станковъ, гдѣ крѣпостные рабочіе приготовляли полотно, парусину и столовое бѣлье, причемъ каждая женщина обязана была поставить на фабрику полпуда льна. Въ имѣніи Салтыкова, арзамасскаго уѣзда, были кожевенные и мыльные заводы, на которыхъ работало до 1.000 чел.

Въ имѣніи гр. Воронцова, въ костромскомъ уѣздѣ (213 душъ), крестьяне были „на господской работѣ" при полотняной фабрикѣ; крестьянской пашни въ этомъ имѣніи было всего лишь 76 дес. На обойной фабрикѣ того же гр. Воронцова въ его саранской деревнѣ работали дѣти и дѣвушки. Въ имѣніи кн. Циціанова, ардатовскаго уѣзда нижегородской губерніи (814 душъ), крестьяне, сверхъ полевой работы, чесали и пряли шерсть и ткали сукна на суконной фабрикѣ, хотя, видимо, они здѣсь были менѣе обременены фабричной работой, ибо успѣвали обработать болѣе, чѣмъ по 3 дес. на душу.

Въ имѣніи кн. Килдашева, рязанскаго уѣзда (1.705 душъ), крестьяне успѣвали обработывать только по десятинѣ на душу, ибо они работали еще и на фабрикѣ парусныхъ полотенъ. Въ имѣніи Кожиныхъ, задонскаго уѣзда воронежской губ. (1.130 душъ), работали на суконной фабрикѣ и въ то же время успѣвали запахивать по $5^1/_2$ дес. на душу. Наконецъ, въ имѣніи Лазаревыхъ, богородскаго уѣзда московской губ. (396 душъ), крестьяне работали на шолковой фабрикѣ; пашни же обработывали менѣе, чѣмъ по десятинѣ на душу [1]).

Мы имѣемъ возможность составить приблизительное понятіе объ условіяхъ жизни и работы вотчинныхъ фабричныхъ, благодаря тому, что въ 1803 году мануфактуръ-коллегія, собирая весьма подробныя свѣденія о бытѣ поссессіонныхъ рабочихъ, случайно получила нѣсколько донесеній и о нѣсколькихъ помѣщичьихъ фабрикахъ.

Такъ, напр., въ имѣніи Окулово, рязанской губ., на сукон-

[1]) Въ настоящее время упомянутая фабрика (въ Фряновской „пригородной" слободѣ) занимается выработкой камвольной пряжи.

ной фабрикѣ было 174 крѣпостныхъ (88 мужч. и 86 женщ.); на фабрикѣ каждый годъ работа продолжалась 280 дней, причемъ рабочіе ходили въ двѣ смѣны, по три дня въ недѣлю, и работали по 14 часовъ въ день; платы они никакой не получали, но на каждую душу дана была земля (мужчинѣ $1^1/_2$ дес., женщинѣ 1 дес. въ каждомъ полѣ). Въ имѣніи кн. Барятинскаго, рязанской губ., изъ 802 ревизскихъ душъ, работали на суконной фабрикѣ 292 человѣка мужского пола и, кромѣ того, на фабрикѣ въ другомъ селѣ (215 ревизскихъ душъ) работало 228 чел. обоего пола; женщинъ пряло шерсть 264 души, смѣняясь понедѣльно. Работа продолжалась 230 дней въ году, по 12 часовъ въ сутки, въ двѣ смѣны, или, какъ говорилось въ то время, „братъ на брата"; на два лѣтнихъ мѣсяца рабочихъ распускали по домамъ для уборки своего сѣна и хлѣба.

Такой же точно порядокъ существовалъ и на суконной фабрикѣ въ другомъ имѣніи кн. Барятинскаго, костромской губ., гдѣ работали на фабрикѣ въ двѣ смѣны 460 душъ обоего пола. На полотняной фабрикѣ кн. Щербатова, въ ярославскомъ уѣздѣ, работало зимою 80 душъ крѣпостныхъ, получая задѣльную плату, а лѣтомъ оставалось 15—20 душъ.

Въ имѣніи Озеровыхъ, вятской губ., на трехъ фабрикахъ, полотняной, бумажной и суконной, въ теченіе 224 дней въ году работало, въ общей сложности, болѣе 125 чел. обоего пола. На полотняной было крѣпостныхъ мастеровыхъ 16 мужчинъ и 60 женщинъ; пряхи работали бо̀льшею частью въ особыхъ господскихъ домахъ, а нѣкоторыя и по своимъ избамъ. Каждый ткачъ за приготовленіе куска полотна перваго сорта (50 арш.), на что требовалось 135 дней, получалъ 7 руб.; за такой же кусокъ полотна второго сорта, на что нужно 108 дней,—4 руб.; кромѣ того ткачамъ выдавалось провіанту по 2 п. ржаной муки въ мѣсяцъ. Пряхи, изготовлявшія по 4 тальки (по 12 золотн. каждая), получали въ мѣсяцъ по 1 пуду муки и по 1 четверику овса; тѣ же, которыя пряли 2 тальки въ мѣсяцъ, находились на своемъ пропитаніи и пряли только въ теченіе 7 зимнихъ мѣсяцевъ, а лѣтомъ занимались полевыми работами; денежнаго жалованья пряхамъ не полагалось.

На бумажной фабрикѣ Озеровыхъ было 17 мастеровыхъ, изъ крестьянъ и дворовыхъ, получавшихъ мѣсячное жалованье: мастеръ $1^1/_2$ руб., подмастерья и рабочіе по 1 р. въ мѣсяцъ; кромѣ того, имъ выдавался мѣсячный провіантъ — ржаной муки по 2 пуда и крупъ по $1^1/_2$ гарнца; жены же ихъ пряли на полотняной фабрикѣ по 4 тальки въ мѣсяцъ. На суконной фабрикѣ

Озеровыхъ было мастеровыхъ—17 мужчинъ и 12 женщинъ; мастеръ получалъ мѣсячно по 1 р. 50 к., остальные при задѣльной платѣ вырабатывали: ткачи по 15 р., сukновалятели по 12 р., скребальщики и картельщики по 10 р., цевошники по 5 р., прядильщицы по 6 р. и, кромѣ того, получали въ мѣсяцъ ржаной муки по $1^1/_2$ пуда и крупъ по $1^1/_2$ гарнца.

На чугунно плавиленномъ и желѣзодѣлательномъ заводахъ брянской помѣщицы Гончаровой было 432 рабочихъ. При выплавкѣ чугуна мастеръ и установщикъ получали по 1 р. 75 к.; остальные по 1 р. 40 к. въ недѣлю; засыпщики и носчики угля по 1 р. 5 к. въ недѣлю; копавшіе руду зарабатывали въ годъ 45—60 р.; рубившіе дрова и заготовлявшіе уголь по 22—24 к. въ день; поденщики получали 12—20 коп. въ день; поденщицы по 6—7 коп.

Этимъ исчерпываются главнѣйшія свѣденія, сообщаемыя В. И. Семевскимъ относительно собственно вотчинныхъ фабрикъ и заводовъ. Было бы весьма желательно, чтобы спеціалисты-историки, собирая и группируя интересныя данныя, обратили свое вниманіе и на дальнѣйшія изслѣдованія о вотчинныхъ фабричныхъ [1]. „Еслибы каждый изъ оканчивающихъ университетскій курсъ спеціалистовъ,—вполнѣ справедливо замѣчаетъ, между прочимъ, В. И. Семевскій,—составилъ (на основаніи мѣстныхъ матеріаловъ) историческій очеркъ какого-нибудь клочка той мѣстности, откуда онъ родомъ,—какъ скоро наша наука обогатилась бы цѣлымъ рядомъ совершенно новыхъ и чрезвычайно важныхъ данныхъ“.

Въ частности, по отношенію къ современному положенію фабрично-заводской промышленности въ Россіи, фактъ существованія вотчинныхъ и поссессіонныхъ фабрикъ имѣетъ далеко не маловажное значеніе, ибо онъ въ значительной степени содѣйствовалъ упадку санитарнаго благосостоянія и *жизненной стойкости* населенія извѣстныхъ фабричныхъ мѣстностей.

„Явленіе это,—замѣчаетъ проф. Эрисманъ [1]),—весьма важное по тому значенію, которое оно имѣло для образованія въ центральной Россіи безземельнаго фабричнаго пролетаріата, вполнѣ

---

[1]) Замѣтимъ, что, по словамъ В. И. Семевскаго, въ нашихъ архивахъ хранятся обширные матеріалы по исторіи фабрично-заводскаго быта въ Россіи. Такъ, напр. матеріалы для исторіи крестьянъ приписныхъ или горнозаводскихъ, хранятся въ архивѣ горнаго департамента мин. госуд. имущ.; архивъ департ. мануф. и торг. заключаетъ въ себѣ любопытные документы для исторіи промышленности въ Россіи и, въ частности, для характеристики быта поссессіонныхъ крестьянъ. Притомъ, „крайне важные источники должны скрываться въ архивахъ глухихъ провинціальныхъ захолустій“ (В. И. Семевскій, l. c., стр. XXIII).

[2]) Санит. изслѣд. фабр. завед. Москов. уѣзда. Ч. I, М. 1882 г., стр. 105.

заслуживаетъ вниманія историковъ и политико-экономовъ и требуетъ не менѣе серьезнаго изученія, чѣмъ исторія такъ-называемыхъ „поссессіонныхъ“ фабрикъ, недавно описанныхъ В. И. Семевскимъ“.

Въ свое время, описывая вотчинныя фабрики верейскаго уѣзда, мы обратили вниманіе на то, что однимъ изъ главнѣйшихъ характерныхъ признаковъ вотчинныхъ и поссессіонныхъ фабрикъ можно признать слѣдующее: почти исключительно только на нихъ встрѣчается *типъ коренного фабричнаго*, оторваннаго отъ земли и усадьбы и, кромѣ силы собственныхъ рукъ, не имѣющаго за душой ровно ничего,—привыкшаго только къ одному виду работы и внѣ ея лишеннаго всякаго другого источника даже для мизернаго существованія.

Въ коренномъ фабричномъ населеніи, насажденномъ заботами крупныхъ помѣщиковъ, занятіе фабричной работой переходило и переходитъ по наслѣдству отъ дѣда къ отцу и отъ отца къ сыну. Такимъ образомъ, при объективномъ изслѣдованіи физическаго развитія рабочихъ на той или другой изъ вотчинныхъ фабрикъ, приходится обыкновенно имѣть дѣло съ нѣсколькими поколѣніями бывшаго крѣпостного фабричнаго.

То тягостное впечатлѣніе, которое производятъ мускулатура, развитіе подкожной клѣтчатки и общій наружный видъ большинства рабочихъ на крупныхъ фабрикахъ, по отношенію къ коренному, исконному фабричному населенію, усиливается въ значительной степени.

Вообще, на бумаго-прядильныхъ, суконныхъ и другихъ фабрикахъ громадное большинство рабочихъ, какъ извѣстно, всюду представляетъ однообразно удручающую картину: мускулатура лишь у весьма немногихъ развита въ достаточной степени; лица поражаютъ своимъ мертвеннымъ видомъ и выраженіемъ давнишней истомы, какъ бы постоянной усталости и полнаго безучастія ко всему окружающему; молодежь, въ особенности женщины, обнаруживаетъ рѣзкіе признаки малокровія и преждевременнаго истощенія.

Землистый цвѣтъ лица, впалыя щеки, глубоко ввалившіяся глазныя орбиты съ синими кругами подъ глазами, тусклый, апатичный и полусонливый взоръ, полу-склоненная голова, какъ бы вслѣдствіе разслабленія затылочныхъ мышцъ, узкая, впалая грудь и т. д.—вотъ точное изображеніе съ натуры типичнаго представителя русскихъ фабрикъ и заводовъ. Сильная усталость, почти полная прострація физическихъ силъ простирались иногда, какъ намъ не разъ приходилось наблюдать, до такой степени, что

рабочій, оторванный отъ своего станка, казалось или моментально задремлетъ, или же покачнется, если его во-время не поприддержать—такое опасеніе внушали, по крайней мѣрѣ, полусонный взглядъ, выраженіе *оцѣпенѣнія* (stupor) на лицѣ, медленность отвѣтовъ и притупленіе воспріятія.

Само собой разумѣется, такія характерныя черты физическаго вырожденія рабочаго населенія должны обнаруживаться рѣзче всего на вотчинныхъ фабрикахъ: почти всѣ нарождающіяся поколѣнія бывшихъ крѣпостныхъ фабричныхъ ростутъ и умираютъ въ фабричной, промозглой атмосферѣ жилыхъ рабочихъ казармъ. Если же кто и выдержитъ благополучно это тяжелое испытаніе, отдѣлавшись одной лишь золотухой и малокровіемъ, тотъ, при первой возможности, переходитъ изъ душной казармы и каморки въ просторныя, но зловонныя мастерскія.

Фабричная барщинная работа должна была неблагопріятно отражаться на вотчинномъ фабричномъ: сынъ его, при содѣйствіи успѣховъ фабричной цивилизаціи и прогрессивнаго роста промышленности, удвоилъ печальное наслѣдство, доставшееся ему отъ отца. Что же касается внука, то на немъ всѣ неблагопріятные санитарные и бытовые факторы неизбѣжно должны были отразиться въ суммированномъ видѣ.

Устраивая вотчинныя фабрики въ своихъ имѣніяхъ и нерѣдко пригоняя на нихъ крѣпостныхъ крестьянъ изъ другихъ губерній, помѣщики обыкновенно отводили для рабочихъ усадебную землю вблизи фабрики, выстраивали отдѣльныя избы и казармы, снабжая рабочихъ всѣмъ необходимымъ. Такъ, напримѣръ, въ верейскомъ уѣздѣ московской губ., при помѣщикѣ Скуратовѣ, возникли вблизи наро-ѳоминской фабрики деревни Александровка, Ѳедоровка и нѣкоторыя другія: здѣсь-то и были поселены крестьяне, вывезенные изъ рязанской и орловской губерній, частью помѣщикомъ Скуратовымъ, частью его преемникомъ кн. Щербатовымъ. Такимъ же образомъ возникли въ томъ же уѣздѣ деревни вблизи Мауринской суконной фабрики, какъ и въ рузскомъ уѣздѣ вблизи суконной фабрики при с. Дубравѣ, а равно и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Послѣ освобожденія вотчинные фабричные, числившіеся на правахъ дворовыхъ, не получили никакого надѣла и должны были сами устраиваться, сообразуясь съ мѣстными условіями. Одни взяли въ аренду небольшое количество усадебной земли, сохранивъ за собой право на пользованіе избами, которыя были выстроены для нихъ помѣщиками въ самомъ началѣ. Когда же населеніе умножилось и привычка къ крестьянскому образу жизни

стала исчезать, семьи вотчинныхъ фабричныхъ заколотили свои дома и перебрались на полное житье на самую фабрику.

Другіе получили въ надѣлъ или въ аренду извѣстное количество усадебной пахатной земли, выстроили сами для себя избы и, по разсказамъ судя, въ память Царя-Освободителя называли свои поселки Александровками. Однако, вскорѣ и у нихъ земли не стало хватать на всѣхъ; пришлось бросить занятіе хлѣбопашествомъ; всѣ кинулись искать работы на мѣстныхъ фабрикахъ, частью оставаясь жить у себя въ домахъ, частью также поселившись на фабрикѣ. Наконецъ, третьи прямо начали съ того, чѣмъ кончили двѣ выше упомянутыя категоріи вотчинныхъ рабочихъ. Значительное число бывшихъ вотчинныхъ и поссессіонныхъ фабричныхъ было приписано въ мѣщане различныхъ посадовъ и пригородныхъ слободъ.

Характерной иллюстраціей указаннаго выше является, напр., д. Ѳедоровка, верейскаго уѣзда, основанная въ 40-хъ годахъ и заселенная крѣпостными помѣщика Скуратова, вывезенными изъ его дальнихъ вотчинъ: послѣ освобожденія крестьяне взяли въ аренду около 106 десят. помѣщичьей земли на 126 душъ, что̀ составляетъ 0,8 дес. на душу; впослѣдствіи же эта земля, какъ кажется, была отдана имъ въ надѣлъ. Подобно всѣмъ другимъ вотчиннымъ фабричнымъ, крестьяне д. Ѳедоровки вовсе не занимаются хлѣбопашествомъ и вообще сельскимъ хозяйствомъ и почти всѣ работаютъ на ближайшей бумагопрядильной фабрикѣ.

Въ рузскомъ уѣздѣ точно также всѣ наиболѣе крупныя фабрики были основаны мѣстными помѣщиками. Такъ, фабрика при с. Колобакинѣ (нынѣ бумагопрядильня, бывшая купч. Богомоловой) основана была генераломъ Грудевымъ въ 1810 г. Суконная фабрика бр. Лысенковыхъ при с. Дубравѣ была выстроена помѣщикомъ Бѣлавинымъ въ 1818 г., но въ началѣ 40-хъ годовъ перешла во владѣніе купца Лысенкова.

Въ прежнее время крѣпостные фабричные, работавшіе на этой фабрикѣ, помѣщались въ двухъ большихъ каменныхъ казармахъ, не занятыхъ въ настоящее время ничѣмъ и составляющихъ, вмѣстѣ съ церковью и домами церковнослужителей, единственный остатокъ бывшаго раньше большого села Дубравы, лежавшаго по ту сторону р. Озерны, насупротивъ нынѣшнихъ фабричныхъ строеній. Послѣ освобожденія бывшіе крѣпостные получили въ душевой надѣлъ по 1 десятинѣ усадебной земли и выстроили небольшіе поселки: въ одномъ изъ нихъ, названномъ Александровкой, числилось, говорятъ, около 25—30 дворовъ, а

другой и понынѣ извѣстенъ подъ именемъ „Три Двора“, такъ какъ здѣсь первоначально поселились всего лишь три семьи.

Значительная часть жителей этихъ поселковъ, а равно ближайшихъ деревень (Песошная, Карповка, Вишенки и др.) работаетъ частью на мѣстной суконной фабрикѣ, частью живетъ на фабрикахъ и заводахъ въ другихъ уѣздахъ московской губерніи. Большинство мѣстныхъ рабочихъ на лѣтнее время оставляетъ иногда фабрику и занимается полевыми работами, частью для себя, частью по найму.

Въ томъ же уѣздѣ около д. Тимохиной, горбовской волости, существовала, около половины нынѣшняго столѣтія, а можетъ быть и раньше, большая суконная фабрика кн. Хованскихъ, на которой работали крестьяне 8 ближайшихъ деревень княжеской вотчины. Впослѣдствіи эта фабрика, отъ которой въ настоящее время сохранилась лишь незначительная часть каменныхъ строеній, перешла во владѣніе г. Девитьева, но въ 1861 г. работа на фабрикѣ была прекращена и съ тѣхъ поръ уже не возобновлялась. Кромѣ упомянутыхъ, заслуживаетъ вниманія бывшая суконная фабрика г-жи Воейковой въ д. Аннинской, орышковской волости рузскаго уѣзда. На этой фабрикѣ, основанной около 1812 г. и, къ счастью, закрывшейся еще въ 1844 г., работало до 300 крѣпостныхъ, надъ которыми помѣщица тиранствовала съ такимъ изувѣрствомъ и жестокостью, что и понынѣ объ этой барынѣ, за малѣйшій проступокъ ежедневно подвергавшей нещаднымъ истязаніямъ по 10—15 рабочихъ, съ ужасомъ разсказываютъ цѣлыя легенды.

Не менѣе тяжкое наслѣдіе фабричнаго пролетаріата оставили послѣ себя также помѣщики можайскаго уѣзда. Такъ, фабрика при сельцѣ Ваулинѣ была основана въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія кн. Хованскимъ, который вырабатывалъ на ней сукно, привлекая къ работѣ крѣпостныхъ крестьянъ изъ своихъ многочисленныхъ вотчинъ въ трехъ смежныхъ уѣздахъ (такъ-назыв. Хованщина). Затѣмъ, въ 40-хъ годахъ фабрика перешла къ помѣщику Пушкину, а отъ него къ Орфано, полковнику греческой службы, женившемуся на дочери Пушкина.

Довольно трудно вообще во всѣхъ подобныхъ случаяхъ оріентироваться въ разсказахъ различныхъ лицъ, не безъ примѣси легендарныхъ сказаній. Однако можно заключить, что Орфано, ставъ обладателемъ фабрики, значительно расширилъ производство, принудивъ работать на фабрикѣ крѣпостныхъ крестьянъ изъ 11 окрестныхъ деревень. Пригласивъ въ компанію помѣщиковъ (Куратова и Рукина), онъ сталъ уже вырабатывать вмѣсто

сукна бумажную пряжу. Впрочемъ, спустя нѣкоторое время, Орфано остался одинъ, ибо компаньоны его устроили себѣ собственную фабрику въ с. Нарѣ верейскаго уѣзда. Затѣмъ, послѣ освобожденія крестьянъ работа на Ваулинской фабрикѣ была прекращена и возобновилась лишь спустя 17 лѣтъ, при нынѣшнихъ ея владѣльцахъ, купцахъ Балинѣ и Пупышевѣ, купившихъ фабрику съ аукціона.

Другая, сохранившаяся еще до сихъ поръ, фабрика при сельцѣ Маршинъ-Бродъ была выстроена также около 20-хъ гг. кн. Гагаринымъ, во владѣніи котораго она числилась до 1853 г. Собственно завѣдываніе княжескими вотчинами и фабрикой было всецѣло и безконтрольно возложено на какого-то француза, во время крымской войны выѣхавшаго изъ Россіи. На этой обширной фабрикѣ въ то время, какъ говорятъ, работало слишкомъ 1.000 человѣкъ изъ 12—15 деревень, принадлежавшихъ частью самому кн. Гагарину, частью сосѣднимъ помѣщикамъ.

Третья крупная вотчинная фабрика въ с. Порѣчьѣ, можайскаго уѣзда, въ настоящее время оставила лишь слабые слѣды своего существованія: она была основана графомъ Уваровымъ въ 40-хъ годахъ, причемъ сперва вырабатывалось, кажется, сукно, а впослѣдствіи бумажная пряжа. Съ 1861 г. работа на этой фабрикѣ уже не возобновлялась, а до того времени на ней работало около 1.000 рабочихъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ окрестныхъ деревень порѣцкой волости.

III.

Не считая себя достаточно компетентнымъ для того, чтобы входить въ разборъ экономическаго значенія вотчинныхъ фабрикъ какъ для прошедшаго, такъ и для настоящаго времени, проф. Эрисманъ сообщаетъ, однако, весьма любопытныя свѣденія о нѣкоторыхъ изъ этихъ фабрикъ въ предѣлахъ московскаго уѣзда.

Самой типичной изъ мѣстныхъ вотчинныхъ фабрикъ, безспорно, была фабрика при сельцѣ Горенкахъ пехорской волости, устроенная въ бывшемъ дворцѣ графовъ Разумовскихъ дворяниномъ Н. А. Волковымъ. Купивъ, въ 1822 году, зданія дворца, вмѣстѣ съ землей, для устройства фабрики и нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, Волковъ привезъ сюда значительное количество взрослыхъ работниковъ и много мальчиковъ изъ другихъ своихъ имѣній, расположенныхъ въ семи центральныхъ губерніяхъ: рязанской, костромской, тверской, смоленской, тульской и пр. Часть этихъ невольныхъ переселен-

цевъ была помѣщена на самой фабрикѣ; остальнымъ помѣщикъ отвелъ для поселенія небольшой участокъ земли, на разстояніи $1^1/_2$ версты отъ фабрики,—теперешняя д. Николаевка.

„Не подлежитъ сомнѣнію,—замѣчаетъ проф. Эрисманъ, производившій осмотръ этой фабрики совмѣстно съ нами,—что, отрывая этихъ крестьянъ отъ земли и употребляя ихъ исключительно для работы на фабрикѣ, Волковъ положилъ основаніе фабричному пролетаріату, работающему и въ настоящее время на Горенской мануфактурѣ и не имѣющему другого источника пропитанія, такъ какъ и Положеніемъ 19-го февраля эти крестьяне были оставлены при нищенскомъ надѣлѣ (50 десятинъ на 37 дворовъ)".

Къ сказанному слѣдуетъ добавить, что спустя нѣсколько времени производство на этой фабрикѣ было прекращено нынѣшними ея владѣльцами Третьяковыми, и такимъ образомъ мѣстное населеніе, лишившись послѣдняго источника для своего существованія, вынуждено было разойтись по разнымъ мѣстамъ [1]).

Относительно другихъ помѣщичьихъ фабрикъ при изслѣдованіи московскаго уѣзда, къ сожалѣнію, не удалось получить подробныхъ свѣденій. Извѣстно лишь, что существовали вотчинныя (а можетъ быть отчасти и поссессіонныя) фабрики, между прочимъ, въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) въ имѣніи кн. Трубецкого, пехорской волости, гдѣ самимъ помѣщикомъ, въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, была основана суконная фабрика на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Балашинская бумагопрядильная мануфактура; 2) при с-цѣ Лапино, мытищинской волости, была болѣе 100 лѣтъ тому назадъ устроена фабрика помѣщикомъ, работавшимъ своими крѣпостными крестьянами (нынѣ Лапинская бумагопрядильная мануфактура Клопова и Сергѣева); 3) въ имѣніи, принадлежавшемъ помѣщицѣ Баташевой (с. Вантѣево), самой владѣлицей его была устроена писчебумажная фабрика на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находится суконная фабрика Лыжина и бумагокрасильное заведеніе Ватремэ; 4) въ имѣніи Свиблово (ростокинской волости), болѣе 100 лѣтъ тому назадъ, была устроена большая суконная фабрика, отъ которой до сихъ поръ осталось нѣсколько строеній, употребляемыхъ въ настоящее время для различныхъ производствъ (суконная фабрика и гвоздяной заводъ); 5) въ имѣніи дворянина Топорова при с. Тишковѣ (марѳинской волости) самимъ помѣщикомъ была устроена сукноткацкая фаб-

[1]) Интересной особенностью указанной фабрики было то, что во время ея осмотра нѣкоторыя машины стояли въ тѣхъ самыхъ комнатахъ съ расписными потолками (амуры, цвѣты и т. п.), гдѣ нѣкогда жила императрица Екатерина II въ бытность свою въ гостяхъ у гр. Разумовскаго.

рика, существующая и въ настоящее время, причемъ основаніе этой фабрики, по всей вѣроятности, совпадало съ упадкомъ хозяйства въ имѣніи, такъ какъ подъ фабрику были отведены большія хозяйственныя постройки; 6) въ имѣніи Никольскомъ-Кудринѣ (мытищинской волости) съ давнихъ поръ существуетъ прежняя помѣщичья или посессіонная фабрика; 7) въ имѣніи кн. Хилковыхъ, при с. Троекуровѣ, также давно существуетъ фабричное строеніе, служившее прежде для валки суконъ и выстроенное самимъ помѣщикомъ (нынѣ химическій заводъ); 8) въ имѣніи кн. Юсупова при с. Спасъ-Котовѣ (троицкой волости) также въ весьма давнее время была устроена помѣщикомъ сукновальная мельница, превратившаяся впослѣдствіи въ шерстопрядильную и ткацкую фабрику, отдаваемую кн. Юсуповымъ въ аренду.

По всей вѣроятности, и въ нѣкоторыхъ другихъ имѣніяхъ московскаго и прочихъ уѣздовъ существовали вотчинныя или посессіонныя фабрики, о которыхъ, однако, на мѣстѣ не удалось получить достовѣрныхъ свѣденій. Замѣчательно, что немногія изъ бывшихъ вотчинныхъ фабрикъ остались и по настоящее время во владѣніи семействъ основавшихъ ихъ помѣщиковъ. Большинство же ихъ перешло, вмѣстѣ съ имѣніями, въ руки купцовъ, которые все чаще и чаще являются полными собственниками бывшихъ помѣщичьихъ фабрикъ, да и вообще дворяне, владѣющіе фабриками, составляютъ въ московской губерніи рѣдкое исключеніе. Въ московскомъ уѣздѣ, напр., менѣе 6% изъ общаго числа осмотрѣнныхъ 204 фабричныхъ заведеній приходится на долю дворянъ [1]).

Въ коломенскомъ уѣздѣ, изслѣдованномъ д-ромъ Е. М. Дементьевымъ, сохранилось указаніе лишь на вотчинную фабрику помѣщика Мѣщанинова (годъ основанія въ точности неизвѣстенъ), на которой, по свѣденіямъ 1843—53 гг., работало болѣе 100—200 рабочихъ. Въ подольскомъ уѣздѣ, кромѣ 6 вотчинныхъ фабрикъ, нынѣ давно уже не существующихъ (кн. Вяземскаго въ с-цѣ Астафьевѣ, гр. Закревскаго въ д. Ивановѣ, губерн. секр. Калинина въ д. Сергіевкѣ, подполковницы Кубитовичъ въ д. Старо-Никольской, нынѣ шерстопрядильная купца Крыгина, дѣйств. стат. сов. Окуловой въ д. Рязановѣ и с. Никульскомъ и кн. Хованской въ с. Барановѣ), заслуживаютъ вниманія: 1) первая въ Россіи бумагопрядильная фабрика, основанная помѣщикомъ Н. Ф. Похвисневымъ въ 1825 г. (нынѣ суконная фабрика поч. гражд. Ремизовой при с. Константиновѣ добрятинской волости); 2) фаб-

---

[1]) Эрисманъ, l. c., стр. 107.

рика помѣщика Шипова, основанная въ началѣ 20-хъ годовъ при д. Рязаново дубровицкой волости (нынѣ шерстопрядильная купца Баскакова), а также нѣкоторыя другія.

IV.

Какъ видно изъ предыдущаго, хотя обезземеливаніе крестьянъ было въ концѣ XVIII-го в. рѣдкимъ явленіемъ въ Великороссіи, но въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ особенности въ началѣ 20-хъ и 40-хъ годовъ, все чаще и чаще стали являться такіе владѣльцы, которые находили для себя выгоднымъ совершенно разрывать связь между крестьяниномъ и землей, относительно чего сохранились свидѣтельства для прошлаго столѣтія Рычкова и Радищева.

Къ числу вотчинныхъ и поссессіонныхъ фабричныхъ, судя по сохранившимся на мѣстахъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ московской губерніи (можайскій, дмитровскій и др.) историческимъ преданіямъ, слѣдуетъ отнести также особый видъ „кабальныхъ" фабричныхъ, представляющихъ оригинальный способъ примѣненія оброчной системы.

Изъ разсказовъ различныхъ лицъ выяснилось именно, что въ можайскомъ уѣздѣ, напр., кромѣ вотчинныхъ фабричныхъ, встрѣчался также типъ *подневольныхъ* рабочихъ изъ среды кабальныхъ крестьянъ, т.-е. такихъ, которыхъ помѣщики отдавали „въ кабалу" на ближайшія вотчинныя и др. фабрики, получая за каждаго рабочаго около 25 руб. въ годъ. Такая система отдачи крѣпостныхъ крестьянъ, которые почему-либо не могли заработать бо̀льшаго оброка на сторонѣ, практиковалась весьма многими помѣщиками вблизи суконной фабрики Пушкина-Орфано, кн. Гагарина и др.

Въ особенности этимъ была извѣстна бывшая владѣлица с. Красновидова кукаринской волости можайскаго уѣзда, заключавшая, какъ говорятъ, особыя условія относительно этого съ французомъ—главнымъ управителемъ княжеской фабрики въ с-цѣ Мареинъ-Бродъ.

Далѣе, на Вознесенской мануфактурѣ морозовской волости дмитровскаго уѣзда семь спальныхъ корпусовъ для рабочихъ до сихъ поръ извѣстны подъ общимъ, весьма характернымъ, названіемъ „кабальныхъ", причемъ каждый изъ нихъ носитъ особое прозвище по фамиліямъ тѣхъ помѣщиковъ, крѣпостные которыхъ были въ прежнее время отдаваемы „въ кабалу" на „новенькій"

заводъ и помѣщались въ отдѣльныхъ спальняхъ, нынѣ весьма обветшавшихъ и годныхъ лишь на сломъ. Такъ, извѣстны казармы Брокирская, Корская, Шепелевская, Колпаковская и др.

По словамъ г. Щедрина, бывшаго владѣльца бумагопрядильной фабрики около г. Клина (Балинъ и Макаровъ), въ прежнее время, сколько помнится, въ клинскомъ уѣздѣ у его отца всѣ рабочіе были выведены изъ среды крестьянъ можайскихъ помѣщиковъ, и только позднѣе они были замѣнены мѣстными рабочими изъ уроженцевъ клинскаго уѣзда.

Отсюда можно видѣть, насколько сильно была развита въ прежнее время указанная система эксплуатаціи крѣпостного труда, совмѣстно съ поссессіонными и вотчинными фабриками, отчасти породившая то печальное явленіе, что въ можайскомъ уѣздѣ и др. въ настоящее время хотя и мало фабрикъ, но зато много фабричныхъ, живущихъ на сторонѣ, отбившихся отъ земледѣлія и махнувшихъ рукою на ростущія въ колоссальной степени недоимки за сельскими обществами.

Быть можетъ, этимъ печальнымъ наслѣдіемъ обусловливается тотъ фактъ, что въ можайскомъ уѣздѣ и др. встрѣчаются цѣлыя деревни (д. Соколово кукаринской волости), гдѣ почти все мужское населеніе поголовно живетъ на пригородныхъ и др. ткацкихъ фабрикахъ подъ Москвой и возвращается домой только къ пасхѣ и въ покосъ.

Такимъ образомъ, масса крестьянъ, которыхъ намъ лично приходилось встрѣчать на фабрикахъ верейскаго, рузскаго, волоколамскаго, звенигородскаго и др. уѣздовъ, *съ давнихъ временъ была оторвана* отъ земледѣлія. Есть основаніе думать, что значительная часть стороннихъ фабричныхъ, пришлыхъ изъ другихъ смежныхъ уѣздовъ, на различныхъ фабрикахъ московской губерніи и, вѣроятно, нѣкоторыхъ другихъ, принадлежитъ къ числу потомковъ и односельчанъ вотчинныхъ и кабальныхъ фабричныхъ.

Изъ года въ годъ переходя съ одной фабрики на другую, изъ года въ годъ пристращаясь къ соблазнамъ городской и фабричной цивилизаціи, они съ юныхъ лѣтъ привыкаютъ смотрѣть на фабрику какъ на свою единственную кормилицу, а на землю какъ на неблагодарную мачиху, къ которой они возвращаются лишь на очень короткое время, оставляя главный уходъ за ней на попеченіе женщинъ, стариковъ или, рѣже, наемныхъ работниковъ.

Намъ лично не приходилось встрѣчать гдѣ-либо болѣе подробныхъ указаній на существованіе въ прежнее время фабричныхъ, на извѣстный срокъ отдававшихся помѣщиками въ кабалу. Однако

историческая справка наводитъ на мысль, что, дѣйствительно, при крѣпостномъ правѣ было нѣчто сходное съ тѣмъ, о чемъ сохранились устныя преданія.

Какъ извѣстно, среди крѣпостныхъ было очень много дворовыхъ, гораздо болѣе того, чѣмъ дѣйствительно требовалось для домашняго услуженія. Всѣ подробности объ условіяхъ быта и численности этого разряда крѣпостныхъ, составлявшихъ отдѣльное сословіе, приведены въ исторической монографіи В. И. Семевскаго (Т. I, стр. 124—145), причемъ упоминается, между прочимъ, также объ *отдачѣ въ наемъ* дворовыхъ и вообще крѣпостныхъ съ цѣлью полученія за нихъ денегъ.

Въ XIX столѣтіи, въ малоземельныхъ мѣстностяхъ, помѣщики прибѣгали иногда и къ такому средству: они обращали часть крестьянъ въ такъ-называемыхъ *затяглыхъ*, которые не получали земли и не отбывали повинности. Это дѣлалось преимущественно тамъ, гдѣ земля цѣнилась дорого, какъ напр. въ уѣздахъ данковскомъ, раненбургскомъ и многихъ другихъ [1]:

Еще въ 1770 году извѣстный Болотовъ въ своемъ „Наказѣ для приказчика" предписывалъ расположить тяглы такъ, чтобы во всякомъ тяглѣ былъ человѣкъ *затяглый*, или излишній, который, между тѣмъ какъ прочіе работаютъ, „*ходилъ бы въ работы постороннія изъ найму* и приносилъ бы домой для награжденія недостатковъ и на всѣ домашнія надобности деньги" [2].

Оброчная система вообще и, въ частности, отдача крестьянъ въ кабалу на фабрики, представляла то преимущество, что при этомъ не было никакой надобности въ личномъ присутствіи господина въ своей деревнѣ: она избавляла помѣщика отъ всякихъ хлопотъ и давала возможность заблаговременно реализировать годовой доходъ въ формѣ опредѣленнаго оброка. Такимъ образомъ, указанная выше помѣщица с. Красновидова въ можайскомъ уѣздѣ (нынѣ имѣніе г. Мекка), примѣнивъ у себя систему отдачи крестьянъ въ кабалу на фабрики, имѣла, какъ говорятъ, возможность жить безвыѣздно въ Италіи, вдали отъ всякихъ сельско-хозяйственныхъ заботъ.

---

[1]) Замѣтимъ, что изъ этихъ уѣздовъ рязанской губ. на фабрики зуевскаго района, на границѣ богородскаго уѣзда съ владимірской губ., является на работу и нынѣ масса крестьянъ.

[2]) В. И. Семевскій. Крест. въ царств. имп. Екат. Т. I, стр. 38.

V.

Выше были указаны отрывочныя свѣденія о вотчинныхъ фабрикахъ, записанныя со словъ владѣльцевъ нынѣшнихъ фабрикъ, ихъ управляющихъ, а также рабочихъ изъ мѣстныхъ старожиловъ. Однако данныя эти слишкомъ скудны для того, чтобы можно было провести параллель между крѣпостнымъ фабричнымъ трудомъ и нынѣшнимъ „вольнымъ“, подобно тому, какъ это сдѣлалъ В. И. Семевскій относительно поссессіонныхъ рабочихъ.

Можно лишь замѣтить одно, что работа и въ то время была не легкая, тѣмъ болѣе, что она была подневольная: по словамъ одной изъ крестьянокъ названнаго выше с. Маурина, долгое время работавшей у своего помѣщика на фабрикѣ (родилась около 1797 года, причемъ во время бѣгства французовъ изъ Москвы, когда она одна оставалась въ деревнѣ, ей было 15 лѣтъ), барщинная фабричная работа, „по своей каторжности“, была немногимъ легче работы на мѣстной Наро-Ѳоминской бумагопрядильной фабрикѣ при существованіи въ настоящее время 6-часовыхъ смѣнъ и т. п. Само собой разумѣется, условія крѣпостного фабричнаго производства были самыя первобытныя: вмѣсто нынѣшнихъ громадныхъ прядильныхъ сельфакторовъ на 700 и болѣе веретенъ имѣлись только маленькіе ручные прядильные станки на 30—50 веретенъ. Ночная работа и въ то время существовала на Мауринской и Воскресенской фабрикахъ, но она начиналась только послѣ 8-го сентября, когда помѣщикъ устраивалъ такъ-называемыя *засидки*, послѣ которыхъ ночная работа продолжалась до пасхи, а затѣмъ работали только днемъ.

Относительно условій, при которыхъ производилась вотчинная фабричная работа въ можайскомъ уѣздѣ, также удалось узнать лишь весьма неполныя свѣденія, со словъ старика-рабочаго на фабрикѣ при с-цѣ Мареинъ-Бродъ, представляющія, однако, интересъ при сравненіи съ приводимой ниже характеристикой поссессіонныхъ фабричныхъ. Такъ, на указанной выше бумагопрядильной фабрикѣ кн. Гагарина работа производилась на ручныхъ прядильныхъ станкахъ, причемъ многія части машинъ, привезенныхъ сперва изъ-за границы, возобновлялись впослѣдствіи собственными мастерами и подмастерьями изъ крѣпостныхъ, ибо по вольному найму служили только два директора (англичанинъ и французъ).

Въ фабричной работѣ, производившейся, будто бы, по нынѣшней системѣ шести-часовыхъ смѣнъ, принимали участіе жен-

щины и дѣти, начиная съ 12 лѣтъ. Всѣ рабочіе пользовались харчами отъ вотчинной конторы. Въ числѣ многихъ фабричныхъ построекъ былъ отведенъ большой корпусъ для помѣщенія заболѣвающихъ рабочихъ, имѣлся лекарь, аптека и пр.

Заработная плата въ то время, если принять во вниманіе современную дороговизну припасовъ и другія измѣнившіяся условія, была *значительно выше*, чѣмъ теперь. Такъ, по словамъ указаннаго выше старика, работавшаго на этой фабрикѣ до своего солдатства, взрослые мужчины вырабатывали въ мѣсяцъ около 10—12 руб. ассигнаціями, а малолѣтніе 5—6 руб. Расплата производилась обыкновенно 4 раза въ годъ, причемъ двѣ трети заработка удерживались конторой, а треть выдавалась на руки.

Лучшимъ матеріаломъ для характеристики положенія фабричныхъ рабочихъ въ первые годы XIX-го стол. могутъ служить, какъ выше было указано, свѣденія, собранныя въ 1803 г. мануфактуръ-коллегіей относительно поссессіонныхъ фабрикъ, находившихся въ ея вѣденіи.

Въ указѣ, разосланномъ всѣмъ владѣвшимъ фабриками на поссессіонномъ правѣ, были поставлены слѣдующіе вопросы: 1) сколько по пятой ревизіи числится на фабрикѣ и приписныхъ, и покупныхъ всякаго званія мастеровыхъ и рабочихъ мужского пола душъ; 2) изъ числа ихъ сколько находится въ работѣ и какой именно, по скольку дней въ году и часовъ въ день работаютъ; 3) на какую сумму мастеровые вырабатываютъ въ годъ тѣхъ или другихъ продуктовъ, какую плату они получаютъ — поштучно, поденно или годовое жалованье, такъ чтобы можно было видѣть, сколько они зарабатываютъ въ годъ, и т. д.

Въ то время поссессіонныхъ фабрикъ и заводовъ, не считая горныхъ, было около 130, изъ коихъ болѣе чѣмъ о ста фабрикахъ имѣются отвѣты на указанные выше вопросы. Общее число рабочихъ на поссессіонныхъ фабрикахъ, кромѣ горныхъ заводовъ, можно принять приблизительно около 32 тыс. душъ, въ томъ числѣ 29.665 душъ по пятой ревизіи на 103 фабрикахъ, свѣденія о которыхъ доставлены были въ мануфактуръ-коллегію.

Всего болѣе было въ то время полотняныхъ поссессіонныхъ фабрикъ, затѣмъ слѣдовали суконныя, бумажныя, стеклянныя, шолковыя и, наконецъ, по нѣскольку кожевенныхъ, позументныхъ, ситцебумажныхъ и т. п. По мѣстности, наибольшее количество ихъ было въ московской губерніи (почти четверть всего числа), затѣмъ въ калужской, владимірской, воронежской, костромской, ярославской и т. д.

По количеству прикрѣпленныхъ къ нимъ мастеровыхъ и рабочихъ первое мѣсто занимаютъ суконныя фабрики: ихъ было всего 26 (всѣ онѣ были обязаны поставкою суконъ); къ нимъ было прикрѣплено болѣе 17 тыс. крестьянъ, въ томъ числѣ лишь около 12.000 безземельныхъ. При 40 полотняныхъ фабрикахъ во время пятой ревизіи числилось болѣе 8 тыс. душъ крестьянъ; бумажныхъ фабрикъ было 20 (болѣе половины рабочихъ прикрѣплено къ фабрикѣ); шолковыхъ фабрикъ было 10 и стеклянныхъ заводовъ 11.

Продолжительность рабочаго дня всего чаще равнялась 12 часамъ, зимою около 11 час.; ночной работы почти нигдѣ не существовало. Рабочихъ дней въ году было, въ среднемъ, около 260. На нѣкоторыхъ суконныхъ и полотняныхъ фабрикахъ мастеровыхъ отпускали лѣтомъ для полевыхъ работъ на одинъ, на два мѣсяца.

Что касается рабочей платы, то задѣльное вознагражденіе на суконныхъ фабрикахъ рабочихъ- не-мастеровъ, равнялось, въ среднемъ, 40 рублямъ въ годъ, на полотняныхъ—52 руб.; на шолковыхъ ткачи зарабатывали отъ 55 до 120 руб., на стеклянныхъ годовой заработокъ мастера колебался между 70 и 260 р. При годовой платѣ на суконныхъ фабрикахъ мастеръ получалъ отъ 50 до 150 р., въ среднемъ 93 р., подмастерье 30—75 р., въ среднемъ 55 р.

На полотняныхъ фабрикахъ при годовой платѣ мастеру давали 60—120 р., въ среднемъ 97 руб., а средняя плата подмастерьямъ равнялась 45 р. На шолковой фабрикѣ Лазарева въ богородскомъ уѣздѣ одинъ рисовальный мастеръ получалъ даже 300 р. въ годъ. На бумажныхъ фабрикахъ мастеру платили въ годъ до 100 руб., остальнымъ рабочимъ въ среднемъ 48 р.; на стеклянныхъ заводахъ мастеръ получалъ 130 руб., подмастерье 80 руб.

При мѣсячной платѣ среднее вознагражденіе мастера на различныхъ фабрикахъ равнялось $5^1/_2$ руб., подмастерья $4^1/_2$ руб., остальныхъ рабочихъ 3 руб. 75 коп.; среднюю поденную плату можно принять 15 коп. Въ общемъ выводѣ можно сказать, что *мастеръ зарабатывалъ въ годъ около 95 руб.*, *подмастерье около 60, а остальные рабочіе около 55 руб.*

Женскій трудъ былъ значительно развитъ на суконныхъ фабрикахъ, еще болѣе на полотняныхъ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ фабричная работа была обязательна для женщинъ. Привлеченіе ихъ и дѣтей къ фабричному труду, какъ и въ настоящее

время, казалось нѣкоторымъ фабрикантамъ чуть ли не благодѣяніемъ для рабочаго класса.

По крайней мѣрѣ, приводимое ниже заявленіе владѣльца полотняной фабрики въ калужской губ., поручика Щепочкина сильно напоминаетъ обычныя рѣчи современныхъ фабрикантовъ на эту тему.

„Изъ числа женскаго пола,—писалъ поручикъ-фабрикантъ въ отзывѣ своемъ,—употребляются наиболѣе безъ наряда“ (т.-е. не по принужденію), не имѣя никакихъ другихъ заработковъ, кромѣ фабричныхъ работъ; онѣ „единственно отъ оныхъ получаемою платою дѣлаютъ великое къ содержанію домовъ и семействъ ихъ пособіе, почему и работы требуетъ каждая непремѣнно, ибо безъ этого возроптали бы онѣ на содержателя фабрики и лишились бы всякаго пропитанія, а получая готовую всегда работу, всякій большой и малый, мужъ, жена и дѣти, кто и что̀ только можетъ работать, вообще семейству приносятъ заработныхъ денегъ всякую недѣлю довольно видное число“.

На многихъ бумажныхъ фабрикахъ также работали женщины, а на шолковыхъ всюду встрѣчается женскій трудъ; разматываніемъ шолка онѣ очень часто занимались не на фабрикѣ, а дома. При задѣльной платѣ средній годовой заработокъ работницы равнялся 25 рублямъ, а поденно—отъ 6 до 15 коп., но на нѣкоторыхъ фабрикахъ шпульницы зарабатывали лишь съ небольшимъ по 2 коп. Вообще *средняя годовая плата работницъ равнялась 25 руб., ночная—2 р., поденная 9 коп.*

Дѣтскій трудъ на суконныхъ фабрикахъ былъ развитъ менѣе женскаго; о немъ упоминается лишь по четыремъ фабрикамъ воронежской губ. Напротивъ, на полотняныхъ фабрикахъ весьма часто работали дѣти, составляя иногда весьма большой процентъ. Такъ, на фабрикѣ Угличанинова въ Ярославлѣ, гдѣ работало всего 528 душъ муж. п., при ткачахъ находилось до 90 чел. шпульниковъ и подавальщиковъ отъ 9 до 12 лѣтъ, да кромѣ того еще на дому женщины разматывали пряжу на катушки съ помощью дѣтей. На многихъ бумажныхъ и шолковыхъ фабрикахъ также работали дѣти. Изъ стеклянныхъ же заводовъ только на орловской фабрикѣ Мальцовой встрѣчались „хлопцы“, подававшіе посуду.

Что касается вознагражденія за дѣтскій трудъ, то на суконныхъ фабрикахъ воронежской губ. малолѣтніе прядильщики (рѣже прядильщицы) зарабатывали въ день отъ 4 до 12 коп., а въ годъ отъ 15 до 30 р. На полотняныхъ фабрикахъ при задѣльной платѣ малолѣтніе шпульники и шпульницы зарабатывали отъ

4 до 19 р. въ годъ. Шпульники и подавальщики отъ 9 до 12 лѣтъ на фабрикѣ Угличанинова въ Ярославлѣ получали 25—40 коп. въ недѣлю; мальчики-цевошники вознаграждались на фабрикѣ въ Костромѣ 50 коп. въ недѣлю. На фабрикѣ Лучинина въ тульской губ. заработокъ малолѣтнихъ шпульниковъ и цевошниковъ равнялся 18 коп. въ недѣлю или 9 руб. въ годъ. Малолѣтнія цевошницы, получая плату отъ ткачей, зарабатывали 5—6 коп. въ день. На писчебумажныхъ фабрикахъ дѣти получали въ годъ отъ 10 до 25 р., а поденно 5—8 коп., но иногда плата падала и до 3 коп.

Замѣтимъ, что нѣкоторые фабриканты, всего чаще имѣвшіе незначительное число крестьянъ, не давали имъ за работу на фабрикѣ никакой денежной платы, а содержали на готовой пищѣ и одеждѣ и платили за нихъ подати. Одинъ изъ владѣльцевъ полотняныхъ заводовъ доказывалъ мануфактуръ-коллегіи, что такое положеніе будто бы гораздо выгоднѣе для рабочихъ, такъ какъ на плату, получаемую вольнонаемными, они не могли бы содержать себя.

Кромѣ денежнаго жалованья, на нѣкоторыхъ фабрикахъ рабочіе имѣли готовое помѣщеніе. Такъ напр., на писчебумажной фабрикѣ Попова въ Угличѣ всѣмъ рабочимъ и мастеровымъ были выстроены при фабрикѣ дома, поправленіе которыхъ, отопленіе и освѣщеніе, также какъ и платежи всѣхъ податей и поборовъ принялъ на себя фабрикантъ безъ вычета изъ жалованья. На шолковой фабрикѣ Лазарева, сверхъ денежной платы, на домъ каждаго семейства выдавали по 3 руб. въ годъ для покупки дровъ, что составляло для фабриканта ежегодный расходъ въ 600 рублей.

Не безъинтересно далѣе отмѣтить, что довольно разнообразную помощь своимъ мастеровымъ оказывали владѣльцы полотняныхъ фабрикъ, Яковлевы. Въ 1802 г. на ихъ ярославской мануфактурѣ ржаная мука, пріобрѣтенная по 51 коп. за пудъ, отдавалась рабочимъ по 30 коп., а пшеничная вмѣсто 87—за 50 коп.; такимъ образомъ, въ теченіе года на мукѣ рабочимъ была сдѣлана уступка около 10 тыс. руб. Кромѣ того, старикамъ, малолѣтнимъ и вдовамъ (321 чел.) было выдано пенсіи деньгами и мукой на сумму 2.672 руб.

Тѣмъ не менѣе, тамошніе рабочіе не сводили концовъ съ концами, и имъ приходилось занимать у фабрикантовъ на починку старыхъ домовъ и постройку новыхъ, на празднованіе свадебъ, крестинъ и т. п. болѣе 6 тыс. руб., а всего накопилось долгу на рабочихъ въ 1803 г. болѣе 25 тыс. руб. По-

стройка и ремонтъ жилыхъ помѣщеній производились, какъ видно, на этой фабрикѣ на счетъ самихъ рабочихъ; дровъ они также не получали даромъ, но фабрикантъ, закупая ихъ въ большомъ количествѣ, уступалъ рабочимъ безъ надбавки и притомъ съ разсрочкой платежа на годъ.

Пенсіи старикамъ и малолѣтнимъ сиротамъ, а также сбавка съ цѣны хлѣба встрѣчаются и на нѣкоторыхъ другихъ фабрикахъ (напр., на шолковой фабрикѣ Лазаревыхъ старикамъ и сиротамъ ежемѣсячно выдавалось отъ 50 коп. до 3 руб.). Медицинская помощь существовала только на ярославской мануфактурѣ Яковлевыхъ, гдѣ былъ устроенъ лазаретъ, приглашенъ лекарь и къ нему опредѣлено три ученика, на жалованье которымъ вмѣстѣ съ лекарствами расходовалось болѣе 2 тыс. рублей. Объ обученіи грамотѣ дѣтей упоминается только на двухъ фабрикахъ.

Въ поясненіе того, какимъ путемъ возникали въ старину фабрики и какими разнообразными льготами пользовались онѣ, нелишне будетъ указать на одинъ изъ любопытныхъ историческихъ документовъ, по поводу устройства весьма стариннаго фарфоро-фаянсоваго завода при с-цѣ Вербичкахъ, дмитровскаго уѣзда, псковской губерніи [1]).

Указомъ, выданнымъ изъ государственной мануфактуръ-коллегіи, около 1754 года, разрѣшено было занимавшемуся торговыми дѣлами въ Москвѣ англичанину Гарднеру, сообща съ сыномъ Францемъ Гарднеромъ и иностранцемъ Гаттенбергомъ, устроить заводъ на землѣ, купленной впослѣдствіи у кн. Урусова.

Между прочимъ въ упомянутомъ указѣ, послѣ общихъ разсужденій о пользѣ фабрикъ для Россіи и т. п., въ заключеніе говорится слѣдующее:... „долженъ онъ (Гарднеръ) ежели деревни купить позволено будетъ выбравъ изъ крѣпостныхъ своихъ людей надлежащее число человѣкъ имѣющихъ къ тому склонность и довольное понятіе обучить чрезъ искусство его съ великимъ трудомъ и съ издержаніемъ не малаго капитала и потомъ уже имѣвъ оныхъ мастеровъ ту фабрику приводить въ цвѣтущее состояніе и въ потребное размноженіе и на первый случай *необходимо нужно купить деревень* до двухъ сотъ душъ изъ коихъ бы нѣсколько человѣкъ способныхъ къ обученію выбрать было можно чтобъ впредь оныя за мастеровъ могли работать. А сверхъ того ежели и еще размноженіе означенной фабрики требовать будетъ мастеровыхъ и работныхъ людей прибавки то

[1]) Санит. изсл. фабр. зав. дмитр. уѣзда, 1883 г., стр. 129—132.

и тогда надлежащее число покупать дозволить для того болѣе, что вольныхъ людей кромѣ крѣпостныхъ ни за какую плату къ таковому новому мастерству принудить не можно и неуповательно чтобъ достойныя къ обученію такого художества изъ необязанныхъ никакими дѣлами найтится могли ктомужъ еслибъ и можно было вольныхъ ему обучить то отсего послѣдовать могущей вредъ на невозвратный убытокъ и нынѣ уже виденъ потому какъ только онъ принужденъ будетъ въ обученіи вольныхъ людей полагать свой трудъ и капиталъ и наконецъ и секретъ весь откроетъ то оныя обучась совершенно могутъ по своей вольности отъ фабрики отходить ибо во многіе годы никто при фабрикѣ быть не обяжется и черезъ то послѣдуетъ вмѣсто пользы конечное опустеніе фабрики. А онъ за его усердіе безвинно претерпитъ и раннѣе раззореніе и для того объ ономъ что за выше прописанными резоны *безъ крѣпостныхъ людей* помянутой фабрики *въ размноженіе привесть ему никакъ не можно*", и т. д.

Современное общественно-экономическое значеніе такого крупнаго явленія въ исторіи русскаго народа, какъ вѣковое существованіе массы вотчинныхъ и поссессіонныхъ фабрикъ, а равно двухъ-трехъ сотенъ тысячъ подневольныхъ фабричныхъ не требуетъ какихъ-либо доказательствъ или поясненій. Мы видимъ, что въ настоящее время имѣется уже не зародышъ, но вполнѣ опредѣленный и многочисленный классъ фабричнаго пролетаріата, ряды котораго изъ года въ годъ пополняются безземельными или отбившимися почему-либо отъ земли крестьянами въ теченіе минувшаго двадцатипятилѣтія.

Насколько велика въ настоящее время общая численность потомковъ вотчинныхъ, поссессіонныхъ кабальныхъ фабричныхъ, а равно безземельныхъ рабочихъ позднѣйшаго происхожденія, мы не беремся опредѣлить, но вообще съ полнымъ правомъ можно замѣтить, что число ихъ даже для одной лишь московской губерніи далеко не малое.

Такое предположеніе тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ силу и значеніе статистическаго факта, что оно вполнѣ подтверждается тѣми замѣчаніями о сословномъ состояніи фабричныхъ, которыя дѣлались, хотя и не всегда, при антропометрическихъ измѣреніяхъ на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ въ предѣлахъ московской губерніи. Другимъ источникомъ для отвѣта на поставленный выше вопросъ могутъ отчасти служить данныя переписи населенія по уѣздамъ и волостямъ, производившіяся въ различные періоды времени губернскимъ статистическимъ комитетомъ и статистическимъ отдѣленіемъ при московской губернской земской управѣ.

Въ результатѣ сравненія размѣровъ заработной платы въ началѣ и въ концѣ XIX-го вѣка, принимая во вниманіе различія условій промышленнаго производства и жизни, приходится придти къ выводу, что „экономическое положеніе современнаго рабочаго нисколько не лучше того, въ какомъ находился мастеровой, прикрѣпленный къ фабрикѣ въ началѣ XIX-го вѣка“ (В. И. Семевскій, стр. 481—484).

Вообще выгоды свободы, которою пользуется рабочій въ исходѣ XIX-го столѣтія, оказываются, „при давленіи непосильнаго бремени податей и *другихъ неблагопріятныхъ условій*, чисто фиктивными“. Если же мы сравнимъ его заработки съ вознагражденіемъ, которое въ то время получали вольнонаемные рабочіе, трудъ которыхъ сплошь и рядомъ оплачивался лучше обязательнаго, или возьмемъ цѣны на хлѣбъ въ самые послѣдніе годы, то выводъ будетъ еще неутѣшительнѣе.

Мы уже видѣли выше, что къ такому же неблагопріятному и нелестному для современной цивилизаціи выводу должна была придти и та древняя старуха, съ которой мы встрѣтились пять лѣтъ тому назадъ на Мауринской фабрикѣ верейскаго уѣзда. Само собой разумѣется, — въ данномъ случаѣ приходится производить сравненіе между величинами несоизмѣримыми, хотя и можно думать, что несоразмѣримость эта лишь кажущаяся. Правда, прежде мы видимъ „мастерового, прикрѣпленнаго къ фабрикѣ, принужденнаго подчиняться тѣмъ условіямъ, какія его хозяину угодно будетъ ему продиктовать“, и т. д. Однако, со стороны современнаго „свободнаго“ рабочаго, de jure имѣющаго возможность покинуть фабрику, если его трудъ дурно оплачивается,—не замѣчается, какъ извѣстно изъ оффиціальныхъ донесеній послѣдняго времени, особенно рѣзкой разницы въ этомъ отношеніи [1]). Кажущееся различіе еще болѣе сгладится, при сравненіи условій жизни рабочихъ на отдѣльныхъ фабрикахъ въ началѣ и въ концѣ XIX-го столѣтія, по имѣющимся для той и другой эпохи даннымъ. Какъ тогда, такъ и теперь обнаруживается поразительное совпаденіе условій произвола и бѣдственнаго состоянія фабричныхъ заведеній, съ точки зрѣнія надзора за ними, который, строго говоря, былъ болѣе, сравнительно, регламентированъ, нежели въ настоящее время, до введенія фабричной инспекціи и изданія новыхъ фабричныхъ узаконеній.

Какъ теперь, такъ и тогда, мастеровые нерѣдко жаловались

---

[1]) Янжулъ: Фабричный бытъ москов. губ. М. 1884 г., стр. 69—89. Ср. также отчеты фабричной инспекціи, а равно изслѣдованія отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ въ московской губерніи и въ другихъ мѣстахъ.

на замедленіе въ уплатѣ заработанныхъ ими денегъ, на то, что ихъ не вознаграждали за прогулы, случавшіеся не по ихъ винѣ, и что имъ приходилось исполнять не-фабричныя работы. Бывали также случаи, что рабочихъ обязывали покупать все нужное для нихъ въ хозяйской лавкѣ, и это, разумѣется, давало возможность эксплуатировать ихъ.

Какъ въ настоящее время не возбуждается даже въ принципѣ вопросъ о нормированіи продолжительности фабричной работы въ теченіе сутокъ, согласно иностраннымъ узаконеніямъ, такъ и къ поссессіоннымъ фабрикамъ не примѣнялось существовавшее въ то время предписаніе ремесленнаго устава 1775 года, которымъ установленъ былъ размѣръ рабочаго дня въ 10 часовъ въ сутки. Не безъинтересно указать далѣе на заявленіе ярославскаго дворянства въ концѣ прошлаго столѣтія, не утратившее своего значенія и въ настоящее время, что, вслѣдствіе употребленія крестьянъ для фабричной работы, „умноженію народа чинится пренона и земледѣліе оскудѣваетъ, да и сами крестьяне толико работами замучены бываютъ, что часто бунты производятъ" [1]).

При осмотрѣ суконныхъ фабрикъ особой коммиссіей въ 1741 г. оказалось, какъ и теперь приходится нерѣдко встрѣчать, что въ большей части изъ нихъ помѣщенія, въ которыхъ производилась работа, были такъ дурно устроены, что „ткачи насилу и столько денного свѣта имѣли, дабы тканье свое точно высмотрѣть", другіе же работники пряли и чесали шерсть и стригли сукно въ темнотѣ [2]).

Изъ историческихъ документовъ и устныхъ преданій видно, что въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія рабочій день сильно сокращался въ осеннее и зимнее время, между прочимъ, потому, что, при гораздо меньшей производительности труда, расходъ на освѣщеніе фабрики далеко не окупался, какъ теперь. Во всякомъ случаѣ, помимо возвышенія цѣнъ на хлѣбъ и другіе съѣстные припасы, *количество рабочихъ часовъ* въ теченіе 75 лѣтъ, при незначительномъ и притомъ весьма призрачномъ возрастаніи заработной платы, *весьма значительно увеличилось.*

Интересно было бы прослѣдить, какая судьба постигла въ 60-хъ годахъ и позднѣе потомковъ прежнихъ вотчинныхъ, поссессіонныхъ и кабальныхъ фабричныхъ? Отчасти мы уже познакомились

[1]) В. И. Семевскій, стр. 412. То же самое заявлялъ и кн. М. М. Щербатовъ въ коммиссіи для составленія уложенія, указывая относительно фабричныхъ того времени, что „отъ поврежденія ихъ нравовъ уменьшается многонародіе и нерѣдко происходятъ безпорядки въ деревняхъ".

[2]) В. И. Семевскій, стр. 461.

съ ихъ печальной долей послѣ освобожденія, да и вообще не трудно убѣдиться, что конечная ихъ судьба, вопреки правительственнымъ предначертаніямъ, была самая плачевная. Значительная часть ихъ была приписана, какъ извѣстно, въ мѣщане различныхъ городовъ, посадовъ и пригородныхъ слободъ; другіе остались въ безземельныхъ поселкахъ съ усадебной осѣдлостью на правахъ крестьянъ; третьи разбрелись въ разныя стороны по различнымъ фабрикамъ и заводамъ и т. д.

Мы уже указывали, между прочимъ, на современное устройство и необезпеченность колоній бывшихъ крѣпостныхъ рабочихъ на фабрикѣ Гарднера въ дмитровскомъ уѣздѣ, образовавшихъ цѣлое селеніе до 200 домовъ. Впослѣдствіи такихъ поселковъ, не состоящихъ въ вѣденіи волостныхъ правленій, по изслѣдованію отдѣленія хозяйственной статистики при московской губернской земской управѣ [1]), оказалось немалое число, причемъ наиболѣе крупные и старинные поселки заселены потомками бывшихъ казенныхъ и крѣпостныхъ фабричныхъ; къ сожалѣнію, не имѣется точныхъ свѣденій о числѣ селеній, подчиненныхъ волостнымъ правленіямъ, но безземельныхъ, какъ напр. было указано выше относительно верейскаго и др. уѣздовъ.

По словамъ И. П. Боголѣпова, занимавшагося изслѣдованіемъ самостоятельныхъ, внѣ-волостныхъ поселковъ, особенно много такихъ слободъ въ богородскомъ уѣздѣ, ведущихъ свое начало отъ фабрикъ, учреждавшихся при Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ II. Съ освобожденіемъ отъ обязательной фабричной работы, что случилось въ концѣ 40 годовъ, почти всѣ поссессіонные крестьяне перешли „на мѣщанство".

Пришлое крестьянское населеніе не-волостныхъ поселковъ принадлежитъ къ выходцамъ изъ губерній рязанской, тверской, владимірской, калужской, тульской и др., или же частью это горнозаводскіе рабочіе. Вообще всѣ перечисленія крестьянъ въ мѣщане происходили до 1874 года, когда приманкою для нихъ могла служить большая легкость уклониться отъ рекрутчины. Для того, чтобы образовать изъ себя одиночекъ, члены одной семьи расписывались по разнымъ городамъ, даже не своей только губерніи, но и другихъ. Такъ напр., населеніе указанной выше Вербилковской слободы при переходѣ въ мѣщанство расписалось по уѣзднымъ городамъ трехъ губерній: московской, тверской и владимірской.

При какихъ обстоятельствахъ иногда основывались мѣщанскіе

[1]) Статист. ежегодникъ москов. губ. земства за 1885 г.

поселки или слободы—можно видѣть, напр., изъ исторіи заселенія Обуховской слободы въ богородскомъ уѣздѣ, представляющей любопытную иллюстрацію того, что̀ извѣстно относительно прошлой исторіи крѣпостныхъ фабрикъ и современнаго значенія этого крупнаго историческаго факта. Именно, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, населеніе Обуховской слободы составилось, по мѣстнымъ преданіямъ, изъ бѣглыхъ и разнаго рода преступниковъ, которые отозвались на призывъ правительства, обѣщавшаго, за согласіе работать на устроенномъ имъ полотняномъ заводѣ, полное прощеніе. Населеніе Спасской слободы богородскаго уѣзда, Вербилковской и нѣкоторыхъ другихъ образовалось непосредственно изъ крестьянъ, купленныхъ спеціально для фабричныхъ работъ, и т. д.

Современныя условія существованія не-волостныхъ поселковъ, возникшихъ вблизи прежнихъ вотчинныхъ и поссессіонныхъ фабрикъ, чрезвычайно рельефно обрисовываютъ значеніе разсматриваемаго нами вопроса, какъ въ юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, такъ и, vice versa, съ точки зрѣнія общественной и промышленной гигіены.

Данныя, собранныя И. П. Боголѣповымъ по московской губерніи, на ряду съ тѣмъ, что̀ было изложено нами выше, достаточно освѣщаютъ много весьма любопытныхъ бытовыхъ сторонъ. Какъ было уже говорено выше относительно отдѣльныхъ фабричныхъ или полу-фабричныхъ поселковъ, у большинства семей собственной земли имѣется лишь настолько, чтобы основать усадебную осѣдлость и, самое большее, развести огородъ. Нѣкоторыя семьи размѣщаются на арендуемой землѣ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ существуетъ смѣшанная форма, т.-е. на ряду съ домохозяевами, имѣющими собственную землю, живутъ арендаторы.

Въ нѣкоторыхъ мѣщанскихъ слободахъ, которыя мы имѣемъ въ данномъ случаѣ исключительно въ виду, какъ ведущихъ свое происхожденіе отъ крѣпостныхъ фабрикъ и заводовъ, собственной земли, пожалуй, было бы и достаточно для сельско-хозяйственныхъ цѣлей, но бѣда въ томъ, что самыя владѣнія-то черезполосны. Такъ, въ Павловской слободѣ звенигородскаго уѣзда, представляющей остатокъ несуществующей уже нынѣ громадной казенной суконной фабрики, на каждый домъ, въ среднемъ выводѣ, приходится до 6 десятинъ, но земля эта лежитъ въ разныхъ мѣстахъ: часть ея находится въ рузскомъ уѣздѣ, а при самомъ Павловѣ изъ 1.376 десятинъ приходится собственной земли всего лишь 387 десятинъ на 155 дворовъ.

Интересны также способы пользованія землей въ многолюдныхъ мѣщанскихъ слободахъ, въ которыхъ вообще пахатной земли, кромѣ небольшихъ огородныхъ участковъ при домахъ, вовсе не имѣется. Обыкновенно вся земля по угодіямъ, кромѣ усадебныхъ участковъ, подѣленныхъ разъ навсегда, сдается съ торговъ и вырученныя деньги дѣлятся по рукамъ по-дворно.

По всей вѣроятности, эти суммы, надо полагать, врядъ ли являются подспорьемъ для фабричнаго заработка, едва достаточнаго для прокормленія семьи, и можно думать, что онѣ, какъ говорится, „по усамъ текутъ“—„въ ротъ“ не попадаютъ.

Земледѣліемъ въ промышленныхъ поселкахъ, понятно, никто не занимается, какъ вслѣдствіе полнаго отсутствія привычки къ земледѣльческому труду, такъ и по условіямъ надѣленія землею. Какъ и 100 лѣтъ тому назадъ, все населеніе, поголовно, въ Обуховской слободѣ, Старой Купавнѣ, Петровской слободѣ, во Фряновѣ (*пригородная* слобода въ 40 верстахъ отъ г. Богородска), а также и во всѣхъ другихъ промышленныхъ поселкахъ, существуетъ исключительно на счетъ заработковъ на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ.

Такъ какъ на послѣднихъ далеко не для всѣхъ находится дѣло,—тѣмъ болѣе, что другія однородныя промышленныя производства позднѣйшаго происхожденія, въ силу болѣе интензивнаго труда при возможности свободнаго подбора незакрѣпощенныхъ рабочихъ, пользуются несравненно лучшими условіями и прогрессивно расширяютъ предпріятія,—то часть населенія уходитъ также для фабричныхъ заработковъ въ Москву, Зуево, Иваново-Вознесенскъ и другіе промышленные центры.

Отличительной чертой промышленныхъ поселковъ, между прочимъ, является необычайно большое количество трактировъ и разныхъ питейныхъ заведеній, значительно болѣе, чѣмъ въ селеніяхъ вблизи *свободныхъ* фабрикъ и заводовъ, хотя и здѣсь, разумѣется, всегда имѣется достаточно увеселительныхъ заведеній и фабричныхъ „клубовъ“. Въ 11 промышленныхъ поселкахъ на 1.643 двора съ населеніемъ около 7.600 чел. обоего пола (3.662 мужч. и 3.929 женщинъ), по свѣденіямъ 1885 года, значится 38 трактировъ и питейныхъ заведеній.

Слободы богородскаго уѣзда и др., образовавшіяся изъ поссессіонныхъ селеній, кромѣ старостъ, подчиняются городскимъ думамъ, что̀ во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ массу неудобствъ и довольно убыточно. Такъ, Фряновская слобода, лежащая въ 33 верстахъ отъ г. Богородска, уплачиваетъ богородской городской думѣ ежегодно около 600 рублей и взамѣнъ этого рѣшительно

ничѣмъ не пользуется, но школа, полиція, медицинская помощь, и пр.—все содержится земствомъ. Совершенно на томъ же положеніи существуютъ и прочія мѣщанскія слободы.

Впрочемъ не всѣ мѣщанскія слободы подчиняются вѣденію городскихъ думъ; возникшія же недавно или заселенныя мѣщанами, приписанными къ разнымъ городамъ, какъ напр. большая мѣщанская слобода Вербилки (дмитровскаго уѣзда), имѣютъ иногда совершенно своеобразную организацію самоуправленія [1]).

VII.

Оставляя въ сторонѣ статистическія данныя объ экономическихъ условіяхъ жизни промышленныхъ поселковъ, мы считаемъ, однако, нелишнимъ обратить вниманіе на ихъ бытовыя особенности, указанныя въ дополненіяхъ къ статистическимъ таблицамъ о селеніяхъ московской губерніи, не состоящихъ въ вѣденіи волостныхъ правленій.

Изъ общаго числа 75 такихъ поселковъ завѣдомо возникло изъ прежнихъ крѣпостныхъ фабрикъ 11 поселеній (9 въ богородскомъ уѣздѣ и по одному въ московскомъ, дмитровскомъ и звенигородскомъ уѣздахъ [2]).

Такъ, населеніе Спасской слободки (въ ямкинской волости, въ $1^1/_2$ верстахъ отъ г. Богородска) происходитъ изъ крестьянъ с. Пушкина, Тарасовки и другихъ деревень московскаго уѣзда, переселенныхъ въ прежнее время въ богородскій уѣздъ для работъ на пригородной фабрикѣ, нынѣ богородско-глуховской мануфактурѣ. Около 1854 г. крестьяне эти были перечислены въ богородскіе мѣщане, а поселокъ перенесенъ на нынѣшнее мѣсто фабрикантомъ Морозовымъ. На 70 душъ въ надѣлъ дано было всего 7 десят. 2.016 кв. саж.; хлѣбопашествомъ населеніе (по свѣденіямъ 1885 г., 18 избъ и 85 душъ обоего пола въ 14 семьяхъ) не занимается; скотъ пасутъ на земляхъ фабриканта, уплачивая за выпасъ по 5 руб. съ *череда* (съ головы крупнаго скота); топливо покупается на фабрикѣ (до 50 руб. на печку);

---

[1]) И. П. Боголѣповъ: Поселки, не состоящіе въ вѣденіи волостныхъ правленій (стр. 13).

[2]) Сюда слѣдуетъ отнести также немалое число безземельныхъ чисто фабричныхъ селеній въ богородскомъ и другихъ уѣздахъ, какъ можно видѣть изъ „Санит. изслѣдованія фабричныхъ заведеній богородскаго уѣзда“ (ч. 1-я, стр. 71—75), гдѣ указаны свѣденія объ освобожденіи крестьянъ до 1861 г. *безъ земли*, о продажѣ помѣщичьихъ имѣній фабрикантамъ (напр., с. Клюево, и пр.).

сѣно для коровъ пріобрѣтается на базарѣ. Населеніе, какъ мужское, такъ и женское (46 мужч. и 39 женщ.) существуетъ исключительно работами на богородско-глуховской мануфактурѣ.

Фряновская слобода, въ томъ же уѣздѣ въ предѣлахъ акселовской волости, населена бывшими поссессіонными крестьянами фабрики Лазарева, о которой упоминается у В. И. Семевскаго, а нынѣ мѣщанами г. Богородска (455 муж. и 453 женщ., всего 908 чел. на 164 семьи въ 273 избахъ). Отъ надѣленія землею, доставшагося въ небольшомъ количествѣ и притомъ за цѣлые десятки верстъ отъ с. Фрянова, населеніе отказалось. При помощи одного московскаго купца, выговорившаго себѣ право 12-лѣтняго пользованія базарною площадью, кабаками и другими доходными статьями, фряновцы купили у купца Ефимова земли (около 447 десят.), которая находится въ общемъ владѣніи и пользованіи.

Пахатной земли, кромѣ огородныхъ усадебныхъ участковъ, во Фряновѣ не имѣется; лѣсными угодьями пользуются такимъ образомъ, что нанимаютъ пильщиковъ свести звѣстный участокъ, затѣмъ дѣлятъ дровами; домохозяева, имѣющіе коровъ и лошадей, должны снимать покосы сами, хотя бы у своего міра. Населеніе, преимущественно женщины, работаютъ на мѣстной камвольно-прядильной фабрикѣ Залогина (раньше шолковая поссессіонная), затѣмъ на мѣстныхъ ткацкихъ и красильныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того, 99 семей (244 мужч. и 253 женщ.) живутъ на ткацкихъ фабрикахъ на сторонѣ; изъ нихъ 52 семьи вовсе не имѣютъ домовъ во Фряновѣ, 47 семей сдаютъ свои дома подъ жильцовъ.

Старѣйшими поселками въ богородскомъ уѣздѣ, существующими болѣе 200 лѣтъ, являются бывшія поссессіонныя слободы Купавна, Обухово и Лосинный заводъ, впослѣдствіи выдѣлившія часть населенія для образованія новыхъ, такихъ же безземельныхъ поселковъ Новой Купавны, Михнева и др. Условія жизни, возникновенія и т. д. тѣ же, что указаны были относительно раньше упомянутыхъ, и представляютъ конечный результатъ общаго историческаго процесса, описываемаго въ предлагаемомъ очеркѣ.

Чрезвычайно любопытную иллюстрацію современнаго значенія существованія въ прежнее время вотчинныхъ и поссессіонныхъ фабрикъ представляетъ Павловская слобода звенигородскаго уѣзда, вполнѣ подтверждающая нашъ взглядъ на тѣсную зависимость безвозвратно минувшаго историческаго факта, представляющаго, на первый взглядъ, интересъ лишь для спеціалистовъ, и нынѣшнимъ санитарнымъ житьемъ-бытьемъ даннаго района.

Свѣденія, собранныя при спеціальномъ статистико-экономи-

ческомъ изслѣдованіи московской губерніи [1]), помимо общихъ выводовъ и соображеній, имѣющихъ силу и для всѣхъ аналогичныхъ мѣстностей, могутъ служить въ то же время дополненіемъ къ тому, что̀ было изложено нами выше.

Село Павловское (35 вер. отъ Москвы) принадлежало раньше графу Ягужинскому, устроившему въ немъ шолковую фабрику, преобразованную потомъ въ бумажную. По смерти гр. Ягужинскаго фабрика поступила во владѣніе казны, которая и учредила въ ней суконную фабрику въ 1804 году. Рабочіе на эту фабрику поставлялись слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ: изъ прилежащихъ къ ней 15 селеній *всѣ подлежащіе рекрутской повинности*, послѣ принятія ихъ въ Москвѣ рекрутскимъ присутствіемъ, сдавались обыкновенно не въ солдаты, а отправлялись въ с. Павловское на фабрику, гдѣ и принимались въ качествѣ рабочихъ, въ чемъ и состояло отбываніе ими рекрутчины.

Въ 1859 г. суконная фабрика была уничтожена, и находящіеся на ней рабочіе, на основаніи указа департамента исполнительной полиціи московскаго военнаго губернатора, отъ 26-го февраля 1856 г., распредѣлены, согласно ихъ желанію, какъ сказано въ указѣ, слѣдующимъ образомъ: 819 душъ муж. пола и 920 душъ женск. пола оставлены въ ихъ домахъ съ приписскою цѣлой слободой въ мѣщане г. Звенигорода; остальные были распредѣлены по другимъ губерніямъ. Эти 819 душъ муж. пола и составляютъ въ настоящее время мѣщанъ такъ-назыв. Павловской подгородной слободы, занимающихъ 14 слободъ (линій) непосредственно около села Павловскаго.

Тѣмъ же указомъ предоставлена была жителямъ часть фабричной земли въ собственность; 146 семействамъ, дома которыхъ построены за 20 и болѣе лѣтъ и пришли въ ветхость, предписано было отпустить лѣсу и, кромѣ того, выдать на постройку 45 домовъ по 50 руб. и на исправленіе 101 дома по 20 руб.

Относительно говоря, по экономическимъ условіямъ быта, мѣщане Павловской слободы не хуже обставлены, нежели крестьяне, живущіе рядомъ съ ними, а между тѣмъ, при сравненіи данныхъ 1858 г. и 1878 г., оказалось, что рядомъ съ уменьшеніемъ рождаемости и увеличеніемъ смертности, уменьшилось и число лицъ старше 60 лѣтъ, что̀ указываетъ на существованіе какихъ-то неблагопріятныхъ условій.

Изыскивая причины такого регресса въ населеніи, авторъ

---

[1]) Сборн. статист. свѣд. по московской губ. Отд. хозяйств. статист. 1878 г., стр. XIX—XXII.

„Введенія къ экономическимъ таблицамъ“ по московской губерніи (покойный В. И. Орловъ) приходитъ къ заключенію, что эти причины лежатъ не въ санитарныхъ условіяхъ мѣстности, среди которой живетъ населеніе мѣщанъ, а равно не зависятъ отъ тѣхъ послѣдствій для благосостоянія семей, къ которымъ могутъ приводить раздѣлы и пр.

Условія землевладѣнія указываютъ, что населеніе Павловской мѣщанской слободы, какъ и всѣхъ другихъ подобныхъ поселковъ, возникшихъ на развалинахъ или остаткахъ прежнихъ *кабальныхъ* фабрикъ, преимущественно *живетъ по людямъ*, т.-е. не имѣетъ опредѣленнаго постояннаго заработка, какъ и всякое лицо, не имѣющее самостоятельнаго хозяйства. Паспорты и свидѣтельства на прожитіе берутся уже 11-лѣтними мальчиками и, съ другой стороны, стариками свыше 60 лѣтъ. Такимъ образомъ, большинство населенія постоянно уходитъ изъ этой мѣстности, такъ что, по мнѣнію изслѣдователя, „еслибы санитарныя условія и были неблагопріятны, то не могли бы отзываться на населеніи“. Не слѣдуетъ, однако, забывать при этомъ вліянія наслѣдственности и дурныхъ условій зачатія и воспитанія дѣтей.

Большинство павловскихъ мѣщанъ проживаетъ на фабрикахъ и въ уѣздѣ, и только немногіе живутъ на мѣстѣ, имѣя свои лавки или прислуживая въ лавкахъ и трактирахъ въ самомъ Павловскѣ, гдѣ до 20 лавокъ и 6 трактировъ. Относительно же занятія земледѣліемъ, мѣщане, какъ и всѣ другіе потомки вотчинныхъ, поссессіонныхъ и кабальныхъ фабричныхъ, гдѣ бы они ни находились, весьма основательно указываютъ, съ одной стороны, на малоземелье, съ другой—на отсутствіе земледѣльческихъ навыковъ, вслѣдствіе пребыванія на фабрикѣ. Крестьяне окрестныхъ селеній при спросѣ ихъ о мѣщанахъ, только машутъ рукой и объясняютъ, что имъ, окрестнымъ жителямъ, очень хорошо извѣстно, какъ тѣ живутъ. „Не мало ихъ,—говорятъ они, — *у насъ подъ окошкомъ по-міру ходятъ*“.

Заканчивая свой очеркъ вотчинныхъ фабрикъ и кабальныхъ фабричныхъ, мы думаемъ, что достаточно нами выяснена справедливость заключительныхъ выводовъ преждевременно умершаго основателя земской хозяйственной статистики, В. И. Орлова, формулированныхъ 10 лѣтъ тому назадъ слѣдующимъ образомъ: изъ сравненія всѣхъ условій быта мѣщанъ надо заключить, что *причина ихъ бѣдственнаго положенія коренится въ безземельности, въ отсутствіи у нихъ самостоятельнаго хозяйства*, что под-

тверждается и мнѣніемъ самихъ мѣщанъ: „горе фабричное дѣло —ни косить, ни пахать не умѣемъ" [1]).

„Если же это предположеніе вѣрно,—замѣчаетъ вполнѣ справедливо В. И. Орловъ,—то мы *должны встрѣтить сходныя черты* и въ томъ случаѣ, когда имѣемъ *крестьянское* населеніе, занятое *преимущественно на фабрикахъ*, и слѣдовательно далеко не обезпеченное въ своемъ заработкѣ и *отторгнутое* отъ естественныхъ условій труда".

На этомъ выводѣ покойный статистикъ и остановился въ то время, полагая однако, что „указанный фактъ даетъ полнѣйшее основаніе къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ въ этомъ направленіи". Въ настоящее время, кромѣ тѣхъ исходныхъ точекъ для такого рода изслѣдованій, которыми служатъ хозяйственно-статистическія данныя по московской губерніи, для болѣе точнаго рѣшенія даннаго вопроса нѣкоторымъ пособіемъ, думаемъ, послужатъ, съ одной стороны, мѣстныя архивныя данныя, а съ другой—результаты санитарно-промышленныхъ изслѣдованій отдѣльно по уѣздамъ и по всей московской губерніи.

Ближайшее знакомство съ условіями мѣстной фабрично-заводской промышленности, прежде всего, указываетъ на особенности прошлаго и современнаго ея развитія, требующія болѣе спеціальнаго изслѣдованія и анализа, а именно: условія возникновенія мѣстнаго фабричнаго пролетаріата, существующаго не только въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ Россіи, но и въ мало промышленныхъ мѣстностяхъ, благотворное вліяніе на успѣхи фабрично-заводской промышленности крестьянской реформы, заботы объ улучшеніи земледѣлія и поддержкѣ кустарныхъ промысловъ, являющихся не соперникомъ, но подмогой для успѣховъ крупныхъ промышленныхъ производствъ; далѣе, взаимная связь экономическихъ и санитарныхъ условій жизни населенія съ правильнымъ благоустройствомъ мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ и т. д.

Вообще, взаимодѣйствіе естественныхъ и бытовыхъ факторовъ, историческихъ условій, кризисовъ и временныхъ застоевъ современной промышленности, а слѣдовательно и тѣхъ требованій, которыя вправѣ предъявить къ русскимъ фабрикантамъ промышленная гигіена и фабричное законодательство,—представляетъ явленіе слишкомъ сложное и не всегда доступное для анализа безъ содѣйствія отдѣльныхъ спеціалистовъ.

Притомъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ легко принять случайное совпаденіе статистическихъ данныхъ и бытовыхъ явленій

[1]) Введеніе къ экономическимъ таблицамъ, стр. XXII.

за причину и слѣдствіе, въ особенности примѣняя слишкомъ общій, крупный масштабъ, лишающій возможности принимать въ соображеніе многія весьма характерныя особенности отдѣльныхъ промышленныхъ районовъ. Во всякомъ случаѣ, исторія и характерныя черты возникновенія кабальныхъ фабрикъ, а равно дальнѣйшій ходъ законодательныхъ мѣропріятій по благоустройству и надзору за фабрично-заводскими производствами, на ряду съ попеченіемъ объ успѣхахъ земледѣлія и кустарной промышленности, представляютъ предметъ вполнѣ достойный всесторонней разработки и вниманія со стороны общества и государства.

Приведу пока отзывы бар. Гакстгаузена о неблагопріятныхъ вліяніяхъ кабальнаго фабричнаго труда.

„Учрежденіе значительнаго числа фабрикъ въ деревняхъ угрожаетъ русскому крестьянину полнымъ порабощеніемъ“, замѣчаетъ, между прочимъ, бар. Гакстгаузенъ въ письмѣ къ графу Киселеву отъ 2-го апрѣля 1842 г. Въ сочиненіи своемъ (1847 г.) о результатахъ предпринятаго имъ съ разрѣшенія императора Николая I и на правительственныя средства [1]) путешествія по Россіи въ началѣ 40-хъ годовъ бар. Гакстгаузенъ пишетъ: „Когда промышленность въ Россіи, поддерживаемая правительствомъ, все болѣе разросталась, когда дворянство побуждалось правительствомъ вездѣ учреждать фабрики, что̀ въ послѣднія 25 лѣтъ совершалось въ слишкомъ большихъ размѣрахъ, помѣщики воспользовались своими крѣпостными такимъ же образомъ, какъ это было прежде на такъ-называемыхъ казенныхъ фабрикахъ: прежде всего они употребили на фабричныя работы свою праздную дворню, затѣмъ взялись и за крестьянъ, сначала лишь изъ лишнихъ для земледѣлія, а затѣмъ нерѣдко уменьшали или даже совершенно уничтожали запашку, такъ какъ въ неплодородныхъ и посредственныхъ мѣстностяхъ земледѣліе приноситъ менѣе дохода, чѣмъ фабрика. Но скоро обнаружилось, что русскіе—плохіе фабричные работники, если эта работа составляетъ барщину, но что въ свою пользу они трудятся усердно. Поэтому даютъ крѣпостнымъ позволеніе самимъ искать работы, гдѣ они хотятъ, и облагаютъ ихъ за то оброкомъ“.

„Мнѣ уже давно казалось,—говоритъ авторъ въ примѣчаніи,—что *правительство сдѣлало большую ошибку*, чрезвычайно поощряя 25 лѣтъ тому назадъ промышленность и учрежденіе фабрикъ, не опредѣливъ ранѣе положительнымъ закономъ отно-

[1]) На поѣздку въ Россію и обратно, на переводы и изданіе своего сочиненія бар. Гакстгаузенъ получилъ отъ русскаго правительства около $11^{1}/_{2}$ тыс. руб.

шеній крестьянъ къ помѣщикамъ, какъ это возможно (и какъ это уже совершилось въ Германіи), или, по крайней мѣрѣ, не установивъ точно отношеній крѣпостныхъ къ фабрикамъ".

Въ нашемъ краткомъ очеркѣ, имѣющемъ въ виду лишь фабрично-заводскую промышленность въ предѣлахъ московской губерніи, само собой разумѣется, немыслимо исчерпать вполнѣ обширный историко-литературный матеріалъ по вопросу о возникновеніи и бытѣ кабальныхъ фабричныхъ. Все, что̀ мы могли имѣть здѣсь въ виду, сводится къ тому, чтобы сдѣлать попытку сопоставить прошлый и современный санитарно-экономическій строй русскаго народа, въ отдѣльной узкой сферѣ народной жизни, а равно представить факты, подтверждающіе, что и понынѣ не утратило справедливости нижеслѣдующее замѣчаніе выдающагося государственнаго дѣятеля гр. П. Д. Киселева: „Я всегда полагалъ и полагаю, что для Россіи *вѣрнѣйшая фабричная промышленность* та, которая, находясь въ связи съ произведеніемъ мѣстной почвы, *процвѣтаетъ отъ земли* и въ то же время поощряетъ внутреннее земледѣліе" (28-го ноября 1842 г.) [1]).

Насколько глубоко залегаетъ въ народной массѣ инстинктивное признаніе этого взгляда—можно видѣть изъ того, что намъ, при нашихъ разъѣздахъ по богородскому уѣзду московской губ., случалось иногда слышать наивныя разсужденія по поводу производившихся въ то время санитарно-фабричныхъ изслѣдованій, въ родѣ, напр., того, „что осматриваютъ фабрики и измѣряютъ ростъ и грудь рабочихъ для того, чтобы убѣдиться, кто годенъ для фабричной работы и кто нѣтъ, занимаются ли хлѣбопашествомъ, и если не занимаются, по безземелію, то таковыхъ надѣлить землею", и т. п. Эти сужденія въ устахъ простолюдиновъ, конечно, наивны, но нельзя не сознаться, что они представляютъ идеалъ будущаго устройства фабричнаго класса въ Россіи.

А. Погожевъ.

---

[1]) Заблоцкій-Десятовскій: Графъ Киселевъ и его время. Спб. 1832 г. Т. 2-й. стр. 200.

СТАРАЯ ПЕРМЬ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.

I.

...Онъ былъ тутъ! это—настоящій „пассъ-парту"!..

Но сначала нужно сказать о вагонѣ третьяго класса, въ которомъ я ѣхалъ по уральской желѣзной дорогѣ въ Пермь. Публики въ вагонѣ набралось много, и всѣ провели тяжелую, безсонную ночь, скорчившись въ разныхъ невозможныхъ положеніяхъ. Раннимъ утромъ, когда поѣздъ еще „на брезгу" пришелъ на станцію Чусовая, эта скорченная публика зашевелилась. Показались измятыя безсонницей лица, послышались охи и вздохи, нервная позѣвота и машинально творимая утренняя молитва. Каждый чувствовалъ себя обиженнымъ и смотрѣлъ на другихъ съ плохо скрытой ненавистью, какъ на людей, безсовѣстно захватившихъ его мѣсто. Дамы—публика была все чистая—отправились сейчасъ же въ уборную, мужчины потянули къ буфету. Общее тяжелое настроеніе не улеглось даже послѣ получасовой остановки, и публика вернулась съ сердитыми лицами на свои мѣста. Я дождался замирающей трели послѣдняго звонка и вернулся въ вагонъ послѣднимъ. Представьте себѣ положеніе непроснувшагося хорошенько человѣка, изломаннаго безсонницей, когда онъ идетъ къ своему мѣсту, и это мѣсто оказывается занятымъ—именно на моемъ мѣстѣ сидѣлъ какой-то небольшой, черноволосый господинъ въ лѣтнемъ костюмѣ и беззаботно смотрѣлъ въ окно.

— Милостивый государь, позвольте!..

— А... что?.. Ахъ, виноватъ, — забормоталъ незнакомецъ, стараясь отодвинуть толстыя ноги какого-то ксендза. — А я, знаете, цѣлыхъ полгода не бывалъ въ Перми... Право!..

Незнакомецъ такъ добродушно улыбался, что не поднималась на него рука: пусть его сидитъ, какъ-нибудь доѣдемъ. Да и куда ему было дѣваться: человѣкъ такія же деньги платитъ. Обезоруживало его добродушіе.

— А вонъ моя квартира, — продолжалъ онъ такимъ тономъ, точно мы вчера разстались. — Эти вѣдь домики построены нашей французской компаніей. Да... У меня славная квартира.

Высунувшись въ окно, незнакомецъ весело помахалъ фуражкой по адресу своей славной квартиры. По акценту можно было замѣтить, что это коренной французъ, что̀ и оказалось впослѣдствіи — уроженецъ Гренобля.

Поѣздъ медленно подползалъ къ мосту черезъ р. Чусовую, и въ наше окно можно было разсмотрѣть постройки французской компаніи, основавшей здѣсь желѣзодѣлательный заводъ. Въ утренней мглѣ дымились желѣзныя трубы, а по рѣкѣ медленно плыла волна чисто заводскихъ звуковъ — лязгъ желѣза, грохотъ вертѣвшихся колесъ и валовъ и глухой гулъ работавшихъ молотовъ. Чусовая въ этомъ мѣстѣ выбѣгала изъ „камней“ и разливалась по волнистой равнинѣ, едва сдавленной лѣсистыми отрогами, широкимъ плесомъ. Картина получалась недурная, особенно послѣ глухого безлюдья оставшагося назади горнаго перевала.

Публика въ нашемъ третьемъ классѣ набралась самая разнообразная: старушка полька, возвращавшаяся отъ родныхъ изъ западной Сибири, а съ ней ѣхалъ высокій и мускулистый ксендзъ въ засаленной сутанѣ; напротивъ нихъ помѣстились три дамы неопредѣленной профессіи — не то арфистки, пробиравшіяся въ Нижній къ ярмаркѣ, не то просто жены своихъ мужей; два бухарца, нѣсколько прасоловъ и въ заключеніе соловецкій монашикъ въ черной, островерхой шапочкѣ и длинномъ, заплетавшемся около ногъ подрясникѣ, перехваченномъ широкимъ монашескимъ поясомъ. Сѣрое лицо этого „мниха“ было совершенно неподвижно, а безцвѣтные глаза смотрѣли совсѣмъ убитымъ взглядомъ. Прямые, льняного цвѣта, волосы выбивались изъ-подъ дорожной скуфейки и придавали лицу то безстрастное выраженіе, какое встрѣчается только у угодниковъ на образахъ стариннаго новгородскаго письма. Рядомъ съ этимъ сѣвернымъ отшельникомъ, упитанный ксендзъ казался ужъ совсѣмъ мірскимъ человѣкомъ, особенно когда начиналъ набивать свой толстый носъ табакомъ. Послѣднее ксендзъ дѣлалъ съ ловкостью фокусника, и толстые пальцы точно порхали

около носа. Въ антракты между двумя понюшками ксендзъ вынималъ серебряный портсигаръ, доставалъ папиросу и съ медленной важностью пускалъ табачный дымъ. Вообще публика набралась самая разнообразная, какъ это случается въ развалъ лѣтней навигаціи, когда по уральской желѣзной дорогѣ сибиряки ѣдутъ „въ Россію", а „расейскіе" люди въ Сибирь.

— А вамъ нравится мой костюмъ?—спрашивалъ меня неугомонный Пасспарту (такъ я прозвалъ впослѣдствіи моего неожиданнаго спутника изъ Гренобля), и онъ даже подмигнулъ.—Представьте себѣ, въ одинъ день портной сшилъ всю пару... И за работу взялъ 3 рубля. Да... Съ меня онъ всегда беретъ 3 рубля, а съ директора 15 рублей. Я нахожу это справедливымъ: директоръ получаетъ 9 тысячъ жалованья, а я—всего 540 р. Директоръ вчера утромъ призываетъ меня къ себѣ и говоритъ: „вы завтра ѣдете въ Пермь встрѣчать г. Дюссо, но только успѣете ли вы кончить ваши чертежи?" Я отвѣчаю: „Посмотримъ, m-r директоръ". Представьте себѣ, просидѣлъ всю ночь надъ работой и кончилъ. Каковъ молодецъ?.. Ха-ха!.. А портной въ это время шилъ мнѣ вотъ это платье и тоже кончилъ къ сроку. Но работа работой, а мнѣ нужно было набить 200 папиросъ на дорогу,—я не люблю себѣ ни въ чемъ отказывать,—потомъ накормить собакъ—у меня ихъ восемь штукъ, полить цвѣты—ужасно люблю комнатныя растенія!—прибрать лошадь... У меня удивительная лошадь: заплатилъ 35 р., а не отдамъ за 200 р. Ей-Богу, не отдамъ...

— А кто этотъ Дюссо, котораго вы ѣдете встрѣчать?

— Да онъ компаньонъ... Ему нуженъ переводчикъ; вотъ директоръ меня и командировалъ. Такъ прямо и сказалъ: „берите денегъ, сколько хотите". Я взялъ десять рублей, потому что не люблю себѣ ни въ чемъ отказывать, а въ Перми всегда лишнее издержишь. Ужъ извините, я всегда въ Перми на извощикѣ ѣзжу. Мы съ директоромъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ... Прошлый годъ на Петра-день у насъ въ дачѣ случился лѣсной пожаръ, онъ сейчасъ посылаетъ за мной и сказалъ всего два слова: „я на васъ надѣюсь". Повторять приказаніе мнѣ не нужно: мы отлично понимаемъ другъ друга. Сейчасъ же сажусь на свою лошадь, за которую заплатилъ 35 рублей, беру ружье—у меня ружье заграничное, стоитъ всего 6 р. и бьетъ дробью за 27 саженъ, а русскія ружья ужасно дорого стоютъ и ужасная дрянь—и лечу на пожаръ. Замѣтьте, у насъ есть и лѣсничій, и полѣсовщикъ, а директоръ надѣется на меня... Да-съ. Только дорогой я замѣтилъ, что ѣду въ штиблетахъ. Но пожаръ все-таки потушилъ. На обратномъ пути увидалъ утокъ на Чусовой, и прямо

съ сѣдла: бацъ! Шесть утокъ убилъ однимъ выстрѣломъ... Поѣхалъ ихъ добывать на лошади, а она меня сбросила въ воду и убѣжала. Я чуть не утонулъ, но только утокъ досталъ всѣхъ. Конечно, домой пришлось возвращаться пѣшкомъ, а мокрому это очень непріятно и притомъ въ штиблетахъ. Пролежалъ въ тифѣ послѣ этого двѣ недѣли и чуть не умеръ... Вообще, съ этимъ директоромъ я въ прекрасныхъ отношеніяхъ, а съ прежнимъ былъ нехорошъ. У меня было три собаки, и прежній директоръ говорилъ мнѣ: „Убей свои три собаки или теряй свое мѣсто". Я убилъ свои три собаки и завелъ восемь новыхъ да еще лошадь.

Пасспарту болталъ безъ умолку, разсказывая всю подноготную про себя. Родился и выросъ онъ въ Греноблѣ. Послѣ отца получилъ небольшое состояніе, тысячъ 50 франковъ, и вздумалъ на эти деньги основать въ Россіи свое дѣло. Пріѣхалъ онъ въ Россію, не зная русскаго языка, и сейчасъ же, конечно, попалъ на нехорошихъ людей, которые воспользовались его незнаніемъ русскаго языка и отобрали всѣ пятьдесятъ тысячъ франковъ. За этимъ послѣдовалъ длинный рядъ мытарствъ, пока онъ научился русскому языку, и вотъ теперь служитъ у своей же французской компаніи. Конечно, жалованье небольшое, но одному жить можно, а жениться онъ не желаетъ—слишкомъ дорогое удовольствіе даже для такой дешевой страны, какъ Россія. Эта болтовня лилась неудержимо, потому что Пасспарту былъ радъ и солнечному дню, и тому, что онъ ѣхалъ встрѣчать г. Дюссо, и, наконецъ, просто тому, что онъ, Пасспарту, существуетъ и можетъ говорить ломанымъ русскимъ языкомъ. Между разговорами онъ успѣлъ перезнакомиться со всѣмъ вагономъ, всѣхъ угощалъ своими папиросами и кончилъ тѣмъ, что заснулъ на полусловѣ, какъ засыпаютъ расшалившіяся дѣти. Публика смотрѣла на Пасспарту какъ на пьяненькаго, потому что всѣ русскіе путешественники имѣютъ такой унылый видъ, точно ихъ отправляютъ куда-нибудь „по независящимъ обстоятельствамъ".

На пути отъ Чусовой до Перми самымъ замѣчательнымъ мѣстомъ является станція Левшино. До желѣзной дороги здѣсь стояла жалкая деревушка и нѣсколько магазиновъ для склада металловъ, но теперь быстро ростетъ уже цѣлый городокъ, и проведена даже желѣзнодорожная вѣтвь къ складамъ металловъ. Тутъ же стоятъ металлическіе резервуары съ керосиномъ разныхъ компаній, склады бочекъ и т. д. Левшино занимаетъ устье Чусовой и служитъ мѣстомъ разгрузки чусовскихъ каравановъ. Желѣзная дорога оживила пустынный берегъ, гдѣ и слѣдовало бы быть давно настоящему городу, а не на мѣстѣ нынѣшней Перми, которая

стоитъ совершенно ни при чемъ, какъ измышленіе административной фантазіи.

Другой оживленный пунктъ уже подъ самой Пермью—сталепушечный Мотовилихинскій заводъ. На него положены большіе казенные милліоны, но дѣло все какъ-то не вяжется: то работы по горло, не хватаетъ рабочихъ рукъ, то работы нѣтъ. Все, конечно, зависитъ отъ бо́льшаго или ме́ньшаго вниманія военнаго министерства, и Мотовилиха, какъ комнатное растеніе, если его польютъ во́-время, зеленѣетъ и цвѣтетъ, а если забудутъ—засыхаетъ, до слѣдующей поливки. Удивительное это дѣло: не хотятъ давать своихъ заказовъ своимъ же собственнымъ казеннымъ заводамъ, а направляютъ ихъ за границу, въ Эссенъ. По справедливости, Круппъ можетъ считаться нашимъ русскимъ заводчикомъ и имѣетъ полное право требовать себѣ тѣхъ же привилегій и покровительства, какими пользуются наши уральскіе заводчики, тѣмъ болѣе, что эти послѣдніе рѣшительно ничего не желаютъ дѣлать даже въ виду своей собственной неминуемой гибели—съѣстъ ихъ южно-русское дешевое желѣзо.

II.

Пермь я знаю десятки лѣтъ, и всегда на меня этотъ городъ производитъ самое тяжелое впечатлѣніе, особенно по сравненію съ Екатеринбургомъ. Главное основаніе всей жизни здѣсь заключается въ „двадцатомъ числѣ“, когда чиновники получаютъ жалованье, а все остальное, не-чиновное человѣчество живетъ „пакентами“; ни добывающей, ни обрабатывающей промышленности въ Перми нѣтъ. Впрочемъ въ послѣднее время Пермь совсѣмъ преобразилась; мощеныя улицы и цѣлые кварталы прекрасныхъ домовъ производятъ даже извѣстный эффектъ. Къ сожалѣнію, все это тлѣнъ и суета... Искусственное оживленіе произведено желѣзной дорогой, и всякая новая комбинація въ этомъ направленіи безповоротно убьетъ Пермь. Впрочемъ пѣсенка уже спѣта: новая линія Самсукъ-Уфа-Златоустъ достраивается, и безъ сомнѣнія сибирскій транзитъ повернетъ по ней. Пермь тогда останется буквально при одномъ своемъ „двадцатомъ числѣ“... Въ утѣшеніе останутся мостовыя да построенные въ долгъ дома. Что такое будущее—не наша фантазія, доказательствомъ служитъ быстро выростающій городокъ въ Левшинѣ: тамъ сосредоточатся спеціальные грузы уральской дороги, какъ горнозаводской линіи, и туда же должно мало-по-малу перекочевать пароходство.

Здоровый и трудящійся человѣкъ любитъ обыкновенно повеселиться—это его отдыхъ. Самый бойкій сезонъ въ Перми лѣтомъ, во время навигаціи, и что же—городъ скучаетъ, какъ параличный. На единственномъ гуляньѣ, пристроенномъ, какъ задній дворъ, гдѣ-то на выѣздѣ, въ совершенно голомъ мѣстѣ, толчется человѣкъ десять-пятнадцать—и это „вся Пермь". Большой театръ лѣтомъ пустъ, а зимой приноситъ антрепренерамъ одни огорченія: нѣтъ публики.

Всякій, кого fortuna adversa заставитъ провести въ Перми нѣсколько дней, обыкновенно не знаетъ, какъ убить время, и скучаетъ, какъ на поминкахъ. Нечего смотрѣть, некуда дѣваться... Мнѣ лично нужно было остановиться на цѣлый день, чтобы побывать кой у кого изъ старыхъ знакомыхъ, а главное посѣтить нашего пермскаго Нестора—В. Н. Шишенко. Не знаю почему, но Перми посчастливилось по части исторіи края. Первымъ явился на этомъ пути директоръ пермской гимназіи Никита Саввичъ Поповъ, оставившій послѣ себя классическій трудъ: „Хозяйственное описаніе пермской губерніи". Его преемникомъ былъ извѣстный земскій дѣятель г. Смышляевъ, издававшій одно время „Пермскій Сборникъ" и составившій, между прочимъ, систематическій указатель по литературѣ края. Нужно замѣтить, что ни одна русская губернія не имѣетъ такой обширной и разнообразной литературы, какъ пермская, что̀ объясняется какъ громадностью территоріи, такъ разнообразіемъ и обиліемъ всевозможныхъ богатствъ. Послѣднимъ на этомъ поприщѣ явился В. Н. Шишенко, изъ работъ котораго о пермскомъ краѣ составится цѣлая библіотека, а первое мѣсто въ ней безъ сомнѣнія займетъ его капитальный трудъ: „Пермская лѣтопись", уже доведенная до XVIII столѣтія и представляющая уже шесть объемистыхъ выпусковъ, въ общей сложности 4.000 печатныхъ страницъ большого формата.

В. Н. Шишенко—инспекторъ народныхъ училищъ. По профессіи онъ врачъ, но промѣнялъ медицину на народное образованіе. Работая сначала на медицинскомъ поприщѣ, а потомъ на педагогическомъ, онъ въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ неустанно собиралъ всевозможные матеріалы по исторіи края и только съ открытіемъ земскихъ учрежденій получилъ возможность начать свой трудъ, который издается на земскія средства. Работа, во всякомъ случаѣ, единственная, хотя и неоцѣненная по достоинству неблагодарными современниками, видящими въ каждомъ трудѣ одни недостатки. Укажу на тотъ фактъ, что экспертиза сибирско-уральской выставки присудила г. Шишенко за его лѣтопись всего большую серебряную ме-

даль, тогда какъ италіянскому профессору Сомье—золотую за описаніе путешествія по Сибири... Положимъ, что вообще выставочныя награды—вздоръ, и что г. Шишенко работалъ и работаетъ не для золотой медали, но имѣетъ свою важность отношеніе публики къ такому почтенному и единственному въ своемъ родѣ труду, притомъ труду самому кропотливому и крайне неблагодарному.

В. Н. Шишенко я засталъ дома. Онъ живетъ на краю города, гдѣ-то у бульвара. Новенькій одноэтажный домъ, поставленный по-англійски въ глубинѣ двора, смотрѣлъ весьма уютно. Самъ хозяинъ, бо̀льшею частью, въ разъѣздахъ по дѣламъ службы, а дома является гостемъ. Уютная семейная обстановка дѣлала понятнымъ, какъ громадный трудъ вершился здѣсь, между прочимъ, изъ-за десятка другихъ обязательныхъ дѣлъ.

— Не знаю, удастся ли докончить лѣтопись самому, т.-е. напечатать,—говорилъ г. Шишенко съ невольной грустью въ голосѣ.—Всѣ подъ Богомъ ходимъ... Но на случай смерти у меня все приведено въ порядокъ, такъ что и безъ меня могутъ напечатать. Сейчасъ пойдетъ въ дѣло XVIII в.; его надолго хватитъ.

Желая познакомить меня съ своей работой, онъ велѣлъ принести совсѣмъ приготовленные къ печати матеріалы. Это былъ настоящій архивъ. Старинные акты, копіи съ разныхъ документовъ, вырѣзки изъ газетъ, письма и опять копіи составляли громадный фоліантъ.

— Однако, Василій Никифорычъ, какой большой запасъ у васъ еще ненапечатанныхъ матеріаловъ, — удивлялся я, перелистывая рукописи.

— Да вѣдь двадцать-пять лѣтъ собиралъ... Теперь дополненій къ напечатанному наберется цѣлый томъ. Приходится по всей губерніи ѣздить, вотъ и собираешь годъ за годомъ... Матеріалъ ростетъ самъ собой. Конечно, одному гдѣ же справиться... Вотъ эту копію старшая дочь дѣлала, а эту—сынъ Володя. Да... Всей семьей работаемъ понемножку.

Часа полтора прошло для меня совсѣмъ незамѣтно въ самой оживленной бесѣдѣ. Я ѣхалъ на сѣверъ, въ Чердынь, и онъ сообщилъ много такого, чего нѣтъ въ печатныхъ источникахъ. Память у него была удивительная, и оставалось пользоваться только готовыми свѣденіями.

Интересный край—эта Чердынь... По лѣтописи — старая Пермь. Къ сожалѣнію, самый городъ выгоралъ до тла нѣсколько разъ, и большинство историческихъ актовъ уничтожено огнемъ.

На прощаньѣ я получилъ нѣсколько адресовъ въ Чердыни, къ кому обратиться въ случаѣ надобности.

Въ Перми мнѣ хотѣлось увидаться еще съ двумя дѣятелями: Ал. Ал. Дмитріевымъ, который тоже работаетъ по исторіи края, а потомъ съ почтеннымъ земскимъ статистикомъ Е. И. Красноперовымъ, но они пользовались каникулами и были въ отъѣздѣ. Повидавшись еще кое съ кѣмъ изъ старыхъ знакомыхъ, я отправился на пристань. Лѣтомъ Кама подъ Пермью очень красива—берегъ, уставленный пристанями и складами, очень живое мѣсто, и работа здѣсь дѣйствительно кипитъ. Самыя большія пристани, конечно, принадлежатъ волжскимъ пароходамъ, а чердынское пароходство Лунегова пріютилось въ сторонкѣ, подъ горой, на которой стоитъ каѳедральный соборъ. Небольшая пристань и небольшой пароходикъ, разводившій пары, свидѣтельствовали о небольшой публикѣ, которая ѣздитъ вверхъ по Камѣ. До Чердыни отъ Перми съ небольшимъ сутки пути, но я взялъ билетъ только до Усолья, куда пароходъ долженъ былъ придти на другой день. Въ небольшой каютѣ второго класса я засталъ странную публику, которая сидѣла у стола въ такомъ видѣ, какъ будто всѣ собирались прощаться. Приготовленные саквояжи и разные узлы говорили о желаніи оставить пароходъ. На столѣ стояла бутылка съ водкой и двѣ тарелки съ объѣдками.

— Этотъ пароходъ уходитъ сегодня? — освѣдомлялся я у пароходнаго „человѣка".

— Такъ точно-съ... Черезъ часъ побѣжимъ-съ.

— А эти господа что̀ тутъ дѣлаютъ?...

— А такъ-съ...—ухмыльнулся „человѣкъ".—Пермскіе купцы-съ... Пароходъ-то утромъ пришелъ, а они вотъ все еще прохлаждаются.

Мое появленіе, видимо, разстраивало прохлаждавшуюся съ чемоданами купеческую публику. Я не хотѣлъ имъ мѣшать и вышелъ на палубу. Обыкновенно на пристаняхъ, когда отходитъ пароходъ, толпится масса провожающихъ, родныхъ и просто любопытныхъ, но чердынскій пароходъ не интересовалъ даже пермскую скучающую публику. Саечникъ, два-три татарина съ лимонами, городовой, нѣсколько мужиковъ, носильщики—и только. Въ довершеніе всего пошелъ дождь. Не оставалось ничего какъ идти въ свою каюту. Пермскіе купцы съ чемоданами все еще сидѣли тамъ, только на столѣ красовалась новая бутылка водки.

— Такъ какъ, Иванъ Ѳедорычъ... а?—спрашивалъ бритый господинъ, походившій на чиновника, уволеннаго по третьему пункту.

Иванъ Ѳедорычъ, громадный мужичище съ опухшимъ отъ водки лицомъ и мутными глазами на выкатѣ, видимо составлялъ

душу компаніи. Онъ только покачалъ своей громадной, какъ пивной котелъ, головой и хрипло проговорилъ:

— Я здѣсь останусь...

Всѣ засмѣялись, хотя смѣшного пока ничего еще не было.

— Нѣтъ, это не годится, Иванъ Ѳедорычъ: дома-то, поди, ужъ давно ждутъ... Жена, поди, всѣ глаза проглядѣла.

— Ничего, подождутъ... А какъ я женѣ-то въ этакомъ образѣ покажусь?

— Да вѣдь не впервой?..

Пузатенькій бѣлобрысый купчикъ такъ и прыснулъ со смѣху.

— Я прежде такъ дѣлалъ, — заговорилъ Иванъ Ѳедорычъ, грузно вздыхая: — заднимъ дворомъ проберусь, потомъ черезъ кухню въ кабинетъ и сейчасъ выхрапку... А потомъ ужъ какъ стеклышко и объявлюсь. Жена и догадалась: на замкѣ держитъ заднія-то ворота.

— А я черезъ заборъ въ этакихъ случаяхъ... — прибавилъ отъ себя бѣлобрысый.—Тоже совѣстно, ежели, напримѣръ, прислуга увидитъ въ такомъ видѣ...

— Ужъ на што хуже...

Опять смѣхъ и новая бутылка. Кутившіе всю ночь на пароходѣ мужья не рѣшались явиться домой „въ этакомъ видѣ" и тянули время.

— Я всегда женѣ говорю, что пароходъ опоздалъ...—объяснялъ третій пунктъ.

— Тоже надуй ихъ, женъ-то... Нѣтъ, братъ, стара штука.

Послѣ третьей бутылки потребовали „человѣка".

— Вотъ что, братецъ, уведи ты насъ куда-нибудь... понимаешь?

— Какъ не понять-съ... Пожалуйте на пристань, тамъ есть багажная конторка, такъ въ лучшемъ видѣ-съ...

Благой совѣтъ былъ принятъ, и компанія пермскихъ „мужей" очистила каюту, оставивъ послѣ себя цѣлую кабацкую атмосферу. Передавъ багажъ въ контору, компанія побрела пѣшкомъ по берегу Камы, но не домой, а куда-то къ солянымъ амбарамъ. „Третій пунктъ" шелъ впереди и фальцетомъ выводилъ:

Во несчастный день во середу
Злые... злые турки собиралися-а!

III.

Передъ самымъ отходомъ парохода, въ общую каюту второго класса прибыла цѣлая компанія молодежи; это были студенты горнаго института, экскурсировавшіе по уральскимъ заводамъ. Молодежь вездѣ—молодежь, и за ней идутъ беззаботный смѣхъ и веселье, какъ было и теперь. Послѣ живой картины изъ пьяныхъ пермскихъ мужей, точно пахнуло свѣжимъ весеннимъ воздухомъ...

Видъ на Пермь съ парохода очень красивъ, хотя городъ и скрытъ за горой. Опять такъ и рѣжетъ глазъ административная затѣя—неизвѣстно для чего вывести городъ на гору; такія постройки имѣли смыслъ и значеніе для старинныхъ боевыхъ городовъ, по-неволѣ забиравшихся на высокое усторожливое мѣстечко, а Пермь залѣзла на гору безъ всякой уважительной причины. Неудобствъ такого положенія масса: отъ единственнаго своего богатства, Камы, обыватели отдѣлены такими заломами и буераками, что не скоро доберешься до воды. Даже такое невинное предпріятіе, какъ сходить выкупаться—требуетъ большой энергіи и нѣкоторой предпріимчивости, потому что въ жаръ спуститься къ Камѣ и подняться въ городъ—цѣлый подвигъ...

Нашъ маленькій пароходикъ весело свистнулъ и пошелъ „въ гору", т.-е. вверхъ по Камѣ. Скоро городъ и дымѣвшая Мотовилиха скрылись изъ вида. Берега шли низкіе, покрытые тощимъ болотнымъ лѣскомъ. Пароходная публика скоро запряталась по каютамъ, потому что нечего было смотрѣть. Оставался на трапѣ только одинъ какой-то купецъ, разговаривавшій съ капитаномъ. Всѣ какъ-то особенно внимательно оглядывали этого господина и что-то шептались между собой. Я рѣшилъ про себя, что это, вѣроятно, герой какого-нибудь банковскаго хищенія или просто крупный банкротъ,—и одѣтъ плохонько, и видъ какой-то совсѣмъ особенный.

— Кто это съ капитаномъ разговариваетъ?—спросилъ я подвернувшагося „человѣка".

Мой вопросъ доставилъ этому послѣднему видимое удовольствіе, и онъ даже шаркнулъ ножкой.

— Это-съ... это-съ купецъ Брюхановъ, изъ Усолья-съ. Нонѣшней весной въ лотереи не мало выиграли-съ... Господь счастья послалъ.

Признаться сказать, это извѣстіе произвело и на меня такое впечатлѣніе, что невольно захотѣлось еще разъ взглянуть на г. Брюханова. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ выигравшій является

какимъ-то миѳомъ, хотя каждый годъ бываетъ не мало такихъ счастливцевъ. Въ газетахъ по этому поводу провертываются только разные сантиментальные случаи: выиграла какая-то Карамзинская бѣдная Лиза, потомъ богомольная старушка или молодой прикащикъ. Но всѣ эти извѣстія оставляютъ послѣ себя извѣстное сомнѣніе, а тутъ совершенно живой экземпляръ счастливца, которому завидуютъ десятки тысячъ владѣльцевъ выигрышныхъ билетовъ Да, онъ, этотъ избранникъ судьбы, ходилъ по пароходу и самъ по себѣ рѣшительно ничего особеннаго не представлялъ—купецъ какъ купецъ. Лицо длинное, носъ длинный, бородка небольшая, съ просѣдью, общій видъ нездоровый, какой бываетъ у заслуженныхъ церковныхъ старостъ; одѣтъ счастливецъ былъ настолько скромно, что даже какая-нибудь канцелярская тля, получающая всего какихъ-нибудь двадцать рублей, и то не позавидовала бы. Что же, это недурно, и показываетъ человѣка съ характеромъ, который не измѣняетъ самому себѣ. Впрочемъ выигрышъ только что полученъ и некогда было измѣниться. На нашемъ пароходѣ г. Брюхановъ все время оставался героемъ дня, и всѣ смотрѣли на него, вытаращивъ глаза. Всѣхъ удивляло то простое обстоятельство, что вотъ, поди ты, свой, нашъ усольскій—и вдругъ такія деньги получилъ за здорово живешь!

— Конечно, первымъ дѣломъ благотворительныя дамы въ Перми съ него свою пошлину взяли, — разсказывалъ угнетенно какой-то старичокъ:—потомъ въ Усольѣ хоръ пѣвчихъ устроилъ. Все какъ слѣдуетъ. Два парохода купилъ—изъ Перми въ Кунгуръ бѣгать.

Благодаря выигрышу г. Брюханова, между Пермью и Кунгуромъ установилось правильное пароходное сообщеніе; что же, дѣло хорошее.

Верхняя часть Камы, начиная отъ Перми, самая оживленная; ее можно смѣло назвать заводско-промышленной. Мы плыли по царству Строгановскихъ имѣній, подѣленныхъ между наслѣдниками. Заводы слѣдовали одинъ за другимъ: Хохловскій, Полазнинскій, Добрянскій, Чермозскій, Пожевской. Съ парохода можно было разсмотрѣть только одинъ Добрянскій заводъ, а остальные расположились въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега, какъ Чермозскій или Пожевской. Особенно замѣчательны двѣ рѣки, впадающія въ Каму съ правой стороны—это Обва и Иньва; обѣ служатъ живымъ ключомъ къ самымъ населеннымъ на Уралѣ мѣстностямъ, а Иньва, кромѣ того, составляетъ вполнѣ пермяцкую рѣку, потому что въ ея бассейнѣ сосредоточилось все пермяцкое цар-

ство съ своей столицей Кудымкоръ. Не нужно смѣшивать древнихъ пермичей, или пермитянъ, съ иньвенскими пермяками-инородцами: между ними ничего общаго нѣтъ—первые составляли въ верховьяхъ Камы аванпостъ волжскихъ серебряныхъ булгаръ, а послѣдніе — какая-то отрасль зырянскаго племени. Между прочимъ, мы были введены въ немалое заблужденіе Рѣшетниковымъ, который въ своихъ „Подлиповцахъ“ описывалъ именно пермяковъ-инородцевъ. Сысойко и Пила являлись не русскими типами, а представителями вырождающагося пермяцкаго племени. Этотъ крошечный народъ давно обратилъ на себя вниманіе ученыхъ людей, и о пермякахъ, благодаря трудамъ Теплоухова, Рогова и др., составилась цѣлая литература. Въ пермской губерніи пермяковъ насчитываютъ до 80 тыс., да въ вятской около 10 тыс. Замѣчательно то, что удержалось много пермяцкихъ названій рѣкъ: Чусовая (чусъ—быстрый, ва—вода)—быстрая вода, Иньва—бабья вода, Егва—грязная вода, Юсьва—лебединая вода, и т. д. Пермяцкій языкъ отличается бѣдностью, но зато имѣетъ 17 падежей. Знаменитыя пельмени (правильно: пельнянь—хлѣбное ухо) обязаны своимъ происхожденіемъ пермякамъ; по крайней мѣрѣ, имъ приписываютъ его пермяцкіе патріоты, хотя и есть сомнѣніе, что пельмени вмѣстѣ съ самоваромъ „изобрѣтены“ давнымъ-давно въ Китаѣ. Сами пермяки до того любятъ свое національное кушанье, что, какъ разсказываютъ, обкладываютъ пельменями даже покойниковъ и сами съѣдаютъ все на поминкахъ. Есть и національный напитокъ: брага. Пермяки пьютъ ее въ ужасающихъ количествахъ. Достоинства такой пермяцкой браги предъ водкой или фабричнымъ пивомъ неисчислимы: она питательна, здорова и дешева. Приготовляютъ брагу дома, для домашняго обихода, слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о какихъ-нибудь вредныхъ примѣсяхъ или акцизѣ. Въ крестьянскомъ быту, когда справляютъ свадьбы, годовые праздники или поминки, брага является благодѣяніемъ. Про пермяковъ на Уралѣ сложилась пословица: „худъ пермякъ, да два языка зна(е)тъ“.

Рѣка Обва славится на Уралѣ своими обвинками — маленькими крѣпкими лошадками, разведенными здѣсь по указанію Петра I. Теперь обвинки вывелись, а продолжаетъ оставаться только одна слава. На р. Обвѣ стоитъ знаменитое село Ильинское—главная резиденція Строгановскихъ нынѣшнихъ имѣній, а въ устьѣ рѣки—богатое Слудское село, знаменитое своими сплавщиками, лоцманами. Мы „пробѣжали Слудку“ уже вечеромъ, а наступившая ночь окончательно загнала всѣхъ въ каюты.

Ѣхавшіе компаніей горные студентики произвели на меня

самое хорошее впечатлѣніе; это уже новые люди въ замкнутой семьѣ старинныхъ горныхъ инженеровъ. Мы проговорили за полночь о горнозаводскихъ дѣлахъ, и мои собесѣдники оказались не учениками только, которые ползутъ отъ экзамена до экзамена, а вообще образованными людьми, что встрѣчается не особенно часто. На Уралѣ они были въ первый разъ и горячо интересовались всѣмъ, что относилось къ ихъ спеціальности.

— А вотъ первые болгарскіе горные инженеры, — рекомендовали мнѣ двухъ сильныхъ брюнетовъ, которыхъ я сначала принялъ за кавказцевъ.—Имъ будетъ отлично... Прямо и начнутъ съ послѣдняго слова науки, да еще въ болгарскую исторію попадутъ, какъ первые піонеры горнаго дѣла...

Болгары порядочно говорили по-русски и весело отшучивались отъ комплиментовъ. Родомъ они были тоже изъ историческаго мѣста — изъ знаменитаго прохода Елены въ Балканахъ и хорошо помнили послѣднюю русско-турецкую войну...

Утромъ на другой день я проснулся рано, и часовъ въ шесть былъ уже на палубѣ. Хотѣлось посмотрѣть новыя мѣста и полюбоваться красавицей Камой при утреннемъ освѣщеніи. Погода за ночь измѣнилась къ лучшему, и на синемъ іюньскомъ небѣ весело играло утреннее солнышко. Волокнистая пленка тумана еще кутала воду кое-гдѣ по заливамъ и обережью, но средина рѣки переливалась глубокой синевой; ее бурили тѣ водяные вихри, которые придавали поверхности рѣки блескъ тканаго шолка. Какая сильная и могучая рѣка и какъ напрасно пропадаетъ эта великая даровая сила: пробѣжитъ какой-нибудь жалкій пароходикъ, проплывутъ двѣ баржи да нѣсколько лодокъ—вотъ и все движеніе по такой громадной живой дорогѣ. Да и берега совсѣмъ пустынные: заливные луга, рѣдкій лѣсокъ и опять луга. Рѣдко попадется деревня, но пашенъ много. Земля ужъ не чета нашему зауральскому чернозему—суглинокъ, а то и сплошной песокъ. Къ такой землѣ много нужно приложить трудовъ праведныхъ, чтобы она сдѣлалась „родимой" и „украсила зернышкомъ" трудовую ниву. Отъ Перми мы плыли уже по третьему уѣзду—пермскій, оханскій, соликамскій. Все это такіе бѣдные и жалкіе уѣзды, какъ и вообще все Пріуралье, за исключеніемъ, можетъ быть, одного красноуфимскаго; населеніе какого-нибудь оханскаго уѣзда является самымъ густымъ для пермской губерніи: 20,3 человѣка на квадратную версту. Въ чердынскомъ уѣздѣ на квадратную версту всего 1,4 человѣка.

— Плохія ваши мѣста... — говорю я какому-то старичку, который тоже смотрѣлъ на Каму.

— А чѣмъ плохи?..

— Да всѣмъ: и земля плоха, и бѣднота кругомъ.

— Чтѣ подѣлаешь: господская земля кругомъ... А то бы жить можно, ежели бы, напримѣръ, земля... Вотъ заливные-то луга, такъ аренды за нихъ по восьми рубликовъ платятъ Лазареву. У Строгановыхъ ныньче большая прижимка тоже... Смотались крестьяны. Вотъ у насъ въ Орлѣ, такъ все единственно: есть она, земля, нѣтъ ея... Ни одного фунта не пашемъ.

— Ты изъ Орла?..

— Точно такъ...

— Сплавщикъ?

— Бываетъ...

Орелъ—городокъ, какъ и Слудка, является лоцманскимъ гнѣздомъ. Я много слыхалъ раньше объ этомъ селѣ, и встрѣча съ орловскимъ лоцманомъ давала случай познакомиться поближе. Благообразный старикъ оказался разговорчивымъ и бывалымъ человѣкомъ. Началъ онъ свою жизнь мальчикомъ у чердынскихъ купцовъ, которые вели дѣло на Печорѣ—скупали знаменитую печорскую рыбу. Потомъ мало-по-малу закинулъ и свое задѣлье въ компаніи съ другимъ молодцомъ: сколотились деньжонками, снарядили суденышко, и денежка оправдалась. На Печору возили соль, а съ Печоры рыбу. Дѣло вѣрное, только далеко уходить надо. Потомъ придумалъ онъ баржи строить—дѣти большія, помогать будутъ. Сейчасъ выкинули плотбище на р. Вишерѣ, и пошла работа. Опять жить можно, слава Богу.

— Да вотъ попенными доняли насъ, баржовщиковъ,—продолжалъ старикъ: — съ 1878 года съ баржи-то однихъ попенныхъ платилъ больше двухъ тыщъ рублей, а баржѣ всей-то цѣна восемь тыщъ да надо еще по нынѣшнему времени ихъ взять. Затишало дѣло съ лѣсомъ... Ну, я нынѣшнимъ лѣтомъ и вздумалъ сплавать въ Петербургъ.

— На пароходѣ?

— Зачѣмъ на пароходѣ,—на баркѣ, лоцманомъ. Съ Вишеры увелъ двѣ барки съ желѣзнымъ блескомъ и предоставилъ ихъ въ Колпино, къ хозяину; значитъ, къ Цпицу...

— Это Щеголихинскую руду съ Ивановскаго пріиска?..

— Ее самую... Цѣлая гора руды-то. Это по Вишерѣ вверхъ надо къ Камню идти; тамъ и жилья нѣтъ. Мы о великомъ посту на лыжахъ туда ушли, построили двѣ барки, нагрузили 60 тыщъ блеску да по паводку и сплыли на лотахъ. Цпицъ-то молодецъ: домны строитъ хочетъ и желѣзную дорогу наладитъ.

История съ открытымъ на Вишерѣ мѣсторожденіемъ желѣз-

наго блеска характеризуетъ нашихъ родныхъ предпринимателей. Оно сдѣлано г. Щеголихинымъ, который самъ не могъ воспользоваться открытымъ богатствомъ, а принужденъ былъ его продать. Свои промышленники такъ и не обратили вниманія на лежавшее подъ носомъ богатство, а пріобрѣла его какая-то иностранная фирма.

IV.

— Вонъ и Кондасъ! а тамъ верстъ восемь подадимся впередъ, и нашъ Орелъ, — говорилъ лоцманъ, указывая на правый берегъ. — На горкѣ-то домъ съ зеленой крышей — это лѣсопромышленникъ Кирьяновъ живетъ. Онъ въ Астрахань по лѣту бѣлянъ до пяти сплавляетъ... Богатимый мужикъ—вся округа имъ кормится.

Кондасъ — красивый уголокъ. Къ рѣкѣ выдвинулся крутой бугоръ, а на немъ утвердилась хоромина мѣстнаго богача. Самая деревня разсыпала свои домишки по берегу. Да и какая это дѣревня—всю-то ее взять да сложить въ одну бѣляну. Подъ самой деревней Кама дѣлаетъ крутую излучину, въ которую и впадаетъ небольшая рѣчонка Кондасъ, а вверхъ по теченію разлегся большой островъ. Однимъ словомъ, всѣ условія для плотбища. Лежавшая на берегу недостроенная бѣляна служила вывѣской засѣвшему на горѣ лѣсопромышленнику.

Когда пароходъ подходилъ къ Орлу-городку, на палубѣ собралась чуть не вся публика — всякому хотѣлось посмотрѣть на сказочное село. Видъ на Орелъ издали ничего особеннаго не представляетъ: высокій глинистый берегъ, уставленный крѣпкими избами, каменная бѣлая церковь, рядъ лодокъ на берегу—и только. Ближе можно разсмотрѣть, что это не избы, а дома на городскую руку. Есть даже каменныя постройки, а желѣзныхъ крышъ и не перечтешь.

— Теплое мѣстечко!..—слышатся голоса.—И бабы орловскія дошлыя... Эвонъ, закатываютъ на лодочкахъ. Ловко... Скотину всю держать за рѣкой. Вонъ у нихъ и стаи для коровъ надѣланы... Утромъ и вечеромъ бабы ѣздятъ коровъ доить. Здѣшнія бабы огородницы...

Дѣйствительно, на лѣвомъ берегу Камы образовался цѣлый городокъ коровьихъ хлѣвовъ. Цѣлое лѣто скотина пасется на заливныхъ лугахъ. Пароходъ далъ свистокъ и убавилъ ходъ —

на кормѣ алѣлъ кумачный красный платокъ, а другой бабій платокъ работалъ весломъ.

— Ну, прощайте, баринъ! — прощался со мной орловскій лоцманъ. — Ужо пріѣзжайте къ намъ въ гости.. Изъ Усолья-то рукой подать.

Лодка ловко причалила къ пароходной лѣсенкѣ, приняла пассажировъ и отвалила. Сидѣвшія въ ней бабы одѣты были въ ситецъ и хотя особенной красотой не отличались, но зато какой это былъ здоровый и ловкій народъ! У сидѣвшей на кормѣ весло было расписано сусальнымъ золотомъ, а у другой такое пестрое, что больно смотрѣть. Какія-то сказочныя бабы да и только...

— Радуются, а не живутъ въ Орлѣ... За двадцать лѣтъ ни одного убійства не было.

— Ужъ на что лучше! Мужики лоцманятъ, а бабы домашность всякую справляютъ... На Слудкѣ хорошо живутъ, нечего сказать, а здѣсь, пожалуй, почище. Природное у нихъ рукомесло.

Всѣхъ дворовъ въ Орлѣ не больше двухсотъ, но они такъ широко разсажались по берегу, что производятъ впечатлѣніе очень большого селенья. Глядя на него, я думалъ, что вся Кама могла бы уставиться такими селами, если бы... Это „если бы“ сложилось тяжелымъ историческимъ путемъ и досталось Пріуралью въ наслѣдство отъ Москвы, закабалившей фамиліи Строгановыхъ громадную площадь земли. Отъ Усолья и до Осы вы ѣдете сотни верстъ по настоящей владѣльческой землѣ, да настолько же она раскинулась въ ширину. Это цѣлое царство съ сотнями тысячъ бывшаго крѣпостного населенія. Когда-то все это принадлежало однимъ Строгановымъ, а теперь распалось по боковымъ линіямъ. Четыре заводскихъ округа—Чермозскій, Пожевской, Очерскій и Лысвенскій занимаютъ площадь земли въ 2.639.991 десятину. Самымъ крупнымъ владѣльцемъ здѣсь является гр. Сергій Ал. Строгановъ, которому принадлежитъ 726.569 десятинъ; за нимъ слѣдуетъ кн. Ел. Хр. Абамалекъ-Лазарева — 541.877 десятинъ, потомъ гр. Петръ П. Шуваловъ — 479.451 десятина, „франко-русское уральское общество“—317.167 десятинъ, наслѣдники д. с. с. А. П. Всеволожскаго—269.038 десятинъ, наслѣдники П. П. Демидова кн. Сан-Донато — 142.814 десятинъ, наслѣдники гр. А. П. Шувалова—30.907 десятинъ и „камское акціонерное общество“ — 28.482 десятины. Какъ видите, счетъ идетъ на очень почтенныя цифры. Всѣхъ заводскихъ земель на Уралѣ больше 8 милліоновъ. Изъ нихъ половина принадлежитъ владѣльцамъ на правѣ полной собственности, а вторая половина дѣлится непоровну между казной и поссессіон-

ными заводовладѣльцами,—послѣднимъ принадлежитъ около двухъ третей этой второй половины. Интересно, какъ распредѣлены эти заводскія дачи въ географическомъ отношеніи: главная владѣльческая площадь сплошнымъ пространствомъ залегла въ бассейнѣ Камы, средній Уралъ занятъ поссессіонерами и казной, а на югѣ опять владѣльческія дачи и отчасти казна. Такое расположеніе ясно показываетъ, какимъ путемъ шелъ захватъ Урала, и что центръ чисто владѣльческихъ земель—это бывшія Строгановскія владѣнія. Наши уральскіе лэндлорды были заготовлены еще Москвой, а Ирландія уже будетъ сама собой и даже есть уже теперь... Стоитъ взять положеніе промысловаго населенія на солеваренныхъ заводахъ въ томъ же соликамскомъ уѣздѣ: въ усольской волости на ревизскую душу приходится 0,63 десятины, въ ленвенской—0,84 десятины и въ дедюхинской—1,07 десятины. Но это еще счастливцы — все-таки хоть жалкій клочокъ земли есть, а вотъ въ дачѣ кн. Абамалекъ-Лазаревой, такъ тамъ у заводскаго населенія полный земельный нуль. Въ Чермозскомъ заводѣ, напримѣръ, платятъ за усадьбы оброкъ по 1 р. 50 к. съ души, а землю арендуютъ по 8 р. за десятину — это дрянной камскій суглинокъ, когда вся зауральская Башкирія съ ея великолѣпнымъ степнымъ черноземомъ сдается по рублю съ десятины, а въ казачьихъ земляхъ оренбургской губерніи такая аренда падаетъ до смѣшной цифры въ 20—30 копѣекъ за десятину. Вообще, все горнозаводское населеніе осталось на Уралѣ безъ земельнаго надѣла; во многихъ дачахъ не отведено даже выгона, какъ въ Кыштымскихъ заводахъ; но нужно отдать справедливость пріуральскимъ заводовладѣльцамъ, которые берутъ оброкъ даже за усадьбы. Лэндлордство ведетъ за собой неизбѣжно пролетаріатъ; въ Россіи такимъ пролетаріатомъ является населеніе уральскихъ горныхъ заводовъ... По казенной статистикѣ, такихъ „обращающихся на заводскихъ работахъ" рабочихъ на Уралѣ насчитывается больше 86 тысячъ. Если прибавить семьи къ этимъ „обращающимся", то получится крупная цифра за 300 тысячъ, а въ дѣйствительности она гораздо больше, потому что въ заводскихъ дачахъ проживаетъ милліонное населеніе.

Всего лучше положеніе населенія на казенныхъ горныхъ заводахъ, и поэтому слѣдуетъ хранить неприкосновенность уцѣлѣвшихъ отъ расхищенія казенныхъ дачъ, какъ зѣницу ока: это вѣчный земельный фондъ для ростущаго на владѣльческихъ заводахъ пролетаріата. Впереди у уральскихъ заводчиковъ неизбѣжный крахъ, и нужно подумать о несчастномъ населеніи, запертомъ во владѣльческихъ дачахъ.

Намъ остается сдѣлать характеристику здѣшнихъ заводовладѣльцевъ, во главѣ которыхъ больше трехсотъ лѣтъ стоитъ фамилія именитыхъ людей Строгановыхъ. Рѣзкая разница пріуральскихъ заводскихъ дачъ заключается въ томъ, что здѣсь нѣтъ такихъ безумныхъ богатствъ, какъ въ Зауральѣ, а поэтому не могло образоваться азартной игры въ заводское дѣло. И земля не та, и люди другіе... Здѣшніе милліоны давались туго, а поэтому, вѣроятно, и проживались они не легко. Фамилія Строгановыхъ занимаетъ почтенное и выдающееся мѣсто въ семьѣ остальныхъ заводчиковъ. На разстояніи сотенъ лѣтъ мы видимъ во главѣ этой фамиліи почтенныхъ дѣятелей, пріумножавшихъ фамильныя богатства и не бросавшихъ на вѣтеръ милліоны, какъ это дѣлали Демидовы. Эта хорошая сторона отозвалась прежде всего, конечно, на громадномъ штатѣ заводскихъ служащихъ, причемъ Строгановскіе пользуются заслуженной репутаціей людей умныхъ, образованныхъ и вообще дѣльныхъ. Когда Демидовъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія послалъ нѣсколько молодыхъ людей учиться за границу, то по возвращеніи домой они всѣ посходили съ ума или кончили самоубійствомъ—такъ была велика разница между европейскимъ складомъ жизни и дымомъ крѣпостныхъ заводовъ. У Строганова тоже были свои „заграничные", но изъ нихъ вышли почтенные дѣятели, которые оставили извѣстное имя даже въ наукѣ, какъ Теплоуховъ. На Строгановскихъ заводахъ не было нужды прибѣгать къ своимъ крѣпостнымъ самородкамъ, которые неистовствовали на зауральскихъ заводахъ... Но это одна сторона дѣла, а другой является та московская закваска, которая красной нитью проходила черезъ все Строгановское владѣніе пожалованными землями — Строгановы остались вѣрны взглядамъ московской старины на „подлый" народъ, и это особенно рельефно сказалось при эманципаціи.

Самымъ больнымъ мѣстомъ Строгановскихъ земель являются дачи наслѣдниковъ въ боковыхъ линіяхъ. Тутъ уже нѣтъ даже и хорошихъ Строгановскихъ традицій, и все дѣло велось черезъ пень колода. Одни заводы Всеволожскихъ или Шуваловыхъ чего стоютъ!.. Незнаніе заводскаго дѣла, неспособность владѣльцевъ и высасываніе изъ заводскаго дѣла послѣднихъ питательныхъ соковъ повело къ полному разоренію. Конечно, это прежде всего отражается на рабочемъ заводскомъ населеніи, и есть такой заводъ, изъ котораго всѣ буквально бѣжали, а дома стоятъ заколоченными наглухо, какъ послѣ чумы. Единственное спасеніе для этихъ бѣдствующихъ заводскихъ дачъ заключается въ томъ, чтобы ихъ прибрали болѣе умѣлыя руки. Процессъ такого отчуж-

денія уже начался, какъ мы видимъ, на двухъ заводахъ Пожевскаго округа — Александровскомъ и Никитинскомъ (Майкарскій тожъ), купленныхъ Демидовымъ, а также на тѣхъ заводахъ, которые пріобрѣтены отъ владѣльцевъ акціонерными компаніями. Слѣдовательно, это только вопросъ времени, когда произойдетъ отчужденіе и остальныхъ. А между тѣмъ какъ бы могли хорошо работать здѣшніе заводы: каменный уголь подъ рукой и даже для него проведена желѣзная дорога—Луньевская вѣтвь. Каменный уголь такъ и будетъ лежать, пока заводы не уйдутъ съ молотка...

Кстати, приведу здѣсь интересный случай съ этой землей, которая мѣряется то сотнями тысячъ десятинъ, то десятичными дробями—средины нѣтъ. Въ осинскомъ уѣздѣ есть двѣ заводскихъ дачи, Уинская и Шермяитская, при которыхъ земли числилось 216 тысячъ десятинъ. Первоначально эта заводская земля была куплена Глѣбовымъ (кажется, родственникъ Скавронскихъ, игравшій въ XVIII в. большую роль въ сенатѣ) у татаръ „сибирской дороги" на довольно оригинальныхъ условіяхъ: отъ Шермяитскаго завода на 50 верстъ въ окружности. Заводы и право на землю у Глѣбова пріобрѣла впослѣдствіи граф. Рошфоръ. Новая владѣлица захотѣла опредѣлить границы своей дачи, но сейчасъ же возникъ споръ, рѣшенный сенатомъ въ пользу графини. Тогда она заявила новое требованіе, именно, что 50 верстъ нужно считать старинныя, т.-е. по 1.000 саженъ верста, и такимъ образомъ радіусъ ея владѣній являлся уже въ 100 верстъ. Когда межевые чины прикинули на прикладъ эту новую мѣру, то оказалось, что нужно будетъ замежевать въ заводскую дачу много владѣльческой земли, дачи государственныхъ крестьянъ и два уѣздныхъ города—Осу и Оханскъ. Конечно, такое громкое дѣло подняло на ноги массу заинтересованныхъ лицъ—вопросъ шелъ о двухъ милліонахъ десятинъ. На этотъ разъ владѣлица проиграла, потому что ей было отказано въ разсмотрѣніи дѣла судебно-межевымъ порядкомъ. А чтобы вести его въ исковомъ порядкѣ, приходилось прежде всего внести громадную судебную пошлину: оцѣнка земли произведена была всего въ 3 р. десятина, но и на такихъ условіяхъ искъ составлялъ 6 милл. рублей. Гр. Рошфоръ не могла внести исковой пошлины, и дѣло заглохло. Но интереснѣе всего финалъ. Когда гр. Рошфоръ рѣшилась воспользоваться своими 50 верст., дача оказалась занятой: тутъ была и крестьянская земля, и заводская, и даже министерства госуд. имуществъ, потому что давнымъ-давно истекла всякая давность, и владѣніе утверждено по всей формѣ. Вообще,

это было одно изъ громкихъ и запутанныхъ дѣлъ, велось оно десятки лѣтъ и кончилось тѣмъ, что гр. Рошфоръ получила какія-то жалкія крохи...

V.

Пароходъ подходилъ къ Новому-Усолью утромъ.

— Посмотрите, какой американскій видъ!—восторгался кто-то изъ публики.—Дымъ столбомъ...

Дѣйствительно, издали видъ на Усолье очень хорошъ. Оба берега Камы заняты сплошь всевозможными постройками: тутъ и обывательское жилье, и деревянныя башенки надъ буровыми скважинами для добыванія соляного разсола, и громадные амбары для склада соли, и десятки трубъ надъ солеварнями, и опять амбары, баржи, плоты и пристани, и даже вокзалъ желѣзной дороги. Получается удивительно живая и бойкая картина, особенно если смотрѣть съ средины усольскаго плеса на Камѣ: вы очутитесь въ центрѣ сплошного круга построекъ верстъ въ десять. Могу сказать про себя, что я былъ пораженъ—это что-то ужъ совсѣмъ по-американски, а на Камѣ ничего подобнаго нѣтъ. Ближе эта картина распадается на нѣсколько отдѣльныхъ частей. Собственно Усолье занимаетъ одинъ правый берегъ, а на лѣвомъ въ рядъ вытянулись Березняки, Ленва и заштатный горный городъ Дедюхинъ.

На пристани усольскихъ пассажировъ уже ждали свои экипажи, а всѣ остальные должны были отправиться въ селенье по образу пѣшаго хожденія. Ни о „проѣзжающихъ номерахъ", ни объ извозчикахъ, конечно, не могло быть и рѣчи. На мое счастье, попалась земская лошадь, оставшаяся не у дѣлъ, и я воспользовался ею, чтобы добраться до земской квартиры. Конецъ получался въ нѣсколько верстъ. Пароходная пристань для удобства публики поставлена на концѣ селенія, гдѣ высыпали на берегу жалкія лачужки и въ нѣсколько рядовъ вытянулись соляные амбары. Центръ былъ впереди. Картина соляного городка привлекательнаго ничего не представляетъ. Постройки всѣ деревянныя и всѣ какого-то обветшалаго вида: пропитанныя солью бревна лупились измочаленными лентами, какъ вынутое изъ воды лыко. Пахнуло застоявшейся сыростью и гнившимъ деревомъ. Бревенчатыя башенки, въ которыхъ добывался соляной разсолъ, походили на сторожевыя укрѣпленія старинныхъ городовъ. Къ каждой такой башенкѣ проведены были деревянныя штанги самаго

первобытнаго устройства. По кирпичнымъ и желѣзнымъ трубамъ можно было догадываться о существованіи варницъ, по наружному виду походившихъ отчасти на сѣновалы, отчасти на кирпичные сараи. Слишкомъ ужъ много дерева, и ничего такого, что̀ напоминало бы обстановку заводскаго или фабричнаго дѣла,— точно вы по щучьему велѣнью перенеслись въ доброе старое время московскаго лихолѣтья, или еще дальше—къ эпохѣ новгородскихъ ушкуйниковъ и Мареы Посадницы. Рабочихъ было почти не видно, и только валившій изъ нѣкоторыхъ трубъ дымъ говорилъ о какой-то невидимой работѣ.

— Работаютъ на варницахъ?—спрашивалъ я земскаго возницу.

— Це инд?—на-распѣвъ и съ чердынскимъ акцентомъ отвѣтилъ онъ.—Которы работаютъ, которы нѣтъ...

Само по себѣ Усолье—довольно красивое селенье, съ типичнымъ промысловымъ характеромъ. Середины не было: или лачуги обывателей, или хоромины солеварныхъ магнатовъ. На главной площади—соборъ старинной архитектуры и кругомъ базаръ, тоже устроенный по старинному. Получалось что-то такое особенное—село не село, городъ не городъ, заводъ не заводъ. Вонъ хмурятся на берегу каменныя палаты Строгановыхъ—совсѣмъ ужъ онѣ не гармонируютъ съ остальной бревенчатой мелюзгой, а потомъ опять чьи-то хоромины и опять деревянная ничтожность. Въ собственномъ смыслѣ слова, живутъ здѣсь одни управляющіе промысловъ, а остальное причастное соляному дѣлу промысловое человѣчество только влачитъ существованіе, выражаясь высокимъ слогомъ.

Земская станція скромно пріютилась въ какомъ-то закоулкѣ. Въ Усольѣ у меня не было ни одной души знакомой, но, на мое счастье, на станціи я случайно встрѣтилъ своего пріятеля г. Б. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть варницы, а потомъ знаменитый содовый заводъ бр. Любимовыхъ въ Березнякахъ—единственный содовый заводъ на всю Россію.

— Мы сегодня же все можемъ осмотрѣть,—рѣшилъ мой знакомый.—Только нужно достать разрѣшеніе...

Добыть послѣднее оказалось не такъ-то легко. Мы забрались къ какому-то управляющему и отрекомендовались. Оказалось, что нужно было дать чуть не присягу, что мы не будемъ сами варить соль, какъ только осмотримъ промыслы, а главное— грозила опасность, что мы предвосхитимъ чудеса усольской солеваренной техники. Мнѣ, наконецъ, надоѣла эта глупая церемонія, и мы ушли ни съ чѣмъ.

— Лучше всего отправиться прямо въ Березняки къ Любимову,—совѣтовалъ огорченный неудачей г. Б.—Тамъ гораздо проще...

Такъ мнѣ и не удалось познакомиться собственно съ усольскими промыслами, основаніе которыхъ восходитъ къ началу XVI-го столѣтія. Усолье вначалѣ принадлежало Строгановымъ, а теперь право собственности на промыслы распалось. Львиная часть осталась все-таки за Строгановыми, а за ними уже слѣдуютъ насл. графа Шувалова, кн. Абамалекъ-Лазарева и кн. Голицынъ. Въ общей сложности, усольскіе промыслы даютъ около 7 мил. пудовъ соли.

На пути въ Березняки мы осмотрѣли старинный соборъ, напоминающій новгородскую старину. Чтобы добраться до содоваго завода, мы должны были съ версту тащиться по песчаной отмели и потомъ черезъ Каму переправились на паромѣ. Видъ отсюда получался замѣчательно хорошій, а Березняки смотрѣли совсѣмъ по-европейски: на первомъ планѣ пятиэтажное зданіе содоваго завода, рядомъ сосновый паркъ, въ паркѣ „господскій домъ", а дальше начинались соляныя варницы, амбары и бревенчатыя башенки. Когда паромъ толкнулся о берегъ, на насъ такъ и пахнуло ядовитыми газами громаднаго химическаго завода. Оригинальную картину представлялъ вблизи сосновый паркъ: деревья совсѣмъ высохли, и зеленая хвоя оставалась только коегдѣ внизу. Все это была работа выдѣлявшихся при производствѣ газовъ.

Управляющій промыслами въ Березнякахъ, г. Самосатскій, оказался гораздо любезнѣе своего предшественника и сейчасъ же выдалъ намъ пропускъ для осмотра всякаго производства; онъ, видимо, не подозрѣвалъ въ лицѣ скромныхъ туристовъ конкурентовъ, которые высмотрятъ всю механику дѣла и сейчасъ же соорудятъ второй въ Россіи содовый заводъ.

Мы проѣхали по умиравшему парку, миновали новенькіе корпуса съ квартирами служащихъ и, наконецъ, предъявили у сторожки свой пропускъ.

— Пожалуйте...

Внѣшній видъ содоваго завода напоминаетъ хорошую вальцевую мельницу; все производство сосредоточено внутри, а на заводскомъ дворѣ попадались только кучи колвинскаго известняка, каменный уголь и разная фабричная ломь. Осмотръ мы начали съ нижняго этажа, гдѣ стояли паровыя машины, и гдѣ мы вступали сразу въ специфическую атмосферу вредныхъ газовъ: засаднѣло въ горлѣ, завертѣло въ носу и заволокло глаза слезой.

— Ну, это мое почтеніе... — заявлялъ я, зажимая носъ платкомъ.

— Да, ничего... для перваго раза,—согласился Б., принимаясь чихать.

Выдѣлявшіеся при содовомъ производствѣ газы донимали не насъ однихъ, а доставалось всѣмъ: рабочіе имѣли испитой, жалкій видъ, а металлическія части машинъ были покрыты ржавчиной. Особенно непривлекательный видъ имѣли громадные цилиндры изъ толстаго котельнаго желѣза, въ которыхъ совершались разныя химическія тайны; желѣзо снаружи было покрыто толстой корой изъ ржавчины, точно коростой, натеками и полосами скипѣвшейся бѣлой массы и сочившейся откуда-то водой. Конечно, не могло быть и рѣчи о щегольствѣ машинъ, какъ на желѣзныхъ заводахъ. Прибавьте къ этому грязь на полу, сырость и носившуюся въ воздухѣ известковую пыль.

Во второмъ этажѣ мы нашли служащаго, который и показалъ въ порядкѣ производства все дѣло. Нашъ Виргилій имѣлъ общій видъ со всѣмъ живымъ, что попадало въ эти стѣны: зеленоватый цвѣтъ лица, чахоточно-ввалившуюся грудь и вообще самый болѣзненный и натруженный обликъ. Переходя изъ этажа въ этажъ, мы обливались самыми непритворными слезами, чихали и кашляли, какъ овцы. Наши носы были сконфужены окончательно, точно составляли какой-нибудь фильтръ при содовомъ производствѣ.

— У меня голова кружится...—заявлялъ Б., хватаясь за перила послѣдней лѣстницы.

— Всякое дѣло необходимо доводить до конца,—резонировалъ я, стараясь дышать черезъ платокъ.

— Это только сначала, а вотъ мы привыкли,—успокаивалъ путеводитель.

Особенно эффектно было отдѣленіе, въ которомъ стояли чаны съ осаждавшейся въ ней содой. Здѣсь рабочіе работали, завязавъ ротъ платками, а одинъ дышалъ черезъ губку. Это было какое-то чистилище... Послѣдній актъ заканчивался подъ машиной, насыпавшей готовую соду въ деревянныя бочки—такая прекрасная сода, блестѣвшая самой невинной бѣлизной.

— Совсѣмъ готовыя бочки съ содой поступаютъ на баржу и отправляются на низъ,—объяснялъ служащій.—Всего въ годъ заводъ вырабатываетъ до 800.000 пудовъ, но можетъ и увеличить производство.

Сода, какъ извѣстно, есть угленатровая соль, употребленіе которой самое разнообразное, начиная съ техническихъ произ-

водствъ, какъ мыловареніе, стекловареніе, бѣленіе и мытье тканей, приготовленіе красокъ, и кончая медицинской кухней, гдѣ она получила значеніе уже „домашняго средства". Способовъ добыванія соды очень много; самый употребительный до послѣдняго времени былъ изобрѣтенъ Лебланомъ. Но тотчасъ появилось много новыхъ видоизмѣненій: Шелле, Carnu, Konna, Turkck'a, Hunt'a, Cossade и др. Особенно важное значеніе получилъ въ послѣднее время такъ-называемый амміачный способъ, разработанный Шлезвигомъ и Сольве. Заводъ въ Березнякахъ построенъ самимъ Сольве и представляетъ послѣднее слово науки. Однимъ изъ важныхъ преимуществъ этого способа является то, что соду вырабатываютъ не изъ поваренной соли, какъ дѣлалось раньше, а прямо изъ натуральнаго соляного раствора, какой выкачивается здѣсь изъ буровыхъ скважинъ. Считаемъ себя не въ правѣ передавать подробностей химическаго производства на заводѣ въ Березнякахъ—это разъ; а второе—это слишкомъ спеціальный вопросъ, и, въ качествѣ туриста, можно что-нибудь напутать. Для обыкновеннаго читателя достаточно сказать, что сода здѣсь приготовляется изъ соляного разсола и углекислоты, получаемой при обжиганіи известняка, и что прежде чѣмъ получится всѣмъ извѣстный бѣлый порошокъ, онъ проходитъ такой сложный курсъ, что, по справедливости, заслуживаетъ аттестата зрѣлости. Мысль основать содовый заводъ именно въ Березнякахъ, вызвана стеченіемъ самыхъ благопріятныхъ мѣстныхъ условій: соляной разсолъ подъ руками, известняковъ по Камѣ сколько угодно, а въ довершеніе всего—каменный уголь, доставляемый къ самому заводу по луньевской вѣтви уральской желѣзной дороги. Этого угля содовый заводъ потребляетъ 1.800.000 п. въ годъ. Постройка завода начата въ 1881 г., а пущенъ онъ въ дѣйствіе въ 1883 году. Можно пожалѣть только о томъ, что содовое производство съ первыхъ же шаговъ потребовало покровительственныхъ пошлинъ, а это плохой признакъ.

— А сколько времени можетъ проработать человѣкъ на заводѣ?—спрашивали мы нашего возницу.

— Да съ годъ, поди, поробитъ... Одинъ тутъ есть рабочій, такъ онъ съ самаго началу робитъ. Весь изветшалъ, еле на ногахъ держится, потому духъ донимаетъ отъ этой соды... А другіе не могутъ перенести. Вонъ дерево—и то сохнетъ, гдѣ же живому человѣку держаться...

Получался въ результатѣ очень грустный фактъ, и мы можемъ сказать отъ себя только одно: неужели нѣтъ никакихъ средствъ, чтобы устранить подобныя анти-гигіеническія условія? Мы видѣли ра-

боту въ шахтахъ и огненную работу на желѣзодѣлательныхъ заводахъ; обѣ онѣ пользуются славой каторжной работы, но и онѣ не оставляютъ такого гнетущаго впечатлѣнія. Съ полнымъ удовольствіемъ дохнули мы свѣжимъ воздухомъ, когда, наконецъ, выбрались изъ этого царства соды—есть еще солнце, и зелень, и живая вода, и вообще бѣлый свѣтъ. Конечно, чудеса европейской техники велики, и всякое послѣднее слово науки почтенно само по себѣ, но имъ предпочитаютъ свои допотопные способы и „средствія"... Именно къ такимъ „средствіямъ" мы и перешли, когда приступили къ осмотру соляныхъ промысловъ въ собственномъ смыслѣ. Да, здѣсь такъ и пахнуло еще новгородской стариной, начиная съ промысловой терминологіи: матица, цыренъ, обсадныя трубки, лоты рѳзсола—все это коренныя новгородскія слова, за которыми стоитъ почтенная, пятисотлѣтняя старина. Еще новгородскія промысловыя головы придумали всю нехитрую обстановку соляного дѣла, и оно дошло до нашихъ дней почти въ своемъ первоначальномъ видѣ, съ очень небольшими дополненіями. Очень ужъ просто все обставлено, такъ просто, что даже какъ-то не вяжется съ дѣйствительностью грандіознаго представленія о 10—15 милліонахъ пудовъ ежегодно вывариваемой въ этомъ краѣ соли.

Оба берега Камы подъ Усольемъ даютъ на извѣстной глубинѣ соляной разсолъ, и вся задача въ томъ, чтобы поднять его на верхъ, а потомъ выварить соль. Въ Березникахъ солеварни устроены по общему типу. Мы начали осмотръ съ одной изъ бревенчатыхъ башенокъ, гдѣ выкачивался изъ зеленыхъ нѣдръ разсолъ. Въ вышину башня имѣетъ около четырехъ саженъ. Внутри два этажа. Интересъ заключается въ верхнемъ, гдѣ работаетъ насосъ, приводимый въ дѣйствіе штангой. Представьте себѣ обыкновенную деревянную трубу, какой выкачиваютъ воду изъ погребовъ и подваловъ—вотъ и все. Разница въ томъ, что эта труба уходитъ въ землю саженъ на 80 и болѣе. Изъ трубы выливается въ небольшой бакъ чистый, какъ слеза, разсолъ и отсюда уже по желобамъ и трубамъ проводится къ мѣсту своего назначенія, т.-е. къ солеварнямъ. На вкусъ разсолъ отдаетъ горечью морской воды и, падая каплями, оставляетъ послѣ себя бѣлую корочку соли, какъ горячій воскъ. Въ Березникахъ содержаніе самое лучшее—кажется, до 25% соли и болѣе. Въ башенкѣ стоитъ спертый, тяжелый воздухъ—такъ и бьетъ въ носъ сѣроводородомъ.

— И все тутъ?—спрашиваемъ мы рабочаго.

— А чего больше-то? все! — равнодушно отвѣчаетъ онъ, даже не удивляясь праздному любопытству пристающихъ къ нему

соглядатаевъ.—Внизу разсолъ, а вверху машина: вотъ и вся мудрость.

Слѣдующимъ нумеромъ является солеварня. Это цѣлый рядъ низенькихъ каменныхъ корпусовъ; черный дымъ такъ и валитъ изъ ихъ широкихъ желѣзныхъ трубъ. Разсолъ изъ башенокъ проводится прямо сюда. Мы поднимаемся по отлогому накату въ одну изъ такихъ солеваренъ. У дверей сидятъ полунагіе рабочіе,—безъ рубахъ, въ однихъ „невыразимыхъ". Наше появленіе производитъ въ толпѣ нѣкоторое замѣшательство. Одинъ изъ рабочихъ даже стыдливо прикрылся рукой.

— Можно посмотрѣть?

— Можно... Только глядѣть-то нечего, господа.

Дѣйствительно, и здѣсь все такъ просто, что даже непосвященный человѣкъ можетъ усвоить всю технику. Центръ производства составляетъ громадная квадратная желѣзная сковорода — это и есть цыренъ или цренъ. Въ длину и ширину она имѣетъ сажени по три, а глубиной, кажется, аршинъ. Въ цыренъ наливается разсолъ, а подъ нимъ топка. Разсолъ нагрѣвается, вода испаряется, и въ результатѣ получается густая каша изъ соли. Ее вынимаютъ и просушиваютъ на особыхъ палатяхъ тутъ же. Коротко и ясно. Между тѣмъ это усовершенствованная печь, и устроена она по заграничному образцу. Но если что̀ и есть здѣсь усовершенствованное, такъ это газовая топка. Рабочимъ въ солеварнѣ приходится, какъ и на всякой другой огненной работѣ, нелегко, и они щеголяютъ почти въ костюмѣ Адама. Зимой, вѣроятно, достается тяжело, но все это шутка сравнительно съ работой на содовомъ заводѣ.

— Ничего, мы привышные,—отвѣчаетъ долговязый солеваръ, показывавшій намъ заводъ.—Усольскіе да соликамскіе на этомъ стоятъ.

Совсѣмъ готовая соль сносится въ магазины, а отсюда нагружается на баржи. Кромѣ рабочихъ мужчинъ, на солеваренныхъ промыслахъ „обращается" много женщинъ-солоновъ. Положеніе этихъ послѣднихъ самое незавидное, и о нравственности тутъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи, какъ вообще въ фабричномъ и заводскомъ населеніи. Дѣвушка, попавшая на промыслы, быстро пропадаетъ, поступая въ категорію отверженныхъ. Исторія вездѣ одна и та же, гдѣ такъ дорогъ хлѣбъ и дешева человѣческая жизнь.

Мнѣ хотѣлось посмотрѣть старинныя солеварни, сохранившіяся еще на другихъ промыслахъ; но въ Березникахъ ихъ не было. Идти и ходатайствовать предъ управляющими не хотѣлось,

—будетъ и того, что видѣли. По своей простотѣ, соляное дѣло заслуживаетъ вообще вниманія, а какъ исконный русскій промыселъ—онъ представляетъ особый интересъ. Когда-то во времена акциза у соляного дѣла шла большая игра, но нынче „съ солью очень тихо", и пермскіе солевары пошли по торной дорожкѣ, проторенной горнозаводчиками: тѣ же слезы о пошлинахъ и разныхъ промышленныхъ привилегіяхъ. Какъ-то смѣшно даже говорить объ этомъ, когда цѣнная пушнина и камская соль составляли главныя доходныя статьи еще „господина Великаго Новгорода". Настоящій упадокъ соляного дѣла приписываютъ высокой казенной таксѣ на древесное топливо, неравномѣрнымъ желѣзно-дорожнымъ тарифамъ, подавляющей конкурренціи „южныхъ солей", какъ донецкая, бахмутская и т. д. Ужъ этотъ югъ!—на каждомъ шагу онъ солитъ нашимъ уральскимъ заводчикамъ. Однимъ изъ вѣчныхъ припѣвовъ этой сказки „про бѣлаго бычка", конечно, служитъ масса двадцатитысячнаго промысловаго населенія, органически связаннаго съ успѣхами соляного дѣла. Но все это „слезы крокодила", и еслибы удалось отгородиться отъ западной Европы китайской стѣной, учредить внутреннія таможни и соляныя заставы, то все же и тогда рабочему населенію не было бы лучше. Господа заводчики скромно хлопочутъ о самихъ себѣ, а рабочій вопросъ является только какъ припѣвъ... На Уралѣ неизмѣнно повторяется одинъ и тотъ же фактъ: чѣмъ богаче заводчикъ, чѣмъ больше у него земли и чѣмъ богаче земныя нѣдра, тѣмъ хуже заводскія дѣла и тѣмъ сильнѣе вчинаются хлопоты о субсидіяхъ, пошлинахъ, тарифахъ и вообще покровительствѣ. Усольскіе соляные промыслы подтверждаютъ еще разъ эту истину: тò, чтò въ новгородскій періодъ считалось богатствомъ, какъ соляные промыслы, въ послѣдней четверти XIX-го в., при всѣхъ злоухищреніяхъ техники и послѣднихъ словахъ науки, вопіетъ о помощи...

VI.

Когда на слѣдующій день нашъ пароходъ „Альфа" отплывалъ изъ Усолья, общее вниманіе столпившейся на трапѣ публики привлекла небольшая баржа, приткнувшаяся въ излучинѣ берега.

— Гли-ко, какъ попыхиваетъ! — слышались восклицанія. — Ловко!.. Ахъ, шутъ его возьми, Шилоносова! И паровушку приспособилъ...

— Восемьдесятъ цалковыхъ зарабатываетъ каждый день, вотъ тебѣ и паровушка... Вонъ какая уйма досокъ на берегу наворочена.

— Ужъ это што говорить... Ишь, какъ пыхтитъ! Въ день-то и напыхтитъ восемьдесятъ цалковыхъ...

Интересовавшая всѣхъ потѣха представляла собой паровую лѣсопилку, поставленную на маленькую баржу. Г. Шилоносовъ являлся, такимъ образомъ, изобрѣтателемъ первой подвижной лѣсопилки, и эта не замысловатая штука всѣхъ потѣшала. Помилуйте, всѣ лѣсопилки строились на сухомъ берегу, къ каждой такой лѣсопилкѣ пригоняли плоты, и намокшія на дворѣ бревна волокли на машину съ такимъ уханьемъ, криками и воплями, что вмѣсто работы получался кромѣшный адъ. Однѣхъ лошадей сколько изувѣчатъ, а воздухъ насыщался самой крѣпкой руганью. И вдругъ —ровно ничего. Сама машина подчалитъ къ плоту, сама вытащитъ изъ воды бревна, сама распилитъ ихъ, и остается только сложить готовый тесъ. Сторона лѣсная, бревенъ испиливаютъ каждый годъ пропасть, и никто не могъ додуматься раньше до такой простой и выгодной штуки. Попыхивавшая „паровушка" (паровая машина) приводила всѣхъ въ восторгъ... Этотъ фактъ самъ по себѣ достаточно иллюстрируетъ заматерѣвшую косность лѣсопромышленниковъ, и не мудрено, что въ ихъ средѣ г. Шилоносовъ является чуть не Эдиссономъ. Помилуйте, какую штуку придумалъ!..

Мы весело „пробѣжали" мимо Березняковъ, миновали деревянный вокзалъ луньевской желѣзно-дорожной вѣтви и потомъ могли полюбоваться Ленвой и горнымъ городомъ Дедюхинымъ. Дедюхинская старина такъ и бросалась въ глаза, напоминая усольскіе промыслы: такія же почернѣвшія отъ времени зданія, скученность построекъ и вообще старый промысловый стиль. Между Усольемъ и Березниками на Камѣ прежде лежалъ Побоищный островъ, но теперь онъ сливается съ усольскимъ берегомъ и представляетъ изъ себя плоскую песчаную отмель. Свое названіе этотъ упраздненный островъ получилъ отъ побоища, происходившаго на немъ въ 1572 г. Тогда много было побито здѣсь торговыхъ людей, принявшихъ напрасную смерть отъ инородцевъ—вогуличей, остяковъ и др. Скоро соляное царство осталось назади, а впереди широкимъ разливомъ уходила изъ глазъ красавица-Кама. Опять заливные луга, тощіе перелѣски, тощія нивы, и только изрѣдка, точно изъ-за угла, выглянетъ деревушка. Врачующаго простора сколько угодно, а между тѣмъ жить буквально негдѣ... Если тѣсно въ старой Англіи и вообще въ западной Европѣ, то

это вполнѣ понятно: слишкомъ мало земли и слишкомъ много населенія; но здѣсь получалась какая-то наглядная несообразность: соликамскій уѣздъ занимаетъ площадь въ 25.000 кв. верстъ съ населеніемъ обоего пола тоже что-то около 25.000 тыс. душъ обоего пола, а между тѣмъ есть волости, гдѣ крестьянскій надѣлъ равняется на наличную мужскую душу 1,57 десятины (пыскорская волость), 2,72 десят. (орловская), 3,49 (березовская) и т. д. О земельномъ надѣлѣ промысловаго населенія мы уже говорили выше—тамъ счетъ идетъ на десятичныя дроби. Еще лучше земельное положеніе слѣдующаго за соликамскимъ уѣзда—чердынскаго: площадь уѣзда въ 62 т. квадр. верстъ съ населеніемъ въ 90 тысячъ, а вотъ какіе надѣлы у крестьянскаго населенія: на наличную мужскую душу приходится въ сыпучинской волости по 0,26 десятины, въ морчанской 0,49, въ корепинской 0,96 дес., въ покчинской 1,11 д., въ ныробской 1,25 д., въ вильгортской 1,27 д., въ аннинской 1,52 д., въ анисимовской 1,65 д., въ лекмартовской 1,96 д. и т. д. Понятно, что населеніе здѣсь бѣдствуетъ, а земельный просторъ остается самъ по себѣ. Въ чердынскомъ уѣздѣ еще можно сослаться на болота, лѣса и вообще непроходимыя дебри, недоступныя культурѣ, но въ пользу соликамскаго уѣзда и это оправданіе нельзя привести: тамъ на каждомъ шагу приходится считаться съ дѣлами рукъ человѣческихъ и за каждымъ такимъ подвигомъ стоитъ длинное историческое прошлое.

Да и города здѣсь такіе, что любая сибирская деревня лучше—въ Соликамскѣ 4 т. жителей, а въ Дедюхинѣ 4.720 чел. Городской бюджетъ перваго 17 тыс. р., второго $2^1/_2$ тысячи, а приходъ всего 1.189 р. Однимъ словомъ, все это города „съ позволенія сказать", особенно по сравненію съ такими, какъ Екатеринбургъ, бюджетъ котораго около 200 тыс. рублей. Конечно, вездѣ есть свои исключенія, и на Камѣ попадаются зажиточныя селенія, особенно раскольничьи, въ которыхъ непремѣнно есть свое рукомесло и торговлишка. Къ такимъ, пожалуй, можно отнести и Усть-Пыскорское село, видъ на которое съ парохода очень красивъ. Между Усольемъ и Чердынью это самое красивое мѣсто, и не даромъ наверху крутого берега красовался въ былыя времена богатый Пыскорскій монастырь. Теперь отъ него осталась всего одна церковь, да и та стоитъ наглухо заколоченная. Пыскорское плесо замѣчательно красиво, и Кама живой, переливающейся гладью уходитъ верстъ на двадцать. Если смотрѣть съ вершины плеса, пыскарская церковь издали чуть брезжится, какъ восковая свѣча. Исторія Пыскарскаго монастыря, конечно,

связана съ фамиліей Строгановыхъ, большихъ доброхотовъ и милостивцевъ до монашеской братіи. Строгановы отказали монастырю большія угодья и главное—соляные промыслы, которые послужили главной статьей монастырскаго богатства. Замѣтимъ здѣсь дѣятельный, промышленный характеръ, какимъ отличаются всѣ сѣверные монастыри. Соль тогда служила дорогимъ товаромъ, а пыскорскіе монахи вываривали ея „большія тысячи" пудовъ. Благодаря этому, въ монастырѣ скопились громадныя богатства. Пыскорская обитель гремѣла до самой Москвы. Дальнѣйшая судьба этого монастыря довольно печальна. Онъ просуществовалъ до 1756 года, когда его архимандриту Іусту пришла блажная мысль перенести монастырь на новое мѣсто, на Лысьву, въ 8 верстахъ отъ стараго монастыря. Сказано—сдѣлано, и монастырь перенесенъ. Эта странная архимандритская фантазія закончилась полнымъ разгромомъ обители; въ новомъ мѣстѣ монастырь такъ захудалъ и опустѣлъ, что его рѣшили уничтожить. Сначала былъ проектъ перевести его въ Соликамскъ, но пермскій губернаторъ Кашкинъ стоялъ за Пермь. Это было въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Канцелярская волокита шла безъ конца, десятки лѣтъ, а когда все было рѣшено, то въ Пермь повезли пыскорскія богатства натурой: кирпичъ, желѣзную ломь, колокола, цѣнную рухлядь и т. д. Но чтобы построить новый монастырь въ Перми, нужны были деньги, а денегъ не было; поэтому и состоялась оригинальная финансовая операція; губернская власть рѣшила заложить въ Вяткѣ двѣ пыскорскихъ митры, оцѣненныхъ въ 40 тыс. р. Опять пошла волокита, кончившаяся даже уничтоженіемъ самаго имени пыскорской обители. Въ Перми сохранилось нѣсколько пыскорскихъ древностей; въ Вяткѣ остались въ закладѣ упомянутыя выше двѣ митры, да въ народѣ сложилась поговорка: „гдѣ былъ Іустъ—тамъ монастырь стоитъ пустъ".

— Сирота-сиротой стоитъ церковь-то...—съ сожалѣніемъ говорилъ старичокъ, чердынскій купецъ, когда мы „бѣжали" подъ Пыскоромъ.—А какое мѣсто-то умильное!.. Разъ въ годъ въ церкви-то служатъ... Все разорили.

— А кто разорилъ-то?..

— Сперва Іустъ, а потомъ.., Господь знаетъ, кто зорилъ-то. Старичокъ благочестиво вздохнулъ и перекрестился.

Набравшаяся въ общей каютѣ второго класса публика состояла главнымъ образомъ изъ лѣсопромышленниковъ, ѣхавшихъ на Вишеру заготовлять дрова для соляныхъ промысловъ. Были еще два молчаливыхъ чердынскихъ купца („чердаки", какъ называютъ чердынцевъ), одинъ соликамскій солеваръ—и только. Половина мѣста

оставалась пустой. Разговоры шли исключительно о соли и лѣсныхъ заготовкахъ. Особенно типиченъ былъ одинъ подрядчикъ, напоминавшій московскую чуйку. Средняго роста, жилистый, съ широкой костью, сыромятнымъ лицомъ и узкими темными глазками, Иванъ Тихонычъ такъ и бросался въ глаза, какъ лѣсной человѣкъ.

— Прямо отъ пня,—говорилъ онъ про себя.—Да и всѣхъ-то насъ Ермакъ оглоблей крестилъ...

— Это онъ—Сибирь оглоблей-то,—поправляли „чердаки".

— Ну, и намъ малымъ дѣломъ тоже досталось Ермакова крещенья...

Какъ бывалый человѣкъ, Иванъ Тихонычъ скоро сдѣлался душой общества и нарочно ломалъ изъ себя простачка. Когда разговоръ заходилъ о комъ-нибудь, онъ напряженно вслушивался, потомъ улыбался и непремѣнно повторялъ одно и то же:

— Какъ же, знаю—вмѣстѣ какъ-то водку пили... Обстоятельный баринъ. Мы еще съ нимъ изъ Усолья на одномъ пароходѣ бѣжали...

Знакомствомъ съ господами Иванъ Тихонычъ гордился чисто по-подрядчичьи, хотя въ началѣ и концѣ каждаго такого знакомства стояла неизбѣжно водка. Другимъ осязательнымъ результатомъ являлось непреодолимое стремленіе къ мудренымъ словамъ, какъ районъ—Иванъ Тихонычъ говорилъ: „мой радіонъ". Когда сѣли закусывать, онъ потребовалъ сои.

— Вамъ какой прикажете-съ: кабулъ-съ или черепаховую-съ?—спрашивалъ оффиціантъ.

— Дегтю ему принеси...—шутили другіе.—Туда же, сою еще знаетъ!

— А то какъ же?—обижался подрядчикъ.—Около господъ привадился къ разному вкусу... Чтò къ чему слѣдуетъ—все знаю. А что касаемо водки, такъ даже самъ удивляюсь, какъ это одинъ человѣкъ можетъ выдержать такую невѣроятность...

— Да вѣдь вонъ какой смолевый пень, ничего не сдѣлается.

— И то ничего... По вешней водѣ какъ-то изгадалъ подъ плотъ—плоты гнали по Вишерѣ, ну, и ничего. Хоть бы насморкъ!.. Въ другорядь опять осенью по льду провалился—и тоже ничего... По поясъ въ снѣгу бродишь по недѣлямъ, въ снѣгу спишь—тутъ закостенѣешь, не бойсь.

— А много нынче дровъ-то взялъ на подрядъ!?

— Будетъ-таки... Тысячъ сорокъ саженокъ надо приготовить.

Соляные промыслы истребляютъ страшную массу дровъ: больше 80 тысячъ кубическихъ саженъ. Исключеніе составляютъ люби-

мовскіе промыслы, работающіе на каменномъ углѣ. Приведенная выше цифра дровъ гораздо ниже дѣйствительности, потому что для одного Дедюхина, по словамъ ѣхавшихъ подрядчиковъ, нужно было около 40 тысячъ погонныхъ саженъ, т.-е. полѣно въ 6 четв. длины. Такая сажень обходится промысламъ всего въ 3 руб., включая сюда попенныя деньги — 40 коп. Раньше взыскивали попенныхъ 90 к. за сажень, но солевары выхлопотали себѣ пониженную таксу. Весь этотъ горючій матеріалъ добывается частью въ верховьяхъ р. Колвы, а главнымъ образомъ по р. Вишерѣ.

— Матушка наша эта Вишера, — говорилъ Иванъ Тихонычъ.—Куды бы мы безъ нея-то дѣлись?..

Какъ настоящій лѣсной человѣкъ, Иванъ Тихонычъ говорилъ и по-пермяцки, и по-вогульски. Особенно онъ потѣшалъ публику ломанымъ пермяцкимъ говоромъ: „дѣпка, кодила, ѣкалъ, клѣбъ"—такъ говорятъ и не одни пермяки, а также и опермячившіеся русскіе. Изъ настоящихъ пермяцкихъ словъ по оригинальности заслуживаютъ вниманіе: ыбъ—поле, енъ-эшка—радуга, горэтань-кай—соловей, куть-юръ—попъ, серетысь—писарь, куль—чортъ, му-улъ-тынъ-падэ-сынь—адъ.

Городъ Соликамскъ—въ сторонѣ отъ Камы. Отъ пристани Усть-Боровой, гдѣ открыты соляныя варницы, до него, кажется, всего около двадцати верстъ. Почему городъ ушелъ отъ рѣки—объясненіе въ соляномъ промыслѣ, откуда и названіе города: Соль-Камская, Соликамскъ, какъ есть Соль-Вычегодская, Сольвычегодскъ.

Попавъ изъ благословеннаго Зауралья въ здѣшнія убогія мѣста, невольно удивляешься быстрой перемѣнѣ всѣхъ условій жизни и главныхъ интересовъ: нѣтъ ни золота, ни платины, ни драгоцѣнныхъ камней, ни степного пригоннаго скота, ни бойкой хлѣбной торговли, ни зауральскихъ рыбныхъ озеръ, и разговоры идутъ только о соли, о лѣсѣ, о торговлѣ печерской рыбой, о бѣличьемъ промыслѣ, о чердынскомъ рябчикѣ—и только. Все происходитъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, точно самая жизнь втиснута совсѣмъ въ другой масштабъ. Краски не блещутъ здѣсь особенной яркостью, а краснорѣчіе цифръ только раскрываетъ общую бѣдность. Но за этой неказистой дѣйствительностью стоитъ длинное историческое прошлое и по разнымъ угламъ сохранились замѣчательные памятники старины. Если исторія Зауралья начинается съ похода Ермака, то здѣсь нужно накинуть еще сотни лѣтъ. Можно пожалѣть, что почти вся эта почтенная старина отчасти выгорѣла, а отчасти остается въ неизвѣстности. Сохранились, главнымъ образомъ, церковныя древности. Такъ, въ Николаевской церкви въ

Усольѣ—евангеліе 1603 года, написанное одною изъ именитыхъ женщинъ фамиліи Строгановыхъ. Уставное письмо красиво и отчетливо, съ раскрашенными заставками; вмѣсто „у“ вездѣ „оу“, послѣ „ш“ и „с“ вездѣ поставленъ юсъ; встрѣчаются титлы, какихъ уже не употребляютъ. Листы скрѣплены такой подписью: „Лѣта 7111 августа въ 31 день сія книга Ievhuê напрестольное домовое, церковное всемірнаго воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня въ городѣ на Устьѣ на Орлѣ надъ Камою рѣкою на усть Уявы (Яйвы) рѣки. Положеніе Никиты Григорьевича сына Строганова къ своей вотчинѣ для своего поминовенія заздравнаго и для своихъ родителей за упокой“. Это евангеліе хранилось въ Орлѣ-городкѣ, а въ 1828 г., по указу пермской консисторіи, перенесено въ Усолье. Въ церкви села Кудымкорѣ сохранился колоколъ съ латинской надписью: „Anno 1647 gloria Soli Deo“. По сельскимъ церквамъ можно встрѣтить и „де-Іисусъ на краскахъ“, и запрестольную „Пятницу“, и разные приклады сканнаго и басманнаго дѣла—гривны, вѣнцы, оклады.

Интересно прослѣдить лѣтопись такого позабытаго уголка, въ которомъ, какъ въ каплѣ воды, отражается далекая „русская исторія“, — конечно, отражается только отдѣльными звеньями, какъ эхо. Возьмемъ для примѣра лѣтопись Соликамска. Основаніе города съ точностью неизвѣстно, но его относятъ къ 1505 г., когда на Чердынь нападалъ сибирскій царевичъ Кулукъ-Салтакъ, покорившій, между прочимъ, и Усолье-Камское. Потомъ грабили Соликамскъ ногайскіе татары, такъ что соликамцы въ 1552 г. обратились къ Ивану Грозному за воинской помощью. Царь стоялъ тогда подъ Казанью и послалъ на защиту города складной образъ Николая чудотворца. Въ 1581 г. выжгли посадъ у Соликамска „сибирцы“. Городъ былъ деревянный, съ деревянной стѣной изъ восьмидесяти-трехъ городковъ, пяти башенъ и четырехъ воротъ. Боевой „нарядъ“ состоялъ изъ двухъ мѣдныхъ пищалей, одна „полъ осьмы пяди поперечина“, а другая шести пядей. Въ 1596 году черезъ Соликамскъ провели дорогу въ Сибирь,—раньше она шла на Чердынь. Въ 1637 г. въ Соликамскѣ собирали съ монастыря и церквей деньги на постройку городковъ и остроговъ на Украйнѣ, въ отвращеніе набѣговъ отъ крымской орды, и тогда же собирали хлѣбъ „для сибирскихъ отпусковъ“. Въ 1650 г. верстали подъ Смоленскъ на службу: отъ брата брата, отъ дяди племянника, отъ отца сына. Въ 1656 г. случилось „оскорбленіе жителей болѣзнью“, для избавленія отъ которой соликамцы дали обѣтъ: „лѣтомъ, по вся недѣли, соборне приходить съ честными кресты къ башнѣ“. Того же года произошло

въ Соликамскѣ чудо: исцѣленіе человѣка разслабленнаго, а въ слѣдующемъ году весь городъ выгорѣлъ, такъ что даже жители разбрелись. Въ 1668 г. Соликамскъ пострадалъ отъ наводненія. Въ 1691 г. черезъ Соликамскъ проѣзжалъ Эвертъ-Идесъ-Избрантъ, посланный изъ Москвы въ Китай для переговоровъ. Въ 1698 г. 17-го августа въ 10 часовъ дня накатилась на Соликамскъ грозная туча: „сначала пошелъ черный густой дымъ, а потомъ составилось облако мрачное, что не могли распознать другъ друга. Мракъ сей продолжался полчаса, а послѣ покрыло весь градъ огненной тучей, изъ коей выпалъ песокъ съ искрами, но вреда отъ этого никакого не было“. Въ 1705 г. опять туча—„темная, аки дымъ, и окруживъ небо и все побагрѣло, аки въ крови, и вѣтръ дышаше зѣло теплъ, аки отъ огненнаго запаленія“. Тогда же полученъ указъ о бритіи бородъ всѣмъ купцамъ и посадскимъ людямъ, а домовыя бани переписаны и положены въ оброкъ. Въ 1710 г. присланы въ Соликамскъ „плѣнные шведы полковники и офицеры“. Въ 1711 г. усолецъ Егоръ Лаптевъ поджегъ хлѣбные амбары, за что его, осудивъ, закопали живого въ землю. Въ 1717 г. была большая водополь, а въ 1718 г. проѣзжалъ черезъ Соликамскъ извѣстный историкъ В. Н. Татищевъ. Въ 1721 г. былъ неурожай и народная перепись. Въ 1724 г. „получено письмо, чтобы послать въ садъ Его Величества 1.300 кедровыхъ деревъ“. Въ 1726 г. „явился образъ Срѣтенія Господня, еже есть Убрусъ“, и въ томъ же году докторъ Мессершмидтъ опредѣлилъ географическую широту Соликамска. Въ 1728 г. „мимо Соликамска вели въ Сибирь Александра Меньшикова, со всѣмъ семействомъ вмѣстѣ, съ прежде бывшею обрученною невѣстою Петра II, Маріею Александровною“. Съ 1731 г. начался цѣлый рядъ наборовъ: ставили рекрутовъ, высылали работниковъ на постройку закамской линіи крѣпостей, верстали драгунскихъ лошадей и т. д. Въ 1733 г. случились жесточайшіе морозы, отъ которыхъ погибло много людей и скота. Въ 1737 г. Соликамскъ разжалованъ изъ провинціальнаго въ простой городъ, а въ слѣдующемъ году верстали въ солдаты причетниковъ, и было затмѣніе „аки огнь со всѣхъ сторонъ горѣлъ, а по утру была мгла и духота“. Въ 1740 г. воеводой былъ въ Соликамскѣ капитанъ Гилгинскій, ненавидѣвшій „духовный чинъ“; при немъ двѣ женщины были „вкопаны въ публичномъ мѣстѣ живыми въ землю“ — одна, Марѳа, за убійство и сожженіе своего мужа, а другая, Парасковья, за удавленіе своего мужа въ постели. Въ этомъ же году изъ Сибири черезъ Соликамскъ возвращалась ученая экспедиція подъ начальствомъ астронома Делиля. Въ 1742 г. Соли-

камскъ видѣлъ цѣлый рядъ знатныхъ персонъ: везли Остермана въ Березовъ, а Миниха и регента, блюстителя державы россійской, герцога курляндскаго Бирона „на Пелымъ". Въ Соликамскъ былъ сосланъ Левенвольдъ. Въ 1743 г. 20-го ноября „привезена радостная вѣсть о замиреніи Россіи съ Шведскою короною камеръ-юнкеромъ Возжинскимъ, за что соликамскаго воеводы отъ канцелярскихъ служителей и отъ гражданъ соликамскихъ онъ былъ подаренъ, со всеусерднымъ желаніемъ, 1000 рублями". Въ слѣдующемъ году „невѣдомо кѣмъ принесенъ въ Соликамскъ, въ скотской рыжей шерсти, уродъ-человѣкъ". Дальше слѣдуютъ въ порядкѣ лѣтъ—хвостатая звѣзда, генеральная ревизія, сыскъ воровъ и разбойныхъ людей нарочитыми командами, „туча съ великою бурею и нетерпимымъ громомъ", и т. д. Въ 1812 г. прислали въ Соликамскъ 12 плѣнныхъ французовъ, а въ 1853 г. явилась холера. Мы опустили длинную цѣпь пожаровъ, отъ которыхъ Соликамскъ страдалъ то по частямъ, то весь; этой красной нитью связаны въ одно цѣлое всѣ остальныя соликамскія злоключенія и напасти. Единственнымъ утѣшеніемъ служило то, что Усолье ухитрилось въ 1842 г. выгорѣть на сумму 1.762.102 р. 77 коп.

Приведенныя нами выдержки изъ лѣтописи Соликамска даютъ обильный и характерный матеріалъ: сколько нужно было терпѣнія, выдержки и старанія, чтобы просто уцѣлѣть. У себя дома жизнь тихая и безобидная, нарушаемая развѣ только огнемъ, водой и враждебными стихіями. Но зато со всѣхъ сторонъ на голову соликамцевъ дождемъ сыпались всякія бѣды—подавай деньги, подавай ратныхъ людей, лошадей и кормъ разной чиновной челяди. Болѣе живою связью съ остальной Россіей являлись ссыльные, да иногда проѣдетъ въ Сибирь какой-нибудь знатный иностранецъ. А когда повернули сибирскій трактъ съ Верхотурья на Екатеринбургъ, и этого не осталось—Соликамскъ совсѣмъ захирѣлъ и стушевался, обойденный потокомъ жизни. Странно даже представить себѣ такой городъ, у котораго нѣтъ ни настоящаго, ни будущаго.

VII.

Соликамская старина, усольская, чердынская и вообще прикамская слишкомъ тѣсно связаны между собой, чтобы разсматривать ихъ отдѣльно. Особенный интересъ представляетъ новгородскій періодъ этой исторіи, хотя о немъ сохранились только отрывочныя свѣденія, и многое приходится дополнять воображеніемъ.

Насколько сильна была новгородская закваска, достаточно указать на это горластое новгородское „о“, которое изъ Новгорода перешло по Заволочью въ Старую Пермь, а отсюда въ Сибирь— вся Сибирь „окаетъ“ такъ же, какъ „окали“ новгородскіе гости, промышленники и добрые удалые молодцы ушкуйники. Передаточнымъ пунктомъ на этомъ широкомъ колонизаторскомъ пути являлся великій Устюгъ, и мы видимъ, что устюжскіе угодники и чудотворцы пользуются особымъ почетомъ въ Сибири; изъ Устюга же вышелъ первый просвѣтитель языческой Великой Перми, св. Стефанъ. Живучесть новгородскаго духа просто изумительна, и теперь еще можно прослѣдить извѣстную преемственность типовъ. Укажемъ хоть на созданнаго торговой республикой „кулака“, до котораго нынѣшнимъ Колупаевымъ и Разуваевымъ какъ до звѣзды небесной далеко. Въ самомъ дѣлѣ, новгородскіе „кулаки“ забирали и обирали весь сѣверъ и протянули свою цѣпкую лапу далеко на сѣверо-востокъ, откуда шла цѣнная пушнина. Живымъ памятникомъ этой горячей работы явилось быстрое вымираніе инородческихъ племенъ и еще болѣе быстрый захватъ земель. Типичнымъ представителемъ этого всепожирающаго новгородскаго духа является фамилія Строгановыхъ, а потомъ цѣлый рядъ мелкихъ „кулаковъ“, которые и посейчасъ гнѣздятся на бойкихъ мѣстахъ давно исчезнувшихъ новгородскихъ торговыхъ колоній, ураганомъ пройдя по всей Сибири. Чтобъ не ходить далеко за примѣромъ, стоитъ указать на прославившихся чердынскихъ купцовъ, которые обираютъ всю Печору и сѣверный Уралъ—вотъ это типичный народъ, еще не затронутый сатирою.

Раздумавшись на эту тему, я такъ и заснулъ съ мыслью о новгородской колонизаціи и даже во снѣ видѣлъ что-то такое новгородское. Но спать такъ и не довелось,—только-что началъ забываться, какъ въ каютѣ поднялся шумъ.

— Вы вѣдь не барышни какія... — повторялъ чей-то хриплый голосъ.

— Отвяжись, чортъ!..

— Вставай, Иванъ Тихонычъ, а то за ногу выволоку и за пазуху всю бутылку вылью... Не барышня, слава Богу!..

— Да вѣдь три часа ночи, дьяволъ, а онъ съ водкой лѣзетъ...

— Сказано: не барышни...

Послышалась тихая возня, кто-то заохалъ, а потомъ уже поднялся настоящій гвалтъ. Какъ ни хотѣлось спать, но пришлось открыть глаза. Пароходная лампочка освѣщала такую картину: по срединѣ каюты стоялъ молодой бѣлокурый прикащикъ съ бутылкой въ рукѣ и божился всѣми святыми, что обольетъ Ивана

Тихоныча водкой. Это былъ настоящій русскій молодецъ—рослый, могучій, съ красивымъ, добрымъ лицомъ. Онъ былъ сильно пьянъ, но держался на ногахъ еще крѣпко.

— Побойся ты Бога, Вася, вѣдь три часа утра...—уговаривалъ Иванъ Тихонычъ, напрасно стараясь спрятаться подъ одѣяломъ: Вася тащилъ его за ногу и сдергивалъ одѣяло.—Васька, мотри, не балуй, а то и въ морду!..

— Да вѣдь не барышни... — повторялъ Вася, вытаскивая кого-то съ верхней койки, какъ сушеную рыбу.—Отъ хлѣба-соли не отказываются...

Кончилось тѣмъ, что Вася разбудилъ и поднялъ на ноги всю каюту, за исключеніемъ меня—я притворился спящимъ. Началась попойка, и всѣ быстро захмелѣли, потому что не проспались еще послѣ вчерашняго „разговора". Разгулявшійся Вася цѣловалъ Ивана Тихоныча и обѣщалъ вышвырнуть его въ окно, если онъ будетъ барышней.

— Ну, и навязался... а?..—изумлялся подрядчикъ.—Осередь ночи отъ водки спасенья не стало...

Поднялось пьяное галдѣнье и споры. Вася замѣтно процвѣлъ и сладко улыбался — ему нужна была компанія, вообще живые люди, а то дѣвать силу некуда.

— На Вишеру поползли? — спрашивалъ онъ, не обращаясь собственно ни къ кому. — Народъ грабить... Знаю, все знаю... По полтинѣ съ сажени утянули опять, а народъ съ голоду пухнетъ.

— Да вѣдь никто не неволитъ...—огрызнулся старикъ подрядчикъ съ вышибленнымъ переднимъ зубомъ.—Хошь—работай, хошь—нѣтъ. Своя воля...

— Это точно... гм...—мычалъ Иванъ Тихонычъ.—Извѣстно, не неволимъ.

Богатырь Вася вдругъ ударилъ кулакомъ по столу и со слезами въ голосѣ заговорилъ:

— Господа бархатники, пожалѣйте лапотника!.. Вѣдь вы-то сыты, по горло сыты, а еще жилы вытягивать хотите изъ простого народу... Поглядите, какъ онъ живетъ-то... чтò онъ ѣстъ... Бѣднота кругомъ... ребятишки голодаютъ... чтò вы дѣлаете?

— Ну, это ужъ отъ Бога кому што, а мы не неволимъ.

— Эхъ, не то, бархатники... Иванъ Тихонычъ, вотъ ты теперь лѣсъ вырубаешь,—не унимался Вася:—на Колвѣ все вырубили, теперь Вишеру до гола раздѣнете... Такъ я говорю?

— Извѣстно... какъ же быть, когда, напримѣръ, промыслá, Вася?..

— Весь лѣсъ вырубите, подлецы, и занесетъ насъ пескомъ... Вѣрно говорю!.. Вотъ тогда и придетъ китаецъ... Неочерпаемая его рать, этого китайца, а какъ лѣсъ вырубите, онъ и навалится. Жить ему негдѣ... вотъ онъ и придетъ!.. А вы свой народъ изводите...

Богатырь закрылъ руками лицо и заплакалъ.

Ничего не оставалось, какъ уйти на палубу, чтобы передохнуть свѣжимъ воздухомъ. Пароходъ подбѣгалъ уже къ Вишерѣ, Кама оставалась влѣво. На трапѣ никого не было, и я могъ любоваться развертывавшейся картиной, не развлекаясь ничѣмъ. Кама и здѣсь была такъ же широка, какъ и двѣсти верстъ ниже, потому что главные водоемы были вверху. Та же широкая водная гладь, тѣ же лѣсистые берега и рѣдкія селенья тамъ и сямъ. Не знаю, какъ на другихъ, а на меня большая масса движущейся внизъ воды производитъ неотразимое впечатлѣніе—смотришь и не можешь оторвать глазъ. Какъ ни хороши наши зауральскія озера, но въ стоячей водѣ нѣтъ размаха, нѣтъ зовущаго въ невѣдомую даль таинственнаго голоса... А вотъ эта живая, движущая дорога поднимаетъ въ душѣ такое бодрое и хорошее чувство, точно и небо выше, и міръ раздвигается предъ вами. Около такихъ могучихъ рѣкъ вмѣстѣ съ вѣковыми лѣсами выросла и сложилась своя поэзія, циклъ духовныхъ представленій и особый складъ приподнятаго душевнаго строя. Въ чемъ же тайна этого неотразимаго движенія текучей воды на наше воображеніе? Психическая сторона здѣсь разъясняется значеніемъ воды, какъ вѣчнаго движенія. Даже вѣтеръ останавливается, а рѣка все идетъ, идетъ безъ конца, какъ шла тысячи лѣтъ до насъ и какъ пойдетъ безъ насъ новыя тысячи лѣтъ. Движеніе—символъ жизни, а отсюда всякая рѣка—что-то живое, отвѣчающее неустанной работѣ, творящейся въ невѣдомыхъ глубинахъ души человѣка.

Живой узелъ, гдѣ сплетаются три такихъ рѣки, какъ Кама, Вишера и Колва, не могъ остаться въ сторонѣ отъ исторіи, тѣмъ болѣе, что отсюда идутъ волоки на Печору, на Сѣв. Двину и рядъ путей на Каменный Поясъ, какъ новгородцы называли Уральскія горы. Именно здѣсь существовала миѳическая Біармія, этотъ форпостъ и транзитный пунктъ приволжской Болгаріи. Великій водный путь шелъ изъ Каспія по Волгѣ и Камѣ и волоками соединялся съ сѣверными водными бассейнами. Мы думаемъ, что эта живая дорога существовала задолго до „пути изъ Варягъ въ Греки", и ея историческая роль закончилась еще до начала русской исторіи. Въ горлѣ этого пути и залегла Біармія, кромѣ

торговаго значенія, какъ самый важный транзитный путь, имѣвшая еще громадную силу, какъ единственный ключъ къ дорогой пушнинѣ—мѣха тогда составляли главную цѣнность и въ торговлѣ служили мѣновой единицей. Счетъ шелъ на куны и на сорока соболей. Изъ таинственной глубины Средней Азіи свозились сюда дорогіе восточные товары, а изъ Скандинавіи—варяжскія издѣлія. Вообще, мѣсто было бойкое, стоявшее на юру, и не даромъ новгородцы такъ неудержимо тяготѣли къ нему даже тогда, когда волжскій путь уже былъ загороженъ татарскими ордами и серебряные камскіе болгары совсѣмъ стушевались. Теперь этотъ историческій уголъ пустъ, какъ пусто самое мѣсто бывшаго болгарскаго царства. Какъ-то даже неловко видѣть убогія русскія деревушки на кипѣвшихъ жизнью берегахъ — историческій потокъ обошелъ ихъ давно и проложилъ новыя русла.

— Вотъ и Вишера, — заявлялъ штурманъ, показывая рукой направо.

Кама раздвоилась, и нашъ пароходъ направился въ правое русло, т.-е. въ Вишеру. Трудно сказать, которая рѣка больше— обѣ хороши и обѣ могучи. Выдавшійся между ними мысъ спускался къ водѣ низкими поемными мѣстами, а затѣмъ правый берегъ поднимался высокой кручей. Именно здѣсь нужно искать мѣсто старой Чердыни, какъ столицы Біарміи. Нынѣшняя Чердынь, по счету лѣтописцевъ, занимаетъ уже пятое мѣсто и значеніе историческое имѣетъ только условно. Она забралась выше Вишеры, на высокій берегъ Колвы, гдѣ раскинулось чудское городище. Можетъ быть, это было выгодное положеніе въ стратегическомъ отношеніи, для борьбы съ инородцами, но главенствующій торговый пунктъ здѣсь не могъ быть ни въ какомъ случаѣ, потому что волоки остаются въ сторонѣ.

Пароходъ бѣжалъ мимо самыхъ историческихъ мѣстъ, повитыхъ тысячелѣтней давностью, и на этомъ историческомъ фонѣ еще рѣзче выступало современное убожество. Собственно говоря, это сторона могилъ, добыча археологовъ... Не даромъ здѣсь найдены самыя древнія монеты и драгоцѣнная утварь восточной работы, а въ будущемъ предстоитъ, вѣроятно, настоящая археологическая жатва. Самый неопытный глазъ безошибочно можетъ опредѣлить мѣста, гдѣ когда-то ключомъ била жизнь.

По Вишерѣ нужно подняться верстъ шестьдесятъ, а потомъ повернуть въ Колву. Пароходъ бойко подвигался впередъ, и время летѣло незамѣтно. Въ туманной дали уже забрезжился Полюдъ-Камень, одна изъ красивѣйшихъ уральскихъ горъ, если не самая красивая. Въ хорошую погоду ее видно за десятки

верстъ, потому что Полюдъ стоитъ на берегу Вишеры совершенно отдѣльно,—это конечный пунктъ забѣжавшаго далеко уральскаго отрога. Кругомъ него лѣсистая равнина, изрѣзанная живой сѣтью горныхъ рѣкъ и рѣчекъ.

Благодаря высокой водѣ, нашъ пароходъ могъ подойти къ самой Чердыни, — лѣтомъ это не всегда возможно, потому что Колва въ жары быстро мелѣетъ. Издали видъ на городъ очень красивъ. На правомъ высокомъ берегу Колвы живописно скучились городскіе домики, а впереди всѣхъ выдвинулись старинныя церкви. Получалось что-то въ родѣ кремля. Подъ береговой кручей разметало свои домишки предмѣстье, а отъ него въ гору шелъ крутой взвозъ. Высота города вытѣнялась плоскимъ лѣвымъ берегомъ, уходившимъ въ синѣвшую даль медленнымъ подъемомъ. Вообще видъ получался хоть куда.

— Гдѣ остановиться въ Чердыни? — спрашивалъ я спутниковъ по каютѣ.

— Да гдѣ тутъ остановиться, ежели нѣтъ знакомыхъ или родственниковъ! — недоумѣвали свѣдущіе чердынскіе люди. — Проѣзжающихъ номеровъ нѣтъ... Развѣ къ Спиридону Трофимычу толкнуться?..

— У нихъ сноха недавно двойней родила, такъ неспособно будетъ... — отсовѣтовалъ Иванъ Тихонычъ. — Лучше ужъ къ Палъ-Евстратычу—вѐ домина. Аккуратный человѣкъ.

— Невозможно, Иванъ Тихонычъ... У Палъ-Евстратыча полы красятъ, и самъ онъ въ банѣ околачивается.

Словомъ, повторилась обыкновенная исторія: негдѣ остановиться, и конецъ тому дѣлу. Мнѣ приходилось уже испытывать подобныя оказіи въ Златоустѣ и въ Челябѣ, поэтому огорчаться рѣшительно не было никакого основанія, да и впереди всегда остается единственное вѣрное средство: попадется какой-нибудь мужикъ и выручитъ. Дѣйствительно, только успѣлъ я ступить на чердынскій берегъ, какъ мужикъ уже былъ тутъ, т.-е. даже не мужикъ, а самый оголтѣлый мѣщанинъ съ ястребинымъ носомъ и чисто московской юркостью. Точно изъ-подъ земли появилась какая-то телѣжка, мой чемоданъ полетѣлъ на свое мѣсто, и мы бойко отправились въ путь. Мѣщанинъ ужасно дергалъ руками, неистово махалъ кнутомъ, но лошадь не прибавляла хода, а тащилась казенной собачьей рысью, какъ бѣгаютъ всѣ мѣщанскіе одры.

— Гдѣ остановиться?.. — заговорилъ я.

— Сколько угодно, баринъ... Къ первосортному купцу васъ

предоставлю, гдѣ лучшіе господа всегда останавливаются. У самой церкви... ну-у, ты, идолъ!..

Взвозъ былъ крайне неудобенъ, и бѣдная лошаденка выбивалась изъ силъ, чтобы вскарабкаться на кручу.

— А вы по какому дѣлу будете?—разспрашивалъ возница, чтобы незамѣтно выиграть время.—Такъ-съ, для удовольствія-съ... Погода превосходная, и у насъ господа на Полюдъ ѣздятъ кататься, ежели, напримѣръ, канпанія... Да ну ты,—дикая, пошевеливай!..

Внутри городъ производитъ такое же пріятное впечатлѣніе, какъ и снаружи—улицы широкія, всякое строеніе „въ планту", однимъ словомъ, какъ слѣдуетъ быть благоустроенному городу. Нужно замѣтить, что и здѣсь, какъ вообще въ русскихъ городахъ, главнымъ архитекторомъ были безчисленные пожары—Чердынь выгорѣла разъ пять, и отъ старинныхъ построекъ остались однѣ церкви. Мѣщанинъ подвезъ меня къ низенькому домику, юркнулъ куда-то въ калитку, и черезъ минуту вернулся.

— Пожалуйте...

VIII.

Чердынь, какъ вѣчный городъ Римъ, расположена на семи холмахъ. Московскія грамоты ее титуловали такъ: „Пермь Великая Чердынь", а потомъ существовало еще другое названіе—Старая Чердынь. Съ трехъ сторонъ она, благодаря крутымъ оврагамъ, была совершенно неприступна, и только западная часть защищалась землянымъ валомъ. Сохранились остатки и другихъ земляныхъ укрѣпленій, именно на восточной сторонѣ, но назначеніе ихъ трудно опредѣлить — безъ нихъ съ этой стороны городъ былъ огражденъ достаточно, тѣмъ болѣе, что, по свидѣтельству лѣтописей, всѣ нападенія на Чердынь дѣлались съ южной стороны. Скучившіяся на берегу церкви показываютъ центръ существовавшаго здѣсь когда-то кремля. И стѣны, и башни, все было деревянное, и все давнымъ-давно сгорѣло. Церкви старинной архитектуры, но построены въ прошломъ столѣтіи. Видъ изъ этого кремля на лѣвый берегъ—одинъ изъ красивѣйшихъ на Уралѣ: подъ обрывомъ берега глубоко внизу катится свѣтлая Колва, за ней идутъ поемные луга, а дальше начинается сплошной лѣсъ, широкимъ размахомъ подходящій къ Полюду-Камню. Эта гора вѣнчаетъ картину. Представьте себѣ постаментъ памятника Петру I, увеличенный въ нѣсколько десятковъ тысячъ разъ — вотъ вамъ

портретъ этой горы. Полюдъ къ городу стоитъ бокомъ и рельефно выдѣляется на горизонтѣ, точно гребень поднявшагося девятаго вала. До него около тридцати верстъ, и отчетливо можно разсмотрѣть гору только въ хорошую погоду, какъ это было при мнѣ. Если Полюдъ скрылся въ облакахъ—значитъ, будетъ ненастье. Свое названіе гора получила, по легендѣ, отъ какого-то разбойника Полюда, но слово это коренное новгородское — полюдье, полюдъ.

По народному преданію, Чердынь стоитъ уже на пятомъ мѣстѣ, а гдѣ она была раньше—остается неизвѣстнымъ, хотя по нѣкоторымъ находкамъ древнихъ вещей и можно догадываться, что одно изъ такихъ мѣстъ—на Камѣ, выше впаденія въ нее Вишеры. Самое названіе города не русскаго происхожденія, а существующія инородческія слова не даютъ еще объясненія: по-пермяцки „черъ“ значитъ топоръ, а слова „дынь“ и совсѣмъ нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, русская исторія знаетъ Чердынь уже на ея теперешнемъ мѣстѣ, что̀ видно изъ ея завоеванія. Именно въ 1472 г. въ Перми были обижены московскіе гости, и Иванъ III двинулъ свои войска на это сказочное царство. Конечно, это былъ только предлогъ, а завоеваніе Перми подготовлялось далеко раньше. Московскія войска сначала повоевали городъ Искоръ, а потомъ Чердынь. Главными дѣйствующими лицами этого одолѣнія были князь Ѳедоръ Пестрый и воевода Гаврило Нелидовъ. Они плѣнили въ Чердыни пермскаго князя Михаила, а въ другихъ городкахъ—Владиміра и Матвѣя. Изъ пермскихъ воеводъ плѣнены были: Кача, Бурманъ, Мичкинъ, Качаимъ, Изыпаръ и Зырянъ. Московскіе воеводы послали Ивану III, въ качествѣ военной добычи, 16 сороковъ черныхъ соболей, драгоцѣнную соболью шубу, три панцыря, двѣ сабли, шлемъ и 29 поставовъ нѣмецкаго (?) сукна. Замѣчательно то, что пермскіе князья были христіане, и въ лѣтописяхъ сохранилось четырнадцать христіанскихъ именъ пермскихъ князей и княгинь. Плѣненныхъ пермскихъ князей отправили въ Москву, но Иванъ III вернулъ обратно князя Михаила, который и сталъ править страной въ качествѣ московскаго присяжника. Но окончательное завоеваніе Перми произошло только въ 1502 году, а послѣдній пермскій князь Матвѣй Михайловичъ, заподозрѣнный въ измѣнѣ, былъ сведенъ съ отчины въ 1504 году. На его мѣсто назначенъ московскій намѣстникъ князь Василій Коверъ. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что только въ 1553 г. особой грамотой было запрещено намѣстникамъ руководствоваться судомъ и грамотами прежнихъ великопермскихъ князей — изъ этого можно заключить, что Великая

Пермь стояла на высокой степени культуры. И тѣмъ болѣе удивительно, что отъ этого царства, прославленнаго еще въ скандинавскихъ сагахъ, не осталось никакого слѣда. Что за народъ здѣсь жилъ, на какомъ языкѣ онъ говорилъ, куда исчезъ—ничего неизвѣстно. Впрочемъ и отъ волжской Болгаріи ничего не осталось, буквально ни одного болгарскаго слова...

О Чердыни можно сказать, что она вся въ прошломъ; является даже сомнѣніе, — не преувеличено ли это прошлое, и даже существовала ли Великая Пермь лѣтописей и грамотъ. Да, она существовала и неопровержимымъ доказательствомъ этого существованія служитъ цѣлый циклъ такъ-называемыхъ пермскихъ древностей, найденныхъ и находимыхъ до сихъ поръ въ области исчезнувшаго царства. Можно пожалѣть объ одномъ, именно, что эти древности разсѣяны теперь по столичнымъ музеямъ или разошлись по рукамъ партикулярныхъ любителей; а въ самой Чердыни рѣшительно ничего не осталось. Особенно много найдено было серебра: сосуды, чаши, блюда, украшенія, браслеты, гривны, потомъ разное оружіе, предметы домашней утвари и масса монетъ. Самыя древнія монеты въ Россіи найдены именно въ чердынскомъ краѣ: индо-бактріанскія, сассанидскія, византійскія и золотоордынскія. Авторъ извѣстнаго „Хозяйственнаго описанія пермской губерніи", Н. С. Поповъ описываетъ серебряную чашу, найденную въ окрестностяхъ Чердыни; на ней были рельефныя изображенія разныхъ южныхъ животныхъ—слона, страуса, крокодила. Г. Смышляевымъ пожертвованъ петербургскому эрмитажу серебряный ковшъ въ $2^1/_2$ ф. вѣсомъ, украшенный такими же изображеніями; онъ найденъ тоже около Чердыни, и ученые относятъ его происхожденіе къ Византіи, именно къ VI в. Особенно было много находокъ восточнаго происхожденія. Изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе золотой браслетъ съ вставками изъ сердолика; на немъ арабская надпись: „Ищу того, кто любитъ меня, наперекоръ тому, кто запрещаетъ мнѣ". Все это жалкіе остатки того „закамскаго серебра", до котораго такъ были падки новгородцы и изъ-за котораго было пролито много напрасной новгородской крови. Подбирался къ нему и великій московскій князь Иванъ Калита, о которомъ новгородскій лѣтописецъ подъ 1332 г. говоритъ: „Великій князь Иванъ приде изъ орды и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра закамскаго"... Новгородцы сначала отказали, а когда Калита пошелъ на нихъ войной въ союзѣ съ рязанскими и низовыми князьями, начали предлагать 500 р. отступного. Калита не взялъ этихъ денегъ и помирился съ новгородцами. Вопросъ

о закамскомъ серебрѣ является въ исторіи темнымъ—на Уралѣ серебра нѣтъ, и всего вѣрнѣе предположить, что оно въ древней Біарміи пріобрѣталось путемъ мѣны на цѣнную пушнину отъ купцовъ азіатскихъ и византійскихъ. Въ Чердыни былъ свой собиратель этой древности, уѣздный судья Коноваловъ, и у него, какъ говорятъ, образовался цѣлый музей, но все это добро въ одно прекрасное утро сгорѣло. Остатки разнесли заѣзжіе археологи, и теперь во всей Чердыни вы найдете всего двѣ-три старинныхъ вещи. Но находки продолжаютъ встрѣчаться, и археологамъ здѣсь есть надъ чѣмъ поработать. По богатству и обилію этихъ находокъ въ такомъ глухомъ углу можно безошибочно заключить, что древняя Біармія дѣйствительно существовала и существовала именно здѣсь, но говорить о ней приходится съ такими же догадками и вѣроятіями, какъ о людяхъ каменнаго или бронзоваго періода. Лѣтописи и царскія грамоты глухо молчатъ, за исключеніемъ года московскаго „одолѣнія"...

Но если пермская старина отошла въ область гаданій и болѣе или менѣе остроумныхъ соображеній, то Чердынь все-таки сохранила за собой интересъ въ другомъ отношеніи—въ ней еще живетъ старина новгородская, поскольку она выразилась въ языкѣ, пѣсняхъ, обычаяхъ, обрядахъ и всемъ житейскомъ обиходѣ. Конечно, первое мѣсто принадлежитъ здѣсь языку, о которомъ Даль говоритъ такъ: „въ Чердыни живетъ еще старина русская, какъ при царяхъ, и притомъ старина не раскольничья: рѣчь напоминаетъ здѣсь Киршу Данилова и Посошкова". Случилось это потому, что Чердынь, послѣ завоеванія царства казанскаго, осталась совершенно въ сторонѣ отъ главнаго потока колонизаціи, повернувшей къ южному приволью и въ Сибирь. Собиратели древнихъ русскихъ былинъ, сложенныхъ въ Новгородѣ и Кіевѣ, нашли ихъ не на мѣстѣ своего происхожденія, а въ олонецкой губерніи, куда занесло ихъ вихремъ смѣшавшихся историческихъ событій, какъ вѣтеръ сметаетъ снѣгъ на край широкаго поля. Преданія, пѣсни, повѣрья, притчи, сказки и весь обиходъ народнаго творчества на мѣстѣ родины похоронены подъ позднѣйшими историческими наслоеніями и замѣнились новыми бытовыми формаціями, а здѣсь еще жива эта глубокая старина и хранитъ свой эпическій складъ. Достаточно указать на одинъ циклъ свадебныхъ пѣсенъ, сохранившихся въ Чердыни. Даже въ чтеніи онѣ производятъ сильное впечатлѣніе своей глубиной, выстраданной поэзіей и сердечной женской правдой. Эти пѣсни богаты такими оборотами, сравненіями и образами, сложены такимъ прекраснымъ стариннымъ языкомъ, что остается только

удивляться создавшей ихъ духовной мощи. Въ нихъ, какъ живая, встаетъ неприглядная историческая доля многострадальной русской женщины, вынесшей на своихъ плечахъ тройной гнетъ византійско-татарско-московской цивилизаціи. Еслибы поставить на сцену такую чердынскую свадьбу, безъ ученыхъ и артистическихъ искаженій, то это была бы наша глубоко-національная, выстраданная цѣлой исторіей опера, та русская правда, которая не нашла выхода...

Для этнографовъ, археологовъ и бытописателей чердынскій край является непочатымъ угломъ.

Отъ громкаго прошлаго къ безцвѣтному настоящему Чердыни нѣтъ почти никакого перехода, если не считать рядъ пожаровъ, уничтожавшихъ до тла чердынскую старину. Настоящее Чердыни очень скромно: это уѣздный городъ съ 3½ тыс. жителей и бюджетомъ въ 15 т. рублей. Площадь уѣзда равняется 62 тыс. квадр. верстъ, а населенія около 86 т. Бѣдность чердынскаго населенія на Уралѣ вошла въ пословицу, и поэтому чердынское земство выбивается изъ силъ, чтобы выполнить самыя необходимыя функціи. Можно только удивляться, что это бѣдное средствами земство ухитрилось построить такія прекрасныя училищныя зданія и очень хорошую земскую больницу. Это ужъ совсѣмъ по-американски—лучшія въ городѣ зданія принадлежатъ школамъ. Жаль только, что нѣтъ ни гимназіи, ни прогимназіи, ни профессіональныхъ учебныхъ заведеній — край такъ удаленъ отъ учебныхъ центровъ, что чувствуется самая настоятельная необходимость въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Желающіе дать дѣтямъ гимназическое образованіе должны везти ихъ въ Пермь, т.-е. за 300 верстъ.

Пользуясь прекрасной погодой, я обошелъ почти весь городъ, благо онъ и такъ невеликъ. Побывалъ въ земской управѣ, а потомъ у предсѣдателя Н. С. Селиванова—было небольшое занятіе. Между прочимъ, у него просмотрѣлъ нѣсколько старинныхъ книгъ. На одной изъ нихъ — „Историко-географическое описаніе пермской губерніи“, изд. 1800 г., на заглавномъ мѣстѣ была курьезная надпись: „Только прошу читать со вниманіемъ и табакъ не курить и если кто покуритъ, у того пупъ въ правый пахъ уйдетъ въ чемъ и подписуюсь своеручно. Св. Протоіерей Филаретъ Вѣчтомовъ. 1800 г.“. Къ этой надписи примѣчаніе другой рукой: „Отца Филарета Бывшаго благочиннымъ въ чердынскомъ Воскресенскомъ соборѣ 35 лѣтъ потомъ переведенъ въ городъ Шадринскъ и тамъ скончалъ свою жизнь“. Эти надписи достаточно характеризуютъ „налегающую мглу языковъ“... Мнѣ хотѣлось

узнать черезъ г. Селиванова, не сохранились ли въ частныхъ рукахъ какія-нибудь древности, но таковыхъ не оказалось, за исключеніемъ нѣсколькихъ серебряныхъ великокняжескихъ монетъ и еще двухъ-трехъ пустяковъ.

— Много было вещей у Алиныхъ, да сгорѣли въ пожаръ,— объяснялъ г. Селивановъ.—Серебряный поясъ былъ, кубки... Все сгорѣло.

— А послѣ Коновалова вещи куда дѣвались?

— Часть сгорѣла, а другая такъ, по рукамъ разошлась... Тутъ еще исторія вышла съ цѣпями... изъ Ныроба. Коноваловъ, когда былъ судьей, то сдѣлалъ копію съ желѣзныхъ цѣпей, въ которыя былъ закованъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, когда сослали его въ Ныробъ. Цѣпи эти хранились въ ныробской церкви. Теперь выходитъ такъ, что будто бы Коноваловъ увезъ настоящія цѣпи, а копію оставилъ въ ныробской церкви. Одинъ изъ его наслѣдниковъ продалъ потомъ эти цѣпи заводчику Голубцову, какъ настоящія, но опять говорятъ, что настоящія-то оставилъ у себя, а продалъ Голубцову вторую копію. Насколько все это вѣрно, не умѣю сказать, а продаю, за что̀ купилъ.

Самымъ бойкимъ общественнымъ мѣстомъ въ Чердыни служитъ клубъ. Иду туда закусить и просмотрѣть новыя газеты —извощиковъ въ Чердыни нѣтъ, поэтому приходится довольствоваться образомъ пѣшаго хожденія. Да и клубъ рукой подать, такъ что ноги обывателей проходятъ сюда незамѣтно. Помѣщеніе незавидное—какъ на желѣзно-дорожной станціи средней руки, гдѣ по росписанію полагается буфетъ. Изъ передней ходъ прямо въ бильярдную, а за ней уже залъ, буфетъ, библіотека и проч. Въ бильярдной звонко щелкали шары, несмотря на полдень,— игралъ самъ буфетчикъ съ какимъ-то старичкомъ „изъ отставныхъ".

— Желтаго въ среднюю! карамболь по красному!—громко выкрикивалъ буфетчикъ, вытягиваясь всѣмъ своимъ составомъ по бильярду.—Рразъ... Ну-ко, Павелъ Митричъ, черкните шаръ шаромъ по шару шара!..

Старичокъ видимо сердился и промазалъ, вызвавъ раскатистый, жирный смѣхъ веселаго партнера.

— Будетъ тебѣ ржать-то! — оговаривалъ онъ.—Гусей по осени считаютъ.

Буфетчикъ, по свободному обращенію, видимо, былъ свой человѣкъ въ чердынскомъ beau mond'ѣ, и я черезъ комнату слышалъ его causerie съ Павломъ Митричемъ. Въ газетахъ, кромѣ старыхъ новостей, ничего не оказалось, и приходилось довольствоваться бильярдными разговорами.

— А лошадку-то у Ивана Ѳедотыча я приспособилъ-таки,— весело разсказывалъ буфетчикъ, дѣлая шара.—Какъ же-съ... Не лошадь, а прямо сказать: драконъ. На масляницѣ городъ брать будемъ... Иванъ-то Ѳедотычъ каждый день въ двѣнадцать часовъ заѣзжалъ въ клубъ рюмку водки выпить,—ну, кучеръ какъ-то повелъ лошадь купать, а она вырвалась отъ него да прямо въ клубъ и придула... ха-ха!.. Не домой, подлая, бѣжитъ, а въ клубъ, потому мѣсто свое знаетъ. Иванъ Ѳедотычъ по этому по самому и отдали ее мнѣ... Дуплетъ въ середку-съ!..

Общественной жизни въ Чердыни, конечно, нѣтъ и званья, какъ нѣтъ ея даже въ такихъ городахъ, какъ Пермь или Екатеринбургъ. Довольствуются самымъ скромнымъ прозябаніемъ. Да и тонъ жизни здѣсь задаютъ знаменитые „благодѣтели", какъ называютъ купцовъ, ведущихъ торговлю съ печорскимъ краемъ. Эти богачи пользуются громкой популярностью на всемъ сѣверѣ, какъ идеалъ кулачества: не привезутъ хлѣба печорцы—и сиди голодомъ. Всѣ операціи очень просты: изъ Чердыни на Печору везутъ хлѣбъ и соль, а оттуда везутъ рыбу. Дѣло старинное, кондовое, установленное еще по новгородскимъ торговымъ правиламъ, и необъятный край находится въ кабалѣ у десятка чердынскихъ толстосумовъ. Эксплуатація идетъ жестокая и приняла уже, такъ сказать, нормальный характеръ. Но въ послѣднее время надъ чердынскими благодѣтелями грянулъ громъ: открывается такъ-называемый „Сибиряковскій трактъ", который соединитъ Печору съ Обью, далеко минуя Чердынь. Если этотъ путь осуществится, благодѣтелямъ капутъ. До этого открытія благодѣтели продавали хлѣбъ по 2 и 2½ р. за пудъ, сахаръ 40—50 к. фунтъ; а когда А. М. Сибиряковъ открылъ свое дѣло на Печорѣ, то цѣна муки за пудъ сразу упала на 1 р. 25 к., а въ 1887 году—даже на 75 к. Сахаръ продается по 18—20 к. фунтъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что, благодаря дешевому водяному пути, на Печору двинутъ сибирскій хлѣбъ, а въ будущемъ предполагается двинуть туда и сибирскую соль, которая по достоинству гораздо выше камской. Удержится этотъ путь или нѣтъ—неизвѣстно. Сибиряковымъ затраченъ на него уже милліонъ, но дальше нужно правительственное содѣйствіе. Чердынцы ежегодно отправляли на Печору до 500.000 п. одного хлѣба да 300.000 п. соли. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о Сибиряковскомъ трактѣ принадлежитъ къ капитальнымъ, и отъ него зависитъ уничтоженіе чердынской кабалы.

IX.

Намъ остается подвести итогъ всему сказанному о новгородскомъ періодѣ древней Біарміи.

На зарѣ нашего историческаго существованія весь сѣверовостокъ былъ заполоненъ угро-финскими племенами, образовавшими полумиѳическое государство, извѣстное въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Великой Перми. Въ исландскихъ сагахъ оно именуется Біармландъ, а англо-саксонскій викингъ Оттеръ, жившій во времена Альфреда Великаго, называетъ его Біармосъ. Эта таинственная страна, прославившаяся цѣнной рухлядью, мѣхами и азіатскими товарами, привлекала къ себѣ постоянное вниманіе храбрыхъ викинговъ, которые не только воевали и вели торговлю съ Біарміей, а не гнушались и родниться съ пермскими князьями. Существуетъ преданіе, что норвежскіе и датскіе конунги женились на пермскихъ принцессахъ, добиваясь ихъ руки, въ случаѣ соперничества, поединками. Послѣдній походъ въ Біармландію въ скандинавскихъ сагахъ помѣченъ 1222 годомъ. Но не дремали и новгородцы, обшарившіе весь сѣверъ. Подъ 1096 г. новгородской лѣтописи есть извѣстіе, что какой-то „ноугородецъ Гуръ Тогаровичъ“ посылалъ своего отрока на Печору, въ которой „людіе же суть, дань дающе Новугороду“; съ Печоры отрокъ отправился въ Угру, т.-е. на Уралъ. Конечно, піонерами и развѣдчиками служили добрые молодцы ушкуйники—эта вольница новгородская послужила прототипомъ образовавшагося впослѣдствіи южно-русскаго казачества.

Прямой путь на Уралъ по Волгѣ и Камѣ былъ загороженъ осѣвшей въ устьяхъ Камы болгарской ордой, съ которой воевалъ еще великій князь кіевскій Владиміръ. Лѣтописецъ, разсказывая о походѣ на болгаръ въ 897 г., приводитъ такой эпизодъ: когда Владиміръ разбилъ болгаръ и когда къ нему привели плѣнниковъ, то Добрыня сказалъ: „Сглядахъ колодниковъ, оже суть вси *въ сапозѣхъ*: симъ дани намъ не даяти... Пойдемъ, княже, искать лапотниковъ!“ Но если убоялся волжскихъ болгаръ Добрыня, то это не остановило новгородцевъ—они пробрались въ Біармію обходнымъ путемъ, черезъ Заволочье. Этотъ путь оставался вплоть до завоеванія Казани. Неутомимые новгородцы не останавливались даже въ Біарміи, а перевалили черезъ Уралъ задолго до похода Ермака. Есть извѣстіе, что новгородская вольница, подъ предводительствомъ Александра Обакуновича въ 1364 г., забралась далеко за Каменный-Поясъ, воевала съ югорскими народами

и доходила по р. Оби до самаго студенаго моря. „Господинъ Великій Новгородъ“ хотя и называлъ Великую Пермь своей волостью, но мы не думаемъ, чтобы здѣсь существовало полное новгородское владѣніе, а просто были выдвинуты торговыя факторіи и мѣновые дворы. Великому Новгороду и со своими дѣлами въ пору было управиться: чего одно Заволочье стоило! Достаточно и того, что новгородцы первые проложили широкій путь тяготѣвшей на востокъ русской колонизаціи и пользовались въ далекой украйнѣ большимъ вліяніемъ. Послѣднее видно изъ той борьбы, которую вела Москва съ Новгородомъ изъ-за Великой Перми. Еще св. Стефанъ, просвѣтитель Великой Перми, ѣздилъ въ Новгородъ ходатайствовать за свое новое духовное стадо, угнетаемое новгородскими володѣтелями и особенно сборщиками дани, а епископъ Герасимъ обуздывалъ новгородскую и вятскую вольницу своими пастырскими увѣщаніями. Вообще, здѣсь остается много гадательнаго, и красная нить исторіи съ трудомъ связываетъ разрозненные факты.

Но что̀ хорошо извѣстно, такъ это именно политика Москвы, постепенно забиравшей новгородскія колоніи,—а въ этомъ ряду московскаго одолѣнія Великая Пермь явилась только послѣднимъ словомъ.

Московскіе политики, прежде чѣмъ взять Новгородъ открытой силой, предварительно домогались обезсилить его отнятіемъ колоній на сѣверѣ. Такъ и было на самомъ дѣлѣ: новгородцы, стѣсненные со всѣхъ сторонъ, продолжали только держаться въ Великой Перми. По шелонскому договору въ 1471 г., когда новгородцы потеряли всѣ сѣверныя колоніи, Великая Пермь еще оставалась въ числѣ новгородскихъ волостей. Вопросъ, почему Москва такъ долго не наносила Новгороду послѣдняго и самаго сильнаго удара, объясняется тѣмъ, что на дорогѣ стояла усилившаяся Казань; взять у новгородцевъ Пермь значило въ то же время обойти Казань съ тыла. Интересно прослѣдить здѣсь роль пермскихъ епископовъ, зависѣвшихъ административно отъ Новгорода, а духовно отъ Москвы. Понятно само собой, что епископы тяготѣли къ Москвѣ, гдѣ была митрополія и гдѣ ставились всѣ духовные чины. Вообще пермскимъ епископамъ принадлежала очень дѣятельная и видная роль: они не только просвѣщали свѣтомъ христіанства облегавшую ихъ мглу язычества, но входили во всѣ подробности и распорядки какъ частной, такъ и общественной жизни; они же вводили правильное гражданское устройство, вѣдали суды и вступали въ договоры съ сосѣдними дикими племенами. Такая обширная компетенція епископской власти служила

только продолженіемъ могущественнаго вліянія св. Софіи, за которую новгородцы клали свои буйныя головы,—таковъ былъ укладъ всей новгородской жизни,—и самъ Великій Новгородъ въ критическихъ случаяхъ шелъ на судъ къ московскому митрополиту. Собственно духовная миссія пермскихъ епископовъ закончилась въ 1462-63 годахъ, когда епископъ Іона „крести Великую Пермь и князя ихъ и церкви поставилъ, и игумены, и попы". Первый пермскій епископъ св. Стефанъ не былъ въ предѣлахъ нынѣшней пермской губерніи, и резиденція его находилась въ Усть-Вымѣ, начатое же имъ дѣло было закончено епископомъ Іоной, такъ что Великая Пермь крестилась еще въ новгородскій періодъ.

Выяснивъ себѣ громадное значеніе епископской власти первыхъ пермскихъ святителей, мы поймемъ ихъ историческую роль въ дѣлѣ подготовки близившагося московскаго одолѣнія. Это дѣло созидалось десятками лѣтъ, и мы видимъ, что когда Иванъ III рѣшился нанести послѣдній ударъ далекой новгородской волости, то ближайшимъ его помощникомъ явился пермскій епископъ Филоѳей, бывшій игуменъ Бѣлозерскаго монастыря. Для московскаго похода все было подготовлено заранѣе, и Филоѳей даже представилъ въ распоряженіе московскихъ воеводъ своихъ „вожей", этихъ непремѣнныхъ членовъ тогдашняго генеральнаго штаба. Извѣстно, какъ быстро кончено было завоеваніе Великой Перми: Москва переклюкала много такавшій Новгородъ... Съ паденіемъ Казани и открытіемъ прямого пути на Камень по Волгѣ и Камѣ навсегда закончилась историческая роль Великой Перми, оставшейся въ сторонѣ отъ главнаго колонизаціоннаго движенія; но въ этой упраздненной новгородской волости еще таился вольный новгородскій духъ и враждебное отношеніе къ Москвѣ. Послѣдняя вспышка проявилась въ московское лихолѣтье, когда на призывъ Минина откликнулась вся Русь. Всѣ русскія области посылали подъ Москву свои рати; медлили одни „пермичи" или „пермитяне", по терминологіи лѣтописей. Сохранилось характерное обличительное посланіе вятчанъ въ Пермь по этому случаю: вятчане корили пермичей за нежеланіе „прямить Москвѣ", объясняя это „воровствомъ и піанствомъ". Роль хлыновской республики, утвердившейся на волокѣ изъ Камы въ Сѣв. Двину, является въ русской исторіи темной страницей. Образованіе ея изъ новгородскихъ выходцевъ отрицается, но можно принять ее за сводную колонію изъ гулящихъ людей, промышленниковъ и разбойничавшихъ ушкуйниковъ, послужившею первообразомъ южно-русской сѣчи. Вполнѣ установленъ только тотъ фактъ, что хлыновцы постоянно враждовали съ Новгородомъ

и прямили Москвѣ, хотя эта послѣдняя и заплатила имъ черной неблагодарностью. Эта крошечная республика просуществовала до конца XV-го вѣка, когда „развели всю Вятку“ по московщинѣ — врагъ Новгорода раздѣлилъ его печальную судьбу.

Мы уже говорили о томъ, что̀ оставилъ новгородскій періодъ въ этомъ краю и какъ онъ соединилъ его узами крови и духа съ неоглядной Сибирью. Но, утративъ всякое политическое значеніе, Великая Пермь въ послѣдующій московскій періодъ явилась твердымъ оплотомъ въ борьбѣ съ бунтовавшими инородцами и первымъ опытнымъ полемъ развивавшейся колонизаціи. Свѣдѣнія объ этомъ новгородскомъ періодѣ отличаются крайней отрывочностью и бѣдностью содержанія, касаясь, главнымъ образомъ, внѣшнихъ событій и внѣшнихъ причинъ, такъ или иначе воздѣйствовавшихъ на судьбы Біарміи; но въ московскій періодъ, начиная съ 1472 г., вліяніе и интересы метрополіи отступаютъ на задній планъ, и лѣтописцы заняты по преимуществу внутренними событіями, сосредоточивающимися главнымъ образомъ на борьбѣ за собственное существованіе. Именно въ этотъ періодъ происходитъ самое горячее броженіе всѣхъ этнографическихъ элементовъ, начавшееся въ предшествовавшій періодъ, послужившій связующимъ звеномъ между новгородскимъ и московскимъ владѣніемъ. Великой Перми пришлось выдержать упорную и многолѣтнюю борьбу съ аборигенами: съ сѣвера напирало храброе племя вогулъ, пелымцы и обскіе остяки; съ востока—сибирскіе татары; съ юга—башкирцы западныхъ склоновъ Урала, черемиса и разная татарва вообще. Первый походъ вогулъ занесенъ лѣтописями подъ 1455 годомъ, когда вогульскій князь Асыка напалъ на Усть-Вымъ и предалъ мученической смерти епископа Питирима;—замѣчательно, что въ этомъ походѣ вогулы дѣйствовали совмѣстно съ вятской вольницей. Въ 1481 г. вогулы напали на самую Чердынь, но были отбиты подоспѣвшими на помощь устюжанами, подъ предводительствомъ Андрея Жигинева. Въ 1483 г. великій князь Иванъ III послалъ противъ вогульскаго князя Асыка московскихъ воеводъ князя Курбскаго-Чернаго и Салтыка Травина, которые не только разбили вогулъ въ устьяхъ р. Пелыми, но еще проникли въ югорскую землю за Камень; они шли по Тавдѣ, Иртышу, Оби и взяли въ плѣнъ самого югорскаго князя Молдана. Въ 1505 году тюменскій царевичъ Кулукъ-Салтанъ подступилъ къ Чердыни и разорилъ всю „нижнюю землю“; въ 1531 г. на Чердынь нападалъ пелымскій князь, а въ 1546 г. повоевали пермскую землю ногайскіе татары. Все это крупныя событія, не считая мелкихъ стычекъ и вылазокъ, усилившихся

съ обѣихъ сторонъ ко времени завоеванія Казани. Взятіе казанскаго царства послужило поворотнымъ пунктомъ въ этой борьбѣ съ инородцами,—власть московскаго царя чувствовалась уже за Камнемъ, откуда отъ сибирскаго салтана Едигера въ 1555 г. явились въ Москву послы поздравить Ивана IV съ благополучнымъ одолѣніемъ казанскаго и астраханскаго царствъ и съ просьбой „взять подъ свою высокую руку князя сибирскаго и всю землю сибирскую". Послы сибирскіе обѣщали дань по соболю и по сибирской бѣлкѣ съ каждой души, если московскій царь „заступитъ" ихъ предъ непріятелями. Москва „взяла на свое имя" всю сибирскую землю и тотчасъ же отправила туда „дорогу" (сборщика дани), чтобы брать сибирскій ясакъ. Но эти видимые успѣхи не унимали кипѣвшей въ новыхъ мѣстахъ этнографической борьбы. Достаточно было малѣйшаго повода, чтобы поднялись „въ одну голову" вогулы съ Яйвы и Косьвы, березовскіе остяки и иренскіе татары и черемисы съ напольной стороны Камы. Такъ, въ 1572 г. вогульскій „князецъ" Бехбелей перешелъ Камень и напалъ на русскія селенія по Чусовой и Сылвѣ,—все было пограблено, выжжено и населеніе уведено въ плѣнъ. Но Строгановы напали на Бехбелея на его обратномъ пути и отняли весь полонъ. Въ отместку Бехбелей явился на слѣдующій годъ и прошелъ всю пермскую землю: осаждалъ Камгортъ, Кергеданъ, Кай-Городокъ, острожки по р. Сылвѣ, Чусовскіе-Городки и самую Чердынь. И на этотъ разъ Строгановы подкараулили князца Бехбелея, когда онъ возвращался во свояси „съ немалой добычей и плѣномъ", и разбили его на голову „въ нѣкоторомъ тѣсномъ мѣстѣ"; самъ князецъ Бехбелей попался въ плѣнъ и умеръ отъ ранъ въ Чусовскихъ-Городкахъ.

Именно въ это тяжелое и смутное время и выдвинулась на первый планъ фамилія именитыхъ людей Строгановыхъ. Эти новгородскіе выходцы порвали всякія связи съ кровными интересами метрополіи и передались Москвѣ. Сначала Строгановы утвердились въ Соль-Вычегодскѣ и отсюда уже сдѣлали крупный шагъ въ Великую Пермь, гдѣ тотчасъ же поставили исконный новгородскій промыселъ—солевареніе. Пользуясь широкимъ покровительствомъ московскихъ князей,—одного изъ нихъ они даже выкупали изъ казанскаго плѣна,—Строгановы проявили на новомъ мѣстѣ всѣ свойства пробойныхъ новгородскихъ промышленниковъ: захватывали земли, заводили промыслы, колонизировали пустовавшія земли (такихъ пустыхъ земель тогда было „неочерпаемое" множество, потому что инородцы въ счетъ не шли) и военной рукой поступали съ врагами Москвы. Московскимъ князьямъ было

самимъ до себя и они во всемъ положились на именитыхъ людей, съ которыми расплачивались пустыми землями. Строгановы быстро освоились въ новыхъ мѣстахъ и внесли съ собой страшную новгородскую кабалу: широкій путь этой фамиліи и до сихъ поръ обозначенъ поголовной бѣдностью и нищетой населенія,—богатства Строгановыхъ созидались на голытьбенныхъ и обнищалыхъ людишкахъ, тянувшихъ въ новыя мѣста изъ-подъ Москвы, изъ бывшихъ новгородскихъ волостей, съ Устюга, Бѣлоозера, Углича, съ береговъ Двины, Пинеги и Вычегды. Секретъ необыкновеннаго успѣха Строгановыхъ заключался въ умѣньѣ соединить во-едино промышленное кулачество господина Великаго Новгорода, его колонизаторскія способности и умѣнье пустить въ ходъ военную силу съ чисто московскими свойствами—униженнымъ моленіемъ о землицѣ, взятками и посулами разной приказной челяди, пронырствомъ и дворцовыми интригами. Даже Иванъ Грозный, этотъ кровавый призракъ завершившагося московскаго собиранія, и онъ мирволилъ Строгановымъ, историческая роль которыхъ при немъ неразрывно связалась съ покореніемъ Сибири. Несмотря на обаяніе силы московскаго царя, какъ мы видѣли, волненія инородцевъ не унимались, и они продолжали умышлять „злохитрое коварство", нападая на русскихъ насельниковъ „украдомъ". Сибирское царство, которымъ завладѣлъ старый ханъ Кучумъ, тоже вчинало разныя непріязненныя дѣйствія, хотя хитрый сибирскій политикъ Кучумъ и называлъ себя данникомъ Москвы, а Ивана Грознаго величалъ „старѣйшимъ братомъ". Двоедушная политика сибирской „отчины", какъ называлъ Грозный сибирское царство, обостряетъ отношенія сторонъ, особенно когда Махметкулъ, родственникъ Кучума, перенесъ военныя дѣйствія въ область Великой Перми. Онъ явился по слѣдамъ Бехбелея, разорилъ Чусовскіе-Городки, убилъ московскаго посла Третьяка Чубукова и мирно удалился въ „отчину" московскаго царя. На этотъ разъ Строгановы, опасаясь „дальнихъ случаевъ и сильной сибирской стороны", не посмѣли напасть на Махметкула.

Пользуясь этими затруднительными обстоятельствами, Строгановы выхлопотали себѣ царскую грамоту „поступать военной рукой" не только съ ближнимъ непріятелемъ, но и съ дальними сибирскими врагами, причемъ имъ впередъ жаловались земельныя угодья въ царской „отчинѣ" за Камнемъ. Въ своихъ городкахъ-острогахъ у Строганова былъ давно сформированъ наборъ ратныхъ людей, обычныхъ городовому и воинскому дѣлу. Въ это время, какъ гласитъ кунгурская лѣтопись, „промчеся воровской слухъ" про „заворуя" Ермака, который, имѣя „спѣхъ

и храбрость смлада", „своевольными вои храбрствовалъ во единство сердца и вседушно",—воевалъ персидскіе бусы на Хвалынскомъ морѣ, зорилъ русскихъ купцовъ и даже „шарпалъ" царскую казну на Волгѣ. Такой человѣкъ былъ находкой Строгановымъ для осуществленія задуманнаго ими „подъема въ Сибирь". Кликнули кличъ, и Ермакъ обратилъ свои струги на Каму. Задача была не легкая, но для Ермака предложеніе „очистить сибирскую землю" являлось „спасительнымъ случаемъ": и работа сподручная, и царскую милость можно заслужить. По словамъ лѣтописи, вся Сибирь находилась тогда „въ безоборонномъ состояніи", да и сибирскіе людишки были вообще „не воисты". Снаряженіе Ермака въ походъ обошлось Строгановымъ въ 20.000 р. —счетъ идетъ на тогдашніе рубли. Результаты этого похода извѣстны всѣмъ.

Съ завоеваніемъ Сибири перемѣстился и центръ борьбы съ инородцами—Великая Пермь замирилась окончательно, а всякое воинское дѣйствіе перешло по ту сторону. Послѣднимъ непріятельскимъ нашествіемъ было нападеніе пелымскаго князца Кихека, который, воспользовавшись удаленіемъ Ермака за Камень, напалъ на пермскую землю и „ту велію пакость учиниша". Онъ прошелъ ураганомъ по всей области, осаждалъ Кай-Городокъ, Камгортъ, Кергеданъ, Чердынь и Соликамскъ. Строгановы едва отсидѣлись въ своихъ острожкахъ, пока Кихекъ храбрствовалъ въ ихъ владѣніяхъ, а потомъ получили еще опальную грамоту отъ Грознаго, зачѣмъ набрали воровскихъ людей и напрасно задирали войной сибирскаго салтана. Но это была уже послѣдняя бѣда—московское одолѣніе перевалило уже за Камень, и Великая Пермь навсегда осталась въ сторонѣ отъ всякой исторіи. Вторая половина московскаго періода завершилась въ предѣлахъ павшаго сибирскаго царства. Этотъ Drang nach Osten завершился только на берегахъ Великаго океана и въ пескахъ Средней Азіи. Промышленно-торговый духъ утвердился во всѣхъ колоніяхъ Новгорода, обошелъ весь Уралъ и широкой волной разлился по необозримой Сибири. Новгородская закваска сохраняется тамъ и до нашихъ дней и служитъ отличительной характеристикой не-европейской Россіи; коренной типъ сибиряка, этого хитраго промышленника и торгаша по натурѣ, служитъ только продолженіемъ древняго новгородца. Вообще, культурное значеніе Новгорода сказалось въ русской исторіи очень сильно и проложило широкій слѣдъ въ далекую Сибирь, и смѣлый замыселъ Строгановыхъ является только далекимъ откликомъ новгородской предпріимчи-

вости, пробивавшейся через всѣ путы и приказныя злоухищренія московскаго періода.

Въ московскій періодъ закончилась русская колонизація Великой Перми, не оставившая камня на камнѣ отъ процвѣтавшаго здѣсь государства. Ничего новаго въ жизнь далекой украйны не было внесено, и московское хозяйство ограничилось вымогательствомъ ясака у инородцевъ и эксплуатаціей все тѣхъ же обнищавшихъ и голытьбенныхъ людишекъ, осѣвшихъ въ бассейнѣ Камы. Сказочное возникновеніе земельныхъ богатствъ Строгановыхъ послужило началомъ русскаго лэндлордства, а въ Москвѣ сложилась пословица: „богаче Строганова не будешь".

X.

Въ Чердыни я оставался очень недолго: нечего было дѣлать... Погода стояла отличная, и нужно было ею пользоваться. Я рѣшилъ съѣздить въ село Ныробъ, чтобы осмотрѣть мѣсто заключенія боярина Михаила Никитича Романова.

Дорога въ Ныробъ очень интересна сама по себѣ, потому что проходитъ по самымъ бойкимъ чердынскимъ мѣстамъ: Покча, Вильгортъ, Камгортъ, Искоръ, разсажавшимся по р. Колвѣ или недалеко отъ нея. Эти села хоть куда, благодаря двумъ промысламъ—извозному и судостроительному. Въ чердынскомъ уѣздѣ есть еще два большихъ села—Вильва и Богичи, а остальное жилье разбилось на небольшіе починки въ нѣсколько дворовъ. Здѣсь что ни шагъ, то старина: у Вильгорта старинное чудское городище, у Искора тоже, а на Колвѣ почти на каждомъ мысу и на каждомъ усторожливомъ мѣстечкѣ обитала чудь. Особенно славится городище между Искоромъ и Ныробомъ. Чудь—названіе собирательное, и едва ли можно признавать существованіе особаго народа съ этимъ именемъ: старинная „чудь" аналогична по этимологіи съ словомъ: „нѣмецъ": — все, что̀ не говорило по-русски, составляло чудь. Чудскіе памятники прошли широкой полосой отъ новгородскаго Заволочья (заволоцкая чудь) черезъ Уралъ до Алтая—весь этотъ путь усыпанъ чудскими городищами, могильниками (могилицы), копями (копани) и промысловыми стоянками. Археологическая разработка этихъ памятниковъ только началась и даетъ блестящіе результаты: тутъ и каменный вѣкъ, и мѣдный, и бронзовый. Эта чудь существовала задолго до русской исторіи, и можно только удивляться высокой металлической культурѣ составлявшихъ ее племенъ. Достаточно сказать одно то,

что всѣ наши уральскіе горные заводы выстроены на мѣстахъ бывшей чудской работы—руду искали именно по этимъ чудскимъ мѣстамъ.

Ближайшее къ Чердыни село—Покча; оно является чѣмъ-то въ родѣ пригорода. Здѣсь же крѣпко засѣли и свои „благодѣтели", служащіе органическимъ продолженіемъ чердынскихъ. На первый разъ бросаются въ глаза самыя постройки, какихъ нѣтъ въ Зауральѣ. Крестьянскія избы выставляются на улицу не лицомъ, а бокомъ, такъ что обыкновенное дѣленіе такой избы на переднюю и заднюю здѣсь теряетъ свой смыслъ. Ходъ въ такую избу не со двора, а прямо съ улицы; къ холоднымъ сѣнямъ, соединяющимъ избы, придѣлано шатровое, нáглухо забранное досками крылечко. Самыя избы поставлены высоко, такъ что подъ каждой такой избой образуется подклѣть; ходъ тоже съ улицы, а крыльца вымощены на столбахъ. Видъ такой избы, во всякомъ случаѣ, оригинальный и наглядно объясняетъ ту роль крыльца, которая придается ему въ старинныхъ русскихъ пѣсняхъ. Другой особенностью здѣшней архитектуры служитъ устройство сѣноваловъ—они не въ глубинѣ двора, а рядомъ съ избой, и прямо съ улицы на такой сѣновалъ ведетъ бревенчатый взвозъ. Подъ сѣноваломъ устраиваются всякія стаи и стойла для скотины, но входъ въ нихъ уже со двора. Такой типъ построекъ мнѣ приходилось видѣть еще въ первый разъ: оригинально и красиво. Неудобство соединенія сѣноваловъ съ жилымъ помѣщеніемъ главнымъ образомъ заключается въ опасности отъ пожаровъ: займется изба или сѣновалъ—спасенья нѣтъ.

Жизнь и движеніе здѣсь дается, главнымъ образомъ, все-таки Колвой—этой артеріей чердынскаго края, соединяющей его съ необъятнымъ печорскимъ краемъ. Работы здѣсь достаточно и зимой, и лѣтомъ. Говоръ тоже особенный, съ чердынскимъ растягиваніемъ и своимъ лексикономъ: тожно, здись, дивно, денница (день), парма̀ (густой лѣсъ) и т. д. Господствуетъ оригинальная фраза, которая служитъ отвѣтомъ на всякій вопросъ, утверждаетъ, отрицаетъ, сомнѣвается и просто ничего не выражаетъ—все дѣло въ интонаціи.

— Это Колва?—спрашиваю я чердынскаго ямщика, когда мы подъѣзжали къ Покчѣ.

— Це инò?..

— Зимой на Печору черезъ Покчу ѣздятъ?

— Це инò..

— А ты бывалъ на Печорѣ?

— Це инò!..

„Це инð“ въ переводѣ—„чтð иное“, но употребляется въ значеніи: какъ же, да, развѣ, конечно, непремѣнно, извѣстное дѣло, не иначе, будьте покойны и т. п. Можно представить цѣлый разговоръ, гдѣ одна сторона будетъ повторять только „це инð“, модулируя тонъ, и получится полный смыслъ,—конечно, для „чердака“.

Въ Вильгортѣ я завернулъ къ знакомому земскому врачу, г. З., но его не оказалось дома. Вышла горничная.

— Здѣсь живетъ докторъ?

— Це инð...

— Дома?..

— Це инð... Стрѣляться съ гостями уѣхали.

Стрѣляться — охотиться. Ждать, когда докторъ кончитъ „стрѣляться“, было некогда, и я двинулся дальше. На земской станціи, пока перепрягали лошадей, „це инð“ не сходило у ямщиковъ съ языка. У насъ въ Зауральѣ есть такое же общеупотребительное слово, но уже нерусское: айда! Во многихъ случаяхъ значеніе этихъ словъ совпадаетъ: „айда, запрягай лошадей“; „це инð, запрягай лошадей“,—особенно когда они употребляются въ значеніи „да“. „За прогоны повезешь?“ „Це инð“. —„Айда!“

За Вильгортомъ мы у Камгорта на паромѣ переправились черезъ Колву, которая здѣсь въ ширину не больше 30 саженъ. Дальше пошла плоская болотная равнина, поросшая мелкимъ карандашникомъ. На половинѣ станціи къ Искору особенно красивый уголокъ представляетъ переправа черезъ небольшую рѣчку Нязьву. Такая глубокая быстрая рѣчка и такъ поэтически спряталась она въ запущенныхъ густымъ лозникомъ берегахъ, что къ водѣ никакъ не продерешься. Можно только удивляться могучей силѣ растительности.

Искоръ—большое и красивое село, раскидавшее свои домики по холмистымъ берегамъ Искорки. Когда-то Искоръ былъ столицей „верхней пермской земли“, и у самаго села сохранилось чудское городище. Теперь въ немъ ничего замѣчательнаго нѣтъ, кромѣ легенды о происхожденіи самаго названія, связаннаго съ городищемъ, лежащимъ по дорогѣ въ Ныробъ. Съ искорской возвышенности открывается широкій видъ на громадную лѣсистую равнину. Городище вправо отъ дороги, и его далеко можно замѣтить по бѣлѣющей новой часовнѣ. По описаніямъ В. Н. Берха и проф. Н. П. Вагнера, оно является чѣмъ-то въ родѣ естественной крѣпости—съ трехъ сторонъ гора защищена отвѣсными скалами и только съ четвертой приступна. Легенда говоритъ, что на этомъ городищѣ жилъ чудскій князь Коръ; онъ былъ раз-

бить русскими, и городищенскіе жители были переселены на мѣсто нынѣшняго Искора—отсюда и получился „изъ-Коръ", Искоръ. По другому варіанту, чудь замѣняется татарами, но это все равно. Берхъ производилъ подробныя раскопки городища и нашелъ бердышъ, сошникъ, ключъ съ золотой насѣчкой, два ножа, копьецо и нѣсколько замковъ. Мѣстные жители продолжаютъ дѣлать здѣсь находки. Часовня поставлена надъ „убіенными", имена которыхъ сохранились въ записяхъ искорской церкви—все это жертвы московскаго одолѣнія. По преданію, найденныя здѣсь кости „на брани животъ положившихъ" перенесены въ Чердынь и тамъ похоронены.

Равнина, на которой стоитъ городище, производитъ вблизи тяжелое впечатлѣніе—здѣсь такъ и пахнуло глубокимъ и холоднымъ сѣверомъ. Вмѣсто травы, въ лѣсу лежалъ мохъ, и даже на открытыхъ, покосныхъ мѣстахъ этотъ же мохъ выступалъ сквозь траву и глушилъ ее. Что-то такое мертвое придавалъ онъ картинѣ, тѣмъ болѣе, что это не обыкновенный, зеленовато-желтый болотный мохъ, а бѣлый, оленій, походившій на тѣ бородатые лишайники, которые здѣсь заѣдаютъ деревья. Переходъ отъ зеленой гущи, въ какой прячется Нязьва, къ мертвой бѣлизнѣ оленьяго моха слишкомъ уже рѣзокъ, хотя дальше опять идетъ трава, а на Колвѣ она по поясъ. Впечатлѣніе отъ мертвой равнины усиливалось еще и другимъ обстоятельствомъ: было уже поздно, около десяти часовъ вечера, а небо еще горѣло пурпуровымъ закатомъ. Въ это время ночи здѣсь нѣтъ, стоитъ сплошная заря, такъ что можно свободно читать книгу. Если іюньскія петербургскія ночи получили названіе бѣлыхъ, то здѣшнія смѣло можно назвать красными; на нервы эта заря дѣйствуетъ томительно-жутко, и глазъ просто болитъ напряженно-красными и оранжевыми тонами, въ которыхъ слишкомъ много крови и вообще чего-то зловѣщаго, какъ въ заревѣ невидимаго пожара.

Въ такую именно сѣверную красную ночь я, наконецъ, пріѣхалъ въ Ныробъ, до котораго отъ Чердыни 46 верстъ. Свѣтло было какъ днемъ, и я могъ полюбоваться еще красавицей церковью, которая просто поражаетъ съ перваго раза—такую церковь въ любой городъ поставить, даже въ Москву. Она построена въ началѣ XVIII-го столѣтія „на царскій счетъ" въ стилѣ московскихъ старинныхъ церквей. Четыреугольный корпусъ съ двумя рядами оконъ напоминаетъ подновленный византійскій стиль; на крышѣ пять обычныхъ главъ, паперть замѣнена крыльцомъ въ московскомъ стилѣ, пузатыя колонки, прорѣзныя оконца, фигурная кладка и вообще тяжелая московская вычурность. Собственно въ этомъ ничего особеннаго нѣтъ, но снаружи вся церковь обложена мас-

сивнымъ орнаментомъ изъ кирпича и гончарной глины, и весь этотъ орнаментъ ярко расписанъ красной, зеленой, желтой и синей краской. Рисунокъ обходитъ всѣ карнизы, окна и углы пестрой оригинальной каймой уже восточнаго характера. Издали эта пестрота производитъ оригинальное впечатлѣніе гармоніей сливающихся тоновъ. Колокольня стоитъ отдѣльно, какъ у всѣхъ старинныхъ церквей. Мѣсто заключенія замученнаго боярина находится не у церкви, а въ сторонѣ, на особой площадкѣ, гдѣ стоитъ теперь небольшая каменная часовенка тоже старинной архитектуры—окна обведены рельефнымъ узоромъ, а по карнизу проходитъ сплошная вязь.

Уснуть въ Ныробѣ мнѣ почти не удалось—отчасти мѣшали насѣкомыя, пріютившіяся на земской станціи, а главнымъ образомъ—неулегавшееся нервное состояніе. Въ воздухѣ такъ и виситъ кровавый отблескъ, а грудь давитъ что-то такое гнетущее и тоскливое. Я едва дождался бѣлаго, дневного свѣта, и только тогда вздохнулъ свободнѣе. Село небольшое, дворовъ около сотни и по внѣшнему виду очень бѣдное. Оно дѣлится маленькой рѣчонкой на двѣ части—Погостъ и Зарѣчну.

Послѣ чая я отправился къ мѣстному священнику, о. Филиппу Пономареву. Онъ оказался настолько любезнымъ, что пошелъ со мною самъ въ часовню и церковь. Часовня небольшая и обнесена ветхой деревянной рѣшеткой. Мѣсто заключенія Михаила Никитича—подъ часовней; спускъ въ это „узилище"—небольшая западня, лѣсенка, и вы въ земляномъ погребѣ, гдѣ разыгралась страшная драма лихолѣтья: нынѣшній видъ этой подземной темницы ничѣмъ не отличается отъ любого подвала—стѣны выведены изъ бутоваго камня, потолокъ сводомъ изъ кирпича. Въ одной стѣнѣ сдѣлана небольшая ниша, обозначающая мѣсто стоявшей печи. Вѣроятно, здѣсь былъ поставленъ деревянный срубъ, какъ дѣлалось „въ доброе старое время", и такія ямы имѣли свое техническое названіе: „бѣдность", что видно изъ розысковъ тайной канцеляріи по раскольничьимъ дѣламъ. По настоящей темницѣ трудно даже приблизительно судить о ея первоначальномъ видѣ, но могила остается все-таки могилой, будь она каменная или деревянная. Меня лично удивили только сравнительно большіе размѣры этого подземелья—изъ угла въ уголъ будетъ шаговъ десять, а высота—въ ростъ человѣка. Надпись на карнизѣ часовни гласитъ слѣдующее: „7109 году присланъ былъ съ Москвы отъ царя Бориса Годунова въ Пермь Великую, въ чердынскій уѣздъ, въ погостъ Ныробъ въ заточеніе блаженныя памяти болиринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, свѣтлѣйшему патріарху Филарету

Никитичу братъ родной, а по родству блаженныя памяти государю, царю и великому князю Михаилу Θеодоровичу, всея Россіи самодержцу былъ дядя родной. Въ погостѣ Ныробъ въ заточеніи въ земляной темницѣ сидѣлъ годъ; на томъ мѣстѣ построена была деревянная часовня. Нынѣ вмѣсто оной деревянной, по указу Ея Императорскаго Величества, въ 1793 г. построена сія каменная часовня единственно въ память бывшаго на томъ мѣстѣ въ заточеніи болярина Михаила Никитича Романова тщаніемъ и коштомъ здѣшней волости крестьянъ, а усердіемъ и стараніемъ крестьянина Максима Пономарева".

По сохранившемуся преданію, Михаилъ Никитичъ былъ настоящій богатырь, и его заморили въ подземельѣ голодомъ. Ныробцы, конечно, жалѣли томившагося подъ землей страдальца и научили дѣтей носить ему пищу въ какихъ-то дудочкахъ. Но эта хитрость раскрылась, схвачено было 6 человѣкъ, зачинщиковъ, которые и отправлены въ Москву; оттуда вернулись уже въ царствованіе Шуйскаго только двое, а четверо погибли на жестокомъ розыскѣ. За этотъ человѣколюбивый подвигъ ныробцамъ дана была „обѣльная грамота", по которой съ крестьянъ сложены были всѣ подати, а церковному причту назначена была казенная руга. Всѣ эти льготы впослѣдствіи были отмѣнены.

Изъ часовни мы прошли въ церковь, чтобы посмотрѣть на „желѣза", въ которыя былъ закованъ Михаилъ Никитичъ. Внутренность церкви, кажется, новѣе наружнаго вида, за исключеніемъ нѣсколькихъ старинныхъ образовъ. Если что̀ представляетъ интересъ, такъ это стѣнная живопись. Между прочимъ, здѣсь есть образъ св. мученика Христофора, нарисованнаго съ собачьей головой. Въ Прологѣ на 9 мая сказано такъ: „О семъ преславномъ мученицѣ глаголется нѣкое чудно и преславно: яко песію голову имѣяше (псоличенъ бѣ), отъ страны человѣкоядецъ"... У чердынскихъ охотниковъ св. Христофоръ пользуется особеннымъ почетомъ, какъ покровитель собакъ; они, отправляясь на охоту, приходятъ иногда въ Ныробъ и просятъ отслужить молебенъ „собачьему богу". Это далекій откликъ язычества, какъ и въ установившемся культѣ Флора и Лавра.

У сѣверной стѣны въ углу стоитъ подъ особымъ балдахиномъ гробница Михаила Никитича. На карнизѣ балдахина надпись: „Смириша въ оковахъ нозѣ его, желѣзо пройде душа его". На особой доскѣ, прибитой къ стѣнѣ, лѣтопись событія: „Присланіе болярина Михаила Никитича Романова въ Ныробъ въ 7109 году. Присланъ былъ изъ Москвы царемъ Борисомъ Годуновымъ, за стражею Романомъ Тушинымъ съ командою въ

лѣтнее время въ глухой кибиткѣ, окованъ желѣзами, въ Пермь Великую, въ чердынскій уѣздъ, въ погостъ Ныробъ, въ заточеніи, блаженныя памяти бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, а по родству блаженныя памяти государю, царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Россіи самодержцу, и святѣйшему патріарху Филарету Никитичу братъ родной; въ погостѣ Ныробѣ въ заточеніи, въ земляной темницѣ, сидѣлъ годъ и преставился. Въ 7110 году на той темницѣ построена часовня деревянная и погребенъ былъ у церкви Николая Чудотворца, подлѣ алтарь на сѣверной сторонѣ и гдѣ тѣло его лежало—построена была церковь и въ ней гробница покрыта сукномъ и крестъ вышитъ, и повелѣніемъ государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи самодержца, тѣло его по преставленіи въ пятое лѣто изъ земли взято ничѣмъ невредимо, только отъ руки отъ перста нѣкоторый членъ земля взяла, и свезено къ Москвѣ и положено у Спаса на Новомъ, и гдѣ прежде тѣло лежало, та гробница и все строеніе отъ пожару сгорѣло, и послѣ, по указу преосвященнаго Іоны, архіепископа Вятскаго и Великопермскаго, таковде часовня, въ ней гробница, построена, покрыта сукномъ краснымъ и крестъ вышитъ, а въ 7237 году деревянная церковь и часовня грѣхъ нашихъ ради Божіимъ попущеніемъ паки сгорѣла, а нынѣ на томъ мѣстѣ построена каменная церковь и въ ней гробница покрыта сукномъ зеленымъ и крестъ вышитъ: такъ же и на семъ мѣстѣ построена каменная часовня—единственно въ воспоминаніе здѣ преставльшагося страдальца болярина Михаила Никитича Романова. На семъ невинномъ страдальцѣ были желѣза 1 пудъ 39 фунт., ручныя желѣза 12 фунтовъ, кандалы или ножныя желѣза 19 фунтовъ, замокъ 10 фунтовъ, всего 3 пуда". Около этой гробницы стоитъ и ящикъ съ этими историческими „желѣзами": шейная цѣпь 1 пудъ 10 фунтовъ, кандалы 10 ф. и замокъ 10 фунтовъ, а всего 1 п. 30 ф. Ручныя желѣза увезены въ Москву вмѣстѣ съ тѣломъ замученнаго боярина. Вѣсъ наличныхъ желѣзъ не соотвѣтствуетъ стѣнной надписи; очень быть можетъ, что они подложны.

— Отчего цѣпи такія блестящія?—спрашивалъ я, съ трудомъ поднимая гремѣвшую цѣпь.

— Богомольцы во время службы надѣваютъ ихъ на себя,—объяснялъ о. Филиппъ:—у насъ въ годъ перебываетъ ихъ до 6 тысячъ, и всякій, конечно, старается поднять желѣза...

Изъ Ныроба я выѣзжалъ поздно ночью, чтобы поспѣть утромъ въ Чердынь къ пароходу.

Д. Сибирякъ.

НЕ СУДЬБА

РАЗСКАЗЪ.

Было начало лѣта. Еще не успѣвшая запылиться и наполниться духотою Москва смотрѣла чистенько и щеголяла свѣжею зеленью пышно распустившихся деревьевъ.

Часу во второмъ дня, на Бронной, въ № 5-мъ „студенческихъ“ меблированныхъ комнатъ кипѣлъ на столѣ самоваръ. Окна были открыты; съ улицы такъ и рвалась въ нихъ дребезжащая стукотня извощичьихъ пролетокъ, неслись голоса старьевщиковъ и разнощиковъ всякихъ лѣтнихъ новинокъ. Несмотря на это, обитатели нумера—медики Лаврушинъ и Савченко—не затворяли оконъ и вели разговоръ, возвышая иногда голосъ до выкрика.

Лаврушинъ—щеголеватый, красивый блондинъ, съ каштановой бородкой и длинными, волнистыми волосами, стоялъ въ одномъ жилетѣ и чистой рубашкѣ около самовара. Онъ нагрѣвалъ на немъ то рукавъ, то полу своего сюртука и старательно сводилъ съ нихъ капли стеарина на клочокъ оберточной бумаги. Савченко—не по лѣтамъ старообразный, рыжій хохолъ—полулежалъ на диванѣ, завернувшись въ немилосердно полинявшій „татарскій“ халатъ. Онъ косился на раскрытую предъ нимъ книгу и поминутно тянулся къ столу за стаканомъ, никакъ не рѣшаясь привстать.

— Что, не замѣтно? — спросилъ Лаврушинъ, растопыривъ передъ Савченко отчищенный, но сильно потертый сюртукъ.

— Ни, Боже мой! — отозвался Савченко, глянувъ на сюртукъ, и добавилъ серьезно:—а ты „хракъ“ непремѣнно справь себѣ: сюртуку все не такая честь!

— Убирайся ты! — крикнулъ Лаврушинъ и сталъ надѣвать

сюртукъ. Савченко растянулся съ ногами на диванѣ и углубился въ книгу.—Ты думаешь, даромъ проходятъ тебѣ соусъ на пиджакѣ и башка твоя... нечесаная? — продолжалъ, не унимаясь, Лаврушинъ.—Полтинникъ въ каждомъ урокѣ вычитаютъ у тебя за нихъ, вотъ что!..

Въ корридорѣ послышался игривый напѣвъ шансонетки, пріятный тенорокъ поддѣлывался подъ пѣніе опереточной знаменитости. Скоро въ нумеръ вошелъ гость—Фридманъ, жившій на Тверской въ дорогихъ нумерахъ, но не забывавшій заглядывать иногда на Бронную. Товарищи давно уже не видѣлись. — Ну, хороши, нечего сказать! — заговорилъ Фридманъ, оглядывая хозяевъ. — Нѣмцу!—проговорилъ съ дивана Савченко, протягивая руку товарищу.—Что такое: „хороши"!?—спросилъ Лаврушинъ.

— Да какже,—весело началъ Фридманъ:—слышу, въ подъѣздѣ прислуга жалуется, что ей не житье тутъ, а каторга, хоть удавись! А швейцаръ отвѣчаетъ: „иди въ номеръ пятый, тамъ даромъ удавятъ!" Такъ-то вы ведете себя? — снова посмотрѣлъ Фридманъ на хозяевъ и залился хохотомъ.

— Никакъ мы себя не ведемъ! — заступился Лаврушинъ за честь нумера.—А если у насъ будутъ сидѣть гости, а швейцаръ еще разъ придетъ выгонять ихъ, потому что одиннадцать часовъ пробило, то я его вотъ чѣмъ, вотъ! — схватился Лаврушинъ за стулъ.

— Небось въ ухо, въ другое, въ третье! — пояснилъ Савченко, не то поддерживая Лаврушина, не то труня надъ нимъ.

— И въ ухо! А ты что думаешь?—обратился къ нему Лаврушинъ. — Кто-то правду сказалъ: „мораль моралью, а иного осла не мѣшаетъ и треснуть!" Чѣмъ ты иначе отъ ослинаго нахальства избавишься?.. Ужо, на Никитскомъ?.. — спросилъ онъ Фридмана, надѣвъ шляпу и собираясь уходить.

— Да куда же ты?—спросилъ Фридманъ и придержалъ его за руку.

— На урокъ, на урокъ...

— Э! Гдѣ это набѣжало?

— У купцовъ Волковыхъ, — значительно отвѣтилъ Лаврушинъ.

— Сколько?

— „Рупь въ часъ"! — Лаврушинъ, пользуясь задержкой, выискалъ передъ кривымъ зеркаломъ точку, съ которой вѣрнѣе отражалась его фигура, и еще разъ шмыгнулъ щеткой по лацканамъ сюртука.—Adieu!—Онъ сдѣлалъ ручкой и молодцовато повернулся къ двери.

— Магарычъ! — крикнулъ вслѣдъ ему Фридманъ. Онъ присѣлъ къ Савченко на диванъ и досталъ серебряный портсигаръ. Товарищи дружно задымили.

Трое друзей представляли собою одинъ изъ обломковъ студенческой семьи той, довольно уже отдаленной эпохи. Дружба ихъ не имѣла кружкового характера. Они просто сошлись, симпатизируя другъ другу. Разница ихъ характеровъ, нерѣдко приводившая даже къ перебранкамъ, не только не охлаждала этой дружбы, но скорѣе укрѣпляла ее, не давая отношеніямъ застаиваться и переходить въ монотонность, и безъ того неразлучную съ сѣренькою академическою жизнью. Когда навертывались у кого-нибудь изъ нихъ деньжонки, то друзья не прочь были кутнуть, и слава нумера, надъ которою подсмѣивался Фридманъ, не была совсѣмъ безосновательна: гости, по словамъ швейцара, дѣйствительно любили засиживаться у студентовъ и особенно подъ праздникъ, позволявшій пользоваться отдыхомъ послѣ бурнаго веселья. Искорененіемъ этого безбожнаго и вреднаго для репутаціи нумеровъ обычая занимался швейцаръ—престарѣлый унтеръ, худой, высокій и степенный, прозванный „пуританиномъ“. Научные опыты Лаврушина надъ забѣгавшими въ нумера кошками и учащенныя посылки въ лавочку и за пивомъ были предметомъ сѣтованій служанки Натальи, румяной бабы, съ громкимъ голосомъ и размашистыми манерами, считавшей почему-то за лучшее для себя удавиться, нежели поискать другого мѣста.

Отецъ Савченко доживалъ свой вѣкъ дьякономъ въ бѣдномъ малороссійскомъ приходѣ и не баловалъ сына частой присылкой „грошей“. Сынъ не наскучалъ отцу просьбами, довольствовался уроками, хотя бы и по полтиннику за часъ, и похожъ былъ въ борьбѣ съ жизненными невзгодами на медвѣдя, неуклюже, но неотступно и сильно выворачивающаго пень, чтобы проложить себѣ дорогу, вмѣсто того, чтобы обойти его. Въ будущемъ цѣль Савченки была ясна: „въ нашей губерніи „брехунцямъ“ ість діло!“ говорилъ онъ, разсуждая по этому поводу.

Фридманъ былъ остзейскій уроженецъ. Отецъ его управлялъ подмосковнымъ имѣніемъ какого-то петербургскаго туза и уже приготовилъ сыну покровительство въ его будущей карьерѣ. Фридманъ былъ совершенно согласенъ съ планомъ такой родительской заботливости и не безъ удовольствія помышлялъ объ ожидавшихъ его петербургскихъ прелестяхъ. Помимо нѣмецкой выправки въ своей семьѣ, Фридманъ пользовался съ самаго дѣтства школой барскаго дома. Разодѣвъ мальчугана въ подобіе уцѣлѣвшаго въ памяти рыцарскаго костюма, Frau Фридманъ каждое утро отво-

дила его въ „домъ“, составлять компанію барчатамъ, и, затаивъ въ себѣ материнское сердоболіе, просила гувернерскій штатъ взыскивать съ ея сына „больше, какъ можно больше, и драть *по ушамъ*“. Когда лѣтняя суета оканчивалась въ домѣ и господа уѣзжали въ Петербургъ, Frau Фридманъ начинала откармливать похудѣвшаго отъ муштровки сынка всякими „шмандкухенами“ и себѣ на умѣ смекала, что этотъ муштръ, не всякому доступный и въ Петербургѣ, не стоилъ ей ни конѣйки въ подмосковной глуши. Пріѣзжая на каникулы изъ гимназіи, а потомъ изъ университета, молодой Фридманъ также былъ принятъ въ „домѣ“ и уже самъ не упускалъ случая пользоваться муштромъ высшей школы. Умѣющаго держать себя, хотя и нѣсколько наивнаго студента снисходительно слушалъ за обѣдомъ даже самъ тузъ, дававшій себѣ отдыхъ въ деревнѣ отъ сухихъ департаментскихъ бесѣдъ. Молодежь находила Фридмана сноснымъ кавалеромъ въ танцахъ, въ кавалькадахъ и салонныхъ играхъ, разнообразившихъ хотя и деревенскую, но уставленную въ петербургскія рамки жизнь. Этотъ великосвѣтскій муштръ, а въ особенности навыкъ въ разговорахъ по-французски и по-нѣмецки пригодились Фридману въ Москвѣ какъ нельзя больше. Старикъ Фридманъ скупился не хуже малороссійскаго дьякона, а выросшему въ довольствѣ студенту были далеко не по нутру и нумера на Бронной, и „греческія“ кухмистерскія. Фридманъ принялся за уроки, и ему открылись двери самыхъ богатыхъ домовъ. Установившіеся-было на первыхъ порахъ спартанскіе обычаи студенческой жизни скоро были забыты, и Фридманъ зажилъ безъ горя и заботъ, доставляя уроки даже товарищамъ.

Совсѣмъ иначе сложились обстоятельства Лаврушина. Отецъ его былъ мелкій провинціальный чиновникъ, бѣдный и одеревенѣвшій за казначейскими выкладками. Онъ со служебною аккуратностью высылалъ сыну нѣсколько рублей въ мѣсяцъ и раза два-три въ годъ смущалъ его праздничными подарками, въ родѣ остатковъ вицъ-мундира или кожи когда-то енотоваго воротника. Слово „студентъ“ старикъ-Лаврушинъ отожествлялъ почему-то съ званіемъ вліятельнаго лица, и поэтому почти въ каждомъ письмѣ поручалъ сыну хлопоты по самымъ несообразнымъ дѣламъ земляковъ и сердился за невниманіе къ отцу. Мать Лаврушина была одною изъ тѣхъ русскихъ матерей, которыя умѣютъ любить дѣтей и плачутъ при разставаніи съ ними, желаютъ и готовы сдѣлать имъ все, но не могутъ дать ничего. Жизнь семьи Лаврушиныхъ была крайне однообразна и несложна, и едва ли хоть одно чувство, одинъ зачатокъ мысли, кромѣ обыденныхъ, всско-

лыхнулись въ сынѣ за все время дѣтства. Предоставленный самому себѣ, онъ росъ, какъ ростетъ дерево, и былъ чуждъ для всего окружающаго, также какъ и оно было чуждо для него. Даже улица городка, шумѣвшая по вечерамъ толпами неугомонныхъ ребятъ, не принимала въ себя Лаврушина: разряженный въ отцовскіе обноски, онъ былъ непрошенымъ гостемъ на ней и рано сжился съ мыслью, что мѣсто ему не тутъ, въ городкѣ, а гдѣ-то еще. Такъ же думали и родители. Но гдѣ это мѣсто и какое оно—ни сынъ, ни родители не знали. Въ гимназіи Лаврушинъ вытерживалъ довольно успѣшно все, что̀ требовалось, и росъ такъ же незатѣйливо, и такъ же смутно ожидалъ чего-то, какъ только будетъ удостовѣрена его „зрѣлость“. Зрѣлость удостовѣрили. Вернувшись въ городокъ большимъ человѣкомъ, съ звучнымъ голосомъ, пробившимися усами и странными манерами, Лаврушинъ убѣдился, что ему чужды не только городокъ и округа, но и самая семья, представлявшаяся теперь какимъ-то невиданнымъ, давно отжившимъ міркомъ. Ласки матери, желавшей по прежнему лелѣять Лаврушина, стали конфузить его и раздражать; разговоры отца о необходимости служебныхъ успѣховъ были совсѣмъ непонятны. Лаврушина охватила тоска, и онъ сталъ искать какого-нибудь дѣла. Дѣла не оказывалось, и даже попытка отца пристроить гимназиста въ казначейство только сконфузила ходатая, изобличивъ гимназиста въ плохой каллиграфіи и неумѣньѣ составить самую простую бумагу. — Папаша, я въ университетъ поступлю,—какъ-то совсѣмъ неожиданно рѣшилъ Лаврушинъ.— И поступай. Я тебѣ пособіе ассигную, — согласился, не долго думая, отецъ. Пособіе въ нѣсколько рублей въ мѣсяцъ не давало возможности существовать, и отъ несложнаго прозябанія въ семьѣ и въ гимназіи Лаврушинъ перешелъ къ такому же — университетскому. Весь интересъ жизни, всѣ помыслы свелись у него къ заботѣ о дневномъ пропитаніи и къ сухой, однообразной работѣ надъ лекціями. Отдохнуть, отрѣшившись отъ спеціальныхъ впечатлѣній, было рѣшительно негдѣ и некогда; даже не всегда являлась возможность переварить воспринятое отъ профессоровъ. Умъ, сердце, чувства — все должно было довольствоваться скудной пищей студенческаго кружка. Лаврушинъ сталъ грубѣть и складываться въ типъ не по лѣтамъ сухого спеціалиста. Отъ постоянныхъ—чисто русскаго свойства—споровъ и безцеремоннаго обращенія въ товарищескомъ кружкѣ у Лаврушина выработалась и особенная манера говорить: самоувѣренно, задорно и шумно. Столкнувшись съ Фридманомъ, Лаврушинъ получилъ чрезъ него урокъ и пришелъ нѣсколько въ себя. Его удивлялъ развязный,

оборотливый и аккуратный Фридманъ и поселялъ въ немъ смутное сознаніе чего-то желательнаго, но недоступнаго. Лаврушинъ подружился съ Фридманомъ и, прежде всего, сталъ подражать ему въ щегольствѣ.

Размышляя о своемъ будущемъ, Лаврушинъ продолжалъ видѣть въ немъ ту же загадку, какъ и въ періодъ достиженія „зрѣлости". Въ чемъ, кромѣ добыванія куска насущнаго хлѣба, должна была состоять его гражданская миссія, Лаврушинъ рѣшительно не зналъ; жизнь, въ которую готовился онъ вступить, была такъ же чужда и непонятна, какъ и родная округа для гимназиста. Лаврушинъ не былъ въ состояніи ухватиться даже за такую несложную цѣль, какая была у Савченко: для Лаврушина всѣ „губерніи" были одинаковы и безъинтересны. Мелькало иногда смутно понимаемое поприще земскаго врача, но также манила къ себѣ — какъ Фридмана Петербургъ — дорога медицинской „знаменитости".

II.

— А, Павелъ Васильичъ! — воскликнула молодая, красивая дѣвушка, когда Лаврушинъ, оставивъ товарищей, явился на урокъ и, толкнувъ калитку, вошелъ во дворъ деревяннаго флигелька въ переулкѣ на Садовой. Дѣвушка накачивала воду изъ колодца и, подставивъ подъ желобокъ букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ въ фарфоровой вазочкѣ, весело смотрѣла на бѣжавшую свѣтлую струйку воды. Привѣтствуя Лаврушина, она покосилась на него однимъ глазомъ и продолжала свое дѣло.

— Здравствуйте, Варвара Ивановна,—приготовляясь вступить въ учительскую роль, серьезно отвѣтилъ Лаврушинъ и подошелъ къ колодцу. Дѣвушка выпрямилась, откинула свои слегка подрѣзанные густые, кудрявые волосы и, протянувъ Лаврушину вазочку съ букетомъ,—сказала:

— Понюхайте. Вчера на Воробьевыхъ горахъ набрала.

Лаврушинъ наклонился къ букету, дѣвушка шутливо ткнула ему въ лицо мокрыми цвѣтами и, расплескавъ въ вазочкѣ воду, облила Лаврушину сюртукъ.

— Что вы... что вы надѣлали! — замѣтилъ Лаврушинъ съ легкимъ оттѣнкомъ досады. Дѣвушка отступила на шагъ, подалась граціозно впередъ, вытянувъ руку съ букетомъ и отстраняя платье отъ бѣжавшихъ струекъ воды. Она подняла на Лаврушина глаза съ громкимъ смѣхомъ и убѣжала въ сѣни флигелька.

Лаврушинъ смахнулъ съ сюртука капли воды и, вытирая платкомъ мокрыя руки, пошелъ вслѣдъ за дѣвушкой.

— Что это съ вашей ученицей-то? — встрѣтилъ Лаврушина въ сѣняхъ голосъ плотнаго мужчины въ старо-купеческомъ длинномъ сюртукѣ; радушно пожавъ Лаврушину руку, отецъ дѣвушки пропустилъ его предъ собою во флигелекъ.

Это и было семейство Волковыхъ, о которыхъ говорилъ Лаврушинъ Фридману, придавъ имъ громкое званіе *купцовъ*. На самомъ дѣлѣ Волковы были только московскіе цеховые, люди далеко не богатые, и лишь благодаря своему умѣнью распорядиться трудовой копѣйкой не терпѣвшіе нужды. Глава семьи, Иванъ Максимычъ Волковъ, былъ слесарь и имѣлъ въ одной половинѣ своего флигелька небольшую мастерскую, въ которой по цѣлымъ днямъ ерзали на верстакахъ и визжали подъ терпугами какія-то водопроводныя принадлежности. Ивану Максимычу было лѣтъ подъ-сорокъ. Онъ былъ брюнетъ съ кудрявыми волосами, большими карими глазами и съ выраженіемъ искренняго добродушія на румяномъ лицѣ, слегка сбрызнутомъ веснушками. Онъ принадлежалъ къ тому типу простыхъ русскихъ людей, которые, отрываясь отъ деревни, трудно поддаются фабрично-городской „цивилизаціи“ и, толкаясь въ новой для нихъ жизни, умѣютъ усвоить себѣ не мало хорошаго. Дѣло свое велъ Иванъ Максимычъ честно, не пускаясь ни въ какія аферы и предпочитая имъ кропотливую, но вѣрную и постоянную работу. Жена Ивана Максимыча, Анна Власьевна, была совершенно ему подъ пару: видная, румяная, съ тихимъ и добрымъ характеромъ. Она знала и любила свое кухонное дѣло, и несмотря на всѣ путы, какія кладетъ столичная жизнь на пылкую фантазію доброй хозяйки, считала грѣхомъ отступиться отъ стараго русскаго хлѣбосольства и радушія. Между собою жили Волковы, какъ говорится, душа въ душу и всѣ заботы свои обращали на единственную дочь, Варю. Шумѣвшія кругомъ „вѣянія“ коснулись и Волковыхъ. — Какъ мы отошли отъ родителей, такъ и ей не идти по нашей дорогѣ, —говаривалъ Иванъ Максимычъ про дочь и склонялся въ пользу новыхъ тогда „вѣяній“.

Варя была красивая, стройная семнадцатилѣтняя дѣвушка, похожая на отца, съ такими же, какъ у него, кудрями и съ большими черными глазами на подвижномъ цвѣтущемъ лицѣ. Веселая, умная, она наполняла флигелекъ и пѣснями, и смѣхомъ, и руладами на плохомъ, не всегда стройномъ пьянино.

Варю готовили въ консерваторію. Рѣшивъ учить дочь, Иванъ Максимычъ сталъ усерднѣе шмыгать терпугами и гремѣть вер-

стаками въ мастерской. Во флигелькѣ, изъ кабинета Ивана Максимыча и въ то же время въ столовой устроилась „классная“ Вари, съ этажеркою для книгъ и нотъ, съ картами на стѣнахъ и съ глобусомъ на комодѣ. Возни и хлопотъ явилось не мало и тянулись онѣ нѣсколько лѣтъ. Учителей перебывало у Вари много, но большею частію неудачныхъ, и премудрость у нихъ была у каждаго своя. Музыкѣ учила Варю знающая свое дѣло старушка, и на нее нельзя было пожаловаться, но „изъ предметовъ“ знанія Вари оказались въ концѣ концовъ безсвязными обрывками, и явилась надобность въ „форменномъ“ учителѣ, какъ выражался Иванъ Максимычъ. Въ видѣ такого учителя судьба привела во флигелекъ Лаврушина.

Новый учитель совсѣмъ не походилъ на своихъ предшественниковъ. Его болѣе ясные и толковые уроки легко врѣзывались въ умъ Вари и волновали ее неизвѣстнымъ прежде радостнымъ чувствомъ видимаго успѣха. Лаврушинъ далекъ былъ отъ мысли, какъ говорилось тогда, „развивать“ Варю. Но способная отъ природы, Варя ухватывалась за каждую мелькнувшую въ разговорѣ мысль, за каждое новое свѣденіе, и понятія ея мало-по-малу стали складываться въ систему. Старики Волковы отъ души полюбили скромнаго, невзыскательнаго медика. Анна Власьевна всегда находила случай угостить Лаврушина какимъ-нибудь особеннымъ пирогомъ или завѣтной наливкой; Иванъ Максимычъ потчивалъ его своимъ любимымъ травникомъ. Нравились и Лаврушину Волковы. Онъ отдыхалъ у нихъ отъ разныхъ невзгодъ и, приходя въ уютный, гостепріимный флигелекъ, чувствовалъ себя въ немъ весело и свободно. Иногда Лаврушинъ просиживалъ вечера у Волковыхъ, составляя партію въ преферансъ „по десятой“. Тогда, въ качествѣ третьяго партнера, являлась къ Волковымъ молодая, красивая сосѣдка, Франциска Феликсовна. Одѣвалась она богато, на рукахъ сверкали у нея кольца и браслеты, въ ушахъ—дорогія серьги. Во время игры Франциска Феликсовна безъ умолку говорила, а прикрывая карты, сильно стукала по столу красивой ручкой, звеня браслетами. Лаврушинъ смотрѣлъ на нее съ нѣмымъ благоговѣніемъ.

— Кто эта дама?—полюбопытствовалъ однажды Лаврушинъ.

— А кто ихъ разберетъ ныньче?—отвѣтилъ Иванъ Максимычъ. — Рядомъ съ нами цѣлый домъ съ садомъ сымаетъ; кто-то въ каретѣ къ ней ѣздитъ... Грѣхи!—вздохнулъ онъ.

Варя усаживалась всегда около Лаврушина и внимательно смотрѣла въ его карты. Если Лаврушинъ задумывался, обсуждая ходъ, Варя таинственно, хотя и на-угадъ, указывала ему съ

какой карты надобно ходить.—Да?..—тихо спрашивалъ, наклонившись къ ней, Лаврушинъ. Варя утвердительно кивала головой, поднявъ на него свои большіе ясные глаза. Лаврушинъ невольно смотрѣлъ въ эти глаза и, забывъ объ остальномъ, выкидывалъ на столъ указанную карту. Радостный звонъ браслетовъ Франциски Феликсовны и хохотъ Ивана Максимыча бросали Лаврушина въ жаръ и въ ознобъ, предвѣщая незаслуженный ремизъ, а Варя, закрывъ руками лицо, опускала съ раскаяніемъ голову, разсыпавъ свои роскошныя черныя кудри...

III.

На Никитскомъ бульварѣ Лаврушинъ нашелъ Савченко и Фридмана около бесѣдки фруктовыхъ водъ. Нагулявшись, они сидѣли съ двумя „модисточками“ и угощались шипучкой. Одна изъ нихъ была пріятельница Савченко, Поля, доброе, безотвѣтное существо, считавшее какимъ-то долгомъ для себя проводить каждую свободную отъ работы минуту—сидя на диванѣ и набивая, изогнувшись надъ столомъ, папиросы на всю юную компанію. Другая — пріятельница Лаврушина, Зина, маленькая, живая и остроумная блондинка, любившая говорить пословицами и скрывавшая подъ видимою беззаботностью почти не покидавшую ее вдумчивость и грусть. Онѣ и теперь, при встрѣчѣ съ Лаврушинымъ, такъ и стали перебѣгать по ея миловидному личику и туманить точно боровшіеся съ ними голубые ласковые глаза.—Собирайтесь, дѣтки, въ одну клѣтку!—привѣтствовала Зина Лаврушина.—Ну что̀ твоя Варя?—шепнулъ ему Фридманъ, уже разузнавшій о Волковыхъ отъ Савченко.—Благодарю,—самодовольно отвѣтилъ Лаврушинъ, предоставляя Фридману понимать это какъ онъ знаетъ.

— А вотъ еще нашего полку прибыло!—привѣтствовала чрезъ минуту Зина. Подошли: юристъ Томиловъ, любившій сильно выпить, и математикъ Карпинскій. Послѣдній попалъ въ университетъ по какой-то странной прихоти судьбы и былъ въ сущности музыкантъ съ удивительно развитымъ слухомъ и способностью играть почти на всякомъ инструментѣ. Не сильный въ наукахъ, онъ жилъ уроками музыки и шелъ по двумъ дорогамъ, рискуя не удержаться ни на одной. Въ академическомъ кружкѣ онъ отличался умѣньемъ разыгрывать на губахъ цѣлыя аріи. Зина дала ему прозваніе: „ни швецъ, ни чтецъ, а въ дуду игрецъ“.

— Нѣмецъ! Откуда выплылъ?—вскричали радостно Томиловъ

и Карпинскій, обступивъ Фридмана. — Братцы, пива съ него!— присовѣтовалъ, обращаясь къ компаніи, Карпинскій.

— Все будетъ!—лукаво подмигнулъ Фридманъ и, запустивъ руку въ карманъ щегольскихъ панталонъ, вынулъ десяти-рублевую кредитку.

— О-го-го!—заголосилъ Томиловъ.

Скоро компанія значительно выросла и шумно двинулась по бульвару. Черезъ часъ она уже бушевала въ отдѣльной комнатѣ бульварной гостинницы „Москва". Фридманъ не скупился на угощеніе. Подвыпившій Томиловъ усѣлся верхомъ на стулъ посреди комнаты и заплетающимся языкомъ сталъ разсказывать сцены изъ русскаго быта, но его никто не слушалъ.

— Убирайся ты, „Горбуновъ" этакій!—спровадилъ его Фридманъ.—Карпинскій, польку!—скомандовалъ онъ.

— Не въ духáхъ я, братцы...—заартачился-было Карпинскій.

— Музы́ка, грай! а то струментъ побью!—пригрозилъ ему тоже клюнувшій Савченко.

Карпинскій задвинулся въ уголъ со своимъ стуломъ, приставилъ остріемъ къ губамъ столовый ножикъ, и чрезъ минуту флейта самаго лучшаго тона откалывала польку. Фридманъ понесся, подбрасывая нѣмѣвшую предъ его искусствомъ даму. Глядя на него, двинулся и Лаврушинъ, покраснѣвъ и стараясь держаться такъ же бойко...

IV.

Однажды, наканунѣ праздника, когда Лаврушинъ, окончивъ урокъ, сталъ прощаться съ Волковыми, Варя разговорилась съ нимъ и вышла проводить его въ сѣни.

— Павелъ Васильичъ, приходите завтра послѣ обѣда: на Воробьевы горы поѣдемъ,—сказала она, понизивъ голосъ и перемѣнивъ вдругъ разговоръ.

— Иванъ Максимычъ ничего не говорилъ мнѣ.

— Все равно... приходите...—Голосъ Вари оборвался, и она поспѣшно вернулась во флигелекъ.

Лаврушинъ смутно почувствовалъ въ приглашеніи Вари что-то помимо обычнаго дружелюбія и задумался. На другой день онъ провалялся на диванѣ до самаго обѣда и не разъ принимался обдумывать это приглашеніе. Его такъ и подмывало разодѣться и отправиться къ Волковымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пугала неизвѣстность, какъ отнесется къ этому Иванъ Максимычъ. Вспомнивъ, что вечеромъ хотѣли придти Зина и Поля, и что въ кар-

манѣ нѣтъ ни копѣйки денегъ, Лаврушинъ почти обрадовался такому препятствію и пересталъ думать о Воробьевыхъ горахъ. Послѣ обѣда Савченко напомнилъ, что къ вечеру надобно приготовить угощеніе. Растянувшись по обычаю на диванѣ, онъ сталъ позвякивать мѣдяками въ рукѣ и обратился къ Лаврушину:

— А у тебя сколько?

— Я на экваторѣ!—отвѣтилъ Лаврушинъ и свистнулъ для большей точности.

— Что же ты вчера на урокѣ не взялъ?

— Совѣстно клянчить каждый разъ.

Пріятели грустно умолкли. Немного погодя, Савченко сталъ размышлять вслухъ:

— Заложить что-нибудь у Чистяка, да у него заперто пожалуй теперь—богомольный, чтобъ ему „приснилось“! У Карпинскаго часы есть: можно бы ихъ до завтра оставить въ лавочкѣ, да его теперь со псами не сыщешь... Эге!—надумалъ онъ вдругъ, повернувъ къ Лаврушину голову и уставивъ на него глаза: — у Натальи, боярской дочери... Она что-то веселая сегодня.

— А въ самомъ дѣлѣ попытаться!—спохватился Лаврушинъ. Онъ выставилъ въ дверь голову и крикнулъ на весь корридоръ: —Наталья!.. Наталья!

— Сейчасъ!—отозвалась въ концѣ корридора Наталья.—Чего вамъ?—спросила она, войдя въ нумеръ и остановившись у дверей.

— На той недѣлѣ я получу деньги на урокѣ, а теперь ты вручи мнѣ рубль! — подлетѣлъ къ ней Лаврушинъ, подставивъ сложенныя другъ на дружку ладони.

— А гдѣ мнѣ его взять, рубль-то? — сурово спросила Наталья, но потомъ имѣла неосторожность улыбнуться.

— Въ карманѣ, въ карманѣ!— заговорилъ, предчувствуя побѣду, Лаврушинъ.

— Вы всегда говорите: „на той недѣлѣ“. А потомъ ищисвищи! — подыскала Наталья отговорку.

— Да вѣдь я не долженъ тебѣ, вѣдь я отдалъ!—доканалъ ее Лаврушинъ.

— Знаю, что отдали...

— Наталья, и мнѣ,—проговорилъ съ дивана Савченко, видя, что дѣло на мази.

Наталья, нервно подправляя волосы подъ платокъ, вступила въ комнату.

— Вы мнѣ когда вашъ серебряный рубль заложили? А?—уставилась она на диванъ. — *До завтра* зимой заложили, а теперь что̀ у насъ? Вы хоть бы что̀ наросло-то на него отдали... Я

жду, жду, и вотъ, какъ Богъ святъ, размѣняю!—перекрестилась Наталья.

— Ни, ни! То мать на счастье дала!—пригрозилъ Савченко кулакомъ.—Мнѣ же надо черезъ недѣлю домой ѣхать, дурья ты голова: получу, значитъ! Этотъ договоръ подѣйствовалъ на Наталью, и послѣ нѣсколькихъ, такъ уже, для формы брошенныхъ возраженій, она принесла рубль для Лаврушина и 50 к. для Савченко.—И то гарно!—согласился Савченко.

Лаврушинъ повеселѣлъ. До вечера было еще далеко, и онъ снова сталъ обдумывать приглашеніе Вари. На этотъ разъ ему казалось весьма естественнымъ зайти къ знакомымъ людямъ въ праздникъ, хотя бы и безъ приглашенія. А тамъ видно будетъ: не пригласитъ Иванъ Максимычъ, не надо, — рѣшилъ Лаврушинъ. — Я къ Волковымъ пойду, — сказалъ онъ вдругъ Савченко.

— Сегодня же нѣтъ урока.

— Они звали...

— Да такъ же не дѣлаютъ: къ намъ придутъ, а ты уходишь!—запротестовалъ Савченко.

— Я рано вернусь.

— Ну, гарно,—насупился Савченко.

Лаврушинъ занялся туалетомъ и чрезъ нѣсколько минутъ съ какимъ-то особенно торжественнымъ видомъ и съ тревогою въ сердцѣ отправился на Садовую. Повернувъ въ переулокъ, онъ дошелъ до дома Франциски Феликсовны. Тамъ у подъѣзда стояла карета, изъ отворенныхъ оконъ слышались голоса, неслись звуки фортепіано. До флигелька Волковыхъ оставалось нѣсколько шаговъ, но Лаврушинъ вдругъ почувствовалъ робость. Онъ остановился, чтобы размыслить, но вмѣсто этого прислушался къ фортепіанному мотиву и, машинально повернувъ, вышелъ опять на Садовую. Точно гимназистъ!—упрекнулъ онъ себя, опомнившись. Повернувъ въ другой переулокъ, онъ придалъ себѣ бодрости и скоро вышелъ къ флигельку Волковыхъ.

— Ну, вотъ онъ! — радостно встрѣтилъ Лаврушина Иванъ Максимычъ.—Что же, мать? давай намъ на дорожку-то!—обратился онъ къ Аннѣ Власьевнѣ, потирая руки.

— Извините, Иванъ Максимычъ, я, знаете, думалъ...—заговорилъ Лаврушинъ. У него стоялъ туманъ въ глазахъ. Онъ торопливо пожалъ руку Ивану Максимычу и Варѣ и остановился, не зная, куда дѣвать шляпу.

— Молодой-то умъ быстрѣе, да зато и короче,—выручилъ его Иванъ Максимычъ, смѣясь и кивая на Варю. — Пригласить

пригласила господина учителя, а сказать, въ которомъ часу, и не хватило догадки-то!

— Успѣемъ, папаша,—отозвалась Варя.

— Знамо, не каплетъ надъ нами. А у Павла Васильича по часамъ время-то.

— Сегодня праздникъ, — сказалъ Лаврушинъ, радуясь, что все обошлось такъ просто, и какъ бы жалѣя объ этомъ. — Вы опять цвѣтовъ наберете, Варвара Ивановна?—спросилъ онъ ученицу.

— О, да! Вонъ я какую вазу приготовила, — указала Варя на старинный стеклянный кувшинъ.—Я люблю цвѣты въ спальнѣ: точно въ лугахъ спишь...

— Пожалуйте-ка, съ малосольненькими,—пригласилъ Иванъ Максимычъ Лаврушина.

Они выпили по рюмкѣ травнику и закусили малосольными огурцами. Начались сборы. Попавъ въ семейную сутолоку, Лаврушинъ невольно отдался ей и самъ. На его долю выпадало то увязать сакъ-вояжъ съ припасами, то помочь въ сборахъ Варѣ. Дверь въ ея комнатку стояла отворенной, и, проходя мимо нея, Лаврушинъ невольно бросалъ туда взглядъ. Комнатка была чистенькая, уютная; на кровати виднѣлось бѣлое, какъ снѣгъ, тканьевое одѣяло и высоко взбитыя подушки, въ наволочкахъ съ кружевами. На столикѣ, около кровати, лежали книги, принесенныя Варѣ Лаврушинымъ, и стоялъ полузавядшій букетъ, ожидая на смѣну себѣ другого съ Воробьевыхъ горъ...

На лодкѣ, по Москвѣ-рѣкѣ, весело и не замѣтивъ, какъ промелькнуло время, добрались Волковы до Воробьевыхъ горъ. Тамъ все было знакомо имъ, до послѣдняго камешка на тропинкѣ. Они прошли къ облюбованному мѣстечку въ лѣсу и расположились какъ дома. На встрѣчу имъ выбѣжала знакомая самоварщица и съ заученною торговою привѣтливостью разсыпалась въ разговорахъ. Для Лаврушина все это было ново: его охватило давно незнакомое чувство безпредметнаго веселья и что-то хорошее, молодое проснулось въ немъ и закипѣло. Потерявъ подобающую учителю степенность, Лаврушинъ сталъ бѣгать съ Варей вперегонку, собиралъ для нея цвѣты и, припоминая свою ребяческую удаль, взлѣзалъ высоко на деревья посмотрѣть—есть ли молодые грачи въ виднѣвшихся гнѣздахъ... Стали близиться легкія лѣтнія сумерки. Солнце спустилось низко и какъ бы задумалось на минуту: упасть ли ему скорѣе за манящую розовую полоску горизонта, или посвѣтить еще отуманенной покидаемой дали. Волковы усѣлись на пригоркѣ и стали любоваться видомъ на

Москву. Надъ ея холмами стояла прозрачная пыльная мгла, въ ней искрились золотыя верхушки безчисленныхъ церквей; ближе —свѣтились извивы Москвы-рѣки, спокойной и лѣниво млѣвшей подъ заревомъ заката. Лаврушинъ, лежа въ душистой травѣ, отдыхалъ, мечтая, и чувствовалъ неизъяснимую любовь и къ Волковымъ, и ко всему человѣчеству...

Домой возвращались Волковы въ крестьянской телѣгѣ, подряженной до Калужскихъ воротъ. Солнце давно уже сѣло. Дорога шла бывшимъ московскимъ „боромъ". Потонувъ въ темной безмолвной чащѣ сосенъ, телѣга глухо стучала. Лаврушинъ сидѣлъ рядомъ съ Варей. Поддерживая Варю, когда телѣга, попавъ на корни вѣковыхъ сосенъ, подпрыгивала, какъ мячикъ, Лаврушинъ совсѣмъ терялъ голову. Выбравшись на ровный путь, телѣга покатилась плавно. Вечеръ былъ тихій. Отъ обступившихъ дорогу сосенъ вѣяло тепломъ и пахло свѣжей смолой.—Какъ хорошо!— тихо проговорила Варя.—Да,—вымолвилъ Лаврушинъ.—Коснувшись въ темнотѣ руки Вари, онъ притаилъ дыханіе; Варя молчала и не отодвигала руки. Черезъ верхушки деревьевъ прорвался свѣтъ луны. Варя подставила подъ свѣтъ руку и стала показывать Лаврушину кольца.—Это мнѣ крестный подарилъ,— говорила она, любуясь трепетнымъ блескомъ алмазика:—это мамаша; это ея, старинное... Лаврушинъ разсѣянно взглядывалъ на Варю и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда рука опустится на прежнее мѣсто...

У Калужскихъ воротъ надобно было пересаживаться изъ телѣги на извощиковъ, и Лаврушинъ сталъ-было прощаться съ Волковыми, но Иванъ Максимычъ выставилъ резонъ, что все равно надобно брать двухъ извощиковъ, и усадилъ Лаврушина съ собой. Передъ калиткой флигелька снова началось прощаніе, но на этотъ разъ Лаврушина удержала Анна Власьевна. Она объявила, что дома ждетъ ихъ ужинъ, а отъ хлѣба-соли гости не уходятъ. Во флигелькѣ дѣйствительно кипѣлъ самоваръ, и хлопотливая Анна Власьевна скрылась въ кухню, откуда и раздался вскорѣ заманчивый звонъ тарелокъ и ножей. Иванъ Максимычъ ушелъ къ колодцу и покряхтывалъ, накачивая холодную струю и подставляя подъ нее лицо. Нетерпѣливая Варя прервала это занятіе, выбѣжавъ налить водой свой кувшинъ съ новымъ букетомъ.

— Что же ты гостя-то бросила?—замѣтилъ ей Иванъ Максимычъ, отступая отъ колодца и выгнувъ шею, чтобы не замочить сапоговъ лившейся съ бороды водой.

— Сейчасъ, папаша!—и Варя торопливо стала накачивать воду.

Лаврушинъ ходилъ одинъ въ полутемной гостиной. Изъ двери классной падалъ короткимъ клиномъ свѣтъ, скользнувъ по полу и взобравшись на стѣну; слышалась прерывистая трель уставшаго кипѣть самовара. Комнатка Вари была залита луннымъ свѣтомъ и въ ней дышало все какою-то таинственною неопредѣленностью. Встрѣчая глазами это волшебное освѣщеніе, Лаврушинъ задумчиво всматривался въ него. Свѣтъ изъ столовой померкнулъ на минуту, и въ дверяхъ показалась Варя съ букетомъ. Она торопливо и молча прошла въ свою комнату. Мертвое освѣщеніе ожило, и Лаврушинъ сталъ смотрѣть на выдѣлявшуюся въ немъ стройную фигуру Вари.—Павелъ Васильичъ, посмотрите!—раздался голосъ изъ комнатки. — Лаврушинъ вошелъ. Спрыснутый водою букетъ сверкалъ при лунномъ свѣтѣ безчисленными огоньками. Варя молча указала Лаврушину на букетъ, и они, притаивъ дыханіе, стали всматриваться въ него, точно боясь спугнуть блестящія росинки.—Какъ у меня лицо горитъ!—прошептала Варя, приложивъ руку къ щекѣ.—Лицо Вари почти касалось лица Лаврушина, и онъ почувствовалъ, какъ пылаетъ ея щека. Точно электрическій ударъ толкнулъ Лаврушина, и онъ уже готовъ былъ прикоснуться губами къ щекѣ Вари, но мелькнула секунда раздумья, и все перемѣнилось: Варя нагнулась къ букету, въ гостиной послышались шаги Ивана Максимыча. Лаврушинъ поспѣшилъ выйти ему на встрѣчу.

— Папаша, смотрите, сколько брильянтовъ!—крикнула Варя отцу.

— Ну и собирай ихъ себѣ на приданое! — посовѣтовалъ Иванъ Максимычъ, заглянувъ въ комнату дочери и смѣясь.— Пойдемте-ка, съ дорожки-то,—пригласилъ онъ Лаврушина и ушелъ съ нимъ въ столовую.

— Ахъ, я дуракъ!.. Ахъ, какой я дуракъ!—говорилъ самъ съ собою Лаврушинъ, возвращаясь отъ Волковыхъ и подпрыгивая на ходу, подъ вліяніемъ обуревавшихъ его чувствъ.—Какой моментъ былъ, и я, олухъ этакій!..—Онъ ругнулъ себя еще разъ, досталъ папиросу и, зажавъ въ ладони зажженную спичку, сталъ повертываться, отыскивая подвѣтренную сторону. Закуривъ, онъ пошелъ, немилосердно стуча каблуками и будя ночную тишь пустыннаго переулка. Несостоявшійся поцѣлуй приводилъ Лаврушина въ отчаяніе. Помѣшавшія ему обстоятельства казались теперь совсѣмъ въ другомъ видѣ: онѣ складывались благопріятно, и только его оплошность была всему виной... Новый приливъ досады заставилъ Лаврушина еще немилосерднѣе стучать каблуками.—Не

послѣдній разъ видѣлись: навернется еще такой случай! — утѣшилъ онъ себя, подходя къ нумерамъ.

Дома Лаврушинъ попалъ въ самый разгаръ веселья: самоваръ пускалъ неистовые клубы пара, бурля и потрясая жиденькій столикъ; табачный дымъ носился облаками; Карпинскій изображалъ на этотъ разъ гитару; по срединѣ комнаты, въ своей обычной позѣ верхомъ на стулѣ сидѣлъ Томиловъ и, безсильно свѣсивъ голову, разсказывалъ самъ себѣ сцены изъ русскаго быта...

V.

Наступила дождливая осень. Москва приняла сумрачный, неприглядный видъ. Свинцовыя тучи не сходили съ неба и не разъ опускались почти до самыхъ крышъ, оканчиваясь чѣмъ-то среднимъ между снѣгомъ и дождемъ. Москва-рѣка вздулась и поспѣшно несла куда-то мутныя волны. Воробьевы горы почернѣли, покрылись туманомъ и совсѣмъ не манили къ себѣ. Къ уроку Волковыхъ у Лаврушина прибавился еще урокъ. Прифрантившись, Лаврушинъ по прежнему проводилъ время съ Варей за уроками и книгами, игралъ по вечерамъ въ преферансъ, но „случая" почему-то не навертывалось. Какъ всегда, Варя держала себя просто и свободно, въ ея обращеніи съ Лаврушинымъ проглядывала прежняя ласковость, но уловить тотъ моментъ, который въ ея комнаткѣ совсѣмъ безотчетно пережилъ Лаврушинъ, ему никакъ не удавалось.

Покончивъ въ одинъ пасмурный день урокъ съ Варей, Лаврушинъ уговорился съ Волковыми придти къ нимъ вечеромъ играть въ карты. Спѣша на другой урокъ, Лаврушинъ вышелъ изъ теплаго, уютнаго флигелька и совсѣмъ неожиданно очутился среди зимы: въ воздухѣ посвѣжѣло, кругомъ стало яснѣе, просторнѣе, и валились клочья чистаго, пушистаго снѣга. Застегнувъ свое легкое пальто, Лаврушинъ поплелся, скользя то-и-дѣло на тротуарѣ и отдавшись какому-то грустно-радостному чувству при видѣ наступавшей зимы. Съ другого урока пришлось Лаврушину идти уже по колѣни въ снѣгу. Придя домой мокрый и иззябшій, Лаврушинъ отдалъ Натальѣ сапоги просушить и усѣлся съ ногами на диванъ. Обезпокоенный Савченко протянулъ свои ноги на стулъ, и пріятели стали бесѣдовать. Савченко и Лаврушинъ дотягивали въ университетѣ по послѣднему году, и жизнь—этотъ всеобъемлющій и простоватый на видъ сфинксъ—вставала предъ ними съ своею загадкой. Начавъ съ вопроса: какъ

устроиться, чтобы не быть въ необходимости отдавать сушиться единственные сапоги?—юристъ и медикъ вѣроятно перешли бы и къ болѣе возвышеннымъ темамъ, но въ нумеръ вбѣжалъ вѣчно веселый Фридманъ.

— Зима, братцы! Ухъ, какъ подвалило! — закричалъ онъ, выбивая свою барашковую шапку о косякъ двери и наполняя снѣжными брызгами всю комнату.—Ѣдемъ, чортъ возьми!—воскликнулъ онъ, откинувъ куній воротникъ пальто и сваливъ на полъ цѣлую кучу снѣга.

— Куда ѣдемъ? -- освѣдомился Лаврушинъ.

— Въ „Стрѣльну"! — крикнулъ Фридманъ. Это было такъ необыкновенно, что даже Савченко привсталъ на диванѣ и, посмотрѣвъ на Фридмана, разразился хохотомъ. Лаврушинъ сталъ вторить ему. — Да что вы, оглашенные?! — сталъ убѣждать ихъ Фридманъ.—Я именинникъ сегодня, пара отъ купеческаго клуба дожидается. Такъ-то вальнемъ по первопутку! Да ну же, собирайтесь!

Фридманъ праздновалъ собственно день своего рожденія, но называлъ это именинами. Товарищи совсѣмъ забыли о столь торжественномъ для Фридмана днѣ. Поздравивъ Фридмана, Савченко протеръ рукавами запотѣвшее стекло и, пристроившись глазомъ къ окну, убѣдился, что пара дѣйствительно дожидается у подъѣзда. Закипѣли шумные сборы: Наталья принесла Лаврушину пускавшіе паръ, совсѣмъ горячіе сапоги; Савченко разыскалъ подъ кроватью прошлогоднее кашнé и подъ комодомъ шерстяные носки. Окончивъ сборы, пріятели, смѣясь и подталкивая другъ друга, выбѣжали въ подъѣздъ.

Мягкій, нѣжный снѣгъ опускался какъ нескончаемая пелена, ровно выстилая улицу. Точно оберегая свою чистую гладь, спѣшно засыпалъ онъ слѣды пѣшеходовъ, трусилъ на черныя полосы отъ колесъ уныло тащившейся пролетки, куталъ головы лошадей, заставляя ихъ нервно трясти гривами и фыркать отъ щекотавшихъ ноздри, таявшихъ снѣжинокъ. Въ воздухѣ стояла свѣжесть, ласкавшая лицо и придававшая бодрости. Накрывшись ковромъ и уткнувъ голову въ сложенныя на облучкѣ руки, ямщикъ спалъ подъ обаяніемъ тишины и мягко падавшаго снѣга.—Cocher!—крикнулъ Фридманъ. Ямщикъ точно понялъ и при общемъ хохотѣ вскинулъ голову, разсыпавъ вокругъ себя слои нападавшаго снѣга. Онъ помахалъ затекшими руками и подобралъ возжи.—

—Ахъ, вѣдь я къ Волковымъ обѣщалъ!—вспомнилъ Лаврушинъ.

—Успѣешь наглядѣться на Варечку!—подтрунилъ Фридманъ.— А я тебѣ вотъ что̀ скажу,—продолжалъ онъ, обхвативъ Лавру-

шина въ саняхъ и прижимая его къ себѣ:—не зѣвай, если случай представится! А то примѣта есть: упустилъ моментъ, навсегда простись съ женщиной! — Лаврушинъ точно въ испугѣ отшатнулся и посмотрѣлъ Фридману въ лицо. Фридманъ захохоталъ и сталъ понукать ямщика. — „Въ самомъ дѣлѣ это—примѣта, или Фридманъ дознался какъ-нибудь?“ — завертѣлось въ головѣ Лаврушина.

Пара выѣхала за заставу и понеслась, закидывая сани комьями мягкаго снѣга. Юношество радостно гикало и наслаждалось, чувствуя, какъ горятъ лица отъ осыпавшихъ ихъ, точно въ вихрѣ кружившихся снѣжинокъ... Пара позванивала подобранными въ тонъ бубенчиками и скоро скрылась въ тихой, снѣжной пустыни Петровскаго парка...

Только утромъ, встрѣчая опять ненастный, сырой день, пара вернулась въ Москву. Взмыленныя лошади шлепали усталыми ногами въ разъѣзженный, смѣшанный съ грязью снѣгъ. Юноши спали сладкимъ сномъ, прикрытые полостью. Толкнувшись, точно корабль о подводный камень, сани остановились у подъѣзда нумеровъ.

— Выгружай!—весело крикнулъ ямщикъ удивленному, полусонному „пуританину“..

VI.

— Отчего вы тогда не пришли? — встрѣтила Лаврушина словно караулившая его у дверей Варя, когда онъ явился послѣ кутежа на урокъ. Она была нѣсколько блѣдна и въ ея голосѣ звучало что-то въ родѣ упрека и строгости. Лаврушинъ никогда не видалъ ее такою. Онъ какъ-то невольно отдался подъ ея вліяніе и сталъ серьезно оправдываться.

— Нельзя было... обстоятельства такія вышли... — говорилъ онъ, проходя съ Варей въ классную.

— Вотъ онъ, пропащій! А мы васъ ждали, ждали...—упрекнула его и Анна Власьевна.

Къ концу урока пришелъ изъ мастерской Иванъ Максимычъ и тоже попенялъ за неаккуратность. Лаврушину было совѣстно, и онъ краснѣлъ и извинялся. Рѣшено было, что для искупленія вины онъ придетъ играть въ карты въ этотъ вечеръ.

— Обманщикъ!..—тихо сказала Варя, выходя вслѣдъ за Лаврушинымъ въ гостиную. Онъ взглянулъ на нее, и они оба засмѣялись.

Съ другого урока Лаврушинъ прошелъ прямо къ Волковымъ. Было еще рано, и Иванъ Максимычъ возился въ мастерской. Въ столовой кипѣлъ самоваръ и стояли банки варенья. Анна Власьевна и Варя, съ ложками въ рукахъ, производили пробу, разсуждая, насколько удались въ этомъ году варенья, и выискивали въ нихъ достоинства и недостатки. Анна Власьевна была склонна больше къ похваламъ. Варя критиковала. Лаврушинъ присѣлъ къ столу и его пригласили быть цѣнителемъ. Онъ съ удовольствіемъ выпилъ стаканъ горячаго чая и, перепробовавъ варенья, согласился съ Анной Власьевной, что всѣ они хороши.

— Сладкія? — спросила его съ тонкой, ласково-язвительной усмѣшкой Варя.

— Конечно.

— Чего же еще?

— Ну, ужъ ты, тоже...—вступилась Анна Власьевна, отодвигая банки отъ Вари.—Повозилась бы за ними у плиты, такъ не стала бы очень-то разбирать... Что̀, идетъ снѣгъ, Павелъ Васильичъ?

— Нѣтъ, опять тепло и дождикъ моросить... А въ прошлый урокъ, когда я отъ васъ вышелъ, такъ совсѣмъ было-занесло меня: настоящая зима наступила... — И Лаврушинъ сталъ разсказывать свои похожденія. — У моего пріятеля знакомые тамъ встрѣтились, тоже первопутокъ праздновать пріѣхали,—описывалъ онъ дальше,—и мы къ нимъ въ комнату попали. Вотъ уже настоящій пиръ-горой былъ! Музыка, цыганки, шампанское...

Варя усѣлась въ уголокъ дивана и, нервно кутаясь въ вязаный шерстяной платокъ — точно ей холодно было или нездоровилось, слушала, не сводя глазъ съ Лаврушина.

— А вамъ нравятся цыганки, Павелъ Васильичъ? — спросила она.

— Ахъ, какія красивыя тамъ были!—простодушно воскликнулъ Лаврушинъ.—Одна, контральто, настоящая вакханка! Потомъ плясала одна — глаза удивительные!.. — Онъ продолжалъ разсказывать, но Варя перешла уже къ другому: она вспомнила про какой-то недостатокъ въ вишневомъ вареньѣ и стала объяснять это матери.

— Да помолчи ты!—остановила ее Анна Власьевна:—Павлу Васильичу мѣшаешь говорить.

— Скажите, какіе разговоры: о цыганкахъ! — усмѣхнулась Варя. Она встала, отвернувъ отъ свѣта лицо, и поспѣшно вышла въ гостиную. Скоро послышались тамъ тихіе звуки пьянино.

Вошелъ Иванъ Максимычъ.

— Ну, что же? Готовьте столъ-то: дадимъ сраженіе!—сказалъ онъ мимоходомъ и, взявъ полотенце, отправился къ себѣ умываться.

Лаврушинъ, какъ предупредительный кавалеръ, пошелъ въ гостиную, чтобы принести оттуда ломберный столъ. Онъ составилъ съ него разныя бездѣлушки и приготовлялся взять его. Въ это время подошла Варя.—Зачѣмъ вы къ цыганкамъ ѣздите?..—послышался ея тихій голосъ. Лаврушинъ не могъ видѣть лица Вари, но въ ея словахъ слышалось столько покорности, чувства, нѣжной мольбы, что они невольно поразили Лаврушина. Онъ остановился около Вари и почувствовалъ, что утраченный имъ, сближающій двѣ души, моментъ возвратился... Рука Лаврушина обвилась около Вари... По его щекѣ скользнулъ поцѣлуй, трепетный и несмѣлый, но полный живого, проникающаго душу огня...

— Приходи къ намъ...—шепнулъ внѣ себя Лаврушинъ.

— Куда—*къ вамъ*?..

— Къ намъ... ко мнѣ... на Бронную...

Варя пугливо отстранилась отъ него.—Нѣтъ...—послышался ея шопотъ.—Ну, Варя... милая...—сталъ упрашивать Лаврушинъ, притянувъ къ себѣ Варю и покрывая поцѣлуями ея лицо.—Ва-ря!—раздался изъ столовой голосъ Анны Власьевны. По щекѣ Лаврушина снова скользнулъ поцѣлуй, но уже холодный, поспѣшный, и вслѣдъ затѣмъ на пьянино вспыхнули смѣлые, бравурные звуки... Лаврушинъ принесъ столъ и началъ съ особеннымъ стараніемъ оглядывать и устанавливать его. Варя играла еще нѣсколько минутъ. Потомъ звуки смолкли, и слышно было, какъ Варя затворилась въ своей комнатѣ.

Пришелъ Иванъ Максимычъ и отрядилъ мальчика за Франциской Феликсовной. Она явилась разряженная, раздушенная, въ полномъ комплектѣ колецъ и браслетовъ, но предупредила, что не можетъ оставаться долго, потому что обѣщала ѣхать въ маскарадъ, и за ней хотѣли прислать карету. Пулька потянулась вяло, точно изъ-подъ неволи. Лаврушинъ молчалъ и чувствовалъ, какъ у него горятъ уши, а глаза не могутъ остановиться ни на одномъ предметѣ. Черезъ часъ за Франциской Феликсовной прибѣжала ея горничная, и игра прекратилась.

VII.

Дома Лаврушинъ долго ворочался на диванѣ. Ему не спалось. Неожиданная вспышка, столкнувшая его съ Варей, тревожила его и сбивала съ толку. Несмотря на молодые годы, Лав-

рушинъ не разъ уже и влюблялся, и страдалъ, и ревновалъ. Но все это совершалось какъ-то легко, скользило по нервамъ, не проникая въ душу, и не оставило ни опыта, ни пониманія. То, что̀ случилось у него теперь съ Варей, было совсѣмъ ново и захватывало полнѣе и глубже. Лаврушинъ сталъ размышлять. Прежде всего проснулось въ немъ оскорбленное самолюбіе: ему было досадно, что Варя отнеслась къ его вспышкѣ не такъ, какъ онъ привыкъ ожидать, и взяла надъ нимъ верхъ. „Посмотримъ!" самонадѣянно подумалъ Лаврушинъ. Онъ перевернулся на другой бокъ и натянулъ одѣяло себѣ на голову. Но самонадѣянность длилась не долго: Лаврушину вспомнились слова Фридмана: „упустилъ моментъ — навсегда простись съ женщиной".—Чортъ этакой! —проворчалъ Лаврушинъ съ досадой. Ему представилось, что Варя разскажетъ обо всемъ матери, и ему нельзя будетъ показать глазъ къ Волковымъ. Гдѣ-то тамъ, глубоко въ душѣ, шевельнулось чувство, похожее на грусть, и что-то незнакомое до этого стало просыпаться и волновать Лаврушина. Онъ не сознавалъ ясно, будетъ ли ему *грустно* разставаться съ Варей, или только *досадно*, но чувствовалъ, что разставаться съ нею не хочется ему. Какъ надобно поступить для этого, Лаврушинъ не зналъ, и сталъ придумывать выходъ. „Жениться развѣ? — мелькнуло у него въ головѣ.—Да, кончу курсъ и женюсь!" снизошелъ Лаврушинъ, шаркнувъ спичкой по стѣнѣ и закуривая папиросу. Потянулись думы—„...клѣточка таится въ глубинѣ океана. Столкнувшись съ другой клѣточкой, она сливается съ нею. Странный и непонятный на первый взглядъ комъ жизни становится правильнымъ міромъ—первообразомъ міра такихъ великановъ, какъ мы"...— сталъ мысленно повторять Лаврушинъ. Лаврушинъ и Варя стали клѣточками въ безпредѣльномъ океанѣ жизни. „Монеры", „амёбы"— такъ и копошились кругомъ... „Corchesium epistylis... corchesium"... повторилъ нѣсколько разъ Лаврушинъ, разглядывая то мелькавшую въ видѣ свѣтлой точки, то расплывавшуюся головку Вари: „epistylis"... Маленькій флигелекъ Волковыхъ расширился, классная и гостиная превратились въ изящную квартирку молодого врача. Въ ней жили Лаврушинъ съ Варей. Лаврушинъ практиковалъ и пользовался извѣстностью отъ одного конца Садовой до другого. Онъ рядилъ Варю въ кокетливые шолковые капоты, которые она принимала отъ него, отдаривая сладкимъ, долгимъ-долгимъ поцѣлуемъ... За перегородкой громко всхрапнулъ Савченко и забормоталъ малороссійскую пѣсню... Мысли Лаврушина приняли другой оборотъ: головку Вари замѣнило огромное лицо горничной Натальи, требующей занятыхъ у нея рублей; въ уютную

квартирку врача донесся визгъ терпуговъ Ивана Максимыча; флигелекъ съузился, одряхлѣлъ и сталъ убѣгать куда-то, покачиваясь и унося съ собой Лаврушина...—Чорта съ два! Ни одного паціента не залучишь...—прошепталъ въ полуснѣ Лаврушинъ...

VIII.

Съ замирающимъ сердцемъ и въ то же время съ ощущеніемъ какъ бы висѣвшей надъ головою бѣды пошелъ Лаврушинъ къ Волковымъ на слѣдующій урокъ. Мысль о женитьбѣ совсѣмъ вышла изъ головы Лаврушина, но онъ продолжалъ питать какія-то надежды и торопился увидѣть Варю.

— Здравствуйте!—встрѣтила Лаврушина въ гостиной Варя. Она вспыхнула, откинула привычнымъ движеніемъ свои кудрявые волосы и подала Лаврушину руку.

— Какъ вы поживаете?—спросилъ Лаврушинъ, думавшій сказать что-то другое.

— Благодарю.—И они прошли въ классную.

Тамъ сверхъ обыкновенія сидѣла Анна Власьевна, обложенная канвой и узорами, и разматывала шерсть. Подмѣченная ею близость Лаврушина съ Варей видимо встревожила ее. Она ничего не сказала дочери. Она вѣрила въ благоразуміе Вари, но не могла удержаться отъ невинной хитрости и подъ предлогомъ работы хотѣла удостовѣриться въ истинѣ материнскимъ глазомъ. Варя поняла это еще утромъ, увидѣвъ въ классной пяльцы и канву, и почти обрадовалась вмѣшательству матери. Она не скрыла бы отъ нея своихъ отношеній къ Лаврушину, но говорить о томъ, что̀ произошло, ей было и совѣстно, и тяжело. Пока Лаврушинъ разговаривалъ съ Анной Власьевной, Варя приготовила свой столикъ съ книгами и придвинула его почти къ самымъ ногамъ матери.

— Куда ты, мать моя?—остановила ее Анна Власьевна.

— Я хочу смотрѣть, какъ вы будете работать.

— Тебѣ надо въ книжку смотрѣть.

— Я и въ книжку буду...

— А, ну тебя!—отмахнулась Анна Власьевна.

Варя усердно занялась урокомъ. Лаврушинъ былъ разсѣянъ и чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко. Онъ догадывался, что Анна Власьевна не спроста пришла работать въ классную, и боялся, не сказала ли ей Варя о случившемся. Видя потомъ, что къ нему не выказываютъ недружелюбія, Лаврушинъ обод-

рился. Осторожно протянувъ ногу подъ столомъ, онъ нащупалъ башмачокъ Вари и пожалъ его. Варя отодвинула свою ногу и пристально посмотрѣла на Лаврушина. Лаврушинъ опустилъ глаза. Чрезъ минуту, передавая Варѣ карандашъ, Лаврушинъ крѣпко прижалъ къ столу ея пальцы. Варя не отняла руки, но остановила на Лаврушинѣ долгій, пристальный взглядъ. Лаврушинъ не выдержалъ этого взгляда и, взявшись за книгу, не безпокоилъ больше Варю. Послѣ урока Варя, какъ и всегда, проводила Лаврушина до передней. Лаврушину захотѣлось уколоть за что-то Варю. Принявъ равнодушный видъ самодовольнаго человѣка, онъ сказалъ:—Что это вы такая серьезная сегодня, Варвара Ивановна?—Васъ удивляетъ, что ученица серьезнѣе учителя?—отвѣтила Варя вопросомъ. Она улыбнулась при этомъ, но блѣдныя, дрожащія губы и полные слезъ глаза говорили, что у нея совсѣмъ другое на душѣ. Занятый своей „мстительностью", Лаврушинъ не замѣтилъ этого и вышелъ отъ Волковыхъ озлобленный.

Прошло еще нѣсколько уроковъ. На видъ Лаврушинъ и Варя были по прежнему друзьями, но между ними установилась какая-то молчаливая, тупая борьба. Лаврушинъ чувствовалъ, что прежней Вари нѣтъ больше, что предъ нимъ только старательная, серьезная ученица, и онъ то сердился, то въ душѣ упрекалъ за что-то Варю. Порвать эту путаницу и перестать бывать у Волковыхъ Лаврушину не хватало не то характера, не то догадки. Какъ-то вечеромъ, сидя у Волковыхъ, Лаврушинъ остался одинъ въ столовой. Варя сидѣла за піанино въ полутемной гостиной—въ послѣднее время она избѣгала оставаться наединѣ съ Лаврушинымъ—и, переставъ играть, лѣниво брала тихіе аккорды. Лаврушинъ прошелся по столовой, заглянулъ въ дверь гостиной, и ему стало вдругъ невыразимо грустно. Ему захотѣлось въ чемъ-то оправдаться предъ Варей, излить предъ ней душу. Онъ вошелъ въ гостиную и, ставъ у пьянино, взялъ Варю за руку. Варя инстинктивно угадала его ласковое настроеніе. Нѣсколько секундъ она боролась съ собой, потомъ тихо высвободила руку и сказала:

— Не мучьте меня, Павелъ Васильичъ...

Необъяснимая сила этихъ словъ приковала Лаврушина къ мѣсту. Онъ не смѣлъ прикоснуться къ Варѣ и почувствовалъ, что долженъ или забыть все, или теперь же отдаться ей навсегда... У пьянино послышались тихія рыданія... Лаврушинъ ощутилъ въ груди что-то въ родѣ испуга и почти выбѣжалъ въ столовую...

IX.

Прошла зима—Лаврушинъ давно уже покончилъ уроки у Волковыхъ; наступило тревожное время экзаменовъ. Все недоученное, забытое, пропущенное, навалилось горой на студенческія плеча, и работа—спѣшная, судорожная, не дающая ни сна, ни отдыха, закипѣла среди студентовъ, охвативъ собой и кружокъ на Бронной. Трое друзей если не отличились, то и не ударили въ грязь лицомъ на экзаменахъ. Заколдованный кругъ студенческой жизни разорвался, и въ пятомъ нумерѣ въ послѣдній разъ вспыхнуло шумное, отчаянное веселье, отзываясь въ то же время чѣмъ-то поэтически-грустнымъ, проникшимъ даже въ сердца Натальи и „пуританина". Наталья, раскраснѣвшись, со вздохами и радушною торопливостью, старалась всячески угодить студентамъ. Швейцаръ старательно вычистилъ мѣломъ свои регаліи и явился поздравить студентовъ съ окончаніемъ курса и пожелать благополучнаго отъѣзда къ родителямъ. Послѣ этого онъ чинно усѣлся у двери подъѣзда на свой вылощенный дубовый стулъ средневѣковаго фасона, сохраняя задумчиво-важный видъ, и считалъ долгомъ вытянуться и сдѣлать „глаза на начальство", когда проходилъ мимо который-нибудь изъ бывшихъ его мучителей...

Чрезъ нѣсколько дней пятый нумеръ затихъ и опустѣлъ. На его окнахъ появились прилѣпленныя хлѣбнымъ мякишемъ бумажки, приглашавшія новыхъ жильцовъ.

Во флигелькѣ Волковыхъ за это время тоже нарушился обычный порядокъ жизни. Варя была опасно больна. Въ тотъ день, когда пировали студенты, она въ первый разъ встала съ постели. Несмотря на хорошую погоду, окна флигелька были заперты наглухо, въ комнаткахъ было душно, тепло и пахло лекарствами. Варя, въ бѣлой кофтѣ, съ расчесанными волосами, полулежала на диванѣ въ гостиной, обложенная подушками. Противъ нея сидѣла Анна Власьевна. Варя задумчиво смотрѣла въ одну точку и играла кольцами, слабо державшимися на ея похудѣвшихъ, блѣдныхъ пальцахъ. Анна Власьевна не сводила глазъ съ дочери и по временамъ говорила ей:—Варюша, дай я поправлю подушечку!—или:—Хочешь варенья? Покушай вотъ земляничнаго съ водицей...

X.

Лаврушинъ поселился въ Москвѣ. Пугавшая предстоявшими невзгодами жизнь оказалась на дѣлѣ не такою страшною, и благополучіе стало выростать какъ-то само собой. Маленькая, уютная квартирка на Никитскомъ бульварѣ, уставленная мебелью, обитою малиновымъ трипомъ, олеографіи на стѣнахъ и букеты восковыхъ цвѣтовъ на этажеркѣ скоро стали разливать въ груди Лаврушина пріятное чувство довольства. По примѣру Фридмана, Лаврушинъ сдѣлалъ себѣ пальто съ куньимъ воротникомъ, прибавивъ къ этому огромную, точно поповскую, кунью же шапку. Онъ съ торопливымъ видомъ неувѣреннаго еще въ себѣ новичка безотговорочно являлся на призывъ каждаго больного и вечеромъ подводилъ итогъ въ красивой записной книжечкѣ.

Были рождественскіе праздники. Проѣзжая какъ-то по Тверской, Лаврушинъ повстрѣчался съ вагономъ конно-желѣзной дороги и поднялъ глаза: на площадкѣ вагона стоялъ Иванъ Максимычъ; лицо его рдѣло, распахнувшуюся лисью шубу трепалъ вѣтеръ. Иванъ Максимычъ узналъ Лаврушина.—Праздники, а ты и не заглянешь! Иль очень богатъ сталъ?—крикнулъ онъ радушно, но съ необычною развязностью. Лаврушинъ успѣлъ только поклониться и, оглянувшись, видѣлъ, какъ Иванъ Максимычъ махалъ ему рукой, кричалъ что-то и порывался сойти.

На праздникахъ Лаврушинъ не успѣлъ заѣхать къ Волковымъ, но всколыхнувшееся прошедшее стало манить къ себѣ и не дало ему забыть приглашенія. Выбравъ свободное утро, Лаврушинъ прифрантился и на лихачѣ подкатилъ къ флигельку Волковыхъ. Сердце у него стукнуло, когда переступилъ онъ знакомый порогъ гостиной, но тутъ же повѣяло на него чѣмъ-то новымъ, холоднымъ и неуютнымъ: вмѣсто прежней заботливой чистоты, царилъ кругомъ безпорядокъ; пьянино, съ разбросанными на немъ нотами, было покрыто пылью; въ самомъ воздухѣ чувствовалось что-то безотрадное и тревожное. Лаврушина встрѣтила Анна Власьевна, убитая, приниженная, и не сразу узнала его. Пришелъ Иванъ Максимычъ и, широко размахнувъ руками, заключилъ Лаврушина въ объятія. Лаврушина обдало запахомъ травника. Въ бородѣ и кудряхъ Ивана Максимыча сильно пробилась сѣдина, щеки отвисли и лицо осунулось.

— За цѣлый годъ хоть бы разъ глаза показалъ! Нѣшто такъ дѣлаютъ?—упрекнулъ онъ Лаврушина.—Ну, мать, давай намъ, съ гостемъ-то...—сталъ онъ торопить Анну Власьевну.

— Ужъ тебѣ-то и будетъ бы, кажется?—замѣтила она.

— Кто будитъ, тотъ рано встаетъ!—съострилъ Иванъ Максимычъ, и самъ какъ-то глухо засмѣялся своей остротѣ.

— А Варвара Ивановна?—спросилъ Лаврушинъ.

— Она теперь особо живетъ,—неестественно звонко и съ напускнымъ спокойствіемъ заговорила Анна Власьевна.—Не маленькая, пора и на своей волѣ пожить...

— Выростили—и иди, гуляй!—сказалъ Иванъ Максимычъ. Поддергивая кверху рукава, онъ присѣлъ къ закускѣ.—Отъ сорока недуговъ... пожалуйте!—говорилъ онъ, наливая дрожащей рукой изъ графинчика. Чувство жалости и вмѣстѣ съ тѣмъ брезгливости зашевелилось въ груди Лаврушина. Иванъ Максимычъ продолжалъ угощать и пить рюмку за рюмкой и, хмелѣя, сталъ дѣлать выговоры Аннѣ Власьевнѣ.—Молода умомъ, да стара норовомъ! Э-и, х-хи... А надо вѣкъ доживать!.. По послѣдней!—сталъ онъ упрашивать Лаврушина. Немного погодя, сказалось, что „послѣдняя только у попа жена", затѣмъ: „и пить—умереть, и не пить—умереть". На одной изъ самыхъ подходящихъ приговорокъ Иванъ Максимычъ задумался, прикрывъ рукою глаза, потомъ рука упала на грудь, а Иванъ Максимычъ, всхрапнувъ, прижался плотнѣе къ спинкѣ стула...

— Не думали, не гадали, что доживемъ до этого на старости лѣтъ,—говорила Анна Власьевна, сидя съ Лаврушинымъ въ гостиной.—Плачешь, плачешь день-деньской, да и слезъ не хватитъ... На *него* посмотришь, еще больше беретъ за сердце... Бывало, словечка дурного не скажетъ никому, а теперь на всѣхъ съ кулаками готовъ лѣзть...

— Почему же ушла отъ васъ Варвара Ивановна?—рѣшился спросить Лаврушинъ.

— И придумать не можемъ... Говоритъ, работать надо, своимъ трудомъ жить... Ну, отецъ не стерпѣлъ... Какъ-то недобромъ все и вышло...—вздохнула Анна Власьевна.—Больна была она прошлую весну—не чаяли, что и съ постели встанетъ. Ну, поправиться поправилась, далъ Богъ, а совсѣмъ точно другая стала: куда и веселость ея дѣвалась! молчитъ, бывало, да думаетъ по цѣлымъ днямъ; а чуть что̀ не по ней, такъ и вспыхнетъ...

— Все-таки вы видитесь съ нею?

— Нѣтъ... Гдѣ и живетъ-то—не знаемъ...—Анна Власьевна задумалась, утирая глаза.—Гдѣ ты, моя голубушка?!—вскрикнула она вдругъ и истерически зарыдала...

XI.

Выйдя отъ Волковыхъ, Лаврушинъ тихо побрелъ по тротуару, опустивъ голову и раздумывая. Положенiе Волковыхъ тронуло его. Варя виделась ему въ какомъ-то новомъ, заманчивомъ свѣтѣ, и при воспоминанiи о ней точно червячокъ шевелился въ сердцѣ Лаврушина.

— И узнавать не хотите! — раздалось около него.

Лаврушинъ поднялъ глаза: на ступенькахъ своего подъѣзда, кутаясь въ черно-бурую ротонду, стояла Франциска Феликсовна. Она сунула Лаврушину теплую, мягкую руку, звякнувъ браслетами, и поспѣшно спрятала ее опять подъ ротонду.—Зайдите-жъ! —пригласила Франциска Феликсовна. Боясь зазнобить руку, она сквозь ротонду тронула пуговку звонка и, прижавшись къ косаку двери, пропустила Лаврушина въ переднюю. Она нетерпѣливо топнула ножкой, когда понатерШiйся Лаврушинъ хотѣлъ уступить ей дорогу.

Франциска Феликсовна жила въ обстановкѣ, при которой, какъ говорится, „богатаго отъ тароватаго не отличишь“. При входѣ въ ея квартиру Лаврушина охватило что-то такое, надъ чѣмъ онъ всегда задумывался, попадая къ хорошимъ паціентамъ, и чего никакъ не могъ постичь: въ ней было что-то цѣльное, какой-то опредѣленный, выражавшiйся даже въ мелочахъ вкусъ, спокойный и самоувѣренный. Лаврушинъ съ любопытствомъ оглядѣлъ чистую, чуть-чуть темноватую комнату и присѣлъ на мягкiй, точно обнявшiй его стулъ. Любезно отобравъ у Лаврушина шляпу, Франциска Феликсовна поставила предъ нимъ этажерку съ сигарами. Лаврушинъ хотѣлъ-было взяться за сигару, но хозяйка придвинула уже къ нему бронзоваго дракона, пасть котораго была набита пахитосами. — Прошу! — говорила Франциска Феликсовна, держа спичку за самую верхушку и потирая змѣиную кожу у ногъ дракона. Она взяла и себѣ пахитосу и неумѣло-граціозно стала чмокать ее алыми губами. Чрезъ минуту она показывала уже Лаврушину альбомъ: на первомъ листѣ былъ портретъ хозяйки въ венгеркѣ и конфедераткѣ; дальше шли портреты какихъ-то красивыхъ мужчинъ. — Это пустяки! — замѣтила Франциска Феликсовна и, торопливо перекинувъ нѣсколько листовъ, указала на карточку и засмѣялась. Изъ обвитаго плющемъ окна, какъ изъ рамы, глядѣла Франциска Феликсовна, а предъ окномъ кто-то, въ испанскомъ костюмѣ, пѣлъ — судя по гитарѣ въ рукахъ и разинутому рту — серенаду.

— Вотъ вы какая! — проговорилъ Лаврушинъ, подавленный неожиданностью и любезностью хозяйки.—Не знаете, гдѣ теперь Варвара Ивановна?—спросилъ онъ вслѣдъ затѣмъ.

— Опоздали! — весело воскликнула Франциска Феликсовна, отступивъ отъ Лаврушина и разведя руками.—Говорятъ, съ какимъ-то пѣвцомъ убѣжала!—И что̀ вы нашли въ ней?—укоризненно добавила она.

Лаврушинъ чувствовалъ, что ему слѣдуетъ заступиться за Варю, но не посмѣлъ этого сдѣлать. Онъ только, покраснѣвъ, улыбнулся неопредѣленной улыбкой.—Я такъ, спрашиваю...

— Вы докторъ теперь?

— Да.

— Я за вами буду посылать.

— Очень радъ... — И Лаврушинъ остановился, вспомнивъ, что неприлично радоваться въ глаза паціентамъ.

— Какъ это не идетъ къ вамъ!—ткнула вдругъ Франциска Феликсовна пальчикомъ въ косой проборъ Лаврушина. Лаврушинъ совсѣмъ потерялся.—Такъ не причесываются, — продолжала забравшая уже власть Франциска Феликсовна. — Теперь прямо, совсѣмъ прямо—à la moujik причесываются...—Въ рукахъ Франциски Феликсовны очутился черепаховый гребешокъ. Смѣясь. она спутала Лаврушину волосы и старательно стала дѣлать ему проборъ по срединѣ головы. Лаврушинъ впалъ въ состояніе кота, когда ему почесываютъ за ухомъ, и совершенно отдался во власть Франциски Феликсовны...

XII.

Однажды Лаврушину показалось, что онъ встрѣтилъ Варю на улицѣ: возвращаясь съ визитовъ, онъ дремалъ въ саняхъ и, бросивъ случайно взглядъ на тротуаръ, инстинктивно остановилъ вниманіе на одной дѣвушкѣ, торопливо пробиравшейся между пѣшеходами. Дѣвушка шла по тому же направленію, по которому ѣхалъ Лаврушинъ, и ему видѣлись только ея кудри, прикрытыя маленькой шапочкой, и закинутые на спину концы дешеваго кашне́. Что-то неожиданно поднялось въ Лаврушинѣ и сердце у него застучало.—Да это Варя!—чуть не вскрикнулъ Лаврушинъ.—И станъ, и походка ея, и на рукѣ виситъ папка съ надписью: „Musique". — Онъ сталъ-было нагонять дѣвушку. но она повернула въ переулокъ. Шибко раскатившись на поворотѣ, сани Лаврушина тоже въѣхали въ переулокъ. Дѣвушка

скрылась въ воротахъ большого, богатаго дома. Лаврушинъ остановилъ извощика и хотѣлъ соскочить съ саней.

— Къ дворнику позвоните: они знаютъ эти дѣла!—посовѣтовалъ, обернувшись къ Лаврушину и ухмыляясь, извощикъ.

Лаврушину стало и стыдно, и досадно. Совѣтъ извощика перевертывалъ въ Лаврушинѣ всѣ мысли и заставлялъ почему-то поступить наперекоръ ему.—Ну, пошелъ, пошелъ!—сердито сказалъ Лаврушинъ, и усѣлся въ саняхъ, отвернувъ даже голову отъ дому. Проѣхавъ переулокъ, онъ сталъ жалѣть, что не позвонилъ къ дворнику...

Дома Лаврушинъ продолжалъ раздумывать объ этой встрѣчѣ. Ему захотѣлось разыскать какъ можно скорѣе Варю, быть съ нею снова, ѣздить въ театръ, къ олеографіямъ и восковымъ букетамъ добавить въ квартиркѣ пьянино и слушать по вечерамъ игру Вари... Лаврушину пришло на мысль справиться въ адресномъ столѣ—гдѣ живетъ Варя? но показалось, что и публика, и чиновники непремѣнно обратятъ на это вниманіе, и будутъ строить свои догадки. Лаврушинъ сѣлъ къ письменному столу и позвонилъ.

— Не видалъ ты, тутъ бумажка лежала съ адресомъ?—спросилъ онъ слугу, притворно копаясь въ бумагахъ.

— Никакъ нѣтъ-съ! — испуганно уставился на него слуга, вѣчно имѣвшій прорухи на душѣ и чувствовавшій, что не сдобровать ему и на этомъ мѣстѣ.

— Этакая досада!—говорилъ самъ съ собою Лаврушинъ.— Надо къ больной ѣхать, а адресъ чортъ знаетъ куда задѣвался. Сходи-ка въ адресный столъ...

— Сію минуту-съ!—обрадовался слуга.

Лаврушинъ легъ на диванъ и сталъ обдумывать, гдѣ лучше поставить пьянино. Мысленно все уже исполнилось. Онъ видѣлъ Варю у себя. Они только-что вернулись изъ театра и хлопотали около самовара. Пьянино попалось съ хорошимъ тономъ, и Варя хвалила его. Она присаживалась къ нему и брала пѣвучіе аккорды, откидывая свои кудри и въ полуоборотъ улыбаясь Лаврушину.— „Не мучьте меня, Павелъ Васильичъ!"—сказала вдругъ она...

— Не значится-съ...—доложилъ слуга, втянувъ въ себя воздухъ и подавая справку адреснаго стола.

— А-а! — повернулъ къ нему голову Лаврушинъ и сердито скомкалъ въ рукѣ справку, какъ только затворилась дверь за слугою. Онъ остался на диванѣ и продолжалъ думать, только думы стали набѣгать другія. Еще недавніе, но уже совсѣмъ заслоненные новою жизнью, годы студенчества выплывали, какъ

сквозь туманъ. Вспомнилось ему загадочное личико провожавшей его Зины, и какъ она смѣялась, даже у вагона, и сердила этимъ Лаврушина — теперь онъ изъ своей практики зналъ, что смѣхъ бываетъ иногда хуже слезъ.— „Не плачься, тетеря, что сталось теперя!“ сказала тогда Зина, смѣясь и надъ своей судьбой. И Лаврушину только теперь сталъ ясенъ смыслъ этой пословицы, этотъ приговоръ, добровольно произнесенный и исполненный надъ собой смѣющеюся Зиной.—А вѣдь она любила меня!—догадался Лаврушинъ. — И ни однимъ упрекомъ, ни однимъ словомъ не обезпокоила... Гдѣ теперь она? — Варя?.. Чего я боялся тогда? противъ чего щетинился?.. Какъ глупо разбѣжались мы въ разныя стороны! А теперь вотъ — „не значится“...

XIII.

Замелькали годы. Лаврушинъ возмужалъ, потолстѣлъ. Дѣла его шли какъ нельзя лучше. Онъ занималъ цѣлый бель-этажъ съ паркетными полами. Лакей у него былъ презентабельный, наметанный; вмѣсто олеографій, висѣли на стѣнахъ искусныя копіи въ дорогихъ рамахъ, а на каминѣ стоялъ даже большой серебряный пѣтухъ, поднесенный признательнымъ паціентомъ изъ купечества. Визиты дѣлалъ Лаврушинъ на вороной парѣ отъ каретника. Мелкихъ паціентовъ онъ оставилъ и держался только избранныхъ домовъ; но и при такой практикѣ Лаврушинъ „изъѣзживалъ“ двое саней въ зиму и одну коляску — въ лѣто. Богатства было много въ бель-этажѣ Лаврушина, но царившее въ настоящихъ барскихъ квартирахъ „что-то“, бывшее и у Франциски Феликсовны, никакъ не давалось Лаврушину. Даже пахло въ бель-этажѣ какъ въ магазинѣ или складѣ рѣдкостей, и „жилое“ вносила въ него только породистая датская собака, купленная Лаврушинымъ за большія деньги на выставкѣ.

Съ каждымъ годомъ между Лаврушинымъ и дѣйствительностью все выше и выше росла стѣна. Жизнь бѣжала, точно по рельсамъ, неизмѣнно однообразная, откидывая, какъ на счетахъ, день за днемъ, стягивая и всегда неширокій кругозоръ къ одной точкѣ визитовъ, отдыха и клубныхъ попоекъ. Изрѣдка въ эту мертвую тишь врывалось былое и на минуту разнообразило ее. Показывался, отправляясь въ командировки, неошибшійся въ разсчетахъ Фридманъ. Онъ дѣлалъ Лаврушину снисходительно-дружескіе визиты и высоко держалъ на туго накрахмаленныхъ воротничкахъ, какъ на подпоркѣ, голову съ министерскими бакен-

бардами. Наѣзжалъ Савченко съ женой и ребятами и вносилъ въ бель-этажъ претендующимъ на моду сюртукомъ и скрипучими сапогами простоту забытой студенческой жизни. Смущало извѣстіе, что блистательно кончившій курсъ Томиловъ спился въ своемъ городкѣ, не принявшись ни за какое дѣло; мозолилъ глаза въ дешевыхъ концертахъ Карпинскій, аккомпанировавшій пѣвицамъ, одѣтый во фракъ не по росту. Отбывъ періодъ такихъ тревогъ, жизнь снова вступала на рельсы и бѣжала, укачивая Лаврушина...

Иногда, отдыхая послѣ визитовъ на кушеткѣ и наигравшись съ собакой, Лаврушинъ задумывался надъ этою жизнью.

— Двое саней въ зиму, коляска—въ лѣто... собака большая, породистая...—размышлялъ онъ:—а дальше что̀?—Мелькало утѣшеніе: — Домъ будетъ свой... дача... въ чинъ произведутъ. — И опять думалось: — Неужели это все, что̀ требуется отъ жизни, альфа и омега человѣческихъ терзаній и отрадъ? Какъ же наполнить этимъ пустоту тамъ, внутри себя?—Вспоминались услаждавшіе эту жизнь „романы", видѣлись героини съ ихъ искусственно-таинственными свиданьями, съ нездоровою, жгущею, но не грѣющею любовью, и Лаврушину хотѣлось другой, хотя не такъ покойной, но болѣе содержательной жизни; хотѣлось ласки простой и честной, привязанности чистой и прочной... Все это шевелилось въ Лаврушинѣ, иногда охватывало его, точно пламенемъ, но также не шло дальше нервовъ и не могло сжиться съ нимъ. „Чистую привязанность" Лаврушинъ искалъ не иначе какъ въ сочетаніи съ красотой и богатствомъ. Для внушенія взаимности онъ считалъ достаточнымъ надѣть новый сюртукъ и дать понять женщинѣ, что онъ, Лаврушинъ, чувствуетъ къ ней расположеніе. Отыскать, возбудить въ женщинѣ и поддержать чистую привязанность Лаврушинъ не умѣлъ и едва ли былъ способенъ на это. Пользуясь славой героя въ „романахъ", онъ терпѣлъ неудачу за неудачей въ поискахъ чистой привязанности.

Одно время судьба сжалилась-было надъ Лаврушинымъ: въ богатой семьѣ красивая дѣвушка-паціентка, истомленная родительскимъ гнетомъ, призналась Лаврушину въ любви. Легкость побѣды не смутила Лаврушина. Онъ не сталъ доискиваться истинныхъ причинъ такого признанія и увидѣлъ въ немъ чистую привязанность. Въ концѣ концовъ судьба подшутила надъ Лаврушинымъ: желая поступить какъ можно аккуратнѣе, онъ поѣхалъ въ банкъ узнать о капиталахъ невѣсты. Переговоривъ съ чиновникомъ, Лаврушинъ вышелъ изъ банка веселый и довольный, но

въ подъѣздѣ столкнулся съ своимъ будущимъ тестемъ. Предчувствіе подсказало Лаврушину, что изъ этого можетъ выйти недоброе. Выѣхавъ на другой день съ намѣреніемъ сдѣлать формальное предложеніе, Лаврушинъ подкатилъ къ дому невѣсты, но у подъѣзда увидѣлъ сани своего коллеги-соперника по практикѣ. Лаврушинъ понялъ, что̀ происходитъ въ домѣ, и догадался, что дѣлать ему тамъ нечего. Онъ приказалъ кучеру ѣхать дальше и, уткнувъ носъ въ ильковую шубу, проворчалъ только по адресу банковскаго чиновника:—Разболталъ, свинья!

Случай этотъ сильно повліялъ на Лаврушина: помимо неудачи въ дѣлѣ любви, онъ лишилъ его практики въ цѣломъ десяткѣ семействъ — родныхъ и знакомыхъ бывшей невѣсты. Лаврушинъ какъ будто догадался, что чистая привязанность рѣдко уживается съ красотой и богатствомъ, и во всякомъ случаѣ обязываетъ и самого привязываться чисто и беззавѣтно. Укрѣпиться въ этой мысли мѣшалъ ему собственный своеобразный опытъ. Лаврушинъ зналъ женщинъ только по извѣстнымъ ему образцамъ и по нимъ судилъ объ остальныхъ. Онъ предпочелъ откинуть мысль о чистой привязанности и сталъ подумывать объ идеалѣ жены только съ капиталомъ, приличной и послушной... Подъ видомъ паціентокъ, онъ сталъ принимать въ своемъ бель-этажѣ свахъ въ гарнитуровыхъ платьяхъ и вычурныхъ старинныхъ повязкахъ. Минуты размышленія надъ жизнью стали рѣже тревожить Лаврушина, и онъ сталъ спѣшить отдѣлываться отъ нихъ, какъ отъ назойливыхъ, непрошеныхъ гостей.—Устаю, оттого и мысли мрачныя приходятъ! — рѣшалъ въ такихъ случаяхъ Лаврушинъ, и ѣхалъ освѣжиться въ клубъ...

XIV.

Въ одинъ дѣйствительно прекрасный день коляска Лаврушина остановилась у большой, богатой дачи въ Петровскомъ паркѣ. Прописавъ рецептъ прихворнувшему хозяину, Лаврушинъ взглянулъ на свой хронометръ и взялся за шляпу.—Жена что-то хотѣла сказать вамъ,—сообщилъ паціентъ.—Хорошо-съ, повидаюсь, — отвѣтилъ Лаврушинъ и прошелъ въ гостиную. Тамъ встрѣтила его хозяйка.—А я къ вамъ съ просьбой, Павелъ Васильичъ! — сказала она, выслушавъ успокоительныя извѣстія о здоровьѣ мужа.—Приказывайте-съ, приказывайте...—ободрилъ ее Лаврушинъ.

— Учительница къ намъ ходила,—заговорила хозяйка, усадивъ Лаврушина около себя на диванъ,—дѣвочекъ моихъ подго-

товляла на фортепьяно, а теперь заболѣла... Навѣстите ее.— Хозяйка несмѣло глянула на Лаврушина и добавила, какъ видно для бóльшей убѣдительности:—Она бѣдная!

— За удовольствіе сочту-съ! Будьте покойны...—согласился Лаврушинъ.—Далеко это?

— Тутъ, въ паркѣ. Вѣроятно вамъ мимо случается проѣзжать — около нѣмецкаго клуба... Будьте добры... Вотъ ея адресъ.—И хозяйка передала Лаврушину клочокъ розовой почтовой бумаги.

— Непремѣнно-съ!—Лаврушинъ сунулъ адресъ въ карманъ жилета и поспѣшилъ къ своей коляскѣ.—„Любятъ эти дамы порученіями награждать! — думалъ онъ дорогой. — Туда съѣзди... туда заверни... и все это пустяки для нихъ!"—Лаврушинъ досадовалъ не за навязанный ему даровой визитъ, а за необходимость потерять часъ изъ распредѣленнаго уже времени, а потомъ спѣшить и опаздывать. Досада увеличивалась еще тѣмъ, что подобныя просьбы всегда имѣли за собой что-то заставлявшее непремѣнно и немедленно исполнять ихъ. „Вотъ умри она теперь, —думалось Лаврушину,—и никто не повѣритъ, что мнѣ времени не было или просто: часъ ея пробилъ. Куда тамъ: всѣ о жестокосердіи и алчности врачей закричатъ"...—Постой-ка!—остановилъ онъ кучера, увидѣвъ знакомый садъ нѣмецкаго клуба. Онъ развернулъ розовую бумажку; на ней было написано: „*Варвара Ивановна Волкова*... спросить огородницу". У Лаврушина помутилось въ глазахъ и сердце точно упало. Онъ прочелъ еще разъ адресъ; тамъ только и было: „около нѣмецкаго клуба, спросить огородницу". Лаврушинъ задумался не то надъ этою неточностью, не то надъ чѣмъ-то другимъ. Потомъ онъ быстро вышелъ изъ коляски и скрылся въ переулкѣ. Тамъ тянулись красивыя рѣшотки богатыхъ дачъ. Навыкшій въ такихъ розыскахъ, Лаврушинъ забѣжалъ въ лавочку.

— Я докторъ... Гдѣ тутъ огородница живетъ? Больная тамъ есть... — повелительно обратился онъ къ молодцу въ сюртукѣ и бѣломъ фартукѣ. Угрюмо препиравшійся съ покупательницей молодецъ точно переродился и засіялъ.

— По тому переулку пожалуйте-съ. Налѣво тамъ дачи будутъ и позади какъ бы сарай... — быстро заговорилъ онъ, не спуская съ лица выраженія почтительной готовности, и, выбѣжавъ на дорогу, сталъ разводить руками по направленію дачъ.

— Пошелъ!.. прямо... налѣво... стой! — торопливо говорилъ Лаврушинъ кучеру, указывая дорогу.

Коляска остановилась около ветхой изгороди. На улицу свѣ-

шивались кусты сирени и акацій; дальше зеленѣлъ цѣлый лѣсъ. Мѣсто было низменное, сырое. По узенькой, скользкой дорожкѣ Лаврушинъ вошелъ въ чащу зелени. Это была отгороженная полоска совсѣмъ еще дикаго лѣса; между деревьевъ мелькали небольшія дачки; дальше виднѣлась, дѣйствительно „какъ сарай", длинная, покривившаяся изба. Лаврушинъ вошелъ въ темныя сѣни. Въ избѣ отворилась дверь, и показалась огородница въ красномъ платкѣ.

— Вы огородница? Я хочу видѣть Варвару Ивановну Волкову,—сказалъ Лаврушинъ.

— Пожалуйте, будьте добрые! — отвѣтила огородница, пропуская Лаврушина въ избу.

— Можно видѣть Варвару Ивановну?—повторилъ Лаврушинъ, оглядѣвъ пустую избу.

— Вы что же имѣете къ ней?..—замялась огородница.

— Я докторъ... нѣтъ, постойте... Передайте вотъ карточку ей... Я подожду.

Огородница вышла. Лаврушинъ присѣлъ на лавку и закурилъ папиросу, но чрезъ минуту бросилъ ее и затопталъ ногой. Онъ сталъ ходить по избѣ, нервно пошевеливая руками въ карманахъ и съ трудомъ приноравливаясь къ неровному полу.

— Вотъ приберется, подите, повидайтесь... Тутъ, въ „павильонѣ" она...—привѣтливо заговорила огородница.—И такъ-то чуть ноги таскала, а теперь и совсѣмъ...—вздохнула она, прислонясь къ косяку двери. Лаврушинъ молча продолжалъ ходить.

— Что̀ съ ней?—спросилъ онъ вдругъ.

— Ослабла вся...

XV.

„Павильонъ" оказался тесовымъ сарайчикомъ въ одно окно съ дверью, сколоченнымъ на скорую руку, въ разсчетѣ на невзыскательныхъ жильцовъ. Лаврушинъ постучалъ, потомъ отворилъ дверь и очутился въ полутьмѣ. Завѣшенное ситцевымъ фартукомъ окно слабо освѣщало стоявшую у стѣны кровать. На кровати полулежала, обхвативъ подушки, женщина. Лаврушинъ шагнулъ къ кровати. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но вмѣсто этого сталъ молча смотрѣть на болѣзненное лицо женщины, съ большими, лихорадочно горѣвшими глазами, и на разсыпанныя по плечамъ ея кудри...

— Какъ я рада!.. садитесь...—послышался съ кровати слабый, удушливый голосъ.

— Здравствуйте, Варвара Ивановна,—спокойно проговорилъ Лаврушинъ.—Я вотъ пріѣхалъ. Вы больны?

— Да.

— Зачѣмъ болѣть? Мы поправимся...—продолжалъ Лаврушинъ выработаннымъ, успокоительнымъ тономъ. Онъ присѣлъ на стулъ около кровати и взялъ руку Вари. По обыкновенію онъ хотѣлъ вынуть хронометръ, чтобы сосчитать пульсъ больной, но вдругъ какъ-то неестественно наклонился впередъ и, судорожно всхлипывая, припалъ къ рукѣ Вари.—Варя!..—вырвалось у него. Онъ почувствовалъ, что надъ нимъ склонилось чье-то лицо и съ поцѣлуемъ приникло къ его головѣ.—Не судьба!..—прозвучалъ надъ нимъ знакомый, полный чувства и выраженія голосъ...—Что такое *судьба*? Судьба страшна только слабымъ! Нѣтъ, я безумецъ... я не видѣлъ, не понималъ своего счастія... Какіе-то призраки манили...—сталъ говорить Лаврушинъ. Онъ всталъ и въ волненіи шагнулъ нѣсколько разъ по павильону.—Пора... Да, пора опомниться!..—сказалъ онъ вдругъ и выбѣжалъ.

Какъ только затворилась за Лаврушинымъ дверь, Варя упала на подушки и зарыдала...

XVI.

Лаврушинъ набросалъ у огородницы рецептъ, далъ ей наставленіе, какъ ухаживать за больной, и, оставивъ на столѣ крупную кредитку, машинально пошелъ по скользкой дорожкѣ къ воротамъ. Изъ воротъ онъ повернулъ въ паркъ, и то застегивая, то разстегивая пальто и взглядывая на часы, миновалъ одну дачу за другой. Коляска ѣхала за нимъ

— Павелъ Васильичъ!—окликнулъ его кучеръ, видя, что Лаврушинъ спѣшитъ и не замѣчаетъ коляски.

— Ахъ, да...—И Лаврушинъ сѣлъ въ коляску.—Домой, скорѣй!..—тихо проговорилъ онъ.

Пріѣхавъ домой, Лаврушинъ послалъ коляску за молодымъ, начинавшимъ практику товарищемъ и затворился въ кабинетѣ. Черезъ часъ товарищъ былъ у него. Лаврушинъ передалъ ему аккуратно расписанные часы визитовъ и поручилъ навѣстить паціентовъ.—Что же вы... сами-то?—скромно спросилъ товарищъ, подавляя въ себѣ, невольно поднимавшееся, что-то радостное.

— Заболѣлъ, батюшка, заболѣлъ!—улыбнулся Лаврушинъ.

— Жарокъ?..—несмѣло опредѣлилъ товарищъ,—заглянувъ въ глаза Лаврушину.

— Чисто нервное... Коляску мою возьмите: кучеръ всѣ адреса знаетъ.

Проводивъ товарища, Лаврушинъ вышелъ и, взявъ извощика, помчался на Садовую. Подъѣхавъ къ флигельку Волковыхъ, онъ не замѣтилъ ни затворенныхъ ставнями оконъ, ни уступившаго ему дорогу мастерового у калитки и прошелъ-было прямо въ сѣни.

— Вамъ кого?—догналъ его мастеровой.

— Дома Иванъ Максимычъ?

— Ихъ нѣтъ.

— А Анна Власьевна?

— Онѣ, почитай съ мѣсяцъ, на дачѣ живутъ, а позавчера и Иванъ Максимычъ къ нимъ уѣхали.

— Гдѣ ихъ дача?

— Они въ деревнѣ, подъ Подольскомъ.

Лаврушинъ записалъ адресъ и погналъ извощика къ своему каретнику.—Четверню, живо! Чтобы лошади свѣжія были... Мнѣ до зарѣзу надобно успѣть... къ больному...—распорядился тамъ Лаврушинъ, поднявъ на ноги все заведеніе. Самъ онъ присѣлъ на тумбу у воротъ и послалъ ямщика за сельтерской водой...

XVII.

— „*Судьба* только слабымъ страшна!" Зачѣмъ же ты *слабъ*, когда все дано тебѣ, чтобы быть крѣпкимъ, сильнымъ и побороть эту судьбу?.. Зачѣмъ ты дрожишь и увертываешься отъ каждой жизненной царапинки, какъ ребенокъ отъ ланцета? Отчего ты не станешь прямо предъ этой *судьбой* и не скажешь: „Вотъ я! не уступлю я своего счастія—я по праву требую его!" Такъ ли ты жилъ? Зналъ ли ты даже, что *счастье* слѣдуетъ тебѣ и *въ чемъ* оно?.. Вотъ почему во всемъ тебѣ *не судьба*!—размышлялъ Лаврушинъ, мчась къ Волковымъ на взмыленной четвернѣ. Коляска громыхала по мостамъ, плавно неслась по шоссе, въѣзжала какъ въ туннель—въ темную, пахучую прохладу лѣса... Лаврушинъ отрывался отъ своихъ думъ только при видѣ какой-нибудь деревушки.—Скоро?—спрашивалъ онъ.—Нѣтъ еще!—трясъ головой и ухмылялся ямщикъ.—Снова вертѣлись разноцвѣтныя полосы полей, не ясно синѣлъ и скоро выросталъ передъ глазами лѣсъ, видѣлся крутой, почти отвѣсный пригорокъ и сглаживался, пропадалъ предъ набѣжавшей четверней...—Да, пора образумиться! Надобно хоть теперь позволить пожить душѣ!—

рѣшалъ въ сотый разъ Лаврушинъ.—Привычнымъ взглядомъ онъ опредѣлилъ у Вари острую болѣзнь сердца и хотѣлъ какъ можно скорѣе помирить ее съ родными и перевезти къ нимъ. Разстроенные нервы расположили Лаврушина къ небывалой до этого чувствительности и поддерживали въ немъ рѣшимость, а фантазія облекала каждую мысль въ причудливыя формы. Варя видѣлась теперь Лаврушину какимъ-то неземнымъ, заслуживающимъ поклоненія существомъ. Онъ рѣшилъ круто повернуть свою жизнь. Завтра же, сейчасъ же, еслибы это было возможно,—жениться на Варѣ и посвятить заботливости о ней всю свою жизнь. Онъ видѣлъ себя съ Варей за границей; первыя свѣтила науки возвращали ей силы... Открывалась новая, полная радостей, идиллическая жизнь... Тутъ же, какъ-то само собой, выступало предъ Лаврушинымъ его геройство, слышались гимны ему... Вспыхивалъ фейерверкъ, освѣщавшій отверженныхъ героинь, пораженныхъ неожиданностью, возмездіемъ... Четверня неслась, позванивая бубенчиками и убаюкивая Лаврушина...

Только въ ночи добрался Лаврушинъ до жилища Волковыхъ, на пчельникѣ, за деревней. Четверня уткнулась въ темнотѣ въ кучку деревьевъ и наѣхала почти на самую изгородь. Раздался лай собакъ. Едва видимая въ темнотѣ фигура, мелькая одѣтыми въ бѣлое ногами, откинула ворота изгороди. Ямщикъ грузно спрыгнулъ съ козелъ; измученныя лошади радостно зафыркали, мотая головами.

— Здѣсь, что-ли, Волковъ?..—началъ-было Лаврушинъ.

— Батюшки мои!—вскрикнула, заглянувъ въ коляску, фигура.—Предъ Лаврушинымъ стоялъ Иванъ Максимычъ, босой, въ кумачной рубашкѣ.—Ну, не ждалъ, что вы насъ въ пустынѣ нашей навѣстите!—заговорилъ онъ, не выпуская руки Лаврушина и проводя его въ ворота.

Кругомъ темнѣла старая, густая роща; пахло дымомъ, гречихой; слышалось гудѣнье пчелъ, и ночная, влажно-спокойная мгла такъ и охватывала. Волковы жили въ просторной горницѣ, отдѣленной сѣнями отъ зимней избы. Свѣжія, смолистыя стѣны, съ виднѣвшимся между бревнами мхомъ, показались Лаврушину почему-то особенно пріятными. Въ растворенныхъ окнахъ вились мотыльки и зеленѣли шептавшіяся вѣтви липъ. За перегородкой возилась, одѣваясь и привѣтствуя Лаврушина, Анна Власьевна.

— Ну, ты готовь тутъ намъ закусить, а мы подъ липки пойдемъ!—ласково крикнулъ ей Иванъ Максимычъ, совсѣмъ не похожій на того, какимъ видѣлъ его въ послѣдній разъ Лаврушинъ. Посвистывая подбѣжавшимъ собакамъ, Иванъ Максимычъ

провелъ Лаврушина къ сложеннымъ подъ деревьями бревнамъ, и они усѣлись на нихъ. На темномъ небѣ кое-гдѣ тлѣли, точно улыбаясь, звѣздочки; густой, теплый воздухъ мягко ласкалъ лицо; виднѣвшіяся изъ-за деревьевъ окна горницы такъ и пылали, золотя причудливую сѣть вѣтвей.—Ишь ночь-то, какъ бархатомъ одѣла!—замѣтилъ Иванъ Максимычъ.—Лаврушинъ ничего не отвѣчалъ.—Вы что же не написали, что пріѣдете? Иль спѣшно было?—снова, съ торговою смѣтливостью, обратился къ нему Иванъ Максимычъ.

— Я... я насчетъ Варвары Ивановны...—проговорилъ Лаврушинъ.

— Я такъ и зналъ. Такъ сердце и упало, какъ услыхалъ, что подъѣхали: какъ-то уже и не ждешь хорошаго-то...—Молча, облокотившись на колѣни и опустивъ на руки голову, слушалъ Иванъ Максимычъ, что̀ говорилъ ему Лаврушинъ, и потомъ, спустя нѣсколько минутъ, отозвался глухимъ голосомъ:—Надо ѣхать сейчасъ...

— Подождемте разсвѣта,—сказалъ Лаврушинъ:—лошадямъ надобно отдохнуть, и я измучился совершенно...

— И то...—послышался и замолкъ голосъ Ивана Максимыча.

— Идите! Гдѣ вы?—крикнула изъ окошка Анна Власьевна.

— Дай-ка одѣть что-нибудь. Со сна, что-ли, это, пробрало меня воздухомъ-то,—сказалъ, войдя въ горницу и не глядя на Анну Власьевну, Иванъ Максимычъ. Онъ присѣлъ къ столу, налилъ себѣ рюмку водки и, посоливъ ее, торопливо выпилъ.

XVIII.

Съ разсвѣтомъ въ окна избы, гдѣ ночевалъ Лаврушинъ, донеслось бренчаніе бубенчиковъ четверни. Вошелъ Иванъ Максимычъ, одѣтый по дорожному, опоясанный кушакомъ. Лаврушинъ поспѣшилъ одѣться, и они вышли въ сѣни. Тамъ стояла Анна Власьевна, также готовая въ дорогу. Лицо у нея распухло, и красные глаза были полны слезъ. Она ни слова не сказала Лаврушину и покорно, ощупью и придерживаясь за мужа, прошла къ коляскѣ. Дорогой она нѣсколько разъ порывалась заговорить съ Лаврушинымъ, но на первомъ же словѣ умолкала и потомъ беззвучно шевелила губами и крестилась...

Пока Волковы возились въ своемъ флигелькѣ, приготовляя все необходимое для помѣщенія Вари, Лаврушинъ перемѣнилъ коляску на четырехмѣстную карету. Пріѣхавъ съ Волковыми въ

паркъ, Лаврушинъ оставилъ ихъ около павильона и самъ пошелъ впередъ, чтобы предупредить Варю. Онъ отворилъ дверь: павильонъ былъ пустъ и въ немъ виднѣлся безпорядокъ. Крикнувъ Волковымъ, чтобы они подождали его, Лаврушинъ побѣжалъ къ огородницѣ. Въ избѣ тоже не было никого. Лаврушинъ въ замѣшательствѣ вернулся къ павильону. Изъ окна сосѣдней дачи выставилось бритое лицо съ быстрыми дѣловыми глазами и спросило:

— Вамъ кого?

— Тутъ, въ павильонѣ, больная была... — сталъ объяснять Лаврушинъ.

— Утромъ сегодня умерла. Въ станъ препроводили,—отвѣтило бритое лицо.

Снявъ картузъ, Иванъ Максимычъ перекрестился и такъ и остался съ непокрытой головой...

Лаврушина его презентабельный лакей встрѣтилъ дома съ почтительнымъ недоумѣніемъ: не было случая, чтобы Лаврушинъ не ночевалъ дома, ничего не сказавъ и не распорядившись. Онъ искоса посмотрѣлъ на пыльное платье и нечищенные сапоги, на смятую рубашку барина и молча подалъ ему исписанную посѣтителями аспидную доску. Собака съ радостнымъ визгомъ ворвалась въ комнату и бросилась къ Лаврушину, ласкаясь и тыкая его въ руку холоднымъ носомъ.

— Не ѣсть-съ безъ васъ,—замѣтилъ лакей, не зная, съ какой стороны подступиться къ разстроенному барину.

— Отказывай всѣмъ!—приказалъ Лаврушинъ и заперся въ кабинетѣ.

XIX.

Благодаря вліянію Лаврушина, надъ скоропостижно умершей Варей не были исполнены жестокія формальности, и похороны состоялись честь-честью. Лаврушинъ пріѣхалъ на кладбище весь въ черномъ и съ крепомъ на блестящемъ цилиндрѣ. Его видная, печальная фигура, его коляска и особенное вниманіе къ нему причта подѣйствовали внушительно на сѣренькую толпу, провожавшую гробъ Вари. Лаврушинъ бросилъ обтянутой въ черную перчатку рукой горсть земли въ могилу и, приложивъ къ глазамъ платокъ, долго, точно въ недоумѣніи, простоялъ на одномъ мѣстѣ...

Въ бѣжавшую по рельсамъ жизнь Лаврушина впервые вошла печаль. И странно: печаль эта не только не испортила, не разстроила жизни, но, напротивъ, дала ей полноту и окраску. Смерть Вари точно пробудила Лаврушина отъ сна. Многое, неизвѣстное прежде, онъ сталъ видѣть и понимать, о многомъ сталъ думать по другому. Любилъ ли онъ Варю? Въ прошломъ Лаврушинъ и самъ бы не могъ дать на это отвѣта. Теперь— онъ былъ увѣренъ, что любитъ ее безпредѣльно, глубоко, и будетъ любить вѣчно... Идиллическія, запоздалыя и ни къ чему не обязывающія чувства пришлись по натурѣ Лаврушину, и онъ сталъ раздувать въ себѣ эти чувства и торопиться любить прошедшее.

На могилѣ Вари поставилъ онъ роскошный памятникъ и не снималъ крепа съ своего цилиндра. Съ выцвѣвшей альбомной карточки Вари знаменитый художникъ написалъ для Лаврушина большой, отчасти фантастическій портретъ. Лаврушинъ повѣсилъ его у себя въ кабинетѣ и ввелъ въ распорядокъ своей жизни обыкновеніе оставаться предъ портретомъ и думать... О чемъ? Это зналъ только онъ. Иногда какой-то злой духъ нашептывалъ Лаврушину, что вся эта согрѣвавшая и живившая его печаль есть не больше, какъ тепличныя розы, которыя легко могутъ облетѣть, если не присмотрѣть за ними во-время и какъ слѣдуетъ... Лаврушинъ испуганно гналъ эти мысли, чувствуя, что совсѣмъ осиротѣетъ безъ своей печали, и продолжалъ лелѣять ее. При случаѣ онъ не забывалъ указать пріятелямъ на портретъ Вари и произнести со вздохомъ:

— Вотъ женщина такъ женщина! Не судьба была мнѣ испытать счастіе...

Н. Сѣверовъ.

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКІЙ
и
ЕГО ПУТЕШЕСТВІЯ

I.

Богатство новѣйшихъ географическихъ открытій.—Первое путешествіе Пржевальскаго по востоку Центральной Азіи.—Экскурсіи въ восточной Монголіи.—Пржевальскій въ Ордосѣ и Алашанѣ.—Странствованія его въ Гань-Су.—На Куку-Норѣ и верховьяхъ Голубой рѣки.—Обратный путь.—Итоги перваго путешествія.—Второе путешествіе на Лобъ-Норъ.—Путь до р. Тарима.—Рѣка Таримъ.—Открытіе хребта Алтынъ-Тага.—Лобъ-Норъ.—Русскіе староверы на Лобъ-Норѣ.—Результаты лобъ-норскаго путешествія.

Послѣднія 30—40 лѣтъ, по справедливости, могутъ быть названы періодомъ обширныхъ географическихъ открытій и изслѣдованій. Достаточно сравнить между собою карты внѣ-европейскихъ странъ за сороковые года съ картами настоящаго времени, чтобы удостовѣриться самымъ нагляднымъ образомъ въ громадныхъ успѣхахъ, какіе сдѣлали наши географическія знанія въ теченіе помянутаго періода. Тамъ, гдѣ прежде красовались пустыя пространства, теперь сказываются цѣлыя государства (въ Африкѣ); гдѣ виднѣлись фантастическіе узоры, долженствовавшіе обозначать собою невѣдомыя рѣки или извилины воображаемыхъ морскихъ береговъ, нынѣ имѣются вполнѣ отвѣчающіе дѣйствительности контуры тѣхъ и другихъ; произошелъ совершенный переворотъ и въ орографіи странъ. Недалеко уже то время, когда „невѣдомыхъ странъ“ на земномъ шарѣ не останется, и дѣло будущихъ

изслѣдователей сведется къ детальному изученію той или другой страны, того или другого края. Путешественникъ, которому посвящена настоящая статья, не безъ основанія замѣтилъ: „переживаемый нами эпическій, такъ сказать, періодъ путешествій по Центральной Азіи, вѣроятно, протянется недолго. Уже и теперь сравнительно немного осталось здѣсь мѣстностей, не посѣщенныхъ европейскими путешественниками". Это замѣчаніе Пржевальскаго приложимо и къ другимъ частямъ свѣта.

Такими успѣхами, достигнутыми въ сравнительно небольшой періодъ времени, мы обязаны цѣлому ряду замѣчательныхъ путешественниковъ и изслѣдователей. Движимые, несомнѣнно, различными побужденіями, они, въ концѣ концовъ, одинаково оказывали услугу одному общему дѣлу—обогащенію новыми данными науки. Если одного влекло къ путешествіямъ въ невѣдомыя страны стремленіе расширить кругъ знаній, другого—высокая цѣль распространенія христіанства, третьяго—жажда къ полной опасности и приключеній скитальческой жизни, четвертаго—желаніе бѣжать отъ современнаго строя цивилизованной жизни съ ея „проклятыми вопросами", пятаго—практическія соображенія, напр. разслѣдованіе новыхъ земель съ колонизаціонными цѣлями,—то каждый вносилъ, во всякомъ случаѣ, свой, болѣе или менѣе значительный, вкладъ въ географическую науку.

Многіе изъ изслѣдователей новыхъ странъ не останавливались на одномъ путешествіи. Влеченіе къ далекимъ странствіямъ, при первомъ успѣхѣ, если путешественникъ обладаетъ крѣпкимъ здоровьемъ, легко превращается въ страсть. Такая именно страсть развилась въ Пржевальскомъ. Спокойная жизнь въ цивилизованномъ обществѣ сдѣлалась для него пыткою. Онъ томился по далекимъ, негостепріимнымъ пустынямъ Азіи. И чѣмъ далѣе бѣжало время, тѣмъ сильнѣе росла въ немъ, по его собственнымъ словамъ, тоска, „словно въ далекихъ пустыняхъ Азіи покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти въ Европѣ". И не одинъ Пржевальскій испытывалъ такія чувства: они знакомы, въ большей или ме́ньшей степени, и другимъ путешественникамъ. Оттого-то изслѣдователи невѣдомыхъ земель, едва окончивъ одно путешествіе, нерѣдко пускались въ новое, и такимъ образомъ ихъ страсть къ странствіямъ становилась источникомъ новыхъ географическихъ открытій.

Наше время замѣчательно не только обиліемъ географическихъ открытій, но и тѣмъ, что въ послѣднихъ немалая роль выпала на долю русскихъ. Если иностранцы сдѣлали весьма много для изслѣдованія Африки, Австраліи и полярныхъ странъ, то русскимъ

наука обязана преимущественно разслѣдованіемъ Азіи. Пржевальскій уступалъ многимъ изъ русскихъ путешественниковъ въ обширности знаній, въ ученой подготовкѣ, но онъ во всякомъ случаѣ не имѣлъ себѣ соперниковъ въ энергіи, предпріимчивости, умѣньѣ выходить изъ самыхъ, повидимому, непреодолимыхъ затрудненій. Кромѣ того, стоя во главѣ значительныхъ экспедиціонныхъ отрядовъ [1]), онъ умѣлъ вселять въ подчиненныхъ большую преданность дѣлу; онъ былъ не только хорошій начальникъ, но и хорошій товарищъ. Сочетаніе такихъ счастливыхъ качествъ, въ связи съ желѣзнымъ здоровьемъ и охотничьими наклонностями, много способствовало успѣшности экспедицій Пржевальскаго. Но, съ другой стороны, нѣкоторыя невыгодныя свойства характера нашего путешественника не могли не усложнять его задачъ. Воинственныя наклонности заставляли его нерѣдко прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ тамъ, гдѣ путешественникъ иного закала, по всей вѣроятности, удовольствовался бы болѣе мягкимъ образомъ дѣйствій. Винтовку и нагайку, какъ увидимъ ниже, онъ считалъ главными факторами успѣшности изслѣдованій Средней Азіи! Судя по его повѣствованіямъ, на крутой образъ дѣйствій его вызывали скрытыя и явныя каверзы туземнаго населенія и китайскихъ властей. Но мы имѣемъ свидѣтельства другихъ изслѣдователей Средней Азіи, напр. Потанина и Пясецкаго, которые считаютъ вполнѣ возможнымъ обходиться безъ помощи суровыхъ мѣръ. Намъ кажется, что показанія этихъ лицъ заслуживаютъ полнаго довѣрія. Не споримъ, что Пржевальскому приходилось преодолѣвать серьезныя противодѣйствія со стороны мѣстныхъ жителей, но противодѣйствія эти едва ли не были создаваемы имъ самимъ.

Область изслѣдованій Пржевальскаго обняла громадную часть азіатскаго материка. Строеніе этого материка характеризуется, какъ извѣстно, громадными, высочайшими плоскогорьями, окруженными по окраинамъ и прорѣзываемыми внутри горными хребтами. Самое обширное изъ этихъ плоскогорій есть такъ называемое центрально-азіатское, занимающее площадь въ 6,5 милліоновъ кв. километровъ. Центрально-азіатское плоскогорье раздѣляется на три, слѣдующія одна за другою въ видѣ уступовъ части: 1) *Тибетъ* — самую южную и вмѣстѣ наиболѣе высокую, простирающуюся отъ Гималайскихъ горъ до Кунь-Луня; 2) *Мон-*

---

[1]) Во второмъ путешествіи подъ командой Пржевальскаго было только 8 человѣкъ, но въ третьемъ 12, а въ послѣднемъ 20.

голію—между хребтами Кунь-Лунемъ, Тянь-Шанемъ и Даурскими горами, и 3) *Джунгарію* — между Тянь-Шанемъ и нашимъ Алтаемъ. Эти-то пустынные и мало извѣстные края и привлекли къ себѣ вниманіе нашего путешественника, который подготовилъ себя къ полнымъ опасностей и лишеній странствіямъ предварительнымъ путешествіемъ по нашему Уссурійскому краю. Путешествіе по Уссурійскому краю было совершено, такъ сказать, „между дѣломъ": Пржевальскій долженъ былъ заниматься здѣсь собственно съемками, но онъ не удовольствовался такою задачею, а обслѣдовалъ, большею частью пѣшкомъ, съ ружьемъ въ рукахъ, гористыя и лѣсныя дебри края и собралъ богатый запасъ данныхъ по части зоологіи и ботаники. Результатомъ двухъ-лѣтнихъ скитаній Пржевальскаго была книга: „Путешествіе въ Уссурійскій край въ 1867—69 гг." (Спб. 1870 г.) [1].

Но эти скитанія послужили, какъ уже сказано, только подготовкою для задуманнаго Пржевальскимъ болѣе грандіознаго путешествія въ В. Монголію,—путешествія, занявшаго три года времени.

Путешествіе въ В. Монголію Пржевальскій началъ въ 1870 г. Отправясь изъ Кяхты на Пекинъ, онъ произвелъ на этомъ пути рядъ гипсометрическихъ наблюденій, внесшихъ значительныя поправки въ прежнія данныя о высотѣ монгольскаго плоскогорья. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ собралъ цѣнные матеріалы для изученія климата, растительности и фауны пройденной степи. Особенно замѣчательны были наблюденія нашего путешественника надъ птицами и млекопитающимися Гобійской пустыни.

Изъ Пекина Пржевальскій предпринялъ новую поѣздку въ Монголію, уже съ юга. Посѣтивъ раннею весною 1871 г. городъ Долонъ-Норъ, оз. Далай-Норъ и гор. Калганъ, онъ опредѣлилъ широты этихъ мѣстъ, сдѣлалъ на протяженіи 900 верстъ маршрутную съемку, собралъ коллекціи птицъ, насѣкомыхъ, пресмыкающихся, рыбъ и т. д.

Вскорѣ послѣ этой поѣздки, 3-го мая 1871 г., нашъ изслѣдователь отправился изъ Калгана въ болѣе далекій путь — на западъ, въ пустыни Ордоса и Ала-Шаня.

Составъ экспедиціи былъ невеликъ: самъ Пржевальскій, его товарищъ, поручикъ М. А. Пыльцовъ, да двое казаковъ—вотъ и всѣ ея члены. Но поклажи пришлось взять много, потому что путешественникамъ необходимо было запастись рѣшительно всѣмъ,

---

[1]) Очеркъ этого путешествія, составленный самимъ Пржевальскимъ, былъ помѣщенъ прежде въ „Вѣстникѣ Европы" (1870 г., №№ 5 и 6).

не исключая даже пакли для набивки птицъ, досокъ для прессованія растеній, запасныхъ веревокъ, войлоковъ и т. п. Самое почетное мѣсто въ багажѣ занимали ружья и охотничьи принадлежности: независимо отъ стрѣльбы звѣрей и птицъ для препарированія чучелъ, въ мѣстностяхъ, опустошенныхъ дунганами [1]), или тамъ, гдѣ населеніе не хотѣло продавать припасовъ, охота должна была служить путешественникамъ единственнымъ средствомъ пропитанія.

Путь экспедиціи лежалъ на западъ отъ г. Калгана. Верстахъ во ста отъ этого города путешественники встрѣтили въ одной деревушкѣ миссіонерскую станцію. Пребывавшіе здѣсь три католическіе миссіонера изъ Бельгіи приняли нашихъ путниковъ очень радушно. Въ разговорахъ они жаловались, что христіанская проповѣдь очень туго распространяется среди монголовъ, чему главною причиною выставляли безграничное вліяніе на этихъ номадовъ ихъ ламъ (духовенства). Проведя три дня въ кругу миссіонеровъ, путники направились далѣе къ западу, прямо на хребетъ Инъ-Шань, который тянется по сѣверному (лѣвому) берегу Желтой рѣки (Хуанъ-Хэ). Мѣстность, измѣняющаяся уже вскорѣ за г. Калганомъ, далѣе на западъ пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе суровый характеръ: горы дѣлаются выше, въ нихъ начинаютъ появляться скалы, привольныя, луговыя мѣста встрѣчаются рѣже и рѣже. Значительное (разумѣется, только для Монголіи) орошеніе предшествующей полосы здѣсь исчезаетъ совершенно: часто на нѣсколько десятковъ верстъ нѣтъ ни одного ручья, ни одного хотя бы соляного озерка. Лишь песчаныя и каменистыя русла горныхъ потоковъ указываютъ, что вода въ нихъ появляется только во время сильныхъ дождей. Воду доставляютъ одни колодцы.

Суровость сказывалась и въ климатѣ края, утренніе морозы продолжались до самой половины мая мѣсяца, а 24 и 25 чиселъ были еще порядочныя мятели. Но, на ряду съ холодами, случались, хотя и изрѣдка, сильные жары, напоминавшіе о томъ, что путники находятся подъ одною широтою съ южной Италіей. При этомъ, хотя погода стояла большею частію облачная, дожди шли рѣдко. Все это задерживало развитіе растительности: даже въ концѣ мая трава покрывала грязно-желтую песчано-глинистую почву рѣдкими низкими кустиками, а кустарники, росшіе изрѣдка по горамъ, были низкіе, корявые. Несмотря на такую пустынность края, населеніе въ немъ довольно значительно. Оно состоитъ изъ

[1]) Дунгане—китайскіе мусульмане, поднявшіе въ началѣ 60-хъ годовъ восстаніе противъ китайцевъ и производившіе страшныя опустошенія.

монголовъ и китайцевъ, которые занимаютъ всѣ удобныя для обработки долины, скупая или арендуя участки у монголовъ. Съ каждымъ годомъ культура распространяется далѣе и далѣе, оттѣсняя къ сѣверу коренныхъ обитателей степи—монгола съ его стадами и быстроногаго дзерена (Antilope guttorosa).

Въ половинѣ іюня караванъ путешественниковъ достигъ хребта Инъ-Шань, который, поднимаясь въ видѣ высокой отвѣсной стѣны на лѣвомъ берегу Желтой рѣки, сопровождаетъ эту рѣку почти до половины образуемаго ею колѣна и затѣмъ круто обрывается. Послѣдній фактъ, установленный впервые Пржевальскимъ, имѣлъ то значеніе въ географическомъ смыслѣ, что положилъ конецъ гипотезамъ о непосредственной связи Инъ-Шаня съ Тянь-Шанемъ. Въ западной, посѣщенной экспедиціей части, Инъ-Шань сильно отличается отъ прочихъ горъ юго-восточной Монголіи присутствіемъ воды въ видѣ ключей и ручьевъ и лѣсною растительностью. Интересно, что послѣдняя встрѣчается преимущественно на сторонѣ, обращенной къ сѣверу, и хотя принадлежитъ мѣстности, расположенной значительно южнѣе нашего Уссурійскаго края,—далеко уступаетъ флорѣ этого края. Деревья здѣсь обыкновенно невысоки и тонкоствольны, кустарники низки и корявы. Главныя породы лѣса—осина, береза, ива. Изъ кустарниковъ въ наибольшемъ количествѣ встрѣчается лещина; есть малина, калина, смородина; въ долинахъ сухія русла горныхъ потоковъ густо окаймлены шиповникомъ и персикомъ. За полосою лѣсовъ начинается область альпійскихъ луговъ. Густая трава одѣваетъ здѣсь всѣ скаты и ложбины. Но животная жизнь Инъ-Шаня, противъ ожиданій, не отличается изобиліемъ. Правда, изъ крупныхъ млекопитающихъ тутъ живутъ, кромѣ волка и лисицы, олень, косуля, горная антилопа, но нѣтъ ни одного вида кошачьяго семейства. Между птицами встрѣчаются, за немногими исключеніями, тѣ же самые виды, какіе находятся въ другихъ частяхъ южной Монголіи. Но Инъ-Шань въ фаунистическомъ отношеніи важенъ тѣмъ, что, вмѣстѣ съ сосѣднею рѣкою Хуанъ-Хэ, кладетъ рѣзкую границу географическаго распространенія значительнаго числа видовъ птицъ и млекопитающихъ. Здѣсь находятъ сѣверный предѣлъ своего мѣстопребыванія нѣкоторые представители тропической фауны.

Оставивъ 9 іюня Инъ-Шань, наши путники прибыли въ расположенный въ 7-ми верстахъ отъ Желтой рѣки г. Бауту, ведущій обширную торговлю съ Монголіей. Здѣсь они сдѣлались предметомъ чрезвычайнаго любопытства мѣстныхъ обывателей, никогда въ глаза не видавшихъ европейцевъ. Такъ какъ толпы

любопытныхъ проникали въ самое помѣщеніе, гдѣ остановились русскіе, то Пржевальскій выпросилъ у мѣстнаго начальника для охраны нѣсколькихъ полицейскихъ, но отъ этой мѣры ничего не выигралъ: полицейскіе, затворивъ ворота дома, стали пускать зѣвакъ за деньги.

Изъ г. Бауту караванъ переправился чрезъ Хуанъ-Хэ и вступилъ въ Ордосъ, обширную страну, лежащую въ сѣверномъ изгибѣ Хуанъ-Хэ и ограниченную съ трехъ сторонъ — запада, сѣвера и востока—теченіемъ этой рѣки. Въ мѣстѣ переправы Хуанъ-Хэ, эта важнѣйшая рѣка сѣвернаго Китая, имѣла ширину менѣе полуверсты. Ея берега и дно состоятъ изъ жирной грязи, отчего вода отличается необыкновенною мутью и желтовато-сѣрымъ цвѣтомъ (отсюда самое названіе рѣки — Желтая). Долина праваго, южнаго берега Хуанъ-Хэ носитъ вообще луговой характеръ, во многихъ мѣстахъ удобна для обработки и до возстанія дунгановъ была густо заселена, но послѣдніе въ 1869 г. подвергли ее разоренію. Населеніе экспедиція встрѣтила только въ верстахъ 120 къ западу отъ г. Бауту. Здѣсь же ей попался одичавшій скотъ. Охота на одичалыхъ животныхъ оказалась насколько заманчивою, настолько же и трудною. „Невозможно даже повѣрить,—замѣчаетъ Пржевальскій,—чтобы такое неуклюжее животное, какъ корова, сдѣлалась бы такъ сметлива, осторожна и быстра на свободѣ“.

Природа Ордоса непривѣтлива. Параллельно теченію рѣки, въ разстояніи 20—25 верстъ отъ праваго берега, идутъ голые сыпучіе пески „Кузупчи“. Слово „кузупчи“ значитъ ошейникъ и вполнѣ удачно характеризуетъ песчаное пространство, окаймляющее долину Хуанъ-Хэ въ видѣ ленты отъ меридіана Бауту верстъ на 15—80 въ ширину и на 350 въ длину вверхъ по теченію. Пески Кузупчи напоминаютъ своимъ видомъ морскія волны, потому что состоятъ изъ холмовъ (40—50, иногда до 100 фут. высоты), образовавшихся изъ мелкаго желтаго песку. Движеніе въ этихъ пескахъ представляетъ большія трудности: и животныя, и человѣкъ, увязаютъ въ нихъ по колѣно. „Непріятное, подавляющее впечатлѣніе производятъ эти оголенные желтые холмы, когда заберешься въ ихъ середину, откуда не видно ничего, кромѣ неба и песка, гдѣ нѣтъ ни растенія, ни животнаго, за исключеніемъ лишь желто-сѣрыхъ ящерицъ, которыя, бродя по рыхлой почвѣ, украсили ее различными узорами своихъ слѣдовъ. Тяжело становится человѣку въ этомъ, въ полномъ смыслѣ, песчаномъ морѣ, лишенномъ всякой жизни. Не слышно здѣсь никакихъ звуковъ, ни даже трещанья кузнечика—кругомъ тишина могильная...

Не даромъ же мѣстные монголы сложили нѣсколько легендъ про эти ужасные пески" [1]).

Однако и пески Кузупчи мѣстами не лишены жизни. Въ нихъ попадаются оазисы съ довольно разнообразною растительностью, среди которой преобладаетъ красивый саженный кустарникъ чагеранъ (Hedysarum sp.), весь залитой въ августѣ своими розовыми цвѣтами; кромѣ того, здѣсь ростутъ небольшія деревья и знаменитое растеніе, называемое монголами дзерлинъ-лобынъ, т.-е. дикая рѣдька (Pugionium cornutum). Сырые плоды этого растенія имѣютъ рѣдечный вкусъ и запахъ; китайцы солятъ ихъ и ѣдятъ какъ овощь. Въ этихъ оазисахъ Пржевальскій нашелъ впервые новый видъ антилопы—харасульту (Antilope subguttorosa). Кромѣ харасульты, какъ въ оазисахъ, такъ и въ самой долинѣ рѣки встрѣчаются дзерены, зайцы, лисицы, волки и мелкіе грызуны. Изъ птицъ чаще всего попадаются фазаны, жаворонки, удоды и др. мелкія птички.

Въ Ордосѣ наши изслѣдователи провели всю вторую часть лѣта 1871 г., т.-е. съ половины іюля до начала сентября. Лѣтнее пребываніе въ Ордосѣ доставило Пржевальскому случай занести въ метеорологію интересный въ научномъ отношеніи фактъ частаго выпаденія въ этомъ степномъ краю дождей и непосредственнаго вслѣдъ затѣмъ наступленія жаровъ. Въ теченіе лѣта было 45 дождливыхъ дней, бо̀льшая часть (18) которыхъ приходилась на одинъ іюль. Что касается жаровъ, то они достигали 37 гр. по Ц. въ тѣни. Не только песокъ, но даже глина въ долинѣ Хуанъ-Хэ накалялась до 70 гр.; верблюды постоянно обжигали себѣ ноги. Такіе жары, вмѣстѣ съ частыми дождями, вызвали столь быстрое развитіе растительности, что хлѣба, посѣянные китайцами въ началѣ іюня, оказались созрѣвшими къ половинѣ іюля. Въ половинѣ августа лѣтніе дожди кончились и наступила прекрасная ясная погода, продержавшаяся всю осень до ноября.

Сдѣлавъ по Ордосу болѣе 430 верстъ, караванъ 2 сентября снова переправился чрезъ Хуанъ-Хэ, уже выше по теченію—возлѣ города Дынъ-Ху. Теперь Пржевальскій могъ придти къ заключенію, „что развѣтвленій Хуанъ-Хэ, при сѣверномъ ея изгибѣ, не существуетъ въ томъ видѣ, какъ ихъ обыкновенно изображаютъ на картахъ, и рѣка въ этомъ мѣстѣ измѣнила свое теченіе" [2]).

---

[1]) „Монголія и страна тангутовъ", т. I, стр. 133.

[2]) Тамъ же, стр. 129.

Съ переправой чрезъ Хуанъ-Хэ у г. Дынъ-Ху путешественники вступили въ Ала-Шань. Ала-Шань или За-Ордосъ—это обширный край къ западу отъ Ордоса. На сѣверѣ онъ сливается съ безплодными, глинистыми равнинами средней части Гобійской пустыни, а на югѣ упирается въ высокія горы провинціи Гань-Су. Въ топографическомъ отношеніи Ала-Шань представляетъ совершенную равнину, нѣкогда бывшую, подобно Ордосу, по всему вѣроятію, дномъ обширнаго озера, или внутренняго моря. На это, по мнѣнію Пржевальскаго, указываютъ какъ равнинная площадь края, такъ и его твердая, глинисто-соленая, покрытая сверху пескомъ, почва и образовавшіяся въ низинахъ озера осадочной соли. Ала-Шань—совершенная пустыня. На многіе десятки, даже сотни верстъ тянутся здѣсь голые сыпучіе пески, всегда готовые задушить путника своимъ палящимъ зноемъ, или похоронить подъ песчаными заносами. Иногда эти пески такъ обширны, что называются у монголовъ „тынгери“, т.-е. небо. Въ нихъ нигдѣ не встрѣчается ни капли воды; не видно ни птицы, ни звѣрей, и мертвое запустѣніе наполняетъ невольнымъ ужасомъ забредшаго сюда человѣка. Ордосскіе Кузупчи въ сравненіи съ песками Ала-Шаня кажутся миніатюрою; притомъ же тамъ хотя изрѣдка возможно встрѣтить оазисы, покрытые свѣжею растительностью. Здѣсь же нѣтъ даже такихъ оазисовъ; желтый песокъ тянется на необозримыя пространства или смѣняется обширными площадями соленой глины, а ближе къ горамъ—голой гальки. Растительность, тамъ, гдѣ она существуетъ, крайне скудна; три-четыре вида кустарника да нѣсколько породъ травъ — вотъ и все, что̀ способна производить бѣдная природа Ала-Шаня. Общій характеръ всѣхъ этихъ травъ и кустарниковъ, по наблюденіямъ Пржевальскаго, состоитъ въ томъ, что они чрезвычайно сочны, какъ бы налиты водой, или усажены колючками, покрывающими не только стволы и вѣтви, но даже иногда и самые плоды. Наиболѣе замѣчательными изъ всѣхъ алашаньскихъ растеній можно назвать дерево закъ или саксаулъ (свойственный и нашимъ среднеазіатскимъ степямъ) и траву сульхиръ (Agriophyllum gobicum). Безлистныя, но сочныя и торчащія какъ щетка вѣтви зака служатъ главнымъ кормомъ для верблюдовъ. Но, кромѣ того, закъ доставляетъ прекрасное топливо и подъ его защитою монголы раскидываютъ зимой свои юрты. Еще важнѣе для обитателей Ала-Шаня сульхиръ. Трава эта достигаетъ вышины 2 футовъ и ростетъ на голомъ пескѣ, обыкновенно по окраинамъ безплодныхъ и вовсе лишенныхъ растительности песчаныхъ площадей. Созрѣвающія въ концѣ сентября сѣмена сульхира доставляютъ

вкусную и питательную муку. Урожай сульхира бываетъ хорошъ въ дождливое лѣто, въ засуху же эта трава пропадаетъ, и тогда алашаньскіе монголы обречены бываютъ на голодовку въ теченіе круглаго года. Сульхиромъ питаются охотно и животныя.

Скудость флоры алашаньскихъ равнинъ отражается и на ихъ животномъ царствѣ. Звѣрей и птицъ здѣсь очень мало; даже обитательница пустыни – харазульта—встрѣчается въ Ала-Шанѣ рѣдко. Только песчанки (Meriones sp.) населяютъ въ огромномъ количествѣ площади, покрытыя закомъ, и до того дырявятъ землю своими норами, что часто дѣлаютъ совершенно невозможною ѣзду верхомъ. Цѣлые дни раздается пискъ этихъ звѣрьковъ, столь же скучный и однообразный, какъ и вся вообще природа Ала-Шаня. Среди птицъ самая замѣчательная холо-джоро (Podoces Hendersoni). Эта птица, величиною съ нашу сойку, въ полномъ смыслѣ обитательница пустыни, встрѣчающаяся исключительно въ самыхъ дикихъ ея частяхъ: чуть только мѣстность становится лучше, холо-джоро исчезаетъ. Кромѣ этой, можно назвать еще только три-четыре осѣдлыхъ породы птицъ, свойственныя Ала-Шаню. Перелетныя птицы проносятся надъ пустыней, не останавливаясь. Между пресмыкающимися безчисленное множество ящерицъ, которыя попадаются на каждомъ шагу и служатъ почти единственною пищею для птицъ.

Населеніе Ала-Шаня состоитъ изъ монголовъ-олютовъ, торгоутовъ и калмыковъ.

Послѣ 12-ти-дневнаго странствованія чрезъ алашаньскую пустыню наши путники прибыли въ главный городъ края, Дынъ-Юань-Инъ, резиденцію владѣтельнаго князя (вана). Городъ этотъ оказался выжженнымъ дунганами; въ немъ сохранилось лишь то, что̀ находилось внутри стѣны. Ванъ и его сыновья приняли русскихъ чрезвычайно радушно. Не проходило дня, чтобы онъ или его сыновья не присылали нашимъ путешественникамъ различныхъ фруктовъ—арбузовъ, персиковъ, яблоковъ, грушъ.

Отдохнувъ 9 дней въ городѣ, путешественники предприняли экскурсію въ находившіяся въ 29 верстахъ на западъ отъ него Алашаньскія горы—хребетъ, поднимающійся отъ лѣваго берега Хуанъ-Хэ нѣсколько южнѣе города Дынъ-Ху и тянущійся вдоль этой рѣки на югъ. Узкая, но очень высокая и скалистая гряда Алашаньскихъ горъ, выдвинутая среди сосѣднихъ равнинъ, точно стѣна, достигаетъ въ наиболѣе высокой части высоты 10.650 фут. Ближайшіе къ равнинамъ склоны хребта одѣты лишь травяною растительностью, но далѣе, приблизительно отъ 7.800 ф. на западной сторонѣ, начинаются лѣса ели съ небольшою примѣсью

осины. Лѣсной поясъ горъ богатъ животною жизнью. Изъ крупныхъ млекопитающихъ здѣсь найдены олень, кабарга, горный баранъ, куку-яманъ, или голубой оселъ. Орнитологическая фауна хребта оказалась также богатою. Самымъ замѣчательнымъ представителемъ пернатыхъ является ушастый фазанъ (Crossoptilon auritum).

Двухъ-недѣльною экскурсіею въ Алашаньскія горы закончилась первая половина экспедиціи. Крайній недостатокъ въ деньгахъ, ненадежность состоявшихъ при экспедиціи казаковъ, и то обстоятельство, что паспортъ, выданный Пржевальскому изъ Пекина, былъ дѣйствителенъ лишь до Гань-Су, побудили его пуститься въ обратный путь, хотя до Куку-Нора — цѣли путешествія — оставалось пути меньше трехъ недѣль. „Съ тяжелою грустью, понятною лишь для человѣка, достигшаго порога своихъ стремленій и не имѣющаго возможности переступить черезъ него,— писалъ Пржевальскій,—я долженъ былъ покориться необходимости—и повернулъ обратно".

Обратный путь былъ предпринятъ отчасти по прежней дорогѣ, отчасти по лѣвой сторонѣ р. Хуанъ-Хэ. Тутъ караванъ подвергся весьма серьезнымъ испытаніямъ. Ближайшій сотрудникъ Пржевальскаго, Пыльцовъ, заболѣлъ горячкою, хищники угнали всѣхъ верблюдовъ экспедиціи, между тѣмъ какъ наступала уже зимняя пора года. Тѣмъ не менѣе Пржевальскій продолжалъ свои научныя наблюденія и съемки. Между прочимъ въ это время имъ открыто было обширное соляное озеро Джаранъ-Дабасу, въ которомъ превосходнаго качества соль лежитъ слоемъ въ 4—6 ф. толщины. 31-го декабря 1871 г. экспедиція прибыла въ г. Калганъ.

Два мѣсяца слѣдующаго года ушли на приготовленіе къ новой экспедиціи, и 4-го марта Пржевальскій опять выступилъ въ путь. Въ концѣ мая онъ прибылъ въ алашаньскій городъ Дынь-Юань-Инъ и, присоединясь здѣсь къ небольшому каравану, слѣдовавшему въ Гань-Су, двинулся дальше, по направленію въ эту провинцію. Путь лежалъ черезъ песчаныя пустыни южнаго Ала-Шаня, на городъ Даджинъ. Переходъ чрезъ эти пустыни, на протяженіи 300 верстъ, былъ страшно труденъ, потому что сыпучіе пески раскидываются здѣсь на огромное пространство: иногда на 20—30 верстъ не встрѣчается ни былинки; воды не попадается на протяженіи цѣлой сотни верстъ. Въ довершеніе всего, рѣдкіе колодцы, лежавшіе на пути экспедиціи, были отравлены возставшими дунганами, которые бросали въ нихъ тѣла убитыхъ. „У меня,—говоритъ Пржевальскій,—до сихъ поръ мутитъ на сердцѣ, когда я вспоминаю, какъ однажды, напившись чаю изъ подобнаго

колодца, мы стали поить верблюдовъ и, вычерпавъ воду, увидѣли на днѣ гнилой трупъ человѣка!"..

Миновавъ пески, караванъ направился вдоль ихъ южной окраины, по глинистой безплодной равнинѣ, и вскорѣ усмотрѣлъ впереди величественную цѣпь горъ Гань-Су. Словно стѣна поднимались эти горы надъ равнинами Ала-Шаня, и далеко на горизонтѣ, пока въ неясныхъ очертаніяхъ, выплывали двѣ снѣговыя гряды. Еще переходъ—и эти величественныя громады предстали передъ путниками во всемъ блескѣ. Пустыня кончилась чрезвычайно рѣзко. Всего на разстояніи двухъ верстъ отъ голыхъ песковъ, которые тянулись далеко къ западу, разстилались воздѣланныя нивы, пестрѣли цвѣтами луга и густо разсыпались китайскія фанзы. Культура и пустыня, жизнь и смерть граничили здѣсь такъ близко между собой, что удивленный путникъ едва вѣрилъ собственнымъ глазамъ... Столь рѣзкая физическая граница, полагающая, съ одной стороны, предѣлъ кочевой жизни номада, а съ другой не допускающая за собою культуры осѣдлаго населенія, обозначается проходящею тутъ великою „китайскою стѣною".

Въ 2-хъ верстахъ за этой стѣной расположенъ небольшой городъ Даджинъ, уцѣлѣвшій почему-то отъ дунганскаго разоренія. Караванъ не пошелъ въ самый городъ, а остановился тотчасъ за глинянымъ валомъ стѣны. Но вѣсть о приходѣ русскихъ облетѣла въ одно мгновеніе весь городъ, и къ нимъ повалили огромныя толпы любопытныхъ. „Напрасно,—говоритъ Пржевальскій,—гнали мы ихъ отъ себя, даже травили (!) собакою,—ничто не помогало; уходила одна толпа, на смѣну ея являлась другая"...

20-го іюня караванъ вступилъ въ горы Гань-Су, а въ первыхъ числахъ іюля достигъ кумирни Чейбсенъ и здѣсь остановился. Тутъ Пржевальскій купилъ четырехъ муловъ и отправился изслѣдовать платò Гань-Су. Горы эти состоятъ изъ трехъ параллельныхъ хребтовъ. Одинъ изъ нихъ окаймляетъ высокое платò къ сторонѣ Ала-Шаня, а два другіе нагромождены на самомъ платò. На востокѣ, съ приближеніемъ къ Хуанъ-Хэ, описываемыя горы значительно понижаются, но по мѣрѣ удаленія къ западу онѣ становятся выше и выше. Всѣ эти горы извѣстны подъ общимъ именемъ Нань-Шаня.

Горная часть Гань-Су характеризуется нерѣдкими землетрясеніями, обиліемъ атмосферныхъ осадковъ и, какъ результатомъ послѣдняго, богатствомъ растительной и животной жизни. Лѣтомъ дожди идутъ здѣсь почти ежедневно, отчего горные ручьи и рѣчки текутъ въ каждомъ ущельѣ. Обиліе влаги, превосходная „черноземная" почва, наконецъ разнообразіе физическихъ условій,

отъ подошвы глубокихъ долинъ до снѣговой линіи,—все это способствуетъ развитію разнообразной растительности. Нижній поясъ послѣдней образуютъ лѣса. Впрочемъ собственно лѣсами богатъ только южный изъ помянутыхъ хребтовъ, и то лишь на сѣверныхъ склонахъ. Здѣсь, на этихъ склонахъ, а въ особенности въ ущельяхъ, по берегамъ быстрыхъ ручьевъ, растительность является въ такихъ размѣрахъ и разнообразіи, какихъ до тѣхъ поръ Пржевальскій не находилъ нигдѣ въ горахъ Монголіи. „Высокія, стройныя деревья, густые кустарники, часто сплотившіеся въ непроницаемыя заросли, разнообразные цвѣты—все это,—говоритъ нашъ путешественникъ,—живо напоминало мнѣ роскошную лѣсную природу Амурскаго края; но здѣсь отрадное впечатлѣніе становилось еще сильнѣе послѣ безплодія алашаньской пустыни". Съ первымъ шагомъ въ лѣса Гань-Су передъ путешественникомъ являются какъ знакомые, родные виды растеній, такъ и совершенно новые. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательна береза съ красноватою корою. Кустарныя породы въ описываемомъ лѣсномъ поясѣ всего роскошнѣе развиваются, какъ обыкновенно, въ горныхъ ущельяхъ по берегамъ ручьевъ. Тутъ передъ глазами путешественника являются двухъ-саженный жасминъ, сплошь залитый въ іюнѣ душистыми цвѣтами, шиповникъ, барбарисъ, китайская бузина и т. д. Травяная растительность лѣсовъ еще болѣе разнообразна. Самымъ замѣчательнымъ растеніемъ лѣсной области служитъ лекарственный ревень, столь цѣнимый за свои цѣлебныя свойства.

Лѣсной поясъ, поднимающійся приблизительно до высоты 10.000 фут. надъ поверхностью моря, смѣняется выше областью альпійскихъ кустарниковъ и луговъ. Въ сплошной массѣ густыхъ кустарниковъ преобладаютъ рододендроны. Луга альпійской области, то раскинувшіеся небольшими площадками среди кустарниковъ, то одѣвающіе сплошь верхніе склоны горъ, представляютъ такое богатство и разнообразіе травяной растительности, какое, по словамъ Пржевальскаго, въ сжатомъ очеркѣ невозможно описать.

Фауна горъ Гань-Су всего богаче птицами, среди которыхъ громадный перевѣсъ надъ остальными принадлежитъ пѣвчимъ; птицъ оказалось 106 осѣдлыхъ видовъ и 18 пролетныхъ, млекопитающихъ 18 видовъ, земноводныхъ и рыбъ, а также насѣкомыхъ — немного.

Несмотря на сильные дожди, постоянно мѣшавшіе экскурсіи, научная добыча Пржевальскаго въ горахъ Гань-Су была громадна:

новыхъ, противъ Монголіи, видовъ птицъ онъ нашелъ здѣсь 46, млекопитающихъ съ десятокъ, новыхъ видовъ растеній — 430.

23-го сентября 1872 г. караванъ направился черезъ земли, занятыя дунганами, къ Куку-Нору. На пути онъ встрѣтилъ партію дунганъ человѣкъ во сто, которые, однако, не потревожили путешественниковъ. 14-го декабря глазамъ Пржевальскаго представился Куку-Норъ, который произвелъ на него очень сильное впечатлѣніе. „Его соленая вода,—говоритъ путешественникъ,—отливаетъ темно-голубымъ цвѣтомъ, а окрестныя горы, покрытыя (въ октябрѣ) снѣгомъ, стояли бѣлою рамкою обширныхъ водъ, которыя на востокѣ отъ нашей стоянки уходили за горизонтъ". Озеро лежитъ на высотѣ 10.500 фут. надъ уровнемъ моря. Своею формою оно напоминаетъ эллипсъ, вытянутый отъ востока къ западу. Величина его въ точности неизвѣстна, но Пржевальскій полагаетъ его окружность въ 300—350 верстъ, основываясь на томъ, что, по словамъ мѣстныхъ жителей, озеро можно обойти кругомъ въ двѣ недѣли. Берега Куку-Нора окаймлены горами, ровны, неизвилисты и очень мелки; вода соленая, негодная для питья, но эта-то соленость и сообщаетъ озеру превосходный темно-голубой цвѣтъ. Съ береговыхъ горъ въ озеро течетъ много небольшихъ рѣчекъ. Какъ и на другихъ большихъ озерахъ, даже слабый вѣтеръ производитъ на Куку-Норѣ сильное волненіе, такъ что озеро бываетъ рѣдко спокойно. 4½ мѣсяца въ году Куку-Норъ покрытъ льдомъ. Онъ обиленъ рыбой, но рыболовствомъ занимаются здѣсь лишь нѣсколько десятковъ монголовъ. Окрестныя степи чрезвычайно плодородны и по нимъ пасется множество звѣрей—хулановъ и дзереновъ. Монголовъ и тангутовъ, съ ихъ огромными стадами скота, здѣсь также живетъ много.

Окружающіе Куку-Норъ хребты отдѣляютъ его бассейнъ отъ сосѣднихъ областей. Подобно тому, какъ горы на сѣверной сторонѣ отграничиваютъ озеро отъ влажной и лѣсистой области Гань-Су, южно-кукунорскій хребетъ служитъ рѣзкой границей между плодородными степями озернаго бассейна и пустынями Цайдама и Тибета.

Остановясь у Куку-Нора, путешественники нашли радушный пріемъ у мѣстнаго вана. Здѣсь, какъ и прежде, къ великой досадѣ Пржевальскаго, они послужили предметомъ особаго любопытства туземцевъ; мало того: мѣстные жители возвели нашего путешественника въ святые. „Поводомъ къ такому производству меня въ полубоги, — говоритъ самъ Пржевальскій, — служили, прежде всего, наши хожденія по Гань-Су, биткомъ набитой разбойниками. Затѣмъ пальба изъ невиданныхъ ружей, охота за

звѣрями, которыхъ мы били иногда на большія разстоянія, стрѣльба въ летъ птицъ, препарировка ихъ шкуръ, наконецъ неразгаданная цѣль нашей поѣздки,—все это заставляло мѣстный людъ смотрѣть на насъ какъ на особыхъ, таинственныхъ людей". „Тангуты и монголы,—продолжаетъ путешественникъ, — приходили иногда толпами, чтобы помолиться не только намъ, но даже нашимъ ружьямъ, а мѣстные князья нѣсколько разъ привозили своихъ дѣтей, прося меня наложить на нихъ руку и этимъ знаменіемъ благословить на цѣлую жизнь. При нашемъ приходѣ въ Дуланъ-Китъ собралась толпа человѣкъ въ двѣсти, которые молились намъ, стоя на колѣняхъ по сторонамъ дороги. Отъ желающихъ предсказаній не было отбоя. Ко мнѣ приходили узнавать не только о судьбѣ дальнѣйшей жизни, но также о пропавшей скотинѣ, потерянной трубкѣ и т. п.; одинъ тангутскій князь серьезно добивался узнать средство, черезъ которое можно заставить его безплодную жену имѣть хотя нѣсколько дѣтей. Хара-тангуты, постоянно разбойничающіе на Куку-Норѣ, не только не рѣшались напасть на нашъ караванъ, но даже перестали грабить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы проходили". „Обаяніе нашего имени превосходило всякое вѣроятіе. Такъ, идя въ Тибетъ, мы оставили въ Цайдамѣ лишній мѣшокъ съ дзамбою, и мѣстный князь, принимая его на храненіе, съ радостью говорилъ намъ, что этотъ мѣшокъ будетъ теперь стеречь весь его хошутъ отъ разбойниковъ-тангутовъ. Дѣйствительно, когда, спустя три мѣсяца, мы возвратились къ тому же самому князю, онъ тотчасъ подарилъ намъ двухъ барановъ, въ благодарность за то, что въ теченіе всего этого времени въ его хошутъ не показывался ни одинъ грабитель изъ боязни украсть вещи, оставленныя русскими"... „Нелѣпымъ розсказнямъ не было конца. Такъ, вездѣ шла молва, что хотя насъ только четверо, но, въ случаѣ нападенія, по одному моему слову, является цѣлая тысяча людей и сражается за меня; притомъ вездѣ увѣряли, что я могу, по произволу, располагать стихіями, пускать болѣзни на скотъ или на людей, и пр., и пр."... „Рядомъ съ званіемъ святого, мнѣ навязана была профессія доктора, титулъ котораго я получилъ еще съ первыхъ мѣсяцевъ нашей экспедиціи. Поводомъ къ такому мнѣнію послужило собираніе растеній; кромѣ того, нѣсколько удачныхъ леченій отъ лихорадки хининомъ окончательно убѣдили монголовъ въ моихъ докторскихъ способностяхъ. Затѣмъ слава искуснаго врача прошла со мною чрезъ всю Монголію, Гань-Су, Куку-Норъ и Цайдамъ". Не имѣя, по собственному сознанію, понятія о медицинѣ, нашъ путешественникъ пускалъ въ дѣло

самый шарлатанскій пріемъ, котòрый, какъ извѣстно, состоитъ въ леченіи всѣхъ болѣзней уколомъ кожи кучею иголокъ, насаженныхъ на пружинѣ, и затѣмъ смазываніемъ этого мѣста какимъ-то особеннымъ масломъ. Болѣзни же, съ которыми приходилось подчасъ имѣть дѣло путешественнику, были серьезны — сифилисъ, напримѣръ, различныя накожныя сыпи, разстройства желудка, увѣчья, ломота въ костяхъ.

Читая такіе, едва вѣроятные, разсказы, невольно изумляешься тѣмъ способамъ, какими пользовался нашъ путешественникъ для поддержанія своего „обаянія“ среди невѣжественныхъ и наивныхъ обитателей Азіи. Невольно удивляешься и его леченію, и его „крутымъ мѣрамъ“, „травлѣ собаками“ и т. п. пріемамъ обращенія съ туземцами!..

Чрезъ высокій хребетъ, по южную сторону Куку-Нора, караванъ перешелъ въ страну Цайдамъ, которая представляетъ одно сплошное, гладкое какъ полъ, соляное и поросшее тростникомъ болото. Цайдамъ, по мнѣнію Пржевальскаго, еще въ недавнюю геологическую эпоху былъ дномъ огромнаго озера. Болотистыя равнины Цайдама, огражденныя съ сѣвера горами, тянутся гладью къ западу на многія сотни верстъ. Равнины эти пересѣкаетъ, съ востока на западъ, рѣка Баянъ-Голъ, до 400 верстъ длиной. Онѣ лежатъ на 4.700 фут. ниже Куку-Нора и отличаются болѣе теплымъ климатомъ. Но глинисто-соленая почва неспособна производить разнообразной растительности. Исключая лишь нѣскольких видовъ болотныхъ травъ, мѣстами образовавшихъ площади въ родѣ луговъ, все остальное пространство покрыто тростникомъ въ 4—6 фут. высоты. Сверхъ того, на мѣстахъ, гдѣ посуше, является въ изобиліи хармыкъ (Nitraria sihoberi), встрѣчающійся уже въ Ордосѣ и Ала-Шанѣ, но достигающій въ Цайдамѣ саженнаго роста. Сладко-соленыя ягоды этого кустарника составляютъ, подобно алашаньскому сульхиру, главную пищу и для людей, и для животныхъ Цайдама, отъ птицъ до волковъ и лисицъ включительно. Впрочемъ животныхъ въ Цайдамѣ мало.

Перейдя чрезъ Цайдамъ, Пржевальскій очутился у подошвы хребта Бурханъ-Будда, стоящаго исполинскимъ стражемъ высокаго, холоднаго и пустыннаго нагорья сѣвернаго Тибета. По другую, южную сторону этихъ горъ мѣстность поднимается на высоту 14—15 т. фут. На этомъ громадномъ плоскогорьѣ тянутся достигающіе снѣговой линіи горные хребты. Высокое, абсолютное поднятіе сѣвернаго Тибета служитъ причиною того, что здѣсь дышать весьма трудно, особенно при скорой ходьбѣ. Часто дѣлается рвота, трясеніе въ ногахъ, головокруженіе и т. п. Тѣмъ

не менѣе, экспедиція провела въ этихъ суровыхъ мѣстахъ почти три мѣсяца—съ 23-го ноября по 10-е февраля. Суровость природы не препятствуетъ, однако, богатому развитію фауны. Звѣрей вездѣ множество. Громаднѣйшія стада яковъ, хулановъ, антилопъ, оронго, ада (новые виды) здѣсь встрѣчались вездѣ, гдѣ только мало-мальски росла трава. Кромѣ того, очень много горныхъ бавановъ, аргали, волковъ. Никогда не преслѣдуемые человѣкомъ, эти звѣри не видѣли въ немъ своего врага и почти вовсе не убѣгали при приближеніи путешественниковъ. Даже трескъ выстрѣла и свистъ пули вызывали въ нихъ одно лишь удивленіе.

Предѣломъ странствованій экспедиціи были верховья р. Янъ-Цзы-Цзяна (Голубой). Падёжъ верблюдовъ, невозможность замѣнить павшихъ животныхъ новыми, израсходованіе почти всѣхъ денегъ (осталось лишь 10 руб.) побудили Пржевальскаго предпринять обратный путь. 10-го февраля 1873 г. онъ спустился снова въ равнины Цайдама и направился къ Куку-Нору. Здѣсь онъ провелъ весь мартъ. Апрѣль и май мѣсяцы были посвящены на изученіе весеннихъ флоры и фауны въ горахъ Гань-Су. Отдохнувъ и оправясь въ Дынь-Юанѣ, Пржевальскій пустился уже въ предѣлы Россіи, но не прежнимъ путемъ, а прямо на сѣверъ, чрезъ всю ширь Гобійской пустыни, на г. Ургу. На этомъ новомъ пути произведенъ былъ рядъ гипсометрическихъ, термометрическихъ наблюденій, сдѣланы съемки, и т. д., и т. д.

Результаты перваго путешествія Пржевальскаго были оцѣнены не только въ Россіи, но и за границею. Наше географическое общество удостоило Пржевальскаго своей высшей награды—Константиновской медали. Первый томъ описанія путешествія, вышедшій въ 1876 г. подъ заглавіемъ: „Монголія и страна тангутовъ", былъ переведенъ на англійскій и нѣмецкій языки. Полагаемъ, что мы нисколько не ошибемся, если назовемъ первое путешествіе Пржевальскаго самымъ замѣчательнымъ изо всѣхъ, имъ совершонныхъ впослѣдствіи. Средства экспедиціи были самыя скудныя—всего 6.000 руб.; шелъ Пржевальскій „самъ-четвертъ", и, тѣмъ не менѣе, громадностью пройденнаго разстоянія (11.000 верстъ) первое путешествіе равнялось второму и третьему, взятымъ вмѣстѣ, хотя послѣднія были совершены при участіи вдвое-втрое большаго числа лицъ и обошлись въ 42.700 рублей.

Ознакомясь съ восточною частью великой средне-азіатской страны, Пржевальскій обратилъ затѣмъ вниманіе на западную и среднюю ея части. Въ этомъ смыслѣ онъ сдѣлалъ, въ концѣ 1875 г., предложеніе географическому обществу, представивъ

послѣднему и подробный маршрутъ задуманной имъ новой экспедиціи. Предложеніе Пржевальскаго было встрѣчено общимъ сочувствіемъ. 5-го марта 1876 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на снаряженіе экспедиціи и на отпускъ изъ суммъ государственнаго казначейства 24.700 руб. въ распоряженіе общества на расходы по экспедиціи.

Исходнымъ пунктомъ экспедиціи былъ г. Кульджа, находившійся тогда еще подъ властью Россіи. Пржевальскій выступилъ отсюда съ восемью спутниками въ августѣ 1876 года. Онъ держалъ путь прямо на востокъ, вверхъ по теченію р. Или. Первое время онъ слѣдовалъ долиной р. Или, прекрасно обработанною, густо населенною зажиточными обитателями, мѣстностью, но затѣмъ пришлось идти краемъ, разоренныхъ дунганами и мало населеннымъ.

Чрезъ хребетъ Наратъ, составляющій вмѣстѣ съ другими горными хребтами сѣверную ограду „Юлдуса", Пржевальскій вступилъ въ эту обширную котловину. Имя Юлдусъ въ переводѣ значитъ „звѣзда" и дано описываемой котловинѣ или по причинѣ ея высокаго положенія въ горахъ, или потому, что она представляетъ для кочевниковъ настоящую обѣтованную землю: здѣсь всюду превосходныя пастбища. Высокимъ снѣговымъ хребтомъ Юлдусъ дѣлится на малый и большой. Какъ тотъ, такъ и другой носятъ одинаковый характеръ; разница лишь въ величинѣ.

Юлдусъ весьма богатъ животными, и трехъ-недѣльное пребываніе здѣсь экспедиціи доставило богатую добычу. Но населенія въ Юлдусѣ вовсе не оказалось, между тѣмъ, лѣтъ за 11 до того, въ немъ жили тургоуты въ числѣ 10.000 кибитокъ. Разграбленные дунганами, эти кочевники покинули Юлдусъ.

За Тянь-Шанемъ, южною границею Юлдуса, караванъ вступилъ въ городъ Корла. Тутъ путешествіе сдѣлалось труднѣе. Дѣло въ томъ, что страна, въ которую вошелъ Пржевальскій, находилась во власти недовѣрчиваго и подозрительнаго Якубъ-бека [1]). Для наблюденія за нашимъ путешественникомъ и его

[1]) Якубъ-бекъ былъ основателемъ эфемернаго кашгарскаго государства или Джитышара, въ Восточномъ Туркестанѣ. В. Туркестанъ, покоренный китайцами въ прошломъ столѣтіи, населенъ дунганами (мусульманами), тяготившимися китайскимъ игомъ. Когда въ 1862 г. въ Синьянъ-Фу, въ провинціи Шенси, вспыхнуло дунганское возстаніе, оно перешло въ Джунгарію и В. Туркестанъ. Въ послѣднемъ оно пріобрѣло энергичнаго предводителя въ лицѣ прибывшаго изъ Кокана Якубъ-бека. Якубъ-бекъ овладѣлъ Кашгаромъ, Яркендомъ, Урумчи и др. городами В. Туркестана и положилъ основаніе обширнаго кашгарскаго государства. По смерти Якубъ-бека, послѣдовавшей въ концѣ 70-хъ годовъ, его государство распалось и входившія въ составъ его земли были вскорѣ снова подчинены китайцами своей власти.

спутниками приставленъ былъ конвой подъ начальствомъ одного выходца изъ Закавказья — Заманъ-бека. Естественно, что при такихъ условіяхъ собираніе научныхъ свѣденій сдѣлалось для экспедиціи очень труднымъ.

Вскорѣ каравану открылась р. Таримъ—самая обширная изъ степныхъ рѣкъ внутренней Азіи. Рѣка эта предстала предъ нашимъ путешественникомъ въ своемъ нижнемъ теченіи въ видѣ потока, саженъ 50—60 ширины и футовъ 20 глубины, съ довольно свѣтлою водою. Общій характеръ мѣстности по нижнему теченію Тарима одинъ и тотъ же: на правомъ берегу, невдалекѣ отъ рѣки, тянутся голые сыпучіе, набросанные невысокими (20—60 ф.) холмами, пески, которые на лѣвомъ берегу становятся рѣже. Почва же здѣсь состоитъ изъ рыхлой соленой глины, то оголенной, то поросшей рѣдкими кустами тамарикса или саксаула. Эти растенія своими корнями скрѣпляютъ рыхлую землю, которая въ промежуткахъ выдувается сильными вѣтрами. Тѣ же вѣтры наносятъ кучи пыли на кусты и воздвигаютъ мало-помалу, надъ каждымъ изъ нихъ бугоръ. Но самые берега рѣки сопровождаются и справа, и слѣва болотами и озерами, образованными чаще всего мѣстными жителями искусственнымъ образомъ для рыболовства и распространенія тростниковой поросли, служащей въ этой скудной мѣстности единственнымъ кормомъ скоту. Населеніе долины р. Тарима представляетъ чрезвычайно пеструю смѣсь разныхъ народностей: здѣсь можно встрѣтить типы сартовъ, киргизовъ; иногда попадаются совершенно европейскія физіономіи.

Около того пункта, гдѣ Таримъ поворачиваетъ на востокъ, дѣлая крутое колѣно, экспедиція уклонилась отъ рѣки и направилась черезъ поселеніе Чархалыкъ на югъ, откуда виднѣлся поднимавшійся отвѣсною стѣною надъ безплодною, покрытою галькою равниной, хребетъ Алтынъ-Тагъ. Хребетъ этотъ, встрѣченный Пржевальскимъ, оказался чрезвычайно непривѣтливымъ: вода въ немъ встрѣчается изрѣдка въ видѣ ключей, да и въ нихъ отличается бо̀льшею частью горько-соленымъ вкусомъ; кое-какая растительность попадается лишь по высокимъ долинамъ да ущельямъ. Небогатъ Алтынъ-Тагъ и фауной: въ теченіе сорока дней экспедиція прошла у подножія хребта и въ самыхъ горахъ ровно 500 верстъ, и за все это время встрѣтила, и то случайно, единственнаго дикаго верблюда, котораго убить, однако, не удалось. Изъ другихъ звѣрей добытъ былъ хуланъ и самка яка. Вообще экскурсія въ Алтынъ-Тагъ сопровождалась неудачами и разнаго рода невзгодами. На громадной абсолютной высотѣ, въ глубокую зиму, среди крайне безплодной мѣстности, путешественники испы-

тывали большія лишенія. Морозы доходили до 27° по Ц., а между тѣмъ топлива было мало. Пища путниковъ ограничивалась лишь мясомъ зайцевъ.

Въ первыхъ числахъ февраля 1877 г. Пржевальскій и его спутники пустились уже къ Лобъ-Нору, въ который впадаетъ Таримъ. Не доходя до озера, Таримъ быстро начинаетъ уменьшаться въ своихъ размѣрахъ. Причиною этого явленія служатъ отчасти многочисленныя водоотводныя канавы, устраиваемыя жителями, отчасти вліяніе пустыни, которая надвигается на рѣку все болѣе и болѣе. Самый Лобъ-Норъ есть не столько озеро, сколько болото, представляющее неправильный эллипсисъ, сильно вытянутый съ юго-запада къ сѣверо-востоку съ наибольшимъ протяженіемъ въ этомъ направленіи въ 90—100 в., при ширинѣ не свыше 20 верстъ. Густые тростники покрываютъ Лобъ-Норъ сплошь, оставляя узкую полосу чистой воды лишь по южному берегу. По разсказамъ туземцевъ, описываемое озеро лѣтъ 30 передъ тѣмъ было глубже и гораздо чище. Съ того времени Таримъ началъ приносить воды меньше и меньше, а озеро становиться мельче и мельче. Такъ продолжалось лѣтъ 20, но во время посѣщенія Лобъ-Нора Пржевальскимъ вода уже шестой годъ какъ стала снова прибывать и даже заливать берега. Отсюда видно, что и на Лобъ-Норѣ происходитъ тѣ же періодическія усыханія и обводненія, какія были констатированы въ отношеніи нѣкоторыхъ озеръ въ нашихъ средне-азіатскихъ степяхъ. Вода въ Лобъ-Норѣ солоновата лишь у самыхъ береговъ. Лобъ-Норъ лежитъ надъ уровнемъ моря всего на высотѣ 2.200 ф. Такимъ образомъ, занимаемая имъ мѣстность представляетъ впадину.

Выбравъ удобный пунктъ для наблюденій на берегу Лобъ-Нора, караванъ нашихъ странниковъ устроился въ ожиданіи пролета птицъ. Весь февраль и первыя двѣ трети марта были посвящены Пржевальскимъ на орнитологическія изслѣдованія. Пролетъ птицъ оказался баснословнымъ.

Во время стоянки на Лобъ-Норѣ Пржевальскому удалось собрать любопытныя свѣденія о пребываніи тамъ русскихъ раскольниковъ. Позже, въ свое четвертое путешествіе, онъ имѣлъ случай разузнать подробности, которыя значительно измѣнили прежнія свѣденія. Полагая, что данныя, полученныя въ четвертое путешествіе, ближе къ истинѣ, мы ихъ теперь и приведемъ.

Года за два съ небольшимъ до начала дунганскаго возстанія въ В. Туркестанѣ, въ 1860 г., какъ говорили лобъ-норцы, къ нимъ пришли четверо русскихъ и осмотрѣли мѣстность. Затѣмъ двое изъ пришельцевъ отправились обратно, двое же оста-

лись на Лобъ-Норѣ. Чрезъ восемь мѣсяцевъ русскіе явились снова и уже партіею около сотни человѣкъ, считая женщинъ и дѣтей. Всѣ они отлично говорили по-киргизски и объяснили, что пришли изъ лежащихъ далеко къ сѣверу горъ, въ которыхъ живутъ киргизы и торгоуты, слѣдовательно съ Алтая. Причиной переселеній они выставляли гоненіе за вѣру. Поселились пришельцы на р. Джахансай, близъ развалинъ г. Лобъ-Нора, и въ Чархалыкѣ, гдѣ вскорѣ построили себѣ деревянный домъ, а по другимъ свѣденіямъ даже нѣсколько домовъ; занялись же хлѣбопашествомъ. Съ туземцами они жили въ согласіи, но мало или вовсе не помогали другъ другу, такъ что нѣкоторые побирались милостынею въ Чархалыкѣ.

Однако колонистамъ не долго пришлось жить на Лобъ-Норѣ. Спустя годъ, китайскій губернаторъ Турфана, которому въ то время подчиненъ былъ Лобъ-Норъ, прислалъ войско разорить поселеніе старовѣровъ. Эти послѣдніе хотѣли-было сперва сопротивляться китайцамъ вооруженною силою и приглашали туземцевъ дѣйствовать совмѣстно, но туземцы отказались. Предоставленные собственнымъ силамъ, старовѣры не могли противодѣйствовать китайцамъ, дома ихъ были сожжены, сами они избиты. „Стонъ и вопль стояли всеобщіе“,—говорили Пржевальскому чархалыкцы. Лишь четыре семьи ушли въ Са-Чжеу, но здѣсь, по приказанію китайскаго начальника, всѣ мужчины были казнены; куда дѣлись женщины—неизвѣстно. Уничтоживъ поселеніе старовѣровъ, китайцы отвели ихъ самихъ въ Турфанъ. Судьба этихъ несчастныхъ неизвѣстна. Ходили только слухи, что нѣсколько человѣкъ пробрались впослѣдствіи на р. Или, выдали себя за мусульманъ и были ласково приняты кульджинскимъ султаномъ...

Въ исходѣ марта караванъ Пржевальскаго тронулся въ обратный путь. Въ г. Корла онъ подвергся строгому надзору со стороны властей. Якубъ-бекъ хотя принялъ путешественниковъ, обошелся съ ними съ наружною ласковостью и твердилъ о своемъ расположеніи къ русскимъ, но все это не помѣшало ему отдарить ихъ десяткомъ никуда негодныхъ верблюдовъ, которые издохли въ два дня, поставивъ Пржевальскаго въ весьма трудное положеніе. Оставшись при 10 собственныхъ верблюдахъ и 6 лошадяхъ, сжегши всѣ лишнія вещи, наши странники вступили пѣшкомъ въ Юлдусъ. Отсюда были отправлены въ Кульджу казакъ и переводчикъ съ увѣдомленіемъ о трудномъ положеніи экспедиціи. Спустя три недѣли, явились новыя вьючныя животныя и продовольствіе [1]).

[1]) Въ описаніи путешествія на Лобъ-Норъ роль китайскаго губернатора представлена совсѣмъ въ иномъ видѣ. Тамъ сказано, что губернаторъ этотъ прислалъ для русскихъ переселенцевъ необходимыхъ лошадей и продовольствіе.

Въ половинѣ мая, когда экспедиція пришла въ Юлдусъ, растительность развернулась тамъ еще весьма мало. Но на р. Цанма природа измѣнилась. Дожди падали каждый день; черноземная почва была пропитана водою какъ губка; въ долинѣ и по горнымъ склонамъ густая травяная растительность достигала уже вышины 2 футовъ. Обиліе влаги путешественники встрѣтили и въ сосѣдней долинѣ Кунгеса. Но здѣсь, при меньшей абсолютной высотѣ, травяная растительность была развита еще сильнѣе.

Въ началѣ іюля 1877 г. караванъ прибылъ въ Кульджу.

Описаніе второго путешествія вышло въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Отъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-Норъ" (Спб., 1878 г.).

Вскорѣ за окончаніемъ путешествія на Лобъ-Норъ, берлинское географическое общество присудило Пржевальскому вновь учрежденную этимъ обществомъ медаль имени Гумбольдта „за совокупность его ученыхъ изслѣдованій въ Центральной Азіи" [1]). Но это же путешествіе вызвало нѣкоторыя возраженія со стороны предсѣдателя берлинскаго общества, извѣстнаго изслѣдователя Китая, барона Рихтгофена. Въ своей брошюрѣ: „Bemerkungen zu den Ergebnissen von Oberstlieutenant Pzewalski's Reise nach dem Lop-Noor und Altyn-Tagh", Рихтгофенъ высказалъ мысль, что озеро, найденное Пржевальскимъ въ устьѣ Тарима, не составляетъ настоящаго Лобъ-Нора, который долженъ находиться сѣвернѣе. Отвѣтъ нашего путешественника былъ помѣщенъ въ 1 вып. „Извѣстій И. Р. Г. О-ва" за 1879 г. [2]).

Экспедиція на Лобъ-Норъ не могла исчерпать задачъ, которыя поставилъ себѣ Пржевальскій. Цѣлью его стремленій былъ Тибетъ. Не успѣвъ попасть въ этотъ край со стороны Лобъ-Нора, Пржевальскій рѣшилъ избрать обходный путь, на города Гучень и Хами, чтобы спуститься отсюда къ Цайдаму и слѣдовать далѣе въ Лассу чрезъ верховья Голубой рѣки. Въ новый путь нашъ изслѣдователь пустился въ августѣ 1877 г., выступивъ изъ Кульджи 26 числа. Такъ какъ по большой дорогѣ, пролегавшей чрезъ города Шихо и Манасъ, на станціяхъ расположены были китайскія войска, а мѣстами и ссыльно-каторжные, то Пржевальскій, во избѣжаніе различныхъ непріятныхъ случайностей, которыя могли произойти при встрѣчахъ съ подобнымъ людомъ, избралъ кружный путь: поднялся

---

[1]) Позже Пржевальскій удостоился высшихъ наградъ отъ обществъ лондонскаго, парижскаго, вѣнскаго и др.

[2]) „Нѣсколько словъ по поводу замѣчаній барона Рихтгофена на статью отъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-Норъ".

мимо озера Эби-Нора къ сѣверу, до горъ Сауръ, а отсюда направился въ Гучень тѣмъ путемъ, какимъ слѣдовала въ 1875 г. экспедиція полковника Сосновскаго. Въ началѣ ноября онъ уже прибылъ въ Гучень, но постигшая его болѣзнь остановила дальнѣйшее путешествіе. Уже вслѣдъ за выходомъ изъ Кульджи Пржевальскій заболѣлъ „зудомъ тѣла" (Pruritis scroti), болѣзнью, которая является результатомъ дурной воды для питья, наполняющей воздухъ соленой пыли, верховой ѣзды при сильной жарѣ и т. под. невыгодъ путешествія. Усиливаясь больше и больше, въ Гученѣ болѣзнь достигла крайней степени. Больной не зналъ ни одной спокойной минуты, и цѣлыя ночи напролетъ проводилъ не смыкая глазъ. Между тѣмъ избавиться отъ страданій своими „домашними средствами", безъ помощи медицины, вдобавокъ въ грязной и холодной юртѣ на сильныхъ морозахъ (ртуть замерзала въ термометрѣ пять сутокъ кряду) не представлялось никакой возможности. При такихъ обстоятельствахъ не оставалось иного исхода, какъ только возвращеніе въ Россію. 20 декабря экспедиція была уже въ Зайсанскомъ посту.

Нѣсколько недѣль отдыха въ Зайсанѣ въ значительной степени возстановили здоровье путешественника. По крайней мѣрѣ, Пржевальскій вскорѣ нашелъ возможнымъ снова выступить въ путь и сдѣлалъ уже одинъ переходъ отъ Зайсана, какъ къ нему пришла телеграмма военнаго министра съ предписаніемъ, въ виду политическихъ обстоятельствъ, пріостановить путешествіе. Весною 1878 г. Пржевальскій возвратился со своимъ спутникомъ Эклономъ въ Петербургъ, а лѣто, по совѣту врачей, провелъ въ деревнѣ, гдѣ правильный курсъ леченія, спокойная и привольная жизнь окончательно возстановили его силы.

Осенью того же 1878 года онъ предложилъ нашему географическому обществу планъ новой экспедиціи въ Тибетъ. Планъ этотъ былъ одобренъ, и изъ средствъ государственнаго казначейства на экспедицію Пржевальскаго было назначено 20.000 рублей.

Л. Весинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

МУЗА.

Она пришла ко мнѣ въ румяный часъ заката,
Когда рѣка луну баюкала въ волнахъ,
Когда нѣмая даль была зарей объята,
И вѣтерокъ дышалъ струею аромата,
И бисеромъ роса сверкала на цвѣтахъ.
Она пришла ко мнѣ, убитому недугомъ,
Палимому стыдомъ, погрязшему во злѣ,
На дни грядущіе взиравшему съ испугомъ,
Невѣстой любящей и все простившимъ другомъ,
Причастна небесамъ и близкая землѣ.
Она прохладой росъ мнѣ опахнула вѣжды,
Спугнула тѣнь тоски съ горячаго чела
И разбудила вновь въ моей душѣ надежды,
И счастье райскихъ сновъ ко мнѣ съ собой внесла.
Какъ въ бурю облака, гонимыя вѣтрами,
Меня покинулъ вдругъ сомнѣній гнѣвныхъ рой;
Къ ея святымъ стопамъ съ счастливыми слезами
Припалъ я радостно, прощенный небесами,
Утѣшенный въ скорбяхъ и примиренъ съ землей!

НЕБЕСА.

Она шептала мнѣ: „мой другъ, мой милый другъ,
Повѣрь мнѣ, небеса къ землѣ не безучастны,
И имъ знакома скорбь и ядъ безплодныхъ мукъ,
За прожитое стыдъ, предъ будущимъ испугъ;
Вѣдь не всегда они, какъ сны ребенка, ясны,
И не всегда они, какъ райскій духъ, безстрастны.
Порою, присмотрись, они ласкаютъ насъ,
Какъ любящая мать, не зная мѣру ласки;
То лучъ ихъ на зарѣ заблещетъ, какъ алмазъ,
То звѣздочка на насъ глядитъ, какъ кроткій глазъ,
То вѣтра шлютъ они шептать дубровамъ сказки.
Тогда имъ весело. Когда жъ имъ тяжело,
Когда ихъ душитъ гнѣвъ, они гремятъ грозою,
Не пропускаютъ звѣздъ сквозь тусклое стекло,
Какъ думы, облака имъ бороздятъ чело,
И горы жгутъ они огнистою змѣею,
И слезы дождикомъ роняютъ надъ землею.
Но послѣ этихъ слезъ ободрится земля,
Душистѣй станетъ лѣсъ, наряднѣе поля,
Теплѣе грѣетъ день, звончѣй поютъ стрекозы...
А наши, милый другъ, безплодны наши слезы!..

* * *

Какъ очертанья тучъ въ туманный часъ заката,
Неясенъ думъ твоихъ таинственный узоръ,
А молодая грудь желаньями богата,
Какъ въ полночь звѣздами нѣмая гладь озеръ.
Ты сказки слушаешь дубровы сладкогласной,
Ты ловишь каждый лучъ задумчивыхъ небесъ
И ждешь отъ жизни ты съ тревогою неясной
И счастья, и любви, восторговъ и чудесъ.
Но, милый другъ мой, здѣсь, здѣсь, въ этомъ царствѣ прозы,
И скорби, и борьбы, и ненависти злой,
На личикѣ твоемъ заблещутъ скоро слезы,
И въ сердце первый гнѣвъ вползетъ въ тебѣ змѣей!

И ты поймешь тогда и ненависть, и злобу,
Кого, какъ смертный грѣхъ, гнала ты отъ себя,
И, можетъ быть, сама пойдешь на встрѣчу къ гробу.
Мой другъ, мой юный другъ, о, какъ мнѣ жаль тебя!..

*
* *

Бродитъ въ полѣ сумракъ синій,
Задымилъ туманъ въ лугахъ,
Тучки бѣлыя, какъ иней,
Ткутъ узоры въ небесахъ.
Скоро съ влажными очами
Ночь съ заката приплыветъ,
Въ рощахъ свистнетъ соловьями,
Въ небѣ звѣздами блеснетъ,
Задрожитъ въ рѣкѣ луною,
Крикнетъ изъ лѣсу совой
И заплачетъ надъ землею
Искрометною росой!..

*
* *

Ночь зажигала на небѣ лампады,
Плакалъ въ кустарникахъ хоръ соловьиный,
Горъ отдаленныхъ нѣмыя громады
Къ звѣздамъ тянулись сѣдою вершиной;
Скалы на скалы онѣ налѣпляли,
Встали надъ степью гигантски высоки,
Подняли тучи, но звѣздъ не достали:
Звѣзды, какъ счастье людское, далеки!

А. Будищевъ.

КАШИРСКІЕ ДВОРЯНЕ

Семейная хроника XVI-го и XVII-го вѣка.

Нашъ очеркъ посвященъ судьбамъ одной типической дворянской семьи, представительницы громаднаго класса служилыхъ людей московскаго государства, изъ котораго сложилось впослѣдствіи наше сельское дворянство. Члены этой семьи отнюдь не историческіе герои; сами по себѣ, это люди мелкіе, но они любопытны, однако, какъ представители цѣлой массы подобныхъ имъ дѣятелей, такихъ же мелкихъ, ни въ какіе герои непригодныхъ. Много такихъ дѣятелей копошилось тогда въ деревянныхъ усадебкахъ глухихъ деревенекъ, разбросанныхъ по средней полосѣ Россіи; по первому призыву изъ Москвы они должны были являться „конны, людны и оружны", отстаивать родныя мѣста отъ татарскихъ набѣговъ или идти подъ Смоленскъ, подъ Могилевъ на кровавую борьбу съ Литвой.

Условія государственнаго и общественнаго быта въ московскій періодъ нашей исторіи, какъ извѣстно, никакъ не могли способствовать развитію свѣтлой личной жизни; они, наоборотъ, могли только подавлять, поглощать личность, замыкать ее въ кругъ тѣснаго, часто безотраднаго существованія, въ службу или тягло, ради неумолимой государственной необходимости.

Успѣхъ борьбы съ врагами, обезпеченіе жизни и государственнаго развитія требовали полнаго сліянія личности съ государственными задачами. Эпическое русское богатырство, дружинное рыцарство древняго и удѣльнаго періода въ эпоху татарщины принуждены были сознать безсиліе своей одиночной дѣятельности и своихъ случайныхъ кружковыхъ связей. Московскій государственный порядокъ складывался не изъ такого опредѣленнаго

прошлаго, не въ связи съ выработанными формами гражданственности, какъ западныя государства на римской территоріи. Изъ лагерной жизни, изъ запросовъ повседневной практики сложился нашъ первый порядокъ; борьба, нужда, запросы дня не давали ни отдыху, ни сроку московскимъ дѣятелямъ, и не было ни времени, ни мѣста раскинуть умомъ пошире, поработать въ своемъ міркѣ. Нужда все смѣшивала въ рукахъ московскаго правительства; дѣятельности военная, судебная, административная и хозяйственно-экономическая укладывались въ однѣхъ рукахъ и одних вѣдомствахъ. Государственная власть не обращалась къ внутреннему человѣку, не развивала его въ томъ или другомъ направленіи; она просто двигала массами, куда потребуется, и личность исчезала въ массовой дѣятельности.

Къ числу такихъ заурядныхъ дѣятелей принадлежали ближайшіе предки извѣстнаго автора мемуаровъ Болотова—это и нашъ главный источникъ. Мимоходомъ эти мемуары даютъ не мало любопытныхъ чертъ изъ старой жизни русской деревни, указываютъ на составъ сельскаго населенія, которое въ теченіе цѣлаго вѣка осаживалось и укрѣплялось все на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ.

По указаніямъ Болотова, намъ удалось найти его предковъ даже второй половины XVI-го в. [1]). Жили они все на тѣхъ же мѣстахъ нынѣшняго каширскаго уѣзда, гдѣ впослѣдствіи писалъ и философствовалъ ихъ потомокъ, литераторъ XVIII-го вѣка. О болѣе отдаленномъ прошломъ этой семьи, о ея происхожденіи русскомъ или татарскомъ—не сохранилось никакихъ свѣденій.

I.

Въ XV и XVI вв. сѣверныя части нынѣшнихъ тульской и калужской—и югъ московской губерніи составляли еще южную окраину государства: на ея земляхъ отражались набѣги крымцевъ, грозныхъ враговъ народнаго благополучія; всѣ города этой окраины строились, соображаясь съ дорогами, по которымъ крымцы приходили разорять Русь, и всѣ входили въ линіи укрѣпленій. Главной заботой летучихъ конныхъ отрядовъ татаръ при выборѣ дорогъ на Москву было, по возможности, избѣгать переходовъ черезъ рѣки; поэтому ихъ главные пути на большей части своего протяженія представляли какъ бы водораздѣлы рѣчныхъ бассей-

[1]) Почти всѣ свѣденія добыты нами изъ документовъ Москов. Архива Мин. Юстиціи.

новъ. По необходимости рѣшаясь на переправы, они очень осторожно выбирали броды черезъ рѣки и разъ навсегда запоминали ихъ. Всѣ эти броды, дороги и тропы, шляхи, или сакмы по-татарски, давно изучили и знали русскіе; ихъ караулили, загораживали рвами, засѣками. Главная дорога татаръ,—такъ называемый муравскій шляхъ,—проходила по возвышенности между рѣчками окскаго и донского бассейна, и съ дальняго юга, отъ крымской Перекопи, вела къ самой Тулѣ. Далѣе за Тулой ожидали неизбѣжныя переправы черезъ Упу близъ Дѣдилова, затѣмъ черезъ Оку; близъ Каширы находился едва ли не самый удобный бродъ, слывшій Сенкинымъ. Все это надолго опредѣлило важное значеніе Тулы и сосѣднихъ съ нею городовъ: Каширы, Алексина, Дѣдилова, Крапивны. Многіе годы туляки и каширцы жили въ постоянной тревогѣ и ожиданіи набѣговъ со степей.

Кашира, о которой впервые упоминается во второй половинѣ XIV-го вѣка, стояла въ старину на лѣвомъ берегу Оки у устья Каширки; но изъ военныхъ стратегическихъ соображеній, чтобы удобнѣе задерживать переправу татаръ, городъ перенесли на правую сторону рѣки. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими украинными городами Кашира не разъ давалась въ удѣлъ на кормленіе татарскимъ царевичамъ и князьямъ; еще въ 1532 г. она была нѣкоторое время за Шигъ-Алеемъ Казанскимъ.

Въ царствованіе Грознаго была устроена правильная защита украинныхъ городовъ отъ кочевниковъ, причемъ боевую линію постепенно отодвигали все далѣе и далѣе на югъ. Татаръ, однако, осталось очень много въ каширскомъ уѣздѣ; въ меньшемъ по числу жителей стану, Туровскомъ, большинство помѣщиковъ татары [1]); много ихъ, вѣроятно, давно перекрещенныхъ и обрусѣвшихъ, скрывалось среди населенія и другихъ становъ.

Если признать, что какъ разъ близъ Тулы проходилъ сѣверный рубежъ того пространства, которое въ XVI в. называлось народомъ степью, то этотъ старинный степной рубежъ почти совпадаетъ съ сѣвернымъ рубежомъ черноземной полосы Россіи [2]); къ сѣверу по средней Окѣ пойдутъ уже уѣзды съ сѣроглинистой, не отличающейся плодородіемъ, почвой; къ ихъ числу принадлежитъ и нашъ каширскій уѣздъ.

Въ эпоху составленія писцовой книги 1578-79 гг. мы находимъ среди старыхъ каширскихъ помѣщиковъ пять семей Болотовыхъ и нѣсколько деревень и урочищъ съ ихъ прозвищемъ; три

---

[1]) Писцовая книга, изд. Калачева, 1877 г.

[2]) *Замысловскій*, Герберштейнъ, стр. 236.

семьи жили въ Безпуцкомъ стану, одна въ Тѣшиловскомъ, именно та, потомкомъ которой является авторъ мемуаровъ XVIII-го вѣка, и еще одна въ Ростовскомъ стану. А. Т. Болотовъ разсказываетъ, что, судя по преданіямъ, предки его жили тоже въ Безпуцкомъ стану и оттуда уже переселились на тѣ мѣста Тѣшиловскаго стана, которыми давалось и ему владѣть; акты вполнѣ подтвердили это обстоятельство [1]). Безпуцкій станъ былъ сравнительно довольно густо населенъ, съ большимъ количествомъ распаханной земли. Должно быть, тѣсно стало Васькѣ Романову, сыну Болотову, на старой дѣдинѣ, и онъ перебрался и помѣстился на болѣе просторныя мѣста. Свое старое помѣстье онъ передалъ земляку Іевскому [2]), а свою долю въ обширной Болотовской пустоши съ разоренными дворами бѣдному мелкопомѣстному родичу Өедору Малыхину Болотову [3]). Эти безпуцкіе родичи были очень бѣдны для своего званія. Өедоръ служилъ съ низшаго оклада, какой только полагался для дѣтей боярскихъ, съ 50 четей въ одномъ полѣ [4]), а на дѣлѣ владѣлъ всего 35 чет. пустой земли безъ крестьянскихъ дворовъ; онъ не имѣлъ на ней даже помѣщичьей усадьбы. Рядомъ такая же пустошь безъ дворовъ въ 86 ч. въ полѣ записана за другимъ родичемъ Василіемъ Ивановымъ Болотовымъ. Этотъ оффиціально служилъ со 100 четей. Его совладѣльцы въ пустоши, Бохины, сильно пострадали отъ татарскихъ набѣговъ; одинъ пропалъ безъ вѣсти въ плѣну, а другой покинулъ помѣстье и куда-то переселился.

Третій родичъ, Василій Петровъ [5]) перенесъ свой дворъ изъ старой разоренной деревни на новое мѣсто общей пустоши и положилъ основаніе деревнѣ Новой-Болотовой. У Петрова показанъ, по крайней мѣрѣ, свой дворъ, жилая усадьба, но и онъ въ годъ переписи не отличался благоденствіемъ; числясь на окладѣ во 100 четей, онъ имѣлъ всего 5 четей пашни при своей усадьбѣ. Оба первые Болотова исчезли безслѣдно со своихъ мѣстъ и не появлялись ни въ какихъ документахъ болѣе поздняго времени. Только послѣдняя новая деревушка нѣсколько разрослась, и послѣ смутнаго времени въ 20-хъ годахъ XVII-го вѣка явилась помѣстьемъ старика Григорія Васильева Болотова, повидимому сына Василія Петрова.

---

[1]) Записки Болотова, I-я глава.

[2]) Писцовая книга, изд. Калачева, стр. 1432.

[3]) Тоже стр. 1.466.

[4]) Четь—около $1^1/_2$ десятины. Количество земли всюду показано въ одномъ полѣ. Помноживъ на 3, получимъ полное число четей въ каждомъ надѣлѣ.

[5]) Писцовая книга, стр. 1467.

Такъ же бѣдны были помѣстьями Болотовы Ростовскаго стана [1]). Тамъ въ слободкѣ Щекиной жилъ отецъ съ двумя сыновьями Сенька Перваго; ему полагалось всего 10 четей въ окладъ, а его старшему сыну 50. Но въ слободкѣ на всѣхъ троихъ приходилось не болѣе 50 ч. довольно плохой земли.

Такимъ образомъ члены нашего рода являются вполнѣ типичными представителями стариннаго сословія боярскихъ дѣтей.

Трудно опредѣлить происхожденіе и судьбы этого сословія, но эти судьбы были очень разнообразны и вполнѣ зависѣли отъ экономическаго положенія и служебныхъ окладовъ. Лучшія богатѣйшія боярскія дѣти выслуживались въ придворные чины, попадали въ списки московскихъ дворянъ, жильцовъ и т. д. Низшій слой, постепенно бѣднѣя, спускался до окладовъ въ 30—15 четей, то-есть такихъ, какіе получали станичные и городовые казаки изъ вольныхъ людей, защищавшіе на украйнѣ и на степныхъ сторонахъ татарскіе переходы и переправы. Такія боярскія дѣти скоро исчезали изъ списка помѣщиковъ и терялись въ толпѣ вольныхъ людей, казаковъ и однодворцевъ. Въ XVII в. изъ нихъ вербовали первыхъ солдатъ драгунъ и рейтаръ, которыхъ отдавали на выучку иностраннымъ офицерамъ.

Василій Романовъ, перебравшись въ Тѣшиловскій станъ [2]), занялъ довольно удобныя для хозяйства земли по маленькой рѣчкѣ Дороховкѣ, близъ болѣе значительной Скниги, притока Оки; онъ имѣлъ 67 ч. пашни въ одномъ полѣ, съ 10 десят. лѣса и хорошими покосами. Обиліе рѣчекъ дѣлало это мѣсто весьма соблазнительнымъ для помѣщика. Дороховка [3]) лѣтъ черезъ 200 послѣ перваго Болотова въ жаркое лѣтнее время имѣла не менѣе 2 саж. ширины, а Скнига не бывала уже 6-ти саж. и изобиловала рыбой; кромѣ того тутъ же, пробѣгали рѣчки Щиголевка, Гвоздевка, Язвейка и меньшіе ручьи. Отсюда Болотовы начали понемногу распространять свои владѣнія въ округѣ; но пока въ послѣдніе годы царствованія Грознаго, у Василія Романова въ его Трухинѣ имѣлась только собственная усадьба да три пустыхъ крестьянскихъ двора.

Писцовая книга застала каширское населеніе въ томъ бѣдственномъ состояніи, въ какое привели его нашествія Девлетъ-Гирея 1571 и 1572 гг., когда выжжена была вся Москва и погибло отъ крымцевъ въ общемъ до милліона народу. Да и внѣ такихъ погромовъ сельское населеніе съ трудомъ удерживалось

[1]) Писц. кн., стр. 1332.
[2]) Писц. кн. стр. 1490.
[3]) „Экономическія примѣчанія" по г. Каширѣ.

на земляхъ мелкихъ, бѣдныхъ помѣщиковъ; крестьяне искали прежде всего поддержки и защиты у помѣщика, а на бѣдняковъ плоха была надежда. Круто приходилось мелкопомѣстнымъ службы служить и семьи содержать на доходы со своихъ пустошей и крошечныхъ деревенекъ.

Всякій юноша, дворянинъ или боярскій сынъ, съ 16-ти (въ XVII-мъ вѣкѣ съ 18-ти лѣтъ), считался поспѣвшимъ въ службу—*новикомъ*; если отецъ его не могъ уже служить по болѣзни или старости, за нимъ записывали помѣстье отца, или надѣляли, если было нѣсколько братьевъ, особымъ окладомъ земли. Обыкновенно помѣстье оказывалось меньше оффиціальнаго оклада, который прописывали дьяки разряднаго приказа.

Служилый людъ города съ его уѣздомъ составлялъ свой особый полкъ, подъ начальствомъ своихъ головъ и сотниковъ.

Свои выборные окладчики провѣряли имущественное положеніе земляковъ; они знали, за кѣмъ сколько четей, кто въ какую службу годенъ, можетъ ли привести съ собой людей или нѣтъ; съ ихъ словъ дьяки писали, у кого помѣстье мало или пусто, безъ крестьянъ. Сообразно съ этими данными, между служилыми людьми дѣлили царское жалованье передъ походомъ и во время его, отъ 10 р. до 25-ти.

Всѣ помѣщики уѣзда по такимъ спискамъ [1]) дѣлились на статьи, главнымъ образомъ на четыре: 1) выборные, лучшіе дворяне, легко переходившіе въ болѣе аристократичный московскій списокъ, въ государевъ полкъ, въ жильцы и проч.; 2) просто городовые дворяне; 3) дворовые и, наконецъ, 4) боярскія дѣти украинныхъ городовъ; на окладѣ до 50 четей они уже стояли почти наравнѣ съ городовыми казаками; это разрядъ Ѳедьки Малыхина, Сеньки Перваго и др. Всѣ эти статьи составляли главную массу нашего стариннаго войска—*помѣстную конницу*.

Какъ только государь объявлялъ войну какому-нибудь недругу изъ сосѣдей, цѣлая система приходила въ дѣйствіе, чтобы двинуть въ походъ служилыхъ людей, мирно сидѣвшихъ по деревнямъ. Во всѣ города, полки которыхъ были назначены къ сбору, изъ Москвы высылали сборщиковъ, обыкновенно изъ лицъ довѣренныхъ и знатныхъ. Сборщикъ пріѣзжалъ въ городъ съ готовымъ спискомъ мѣстныхъ служилыхъ людей, и получалъ еще дополнительный отъ воеводы или намѣстника уѣзда. Воевода же,

[1]) Эти списки составляютъ *книги десятенъ*. Они велись особо для каждаго уѣзда—десятня тульская, десятня каширская и т. д. Каждый служилый человѣкъ уѣзда заносился здѣсь въ свою статью по окладу, денежному жалованью, съ отмѣткой, какое за нимъ помѣстье и съ какимъ вооруженіемъ долженъ явиться на службу.

съ своей стороны, получалъ изъ Москвы царскую грамату о войнѣ и сборѣ войска и читалъ ее всенародно въ своемъ городѣ. Онъ опредѣлялъ къ сборщику нѣскольких стрѣльцовъ и пушкарей своей команды, которые разсылались по уѣзду собирать въ городъ помѣщиковъ. Когда они съѣзжались, сборщикъ производилъ имъ разборъ, т.-е. записывалъ, съ какими силами каждый пойдетъ въ походъ, съ какимъ количествомъ людей и лошадей. Тутъ же впервые записывали въ разныя статьи новиковъ. Затѣмъ онъ отводилъ весь полкъ въ назначенное для сбора мѣсто, гдѣ сдавалъ его царскому воеводѣ. Послѣдній принималъ людей по спискамъ, снова вызывалъ окладчиковъ, которые поручались за каждаго земляка, что онъ станетъ служить такъ, какъ ему по помѣстью надлежитъ, раздавали всѣмъ жалованье и расписывались. При этомъ окладчики показывали, кого нѣтъ и по какой причинѣ въ *нѣтяхъ*; тутъ дѣлались новые списки „нѣтямъ“ и „естямъ“.

Процедура оказывалась довольно длинной и сложной, да иною и не могла быть, имѣя дѣла съ тяжелой деревенской кавалеріей, не приспособленной къ строю и правильнымъ походамъ.

Иногда предоставлялось окладчикамъ отбирать бѣднѣйшихъ людей и отправлять ихъ на службы поближе, избавляя отъ дальнихъ походовъ. По соображеніямъ нѣкоторыхъ изслѣдователей [1]), самое простое вооруженіе всадника и конь съ годовымъ прокормомъ стоили на деньги того времени около 7 р. Мудрено провѣрить такой приблизительный разсчетъ. Но въ общемъ эту сумму денежнаго жалованья въ годъ получали люди низшей служилой статьи, а для большихъ походовъ бывали прибавки. Такимъ образомъ, на подъемъ, на оружіе казна давала кое-что, но прокармливались люди сами, чѣмъ могли, и тутъ-то сказывалась привычная скудость быта и неприхотливость. Состоятельные люди забирали съ собой шатры, перемѣнныхъ лошадей, везли въ обозѣ цѣлыя телѣги запасовъ деревенскаго хозяйства для себя и своихъ вооруженныхъ людей. Если припасовъ не хватало или съ обозомъ случалось несчастье, люди промышляли въ непріятельской землѣ, грабили и добывали прокормъ. Небогатымъ дворянамъ плохо приходилось въ походѣ, а ихъ немногочисленной прислугѣ и холопамъ, конечно, и того хуже.

Герберштейнъ видѣлъ нашихъ служилыхъ людей въ концѣ царствованія Василія Ивановича III и не мало дивился ихъ неприхотливости, тому, какъ они на маленькое жалованье и свои скудныя средства содержали себя и своихъ людей въ походахъ.

---

[1]) *Хлѣбниковъ*, Общ. и государство.

Если служилый человѣкъ ведетъ за собой нѣсколькихъ лошадей, то одну изъ нихъ нагружаютъ самыми необходимыми вещами; тутъ обыкновенно имѣется просо въ небольшомъ мѣшечкѣ, фунтовъ 10 соленаго свиного мяса; маленькій мѣшочекъ соли, смѣшанный, если хозяинъ посостоятельнѣе, съ перцемъ. Всякій имѣетъ котелокъ, топоръ и трутъ. Если по близости стоянки не найдется никакихъ плодовъ, ни дичины, русскіе воины разводятъ огонь, варятъ въ водѣ просо, немного солятъ, и такой пищей господинъ и холопы живутъ и довольствуются подолгу; въ видѣ лакомства къ вареву прибавляется немного соленой свинины. Если господинъ очень голоденъ, то съѣдаетъ все одинъ; холопы же весьма искусно ухитряются поститься по два, по три дня [1]).

На стоянкахъ небогатые люди, вмѣсто палатокъ, дѣлаютъ низенькій навѣсъ изъ вѣтвей, покрываютъ его епанчой, прячутъ подъ него сѣдла, оружіе и кое-какъ укрываются сами отъ дождя. Лошадей пускаютъ на подножный кормъ, и ради этого ставятъ свои шалаши далеко другъ отъ друга, чтò довольно опасно въ виду непріятеля.

Такъ служили и наши мелкопомѣстные каширскіе помѣщики. Лично о каждомъ изъ Болотовыхъ ничего нельзя сказать точнаго, кромѣ того, чтò даетъ писцовая книга; книги десятенъ съ ихъ именами не дошли до нашего времени. На сторожахъ своей украйны караулили они татаръ, рыли землю для рвовъ и валовъ, получая за эту службу лишнихъ 2, 3 р. въ полгода. Дома часто приходилось работать въ полѣ за недостаткомъ рабочихъ рукъ, и притомъ не зѣвать: къ нимъ и въ мирное время легко могли пробраться татары и затащить въ плѣнъ прямо съ пашни. Обижала и своя братья: сбившійся съ толку боярскій сынъ собиралъ вокругъ себя любителей легкой наживы и ходилъ съ топорами и рогатинами на помѣщиковъ и на крестьянъ; удалая шайка била своихъ же земляковъ до смерти и увѣчья, отнимала все, ничѣмъ не гнушаясь, часто для того только, чтобы пропить немедленно легкую добычу въ первомъ кабакѣ. Подчасъ, какъ татаринъ, боярскій сынъ завозилъ ихъ женъ и дочерей въ свою усадьбу и старался закрѣпить ихъ себѣ въ холопство.

Уѣзды украйны безпрестанно призывались къ осторожности и держались на-готовѣ къ войнѣ. То-и-дѣло проскакивали мимо Каширы съ дальнихъ сторожъ гонцы или сами станичные головы; чуткіе, привычныя уши сторожевыхъ развѣдчиковъ издали слышали на сакмахъ и шляхахъ топотъ коней передовыхъ татарскихъ

[1]) Герберштейнъ, Записки, стр. 79.

всадниковъ.—„Позади сакмы слышенъ зукъ великій; чаяли приходу царева“ (т.-е. ханскаго),—докладывали головы въ Москвѣ кому слѣдуетъ. Къ воеводамъ украйны тотчасъ посылали изъ Москвы указъ держать служилыхъ людей на-готовѣ къ походу; на украйну двигали сразу по нѣскольку полковъ. Все царствованіе Грознаго полно такихъ степныхъ тревогъ, отвлекавшихъ его силы то отъ Казани, то отъ Ливоніи и Литвы. Каширу сторожили извѣстные воеводы того времени, но не всегда уберегали; въ 1571 г. допустили Девлетъ-Гирея сжечь Москву. На слѣдующій годъ разоренные и истомленные украинцы опять было-пропустили татаръ. Каширцы со сторожевымъ полкомъ кн. Шуйскаго защищали свой городъ и ближніе берега Оки, а у Сенкина брода стоялъ всего одинъ *притинъ*—мѣсто, огороженное плетнемъ, за которымъ сторожили 200 чел. боярскихъ дѣтей. Опытные мурзы Гирея выбрали удобное время, опрокинули притинъ, перебили маленькій отрядъ и быстро переправились. Только близъ Лопасни настигли татаръ воеводы и успѣшно отбросили въ степи.

Страшное нашествіе Казы-Гирея (1596) заключило рядъ погромовъ, не дававшихъ вздохнуть каширцамъ и ихъ сосѣдямъ, а затѣмъ послѣдовала сплошная смута во всемъ государствѣ. Что̀ тутъ сталось съ семейками Болотовыхъ, остается совершенно неизвѣстнымъ. Приходится черезъ всю эту эпоху перейти прямо къ 20-мъ г. XVII-го вѣка.

Воцареніе Михаила Ѳедоровича далеко еще не принесло мира русской землѣ; оно дало только опредѣленный государственный характеръ борьбѣ съ врагами внутренними и внѣшними; только въ этомъ смыслѣ можно сказать, что смута кончилась. Наша тульская украйна еще долго страдала отъ наѣздовъ казацкихъ и польскихъ отрядовъ, не желавшихъ разстаться со своею добычей—распатавшимся государствомъ. То Заруцкой съ Мариной перебирался изъ города въ городъ, опустошая по дорогѣ все, что̀ еще уцѣлѣло отъ прежнихъ набѣговъ; то Лисовскій проносился со своей конницей. Въ промежуткахъ татары появлялись изъ степей, переправлялись черезъ Оку и опустошали пріокскіе города до самыхъ подмосковныхъ волостей. На Каширѣ и сосѣднихъ мѣстахъ оставалось очень мало служилыхъ людей, — только тѣ бѣдняки, которыхъ избавляли отъ дальняго похода въ Литву и подъ Смоленскъ, гдѣ своимъ чередомъ шла борьба съ поляками. Часто случалось, что совсѣмъ некому было отражать опустошительные набѣги, да и тѣ воины, какіе были, не получая подолгу жалованья, стремились въ разбойничьи шайки. Масса дѣлъ и документовъ погибла за это время въ разграбленныхъ

городахъ. Такъ, въ Серпуховѣ, разоренномъ въ 1618 г. гетманомъ Сагайдачнымъ, погибли вмѣстѣ съ другими бумаги Болотовыхъ.

Но и среди этой кровавой борьбы продолжалась возобновленная государственная и административная дѣятельность; составлялись переписи служилыхъ людей, верстались помѣстьями; внутренній строй общества возобновлялся крѣпче, сложнѣе и опредѣленнѣе прежняго.

1620-ый г. застаетъ потомство Романа Болотова въ лучшемъ сравнительно положеніи по службѣ и по помѣстью. Въ дерев. Трухинѣ на берегу Дороховки жили теперь крестьяне; къ помѣстью прибавилось двѣ пустоши, и въ немъ считалось уже 200 четей въ одномъ полѣ; имъ владѣлъ сынъ Василія Романова, уцѣлѣвшій отъ смуты, Гаврило Васильевъ, по прозванію *Горяинъ*. Его старшій сынъ Ероѳей былъ въ ту пору уже на службѣ и женатъ. Вѣроятно, его записали новикомъ въ первую разверстку, когда кн. Хованскій стоялъ съ большимъ полкомъ въ Тулѣ для защиты края отъ крымцевъ и татаръ.

Перетерпѣвъ смуту, Горяинъ посылалъ въ Москву челобитныя, чтобы ему снова справили необходимыя крѣпости на владѣніе Трухинымъ, такъ какъ прежнія погибли въ Серпуховѣ. Ему прислали обычную крѣпость [1]), перечислявшую его земельныя дачи, съ обычнымъ наказомъ, чтобы „всѣ крестьяне, которые въ томъ помѣстьѣ живутъ и на пустошахъ учнутъ жить, Горяина Васильева с. Болотова слушали, пашни на него пахали и доходъ его помѣщиковъ платили“. По годамъ, можетъ быть, и не старикъ, Горяинъ сильно одряхлѣлъ въ бѣдствіяхъ кровавой эпохи и не имѣлъ силъ служить. Черезъ два года, въ 1622 г., въ Тулу прибылъ кн. Лыковъ [2]) и произвелъ разборъ служилымъ тулякамъ и каширцамъ. Тутъ Гаврило Горяинъ былъ отставленъ отъ службы за старостью и увѣчьемъ; при этомъ до извѣстной степени опредѣлилась служебная будущность его сыновей. Помѣстье Трухино, всегда связанное со службой, у неслужащаго отняли, и по обычаю, признанному закономъ [3]), записали за самымъ младшимъ, четвертымъ сыномъ, малюткой *Еремѣемъ*; старшіе должны были получить помѣстье отдѣльно, — шли въ отводъ, какъ тогда говорили. Но Еремѣй-малолѣтокъ только росъ и воспитывался на своемъ порядочномъ для бывшихъ боярскихъ дѣтей помѣстьѣ; поэтому за него служилъ и обязательно пользовался частью его доходовъ второй взрослый братъ, Панкратъ Горяиновъ, по прозванію *Без-*

---

[1]) Столбцы по г. Каширѣ, 439, дѣло 12.

[2]) Тульскія десятни, кн. 16 и 115.

[3]) П. Собр. Зак., 1652 г., стр. 86.

сонъ [1]). Его имени, впрочемъ, въ тульской десятнѣ этого года не оказалось, можетъ быть, потому, что подлинники этихъ десятенъ пострадали во время московскаго пожара 1628 г.

Третій братъ Дороѳей тоже не упоминается ни въ какихъ служебныхъ спискахъ; только гораздо позже мы находимъ его имя въ нѣкоторыхъ документахъ по помѣстнымъ дѣламъ.

Старшій сынъ Горяина, Ероѳей, хорошо шелъ по службѣ; ему, видно, удалось быстро отличиться или пріобрѣсти сильныхъ пріятелей. Въ 1622 г. онъ записанъ въ хорошей статьѣ городовыхъ дворянъ съ окладомъ (пока номинальнымъ) въ 400 четей. Но владѣлъ онъ всего 40 четями во владимірскомъ уѣздѣ, пустыми отъ казацкаго разоренья; получены они, вѣроятно, въ приданое за женой. Ероѳей жилъ пока у отца и выходилъ на службу одинъ на конѣ съ самымъ обыкновеннымъ вооруженіемъ [2]).

Имѣя покровителя въ Москвѣ или родство по женѣ среди придворнаго вѣдомства, Ероѳей могъ современемъ безъ особаго труда попасть въ жильцы или въ московскій списокъ. Судя по дальнѣйшимъ успѣхамъ его дѣлъ, онъ имѣлъ такихъ покровителей, но дѣла не скоро дѣлались; еще нѣсколько лѣтъ пришлось ему потѣсниться въ трухинской усадьбѣ, пока отвели ему землю да пока онъ самъ собрался съ силами отстроить себѣ усадьбу.

Въ эту пору хозяйство въ Трухинѣ представляется далеко не блестящимъ. На одномъ помѣщичьемъ дворѣ [3]), въ клѣтяхъ и избахъ, жили семьи двухъ женатыхъ братьевъ, старикъ Горяинъ и два юнца, будущіе новики. На деревнѣ у нихъ стояли только два крестьянскихъ двора,—одинъ пустой, въ другомъ жилъ крестьянинъ съ двумя племянниками,—да въ двухъ меньшихъ дворахъ сидѣло по одному бобылю. На всѣ 200 четей въ одномъ полѣ пашни приходилось врядъ ли пять взрослыхъ работниковъ, во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ ртовъ въ помѣщичьей усадьбѣ [4]). Не особенно сытно кормились съ Трухина служилые люди, и особенно ихъ подневольные, ходившіе съ ними въ походы. Чваниться и барствовать не приходилось; подобно многимъ своимъ современ-

---

[1]) Вотчинный архивъ, столбецъ 439 дѣло № 12.

[2]) Тульскія десятни, кн. 16, 1622 г.

[3]) Писц. кн. по г. Каширѣ, № 177, 1629 г.

[4]) Уже въ первое десятилѣтіе послѣ смуты населеніе стало быстро прибавляться въ уѣздахъ украинскихъ городовъ. Степная боевая линія отошла въ эту пору далеко на югъ; въ Тулѣ и Каширѣ переставали бояться крымцевъ. Но сельское хозяйство, за недостаткомъ рабочихъ рукъ, развивалось весьма медленно. Если вѣрить даннымъ писцовыхъ книгъ, то Болотовы, по современному счету, владѣли 900 десятинами пахатной земли (600 чет. въ 3-хъ поляхъ). На нихъ въ мирное время работало всего 5 пахарей на себя и на помѣщиковъ, а въ военное, пожалуй, и еще меньше.

никамъ [1]), наши Болотовы должны были работать на полѣ вмѣстѣ со своими бобылями. Впрочемъ, по большей части, только женщины да старые и малые оставались въ усадьбѣ; взрослыхъ служакъ они то-и-дѣло снаряжали въ походы.

Панкратій Безсонъ, отбывая службу за себя и за брата Ерему, ходилъ подъ Смоленскъ во время неудачной осады Шеина. Эти походы въ Литву, продолжительные и разорительные, считались особенно тяжелыми для служилаго сословія. То были не отраженія татарскихъ набѣговъ, не погоня за степняками; тутъ требовались стойкость, разсчитанная выдержка, умѣнье распоряжаться всѣми своими силами. А наши войска изъ необученныхъ военному строю помѣщиковъ, безъ правильнаго содержанія, на истощенныхъ травянымъ кормомъ коняхъ, часто оказывались вовсе неприготовленными къ продолжительнымъ походамъ въ непріятельскія земли.

Старинные документы рисуютъ такія тяжелыя картины военной жизни и походнаго обихода, которыя вполнѣ объясняютъ обиліе „нѣтей" и побѣговъ изъ полковъ. Измученные голодовкой, безъ надзора и попеченій, помѣщичьи латники и холопы толпами бѣгали отъ своихъ господъ; а помѣщики, особенно одинокіе бѣдняки, охотно скрывались отъ своихъ головъ и окладчиковъ.

Тогдашняя служба разсчитывала на крайнюю неприхотливость и привычку къ скудости, на желѣзный закалъ и безшабашную смѣлость русскаго человѣка. Въ XVII в. недостатки нашего стариннаго строя сдѣлались такъ ощутительны, что съ воцареніемъ Михаила Ѳедоровича появляются вполнѣ ясные признаки перехода къ западному регулярному строю, и съ каждымъ походомъ появляется все больше и больше солдатъ, рейтаръ и драгунъ подъ начальствомъ иностранныхъ офицеровъ.

Итакъ, наши воины любили отмѣчать литовскія и смоленскія службы съ удареніемъ, какъ особенно тяжкія.

Изъ довольно ветхаго дѣла [2]) узнаемъ, что Безсонъ сильно пострадалъ отъ „смоленской нужды", какъ свидѣтельствовалъ кто-то отъ имени Еремы; какъ больного или изувѣченнаго, младшій братъ оставилъ его на покоѣ въ своемъ помѣстьѣ и отправилъ вмѣсто себя въ полковую и походную службу какого-то *Семена Чортова*, но и Семенъ былъ гдѣ-то зарубленъ. Не долго протянулъ и страдалецъ смоленской нужи; онъ отбылъ на вѣчный покой, не справивъ за собой собственнаго, отдѣльнаго помѣстья и ни разу не появившись въ спискахъ самостоятельнымъ лицомъ. Предназна-

---

[1]) Чтенія Моск. Общ. И. и Др., 1887 г., кн. 2-я, стр. 87-я.

[2]) Вотчинный Арх., столбецъ 439, дѣло 12.

ченныя ему 95 четей изъ свободнаго сосѣдняго помѣстья были справлены уже за его сыновьями-малолѣтками.

Пока старшіе служили, младшаго недоросля пробовали обижать тяжбами. Земляки-каширцы, Сонинъ и Тарбѣевъ, задумали оттягать у Болотовыхъ Трухино; они ссылались на то, что Еремѣй Горяиновъ владѣетъ имъ не по праву, безъ дачъ и государевой граматы. Еремѣй немедленно подалъ отвѣтное челобитье съ указаніемъ всѣхъ необходимыхъ крѣпостей, по которымъ владѣетъ, и дѣло прекратилось [1]).

Старинные приказы бывали наводнены такими тяжбами; дворяне, имѣвшіе слишкомъ маленькое помѣстье сравнительно съ окладомъ, могли бить челомъ на помѣстья, которыми, по ихъ мнѣнію, помѣщики владѣютъ неправильно. Если они оказывались правы въ своемъ челобитьѣ, то могли получать прибавки изъ неправильно захваченныхъ помѣстій.

Наконецъ, и Ерема попалъ на службу. Въ 1638 г. [2]) въ Тулѣ воевода кн. Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій произвелъ общій смотръ служилому люду всѣхъ чиновъ и статей, отъ старыхъ служакъ, страдавшихъ подъ Смоленскомъ и Можайскомъ, до новиковъ и новыхъ солдатъ и рейтаръ. Мелкихъ помѣщиковъ, имѣвшихъ не болѣе 2, 3 душъ крестьянъ и бобылей на своихъ земляхъ, которымъ по бѣдности было слишкомъ трудно служить въ городовомъ помѣстномъ полку, воевода по указу записывалъ въ солдаты и рейтары; этимъ людямъ, служившимъ въ полкахъ новаго строя, выдавали изъ казны по 8, 7 денегъ въ сутки; лошадей и оружіе они тоже получали отъ казны.

Новикъ Еремѣй Болотовъ, какъ владѣлецъ 200 четей и 5 рабочихъ душъ, былъ внесенъ въ низшую 4 статью старой помѣстной конницы, съ окладомъ въ 200 четей земли и 6 руб. годового жалованья. Судьба его оказалась впослѣдствіи довольно любопытной и даже романичной, и потомокъ-писатель посвящаетъ ей нѣсколько сантиментальныхъ страницъ въ своихъ запискахъ.

Не задолго до составленія писцовой книги 1629 г. (въ 1624 или 1625 гг.) Ероѳей Горяиновъ получилъ близъ Трухина отдѣльное помѣстье въ свой окладъ и началъ устраиваться въ своемъ хозяйствѣ. Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ извѣстій о томъ, какъ и отъ кого онъ получилъ это помѣстье, состоявшее изъ дерев. Дворениновой-Луки въ 125 четей въ одномъ полѣ, и

[1]) Столбецъ 439, № 12.
[2]) Кн. десятенъ, 299 и 118.

двухъ жеребьевъ запустѣвшей дер. Дятловки во 150 четей [1]). Первая была, можетъ быть, выселками стараго Дворенинова, принадлежавшаго въ XVI в. Коптевымъ [1]) и находившагося тоже на берегу Скниги. Прозвище Болотовской деревни скоро укорачивается и обращается просто въ Дворениново, впослѣдствіи пріютъ музъ литератора нашего просвѣтительнаго вѣка.

Ероѳей повелъ хозяйство для своего времени обстоятельнѣе и лучше своихъ братьевъ.

На высокомъ, крутомъ берегу красивой Скниги у него стоялъ обширный помѣщичій дворъ. Самъ всегда въ походахъ, вдали отъ дома, онъ первое время сосредоточивалъ здѣсь въ своей усадьбѣ всѣ свои хозяйственныя силы подъ надзоромъ жены Дарьицы, урожденной Бадниковой. Крестьянъ у него еще не было во время составленія писцовой книги 1629 г.; въ Двореииновѣ числилось только 5 пустыхъ мѣстъ, гдѣ когда-то стояли тяглые крестьянскіе дворы, да 4 мѣста виднѣлись въ Дятловкѣ.

Хозяйство велось руками трехъ дѣловыхъ людей и одного бобыля, переведеннаго изъ другой запустѣвшей деревни. Всѣ четыре работника жили съ семьями въ усадьбѣ, въ дѣловыхъ людскихъ избахъ, пока Ероѳей не окрѣпъ хозяйствомъ. Поокрѣпнувъ, онъ быстро обзавелся крестьянами, даже своихъ дѣловыхъ людей перевелъ на крестьянскіе тяглые дворы.

Дѣло въ томъ, что Болотовымъ удалось выхлопотать себѣ въ раздѣлъ большое сосѣднее помѣстье, оставшееся безъ владѣльца. Въ 1631 г. [3]) умеръ кн. Шестуновъ изъ рода богатаго и знатнаго въ XVI в. и сошедшаго со сцены въ XVII; не имѣя сыновей, онъ оставилъ 700 четей земли въ 3 уѣздахъ, и помѣстный приказъ самъ распорядился ими. Костромское помѣстье назначили на прожитокъ вдовѣ княгинѣ, Галицкимъ наградили кн. Щербатова, зятя покойнаго, а Каширское, по челобитью трехъ старшихъ Болотовыхъ, дали имъ въ раздѣлъ.

Раздѣлъ произошелъ въ 1632 г. подъ надзоромъ губнаго старосты г. Серпухова, Увиленева [4]). Староста ѣздилъ лично съ дьякомъ въ выморочное помѣстье, осматривалъ его съ понятыми и описалъ. Въ старину это было большое помѣстье изъ двухъ селъ и сельца; одно изъ нихъ, Шахово, принадлежало когда-то знаменитому роду князей Гундоровыхъ. Теперь все это обратилось въ сплошныя пустоши; гдѣ 20, гдѣ 26 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ

[1]) Писц. кн. по г. Каширѣ, № 177-й.

[2]) Писц. кн., изд. Калачева.

[3]) Дѣла старыхъ лѣтъ по г. Каширѣ, кн. 77, № 1.

[4]) Столбецъ 439, № 13.

виднѣлись вокругъ заброшенныхъ усадебъ; заброшенныя чуть ли не со временъ Казы-Гирея, пашни заросли на 100 и болѣе четей хорошимъ строевымъ лѣсомъ. Послѣдняго задворнаго человѣка Щербатовъ свезъ въ свою вотчину, а послѣдній крестьянинъ сбѣжалъ, и всю его рухлядь свезли къ себѣ сосѣдніе государственные крестьяне.

Губный староста отдѣлилъ изъ этой обширной пустоши 284 ч. [1]) и разбилъ ихъ на три равные участка въ 95 четей слишкомъ каждый, съ одинаковымъ количествомъ пашни, лѣса и сѣнокоса. Ероѳею участокъ пошелъ въ прибавокъ за его усердную и успѣшную службу, и дополнилъ его окладъ до 415 четей, а Дороѳей и Безсонъ получили здѣсь свои первые надѣлы. Безсонъ умеръ, не дождавшись крѣпостей на свою землю.

Округливъ [2]) свое помѣстье прибавкомъ пашни и лѣса, Ероѳей могъ измѣнить свое хозяйство на болѣе спокойный для себя порядокъ и болѣе выгодный для своего рабочаго, страднаго люда; онъ понемногу отстроилъ тяглые дворы и переписалъ своихъ работниковъ въ крестьяне.—Мелкій, но любопытный фактъ, наглядно показывающій, какъ условія хозяйства, экономическіе интересы помѣщика смѣшивали совершенно различныя для государства сословія несвободныхъ, обязанныхъ людей. Можетъ возникнуть, конечно, подозрѣніе, не скрылъ ли Ероѳей передъ переписью 1629 г. у себя во дворѣ крестьянъ, показавъ ихъ дѣловыми людьми, какъ это дѣлали многіе помѣщики, чтобы не платить податей съ тягла. Но тогда оказались бы пустые дворы въ его деревнѣ; въ писцовой же книгѣ записаны не дворы, а старыя дворовыя мѣста. Кромѣ того, странна непослѣдовательность: удачно скрывъ тяглыхъ въ первый разъ, онъ въ слѣдующую перепись не пробуетъ скрыть ни одного, показавъ больше дворовъ, чѣмъ у него было старыхъ дворовыхъ мѣстъ.

Повидимому, тутъ совершился цѣлый хозяйственный переворотъ; помѣщикъ разжился землей, пріобрѣлъ много хорошаго лѣса и попробовалъ устроиться иначе. Та же Шестуновская дача принесла ему къ указываемому времени еще доходъ, о которомъ узнаемъ изъ позднѣйшаго документа, а именно изъ договора внуковъ и дѣтей Ероѳея съ внуками гамбуржца Марселиса. Петръ Марселисъ [3]) снялъ у Горянинова часть его пустоши на берегу Скниги подъ новый желѣзный заводъ; судя по возобновленному договору, онъ платилъ за пользованіе землей и строевымъ лѣсомъ

[1]) Въ одномъ полѣ.

[2]) Переписная кн. по г. Каширѣ, № 179.

[3]) Въ точности годъ этой сдѣлки неизвѣстенъ; вѣроятно, около 1640 г.

деньгами, разными желѣзными подѣлками, строилъ помѣщику плотины, мельницы, чинилъ строенія и т. д. Сосѣдство такого промысла должно было доставлять помѣщику и крестьянамъ не мало доходовъ и удобствъ. На выгоды отъ заводовъ указывали и мнѣнія выборныхъ на земскихъ соборахъ, когда разбирали права иноземныхъ купцовъ.

Что въ крестьяне были переведены дѣловые дворовые люди Ероѳея, очевидно изъ внимательнаго чтенія описей Дворенинова въ писцовой книгѣ 1629 г. и переписной 1646:

1629 г. Дѣловые люди:		1646 г. Крестьяне:
Марчко Антоновъ	1 дворъ	Костюшко Марковъ.
	2 двора	Архипко Марковъ, съ братьями, дѣти Кащеевы.
Игнашко Матвѣевъ	3 „	Игнатко Матвѣевъ.
Демка Гавриловъ	4 „	Демка Гавриловъ.
Гришка Венюковъ	5 „	Григорій Лукьяновъ (этотъ сомнителенъ).

Къ этому числу Ероѳей привлекъ трехъ новыхъ крестьянъ и одного бобыля, котораго поселилъ въ Гвоздевкѣ.

Намъ неизвѣстны условія, свойства записей или крѣпостей, по которымъ жили дѣловые люди на дворѣ Ероѳея, а эти условія бывали очень разнообразны въ XVII в. Неизвѣстно, взялъ ли помѣщикъ съ нихъ новыя записи, переводя ихъ въ крестьяне. Во всякомъ случаѣ, то были люди запроданные, зависимые; дѣти ихъ родились въ этой зависимости на барскомъ дворѣ. Давно закрѣпленные семьѣ своего помѣщика, работники переѣхали на тяглые дворы, и тамъ переписью 1646 г. были на вѣки со своимъ потомствомъ прикрѣплены землѣ.

Всего-на-все въ эту пору за Ероѳеемъ Болотовымъ числилось 18 крестьянъ, два бобыля и ни одного дѣлового человѣка.

Въ Трухинѣ жъ [1]) у Еремѣя Горяинова хозяйство шло по старинѣ, безъ измѣненій. Тамъ черезъ 17 лѣтъ послѣ писцовой книги 1629 г. стояли все тѣ же три двора — одинъ крестьянскій и два бобыльскихъ; завелся-было третій бобыльскій дворъ, но крестьянинъ, перешедшій на этотъ низшій надѣлъ, скоро сбѣжалъ съ семьей. Всего у Еремы жило 10 человѣкъ—четверо крестьянъ и шестеро бобылей.

Завелась въ это время деревушка и у Дороѳея Горяинова, но весьма жалкая; она состояла изъ помѣщичьей усадьбы и одного

---

[1]) Переписная кн., № 179.

крестьянскаго двора, и называлась Гвоздевкой по имени главной Шестуновской пустоши.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ дальнемъ родственникѣ и современникѣ Горяина и его сыновей. Въ XVI в. мы видѣли три семьи Болотовыхъ въ Безпуцкомъ стану; въ XVII в. отъ нихъ остались только два потомка: Григорій Васильевъ и его племянникъ Лукьянъ, — одинъ сынъ, а другой внукъ Василія Петрова, основавшаго деревушку Новое-Болотово. Дядя пользовался $^{2}/_{3}$ помѣстья, а племянникъ—одною третью [1]).

Ни тотъ, ни другой не имѣли ни одного жилого крестьянскаго двора; у нихъ стояли только усадьбы, да показаны старыя дворовыя мѣста; даже дѣловыхъ людей за ними не было. Григорій Васильевъ служилъ давнымъ-давно: въ 1622 г. онъ записанъ въ статьѣ городовыхъ дворянъ рядомъ съ Ероѳеемъ и съ окладомъ въ 250 четей [2]); но на дѣлѣ онъ владѣлъ всего 86 чет. изъ отцовскаго помѣстья и не получалъ никакихъ прибавокъ за службу. Только когда умеръ племянникъ Лукьянъ бездѣтнымъ, дядѣ безъ спора передали остальную часть Болотова, 36 четей и пустую усадьбу. На старости лѣтъ Григорій оказался вдовъ, бездѣтенъ и совсѣмъ одинокъ; онъ уже собирался мирно удалиться въ монастырь, въ теплѣ и покоѣ доживать свой вѣкъ, какъ его помѣстье, выходившее изъ служилыхъ рукъ, сдѣлалось добычей алчныхъ исканій. Бумаги, рисующія это дѣло, весьма ветхи, судебнаго рѣшенія при нихъ нѣтъ, такъ что о результатѣ тяжбы можно судить только по позднѣйшимъ фактамъ.

Изъ родныхъ у старика были только Болотовы Тѣшиловскаго стана да зять, небогатый помѣщикъ Писаревъ. Еще при жизни жены тесть, оказывается, уступилъ зятю 40 чет. изъ своего помѣстья, съ тѣмъ, чтобы послѣдній содержалъ его. Писаревъ подалъ челобитную отъ себя и отъ имени тестя въ помѣстный приказъ [3]), прося укрѣпить за собой эти 40 четей. Не успѣли исполнить этой просьбы, какъ въ слѣдующемъ году явились новые претенденты на Болотово. Какой-то подъячій подалъ новую челобитную тоже отъ имени Григорія, въ которой тотъ удостовѣряетъ, что онъ передумалъ, и теперь всѣмъ помѣстьемъ сполна поступается родичамъ Еремѣю Гаврилову да племяннику Панкрату Безсонову, съ тѣмъ, чтобы они его содержали. Что же касается уступки 40 ч. зятю, то онъ, старикъ, сдѣлалъ это, не посовѣтовавшись со своими родными; зять же, кромѣ того, ни въ чемъ его

[1]) Писцовая кн., № 177.
[2]) Книга десятенъ, 16 (разборная Каширская).
[3]) Столбецъ 177, дѣло 9

не почитаетъ, не кормитъ и не поитъ, а потому ему, Писареву, „до того помѣстья больше дѣла нѣтъ“.

На это Писаревъ отвѣтилъ челобитной [1]) опять отъ имени того же самаго Григорія; въ ней послѣдній проситъ не вѣрить его предшествующему челобитью, потому что оно ложно подано отъ его имени, и писана въ немъ одна неправда; увѣряетъ, что зятемъ онъ доволенъ; тотъ его почитаетъ и кормитъ. Что̀ же дѣйствительно писалось отъ имени старика и что̀ ложно? Можетъ быть, обѣ стороны равно играли именемъ совсѣмъ одряхлѣвшаго помѣщика. Явились претензіи на Болотово и со стороны; малопомѣстный сосѣдъ Сонинъ съ сыномъ усердно просили прибавить имъ въ окладъ изъ бывшаго помѣстья Григорія Болотова; говорили, что старикъ лѣтъ съ десять никакихъ службъ не служитъ, а теперь ушелъ въ монастырь постригаться.

Изъ Москвы мѣстному воеводѣ велѣли лично допросить Григорія и собрать справки о помѣстьяхъ Сонина и Писарева (у послѣдняго оказалось очень мало земли). Чѣмъ кончились допросы—неизвѣстно. Но черезъ нѣсколько лѣтъ у Панкрата Безсонова оказались крѣпости на 80 слишкомъ четей въ Безпуцкомъ стану. Значитъ, воеводѣ удалось примирить родичей: недостаточному Писареву дали просимыя 40 четей; племяннику Болотову дали бо̀льшую часть помѣстья; Еремѣю, самому обезпеченному, ничего не дали; отказали и чужаку Сонину. О ложныхъ челобитныхъ совсѣмъ дѣла не поднимали.

Въ эту пору, въ концѣ 40-хъ годовъ XVII-го вѣка, старшихъ братьевъ Болотовыхъ уже не было въ живыхъ.

Едва вступилъ на престолъ Алексѣй Михайловичъ, какъ начались тревоги въ татарскихъ степяхъ; въ украинскихъ городахъ потребовалась усиленная дѣятельность, и на дальніе сторожевые пункты послали выдающихся въ свое время дѣятелей, князей Одоевскаго и Львова. Въ такія тревожныя времена въ Тулу, Каширу и другіе города посылали строгія граматы къ воеводамъ. Въ нихъ сообщали, что прошли слухи о близкомъ приходѣ крымскаго хана на Русь, а потому приказывали быть въ великомъ береженьѣ, грамату приказывали читать вслухъ служилымъ людямъ по нѣскольку разъ, чтобы дворяне, дѣти боярскія, каширцы и всякихъ чиновъ люди собирались въ службѣ „конны, людны и оружны“; чтобы въ дальнія мѣста не смѣли разъѣзжаться, а были бы готовы идти съ царскими воеводами на крымцевъ, чтобы православныхъ крестьянъ въ плѣнъ и расхищенье не выдавать.

[1]) Тамъ же.

Женъ и дѣтей дворяне должны были по первому зову везти въ городъ, чтобы татары ихъ не побили и не полонили. Туда же приказывали свозить хлѣбные запасы со всего уѣзда, и ничего не оставлять на добычу татарамъ.

Не любили жители тащиться издалека въ городскую осадную тѣсноту, и иногда предпочитали строить свои острожки и загороди, гдѣ пробовали сами защищаться отъ степняковъ. Правительство строго требовало, чтобы воеводы сжигали такія домашнія крѣпости, сжигали и хлѣбъ у ослушниковъ, державшихъ его дома. Но угрозы врядъ ли многихъ устрашали.

Къ 1646 г. тронулись съ сѣвера замосковные полки; у Оки къ нимъ начали примыкать каширцы, туляки и прочіе украинцы. Начался дальній степной походъ; въ немъ принимала участіе новая пѣхота—солдаты, обученные иностранному строю. Въ числѣ каширцевъ шли Ероѳей Горяиновъ съ братомъ Дороѳеемъ. Нѣсколько мѣсяцевъ въ 1646 г. простояли они съ кн. Одоевскимъ [1]) около Ливенъ, ходили походами въ степи, держали караулы на сторожахъ. Здѣсь по р. Быстрой-Соснѣ усиленно оберегали переправы и знаменитый татарскій путь между притоками Оки и Дона. Отсюда начиналась новая украйна, болѣе южная, называвшаяся польной.

Скоро Одоевскаго, по стратегическимъ соображеніямъ, передвинули далѣе на югъ въ Бѣлгородъ-на-Донцѣ, гдѣ цѣлый рядъ укрѣпленій сосредоточился на сторожевой линіи отъ Ворсклы черезъ Донецъ до донскихъ береговъ. На дальней линіи служба становилась тяжелѣе. Тамъ требовались рабочія руки для крѣпостныхъ и земляныхъ работъ, для рытья рвовъ и валовъ; туда нужны были служилые люди побогаче, приводившіе побольше холопей [2]). Поэтому окладчикамъ приказали поразобраться въ своихъ полкахъ, и бѣдныхъ малопомѣстныхъ и пустопомѣстныхъ не отправлять съ княземъ Одоевскимъ подъ Бѣлгородъ [3]); ихъ оставляли въ Ливнахъ для сторожевой службы подъ начальствомъ князя Львова. Слабыхъ же и больныхъ людей отпустили, кажется, съ разбору по домамъ. Въ эту же пору отправили домой совсѣмъ больного Дороѳея Болотова. Несмотря на его обез-

---

[1]) Книга десятенъ, 117.

[2]) Въ этотъ походъ пошли жильцы, стряпчіе и другіе высшіе чины: они получили за тяжелыя службы 1646, 47 и 48-го гг. особыя льготы на нѣсколько лѣтъ въ помѣстныхъ и судныхъ дѣлахъ.—Полн. собр. законовъ, томъ I.

[3]) Въ этотъ походъ, вѣроятно, Бѣлгородъ окончательно укрѣпился на своемъ третьемъ мѣстѣ.—*Багалѣй*: Колонизація, стр. 43.

печенность и хорошій окладъ, окладчики оставили его на Ливнахъ наравнѣ съ пустопомѣстными: можетъ быть, онъ несъ здѣсь какую-нибудь особую службу, или, что̀ вѣрнѣе, имѣлъ благодѣтеля среди окладчиковъ, который избавилъ его отъ дальняго похода. Это не спасло однако Ероѳея отъ судьбы: онъ умеръ 1-го сент. [1]) 1647 г. гдѣ-то на службѣ подъ Ливнами.

Вернувшись съ похода домой, Дороѳей совсѣмъ захирѣлъ и также умеръ вслѣдъ за братомъ въ январѣ того же года. Такъ три старшіе Болотова покончили свой вѣкъ на службѣ или отъ послѣдствій службы.

Въ этомъ же 1647 г. въ дѣлахъ Болотовской семьи выступаютъ дѣятельными гражданскими личностями вдовы-матери, „горькія" и „бѣдныя" челобитчицы [2]).

Послѣ смерти мужей онѣ заступаютъ ихъ первенствующее мѣсто въ семьяхъ и являются ихъ представительницами передъ правительствомъ. Дѣло вдовы Дороѳея короче, а потому начнемъ съ него.

„Бѣдная вдова каширянина Антонидка Дорофеевская жена Болотова съ дѣтишками съ сынишками большимъ Сенькой (5 л.), да меньшимъ Сенькой (3), да съ двумя дочерьми дѣвками бьетъ челомъ великому Государю". Горестно разсказавъ судьбу мужа, она проситъ „пожаловать ее, вдову, съ сынишками выслуженнымъ помѣстьемъ мужа 95 четями на Каширѣ, а имъ съ того ихъ помѣстья государеву службу служить, и мать свою кормить до ея живота", и кончаетъ просьбой записать сыновей въ разрядѣ недорослями.

Дѣло вдовы „Антонидки" довольно ветхо, и многое въ немъ растеряно; неизвѣстно даже, назначили-ли ей съ дочерьми что-нибудь на прожитокъ. Помѣстье было такъ незначительно, что его, кажется, предоставили въ полное распоряженіе матери сообща съ дѣтьми. Обоихъ Семеновъ очень скоро записали въ недоросли на помѣстьѣ отца. Съ тѣхъ поръ имена ихъ только разъ попадаются въ сохранившихся документахъ: въ дѣлѣ новой маленькой прибавки изъ Шестуновскихъ дачъ, по 12 четей семерымъ Болотовымъ младшаго поколѣнія [3]), да въ тяжбѣ изъ-за тѣхъ же дачъ съ княземъ Горчаковымъ. Съ тѣхъ поръ потомство Дороѳея исчезаетъ безслѣдно, и совершенно неизвѣстно, выросли ли оба Семена изъ недорослей и поступали ли когда-нибудь на службу, или перемерли малолѣтками. Только въ 1656 г.

[1]) Первый день новаго года по старинному.

[2]) Столбецъ 373 по Каширѣ, № 9 и 11.

[3]) Столбецъ по Каширѣ 493, № 6.

ихъ помѣстье въ 108 ч. [1]) (11 ч. отчислены, вѣроятно, на прожитокъ матери или сестрѣ) дано Еремѣю Горяинову, еще не получавшему никакихъ прибавокъ къ окладу за свои службы.

Дѣло вдовы Ероѳея, „Дарьицы", интереснѣе и сложнѣе. Послѣ обычнаго отчета о смерти мужа въ ея челобитной слѣдуетъ перечисленіе семьи: „а я, горькая, осталась съ дѣтишками своими съ Ивашкой, да съ Кирюшкой, да съ Гаврилкомъ, да съ Борискомъ, да со снохой Афросиньей Осиповой женой, да съ внукомъ Ларькой Осиповымъ сыномъ сама-сема". — Ея старшій сынъ Осипъ, женившійся весьма рано по обычаю старины, умеръ въ одинъ годъ съ отцомъ, не поступивъ на службу и не получивъ оклада. Послѣ Ероѳея въ каширскомъ и владимірскомъ уѣздахъ осталось 412 четей помѣстья. Дарьица просила все это помѣстье справить по обычаю за 2 младшими сыновьями Гаврилой и Борисомъ (6 и 5 л.) и внукомъ Ларіономъ (1/2 г.) [2]). „А внука моего,—писала попечительница семьи,—вели мнѣ поить и кормить, покамѣстъ онъ возмужаетъ и поспѣетъ въ твою государеву службу". Далѣе, послѣ обычныхъ справокъ и названій помѣстныхъ дачъ, вдова записала извѣстную формулу, созданную служебнымъ положеніемъ стариннаго дворянства: „какъ ему будетъ 15 лѣтъ въ службу поспѣетъ, будетъ служить съ отца своего помѣстья, и станетъ мать свою и племянника Ларьку поить и кормить. А поспѣетъ Ларька въ 15 лѣтъ, онъ изъ того дѣда своего помѣстья служить и кормитъ бабку и мать".

Въ тотъ же годъ троихъ мальчиковъ внесли въ каширскій списокъ недорослей, а вскорѣ затѣмъ справили и Двоpенинoво за будущими служаками.

Иванъ Ероѳеевъ [3]) съ Кирилой остались заштатными въ отцовскомъ помѣстьѣ. Иванъ, уже юноша, скоро женился и вышелъ на службу, но еще долго, до самаго совершеннолѣтія недорослей, семья жила вмѣстѣ въ одной усадьбѣ.

Одно сельцо Двоpенинoво, хотя бы и хорошо устроенное съ небольшимъ прибавкомъ, заброшеннымъ во владимірскомъ уѣздѣ, на такую большую семью было далеко не роскошнымъ обезпеченіемъ. Между тѣмъ какая-то протекція сильно помогала дѣтямъ Ероѳея, и они быстро поднимались по службѣ; трудно сказать, сколько они прослужили въ первой выборной статьѣ, но

[1]) 95 ч. въ од. п. въ Гвоздевкѣ, да прирѣзъ 24 ч.—всего 119 ч.

[2]) Столбецъ по Каширѣ 373, № 11.

[3]) Можетъ быть, Иванъ вышелъ въ новики въ годъ смерти отца. Въ книгѣ десятенъ, № 177, на листѣ № 99 записанъ новикъ безъ оклада Иванъ *Ярофеевъ* Болотовъ, но при г. Тарусѣ, а не Каширѣ.

послѣ андрусовскаго перемирія имена ихъ появляются въ спискѣ московскихъ жильцовъ.

Первые годы владычества Дарьицы съ сыновьями въ Дворениновѣ ознаменовались разными поземельными дѣлами; во-первыхъ, успѣшно окончились хлопоты о новой прибавкѣ изъ пустыхъ земель кн. Шестунова. При раздѣлѣ семь братьевъ Болотовыхъ получили по 12 ч. [1]). Не участвовали только Иванъ съ Кирилой; они шли въ отводъ.

Затѣмъ началось безконечное дѣло съ князьями Горчаковыми, бившими челомъ на Болотовыхъ, что они неправильно получили 86 ч. изъ Шестуновскаго имѣнія.

Это опять весьма характерная для своего времени тяжба, рисующая нравы и взгляды тогдашнихъ помѣщиковъ; въ такихъ дѣлахъ сильно отражалось стремленіе служилаго сословія обратиться въ классъ преимущественно землевладѣльческій. Аппетитъ къ землевладѣнію сталъ быстро развиваться послѣ смутнаго времени. Въ XIII в. знатные и незнатные дворяне очень охотно заводили земельные споры, ревниво присматривались, нѣтъ ли гдѣ по близости клочка земли, на который старый увѣчный владѣлецъ терялъ право, нѣтъ ли въ чьемъ помѣстьѣ лишняго противъ писцовой книги. На такой клочокъ налетало разомъ нѣсколько челобитенъ, и многимъ, хорошо принимавшимся за дѣло, удавалось получить просимое.

Кн. Горчаковъ старался доказать [2]), что еще покойный Шестуновъ получилъ изъ земель князей Гундоровыхъ лишнихъ 86 четей сравнительно съ помѣстьемъ, какое указано за послѣдними писцовой книгой 1578 г., теперь же эта неправильно захваченная земля сдана Болотовымъ, тогда какъ она должна считаться свободной; поэтому онъ предлагалъ взять ее у нихъ обратно. Дѣло началось еще при жизни обоихъ Семеновъ Дороѳеевыхъ. Велъ его, главнымъ образомъ, Панкратъ Безсоновъ отъ имени остальныхъ, и велъ довольно энергично. Тогда уже среди служилаго сословія начиналъ появляться типъ гражданскаго дѣльца, ходока по приказнымъ дѣламъ, охотно занимавшагося тяжбами. Совсѣмъ юношей, Панкратъ изъ всей семьи отличался на этомъ поприщѣ. О его военной службѣ нѣтъ никакихъ извѣстій, какъ будто онъ вовсе не служилъ, приказныя же дѣла велъ счастливо, съумѣлъ получить хорошую прибавку въ свой окладъ изъ помѣстья Григорія Васильева, выхлопоталъ для братьевъ по 12 чет.

[1]) Двѣ—Безсонова, двѣ—Дороѳеева и три—Ероѳеева.

[2]) Столбецъ по г. Каширѣ 494, № 7.

Шестуновскихъ дачъ. Послѣ смерти Панкрата Горчаковское дѣло велъ Кирило Ероѳеевъ, болѣе грамотный и развитой дѣлецъ. Кн. Горчаковъ доказалъ-таки, что 86 четей дѣйствительно были лишними, примѣрными у Шестунова. Кирило не могъ этого отрицать, но возражалъ, что по указамъ нельзя подымать помѣстныхъ споровъ по дѣламъ, которыя покончены до большого московскаго пожара 1626 г. Въ то время, какъ противникъ не покидалъ почвы законности въ землевладѣльческомъ вопросѣ, Болотовъ скоро перешелъ на почву служебныхъ правъ. За время польскихъ войнъ его семья очень уменьшилась, многіе ея члены сильно пострадали въ походахъ, и Кирило отписывался по своей тяжбѣ такъ: „Съ этихъ пустошей всѣ наши родичи служили, четверо ихъ убито, а двое въ полонъ взято. Не вели, государь, отнимать за кровь и за раны выслуженное помѣстье". Это дѣло пережило правленіе Софьи, царствованіе Петра и, наконецъ, при Екатеринѣ II мирно кануло въ вѣчность.

Едва только потомки Ероѳея утвердились въ ихъ помѣстьяхъ, началась кровавая тринадцати-лѣтняя война съ Польшей, временно утихавшая только ради борьбы со Швеціей. Такая продолжительная борьба съ самыми могущественными сосѣдями потребовала со стороны Россіи громадныхъ затратъ и страшнаго напряженія силъ. Въ маѣ 1654 г., какъ извѣстно, самъ царь Алексѣй Михайловичъ двинулся съ большою торжественностью къ литовскимъ границамъ и лично велъ осаду Смоленска. Первые три года военныя дѣйствія велись съ блестящимъ успѣхомъ. Но съ 1658 г. война затянулась, и цѣлый рядъ неудачъ подвергъ тяжкимъ испытаніямъ и наши военные порядки, и наши финансы, и, наконецъ, чуть было вновь не зашатался весь внутренній порядокъ русскаго государства. Наша дворянская конница стариннаго безпорядочнаго строя особенно сильно пострадала въ литовскихъ походахъ. Современникъ этой войны, желая, кажется, похвастаться передъ иностранцами русскими порядками, весьма наивно выдаетъ всю нестройность вооруженной дворянской толпы [1]).

Продолжительность походовъ, недостатокъ въ продовольствіи измучили и разоряли воиновъ-помѣщиковъ; да и регулярнымъ полкамъ не успѣвали вò-время выдавать содержаніе изъ опустѣвшей казны. Никогда еще въ русскихъ войскахъ не падала такъ низко дисциплина, какъ въ несчастный періодъ этой польской войны (около 1661 г. послѣ конотопскаго пораженія).

[1]) Посолъ Чемодановъ: „Дворяне и дѣти боярскія и всякихъ чиновъ люди бьются разными обычаями, лучнымъ и огненнымъ боемъ, кто къ какому привыкъ". *Бѣляевъ*: „Войско при Михаилѣ Ѳедоровичѣ".

Недостатки нашихъ тогдашнихъ военныхъ порядковъ сдѣлались такъ очевидны, что реформы, и самыя коренныя, ожидали только смѣлаго и рѣшительнаго на опыты преобразователя.

Въ эту же тяжелую пору постепенно подрастало молодое поколѣніе Болотовыхъ и въ свой чередъ выходило на дальніе походы. Опять въ усадьбахъ появлялись вдовы-попечительницы и посылали челобитныя на запустѣвшіе участки; ихъ сочиняли и подписывали по ихъ женской безграмотности духовные отцы, священники сосѣдняго погоста Николы Русятина.

Когда постихла многолѣтняя военная тревога и начались переговоры о мирѣ (1667 г.), выздоровѣвшій отъ ранъ Кирило Ероѳеевъ [1]) съ сыновьями вернулся на родные берега Скниги. Посчитались они своими, и оказалось, что изъ потомства четырехъ братьевъ Горяиновыхъ осталось всего пять человѣкъ: Гаврило и Кирило Ероѳеевы съ племянникомъ Ларіономъ, да двое Еремѣевыхъ; послѣдніе вскорѣ тоже умерли одинъ за другимъ. Потуживъ о судьбѣ родичей, практичные Ероѳеевы принялись хлопотать о пріобрѣтеніи въ свою пользу ихъ запустѣвшихъ помѣстій; за приказныя дѣла взялся вполнѣ грамотный и сообразительный жилецъ Кирило.

Тогда уже пресѣклось потомство несчастнаго, рано искалѣченнаго Безсона. Младшій Безсоновъ, Панкратъ, ходакъ по дѣламъ, не успѣлъ насладиться помѣстьемъ Григорія Васильева, не успѣлъ даже жениться; онъ умеръ въ 1654 г. [2]), дома или въ походѣ—неизвѣстно. Старшій братъ Емельянъ былъ уже въ Литвѣ, но не долго провоевалъ; въ самую блестящую пору войны, когда литовскіе города сдавались одинъ за другимъ, его убили въ 1655 г. подъ Могилевомъ. Ихъ помѣстья оставались, кажется, пустыми до самаго возвращенія двоюродныхъ братьевъ, Кириллы и Гаврилы съ войны. Тѣ немедленно стали просить себѣ въ окладъ это порожнее и „родственное", какъ выражались тогда, помѣстье. Однакоже, счастливѣйшіе Болотовы получили его далеко не сполна,—всего только 60 чет. въ одномъ полѣ, по 20 чет. на брата; остальныя 80 или 90 чет. куда-то отчислили. Крѣпостей на свои земли Болотовы тогда подолгу не получали. За послѣдніе годы войны въ Каширѣ воеводствовалъ нѣкто Писаревъ, вѣроятно родственникъ того зятя Григорія Васильева, съ которымъ тягался Панкратъ Безсоновъ изъ-за 40 четей. Воевода не давалъ ходу дѣламъ нашей семьи и надолго запуталъ производство. Одинъ изъ

[1]) Столбецъ по Каширѣ 537, дѣло 24.

[2]) Столбецъ по Каширѣ 160 № 7.

Ероѳеевыхъ прямо писалъ въ Москву, что у нихъ съ воеводой ссора въ помѣстьяхъ и крестьянахъ, и просилъ высылать бумаги на имя серпуховскаго губнаго старосты.

Судьба Еремѣя Горяинова и его сыновей оказалась особенно трагичной. Въ 1638 г. онъ вышелъ, какъ уже сказано, въ меньшую статью помѣстной конницы. Какъ хозяинъ, мы видѣли по писцовымъ книгамъ, онъ отсталъ отъ старшаго брата и не дѣлалъ попытокъ къ улучшенію хозяйства. По службѣ онъ, кажется, отсталъ еще больше. Въ то время какъ племянники обучались нѣмецкому строю, строго и быстро поднимались до выборнаго и жилецкаго списка, онъ невозмутимо дѣлилъ судьбы доживавшаго свой вѣкъ помѣстнаго ополченія. Въ эпоху польской войны у Еремѣя подростали три сына и двѣ дочери. Сыновья одинъ за другимъ выходили вмѣстѣ съ нимъ на службу. Старшій, Филимонъ, поступилъ прямо въ рейтары и, такимъ образомъ, въ юности прошелъ строевую науку. Вмѣстѣ съ отцомъ онъ отслуживалъ самую тяжкую пору польскихъ войнъ, когда къ нимъ присоединились смуты въ Малороссіи, замѣшавшія въ войну крымцевъ. Это была пора битвы при Конотопѣ, когда, подъ начальствомъ воеводы Трубецкого, легла костьми почти вся помѣстная конница, пять лѣтъ назадъ блестяще начавшая войну. Въ этомъ страшномъ побоищѣ до пяти тысячъ вмѣстѣ съ воеводами попали въ плѣнъ и были перерѣзаны татарами (лѣто 1659 г.). Среди нихъ и Ерема Горяинъ пропалъ безъ вѣсти.

Гибель большого войска привела въ ужасъ Москву. Царь надѣлъ печальное платье. Думали, что гетманъ Виговскій съ ханомъ пойдутъ прямо къ столицѣ, но они удовольствовались побѣдой и не выходили изъ Малороссіи. Впечатлѣніе этого погрома черезъ семейные пересказы отразилось и на страницахъ мемуаровъ А. Т. Болотова; онъ описалъ участь своего предка Еремѣя очень картинно и трогательно; горестный эпизодъ битвы принялъ у него героическій оттѣнокъ, и вся исторія семьи Горяинова обратилась въ сентиментальную поэму. Нужно замѣтить, что сыновья не были убиты тутъ же подъ Конотопомъ; принимать участіе въ этомъ дѣлѣ могъ одинъ старшій, такъ какъ меньшіе еще не поступали на службу. Можетъ быть, старшій и былъ тогда раненъ; но во всякомъ случаѣ онъ послѣ плѣна отца побывалъ дома и успѣлъ укрѣпить за собой и за братомъ [1]) отцовское помѣстье. Всѣ были увѣрены, что Еремѣй погибъ во время безчеловѣчной рѣзни плѣнныхъ. Братья раздѣлились не по обы-

[1]) Столбецъ по Каширѣ 165, дѣло 7.

чаю: отцово Трухино-Болотово съ пустошью Гвоздевкой (всего 300 чет. въ полѣ) взяли себѣ оба старшіе, а младшаго, Панкрата, оставили ожидать себѣ новаго оклада [1]).

Скоро Филимонъ съ Иваномъ вышли на новыя службы, на борьбу съ мятежами; мятежи долго не давали тогда покоя служилымъ людямъ, которые давно уже, по замѣчанію Ордынъ-Нащокина, заскучали службой отъ долгой войны и сдѣлались нерадѣтельными.

Иванъ Еремѣевъ служилъ въ Малороссіи [2]) во время смутъ Брюховецкаго и Дорошенки, и близъ Чернигова изъ полковъ Григорія Ромодановскаго былъ захваченъ въ плѣнъ крымскимъ летучимъ отрядомъ. Это случилось, вѣроятно, лѣтомъ 1668 г., когда воевода осаждалъ Черниговъ, и его отряды гонцовъ и разсыльщиковъ часто попадались въ плѣнъ татарамъ. Иванъ пропалъ безъ вѣсти и навсегда.

Два года спустя находимъ Филимона подъ Тамбовомъ въ числѣ на спѣхъ собраннаго туда служилаго люда; тамъ появились передовыя шайки Разина. Онѣ двигались тогда отъ Симбирска по двумъ главнымъ направленіямъ къ Тамбову и къ Нижнему-Новгороду. Вокругъ Шацка и Тамбова поднялись массы сельскихъ людей подъ начальствомъ опытныхъ зачинщиковъ изъ арміи самого атамана. Подъ самыми городами мятежники укрѣплялись въ деревняхъ и слободкахъ, и отсюда подолгу боролись съ царскими полками. Въ 1671 г. Филимона „воровскіе люди убили подъ Тамбовомъ", какъ писалъ младшій братъ Панкратъ. Послѣдній тоже состоялъ на службѣ, но на ту пору оказался въ деревнѣ, и только было-началъ хлопотать о полученіи помѣстій братьевъ, какъ тутъ же дома и умеръ. Какой-то злой рокъ преслѣдовалъ даже женскую половину семьи Еремѣя; къ нему и его потомству могло по справедливости перейти отцовское прозвище Горяиновыхъ. Записки А. Т. Болотова весьма правдоподобно разсказываютъ, какъ зимнею ночью разбойники напали на трухинскую усадьбу, мать-помѣщицу предали мучительной смерти, домъ весь разорили; ушла одна только жившая съ нею незамужняя дочь, босая, неодѣтая. Добѣжала она кое-какъ по морозу за три версты въ Двоpениново, но тамъ тотчасъ заболѣла и умерла. Только замужняя дочь Анна Ладыженская дожила до удивительнаго возвращенія отца изъ татарскаго плѣна.

О житьѣ семьи Ероѳея въ двоpениновской усадьбѣ за время

---

[1]) Столбецъ 69, № 22.
[2]) Столбецъ 165, № 7.

польской войны осталось не много свѣденій. Подъ главенствомъ вдовы Дарьицы семья, повидимому, жила дружно. Вмѣстѣ со всѣми жила жена старшаго сына Ивана, еще въ годъ смерти отца поступившаго на службу; о послѣднемъ знаемъ только, что онъ долженъ былъ участвовать въ литовскихъ походахъ; кромѣ того, онъ служилъ въ жильцахъ и числился въ жилецкомъ спискѣ, почему-то, много лѣтъ послѣ своей смерти. Умеръ онъ рано, раньше 1660 г., потому что къ этому году, при всей медленности дѣлопроизводства, успѣли утвердить за его женой ея вдовье прожиточное имѣнье [1]). Смерть Ивана заставила Дарьицу рѣшиться на общую разверстку мужнина помѣстья между своими домашними. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что невѣстку-вдову съ ея дѣвочкой слѣдовало обезпечить прожиткомъ, съ которымъ она, еще молодая женщина, могла бы выйти замужъ; Кирило, второй сынъ, давно ушелъ на службу; Борисъ съ Гаврилой тоже подростали. Изъ окончательнаго раздѣла видно, что всѣ члены семьи, имѣвшіе право на окладъ, получили поровну; мать, два сына и внукъ получили по 60 слишкомъ четей, невѣсткѣ Прасковьѣ съ дѣвочкой на ея вдовью часть дали 61 четь,—41 на мать, 20 на дочь. У вдовы былъ уже высватанъ женихъ, Иванъ Вальцовъ, поручикъ новаго солдатскаго строя. Въ старину сватовства велись просто и откровенно; попадались даже челобитныя на государево имя, въ которыхъ отъ имени невѣсты свидѣтельствовалось, „что ея женихъ ждетъ и готовъ жениться, если государь пожалуетъ, велитъ справить за нею прожиточное помѣстье".

Малопомѣстнаго Вальцова Дарьица приняла, кажется, въ свою усадьбу какъ родного. Ея сыновья вели нѣкоторыя помѣстныя дѣла сообща съ этимъ свойкомъ, вмѣстѣ мѣнялись участками съ сосѣдями, а чтобы лучше его обезпечить отъ имени его маленькой падчерицы, уступили ему и ея прожиточныя 20 четей. Ероѳеевы дѣйствовали солидно и хозяйственно; заботились о родичахъ и домашнихъ, но дѣлали это съ возможными для себя удобствами, любили сохранять жеребья своихъ земель подъ своей опекой.

Года три послѣ этого событія, въ 1663 г. погибъ Борисъ Ероѳеевъ близъ Губарей [2]) (Губарева?) во время стычки воеводы Долгорукова съ поляками; онъ не оставилъ ни жены, ни дѣтей, и его окладъ въ отцовскомъ Дворяниновѣ перешелъ къ старшему теперь брату Кирилѣ.

Старуха Дарья первенствовала въ усадьбѣ все время, пока

---

[1]) Книги молодыхъ лѣтъ по Каширѣ, вводная А. Т. Болотова.

[2]) Столбецъ 160, № 10.

подрастали дѣти и внуки; одного за другимъ снаряжала она въ походы, правила домомъ и хозяйствомъ за всѣ годы войны, когда молодые помѣщики почти не бывали дома. Только около 1667 г., они вернулись съ походовъ и принялись за свои сельскія дѣла, забирая въ свои руки помѣстья погибшихъ родичей, и тогда утомленная домоправительница собралась на покой. Она довольно настрадалась на своемъ вѣку, перехоронила много народу, навозилась съ невѣстками и внуками,—настала ей пора подумать объ отдыхѣ, а покой и тишину тогда давалъ только монастырь. Дарьица Болотова постриглась въ томъ же 1667 г. Свои прожиточныя 61 четь она было-завѣщала [1]) (поступилась, какъ тогда говорили) внуку Ларіону. Но внукъ не успѣлъ или просто нашелъ неудобнымъ завладѣть чѣмъ-либо отдѣльно отъ дядей, и потому не просилъ укрѣпить за собою бабкино помѣстье, и оно пошло въ новый общій раздѣлъ вмѣстѣ съ землей Бориса.

Трудно сказать, усердно ли служили Болотовы, или отбывали службу изъ-подъ палки, храбры ли они были, или нѣтъ, но списокъ всѣхъ погибшихъ въ походахъ членовъ семьи довольно внушителенъ. Грамотѣй и дѣлецъ Кирило имѣлъ основаніе писать въ одной изъ своихъ челобитенъ 1667 г. [2]), что ихъ Болотовыхъ побито, изувѣчено и въ плѣнъ взято въ разныхъ службахъ до 12 человѣкъ, а изъ оставшихся онъ, Кирило, раненъ подъ Конотопомъ [3]).

Какъ бы въ награду за службы свои и родичей, два Ероѳеева съ племянникомъ понемногу собирали въ свои руки всѣ помѣстья, какими были надѣлены потомки Гаврилы Горяина. Сами они, особенно Кирило и Ларіонъ, являются людьми нѣсколько иного типа, не такими, какими были ихъ отецъ и дяди; ихъ уже коснулся постепенный поворотъ русской жизни на новый, еще не вполнѣ опредѣлившійся, путь. Записываясь на службу, они поступали не въ помѣстную конницу, а въ полки иноземнаго строя, въ рейтары и драгуны. При Алексѣѣ Михайловичѣ число этихъ войскъ стало быстро увеличиваться; въ нихъ принимали не только безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ, какъ въ первую половину XVII-го в., но дворянъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ статей.

Сыновья и внуки Ероѳея рано попали подъ муштровку иностранныхъ офицеровъ, и съ тою же гибкостью и воспріимчивостью,

---

[1]) Столбецъ 160, № 10.

[2]) Столбецъ по Каширѣ 537, № 24. Обрывокъ растеряннаго дѣла безъ начала и конца.

[3]) Въ жилецкомъ спискѣ, подъ Нѣжиномъ.

какою отличались ихъ потомки XVIII-го в. (мемуаристъ и его отецъ), скоро стали бойчѣе, живѣе и смышленѣе своей мелкой братьи-деревенщины. Въ своихъ рейтарскихъ полкахъ они выслуживались въ офицерскіе чины и въ жилецкихъ спискахъ числились начальными людьми. По свидѣтельству современниковъ, да и по самому смыслу службы, въ жильцы производили самыхъ расторопныхъ и способныхъ изъ дворянъ городовыхъ списковъ. Жильцамъ давались самыя разнообразныя порученія въ Москвѣ и въ разсылкахъ по уѣздамъ; они же назначались состоять при посольствахъ; самыхъ опытныхъ по строевой службѣ посылали офицерами въ новые полки. Жильцы часто имѣли случаи возвышаться въ ряды стряпчихъ, ключниковъ и другіе придворные чины. Болотовы обладали, повидимому, этими необходимыми данными для разнообразной службы; способности къ тому же подкрѣпились нѣкоторой привычкой къ дисциплинѣ подъ нѣмецкой ферулой.

Кирило былъ сильнѣй всѣхъ родичей въ грамотѣ; судя по нѣкоторымъ документамъ, онъ писалъ привычною рукой, твердо, четко, какъ хорошій дьякъ.

Съ 1669 г. имена Кирилы съ Гаврилой появляются въ жилецкихъ спискахъ [1]), а въ своихъ полкахъ рейтаръ-копейщиковъ братья служатъ начальными людьми. Служба ихъ и прежде была на виду; крайне небрежныя замѣтки дьяковъ на поляхъ жилецкихъ книгъ указываютъ, гдѣ они отличались и какія награды получали. Послѣ перемирія Гаврила получилъ за Конотопъ, за битву противъ Сапѣги (??) по 100 четей въ помѣстье, по 10 и по 6 руб. деньгами; за разныя службы отъ 1664 по 1679 г., за торжественное объявленіе наслѣдникомъ царевича Алексѣя по 100 ч. и до 12 р. деньгами; всего на все болѣе 500 ч.

Приблизительно столько же записали и Кирилѣ, съ прибавкой за рану подъ Нѣжиномъ. Въ 1675 г. Ларіонъ Осиповъ появляется тоже среди жильцовъ на окладѣ въ 315 ч. Всѣхъ наградъ по припискамъ дьяковъ ему полагалось до 500 четей; въ томъ числѣ за чигиринскій походъ и по случаю вѣнчанія царя Өедора Алексѣевича. Въ 1688 г. Болотовыхъ всѣхъ троихъ отставляютъ отъ полковой службы. Читая приписки о наградахъ, можно подумать, что Болотовы получили чуть не боярскія помѣстья; но эти пожалованья, подобно оффиціальнымъ окладамъ, далеко не соотвѣтствовали дѣйствительности; награды оставались на бумагѣ, а наши рейтары только безпрепятственно дѣлили между собой выморочныя помѣстья своихъ родичей.

---

[1]) Жилецкіе списки, книги 5, 8, 15, 22, 39, 41, 42, 53.

Внѣ службы Болотовы внимательно занимались своимъ сельскимъ хозяйствомъ; какъ у Ероѳея, въ нихъ сильна была жилка хозяйственности, и уже сказывались представители будущаго землевладѣльческаго класса.

Крестьянское населеніе, прикрѣпленное къ Дворенинову экономическими мѣрами Ероѳея и Дарьицы, за немногими исключеніями, составило главную основу хозяйствъ Кирилы, Гаврилы и Ларіона. Но, конечно, деревня, раздробившись между нѣсколькими владѣльцами, лишилась прежней стройности и единства; участки земли раздѣлились дробнѣе, населеніе прибавлялось, и крестьянству пришлось потѣсниться; дѣти нѣкоторыхъ крестьянъ Ероѳея у его сыновей пересѣли на бобыльскіе надѣлы.

Переписная книга [1]) 1678 г. рисуетъ намъ хозяйства послѣдняго поколѣнія XVII-го вѣка. Только при этомъ трудно опредѣлить, какимъ именно количествомъ земли владѣли трое Ероѳеевыхъ, такъ какъ это количество постоянно измѣнялось въ теченіе двадцати лѣтъ; они безпрерывно пріобрѣтали и передѣляли участки покойныхъ родичей. А вскорѣ появленіе старика Еремѣя Горяинова, неожиданно вернувшагося черезъ 20 лѣтъ изъ татарскаго плѣна, произвело новый рядъ замѣшательствъ. Авторъ записокъ картинно и трогательно разсказываетъ, какъ старый воинъ бѣжалъ и добрелъ пѣшкомъ до своего Трухина; какъ добрые поселяне его деревни узнали своего бывшаго помѣщика въ странникѣ, сидѣвшемъ въ рубищѣ на развалинахъ своей старой усадьбы; какъ страдалецъ горестно рыдалъ, узнавъ, что изъ семьи его никого не осталось, что помѣстьемъ владѣютъ двоpениновскіе племянники и самая усадьба перенесена на другое мѣсто. Старикъ тотчасъ рѣшилъ оставить родичей мирно владѣть помѣстьемъ, а самъ попросилъ у нихъ дать ему уголокъ въ домѣ, гдѣ бы онъ могъ мирно доживать свой вѣкъ.

Возвращеніе измученнаго конотопскаго героя было, конечно, весьма трогательно, но документы свидѣтельствуютъ, что онъ немедленно потребовалъ и получилъ обратно свои земли [2]), кромѣ тѣхъ, которыя были выданы его дочери Ладыженской. Подержавъ ихъ лѣтъ съ десять, Еремѣй, незадолго до смерти, началъ дѣло объ уступкѣ Трухина тѣмъ же родичамъ [3]); но оно перешло, въ началѣ XVIII-го вѣка, уже къ новому поколѣнію двoрениновскихъ помѣщиковъ, когда всѣ прежніе сподвижники сошли со сцены. При такой измѣнчивости владѣній, благодаря доживав-

[1]) Переписная книга по г. Каширѣ, № 9152, кн. 2-я.

[2]) 225 чет. въ одномъ полѣ, 75 ч. выданы дочери.

[3]) Столбцы 174, № 7 и 88, № 90.

шей свой вѣкъ помѣстной системѣ, весьма мудрено прослѣдить, сколько за каждымъ Болотовымъ было земли въ разсматриваемое время.

Въ 1678 г. [1]) находимъ въ Двoрениновѣ три помѣщичьи усадьбы. На усадебномъ дворѣ Кирилы жили рабочіе, дѣловые люди, четыре взрослыхъ молодца, изъ нихъ одинъ семейный; да при усадьбѣ стоялъ дворъ задворнаго человѣка съ многочисленной семьей; старшій сынъ его числился въ бѣгахъ. Въ деревнѣ Кирило имѣлъ три двора на свою третью часть: многосемейный дворъ крестьянина *Кащеева*, одного изъ сыновей Марчки Антонова, стариннаго (20-хъ г.) дѣлового человѣка Ероѳея, да два двора бобылей, переписанныхъ изъ отцовскихъ крестьянъ. Всего въ трехъ кириловыхъ дворахъ жило четырнадцать человѣкъ.

Въ усадьбѣ Гаврилы Ероѳеева не было дворовыхъ дѣловыхъ людей; зато у него въ деревнѣ имѣлось 5 тяглыхъ дворовъ съ населеніемъ въ 23 души; изъ нихъ три двора бобыльскихъ и два крестьянскихъ. Шестой дворъ стоялъ пустымъ; изъ него бѣжалъ съ многолюдной семьей старинный крестьянинъ, братъ Кащеева. Вообще сельскій людъ Гаврилы случайнѣе по составу и безпорядочнѣе, чѣмъ у его совладѣльцевъ.

Ларіонъ Осиповъ немного обиженъ дворами передъ дядями; у него всего два двора съ одиннадцатью душами населенія, но оба—старинныхъ крестьянъ, крѣпко засѣвшихъ въ деревнѣ. На его усадьбѣ жило шестеро дѣловыхъ людей, по большей части семейныхъ. Одинъ изъ нихъ бѣжалъ передъ самой переписью.

Въ Трухинѣ у нашихъ помѣщиковъ не было усадьбы; ее или перенесли въ Двoрениново, или оставили за Анной Еремѣевой. Каждый изъ нихъ владѣлъ здѣсь восемью душами мужеск. пола. Ларіонъ всѣхъ зачислилъ въ одинъ старинный крестьянскій дворъ и только съ нимъ и вѣдался въ Трухинѣ. Но дяди, казалось, относились съ большимъ вниманіемъ къ хозяйственнымъ мелочамъ; каждый изъ нихъ посадилъ на свой надѣлъ по задворному человѣку изъ закрѣпленныхъ литовскихъ плѣнниковъ: вѣроятно, то были довѣренные люди, завѣдывавшіе работами и собиравшіе доходы.

У нашихъ помѣщиковъ на короткое время прибавилось-было земли въ Трухинѣ: Анна Еремѣевна [2]) Ладыженская еще ранѣе отца поступилась имъ своими 75-ю четями, поступилась даромъ, только съ условіемъ: если возвратится изъ плѣна пропавшій братъ

[1]) Переписная кн. по г. Каширѣ, № 9152, кн. 2-я.
[2]) Книга старыхъ дѣлъ по г. Каширѣ, 1-я, № 118.

ея Иванъ Еремѣевъ, то все помѣстье вернуть ему; но затѣмъ скоро опомнилась и начала дѣло о возвращеніи своей земли. Вообще, это довольно странное и темное семейное дѣло. Совершенно непонятно, почему Ладыженская находила нужнымъ требовать, чтобы Болотовы за ея 75 чет. почитали, поили и кормили ее, имѣвшую живого мужа, состоятельнаго стольника. А едва только землю сдали родичамъ, она начала жаловаться, что они не поятъ и не кормятъ ее, и „какъ бы ей отъ этого голодною смертью не помереть и межъ дворъ не пойтить". По суду ей не дѣлали личнаго допроса на мѣстѣ жительства, можетъ быть, потому, что родичи замѣтно заминали это дѣло; но, съ другой стороны, за Анну стояли нѣкоторые сосѣди, Хотяинцевы, Іевскіе, духовникъ, русятинскій попъ, и подтверждали рукоприкладствами ея жалобы. Жалобамъ, однако, вняли и велѣли возвратить ей помѣстье. Выигравъ дѣло, она тотчасъ поступилась или, вѣрнѣе, продала землю своему деверю Леонтію Ладыженскому и племяннику Ивану Болотову, сыну Гаврилы, взявъ съ того и съ другого по 50 р. за землю, строенье и крестьянъ. Можетъ быть, ради этой сдѣлки и велось это послѣднее курьезное дѣло до-реформенной семьи.

Затруднительность въ отыскиваніи судебъ Анны Еремѣевой, по бумагамъ другихъ дворянскихъ родовъ, лишаетъ возможности узнать, была ли она разведена съ мужемъ; по неопредѣленности ея положенія можно предполагать, что была. Болѣе ранніе каширскіе документы даютъ еще одинъ типъ такой женщины, выбившейся изъ обычной колеи старинной женской жизни [1]. Въ дѣлѣ о мѣнѣ земель между Болотовыми и Палицыными отражается судьба матери одного изъ Палицыныхъ, жившей нѣсколько ранѣе Ладыженской. Овдовѣвъ, эта женщина получила 171 четь на прожитокъ, обезпеченіе хорошее, съ которымъ она вскорѣ и вышла замужъ за князя Волконскаго. Года черезъ три князь и княгиня подали вмѣстѣ челобитную о разводѣ и были разведены, причемъ княгиня сохранила свое прожиточное—171 четь. Разведясь, она, подобно Ладыженской, пребывала въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи и путалась въ своихъ распоряженіяхъ: то поступалась всѣмъ своимъ помѣстьемъ сыну, то требовала его обратно; нѣкоторыя части продавала ему же за крупныя суммы, нѣкоторыя опять уступала даромъ.

Тщательный подборъ многихъ такихъ дѣлъ могъ бы пролить яркій свѣтъ на внутреннюю жизнь помѣщичьихъ семей XVII-го вѣка.

---

[1]) Дѣла старыхъ лѣтъ по г. Каширѣ, кн. 43-я, № 23.

Сколько ни забирали Болотовы выморочныхъ помѣстій, имъ все-таки приходилось сильно натягивать свои средства, чтобы приличнымъ образомъ служить въ начальныхъ людяхъ по жилецкому списку. Одинъ особый доходъ значительно помогалъ имъ,— это каширскіе желѣзные заводы.

Первые заводы, какъ извѣстно, появились въ тульскомъ уѣздѣ по договору съ Андреемъ Виніусомъ. Вскорѣ къ этимъ заводамъ, ради расширенія дѣла, примкнули Марселисъ и Акема (1637 г.); они скоро выхлопотали себѣ особую грамату на право заводить новые заводы и, кромѣ тульскаго уѣзда, начали строить ихъ и въ каширскомъ. Частью само правительство помогало имъ, приписывая къ заводамъ цѣлыя дворцовыя волости, частью сами предприниматели снимали для своихъ промысловъ удобныя земли у помѣщиковъ.

Такъ, часть болотовскихъ пустошей на берегу Скниги была взята въ аренду Петромъ Марселисомъ еще при основаніи деревни Ероѳея Горяинова; но ни годъ, ни условія этой сдачи неизвѣстны. Только одна запись Кирилы съ братомъ и племянникомъ отъ 1684 г. [1]) мелькомъ свидѣтельствуетъ, что уже третье поколѣніе заводчиковъ ведетъ дѣла съ Болотовыми. Эту арендную запись они дали Христіану Марселису, внуку Петра, на земли берега Скниги, на которыхъ давно стоялъ Нижній Каширскій заводъ.

Сверхъ тѣхъ земель, какія сдавались дѣду и отцу Марселиса, Болотовы сдали ему еще часть пустоши Гвоздевки подъ дворы и огороды мастеровъ съ выгономъ для скота. За всѣ земли,—а количество ихъ не упомянуто,—подъ заводъ и подъ хозяйства, Марселисъ обязался платить по 30 руб. въ годъ, да на 15 руб. поставлять желѣза помѣщикамъ. Кромѣ того, заводчикъ долженъ былъ чинить плотину на Гвоздевкѣ, а на плотинѣ построить мельницу. Мельница строилась изъ болотовскаго лѣса, а потому онъ владѣлъ ею пополамъ съ помѣщиками.

Такъ оправдало себя мѣстоположеніе, выбранное Василіемъ Романовымъ, а особенно Ероѳеемъ, построившимся на Скнигѣ. Обиліе рѣкъ, въ то время довольно многоводныхъ, помогло развитію промысла, а промыселъ много помогалъ хозяйству крестьянъ и помѣщиковъ.

Отдыхъ нашихъ жильцовъ послѣ андрусовскаго перемирія былъ, повидимому, непродолжителенъ; всѣ трое не разъ выходили

[1]) Румянцев. музей; описаніе рукописей, Востокова, CII (101). Дѣла пушкарскаго приказа.

на службы въ Малороссію. Ларіонъ былъ подъ Чигириномъ и получилъ награду за этотъ походъ. Кирило и Гаврило въ 1682 г. ходили къ Троицкому монастырю на защиту царей отъ стрѣльцовъ и подъ самый конецъ своей службы участвовали въ крымскихъ походахъ Голицына; затѣмъ обоихъ дядей и Ларіона отставили отъ полковой службы [1]). Первымъ дали довольно почетную награду для небогатыхъ дворянъ: наравнѣ со стольниками, они получили въ вотчинное владѣніе по 20 ч. съ каждыхъ 100 чет. помѣстья.

Гаврило получилъ при этомъ сразу, какъ перечисляетъ одна бумага, за крымскіе походы 43 ч., по случаю заключенія вѣчнаго мира съ Польшей—28 ч., и за троицкій походъ—36 ч. Всего 107 чет. перешли ему изъ помѣстья въ вотчину; у Кирилы оказалось нѣсколько больше—143 чет. Ларіона обошли вотчиной, да за нимъ и не были записаны троицкій и крымскіе походы.

Первымъ изъ поколѣнія жильцовъ умеръ Ларіонъ въ 1690 г. А. Т. Болотовъ отмѣчаетъ этого прадѣда послѣднимъ предкомъ въ бородѣ. Ларіонъ славился отличнымъ ходокомъ по приказнымъ дѣламъ, никогда не давалъ себя въ обиду, былъ нрава неуступчиваго и часто ссорился съ родными; въ разговорѣ употреблялъ примолвку: „реку". Во многихъ чертахъ онъ напоминаетъ своихъ современниковъ по чигиринскимъ походамъ, дѣдовъ другого автора мемуаровъ XVIII-го в.—Данилова [2]); только какъ жилецъ и офицеръ, онъ значительно бойчѣе и, вѣроятно, грамотнѣе завоснѣлыхъ арзамасцевъ. Между дѣдами и внуками рѣзкой полосой прошла эпоха реформъ, и внуки, судя по словамъ Данилова, плохо понимали этихъ стариковъ, чигиринскихъ героевъ, и даже дивились ихъ страннымъ рѣчамъ.

Кирило Ероѳеевъ умеръ въ 1696 г., а Гаврило—въ самомъ началѣ XVIII-го в. Такъ старое поколѣніе XVII-го в. своевременно уступило мѣсто новому,—когда для быстро измѣнявшихся условій потребовались совершенно новые люди.

Е. Щ.

---

[1]) Въ 1688 г. когда, послѣ неудачныхъ походовъ фаворита, правительница Софья усердно ласкала и награждала служилыхъ людей.

[2]) Даниловъ, Записки.

„МОРЗЪ" и „ЮЗЪ"

На телеграфной станціи.

РАЗСКАЗЪ.

I.

...Пахнетъ керосиномъ въ тѣсной комнатѣ, куда надо проникать черезъ темную переднюю, гдѣ почти такъ же холодно, какъ и въ сѣняхъ. Три короткихъ окна, какія бываютъ въ нижнихъ этажахъ московскихъ домовъ, всѣ обледенѣли. На дворѣ—лютый морозъ. Девятый часъ на исходѣ. Телеграфная станція доживаетъ послѣдній день стараго года.

Ясеневая перегородка съ балясинами раздѣляетъ комнату на двѣ неравныя части. По сю сторону—столъ съ синими листками и чернильницей, да географическая карта на стѣнѣ; по ту сторону—два аппарата, конторка и столъ для пріема корреспонденціи, весь покрытый разнымъ служебнымъ добромъ. Кружки бумажныхъ лентъ лежатъ тутъ рядомъ со счетами и шнуровыми книгами. Лампа виситъ надъ столомъ и распространяетъ запахъ дешеваго керосина. Надъ этимъ столомъ наклонила голову дежурная. У одного изъ аппаратовъ доканчиваетъ отправку депешъ телеграфистъ.

Дѣвушка нагнулась низко, провѣряетъ квитанцію и кладетъ на счетахъ. Свѣтъ лампы падаетъ прямо на ея голову съ густыми русыми волосами, заложенными на маковкѣ, по модѣ. Ея товарищъ—блѣднолицый молодой человѣкъ, въ сюртукѣ новой формы, со стоячимъ воротникомъ, торопливо стучитъ ручкой аппа-

рата и откидываетъ одну депешу за другой. Его лица не видать.

Въ комнатѣ раздаются, слитые въ непрерывный пестрый звукъ: чиканье стѣнныхъ часиковъ, щелканье счетами, тутъ-тукъ аппарата...

Сегодня день задался тяжелый. Завтра будетъ еще тяжелѣе, но и наканунѣ новаго года многіе шлютъ депеши къ ночи. Такихъ поздравленій было доставлено до пятидесяти, да и всякихъ другихъ пришлось чуть не вдвое противъ обыкновеннаго. Новогоднее возбужденіе уже сказывалось на обмѣнѣ депешъ.

Черезъ десять минутъ прекратится пріемъ, а сидѣть надо будетъ еще съ добрый часъ, если не больше. Когда телеграфистка кончитъ подсчитывать все, что̀ уже принято, она должна еще помочь своему товарищу; онъ безъ нея не управится.

Ей холодно. Въ квартирѣ во всѣхъ углахъ дуетъ изъ половъ. Она кутается въ бѣлый вязаный платокъ. Начальство скупится; за эти деньги и нельзя имѣть порядочнаго помѣщенія. Еще двѣ комнатки, гдѣ живетъ начальница станціи—потеплѣе, а эта изъ рукъ вонъ холодна.

— Прицѣловъ!—окликнула дѣвушка, не поднимая головы.

Никто не показался въ дверкѣ, откуда обыкновенно входилъ курьеръ. Одинъ ютился при кухнѣ; другой нанималъ уголъ, по близости.

— Опять въ Сибирь уѣхалъ...—полушопотомъ выговорилъ молодой человѣкъ, повернулъ голову къ баррьеру и усмѣхнулся.

— Въ Сибирь? — серьезно, почти строго спросила телеграфистка, и чуть-чуть повела головой.

— Это у насъ... на центральной, товарищъ одинъ... когда его разберетъ сонъ... въ ночное дежурство... онъ и говоритъ: „прощайте, господа, я въ Сибирь уѣхалъ!“

Онъ разсказалъ это несмѣло, немного заикался и сдерживалъ смѣхъ. Дѣвушка продолжала щелкать на счетахъ и морщить бѣлый лобъ, на который прядь подстриженныхъ и завитыхъ волосъ набрасывала тѣнь. Она прослушала то, что̀ разсказалъ ея товарищъ, но даже не улыбнулась. Этотъ телеграфистъ, приходившій дежурить черезъ день, самъ вызвался помочь ей. Начальница станціи покормила его обѣдомъ—и только. Онъ помогалъ не начальницѣ, а ей—Надеждѣ Львовнѣ Проскуриной.

— Степановъ!—окликнула она, почти такой же нотой, какъ звала курьера:—потрудитесь разбудить Прицѣлова. Я тутъ не могу найти одного пакета. Да и пора ему идти. Сколько у васъ готово?

— Да штукъ больше десяти, Надежда Львовна. Мразинъ долженъ скоро вернуться.

— Онъ совсѣмъ замерзнетъ, я думаю.

Телеграфистъ всталъ, прошелъ мимо нея на цыпочкахъ и юркнулъ въ дверку. Онъ былъ большого роста, худощавый, съ овальнымъ лицомъ народнаго типа и курчавыми свѣтлыми волосами. Чуть замѣтная бородка пушкомъ легла вокругъ подбородка; маленькіе и ласковые, робкіе глаза придавали ему дѣтскую моложавость. На ходу онъ гнулся. Форменный сюртукъ сидѣлъ на немъ неловко. Сапоги издавали легкій скрипъ.

Она его съ трудомъ выноситъ—этого сверхштатнаго „телеграфиста“, и сама не знаетъ, почему именно его. Степановъ передъ нею рта открыть не смѣетъ, исполняетъ половину ея работы, часто дежуритъ за нее, за ничтожную плату, по рублю въ день, да и ту иногда отказывается брать, а жалованья получаетъ меньше ея. На него она изливаетъ, вѣроятно, общее пренебрежительное чувство своихъ товарокъ къ мужчинамъ-„телеграфистамъ“. И онъ—ея „товарищъ“, но всѣ телеграфистки „изъ благородныхъ“ или съ воспитаніемъ, знающія языки, смотрятъ на мужской персоналъ немного лучше, чѣмъ на курьеровъ.

Въ Степановѣ раздражаетъ ее—простоватость, говоръ съ сѣвернымъ мѣщанскимъ произношеніемъ, его дѣтски-ухмыляющееся лицо, его приниженность передъ нею. Она знаетъ, что онъ родомъ изъ крестьянскихъ дѣтей, сирота, что его пригрѣлъ одинъ начальникъ станціи, въ уѣздномъ городѣ, выучилъ грамотѣ, держалъ полувоспитанникомъ, полуразсыльнымъ, привязался къ нему и, умирая, выхлопоталъ ему переводъ въ Москву. Она знала и то, что Степанову съ великимъ трудомъ далась и грамота, и телеграфная выучка, что онъ страстно желаетъ выучиться „какъ слѣдуетъ“ (одно изъ его мѣщанскихъ выраженій) хоть одному иностранному языку, что сердце у него доброе и поведеніе образцовое. И все это еще больше отдаляетъ ее отъ него.

— Сію минуту, — доложилъ Степановъ, показавшись въ дверкѣ.

— Да что жъ онъ дѣлаетъ?—нервно окликнула дѣвушка.

— Оправляется отъ спанья.

Степановъ опять чуть слышно усмѣхнулся. Эта привычка къ смѣшливости отъ собственныхъ „пошлостей“ (такими считала она всѣ шуточки Степанова) постоянно коробила ее.

Вслѣдъ за нимъ вошелъ въ комнату курьеръ, заспанный, съ плохо бритымъ, помятымъ лицомъ, посреди котораго торчали рыжеватые усы, щеткой. Во всей фигурѣ Прицѣлова было что-то

очень забавное, къ чему Степановъ не могъ еще приглядѣться, хотя работалъ на этой станціи больше полугода.

Курьеръ застегивалъ верхнія пуговицы сюртука одной рукой; пальцами другой причесывалъ сбившійся на лобъ вихоръ неподатливыхъ волосъ.

— Прицѣловъ,—строго заговорила телеграфистка:—гдѣ тутъ пакетъ, такой большой, изъ синей бумаги? Я его не найду. Вамъ его не отдавали?

— Пакетъ?—спросилъ Прицѣловъ и прищурилъ глазъ, причемъ одна ноздря у него отдувалась сильно кверху.—Какой такой пакетъ?

— Ахъ, Боже мой! Изъ синей толстой бумаги?

— Мадель Андревна куда ни на есть прибрали...

Степановъ разсмѣялся громко.

Прицѣловъ, съ тѣхъ поръ, какъ состоялъ курьеромъ при этой станціи, не иначе звалъ начальницу, какъ „Мадель", вмѣсто „Адель". Его отъучали отъ этого, но онъ все-таки сбивался и, кажется, про себя, находилъ, что такъ и слѣдуетъ произносить. Слова „Адель" онъ не признавалъ, а „Мадель"—было ему хорошо извѣстно.

Телеграфистка даже не улыбнулась. И Прицѣловъ, съ его шутовской физіономіей и невозмутимымъ юморомъ пьянчужки-резонера, не забавлялъ ее, а также раздражалъ. По тому, какъ Прицѣловъ говорилъ со всѣми, даже и съ начальницей—Аделью Андреевной Кранцъ, можно было чувствовать, что онъ считаетъ этихъ „барышенъ"—такъ чѣмъ-то въ родѣ не то гувернантокъ, не то экономокъ, допущенныхъ начальствомъ „побаловаться". Когда онъ былъ на-веселѣ,—а это случалось частенько,—Прицѣловъ громко разсуждалъ въ кухнѣ. Онъ находилъ, что „мамзелямъ" совсѣмъ не слѣдуетъ быть на „царской службѣ", что онѣ заѣдаютъ только мужской заработокъ, и что начальство очень хорошо поступаетъ, отказывая имъ въ пенсіи. Въ немъ жило сознаніе своего мужского превосходства, и онъ его доказывалъ тѣмъ, что начальница не жаловалась на него, хоть и стращала не разъ. Но онъ умѣлъ ее разжалобить, становился даже на колѣни и говорилъ разныя, смѣшныя, жалобныя слова.

— Такъ вы не знаете?—еще суровѣе спросила телеграфистка.

— Ни, Боже мой!

— Отправляйтесь. Мразина нечего дожидаться. Степановъ, у васъ готовы всѣ квитанціи?

— Готовы, Надежда Львовна,—кротко откликнулся телеграфистъ.

Прицѣловъ, стуча своими смазными сапогами, съ запахомъ ворвани, долго возился у стола, за которымъ сидѣлъ Степановъ.

— Какъ вы копаетесь!—дала на него окрикъ телеграфистка.

Чѣмъ ближе минутная стрѣлка приближалась къ двѣнадцати, тѣмъ несноснѣе ей было въ этой низкой, холодной комнатѣ, съ постылой казенной обстановкой, съ запахомъ керосина и сапожной ворвани отъ сапогъ Прицѣлова. Онъ, наконецъ, убрался.

Опять тишина со щелканьемъ счетовъ и стукомъ также ненавистнаго ей аппарата „Юза“; она и его презираетъ; вѣдь она „юзистка“, только „юзистка“, т.-е. самая обыкновенная телеграфная работница, не съумѣвшая даже подняться до званія хорошей „морзистки“. Всѣ умѣютъ тукать на этомъ банальномъ „Юзѣ“, вплоть до бездарнаго, малограмотнаго Степанова.

Не такъ чувствовалъ Степановъ... Ему ужасно хотѣлось спросить ее, гдѣ она встрѣчаетъ новый годъ. Навѣрно, танцовать будетъ. Она „настоящая барышня“, и знакомыхъ у нея должно быть много. Вотъ она встанетъ, кончитъ счеты, пойдетъ домой одѣваться на вечеръ. Какъ бы ему хотѣлось видѣть ее въ бальномъ платьѣ!..

— Надежда Львовна!—тихо окликнулъ онъ ее.

— Что надо?

— Адель Андреевна гдѣ встрѣчаютъ новый годъ? Никакъ въ клубѣ?

— Я не знаю.

Отвѣтъ Проскуриной былъ такой отрывистый, что Степановъ замолкъ.

Она, какъ разъ, и думала о томъ, что ей не съ кѣмъ встрѣчать новый годъ. Приглашали ее къ одной учительницѣ, въ городскую школу—поломалась; въ клубъ Адель Андреевна ее не взяла, онѣ съ ней не очень ладятъ. А этотъ „идіотъ“ съ своими разспросами... Пойдетъ къ себѣ на гитарѣ играть или въ трактирѣ спроситъ стаканъ чаю и будетъ слушать машину—и доволенъ!

Она покраснѣла отъ горькихъ и злостныхъ мыслей.

II.

Наружная дверь звякнула. Кто-то дернулъ ее очень сильно, и изъ темноты передней раздался женскій, высокій голосъ:

— Проскурина? Вы тутъ? Дежурите?

Въ комнату вбѣжала вся закутанная пуховымъ платкомъ и напустила съ собой морознаго воздуха—маленькаго роста жен-

щина, въ суконной ротондѣ. Она начала перебирать ногами, когда остановилась у балюстрады.

— Вотъ анаѳемскій холодъ! Ноги совсѣмъ окоченѣли... Да и у васъ хоть таракановъ морозь! Здравствуйте, душечка.

— Здравствуйте, Копчикова!

Проскурина оторвалась отъ работы, немного привстала и протянула руку своей товаркѣ, съ которой сидѣли онѣ рядомъ, еще не такъ давно, на центральной станціи. Руку ея пришедшая „морзистка" потрясла сильно и сейчасъ же сказала ей, низко наклонившись черезъ перила.

— Хотите со мной закатиться?

— Куда это?—неохотно отвѣтила Проскурина.

Копчикова оглянулась въ сторону телеграфиста, прищурила на него свои близорукіе, выпуклые глаза и окликнула:

— Степановъ! Это вы?

— Я-съ!—отозвался телеграфистъ и поклонился съ мѣста.— Съ новымъ годомъ васъ!

— Маршъ! Извольте пройтись туда... посмотрѣть, нѣтъ ли меня тамъ? Или заткните уши.

— Позвольте лучше уши заткнуть.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ знаю. У васъ любопытство дьявольское... Проскурина? Чаю у васъ не водится?

— Мы недавно пили.

— Вотъ и прекрасно. Степановъ, маршъ за чаемъ!

Телеграфистъ усмѣхнулся и, добродушно тряхнувъ головой, всталъ; проходя мимо Копчиковой, онъ еще разъ поздоровался съ нею и протянулъ ей руку.

— У васъ руки холодныя! Я знаю. А я и безъ того застыла.

Когда Степановъ скрылся, морзистка вошла за балюстраду, подсѣла къ столу съ другой стороны и начала быстро спрашивать:

— Махнемъ? У васъ вечеръ свободный? Никуда не званы встрѣчать новый годъ?

Проскуриной не хотѣлось признаться, что она рискуетъ встрѣтить новый годъ у себя, послѣ дежурства, которое можетъ сегодня затянуться до полуночи. Она промолчала, но въ глазахъ ея, темно-сѣрыхъ, съ длинными рѣсницами, умными и горделивыми, вспыхнуло любопытство.

Эта Копчикова всегда навязывалась ей на дружбу; но ее считаютъ непорядочной даже и самыя снисходительныя. Богъ знаетъ, какого она происхожденія. Лицо у нея съ дерзкимъ выраженіемъ, курносая, съ рябинками; а постоянно около мужчинъ и, по своему, имѣетъ успѣхъ. Но какой успѣхъ!.. Удивительно

даже, какъ ее терпятъ на службѣ. Еще сильнѣе щемило Проскурину и то, что „такая“ Копчикова — „морзистка“, считается дѣльнѣе ея и жалованья получаетъ больше. Двумъ языкамъ выучилась настолько, что употребляется даже для заграничныхъ сношеній.

— Такъ свободны?—переспросила Копчикова и начала скидывать съ головы платокъ.

Движенія ея были рѣзкія и некрасивыя. Все въ ней отзывалось безцеремонною вульгарностью.

— Вы видите! — выговорила Проскурина. — Сколько дѣла! Должна корпѣть здѣсь; а потомъ Степанову надо помочь. Онъ одинъ будетъ копаться.

— А началка гдѣ?

— Уѣхала.

— Куда?

— Въ клубъ, кажется.

— Въ какой?

— Въ докторскій, вѣроятно.

Всѣ отвѣты Проскуриной продолжали звучать неохотой вести разговоръ; но гостья не обращала на это вниманія.

— Вотъ что̀, милая — она заговорила еще быстрѣе и потише: —не хотите ли со мной въ маскарадъ?

— Куда это?

— Въ дворянскій!

— Съ какой стати!

Брезгливая черта прошлась по свѣжимъ, но узковатымъ губамъ дѣвушки и она выпрямила станъ.

— Съ какой стати!.. Полно вамъ недотрогу-царевну изъ себя изображать! У меня домино есть. Я сама себѣ изъ чернаго сатинета сшила. И какъ лихо вышло—точно шолковый. А себѣ выберете на прокатъ. Вотъ отсюда бы прямо на Большую Дмитровку... Тамъ выберете себѣ у нѣмки и домино, и маску. Можно наладить что-нибудь или ленточку пришпилить. Ко мнѣ завернемъ, чайку напьемся, и къ самому началу угодимъ.

Она такъ скоро говорила, что даже захлебывалась. Проскурина слушала ее, и брезгливая черта не сходила съ ея губъ.

— Такъ валимъ?—почти крикнула Копчикова.

— Нѣтъ, я не могу.

— Да полноте, голубчикъ! Вотъ вы всегда такъ! Это — не по-товарищески! Вѣдь какая же сласть у себя, въ номерѣ, завалиться спать, на веселье глядя?

— Въ маскарады я не ѣзжу, — выговорила Проскурина, и снова нагнула голову и спину.

— Соблюдаете себя? А мы, грѣшныя, ѣздимъ. Какже можно съ нами якшаться!..

Копчикова вскочила со стула и заходила между двумя столами. Она и отъ холода была красна, а теперь еще сильнѣе покраснѣла отъ задорнаго чувства, охватившаго ее. Ей захотѣлось отдѣлать эту „важнюшку" Проскурину. Она знаетъ, что „порядочныя" чураются ея.

— Сами не понимаете своего интереса!—вырвалось у нея съ подергиваніемъ плечъ.

— Какого интереса? — переспросила Проскурина.

— Какого! Какого!.. Точно будто я ничего не знаю и не вижу! Намедни, на Пречистенскомъ бульварѣ, съ кѣмъ я васъ встрѣтила? Небось, мы шикарей-драгуновъ привлекаемъ!..

Проскурина чуть не крикнула ей: „Какъ вы смѣете!" — но только закусила губы и начала краснѣть.

— Я не сплетница. Что жъ! Офицерикъ джентельменистый! И мордочка у него смазливая. Желаю всякаго успѣха. Вотъ онъ навѣрно тамъ будетъ. Если гдѣ и пляшетъ на званой вечеринкѣ, то позднѣе явится. Прямой интересъ — ѣхать. А не онъ, такъ другой!

— Богъ знаетъ, что̀ вы говорите! — остановила ее Проскурина и сердито взглянула на нее, недовольная въ особенности тѣмъ, что покраснѣла, и что Копчикова замѣтила это.

— Такъ вы рѣшительно отказываетесь? Ну, и шутъ съ вами, коли такъ!

Копчикова схватила платокъ, брошенный на балюстраду и начала его расправлять. На головѣ ея надѣта была баранья шапочка на-бекрень и съ кистью.

Аппаратъ защелкалъ. Кто-то звалъ.

— Ахъ, Боже мой!—встревожилась Проскурина:—зачѣмъ вы услали Степанова!

— Экая важность! Постойте... Это съ какой-то станціи спрашиваютъ.

Копчикова присѣла къ аппарату и взялась за ручку.

— Что̀ такое?—окликнула Проскурина.

— Ха, ха!.. Съ вами разговоръ... по сосѣдству! Да это Карпинскій!.. Вѣдь такъ его зовутъ?.. Того, съ усиками въ колечки, какъ яблочко румянъ?.. Большой ходокъ по женской части и воображаетъ, что всѣ отъ него млѣютъ. Я за васъ отвѣчу.

— Не смѣйте!—крикнула Проскурина.

— Фертигъ!.. Готово!.. Онъ думаетъ, что это вы.

— Не смѣйте, Копчикова!

Проскурина встала съ мѣста.

— Нечего, нечего... Чудесно!.. Да онъ тоже насчетъ маскарада!..

— Я говорю вамъ... Пустите меня!..

Сильнымъ движеніемъ руки Проскурина устранила морзистку и начала дѣйствовать ручкой—нервно и отрывисто. Она должна была браться за ручку аппарата, чтобы прервать этотъ разговоръ по телеграфу, строго запрещенный служебными правилами.

— Вотъ вы какая! — заговорила Копчикова, увязывая свой платокъ. Вздернутый ея носъ смотрѣлъ дерзко и насмѣшливо.— Со мной не желаете въ маскарадъ, потому что у васъ съ такимъ фификусомъ, какъ Карпинскій, интересецъ есть!

— Ничего у меня съ нимъ нѣтъ! — почти гнѣвно перебила Проскурина, повернувшись лицомъ къ гостьѣ.—Онъ мнѣ надоѣлъ до-нельзя. Я собиралась жаловаться, если онъ не прекратитъ своихъ глупыхъ ухаживаній.

— Ябедничать хотѣли—некрасиво!

— Не ябедничать, а отвязаться отъ него.

— Такъ на это есть простое средство. Отрѣзали ему по аппарату: вы такой-сякой! Небось, кто съ кѣмъ не желаетъ хороводиться — съумѣетъ сдачи дать... Ну-съ, коли такъ, желаю всякаго успѣха на новый годъ. Чаю я дожидаться не буду. Пускай вашъ дурачокъ самъ его выпьетъ. Я теперь знаю, Проскурина, какія у васъ ко мнѣ чувства. А я за васъ всегда горой, когда про васъ судачатъ. Теперь не буду такой дурой!

Морзистка запахнулась въ свою ротонду и шумно вышла, дернула обмерзлую дверь и хлопнула ею. Звонокъ задребезжалъ.

Не сразу перешла Проскурина отъ аппарата къ столу, за которымъ работала. Она посидѣла съ опущенными руками. На лицѣ ея – оно быстро блѣднѣло—застыло выраженіе почти физической боли.

Но она не расплакалась. Ее стало душить. Эта „ужасная“ морзистка съумѣла, въ какихъ-нибудь четверть часа, перевернуть въ ней все внутри... Да, она прошла по боковой аллеѣ бульвара, и Проскурина узнала ее сзади—когда гуляла съ тѣмъ драгуномъ. Но вѣдь это вовсе не было свиданье, а случайная встрѣча. Она надѣялась на то, что морзистка не замѣтила ихъ. И теперь этотъ разговоръ съ телеграфистомъ на аппаратѣ! Хуже ничего

нельзя было и придумать. Вся центральная станція будетъ теперь „судачить".

Она мысленно повторила и пошлое выраженіе Копчиковой: „хороводиться"—это еще лучше! Смѣть такъ выражаться о ней, подозрѣвать ее въ любовномъ „интересѣ" съ такимъ ничтожествомъ, какъ этотъ Карпинскій, отъ котораго она не знаетъ, какъ отдѣлаться?!

— Онѣ ушли?—спросилъ Степановъ, стоявшій у балюстрады со стаканомъ чаю.

— Онѣ ушли!—передразнила его Проскурина. — „Онѣ"— такъ по-лакейски выражаться, да еще про личность въ родѣ Копчиковой!..

— Вамъ не угодно?—кротко вымолвилъ телеграфистъ.

— Нѣтъ, не угодно! Извольте садиться. Мы до полуночи не кончимъ.

И опять въ комнатѣ началось щелканье счетовъ и стукъ ручки аппарата. Лицо молодой дѣвушки приняло суровое выраженіе. Степановъ чувствовалъ, какъ она гнѣвно настроена. Онъ сдерживалъ дыханіе и желалъ провалиться сквозь землю.

Нѣтъ, онъ не посмѣетъ поднести ей подарокъ на новый годъ, какъ разсчитывалъ, отправляясь сюда на дежурство. Въ ящикѣ стола лежала красивая коробка съ бумагой и конвертами. Нечего и думать!

Бѣдный малый не могъ сдержать вздоха, и тотчасъ же усиленно заработалъ правой рукой.

III.

„Какъ жить на тридцать-пять рублей въ мѣсяцъ?"

Этотъ вопросъ представлялся Надеждѣ Львовнѣ Проскуриной каждый мѣсяцъ, при полученіи жалованья. Теперь, на праздникахъ, онъ всталъ передъ нею еще назойливѣе.

За квартиру она платитъ девять рублей. Дешевле платить невозможно. У нея маленькая комнатка, правда, теплая; но окномъ на дворъ, рядомъ съ кухней. Какъ она ни старается придать ей приличный видъ, все-таки это—дрянная, студенческая „горница"—такъ называетъ ее и хозяйка-съемщица. За соломенными ширмами желѣзная кровать—тоже студенческая койка. Тамъ же, подъ каленкоровой простыней, висятъ ея платья. Обѣдаетъ она на столѣ, покрытомъ красною ярославскою скатертью; за нимъ пьетъ и чай; за нимъ же и работаетъ. Ей часто приходится

шить, чистить и штопать. На это идутъ ея свободные дни. Она могла бы наниматься дежурить за другихъ и добывать себѣ въ мѣсяцъ отъ десяти до пятнадцати рублей. Но телеграфная служба утомляетъ ее—больше своей скукой и механическимъ однообразіемъ, чѣмъ физической истомой.

Собиралась она заняться стенографіей, купила самоучитель; но изъ этого ничего не вышло. Языки она знаетъ кое-какъ, по-французски довольно бойко говоритъ; но писать не можетъ безъ ошибокъ, по-нѣмецки и того хуже.

Не туда она готовила себя. Было время — и такъ еще недавно — она стремилась на педагогическіе курсы. Въ гимназіи училась она усердно. Былъ у нея маленькій капиталъ, оставленный теткой, старой дѣвой. Вотъ на него и докончила бы она свое образованіе. Но вышло по другому.

Постоянно гложетъ ее эта роковая, непростительная глупость.

Надежда Львовна попадаетъ на эту зарубку, какъ только останется у себя въ комнатѣ, начнетъ ли шить или читать книгу. Локтя не укусишь! Увлеченіе „дѣвчонки“, сентиментальность и рисовка! Вообразила себя призванной принести жертву. Теперь она ясно видитъ, что никакой жертвы тутъ не было; а просто влюбленность въ смазливаго и лукаваго мальчика, увѣрившаго ее, что у него талантъ, что передъ нимъ великая будущность, что ему надо ѣхать за границу, откуда онъ вернется вторымъ Мазини. И отдала всѣ почти свои деньжонки. „Мазини“ сгинулъ. Онъ самъ предложилъ ей вексель—она и того не хотѣла брать! Вѣдь онъ росъ съ нею, приходился троюроднымъ братомъ. Она вѣрила въ него какъ въ идола.

И кончилось службой на телеграфѣ—тридцатью-пятью рублями, которыхъ не хватаетъ и на житье въ обрѣзъ. Одѣваться— не изъ чего. Она донашиваетъ то, чтò у нея было, изъ стараго туалета барышни-сироты, воспитанной если не въ роскоши, то въ довольствѣ.

Вотъ это-то „воспитаніе“ и дальнѣйшія мечты объ „интеллигентномъ трудѣ“ и дѣлаютъ ей теперешнее положеніе все тошнѣе и тошнѣе. Она и рада бы окоченѣть и на вѣкъ примириться; но не можетъ. Въ ней пропало всякое профессіональное честолюбіе. Одно время она хотѣла быть отличной морзисткой, учиться по-англійски, сдѣлаться самой дѣльной и достойной служебнаго поощренія изъ всѣхъ своихъ сверстницъ.

И это прошло. Вонъ тамъ, на центральной станціи, есть одна пожилая дѣвушка, которая ведетъ корреспонденцію на че-

тырехъ иностранныхъ языкахъ, чего только не знаетъ, чего только не читаетъ—и все-таки жалованья ей пятьдесятъ рублей и пенсіи не будетъ. Начальницей станціи—не то назначатъ, не то—нѣтъ. Стоитъ ли!

Есть у нея еще капиталъ—наружность. Она не красавица, но рѣдко какой мужчина не поглядитъ на нее, когда отдаетъ депешу, или на улицѣ, въ церкви, на бульварѣ. Три года назадъ, она не терпѣла любезностей, думать о выгодномъ замужествѣ считала „пошлостью", усвоила себѣ суровый тонъ съ мужчинами, ничего не считала выше свободы и умственнаго труда, и такъ хотѣла прожить всю жизнь.

И въ этомъ она была глупа. Ей пошелъ двадцать-пятый. Первая свѣжесть отлетѣла. Тогда водились у нея и кое-какіе туалеты; а теперь она донашиваетъ старыя платья и не на что ей одѣться такъ, чтобы не стыдно было принять приглашеніе на плохонькій танцовальный вечерокъ. Новый годъ встрѣчала она у себя, лежа на своей желѣзной койкѣ, и горько плакала, въ первый разъ. Повеселиться запросто, какъ приглашали ее къ начальницѣ одной городской школы, не пошла—тоже изъ ложнаго стыда: хотѣлось быть лучше одѣтой. Ѣхать въ маскарадъ съ такой особой, какъ Копчикова — значило приравнивать себя къ тѣмъ, кто ѣздитъ въ маскарады искать легкихъ похожденій. Да и не то — у нея нѣтъ лишней копѣйки заплатить за маску или дешевое домино.

Копчикова будетъ честить ее, пуститъ сплетню о драгунѣ! До сихъ поръ она всего три раза видѣлась съ этимъ поручикомъ Двоеполевымъ. У нея есть подруги по гимназіи, семейство Старковыхъ, помѣщичья семья, проводящая зимы въ Москвѣ — не очень модная; но и у нихъ ей почти неловко бывать изъ-за туалета.

Тамъ она танцовала съ нимъ. Потомъ совершенно случайно встрѣтились они въ Голофтѣевской галереѣ—она ходила купить иголокъ и чернаго шолку, на четвертакъ. Онъ былъ съ ней у Старковыхъ очень любезенъ, пошлостей не говорилъ, держался милаго тона, какъ съ дѣвушкой „изъ общества"; у него выразительное лицо крупнаго брюнета, съ блѣдными щеками и глазами, которые смотрятъ на васъ ласково и съ тихой усмѣшкой. Онъ носитъ тонкіе усы, падающіе внизъ, и брѣется. Въ немъ ничего нѣтъ армейскаго, отзывающагося „корпусятникомъ".

Потомъ онъ зашелъ на станцію, подалъ депешу весьма прилично. Это было при начальницѣ станціи; спросилъ о здоровьѣ, какъ знакомую, что-то разсказалъ про Старковыхъ и ушелъ; но,

уходя, его взглядъ доложилъ ей, что депеша—одинъ предлогъ; лишній разъ видѣть ее.

Ей это польстило. Черезъ два дня они встрѣтились на Пречистенскомъ бульварѣ, когда Копчикова видѣла ихъ.

Было ли это свиданье? И да, и нѣтъ. Она вспомнила, что въ Голофтѣевской галереѣ, драгунъ спрашивалъ ее: въ какіе часы она гуляетъ, и назвалъ именно Пречистенскій бульваръ, какъ самый приличный, барскій. Кажется, она сказала, что около трехъ... И вдругъ ее потянуло туда—и они встрѣтились. Его профиль особенно ей понравился, когда они шли рядомъ. Она уже чувствовала, что этотъ красивый, статный брюнетъ, хорошей фамиліи, начинаетъ сильно интересоваться ею... Во время прогулки она раза два подумала: „да почему же ему въ меня и не влюбиться?“ — подумала это не какъ бѣдная телеграфистка, а какъ барышня изъ того „общества“, гдѣ она съ нимъ познакомилась. Говорила она съ нимъ весело, но безъ всякаго смущенія, тономъ бывалой, свѣтской дѣвицы, знающей себѣ цѣну.

Драгунъ не позволилъ себѣ ничего лишняго. Они говорили о разныхъ городскихъ новостяхъ, объ итальянской оперѣ въ театрѣ Газетнаго переулка, объ увлеченіи двумя пѣвцами братьями—теноромъ и баритономъ.

— А вы которымъ увлечены?—спросилъ ее Двоеполевъ.

— Никоторымъ,—отвѣчала она.

— Быть не можетъ!

— Я ихъ еще не слыхала.

Она сказала это просто, не застыдилась того, что у нея не было денегъ идти въ кресла, а „верховъ“ она не любила.

— Скажите!—добродушно вырвалось у офицера.

Онъ хотѣлъ что-то еще прибавить, поглядѣлъ на нее быстро и отвелъ лицо; кажется, даже немного покраснѣлъ.

„Выдумалъ, кажется, предложить мнѣ билетъ“, сказала она про себя и хотѣла обидѣться; но драгунъ перешелъ къ чему-то другому.

Вернувшись домой, она нашла, что обижаться было нечѣмъ. Онъ ничего ей не сказалъ, и почемъ она знаетъ, что у него было на умѣ?.. Ее не покоробило и то, что Двоеполевъ проводилъ ее до самыхъ Тверскихъ воротъ и на прощанье спросилъ:

— Когда же и гдѣ мы увидимся?

— Какъ-нибудь...—отвѣтила она, чуть-чуть стѣсненная.

— У Старковыхъ?

Но глаза офицера спрашивали о другомъ. Ему, конечно, хотѣлось попросить позволенія посѣтить ее. По теперешнимъ нравамъ, въ этомъ не было бы ничего неприличнаго или особенно

смѣлаго. Трудовыя дѣвушки всѣ принимаютъ у себя. Онъ, однако, этого не сказалъ, и его сдержанность очень ее тронула.

Отказать ему она не желала; а принять—совѣстно въ такой комнатѣ, какую она нанимала, рядомъ съ кухней, на дворѣ, даже безъ дивана, съ ширмами, изъ-за которыхъ глядѣла желѣзная койка.

Надежда Львовна подшивала шолковый лоскутикъ подъ локоть рукава. Еще два-три раза надѣть этотъ лифъ—и локоть прохудится... У нея всего одно приличное платье; но его знаютъ у Старковыхъ больше двухъ лѣтъ. Скопить на цвѣтную кофточку, которую можно было бы носить съ той же юбкой—она до сихъ поръ не смогла.

Она сдѣлала быстрый, нервный стежокъ, думая опять о Копчиковой, о телеграфистѣ Карпинскомъ, о курьерѣ Прицѣловѣ и о неизбѣжности сплетенъ на ея счетъ; — явственная морщина перерѣзала ея бѣлый, высокій лобъ.

— Барышня!—громко шепнулъ кто-то изъ-за двери.

— Что нужно?—откликнулась Проскурина такимъ же строгимъ звукомъ, какимъ она откликалась на вопросы телеграфиста Степанова или курьеровъ.

— Посыльный къ вамъ.

Проскурина быстро положила лифъ на постель и оправила прическу.

— Отъ кого посыльный?—спросила она въ дверь.

— Говоритъ—вамъ записка.

Кухарка была простоватая. Проскурина не стала дальше разспрашивать ее, пріотворила дверь и увидала въ темнотѣ передней посыльнаго съ бляхой на пальто.

— Войдите!—пригласила она его къ себѣ въ комнату.

Посыльный напустилъ съ собой холоду и подалъ ей конвертъ съ адресомъ, написаннымъ неизвѣстнымъ ей почеркомъ, красиво и старательно. О квартирѣ ея видимо справлялись въ адресномъ столѣ: обозначены были часть и кварталъ.

— Это вамъ, сударыня?—спросилъ ее посыльный.

— Мнѣ. Отвѣтъ нуженъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Офицеръ отдали на Кузнецкомъ. Объ отвѣтѣ они ничего не сказали.

— Вы получили, стало-быть? — краснѣя выговорила Проскурина.

— Такъ точно!

Она все-таки дала ему гривенникъ и сама выпустила его изъ сѣней.

Разрывая конвертъ, она уже знала, что это отъ Двоеполева.

Изъ конверта выпалъ на столъ розовый театральный билетъ. Она думала, что записку она уронила подъ столъ. Никакой записки не было. Билетъ—кресло итальянской оперы и афиша на тонкой бумагѣ. Шелъ „Севильскій цирюльникъ“. Оба брата —любимцы женской публики—участвовали въ спектаклѣ: одинъ въ роли Альмавивы, другой въ роли Фигаро.

Краска не сходила со щекъ Проскуриной. Она долго читала афишу и вертѣла въ рукахъ розовый билетъ. Разныя чувства боролись въ ней. Но она уже видѣла себя въ театральной залѣ рядомъ съ драгуномъ.

IV.

Первое дѣйствіе оперы кончилось. Проскурина пришла рано, когда зала, очень холодная, съ пониженнымъ свѣтомъ электрическихъ лампочекъ, стояла еще пустой. И къ увертюрѣ публики набралось не особенно много. Она ожидала совсѣмъ не того. На верхахъ виднѣлось нѣсколько молодыхъ женскихъ головъ; и въ мѣстахъ за креслами сидѣло десятка два дамъ, старыхъ или молодыхъ—она не могла разсмотрѣть.

Ея кресло было въ пятомъ ряду и стоило дорого. Когда она въ него сѣла и оглянулась съ тревогой по сторонамъ—ее уколола мысль:

„А вѣдь такъ не посылаютъ билетовъ—отъ неизвѣстнаго—порядочнымъ дѣвушкамъ“.

Ей случалось бывать приглашенной въ ложу; но даровыхъ креселъ она отъ мужчинъ еще не принимала. Еслибъ Двоеполевъ очутился рядомъ съ нею — ей это было бы крайне непріятно.

Она не смотрѣла больше по сторонамъ, на ложи и кресла. Въ этотъ театръ она попала въ первый разъ. Веселаго возбужденія что-то не являлось. Рядомъ, справа и слѣва, мѣста оставались пустыми.

„Неужели онъ не придетъ?—спрашивала она себя. — Чтò это: деликатность или невниманіе?“

Но мысли ея получили вдругъ другой оборотъ.

„Что-жъ тутъ такого особеннаго?—думала она подъ звуки увертюры:—принять билетъ отъ знакомаго? Съ какой стати дѣлаю я изъ себя какую-то недотрогу-царевну? Да изъ моихъ товарокъ по службѣ ни одна не откажется. Гдѣ же тутъ соблюдать свѣтскую чопорность, когда намъ и на мѣсто въ раекъ трудно

съэкономить изъ нашихъ тридцати-пяти рублей!.. Одна глупая гордость и чванство".

Игривая, мечущая искрами южной веселости, прогремѣла увертюра. Проскурина повеселѣла и отъ нея, и отъ своихъ, болѣе свѣтлыхъ, мыслей. Она захлопала вмѣстѣ съ другими и улыбнулась итальянцу-капельмейстеру, когда онъ привсталъ съ своего высокаго кресла, обернулся и раскланивался... Ей очень нравилась его сытая фигурка, взглядъ лукавыхъ глазъ сквозь pince-nez и очертанія его маленькой головы съ круглой лысиной на самой маковкѣ.

Но за ходомъ перваго дѣйствія она слѣдила разсѣянно и то-и-дѣло сдерживала желаніе — повернуть голову къ проходу между креслами... Садились и въ ея ряду; но Двоеполевъ не показывался. Она нашла, что братья-пѣвцы—имъ сильно апплодировали и съ верховъ, и снизу — не стоили такого пріема. Теноръ показался ей женоподобнымъ и манернымъ; баритонъ понравился какъ актеръ: но „интереснаго" она въ немъ ничего не нашла. Лица ихъ обоихъ заставляли ее думать о лицѣ драгуна. Она находила его гораздо „значительнѣе". Въ немъ было что-то дѣйствующее на нее сильнѣе, чѣмъ ихъ овальныя лица, даже и не итальянскаго типа: она не знала, что братья родомъ португальцы.

Смолкли вызовы: изъ залы потянулась публика въ буфетъ и фойе. Она знала, что фойе въ первомъ ярусѣ. Ей хотѣлось пройти туда. Что-то ее тянуло, нѣчто бо̀льшее, чѣмъ простое любопытство.

У входа въ залу фойе, справа, ее окликнули.

— Здравствуйте, Надежда Львовна!

Это былъ драгунъ. Онъ отвѣсилъ ей низкій поклонъ. Глаза его улыбались. Протягивая ей руку, онъ еще разъ нагнулъ голову и чуть слышно проговорилъ:

— Какъ это удачно!

Его фраза должна была значить: „какая удачная для меня встрѣча!"

„Неужели кто-нибудь другой прислалъ мнѣ билетъ?"—спросила себя Проскурина. Глаза Двоеполева продолжали улыбаться съ особеннымъ выраженіемъ.

„Хитритъ!" — подумала она, и не знала, пріятна ей или нѣтъ эта хитрость.

Онъ игралъ свою роль превосходно.

— Вы въ креслахъ?—громко и увѣренно спросила она его, когда они стали ходить по фойе.

— Я зашелъ въ ложу къ знакомымъ.

Даже и усмѣшка глазъ исчезла.

Онъ держался тона добраго знакомаго; голосъ его звучалъ просто и непринужденно.

„Если онъ прислалъ, это очень, очень мило“,—рѣшила она, послѣ перваго оборота по залѣ.

— А вы въ креслахъ? Я видѣлъ,—сказалъ Двоеполевъ и въ первый разъ заглянулъ ей въ лицо.—Кажется, тамъ пустое мѣсто сбоку?

— Цѣлыхъ два,—отвѣтила она все такъ же бойко и увѣренно.

— Вы позволите?

Эту хитрость сочла она уже черезъ-чуръ тонкой. Наклонивъ голову, она выговорила однако:

— Пожалуйста! Мнѣ одной скучно.

И тотчасъ они перешли къ оперѣ, къ братьямъ, къ тѣмъ „пассіямъ“, которыя теноръ вызывалъ въ нѣкоторыхъ московскихъ барыняхъ и дѣвицахъ, особенно въ купеческомъ обществѣ.

— Я думала, что они даютъ полные сборы,—замѣтила Проскурина.

— Въ этомъ году съ ними не такъ ходко,—съострилъ Двоеполевъ.

Онъ соглашался съ тѣмъ, что̀ она говорила про ихъ наружность, особенно про тенора.

— Я впередъ зналъ,—тихо и вкрадчиво сказалъ онъ,—что вы найдете его именно такимъ...

Они стояли въ одной изъ арокъ, ведущихъ къ чайному буфету. Проскуриной ужасно захотѣлось чаю; но она не сказала ему: „сядемте“, чтобы не заставлять его платить. И онъ не предложилъ ей присѣсть—что̀ ей опять-таки очень понравилось.

Внизъ они сошли послѣ звонка. Офицеръ поздоровался съ двумя статскими и мимоходомъ сказалъ одному военному съ лацканами на воротникѣ того же цвѣта:

— Я въ креслахъ останусь.

Она шла впереди, и ей не было неловко. Все выходило совершенно прилично, не имѣло вовсе вида любовной интрижки драгуна съ телеграфисткой.

Сѣлъ онъ рядомъ съ нею очень просто, какъ будто это вышло случайно, и во время дѣйствія не разговаривалъ; тоже раза два обернулся къ ней въ полъ-лица и спросилъ:

— Не угодно ли бинокль?

Опера все меньше и меньше захватывала ее. Но подъ музыку ей пріятно думалось... Она чувствовала себя молодой дамой,

только-что вышедшей замужъ. Вотъ рядомъ съ нею сидитъ ея мужъ, офицеръ, хорошей фамиліи, красивый и воспитанный; у него небольшое состояніе, и онъ на виду у начальства. Они держатъ экипажъ; бываютъ часто въ театрахъ и всегда въ креслахъ. Ей извѣстно, что въ томъ „кругу", гдѣ его считали хорошей партіей—не мало злословятъ, удивляются, что онъ женился на простой телеграфисткѣ. Но она этимъ не смущается. Между ею и дѣвицами Старковыми нѣтъ никакой разницы. И она барышня, и у нея бывали гувернантки, и она можетъ вести съ грѣхомъ по-поламъ французскій разговоръ. Она знаетъ также, что мужчины—за нее, нисколько не удивляются тому, что Двоеполевъ влюбился въ такую красивую и видную особу... Многіе уже начинаютъ ухаживать за нею. У нихъ есть дни; полковыя дамы полюбили ее, кромѣ одной эскадронной командирши. Та не можетъ помириться съ тѣмъ, что Двоеполевъ женился по любви. Можетъ быть, между ними и было что-нибудь... У всякаго романы водятся до женитьбы.

„А реверсъ?"—вдругъ спросила она себя, почти съ испугомъ и покраснѣла.

Она знала, что „реверсъ", это—сумма денегъ, которую надо внести въ полковую кассу, въ случаѣ женитьбы. Вѣдь она безприданница. Какой же реверсъ могла она принести съ собою жениху?..

„Онъ самъ внесъ",—успокоила она себя и продолжала мечтать подъ музыку „Севильскаго цирюльника".

Двоеполевъ смотрѣлъ въ бинокль на хорошенькую Розину. Это ее не смущаетъ. Она вѣритъ въ его любовь. Зачѣмъ же бы онъ и женился на ней?.. Пускай смотритъ. Вѣдь на то и существуютъ актрисы, пѣвицы и танцовщицы... Вотъ они поѣдутъ домой. Дорогой, онъ заботливо спроситъ ее:

— Надя? Хорошо ли ты укуталась?

На ней—дорогая ротонда изъ тибетскихъ барановъ и оренбургскій пуховый платокъ. Мужъ нагнулся къ ней, поправилъ платокъ и тихо прикоснулся горячими губами къ ея щекѣ.

— Не хочешь ли поужинать къ Тѣстову? Свѣжей икры?

— Нѣтъ, лучше домой.

Свой рысакъ мчитъ ихъ по Театральной площади; снѣжинки залетаютъ ей подъ платокъ, и ощущеніе быстраго поцѣлуя продолжается...

Проскурина очнулась при взрывѣ рукоплесканій и вызововъ. Но рядомъ сидѣлъ красивый офицеръ и спрашивалъ ее:

— Поднимемся въ фойе?

Фраза была такая же, какую онъ могъ сказать, еслибы она была его женой.

— Мнѣ хочется чаю,—сказала она и не удивилась крайней простотѣ своего тона. Такъ будетъ она говорить и тогда.

И это „тогда“ вдругъ представилось ей близкимъ и возможнымъ.

Развѣ не къ тому шло дѣло? Онъ ухаживаетъ—это ясно. Онъ обращается съ нею такъ почтительно, какъ только можно желать, если быть даже богатой невѣстой изъ дворянскаго круга. Остальное зависитъ отъ нея. Какъ она поведетъ дѣло, такъ и будетъ.

„Дѣло“! Она не хочетъ смотрѣть на это какъ на дѣло. Двоеполевъ ей нравится. Онъ, кажется, не блестящаго ума; но не глупъ, съ большимъ тактомъ, прекраснаго тона и выказываетъ къ ней положительный „интересъ“.

Она думала словами, и слово „интересъ“ ей также не понравилось. Оно отзывалось морзисткой Копчиковой. Надо просто отдаваться теченію, не отталкивать его, не кокетничать съ нимъ, а сближаться постепенно, не забывая дѣвичьяго „себѣ на умѣ“, испытывать его, помнить, что если она позволитъ ему что-нибудь лишнее на первыхъ же порахъ,—дѣвица порядочнаго круга исчезнетъ и останется заурядная телеграфистка и офицеръ, имѣющій на нее нехорошіе виды.

Въ фойе они сѣли къ столу около прилавка. Она стала пить чай съ большимъ аппетитомъ.

— Васъ не безпокоитъ? — спросилъ онъ, вынимая серебряную папиросницу.

— Пожалуйста!

Онъ даже не прибавилъ: „вамъ не угодно?“ Стало быть, считаетъ ее слишкомъ хорошо воспитанной, чтобы курить, хотя у Старковыхъ всѣ гостьи курятъ: дамы открыто, барышни тайно, даже затягиваются.

Ни разу не пришелъ ей вопросъ, пока они сидѣли въ буфетѣ, какъ посмотритъ на нее, пьющую чай съ драгуномъ, кто-нибудь изъ знакомыхъ... Она испытывала необыкновенное спокойствіе и увѣренность въ томъ, что тутъ ничего не было „дурного“.

Когда Двоеполевъ позвалъ человѣка расплатиться, у нея мелькнула-было мысль сказать: „я плачу за себя“; но она тотчасъ же поправила себя: „это мѣщанство; въ обществѣ ни дамы, ни дѣвицы не платятъ за себя, да еще за такіе пустяки, какъ чашка чаю съ сухаремъ“.

И она встала, тихо-веселая, увѣренная въ себѣ. Фойе опустѣло. Изъ залы уже доносились звуки оркестра.

Внизъ сошли они подъ-руку.

V.

Имъ пришлось надѣвать верхнее платье за одной и той же вѣшалкой, сбоку отъ главнаго подъѣзда. Много столпилось на проходѣ. Изъ дверей въ сѣни, то-и-дѣло отворявшихся, тянуло морозной струей.

Надежда Львовна нетерпѣливо ждала. Двоеполевъ прикрикнулъ на служителя:

— Поскорѣе, братецъ!

Ей подали ея старенькое пальто на ватѣ съ котиковымъ воротникомъ, вязаный платокъ и барашковую муфту. Двоеполевъ помогалъ служителю и держалъ муфту съ платкомъ, пока она застегивала пальто. Онъ могъ хорошо разсмотрѣть, какое все это старенькое. Но она не стыдилась своей бѣдности. Въ другое время, ей было бы невыносимо неловко; а теперь — нѣтъ, нисколько! Въ душѣ она уже считала его выше всякой подобной суетности. Онъ не осудитъ, пойметъ, и его чувство къ ней получитъ больше теплоты; ея наружность, тонъ, манеры выиграютъ только отъ такого контраста.

Вотъ она одѣта, платкомъ покрыла шапочку и закрываетъ половину лица. Врядъ ли кто бы и узналъ ее, да она и не боится никакой встрѣчи.

И онъ въ шинели съ пушистымъ бобровымъ воротникомъ. Яркій цвѣтъ сукна на околышѣ фуражки и довольно большой козырекъ дѣлаютъ его тонкій профиль еще красивѣе.

Только-что они отошли отъ прилавка вѣшалки, и Двоеполевъ, чтобы защитить ее отъ толкотни, взялъ ее подъ-руку, у другой, противоположной вѣшалки выплыли передъ нею, неожиданно и рѣзко, двѣ фигуры: морзистка Копчикова и Карпинскій, тотъ самый, что̀ пристаетъ къ ней съ своими пошлыми нѣжностями и безпрестанно переговаривается по телеграфу. Она даже закрыла глаза, до такой степени ей была непріятна эта встрѣча.

— Ахъ, ты, Господи!—вырвалось у нея про себя.

Копчикова, въ красной кофтѣ, съ бантомъ изъ порыжѣлаго тюля, въ пестрой юбкѣ и боа̀, съ шапочкой на-бекрень, Богъ знаетъ на кого похожа; Карпинскій, напомаженный, съ челкой

на лбу, съ усиками и въ новомъ форменномъ сюртукѣ со стоячимъ воротникомъ.

— Проскурина!—рѣзко окликнула ее Копчикова.

Не поклониться нельзя. Надежда Львовна сдѣлала чуть замѣтный кивокъ и тихо сказала Двоеполеву:

— Лучше станемъ въ уголъ, пока пройдутъ.

— Мадемуазель Проскурина! — окликнулъ ее и Карпинскій и снялъ ухарскимъ жестомъ свою фуражку телеграфиста. —Изволили сидѣть въ креслахъ; а мы вотъ съ мадемуазель Копчиковой въ парадисѣ, демократично.

— Аристократка! — воскликнула Копчикова, натягивая на себя шубку и чуть не задѣла Проскурину рукавомъ по лицу.

Въ глазахъ ея и Карпинскаго блестѣла злобная и нахальная усмѣшка. Они оба готовы были наговорить ей чего-нибудь до крайности непріятнаго. Завтра же по всей центральной станціи и по всѣмъ городскимъ будетъ извѣстно, что ее поймали въ театрѣ съ драгуномъ, что она сидѣла на его счетъ, въ креслахъ, что они выходили вмѣстѣ и даже подъ-руку.

Все это толпилось въ головѣ Проскуриной. Она надвинула на лицо конецъ платка и невольно прижалась къ плечу своего кавалера.

Онъ какъ будто ничего не слыхалъ и не видалъ, даже головы не повернулъ въ сторону той вѣшалки, гдѣ одѣвались Копчикова съ Карпинскимъ. Если это было сдѣлано съ намѣреніемъ, то показывало, какой онъ тонкій и воспитанный человѣкъ.

— Нѣтъ! Здѣсь ужасно дуетъ!—вырвалось у нея, и она закрыла муфтой лицо, больше для того, чтобы не видѣть противной пары. Сквозь вязаный платокъ она, къ счастію, хуже слышала ихъ голоса и безцеремонный смѣхъ.

Двоеполевъ повернулъ назадъ и провелъ ее быстро, держась бокомъ, такъ что защищалъ ее отъ толчковъ, и отъ необходимости пройти опять мимо пары сослуживцевъ.

Они скоро спустились внизъ, взяли въ узкій проходъ, черезъ который выходило меньше народу, и очутились на тротуарѣ, въ яркомъ электрическомъ свѣтѣ. Снѣжокъ мелькалъ и смягчалъ морозное дуновеніе ночи.

Надежда Львовна громко перевела духъ!

— Наконецъ-то мы на вольномъ воздухѣ!

Она не отнимала руки. Двоеполевъ провелъ ее влѣво, пропустилъ мимо нѣсколько пѣшеходовъ и взялъ къ углубленію, около воротъ театра.

— Сію минуту!—быстро проговорилъ онъ.

Онъ позвалъ посыльнаго и приказалъ ему вполголоса:

— Кучеръ Ѳеофанъ, съ Патріаршихъ Прудовъ! Тамъ, на самомъ углу Дмитровки!

Вернувшись къ ней, Двоеполевъ стукнулъ шпорами и запахнулся въ высокій бобровый воротникъ шинели.

— Сейчасъ подадутъ!..

Она даже не спросила, что̀ подадутъ: карету или сани, и чей это будетъ экипажъ? Ей хотѣлось одного—поскорѣе уѣхать и не наткнуться еще разъ на Копчикову съ Карпинскимъ. Они могли пройти въ эту сторону и опять узнать ее, заговорить, позволить себѣ шуточки, показать ея кавалеру, что она „ихъ братъ" телеграфистка, играющая въ воспитанную барышню... Ничего она не боялась, никакой неловкости не чувствовала отъ этого ночного выхода съ офицеромъ.

Подъѣхали щегольскія сани. Офицеръ отстегнулъ полость. Надежда Львовна сѣла молча. Кучеръ повернулъ и поднялся на Дмитровку. Ей было не по дорогѣ; но она ничего не замѣтила. Она видѣла, что это его лошадь, кучеръ одѣтъ франтовски, полость медвѣжья.

— Славная ночь!—сказалъ Двоеполевъ, и его глаза блеснули изъ-подъ козырька.—Хорошо бы прокатиться.

— О, да! — вырвалось у нея, и она подставила щеки подъ пріятный снѣжный вѣтерокъ.

Сквозь молочную дымку проглядывалъ мѣсяцъ и снѣжинки кружились въ воздухѣ. Рысакъ, темной масти, похрапывая, понесся вверхъ по Дмитровкѣ, къ бульвару.

Проскурина подумала:

„Мы проѣдемъ Страстнымъ и Тверскимъ бульваромъ; а отъ Никитскихъ воротъ два шага и до меня".

Опять она ушла въ мечты, охватившія ее въ театрѣ, когда Двоеполевъ сѣлъ рядомъ съ нею, во второмъ актѣ; и теперь ей было еще слаще; на нее нападало дѣтское забытье въ родѣ того, когда, бывало, везутъ ее, въ возкѣ, съ дѣтскаго вечера, и въ дремотныхъ глазахъ всплываютъ огни елки, игрушки, золотыя яблоки, пряники съ глазурью...

То, что̀ ей представлялось въ театрѣ, перешло въ дѣйствительность. Они возвращаются изъ театра вдвоемъ, на своей лошади; онъ съ заботой и нѣжностью въ красивыхъ глазахъ заглядываетъ... Ей кажется, что на ней богатый салопъ и оренбургскій платокъ, а руки лелѣетъ соболья муфта, подбитая атласомъ, ласкающимъ руки.

— Направо!—крикнулъ онъ кучеру и запахнулся.—Трогай!

Рысакъ наддалъ рыси, и они полетѣли вверхъ по бульвару, къ Тверскимъ воротамъ. У нея стало захватывать духъ и чувство дѣтскаго страха заставляло браться за ободокъ сидѣнья саней. Снѣжная пыль слѣпила глаза; на ухабахъ она раза два чуть слышно вскрикнула. Но бѣшеная ѣзда не мѣшала ея мечтамъ.

„Вѣдь все можетъ сдѣлаться настоящей правдой въ эту зиму, на масляницѣ. На масляницѣ бываютъ послѣднія свадьбы“.

Они мчались и мчались. Сперва мелькнулъ мимо нея памятникъ Пушкину, съ снѣжными полосами на складкахъ плаща; бульваръ стоялъ безлюдный, съ инеемъ на деревьяхъ. Въ этомъ катаньѣ было для нея что-то совсѣмъ новое, и она хотѣла бы продлить его на всю ночь.

Такъ промчались они до Никитскихъ воротъ. Она молчала; переулокъ остался далеко позади, потомъ и Арбатскія ворота. Пречистенскій бульваръ показался ей очень длиннымъ. Кучеръ далъ передышку лошади, и они ѣхали потише.

— Назадъ! — скомандовалъ Двоеполевъ и тѣмъ же звукомъ прибавилъ опять:—Трогай!

И они понеслись назадъ.

Мечты куда-то исчезли. Ей захотѣлось смѣяться, даже пѣть на морозѣ. Вѣтерокъ крѣпчалъ. Конецъ ея платка развѣвался, и то открывалъ передъ ней снѣжную даль, то закрывалъ. Она обернулась къ Двоеполеву всѣмъ лицомъ. Ихъ глаза встрѣтились. Вдругъ она почувствовала быстрый поцѣлуй, который ожегъ ее и заставилъ вздрогнуть. Но она не отодвинулась, а замерла... Нѣсколько ощущеній разомъ налетѣли на нее: первое было пріятно своею неожиданностью и быстротой; оно отвѣчало ея мечтамъ; но длилось двѣ-три секунды; его замѣнили не то обида, не то страхъ, не то стыдъ. Щека сильнѣе зардѣлась подъ румянцемъ отъ мороза, и кровь ударила въ уши и виски. Такъ прошло не больше одной минуты.

— Ѳеофанъ! — приказалъ драгунъ сдержаннымъ звукомъ и нагнулся немного къ кучеру: въ „Эрмитажъ“!

Слово „Эрмитажъ“ точно ударило ее по головѣ, въ самое темя. Она вся выпрямилась, закинула голову и крикнула:

— Какъ вы смѣете?

— Что такое? — съ искреннимъ изумленіемъ спросилъ офицеръ.

— Вы, вы...

Она не могла говорить. Ея губы дрожали и по всему тѣлу

пробѣгала струйка нервной дрожи. Глаза офицера уже перемѣнили выраженіе. Они улыбались на новый ладъ.

„Я понимаю,—увидала она въ его взглядѣ:—вы хотите, милая, продѣлать комедію и соблюсти свое достоинство“.

Разомъ она поняла весь характеръ ухаживанія драгуна, поняла, какъ онъ взглянулъ на нее, съ отвращеніемъ сознала и то, что она сама кругомъ виновата: приняла даровой билетъ, держала себя съ нимъ въ театрѣ, какъ держатъ на любовныхъ встрѣчахъ, пила его чай, сѣла въ его сани, поѣхала ночью кататься. И ея мечты о замужествѣ наполнили ее ѣдкимъ стыдомъ и обидой за самое себя.

„По дѣломъ! По дѣломъ!“ повторяла она про себя.

— Помилуйте! — донесся опять до нея голосъ офицера. — Надо же поужинать! Вы должны быть голодны?

— Стой!—крикнула она кучеру.

Онъ не разслыхалъ. Сани неслись по Никитскому бульвару.

— Стой!—крикнула она во второй разъ и схватила кучера за кушакъ.

Онъ остановилъ рысака.

Проскурина отстегнула полость и выскочила изъ саней.

— Надежда Львовна! Что вы? Это смѣшно!

Двоеполевъ захохоталъ горловымъ сдавленнымъ смѣхомъ.

— Оставьте меня!

Бранное слово чуть не слетѣло съ ея горячихъ губъ; но она сдержала себя и бросилась къ тротуару.

— Mademoiselle!—доносился до нея хриповатый басокъ драгуна.—C'est impossible!..

Въ ушахъ ея стоялъ звонъ, въ груди сперлось, она все ускоряла шагъ, слезы дрожали на ея длинныхъ рѣсницахъ. И не на комъ было выместить свою обиду, кромѣ самой себя. Ей было бы легче, еслибы она разрыдалась, тутъ же, на троттуарѣ; но и этимъ она не могла облегчить своей нестерпимой душевной боли...

VI.

Рука дѣйствуетъ машинально; глаза разсѣянно разбираютъ слова депеши, которыя переходятъ все въ тотъ же надоѣдливый ритмическій стукъ. Надежда Львовна хотѣла бы погрузиться въ работу, ни о чемъ не думать—и не можетъ. Вотъ уже вторыя сутки, какъ она хочетъ забыться и по собственному желанію дежуритъ два дня сряду.

Вчера, подъ вечеръ, она должна была вынести новую обиду: Карпинскій успѣлъ наговорить ей пошлостей, по аппарату, и она вмѣсто того, чтобы сейчасъ остановить его, отвѣтила длинной тирадой, гдѣ было нѣсколько бранныхъ выраженій. На Центральной всѣ теперь говорятъ про ея „интригу“ съ драгуномъ. Копчикова сегодня утромъ ввернула ей два-три шутливыхъ вопросца, тоже по аппарату. Тонъ ихъ показывалъ, что отнынѣ съ ней никто не станетъ церемониться—изъ такихъ, какъ эта неприличная морзистка.

Она такъ была раздражена этимъ, что хотѣла идти жаловаться на другой день. Пускай ее считаютъ ябедницей и доносчицей, но она не желаетъ выносить дольше подобнаго обращенія.

— Проскурина!—окликнула ее изъ внутреннихъ комнатъ начальница станціи.—Придите на минутку, когда кончите.

Передъ тѣмъ, минутъ за пять, ушелъ со станціи контролеръ, добродушный малый, завѣдующій счетною частью въ одной частной типографіи. Онъ съ ней побалагурилъ немного, спрашивалъ о какихъ-то служебныхъ пустякахъ, и когда пошелъ къ начальницѣ, то сказалъ съ усмѣшкой:

— У васъ часто въ ушахъ звенитъ, Надежда Львовна?

Она не обратила вниманія на эту фразу. Начальница, блѣдная женщина, съ сѣдѣющими волосами, въ сѣромъ платьѣ съ такой же пелеринкой, попросила ее затворить поплотнѣе дверь и заговорила съ нею въ полголоса:

— Что вамъ за охота съ Карпинскимъ переговариваться? Контролеръ сейчасъ просилъ предупредить васъ. Вчера Карпинскаго поймали. Цѣлая исторія вышла. И мнѣ непріятность.

Проскурина вся вспыхнула и чуть не расплакалась.

— Я буду жаловаться!—вскричала она.—Это ни на что не похоже!

Она разсказала начальницѣ станціи, какъ этотъ телеграфистъ приставалъ къ ней уже больше полгода, дѣлаетъ ей разныя признанія въ любви и получаетъ отъ нея самые рѣзкіе отвѣты.

— Нѣтъ, вы ужъ лучше не дѣлайте этого; сами не ѣздите жаловаться,—сказала начальница и наморщила лобъ.—Я отъ себя доложу.

Между ними не было дружбы. Адель Андреевна, болѣзненная и неровная въ обращеніи, не располагала къ пріятельству, но и не обижала ее, не наваливала на нее работы и не позволяла себѣ безцеремоннаго тона.

— И контролеръ говорилъ еще,—продолжала она потише,—про эту Копчикову... Она болтаетъ Богъ знаетъ что̀...

Начальница не кончила и стала закуривать папиросу.

— Копчикова! Это ужасная скандалистка!—вырвалось у Проскуриной.

Плакать ей ужъ не хотѣлось; злость ее разобрала на весь этотъ телеграфный міръ, на свою постылую службу, нищенское жалованье, необходимость переносить подобныя исторіи, рисковать быть выгнанной съ должности изъ-за сплетенъ и мстительной интриги такихъ ничтожествъ, какъ Карпинскій и Копчикова.

Въ то же время почувствовала она еще острѣе ту, главную обиду—исторію съ офицеромъ, изъ-за котораго вся центральная станція считаетъ ее теперь легкой особой, и гдѣ она такъ постыдно обманулась.

И некому постоять за нее, отплатить этому драгуну, съ его вкрадчивою, коварною порядочностью и дерзкимъ цинизмомъ. Да будь у нея и братъ, развѣ она могла-бы требовать черезъ него удовлетворенія за обиду! Она сама виновата, сама вела себя какъ тщеславная авантюристка, возмечтавшая, что она, какъ и быть слѣдуетъ, невѣста-приданница, изъ хорошаго общества...

Всѣ эти чувства распирали ей грудь, но она не могла излиться начальницѣ. Да и не кому ей изливаться. У нея нѣтъ ни одной подруги. Со всѣми товарками по телеграфу она держалась всегда какъ горделивая барышня, ни одну изъ нихъ не подпускала къ себѣ, а въ обществѣ у нея всего-то одинъ домъ Старковыхъ. Но тамъ ее принимаютъ какъ бѣдную подругу по гимназіи—не больше, да и не долюбливаютъ, потому что она красивѣе ихъ обѣихъ и бойчѣе на разговоръ.

Драгунъ способенъ и у Старковыхъ повредить ей, да и кто поручится: можетъ быть, кто-нибудь изъ ихъ близкихъ знакомыхъ видѣлъ ее въ театрѣ, посмотрѣлъ, какъ они пошли вмѣстѣ съ Двоеполевымъ и какъ она сѣла въ его сани. Жаловаться на поведеніе драгуна у Старковыхъ она не можетъ. Это было бы слишкомъ глупо и опасно.

Проскурина почти не слыхала того, что̀ ей говорила еще Адель Андреевна.

Изъ аппаратной раздался трескъ призывнаго звонка.

— Завтра я поѣду,—сказала ей начальница успокоительнымъ тономъ.

— Благодарю васъ!—почти разсѣянно бросила ей Проскурина и выбѣжала.

Будь—что̀ будетъ! Ей такъ противно на службѣ, что пускай

выйдетъ какая-нибудь крупная исторія и она очутится въ необходимости взяться за другую профессію. Это взвинтитъ ее, придастъ энергіи, заставитъ испробовать еще разъ свои силы, узнать доподлинно, какая ей цѣна, можетъ ли она требовать больше тридцати-пяти рублей въ мѣсяцъ и добиться болѣе независимаго положенія.

Она торопливо присѣла и начала разбирать рядъ депешъ, одна другой скучнѣе и банальнѣе: поздравленія съ именинами, любовныя свиданія, вопросы, будутъ ли сегодня дома и получено ли письмо отъ Ивана Кузьмича изъ города Чухломы?

Сколько разъ ей хотѣлось вмѣсто этихъ текстовъ поставить отъ себя всякаго вздора и отослать съ курьеромъ Прицѣловымъ, отдаться озорству, въ которомъ бы можно было отвести душу и отплатить постылой службѣ.

Но вотъ что-то другое передаютъ ей съ центральной станціи. Она ощутила точно уколъ въ сердце. „Госпожу Проскурину просятъ пожаловать завтра, въ одиннадцать часовъ, для служебныхъ объясненій“.

Ея рука вздрагивала, пока она дотянула кусокъ бумажной ленты, гдѣ стояли значки этой депеши. И потъ выступилъ у нея на вискахъ.

Она встала и побѣжала къ начальницѣ доложить. Ее захватилъ страхъ, она это сознавала и не совѣстилась такого чувства“.

— Надо явиться?—спросила она, и звукъ ея голоса былъ дѣтскій.

Такъ спросила бы провинившаяся дѣвчонка. Ей стало тотчасъ же обидно за себя, но она не смогла овладѣть собой, вернуться къ своей обычной гордости, къ тѣмъ мечтамъ о смѣлой и новой борьбѣ съ жизнью, которыя наполняли ее какихъ-нибудь пять минутъ передъ тѣмъ.

— Хотите, я сейчасъ поѣду. Меня примутъ. Я могу сдѣлать это, какъ будто я ничего не знала о депешѣ?—вызвалась начальница.

— Голубушка!

Проскурина прильнула къ ней и обняла.

Она почувствовала даже желаніе поцѣловать руку, но успѣла удержаться.

„Какая подлость!“—внутренно крикнула она самой себѣ.

Начальница приняла въ ней участіе, а можетъ быть соблюдала свой интересъ, хотѣла заявить себя передъ высшимъ начальствомъ бдительной женщиной съ тактомъ и добрымъ сердцемъ.

Но не все ли равно, изъ какихъ побужденій будетъ она

дѣйствовать! Проскурина видѣла въ ней защитницу и не могла освободиться отъ чувства подчиненности, нашла въ первый разъ, что она не въ силахъ рисковать „крупной исторіей“, которую призывала сейчасъ, что она—маленькое колесо машины, что внѣ этой машины колесо это будетъ валяться, какъ нѣчто безполезное и дрянное.

— Обойдется, обойдется,—почти материнскимъ тономъ говорила начальница.—Только вы, завтра, не возражайте ему рѣзко, не оправдывайтесь... Лучше бы было явиться въ формѣ. У васъ есть ли мундиръ?

— Нѣтъ. Вѣдь ни у кого нѣтъ...

— У меня есть. Примѣрьте. Онъ это любитъ. Вы развѣ не видите, что на насъ теперь гоненіе? Насъ только терпятъ... Прежде принимали и въ контроль, и на таможню, и въ другія мѣста. А теперь только въ телеграфѣ и держимся! Не надо это забывать, Надежда Львовна. Знаю, что такимъ, какъ вы, вдвое тяжелѣе. Вы иначе были воспитаны, не на то готовились. Все это прекрасно, понимаю. Что жъ дѣлать!.. Кусокъ хлѣба. И я не къ телеграфу себя готовила. А и за то Господа Бога благодарю, что станціей завѣдую, пока силы позволяютъ.

Начальница говорила съ ней, въ первый разъ, такъ искренно. Ея слова западали въ душу Проскуриной, точно слова духовника на исповѣди. Въ нихъ не было ничего новаго и разительнаго. Сколько такихъ же приниженныхъ разсужденій наслушалась она съ тѣхъ поръ, какъ служитъ, и считала ихъ постыдными, презирала всѣхъ, кто впадалъ въ „крѣпостную зависимость“ отъ жалкаго куска хлѣба... А въ эту минуту она всѣмъ своимъ существомъ сознавала глубокую и роковую правду очевидности.

Нечего хорохориться! Надо держать крѣпко всякій честный заработокъ. Постыднѣе мечтать о драгунахъ и дѣлаться предметомъ позорящихъ сплетенъ, по собственной винѣ.

Она испытывала ощущеніе, какое переживала въ дальнемъ дѣтствѣ, когда, бывало, мать или гувернантка разъяснятъ мягко и вразумительно, какъ она ошиблась и отъ какого зла и несчастія онѣ ее избавили.

— Такъ хотите примѣрить мой мундиръ?—спросила ее начальница съ тихой улыбкой.

— Примѣрю,—кротко выговорила Проскурина.

— Лучше будетъ. Ничего! Обойдется; только не возражайте ему пожалуйста.

Опять раздался призывный аппаратъ. Проскурина побѣжала къ аппарату и съ новымъ чувствомъ, почти радостнымъ, начала

вытягивать бумажную ленту и разбирать текстъ все такихъ же скучныхъ депешъ.

VII.

На дворѣ опять лютый морозъ. Курьеръ Прицѣловъ, уже къ полудню, отморозилъ себѣ лѣвое ухо, сильно выпилъ и валяется въ кухнѣ на лежанкѣ. Другой курьеръ не возвращался еще, а депешъ накопилось множество.

День былъ праздничный, съ именинницами. Къ седьмому часу вечера Надеждѣ Львовнѣ разломило спину. Она не ожидала такой работы. Дежурила она одна; начальница обѣдала у родственниковъ.

То-и-дѣло звякала входная дверь и впускала подателей. Морозный воздухъ такъ и гулялъ изъ передней въ тотъ уголъ, гдѣ стоитъ аппаратъ. Какъ она ни кутается въ платокъ, не можетъ настолько согрѣться, чтобы не чувствовать змѣекъ вдоль спины. Нѣсколько разъ принималась она пить чай, но и чай не грѣетъ.

Въ головѣ у нея нѣтъ никакихъ мыслей. Она не жалуется самой себѣ на тягость и тоску дежурства. Ей хочется одного: успѣть управиться со всѣми депешами. Никто ей не поможетъ. Она не сердится и на то, что начальница проводитъ пріятно время въ гостяхъ. Одной ей легче. Были бы только лишніе разговоры и помѣха въ службѣ.

Протянулась всего недѣля—а она уже не прежняя Надежда Львовна Проскурина, гордая барышня, свысока смотрѣвшая на всѣхъ своихъ сослуживцевъ, не желавшая мириться со своей тусклой долей.

Ничего особеннаго не произошло. Начальство ограничилось отеческимъ внушеніемъ. Карпинскому былъ сдѣланъ строгій выговоръ. Но на нее иначе стали смотрѣть. Сплетня о драгунѣ пришлась всѣмъ по сердцу. Она знаетъ, что у нея теперь репутація не лучше, чѣмъ у Копчиковой. Да вдобавокъ ее ругаютъ всѣ за „ябедничество“. Выговоръ Карпинскому разнесся. Этого телеграфиста считаютъ „порядочною дрянью“, а все-таки называютъ ее—„шпіонкой“.

Разомъ она смирилась, и чувство опасности быть выгнанной, остаться безъ *вѣрнаго* заработка еще сильнѣе овладѣло ею. Визитъ къ Старковымъ показалъ ей, что и тамъ какъ будто о чемъ-то пронюхали. Она рѣшила больше не бывать у нихъ.

Дежурить она стала съ новымъ рвеніемъ, не возмущалась, не разсуждала, не дразнила себя; а цѣплялась, каждый день

все сильнѣе и сильнѣе, за свою работу, которую еще такъ недавно звала „идіотской".

Дверь изъ сѣней звякнула робко.

Проскурина не подняла голову. Она скоро, но отчетливо писала карандашемъ текстъ депеши: „Соня поправляется, докторъ обѣщаетъ, что эксудатъ"...

На этомъ словѣ она немного остановилась и перечла его еще разъ, на лентѣ аппарата.

„Что эксудатъ,—повторяла она беззвучно губами,—скоро всосется".

Кто-то чуть слышно кашлянулъ. Она повернула голову и карандашъ остановился.

— А! Это вы, Степановъ.

Онъ снималъ съ себя шарфъ и клалъ его вмѣстѣ съ фуражкой на столъ. Полудѣтское лицо его, румяное отъ мороза, съ капельками слезъ на рѣсницахъ улыбалось ей робко и выжидательно.

Она поглядѣла на него ласковѣе обыкновеннаго.

„Этотъ преданъ мнѣ",—подумала она, и ей стало его жаль и совѣстно за то, какъ небрежно и горделиво обращалась она съ нимъ.

— Хотите чаю? Озябли?—спросила она все еще строговатымъ голосомъ; но глаза смотрѣли на него привѣтливо.

— Не откажусь, если имѣется.

— Вы откуда?

— Шелъ по близости, Надежда Львовна; зайду, думаю, нынче день страдный. Помогу немножко.

— Вотъ какъ!

„Добрая душа,—подумала она, — не мнѣ чета; а я его не лучше Прицѣлова третирую!"

— Позволите?—спросилъ онъ, заходя за перила.

— Пожалуйста! У меня спину разломило совсѣмъ.

Онъ обтеръ платкомъ глаза, высморкался и сѣлъ на ея мѣсто, подобравъ тихенькимъ жестомъ полы своего форменнаго сюртука.

Она вся потянулась, прошлась раза два по комнатѣ широкимъ шагомъ, потомъ сходила на кухню, распорядиться чаемъ и посмотрѣть, не выспался ли Прицѣловъ настолько, чтобы отправить его въ разносъ.

Степановъ сидѣлъ и старательно передавалъ депеши.

— Пустите меня!—сказала ему Проскурина.—Не всѣ депеши переданы. Сядьте сюда.

Онъ такъ же тихо продолжалъ свою работу и на другомъ

мѣстѣ. Имъ подали чаю. Оба молча отхлебывали, и одна стучала ручкой, другой задѣлывалъ пакеты.

— Надежда Львовна!—первый заговорилъ Степановъ.

Голосъ его слегка дрогнулъ.

— Слушаю, — откликнулась она весело, почти дурачливыми звуками.

— Вы, пожалуйста, теперь не извольте безпокоиться.

— О чемъ?

— Да вотъ насчетъ этого самаго... прохвоста!..

Онъ покраснѣлъ и остановился.

— Извините,—поправилъ онъ себя.—Слово у меня вырвалось нецензурное; но, право, я иначе выразиться о немъ не могу.

— О комъ это?

— Да о Карпинскомъ...

Брови ея быстро сдвинулись. Онъ это замѣтилъ и сталъ тяжелѣе дышать.

— Я не могъ выносить всей ихъ пакостной болтовни...

— Зачѣмъ вы мнѣ это говорите?—прервала она его.

— Простите... только я для успокоенія.

Она заслышала слезы въ его голосѣ. Это ее тронуло.

— Ну-те, ну-те... разскажите толкомъ.

Степановъ пріободрился, поднялъ голову и отеръ лицо платкомъ.

— Простите, что я позволилъ себѣ, не доложивъ вамъ, дѣйствовать; но вы меня, Богъ милостивъ, и оправдаете.

Это „Богъ милостивъ“ очень ей понравилось.

— Зачѣмъ такое предисловіе, Степановъ?

Ей захотѣлось даже разсмѣяться; но лицо у него было страдальческое и выражало такую безпредѣльную преданность, что сдѣлай она жестъ,—онъ сталъ бы цѣловать слѣды ея ногъ.

„Этотъ умѣетъ любить. Этотъ не измѣнитъ“,—думалось ей.

— Я слыхалъ,—порывисто заговорилъ Степановъ,—какія онъ позволяетъ себѣ рацеи тамъ, на центральной, и въ пріятельской компаніи. Также и госпожа Копчикова. Ну, да та—особа женскаго пола... Съ ней я не могу такъ... А къ этому я пошелъ прямо и, зная достаточно, какая въ немъ душонка... Мнѣ—вы не изволили слышать — выходило хорошее мѣсто въ губернію... Я ему и говорю: уступаю-молъ тебѣ, и чтобъ духу твоего не было на Москвѣ! Ежели на это не согласишься, такъ будешь дѣло имѣть со мною, за всѣ твои гадости. Нужды нѣтъ, что я смирный, изъ крестьянскаго сословія, а я тебя доѣду!..

— И что же онъ?—вырвалось у Проскуриной.

Она приподнялась, и глаза ея стали мягче.

— Согласился. Вотъ и все!—громче выговорилъ Степановъ и тряхнулъ головой.—Какъ я разсчиталъ, такъ оно и вышло. Еще бы!

Степановъ поднялъ и сжалъ кулакъ. Лицо его проявляло несокрушимую волю.

„Убьетъ, скажи я только слово!“ —подсказала себѣ Проскурина.

— Теперь однимъ пакостникомъ меньше. Я бы не сказалъ вамъ ни слова, Надежда Львовна, еслибъ не затѣмъ, чтобъ васъ успокоить. А за мою смѣлость простите.

Голова его низко была опущена надъ столомъ. Онъ ждалъ ея слова и затаилъ дыханье.

Какимъ лучомъ нежданнаго счастія озарила бы она его, еслибы поцѣловала въ голову!

Развѣ онъ не стоилъ такой ласки?

— Спасибо, Сергѣй Павловичъ!—выговорила она, въ первые назвавъ его по имени и отчеству.

— Вы не будете гнѣваться на меня?

Дѣтскіе глаза, боязливые и блаженные отъ прилива затаенной страсти, умильно глядѣли на нее.

Ей захотѣлось плакать.

— Чтò вы! — прошептала она и протянула ему руку пріятельскимъ жестомъ.

Онъ порывисто схватилъ эту бѣлую, крупную руку и жарко поцѣловалъ ее; слезы брызнули изъ его глазъ.

Она прикоснулась губами къ его волосамъ.

Ни одной секунды не подумала она о томъ, что все это можетъ быть—подходъ, игра въ преданность глуповатаго, но хитраго ловеласа, такого же—кто его знаетъ!—испорченнаго, какъ и офицеръ Двоеполевъ. Она почувствовала, какъ Степановъ замеръ отъ нестерпимаго счастія.

— Ничего мнѣ не надо, — шепталъ онъ,—кромѣ одного вашего взгляда. Я знаю себѣ цѣну... вижу — кто вы и кто я.

— Вы гораздо лучше меня!

И ей неудержимо захотѣлось разсказать ему свою исторію съ драгуномъ, покаяться ему въ чванствѣ, бездушіи, глупой и черствой фанаберіи обѣднѣлой барышни, презиравшей всѣхъ, кто вмѣстѣ съ нею, на одной и той же службѣ, добывалъ себѣ кусокъ хлѣба.

Степановъ тихо плакалъ отвернувъ отъ нея голову. Онъ не могъ сразу взяться за работу. Но черезъ десять минутъ они оба дѣйствовали около аппарата, улыбались другъ другу, и ихъ разговоръ часто прерывалъ задушевный, молодой смѣхъ.

„Что-жъ!.. думала дѣвушка—отъ меня зависитъ еще больше осчастливить его. Онъ можетъ быть моимъ мужемъ; я не потеряю мѣста,—напротивъ, вдвоемъ, будетъ гораздо лучше. Я сдѣлаюсь хорошей „морзисткой“; Адель Андреевна утомится, лѣтъ черезъ пять; на этой станціи меня могутъ назначить начальницей... Сорокъ-пять рублей, квартира, дрова, освѣщеніе, два курьера“...

И рука ея, твердо стуча ручкой аппарата, какъ бы ощущала прочность своего дѣла и цѣплялась за него изъ всѣхъ силъ.

П. Боборыкинъ.

РУССКОЕ СЛАВЯНОВѢДЕНІЕ

въ

XIX-мъ СТОЛѢТІИ

I.

Настоящее славяновѣденіе, какъ въ смыслѣ непосредственнаго ознакомленія съ цѣлымъ составомъ славянскаго племени, такъ и въ смыслѣ научнаго изслѣдованія, принадлежитъ у насъ только XIX-му вѣку. То, что мы встрѣчаемъ въ томъ и другомъ отношеніи раньше, было или отрывочно и случайно, или не имѣло никакого строго-научнаго значенія. Было смутное представленіе о родственномъ славянствѣ; было нѣсколько встрѣчъ, по которымъ заключали о расположеніи славянскихъ племенъ къ русскому народу; были попытки отыскивать славянское родство по древнимъ писателямъ, но затѣмъ ничего цѣльнаго, точнаго и сознательнаго. Бывало даже, что думали пользоваться и пользовались практически этими славянскими сочувствіями, но забывали о славянствѣ, когда практическая надобность проходила; и еще въ началѣ XIX-го столѣтія у насъ не было человѣка (по крайней мѣрѣ, нельзя указать этого въ литературѣ), который былъ бы въ состояніи пересчитать правильно славянскія племена, указать на картѣ мѣста ихъ жительства и хотя бы самымъ общимъ образомъ обозначить ихъ историческія отношенія. Правда, и въ самомъ славянскомъ мірѣ эти вопросы также были еще весьма неясны, хотя ученые славяне конца прошлаго столѣтія уже готовили матеріалъ для настоящей научной славистики; но Россія была един-

ственное и притомъ могущественное славянское государство; въ патріотическихъ одахъ и панегирикахъ указывалось на „славенскій родъ", въ которомъ первенствовали „россы" и можно было бы ожидать, что къ этому присоединится живое практическое и научное изученіе славянства. Но пока этого еще не было.

Изъ того, чтѣ мы говорили раньше [1]) о степени знанія славянскаго міра въ древней Руси и въ XVIII столѣтіи, можно было видѣть, что непосредственныя связи племенного родства были давно забыты; что, такъ сказать, архаическая память простиралась только на славянъ южныхъ, сербовъ и болгаръ, съ которыми насъ сближало единовѣріе; что другія племена, какъ поляки, бывали вѣчными врагами; что славяне западные, какъ чехи, словаки, хорваты, далматинцы, сербы лужицкіе, по вѣрѣ католики или протестанты, стали совсѣмъ чужды и неизвѣстны; что первыя сознательныя напоминанія о славянствѣ живомъ, современномъ, сдѣланы были только во второй половинѣ XVII-го вѣка заѣзжимъ хорватомъ Крижаничемъ, въ свое время, однако, слишкомъ мало извѣстнымъ, и напоминанія остались безъ дѣйствія; что въ средѣ самого русскаго народа первый вопросъ о родственномъ славянствѣ и возможныхъ образовательныхъ связяхъ съ ними поставленъ былъ Петромъ Великимъ, но свѣденій было такъ мало, что надо было обращаться за ними къ Лейбницу или отправлять особыхъ людей на розыски „шклавонской земли"; что, наконецъ, интересъ къ славянству приведенъ былъ политическими обстоятельствами, когда славяне сами заявляли о своемъ родствѣ съ русскимъ народомъ и искали его помощи противъ турокъ, и когда сама Россія въ борьбѣ съ турецкой имперіей находила не безполезнымъ воспользоваться услугами нѣсколько неожиданныхъ родственниковъ.

Въ такомъ видѣ знаніе славянства досталось XIX вѣку. Въ первые годы царствованія имп. Александра I вниманіе правительства и самого общества было очень далеко отъ славянскаго міра. Мы увидимъ дальше, какъ этотъ міръ самъ напоминалъ о себѣ, какъ событія все больше и сильнѣе выдвигали вопросъ, къ которому и русская власть, и общество, не говоря о народѣ, относились съ какимъ-то особеннымъ равнодушіемъ. Здѣсь не мѣсто перечислять политическія событія; довольно указать на тѣ соприкосновенія съ славянскимъ міромъ, какія произошли въ теченіе войнъ императора Александра I съ Наполеономъ, когда русскій флотъ, дѣйствовавшій въ Средиземномъ морѣ, встрѣтился съ дал-

[1]) „Вѣстн. Европы" 1889, апрѣль, май, іюнь.

ма.инскими славянами, или въ войнахъ съ Турціей, когда Россіи пришлось помочь освобожденію Сербіи. Само правительство, безъ сомнѣнія, не имѣло идеальныхъ освободительныхъ плановъ относительно славянства; напротивъ, историки русско-славянскихъ отношеній не могутъ простить Александру I его равнодушія къ судьбѣ славянъ, напримѣръ далматинцевъ, показавшихъ примѣры самаго горячаго сочувствія и преданности Россіи, когда на вѣнскомъ конгрессѣ императоръ Александръ отдалъ этотъ народъ въ руки Австріи и создалъ долго тянувшееся тяжелое положеніе Черногоріи, отрѣзанной отъ моря и отъ своихъ единоплеменниковъ. Дѣйствительно, съ точки зрѣнія русско-славянскаго родства и предполагаемой солидарности, дѣйствія русской политики въ Александровское время не могутъ не вызвать осужденія; мало того, это осужденіе могутъ навлечь и многія другія дѣйствія русской политики относительно славянства въ послѣдующее время, даже до недавнихъ событій; но, возвращаясь ко временамъ Александра I, надо однако вспомнить, что къ той эпохѣ и не могутъ быть строго примѣнены требованія, основанныя на гипотезѣ славянской солидарности. Гдѣ была эта солидарность? кто ее тогда высказывалъ и понималъ? Напротивъ, XVIII-й вѣкъ, при всѣхъ его шумныхъ подвигахъ въ войнахъ съ Турціей, въ его дипломатическихъ дѣлахъ съ Австріей, не оставилъ въ этомъ отношеніи никакой традиціи, никакой сколько-нибудь опредѣленной программы. Россія тѣхъ временъ не брала на себя никакихъ обязательствъ относительно славянства; напротивъ, какъ мы видѣли, она, воюя съ турками, имѣла въ виду только свои собственные ближайшіе интересы, а когда нужно было дать войнамъ болѣе широкую принципіальную окраску, называла турокъ „злочестивыми агарянами", отъ которыхъ надо было освободить—не славянъ, а единовѣрцевъ и святыя мѣста, или мечтала о возстановленіи „греческой имперіи", не вспоминая о славянахъ, которымъ тогда пришлось бы послѣ турокъ быть рабами этой имперіи, т.-е., быть можетъ, попасть изъ огня въ полымя. Таковы были взгляды правительства конца XVIII-го вѣка, которое послѣ Петра самымъ широкимъ и проницательнымъ образомъ понимало внѣшнія политическія дѣла Россіи; Александръ I при всемъ его тонкомъ умѣ далеко не имѣлъ этой широты пониманія и притомъ увлекся черезъ мѣру личнымъ самолюбіемъ въ вопросахъ европейской политики, нерѣдко намъ совершенно чуждой. Впрочемъ это увлеченіе иностранной политикой, мало касавшейся русскаго государства, опять началось раньше; еще до Александра русскія войска съ Суворовымъ воевали въ Италіи и Швейцаріи, и русскій

царь дѣлался гроссмейстеромъ вымиравшаго Мальтійскаго Ордена; не мудрено, что волна Наполеоновскихъ нашествій хлынула, наконецъ, и на Россію. Такимъ образомъ, въ русской политикѣ не было никакой славянской традиціи; въ самой жизни представленія о славянствѣ были скудны и смутны: мудрено ли, что Александръ I также оставался довольно чуждъ къ славянскимъ интересамъ и на Вѣнскомъ конгрессѣ забылъ о преданныхъ далматинцахъ.

Но исторія вызывала славянскій вопросъ. Въ тѣхъ трудныхъ испытаніяхъ, какія переживало южное и западное славянство, въ немъ начиналась собственная внутренняя работа: отголоски европейской жизни достигали сюда и будили мысль объ освобожденіи отъ незаслуженнаго и невозможнаго рабства; внѣшнія событія, какъ войны Россіи и Австріи противъ турокъ, какъ видимое ослабленіе турецкой имперіи, возбуждали мысль объ открытой борьбѣ, и старинное гайдучество стало пріобрѣтать характеръ народнаго возстанія. Когда русское, а также и австрійское правительство обратили вниманіе на эти способные къ возстанію элементы балканскаго славянства (первое—только въ смыслѣ полезной, но случайной диверсіи при войнѣ съ Турціей; второе —съ намѣреннымъ планомъ втянуть ихъ въ „сферу австрійскаго вліянія“, а потомъ господства), это подняло ихъ значеніе: съ одной стороны балканскіе славяне стали чувствовать больше увѣренности, съ другой—о нихъ заговорили, они стали предметомъ европейскаго общественнаго мнѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что это последнее обстоятельство стало отражаться и у насъ, но знаніе славянства стало понемногу распространяться въ нашемъ обществѣ и своими собственными средствами. На русскомъ общественномъ мнѣніи, какъ ни было оно мало развито, при слабости литературы, не могли не оставлять слѣда тѣ практическія сближенія съ славянствомъ, какія идутъ въ особенности съ переселенія сербовъ и болгаръ въ Россію при Елизаветѣ и съ турецкихъ войнъ Екатерины II: болгаръ знали все еще крайне мало, но уже много могли слышать и, наконецъ, читать о сербахъ, черногорцахъ, далматинцахъ. Съ первыхъ годовъ XIX-го вѣка появляются первыя путешествія, въ которыхъ больше или меньше дано мѣсто славянскимъ народамъ. Эти книги теперь забыты, и для нашей темы не лишено интереса взглянуть на эти первые разсказы о славянствѣ.

Одно изъ первыхъ, если не первое путешествіе въ тогдашней литературѣ принадлежало Д. Н. Бантышъ-Каменскому [1]).

[1]) Путешествіе въ Молдавію, Валахію и Сербію. Д. Б. К. Москва, 1810, 8°, 192 стр. разгонистой печати.

Свое путешествіе онъ сдѣлалъ въ 1808 г. еще очень молодымъ человѣкомъ (род. 1784): ему поручено было свезти въ Сербію св. муро, о которомъ просилъ сербскій митрополитъ для своей церкви. Время было смутное, военное; русскія войска стояли въ Молдавіи и Валахіи; въ Сербіи только-что миновалъ первый взрывъ возстанія Кара-Георгія. Молодой путешественникъ имѣлъ возможность близко наблюдать событія; его принимали хорошо въ главной квартирѣ фельдмаршала Прозоровскаго, по связямъ стараго Бантыша, по которымъ, съ другой стороны, путешественникъ находилъ самый ласковый пріемъ у всѣхъ митрополитовъ, архіереевъ и архимандритовъ отъ Тулы и до Бѣлграда. Но разсказъ Бантыша-Каменскаго остается чрезвычайно поверхностнымъ; правда, его путешествіе было слишкомъ спѣшно, въ самомъ Бѣлградѣ онъ пробылъ только два дня, но можно было бы ожидать, что событія больше затронутъ, по крайней мѣрѣ, его любопытство, если не сочувствіе къ славянскому дѣлу. Дѣянія Георгія Чернаго были еще свѣжи.

Между тѣмъ было бы что̀ наблюдать и разсказать. Бантышъ видѣлъ самую первую пору сербской независимости, когда только-что стало складываться будущее государство, и дѣятели его набирались изъ самой непосредственной народной среды. Не знаемъ, извѣстны ли нынѣшнимъ сербскимъ историкамъ эти показанія Бантыша-Каменскаго отъ іюня 1808 года.

Молодой путешественникъ былъ подъ покровительствомъ русскаго резидента въ Бѣлградѣ Родофиникина, который показалъ ему бѣлградскія достопримѣчательности. Между прочимъ, они были въ „сенатѣ“ (стр. 110—111); затѣмъ Бантышъ сдѣлалъ визитъ бѣлградскому коменданту и президенту сената, Младену Миловановичу: „Ему за сорокъ лѣтъ; росту онъ высокаго, и толстое брюхо его доказываетъ, что онъ радѣетъ о пользѣ своего желудка. Мы его застали въ красномъ кафтанѣ, босикомъ и въ туфляхъ. *Добро дошли?—како сте?* и *хвала Богу*, были только шесть словъ, которыя онъ сказалъ мнѣ, хотя я и пробылъ у него съ четверть часа. Во все сіе время онъ поминутно зѣвалъ, протиралъ кулаками глаза свои, искалъ въ головѣ ...., поглаживалъ длинные черные усы, и, подчивая насъ виномъ, показывалъ намъ свое искусство въ питьѣ, опоражнивая третій стаканъ, между тѣмъ какъ мы допивали еще первый“ (стр. 115—116).

Георгій Черный, „сдѣлавшійся извѣстнымъ цѣлому свѣту своею храбростью“, жилъ тогда не въ Бѣлградѣ, а въ имѣньѣ, верстахъ въ восьмидесяти. Бантышъ хотѣлъ-было поѣхать къ нему,—„но мнѣ отсовѣтовали, увѣряя меня, что я увижу передъ

собою одного токмо грубаго человѣка, безъ всякаго воспитанія, отъ котораго не добьюсь ни одного слова“ (стр. 119). По разсказамъ другихъ, Бантышъ передаетъ нѣсколько подробностей объ его біографіи, между прочимъ о прозваніи „Чернаго“, которое дала ему его мать послѣ убійства отца, объ его ненависти къ туркамъ и его страшной жестокости.

„Черному Георгу, какъ сказывали мнѣ,—пишетъ Бантышъ,—не болѣе сорока лѣтъ. Росту онъ высокаго, плечистъ; лицо имѣетъ продолговатое... волосы заплетаетъ сзади въ длинную косу, которая покрываетъ у него всю спину, а спереди зачесываетъ ихъ очень высоко; одѣвается просто, какъ здѣшніе крестьяне, имѣя всегда при себѣ два пистолета и большой ножъ; весьма неопрятенъ; нрава горячаго; молчаливъ въ бесѣдахъ, гдѣ не услышишь отъ него ни одного слова, развѣ тогда только, какъ пьетъ водку, въ которое время читаетъ онъ молитву; не умѣетъ ни читать, ни писать, и одною храбростью своею, увѣнчанною успѣхами, сдѣлался начальникомъ сербовъ и извѣстнымъ всему свѣту“ (стр. 127—128).

Не лишены интереса нѣсколько подробностей о городѣ Бѣлградѣ, только за два года передъ тѣмъ отвоеванномъ сербами у турокъ. Наконецъ, нѣсколько замѣчаній о сербахъ.

„Народъ сей мужественъ, храбръ, но весьма непросвѣщенный. Они очень набожны; строго наблюдаютъ всякіе посты, и въ то время ни за что не ѣдятъ мяса. Жены ихъ не хороши собой; лицомъ весьма смугловаты и черноволосыя: почему достаточные изъ нихъ имѣютъ у себя турчанокъ, изъ коихъ я многихъ видѣлъ красавицъ. Крестьяне сербскіе зажиточнѣе молдавскихъ и волошскихъ...

„Въ Сербіи по деревнямъ нигдѣ нѣтъ церквей христіанскихъ; въ Бѣлградѣ я видѣлъ одну маленькую, деревянную; можетъ быть, ихъ и нѣсколько тамъ находится, но я, признаться, не примѣтилъ“. Бантышу показалось любопытно, что въ каждой сербской деревнѣ есть *кнезъ*: „такъ называются въ Сербіи старосты“. По его объясненію (вѣроятно, слышанному отъ другихъ), „прозваніе сіе дано имъ турками, для униженія достоинства бывшихъ князей сербскихъ. Одежда *кнезей* ничѣмъ не различествуетъ отъ крестьянской“.

„Сербы очень любятъ русскихъ. Я не могу довольно нахвалиться ласками сего народа; они не иначе называли меня, какъ братико; гордились дружбою россіянъ, съ коими нѣсколько разъ сражались противъ турокъ, и, говоря о монархѣ нашемъ, всегда снимали свои шапки и пили за его здоровье! Таковая любовь и

привязанность ихъ къ намъ, основанная на чувствованіи искренней благодарности, нѣсколько разъ извлекала у меня слезы сердечнаго удовольствія.

„Языкъ сербскій, происходя отъ одного корня съ россійскимъ, совершенно походитъ на него“. Бантышъ приводитъ нѣсколько словъ, почти тождественныхъ. Наконецъ, онъ замѣчаетъ, что сынъ Чернаго Георгія, Алексѣй (вѣроятно, Александръ), подарилъ ему „нѣсколько сербскихъ пѣсенъ“; одну изъ нихъ онъ приводитъ, — только это вовсе не пѣсня, а нескладное книжное стихотвореніе въ честь имп. Александра и Родофиникина, на употребительномъ тогда „славяно-сербскомъ“ языкѣ [1]).

Другое путешествіе, коснувшееся славянъ, было „Путешествіе по Саксоніи, Австріи и Италіи въ 1800, 1801 и 1802 годахъ“, Ѳ. П. Лубяновскаго (1805, три части). Авторъ посѣтилъ, между прочимъ, Богемію, гдѣ живалъ на водахъ, былъ въ Прагѣ, зналъ, что находится въ землѣ славянской, но это обстоятельство оставило въ немъ очень мало впечатлѣнія, почти никакого. Нечего и говорить, что авторъ, хотя человѣкъ образованный, не подозрѣвалъ пробуждавшихся тогда національныхъ интересовъ чешскаго общества; самое имя чеховъ у него, кажется, нигдѣ не упомянуто,—онъ знаетъ только „богемцевъ“. Его замѣчанія объ этихъ богемцахъ крайне скудны. Передъ тѣмъ онъ былъ въ Саксоніи и его наблюденія останавливаются только на внѣшнемъ состояніи жителей.

„Богемія едва ли можетъ равняться съ Саксоніею. Здѣсь, кажется, природа все сама болѣе дѣлаетъ.

„Я увидѣлъ большое различіе между жителями той и другой стороны. Здѣсь по селеніямъ я не нашелъ той опрятности, того порядка и той чистоты, коими столько любовался въ Саксоніи. Между тѣмъ они живутъ лучше саксонцевъ; по здѣшней пословицѣ: саксонецъ кладетъ все на себя, богемецъ все въ себя.

„Обычаи сельскихъ жителей болѣе всего меня *забавляютъ*. Они столь близки къ обычаямъ Малороссіи, нашей любезной отчизны. Нарѣчіе ихъ также сходно съ малороссійскимъ...

„Во всякомъ почти селеніи и въ каждомъ городѣ я находилъ какое-нибудь заведеніе промышленности. Но жители, кажется, мало заботятся о томъ, чтобъ заведенія сіи улучшить и довесть до совершенства, а думаютъ болѣе о количествѣ издѣлій.

---

[1]) Стр. 135—138. Дальше, стр. 139—140, приводится еще анекдотъ о Георгіи Черномъ, изображающій грубость его нравовъ.

„Народъ сей сложенія крѣпкаго, статенъ, добродушенъ и гостепріименъ.

„Въ здѣшнемъ краю считается до 1.300.000 жителей, и до 2.500 разныхъ училищъ. Главная цѣль ихъ, какъ увѣряли меня, введеніе повсюду нѣмецкаго языка. Природное нарѣчіе нечувствительно теряется“ (стр. 106—108).

Пребываніе въ Прагѣ точно также ничего не сказало путешественнику о чешскомъ народѣ.

„Чтò тебѣ сказать, другъ любезный, объ этомъ городѣ? Не знаю, съ чего начать и чѣмъ кончить; не потому, чтобъ тутъ было столько любопытныхъ предметовъ, одинъ другого лучшихъ; но для того, что въ немъ не вижу *ничего любопытнаго*“.

Національность жителей остается неизвѣстной; онъ дѣлаетъ только замѣчаніе о суевѣріи народа.

„Тутъ гнѣздо суевѣрія. Прежде нѣкоторые церковные праздники были уничтожены: но когда французы вторглись въ австрійскія владѣнія, то народъ вмѣнилъ то въ казнь за уничтоженіе праздниковъ; въ уныніи подклонилъ подъ мечъ голову и ожидалъ приговору за сіе преступленіе. Богъ насъ караетъ, всѣ возопили: и вдругъ возобновлены праздники, начались опять крестные ходы, умножились пѣшешествія къ такъ называемымъ святымъ мѣстамъ.

„Одинъ однако изъ здѣшнихъ ученыхъ (?) сказывалъ мнѣ, что нужда заставила возобновить праздники и суевѣрные обычаи. Когда ихъ не стало, онъ увѣрялъ, то народъ не имѣлъ уже никакого обузданія, и развратъ, какъ быстрый потокъ, разлился повсюду, не встрѣчая оплота“ (стр. 109—112).

Вотъ все, чтò вынесъ авторъ изъ посѣщенія страны, представившей одно изъ любопытнѣйшихъ явленій славянскаго движенія. Правда, въ тѣ годы чешское возрожденіе дѣлало еще только свои первые шаги, но въ чешскомъ обществѣ были уже и въ то время ревностные національные патріоты, и нѣкотораго интереса было бы довольно, чтобы найти этотъ кругъ людей и познакомиться черезъ нихъ съ положеніемъ и стремленіями чешскаго народнаго патріотизма. Въ другомъ мѣстѣ мы указывали, напримѣръ, что Шлёцеръ отмѣчалъ уже успѣхи чешской исторіографіи, которую ставилъ даже образцомъ для русскихъ ученыхъ. Между тѣмъ авторъ путешествія принадлежалъ къ числу весьма образованныхъ людей своего времени.

Самымъ любопытнымъ путешествіемъ, затронувшимъ тогда славянскія земли, было путешествіе Броневскаго. Владиміръ Броневскій былъ молодымъ морскимъ офицеромъ (род. въ 1784), когда поступилъ на службу въ кампанію знаменитаго адмирала

Сенявина въ Средиземномъ морѣ, въ 1805—1810 годахъ. Онъ былъ свидѣтелемъ любопытнѣйшихъ событій этого времени, которыя и послужили предметомъ его „Записокъ". Подъ конецъ этой кампаніи морскія силы Сенявина стояли въ Тріестѣ, а затѣмъ команда солдатъ и матросовъ отправлена была въ 1810 г. сухимъ путемъ въ Россію. Желѣзныя дороги не существовали, и отрядъ, въ которомъ находился и раненый Броневскій, сдѣлалъ это путешествіе обыкновенными маршами, которые прерывались роздыхами или дневками. Этотъ длинный путь отъ Тріеста черезъ Каринтію и Крайнъ, черезъ Кроацію (Хорватію) и Венгрію, наконецъ черезъ Галицію, Польшу и Западный край до Петербурга, Броневскій сдѣлалъ при отрядѣ, слѣдовательно не торопясь, имѣя возможность видѣть страну, жителей, наблюдать нравы и обычаи: это сдѣлалось предметомъ другой его книги. Наконецъ, къ тому же предмету относится еще одна книга, изданная Броневскимъ [1]).

Если у первыхъ двухъ путешественниковъ, которыхъ мы называли, очевидно отсутствуетъ какая-нибудь опредѣленная мысль объ отношеніяхъ русскаго народа къ славянству, то у Броневскаго являются проблески тѣхъ сочувствій, которыя уже вскорѣ были заявлены въ нашей литературѣ, и въ научной, и въ поэтической формѣ. Книги Броневскаго очень любопытны и характерны, особенно если вспомнить, что онъ началъ этотъ трудъ юношей, едва покинувшимъ школьную скамью. Въ наше время уже не пишутъ такихъ книгъ и, можетъ быть, это жаль. Въ тѣ времена

---

[1]) Книги его выходили въ слѣдующемъ порядкѣ. Сначала: „Записки морскаго офицера, въ продолженіи кампаніи на Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ вице-адмирала Дмитрія Николаевича Сенявина отъ 1805 по 1810 годъ". Спб. 1818—1819, 4 части. Второе изданіе, Спб. 1836, есть только перепечатка заглавнаго листа.

Далѣе: „Письма морскаго офицера, служащія дополненіемъ къ Запискамъ морскаго офицера". Напечатано по Высочайшему повелѣнію. М. 1825—1826. 2 части (собственно письма его сослуживца и друга Н. В. Коробки, ум. въ 1823, но Броневскимъ исправленныя и дополненныя).

— Путешествіе отъ Тріэста до С.-Петербурга, въ 1810 году. Напечатано по Высочайшему повелѣнію блаженной памяти Государя Императора Александра I-го. М. 1828, двѣ части.

Въ 1816 Броневскій, послѣ службы въ черноморскомъ флотѣ, вышелъ въ отставку съ чиномъ капитанъ-лейтенанта. Впослѣдствіи онъ былъ опять на службѣ — инспекторомъ тульскаго Александровскаго дворянскаго училища (1819 — 1828), а потомъ помощникомъ директора и инспекторомъ классовъ въ Пажескомъ корпусѣ. Онъ умеръ въ апрѣлѣ 1835, въ отставкѣ генералъ-майоромъ. Кромѣ названныхъ книгъ онъ издалъ еще: „Исторію Донскаго войска, описаніе земли Донской и поѣздку на Кавказъ". Спб. 1834, 4 части, и „Обозрѣніе южнаго берега Тавриды въ 1815 г.". Тула, 1822.

путешествія такого рода, и особливо ихъ описанія, были большою рѣдкостью; при тогдашнихъ трудностяхъ передвиженія, западную Европу знали очень мало; обыкновенному читателю незнакомы были и пріемы морского путешествія. Если русскій путешественникъ былъ любознателенъ, его интересовали самыя разнообразныя вещи: и внѣшній видъ страны, и города, и способы передвиженія, и всякія достопримѣчательности, и т. д. Заѣхавши въ чужія страны, надо было описывать все: такъ и дѣлаетъ Броневскій. Онъ обстоятельно разсказываетъ о всемъ ходѣ путешествія, описываетъ даже устройство корабля и пріемы мореплаванія, атмосферическія явленія, даетъ описаніе городовъ, подробности военныхъ дѣйствій, вдается въ исторію и въ классическія воспоминанія въ томъ немного сентиментальномъ тонѣ, какой входилъ въ моду съ конца XVIII-го вѣка и еще держался теперь. Въ теченіе плаванія онъ провелъ не мало времени въ Архипелагѣ: описаніе страны и разсказы о современныхъ событіяхъ перемежаются классическими воспоминаніями и историческими свѣденіями, такъ что онъ даетъ своему читателю полное впечатлѣніе видѣннаго.

Наибольшій интересъ „Записокъ" Броневскаго заключается въ подробномъ разсказѣ о пребываніи русской эскадры адмирала Сенявина въ Адріатическомъ морѣ, гдѣ во время войны Россіи съ Франціею русскій флотъ дѣйствовалъ противъ французовъ въ Далмаціи. Русскій флотъ явился здѣсь еще въ послѣдніе годы XVIII вѣка, когда Суворовъ воевалъ въ Италіи; адмиралъ Ушаковъ, начальствуя русскимъ и турецкимъ флотомъ, занялъ Корфу, и на амьенскомъ конгрессѣ въ 1801 году признана была іоническая республика подъ покровительствомъ Россіи и Турціи. Теперь Сенявину предстояло охранять эту республику и вытѣснить французовъ изъ Далмаціи. Присутствіе сильнаго русскаго флота подняло надежды грековъ, итальянцевъ и славянъ. Свидѣтель этихъ событій, Броневскій изображаетъ важность тогдашняго положенія такими словами:

„Іоническая республика по географическому положенію есть ключъ Италіи и врата древней Греціи. Корфа, имѣя одну дивизію пѣхоты и десять линейныхъ кораблей, не только безопасна отъ непріятельскаго вторженія, но становится важною точкою наблюденія между сѣверными и южными государствами. Народы Италіи, угнетенные чуждымъ игомъ, отклоняя вліяніе другихъ соревнующихъ державъ, изъ Корфы ожидали своего освобожденія. Съ другой стороны греки, обитающіе въ Мореѣ, Албаніи и Архипелагѣ, при незначащихъ нашихъ силахъ мечтали о воль-

ности. Славяне, живущіе на восточномъ берегу Венеціанскаго залива, гордясь однимъ съ нами происхожденіемъ и вѣрою, считали Корфу своею столицею. Кротость правленія, благость и праводушіе нашего монарха, соединяли въ пользу нашу различные народы, и мы, будучи окружены тогда непріятелемъ, находили себя столь же безопасными, какъ бы и въ самой Москвѣ. Расположеніе итальянцевъ, религія грековъ, языкъ и одинакіе обычаи славянъ, общая искренняя любовь и преданность народовъ, служили намъ щитомъ надежнымъ и самымъ лестнымъ" [1]).

Въ ту минуту это было дѣйствительно такъ: здѣсь былъ зародышъ освободительнаго движенія и къ нему стремились примкнуть сосѣдніе народы, такъ или иначе связанные съ новой Іонической республикой. Не будемъ говорить о движеніи итальянскомъ и греческомъ; но близкими сосѣдями іонической республики и отчасти родственными по православію были далматинскіе славяне, какъ извѣстно ревностные мореплаватели, въ высшемъ классѣ полуитальянцы по образованію и обычаямъ, что̀ пришло къ нимъ по давнему сосѣдству съ Италіей и по долгому, болѣе или менѣе тѣсному господству Венеціи. Положеніе этихъ далматинцевъ было въ ту пору неопредѣленное и тревожное. Венеціанское господство, къ которому они, кажется, привыкли, не мѣшало политической свободѣ или извѣстной долѣ внутренней автономіи. Паденіе венеціанской республики грозило имъ чужимъ, неизвѣстнымъ игомъ. Имъ странно было принадлежать къ далекой и фантастической французской имперіи, или къ имперіи римско-австрійской: отсюда крайнее возбужденіе, которое произведено было появленіемъ въ Адріатическомъ морѣ сильной русской эскадры, которая олицетворяла собою покровительство славной и популярной тогда Россіи. Она была уже тогда охранительницей іонической республики (турки на ту минуту были союзниками Россіи), и достаточно было Сенявину заявить въ Далмаціи и Черногоріи о готовности русскаго государя принять и ихъ интересы подъ свое покровительство, чтобы это заявленіе вызвало величайшій энтузіазмъ. Въ двухъ-трехъ случаяхъ были колебанія, потому что французы или являлись съ военною силою, или старались противодѣйствовать русскому вліянію своими внушеніями; но вообще народныя симпатіи къ Россіи были очевидны, и когда являлась хотя нѣкоторая увѣренность въ прочности союза, предлагаемаго адмираломъ русскаго флота, тоже

[1]) „Записки", ч. I, стр. 117—118.

увлеченіе охватывало и высшіе классы, болѣе осмотрительные и политически-тонкіе.

Разсказъ Броневскаго наполненъ любопытнѣйшими эпизодами въ этомъ отношеніи. Повидимому Сенявинъ дѣйствовалъ съ большимъ тактомъ, умѣренностію и человѣколюбіемъ. То время еще не допускало критическаго отношенія къ начальственнымъ распоряженіямъ; но видимо Броневскій былъ вполнѣ искрененъ, когда восхвалялъ высокія качества знаменитаго адмирала. Особеннымъ одушевленіемъ отличалась, конечно, православная часть далматинскаго населенія и цѣликомъ православная Черногорія. Это была первая близкая встрѣча двухъ племенъ, до тѣхъ поръ мало знавшихъ другъ о другѣ: родство языка давало неожиданную возможность сговориться и понимать другъ друга; единство исповѣданія съ могущественнымъ народомъ было великой отрадой тамъ, гдѣ православіе играло роль приниженной, простонародной, бѣдной религіи; русское богослуженіе съ хорами пѣвчихъ изъ матросовъ приводило народъ въ умиленіе; надежда завоевать свою свободу подъ защитой единоплеменнаго государства дѣлала далматинцевъ преданными союзниками,—какъ будто, наконецъ, послѣ долгихъ вѣковъ наступила пора освобожденія, котораго уже не думали ожидать.

По разсказу Броневскаго, занятіе провинціи Бокке-ди-Каттаро или Боки Которской, по мѣстному славянскому названію, было мыслью самого Сенявина. Когда въ Корфу,—разсказываетъ онъ,—подтвердился слухъ о заключеніи пресбургскаго мира, по которому Франція получала Венецію и Далмацію, и когда извѣстны стали сношенія французскаго правительства съ Али-пашою Янинскимъ, Сенявинъ (при медленности тогдашнихъ сношеній, затрудненныхъ еще военнымъ положеніемъ) рѣшился на свой страхъ предпринять трудное и смѣлое дѣло, именно привлечь на свою сторону жителей Далмаціи и объявить ихъ независимыми подъ покровительствомъ Россіи. „Въ прежнее служеніе свое на Средиземномъ морѣ, ему извѣстна была преданность славянскихъ народовъ, особенно катарцовъ и черногорцевъ, изъ коихъ послѣдніе находились подъ покровительствомъ Россіи; и потому, принявъ главное начальство, хотя не имѣлъ никакихъ наставленій и увѣдомленія, въ какомъ отношеніи, по возвращеніи нашихъ войскъ изъ Австріи въ свои границы [1]), находились мы съ французскимъ правительствомъ, основываясь на непріязненныхъ поступкахъ, которые со стороны онаго продолжались, рѣ-

[1]) Послѣ аустерлицкаго сраженія и дальнѣйшихъ событій.

шился занятіемъ Катаро утвердить за собою господствованіе на Адріатическомъ морѣ, симъ отклонить близкое сосѣдство французовъ отъ Корфы и воспрепятствовать имъ склонить на свою сторону грековъ, всегда съ жадностью ищущихъ случая свергнуть съ себя турецкое иго"[1]).

Не разсказывая частныхъ встрѣчъ и мелкихъ подробностей, приведемъ нѣсколько характерныхъ эпизодовъ изъ этого перваго сближенія далматинцевъ и русскихъ. Прежде всего, другомъ русскихъ оказался знаменитый черногорскій владыка, Петръ I Петровичъ, глава черногорскаго народа, который, по словамъ Броневскаго, „уже 97 лѣтъ признаетъ себя подданнымъ Россіи". Петръ Петровичъ, митрополитъ и военный предводитель, принялъ начальство надъ черногорцами и приморцами и готовъ былъ начать военныя дѣйствія, которыя у тогдашнихъ черногорцевъ имѣли довольно свирѣпый характеръ; русскимъ пришлось удерживать его отъ кровопролитія. Русскіе встрѣчены были въ Каттаро съ великою радостію. У монастыря Савина собралось до десяти тысячъ народа, митрополитъ освятилъ знамена и, вручая ихъ капитанамъ округовъ, сказалъ имъ горячую рѣчь, на которую народъ отвѣчалъ клятвою защищать свободу въ союзѣ съ родственнымъ русскимъ народомъ. „Клянемся, отвѣтствовалъ народъ единогласно, и *по древнему обычаю славянъ*, потрясая обнаженными мечами, заклинались прахомъ предковъ быть вѣрными по гробъ. Въ шествіи до города, восторгъ народа былъ для насъ умилительнымъ зрѣлищемъ. Мальчики въ праздничномъ нарядѣ осыпали солдатъ цвѣтами; народъ, одни цѣловали полу платья, другіе съ почтеніемъ прикасались къ рукамъ нашимъ. При громкихъ восклицаніяхъ: да здравствуетъ царь нашъ бѣлый, да вѣки поживетъ нашъ Александръ, въ Кастель-Ново и Еспаньолѣ подняли россійское знамя. Корабли эскадры, всѣ купеческія суда расцвѣтились флагами, и вмѣстѣ съ крѣпостями выпалили по 101 пушкѣ. Съ сего времени до самой глубокой ночи, во всей области ружейная и пушечная стрѣльба не умолкала, не только купеческія суда, но дома и шлюпки украсились бѣлымъ съ голубымъ андреевскимъ крестомъ флагомъ. Жители не знали мѣры своей радости, угощали солдатъ всѣмъ лучшимъ, обнимали ихъ, отъ избытка сердечныхъ чувствъ плакали; восторгъ, искренность, видны были на всѣхъ лицахъ и день сей представлялъ восхитительнѣйшее торжество"[2])!

---

[1]) Часть I, стр. 137—138.

[2]) Стр. 142—144. Укажемъ еще эпизоды встрѣчъ русскихъ судовъ и отрядовъ съ приморцами, еще не знавшими о происходившемъ въ Каттаро и приходившими

Въ результатѣ Сенявинъ умножалъ свои силы 12 тысячами черногорцевъ и приморцевъ.

Дѣйствія Сенявина были одобрены императоромъ Александромъ и на нѣкоторое время между русскимъ флотомъ и приморцами образовались тѣсныя дружескія отношенія. „Когда,—разсказываетъ Броневскій,—присутствіе наше въ провинціи Катарской сдѣлало греческую вѣру свободною, то первый праздникъ Пасхи отправленъ былъ съ великимъ торжествомъ. Въ субботу, ввечеру, народъ собрался къ двумъ монастырямъ: *Савину* и *Топла*. Въ первомъ полковой священникъ съ игуменомъ отправляли службу, а полковые пѣвчіе пѣли на другомъ крылосѣ. Народъ съ великимъ вниманіемъ вслушивался въ рѣчи русскаго священника, согласное же пѣніе полковыхъ пѣвчихъ приводило славянъ въ восторгъ. По окончаніи заутрени, когда безъ различія состояній и чиновъ начали цѣловаться, то „*Христосъ воскресе, во истину воскресе*" произносились съ такимъ усердіемъ и радостію, что сіи объятія русскихъ и бокезцовъ, соединяя ихъ въ одинъ народъ, изображали истинное торжество вѣры"... Когда старый игуменъ послѣ обѣдни сказалъ рѣчь къ собравшемуся народу, гдѣ, между прочимъ, просилъ Бога сохранить навсегда владычество русскихъ въ этой области, то „многіе пали ницъ и нѣсколько минутъ, уже по окончаніи рѣчи, остались въ томъ же положеніи. Повсюду слышны были рыданія. Нельзя описать нашихъ чувствованій при семъ столь искреннемъ изъявленіи любви народа". На другой день при звонѣ колоколовъ и пушечной пальбѣ устроился крестный ходъ по всѣмъ окрестнымъ церквамъ, потомъ игуменъ благословилъ пасхи и началось всенародное пиршество. „Каждое семейство сѣло въ кружокъ, посреди коего на коврѣ положена была пасха, холодное, жаркое, вино и плоды. Всѣ безъ исключенія переходили отъ одного кружка къ другому, говорили *Христосъ воскресе*, цѣловались, садились, отвѣдывали всего по немногу и шли далѣе. Солдатъ нашихъ съ трудностью уступали и всякое семейство старалось удержать ихъ за своимъ столомъ" [1]).

Между прочимъ, Броневскій сдѣлалъ изъ Каттаро путешествіе въ сосѣднюю Черногорію. Если не ошибаемся, разсказъ его былъ первымъ русскимъ описаніемъ Черногоріи, какихъ впослѣдствіи

въ величайшій восторгъ, когда узнавали, что русскіе стали ихъ союзниками; тамъ же, стр. 163—165 и др.

[1]) Тамъ же, стр. 181—183.

собралось довольно много [1]). Черногорія и долго послѣ производила на путешественниковъ, въ томъ числѣ и русскихъ, сильное впечатлѣніе дикостью своей природы и первобытною суровостью своихъ жителей. Броневскій отправился туда съ провожатымъ; кромѣ того „митрополитъ", то-есть черногорскій владыка, „приказалъ одному витязю изъ своей гвардіи, ростомъ почти въ сажень, провожать меня всюду, куда бы я ни пожелалъ, и, отпуская меня, увѣрялъ, что я буду принятъ съ усердіемъ и должнымъ уваженіемъ".

Въ то время еще не существовало, конечно, то шоссе, которое соединяетъ теперь Каттаро съ Цетиньемъ; дорога шла цѣликомъ по крутой горѣ и приводила нашего путешественника въ ужасъ; у него кружилась голова, но это былъ не одинъ предметъ страха... „Вдругъ услышали мы пронзительные дикіе крики; со мною бывшіе отвѣчали такими же голосами; невольный страхъ овладѣлъ мною и еще больше увеличился, когда догнали мы у ключа, *Кровавацъ* называемаго, партію черногорцевъ, возвращавшихся съ торгу изъ Катаро; они обступили меня, одинъ спрашивалъ, точно ли я русскій? другой—христіанинъ ли я? а третій подозрѣвалъ—не католикъ ли я? однако-жъ удовольствовавшись моими отвѣтами и увѣреніями митрополитскаго витязя, хотѣли, чтобъ я пересѣлъ на ихъ осла, цѣловали руки мои и полу платья, а между тѣмъ тащили меня долой; начался между ними жаркій споръ; я боялся, что начнется драка; наконецъ, посадивъ матроса на осла, меня оставили на лошакѣ, и мы спокойно продолжали путь".

Броневскаго поражали и вмѣстѣ пугали необузданные пріемы черногорскаго гостепріимства. Въ первой деревнѣ, куда они прибыли, его обступила новая толпа.

„Первый, который подошелъ ко мнѣ, былъ князь (титло, принадлежащее сельскимъ начальникамъ); онъ рѣшительно объявилъ мнѣ, что я долженъ ночевать у него.

„Мнѣ нечего было тутъ разсуждать, и я, повинуясь приказанію, пошелъ за нимъ. Князь, остановивъ меня передъ воротами, вошелъ въ домъ, скоро возвратился, взялъ меня за руку и ввелъ въ избу. Представить должно мое изумленіе,—расположеніе очень похоже на наши крестьянскія свѣтлицы. Меня посадили въ уголъ подъ образа, возлѣ меня матроса, который безпрестанно вставалъ съ лавки, я насилу увѣрилъ его, что здѣсь онъ долженъ дѣлать,

[1]) Передъ тѣмъ на русскомъ языкѣ была только маленькая книжка: „Исторія о Черной горы", составленная черногорскимъ владыкой Василіемъ Петровичемъ во время пребыванія въ Россіи въ 60-хъ годахъ XVIII-го вѣка.

что намъ прикажутъ. Вошла молодая женщина (младшая въ домѣ невѣстка), поставила на полъ къ ногамъ моимъ деревянную чашу воды, съ робостью поклонилась, поцѣловала у меня полу мундира, у матроса руку, онъ вскочилъ и чуть не засмѣялся, потомъ стала на колѣни, сняла съ меня сапоги, посмотрѣла ихъ съ любопытствомъ, сняла чулки, словомъ, мнѣ и матросу вымыла ноги. Послѣ сего князь предложилъ мнѣ пасху, которая стояла на накрытомъ столѣ, и все его семейство христосовалось со мною, равно и съ товарищемъ моимъ". Послѣ ужина гостей уложили спать, но хозяева, которые улеглись тутъ же, имѣли столь внушительный видъ, что гость ихъ побаивался. „Всякое движеніе моихъ (спящихъ!) хозяевъ, не знаю почему, приводило меня въ страхъ: я подвинулъ къ себѣ длинную мою саблю, и хотя въ соображеніи моемъ не находилъ причины опасаться, однако-жъ былъ готовъ къ оборонѣ; но утомленіе сомкнуло глаза, и я часа три спалъ очень крѣпко". На другое утро гостя ждали уже другіе хозяева: необходимо было обойти всю деревню (дворовъ 20), войти въ каждый домикъ, вездѣ отвѣдать пасхи и перецѣловать все семейство. „Когда я переходилъ изъ дому въ домъ, меня сдавали съ рукъ на руки, точно такъ, какъ бы какую вещь, и напоминали хранить меня, какъ зѣницу ока!" Матросъ, какъ ему и слѣдовало, „напился такъ, что его принуждены были положить поперекъ на спину осла" [1]).

Наконецъ, Броневскій прибылъ въ Цетинье („монастырь Цетино"). Здѣсь между прочимъ показали ему грамоты русскихъ государей, начиная отъ Петра, и подарки изъ богатыхъ иконъ и церковной утвари.

Приведемъ еще два эпизода: „Въ Бѣлоши приходской священникъ принесъ святцы, дабы сказалъ я ему, кіевской ли онѣ печати? Я развернулъ и сталъ читать. Всѣ бывшіе въ избѣ встали, и когда я пересталъ, просили, чтобъ еще прочелъ нѣсколько молитвъ. Я обратился тогда къ образамъ, всѣ начали молиться, сдѣлалась тишина и слышны были вздохи, которые до того растрогали меня, что едва могъ удерживать слезы. По окончаніи чтенія, умиленіе изображено было на лицахъ каждаго, разговоръ кончился сожалѣніемъ, что они такъ далеко живутъ отъ Россіи, и не могутъ видѣть великолѣпія нашихъ храмовъ и молиться въ нихъ Богу. Другой случай доставилъ мнѣ удовольствіе столь же великое. Первому моему провожатому подарилъ я портретъ государя. Узнавъ, чье изображеніе держитъ въ своихъ рукахъ, за-

---

[1]) Стр. 184 и дальше.

трепеталъ онъ отъ радости, обнялъ меня съ восхищеніемъ, цѣловалъ руки, благодарилъ несвязными словами, приложилъ портретъ къ груди, потомъ перекрестился, поцѣловалъ оный съ благоговѣніемъ, далъ приложиться своимъ домочадцамъ, показывалъ каждому и, наконецъ, прилѣпя къ дощечкѣ, поставилъ къ образамъ".

Это гостепріимство, какъ и весь бытъ и нравы черногорцевъ, произвели на Броневскаго сильное впечатлѣніе. „Я видѣлъ Спарту, —говоритъ онъ,—видѣлъ въ полномъ смыслѣ слова республику, отечество равенства и истинной свободы, гдѣ обычаи замѣняютъ законъ, мужество стоитъ на стражѣ вольности, несправедливость удерживается мечемъ мщенія, удивлялся возвышенности духа, горделивости и смѣлости того народа, котораго имя наводитъ страхъ всѣмъ ихъ сосѣдямъ. Образъ же ихъ жизни, неиспорченность нравовъ и отчужденіе всякой роскоши истинно достойны всякой похвалы. Три дня, проведенные мною между ними, я такъ сказать перенесенъ былъ въ новый міръ и познакомился съ предками моими 9-го и 10-го столѣтія, видѣлъ предъ собою простоту патріаршескихъ временъ, бесѣдовалъ съ Ильею Муромцемъ, Добрынею и другими богатырями нашей древности. Дикость характера, жестокость противу непріятелей побуждаетъ ихъ вести безпрерывную войну противу всѣхъ сосѣдей, ибо, довольствуясь своими произведеніями и не имѣя въ нихъ надобности, находятъ для себя оную полезнымъ упражненіемъ. Сей обычай, проистекающій отъ необразованности, перевѣшивается чистотою нравовъ, повиновеніемъ къ родителямъ и семейственнымъ счастіемъ" [1]).

Броневскій даетъ цѣлое описаніе каттарской провинціи, для чего онъ воспользовался какимъ-то „подробнымъ описаніемъ одного австрійскаго инженера", но, говоритъ онъ, „какъ сей офицеръ, увлекаясь духомъ католицизма, представилъ характеръ народа совершенно въ искаженномъ видѣ, то я заимствовалъ отъ него только статистическое и частію историческое описаніе". Далѣе слѣдуетъ описаніе Черногоріи. Въ томъ и другомъ Броневскій, конечно, прибавилъ и свои собственныя наблюденія. Весьма любопытно, напримѣръ, изображеніе знаменитаго владыки Петра I Петровича.

„Петръ Петровичъ не малаго роста, имѣетъ станъ стройный, лицо румяное, видъ привлекательный, наружность важную и глаза, исполненные живости. Я имѣлъ случай видѣть его при въѣздѣ въ Катаро, когда онъ былъ въ церкви, на вахтъ-парадѣ, при осмотрѣ укрѣпленій и въ домѣ губернатора генерала Пушкина; видѣлъ его въ санѣ первосвященника, владѣтельнаго князя,

---

[1]) Тамъ же, стр. 192—193.

генерала, инженера, обходительнаго придворнаго, и могу сказать, онъ не похожъ на Петра пустынника, собравшаго воинство крестоносныхъ рыцарей; онъ одинъ въ свѣтѣ архіерей, согласующій въ себѣ достоинства, столь противоположныя пастырскому жезлу. Въ церкви, когда съ важностію сѣлъ на пріуготовленный ему тронъ, онъ былъ царь. Въ домѣ у генерала, черное бархатное полукафтанье, подпоясанное богатымъ кушакомъ, на коемъ висѣла сабля, украшенная драгоцѣнными каменьями, круглая шляпа и Александровская лента чрезъ плечо, представляли его болѣе генераломъ, нежели митрополитомъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ съ бо̀льшею ловкостію повелѣвалъ предъ фронтомъ на вахтъ-парадѣ и при осмотрѣ постовъ крѣпости, нежели съ небольшою уклонкою благословлялъ подходившихъ къ нему офицеровъ. Онъ всегда окружаетъ себя многочисленною свитою; витязи его или гвардія— настоящіе исполины, чудо богатыри; самый меньшій изъ нихъ не менѣе двухъ аршинъ 12 вершковъ; впереди нихъ великанъ росту 3 аршинъ; оружіе ихъ блеститъ золотою насѣчкою, перламутромъ и кораллами, одежда вся обшита позументомъ и залита серебромъ. Петръ Петровичъ говоритъ по-итальянски, по-французски и порусски, точно какъ на своемъ природномъ славянскомъ языкѣ, но по своей политикѣ и сану полагаетъ приличнѣйшимъ употреблять въ публичныхъ переговорахъ, для первыхъ двухъ, переводчиковъ. Онъ чуждъ предразсудковъ и суевѣрія, любитъ просвѣщеніе, находитъ удовольствіе бесѣдовать съ иностранцами, внимательно наблюдаетъ ходъ политическихъ происшествій въ Европѣ, умѣетъ пользоваться обстоятельствами и искусно вывертывается изъ трудныхъ дѣлъ. Путешествія его, просвѣщеніе и природная острота придаютъ разговору его ясность и пріятность, а обхожденію самую тонкую вѣжливость и важность. Умъ его въ безпрестанной дѣятельности; властолюбіе управляетъ всѣми его дѣяніями и помышленіями. По всему кажется, что онъ весьма расположенъ къ завоеваніямъ" [1]).

Броневскій дѣлаетъ, наконецъ, соображенія о томъ, какое можетъ быть будущее черногорскаго народа; тогдашнее патріархально-дикое состояніе не могло казаться ему такимъ, на какомъ народъ могъ бы остановиться; оно требовало преобразованія; какимъ путемъ оно было возможно? По мнѣнію Броневскаго, оно могло быть только твореніемъ русскаго государя [2]).

Какъ мы сказали, дѣйствія Сенявина получили одобреніе

[1]) Тамъ же, стр. 263—265.

[2]) Стр. 299—300.

императора Александра. Впослѣдствіи императоръ даже настаивалъ на занятіи Далмаціи и Каттаро, еслибы они не были заняты. Онъ не принялъ первыхъ условій мира, предложенныхъ французами, и въ новыхъ условіяхъ оговаривалъ, чтобы Далмація и Каттаро не принадлежали Франціи. Сенявинъ распространялъ свои дѣйствія на Герцеговину, жители которой также изъявляли готовность быть его союзниками,—но все это не повело ни къ чему. Часть русскаго флота должна была отплыть въ Архипелагъ: предполагалась и вскорѣ началась война съ Турціею; а затѣмъ заключенъ былъ тильзитскій миръ, по которому не только Далмація осталась подъ властью французовъ, но русскіе должны были сдать имъ Каттаро и іоническую республику. Броневскій старается объяснить и оправдать тильзитскій миръ [1]). Но по его собственнымъ словамъ, „нельзя описать того унынія, которымъ корфіоты поражены были; горесть изображена была на всѣхъ лицахъ. Прекращеніе торговли, угнетенія отъ военнаго правленія, страхъ отъ контрибуцій побуждали каждаго заблаговременно оплакивать свои несчастія. Богатые люди, купцы, капиталисты, англичане и кто только могъ поспѣшно перебирались на суда и отправлялись въ Мальту и Сицилію, послѣднее убѣжище, отъ ига французовъ свободное". Броневскій подробно описываетъ трогательное прощаніе жителей Корфу съ русскими войсками. „Я въ первый разъ,—говоритъ онъ въ заключеніе,—увидѣлъ и повѣрилъ, что корфіоты имѣли причину любить русскихъ; они подлинно безъ насъ остались сиротами. Можно сказать, что корфіоты и катарцы были любимыми чадами Россіи, которыхъ мы покоили, берегли и ласкали, не требуя отъ нихъ никакого пожертвованія. Великодушіе, милости императора Александра никогда не должны изгладиться изъ памяти сихъ народовъ".

Въ предисловіи къ „Путешествію отъ Тріэста до Петербурга" Броневскій упоминаетъ, что по причинамъ, не отъ него зависѣвшимъ, рукопись его „долженствовала остаться въ забвеніи", но императоръ Александръ повелѣлъ, чтобы она была издана, — хотя издана была она уже только по смерти императора Александра. Какія были эти причины, не знаемъ; быть можетъ, здѣсь участвовала слишкомъ опасливая цензура. Авторъ ожидалъ снисхожденія читателей особливо потому, что „до сего времени мы не имѣемъ на русскомъ языкѣ почти никакихъ описаній о Венгріи, столь близкой и столь мало еще намъ извѣстной странѣ;

[1]) Часть III, стр. 176 и далѣе.

ибо и иностранные путешественники, посѣщавшіе Венгрію, описали естественныя ея богатства и, предпочтительно занимаясь ея рудниками, не обращали вниманія на другіе, болѣе занимательные предметы". Замѣтимъ, что страны, которыми проходилъ русскій отрядъ, были въ особенности славянскія, и любознательный путешественникъ не упускаетъ отмѣтить своихъ встрѣчъ съ разными славянами; нерѣдко эти встрѣчи оставляли въ немъ пріятное впечатлѣніе, но не возбуждали въ немъ никакихъ дальнѣйшихъ мыслей о славянскомъ братствѣ и единствѣ, и о національномъ возрожденіи видѣнныхъ имъ племенъ онъ ничего не знаетъ. Онъ видитъ только отдѣльные внѣшніе факты, и его сочувствія были еще только инстинктомъ.

Русскій отрядъ оставилъ Тріестъ въ концѣ марта 1810 года и пришелъ въ Петербургъ 8-го сентября; всего пути, по счету Броневскаго, было шесть мѣсяцевъ и одинъ день. Жители Тріеста сдѣлали русскимъ очень теплые проводы. На первыхъ же переходахъ путешественникъ встрѣтилъ славянъ. Въ тѣ годы здѣсь было еще королевство Иллирія, основанное Наполеономъ; жители встрѣчали русскихъ съ сочувствіемъ. Броневскій знаетъ, что Карніолія называется коренными жителями Крайна и происходитъ отъ славянскаго слова *край*, „ибо область сія составляетъ западную границу славянскихъ племенъ". „Краинцы говорятъ славянскимъ языкомъ, *испорченнымъ* нѣмецкими и итальянскими словами, смотря по тому, къ которой границѣ они живутъ ближе; однакоже наши люди понимали ихъ безъ затрудненія".

„Общее предубѣжденіе называетъ краинцевъ коварными и лживыми; но мнѣ кажется, что сіи пороки суть слѣдствіе чуждаго имъ ига. Краинцы сохранили добродѣтели, свойственныя славянамъ: они трудолюбивы, храбры, терпѣливы, смѣтливы и переимчивы. Въ нѣкоторыхъ механическихъ искусствахъ они далеко превосходятъ учителей своихъ нѣмцевъ, отъ коихъ однакожъ пріобрѣли какую-то неловкость, неповоротливость. Въ характерѣ ихъ примѣтна суровая дикость; уныніе изображено во взорахъ ихъ. Средній ростъ, широкія плечи, жилистыя руки и стройный станъ обѣщаютъ богатырскую силу... Сколь ни бѣдна страна сія, однако же жители ея просвѣщеннѣе всѣхъ прочихъ иллирійцевъ. Въ концѣ XVII-го столѣтія только правитель области и епископъ Лайбахскій имѣли экипажъ; но съ того времени, какъ для торговли Тріэста нашли нужнымъ проложить въ Вѣну большую дорогу, краинцы познакомились съ роскошію, просвѣтились и отъ обращенія съ иностранцами сдѣлались нѣсколько привѣтливѣе".

Очень любопытны мимоходомъ брошенныя замѣчанія объ отно-

шеніяхъ народа къ австрійскому правительству и о пробужденіи народнаго сознанія вслѣдствіе встрѣчъ съ русскими.

„Народъ сей чрезмѣрно привязанъ къ своимъ обычаямъ и вѣрѣ; въ характерѣ его послѣ стольких вѣковъ чужеземнаго ига не видно чувствительной перемѣны. Не примѣтно, чтобы австрійское правительство пеклось объ ихъ просвѣщеніи; неуваженіе къ ихъ обычаямъ и вѣрѣ всегда питало взаимную недовѣрчивость и недоброжелательство, которыя, впрочемъ, рѣдко могутъ существовать между побѣдителемъ и побѣжденнымъ. Походъ арміи Суворова въ Италію, долговременное наше пребываніе въ Тріэстѣ познакомили ихъ съ русскими. Они съ сего времени какъ бы пробудились отъ сна; вѣра, языкъ и сходство нравовъ польстило ихъ народной гордости. Для нихъ теперь нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ говорить о Россіи, о нашемъ государствѣ, правительствѣ и о счастіи быть русскимъ. Мечтанія ихъ простираются *гораздо далье*, нежели можно было бы ожидать отъ ихъ ограниченныхъ познаній въ политикѣ. Словомъ сказать, присутствіе наше по близости славянскихъ областей, даже мгновенный переходъ чрезъ Карніолію, сдѣлалъ сильное въ нихъ впечатлѣніе, и надобно признаться, что какъ бы правительство, коему они будутъ подвластны, ни было попечительно, они всегда помышлять будутъ о Россіи съ восхищеніемъ“.

Броневскій описываетъ жилища, нѣкоторые обычаи, образъ жизни краинцевъ, но, кажется, не все въ нихъ уразумѣлъ; онъ разсказываетъ по крайней мѣрѣ, что въ Ивановъ день „совершается обрядъ, сохранившійся отъ языческихъ временъ: на вершинахъ горъ и предъ каждымъ домомъ зажигаютъ костры дровъ, или бочки со смолою, и вокругъ сихъ огней пляшутъ подъ пѣсни, вообще *не имѣющія ни смысла, ни риѳмы*“. Въ Лайбахѣ ему понравилось „особенно потому, что здѣсь женщины средняго состоянія вообще всѣ красавицы. Кровь славянская, смѣшанная съ нѣмецкою, придаетъ женщинамъ особенныя черты и красоту; онѣ при черныхъ волосахъ могутъ похвалиться бѣлизною, румянцемъ и стройностью стана“ [1]).

О жителяхъ Штиріи Броневскій замѣчаетъ, что они богаче краинцевъ. „Въ Штиріи нѣтъ уже славянъ греческаго исповѣданія; здѣсь католицизмъ превозмогъ всѣ другія вѣры. Впрочемъ коренные жители суть славяне, коихъ нравы и обычаи отъ смѣшенія съ нѣмцами много измѣнились. Языкъ такъ *испорченъ*, что съ трудомъ понимать ихъ можно. Здѣсь *для русскаго сердца*

[1]) Путешествіе, ч. I, стр. 12 33.

весьма приличнымъ нахожу сказать, что отъ Тріэста до С.-Петербурга вездѣ славянскій языкъ господствуетъ, и на семъ пространствѣ коренные жители большею частію славяне" (стр. 53—54).

Въ Санта-Маріи отрядъ переступилъ границу, отдѣлявшую Штирію отъ Венгріи. Здѣсь все измѣнилось; вмѣсто прекрасныхъ полей и плотныхъ крестьянъ глазамъ представилась болотистая ложбина и народъ, какъ путешественнику показалось, совсѣмъ не похожій на храбрыхъ венгерцевъ. „Крестьяне покрыты рубищемъ или въ шубахъ на выворотъ; въ потупленномъ взорѣ ихъ напечатлѣно мрачное уныніе; почтительные поклоны при встрѣчѣ громко говорятъ оскорбленному сердцу о давнишней привычкѣ ихъ къ уничижительному рабству. Женщины босыя, съ растрепанными волосами, смугло-желтымъ лицемъ... Просвѣщенная Европа кончится на границѣ Венгріи, и кончится очень дурно". Броневскій предупреждалъ своего читателя, что не будетъ прикрашивать того, что̀ онъ видѣлъ, и дѣйствительно во время пути въ Венгрію онъ видалъ не мало тяжелаго въ народномъ быту. Случилось по дорогѣ пользоваться гостепріимствомъ богатыхъ владѣльцевъ, и здѣсь Броневскій описываетъ нравы, весьма похожіе на русскій помѣщичій бытъ тѣхъ и (позднѣйшихъ) временъ. Помѣстье одного венгерскаго барона, который пригласилъ къ себѣ русскихъ офицеровъ, совершенно похоже было на богатую русскую помѣщичью усадьбу, съ такимъ же хлѣбосольствомъ, съ такими же крѣпостными музыкантами и т. п. „Въ продолженіе прогулки я разспрашивалъ графа, очень изрядно объяснявшагося на итальянскомъ языкѣ, о правленіи, о правахъ дворянства, о состояніи и повинностяхъ мужиковъ; но отвѣты для меня *столько непріятны*, что я еще разъ прошу тебя, любезный другъ, потерпи: быть можетъ впередъ будетъ лучше" (стр. 68).

Въ Штульвейссенбургѣ, который, по словамъ Броневскаго, былъ однимъ изъ лучшихъ городовъ нижней Венгріи, русскій отрядъ прибылъ на второй день Пасхи. Здѣсь произошла опять трогательная встрѣча съ единоплеменниками, какъ было въ Каттаро. Славянскіе жители города встрѣтили отрядъ у заставы и просили зайти въ свою церковь; протопопъ встрѣтилъ ихъ у церкви съ крестомъ и со святою водою и привѣтствовалъ краткою рѣчью.

„Нашъ священникъ присоединился къ славянскому духовенству; на другомъ крылосѣ стали наши пѣвчіе; обѣдня тотчасъ началась и продолжалась съ такимъ благоговѣніемъ, котораго я, признаюсь, нигдѣ доселѣ не видалъ. Жалко, что церковь не могла вмѣстить всѣхъ слушателей, ибо половина нашихъ людей и сла-

вянъ стояли вокругъ церкви. Умиленіе видно было на всѣхъ лицахъ; глубокое молчаніе прерывалось только вздохами и поклонами. Тронутый до глубины души, я чувствовалъ неизъяснимое наслажденіе въ разсматриваніи лицъ, на коихъ можно было читать тайну души и помышленій ихъ; но не долго былъ я въ состояніи питать сердце симъ чрезмѣру трогательнымъ зрѣлищемъ, не смѣлъ взглянуть на трепещущихся и согбенныхъ старцевъ, коихъ очи, омоченныя слезами, съ любовію на насъ были устремлены. Первое произнесенное слово нашимъ священникомъ и первое „Христосъ воскресе", пропѣтое хоромъ нашихъ пѣвчихъ, произвело удивительное дѣйствіе на славянъ. Одни, какъ громомъ пораженные, пали на колѣни; другіе въ пламенномъ восторгѣ, воздѣвъ руки къ небу, казалось, искали, откуда исходило столь согласное пѣніе; иные, зажмуривъ глаза и обративъ головы къ правому крылосу, казалось, желали наслаждаться однимъ слухомъ; наконецъ остальные, при глухомъ восклицаніи, изъявляли нетерпѣніе и, казалось, обращены были въ слухъ и зрѣніе. При выносѣ, когда русскій священникъ послѣ протопопа церкви произнесъ: „и благочестивѣйшаго нашего императора Александра Павловича" и пр., славяне по знаку дьякона пали ницъ, а духовенство, со смиреніемъ потупивъ очи долу, въ полголоса повторяло то же, и, казалось, каждое слово потрясало ихъ подобно электрической силѣ. По окончаніи службы, можно сказать, мы бросились въ объятія другъ друга" [1]).

Пребываніе въ венгерской столицѣ, Пестѣ, не навело путешественника на мысль выяснить тѣ отношенія венгровъ и славянъ, какія въ частности онъ уже встрѣчалъ во время своего странствія. Онъ замѣчаетъ только одно — недовольство самихъ венгровъ австрійскимъ правительствомъ. По поводу видѣннаго имъ поля Рокошъ, близъ Песта, гдѣ собирались нѣкогда сеймы для избранія королей, Броневскій замѣчаетъ: „Видъ сей пустыни напоминаетъ венгерскому дворянству о древней ихъ независимости. Они и теперь почитаютъ оную какъ святыню, гдѣ храбрые предки ихъ клялись до послѣдней капли крови защищать свои права... Еслибы Іосифъ II взглянулъ на сіе поле и сообразилъ происшествія, на немъ случившіяся, то конечно могъ бы извлечь изъ оныхъ полезную мысль, какъ наилучшимъ и спокойнѣйшимъ образомъ управлять сею храброю націею. Любители старины, коимъ не нравится никакое благонамѣренное распоряженіе правитель-

---

[1]) Путешествіе, ч. I, стр. 73—75.

ства, почитаютъ построенныя въ Пестѣ огромныя казармы какъ памятники совершеннаго ихъ порабощенія" [1]).

Сами венгерцы, по словамъ Броневскаго, какъ народъ воинственный, занимаются только земледѣліемъ (т.-е остаются помѣщиками), а всѣ торговые обороты находятся въ рукахъ евреевъ, армянъ и частію славянъ (стр. 91, 106). Въ Пестѣ онъ встрѣтился также съ нѣсколькими славянскими семействами, которыя „обременили его своимъ вниманіемъ и ласками". Около Мишкольца Броневскій въ первый разъ отмѣчаетъ встрѣчу съ венгерскими русскими или, какъ ихъ тамъ называютъ, руснаками. „Они, несмотря на несносную погоду, приходили съ своимъ священникомъ побесѣдовать съ нами и досыта наговориться по-русски" (стр. 137). Въ мѣстечкѣ Форро Броневскій отмѣчаетъ границу Венгріи, „населенной природными жителями": измѣняется характеръ природы и самаго населенія. Вмѣсто унылой равнины начинается цѣпь невысокихъ красивыхъ горъ, предгорья Карпатъ. „Теперь вмѣсто быковъ даютъ подъ наши повозки лошадей, вмѣсто угрюмыхъ венгровъ—проворныхъ веселыхъ единоземцевъ нашихъ, которыхъ называютъ здѣсь руснаками, и вмѣсто болотъ, крика лягушекъ, удивленный взоръ на каждомъ шагу встрѣчаетъ новыя красоты, которыми природа украсила мѣсто отсюда до Карпатскихъ горъ" (стр. 149).

Въ цѣломъ, собственная Венгрія оставила въ нашемъ путешественникѣ тяжелое впечатлѣніе. „Венгры,—говоритъ онъ,—не вѣдаютъ никакихъ удобностей жизни и между ними непримѣтно никакого слѣда просвѣщенія. Несмотря на множество болотъ въ нижней и мутныхъ рѣкъ въ верхней Венгріи, нѣтъ ни плотинъ, ни мостовъ; дороги только для быковъ, и какія дороги! Осенью нельзя и думать ѣздить здѣсь въ экипажѣ. Прибавь къ симъ неудобствамъ печальную природу, нищету народа, гордость дворянства, и ты будешь имѣть точное изображеніе Венгріи, нѣкогда славной и нынѣ обитаемой героями" (стр. 135).

Въ окрестностяхъ Кашау (Кошицъ) Броневскій имѣлъ новый пріятный сюрпризъ. „Съ вечера, нанявъ обывательскій фургонъ (запрягаемый пятью лошадьми) и поднявшись до солнца, пустился по дорогѣ во весь духъ, по-русски. Дѣйствительно по-русски, ибо не знаю, какою волшебною силою, только въ самомъ дѣлѣ я очутился въ Россіи". Извозчикъ его былъ руснакъ, чисто говорилъ по-русски и былъ православный. Броневскій началъ разспрашивать его, какъ называются окрестныя мѣстности: ока-

---

[1]) Тамъ же, стр. 107.

залась рѣчка—Винитскій потокъ, прекрасная засѣянная поляна —Новая долина, другая рѣчка—Кременица, деревня—Розгонъ и т. п. Русскія мѣстныя названія продолжались до Черновицъ. Далѣе „начали встрѣчаться имена манджурскія, китайскія, нѣмецкія, такъ что иныя и не выговоришь. Я забылъ, что, приближаясь къ Карпатскимъ горамъ, приближаюсь къ родинѣ славянъ. Вспомнивъ, что эти руснаки составляютъ воинственное поколѣніе тѣхъ славянъ, кои при всеобщемъ переселеніи народовъ поселились по южную сторону Карпатовъ, мнѣ весьма пріятно было замѣтить, что они сохранили всѣ древнія качества нашихъ прародителей, несмотря на то, что окружены разноплеменными народами. Венгрія, какъ я уже сказалъ, представляетъ смѣшеніе языковъ, подобное бывшему при Вавилонскомъ столпотвореніи: здѣсь есть угры, романы, гунны, татары, язиги, и пр., и пр., и это потому, что всѣ варварскіе народы отъ сѣвера и востока шли чрезъ Венгрію къ югу и западу и, одинъ другого истребляя, одинъ за другимъ оставляли въ Венгріи свои поселенія, кои отчасти смѣшались съ другими племенами, а иные соединились въ одно общество и нынѣ, какъ наши славяне, занимаютъ цѣлые округи [1]).

Около Черновицъ Броневскій опять испыталъ шумное гостепріимство. Когда узнали здѣсь, что пріѣхалъ русскій офицеръ, „вся деревня взбѣгалась; меня привезли къ священнику, мало съ радостію, а съ восторгомъ меня принявшему... Въ минуту уставили большой столъ всѣмъ, чѣмъ кто былъ богатъ... Крестьяне, женщины и дѣти одинъ за однимъ входили въ горницу, безмолвно кланялись и почтительно выходили. Радушное гостепріимство потомковъ славныхъ нашихъ прародителей меня очаровало" (стр. 165). Дальше, нашему путешественнику досталась квартира у отставного венгерскаго майора, который, по словамъ Броневскаго, весьма усердно угощалъ его виномъ и семилѣтнею войною. Майоръ былъ очень старъ. „Онъ, какъ мнѣ казалось, совсѣмъ не понимаетъ, что̀ въ настоящемъ времени вокругъ его дѣлается; ибо, разсказывая о происшествіяхъ, случившихся за 60 лѣтъ, крайне изумлялся, что я лично незнакомъ съ Лаудономъ, съ Дауномъ, съ Салтыковымъ и пр., и пр. Съ моей стороны удивили меня болѣе всего обряды гостепріимства и славянскій языкъ, употребляемый его домашними, столь близкіе къ нашимъ, что мнѣ казалось, будто бы я въ гостяхъ у малороссійскаго помѣщика" (стр. 177—178).

[1]) Ч. I. стр. 159—161.

„Въ Венгріи,— замѣчаетъ Броневскій,—какъ и вездѣ, высшій классъ общества слѣдуетъ иностраннымъ обычаямъ; почему въ семъ сословіи встрѣчается странная смѣсь привычекъ и склонностей, можно сказать, всѣхъ народовъ Европы... Простой народъ [1]) напротивъ привязанъ только къ своимъ обычаямъ; самыя даже удовольствія его носятъ на себѣ печать древности. Хороводныя пляски, по сходству своему съ русскими, въ семъ отношеніи заслуживаютъ особливое вниманіе", и Броневскій приводитъ образчикъ хороводной игры, совершенно сходной съ нашими (стр. 186—187). Далѣе онъ замѣчаетъ: „я забылъ сказать, что отъ Мискольца до границъ Польши деревни и города большею частью населены руснаками; языкъ, употребляемый крестьянами, хотя мѣстами и много *испорченъ*, но мы понимали его такъ, какъ бы были въ Россіи" (стр. 192).

Изъ Венгріи Броневскій перешелъ съ русскимъ отрядомъ въ Галицію. „При вступленіи въ Галицію, меня все радовало,—говоритъ онъ,—сходство жителей съ нашими малороссійскими поразительно; ихъ свитки и шапки точно такія, какія носятъ у насъ въ Украинѣ, говорятъ же такъ внятно, что я, не будучи малороссіяниномъ, все могъ разумѣть безъ затрудненія; и сама природа казалась мнѣ прелестнѣе и обильнѣе, нежели видѣлъ я ее вчера" [2]). Онъ знаетъ, что Лембергъ долженъ называться Львовомъ, и что въ древнія времена Галиція составляла достояніе древняго русскаго государства.—Здѣсь русскіе сталкивались съ поляками; отношенія не могли быть особенно дружелюбны, когда множество поляковъ было во французской службѣ. „Не люблю я,—говоритъ Броневскій,—политическихъ разговоровъ, и всегда старался не заводить подобныхъ съ иностранцами, съ поляками же было съ нашей стороны неблагоразумно, даже неприлично. Справедливо или нѣтъ, но только поляки предпочитаютъ теперь французовъ и намъ, и пріятелямъ нашимъ [3]), конечно потому, что Наполеонъ манитъ ихъ надеждою соединить польскія провинціи въ одно государство и дать имъ природнаго короля. Умная уловка, которая подстрекаетъ честолюбіе: въ самомъ дѣлѣ многіе изъ польскихъ вельможъ уже мечтаютъ о коронѣ, о царствѣ" (стр. 46).

Оставивъ Галицію, Броневскій съ восторгомъ привѣтствуетъ родину и дѣлаетъ обратный взглядъ на исторію этой страны. Галиція своимъ внѣшнимъ бытомъ оставила въ немъ весьма при-

---

[1]) Здѣсь онъ разумѣетъ очевидно русское населеніе сѣверо-восточной Венгріи.

[2]) Ч. II, стр. 2.

[3]) То-есть, въ то время австрійцамъ.

скорбное впечатлѣніе, особливо по сравненію съ собственно австрійскими землями: тамъ крестьяне свободны, здѣсь они все еще крѣпостные. Подъ австрійскимъ правленіемъ положеніе страны представляется ему въ такомъ видѣ:

„Безпорядки прежняго анархическаго правленія замѣнены теперь сильнымъ и кроткимъ монархическимъ. И здѣсь, какъ въ Венгріи, императорская власть борется съ кичливостію дворянства, у котораго старые обычаи еще въ свѣжей памяти. Польскіе вельможи живутъ по деревнямъ праздно, немногіе ищутъ почестей у двора; только бѣдные, и то рѣдко, вступаютъ въ военную и гражданскую службу. Сладкимъ и лѣнивымъ воспоминаніемъ о старинѣ думаютъ они сохранить свою національную независимость, а того не замѣчаютъ, что симъ поступкомъ теряютъ свои права и упрямою неблагодарностію заслуживаютъ недовѣренность кроткаго правленія. По симъ-то причинамъ, какъ кажется, галичане не сравнены еще въ правахъ съ подданными наслѣдственныхъ владѣній. Несмотря на сіе тайное сопротивленіе, австрійское правленіе сдѣлало весьма много улучшеній, относящихся наиболѣе къ благосостоянію крестьянъ. Имъ присвоены особыя преимущества, а самовластіе помѣщиковъ стѣснено строгими постановленіями и точнымъ оныхъ исполненіемъ. Но видно, безпорядки безобразной польской вольности были слишкомъ велики, что до сихъ поръ едва примѣтны слѣдствія благодѣтельныхъ и полезныхъ попеченій правительства“ (стр. 104—105).

Путешествіе черезъ нашъ западный край, который у Броневскаго постоянно называется *Польшей*, было очень тягостно. Походъ пришелся въ серединѣ лѣта, въ чрезвычайные жары, что̀ заставило, наконецъ, дѣлать переходы ночью, а днемъ отдыхать; особливо тягостны были переходы въ Полѣсьѣ, въ пинскихъ болотахъ, гдѣ трудно было добывать лошадей или быковъ и даже съѣстные припасы; деревни и поселки поражали бѣдностью. „Польскихъ мужиковъ упрекаютъ въ лѣности; въ самомъ дѣлѣ, они крайне неповоротливы, робки, стоятъ всегда какъ убитые, потупя голову, не смѣя поднять глазъ, и безъ малѣйшаго прекословія позволяютъ солдату брать, что̀ ему вздумается. Они такъ приглядѣлись къ насиліямъ, такъ привыкли повиноваться дворянамъ и солдатамъ, что принимаютъ произвольную плату за ночлегъ или что другое съ радостію и пренизкимъ поклономъ. Судя по наружности земледѣльца, трудно повѣрить, чтобы онъ могъ быть хорошимъ солдатомъ; но храбрость польскихъ войскъ всѣмъ извѣстна и всѣми дознана. Это противорѣчіе для меня непонятно“.

(стр. 160). Подъ именемъ *польскихъ* мужиковъ разумѣются и западно-русскіе мужики.

И здѣсь Броневскій дѣлаетъ обзоръ польской исторіи. Племенное родство поляковъ и русскихъ ему, конечно, извѣстно, но все-таки представляется нѣсколько смутно. „Восходя къ древнимъ историческимъ преданіямъ,—говоритъ онъ,—находимъ, что поляки и русскіе происходятъ отъ одного славянскаго племени... Однородство поляковъ съ русскими очевиднѣе становится тогда, когда обратимъ вниманіе на то, что, несмотря на смѣшеніе ихъ съ другими народами, они и до нынѣ сохранили нарѣчіе, ближайшее къ славянскому, нежели къ тѣмъ, съ коими они по мѣстному положенію и обстоятельствамъ политическимъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ имѣли безпрерывныя сношенія" (стр. 248—249).

Замѣчанія Броневскаго о политическомъ настроеніи поляковъ, о свойствахъ ихъ характера, о нравахъ польскаго общества (стр. 306—317) представляютъ много вѣрнаго и могутъ быть любопытны для историковъ польскаго общества.

Мы указали существенныя черты изъ сочиненій Броневскаго, касающіяся славянства. Какъ видимъ, у него нѣтъ недостатка въ славянскихъ сочувствіяхъ; онъ бываетъ искренно тронутъ, когда видитъ со стороны далекихъ единоплеменниковъ выраженія любви и преданности къ Россіи; желалъ бы, чтобы ихъ положеніе улучшилось, чтобы Россія могла помочь ихъ освобожденію и ихъ благосостоянію; но видно также, что это чувство возбуждается въ немъ только въ данную минуту зрѣлищемъ исключительныхъ событій и особенныхъ случаевъ. Словомъ, его сочувствія составляютъ дѣло инстинкта и минуты; онѣ не утверждаются на какомъ-либо предварительномъ знаніи исторіи и существующихъ отношеній; случай наталкиваетъ его на факты слишкомъ краснорѣчивые, чтобы ихъ не понять; но при всемъ интересѣ разсказанныхъ имъ племенныхъ встрѣчъ мы не видимъ въ его отношеніи къ нимъ никакой прочной мысли. Это была, конечно, не его личная особенность, а черта цѣлаго поколѣнія. Какъ мы замѣчали прежде, во всемъ русскомъ обществѣ не было тогда, въ первые годы столѣтія, иного отношенія къ славянскому міру. Броневскій представляетъ даже нѣкоторое исключеніе изъ общаго равнодушія, когда посвятилъ столь подробные разсказы тѣмъ событіямъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ. Онъ старался дать и историческое понятіе о тѣхъ народахъ, которые онъ видѣлъ, о далматинцахъ, черногорцахъ, австрійскихъ славянахъ, полякахъ, но свѣденія очень скудны и слишкомъ отзываются иностранными

источниками, откуда онъ ихъ заимствовалъ. О жителяхъ области Каттаро онъ бралъ свои свѣденія, какъ мы упоминали, изъ книги какого-то австрійскаго инженера. Другія взяты изъ какихъ-нибудь справочныхъ историческихъ книгъ; не мудрено, что поэтому многія историческія имена, даже знаменитыя въ славянской исторіи, приводятся въ извращенномъ видѣ, напримѣръ сербскій король XIV столѣтія „Стефанъ Нейманья" (Нѣманя), или „начальникъ гусситовъ, Іоаннъ Зиска" (Янъ Жижка) и т. п. [1]). Броневскій повторяетъ даже басню о грамотѣ Александра Македонскаго. „Въ архивѣ катарской,—говоритъ онъ,—*хранится* данная иллиріянамъ Александромъ Македонскимъ грамота, которою за храбрость и мужество, оказанное ими въ войнахъ сего великаго завоевателя, подарена имъ въ вѣчное и потомственное владѣніе часть земли Аквилонской до самыхъ полуденныхъ границъ Италіи съ тѣмъ, что коренные жители должны быть ихъ рабами". Онъ прибавляетъ: „я *имѣлъ случай читать* сію древнѣйшую привилегію славянъ, помѣщенную въ заглавіи дипломовъ графовъ Ивеличей" [2]).

Замѣчая бо̀льшее или меньшее сходство разныхъ славянскихъ нарѣчій съ языкомъ русскимъ, Броневскій, конечно, не имѣетъ понятія о томъ, что имѣющіяся въ нихъ отличія, независимо отъ вліянія языка сосѣднихъ народовъ, образовались сами собой вслѣдствіе историческаго разъединенія племенъ и различныхъ условій ихъ отдѣльной жизни. Другія славянскія нарѣчія сравнительно съ русскимъ обыкновенно кажутся ему только *испорченными*.

Мы приводили въ другомъ мѣстѣ образчики того, въ какомъ видѣ представлялась славянская древность русскимъ писателямъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Это была темная область, въ которой считались дозволительными всякія добавки фантазіи. То же самое продолжалось теперь. Не приводя много примѣровъ подобныхъ экскурсій въ славянскую древность, теперь окончательно и справедливо забытыхъ, укажемъ одинъ, который можетъ дать о нихъ понятіе. Въ 1803 году вышла въ Петербургѣ, по своему времени прекрасно изданная, книга Павла Львова: „Храмъ славы россійскихъ Ироевъ отъ временъ Гостомысла до царствованія Романовыхъ", посвященная императору Александру. Къ „Храму славы" присоединена въ той же книгѣ еще „Картина славянской

[1]) Записки, ч. I, стр. 232; Путешествіе, ч. I, стр. 246.
[2]) Записки, ч. I, стр. 231.

древности". Какъ первая часть сочиненія есть реторическое упражненіе на тему русскихъ „ироевъ", такъ вторая представляетъ такой же реторическій опытъ изображенія славяно-русской древности по тогдашнимъ ходячимъ понятіямъ. Здѣсь нѣтъ, конечно, никакого подобія научной постановки предмета. Вся ученость Львова ограничивается русскими книгами Татищева, Болтина и пр., данныя которыхъ онъ старается передать въ учено-поэтическомъ воспроизведеніи. Пьеса называется: „Картина славянской древности или празднество славяноросcовъ, по окончаніи жатвы, отправляемое въ честь Свѣтовиду и Триглавѣ". Дѣйствіе происходитъ въ княжествѣ Бѣлозерскомъ, празднество совершается со всѣмъ древнимъ великолѣпіемъ. „Главный жрецъ, въ богатой одеждѣ, съ двѣнадцатью жрецами, ему подвластными, восходитъ къ алтарю. За ними идутъ двѣ прекрасныя дѣвы въ одеждѣ алаго цвѣта, цвѣта веселія и юности; у персей ихъ, златые поясы; на челѣ, драгоцѣнныя повязи; на выяхъ, ожерелья крупнаго жемчугу сливаютъ млечную бѣлизну свою съ лебединою бѣлизною ихъ тѣла. Онѣ дщери мужей славныхъ, и избраны для священнослуженія при жертвенныхъ обрядахъ. Одна изъ нихъ представляетъ богиню *Марцану*, и несетъ на главѣ снопъ, а другая богиню *Сѣву* и шествуетъ съ кошницею, плодами и мустомъ [1]) наполненною. Вслѣдъ за ними пригожій юноша, представляющій бога *Услада*, несетъ для освященія сосуды, пивомъ и медомъ полные. Народъ раздѣленъ на многіе сонмы: на сонмъ юношей, дѣвъ, женъ, старцевъ и сонмъ мужей" и т. д. Словомъ, обстановка балетная. Жрецъ говоритъ рѣчь и молитву богамъ, въ числѣ которыхъ оказывается Одинъ, Свѣтовидъ, Триглавъ (превратившійся, впрочемъ, въ женскую Триглаву); затѣмъ слѣдуютъ молитвенныя пѣснопѣнія старцевъ, юношей, дѣвъ, воиновъ и т. д., что завершается послѣднимъ обращеніемъ къ народу главнаго жреца. Пьеса сопровождена учеными примѣчаніями, источникомъ которыхъ были Татищевъ, Болтинъ, „Баснословіе" Чулкова и т. п. Ученый комментаторъ славянской миѳологіи не забылъ и Александра Македонскаго [2]).

Другая часть „Картины" заключаетъ „славянскія пѣсни", о которыхъ авторъ въ предисловіи объясняетъ слѣдующее: „Славянскія пѣсни суть слабое подражаніе прекраснымъ пѣснямъ

---

[1]) По объясненію Львова, „мустомъ назывались пироги, изъ меду и муки сдѣланные, кои приносились въ жертву Свѣтовиду вмѣстѣ съ плодами".

[2]) „Славяне помогали Александру Великому въ завоеваніи міра, и похвальную грамоту отъ него получили, которая находится въ архивѣ султана турецкаго". „Картина славянской древности", стр. 36, примѣчаніе 63.

амазонокъ, нѣмецкаго автора Вейсе. Сей геній Германіи вдохнулъ мнѣ мысль обратиться къ достопамятнымъ вѣкамъ нашихъ предковъ, къ вѣкамъ богатырскимъ; я *увидѣлъ*, что въ пѣсняхъ амазонокъ сіялъ, какъ солнце, духъ славянъ; тотъ великій духъ, который древле водилъ полками ихъ и перомъ Бояна. Итакъ, придерживаясь единственно онаго, вездѣ торжествовавшаго въ геройскія времена, духа сыновъ славы, я представляю потомкамъ побѣдоноснаго народа вмѣсто амазонскихъ пѣсней, пѣсни славянскія, яко пѣсни отечественныя"... „Славянки, или россіянки, были героини,—какъ то свидѣтельствуетъ и сама исторія,—что единый блескъ оружія прельщалъ прелестныя очи сѣверныхъ красавицъ; что единая слава оружія довольствовала ихъ собственную любовь; что единая любовь оружія могла соединиться съ истинною горячностію. *Слѣдовательно* амазонскія пѣсни—пѣсни славянъ". Эти пѣсни, напримѣръ, слѣдующія: „Пѣснь, пѣтая по разбитіи Аттилы на поляхъ Каталонитскихъ", причемъ, по словамъ автора, „исторія увѣряетъ, что славяне, подъ именемъ сарматовъ и роксоланъ болѣе въ древности извѣстные, побили на голову Аттилу на поляхъ Каталонитскихъ"; „Прощаніе славянки съ любезнымъ ея при началѣ войны"; „Пѣснь славянки во время шума сраженія, вдали происходящаго"; „Пѣснь славянки къ коню ея любезнаго"; „Сѣтованіе славянки о паденіи ея любезнаго", и т. п. Всѣ эти пѣсни написаны надутой прозой, въ славяно-русскомъ стилѣ Шишкова.

Такимъ образомъ до начала нашего столѣтія дошли тѣ нелѣпыя представленія о славянствѣ, которыя стали распространяться у насъ въ концѣ XVII-го вѣка, въ особенности подъ вліяніемъ польскихъ хронистовъ, проникавшихъ въ Москву и особливо въ Кіевъ. Здѣсь не было даже и интереса узнать что-нибудь о славянской древности, а только поводъ къ реторическому пустословію. Вліяніе Шлёцера сказалось не вдругъ: оно дѣйствовало только на людей, усвоившихъ способность къ историческому разсужденію; въ представленіяхъ популярныхъ продолжалось то фантазированье, которое равнялось полному невѣжеству. Тѣмъ не менѣе начинаютъ сказываться требованія здравой критики и болѣе серьезной любознательности. Не говоря о томъ, какъ отразилось вліяніе Шлёцера на послѣдующемъ ходѣ нашей исторіографіи, въ самомъ началѣ столѣтія были факты, указывавшіе, что въ молодыхъ поколѣніяхъ начиналось болѣе серьезное отношеніе къ предмету. Въ 1804 году отправлялась за границу цѣлая группа молодыхъ людей, искавшихъ науки, въ томъ числѣ А. И. Тургеневъ. Въ Гёттингенѣ въ томъ же году

напечатана была книжка его друга, Андрея Кайсарова, о славянской миѳологіи, посвященная Шлёцеру [1]).

Долго спустя Тургеневъ вспоминалъ о Кайсаровѣ въ письмѣ къ Сербиновичу 1844 года. Тургеневъ, какъ извѣстно, собиравшій въ иностранныхъ архивахъ документы, касающіеся русской исторіи, говоритъ въ этомъ письмѣ, что нѣкоторые изъ этихъ документовъ, на англійскомъ языкѣ, были списаны его другомъ, покойнымъ Андреемъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ, бывшимъ штабсъ-капитаномъ и профессоромъ русскаго языка въ дерптскомъ университетѣ. „Мы нѣкогда путешествовали вмѣстѣ,—разсказываетъ Тургеневъ,—учились вмѣстѣ въ гёттингенскомъ университетѣ, *объѣхали славянскія земли*—и разстались: онъ остался въ чужихъ краяхъ, въ Англіи отыскивалъ русскую старину и списалъ нѣсколько актовъ, кои мнѣ достались, а я передалъ ихъ вамъ. Желалъ бы передать и еще кое-что изъ его бумагъ, относящихся до славянскихъ древностей. Я желалъ бы, чтобы хоть въ примѣчаніи сказано было, что я воспользовался и его собраніемъ, впрочемъ немногочисленнымъ, но — suum cuique. Онъ былъ *одинъ изъ первыхъ славянофиловъ* [2]) и мы вмѣстѣ учились у Шлёцера, работали для его „Нестора“, вмѣстѣ жили и собирали рукописи славянскія и книги—въ Карловцѣ (въ Сирміи славянской)—у митрополита всего славяно-сербскаго и валахійскаго народа—главы всего православнаго духовенства въ Венгріи—Стефана Стратиміровича отъ Кульпинъ (von Kulpin), коему Шлёцеръ посвятилъ одну часть своего Нестора; онъ же (т.-е. Кайсаровъ) издалъ и славянскую миѳологію на нѣмецкомъ, которую нѣмецъ Аллеръ перевелъ и напечаталъ на русскомъ. Пожалуйста, упомяните о немъ и оправдайте меня въ завладѣніи чужого труда“.

„Андрей Кайсаровъ, коего опредѣлили, послѣ Глинки и до Воейкова, профессоромъ русской словесности въ Дерптѣ, въ 1812 г. закипѣлъ патріотизмомъ, пожелалъ издавать русскіе бюллетени при главной квартирѣ и призванъ туда кн. Смоленскимъ, съ тяжелыми летучими станками, но—тогда было не до пера, а

[1]) „Versuch einer slavischen Mythologie in alphabetischer Ordnung entworfen von Andrey von Kayssarow, russisch-kaiserlichen Stabs-Capitain. Göttingen, 1804. 16°, 117 страницъ. Вѣроятно позднѣе прибавленъ такъ-называемый фронтисписъ съ аллегорическими изображеніями древняго оружія, жертвенника и пр., съ повтореніемъ нѣмецкаго заглавія, съ эпиграфомъ: „Tentanda via!“ и съ русскимъ обозначеніемъ, что рисовалъ его Павелъ Сулима. Впослѣдствіи книжка вышла и на русскомъ языкѣ.

[2]) Т.-е. въ смыслѣ любителей славянства.

до меча, и экс-штабс-капитанъ-профессоръ явился къ брату своему Николаю Кайсарову (нынѣ генералъ отъ инфантеріи) въ отрядъ—и при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ пороховой ящикъ взорвало и онъ взлетѣлъ съ нимъ на воздухъ. Онъ же авторъ латинской диссертаціи pro gradu doctoris въ Гёттингенѣ, „De manumittendis per Russiam servis", которую я поднесъ, чрезъ Н. Н. Новосильцова, императору Александру и получилъ, для Кайсарова, бриліантовый перстень за поднесенную диссертацію. Вотъ вамъ черты для біографіи Кайсарова. Бросьте нѣсколько цвѣтковъ на могилу его! Ахъ! нѣтъ—онъ взлетѣлъ на воздухъ; но авось—съ нимъ и не вся ученая патріотическая жизнь его" [1]).

О Кайсаровѣ не сохранилось, къ сожалѣнію, другихъ свѣдѣній, кромѣ этого письма Тургенева; можно думать, что это былъ живой, возбужденный умъ и одинъ изъ первыхъ людей въ нашемъ обществѣ, у которыхъ интересъ къ славянству становился, наконецъ, стремленіемъ къ серьезному изученію. Поѣздка его и Тургенева въ славянскія земли для собиранія книгъ и рукописей была, кажется, первой попыткой ученаго путешествія, какія въ наше время стали обыкновенны.

Книжка Кайсарова о славянской миѳологіи еще носитъ на себѣ отпечатокъ прежняго критически безпомощнаго отношенія къ дѣлу, но была уже и однимъ изъ первыхъ опытовъ поставить дѣло на научную почву. Во введеніи онъ объясняетъ, какіе источники были бы необходимы для построенія миѳологіи: кромѣ народнаго преданія, нужны письменные памятники, изображенія божествъ, богослужебная утварь, храмы, сохранившіеся обычаи и т. п.; у славянъ почти ничего этого не сохранилось. Что въ славянской древности были поэты, объ этомъ свидѣтельствуетъ упоминовеніе о Баянѣ въ Словѣ о Полку Игоревѣ, но изъ его и можетъ быть еще другихъ подобныхъ твореній ничего не сохранилось [2]). „Ихъ поглотило всеопустошающее время и гордый южный европеецъ могъ называть нашихъ предковъ варварами". Что касается храмовъ, ихъ не сохранилось нигдѣ, не только у славянъ, но и въ другихъ странахъ Европы, кромѣ Италіи. Что касается до изображеній божествъ и богослужебной утвари, то большое количество ихъ было найдено въ Прильвицѣ и описано Машемъ; Кайсаровъ замѣчаетъ только, что неизвѣстно, гдѣ находятся теперь эти предметы. Что касается обычаевъ языческихъ

---

[1]) „Русская Старина", 1882, май, стр. 449—450.

[2]) О Словѣ о Полку Игоревѣ (переведенномъ тогда въ Richters russische Miszellen, № 3) Кайсаровъ замѣчаетъ: „ein schweres Stück, nicht nur zu übersetzen, sondern auch zu verstehen".

славянъ, то нѣкоторые остатки ихъ сохранились въ Россіи, Богеміи, Польшѣ, но чтобы пользоваться ими, нужно глубокое знаніе древности. Онъ указываетъ, наконецъ, въ числѣ второстепенныхъ источниковъ пѣсни и сказки: первыя, нерѣдко весьма замѣчательныя и древнія, собраны въ нѣсколькихъ русскихъ изданіяхъ, но безъ критическихъ объясненій; относительно вторыхъ, онъ ссылается на изданія Новикова (вѣроятно Чулкова), которыя, однако, какъ извѣстно, кромѣ двухъ-трехъ подробностей, народнаго ничего не представляютъ. Кайсаровъ перечисляетъ потомъ вкратцѣ письменные памятники, упоминающіе о славянскомъ язычествѣ: Адама Бременскаго, Нестора, Гельмольда, Кранца, Саксона-грамматика, Длугоша, Кромера и пр., въ текстѣ нѣсколько разъ ссылается на Минеи-Четьи; наконецъ дѣлаетъ обзоръ ученой литературы предмета, то-есть новѣйшихъ сочиненій о славянскомъ язычествѣ. Эта литература была тогда немного странная; онъ называетъ Шедіуса, Михаила и Авраама Френцелей, старинную книгу Вагнера („Dissertatio de idolatria veterum Misniæ incolarum“ 1698), Росса и Арнольда, Монфокона (въ своей книгѣ „Antiquité expliquée“ онъ помѣстилъ нѣсколько славянскихъ божествъ, впрочемъ считая ихъ нѣмецкими), Самуила Гроссера („Lausitzische Merkwürdigkeiten“), наконецъ Андрея Маша (Gottesdienstliche Alterthümer der Obotriten“). Относительно русской миѳологіи Кайсаровъ указываетъ извѣстіе о русскомъ язычествѣ въ лѣтописномъ разсказѣ о крещеніи Владиміра и новѣйшія сочиненія Чулкова и Попова. Кромѣ того въ текстѣ онъ называетъ нѣсколькихъ иностранныхъ писателей о Россіи и ссылается также на русскихъ историковъ прошлаго вѣка. Наконецъ онъ привлекаетъ, изрѣдка, въ числѣ матеріала народныя преданія и сказки. Такимъ образомъ Кайсаровъ воспользовался почти всѣмъ, что представляли въ то время книжные источники, и расположилъ свою миѳологію въ словарномъ порядкѣ, перечисляя божества съ ихъ аттрибутами, насколько нашелъ о нихъ свѣденій въ своихъ источникахъ. Нѣкоторое знакомство съ критикой, почерпнутое, конечно, у Шлёцера, ставитъ Кайсарова выше его предшественниковъ, но онъ все еще стоитъ на старой точкѣ зрѣнія; довѣряетъ показаніямъ польскихъ хронистовъ и признаетъ подлинность прильвицкихъ древностей, которыя, впрочемъ, находили вѣру и много позднѣе. Въ концѣ книжки помѣщены картинки, рисованныя тѣмъ же Павломъ Сулимой и изображающія славянскія божества: Золотая баба, Радегастъ, Кродо, Сива, Свѣтовидъ, жертвенникъ Кродо. Боги и богини очень красивые, но, конечно, были только дѣтскими картинками... Не будемъ останавливаться

на другихъ подобныхъ произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, подобная миѳологія Григорія Глинки и др., или другія разсужденія о славянской древности: такое некритическое отношеніе къ предмету продолжалось и много позднѣе, пока болѣе серьезныя изслѣдованія не успѣли бросить прочнаго корня и воздѣйствовать на популярную литературу.

Поворотъ къ истинно-научному изслѣдованію, которымъ начинается впервые наша славистика, относится къ тѣмъ же первымъ годамъ нашего столѣтія. На томъ пути, какимъ шли до сихъ поръ даже умнѣйшіе русскіе писатели, нельзя было сдѣлать ничего: чтобы овладѣть предметомъ, нужны были привлеченіе новаго матеріала и именно прямое изученіе древнихъ памятниковъ и живыхъ славянскихъ народностей, а затѣмъ новые научные пріемы и сильные критическіе умы. Обстоятельства складывались, наконецъ, такъ, что съ разныхъ сторонъ являются новыя воздѣйствія, которыя въ сложности создали небывалую прежде науку.

Во-первыхъ, работы надъ русской исторіей. Въ 1803—1804 г. Карамзинъ предпринялъ свой знаменитый трудъ, съ котораго начинается новый періодъ русской исторіографіи. Однимъ изъ величайшихъ достоинствъ его было то, что Карамзинъ, въ первый разъ широко взглянувши на матеріалъ русской исторіографіи, вводилъ въ изслѣдованіе множество рукописныхъ источниковъ, до тѣхъ поръ едва тронутыхъ или совсѣмъ не тронутыхъ. Онъ имѣлъ здѣсь своихъ заслуженныхъ предшественниковъ, какъ нѣкогда Татищевъ, какъ незадолго передъ тѣмъ Миллеръ и Новиковъ, но Карамзинъ еще глубже почерпнулъ въ матеріалѣ русской письменной древности, и съ этимъ открылось множество вопросовъ, между прочимъ затронувшихъ древность и письменность славянскую.

Еще въ то время, когда совершалась работа Карамзина, однородный трудъ по изслѣдованію древней письменности предпринятъ былъ кружкомъ ученыхъ людей, работавшихъ въ большой мѣрѣ по инціативѣ канцлера Румянцова и подъ его покровительствомъ. Вмѣстѣ съ знаменитымъ „Собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ“, Румянцовъ предпринялъ обзоръ архивовъ и монастырскихъ библіотекъ, который повелъ къ замѣчательнымъ открытіямъ не только въ области русской исторіи, но и въ области отдаленнѣйшихъ вѣковъ первоначальной старославянской письменности: таковы были знаменитыя открытія Калайдовича—

Святославовъ сборникъ, творенія Іоанна Экзарха болгарскаго. Это былъ первый просвѣтъ во мракѣ, окружавшемъ до тѣхъ поръ первыя времена славянской письменности, первый исходный пунктъ, отъ котораго можно было идти дальше съ увѣренностью въ успѣхѣ и съ опорою прочныхъ фактовъ.

Во-вторыхъ, начинаются наконецъ сношенія съ ученымъ славянскимъ міромъ. До тѣхъ поръ этихъ сношеній не было [1]). Какъ у западныхъ славянъ величайшею рѣдкостью была русская книга, такъ, быть можетъ, еще большею рѣдкостью была западно-славянская книга въ Россіи; связи личныя почти абсолютно отсутствовали. Теперь начинается нѣчто иное. Событія, совершавшіяся въ Европѣ, создавали даже въ мало развитыхъ обществахъ извѣстное возбужденіе умовъ и оттѣняли его національными стремленіями. Если личныя встрѣчи въ родѣ тѣхъ, какія мы видѣли въ разсказѣ Броневскаго, оставались безъ прочнаго результата, хотя и были связаны съ весьма крупными интересами, то съ другой стороны внѣ всякой оффиціальной иниціативы въ молодыхъ поколѣніяхъ возникаетъ собственный, уже сознательный интересъ къ знакомству съ славянскимъ міромъ. Мы упоминали, что уже въ первые годы столѣтія молодые русскіе путешественники, отправлявшіеся въ Германію за наукой, какъ Тургеневъ и Кайсаровъ, дѣлаютъ въ то же время путешествіе въ славянскія земли съ научною цѣлью и безъ сомнѣнія уже съ зародившимися славянскими симпатіями. Проходитъ немного лѣтъ, и въ русскихъ ученыхъ кругахъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ идетъ уже рѣчь объ основаніи правильныхъ сношеній съ славянскими учеными, о приглашеніи этихъ ученыхъ въ академію или университеты, наконецъ объ основаніи въ университетахъ особыхъ каѳедръ славянскихъ нарѣчій. Русскіе ученые отправляются въ славянскія земли для собиранія памятниковъ письменности, и въ Петербургѣ дѣлается изданіе знаменитыхъ Фрейзингенскихъ отрывковъ. Въ Петербургъ пріѣзжаетъ Вукъ Караджичъ, уже прославившійся изданіемъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ, и т. д. Всѣ эти факты совершаются на пространствѣ немногихъ лѣтъ во второмъ и въ началѣ третьяго десятилѣтія.

Въ-третьихъ, въ то же время, когда такимъ образомъ размножается самый матеріалъ свѣдeній, является новый факторъ

[1]) Въ концѣ прошлаго столѣтія приглашали, напр., одного изъ славянскихъ лексикографовъ къ участію въ „Сравнительныхъ словаряхъ“, но это не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій; вызванъ былъ сербъ Янковичъ изъ села Миріева (переименованный въ Янковича *де*-Миріево), но онъ былъ приглашенъ только какъ педагогъ, и т. п.

научнаго изслѣдованія—историческая и филологическая критика. Видимо наступала новая пора. Со второго десятилѣтія появляется одновременно нѣсколько ученыхъ силъ, которыя сразу ставятъ изслѣдованіе на твердую почву науки, которыя находятъ отголосокъ и признаніе въ западномъ славянскомъ мірѣ и заняли въ исторіи науки почетное мѣсто въ ряду основателей научной славистики. Мы разумѣемъ Востокова и Калайдовича. Правда, и это научное завоеваніе совершилось не вдругъ. Одно время могло казаться даже, что новыя критическія идеи остаются непонятыми, не находятъ послѣдователей; но дѣло уже не остановилось и съ 20-хъ, а главное съ 30-хъ годовъ шло въ сильномъ взаимодѣйствіи западно-славянскихъ и русскихъ ученыхъ силъ.

Въ-четвертыхъ. Мало-по-малу въ средѣ самого общества начинаютъ накопляться свѣденія о славянствѣ: долго еще онѣ остаются отрывочными, неполными, но укрѣпляется по крайней мѣрѣ общее представленіе, что существуетъ обширная группа родственныхъ намъ племенъ, живущихъ въ порабощеніи, имѣющихъ право на наше сочувствіе, требующихъ изученія, и когда въ періодъ Наполеоновскихъ войнъ въ извѣстномъ кругу нашего общества стали распространяться западныя вольнолюбивыя идеи, онѣ нашли примѣненіе и къ этому международному вопросу. Либеральный кружокъ молодого поколѣнія мечталъ о наступленіи свободы для всѣхъ народовъ, какъ тѣхъ, которые уже сознательно къ ней стремились, такъ и тѣхъ, которыхъ надо было разбудить изъ рабства для свободной гражданской жизни: у насъ сочувствовали освободительнымъ движеніямъ Испаніи и Италіи, желали свободы грекамъ, а наконецъ и славянамъ. Правда, и здѣсь опять было много неяснаго, мечтательно-романтическаго, но первая мысль была заложена, и отъ 20-хъ годовъ, когда уже основываются тайные „славянскіе" кружки, къ концу 30-хъ, образуется то направленіе, которое подъ именемъ славянофильства заключало въ себѣ и теоретически-опредѣляемыя сочувствія къ славянству, откуда самое направленіе получило свое названіе.

Въ такихъ разнородныхъ формахъ складывается со второго десятилѣтія нашего вѣка стремленіе къ изученію славянства. Мы изложимъ далѣе основныя частности этого движенія, по преимуществу со стороны его научныхъ предпріятій и результатовъ.

А. Пыпинъ.

ЧЕРНАЯ СТРѢЛА

Историческая повѣсть, соч. Роберта Стивенсона.

Съ англійскаго.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ *).

Переодѣтый монахъ.

I.

Въ берлогѣ звѣря.

Дикъ отослалъ свой разбитый отрядъ съ нѣсколькими ранеными укрыться въ харчевню „Козла", а самъ отправился съ Лаулессомъ въ его убѣжище, о которомъ никто не зналъ, кромѣ самого Лаулесса. Въ лѣсу вырыта была съ незапамятныхъ временъ обширная пещера, входъ которой былъ заваленъ хворостомъ, такъ что непосвященный человѣкъ не могъ и подозрѣвать о ея существованіи. Сюда привелъ Лаулессъ Дика, объяснивъ, что это и есть его настоящій домъ, что здѣсь укрывался онъ еще четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, послѣ того какъ убѣжалъ изъ голивудскаго аббатства, стащивъ золотую цѣпь у причетника и требникъ, проданные имъ за четыре марки.

Здѣсь у него были запасы всякаго рода и сюда укрывался онъ отъ всякихъ невзгодъ.

— Мастэръ Шельтонъ,—сказалъ онъ,—позвольте вамъ дать совѣтъ: если не хотите лишиться дѣвушки, то займитесь сами ея

---

*) См. выше: іюнь, стр. 678.

похищеніемъ; вы до сихъ поръ полагались на другихъ, то на Эллиса, то на лорда Фоксгема. Полагайтесь только на себя, и дѣло пойдетъ успѣшнѣе.

— Легко сказать!—отвѣчалъ Дикъ:—но какъ доберусь я до нея, когда сэръ Даніэль перевезъ ее теперь въ свой собственный домъ въ Шорби и сторожитъ ее за семью замками?

— Напротивъ того, въ городской домъ сэра Даніэля попасть гораздо легче, а вотъ и платье, въ которомъ насъ туда пропустятъ безъ опасеній.

И Лаулессъ вынулъ двѣ монашескихъ рясы и четки изъ сундука.

— Въ рясѣ нищенствующихъ монаховъ мы смѣло можемъ идти въ домъ любого христіанина, и самъ сэръ Даніэль не прогонитъ насъ изъ почтенія къ католической церкви.

— Дорогой Лаулессъ, какъ мнѣ отблагодарить тебя за это!— вскричалъ тронутый Дикъ.

— Не безпокойтесь; я это дѣлаю для собственнаго удовольствія,—отвѣчалъ тотъ съ юмористической гримасой.

Резиденція сэра Даніэля въ Шорби была высокимъ, просторнымъ оштукатуреннымъ внутри зданіемъ, снаружи обшитымъ дубовымъ тесомъ, и съ высокой соломенной кровлей. Задній фасадъ выходилъ въ садъ, полный фруктовыхъ деревьевъ, съ аллеями, бесѣдками; на другомъ концѣ этого сада высилась колокольня церкви аббатства.

Домъ былъ помѣстительный, но и онъ оказывался биткомъ набитъ народомъ. На дворѣ шныряли вооруженные люди; въ кухнѣ гудѣло точно въ ульѣ: менестрели, гудочники, странствующіе скоморохи безпрестанно заходили въ домъ. Сэръ Даніэль соперничалъ въ гостепріимствѣ съ лордомъ Шорби и затмѣвалъ лорда Рейзингама.

Двое монаховъ—одинъ молодой, другой старый—пришли позднѣе другихъ, уже подъ вечеръ, когда стемнѣло, и грѣлись у очага. Смѣшанная толпа менестрелей, музыкантовъ, солдатъ окружала ихъ; старшій изъ монаховъ вскорѣ вступилъ въ оживленную съ ними бесѣду и своими шутками да прибаутками собиралъ вокругъ себя все больше и больше народа.

Младшій монахъ, Дикъ Шельтонъ, сидѣлъ немного поодаль и незамѣтно вышелъ изъ кухни.

Опустивъ глаза и принявъ набожный видъ, приличный монаху, Дикъ, держась стѣнки, шелъ по корридору вслѣдъ за

двумя дамами, вошедшими въ домъ со двора, какъ разъ въ ту минуту, какъ онъ выходилъ изъ кухни.

Не оборачиваясь и не замѣчая его, онѣ шли своей дорогой.

„Прекрасно, — думалъ Дикъ: — высокая изъ этихъ двухъ закутанныхъ особъ, это навѣрное лэди Брэкли, а значитъ недалеко и сама Джоанна“.—Дамы скрылись за угломъ, и отставшій Дикъ собирался нагнать ихъ, но въ эту минуту чья-то рука легла ему на плечо, и онъ, не оборачиваясь, схватилъ эту руку и сильно сжалъ ее въ своихъ.

Къ великому смущенію своему, онъ тутъ же увидѣлъ, обернувшись, что противникъ, съ которымъ онъ собирался вступить въ борьбу, оказался молодой дѣвушкой, закутанной въ мѣховой плащъ. Она, съ своей стороны, была испугана его грубымъ жестомъ до того, что онѣмѣла.

— Милэди, — сказалъ Дикъ, выпуская ея руку, — простите меня, но у меня нѣтъ глазъ въ затылкѣ, и я не ожидалъ, что имѣю дѣло съ женщиной.

Дѣвушка продолжала молча глядѣть на него, и испугъ на ея лицѣ смѣнился удивленіемъ, а удивленіе подозрѣніемъ. Дикъ, читавшій эти перемѣны, испугался за собственную безопасность въ этомъ враждебномъ ему домѣ.

— Вы странный монахъ, сэръ! — отвѣчала дѣвушка, смѣло заглядывая ему подъ капюшонъ.—Чтò вы тутъ дѣлаете? зачѣмъ, какъ шпіонъ, крались вы за лэди Брэкли?

— Милэди, я не шпіонъ! я довѣрюсь вамъ вполнѣ...

Но тутъ молодая лэди вдругъ зажала рукой ротъ Дику и, видя, что никого нѣтъ, повела его за собой по лѣстницѣ.

— Тсс! ни слова!—сказала она:—и идите за мной. Послѣ поговорите.

Удивленный Дикъ покорно слѣдовалъ за нею; она втолкнула его въ комнату, и въ ней онъ узналъ Джоанну Седли. Она была одѣта въ теплое, по зимнему сезону, платье и съ удивленіемъ подняла глаза на монаха.

— Чтò вамъ здѣсь нужно?—спросила она.—Вы вѣрно не туда зашли?

— Джоанна! — сказалъ Дикъ, отбрасывая капюшонъ съ головы, скрывавшій его черты.

— Дикъ!—вскричала она и бросилась ему на шею.

Когда пробилъ колоколъ, призывавшій домочадцевъ сэра Даніэля къ ужину, Джоанна уговорила Дика спрятаться за драпировкой въ ея комнатѣ и подождать ея возвращенія.

Онъ согласился; но едва Джоанна и ея подруга, та самая,

которая привела къ ней Дика, успѣли уйти, какъ растворилась дверь, и въ комнату осторожно заглянулъ безобразный карликъ, одѣтый въ цвѣтъ лорда Шорби, и сталъ шнырять по комнатѣ, заглядывая во всѣ углы и какъ будто что-то высматривая. Вдругъ онъ нагнулся и что-то поднялъ съ пола. Дикъ съ ужасомъ увидѣлъ, что то была кисть отъ его пояса.

Притаившись за драпировкой, онъ ждалъ съ минуты на минуту, что его убѣжище и онъ самъ будутъ открыты, какъ вдругъ вниманіе карлика и его собственное было привлечено шумомъ въ корридорѣ. Пьяный Лаулессъ, наугощавшись въ кухнѣ, брелъ по корридору, распѣвая во все горло пѣсню. Карликъ выбѣжалъ въ корридоръ, а вслѣдъ за нимъ и Дикъ.

Лаулессъ узналъ своего капитана и, несмотря на повелительные жесты Дика, громко назвалъ его по имени.

Дикъ бросился къ нему и съ яростью схватилъ пьянаго.

— Животное!—зашипѣлъ онъ:—животное, а не человѣкъ! Невоздержанность хуже измѣны. Ты губишь себя и меня!

Но Лоулесъ только смѣялся и, шатаясь, пытался потрепать юнаго Шельтона по спинѣ.

Въ эту минуту къ нимъ подбѣжалъ карликъ, любопытно заглядывая Дику въ лицо. Дикъ схватилъ его за горло, и между ними завязалась борьба; но Дикъ былъ гораздо сильнѣе, и скоро шпіонъ былъ приколотъ его кинжаломъ.

III.

Убитый шпіонъ.

Лаулессъ былъ совершенно ошеломленъ этимъ происшествіемъ, и даже когда все было кончено, и Дикъ, уже вставшій на ноги, съ величайшимъ вниманіемъ прислушивался къ шуму въ нижнемъ этажѣ, старый бродяга пошатывался какъ дерево подъ напоромъ вѣтра и безсмысленно смотрѣлъ въ лицо убитаго.

— Ну,—сказалъ наконецъ Дикъ,—они не слышали насъ, слава Богу! Но что̀ мнѣ дѣлать съ этимъ шпіономъ? Возьму мою кисть изъ его сумки.

Съ этими словами Дикъ раскрылъ сумку, въ которой нашелъ немного денегъ, кисть и письмо, адресованное къ лорду Уэкслейдэлю и запечатанное печатью милорда Шорби. Имя это возбудило вниманіе Дика; онъ немедленно разломалъ печать и прочелъ письмо. Оно было коротко, но къ удовольствію Дика заклю-

чало очевидныя доказательства того, что лордъ Шорби измѣннически сносился съ Іоркскимъ домомъ.

Молодой человѣкъ имѣлъ привычку носить съ собой чернильницу и другія письменныя принадлежности; ставъ на колѣно подлѣ трупа, онъ досталъ ихъ и написалъ на уголкѣ письма слѣдующія слова:

„Милордъ Шорби, хотите ли знать, почему умеръ вашъ человѣкъ? Но позвольте мнѣ посовѣтовать вамъ не жениться.

„Джонъ Мститель“.

Онъ положилъ бумагу на грудь убитому, а Лаулессъ, смотрѣвшій на всю эту сцену уже съ нѣкоторымъ проблескомъ сознанія, досталъ изъ-подъ платья черную стрѣлу и приколол ею записку къ тѣлу. Такое неуваженіе, жестокость по отношенію къ мертвому поразила ужасомъ молодого Шельтона, но старый бродяга только засмѣялся.

— Нужно удостовѣреніе,—сказалъ онъ, и вдругъ, закрывъ глаза и разинувъ ротъ, затянулъ громовымъ голосомъ:—If ye schould drink the clary wine...

— Молчи!--крикнулъ Дикъ, схвативъ его и сильно встряхнувъ. — Слушай, — если только человѣкъ, въ которомъ больше вина, чѣмъ разсудка, можетъ что-нибудь слышать: убирайся изъ этого дома; иначе кончится тѣмъ, что не только тебя, но и меня повѣсятъ! Живѣй отправляйся, или, клянусь мессой, я забуду, что нѣкоторымъ образомъ я твой начальникъ и отчасти должникъ! Ступай!

Псевдо-монахъ теперь, повидимому, совершенно опомнился; выслушавъ слова Дика и заглянувъ ему въ лицо, онъ подумалъ нѣсколько мгновеній.

— И я клянусь мессой,—сказалъ онъ,—если я ненуженъ, я могу идти!—и онъ вышелъ изъ комнаты и потащился внизъ, опираясь на стѣну коррилора.

Какъ только онъ скрылся, Дикъ вернулся въ свое убѣжище, рѣшившись посмотрѣть, что будетъ дальше. Правда, благоразуміе заставляло его уйти, но любопытство и любовь оказались сильнѣе.

Время тянулось медленно. Огонь въ каминѣ мало-по-малу уменьшался, лампа начинала угасать и чадить. Однако никто не являлся въ верхній этажъ; гулъ и топотъ по прежнему слышался далеко внизу, и городокъ Шорби молчаливо и спокойно лежалъ подъ снѣжнымъ покровомъ.

Наконецъ, однако, голоса и шаги послышались ближе, и нѣ-

сколько гостей сэра Даніэля вошли въ сѣни; пройдя по корридору, они увидѣли трупъ шпіона.

Одни подбѣжали къ нему, другіе бросились вонъ и всѣ подняли крикъ.

На звукъ ихъ голосовъ сбѣжались гости, солдаты, женщины, слуги—словомъ, все населеніе огромнаго дома.

Наконецъ явился и сэръ Даніэль въ сопровожденіи завтрашняго жениха, милорда Шорби.

— Милордъ,—сказалъ сэръ Даніэль,—я говорилъ вамъ объ этомъ мошенникѣ, черной стрѣлѣ. Смотрите сами. Вотъ стрѣла и притомъ, чортъ побери, въ тѣлѣ одного изъ вашихъ слугъ; по крайней мѣрѣ онъ носитъ ваши цвѣта.

— Да, это мой человѣкъ,—отвѣчалъ лордъ Шорби, отшатнувшись.—Я бы хотѣлъ имѣть побольше такихъ. Онъ былъ храбръ какъ бульдогъ и молчаливъ какъ кротъ.

— Право?—насмѣшливо сказалъ сэръ Даніэль.—А зачѣмъ онъ забрался подслушивать въ мой домъ? Ну, теперь ему не придется больше подслушивать.

— Съ вашего дозволенія, сэръ Даніэль,—сказалъ одинъ изъ окружающихъ:—здѣсь какая-то записка приколота къ его груди.

— Дай мнѣ ее и стрѣлу,—сказалъ рыцарь. И, взявъ въ руки стрѣлу, онъ въ теченіе нѣкотораго времени угрюмо смотрѣлъ на нее.—Да,—сказалъ онъ потомъ, обращаясь къ лорду Шорби:—ненависть преслѣдуетъ меня по пятамъ. Эта черная стрѣла, или такая же, какъ эта, свалитъ, наконецъ, и меня. И вотъ что̀, другъ, позвольте честному рыцарю дать вамъ совѣтъ: если эти собаки станутъ гнаться за вами, бѣгите! Но посмотримъ, что̀ тутъ написано... Такъ и есть, милордъ: васъ отмѣтили, какъ дерево, которое хотятъ срубить. Но что̀ такое у васъ было въ письмѣ?

Лордъ Шорби снялъ бумагу со стрѣлы, прочелъ ее, смялъ и, преодолѣвая отвращеніе, мѣшавшее ему приблизиться, опустился на колѣни подлѣ трупа и сталъ шарить въ сумкѣ.

Онъ всталъ съ очевиднымъ волненіемъ.

— Другъ,—сказалъ онъ,—я потерялъ очень важное письмо, и еслибы мошенникъ, который укралъ его, попался въ мои руки, не миновать бы ему петли. Но прежде всего позаботимся о безопасности дома. И такъ ужъ случилось не мало бѣдъ, клянусь св. Георгомъ!

Вокругъ дома и сада были поставлены часовые; на каждой площадкѣ лѣстницы тоже помѣстили по часовому; цѣлая толпа воиновъ размѣстилась въ передней; другая—у огня подъ навѣсомъ. Люди сэра Даніэля были усилены воинами лорда Шорби; такимъ

образомъ не было недостатка ни въ людяхъ, ни въ оружіи, чтобы охранять зданіе или схватить спрятавшагося врага, еслибы такой оказался.

Между тѣмъ тѣло шпіона было вынесено изъ замка и положено въ церкви аббатства.

Только когда всѣ эти распоряженія были приведены въ исполненіе и водворилась тишина, обѣ дѣвушки отыскали Ричарда Шельтона въ его убѣжищѣ и разсказали ему обо всемъ, что произошло. Онъ въ свою очередь разсказалъ имъ о посѣщеніи шпіона, его опасной находкѣ и смерти.

Джоанна прислонилась къ стѣнѣ въ состояніи близкомъ къ обмороку.

Выбравшись благополучно изъ комнаты Джоанны, Дикъ натнулся въ корридорѣ на пикетъ солдатъ, которые по его просьбѣ отвели его въ церковь, гдѣ служилъ сэръ Оливеръ панихиду по убитомъ шпіонѣ. Церковь была слабо освѣщена восковыми свѣчами. Посреди клироса лежалъ убитый шпіонъ подъ катафалкомъ.

Глухой ропотъ молящихся раздавался подъ сводами церкви; нѣсколько фигуръ, одѣтыхъ въ капюшоны, стояли на колѣняхъ на амвонѣ, а на ступенькахъ алтаря духовное лицо въ епископскомъ облаченіи служило мессу.

Одинъ изъ стоявшихъ на колѣняхъ всталъ и, подойдя къ вошедшимъ, спросилъ, зачѣмъ они пришли. Изъ уваженія къ церкви и покойнику, они говорили, понизивъ голосъ, но эхо подхватило ихъ слова, разнося ихъ глухими отголосками подъ высокими сводами.

— Монахъ? — сказалъ сэръ Оливеръ (это былъ онъ), когда стрѣлокъ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.—Братъ мой, я не ожидалъ васъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Дику.—Скажите пожалуйста, кто вы? и по чьей просьбѣ приходите присоединить ваши молитвы къ нашимъ?

Дикъ, лицо котораго было закрыто капюшономъ, сдѣлалъ сэру Оливеру знакъ отойти на нѣсколько шаговъ отъ стражи, и когда тотъ послѣдовалъ его приглашенію, сказалъ: — Мнѣ нечего надѣяться обмануть васъ, сэръ. Моя жизнь въ вашихъ рукахъ.

Сэръ Оливеръ сильно вздрогнулъ; полныя щеки его поблѣднѣли, и нѣсколько времени онъ ничего не отвѣчалъ.

— Ричардъ,—сказалъ онъ наконецъ,—я не знаю, что привело васъ сюда, но сильно подозрѣваю недобрый умыселъ. Тѣмъ не менѣе, ради прежней дружбы, я не хочу вамъ зла. Вы проведете всю ночь здѣсь, рядомъ со мною; вы будете здѣсь, пока

не кончится бракосочетаніе милорда Шорби; и если все сойдетъ благополучно и вы не замыслили ничего дурного, то послѣ этого вы уйдете невредимымъ. Но если у васъ кровавые замыслы, они падутъ на вашу голову. Amen!

И патеръ набожно перекрестился и поклонился алтарю.

Послѣ этого онъ сказалъ нѣсколько словъ солдатамъ; взявши Дика за руку, онъ ввелъ его на клиросъ и помѣстилъ рядомъ съ собой; тутъ юноша сталъ на колѣни и принялъ видъ молящагося.

Однако глаза и умъ его постоянно были на-сторожѣ. Онъ замѣтилъ, что трое солдатъ, вмѣсто того, чтобы уйти, отошли въ дальній придѣлъ церкви и тамъ остались, очевидно, получивъ соотвѣтственное приказаніе отъ сэра Оливера. Итакъ, онъ находился въ плѣну. Здѣсь, въ таинственномъ полумракѣ церкви, рядомъ съ блѣднымъ трупомъ человѣка, котораго онъ убилъ, приходилось ему провести ночь, а утромъ видѣть, какъ возлюбленная на его глазахъ будетъ обвѣнчана съ другимъ.

Тѣмъ не менѣе онъ съумѣлъ подавить свое волненіе и рѣшился спокойно ждать конца.

IV.

Въ церкви аббатства.

Молящіеся бодрствовали всю ночь.

Наконецъ разсвѣло, и розовые лучи восходящаго солнца ворвались въ церковь и заиграли на стѣнахъ. Буря кончилась; тучи, одѣвавшія снѣжнымъ покровомъ окрестности, пронеслись далѣе, и взошедшее солнце освѣтило картину веселаго зимняго утра.

Въ церкви засуетились, вынесли катафалкъ, вытерли пятна крови, чтобы печальное зрѣлище не омрачило брачную церемонію лорда Шорби. Въ то же время духовенство, послѣ печально проведенной ночи, приготовлялось для веселаго торжества, которое должно было послѣдовать. Вскорѣ затѣмъ въ церковь стали являться благочестивые прихожане, занимая мѣста передъ любимыми святыми или дожидаясь своей очереди въ исповѣдальняхъ.

Въ наступившей суматохѣ не трудно было пробраться въ церковь и постороннему лицу, и Дикъ, внимательно оглядывая церковь, внезапно встрѣтился глазами ни болѣе ни менѣе какъ съ самимъ Виллемъ Лаулессомъ, все еще бывшимъ въ одеждѣ монаха.

Разбойникъ въ ту же минуту узналъ своего предводителя и украдкой сдѣлалъ ему знакъ глазами и рукой.

Хотя Дикъ и не забылъ о несвоевременномъ пьянствѣ стараго плута, однако вовсе не хотѣлъ, чтобы онъ раздѣлилъ его участь, а потому сдѣлалъ ему знакъ уходить.

Лаулессъ, повидимому, понялъ, въ ту же минуту исчезъ за колонной, и Дикъ вздохнулъ свободнѣе.

Каково же было его изумленіе, когда онъ почувствовалъ, что кто-то дергаетъ его за рукавъ и, оглянувшись, увидѣлъ рядомъ съ собою стараго бродягу, повидимому, погруженнаго въ молитву.

Въ ту же минуту сэръ Оливеръ всталъ и пошелъ къ солдатамъ, находившимся въ притворѣ. Если подозрѣнія патера были возбуждены до такой степени, то, очевидно, дѣло было кончено, и Лаулессъ попался въ плѣнъ.

— Сиди смирно!—прошепталъ Дикъ.—Мы въ самомъ скверномъ положеніи, прежде всего благодаря твоему глупому поведенію вчера. Вѣдь ты видѣлъ, что я сижу здѣсь, хотя ни права, ни охоты на то не имѣю; неужели не могъ догадаться, что дѣло плохо и нужно убираться поскорѣе?

— Нѣтъ,—сказалъ Лаулессъ,—я думалъ, что вы условились съ Эллисомъ и сидите здѣсь нарочно.

— Эллисъ?—повторилъ Дикъ.—Развѣ Эллисъ вернулся?

— Конечно,—отвѣчалъ разбойникъ.—Онъ прибылъ ночью и задалъ же мнѣ гонку за пьянство! Вы отомщены, мастэръ. Бѣшеный человѣкъ этотъ Эллисъ! Онъ велѣлъ мнѣ во что бы то ни стало разстроить этотъ бракъ, и намъ нужно постараться сдѣлать это, мастэръ Дикъ.

— Нѣтъ, братъ, — сказалъ Дикъ, — мы съ тобой погибшіе люди; вѣдь я здѣсь сижу плѣнникомъ, и отвѣчаю головой за благополучное окончаніе этого брака, который Эллисъ собирается разстроить. Клянусь распятіемъ, мнѣ предоставленъ славный выборъ: потерять возлюбленную или потерять мою жизнь. Ну, да жребій брошенъ—я предпочитаю потерять жизнь.

Послѣ этого онъ замолчалъ, и вскорѣ они услышали отдаленные и слабые звуки веселой музыки, которые постепенно приближались и становились громче и веселѣе. На колокольнѣ стали трезвонить съ удвоеннымъ стараніемъ, толпа въ церкви постоянно увеличивалась; то-и-дѣло приходили новые люди, обивая снѣгъ съ обуви и похлопывая окоченѣвшими руками. Западная дверь была отворена настежъ, позволяя видѣть снѣжную дорогу, освѣщенную яркими лучами солнца и пропуская въ церковь токъ свѣжаго утренняго воздуха. Вскорѣ всѣмъ стало ясно, что лордъ Шорби намѣренъ обвѣнчаться рано утромъ, такъ какъ свадебный поѣздъ уже приближался къ церкви.

Нѣкоторые изъ людей лорда Шорби расчистили дорогу въ серединѣ церкви, отстранивъ народъ древками копій, и по ту сторону портала показались музыканты: флейтисты и трубачи, багровые отъ усердія, съ которымъ они дули въ свои инструменты, барабанщики и цимбалисты, бившіе во всю мочь.

Приблизившись къ дверямъ священнаго зданія, они выстроились въ два ряда по сторонамъ дороги, прекративъ на время игру. Въ образовавшійся такимъ образомъ просвѣтъ можно было видѣть приближающійся свадебный поѣздъ; разнообразіе и пестрота костюмовъ, бархатъ и шелкъ, атласъ и кружева дѣлали его похожимъ на цвѣтникъ посреди дороги или окно изъ разноцвѣтныхъ стеколъ въ стѣнѣ.

Впереди всѣхъ показалась невѣста, блѣдная какъ полотно, съ печальнымъ лицомъ; она шла, опираясь на руку сэра Даніэля; въ качествѣ подружки ее сопровождала молодая лэди, которая такъ подружилась съ Дикомъ наканунѣ. За ними слѣдовалъ женихъ, въ щегольскомъ костюмѣ, прихрамывая вслѣдствіе подагры; когда онъ, переступая черезъ порогъ церкви, снялъ шляпу, его лысина оказалась красной отъ волненія.

Теперь наступилъ часъ Эллиса Дэкворта.

Дикъ, волнуемый различными чувствами, замѣтилъ движеніе въ толпѣ, наполнявшей церковь: народъ бросился къ дверямъ, указывая руками и глазами вверхъ. Слѣдуя этимъ указаніямъ, онъ увидѣлъ трехъ или четырехъ человѣкъ, наклонившихся съ галереи съ натянутыми луками въ рукахъ. Въ ту же минуту они выстрѣлили—и среди суматохи и криковъ испуганнаго народа скрылись съ галереи.

Церковь наполнилась смятеніемъ и крикомъ; духовенство въ ужасѣ сбѣжало съ своихъ мѣстъ; музыка прекратилась, и только колокола нѣкоторое время продолжали трезвонить, но и тѣ скоро замолкли, какъ будто какой-нибудь вѣтеръ донесъ до звонарей вѣсть о несчастіи.

Посреди церкви лежалъ женихъ, убитый двумя черными стрѣлами, пронзившими его насквозь. Невѣста лишилась чувствъ. Сэръ Даніэль стоялъ, возвышаясь надъ толпой, внѣ себя отъ бѣшенства и боли; стрѣла торчала въ его лѣвой рукѣ, повыше кисти; другая задѣла ему лобъ, и кровь текла по его лицу.

Прежде чѣмъ присутствующіе успѣли опомниться, виновники происшествія уже спустились съ хоръ и скрылись въ заднюю дверь.

Но Дикъ и Лаулессъ все еще оставались въ плѣну; правда, они вскочили при первой тревогѣ и попытались пробиться къ

дверямъ, но протискаться въ узкихъ проходахъ среди толпы патеровъ и пѣвчихъ оказалось невозможно, и они вернулись на свои мѣста.

Тогда сэръ Оливеръ, блѣдный отъ ужаса, вскочилъ на ноги и крикнулъ сэру Даніэлю, указывая на Дика.

— Здѣсь Ричардъ Шельтонъ! виновникъ убійства!.. Схватите его!.. пусть его схватятъ! Ради спасенія всѣхъ насъ, возьмите его и свяжите покрѣпче! Онъ появился погубить всѣхъ насъ.

Сэръ Даніэль ничего не видѣлъ отъ бѣшенства и крови, заливавшей ему лицо.

— Гдѣ?—заревѣлъ онъ.—Тащите его сюда! Клянусь крестомъ Голивуда, онъ вспомнитъ этотъ часъ!

Часть стрѣлковъ бросилась къ Дику и вытащила его на средину церкви. Лаулессъ продолжалъ сидѣть смирно какъ мышь.

Сэръ Даніэль, отеревъ кровь, мѣшавшую ему видѣть, взглянулъ на Дика.

— А!—сказалъ онъ:—измѣнникъ, злодѣй! попался! клянусь всѣми клятвами, что за каждую каплю крови, которая течетъ по моему лицу, я выдавлю стонъ изъ твоей глотки! Уведите его!—прибавилъ онъ.—Здѣсь не мѣсто. Тащите его въ мой домъ. Я пересчитаю пытками каждый суставъ его тѣла.

Но Дикъ, оттолкнувъ стражу, возвысилъ голосъ.

— Святилище! — крикнулъ онъ. — Святилище! Сюда, сюда, отцы! Меня хотятъ силою вытащить изъ церкви!

— Изъ церкви, которую ты осквернилъ убійствомъ,—прибавилъ какой-то высокій, богато одѣтый человѣкъ.

— А какія доказательства? — воскликнулъ Дикъ. — Правда, меня обвиняютъ въ соучастіи, но никто не доказалъ этого. Дѣйствительно, я искалъ руки этой дѣвушки, и она — могу смѣло сказать это—благосклонно отнеслась къ моему предложенію. Но что же изъ этого? Любить дѣвушку—не преступленіе, возбудить въ ней любовь—тоже. А больше за мной нѣтъ вины.

Ропотъ одобренія раздался среди присутствующихъ при этомъ смѣломъ оправданіи; но въ то же время толпа обвинителей возвысила голосъ, разсказывая, какъ Дикъ былъ найденъ въ домѣ сэра Даніэля, переодѣтый въ монашеское платье; въ то же время сэръ Оливеръ жестами и голосомъ указывалъ на Лаулесса, какъ соучастника въ преступленіи. Его въ свою очередь схватили и поставили рядомъ съ Дикомъ. Чувства толпы раздѣлились и достигли высшаго напряженія: одни дергали и тащили Дика въ разныя стороны, стараясь дать ему возможность убѣжать; другіе удерживали и толкали его съ угрозами. Въ ушахъ его звенѣло,

голова кружилась; онъ чувствовалъ то же, что пловецъ, борющійся съ бурнымъ потокомъ.

Но высокій человѣкъ, уже обращавшійся къ Дику, громовымъ голосомъ возстановилъ тишину и усмирилъ толпу.

— Поищите,—сказалъ онъ,—нѣтъ ли у нихъ оружія. Тогда ихъ намѣренія станутъ для насъ яснѣе.

На Дикѣ не оказалось никакого оружія, кромѣ кинжала; это говорило въ его пользу. Но когда кто-то вытащилъ кинжалъ изъ ноженъ, на немъ оказались слѣды крови, что̀ вызвало страшный шумъ среди сторонниковъ сэра Даніэля. Однако высокій человѣкъ прекратилъ его повелительнымъ жестомъ. Но когда очередь дошла до Лаулесса, то подъ его мантіей нашли пучокъ стрѣлъ, совершенно такихъ же, какъ тѣ, которыми только-что стрѣляли.

— Что̀ вы теперь скажете? — спросилъ высокій человѣкъ у Дика, нахмуривъ брови.

— Сэръ,—отвѣчалъ Дикъ,—я пользуюсь здѣсь правомъ убѣжища, не правда ли? Хорошо, сэръ: по вашему виду я заключаю, что вы лицо высокаго званія, и въ вашихъ чертахъ я читаю признаки милосердія и справедливости. Я отдаюсь вамъ плѣнникомъ, отказываясь отъ права, которое даетъ мнѣ это святое мѣсто. Но я прошу васъ лучше казнить меня, чѣмъ отдать этому человѣку, котораго я громко обвиняю здѣсь въ убійствѣ моего отца и въ беззаконномъ захватѣ моихъ земель и доходовъ. Вы сами слышали, что онъ грозилъ мнѣ пытками, прежде чѣмъ была доказана моя вина. Ваша честь требуетъ не отдавать меня моему заклятому врагу и старому притѣснителю, а повести дѣло законнымъ путемъ, и если я дѣйствительно окажусь виновенъ—казнить меня законною казнью.

— Милордъ!—воскликнулъ сэръ Даніэль:—не слушайте этого волка! Его окровавленный кинжалъ обличаетъ его ложь!

— Пусть такъ, но позвольте вамъ замѣтить, рыцарь,—сказалъ незнакомецъ:—ваша запальчивость свидѣтельствуетъ также противъ васъ.

Въ эту минуту невѣста, которая тѣмъ временемъ пришла въ себя и дико смотрѣла на происходившую передъ нею сцену, вырвалась изъ рукъ поддерживавшихъ ее людей и бросилась на колѣни передъ лордомъ.

— Милордъ! — воскликнула она:—послушайте меня! Этотъ человѣкъ захватилъ меня силой, похитилъ меня у моихъ друзей! Съ тѣхъ поръ, если кто-нибудь относился ко мнѣ хорошо, по-человѣчески, то только Ричардъ Шельтонъ, кото-

раго они обвиняютъ и хотятъ погубить. Если онъ былъ вчера въ домѣ сэра Даніэля, то это я его пригласила; онъ пришелъ по моей просьбѣ, не замышляя ничего дурного. Пока сэръ Даніэль былъ для него добрымъ лордомъ, онъ честно бился за него съ людьми черной стрѣлы; но когда безчестный опекунъ рѣшился погубить его и обнаружилъ свой замыселъ на дѣлѣ, и онъ бѣжалъ ночью, ради спасенія своей жизни, изъ этого кроваваго дома,—куда онъ могъ обратиться, безъ всякой поддержки, безъ всякихъ средствъ? И если онъ попалъ въ дурное общество, кого порицать за это,—юношу ли, съ которымъ такъ несправедливо поступили, или опекуна, который обманулъ его довѣріе?!

Лишь только она высказала эти слова, какъ молодая лэди упала на колѣни рядомъ съ нею.

— А я, мой добрый лордъ и дядя,—сказала она,—я могу передъ всѣми засвидѣтельствовать истину ея словъ. Это я, несчастная, провела этого молодого человѣка въ домъ.

Графъ Рейзингамъ молча выслушалъ ихъ и нѣкоторое время стоялъ въ задумчивости. Потомъ онъ помогъ Джоаннѣ подняться, не оказавъ, однако, той же любезности той, которая называла себя его племянницей.

— Сэръ Даніэль,—сказалъ онъ,—я вижу, что это очень запутанное дѣло, и, съ вашего позволенія, самъ займусь имъ. Итакъ, вы можете быть спокойны: ваше дѣло въ надежныхъ рукахъ, правосудіе будетъ вамъ оказано; а пока ступайте домой и полечите свои раны. Теперь холодно, и я бы желалъ, чтобы холодъ не повредилъ вамъ.

Онъ сдѣлалъ знакъ рукой; слуги, слѣдившіе за каждымъ его движеніемъ, тотчасъ же передали приказаніе наружу; за дверьми церкви раздался рѣзкій звукъ трубы, и въ церковь вошли стрѣлки и солдаты, носившіе цвѣтъ и гербъ лорда Рейзингама; они окружили Дика и Лаулесса и увели ихъ изъ церкви.

V.

Графъ Рейзингамъ.

Графъ Рейзингамъ, самое могущественное лицо въ Шорби, помѣщался, однако, очень скромно въ домѣ частнаго джентльмена на окраинѣ города. Только вооруженные люди у дверей и вѣстники, безпрестанно подъѣзжавшіе или отъѣзжавшіе, указывали на временное пребываніе здѣсь важнаго лорда.

День уже склонялся къ вечеру, когда дверь отворилась, и Дика повели наверхъ, въ теплый кабинетъ, гдѣ графъ Рейзингамъ въ задумчивости сидѣлъ передъ каминомъ.

При входѣ плѣнника онъ поднялъ на него глаза.

— Сэръ,—сказалъ онъ,—я зналъ вашего отца; онъ былъ благородный человѣкъ, и это склоняетъ меня къ снисходительности. Но не могу скрыть отъ васъ, что на васъ тяготѣютъ тяжкія обвиненія. Вы соединились съ разбойниками и ворами; доказано, что вы нарушили королевскій миръ; вы заподозрѣны въ похищеніи корабля; васъ нашли переодѣтымъ въ домѣ вашего врага; въ тотъ же вечеръ убитъ человѣкъ...

— Съ вашего дозволенія, милордъ,—перебилъ Дикъ,—я разомъ признаюсь въ своей винѣ. Я убилъ этого Роттера; въ доказательство вотъ письмо, которое я нашелъ въ его сумкѣ.

Лордъ Рейзингамъ взялъ письмо и прочелъ его дважды.

— Вы прочли его?—спросилъ онъ.

— Прочелъ,—отвѣтилъ Дикъ.

— Вы за Іорка или Ланкастера?—спросилъ графъ.

— Милордъ, недавно меня спрашивали объ этомъ, и я не зналъ, чтò отвѣтить,—сказалъ Дикъ,—но, разъ отвѣтивъ, не хочу измѣнять. Милордъ, я за Іорка.

Графъ одобрительно кивнулъ головой.

— Честный отвѣтъ,—сказалъ онъ.—Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ вы передали мнѣ это письмо?

— Развѣ измѣнникъ можетъ принадлежать къ какой-нибудь партіи?—воскликнулъ Дикъ.

— Пожалуй, вы правы, молодой джентльменъ,—отвѣчалъ графъ.—Я вижу, что въ васъ больше молодости, чѣмъ хитрости; и если бы сэръ Даніэль не былъ значительное лицо въ нашей партіи, я принялъ бы васъ подъ свое покровительство. Я разузнавалъ объ этомъ дѣлѣ, и, повидимому, вы дѣйствительно обижены, чтò, конечно, извиняетъ васъ. Но видите ли, сэръ, я прежде всего предводитель партіи, защищающей дѣло королевы; и хотя по натурѣ я, какъ мнѣ кажется, справедливый человѣкъ и склоненъ къ излишнему милосердію, однако я долженъ согласовать свои поступки съ интересами моей партіи, а потерять сэра Даніэля ужъ вовсе не въ ея интересахъ.

— Милордъ,—возразилъ Дикъ,—можетъ быть, я слишкомъ смѣлъ... можете ли вы разсчитывать на вѣрность сэра Даніэля? Вѣдь онъ то-и-дѣло переходилъ отъ одной партіи къ другой.

— Да, но это общее явленіе въ Англіи. Чтò вы съ этимъ сдѣлаете?—отвѣчалъ графъ.—А вы все-таки несправедливы къ

этому рыцарю; въ концѣ концовъ онъ остается вѣренъ Ланкастерамъ. Даже въ нашихъ послѣднихъ бѣдствіяхъ онъ стоялъ твердо.

— Не угодно ли вамъ, въ такомъ случаѣ,—сказалъ Дикъ,—взглянуть на это письмо; можетъ быть оно измѣнитъ ваше мнѣніе о немъ,—и онъ подалъ графу письмо сэра Даніэля къ лорду Уэнслейделю.

Письмо произвело сильное дѣйствіе; графъ сразу сталъ мраченъ, и рука его машинально схватилась за кинжалъ.

— Вы читали и это письмо?—спросилъ онъ.

— И это,—отвѣчалъ Дикъ.—Онъ предлагаетъ лорду Уэнслейделю ваше собственное имѣніе.

— Да, мое имѣніе!—отвѣтилъ графъ.—Я вамъ очень обязанъ за это письмо. Оно раскрыло мнѣ глаза. Вашъ слуга, мастэръ Шельтонъ; я не буду неблагодаренъ, и для начала, виновны вы или нѣтъ, честный человѣкъ или плутъ, я возвращаю вамъ свободу. Ступайте съ Богомъ! Но я думаю, съ моей стороны будетъ справедливо задержать и повѣсить вашего человѣка, Лаулесса. Преступленіе слишкомъ громко и требуетъ какого-нибудь возмездія.

— Милордъ, я прежде всего прошу васъ пощадить и его,—сказалъ Дикъ.

— Онъ старый, уже осужденный мошенникъ, воръ и бродяга, мастэръ Шельтонъ,—сказалъ графъ.—Висѣлица дожидается его уже двадцать лѣтъ. За то или за другое, днемъ раньше, днемъ позже—не все ли равно?

— Милордъ, онъ забрался въ церковь изъ любви ко мнѣ, и покинуть его было бы жестоко и неблагодарно съ моей стороны.

— Мастэръ Шельтонъ, вы слишкомъ требовательны,—сурово сказалъ графъ.—Ну, да чтобы совсѣмъ раздѣлаться съ вами, я исполню вашу просьбу. Ступайте; но будьте осторожны и поскорѣе выбирайтесь изъ Шорби. Потому что этотъ сэръ Даніэль—чортъ бы его побралъ!—сильно жаждетъ вашей крови.

— Благодарю васъ, милордъ, и надѣюсь отслужить вамъ на дѣлѣ,—сказалъ Дикъ выходя изъ комнаты.

VI.

Опять Арбластеръ.

Вечеръ почти уже наступилъ, когда Дикъ и Лаулессъ прокрались черезъ заднюю дверь изъ дома лорда Рейзингама.

Около садовой стѣны они остановились и, спрятавшись подъ ея прикрытіемъ, стали совѣтоваться насчетъ дороги. Положеніе было крайне опасное. Еслибы кто-нибудь изъ людей сэра Даніэля замѣтилъ ихъ и поднялъ тревогу, ихъ неминуемо зарѣзали бы. И кромѣ опасности, которую представлялъ самый городъ, они рисковали наткнуться на патрули, выбравшись за его черту.

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ они сидѣли, виднѣлась вѣтряная мельница, а рядомъ съ нею—большая рига съ открытыми дверями.

— Чтò если мы спрячемся тамъ, пока стемнѣетъ?—предложилъ Дикъ.

Такъ какъ Лаулессъ не могъ посовѣтовать ничего лучшаго, то это предложеніе было немедленно приведено въ исполненіе; они быстро добѣжали до риги и спрятались въ соломѣ. Ночь приближалась, и, наконецъ, луна посеребрила снѣгъ. Теперь, или никогда, предстояло имъ добраться незамѣченными до безопаснаго мѣста и перемѣнить монашескіе костюмы. Идти было лучше по окраинамъ, чѣмъ рисковать выйти на людную площадь, гдѣ имъ неминуемо грозила опасность быть замѣченными и убитыми.

Путь былъ длиненъ. Они пробрались по набережной, теперь опустѣвшей и темной, и стали огибать гавань. При лунномъ свѣтѣ замѣтили они, что многія суда снялись съ якоря и, пользуясь хорошей погодой, отходили подальше; вслѣдствіе этого пивныя лавки на набережной были свободны отъ посѣтителей (хотя и освѣщены вопреки закону о нарушеніи огня).

Торопливо, почти бѣгомъ, пробирались они среди лабиринта морскихъ принадлежностей, разбросанныхъ въ гавани, и уже сдѣлали болѣе полдороги, когда дверь одной изъ пивныхъ, мимо которой они проходили, отворилась, и снопъ свѣта упалъ на бѣглецовъ.

Они тотчасъ остановились и сдѣлали видъ, что заняты какимъ-то разговоромъ.

Трое людей, одинъ за другимъ, вышли изъ пивной, затворивъ за собою дверь. Всѣ трое нетвердо держались на ногахъ, какъ будто провели день въ пьянствѣ и теперь стояли въ нерѣшитель-

ности, не зная, что̀ дѣлать дальше. Самый высокій изъ нихъ говорилъ громкимъ, плачевнымъ голосомъ:

— Семь бочекъ лучшаго гасконскаго, какое когда-нибудь откупоривалъ кабатчикъ,—говорилъ онъ,—лучшая лодка во всемъ Дартмутѣ, позолоченная Дѣва Марія, четырнадцать фунтовъ золотой монетой...

— Я тоже много потерялъ,—перебилъ другой.—Я потерялъ мое добро, другъ Арбластеръ. У меня украли пять шиллинговъ и кожаную сумку...

Сердце Дика сжалось при этихъ словахъ. До сихъ поръ онъ вовсе не думалъ о бѣдномъ шкиперѣ, разорившемся вслѣдствіе потери „Доброй Надежды“: такъ беззаботны были въ тѣ времена люди, которымъ случалось ограбить низшихъ. Но этотъ неожиданный разсказъ напомнилъ ему о предпріятіи, такъ самоувѣренно начатомъ и такъ печально окончившемся. Оба, онъ и Лаулессъ, отвернулись, чтобы не быть узнанными.

Собака шкипера спаслась отъ кораблекрушенія и нашла дорогу въ Шорби. Теперь она была у ногъ Арбластера, и внезапно, настороживъ уши и обнюхивая воздухъ, съ страшнымъ лаемъ бросилась на псевдо-монаховъ.

Ея хозяинъ, пошатываясь, побрелъ за нею.

— Эй, товарищи!—крикнулъ онъ.—Не найдется ли у васъ пенни для бѣднаго стараго шкипера, начисто разореннаго пиратами? Передъ вами человѣкъ, который могъ бы напоить васъ обоихъ въ четвергъ утромъ, а теперь въ субботу вечеромъ долженъ выпрашивать кружку пива. Спросите моего матроса Тома, если мнѣ не вѣрите. Семь бочекъ славнаго гасконскаго вина, ялботъ, который принадлежалъ мнѣ, а раньше моему отцу, Богородица изъ явора, позолоченная, и четырнадцать фунтовъ золотомъ и серебромъ! А! что̀ вы скажете? Что̀ скажете человѣку, который бивалъ французовъ? — да! я перерѣзалъ на морѣ больше французовъ, чѣмъ любой морякъ изъ Дартмута. Ну, что-жъ! дадите пенни?

Ни Дикъ, ни Лаулессъ ничего не отвѣчали, опасаясь быть узнанными по голосу, и стояли такъ же безпомощно, какъ корабль на мели, не зная, что̀ предпринять.

— Нѣмые вы, что-ли, ребята?—спросилъ шкиперъ.—Братцы, прибавилъ онъ, икая:—это нѣмые. Я ихъ не люблю.

Въ это время матросъ Томъ, обладавшій большой физической силой, казалось, возъимѣлъ какія-то подозрѣнія насчетъ этихъ двухъ безмолвныхъ фигуръ и, будучи трезвѣе, чѣмъ его капитанъ, внезапно подошелъ къ нимъ, схватилъ Лаулесса за плечо

и спросилъ его съ ругательствомъ, почему онъ ничего не отвѣчаетъ. Думая, что все пропало, бродяга отвѣтилъ ему ударомъ, отъ котораго тотъ растянулся на снѣгу, и бросился бѣжать, приглашая Дика слѣдовать за собою.

Но прежде чѣмъ Дикъ успѣлъ тронуться съ мѣста, Арбластеръ схватилъ его, а Томъ поймалъ его ногу, тогда какъ третій человѣкъ поднялъ ножъ надъ его головою.

Не столько опасность и угрозы смущали молодого Шельтона, сколько унизительное сознаніе, что, увернувшись отъ сэра Даніэля, добившись свободы отъ лорда Рейзингама, онъ попался теперь въ руки старыхъ пьяницъ матросовъ; къ тому же совѣсть громко говорила ему теперь, когда это уже было поздно, что онъ дѣйствительно виновенъ, дѣйствительно неоплатный должникъ человѣка, судно котораго онъ укралъ и погубилъ.

— Стащимъ его въ пивную,—сказалъ Арбластеръ,—а тамъ посмотримъ, кто это такой.

— Да, да,—подтвердилъ Томъ,—но сначала пошаримъ въ его карманахъ.

Но хотя они обыскали его съ ногъ до головы, на немъ не нашлось ни одного пенни, ничего, кромѣ кольца съ печатью лорда Фоксгема, которое они стащили съ его пальца.

— Повернемъ его на свѣтъ,—сказалъ шкиперъ и схватилъ Дика за подбородокъ, грубо повернувъ его голову.—Пресвятая Дѣва!—воскликнулъ онъ:—это пиратъ!

— О!—крикнулъ Дикъ.

— Клянусь бордосской Богоматерью, онъ самый!—отвѣчалъ Арбластеръ.—А, морской воръ, попался! Гдѣ мой корабль? Гдѣ мое вино? Чтò! теперь ты въ моихъ рукахъ! Томъ, дай-ка мнѣ веревку, я свяжу этого мошенника по рукамъ и по ногамъ,—да, чортъ побери! свяжу и задамъ ему трепку!

Говоря это, онъ съ ловкостью моряка связалъ Дика, опутавъ его руки и ноги веревкой.

Послѣ этого молодой человѣкъ оказался безпомощнымъ, какъ мертвый. Шкиперъ приподнялъ его и громко засмѣялся. Потомъ закатилъ ему оглушительную затрещину, повернулъ его спиной къ себѣ и принялся колотить изъ всѣхъ силъ. Бѣшенство кипѣло въ груди Дика; онъ думалъ, что задохнется отъ злобы; но когда морякъ, утомленный своимъ жестокимъ занятіемъ, оставилъ его и сталъ совѣтоваться съ товарищами, онъ тотчасъ овладѣлъ собой и началъ придумывать способъ выйти изъ этого унизительнаго и рокового положенія.

Пока матросы разсуждали, чтò съ нимъ дѣлать, онъ успѣлъ

смирить свою злобу и обратился къ нимъ почти спокойнымъ голосомъ.

— Ребята, развѣ вы окончательно сошли съ ума? Небо посылаетъ вамъ случай сдѣлаться богаче любого моряка, нажить такія деньги, которыхъ не доставятъ вамъ двадцать поѣздокъ по морю—а вы? что вы дѣлаете? бьете меня! Это достойно разозлившагося ребенка. Но для стараго моряка, который не боится ни огня, ни воды, и хочетъ нажить денегъ, это глупо.

— Хорошо, хорошо, — сказалъ Томъ. — Теперь, когда тебя связали, ты хочешь обморочить насъ.

— Обморочить васъ!—повторилъ Дикъ.—Да! если вы дураки, это легко сдѣлать. Но если вы ловкіе ребята, а вы мнѣ кажетесь такими, то легко можете сами понять, въ чемъ ваша выгода. Когда я захватилъ вашъ корабль, насъ было много, и мы были хорошо одѣты и вооружены. Подумайте сами, кто могъ собрать такой отрядъ? Разумѣется, тотъ, кто добылъ много денегъ. И если онъ, уже разбогатѣвъ, продолжаетъ гоняться за добычей, несмотря ни на какія бури,—подумайте—не значитъ ли это, что гдѣ-нибудь спрятано сокровище?

— Что онъ болтаетъ?—сказалъ одинъ изъ слушателей.

— Вотъ что,—продолжалъ Дикъ:—если вы потеряли старую лодку и нѣсколько бочекъ прокисшаго вина, забудьте объ этихъ пустякахъ, а лучше возьмитесь за предпріятіе, которое въ одинъ день можетъ обогатить васъ. Но сначала подымите меня, потому что мнѣ холодно и больно и ротъ мой полонъ снѣгу, а потомъ пойдемте куда-нибудь потолковать за кружкой пива.

— Онъ хочетъ надуть насъ,—недовѣрчиво сказалъ Томъ.

— Надуть! надуть!—воскликнулъ третій.—Желалъ бы я видѣть человѣка, который бы меня надулъ. Это былъ бы дѣйствительно надуватель! Нѣтъ, я не вчера родился. Я съумѣю поймать быка за рога, а по моему, другъ Арбластеръ, въ словахъ этого молодца есть смыслъ. Право, намъ лучше выслушать его. Скажите сами, не лучше ли будетъ, если мы его выслушаемъ?

— Я бы не прочь потолковать за кружкой добраго пива, мастеръ Пирретъ,—возразилъ Арбластеръ.—Что скажешь, Томъ? Но его карманы пусты.

— Я заплачу,—сказалъ Пирретъ,—я заплачу. Мнѣ хочется разузнать, въ чемъ дѣло, и сдается, что тутъ пахнетъ наживой.

— Ну, если вы опять начнете пить, все пропало!—воскликнулъ Томъ.

— Другъ Арбластеръ, вы слишкомъ много позволяете ва-

шему матросу,—сказалъ мастэръ Пирретъ.—Неужели вами будетъ командовать матросъ? Фи! фи!

— Смирно!—крикнулъ Арбластеръ, обращаясь къ Тому.—Слушать команду! Недоставало только, чтобы матросъ вздумалъ поправлять шкипера!

— Ну, такъ пойдемте!—отвѣчалъ Томъ:—я умываю руки.

— Поставьте же его на ноги!—приказалъ мастэръ Пирретъ.—Я знаю мѣстечко, гдѣ намъ будетъ удобно пить и разговаривать.

— Если я самъ долженъ идти, друзья мои,—сказалъ Дикъ, когда его поставили на ноги,—вы должны развязать мнѣ ноги.

— Это правда,—засмѣялся Пирретъ.—Конечно, онъ не можетъ идти связаннымъ. Разрѣжьте веревку, пріятель.

Даже Арбластеръ задумался при этомъ предложеніи; но такъ какъ его товарищъ продолжалъ настаивать, а Дикъ съумѣлъ сохранить выраженіе полнѣйшаго равнодушія и только пожималъ плечами, видя ихъ нерѣшительность,—шкиперъ кончилъ тѣмъ, что согласился и перерѣзалъ веревки, спутывавшія ноги Дика. Благодаря этому, Дикъ не только могъ ходить, но и остальныя путы его ослабли, а одна рука настолько освободилась, что онъ могъ двигать ею и надѣялся, съ теченіемъ времени, освободить ее совершенно. Всѣмъ этимъ онъ былъ обязанъ добродушію и простотѣ мастэра Пиррета.

Этотъ достойный человѣкъ двинулся теперь во главѣ компаніи и привелъ ихъ въ ту же самую пивную, гдѣ Лаулессъ засталъ Арбластера въ день шторма. Теперь она была пуста; въ каминѣ оставалась только куча тлѣющей золы, распространявшей сильный жаръ, и когда они усѣлись и хозяинъ поставилъ передъ ними стопу пива, приправленнаго пряностями, Пирретъ и Арбластеръ вытянули ноги и облокотились, какъ люди, собирающіеся пріятно провести время.

Столъ, за которымъ они сидѣли, состоялъ изъ тяжелой четырехъ-угольной доски, подпертой двумя брусьями, и каждый изъ странныхъ собесѣдниковъ занялъ одну сторону: Пирретъ усѣлся противъ Арбластера, Дикъ насупротивъ матроса.

— Теперь, молодой человѣкъ,—сказалъ Пирретъ,—приступайте къ вашему разсказу. Повидимому, вы дѣйствительно обидѣли нашего пріятеля Арбластера, но что̀ изъ этого? Вознаградите его, дайте ему случай разбогатѣть, и я ручаюсь, что онъ забудетъ обиду.

До сихъ поръ Дикъ говорилъ на-удачу, но теперь предстояло выдумать какую-нибудь удивительную исторію, подъ надзоромъ шести глазъ, и если, возможно, опять завладѣть всемогу-

щимъ перстнемъ. Необходимо было какъ можно долѣе протянуть время. Чѣмъ дольше они останутся за столомъ, тѣмъ сильнѣе напьются его сторожа и тѣмъ легче будетъ вырваться изъ плѣна.

Дикъ былъ не мастеръ сочинять и по-просту разсказалъ исторію Али-Баба, замѣнивъ Востокъ тэнстолльскимъ лѣсомъ и Шорби, и скорѣе преувеличивъ, чѣмъ уменьшивъ количество сокровищъ, спрятанныхъ въ пещерѣ. Исторія эта очень недурна и имѣетъ лишь одинъ недостатокъ—тотъ, что она выдумана; но три грубые моряка слышали ее въ первый разъ, и потому выпучили глаза на разсказчика и разинули рты, какъ рыба на удочкѣ.

Скоро вторая стопа пива послѣдовала за первой, а за ней и третья.

Послѣ этого состояніе собесѣдниковъ было почти печально:

Арбластеръ, на три четверти пьяный и на половину заснувшій, полулежалъ на своемъ стулѣ. Даже Томъ былъ восхищенъ разсказомъ, и его недовѣрчивость уменьшилась соотвѣтственно этому. Между тѣмъ Дикъ мало-по-малу освободилъ свою правую руку отъ путъ и теперь былъ готовъ на все.

— Итакъ,—сказалъ Пирретъ,—вы одинъ изъ нихъ?

— Это сдѣлалось помимо моей воли,—отвѣтилъ Дикъ:—но еслибы я могъ добыть одинъ два мѣшка золота, я былъ бы сумасшедшимъ, оставаясь дольше жить въ грязной пещерѣ и подвергаясь выстрѣламъ и ударамъ, какъ солдатъ. Насъ здѣсь четверо—хорошо! Пойдемте же въ лѣсъ завтра утромъ, прежде чѣмъ встанетъ солнце. Еслибы мы могли захватить съ собой осла, тѣмъ лучше; если же нѣтъ, у насъ есть четыре крѣпкихъ спины, и я ручаюсь, что мы вернемся домой съ большимъ грузомъ.

Пирретъ облизнулся.

— А это магическое слово,—сказалъ онъ,—которое откроетъ намъ пещеру? скажите-ка его, другъ.

— Оно извѣстно только тремъ начальникамъ,—отвѣчалъ Дикъ,—но на наше счастье мнѣ именно сегодня вечеромъ удалось открыть волшебство, посредствомъ котораго можно узнать его.

— Волшебство!—сказалъ Арбластеръ, полупросыпаясь и взглянувъ на Дика однимъ глазомъ.—Убирайся! не нужно волшебства. Я хорошій христіанинъ. Спроси Тома, кого хочешь.

— Нѣтъ, это только бѣлая магія,—сказалъ Дикъ.—Тутъ не нужно имѣть дѣло съ дьяволомъ; все основано на силѣ чиселъ, травъ и планетъ.

— Да, да,—подхватилъ Пирретъ,—это только бѣлая магія, другъ. Тутъ нѣтъ грѣха, могу васъ увѣрить. Но продолжайте... Въ чемъ состоитъ это волшебство?

— Я сейчасъ покажу вамъ,—отвѣтилъ Дикъ.—При васъ кольцо, которое вы сняли съ моего пальца? Хорошо. Теперь положите его на столъ и подвиньте концами пальцевъ на длину руки. Такъ, такъ! Вотъ въ чемъ волшебство.

Бросивъ искоса взглядъ, Дикъ убѣдился, что дорога къ двери свободна. Онъ прочелъ про себя молитву, затѣмъ разомъ высвободилъ руку, схватилъ кольцо и опрокинулъ столъ на матроса Тома. Тотъ покатился на полъ, увлекаемый тяжестью, и прежде чѣмъ Арбластеръ успѣлъ понять что-нибудь, а Пирретъ собрался съ мыслями, Дикъ исчезъ за дверьми.

Луна поднялась уже высоко; благодаря яркой бѣлизнѣ снѣга, было свѣтло почти какъ днемъ. Фигура Шельтона, бѣгущаго въ монашескомъ платьѣ, могла быть замѣчена издали.

Томъ и Пирретъ съ крикомъ бросились за нимъ, изъ каждой пивной присоединялись къ нимъ другіе, и скоро цѣлая толпа матросовъ преслѣдовала бѣгущаго. Но моряки и въ пятнадцатомъ столѣтіи были плохими бѣгунами; при томъ же Дикъ успѣлъ опередить своихъ преслѣдователей и воспользовался этой выгодой. Наконецъ, добѣжавъ до узкаго переулка, онъ спрятался въ немъ и осмотрѣлся.

Почти всѣ матросы Шорби бѣжали, выдѣляясь черными группами на бѣломъ коврѣ снѣга; каждый кричалъ и вопилъ, каждый жестикулировалъ обѣими руками; случалось, что иной падалъ, и затѣмъ десятокъ другихъ летѣли споткнувшись о него.

Гвалтъ, который они подняли, былъ частью забавенъ, частью страшенъ для Дика. Догнать его они не могли: ни одинъ матросъ, конечно, не могъ поспорить съ нимъ въ быстротѣ бѣга. Но этотъ шумъ могъ разбудить все населеніе Шорби, привлечь вниманіе стражи, и такимъ образомъ впереди грозила опасность. Въ виду этого онъ предпочелъ спрятаться въ воротахъ, въ темномъ уголку, и пропустить мимо преслѣдователей, которые бѣжали, крича и махая руками, красные отъ напряженія и осыпанные снѣгомъ.

Когда черезъ часъ послѣдній матросъ вернулся, спотыкаясь, въ гавань, въ свою любимую таверну, врядъ ли кто-нибудь изъ преслѣдовавшихъ зналъ, за кѣмъ онъ гнался. На слѣдующее утро по этому поводу распространилось много удивительныхъ исторій, и немного спустя легенда о ночномъ визитѣ дьявола повторялась всѣми мальчишками Шорби.

Но возвращеніе послѣдняго матроса еще не освободило Шельтона изъ его убѣжища.

Много времени спустя патрули еще разъѣзжали по городу,

и появлялись нарочные отъ того или другого изъ важныхъ лордовъ, сонъ которыхъ былъ такъ неожиданно нарушенъ.

Поздно ночью Дикъ выбрался изъ своего убѣжища и добрался цѣлый и невредимый, но изнемогая отъ холода и побоевъ, до одной деревни. Тутъ, согласно закону, огонь и свѣчи были потушены, но Дикъ пробрался въ темнотѣ въ холодную залу, нашелъ одѣяло и, закутавшись въ него, растянулся рядомъ съ однимъ изъ спавшихъ и скоро заснулъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Горбунъ.

I.

Звонкая труба.

Рано утромъ, еще до разсвѣта, Дикъ проснулся, перемѣнилъ одежду, вооружился, какъ прилично джентльмену и отправился въ лѣсъ къ пещерѣ Лаулесса. Тамъ онъ оставилъ бумаги лорда Фоксгема, и для того, чтобы достать ихъ во-время и вернуться для встрѣчи съ молодымъ герцогомъ Глостеромъ, къ которому онъ рѣшилъ присоединиться, нужно было встать очень рано и идти какъ можно скорѣе.

Морозъ былъ очень силенъ; сухой и рѣзкій воздухъ сильно пощипывалъ уши. Луна уже зашла, но много звѣздъ свѣтило, и снѣгъ блестѣлъ. Не нужно было фонаря, чтобы идти, а холодъ отбивалъ охоту отдохнуть.

Дикъ прошелъ большую часть равнины между Шорби и лѣсомъ и достигъ подошвы небольшого холма въ нѣсколькихъ сотняхъ ярдовъ ниже креста Св. Невѣсты, когда въ тишинѣ наступавшаго утра услышалъ звукъ трубы, такой рѣзкій, сильный и пронзительный, какого ему никогда еще не приходилось слышать. Труба прозвучала разъ, другой; затѣмъ послышался звонъ оружія.

Молодой Шельтонъ навострилъ уши и, вынувъ мечъ, побѣжалъ на холмъ.

На дорогѣ около креста происходила отчаянная свалка. Семь или восемь человѣкъ нападали на одного, но этотъ одинъ былъ такъ ловокъ и проворенъ, такъ искусно увертывался отъ своихъ

противниковъ, такъ быстро бѣгалъ и прыгалъ по снѣгу, что прежде чѣмъ Дикъ успѣлъ добѣжать до нихъ, онъ уже убилъ одного и ранилъ другого.

Тѣмъ не менѣе онъ только чудомъ могъ защищаться; малѣйшая неосторожность, ошибка или неловкій шагъ грозили ему неминуемою гибелью.

— Держитесь, сэръ! Вотъ помощь!—крикнулъ Дикъ, и, забывая, что былъ одинъ, бросился на нападавшихъ.

То были тоже стойкіе молодцы и нисколько не смутились неожиданнымъ нападеніемъ, но яростно бросились на Дика. Четверо оказались противъ одного; мечи засверкали въ утреннемъ свѣтѣ; посыпались искры; одинъ изъ нападавшихъ упалъ, —въ пылу сраженія Дикъ не замѣтилъ, почему; но и самъ онъ получилъ ударъ въ голову, и хотя желѣзный шлемъ спасъ его отъ гибели, однако онъ упалъ на колѣни почти оглушенный.

Между тѣмъ тотъ, кого онъ хотѣлъ выручить изъ бѣды, отбѣжалъ въ сторону и вторично протрубилъ, еще громче и рѣзче, чѣмъ раньше, въ ту же трубу, которую слышалъ Дикъ. Послѣ этого онъ тотчасъ очутился подлѣ Дика и снова кинулся въ бой, бѣгая, прыгая, увертываясь, припадая на колѣно, защищаясь разомъ мечомъ и кинжаломъ, съ тѣмъ же неукротимымъ мужествомъ и безумной энергіей и ловкостью.

Пронзительные звуки трубы были, наконецъ, услышаны. Послышалось хрустѣнье снѣга, и — въ добрую минуту для Дика, который уже видѣлъ лезвее меча, направленнаго ему въ горло,— съ обѣихъ сторонъ изъ лѣсу появилась толпа всадниковъ, одѣтыхъ въ латы, съ опущенными наличниками, съ обнаженными мечами или копьями на-перевѣсъ; за каждымъ сидѣло по стрѣлку или пажу, которые тотчасъ соскочили съ лошадей и, такимъ образомъ, удвоили силу отряда.

Нападающіе, видя себя окруженными, побросали мечи, не говоря ни слова.

— Схватите этихъ молодцовъ!—сказалъ боецъ, и когда это приказаніе было исполнено, онъ повернулся къ Дику и взглянулъ ему въ лицо.

Дикъ отвѣчалъ ему тѣмъ же и былъ удивленъ, увидѣвъ въ томъ, кто проявилъ такую силу, ловкость и энергію, юношу не старше чѣмъ онъ самъ—горбатаго, съ однимъ плечомъ выше другого, съ блѣднымъ истомленнымъ и безобразнымъ лицомъ. Впрочемъ глаза глядѣли ясно и смѣло.

— Сэръ, — сказалъ этотъ юноша, — вы явились вô-время для меня.

— Милордъ,—отвѣчалъ Дикъ, смутно угадывая, что имѣетъ дѣло съ важной особой, — вы такой удивительный боецъ, что, вѣроятно, справились бы съ ними и безъ моей помощи. Во всякомъ случаѣ для меня большое счастье, что ваши люди подоспѣли во-время.

— Какъ вы узнали, кто я такой?—спросилъ незнакомецъ.

— Даже и теперь, милордъ,—отвѣчалъ Дикъ,—я не знаю, съ кѣмъ я говорю.

— Да?—спросилъ тотъ.—Однако же вы бросились въ неравный бой ради меня.

— Я видѣлъ, что одинъ человѣкъ бьется противъ многихъ,— возразилъ Дикъ,—и считалъ себя безчестнымъ, еслибы не помогъ ему.

Странная улыбка мелькнула на губахъ молодого нобльмена.

— Смѣлыя слова! Но перейдемъ къ болѣе существенному: вы за Іорка или Ланкастера?

— Милордъ, не стану скрывать: я за Іорка,—отвѣтилъ Дикъ.

— Клянусь мессой,—сказалъ его собесѣдникъ,—тѣмъ лучше для васъ!—и обратился къ своимъ людямъ.

— Пора покончить,—продолжалъ онъ тѣмъ же насмѣшливымъ и жесткимъ тономъ,—пора покончить съ этими храбрыми джентльменами. Повѣсить ихъ!

Изъ нападавшихъ осталось въ живыхъ только пятеро. Стрѣлки схватили ихъ за руки и потащили къ опушкѣ лѣса; каждый былъ поставленъ подъ деревомъ; затѣмъ каждому надѣли петлю, стрѣлокъ взялъ другой конецъ веревки, взобрался на дерево, и черезъ минуту всѣ пятеро уже висѣли, причемъ ни одного слова не было произнесено ни съ той, ни съ другой стороны.

— Теперь,—крикнулъ горбатый предводитель,—возвращайтесь на мѣста, и когда я еще буду трубить, слушайте внимательнѣе.

— Милордъ герцогъ,—сказалъ одинъ изъ воиновъ,—прошу васъ, не рискуйте больше, оставаясь одинъ. Возьмите съ собой хоть горсть солдатъ.

— Любезный, — сказалъ герцогъ, — я не бранилъ васъ за медленность, такъ не лѣзьте и вы ко мнѣ съ совѣтами. Я надѣюсь на силу своей руки, хотя я горбатъ. Вы опоздали, когда звучала труба, а теперь слишкомъ торопитесь съ совѣтами. Но это всегда такъ: плохой воинъ—бойкій болтунъ. Постарайтесь, чтобъ было наоборотъ.

И жестомъ, не лишеннымъ грознаго величія, онъ отпустилъ отрядъ.

Пѣхотинцы опять взобрались на коней позади всадниковъ, и

весь отрядъ медленно тронулся и исчезъ въ различныхъ направленіяхъ въ глубинѣ лѣса.

День между тѣмъ наступалъ и звѣзды стали гаснуть. Блѣдный утренній свѣтъ заигралъ на лицахъ молодыхъ людей, которые теперь снова обратились другъ къ другу.

— Вы видѣли, какъ я мщу,—сказалъ герцогъ.

— Милордъ,—возразилъ Дикъ,—вѣрно ли я угадываю? Вы герцогъ Глостеръ?

— Я Ричардъ Глостеръ,—отвѣчалъ юноша.—А ваше имя?

Дикъ назвалъ себя и представилъ печать лорда Фоксгема, которую герцогъ тотчасъ же узналъ.

— Вы рано явились,—сказалъ онъ,—но это хорошо. Вы похожи на меня; я былъ уже здѣсь на стражѣ за два часа до разсвѣта. Но это мое первое вооруженное предпріятіе; отъ него зависитъ моя судьба и моя слава, мастэръ Шельтонъ. Тамъ расположились мои враги, подъ начальствомъ двухъ старыхъ, опытныхъ капитановъ — Рейзингама и Брэкли. Силы у нихъ достаточны, я думаю, но отступленіе закрыто для нихъ съ двухъ сторонъ, такъ какъ они стоятъ между моремъ, гаванью и рѣкой. Не правда ли, Шельтонъ, мы можемъ захватить ихъ въ расплóхъ?

— Увѣренъ въ этомъ,—воскликнулъ Дикъ.

— У васъ ли письма милорда Фоксгема?—спросилъ герцогъ.

Дикъ объяснилъ, почему ихъ не было при немъ, и затѣмъ взялъ на себя смѣлость изложить все, чтò зналъ о положеніи враговъ.

— По моему мнѣнію, милордъ, — прибавилъ онъ, — если у васъ довольно людей, то слѣдуетъ нападать немедленно. Видите ли, съ наступленіемъ дня ночная стража снимается, а днемъ нѣтъ ни стражи, ни часовыхъ, только по временамъ патрули объѣзжаютъ предмѣстья. Итакъ, ночная стража уже сняла оружіе, остальные сидятъ за завтракомъ—самое лучшее время для нападенія.

— Сколько тамъ войска?—спросилъ Глостеръ.

— Около двухъ тысячъ.

— Со мною семьсотъ человѣкъ здѣсь въ лѣсу, — сказалъ герцогъ;—еще семьсотъ идутъ изъ Кэттли и скоро будутъ здѣсь; за ними, и подальше, четыреста человѣкъ; да у милорда Фоксгема пятьсотъ на полдня пути отсюда, въ Голивудѣ. Дожидаться ли намъ, пока всѣ соберутся, или напасть однимъ?

— Милордъ,—сказалъ Дикъ,—повѣсивъ этихъ плутовъ, вы рѣшили вопросъ. Ихъ исчезновеніе будетъ замѣчено; ихъ станутъ

искать, и подымется тревога. Стало быть, милордъ, если вы разсчитываете на выгоду неожиданнаго нападенія — намъ нельзя промедлить болѣе часа.

— Ваша правда,—замѣтилъ Ричардъ.—Ну, такъ не больше чѣмъ черезъ часъ вы будете въ дѣлѣ, добиваясь рыцарскихъ шпоръ. Пошлемъ одного гонца въ Голивудъ, съ печатью милорда Фоксгема; другого—поторопить моихъ отсталыхъ! Да, Шельтонъ, клянусь распятіемъ, это рѣшено.

Послѣ этого онъ еще разъ протрубилъ.

На этотъ разъ они не долго ждали. Въ минуту поляна вокругъ креста наполнилась людьми. Ричардъ Глостеръ посылалъ гонца за гонцомъ ускорить сборъ семисотъ человѣкъ, скрывавшихся въ лѣсу, и черезъ четверть часа уже могъ стать во главѣ отряда и двинуться къ Шорби.

Планъ его былъ простъ. Онъ хотѣлъ захватить кварталъ, расположенный направо отъ дороги, и укрѣпиться въ его улицахъ, пока не подойдетъ подкрѣпленіе.

Еслибы лордъ Рейзингамъ вздумалъ отступить, Ричардъ могъ бы напасть на него съ тыла; еслибы онъ предпочелъ укрѣпиться въ городѣ, то въ концѣ концовъ очутился бы въ ловушкѣ и былъ бы постепенно побѣжденъ численностью нападающихъ.

Угрожала только одна опасность—семьсотъ человѣкъ Глостера могли быть отражены и разбиты съ самаго начала, а во избѣжаніе этого необходимо было захватить враговъ въ-расплохъ.

Пѣхотинцы сѣли на лошадей позади всадниковъ, а Дикъ получилъ особенную честь сидѣть позади самого Глостера. Пока войска могли скрываться, они двигались медленно, но когда достигли послѣдняго ряда деревьевъ, остановились передохнуть и осмотрѣться.

Солнце уже взошло, окруженное желтоватымъ сіяніемъ, и подъ его лучами разстилался Шорби, груда домовъ и крышъ, изъ трубъ которыхъ выходили синіе клубы дыма.

Глостеръ обернулся къ Дику.

— Въ этомъ бѣдномъ мѣстечкѣ,—сказалъ онъ,—жители котораго готовятъ теперь себѣ завтракъ, вы завоюете рыцарскія шпоры, а я начну жизнь славы, или мы оба погибнемъ и останемся неизвѣстными. Мы два Ричарда. Ну, Ричардъ Шельтонъ, свѣтъ услышитъ о насъ обоихъ! Наши мечи будутъ звучать о шлемы нашихъ враговъ не громче, чѣмъ наши имена въ памяти народа.

Дикъ изумился этой жаждѣ славы, выраженной такимъ страстнымъ языкомъ и звучнымъ голосомъ, и спокойно отвѣчалъ, что

онъ, съ своей стороны, обѣщаетъ исполнить свой долгъ и не сомнѣвается въ побѣдѣ, если каждый сдѣлаетъ свое.

Между тѣмъ лошади отдохнули; предводитель обнажилъ мечъ, отпустилъ поводья, и весь отрядъ помчался съ холма, черезъ равнину, покрытую снѣгомъ и отдѣлявшую ихъ отъ Шорби.

II.

Битва при Шорби.

Имъ приходилось проскакать не болѣе четверти мили. Но какъ только они выѣхали за послѣдній рядъ деревьевъ, то тотчасъ замѣтили людей, бѣжавшихъ съ крикомъ по снѣжной полянѣ. Въ ту же минуту въ городѣ поднялась тревога, и не успѣли они проѣхать полдороги, какъ раздался звонъ набата.

Молодой герцогъ стиснулъ губы. Онъ боялся застать враговъ готовыми, и зналъ, что если не успѣетъ во время проникнуть въ городъ, то его небольшой отрядъ будетъ раздавленъ въ открытой равнинѣ.

Однако ланкастерцы еще далеко не были готовы. Все произошло, какъ предсказалъ Дикъ. Ночная стража уже сняла оружіе; прочіе еще оставались по своимъ квартирамъ, совершенно неготовые къ битвѣ, и во всемъ Шорби было, можетъ быть, не болѣе пятидесяти вооруженныхъ людей и осѣдланныхъ лошадей.

Звонъ набата, крики людей, бѣжавшихъ по улицамъ и стучавшихъ въ двери, заставили всѣхъ броситься къ оружію, и десятка два людей мигомъ присоединились къ этимъ пятидесяти. Такъ какъ суматоха происходила всюду, и неизвѣстно было, откуда идетъ тревога, то они бросились по улицамъ въ разныхъ направленіяхъ.

Вслѣдствіе этого Ричардъ Глостеръ, въѣзжая въ городъ, былъ встрѣченъ лишь ничтожною горстью враговъ, которую онъ смялъ однимъ натискомъ, какъ буря ладью.

Когда они проскакали еще сто шаговъ, Дикъ тронулъ герцога за руку, и тотъ остановилъ коня, протрубилъ условленный сигналъ и повернулъ направо. Весь отрядъ, какъ одинъ человѣкъ, послѣдовалъ за нимъ и промчался на ближайшую площадь. Только двадцать всадниковъ остановились у входа и повернули назадъ; пѣхотинцы, которыхъ они везли за собой, тотчасъ очутились на землѣ, и въ то время какъ одни натягивали луки, другіе бросились въ сосѣдніе дома.

Горсть ланкастерцевъ, преслѣдовавшая ихъ, удивленная этой внезапной остановкой и рѣшительнымъ видомъ остановившихся, послѣ минутнаго совѣщанія поскакала въ городъ за подкрѣпленіемъ.

Кварталъ, захваченный Ричардомъ, благодаря указаніямъ Дика, состоялъ изъ пяти узенькихъ улицъ, застроенныхъ бѣдными домами, и занималъ небольшую возвышенность.

Пять улицъ были заняты небольшими отрядами; резервъ помѣстился въ центрѣ, внѣ выстрѣла, готовый устремиться на подкрѣпленіе всюду, гдѣ бы оно ни потребовалось.

Кварталъ былъ такъ бѣденъ, что въ немъ не жилъ никто изъ ланкастерскихъ лордовъ или ихъ арендаторовъ, и всѣ жители, при приближеніи непріятеля, оставили дома и съ воплемъ устремились по улицамъ.

Въ центрѣ, гдѣ сходились пять улицъ, стояла таверна, которую Ричардъ Глостеръ выбралъ своей главной квартирой на этотъ день.

Дику онъ поручилъ защиту одной изъ улицъ.

— Ступайте,—сказалъ онъ,—добывайте шпоры. Добывайте славу для меня: одинъ Ричардъ для другого. Говорю вамъ, если я поднимусь, подниметесь и вы—по той же лѣстницѣ. Ступайте же!—прибавилъ онъ, пожимая ему руку.

Но лишь только Шельтонъ отошелъ, онъ обратился къ малорослому, оборванному стрѣлку, стоявшему рядомъ.

— Ступай, Дёттонъ, и поскорѣе,—сказалъ онъ,—слѣдуй за этимъ молодымъ человѣкомъ. Если онъ окажется достойнымъ довѣрія, ты отвѣчаешь за его жизнь головой. Горе тебѣ, если ты возвратишься безъ него. Но если онъ измѣнитъ или ты усомнишься въ немъ—заколи его сзади.

Между тѣмъ Дикъ поспѣшилъ укрѣпить свою позицію. Улица, которую имъ приходилось защищать, была очень узка и съ обѣихъ сторонъ тѣсно застроена домами; но, несмотря на тѣсноту и темноту, главная часть битвы должна была, по всей вѣроятности, происходить здѣсь, такъ какъ улица выходила на городскую площадь.

Площадь была полна бѣгущихъ горожанъ, но среди нихъ не было видно ни одного воина, готоваго къ аттакѣ, и Дикъ воспользовался этимъ временемъ для приготовленій къ оборонѣ.

Два крайнихъ дома стояли пустые, съ открытыми дверьми, въ томъ видѣ, какъ ихъ оставили жители; изъ нихъ поспѣшно вытащили мебель и устроили баррикаду поперекъ улицы. Подъ начальствомъ Дика находилось сто человѣкъ; бо́льшую часть изъ

нихъ онъ помѣстилъ въ дома, откуда они могли стрѣлять въ окна. Остальные подъ его непосредственнымъ надзоромъ выстроились за баррикадой.

Между тѣмъ суматоха въ городѣ все еще продолжалась; звонъ колоколовъ, звуки трубъ, крики начальниковъ, вопли женщинъ, бряцанье оружія и стукъ копытъ—все это сливалось въ оглушительный гамъ. Мало-по-малу, однако, гамъ сталъ затихать, и вскорѣ ряды солдатъ и группы стрѣлковъ стали выстраиваться на площади въ боевомъ порядкѣ.

Значительная часть войска носила красный и синій цвѣта, и въ рыцарѣ, который распоряжался этимъ отрядомъ, Дикъ узналъ сэра Даніэля Брэкли.

Наступила продолжительная пауза, затѣмъ почти одновременно прозвучали четыре трубы въ четырехъ кварталахъ города. Пятая отвѣчала съ площади; въ ту же минуту ряды двинулись, и туча стрѣлъ посыпалась на баррикаду и застучала о стѣны двухъ крайнихъ домовъ.

Аттака началась по общему сигналу, разомъ на всѣхъ пяти выходахъ квартала. Глостеръ былъ осажденъ со всѣхъ сторонъ, и Дикъ убѣдился, что для защиты своего поста ему всецѣло приходится положиться на свою сотню.

Семь залповъ слѣдовали одинъ за другимъ, и въ самомъ разгарѣ стрѣльбы Дикъ почувствовалъ, что кто-то тронулъ его сзади за руку; онъ повернулся и увидѣлъ пажа, державшаго въ рукахъ кожаную куртку, усаженную блестящими стальными пластинками.

— Это отъ милорда Глостера,—сказалъ пажъ.—Онъ замѣтилъ, сэръ Ричардъ, что вы плохо вооружены.

Дикъ, обрадованный посылкой, слѣзъ съ коня и при помощи пажа надѣлъ панцырь. Онъ еще не кончилъ дѣла, какъ двѣ стрѣлы безсильно отскочили отъ металлическихъ пластинокъ, а третья ударила въ пажа, который палъ смертельно раненый.

Между тѣмъ все непріятельское войско медленно приближалось по площади и, наконецъ, подошло такъ близко, что Дикъ приказалъ отвѣчать на выстрѣлы. Немедленно изъ-за баррикады, изъ оконъ домовъ, посыпался градъ стрѣлъ, разнося смерть въ непріятельскихъ рядахъ. Но ланкастерцы, точно ожидавшіе этого сигнала, отвѣчали громкимъ крикомъ и бѣгомъ бросились на баррикаду. Всадники же все еще стояли въ отдаленіи, съ опущенными забралами.

Затѣмъ послѣдовала отчаянная и упорная борьба въ рукопашную. Нападающіе, держа мечъ въ одной рукѣ, другою старались разрушить баррикаду. Осажденные старались не допустить

ихъ до этого и защищали укрѣпленіе какъ бѣшеные. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ продолжался молчаливый бой, грудь съ грудью. Но разрушать всегда легче, и когда аттакующіе отступили, по данному сигналу, значительная часть баррикады была разрушена, а остальная грозила паденіемъ.

Теперь пѣхотинцы на площади разступились, а всадники, до сихъ поръ стоявшіе неподвижно, повернулись къ баррикадѣ, и длинная, закованная въ сталь, колонна, быстрая, какъ змѣя, помчалась на полуразрушенную баррикаду.

Изъ двухъ переднихъ всадниковъ одинъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью и былъ растоптанъ другими. Другой, доскакавъ до баррикады, пронзилъ копьемъ стрѣлка, но тотчасъ же былъ сброшенъ съ лошади и лошадь его убита.

Тогда вся масса всадниковъ всею тяжестью обрушилась на баррикаду и смяла защитниковъ. Всадники перескакивая черезъ трупы товарищей и, тѣснимые сзади остальными, прорвались сквозь разстроенные ряды воиновъ Дика и помчались по улицѣ, какъ потокъ переливается и просачивается черезъ размытую плотину.

Но сраженіе еще не кончилось. По близости отъ первой баррикады, Дикъ и немногіе уцѣлѣвшіе отчаянно работали мечами и алебардами и успѣли выстроить вторую, болѣе высокую и болѣе дѣйствительную баррикаду изъ труповъ людей и лошадей, бившихся въ послѣдней агоніи.

Наткнувшись на это новое препятствіе, остатокъ кавалеріи отступилъ, и такъ какъ, при видѣ этого движенія, стрѣлы съ удвоенною быстротой посыпались изъ оконъ домовъ, отступленіе одну минуту едва не превратилось въ бѣгство.

Въ то же время тѣ, кто успѣлъ пробраться за баррикаду, были встрѣчены у таверны страшнымъ горбуномъ съ резервомъ іоркистовъ и въ безпорядкѣ бросились назадъ.

Но тутъ Дикъ и его товарищи обратились къ нимъ, изъ домовъ выбѣжали свѣжіе люди, залпъ стрѣлъ встрѣтилъ бѣгущихъ, въ то время какъ Глостеръ нападалъ на нихъ съ тылу; черезъ минуту ни одного живого ланкастерца не оставалось на улицѣ.

Глостеръ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ баррикадѣ. Лицо его было блѣдно какъ полотно, но глаза горѣли и голосъ хрипѣлъ и прерывался вслѣдствіе возбужденія отъ битвы и побѣды. Онъ посмотрѣлъ на баррикаду, и при видѣ массы труповъ усмѣхнулся.

— Ричардъ Шельтонъ, — сказалъ онъ, — я доволенъ вами. Станьте на колѣни.

Ланкастерцы снова выдвинули стрѣлковъ, и стрѣлы градомъ

сыпались на улицу; но герцогъ, не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія, обнажилъ мечъ и посвятилъ Ричарда въ рыцари.

— А теперь, сэръ Ричардъ, — продолжалъ онъ, — если вы увидите лорда Рейзингама, немедленно извѣстите меня объ этомъ. Хотя бы у васъ оставался одинъ человѣкъ, пошлите его ко мнѣ. Я скорѣе рискну потерять постъ, чѣмъ упустить случай встрѣтиться съ нимъ. Замѣтьте всѣ, — продолжалъ онъ, возвышая голосъ:—если графъ Рейзингамъ умретъ не отъ моей руки, я буду считать побѣду за пораженіе.

— Милордъ, — сказалъ одинъ изъ присутствующихъ,—неужели ваша милость недостаточно подвергаете опасности свою драгоцѣнную жизнь? Къ чему мы остаемся здѣсь?

— Кэтсби,—возразилъ герцогъ,—битва сосредоточена здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ. Остальное только притворныя аттаки. Здѣсь мы должны побѣдить. Что же до опасности, то еслибы вы были безобразнымъ горбуномъ, и мальчишки смѣялись бы надъ вами на улицахъ, вы бы тоже не дорожили жизнью и отдали бы ее за часъ славы. Впрочемъ, пойдемте, осмотримъ другіе пункты. Сэръ Ричардъ будетъ охранять это мѣсто, гдѣ онъ стоитъ по щиколку въ крови. Мы можемъ положиться на него. Но помните, сэръ Ричардъ, что еще не все кончено. Худшее впереди. Будьте осторожны.

Онъ подошелъ къ Шельтону, глядя ему прямо въ глаза, и крѣпко пожалъ ему руку обѣими своими руками. Дикъ смутился передъ его взглядомъ. Болѣзненное возбужденіе, мужество, жестокость, которыя читались въ немъ, исполнили его страхомъ за будущее. Духъ молодого герцога очевидно приносилъ богатые плоды на войнѣ, но можно было опасаться, что и въ дни мира, среди друзей, этотъ духъ будетъ продолжать свою смертоносную работу.

III.

Битва при Шорби.

Оставшись одинъ, Дикъ осмотрѣлся. Стрѣльба изъ луковъ нѣсколько ослабѣла. Враги всюду отступали, бóльшая часть площади опустѣла, и взорамъ представлялся снѣгъ, мѣстами превратившійся въ кровавое тѣсто или покрытый запекшеюся кровью, усѣянный стрѣлами, трупами людей и лошадей.

Осаждаемые также потерпѣли большой уронъ. На улицѣ, на развалинахъ баррикады валялись мертвые и умирающіе; изъ сотни людей осталось не болѣе семидесяти, способныхъ къ бою.

Между тѣмъ наступилъ уже день. Съ минуты на минуту можно было ожидать прибытія подкрѣпленій, и ланкастерцы, уже смущенные результатомъ отчаянной, но безуспѣшной аттаки, врядъ ли бы выдержали натискъ свѣжихъ силъ.

На стѣнѣ одного изъ домовъ находились солнечные часы, показывавшіе уже десять.

Дикъ обратился къ стрѣлку, стоявшему рядомъ и вертѣвшему въ рукахъ кинжалъ:

— Мы хорошо дрались,—сказалъ онъ,—и я увѣренъ, что они не рѣшатся на вторичную аттаку.

— Сэръ,—отвѣчалъ стрѣлокъ,—вы славно дрались за Іорка и еще лучше за самого себя. Никто еще не могъ въ такое короткое время пріобрѣсть расположеніе герцога. Довѣрить такой важный постъ человѣку, котораго онъ такъ мало знаетъ—это просто чудо. Но берегитесь, сэръ Ричардъ! Если вы будете разбиты, если вы отступите хоть на шагъ—топоръ или веревка покончатъ съ вами; а если вы вздумаете измѣнить, то, скажу прямо, мнѣ поручено заколоть васъ сзади.

Дикъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на стрѣлка.

— Вамъ?—воскликнулъ онъ.—И сзади!

— Ну, да,—отвѣчалъ стрѣлокъ,—мнѣ это вовсе не нравится, и потому я говорю вамъ объ этомъ. Вы рискуете жизнью, сэръ Ричардъ, если не сохраните свой постъ. О, нашъ горбунъ лихой начальникъ и славный воинъ, но его приказанія должны быть исполнены, сколько бы крови они ни стоили. Кто ослабѣетъ или помѣшаетъ ему, тотъ погибшій человѣкъ.

— Господи!—воскликнулъ Ричардъ.—Неужели это правда? И находятся люди, которые идутъ за такимъ вождемъ!

— За нимъ идутъ охотно,—отвѣчалъ стрѣлокъ.—Онъ безжалостенъ въ наказаніяхъ, но зато и щедръ въ наградахъ. И если онъ не жалѣетъ чужой крови и жизни, то и свою не бережетъ; всегда первый въ бою, послѣдній на ночлегѣ. О, горбунъ Дикъ Глостеръ далеко пойдетъ!

Если молодой рыцарь и раньше былъ смѣлъ и осмотрителенъ, то это предостереженіе, конечно, удвоило его мужество и осторожность. Онъ отвернулся отъ стрѣлка и съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на площадь. Она была пуста.

— Не нравится мнѣ эта тишина,—сказалъ онъ.—Безъ сомнѣнія, они готовятъ что-нибудь неожиданное.

Какъ бы въ отвѣтъ на его замѣчаніе, стрѣлки снова стали приближаться къ баррикадѣ, и стрѣлы посыпались градомъ. Но,

повидимому, нападеніе было нерѣшительное. Казалось, они ожидали какого-то сигнала.

Дикъ посмотрѣлъ вокругъ себя, стараясь замѣтить скрытую опасность. И точно онъ увидѣлъ, что дверь одного изъ домовъ, на нѣкоторомъ разстояніи позади баррикады, отворилась изнутри, и изъ нея, равно какъ изъ оконъ, хлынулъ потокъ ланкастерскихъ стрѣлковъ. Они тотчасъ выстроились въ рядъ, натянули луки и принялись стрѣлять въ тылъ отряду Дика.

Въ ту же минуту и осаждающіе на площади съ удвоеннымъ рвеніемъ принялись обстрѣливать баррикаду.

Дикъ вызвалъ изъ домовъ всѣхъ своихъ людей и, ободривъ ихъ словами и примѣромъ, принялся, какъ могъ, отстрѣливаться отъ обѣихъ сторонъ.

Между тѣмъ все новые и новые стрѣлки выходили изъ домовъ и присоединялись къ прежнимъ, пока, наконецъ, число враговъ въ тылу Дика почти равнялось числу нападавшихъ спереди. Удерживать позицію, очевидно, становилось невозможнымъ,—и что, всего хуже—было безполезно удерживать ее; вся армія іоркистовъ была на волоскѣ отъ пораженія.

Враги, находившіеся въ тылу, грозили наибольшею опасностью, и Дикъ, во главѣ своихъ воиновъ, обратился противъ нихъ. Аттака была такъ стремительна, что ланкастерцы не выдержали и кинулись назадъ въ дома, изъ которыхъ только-что сдѣлали вылазку.

Въ это время другой отрядъ бросился въ аттаку съ площади и, не встрѣтивъ сопротивленія, перешелъ баррикаду. Дикъ долженъ былъ аттаковать и ихъ, и снова мужество его воиновъ преодолѣло силу враговъ; они очистили улицу, но изъ домовъ опять хлынули стрѣлки и напали на него сзади.

Іоркисты начинали ослабѣвать; нѣсколько разъ Дику приходилось одному отбиваться отъ толпы враговъ; нѣсколько разъ онъ чувствовалъ удары. Сраженіе продолжалось безъ всякаго порядка и пока безъ опредѣленнаго результата.

Внезапно Дикъ услышалъ громкіе звуки трубъ за окраиной города. Послышался военный крикъ іоркистовъ; въ то же время отрядъ, нападавшій на него спереди, бросился назадъ на площадь. Кто-то крикнулъ: „бѣжимъ!“ Трубы звучали безпорядочно: однѣ къ сбору, другія къ стрѣльбѣ. Ясно было, что случилось что-то важное и ланкастерцы, по крайней мѣрѣ въ эту минуту, были въ полномъ разстройствѣ и до нѣкоторой степени испытывали панику.

Тогда, какъ бы на театрѣ, наступилъ послѣдній актъ битвы при Шорби. Люди, бывшіе впереди Ричарда, повернулись и помчались во весь опоръ, какъ собаки, которымъ свистнули домой.

Въ то же время на площадь ворвался отрядъ всадниковъ, которые преслѣдовали бѣгущихъ, и пока ланкастерцы оборачивались и отбивались мечами, іоркисты кололи ихъ копьями.

Въ пылу битвы Ричардъ замѣтилъ Глостера. Онъ уже здѣсь проявилъ то бѣшеное мужество и невѣроятную ловкость и силу, которыя, много лѣтъ спустя, на Босвортскомъ полѣ, когда онъ былъ отягощенъ преступленіями, едва не измѣнили исходъ сраженія и участь англійскаго трона. Бросаясь изъ стороны въ сторону, повертываясь, ускользая отъ ударовъ, онъ такъ искусно управлялъ конемъ, такъ ловко защищался, такъ косилъ враговъ вокругъ себя, что уже далеко опередилъ своихъ рыцарей, расчищая обломкомъ меча дорогу къ тому мѣсту, гдѣ лордъ Рейзингамъ собралъ самыхъ храбрыхъ. Еще минута, и они встрѣтились: высокій, сильный и знаменитый воинъ—и безобразный, хилый горбунъ.

Шельтонъ не сомнѣвался въ исходѣ столкновенія, и когда, черезъ нѣсколько мгновеній, толпа разсѣялась, графа уже не было видно, но горбатый Дикъ по прежнему мчался на своемъ сильномъ конѣ, размахивая обломкомъ меча.

Такъ, благодаря мужеству Шельтона, защищавшаго входъ въ улицу при первой аттакѣ, и своевременному прибытію семисотъ человѣкъ подкрѣпленія, горбунъ, который впослѣдствіи навлекъ на себя проклятіе потомства, подъ именемъ Ричарда III, выигралъ свое первое значительное сраженіе.

IV.

Разграбленіе Шорби.

Кругомъ не оставалось ни одного врага, и Дикъ, съ сожалѣніемъ осмотрѣвъ остатки своего доблестнаго отряда, сталъ считать, во что обошлась побѣда. Теперь, когда опасность миновала, онъ чувствовалъ себя такимъ усталымъ, избитымъ, изломаннымъ, изнуреннымъ отчаянной и непрерывной борьбой, что, казалось, былъ совершенно неспособенъ къ дальнѣйшему сраженію.

Но отдыхать было еще не время. Шорби былъ взятъ приступомъ, и хотя собственно городъ не былъ укрѣпленъ и не оказалъ сопротивленія, но ясно было, что жестокіе побѣдители окажутся не менѣе жестокими въ послѣднемъ и самомъ ужасномъ актѣ войны. Ричардъ Глостеръ былъ не изъ тѣхъ предводителей, которые защищаютъ горожанъ отъ ярости солдатъ, да еслибы онъ и хотѣлъ защитить ихъ, то врядъ ли бы могъ сдѣлать это.

Итакъ, Дику предстояло отыскать и охранить Джоанну; съ этимъ намѣреніемъ онъ осмотрѣлъ своихъ людей. Трое или четверо показались ему болѣе надежными въ отношеніи послушанія и трезвости, и онъ взялъ ихъ съ собой, обѣщая богато наградить и рекомендовать герцогу.

Тамъ и сямъ на улицахъ еще происходили отдѣльныя стычки между небольшими группами людей; тамъ и сямъ осаждали домъ, откуда сыпались столы и стулья на головы осаждающихъ. Снѣгъ былъ усѣянъ тѣлами и оружіемъ; но большею частью улицы были пусты и въ домахъ, открытыхъ или забаррикадированныхъ, не замѣчалось признаковъ жизни.

Дикъ направился къ церкви аббатства; но когда онъ доѣхалъ до конца главной улицы, крикъ ужаса вырвался изъ его груди. Большой домъ сэра Даніэля былъ взятъ приступомъ. Осколки воротъ висѣли на петляхъ; толпа двигалась изъ дома въ домъ, отыскивая добычу. Въ верхнихъ этажахъ, повидимому, еще сопротивлялись: въ ту самую минуту, когда Дикъ хотѣлъ войти въ домъ, окно вверху отворилось, и человѣкъ въ красномъ и синемъ, крича и отбиваясь, былъ выброшенъ на улицу.

Ужасъ овладѣлъ Дикомъ. Онъ бросился впередъ, какъ бѣшеный, расталкивая толпу, и вбѣжалъ въ третій этажъ, въ комнату, гдѣ въ послѣдній разъ оставилъ Джоанну. Тутъ онъ засталъ настоящій погромъ: перевернутые шкафы, разбросанную мебель, порванные обои, которые въ одномъ мѣстѣ тлѣлись.

Дикъ, почти обезумѣвшій, машинально затопталъ огонь и стоялъ, не зная, что̀ дѣлать. Сэръ Даніэль, сэръ Оливеръ, Джоанна —всѣ ушли; но были ли они убиты, или благополучно выбрались изъ города,—кто знаетъ?

Онъ остановилъ проходившаго мимо стрѣлка.

— Любезный,—спросилъ онъ,—ты былъ здѣсь въ то время, когда брали домъ?

— Отстань!—сказалъ стрѣлокъ.—Отстань, или я тебя тресну.

— Слушай, — сказалъ Ричардъ,—полно дурить. Отвѣчай толкомъ.

Но стрѣлокъ, охмелѣвшій отъ вина и отъ боя, ударилъ Дика въ плечо и вырвался отъ него. Это окончательно вывело изъ себя молодого вождя; онъ схватилъ грубіяна своими сильными руками и прижалъ его къ панцырю какъ ребенка; потомъ, отодвинувъ отъ себя на длину руки, потребовалъ, чтобъ тотъ отвѣчалъ, если хочетъ остаться живъ.

— Виноватъ!—сказалъ стрѣлокъ.—Еслибы я зналъ, что вы такой, я былъ бы вѣжливѣе. Да! я былъ здѣсь.

— Знаешь ты сэра Даніэля?—продолжалъ Дикъ.

— Знаю.

— Былъ онъ въ домѣ?

— Да, сэръ; но когда мы ворвались въ домъ, онъ ушелъ черезъ садъ.

— Одинъ?

— Нѣтъ, съ нимъ было копій двадцать.

— Были съ ними женщины?

— Право, не знаю. Впрочемъ, въ домѣ никого не осталось, если вы кого-нибудь ищете.

— Благодарю,—сказалъ Дикъ.—Вотъ тебѣ за труды.—Но, пошаривъ въ сумкѣ, Дикъ не нашелъ ничего.—Спроси меня завтра утромъ,—прибавилъ онъ:—Ричарда Шельт... сэра Ричарда Шельтона—я тебя награжу.

Новая мысль явилась у Дика. Онъ выбѣжалъ изъ дома и бросился черезъ садъ въ церковь. Она была отворена; внутри толпились горожане съ своими семействами и самымъ драгоцѣннымъ имуществомъ; духовенство въ полномъ составѣ служило молебенъ.

Дикъ торопливо протискался сквозь толпу бѣглецовъ и подошелъ къ двери, за которой была лѣстница, ведшая на колокольню. Здѣсь какой-то духовный загородилъ ему входъ.

— Куда, сынъ мой?—спросилъ онъ сурово.

— Отецъ мой,—отвѣчалъ Дикъ,—мнѣ нужно исполнить порученіе. Я командую здѣсь отъ имени милорда Глостера.

— Милорда Глостера? — повторилъ патеръ.—Неужели сраженіе кончилось такъ неудачно?

— Сраженіе кончилось, отецъ мой; ланкастерцы разбиты; милордъ Рейзингамъ—да спасетъ Богъ его душу!—палъ на полѣ битвы. А теперь, съ вашего позволенія, я буду дѣлать свое дѣло.— И, отстранивъ патера, который, казалось, былъ совершенно ошеломленъ извѣстіемъ, Дикъ отворилъ дверь и вбѣжалъ по лѣстницѣ, не переводя духа и отхватывая по четыре ступеньки заразъ, пока не достигъ верхней площадки.

Съ колокольни можно было обозрѣть не только городъ, но и его окрестности на далекое разстояніе. Теперь было немного за полдень. День былъ ясный, солнечный; снѣгъ ярко блестѣлъ. Когда Дикъ посмотрѣлъ кругомъ, онъ могъ разомъ видѣть результаты битвы.

Глухой, смутный гулъ поднимался съ улицъ; иногда, хотя и рѣдко, доносился звонъ оружія. Ни одного судна не было видно въ гавани,—всѣ уже вышли въ море, увозя бѣглецовъ. На берегу

виднѣлись группы всадниковъ, пробивавшихся къ лѣсу; другіе— очевидно изъ партіи іоркистовъ—преграждали имъ дорогу и старались отогнать назадъ, къ городу. Убитые люди и лошади кучами валялись всюду, рѣзко выдѣляясь на снѣгу.

Картина дополнялась тѣмъ, что многіе изъ пѣшихъ солдатъ, не успѣвшихъ сѣсть на суда, еще защищались въ гавани, укрываясь въ тавернахъ. Одинъ или два дома въ этомъ кварталѣ были подожжены и дымъ поднимался высокими столбами.

Одна группа всадниковъ, находившаяся уже близъ опушки лѣса и, повидимому, стремившаяся въ направленіи Голивуда, особенно заинтересовала Дика. Ихъ было довольно много; нигдѣ на равнинѣ не виднѣлось другой такой многочисленной группы, и по слѣду, который они оставили на снѣгу, Дикъ могъ видѣть, откуда они выѣхали.

Между тѣмъ какъ Дикъ наблюдалъ за ними, они достигли лѣса и немного уклонились отъ первоначальнаго направленія. Въ это время солнце освѣтило ихъ, и одежда ихъ ярко вырисовалась на темномъ фонѣ лѣса.

— Красное и синее! — воскликнулъ Дикъ.—Клянусь — это красное и синее!

Въ ту же минуту онъ пустился внизъ съ колокольни. Теперь ему нужно было отыскать герцога Глостера, который одинъ въ этой сумятицѣ могъ дать ему достаточное число солдатъ. Сраженіе въ главной части города теперь окончательно прекратилось, и въ то время, какъ Дикъ бѣгалъ по улицамъ, отыскивая предводителя, онѣ были полны солдатами: иные тащили добычу, другіе шатались пьяные. Никто не зналъ, гдѣ находится герцогъ, и только счастливая случайность привела, наконецъ, Дика въ гавань, гдѣ герцогъ распоряжался окончаніемъ боя съ оставшимися солдатами.

— Добро пожаловать, сэръ Ричардъ Шельтонъ!—сказалъ онъ. —Я вамъ обязанъ тѣмъ, что мало цѣню—своей жизнью, и еще тѣмъ, за что никогда не буду въ состояніи вознаградить васъ— сегодняшнею побѣдой. Кэтсби, еслибы у меня было десять такихъ капитановъ, какъ сэръ Ричардъ, я пошелъ бы прямо на Лондонъ. Но теперь, сэръ, требуйте награду.

— Да, милордъ,—сказалъ Дикъ,—я и хочу просить васъ о наградѣ. Одинъ изъ враговъ, которому я долженъ отплатить за обиды, спасся бѣгствомъ и увезъ съ собой дѣвушку, которой я обязанъ всѣмъ. Дайте мнѣ пятьдесятъ копій, чтобы я могъ преслѣдовать ихъ; этимъ ваша милость вполнѣ вознаградитъ меня.

— Какъ зовутъ этого человѣка?—спросилъ герцогъ.

— Сэръ Даніэль Брэкли.

— Въ погоню за лицемѣромъ!—воскликнулъ Глостеръ.—Это не награда, сэръ Ричардъ, это новая услуга: и если вы привезете мнѣ его голову, я буду обязанъ вамъ новой благодарностью. Кэтсби, дай ему отрядъ; а вы, сэръ, подумайте пока, какое удовольствіе, почесть или выгоду я могу оказать вамъ.

Какъ разъ въ это время іоркисты ворвались въ одну изъ тавернъ и вытащили изъ нея оставшихся въ живыхъ защитниковъ. Ричардъ подъѣхалъ къ нимъ, чтобы взглянуть на плѣнныхъ.

Ихъ было четверо: въ томъ числѣ двое людей милорда Шорби, одинъ графа Рейзингама; послѣдній—но въ глазахъ Дика не самый маловажный—былъ высокій, старый, неуклюжій, полупьяный морякъ, у ногъ котораго вертѣлась и визжала собака.

Молодой герцогъ окинулъ ихъ суровымъ взглядомъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ.—Повѣсить ихъ.

И онъ хотѣлъ отъѣхать къ тому мѣсту, гдѣ еще продолжалась борьба.

— Милордъ,—сказалъ Дикъ,—я нашелъ свою награду. Подарите мнѣ жизнь и свободу этого старика.

Глостеръ повернулся и взглянулъ ему въ лицо.

— Сэръ Ричардъ,—сказалъ онъ,—я сражаюсь не павлиньими перьями, а стальными стрѣлами. Враговъ я убиваю безъ пощады и сожалѣнія. Подумайте сами: при теперешнемъ положеніи нашего королевства, разбитаго на тысячу кусковъ, врядъ ли найдется у меня человѣкъ, который бы не имѣлъ родныхъ или друзей, принадлежащихъ къ другой партіи. Такъ еслибы я вздумалъ быть сострадательнымъ, мнѣ пришлось бы вложить мечъ въ ножны.

— Можетъ быть, милордъ, и можетъ быть я слишкомъ смѣлъ, но, рискуя потерять ваше расположеніе, я все-таки осмѣлюсь напомнить ваше обѣщаніе,—отвѣчалъ Дикъ.

Ричардъ Глостеръ нахмурился.

— Замѣтьте,—сказалъ онъ рѣзко:—я не люблю милосердія и милосердыхъ людей. Сегодня вы положили основаніе своей карьерѣ. Если вы опираетесь на мое обѣщаніе, я уступлю. Но, клянусь небомъ, на этомъ кончится моя милость.

— Тѣмъ хуже для меня, милордъ,—сказалъ Дикъ.

— Отдайте ему моряка,—сказалъ герцогъ и, дернувъ поводья, повернулся спиной къ Шельтону.

Дикъ не чувствовалъ ни радости, ни огорченія. Онъ слишкомъ хорошо познакомился съ герцогомъ, чтобы полагаться на его привязанность, а происхожденіе и ростъ его успѣха были

слишкомъ быстры и неожиданны, чтобы внушить довѣріе къ будущему. Онъ боялся одного, что злопамятный вождь откажетъ ему въ людяхъ для преслѣдованія сэра Даніэля. Но въ этомъ случаѣ онъ не отдавалъ справедливости ни чести Глостера (какая бы она ни была), ни его рѣшимости. Разъ герцогъ считалъ Дика способнымъ преслѣдовать сэра Даніэля, онъ не сталъ бы измѣнять своему рѣшенію, и это скоро подтвердилось, такъ какъ онъ приказалъ Кэтсби поторопиться съ отрядомъ.

Между тѣмъ Дикъ обратился къ старому моряку, который, повидимому, отнесся съ одинаковымъ равнодушіемъ къ ожидавшей его казни и къ послѣдовавшему затѣмъ освобожденію.

— Арбластеръ,—сказалъ Дикъ,—я причинилъ тебѣ убытокъ, но теперь надѣюсь вознаградить тебя за это.

Но старый шкиперъ бросилъ на него печальный взглядъ и не тронулся съ мѣста.

— Полно, старина!—сказалъ Дикъ:—жизнь все-таки жизнь, и стоитъ больше, чѣмъ лодка или вино. Забудь мою вину; вѣдь если твоя жизнь ничего не значитъ для тебя, то мнѣ она стоила потери моего счастья. Полно, я дорого заплатилъ за тебя, не будь же золъ.

— Еслибы у меня былъ мой корабль,—сказалъ Арбластеръ, —я плавалъ бы теперь по морю, здравый и невредимый, съ моимъ матросомъ Томомъ. Но вы украли у меня корабль, и я теперь нищій, а Тома убилъ проклятый стрѣлокъ. „Будь ты проклятъ!“ крикнулъ онъ, и ужъ ничего не сказалъ больше. Да, это были его послѣднія слова, и онъ испустилъ духъ. Не плавать ему больше по морю, никогда, никогда!

Сердце Дика сжалось отъ жалости и раскаянія; онъ хотѣлъ схватить руку моряка, но тотъ отшатнулся.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—оставьте меня. Вы сыграли со мной чертовскую шутку, довольно съ васъ этого.

Слова остановились въ горлѣ Ричарда. Онъ видѣлъ сквозь слезы, какъ бѣдный старикъ, удрученный скорбью и виномъ, побрелъ по снѣгу, тогда какъ вѣрный песъ плелся за нимъ, и въ первый разъ началъ понимать, какую отчаянную игру мы ведемъ въ жизни, и какъ разъ-совершонный поступокъ не можетъ быть исправленъ никакимъ раскаяніемъ.

Но ему некогда было предаваться раскаянію. Кэтсби уже собралъ всадниковъ и, подъѣхавъ къ Дику, слѣзъ съ лошади и предложилъ ее молодому рыцарю.

— Сегодня утромъ,—сказалъ онъ,—я немножко завидовалъ вашему успѣху, но онъ не долго длился, и теперь, сэръ Ри-

чардъ, я отъ всего сердца предлагаю вамъ свою лошадь, чтобы вы уѣхали на ней отсюда.

— Постойте минуту!—сказалъ Дикъ.—Что было причиной моего успѣха?

— Ваше имя,—отвѣчалъ Кэтсби.—Это главное суевѣріе милорда. Будь мое имя Ричардъ, я завтра же былъ бы графомъ.

— Благодарю васъ, сэръ,—отвѣчалъ Дикъ:—и такъ какъ врядъ ли пойду по дорогѣ къ такимъ почестямъ, то могу пожелать вамъ добраго пути. Не стану увѣрять, что мнѣ не было бы пріятно находиться на вершинѣ колеса фортуны, но не стану также увѣрять, что очень огорченъ своимъ паденіемъ. Власть и богатство, конечно, хорошія вещи; но, между нами будь сказано, вашъ герцогъ—опасный человѣкъ.

Кэтсби засмѣялся.

— Да,—замѣтилъ онъ,—съ горбатымъ Дикомъ нужно держать ухо востро. Ну, да хранитъ насъ Богъ отъ всякаго зла. Торопитесь.

Дикъ сталъ во главѣ отряда и, отдавъ команду, тронулся въ путь.

Онъ ѣхалъ черезъ городъ, стараясь попасть на слѣдъ сэра Даніэля.

На улицахъ валялись мертвые и раненые; послѣднимъ приходилось плохо въ этотъ морозный день. Толпы побѣдителей бѣгали изъ дома въ домъ, грабя и опустошая, иногда распѣвая пѣсни.

По временамъ до ушей Шельтона доносились звуки насилія и оскорбленій; трескъ разбиваемыхъ дверей или жалобные крики женщинъ.

Сердце Дика было полно грусти. Онъ видѣлъ кровавыя послѣдствія своихъ же подвиговъ, и мысль о громадности бѣдствія, испытываемаго теперь во всемъ Шорби, наполняла его отчаяніемъ.

Наконецъ онъ выѣхалъ въ предмѣстье и увидѣлъ дорогу, протоптанную въ снѣгу отрядомъ сэра Даніэля, которую замѣтилъ съ колокольни. Тутъ онъ поѣхалъ скорѣе, но все-таки продолжалъ внимательно осматривать трупы, валявшіеся по сторонамъ. Многіе изъ нихъ носили цвѣта сэра Даніэля, и въ числѣ ихъ онъ замѣтилъ нѣсколько знакомыхъ лицъ.

Приблизительно на полдорогѣ между городомъ и лѣсомъ, тѣ, которыхъ онъ преслѣдовалъ, очевидно были аттакованы стрѣлками, такъ какъ тутъ лежала цѣлая груда тѣлъ, пробитыхъ стрѣлами. Между ними Дикъ замѣтилъ тѣло мальчика, лицо котораго показалось ему удивительно знакомымъ.

Онъ остановилъ свой отрядъ, слѣзъ съ лошади, приподнялъ голову мальчика. Съ головы свалилась шляпа и разсыпались густыя пряди длинныхъ каштановыхъ волосъ. Въ то же время глаза открылись.

— А, монахъ!—сказалъ слабый голосъ.—Она дальше... Спѣшите!

Тутъ бѣдная молодая лэди снова лишилась чувствъ.

Одинъ изъ людей Дика подалъ ему фляжку съ водкой, при помощи которой Дикъ привелъ въ чувство молодую женщину. Затѣмъ онъ посадилъ подругу Джоанны на свое сѣдло и снова двинулся въ путь.

— Зачѣмъ вы взяли меня?—сказала лэди.—Это только затруднитъ васъ.

— Мистриссъ Рейзингамъ,—отвѣчалъ Ричардъ,—Шорби полонъ крови, пьяныхъ и мятежниковъ. Здѣсь вы въ безопасности; удовольствуйтесь этимъ.

— Я не хочу быть обязанной чѣмъ-нибудь никому изъ вашей партіи!—закричала она.—Ссадите меня!

— Вы сами не понимаете, что̀ говорите,—возразилъ Дикъ.— Вы ранены...

— Я не ранена,—отвѣчала она.—Моя лошадь убита.

— Все равно. Нельзя же вамъ остаться въ снѣгу, среди враговъ. Хотите вы или нѣтъ, а я повезу васъ съ собою. И очень радъ, что могу сдѣлать это: этимъ я хоть отчасти уплачу нашъ долгъ.

Послѣдовала непродолжительная пауза. Потомъ она вдругъ спросила:

— Мой дядя?

— Милордъ Рейзингамъ?—отвѣчалъ Дикъ.—Я бы хотѣлъ сообщить вамъ о немъ хорошія вѣсти, но не имѣю ихъ. Я видѣлъ его въ битвѣ только однажды. Будемъ надѣяться на лучшее.

V.

Алиса Рейзингамъ.

Можно было почти поручиться, что сэръ Даніэль направился въ Моотгаузъ, но, въ виду глубокаго снѣга, поздняго времени, необходимости пробираться черезъ лѣсъ, трудно было разсчитывать догнать его сегодня же.

Дикъ могъ выбирать между двумя дорогами: преслѣдовать

рыцаря по оставленному имъ слѣду, или попытаться отрѣзать его отъ мѣста назначенія.

Оба плана имѣли свои невыгоды, и Дикъ, боявшійся подвергнуть Джоанну случайностямъ боя, еще не успѣлъ принять рѣшеніе, когда они въѣхали въ лѣсъ.

Здѣсь сэръ Даніэль повернулъ немного налѣво, и такъ какъ приходилось пробираться между деревьями, то его отрядъ съузилъ фронтъ и, соотвѣтственно этому, оставленная имъ дорога сдѣлалась глубже. Она шла прямо между деревьями, поднимавшими надъ нею свои густыя вершины; кругомъ царила мертвая тишина, и зимнее солнце, пробиваясь сквозь сучья, золотистыми полосами ложилось на снѣгу.

— Какъ ты думаешь,—спросилъ Дикъ одного изъ своихъ людей:—слѣдовать намъ за ними или ѣхать на-перерѣзъ, къ Тёнстоллю?

— Сэръ Ричардъ,—отвѣчалъ солдатъ,—я бы слѣдовалъ за ними, пока они разсыплются.

— Пожалуй, ты правъ,—отвѣчалъ Дикъ,—но намъ нужно торопиться, пока позволяетъ время. Здѣсь нѣтъ домовъ, гдѣ бы можно достать пищи или укрыться отъ холода, и завтра утромъ намъ придется быть голодными и озябшими. Что вы скажете, ребята? Потерпимъ нужду для пользы экспедиціи или направимся въ Голивудъ? Такъ какъ успѣхъ сомнителенъ, то я не хочу никого принуждать, но, если вы согласны слѣдовать за мной, то вамъ придется выбрать первое.

Люди отвѣчали почти въ одинъ голосъ, что они пойдутъ за сэромъ Ричардомъ, куда онъ хочетъ.

Тогда Дикъ далъ шпоры лошади и двинулся дальше.

Снѣгъ на тропинкѣ, оставленной бѣглецами, былъ сильно утоптанъ, и потому преслѣдователи находились въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ преслѣдуемые. Они поѣхали крупною рысью, и топотъ двухсотъ копытъ, звонъ оружія, ржаніе лошадей оглашали пустынный лѣсъ воинственными звуками.

Скоро тропинка вывела ихъ на большую дорогу въ Голивудъ. Здѣсь сначала трудно было отыскать слѣдъ бѣгущихъ, а когда, наконецъ, его нашли, Дикъ былъ удивленъ, замѣтивъ, что тропинка сдѣлалась ўже и мельче. Очевидно, сэръ Даніэль раздѣлилъ отрядъ.

Такъ какъ шансы были одинаковы, то Дикъ выбралъ тропинку, углублявшуюся въ лѣсъ, и поѣхалъ по ней. Послѣ часа ѣзды, въ самой глубинѣ лѣса, она внезапно разбилась на множество слѣдовъ, направлявшихся во всѣ стороны.

Дикъ остановился, потерявъ всякую надежду. Короткій зимній день уже близился къ концу; багровое солнце медленно спускалось за обнаженныя деревья; длинныя тѣни ложились на снѣгу; морозъ сильно пощипывалъ пальцы и паръ отъ дыханья лошадей подымался клубами.

— Насъ провели,—сознался Дикъ.—Поѣдемъ въ Голивудъ. Туда ближе, чѣмъ въ Тэнстолль, и тамъ мы подождемъ до утра.

Они повернули налѣво и поѣхали къ аббатству. Но теперь ѣхать было труднѣе; приходилось прокладывать дорогу по глубокому снѣгу и часто останавливаться и соображать, туда ли ѣдутъ. Скоро солнце зашло и наступила ночь.

Луна еще не взошла и пришлось остановиться и ждать.

Разставили часовыхъ, и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ удалось развести костеръ въ срединѣ очищеннаго отъ снѣга пространства. Солдаты усѣлись вокругъ него, доставъ провизію, которая была съ ними, а Дикъ, отобравъ то, что было получше изъ грубыхъ и скудныхъ запасовъ, предложилъ это племянницѣ лорда Рейзингама, сидѣвшей нѣсколько поодаль отъ солдатъ, у дерева.

Она сидѣла на двухъ положенныхъ одна на другую попонахъ и молча смотрѣла на происходившую передъ нею сцену. Когда Дикъ предложилъ ей поѣсть, она вздрогнула, какъ бы пробудившись отъ сна, и сдѣлала отрицательный жестъ.

— Милэди,—сказалъ Дикъ, — прошу васъ, не наказывайте меня такъ жестоко. Право, я не знаю, чѣмъ оскорбилъ васъ. Если я увезъ васъ съ собою, то это только дружеское насиліе; если вамъ приходится изъ-за меня выносить такую непріятную ночь, то только потому, что я спѣшу помочь другой, которая не меньше вашего нуждается въ помощи и друзьяхъ. Во всякомъ случаѣ не наказывайте самое себя и поѣшьте хоть бы для того, чтобы подкрѣпиться.

— Я не приму ничего изъ рукъ убійцы моего родственника, —отвѣчала она.

— Милэди!—воскликнулъ Дикъ: — клянусь вамъ, я не дотронулся до него.

— Поклянитесь мнѣ, что онъ еще живъ.

— Я не хочу васъ обманывать,—отвѣтилъ Дикъ.—Мнѣ жаль огорчить васъ. Я думаю, что онъ убитъ.

— И вы предлагаете мнѣ ѣсть!—воскликнула она.—Они называютъ васъ „сэръ“. Вы добыли рыцарскія шпоры, убивъ моего родственника! И я была такъ глупа и вѣроломна, что спасла

васъ въ домѣ вашего врага, когда вы должны были умереть, а онъ—который стоитъ дюжины такихъ, какъ вы—былъ живъ.

— Я только исполнялъ свой долгъ, какъ и вашъ родственникъ, для другой партіи,—отвѣчалъ Дикъ. — Еслибы онъ былъ живъ—Богъ свидѣтель, что я желалъ бы этого — онъ самъ похвалилъ бы меня.

— Сэръ Даніэль все сказалъ мнѣ, — возразила она. — Онъ видѣлъ васъ на баррикадѣ. На васъ основывался весь успѣхъ ихъ партіи; благодаря вамъ, они одержали побѣду. Стало быть, вы убили лорда Рейзингама; это такъ же вѣрно, какъ еслибы вы задушили его своими руками. И вы предлагаете мнѣ ѣсть вмѣстѣ съ вами, когда ваши руки еще не омыты отъ крови?! Но сэръ Даніэль поклялся погубить васъ. Онъ отомститъ за меня.

Злополучный Дикъ былъ совершенно разстроенъ. Старый Арбластеръ вспомнился ему.

— Неужели вы считаете меня виновнымъ?—спросилъ онъ: —вы, подруга Джоанны?

— Ради чего вы сражаетесь?—отвѣчала она.—Вы не принадлежите ни къ какой партіи; вы еще мальчишка, лишенный ума и сознанія. Изъ-за чего вы бьетесь? Изъ-за любви къ дракѣ?

— Не знаю,—сказалъ Дикъ. — Но англійское королевство теперь въ такомъ положеніи, что бѣдный джентльменъ долженъ биться если не на одной сторонѣ, то на другой. Онъ не можетъ оставаться одинъ—это неестественно.

— У кого нѣтъ разсудка, тотъ не долженъ обнажать мечъ, — возразила молодая лэди. — Если вы сражаетесь, руководясь только случаемъ, такъ вы просто мясникъ. Война облагораживается только цѣлью, а вы лишь оскверняете ее.

— Милэди, — сказалъ злополучный Дикъ, — я вижу свою ошибку. Я слишкомъ поторопился, слишкомъ рано взялся за дѣло. Сначала я укралъ лодку—клянусь вамъ, думая сдѣлать добро—и черезъ это погубилъ многихъ невинныхъ людей, разорилъ и сдѣлалъ несчастнымъ бѣднаго старика, лицо котораго поразило меня сегодня точно ударомъ кинжала. А сегодня утромъ я добивался только успѣха и былъ причиной смерти вашего дорогого родственника, который былъ такъ добръ ко мнѣ. А что̀ еще изъ этого выйдетъ, я не знаю. Можетъ быть, я посадилъ Іорка на тронъ, и это принесетъ несчастіе Англіи. О, милэди, я сознаю свою ошибку. Я не гожусь для жизни. Чтобы избѣжать еще бо̀льшихъ грѣховъ, я пойду въ монастырь, какъ только кончится эта экспедиція. Я откажусь отъ Джоанны и отъ оружія.

Я сдѣлаюсь монахомъ и буду молиться за душу вашего добраго родственника.

Въ этомъ припадкѣ раскаянія и самоуничиженія Дику показалось, что молодая лэди улыбнулась.

Поднявъ голову, онъ увидѣлъ, что она смотритъ на него съ страннымъ, но довольно ласковымъ выраженіемъ.

— Милэди, — воскликнулъ онъ, думая, что улыбка только померещилась ему, и что онъ успѣлъ тронуть ее своимъ раскаяніемъ,—неужели это не довольно для васъ? Я исправлю всѣ свои ошибки; я увѣренъ, что лордъ Рейзингамъ будетъ въ раю. И какъ подумаешь,—все это случилось въ тотъ самый день, когда я получилъ шпоры и считалъ себя счастливѣйшимъ джентльменомъ на землѣ!

— О, юноша,—сказала она,—добрый юноша!

Къ крайнему изумленію Дика, она очень нѣжно отерла слезы съ его щекъ и, какъ бы подчиняясь неожиданному побужденію, охватила обѣими руками его шею, приподнялась и поцѣловала его. Бѣдный Дикъ пришелъ въ окончательное смущеніе.

— Однако,—сказала она,—вамъ, предводителю, необходимо самому поѣсть. Отчего вы не ужинаете?

— Дорогая мистриссъ Рейзингамъ,—отвѣчалъ Дикъ,—я ждалъ только, чтобы сначала вы поѣли; но кажется, что мнѣ лучше будетъ провести время въ постѣ и молитвѣ.

— Называйте меня Алиса! — сказала она: — развѣ мы не старые друзья? А затѣмъ, я хочу ѣсть вмѣстѣ съ вами, и если вы не будете ѣсть, не буду и я; если же вы будете ужинать съ аппетитомъ, то и я стану ѣсть какъ работникъ.

Съ этими словами она принялась за ѣду, и Дикъ послѣдовалъ ея примѣру, сначала насильно, потомъ, по мѣрѣ того, какъ успокаивался, все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ аппетитомъ, пока, наконецъ, перегналъ своего компаньона и щедро вознаградилъ себя за лишенія и усталость этого тяжелаго дня.

— Вамъ не кажется страннымъ видѣть женщину въ мужскомъ костюмѣ?—сказала, наконецъ, лэди.

Въ это время луна уже взошла, и они дожидались только, чтобъ отдохнули лошади. При свѣтѣ луны, все еще раскаивающійся, но уже сытый, Ричардъ замѣтилъ, что она глядитъ на него съ нѣкоторымъ кокетствомъ.

— Милэди!—произнесъ онъ, удивленный этимъ новымъ оборотомъ.

— Чтò вы хотите сказать?—перебила она.

— Вы немножко малы, это правда,—началъ Дикъ.

Но она снова перебила его, на этотъ разъ съ громкимъ смѣхомъ, который привелъ Дика въ окончательное смущеніе.

— Мала? — воскликнула она. — Полноте, будьте такъ же честны, какъ вы смѣлы; я карлица, и даже меньше карлицы; но при всемъ томъ—скажите откровенно—довольно красива, не правда ли?

— Да, вы очень красивы, — сказалъ смущенный рыцарь, тщетно стараясь вернуть свое хладнокровіе.

— И любой мужчина былъ бы радъ жениться на мнѣ? — продолжала она.

— О, очень радъ, милэди!—подтвердилъ Дикъ.

— Называйте меня Алисой.

— Алиса,—повторилъ сэръ Ричардъ.

— Хорошо, теперь, когда вы убили моего родственника и лишили меня крова, вы по чести должны вознаградить меня; правда?

— Правда,—согласился Дикъ.—Хотя, право, я только отчасти виноватъ въ смерти храбраго рыцаря.

— Вы увертываетесь?—воскликнула она.

— Нѣтъ. Я сказалъ, что, по вашему приказанію, готовъ сдѣлаться монахомъ.

— Стало быть, вы по чести въ моемъ распоряженіи?

— По чести, я думаю...—началъ Дикъ.

— Нѣтъ, постойте!—перебила она:—вы слишкомъ увертливы! По чести вы въ моемъ распоряженіи, пока не вознаградите меня за все зло.

— Согласенъ,—сказалъ Дикъ.

— Ну, такъ слушайте,—продолжала она.—Изъ васъ выйдетъ плохой монахъ, и такъ какъ вы въ моемъ распоряженіи, то я предпочитаю сдѣлать васъ своимъ супругомъ. Нѣтъ, нѣтъ, молчите! Слова вамъ не помогутъ. Разсудите сами: развѣ это не справедливо? вы лишили меня крова, вы же должны доставить мнѣ новый. Что касается Джоанны, то, повѣрьте мнѣ, она охотно согласится на эту мѣну; вѣдь мы подруги, такъ не все ли равно, на которой изъ насъ вы женитесь?

— Милэди,—сказалъ Дикъ,—я пойду въ монастырь, если вы захотите этого, но не женюсь ни на комъ въ свѣтѣ, кромѣ Джоанны Сэдли. Простите, что я говорю откровенно, но если женщина смѣла, то мужчина долженъ быть еще смѣлѣе.

— Дикъ,—сказала она,—вы должны поцѣловать меня за эти слова. Не бойтесь, вы поцѣлуете меня вмѣсто Джоанны, и когда мы встрѣтимся, я возвращу ей вашъ поцѣлуй и скажу, что украла

его. Что касается до вашей вины передо мной, то подумайте: развѣ вы одинъ были въ битвѣ? Если Іоркъ будетъ на тронѣ, то, конечно, не вы его туда посадите. Но у васъ доброе, честное, мягкое сердце, Дикъ, и еслибы я могла въ чемъ-нибудь позавидовать Джоаннѣ, то именно въ вашей любви.

VI.

Дикъ и Джоанна.

Между тѣмъ лошади докончили скудный запасъ корма и вполнѣ отдохнули. По приказанію Дика огонь былъ погашенъ, и пока его люди сѣдлали коней, онъ самъ вспомнилъ, нѣсколько поздно, обычную лѣсную предосторожность: выбралъ высокій дубъ и влѣзъ на его вершину. Отсюда онъ могъ видѣть далеко въ лѣсу, освѣщенномъ луною. На юго-западъ темнѣла та высокая и густая часть лѣса, гдѣ онъ и Джоанна встрѣтились съ зачумленнымъ. Теперь онъ замѣтилъ тамъ какую-то свѣтящуюся точку.

Имъ овладѣла досада на самого себя за свою небрежность. Если—что было всего вѣроятнѣе—это былъ костеръ сэра Даніэля, то его можно бы было давно замѣтить и идти къ нему; вмѣсто этого онъ самъ подалъ вѣсть о своемъ присутствіи, разложивъ огонь. Во всякомъ случаѣ теперь незачѣмъ было терять драгоцѣнное время. До этого мѣста не болѣе двухъ миль, но приходилось пересѣчь очень глубокую и крутую лощину, черезъ которую невозможно было проѣхать на коняхъ. Въ виду этого Дикъ рѣшился оставить коней и попытаться пройти пѣшкомъ.

Десять человѣкъ были оставлены стеречь лошадей; условились въ сигналѣ, посредствомъ котораго можно было въ случаѣ надобности сообщаться съ ними, и Дикъ отправился во главѣ остальныхъ сорока человѣкъ; Алиса Рейзингамъ шла рядомъ съ нимъ.

Люди сняли тяжелое вооруженіе, оставили копья и весело шли по хрустящему снѣгу, при яркомъ свѣтѣ луны. Спускъ въ лощину, гдѣ еще незамерзшій ручей пробивался между снѣгомъ и льдомъ, совершился въ порядкѣ, а на противоположной сторонѣ, за полмили до того мѣста, гдѣ Дикъ замѣтилъ огонь, отрядъ остановился перевести дыханіе передъ аттакой.

Въ глубокой тишинѣ лѣса самые слабые звуки были далеко слышны; Алиса, обладавшая чуткимъ слухомъ, приподняла палецъ въ знакъ предостереженія и остановилась. Всѣ послѣдовали ея примѣру; но, кромѣ журчанія ручья въ лощинѣ и отдаленнаго воя лисицы, Ричардъ ничего не слышалъ.

— Я слышала бряцанье оружія,—прошептала Алиса.

— Миледи, — отвѣчалъ Дикъ, для котораго молодая лэди была страшнѣе десятка смѣлыхъ воиновъ,—я не стану утверждать, что вы ошиблись, но можетъ быть этотъ звукъ не изъ лагеря.

— Нѣтъ, онъ былъ слышенъ съ запада,—сказала она.

— Откуда бы онъ ни былъ,—сказалъ Дикъ,—а мы не станемъ терять времени. Впередъ, друзья! довольно отдыхали.

По мѣрѣ того, какъ они приближались, снѣгъ все болѣе и болѣе былъ усѣянъ слѣдами лошадиныхъ копытъ, и становилось ясно, что неподалеку расположился лагеремъ значительный отрядъ конницы. Наконецъ, они увидѣли дымъ, багровый снизу и поднимавшійся между деревьями, разсыпая искры.

Здѣсь, по приказанію Дика, его люди разошлись въ разныя стороны, чтобы окружить лагерь. Самъ онъ оставилъ Алису подъ защитой большого дуба, и направился прямо къ огню.

Наконецъ, онъ достигъ небольшой поляны, гдѣ расположились враги. Костеръ былъ разложенъ на небольшомъ возвышеніи; вокругъ него сидѣло человѣкъ двѣнадцать солдатъ, но Дикъ тщетно старался замѣтить по сосѣдству хоть одну лошадь. Онъ начиналъ думать, что ошибся. Въ это время онъ узналъ въ высокомъ человѣкѣ, стоявшемъ у костра и грѣвшемъ руки, своего стараго друга Беннета Гатча; въ двухъ другихъ, сидѣвшихъ нѣсколько въ сторонѣ, Джоанну Сэдли и жену сэра Даніэля, переодѣтыхъ въ мужское платье.

„Что жъ, — подумалъ онъ,—если я и потеряю лошадей, то верну Джоанну, и жалѣть будетъ не о чемъ“.

Въ эту минуту съ противоположной стороны поляны послышался легкій свистъ—знакъ, что его люди успѣли окружить лагерь.

При этомъ звукѣ Беннетъ вскочилъ, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ взяться за оружіе, Дикъ окликнулъ его.

— Беннетъ,—сказалъ онъ,—Беннетъ, старый другъ, сдайтесь! Вы только даромъ погубите людей, если вздумаете защищаться.

— Это мастэръ Шельтонъ, клянусь св. Варварой!—воскликнулъ Беннетъ.—Сдаться! Вы много требуете. Сколько у васъ людей?

— Говорю вамъ, Беннетъ, что вы окружены и не въ силахъ сопротивляться,—сказалъ Дикъ:—Цезарь и Карлъ Великій сдались бы при такихъ условіяхъ. У меня сорокъ человѣкъ, и одинъ залпъ стрѣлъ уложитъ васъ всѣхъ.

— Мастэръ Дикъ,—сказалъ Беннетъ,—что бы ни было, а я обязанъ исполнить свой долгъ. Да помогутъ намъ святые! Съ этими словами онъ поднесъ къ губамъ небольшую трубу и протрубилъ въ нее.

Послѣдовалъ моментъ смятенія; Дикъ, опасаясь за безопасность женщинъ, не рѣшался давать сигналъ къ стрѣльбѣ, а воины Гатча бросились къ оружію и приготовились защищаться. Въ этой суматохѣ Джоанна подбѣжала къ Дику.

— Дикъ, я здѣсь!—закричала она, схвативъ его за руки.

Но Дикъ стоялъ въ нерѣшимости; онъ былъ еще слишкомъ молодъ для печальныхъ необходимостей войны, и мысль о старой лэди Брэкли задерживала слова команды на его языкѣ. Его люди стали горячиться. Одни называли его имя; другіе стали стрѣлять, не дожидаясь приказанія, и первый же залпъ свалилъ бѣднаго Беннета. Тогда Дикъ опомнился.

— Стрѣлять!—крикнулъ онъ.—Бейте ихъ! Англія и Іоркъ! Но въ эту минуту послышался топотъ копытъ по хрустѣвшему снѣгу и звуки трубъ, отвѣчавшихъ на сигналъ Беннета.

— Ко мнѣ! ко мнѣ!—крикнулъ Дикъ.—Собирайтесь вокругъ меня, или вы погибли!

Но его люди, пѣшіе, разсѣянные, захваченные врасплохъ въ ту минуту, когда думали одержать легкую побѣду, бросились въ разныя стороны. Когда всадники вылетѣли на поляну, немногіе сопротивлявшіеся были убиты, и бо̀льшая часть отряда Дика разсѣялась по лѣсу.

Съ минуту Дикъ стоялъ, съ горечью созерцая плоды своей необдуманной храбрости. Сэръ Даніэль видѣлъ огонь и двинулся съ главными силами для того, чтобы напасть на преслѣдователей, или для того, чтобы броситься на нихъ съ тыла, если они рѣшатся на аттаку. Это былъ поступокъ опытнаго капитана, тогда какъ поведеніе Дика было выходкой легкомысленнаго юноши. Правда, его Джоанна находилась при немъ, но зато весь его отрядъ былъ разсѣянъ по лѣсу, какъ листья, подхваченные вѣтромъ.

„Небо омрачило мой разумъ!—подумалъ онъ.—Пусть я посвященъ въ рыцари ныньче утромъ—но это дѣлаетъ мнѣ мало чести".

Затѣмъ, держа Джоанну за руку, онъ пустился бѣжать.

Тишина лѣса огласилась криками преслѣдующихъ; Дикъ бѣжалъ опрометью, пробираясь черезъ густой кустарникъ. Серебристый свѣтъ луны, въ силу контраста, увеличивалъ темноту заросли, а разсѣявшіеся люди Дика заставили и преслѣдующихъ броситься въ разныя стороны. Пробѣжавъ нѣсколько времени Дикъ и Джоанна остановились и прислушались къ голосамъ преслѣдовавшихъ, раздававшимся съ разныхъ сторонъ, но повидимому удалявшимся.

— Еслибы я могъ собрать хоть остатокъ моего отряда,—съ горечью воскликнулъ Дикъ,—мнѣ бы можетъ быть еще удалось поправить дѣло. Что̀ дѣлать; въ другой разъ я поступлю осторожнѣе.

— Полно, Дикъ!—сказала Джоанна:—что за бѣда! Мы опять вмѣстѣ.

Онъ посмотрѣлъ на нее; да, это былъ Джонъ Матчамъ, какъ и прежде, въ курткѣ и штанахъ. Но теперь онъ зналъ ее; она ласково улыбалась ему, и сердце его исполнилось радостью.

— Милая,—сказалъ онъ,—если ты прощаешь мои ошибки, то что мнѣ до другихъ! Пойдемъ въ Голивудъ: тамъ твой защитникъ и мой лучшій другъ, лордъ Фовсгемъ. Тамъ мы обвѣнчаемся, и что за дѣло, будемъ ли мы бѣдны или богаты, славны или неизвѣстны! Сегодня я пріобрѣлъ шпоры; моя храбрость заслужила похвалу великаго человѣка; я считалъ себя лучшимъ воиномъ во всей Англіи. Потомъ я сначала потерялъ расположеніе вождя, затѣмъ былъ обманутъ врагомъ и растерялъ своихъ солдатъ. Это урокъ моей самоувѣренности! Но если ты меня любишь и пойдешь за меня, я готовъ разстаться съ моимъ рыцарствомъ безъ всякаго сожалѣнія.

— Дикъ!—воскликнула она.—Тебя посвятили въ рыцари?

— Да, теперь ты милэди,—отвѣчалъ онъ,—или будешь ею завтра же, если согласишься.

— Согласна,—отвѣчала она.

— Какъ, сэръ? Вѣдь вы, кажется, собирались поступить въ монастырь?—спросилъ чей-то голосъ.

— Алиса!—воскликнула Джоанна.

— Это я,—отвѣчала молодая лэди, подходя къ нимъ;—Алиса, которую вы бросили на дорогѣ, которую подобралъ и возвратилъ къ жизни вашъ истребитель львовъ, и за которой онъ ухаживалъ, если вамъ угодно знать.

— Не можетъ быть!—воскликнула Джоанна.—Дикъ!

— Дикъ!—передразнила Алиса:—ну, да, Дикъ! Такъ вотъ какъ, любезный сэръ: вы бросаете дамъ въ бѣдѣ!—продолжала она, обращаясь къ молодому рыцарю.—Вы оставляете ихъ около дубовъ! Правду говорятъ, что вѣкъ рыцарства уже прошелъ.

— Милэди!—воскликнулъ Дикъ въ отчаяніи:—клянусь моей душой, я позабылъ о васъ. Вы должны простить мнѣ, вы видите, я нашелъ Джоанну!

— Я и не думала, что вы сдѣлали это умышленно,—отвѣчала она.—Но я вамъ жестоко отомщу. Я разскажу Джоаннѣ одинъ секретъ,—пусть она послушаетъ. Джоанна, я вѣрю, что вашъ возлюбленный храбръ въ бою, но, говоря откровенно, онъ самый мягкосердечный простякъ во всей Англіи. Ступайте, вы можете любезничать съ нимъ сколько угодно. А теперь поспѣ-

шимъ въ Голивудъ, потому что въ этихъ лѣсахъ оставаться опасно, да и холодно.

— Но неужели Дикъ ухаживалъ за вами? — спросила Джоанна.

— Нѣтъ,—отвѣчала Алиса,—это я ухаживала за нимъ. Я предлагала ему жениться на мнѣ, но онъ отказался. Да, онъ болѣе откровененъ, чѣмъ любезенъ. Но теперь идемъ. Нужно ли намъ опять переходить ложбину, или отправиться прямо въ Голивудъ?

— Я бы охотно поѣхалъ верхомъ,—сказалъ Дикъ,—потому что страшно избитъ и изломанъ за эти дни. Но если мои люди, услышавъ шумъ битвы, ускакали, то намъ придется понапрасну пройтись. Съ другой стороны, отсюда до Голивуда не болѣе трехъ миль, колоколъ еще не пробилъ девяти, луна свѣтитъ и снѣгъ достаточно крѣпокъ, чтобы сдержать насъ—такъ не лучше ли намъ отправиться прямо?

— Отлично!—воскликнула Алиса, а Джоанна только пожала руку Дика.

Они пошли по снѣжнымъ полянамъ, среди обнаженныхъ деревьевъ, при яркомъ свѣтѣ луны: Дикъ и Джоанна впереди, рука объ руку, на седьмомъ небѣ отъ избытка счастія, и ихъ веселая спутница сзади, то подшучивая надъ ихъ молчаніемъ, то строя проекты ихъ будущей супружеской жизни.

Преслѣдованіе еще продолжалось, и время отъ времени крики и стукъ оружія доносились до нашихъ путниковъ. Но эти молодые люди, выросшіе среди военной тревоги, привыкшіе къ опасностямъ, не легко поддавались страху или сожалѣнію. Довольные тѣмъ, что звуки преслѣдованія все болѣе и болѣе удалялись, они весело шли, радуясь своему счастію, и ни суровое безмолвіе лѣса, ни холодъ морозной ночи не могли смутить или омрачить ихъ счастіе.

Наконецъ, съ высокаго холма они увидѣли Голивудъ. Высокія окна аббатства были освѣщены; шпицы и башни выдѣлялись на темномъ небѣ, и золотой крестъ на высочайшей башнѣ ярко сверкалъ, озаренный луной. Вокругъ аббатства на равнинѣ горѣли лагерные огни и видиѣлись палатки.

— Клянусь распятіемъ,—сказалъ Ричардъ,—отрядъ лорда Фоксгема до сихъ поръ стоитъ лагеремъ. Гонецъ, должно быть, сбился съ пути. Ну, тѣмъ лучше. У насъ есть защита противъ сэра Даніэля.

Но лордъ Фоксгемъ находился до сихъ поръ у Голивуда по другой причинѣ. Онъ пошелъ-было въ Шорби; но на полпути его

встрѣтилъ второй посолъ и передалъ порученіе милорда Глостера—вернуться обратно въ Голивудъ, чтобы преградить дорогу бѣжавшимъ ланкастерцамъ и находиться ближе къ главной арміи Іорка. Ричардъ Глостеръ, окончивъ битву, уже шелъ на помощь брату, и вскорѣ послѣ того, какъ лордъ Фоксгемъ вернулся въ аббатство, горбунъ явился туда же. Въ честь высокаго посѣтителя и были до сихъ поръ освѣщены окна; въ моментъ прихода Дика герцогъ съ своими приближенными, находился въ столовой этого богатаго монастыря.

Дикъ, чувствуя себя не совсѣмъ въ своей тарелкѣ, былъ приведенъ къ герцогу. Глостеръ, истощенный усталостью, сидѣлъ, опустивъ блѣдное, истомленное лицо на руку; лордъ Фоксгемъ, еще не вполнѣ оправившійся отъ раны, находился на почетномъ мѣстѣ, налѣво отъ герцога.

— Ну, что, сэръ? —спросилъ Ричардъ.—Привезли вы голову сэра Даніэля?

— Милордъ,—сказалъ Дикъ довольно спокойно, но съ внутренней дрожью,—мнѣ не удалось даже вернуться съ моей командой. Я разбитъ на голову.

Глостеръ взглянулъ на него, нахмурившись.

— Я далъ вамъ пятьдесятъ копій, сэръ!—сказалъ онъ.

— Милордъ, со мною было пятьдесятъ всадниковъ,—отвѣчалъ Дикъ.

— Какъ такъ?—сказалъ Глостеръ.—Онъ просилъ у меня пятьдесятъ копій.

— Виноватъ,—тихо сказалъ Кэтсби: — мы дали ему только всадниковъ, въ видахъ преслѣдованія.

— Хорошо,—сказалъ Ричардъ, кивнувъ головой.—Можете идти, Шельтонъ.

— Постойте!—сказалъ лордъ Фоксгемъ.—Этотъ молодой человѣкъ имѣлъ и отъ меня порученіе. Можетъ быть, его онъ исполнитъ удачнѣе. Скажите, мастэръ Шельтонъ, нашли вы дѣвушку?

— Слава Богу, милордъ,—сказалъ Дикъ:—она здѣсь.

— Да? Ну, милордъ,—сказалъ лордъ Фоксгемъ,—съ вашего позволенія, я намѣренъ завтра устроить свадьбу. Этотъ молодой сквайръ...

— Молодой рыцарь,—поправилъ Кэтсби.

— Что вы говорите, сэръ Вильямъ?—воскликнулъ лордъ Фоксгемъ.

— Я сдѣлалъ его рыцаремъ,—сказалъ Глостеръ.—Онъ два раза оказалъ мнѣ важныя услуги. У него нѣтъ недостатка въ храбрости, но ему недостаетъ желѣзнаго духа мужчины. Онъ не

пойдетъ далеко, лордъ Фоксгемъ. Этотъ молодецъ храбро дерется въ сраженіи, но у него куриное сердце. Впрочемъ, если онъ хочетъ жениться, жените его, и Богъ съ нимъ.

— Я знаю, что онъ храбрый юноша,—сказалъ лордъ Фоксгемъ.—Я покончилъ дѣло съ мастэромъ Гэмли, сэръ Ричардъ и завтра вы будете обвѣнчаны.

Послѣ этого Дикъ счелъ самымъ благоразумнымъ удалиться; но онъ не успѣлъ еще выйти изъ столовой, какъ вбѣжалъ какой-то человѣкъ и, протискавшись сквозь толпу слугъ, сталъ на одно колѣно передъ герцогомъ.

— Побѣда, милордъ!—крикнулъ онъ.

И прежде чѣмъ Дикъ успѣлъ дойти до комнаты, отведенной ему, какъ гостю лорда Фоксгема, радостные крики огласили лагерь, потому что въ этотъ же день, не далѣе двадцати миль отсюда, второй рѣшительный ударъ былъ нанесенъ власти Ланкастеровъ.

VII.

Мщеніе Дика.

На слѣдующее утро Дикъ всталъ до разсвѣта, одѣлся получше, при помощи гардероба лорда Фоксгема, и, освѣдомившись о Джоаннѣ, вышелъ изъ аббатства.

Сначала онъ шелъ по лагерю, среди солдатъ, чистившихъ оружіе при свѣтѣ факеловъ, но мало-по-малу углубился въ лѣсъ.

Мысли его были спокойны и веселы. Потеря кратковременной милости у герцога не смущала его; женясь на Джоаннѣ, имѣя покровителемъ лорда Фоксгема, онъ считалъ себя счастливѣйшимъ смертнымъ, а въ прошломъ немногое возбуждало его сожалѣніе.

Между тѣмъ наступилъ разсвѣтъ; востокъ разгорался и слабый вѣтерокъ дулъ между деревьевъ. Онъ повернулъ домой и въ эту минуту замѣтилъ какую-то фигуру за деревомъ.

— Стой!—крикнулъ онъ.—Кто идетъ?

Неизвѣстный остановился и знакомъ показалъ, что онъ нѣмъ. На немъ была одежда пилигрима, лицо было закрыто капюшономъ, но Дикъ тотчасъ же узналъ сэра Даніэля.

Онъ бросился къ нему, обнаживъ мечъ; но рыцарь засунулъ руку за пазуху, какъ будто хотѣлъ вытащить спрятанное оружіе, и смѣло ждалъ нападенія.

— Полно, Дикъ!—сказалъ онъ:—неужели ты станешь нападать на лежачаго?

— Я не нападалъ на васъ,—отвѣчалъ юноша,—я былъ вамъ вѣрнымъ другомъ, пока вы не замышляли на мою жизнь. Но вы первый рѣшились погубить меня.

— Да, въ видахъ самозащиты,—возразилъ рыцарь. — Но теперь, Дикъ, извѣстіе о битвѣ и присутствіе этого горбатаго дьявола въ здѣшнемъ лѣсу сдѣлало меня совершенно безпомощнымъ. Я думаю найти убѣжище въ Голивудѣ, а потомъ перебраться за море, въ Бургундію или Францію.

— Вы не пойдете въ Голивудъ,—сказалъ Дикъ.

— Какъ такъ? Почему?—спросилъ рыцарь.

— Послушайте, сэръ Даніэль,—сказалъ Дикъ:—сегодня моя свадьба, и восходящее солнце озаритъ счастливѣйшій день въ моей жизни. Ваша жизнь осквернена двойнымъ преступленіемъ: во-первыхъ, убійствомъ моего отца, во-вторыхъ, вашими поступками относительно меня. Но я самъ грѣшенъ, я причинилъ смерть людямъ, и съ этого дня не хочу быть больше ни судьей, ни палачомъ. Еслибы вы были самъ дьяволъ, я не тронулъ бы васъ. Старайтесь, чтобы Богъ простилъ васъ, какъ я прощаю. Но идти въ Голивудъ—это дѣло другое. Я служу Іоркамъ и не допущу шпіона въ ихъ среду. Знайте, что если вы сдѣлаете шагъ впередъ, то я подниму тревогу, и васъ схватятъ.

— Ты смѣешься надо мной!—сказалъ сэръ Даніэль.—Я нигдѣ не буду въ безопасности, кромѣ Голивуда.

— Это не мое дѣло,—возразилъ Ричардъ.—Ступайте на востокъ, западъ, югъ—только не на сѣверъ. Голивудъ закрытъ для васъ. Ступайте и не пытайтесь вернуться. Я предупрежу часовыхъ, чтобы они не пропускали ни одного пилигрима, и тогда, будь вы дѣйствительно дьяволъ, вы не пройдете.

— Ты губишь меня,—угрюмо сказалъ сэръ Даніэль.

— Я не хочу губить васъ,— отвѣчалъ Ричардъ.—Если вы согласны на поединокъ, давайте биться; я никого не стану звать на помощь. Такимъ образомъ я отомщу за смерть отца.

— Но,—сказалъ сэръ Даніэль,—у тебя длинный мечъ, а у меня только кинжалъ.

— Я надѣюсь только на Бога,—сказалъ Дикъ, бросивъ мечъ на снѣгъ.—Выходите, и я увѣренъ, что Всемогущій поможетъ мнѣ одолѣть васъ.

— Я только хотѣлъ испытать тебя, Дикъ,—возразилъ рыцарь съ притворнымъ смѣхомъ.—Я не хочу проливать твою кровь

— Ну, такъ ступайте, пока не поздно! — сказалъ Шельтонъ.—Черезъ пять минутъ я кликну стражу. Я и то слишкомъ терпѣливъ. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я уже давно былъ бы связанъ.

— Хорошо, Дикъ, я пойду,—сказалъ сэръ Даніэль.—При слѣдующей встрѣчѣ ты раскаешься въ своей жестокости.

Съ этими словами рыцарь повернулся и пошелъ въ глубь лѣса. Дикъ, волнуемый различными чувствами, смотрѣлъ, какъ онъ шелъ медленно и осторожно, недовѣрчиво оглядываясь на пощадившаго его юношу.

Ему приходилось идти мимо густой, непроницаемой чащи кустарниковъ. Внезапно въ глубинѣ ея прозвенѣла тетива. Стрѣла вылетѣла изъ кустовъ, и съ крикомъ агоніи и боли тэнстоалльскій рыцарь взмахнулъ руками и упалъ на снѣгъ.

Дикъ бросился къ нему и приподнялъ его. Лицо его было искажено страданіемъ, все тѣло корчилось въ агоніи.

— Черная стрѣла?—прохрипѣлъ онъ.

— Черная,—отвѣчалъ Дикъ.

Сильная судорога потрясла все тѣло отъ головы до пятъ, такъ что оно выскользнуло изъ рукъ Дика, и въ то же мгновеніе рыцарь испустилъ духъ.

Молодой человѣкъ сталъ на колѣни и помолился за эту преступную и неприготовившуюся къ смерти душу, и пока онъ молился, солнце взошло и птицы защебетали въ кустахъ.

Когда онъ всталъ, то замѣтилъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стоитъ на колѣняхъ и молится другой человѣкъ. Онъ молился, закрывъ лицо руками, какъ будто былъ сильно разстроенъ и смущенъ, и по луку, лежавшему рядомъ съ нимъ, Дикъ догадался, что это убійца сэра Даніэля.

Наконецъ, онъ всталъ и Дикъ узналъ Эллиса Декворта.

— Ричардъ,—сказалъ онъ,—я слышалъ васъ. Вы избрали лучшую часть и простили; я взялъ на себя худшую—и вотъ главный изъ моихъ враговъ лежитъ мертвый. Молитесь за меня.

Онъ взялъ Дика за руку.

— Сэръ,—сказалъ Дикъ,—я буду молиться за васъ; но если вы такъ долго стремились отомстить и такъ мало радуетесь, когда месть, наконецъ, совершилась, то не лучшее ли пощадить остальныхъ? Бѣдняга Гатчъ убитъ. Я бы предпочелъ пощадить его. Сэръ Даніэль тоже лежитъ мертвый. Остается еще патеръ, и я бы желалъ оставить его въ покоѣ.

Молнія блеснула въ глазахъ Эллиса.

— Да,—сказалъ онъ,—дьяволъ еще сидитъ во мнѣ. Но пусть будетъ по вашему. Черная стрѣла больше не летаетъ: товарищество разсѣялось. Пусть тотъ, кто избѣжалъ смерти, живетъ спокойно, а вы идите туда, куда зоветъ васъ счастье, и забудьте объ Эллисѣ Декбортѣ.

VIII.

Заключеніе.

Около девяти часовъ утра лордъ Фоксгемъ шелъ съ невѣстой, въ сопровожденіи Алисы Рейзингамъ, въ голивудскую церковь, когда имъ встрѣтился Ричардъ Глостеръ, уже погруженный въ заботы.

— Это невѣста?—спросилъ онъ, и когда лордъ Фоксгемъ отвѣтилъ утвердительно, прибавилъ:—Подымите-ка голову, чтобъ я могъ посмотрѣть на ваше личико.

Она посмотрѣла на него довольно сурово.

— Вы красавица,—сказалъ онъ,—и, какъ я слышалъ, съ приданымъ. Чтò если я предложу вамъ хорошаго жениха и буду вашимъ покровителемъ и родственникомъ?

— Милордъ,—отвѣчала Джоанна,—я предпочитаю выйти за сэра Ричарда.

— Полноте,—сказалъ онъ.—Выходите за человѣка, котораго я для васъ изберу, и онъ сегодня же будетъ милордомъ, а вы миледи. Сэръ Ричардъ—скажу вамъ прямо—такъ и умретъ сэромъ Ричардомъ.

— Я только того и прошу у неба, чтобы умереть женой сэра Ричарда,—возразила Джоанна.

— Посмотрите на нихъ, милордъ!—сказалъ Глостеръ, обращаясь къ лорду Фоксгему.—Вотъ парочка по вашему вкусу. Этотъ молодецъ, когда я за его услуги предложилъ ему свою милость, предпочелъ ей помилованіе стараго пьянаго моряка. Я предостерегалъ его, я сказалъ: „этимъ кончится вашъ успѣхъ"; а онъ самымъ нахальнымъ тономъ отвѣчалъ мнѣ: „тѣмъ хуже для меня". Клянусь крестомъ, онъ сказалъ это!

— Онъ сказалъ это?—воскликнула Алиса.—Хорошо сказалъ!

— Это кто?—спросилъ герцогъ.

— Плѣнница сэра Ричарда, — отвѣчалъ лордъ Фоксгемъ,— Алиса Рейзингамъ.

— Смотрите, чтобъ она вышла за надежнаго человѣка,— сказалъ герцогъ.

— Я думалъ о своемъ родственникѣ Гэмли, если будетъ угодно вашей милости,—отвѣчалъ лордъ Фоксгемъ.—Онъ вѣрно служилъ нашей партіи.

— Я не имѣю ничего противъ этого,—сказалъ Ричардъ.— Обвѣнчайте ихъ поскорѣе. Скажите, красавица, хотите вы замужъ?

— Милордъ,—сказала Алиса,—если мужъ будетъ прямъ...— Тутъ она остановилась въ смущеніи.

— Онъ прямъ, миссъ, — спокойно отвѣчалъ Ричардъ. — Я одинъ горбатъ во всей нашей партіи. Лэди и вы, милордъ,— прибавилъ онъ тономъ важной вѣжливости,—не считайте меня грубымъ, если я оставлю васъ. Начальникъ, во время войны, не можетъ располагать своимъ временемъ.

Послѣ этого онъ отошелъ съ учтивымъ поклономъ, въ сопровожденіи своихъ офицеровъ.

— Увы!—воскликнула Алиса:—я погибла.

— Вы не знаете его,—возразилъ лордъ Фоксгемъ.—Это пустяки; онъ уже забылъ ваши слова.

— Если такъ, то онъ истинный рыцарь,—сказала Алиса.

— Нѣтъ, онъ только занятъ другими дѣлами,—возразилъ лордъ Фоксгемъ.—Не будемъ медлить болѣе.

Въ церкви они встрѣтили Дика, ожидавшаго ихъ съ нѣсколькими молодыми людьми, и бракосочетаніе совершилось. Когда счастливая чета вышла изъ церкви, по дорогѣ уже тянулись ряды солдатъ, знамя Глостера развѣвалось, окруженное лѣсомъ копій, а за нимъ въ толпѣ закованныхъ въ желѣзо рыцарей ѣхалъ и самъ честолюбивый, жестокій и смѣлый горбунъ, стремясь къ своему кратковременному царствованію и продолжительному безславію. Но молодая чета направилась въ другую сторону и весело усѣлась за завтракъ.

Съ тѣхъ поръ тревоги и рѣзня этой жестокой и смутной эпохи проходили мимо нихъ. Они жили въ сторонѣ отъ тревогъ, въ зеленомъ лѣсу, гдѣ возникла ихъ любовь.

Въ то же время два старика спокойно и мирно доживали свой вѣкъ въ деревнѣ Тэнстолль, пользуясь пенсіономъ и, можетъ быть, злоупотребляя нѣсколько пивомъ и виномъ. Одинъ всю жизнь оставался морякомъ и до послѣднихъ дней горевалъ о своемъ матросѣ Томѣ. Другой, испытавшій всевозможныя профессіи, кончилъ тѣмъ, что вернулся въ монастырь и умеръ подъ именемъ брата Гонеста въ сосѣднемъ аббатствѣ. Такимъ образомъ исполнилось желаніе Лаулесса умереть монахомъ.

А. Э.

ГЕНРИ ДЖОРДЖЪ

и его

ТЕОРІЯ ПРОГРЕССА.

Всѣ существующія теоріи прогресса распадаются на двѣ группы: первая характеризуется безотчетною вѣрою въ будущее, независимо отъ анализа настоящаго и прошедшаго, а вторая основываетъ свои выводы на реальномъ изученіи тѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ ходъ развитія человѣческихъ обществъ.

Среди ученій первой категоріи можно въ свою очередь отличить такія, которыя обобщаютъ и возводятъ въ принципъ наиболѣе характерныя черты современной промышленной культуры, и затѣмъ—теоріи фантастическія, рисующія намъ картину какого-то золотого вѣка въ будущемъ.

Что касается второй группы, опирающейся на анализъ явленій, то она находится еще отчасти въ періодѣ предварительныхъ изысканій и опытовъ. Образчикомъ научныхъ блужданій въ этой области можетъ служить извѣстная теорія Гумпловича [1]). Болѣе серьезную попытку анализа представляетъ доктрина американскаго экономиста Генри Джорджа, заслуживающая особеннаго вниманія по своему характеру и направленію [2]). Джорджъ ставитъ общій вопросъ о причинахъ бѣдности и страданій народныхъ массъ при высокомъ уровнѣ экономическаго и культурнаго развитія современныхъ обществъ. „Связь бѣдности съ прогрессомъ,

[1]) См. выше: апр., 764 стр.

[2]) „Progress and poverty“, by Henry George, кн. VI—X.

— говоритъ онъ, — есть великая загадка нашего времени. Это центральный фактъ, изъ котораго проистекаютъ промышленныя, соціальныя и политическія затрудненія, озабочивающія міръ, и съ которымъ тщетно борются государственная мудрость, филантропія и воспитаніе. Отсюда выходятъ тучи, застилающія будущность самыхъ прогрессивныхъ и дѣятельныхъ націй. Пока все возрастающее богатство, доставляемое современнымъ прогрессомъ, идетъ только на созданіе отдѣльныхъ крупныхъ состояній, на увеличеніе роскоши и на усиленіе контраста между имущими и нуждающимися, до тѣхъ поръ прогрессъ не реаленъ и не можетъ быть долговѣчнымъ. Должна наступить реакція. Зданіе колеблется въ своей основѣ, и каждое новое замѣшательство ускоряетъ окончательную катастрофу. Основывать политическія учрежденія, признающія теоретическое равенство людей, на состояніи самаго рѣзкаго соціальнаго неравенства,—значитъ устанавливать пирамиду на ея верхушкѣ".

Коснувшись популярной нынѣ теоріи развитія и совершенствованія путемъ борьбы за существованіе, авторъ замѣчаетъ, что практическимъ порожденіемъ этой доктрины является оптимистическій фатализмъ, которымъ полна текущая литература. Но эта теорія прогресса, которая кажется намъ столь естественною среди развивающейся цивилизаціи, имѣетъ противъ себя огромный фактъ —существованіе остановившихся, разложившихся культуръ. „Большинство человѣческаго рода не имѣетъ теперь никакого понятія о прогрессѣ; оно смотритъ на прошедшее какъ на время человѣческаго совершенства. Если держаться теоріи, что человѣческій прогрессъ есть результатъ общихъ и постоянныхъ причинъ, то какъ объяснить судьбу цивилизацій, которыя шли впередъ до извѣстной ступени и затѣмъ остановились? Объ индусахъ или китайцахъ нельзя сказать, какъ это можетъ быть сказано о дикаряхъ, что наше превосходство передъ ними есть наслѣдіе болѣе длиннаго ряда поколѣній. Индусы и китайцы были культурными людьми, когда мы были еще дикарями... Но не только эти остановившіяся цивилизаціи остаются безъ объясненія со стороны обычной теоріи развитія. Люди не только шли по пути прогресса до извѣстнаго момента и затѣмъ останавливались; они далеко подвигались впередъ и затѣмъ обращались вспять. Это не отдѣльные факты, сталкивающіеся съ теоріею, а всеобщее правило. Каждая цивилизація, какую видѣлъ міръ до сихъ поръ, имѣла свои періоды могучаго роста, остановки и разложенія. Изъ всѣхъ цивилизацій, какія только возникли и процвѣтали, остались теперь только тѣ, которыя остановились, и наша собственная, еще

не столько старая, какъ пирамиды при патріархѣ Авраамѣ, — ибо пирамиды уже тогда имѣли за собою двадцать вѣковъ исторіи. Что наша цивилизація имѣетъ болѣе широкое основаніе, что типъ ея выше, что она ростетъ сильнѣе и дѣйствуетъ глубже, чѣмъ какая-либо изъ предшествующихъ культуръ, — это, безъ сомнѣнія, вѣрно; но въ этихъ отношеніяхъ она едва ли въ большей мѣрѣ превосходитъ греко-римскую цивилизацію, чѣмъ послѣдняя превосходила азіатскую. Еслибы даже преимущества ея были болѣе значительны, то во всякомъ случаѣ это ничего не доказывало бы относительно ея постоянства и будущаго совершенствованія, пока не доказано будетъ ея превосходство въ тѣхъ именно чертахъ, которыя были причиною упадка прежнихъ цивилизацій. Въ дѣйствительности, факты всемірной исторіи всего менѣе могутъ быть объяснены теоріею, что цивилизація есть результатъ естественнаго подбора, способствующаго улучшенію и возвышенію человѣческихъ силъ. Съ этою теоріею совершенно несовмѣстимо то явленіе, что прогрессъ нигдѣ не былъ постояненъ и повсюду оканчивался состояніемъ неподвижности или регресса. Еслибы силою прогресса закрѣплялось достигнутое улучшеніе въ природѣ человѣка и этимъ вызывалось дальнѣйшее развитіе, то общимъ правиломъ было бы постоянство прогресса, хотя возможны были бы случайные или временные перерывы;—всякій шагъ впередъ вызывалъ бы дальнѣйшее движеніе, и цивилизація переходила бы въ болѣе высокую цивилизацію. Не только общимъ, но универсальнымъ правиломъ оказывается фактъ прямо противоположный. Земля представляетъ собою могилу падшихъ имперій и культуръ. Вмѣсто прогресса, подготовляющаго людей къ дальнѣйшему развитію, мы видимъ, что каждая цивилизація, бывшая въ свое время столь же могущественною и прогрессивною, какъ наша, приходила сама собой къ застою. Снова и снова повторялось это явленіе: искусства и науки падали, сила исчезала, населеніе становилось все рѣже, и народъ, воздвигавшій когда-то великіе храмы и могущественные города, воздѣлывавшій землю въ видѣ сада и вносившій самые утонченные вкусы въ устройство своей жизни, превращался въ горсть варваровъ, которые утрачивали даже память о дѣлахъ своихъ предковъ и смотрѣли на сохранившіеся остатки ихъ величія какъ на произведенія высшихъ существъ или могучей допотопной расы. И теперь, когда мы воздвигаемъ публичное зданіе, мы старательно помѣщаемъ въ его фундаментѣ памятную доску съ вырѣзанными на ней свѣденіями о нашей современности, предвидя ту эпоху,

когда наши постройки будутъ въ развалинахъ, а мы сами будемъ забыты".

Съ инстинктомъ крѣпкаго здраваго смысла Джорджъ отвергаетъ примѣненіе эволюціонной теоріи къ фактамъ соціальной жизни, хотя и не вдается въ разборъ воззрѣній дарвинистовъ и обобщеній Спенсера. „Аналогіи,—говоритъ онъ,—составляютъ самый опасный способъ мышленія. Онѣ могутъ указывать на сходства и въ то же время извращать или скрывать истину. И всѣ такія аналогіи (между соціальными и физическими аггрегатами) поверхностны. Общество не можетъ состариться вслѣдствіе упадка своихъ силъ, подобно отдѣльному человѣку, ибо составъ его постоянно обновляется новыми членами, обладающими всею свѣжестью юности. Общество не можетъ потерять свою жизненную силу, пока не ослабѣли жизненныя силы составляющихъ его личностей". Въ предѣлахъ того періода, на который распространяются наши историческія знанія, не замѣчается никакого совершенствованія человѣческаго типа при помощи естественнаго подбора. „По классическимъ статуямъ, по тѣмъ походамъ, которые дѣлались солдатами древности, и по размѣру тяжестей, которыя перетаскивались ими, равно какъ и по преданіямъ о состязаніяхъ въ бѣгѣ и о подвигахъ гимнастовъ, мы должны заключить, что въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ наша раса не улучшилась ни въ развитіи формъ, ни въ силѣ. Еще болѣе произвольно предположеніе умственнаго совершенствованія, высказываемое обыкновенно съ полною самоувѣренностью. Можетъ ли современная цивилизація указать на людей бóльшей умственной силы, чѣмъ древняя,—въ качествѣ поэтовъ, артистовъ, архитекторовъ, философовъ, государственныхъ людей или полководцевъ? Нѣтъ надобности приводить имена,—ихъ знаетъ всякій школьникъ. За образцами умственнаго творчества мы обращаемся къ древности, и еслибы мы могли на минуту предположить возвращеніе къ жизни, въ нашемъ девятнадцатомъ вѣкѣ, Гомера или Виргилія, Демосѳена или Цицерона, Александра, Ганнибала или Цезаря, Платона или Лукреція, Эвклида или Аристотеля, то можно ли думать, что они оказались бы въ чемъ-нибудь ниже великихъ дѣятелей нашего времени?"

Анализируя условія человѣческаго прогресса, Джорджъ находитъ главный источникъ остановки и упадка культуры въ постепенно развивающемся соціальномъ неравенствѣ людей. Двигателемъ прогресса,—разсуждаетъ онъ,—служитъ умственная сила, и чѣмъ бóльшая доля этой силы употребляется на прогрессивныя цѣли, на развитіе и распространеніе знаній, на улучшеніе обще-

ственнаго быта, тѣмъ замѣтнѣе становится движеніе впередъ. А такъ какъ количество умственныхъ силъ представляетъ опредѣленную величину въ каждое данное время, то для интересовъ совершенствованія необходимо, чтобы возможно мѣньшая трата энергіи вызывалась заботами о простомъ поддержаніи жизни и объ устраненіи или предупрежденіи конфликтовъ среди населенія. Но трудъ борьбы за существованіе сокращается соединеніемъ людей въ общества и раздѣленіемъ занятій; поэтому „ассоціація есть первое существенное условіе прогресса". Столкновенія между людьми поглощаютъ больше или меньше силъ, смотря по тому, въ какой мѣрѣ признается нравственный законъ, приписывающій каждому одинаковыя права; поэтому „равенство или справедливость есть второе существенное условіе прогресса". Такимъ образомъ „ассоціація при равенствѣ есть законъ прогресса". Ассоціація освобождаетъ умственную силу для затратъ на улучшенія, а равенство (или справедливость, или свобода,—ибо эти термины одинаково означаютъ здѣсь признаніе нравственнаго закона) предупреждаетъ расходованіе этой силы на безплодную борьбу. Люди стремятся къ прогрессу по мѣрѣ того, какъ они тѣснѣе соединяются между собою и при помощи коопераціи увеличиваютъ сумму средствъ, могущихъ быть посвященными дѣлу совершенствованія; но какъ только создается почва для конфликтовъ и устанавливается неравенство положенія и власти, эта прогрессивная тенденція тотчасъ задерживается, ослабляется и въ концѣ концовъ исчезаетъ. Развиваясь постепенно, дѣлаясь все болѣе сложнымъ и разнороднымъ по составу, общество само собою порождаетъ неравенство, которое будетъ усиливаться вмѣстѣ съ спеціализаціею функцій и занятій,—если общественный ростъ не будетъ сопровождаться перемѣнами и реформами, способными обезпечить сохраненіе равенства при новыхъ условіяхъ, создаваемыхъ соціальнымъ развитіемъ. Современная цивилизація обязана своимъ превосходствомъ усиленію и распространенію идеи равенства вмѣстѣ съ возрастаніемъ общественной солидарности и сотрудничества. „Цивилизація есть кооперація; союзъ и свобода— ея факторы. Громадное развитіе духа ассоціаціи, выражающееся не только въ образованіи болѣе обширныхъ и многолюдныхъ поселеній, но и въ ростѣ торговли и въ разнообразныхъ обмѣнахъ и сношеніяхъ, которыми связываются между собою даже отдаленныя общества и страны; развитіе общественнаго самоуправленія и международнаго права; успѣхи въ обезпеченіи безопасности, личной и имущественной, въ индивидуальной свободѣ и въ стремленіяхъ къ демократической системѣ правительства; при-

знаніе за всѣми равнаго права на жизнь, свободу и исканіе счастія,—все это именно и дѣлаетъ нашу цивилизацію выше и сильнѣе какой бы то ни было изъ предшествовавшихъ ей культуръ. Это именно и освободило умственную силу, которая далеко отодвинула границу незнанія, сдѣлала доступнымъ нашему изученію весь земной шаръ, измѣрила орбиты небесныхъ свѣтилъ, открыла намъ движеніе жизни въ каплѣ воды, дала намъ возможность заглянуть въ преддверіе тайнъ природы и разгадать значеніе давно минувшаго прошлаго, подчинила намъ физическія силы и увеличила производительность труда тысячами великихъ изобрѣтеній".

Джорджъ рѣшительно отвергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые даже въ войнѣ и рабствѣ готовы видѣть орудія прогресса. „Война, какъ явленіе противоположное началу ассоціаціи, можетъ содѣйствовать прогрессу только тогда, когда она предупреждаетъ дальнѣйшія войны или низвергаетъ анти-соціальныя преграды, которыя сами равносильны пассивной хронической борьбѣ". Что касается рабства, то оно по существу своему есть отрицаніе необходимыхъ условій совершенствованія; а идея Огюста Конта о замѣнѣ людоѣдства невольничествомъ основана на недоразумѣніи, т.-е. на ошибочномъ предположеніи у дикихъ такого инстинкта, который чуждъ даже высшимъ животнымъ и проявляется лишь при исключительныхъ обстоятельствахъ, какъ результатъ грубаго суевѣрія или безвыходной нужды.

„Исторія современной цивилизаціи — говоритъ Джорджъ — есть исторія успѣховъ и тріумфовъ свободы... Какъ солнце есть источникъ жизни и свѣта, какъ его лучи не только прорѣзываютъ тучи, но вызываютъ всякую производительность и движеніе, даютъ начало всему безконечному разнообразію бытія и красоты на землѣ, которая иначе была бы холодною и инертною массою,—такъ и свобода оживляетъ и оплодотворяетъ человѣчество. Не за отвлеченную идею боролись и умирали люди, бойцы и мученики свободы. О свободѣ говорятъ какъ о чемъ-то отдѣльномъ отъ добродѣтели, богатства, знанія, изобрѣтательности, національной силы и независимости. Но для всего этого свобода есть мать, основное и необходимое начало. Она для добродѣтели —то же, что̀ свѣтъ для красокъ; для богатства она то̀, что̀ солнечный лучъ для зерна; для знанія она то̀, что̀ глаза для зрѣнія. Она — геній изобрѣтенія, опора національнаго могущества, родникъ національной независимости. Гдѣ ростетъ свобода, тамъ вырабатывается добродѣтель, увеличивается богатство, распространяется знаніе, умножаются человѣческія силы, и свободныя націи

выдвигаются между сосѣдями, по могуществу и духу, какъ Саулъ между своими братьями, — крѣпче и красивѣе. Гдѣ свобода падаетъ, тамъ слабѣютъ добрыя качества, науки остаются въ пренебреженіи, изобрѣтенія прекращаются, и имперіи, нѣкогда могущественныя, становятся безпомощною добычею болѣе свободныхъ варваровъ. Только преломленными лучами и неполнымъ сіяніемъ свѣтило людямъ солнце свободы; но ею одною порождался всякій прогрессъ".

Но свобода,—объясняетъ авторъ далѣе,—не обезпечивается одними политическими учрежденіями и формальными правами; она можетъ оказаться пустымъ словомъ, обманчивою фикціею, если въ обществѣ водворяется имущественное неравенство, обрекающее на нищету и бѣдность массу людей, лишающее ихъ возможности прилагать свой трудъ къ землѣ и ставящее ихъ въ полную зависимость отъ хозяевъ и капиталистовъ. Тѣ же болѣзненные симптомы, которые предшествовали паденію прежнихъ цивилизацій, выступаютъ и въ наше время, предвѣщая тотъ же конецъ, — вопреки твердой вѣрѣ большинства въ незыблемую прочность и долговѣчность нашей культуры. При Августѣ, когда Римъ облекался въ мраморъ, когда богатство и роскошь возрастали, когда побѣдоносные легіоны расширяли границы имперіи, когда нравы становились утонченнѣе, языкъ — обработаннѣе, и литература достигала высшаго блеска, едва ли кто-нибудь думалъ серьезно, что Римъ клонится къ упадку; и однако это было такъ. „И кто только посмотритъ кругомъ, можетъ замѣтить, что, несмотря на видимую быстроту поступательнаго движенія нашей цивилизаціи, та же самая причина, которая превратила римскій прогрессъ въ разложеніе, дѣйствуетъ и нынѣ. Каждую изъ прежнихъ цивилизацій разрушала тенденція къ неравному распредѣленію богатства и власти. Эта же тенденція, проявляясь съ возрастающею силою, наблюдается и теперь въ каждомъ прогрессивномъ обществѣ, — и тѣмъ съ большею интензивностью, чѣмъ прогрессивнѣе общество. Рабочая плата стремится къ пониженію, рента повышается, богатые становятся все богаче, бѣдные—все безпомощнѣе и безнадежнѣе, а средній классъ теряетъ всякое значеніе... Въ теоріи мы рѣшительные демократы. Однако среди насъ выдѣляется общественный элементъ, обладающій всѣмъ могуществомъ аристократіи и ни однимъ изъ ея достоинствъ. Мы имѣемъ простыхъ гражданъ, которые распоряжаются тысячами миль желѣзной дороги, милліонами акровъ земли, средствами существованія большихъ массъ людей. Промышленность повсюду принимаетъ форму, при которой одинъ владѣетъ, а другіе слу-

жать". Рядомъ съ накопленіемъ богатствъ въ немногихъ рукахъ, все болѣе увеличивается нужда и бѣдность среди милліоновъ трудящагося населенія; взрослые ищутъ работы и не находятъ ея, тогда какъ обширныя земельныя пространства остаются невоздѣланными по волѣ владѣльцевъ или предлагаются для обработки за высокую плату; женщины обречены на развратъ или на жалкое прозябаніе въ фабричномъ трудѣ; дѣти гибнутъ отъ голода и болѣзней или пропадаютъ на фабрикахъ и заводахъ; люди грубѣютъ и ожесточаются, и цѣлыя поколѣнія остаются безъ всякаго умственнаго и нравственнаго воспитанія, для котораго нѣтъ ни досуга, ни средствъ,—въ то время какъ другіе не знаютъ, куда дѣть свои избытки, и проводятъ жизнь въ роскоши и бездѣліи. „Общественный духъ утрачивается; традиціи чести, добродѣтели и патріотизма слабѣютъ; продажность дѣлается хронической; законы являются безсильными, и надежда на реформы исчезаетъ, — и тогда въ народѣ подготовляются вулканическія силы, готовыя вырваться наружу при первомъ благопріятномъ случаѣ. Неразборчивые дѣятели выступятъ въ качествѣ выразителей слѣпыхъ народныхъ стремленій и страстей, и уничтожатъ политическія формы, потерявшія свою жизненность. Мечь будетъ опять сильнѣе пера, и среди работы разрушенія грубая сила и дикая ярость будутъ чередоваться съ летаргіею падающей цивилизаціи... Откуда же явятся новые варвары? Уже теперь можно видѣть ихъ выжидающія скопища въ бѣдныхъ кварталахъ большихъ городовъ".

Главнѣйшая, коренная причина возрастающаго имущественнаго неравенства, со всѣми его пагубными послѣдствіями, заключается, по мнѣнію Джорджа, въ присвоеніи земли въ частную собственность. Къ этому выводу авторъ приходитъ послѣ обстоятельнаго разбора существующихъ политико-экономическихъ доктринъ и современныхъ фактическихъ условій промышленной жизни, преимущественно въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи. Джорджъ доказываетъ, что дѣйствительный, непримиримый антагонизмъ существуетъ не между капиталомъ и трудомъ, а между частнымъ землевладѣніемъ съ одной стороны и капиталомъ и трудомъ—съ другой. Весь экономическій ростъ общества идетъ на пользу землевладѣльцамъ, увеличивая ихъ ренту безъ всякихъ усилій и затратъ съ ихъ стороны, въ ущербъ рабочимъ и капиталистамъ. Одною силою времени обогащаются владѣльцы земли, подъ вліяніемъ общаго промышленнаго развитія, размноженія и сосредоточенія населенія, проведенія желѣзныхъ дорогъ. Монополизировать землю, эту основу и источникъ вся-

каго производства и благосостоянія, въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ,— значитъ, по Джорджу, заранѣе отнимать возможность свободнаго труда у неимущихъ, осуждать ихъ на рабство и нищету. Краснорѣчивая и остроумная аргументація автора прибавляетъ въ сущности очень мало къ тѣмъ доводамъ, которые въ разное время приводились противъ поземельной собственности; но она поставлена въ связь съ великимъ вопросомъ о судьбѣ всей нашей цивилизаціи и культуры, о прогрессѣ человѣчества или упадкѣ его и разложеніи.

Опредѣливъ корень зла, легко было найти и лекарство. „Мы должны признать землю общею собственностью",—говоритъ Джорджъ,—но эту мысль онъ развиваетъ уже весьма неточно и непослѣдовательно, въ книгѣ „Progress and poverty". Чтобы придать своей теоріи болѣе практическій видъ, онъ предлагаетъ ограничиться конфискаціею поземельной ренты, причемъ землевладѣльцы могутъ остаться на своихъ мѣстахъ, въ качествѣ собирателей доходовъ для общественныхъ надобностей. Другими словами, рента должна поступать въ распоряженіе „государства", замѣняя собою всѣ прочіе налоги, которые должны быть уничтожены. „Такимъ образомъ, государство можетъ сдѣлаться всеобщимъ землевладѣльцемъ, не присвоивая себѣ этого названія и не прибавляя себѣ ни одной новой функціи. Формально, поземельная собственность будетъ существовать по прежнему. Никто не будетъ лишенъ своихъ владѣній, и никакого ограниченія не будетъ установлено относительно пространства земли, которымъ можетъ владѣть отдѣльное лицо. Такъ какъ рента будетъ получаема государствомъ, въ видѣ налога, то земля станетъ на дѣлѣ общею собственностью, кому бы она ни принадлежала по имени и на какіе бы участки она ни дѣлилась, и всякій членъ общества будетъ участвовать въ выгодахъ этого общаго владѣнія". Это „простое лекарство", по убѣжденію Джорджа, „подниметъ рабочую плату, увеличитъ производительность капитала, искоренитъ пауперизмъ, уничтожитъ бѣдность, доставитъ полезное примѣненіе всякому труду, дастъ свободный просторъ человѣческимъ способностямъ, сократитъ число преступленій, возвыситъ нравственность и просвѣщеніе, очиститъ правительство и подвинетъ цивилизацію на болѣе благородный путь". Упраздненіе всѣхъ налоговъ, кромѣ поземельнаго, облегчило бы положеніе рабочаго класса и дало бы новый толчокъ промышленному развитію; часть дохода отнималась бы, правда, и у поселянъ, обрабатывающихъ землю своимъ трудомъ, но они, будто-бы, съ избыткомъ вознаграждались бы свободою отъ всѣхъ остальныхъ податей. Земле-

владѣльцы не оставляли бы землю безъ обработки, такъ какъ все равно должны были бы платить за нее ренту, и фактически пользованіе землею переходило бы къ тѣмъ, которые способны извлечь изъ нея наибольшую пользу и имѣли бы возможность предложить государству наибольшую плату.

Государство является здѣсь для Джорджа какимъ-то *deus ex machina*, общимъ распорядителемъ и устроителемъ; оно принимается за синонимъ общества въ широкомъ смыслѣ этого слова. „Государство или—что̀ то же—все общество", говоритъ нѣсколько разъ авторъ, и въ этомъ случаѣ онъ представляетъ ясное доказательство того, какъ безплодны всѣ попытки ставить соціальную задачу внѣ и впереди политическихъ проблемъ, чтобы рѣшить ее независимо отъ послѣднихъ. Джорджъ, который такъ хорошо оцѣниваетъ недуги даже образцовой въ своемъ родѣ государственной организаціи Соединенныхъ Штатовъ, возлагаетъ вдругъ на правительственную власть такія общественныя полномочія и обязанности, которыхъ никакой правящій классъ въ мірѣ не въ состояніи исполнить вполнѣ удовлетворительно, въ интересахъ большинства народа. Поземельная рента будетъ употребляться на общеполезныя надобности;—но кто будетъ рѣшать вопросы о томъ, какія потребности и интересы заслуживаютъ предпочтенія? Кѣмъ и какъ будутъ приводиться эти рѣшенія въ исполненіе? Не странно ли предположить, что землевладѣльцы добровольно примутъ на себя роль простыхъ собирателей и передатчиковъ ренты въ пользу государства и что они будутъ добросовѣстно отдавать свои доходы правительству? Какими способами будетъ опредѣляться самый размѣръ ренты въ разныхъ мѣстахъ страны, и мыслимо ли будетъ улавливать всѣ перемѣны и особенности въ количествѣ поземельныхъ доходовъ въ разное время и при различныхъ обстоятельствахъ? Естественнѣе всего, что землевладѣльцы, черезъ руки которыхъ будетъ проходить рента, постараются удержать ее у себя и съумѣютъ обойти требованія фиска. Понятно также, что употребленіе тѣхъ средствъ, которыя будутъ собираться государствомъ, останется подъ наибольшимъ вліяніемъ и контролемъ высшихъ классовъ общества, стоящихъ ближе къ правительству и могущихъ лучше и полнѣе отстаивать свои интересы, чѣмъ большинство рабочаго населенія. Рабочій классъ едва-ли выиграетъ что-либо отъ реформы, предлагаемой Джорджемъ; болѣе свободный доступъ къ землѣ окажется иллюзіею,—ибо не всякій работникъ будетъ въ состояніи гарантировать исправный взносъ ренты, и землевладѣніе сдѣлается привилегіею богачей, для которыхъ земля будетъ не источникомъ дохода, а

орудіемъ политическаго вліянія и господства. Самъ Джорджъ не упоминаетъ уже о неимущихъ слояхъ общества, когда перечисляетъ возможныя выгоды сосредоточенія поземельной ренты въ рукахъ государства. Мы могли бы тогда,—говоритъ онъ,—устраивать публичныя бани, музеи, библіотеки, кабинеты для чтенія, сады, музыкальныя и танцовальныя залы, театры, университеты, техническія школы, гимназіи и пр. Теплота, освѣщеніе и движущая сила, также какъ и вода, могли бы быть проведены въ городахъ на общественный счетъ; наши дороги могли бы быть обставлены фруктовыми деревьями; изобрѣтатели вознаграждались бы; научныя изслѣдованія поддерживались бы, и тысячами путей поощрялись бы усилия для общаго блага. Осуществился бы идеалъ соціалистовъ, но не путемъ правительственнаго воздѣйствія. Правительство измѣнило бы свой характеръ и сдѣлалось бы администраціею великаго кооперативнаго общества; оно превратилось бы просто въ посредника и исполнителя, при помощи котораго общественная собственность управлялась бы для общественной пользы". Изъ разсужденій автора не видно, какимъ способомъ совершится эта спасительная метаморфоза государственной жизни и дѣятельности; можно опасаться, напротивъ, что расширеніе полномочій государства относительно землевладѣнія увеличитъ кругъ соблазновъ для господствующихъ элементовъ общества и дастъ новую пищу партійнымъ интригамъ, фаворитизму и продажности.

Ошибка Джорджа произошла отъ того, что онъ поставилъ государственную собственность на мѣсто общественной, считая оба эти выраженія равносильными. Въ дѣйствительности, для народа вовсе не безразлично, принадлежитъ ли земля самому населенію, или же государству, распоряжаются ли ею общины сельскія и городскія, или органы правительственной власти. Признаніе общенародныхъ земель государственною собственностью позволяло правителямъ въ былое время щедро раздавать эти земли отдѣльнымъ лицамъ и сдѣлать народное достояніе предметомъ явнаго хищничества; нѣтъ никакихъ гарантій въ томъ, что въ будущемъ болѣе не повторятся попытки обратить государство на служеніе частнымъ цѣлямъ. Другое дѣло, когда земля находится во владѣніи самого земледѣльческаго населенія, на правѣ общественномъ; тогда уже несравненно труднѣе предположить захватъ земель правительственною партіею во имя интересовъ и стремленій, враждебныхъ народнымъ массамъ. Если устранить идею о государственной собственности, то самъ собою падаетъ и весь планъ конфискаціи поземельной ренты государствомъ для общественной

пользы. Даже полное осуществленіе той программы общеполезныхъ предпріятій, которую намѣтилъ Джорджъ, нисколько не облегчило бы участи рабочаго класса и не открыло бы нуждающимся ни доступа къ землѣ, ни перспективы прочнаго и свободнаго существованія. Практическіе выводы не соотвѣтствуютъ посылкамъ и проникнуты чрезмѣрнымъ оптимизмомъ. Авторъ старательно и дѣльно изслѣдовалъ важнѣйшіе элементы промышленнаго строя, чтобы затѣмъ всю соціальную проблему свести къ рѣшенію частнаго вопроса о поземельномъ налогѣ. Задача поставлена имъ широко, изученіе ея положительной основы проведено съ большимъ искусствомъ и пониманіемъ, а результаты анализа неожиданно ограничены и съужены. На вопросъ о томъ, какъ обезпечить долговѣчность цивилизаціи и устранить опасный для нея антагонизмъ между бѣдностью и богатствомъ, Джорджъ даетъ отвѣтъ недостаточный и неполный. Отъ спеціальной мѣры, касающейся землевладѣнія, онъ ждетъ такихъ общихъ благотворныхъ послѣдствій, которыя немыслимы безъ соотвѣтственнаго предварительнаго рѣшенія основныхъ вопросовъ политическаго и общественнаго быта. Джорджъ хорошо опредѣлилъ и анализировалъ болѣзнь, но предлагаемый имъ способъ леченія не затрогиваетъ ея сущности.

Можно, впрочемъ, оставить въ сторонѣ ту неудачную форму, въ которую облечена идея о національзаціи земли въ книгѣ „Progress and poverty“. Мысль автора сама по себѣ совершенно ясна: онъ видитъ корень зла въ институтѣ частной поземельной собственности, которую необходимо, по его мнѣнію, или упразднить, или по крайней мѣрѣ парализовать при помощи государства. Признаніе земли предметомъ общаго права было бы, конечно, фактомъ огромной важности для народа; предоставленіе всѣмъ и каждому возможности производительнаго и самостоятельнаго труда разрѣшило бы соціальный вопросъ съ самой жгучей его стороны, хотя не устранило бы ни имущественнаго неравенства, ни экономическихъ кризисовъ. Національзація земли, проведенная надлежащимъ образомъ, обезпечила бы спокойное общественное развитіе въ такихъ странахъ, какъ Англія и Соединенные Штаты; но можетъ ли она считаться тѣмъ цѣлебнымъ средствомъ, которое спасетъ нашу культуру отъ упадка и разложенія, —въ этомъ позволительно усомниться, несмотря на симпатичное краснорѣчіе Джорджа. Матеріальная обезпеченность народныхъ массъ составляетъ необходимый фундаментъ, на которомъ только и можетъ основываться процвѣтаніе и совершенствованіе общества; но прочное экономическое положеніе не исключаетъ ум-

ственнаго застоя, политической неподвижности и реакціи. А при умственномъ и политическомъ застоѣ теряетъ цѣну и матеріальное благосостояніе: общество не живетъ тогда сознательно, а смутно и вяло отбываетъ повинность жизни, не видя ничего впереди, не имѣя ни сожалѣнія о прошломъ, ни надежды на будущее.

Идеалъ, нарисованный Джорджемъ, не имѣетъ въ себѣ ничего произвольнаго или фантастическаго; онъ вытекаетъ изъ дѣйствительныхъ условій развитія человѣческихъ обществъ и обнимаетъ существенную матеріальную основу прогресса. Джорджъ не раздѣляетъ того узкаго, односторонняго взгляда, по которому экономическія задачи представляютъ нѣчто отдѣльное и независимое отъ окружающей соціально-политической атмосферы. Экономическіе вопросы—и прежде всего поземельный—не могутъ быть рѣшены прочно въ пользу населенія, пока направленіе государственной дѣятельности и законодательства зависитъ отъ случайныхъ или временныхъ вліяній и не поставлено въ необходимую логическую связь съ реальными потребностями и желаніями населенія. Джорджъ предполагаетъ, какъ нѣчто разумѣющееся само собою, что высшимъ руководящимъ началомъ и закономъ человѣческой жизни должна служить свобода во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ—свобода умственная, политическая и общественная. Онъ считалъ какъ будто излишнимъ останавливаться на этой необходимой движущей силѣ прогресса; онъ обошелъ вопросы объ организаціи государства и управленія, совпадающей съ идеями свободы и совершенствованія. Остановившись на этой важной сторонѣ вопроса о прогрессѣ, онъ, можетъ быть, убѣдился бы, что общественность не находитъ своего полнаго выраженія въ государствѣ, и что интересы правящихъ классовъ обыкновенно преобладаютъ надъ общенародными. Джорджъ отвелъ бы тогда больше мѣста самоуправляющимся общинамъ, которымъ несомнѣнно принадлежитъ будущее какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ и въ Англіи и въ другихъ странахъ.

Теорія Генри Джорджа ярко и выразительно формулируетъ двѣ категоріи идей, неразрывно связанныхъ съ понятіемъ прогресса,—стремленіе къ экономической справедливости и требованіе общественной свободы. Въ литературѣ существуютъ попытки извлечь совсѣмъ другіе уроки изъ опыта прошлаго и настоящаго; такъ, напримѣръ, извѣстный французскій изслѣдователь Ле-Плэ, основатель школы „соціальнаго мира", видитъ причину упадка человѣческихъ обществъ въ разложеніи патріархальнаго семейнаго строя, въ утратѣ привычекъ и традицій семейнаго единства, по-

виновенія и дисциплины, въ страсти молодыхъ поколѣній къ новизнѣ и самостоятельности [1]). Многое изъ того, что̀ писалъ Ле-Плэ о положеніи рабочихъ въ Европѣ и о необходимости лучшей семейной организаціи ихъ быта, имѣло большое практическое значеніе и заслуживаетъ полнаго вниманія; но мечтою автора было спокойное пассивное состояніе народовъ, въ духѣ азіатскаго востока, а не развитіе и прогрессъ, въ общепринятомъ смыслѣ этихъ словъ. Мало общаго съ теоріею прогресса имѣютъ и разсужденія такихъ писателей, какъ Федеричи, который находитъ источникъ политическаго и культурнаго упадка въ чрезмѣрной централизаціи государствъ и въ образованіи слишкомъ обширныхъ имперій [2]). Указанія на какую-нибудь отдѣльную сторону прогресса выдаются часто за выводы о прогрессѣ вообще, чѣмъ поддерживается только путаница понятій и затемняются жизненные идеалы.

Но къ числу „забытыхъ словъ", утратившихъ уже повидимому свой живой смыслъ для извѣстной части современной печати, принадлежитъ именно и слово „идеалъ". Печальнѣе всего, что это забвеніе начинаетъ проникать и въ лучшую, прогрессивную ея часть: еще недавно высказано было въ нашей литературѣ мнѣніе, что идеалы суть не что иное, какъ „выдумки, мечты". Правда, въ наше время нельзя иногда отличить передовыхъ писателей отъ самодовольныхъ проповѣдниковъ застоя, — и тѣ, и другіе пользуются нерѣдко одинаковыми пріемами разсужденія и спора, одинаково низводятъ обсуждаемые вопросы до уровня мелкихъ личныхъ самолюбій и прибѣгаютъ къ одному и тому же лексикону крѣпкихъ словъ. Но опредѣленіе идеала, какъ „выдумки, мечты", не должно пройти незамѣченнымъ; оно въ маломъ видѣ отражаетъ въ себѣ весь попятный ходъ нашего общественнаго движенія за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ. Реальные, положительные идеалы вдохновляли лучшихъ дѣятелей нашего общества въ эпоху великихъ реформъ—крестьянской, земской и судебной; свѣтлыя надежды на обновленіе стараго общественнаго строя освѣщали путь законодательства и литературы. Всѣмъ памятны еще

---

[1]) Общія воззрѣнія Ле-Плэ на условія процвѣтанія человѣческихъ обществъ изложены съ наибольшею систематичностью въ послѣдней его книгѣ, вышедшей незадолго до его смерти: „La constitution essentielle de l'humanité. Exposé des principes et des coutumes, qui créent la prospérité ou la souffrance des nations", par Pierre Fr. *Le Play* (Tours, 1881).

[2]) Les lois du progrès, par Federici (P., 1888). Ср. замѣтку объ этой книгѣ въ „Вѣстникѣ Европы", 1889 г., январь.

толки о прогрессѣ при первыхъ признакахъ свободы,—при отмѣнѣ крѣпостного права, при проведеніи обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, при предоставленіи нѣкотораго простора нашей печати: это было какъ бы пробужденіемъ послѣ долгаго тяжелаго сна, внезапно прерваннаго севастопольскимъ погромомъ. Никто не выразился бы тогда объ идеалахъ, какъ о „выдумкахъ, мечтахъ“. Такіе же положительные идеалы проявлялись въ обществѣ и позднѣе, во время такъ-называемой „диктатуры сердца“; они проявлялись отчасти и въ отдѣльныхъ мѣрахъ правительства, какъ напр. въ учрежденіи крестьянскаго банка. Общественные идеалы, увлекавшіе когда-то передовыхъ людей Россіи, вышли теперь изъ моды и отступили на задній планъ; они вытѣснены стремленіями и вѣяніями иного рода,—но это не значитъ еще, что они превратились въ безпредметныя мечтанія и „выдумки“. Ничего выдуманнаго и мечтательнаго нѣтъ и не можетъ быть въ тѣхъ представленіяхъ, которыя выработаны опытомъ прошлаго и анализомъ настоящаго, относительно условій совершенствованія и развитія народной жизни.

Когда мы говоримъ о прогрессѣ человѣчества или даннаго общества, предъ нами невольно рисуется картина тѣхъ желательныхъ и возможныхъ улучшеній политическаго и соціальнаго быта, тѣхъ умственныхъ и культурныхъ успѣховъ, которыми опредѣляется содержаніе нашего общественнаго или личнаго идеала. Носителями извѣстныхъ идеаловъ являются цѣлыя поколѣнія, и элементъ субъективной „выдумки“ не играетъ при этомъ замѣтной роли. Отдѣльныя лица могутъ болѣе или менѣе точно формулировать общія надежды, желанія и стремленія; но они не создаютъ и не изобрѣтаютъ ихъ реальнаго смысла и содержанія. Идеалы порождаются жизнью и измѣняются по мѣрѣ ея историческаго развитія; то̀, что̀ было завѣтною цѣлью для отцовъ, можетъ оказаться предметомъ разочарованія для потомковъ. Эта перемѣнчивость, однако, касается только временныхъ фактическихъ формъ, въ какія облекаются наши идеалы, но не затрогиваетъ силы и значенія тѣхъ вѣчныхъ требованій и ожиданій, которыя присущи человѣческой природѣ. Идеи правды и добра, свободы и справедливости не утратятъ своего обаятельнаго вліянія на умы людей, пока сохраняютъ свою жизненность лучшія человѣческія чувства и инстинкты. Идеаломъ называемъ мы совокупность нашихъ представленій о возможномъ совершенствѣ нашей жизни, личной и общественной; это отдаленный, всегда манящій къ себѣ образъ, служащій намъ путеводною звѣздою въ частной и общественной дѣятельности. По этому образу и подобію выра-

батываются наши положительныя общественныя цѣли и стремленія, въ связи съ интересами современности и съ окружающими общественно-политическими условіями. Эти ближайшіе, положительные идеалы именно и имѣются въ виду, когда идетъ рѣчь объ идеалахъ вообще.

Подъ прогрессомъ слѣдуетъ разумѣть общественное движеніе, направленное къ возможно лучшему и полному удовлетворенію человѣческихъ потребностей, личныхъ и общественныхъ, умственныхъ и нравственныхъ. Идеалы, осуществленіе которыхъ можетъ способствовать прогрессу, должны считаться прогрессивными; а тѣ, которые имѣютъ противоположное направленіе, принадлежатъ къ числу регрессивныхъ или реакціонныхъ. Для многихъ политическій идеалъ заключается въ грозномъ военномъ могуществѣ, въ первенствующей роли государства въ международныхъ дѣлахъ; но для всякаго ясно, что насущные интересы народа могли бы только пострадать отъ усиленія и преобладанія внѣшней политики, сопровождаемой неизбѣжнымъ возрастаніемъ налоговъ, ухудшеніемъ общаго экономическаго положенія и отвлеченіемъ правительственныхъ заботъ отъ вопросовъ внутренняго благосостоянія и развитія. Никто не назоветъ воинственной тенденціи полезною для народа въ какомъ бы то ни было отношеніи; она имѣетъ безусловно характеръ регрессивный. Многіе признавали идеальнымъ—а иные, можетъ быть, еще признаютъ—такое состояніе, при которомъ раздѣленіе труда въ обществѣ было бы доведено до возможнаго минимума, и каждый въ отдѣльности самъ исполнялъ бы всѣ необходимыя работы для удовлетворенія своихъ разнообразныхъ потребностей. Еслибы этотъ идеалъ могъ быть осуществленъ на практикѣ, то, очевидно, никакой прогрессъ не былъ бы возможенъ: сами писатели, проповѣдовавшіе подобныя воззрѣнія, не могли бы печатать своихъ статей и книгъ, такъ какъ не было бы спеціальныхъ производителей бумаги, устроителей типографій и словолитенъ, спеціалистовъ-наборщиковъ и переплетчиковъ. Кто брался бы поочередно за разнородныя дѣла, тотъ исполнялъ бы ихъ одинаково плохо; отсутствіе спеціальной подготовки и навыка быстро понизило бы уровень техническихъ знаній (для которыхъ также не было бы спеціалистовъ) и сдѣлало бы немыслимымъ какое бы то ни было совершенствованіе. Умственная работа затруднилась бы до чрезвычайности и не могла бы быть плодотворною безъ предварительнаго спеціальнаго изученія и безъ необходимой спеціализаціи знаній; Ньютонъ вынужденъ былъ бы тратить свое время на шитье сапогъ и платья, на приготовленіе пищи, вмѣсто того, чтобы писать свои безсмертные

трактаты и вырабатывать свои теоремы. Общество было бы такимъ образомъ возвращено въ первобытное состоянiе невѣжества и безсилiя. Такого рода идеалъ есть, очевидно, отрицанiе всякаго прогресса; онъ долженъ быть признанъ безусловно регрессивнымъ, — хотя, по странному недоразумѣнiю, онъ былъ предложенъ въ видѣ „формулы прогресса". Это было, конечно, лишь преувеличеннымъ отраженiемъ тѣхъ справедливыхъ протестовъ, которые вызывались пагубными излишествами раздѣленiя труда въ современной системѣ производства; но возставать противъ самого принципа раздѣленiя труда изъ-за его невыгодныхъ крайностей, вполнѣ устранимыхъ,—значило уже доводить дѣло до абсурда. Понятно, что такiе идеалы, построенные на явныхъ недоразумѣнiяхъ и не имѣющiе подъ собою никакой реальной почвы, не могли бы быть названы иначе, какъ „выдумками, мечтами". Дѣло не въ раздѣленiи труда, а въ его условiяхъ и обстановкѣ: нужно стремиться къ тому, чтобы сложное сотрудничество не сопровождалось экономическимъ угнетенiемъ рабочихъ и не стѣсняло ихъ умственнаго и нравственнаго развитiя, чтобы продукты труда принадлежали непосредственнымъ производителямъ, и чтобы работники были въ то же время участниками и хозяевами предпрiятiй.

Идеалы не имѣютъ никакой цѣны, если они не проводятся въ жизнь по мѣрѣ возможности; особенно слѣдуетъ это сказать объ идеалахъ нравственныхъ, опредѣляющихъ обязанности человѣка по отношенiю къ себѣ и къ другимъ людямъ. Проповѣдь правды и любви будетъ только лицемѣрiемъ въ устахъ того, кто живетъ насилiемъ и враждою; идея равенства останется лишь пустымъ словомъ для тѣхъ ея приверженцевъ, которые строятъ свою жизнь на неравенствѣ и обнаруживаютъ исключительную заботливость о своемъ личномъ положенiи и авторитетѣ. Нѣтъ ничего удобнѣе и заманчивѣе обычной фаталистической вѣры въ будущее: мечтая о непрерывномъ прогрессѣ, какъ о чемъ-то неизбѣжномъ и обязательномъ, оптимисты склонны забыть, что прогрессивное движенiе общества не совершается само собою, что оно предполагаетъ посильное участiе и содѣйствiе всѣхъ и каждаго, что успѣхъ и совершенствованiе достигаются только цѣною труда, энергiи и искусства отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ поколѣнiй. Прогрессъ нигдѣ и ни въ чемъ не дается даромъ; онъ составляетъ удѣлъ только того общества, гдѣ люди работаютъ надъ развитiемъ своихъ способностей и знанiй и ищутъ имъ наилучшаго примѣненiя. Смотря по свойствамъ дѣятельности, по характеру ея цѣлей и результатовъ, по умственной силѣ и

трудолюбію людей, общество будетъ развиваться и идти впередъ съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ успѣхомъ; оно подвергнется застою и регрессу, если обстоятельства неблагопріятны для плодотворнаго труда, если народныя силы растрачиваются безъ пользы, и когда энергическое стремленіе къ лучшему будущему уступитъ мѣсто пассивному ожиданію и фатализму.

Если поставить себѣ вопросъ о томъ, насколько оправдывается идеалистическій оптимизмъ, господствующій въ обычныхъ литературныхъ мнѣніяхъ о прогрессѣ, то нельзя избѣгнуть отрицательнаго отвѣта. Нѣтъ мѣста оптимизму въ настоящее время, ни въ области политическихъ и соціальныхъ задачъ, ни въ сферѣ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ; прогрессивные идеалы вовсе и не предполагаютъ безусловной вѣры въ непрерывное совершенствованіе человѣческихъ обществъ. Въ политической и общественной жизни мы далеко отстали отъ древнихъ грековъ и римлянъ; мы питаемся еще остатками великаго наслѣдія, и многія изъ классическихъ воззрѣній, понятій и учрежденій служатъ для насъ понынѣ недосягаемымъ образцомъ. У насъ нѣтъ ни того живого гражданскаго чувства, ни духа общественной солидарности, ни готовности къ жертвамъ для общенароднаго блага; то̀, что̀ было когда-то общимъ правиломъ, является теперь лишь рѣдкимъ исключеніемъ. Господство индивидуализма выражается въ равнодушіи къ общественнымъ дѣламъ и интересамъ; государство существуетъ какъ бы отдѣльно отъ народа и общества. Умственные и техническіе успѣхи, которыми наиболѣе гордится современная эпоха, имѣютъ свою оборотную сторону въ ненормальномъ воспитаніи и обученіи молодежи: уже теперь полжизни уходитъ на простое усвоеніе необходимыхъ знаній и на подготовку къ какой-нибудь спеціальности. Что̀ же будетъ дальше, когда науки разростутся еще болѣе, и когда количество нужныхъ свѣденій увеличится вдвое или втрое? Знанія усвоиваются въ ущербъ физическимъ силамъ и умственному творчеству; умы, прошедшіе долгую школу усвоенія и обремененные обильнымъ матеріаломъ готовыхъ знаній, лишаются той свѣжести и свободы, которая придаетъ такую неувядаемую прелесть древнимъ авторамъ. Мысль не находитъ упражненія и простора среди груды накопленныхъ фактовъ и формулъ; компиляціи, собранія чужихъ мнѣній и свѣденій, становятся наиболѣе распространенною формою литературнаго труда. Недостатокъ самостоятельнаго умственнаго творчества восполняется многословіемъ; умѣнье говорить точно и сжато, доведенное до такого искусства у старыхъ классиковъ, встрѣчается все рѣже. „Германія" Тацита показалась бы

теперь, по объему, небольшою журнальною статейкою. Многолѣтнее книжное обученіе дѣлаетъ мысль пассивною, подражательною; традиціонныя идеи и понятія, привитыя учебниками, держатся крѣпко и поступаютъ безсознательно въ общественный обиходъ, съ трудомъ поддаваясь критикѣ. Все меньшій процентъ обученныхъ выдвигается въ качествѣ самостоятельныхъ дѣятелей; громадное большинство пополняетъ собою ряды исполнителей, увеличивая непрерывно великую безцвѣтную армію, которая именно и считается надежною опорою существующаго порядка вещей. Самое обиліе умственныхъ богатствъ, подлежащихъ усвоенію, не явится ли для будущихъ поколѣній тяжелымъ бременемъ, источникомъ умственнаго утомленія и худосочія? Эти сомнѣнія и вопросы затрогиваютъ тэму слишкомъ значительную, которая требовала бы особаго, подробнаго разсмотрѣнія; въ настоящемъ случаѣ мы хотѣли только напомнить мимоходомъ о нѣкоторыхъ отрицательныхъ особенностяхъ умственнаго прогресса при существующей системѣ образованія, такъ какъ эти особенности находятся въ тѣсной связи съ одною изъ важнѣйшихъ проблемъ современности.

Л. Слонимскій.

НА КЛАДБИЩѢ

Камни, кресты и могилы...
Жизни угаснувшей силы
Спятъ здѣсь во мракѣ гробовъ;
Тьма поглотила дѣянья,
Мысли, заботы, страданья
Божьихъ усопшихъ рабовъ.

Здѣсь не внушаетъ мнѣ страха
Тлѣнье бездушнаго праха:
Скрыто оно подъ землей;
Почва одѣта кустами,
Массой деревьевъ, цвѣтами,
Густо ростущей травой.

Божія нива согрѣта
Жаромъ небеснаго свѣта,
Теплымъ дыханьемъ весны;
Вѣтеръ деревья ласкаетъ
И по вѣтвямъ пробѣгаетъ
Трепетомъ зыбкой волны.

Вотъ уголокъ одинокій:
Спрятанъ въ низинѣ глубокой
Рядъ безымянныхъ могилъ;
Дикій шиповникъ надъ ними
Сплёлся вѣтвями густыми,
Свѣжія почки раскрылъ.

Чтò это здѣсь за гробница?
Надписи давней страница
Стерлась,—забытый прiютъ!
Точно часовня пустая...
По косогору взбѣгая,
Къ ней три ступени ведутъ.

Смотритъ гробница уныло,
Камни роса окропила
Свѣтлыми каплями слезъ;
И на крутыя ступени
Падаютъ легкiя тѣни
Тихо шумящихъ березъ...

Д. Михаловскiй.

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА

ВЪ

ПАРИЖѢ.

ПИСЬМО ВТОРОЕ *).

I.

Отдѣлъ изящныхъ искусствъ, занимающій на Марсовомъ-полѣ одинъ изъ двухъ лучшихъ дворцовъ—самый замѣчательный на всей выставкѣ. Изъ всѣхъ отдѣловъ это самый полный: въ немъ участвуютъ безъ исключенія всѣ націи, даже нѣмцы, и въ немъ собраны всѣ лучшія произведенія искусства, созданныя за послѣднее десятилѣтіе. Франція, естественно, здѣсь преобладаетъ. Впрочемъ, на поприщѣ искусствъ трудно оспаривать у нея первенство; а еслибы за послѣднее время и могли явиться соперники, то своей ретроспективной выставкой произведеній всѣхъ своихъ великихъ мастеровъ за цѣлый вѣкъ, начиная съ Давида, она показываетъ, что въ девятнадцатомъ столѣтіи одна Франція создала такую школу живописи, которая и до сихъ поръ не перестаетъ господствовать и отражаться на произведеніяхъ всѣхъ выдающихся современныхъ художниковъ. Очень многіе, вѣроятно даже громадное большинство иностранныхъ художниковъ, учились и развивались не безъ вліянія французской школы, заимствовали ихъ пріемы, ихъ формулы, ихъ направленіе.

Ретроспективная столѣтняя выставка занимаетъ во дворцѣ обширную, свѣтлую галерею подъ куполомъ, окружающую на высотѣ

*) См. выше: іюнь, 746 стр.

второго этажа обширный вестибуль, уставленный статуями и увѣшенный архитектурными чертежами и рисунками, — и рядъ залъ второго этажа съ двухъ сторонъ галереи. Изъ вестибуля ведутъ на галерею четыре широкія лѣстницы. По архитектурѣ, по свѣтовому эффекту и по художественному убранству, этотъ вестибуль, съ лѣстницами и галереей, по нашему — самая лучшая часть выставки — весь этотъ ансамбль несравненно лучше такъ-называемаго центральнаго купола — „le dôme central“. Самая галерея изображаетъ то, что французы называютъ „le salon carré“ [1]). Здѣсь представлены всѣ первоклассные художники нынѣшняго вѣка, всѣ главы школъ— классиковъ, романтиковъ, реалистовъ, импрессіонистовъ,—и самые выдающіеся ихъ послѣдователи, начиная съ Давида и кончая современниками,—за исключеніемъ, впрочемъ, знаменитыхъ пейзажистовъ,— хотя представлены они, правда, не всегда самыми лучшими своими произведеніями.

Всякій, знакомый съ исторіей новѣйшей французской школы, невольно себя спрашиваетъ, какой системы держались организаторы ретроспективной выставки. Такое собраніе произведеній искусства можетъ имѣть дѣйствительный интересъ, если оно представляетъ наглядную исторію всей школы въ ея лучшихъ образцахъ. Въ такомъ случаѣ слѣдовало собрать всѣ произведенія, отмѣчающія собою этапы, черезъ которые школа прошла. Здѣсь вы этого не видите. Давидъ, глава классиковъ и отецъ новѣйшей французской школы, представленъ знаменитой „Коронаціей Наполеона I“ (взятой изъ версальскаго музея), которая—даже по мнѣнію классиковъ—далеко не лучшее его произведеніе [2]),—и „нѣсколькими портретами, между которыми нѣтъ „умирающаго (въ ваннѣ) Марата“ — лучшаго изъ его портретовъ.

Первое громкое проявленіе романтизма и отдѣленіе романтиковъ отъ классиковъ ознаменовались знаменитой картиной Жерико́ (Géricault): „Крушеніе Медузы“. Полотно—въ Луврѣ, а его мѣсто было бы теперь на выставкѣ, такъ какъ оно отмѣчаетъ эпоху. Жерико представленъ здѣсь портретами. То же самое можно сказать объ Энгрѣ (Ingres) и Делакроа — они представляются на выставкѣ не лучшими своими произведеніями. Особенно же страдаетъ отсутствіемъ всякой системы выставка знаменитыхъ пейзажистовъ, какъ Руссо, Коро́, Діазъ, Добиньи. Этимъ великимъ художникамъ не отвели даже ни малѣйшаго мѣста въ почетной галерѣ подъ куполомъ, хотя тамъ фигурируютъ менѣе заслуженные художники, какъ напримѣръ Бугро́.

[1]) Квадратный залъ, въ которомъ на годичномъ салонѣ (художественной выставкѣ) выставляли въ прежнее время всѣ лучшія картины.

[2]) Въ „Похищеніи сабинокъ“ или „Клятвѣ Горацієвъ“ онъ гораздо болѣе классикъ.

Пейзажистамъ отдали боковыя залы (восточныя), но и тутъ выставлены далеко не самыя лучшія ихъ произведенія. Т. Руссо (Th. Rousseau), самый, можетъ быть, геніальный и во всякомъ случаѣ самый разнообразный изъ всѣхъ французскихъ пейзажистовъ, положившій основаніе новѣйшему пейзажу, т.-е. тому, что составляетъ собственно суть современной французской школы живописи, представленъ здѣсь между прочимъ произведеніями, настолько измѣнившимися отъ времени, что они превратились въ какія-то хромолитографіи. Картинъ Руссо тутъ около десяти, но вы съ трудомъ отыскиваете тѣ, которыя характеризуютъ великаго мастера. Найти же здѣсь что-нибудь нелегко: каталога для ретроспективной выставки до сихъ поръ нѣтъ,—и вѣроятно его не будетъ, а подъ предлогомъ разнообразія все такъ перепутано, что нужно потерять нѣсколько дней на ознакомленіе съ залами. Путаница доходитъ до совершенно невозможныхъ предѣловъ, когда вы желаете познакомиться съ произведеніями живущаго художника. Они также могутъ фигурировать въ „ретроспективной" выставкѣ—если они принадлежатъ музею; но тогда они изъяты изъ каталога и находятся во второмъ этажѣ (въ большой галереѣ и въ одной изъ боковыхъ залъ),—или въ „десятилѣтней" (1879—1889) выставкѣ, и въ такомъ случаѣ ихъ нужно искать внизу, въ половинѣ дворца, отведенной французской живописи, да и тутъ они часто разбросаны по нѣсколькимъ заламъ. Къ счастью, для десятилѣтней выставки существуетъ каталогъ, составленный, правда, недавно, такъ что и нумера на картинахъ еще не вездѣ наклеены. Но даже и въ такомъ запутанномъ видѣ ретроспективная выставка въ высшей степени интересна и поучительна.

Осмотръ ретроспективной выставки и затѣмъ десятилѣтней, составленной почти исключительно изъ картинъ, фигурировавшихъ въ разныхъ „салонахъ" за послѣднія десять лѣтъ, даетъ нѣсколько общихъ соображеній относительно современнаго направленія французской живописи. Группировать теперешнихъ художниковъ въ школы невозможно. Характеристика новѣйшей живописи въ большинствѣ есть полное отсутствіе школы, полнѣйшій индивидуализмъ и разнообразіе, доведенное почти до безконечности. У каждаго выдающагося художника есть своя собственная отличительная личность. Можно сказать, что Пювисъ-де-Шаванъ классикъ, но у него своя манера, свои пріемы и весьма мало общаго съ предшествовавшими ему классиками,—развѣ то, что и онъ пишетъ иногда аллегоріи съ фигурами, напоминающими классическія.

Индивидуализмъ, стремленіе къ оригинальности — одна изъ отличительныхъ чертъ французскаго характера вообще, и она замѣчается въ наукѣ также, какъ въ искусствахъ. Развитію этой черты благопріятствуетъ то, что большинство французскихъ учителей не

навязываетъ своихъ идей ученикамъ. Французскіе профессора заботятся только объ образованіи своихъ учениковъ, техническомъ или научномъ, и затѣмъ даютъ имъ одни совѣты, предоставляя ихъ самимъ себѣ во всемъ, что касается выбора сюжетовъ, красокъ, пріемовъ и т. д. Современные художники держатся только одного принципа: возможно вѣрнѣе и искреннѣе воспроизвести жизнь и природу, не задаваясь никакими сложными сюжетами, и стараются они достигнуть этого серьезнымъ наблюденіемъ надъ окружающей природой и старательнымъ изученіемъ происходящихъ въ ней свѣтовыхъ явленій. Отсюда явилась цѣлая плеяда „пленэристовъ" и даже „плэнсолелистовъ" [1]), старающихся передать не только освѣщеніе на открытомъ воздухѣ (а не въ мастерской), но и эффекты освѣщенія предметовъ, стоящихъ на открытомъ солнцѣ. При такомъ стремленіи къ изученію природы, историческая живопись должна была впасть въ полное пренебреженіе. Оно такъ и случилось: въ нынѣшнемъ салонѣ, несмотря на столѣтнюю годовщину важныхъ событій, не было ни одной исторической картины, относящейся къ этимъ событіямъ. При направленіи, которое еще господствовало лѣтъ десять тому назадъ, салонъ былъ бы переполненъ „Взятіями Бастиліи", „Побѣдителями Бастиліи", „Serments du jeu de paume" и т. д. Но ничего этого мы не видѣли. А видѣли только много хорошихъ „маринъ" и пейзажей, и нѣсколько выдающихся жанровыхъ картинъ.

Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ французскихъ художественныхъ критиковъ [2]), Фромантэнъ (Fromentin),—тѣмъ болѣе компетентный, что онъ самъ былъ очень даровитымъ художникомъ,—сравнивая голландскую школу съ французской, указывалъ, между прочимъ, на полное отсутствіе „сюжета" у голландцевъ, тогда какъ во Франціи „картина безъ громкаго названія, безъ сюжета, сильно рискуетъ считаться скверно задуманной, не серьезной [3]).

Еслибы Фромантэнъ писалъ въ настоящее время, онъ бы вѣроятно отмѣтилъ, что молодая школа не только не гонится за громкими сюжетами, но даже относится къ нимъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, опасаясь, чтобы сюжетъ не маскировалъ чисто художественныхъ недостатковъ произведенія. Исторія, философія, нравственныя поученія, политическія тенденціи, словомъ—все, что носитъ литературный характеръ, по нынѣшнимъ тенденціямъ, не входитъ въ пре-

[1]) Отъ французскаго plein-soleil (эффектъ полнаго солнечнаго освѣщенія);—если взято слово пленэризмъ отъ plein-air, то приходится взять и новый терминъ „пленсолелизмъ" отъ plein-soleil.

[2]) По мнѣнію многихъ—единственный.

[3]) Fromentin: Les Maitres d'autrefois.

дѣлы живописи. „Литературная живопись“—теперь почти презрительная кличка.

Лучшія картины Роля—„Молочница“ и „Мальчикъ и быкъ“—обѣ безъ сюжетовъ: въ первой, крестьянская дѣвушка стоитъ возлѣ коровы на открытомъ воздухѣ съ ведромъ молока въ рукѣ; на второй—крестьянскій мальчикъ тянетъ быка за веревку. Насколько мы могли замѣтить, у насъ литературная живопись не только не въ опалѣ, но даже въ большомъ почетѣ, и весьма серьезные критики съ особеннымъ вниманіемъ относятся къ картинамъ „съ идеями“ и не прочь допустить, — взглядъ этотъ идетъ отъ нѣмцевъ, — что картинами можно проповѣдовать нравственно-философскія идеи. Въ этомъ отношеніи наши критики совершенно расходятся во взглядахъ съ современными французскими художественными критиками.

Мы отмѣтимъ еще, что большинство нынѣшнихъ французскихъ художниковъ не спеціализируются въ одной отрасли живописи: каждый пишетъ все, чтó ему нравится: и жанръ, и пейзажи, и марины, и портреты,—и все, согласно современнымъ принципамъ, пишется теперь въ гаммахъ по преимуществу свѣтлыхъ.

Сказать, что въ настоящее время скульптурная школа существуетъ только во Франціи — почти избитая истина. Французскіе критики даже увѣряютъ, что въ странѣ искусство только тогда можетъ подняться до уровня школы, когда въ ней имѣются хорошіе скульпторы.

Въ скульптурѣ уже давно господствуютъ два направленія: одни, которыхъ можно назвать классиками, придерживаются эстетики древне-греческихъ скульпторовъ и стараются преимущественно воспроизводить спокойную красоту, полную достоинства,—помощью правильныхъ граціозныхъ линій; другіе,—и между ними самые выдающіеся скульпторы, какъ Дюбоа, Фальгіеръ, Мерсьé,—вдохновляясь принципами эпохи возрожденія, и главнымъ образомъ Микель-Анджело, оживляютъ свои статуи болѣе подвижными, характерными выраженіями“ [1]). Въ послѣднее время нѣкоторые скульпторы, особенно г. Родэнъ, ушли въ этомъ направленіи гораздо дальше его иниціаторовъ и достигли результатовъ новыхъ, весьма интересныхъ.

Технику свою, и въ живописи, и въ скульптурѣ, французы до того выработали, что съ ними врядъ ли кто-нибудь можетъ выдержать сравненіе,—развѣ нѣкоторые изъ ихъ учениковъ—скандинавовъ и американцевъ.

Такимъ образомъ, Франція торжествуетъ въ Palais des beaux-arts

---

[1]) Эти два направленія характеризуются во Франціи словами: „vieux jeu“ и „nouveau jeu“.

не только качественно, но количественно. Каждый художникъ могъ выставить въ „десятилѣтней“ выставкѣ до десяти картинъ, а первоклассные, какъ Мейсонье, Густавъ Моро, Бона, Ж. П. Лорансъ и мн. др., которыхъ произведенія находятся въ музеяхъ, фигурируютъ еще каждый десяткомъ полотенъ въ „ретроспективной“ выставкѣ. Нумерованныхъ произведеній живописи, внесенныхъ въ каталогъ, насчитано 1.418; рисунковъ, пастелей, миньятюръ—214; скульптурныхъ произведеній и гравированныхъ медалей—561; архитектурныхъ чертежей и моделей—584. Въ общей сложности 2.777 произведеній искусства. Но въ каталогѣ много вещей безъ нумера,—тѣ, которыя принадлежатъ Парижу и которыя выставлены въ спеціальномъ павильонѣ города.

Не нужно забывать, что на Марсовомъ же полѣ два отдѣльные павильона отведены обществамъ пастелистовъ и акварелистовъ,—акварелей 463, пастелей 134,—и что одновременно съ выставкой открытъ еще салонъ, въ которомъ выставлено около 5 тысячъ французскихъ произведеній. Цифры эти даютъ понятіе о громадной художественной производительности Франціи.

Кромѣ ретроспективной выставки произведеній послѣдняго столѣтія, въ трокадерскомъ дворцѣ устроена весьма интересная ретроспективная выставка произведеній французскаго искусства среднихъ вѣковъ.

Въ старинныхъ французскихъ церквахъ, въ знаменитыхъ каѳедральныхъ соборахъ,—а такихъ во Франціи множество,—хранятся безцѣнныя сокровища, особенно по искусству среднихъ вѣковъ. При каждой церкви имѣется сокровищница (le trésor), гдѣ собраны всѣ ея богатства: золотыя и серебряныя, бронзовыя, особенно же рѣдкія эмалевыя издѣлія, роскошныя ткани, рѣдкіе обои съ вышитыми по нимъ религіозными сценами. Нѣкоторые соборы, какъ парижскій (Nôtre-Dame de Paris), амьенскій, руанскій, реймсскій особенно славятся своими „trésors“, и это дѣйствительно настоящіе музеи. Всѣ рѣдкія произведенія, хранящіяся въ соборахъ, церквахъ и во многихъ частныхъ коллекціяхъ, которыхъ обладатели отнеслись сочувственно къ замыслу организатора художественнаго отдѣла выставки, г. Пруста, собраны теперь въ одномъ изъ крыльевъ Трокадеро. Любителю искусства и рѣдкостей на выставкѣ совершенное раздолье, тѣмъ болѣе, что ретроспективные отдѣлы публикой сравнительно мало посѣщаются.

II.

За послѣднія десять лѣтъ въ салонѣ каждый годъ обращаютъ на себя вниманіе картины нѣкоторыхъ скандинавовъ и американцевъ. Теперь, когда всѣ ихъ произведенія собраны вмѣстѣ, скандинавскіе отдѣлы съ американскимъ оказались послѣ французскаго самыми выдающимися. Залы скандинавовъ—датчанъ, шведовъ и норвежцевъ—и американцевъ находятся рядомъ, и произведенія ихъ дышутъ прелестью такой наивной, простой, что ходишь по этимъ заламъ съ величайшимъ наслажденіемъ.

Самымъ выдающимся изъ скандинавовъ является датчанинъ Крэйеръ (Kröyer). Судя по его картинамъ, на которыхъ, какъ намъ указали, онъ самъ фигурируетъ, это человѣкъ еще очень молодой, можетъ быть лѣтъ 26, и въ Парижѣ—уже большая знаменитость. Подобно французамъ, онъ очень разнообразенъ, пишетъ все, что нравится, и необыкновенный мастеръ въ воспроизведеніи разныхъ свѣтовыхъ эффектовъ. Изъ шести его картинъ, три принадлежатъ несомнѣнно къ лучшимъ на всей выставкѣ. Его картина: „Комитетъ французской выставки въ Копенгагенѣ 1888 г.“—изображаетъ членовъ комитета: тутъ Пастёръ, Прустъ, почти всѣ французскіе художники (между ними и г. Крэйеръ); одни сидятъ за длиннымъ столомъ, другіе стоятъ, и они освѣщены, съ одной стороны, масляной лампой, стоящей на столѣ, а съ другой — сумеречнымъ свѣтомъ, идущимъ черезъ открытое окно. Свѣтовые эффекты до того вѣрны и лица до того живы, что картина вблизи васъ поражаетъ, а когда вы смотрите на нее черезъ дверь изъ сосѣдней залы,—картина какъ разъ противъ двери, въ нѣсколько темномъ мѣстѣ,—то иллюзія полная: вамъ кажется, что полотно продолжаетъ залу, и что всѣ тамъ дѣйствительно сидятъ и совѣщаются. Другой такой оригинальной картины нѣтъ, можетъ быть, на всей выставкѣ. Въ маринѣ: „На берегу“, художникъ съ рѣдкимъ мастерствомъ передалъ лунное освѣщеніе, воздухъ, морскую даль, и особенно сліяніе на горизонтѣ неба съ моремъ. На третьей картинѣ: „Hip, hip, hip, houra, houra, houra“, изображенъ веселый завтракъ лѣтомъ въ саду. Веселое общество за столомъ встало съ мѣстъ и чокается бокалами шампанскаго (между веселящимися виденъ и авторъ картины). Все написано до того живо и картина дышетъ такимъ весельемъ, что самъ невольно имъ заражаешься.

Изъ другихъ скандинавовъ большою извѣстностью пользуются Норманъ (норвежецъ), котораго пейзажи нѣсколько лѣтъ тому назадъ произвели въ салонѣ такой фуроръ, что у него явилось много подра-

жателей,—и Цорнъ (шведъ)—художникъ съ большимъ, своеобразнымъ талантомъ.

Американцы дѣлаютъ въ искусствѣ такіе успѣхи, что если они будутъ продолжать идти такъ быстро впередъ, то есть большое основаніе опасаться, что въ недалекомъ будущемъ они затмятъ старую Европу и въ области искусства,—единственной, въ которой Европа имѣетъ еще нѣкоторое превосходство надъ сѣверо-американцами.

Гаррисонъ, Найтъ (Knight), Дана (Dana)—могутъ быть поставлены на ряду съ первоклассными французскими художниками. „Волна" Гаррисона произвела въ салонѣ восторгъ и теперь на выставкѣ является одною изъ лучшихъ картинъ. Она изображаетъ спокойную волну, идущую къ берегу во время прилива. Самаго берега не видно, но его близость чувствуется, также какъ и ровное, почти плоское морское дно, какимъ оно бываетъ на берегахъ Бретани. Нужно видѣть, какъ написаны цвѣтъ моря, безбрежная даль, небо, воздухъ.

Скандинавы и американцы, при всей своей оригинальности, все-таки ученики французовъ, у которыхъ они усвоили себѣ пріемы и направленіе. Но какъ и бо́льшая часть французовъ, они сохранили свой темпераментъ, свою индивидуальность. Такова, какъ мы уже замѣтили, французская школа: учителя не навязываютъ своимъ ученикамъ своихъ идей, а предоставляютъ ихъ своимъ собственнымъ наклонностямъ, заботясь только о ихъ техническомъ образованіи.

Французскій художественный міръ переполненъ скандинавами и американцами, которые почти безвыѣздно живутъ во Франціи. Американцы особенно излюбили южное и западное побережье Бретани. Лѣтомъ въ рыбачьихъ бретонскихъ портахъ американскіе художники—почти единственный пріѣзжій народъ. Они устраиваются тамъ цѣлыми колоніями и работаютъ очень усердно надъ маринами. Въ Pont-Aven, одномъ изъ живописнѣйшихъ городовъ на южномъ берегу, американцевъ наѣзжаетъ столько, что содержатель лучшей изъ двухъ гостинницъ устроилъ при ней громадный домъ съ мастерскими; а залъ при гостинницѣ—настоящій американскій музей.

Ни у скандинавовъ, ни у американцевъ еще нѣтъ скульптуры; поэтому, ни тѣ, ни другіе—школы еще не образуютъ.

III.

Насъ увѣряли, и очень серьезно, что еслибы всѣ наши отечественные первоклассные художники явились въ Парижъ, то они могли бы затмить весь міръ, даже французовъ. Для этого требовалось только, чтобы гг. Верещагинъ, Рѣпинъ, Куинджи и Антокольскій

согласились участвовать на выставкѣ. Если оно дѣйствительно такъ, то очень жаль, что наши великіе художники не воспользовались единственнымъ, можетъ быть, случаемъ явиться на подобной выставкѣ во всемъ своемъ блескѣ. Съ произведеніями г. Верещагина мы знакомы, видѣли мы также произведенія г. Антокольскаго и на всемірной выставкѣ 1878, и въ его мастерской. Нѣтъ сомнѣнія, оба очень крупные таланты,—французы первые это признаютъ и цѣнятъ ихъ очень высоко. Но мы не станемъ утверждать, что гг. Верещагинъ и Антокольскій,—даже еслибы къ нимъ на помощь явились и другіе выше-названные художники,—затмили бы французовъ, которые выставили все, что у нихъ есть лучшее, а этого лучшаго у нихъ очень много. Затмить Делакроа, Руссо, Коро, Миллэ, и даже современныхъ—Густава Моро, де-Шаваня, Роля, Бретона, или скульпторовъ: Дюбоа, Фремié, Фальгіера—весьма нелегко, и мы увѣрены, что сами наши художники первые признаютъ невозможность такого затмѣнія. Въ 1878 году на выставкѣ фигурировали почти всѣ наши первоклассныя знаменитости. Талантъ г. Антокольскаго былъ уже въ полномъ своемъ развитіи, а г. Рѣпинъ выставилъ „Бурлаковъ". Но если кто-нибудь у насъ думаетъ, что они тогда затмили французовъ, то жестоко ошибается, или просто пребываетъ въ злокачественномъ самообольщеніи. Художники наши, проживающіе здѣсь, въ Парижѣ, и близко знакомые съ французскимъ искусствомъ, не имѣютъ такихъ претензій и сознаютъ, что въ искусствѣ мы еще до великихъ французовъ не дошли.

Въ томъ же видѣ, въ какомъ представляется теперь русскій художественный отдѣлъ, онъ заключаетъ въ себѣ немало интересныхъ вещей, но далеко уступаетъ французскому и можетъ развѣ выдерживать сравненіе съ австрійскимъ, напримѣръ, бельгійскимъ, голландскимъ и др. Въ русскомъ отдѣлѣ выставлено около 206 произведеній, изъ которыхъ около 150 картинъ.

Всѣхъ экспонентовъ 85. Между ними встрѣчаются имена, пользующіяся давно установленной репутаціей. Г. Харламовъ, о которомъ французы говорятъ, что „онъ болѣе французъ, чѣмъ москвичъ", выставилъ 10 картинъ; изъ нихъ 6 дѣтскихъ головокъ; по техникѣ, по свѣжести и прозрачности красокъ, г Харламовъ не уступаетъ самымъ выдающимся, по его жанру, французамъ. На выставкѣ 1878 года г. Харламовъ удостоенъ былъ медали 2-го класса. Г. Леманъ пользуется между французскими художниками также весьма почетною извѣстностью; его женскіе портреты не разъ производили впечатлѣніе въ салонѣ, особенно его „Парижанка", красивая женщина съ лицомъ, наполовину прикрытымъ вуалью отъ шляпки,—и бюстъ молодой дѣвушки. Его портреты принадлежатъ несомнѣнно къ лучшимъ на вы-

ставкѣ. Всѣ они написаны въ хорошемъ тонѣ, детали выработаны очень старательно, и всѣ лица живутъ. Г. Прянишниковъ выставилъ нѣсколько весьма интересныхъ пейзажныхъ этюдовъ.

Въ русскомъ отдѣлѣ выставлены произведенія покойной г-жи Башкирцевой. Ея преждевременная смерть вызвала всеобщія сожалѣнія и большія симпатіи къ ея несомнѣнному таланту. Намъ кажется однако, что ея талантъ нѣсколько преувеличили, можетъ быть, благодаря именно симпатіямъ къ имени дѣвушки, сошедшей въ могилу въ цвѣтѣ молодости. На выставкѣ произведенія Башкирцевой сильно теряютъ отъ сосѣдства съ произведеніями ея покойнаго учителя Бастьенъ-Лепажа. Когда вы спускаетесь въ русскій отдѣлъ послѣ осмотра картинъ Б.-Лепажа, то, взглянувъ на произведенія Башкирцевой, вы поражаетесь крайнимъ сходствомъ ея манеры, ея красокъ, съ пріемами ея учителя, и у васъ невольно является сомнѣніе въ самобытности ея таланта. О самихъ же картинахъ можно сказать только одно хорошее.

Въ русскомъ отдѣлѣ выставлено нѣсколько удачныхъ бюстовъ молодого русскаго скульптора г. Бернштама, удостоившагося уже почетнаго отзыва за статую въ салонѣ года два тому назадъ.

Небольшая часть русскаго отдѣла, половина одной залы, отведена финляндцамъ; между ними есть чрезвычайно талантливый молодой художникъ Эдельфельтъ. Его „Портретъ Пастёра“ — одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній всего художественнаго отдѣла. Хороша также его картина: „Передъ церковью“, — группа финляндокъ сидитъ передъ церковью въ ожиданіи службы. Детали лицъ написаны мастерски.

На устройство русскаго отдѣла собрано было всего 20 тыс. франковъ; на эти ограниченныя средства пришлось устроить и декорировать половину очень большой залы и двѣ поменьше,—отложивъ притомъ необходимую сумму на отсылку картинъ обратно въ Россію. Въ 1878 году на русскій отдѣлъ истрачено было 260 тыс. франковъ, и экспонентовъ было меньше, но выставка была немного лучше нынѣшней.

IV.

Русскіе экспоненты, кромѣ художниковъ, распредѣлены въ трехъ отдѣлахъ выставки: въ промышленномъ (Palais des industries diverses), въ отдѣлѣ свободныхъ искусствъ (Palais des arts libéraux) и земледѣльческомъ.

Въ промышленномъ отдѣлѣ Россія занимаетъ пространство въ 1.875 квадр. метровъ, и въ этомъ отношеніи ей принадлежитъ пятое

мѣсто между всѣми иностранными отдѣлами. Сѣверный фасадъ русскаго отдѣла, длиною въ 75 метровъ, выходитъ въ обширный вестибуль, отдѣляющій его отъ Норвегіи и сѣверо-американскихъ штатовъ. Архитекторъ отдѣла возъимѣлъ намѣреніе придать фасаду оригинальный видъ и выбралъ мотивомъ кремлевскую стѣну, надъ которой возвышаются золотые куполы кремлевскихъ соборовъ. Вотъ какъ онъ выполнилъ свою идею. Къ стѣнѣ со стороны вестибуля онъ придѣлалъ обшивку, изображающую кремлевскую стѣну съ наружной стороны, а изъ-за обшивки, закрывая всю верхнюю четверть стѣны, выступаетъ декоративная картина, изображающая куполы на голубомъ небѣ. Въ общемъ все вышло бы не такъ уже дурно, особенно съ нѣкотораго разстоянія, еслибы не одно приключеніе: обшивку дѣлали въ Парижѣ, а картину писали въ Петербургѣ; архитекторъ ли тутъ виноватъ, или художникъ, но картина оказалась слишкомъ высокой: ее пришлось сверху урѣзать и куполы оказались поврежденными и безъ крестовъ. Въ самой стѣнѣ на мѣстѣ нѣкоторыхъ нишъ обнаружились окна въ стилѣ ренессансъ. Внутренняя декорація отдѣла недурна: карнизы, вѣрнѣе, края потолка, расписаны картушами съ именами русскихъ городовъ по-русски: „Петербургъ" (безъ С.-), „Нижни-Новгородъ" (такъ и написано: *Нижни*). Но на эти маленькіе недосмотры можно было бы не обратить вниманія, еслибы самый отдѣлъ имѣлъ приличный видъ. Къ великому нашему сожалѣнію намъ приходится высказать, что при первомъ же осмотрѣ онъ поражаетъ полнымъ отсутствіемъ не только изящества, но положительно всякаго вкуса, доходящимъ въ нѣкоторыхъ частяхъ до неряшества. И оно тѣмъ обиднѣе, что по содержанію русскій отдѣлъ не особенно же плохъ, и пожалуй выше многихъ другихъ иностранныхъ отдѣловъ: но по вкусу, съ которымъ все установлено, онъ положительно ниже всѣхъ, — ниже румынскаго, даже маленькаго люксанбургскаго, въ которомъ всего пять-шесть витринъ, но онѣ убраны со вкусомъ.

Самый элементарный здравый смыслъ, кажется, долженъ былъ подсказать, что если выставка, какъ промышленный конкурсъ, есть прежде всего крупная реклама, то слѣдуетъ установить свой отдѣлъ такъ, чтобы онъ говорилъ о себѣ. Распорядителямъ русскаго отдѣла слѣдовало собрать всѣ лучшія произведенія, какъ: лучшія московскія ткани, золотыя и серебряныя издѣлія, фарфоръ и т. п., размѣстить ихъ по изящнымъ витринамъ, въ родѣ тѣхъ, какими пользуются французы, и расставить витрины такъ, чтобы онѣ первыя бросались въ глаза, и прежде всего—декоративностью установки. Но въ русскомъ отдѣлѣ все устроено какъ бы нарочно для того, чтобы поражать безвкусіемъ. Входя со стороны фасада, т.-е. якобы черезъ кремлевскія ворота, вамъ бросается въ глаза выставка мѣховщика

г. Грюнвальда, которая растянулась во всю ширину отдѣла, занявъ собою восьмую часть выставки. Положимъ, онъ убралъ свое мѣсто какъ будто эффектно, наставилъ всякихъ звѣриныхъ чучелъ,—особенно медвѣжьихъ, очень забавляющихъ французовъ; но рядомъ съ мѣховщикомъ наставлены витрины одна на другой въ полномъ безпорядкѣ; и какія витрины! ни въ одномъ отдѣлѣ вы такихъ не увидите — безвкусіе поразительное. Впрочемъ, хорошо еще, когда имѣются витрины. А то фарфоръ Корниловской фабрики стоитъ прямо на грязныхъ полкахъ,—точно на толкучкѣ; рядомъ какіе-то химическіе продукты поставлены на грязномъ столѣ; Шопеновская бронза размѣщена на полкахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ. Цѣлая половина отдѣла занята витринами, въ которыхъ разставлены, сравнительно говоря, декоративно,— сравнительно, конечно, съ тѣмъ, чтò видно въ другой части русскаго же отдѣла, такъ какъ съ другими отдѣлами никакого сравненія быть не можетъ. — ткани, преимущественно разныхъ московскихъ фабрикантовъ. Тутъ, напр., выставлены шолковыя ткани Сисмонди, парча и глазетъ Сапожникова и т. д. Это—лучшая часть галереи: но витрины и здѣсь разставлены такъ тѣсно, что въ проходахъ темно, и нужно подойти очень близко, наткнуться на витрину, чтобы разсмотрѣть, чтò въ ней выставлено. Да и въ этой части витрины совсѣмъ невозможныя: грубыя, безъ всякихъ орнаментовъ; стоитъ ихъ цѣлый рядъ, и то одна выше другихъ, то — ниже: эффектъ прелюбопытный. Насъ увѣряли. что сами фабриканты прислали чертежи своихъ витринъ и ихъ расположенія прямо изъ Москвы. Можемъ ихъ поздравить: если они желали устроить выставку безвкусія, то они блистательно успѣли,—тѣмъ болѣе блистательно, что они явились конкуррировать съ французами, у которыхъ вкусъ и изящество вездѣ въ необыкновенномъ изобиліи. Еслибы международный жюри раздавалъ преміи за безвкусіе, то мы увѣрены, что наши фабриканты получили бы самыя первыя награды—почетные дипломы.

Извѣстные московскіе дома Овчинникова и Хлѣбникова выставляютъ прекрасные образцы своихъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, филигранной работы. Для витринъ этихъ фабрикантовъ, внутри галереи мѣста не оказалось, а потому ихъ разставили въ вестибулѣ передъ „кремлевской стѣной", и выходитъ, точно эти извѣстные дома торгуютъ на толкучемъ рынкѣ у кремлевской стѣны. Да и въ вестибулѣ всѣ витрины хотя и содержатъ иногда прекрасныя вещи, но не производятъ никакого эффекта. Вестибуль громадный, вышиной болѣе чѣмъ въ два свѣта, а витрины маленькія, такъ что онѣ въ немъ теряются. А посмотрите, какъ въ симметричномъ вестибулѣ, съ противоположной стороны выставки, устроились австрійцы и бельгійцы! Какъ тамъ все декорировано красиво, изящно—просто прелесть.

Нѣкоторыя части нашего промышленнаго отдѣла, безъ преувеличенія, производятъ впечатлѣніе лавки старьевщика.

Въ „Palais des arts libéraux" (дворцѣ свободныхъ искусствъ) русскіе экспоненты занимаютъ около 900 квадратныхъ метровъ. Но тутъ ужъ совсѣмъ сарай: буквально всѣ витрины, и между ними нѣсколько довольно изящныхъ, стоятъ въ неубранномъ, иногда даже грязномъ сараѣ. Рядомъ съ этимъ сараемъ—изящнѣйшая галерея французскихъ музыкальныхъ инструментовъ, и читатель можетъ себѣ представить, какой получается контрастъ, когда изъ этой галереи переходятъ въ русскій сарай.

Искать виновника такого неряшливаго устройства отдѣла, по нашему, не слѣдуетъ, по той простой причинѣ, что винить некого, или ужъ если винить, такъ всѣхъ экспонентовъ поголовно, и можно даже распространить обвиненіе на всѣхъ русскихъ людей. Еслибы всѣ выставленныя вещи, которыя находятся въ русской галереѣ, были въ рукахъ французовъ, они изъ нихъ устроили бы чудо; а русскіе устроили только грязное пятно въ изящномъ дворцѣ, потому что другого устроить не съумѣли. И это не частное явленіе, обнаруженное только на нынѣшней выставкѣ. Въ 1878 г., когда мы участвовали на выставкѣ оффиціально — было то же самое: въ русскомъ отдѣлѣ роскошныя вещи были разставлены какъ бы на-перекоръ всякому здравому смыслу, и тогда нашъ отдѣлъ тоже производилъ впечатлѣніе весьма незаманчивое, съ той, правда, еще разницей въ пользу 1878 года, что тогда русская выставка обошлась, вѣроятно, въ четыре, если не въ пять разъ дороже.

Отвѣтственность за дурное устройство русскаго отдѣла нисколько не падаетъ на его распорядителей. Разумѣется, можно бы пожелать побольше единодушія между распорядителями—между московскими и петербургскими—и поменьше личнаго антагонизма. Но въ общемъ, мы увѣрены, всѣ очень добросовѣстно исполняли свои обязанности.

Одно несомнѣнно хорошо въ русской выставкѣ—это земледѣльческій отдѣлъ [1]). Весь этотъ отдѣлъ занимаетъ около 800 квадратныхъ метровъ, и въ немъ участвуетъ болѣе 60 экспонентовъ. Тутъ и витрины изящны, и все прекрасно размѣщено; вина также хорошо разсортированы.

При такомъ удачномъ устройствѣ нашего промышленнаго отдѣла приходится утѣшаться побочными обстоятельствами: въ субботу, (22-го) 10-го іюня, состоялся первый русскій концертъ въ залѣ Трокадеро подъ управленіемъ г. Римскаго-Корсакова и имѣлъ большой успѣхъ.

Лучше всѣхъ нашихъ соотечественниковъ на выставкѣ устроился

---

[1]) Кромѣ художественнаго, который устроенъ прекрасно.

нѣкій г. Зеленинъ—петербургскій коммерсантъ. Онъ занялъ своими товарами русскій домъ якобы четырнадцатаго вѣка — одно изъ строеній въ „исторіи жилищъ",—и такъ какъ домъ двухъ-этажный, то въ верхнемъ этажѣ онъ развелъ кустарную промышленность,—на ней теперь всѣ помѣшаны,—продаетъ разныя русскія деревянныя издѣлія, больше всего игрушки, а внизу по-просту открылъ питейно-закусочное заведеніе,—торгуетъ бойко и никого знать не хочетъ.

V.

Американскій промышленный отдѣлъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Прежде всего онъ даетъ намъ представленіе о ходѣ развитія промышленности въ великой сѣверо-американской республикѣ. До сихъ поръ на выставкахъ американцевъ сказывалась, главнымъ образомъ, ихъ практичность. Напр., они всегда выставляли цѣлую массу машинъ, очень полезныхъ въ домашнемъ обиходѣ, какъ швейныя машины, машины для стиранія и глаженія бѣлья, или вещи, полезныя для американскаго комфорта. Но артистическимъ вкусомъ они не блистали. Теперь они показываютъ, что и эта сторона цивилизаціи у нихъ принялась и дѣлаетъ быстрые успѣхи. Въ 1878 году художественныя чеканныя и обронныя издѣлія изъ серебра или граненый хрусталь были у американцевъ въ зачаточномъ состояніи; нынѣ они явились съ издѣліями очень оригинальными, очень изящными, которыя могутъ уже конкуррировать съ однородными издѣліями другихъ странъ. Правда, они еще уступаютъ французскимъ,—у американцевъ еще нѣтъ французскаго вкуса. Но при томъ ходѣ эстетическаго развитія, какое мы замѣчаемъ, янки, чего добраго, въ близкомъ будущемъ не только сравняются съ самыми одаренными въ отношеніи артистическаго чутья европейцами, но пожалуй ихъ превзойдутъ. Мы уже отмѣтили успѣхи, которые американцы дѣлаютъ въ живописи.

Какъ изобрѣтатели, американцы и теперь стоятъ выше всѣхъ. На выставку они явились съ двумя приборами, изъ которыхъ одинъ называется, какъ всегда назывался, фонографомъ и принадлежитъ Эдиссону, другой для отличія названъ графофономъ и принадлежитъ Тантеру. Оба не что иное, какъ усовершенствованные, почти одинаковымъ образомъ—фонографы Эдиссона.

Можетъ показаться страннымъ, что г. Тантеръ могъ усовершенствовать приборъ, изобрѣтенный Эдиссономъ, и даже переименовать его. Вотъ какъ это случилось. Г. Тантеръ первый замѣнилъ цинковый листъ, на которомъ звуковыя колебанія записываются въ фоно-

графѣ, цилиндромъ изъ картона, покрытымъ особеннымъ составомъ изъ воска и какихъ-то другихъ примѣсей. Онъ нашелъ, что для записыванія и воспроизведенія рѣчи лучше всего употреблять два различные штифтика, укрѣпленные въ двѣ отдѣльныя перепонки: одинъ для записыванія рѣчи—съ широкой, другой, для ея воспроизведенія, съ узкой перепонкой, къ которой онъ прибавилъ двѣ слуховыя каучуковыя трубки, оканчивающіяся трубками изъ твердаго каучука (эбонита). Послѣднія вставляются въ уши слушателя. Такимъ образомъ получился почти новый приборъ, въ которомъ остался только принципъ Эдиссоновскаго фонографа, принципъ воспроизведенія рѣчи, разъ записанной. Чтобы отличить свой приборъ отъ Эдиссоновскаго, изобрѣтатель назвалъ его графофономъ. Съ виду онъ совершенно похожъ на швейную машину, потому что вращающійся цилиндръ фонографа приводится въ движеніе ногою, помощью педали, какъ швейная машина. На цилиндръ вмѣсто цинковаго листа надѣвается картонный цилиндръ, покрытый составомъ, рѣчь записывается, на восковомъ слоѣ чертятся линіи, а по окончаніи рѣчи картонный цилиндръ снимается и можетъ быть отправленъ по почтѣ вмѣсто письма; рѣчь можетъ быть воспроизведена сколько угодно разъ. Г. Тантеръ преслѣдуетъ чисто практическую цѣль—замѣнить стенографію и коммерческую корреспонденцію. Можно пойти дальше и мечтать объ уничтоженіи вообще всякаго писанія, даже книгопечатанія. Мы пробовали говорить въ графофонъ по-русски, и затѣмъ воспроизвели собственную рѣчь. Послѣдняя была слышна очень отчетливо, но голоса своего мы не узнали. Представитель г. Тантера показывалъ намъ деревянныя коробочки съ упакованными цилиндрами, и на одной былъ адресъ Вашингтона, куда цилиндръ долженъ быть посланъ вмѣсто письма.

Опыты Тантера побудили Эдиссона усовершенствовать свой приборъ. Эдиссонъ выдумалъ другой составъ. У Тантера онъ черный и покрываетъ картонный цилиндръ, а Эдиссона цилиндръ безъ картона, вылитъ изъ свѣтло-желтаго воскового состава. Кромѣ того, фонографъ — онъ сохранилъ свое названіе—приводится въ движеніе динамо-электрической машинкой. Приборъ Эдиссона во всемъ остальномъ похожъ на графофонъ, но онъ все-таки представляется болѣе совершеннымъ. Онъ передаетъ рѣчь, почти не измѣняя тэмбра голоса, и кромѣ того онъ можетъ передавать музыку—фортепьяно и даже цѣлый оркестръ. Оба прибора—самые любопытные на выставкѣ.

VI.

Дворецъ промышленности—le Palais des industries diverses—прорѣзанъ по срединѣ большой галереей—корридоромъ, идущимъ отъ центральнаго купола до галереи машинъ. Этотъ корридоръ, названный оффиціально за свою ширину „тридцати-метровъ галереей“ (la galerie de 30 métres) служитъ главной артеріей промышленнаго отдѣла, отъ которой въ обѣ стороны перпендикулярно къ ней расходятся другія галереи, въ которыхъ размѣщены витрины экспонентовъ. Почти весь дворецъ занятъ Франціей; изъ иностранныхъ отдѣловъ въ немъ помѣщаются только русскій и австро-венгерскій. Всѣ остальные иностранные отдѣлы размѣщены въ двухъ павильонахъ, соединяющихъ названный дворецъ съ дворцами искусствъ.

При входѣ подъ центральный куполъ—le dôme central—вниманіе посѣтителя привлекается отдѣлкой купола и круглаго нефа, надъ которымъ онъ возвышается. По общему мнѣнію, съ которымъ и мы вполнѣ согласны, внутренняя отдѣлка купола несравненно выше его общей архитектуры и его внѣшней орнаментаціи. Архитекторъ видимо вдохновился знаменитымъ dôme des Invalides (куполъ въ церкви при домѣ инвалидовъ): бока купола составлены изъ оранжевыхъ разрисованныхъ стеколъ, и проходящій черезъ нихъ мягкій свѣтъ весьма пріятно гармонируетъ съ тонами окружающихъ куполъ аллегорическихъ фресокъ и орнаментами изъ фаянса и терракотты.

Круглый нефъ съ двумя боковыми двухъ-этажными заняты государственными мануфактурами, Сэвромъ, Гобленами и Бовэ, приславшими лучшіе образцы своихъ произведеній. Франція вправѣ гордиться этими фабриками: въ цѣломъ мірѣ нѣтъ имъ подобныхъ. Сэврская фарфоровая фабрика, перенесенная съ 1879 года въ Сэнъ-Клу'скій паркъ, составляетъ для Франціи предметъ чистой роскоши. Несмотря на то, что произведенія фабрики продаются чрезвычайно дорого, расходы этой продажей все-таки не покрываются. Государство ежегодно приплачиваетъ около полумилліона франковъ. При фабрикѣ имѣется школа, въ которой спеціально приготовляются керамисты, и состоитъ нѣсколько художниковъ, занятыхъ разрисовываніемъ фарфоровыхъ вещей. Нельзя, однако, сказать, чтобы сэврская фабрика не приносила никакой пользы. За послѣднее время фабрика, кромѣ своего художественнаго назначенія, получила еще другое, чисто утилитарное: она играетъ роль промышленной лабораторіи. Директоры мануфактуры, всегда очень извѣстные керамисты, дѣлаютъ опыты; при фабрикѣ состоитъ спеціалистъ-химикъ, и часто открываютъ новые составы фарфороваго тѣста, имѣющіе тѣ или другія

преимущества. Эти открытія, когда они изучены и могутъ войти въ область промышленной практики, сообщаются подъ секретомъ французскимъ фарфоро-заводчикамъ. Такимъ образомъ, бывшій директоръ фабрики, г. Лотъ, открылъ новое тѣсто, извѣстное подъ именемъ „pâte tendre" (мягкое тѣсто), которое обжигается при менѣе высокой температурѣ, чѣмъ обыкновенный старый фарфоръ, и даетъ возможность получать такіе оттѣнки, особенно темно-голубые, какіе до сихъ поръ удавались съ трудомъ или совсѣмъ не выходили;—пріемы г. Лота сообщены были французскимъ фабрикантамъ подъ секретомъ. Новый директоръ, г. Декъ, также открылъ тѣсто, которое въ Сэврѣ называютъ „pâte nouvelle", и открытіе г. Дека также сообщено фабрикантамъ. Вообще въ послѣднее время въ керамикѣ сдѣлано много усовершенствованій. До сихъ поръ рисунки на фарфорѣ дѣлались на эмали послѣ обжиганія, и затѣмъ краски снова обжигались. Теперь въ Сэврѣ рисуютъ подъ эмалью, т.-е. прямо на фарфорѣ, затѣмъ накладываютъ эмаль и обжигаютъ. Придумали также способъ накладывать просвѣчивающія эмалевыя фигуры на эмаль, и получаются очень изящныя бѣлыя фигуры, через которыя въ тонкихъ мѣстахъ просвѣчивается голубой эмалевый фонъ.

Гобленовая обойная образуетъ въ Парижѣ настоящую рабочую колонію, только рабочіе этой колоніи—рѣдкіе художники. Они всѣ живутъ въ районѣ фабрики, занимающей обширное пространство—почти цѣлый кварталъ,—и тѣмъ болѣе искусны въ своемъ ремеслѣ, что они пріучаются къ нему съ самаго дѣтства. При фабрикѣ имѣется спеціальная обойная школа и въ ней преимущественно учатся дѣти художниковъ, состоящихъ на фабрикѣ; такимъ образомъ, ремесло переходитъ въ наслѣдство отъ отцовъ къ дѣтямъ. Всѣ работающіе на фабрикѣ считаются на государственной службѣ и, сравнительно, они получаютъ небольшое жалованье; но ремесло считается почетнымъ, а полное обезпеченіе и система наслѣдственной передачи до того привязываетъ рабочихъ къ фабрикѣ, что они ни за что не соглашаются ее оставить.

Не нужно быть большимъ знатокомъ обойныхъ, чтобы отличить гоблены отъ бовэ. Достаточно всмотрѣться: въ гобленахъ основа идетъ вертикально, а въ бовэ горизонтально. Впрочемъ работа въ бовэ далеко не такая тонкая, какъ въ гобленахъ, колоритъ не такой мягкій, и издѣлія бовэ въ десять разъ дешевле гобленовъ. И на двѣ обойныя фабрики государство тратитъ большія суммы, которыхъ она не покрываетъ продажей изготовленныхъ произведеній, несмотря на то, что панó гобленовъ стоитъ иногда 100 тыс. франковъ. Цѣна опредѣляется дѣйствительною стоимостью матеріала и работы, по числу рабочихъ часовъ. Государство на нихъ почти ничего не зарабатываетъ.

VII.

Самый полный промышленный отдѣлъ, само собою разумѣется, французскій. Французы расположились какъ у себя дома, широко, привольно. Въ какой бы классъ этого отдѣла вы ни вошли, васъ вездѣ поражаетъ изобиліе изящества и вкуса, съ которымъ всѣ вещи сгруппированы и разставлены. Дорогіе ліонскіе шелка и стальныя пилы, кожи и бронза, мѣдныя трубы, котлы и керамика, модныя шляпы и сырые металлы, дорогая мебель и стальные инструменты,—все расположено такъ декоративно, такъ все прельщаетъ взоръ, что вездѣ, раньше чѣмъ разсмотрѣть вещи въ отдѣльности, вы останавливаетесь, чтобы полюбоваться общимъ видомъ всей группы или всего класса. Стальные инструменты сложены въ декоративныя тріумфальныя ворота; такія же ворота, въ другомъ стилѣ, устроены изъ мѣдныхъ платунныхъ трубъ. Витрины вездѣ разставлены широко, такъ что легко охватить однимъ взглядомъ цѣлый рядъ однородныхъ вещей и обратить вниманіе на самыя выдающіяся.

Промышленные города Франціи собрали свои произведенія въ коллективныя выставки, образующія внутри дворца промышленности отдѣльныя галереи. Устройствомъ этихъ выставокъ завѣдывали торговыя камеры соотвѣтственныхъ городовъ.

Особеннымъ богатствомъ отличается галерея шолковыхъ тканей, устроенная ліонской торговой камерой. Въ производствѣ шолковыхъ тканей у Ліона нѣтъ соперниковъ. По добротности тканей, разнообразію и красотѣ узоровъ, по богатству и прелести красокъ, Ліонъ одинъ во всемъ мірѣ. Итальянцы, швейцарцы и особенно нѣмцы стараются конкуррировать съ Ліономъ, но у нихъ одного недостаетъ—вкуса. Нѣмцы, для конкурренціи съ Ліономъ, стали просто копировать ліонскіе узоры и краски, только худшимъ и зато болѣе дешевымъ матеріаломъ — смѣсью шолка и бумаги или шолкомъ дурного качества. Они пустили въ оборотъ цѣлую массу шолковыхъ тканей, по внѣшнему виду совершенно похожихъ на ліонскія, но гораздо болѣе дешевыя. При современномъ вкусѣ къ внѣшней роскоши, нѣмцамъ, особенно въ началѣ, удалось подорвать спросъ на хорошія ліонскія матеріи и вызвать даже промышленный и рабочій кризисъ въ Ліонѣ. Долго Ліонъ крѣпился, не желая разстаться съ своими стародавними, традиціонными способами производства, доставившими ему всемірную славу; но это было невозможно —это значило бы себя погубить, а нѣмецкіе суррогаты внушали ему глубокое отвращеніе. Но передъ неунимавшимся кризисомъ пришлось пойти на компромиссъ сохранивъ свои прежнія, давно выработанныя

производства, Ліонъ рядомъ съ ними сталъ изготовлять болѣе дешевыя ткани, примѣшивая бумагу къ шолку, и благодаря своему прирожденному вкусу, онъ сразу превзошелъ нѣмцевъ и въ этой новой фабрикаціи. Въ послѣднее время дѣла Ліона сильно поправились, тѣмъ болѣе, что мода на поддѣлки проходитъ и снова появляется спросъ на добротныя ткани.

Ліонъ не разъ переживалъ кризисы, и одинъ изъ самыхъ страшныхъ пришлось ему вынести ровно 100 лѣтъ тому назадъ, когда въ до-революціонную эпоху все измѣнялось, все перестраивалось, и между прочимъ костюмы временъ Людовика XV исчезли подъ давленіемъ тогдашней „англоманіи“. Въ моду вошли англійскіе костюмы; сукно въ мужской одеждѣ замѣнило бархатъ, атласъ и тафту, а въ женской—шолковыя ткани замѣнились шерстяными и бумажными [1]).

Но Ліонъ переноситъ кризисы стойко; онъ страдаетъ, но не погибаетъ, благодаря характеру его рабочихъ или, вѣрнѣе, благодаря сохранившемуся въ немъ патріархальному строю. Ліонъ представляетъ не промышленный только городъ—онъ промышленный центръ; шолковымъ производствомъ занимается въ настоящее время цѣлая область, въ районѣ 80 километровъ кругомъ города. Ліонская шолковая промышленность сохранила еще до сихъ поръ свою средневѣковую организацію труда; она до сихъ поръ осталась преимущественно кустарною, какою была триста лѣтъ тому назадъ. Всѣ чудеса, которыя можно видѣть въ витринахъ ліонской выставки, всѣ лучшія ткани, шолковыя и парчевыя картины, цѣлыя книги, тканыя шолкомъ такъ, что отличить нельзя отъ роскошной печати,—все это сдѣлано рабочими у себя на дому, а не на фабрикѣ. Въ Ліонѣ знаменитый рабочій кварталъ „la Croix-Rousse“ весь заселенъ кустарями, „canuts“; у рабочихъ свои ручные станки, и они работаютъ дома. Число станковъ въ каждомъ домѣ доходитъ отъ одного до пяти и до шести; это зависитъ отъ числа членовъ семьи, такъ какъ вся семья работаетъ у станковъ. Въ настоящее время въ городѣ насчитываютъ до 12.000 ручныхъ станковъ, въ окрестныхъ деревняхъ—около 60.000 такихъ же станковъ, а механическихъ—для матерій низшаго сорта—имѣется 20.000 т. ст. Всѣ изобрѣтенія, всѣ усовершенствованія въ ткацкихъ станкахъ сдѣланы въ Ліонѣ рабочими. Имя Жакара у нихъ постоянно въ головѣ, и они часто его вспоминаютъ; у каждаго рабочаго—страсть къ усовершенствованіямъ хотя бы незначительнымъ. Рабочій ліонскій такъ же привязанъ къ своему станку, какъ французскій крестьянинъ къ своей землѣ, и въ

[1]) Понятіе о тогдашнемъ кризисѣ могутъ дать слѣдующія цифры: въ 1784 году въ Ліонѣ было около 30 тыс. ткацкихъ станковъ, а въ 1788 было 14.782, изъ которыхъ только 9.335 работало.

тяжелыя времена онъ готовъ все перестрадать, но станка своего не покинетъ. Благодаря такимъ условіямъ труда, Ліонъ можетъ переживать кризисы и затѣмъ мигомъ воспрянуть и снова стать во главѣ шолковаго производства.

VIII.

Если мы заговорили о ліонской промышленности, то не потому только, что вопросъ самъ по себѣ представляетъ нѣкоторый интересъ,—о немъ написано нѣсколько очень поучительныхъ томовъ, —но отчасти для того, чтобы обратить на него вниманіе нашихъ „кустарефиловъ",—просимъ извинить такой варваризмъ. Насколько мы могли замѣтить, они не всегда отдаютъ себѣ отчетъ о положеніи кустарной промышленности въ другихъ странахъ, особенно во Франціи, и думаютъ поразить міръ издѣліями нашихъ кустарей. Съ весьма похвальнымъ намѣреніемъ привезена сюда масса самыхъ разнообразныхъ кустарныхъ издѣлій и размѣщена по витринамъ, по нашему, очень неизящнымъ, даже некрасивымъ, хотя и раскрашеннымъ довольно грубо, въ русскомъ стилѣ; витрины стоятъ въ отдѣлѣ „свободныхъ искусствъ". Но всѣ эти издѣлія, можетъ быть, производятъ впечатлѣніе въ московскомъ ремесленномъ базарѣ, но тутъ они имѣютъ видъ почти жалкій и изяществомъ никого не поразятъ, — скорѣе отсутствіемъ вкуса. Знаютъ ли наши кустарефилы, что всѣ ліонскія ткани дѣлаются также кустарями? Правда, есть нѣкоторая разница между ліонскимъ кустаремъ и нашимъ. Въ Ліонѣ фабрикантъ даетъ ткачу матеріалъ, тогда какъ у насъ кустарь покупаетъ его на свои средства. Впрочемъ, и послѣдній видъ кустарной промышленности сильно развитъ во Франціи. Тѣ, что въ Парижѣ называютъ „articles de Paris", всякаго рода игрушки, шкатулки,—составляютъ кустарную промышленность, и какія же вещи она выдѣлываетъ! На новый годъ въ Парижѣ сохранился обычай устраивать бараки, въ которыхъ продаются разныя парижскія кустарныя издѣлія. Въ Бретани простые крестьяне, не умѣющіе даже говорить по-французски, вышиваютъ шолкомъ по сукну разныя принадлежности бретонскаго костюма: куртки, жилеты, женскіе корсажи и пр.; но эти вышивки несравненно изящнѣе тѣхъ, которыя выставлены въ нашемъ отдѣлѣ, и за которыя запрашиваютъ неслыханныя цѣны.

Наша кустарная промышленность вообще представлена на выставкѣ очень широко. Какой-то вологжанинъ, простой кустарь, пріѣхалъ на выставку показывать французамъ, какъ выдѣлываютъ разныя вещи изъ рога. Мы уже упомянули о г. Зеленинѣ. Кустари Сергіевскаго

посада устроили на Марсовомъ-полѣ русскую избу и тамъ, независимо отъ комитета русскаго отдѣла, устроили свою собственную выставку и продаютъ свои издѣлія. Дѣла ихъ, какъ увѣряли, идутъ хорошо. Особеннымъ успѣхомъ пользуются рѣзные складни, шкатулки, ложки, фигурки. Одинъ рабочій сидитъ тутъ же и вырѣзываетъ крестики.

Самый интересный видъ кустарной промышленности въ русскомъ отдѣлѣ,—это пряденіе оренбургскихъ платковъ. Пріѣхала съ очень хорошимъ товаромъ изъ-за Оренбурга прядильщица г. Кретова и сама работаетъ на выставкѣ. Только сидитъ она въ такомъ узкомъ проходѣ между витринами, что ее никто не видитъ. У бельгійцевъ, напр., на самомъ видномъ мѣстѣ сидятъ работницы и выдѣлываютъ кружева.

Успѣхъ выставки, между тѣмъ, все ростетъ, и никогда еще ни на одной изъ предыдущихъ выставокъ не было такого стеченія народа, какъ на нынѣшней. Были дни, когда на выставкѣ, главнымъ образомъ на Марсовомъ-полѣ съ Трокадеро, насчитывали болѣе 350 тысячъ платныхъ посѣтителей, не считая безплатныхъ, которыхъ тоже было около 20 тысячъ.

Толпа начинаетъ стекаться къ двѣнадцати часамъ, и значительная часть является съ корзинками, полными съѣстныхъ припасовъ для обѣда (по парижскому обычаю, отъ 6 и до 8 часовъ вечера). Утромъ отъ 8 до 10 часовъ на выставкѣ, кромѣ прислуги, нѣкоторыхъ экспонентовъ и тѣхъ сравнительно немногихъ, которые видятъ въ ней предметъ, достойный изученія, никого нѣтъ. Эти утренніе часы справедливо названы „heures d'étude“ (учебные часы): для ознакомленія съ выставкой—это самое удобное время.

Толпа несется главнымъ образомъ туда, гдѣ ей забавно: она наполняетъ машинную галерею, гдѣ отъ часу и до 5½ всѣ машины въ ходу, — въ эти часы тутъ циркулировать почти невозможно, — наводняетъ нижній этажъ дворца изящныхъ искусствъ,—на верхній этажъ она не поднимается (излишне прибавлять, что лучшія вещи именно тамъ),—особенно осаждаетъ башню Эйффеля—настоящій „clou“ выставки,—гдѣ нужно прождать очереди въ длинномъ рядѣ кандидатовъ больше часу (иногда и цѣлыхъ два), чтобы подняться на вторую платформу по подъемной машинѣ,—но въ сущности, все это носитъ базарный характеръ. А базарная сторона выставки развита до совершенно невиданныхъ размѣровъ. Какая-то высокопоставленная особа,—разсказываютъ въ Парижѣ,—выразилась, что для успѣха выставки и нужно, чтобы она изображала ярмарку и... Мы можемъ только сказать, что

эти слова, поскольку они касаются ярмарочной стороны дѣла, въ большой мѣрѣ осуществились. Можно съ увѣренностью утверждать, что во всей громадной толпѣ, рѣющей по выставкѣ, врядъ ли найдется три процента являющихся туда за художественнымъ наслажденіемъ или для удовлетворенія научной любознательности. Громадное большинство публики видитъ въ выставкѣ собраніе поразительныхъ или очень забавныхъ курьезовъ и ходитъ туда только для развлеченія. Въ дѣйствительно интересныхъ вещахъ, встрѣчающихся на выставкѣ, большинство—97 процентовъ—понимаетъ мало, и поэтому мало ими интересуется. Въ галереяхъ промышленнаго отдѣла, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ собраны дамскіе модные костюмы, привлекающіе толпу провинціальныхъ дамъ, — публики очень мало; еще меньше ея въ „Palais des arts libéraux", большая часть котораго занята выставкой исторіи труда и антропологическихъ наукъ.

На Марсовомъ-полѣ самое главное развлеченіе для публики — Эйфелева башня. Роль башни въ успѣхѣ нынѣшней выставки такъ велика и до того превзошла всѣ ожиданія, что мы считаемъ не безъинтереснымъ теперь, когда она окончательно готова, сообщить еще нѣкоторыя подробности, касающіяся ея эксплуатаціи.

Вся башня дѣлится на двѣ части: до высоты 115 метровъ она состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ быковъ, соединенныхъ только двумя платформами—одной на высотѣ 55 метровъ, образующей первый этажъ, и другой на высотѣ 115 метровъ, образующей второй этажъ. Эти двѣ платформы составляютъ единственныя поперечныя скрѣпленія между быками. Каждый быкъ въ отдѣльности составляетъ рѣшетчатую балку призматической формы, дающую въ перпендикулярномъ сѣченіи квадратъ въ 15 метровъ ($7^1/_2$ саженъ) по сторонѣ.

Начиная отъ второй платформы, четыре отдѣльные быка соединяютъ пирамиду, со слегка вогнутыми ребрами, и эта пирамида идетъ до конца, гдѣ она увѣнчана маякомъ. Публика до самаго конца башни не доходитъ. Она остается на такъ-называемой третьей платформѣ, на 25 метровъ ниже вершины. Между маякомъ и третьей платформой выстроена камера, въ которой помѣщается метеорологическая обсерваторія.

Четыре подъемныя машины, помѣщенныя въ быкахъ, поднимаютъ публику на башню: двѣ, французской системы Ру и Комбалузье, въ быкахъ симметричныхъ по діагонали, — ведутъ въ первый этажъ; двѣ другія—американской системы Этисъ—прямо во второй; изъ нихъ одна отправляется съ перваго этажа, а другая снизу. Всѣ машины приводятся въ движеніе давленіемъ воды, накопленной въ резервуарахъ, помѣщенныхъ на второй платформѣ на высотѣ 115 метровъ (приблизительно 57 саженъ). Названныя системы отличаются одна

отъ другой способомъ передачи движенія поршней гидравлической машины подъемному ящику: во французской системѣ эта передача совершается при помощи зубчатаго колеса и безконечнаго ремня, и переданная скорость умножена на 13; другими словами, когда поршень перемѣщается на 4½ метра, подъемный ящикъ—кабина—поднимается на первый этажъ, т.-е. на высоту 55 метровъ. Кабина двухъэтажная поднимается со скоростью одного метра въ секунду,—все путешествіе, такимъ образомъ, длится меньше минуты — и за-разъ она поднимаетъ на первую платформу 80 человѣкъ.

Въ американской системѣ движеніе поршней сообщается кабинѣ помощью системы блоковъ, и скорость этого движенія передается помноженною на 12: когда поршень перемѣщается на одинъ метръ, кабина перемѣщается на 12 метровъ и со скоростью почти двухъ метровъ въ секунду; она тоже двухъ-этажная и перевозитъ только 30 человѣкъ за-разъ. Всѣ машины снабжены автоматическими тормазами, такъ что еслибы кабель порвался, машина остановилась бы моментально. Когда вы входите въ быкъ, гдѣ помѣщается подъемная машина, вы попадаете въ какое-то рѣшетчатое строеніе, которое имѣетъ видъ желѣзнаго скелета для зданія. Пространство внутри очень обширно—15 квадр. метровъ. Вы стоите на каменномъ фундаментѣ башни и можете разсмотрѣть, какъ четыре ребра быка укрѣплены въ четыре наклонныя каменныя плиты, вершающія четыре отдѣльныя каменныя массивныя призмы, уходящія вглубь земли. Между каменными призмами устроено углубленіе въ видѣ подвала, въ которомъ помѣщается гидравлическая машина. Тутъ очень легко разсмотрѣть движеніе поршней и всѣ передаточные механизмы. Передъ вами въ пустомъ пространствѣ быка, параллельно его наклону, уходитъ вверхъ рельсовый путь, по которому движется на колесахъ кабина. Самый путь по наклону очень похожъ на путь горныхъ желѣзныхъ дорогъ, напр. дороги, идущей на Риги (въ Швейцаріи). Тутъ между рельсами также проложена лѣстница, которой назначеніе, правда, совершенно другое, чѣмъ въ горныхъ дорогахъ. Движеніе самой кабины съ выступающими впередъ колесами напоминаетъ движеніе крупной черепахи, чему немало способствуетъ самая форма кабины.

Чтобы попасть въ подъемную кабину, приходится ждать очереди. Еще въ первый этажъ попасть легко: публика стремится во второй этажъ, откуда новая подъемная машина ведетъ на послѣднюю платформу. Наклонъ быка и рельсоваго пути мѣняется между первой и второй платформой — онъ уменьшается, приближаясь къ вертикалу, и соотвѣтственно этому мѣняется ощущеніе, которое испытывается въ поднимающейся кабинѣ. Она устроена такъ, что до

перваго этажа сидящіе въ ней наклонены назадъ; при перемѣнѣ изгиба, сидящіе наклоняются впередъ, какъ въ качающемся креслѣ.

Ѣзда до второй платформы длится нѣсколько больше двухъ минутъ. По мѣрѣ того, какъ вы поднимаетесь, люди, гуляющіе по выставкѣ, строенія и всѣ предметы, отъ которыхъ вы удаляетесь, становятся меньше, но вы не чувствуете, что вы поднимаетесь въ пустотѣ. Всѣ перекрещивающіеся желѣзные раскосы, между которыми вы ѣдете, производятъ впечатлѣніе чего-то очень тяжелаго, массивнаго, очень прочнаго, а раскосовъ такъ много, что вы находитесь точно въ громадной желѣзной клѣткѣ.

На второй платформѣ поѣздъ мѣняется, и снова приходится ждать очереди—иногда очень долго. Отсюда до третьей платформы идетъ только одна подъемная машина, другой французской системы—Эду (Edoux). Въ настоящее время это—одна изъ самыхъ распространенныхъ системъ; она, между прочимъ, употребляется въ минаретахъ трокадерскаго дворца. Кабина поднимается двумя гидравлическими поршнями, на которыхъ она укрѣплена, и которые скользятъ въ двухъ цилиндрахъ наполняющихся водой изъ резервуара, устроеннаго на третьей платформѣ (на высотѣ 275 метровъ). Само собою понятно, что при этой системѣ длина цилиндра или поршня должна равняться длинѣ перемѣщенія кабины. Поэтому въ домахъ, гдѣ примѣняется система Эду, приходится устраивать подъ домомъ колодезь, длиною равный высотѣ дома, для помѣщенія цилиндра, куда поршень погружается по мѣрѣ опусканія кабины. На башнѣ это устроено нѣсколько иначе: разстояніе между второй и третьей платформой—160,4 метра. На полдорогѣ, т.-е. на высотѣ 80,2 метра, устроена промежуточная платформа, гдѣ собственно и помѣщена подъемная машина—кабина, поднимающаяся на двухъ параллельныхъ поршняхъ, каждый длиною въ 80,4 м., до третьей платформы. При движеніи кабины внизъ поршни погружаются въ два вертикальные цилиндра, укрѣпленные между второй и промежуточной платформой. Остается еще обезпечить подъемъ со второй платформы на промежуточную. Для этого къ кабинѣ, сидящей на поршняхъ, подвѣшена на плоскихъ кабеляхъ (особеннаго устройства—въ видѣ ремней), перекинутыхъ черезъ блоки, установленные на третьей платформѣ, другая кабина—такъ, что когда первая поднимается съ промежуточной платформы на третью, вторая опускается съ промежуточной на вторую. На промежуточной платформѣ обѣ кабины встрѣчаются и обмѣниваются пассажирами, которые останавливаться тамъ не могутъ.

Эта машина также снабжена автоматическимъ тормазомъ.

Длится это путешествіе со второй платформы на третью сравнительно долго—около 9 минутъ; машина идетъ медленно, и за-разъ

поднимается 50 человѣкъ. Понятно, что на второй платформѣ всегда очень много кандидатовъ, ожидающихъ очереди; по однѣмъ машинамъ, не считая лѣстницъ, можетъ подняться туда черезъ каждыя пять минутъ 120 человѣкъ.

Самымъ интереснымъ намъ кажется подъемъ отъ второй до промежуточной платформы. На всемъ этомъ протяженіи кабина—одноэтажный душный ящикъ со стеклянными въ верхней половинѣ стѣнами—идетъ вертикально посреди пирамиды, въ которой совершенно цѣльными, снизу до верху, остаются только угловыя ребра, да съ каждой стороны по одному стержню между ними.

Раскосы между стержнями и ребрами, сравнительно съ тѣмъ, что видно въ быкахъ, встрѣчаются рѣже, и они отъ васъ дальше,—разстояніе варіируетъ между 16 и 13 метрами; впечатлѣніе массивности и даже прочности совершенно исчезаетъ; пирамида кажется чрезвычайно легкой, и у васъ получается полное ощущеніе путешествія въ воздухѣ среди очень легкой клѣтки. Отъ промежуточной платформы до третьей рёбра и раскосы снова приближаются, клѣтка съуживается, и впечатлѣніе полной свободы теряется.

Третья платформа еще настолько обширна,—16 метровъ по каждой сторонѣ,—что она можетъ вмѣстить до 800 человѣкъ. На случай сильнаго вѣтра,—наверху вѣтеръ дуетъ часто,—она окружена окнами. Дрожанія башни тутъ несомнѣнно чувствуются. Достаточно держаться крѣпко за бортъ стѣны, окружающей платформу, чтобы отчетливо почувствовать—въ слабой, правда, степени—то, что мы испытываемъ на качели. Оно и понятно: довольно постояннаго хода подъемныхъ машинъ, не считая паровой водокачалки для резервуаровъ, помѣщающейся въ одномъ изъ быковъ, чтобы произвести подобныя дрожанія.

Съ третьей платформы видъ скорѣе интересенъ, чѣмъ красивъ. Отъ дворцовъ выставки остаются однѣ стеклянныя крыши. Сена превращается въ узкій каналъ, по которому идутъ крошечные пароходики. Люди, гуляющіе въ паркѣ, кажутся маленькими ходячими куклами. Парижъ, виденъ съ птичьяго полета, особенно сосѣдніе кварталы. Высокіе кварталы, какъ Montmartre, кажутся недалеко отъ башни. Но весь городъ кажется сѣрой каменной грудой. За городомъ, вдали, трудно что-нибудь разобрать, изъ-за легкаго тумана, который почти всегда стоитъ надъ Парижемъ. Вторая платформа представляетъ площадь въ 350 кв. саж. Отсюда видъ болѣе привлекателенъ, чѣмъ съ третьей платформы. Но самый лучшій видъ на выставку получается съ первой платформы, особенно вечеромъ при полномъ освѣщеніи. Первая платформа—настоящая площадь (въ ней болѣе 1.000 кв. саж.); тутъ всегда столько народу, что какъ-то забы-

ваешь, что находишься на высотѣ 55 метровъ. Здѣсь же четыре громадные ресторана, въ которыхъ устраивать банкеты теперь въ большой модѣ.

Общество башни сдѣлало, какъ оказывается, очень выгодное дѣло. Отъ государства оно получило только полтора милліона. Но если успѣхъ башни будетъ все рости, какъ онъ теперь ростетъ, то оно за періодъ выставки покроетъ всѣ расходы и выручитъ еще значительный барышъ. Бываютъ дни, когда на башню поднимается болѣе 20 тыс. человѣкъ! Цѣны назначены сравнительно невысокія: до первой платформы стоитъ 2 фр., отъ первой до второй 1 фр., а отъ второй до третьей 2 франка.

М.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1889 г.

Подробности проектируемой замѣны уѣздныхъ участковыхъ мировыхъ судей.—Неудобства соединенія въ одномъ лицѣ обязанностей слѣдователя и судьи.—Роль, предназначаемая почетнымъ мировымъ судьямъ.—Стоимость реформы.—Волостные суды и тѣлесное наказаніе.—Постепенность въ осуществленіи преобразованій.—Распоряженіе попечителя дерптскаго учебнаго округа.

Мы говорили въ прошедшій разъ, на основаніи газетныхъ слуховъ, о перемѣнахъ въ судопроизводствѣ, тѣсно связанныхъ съ предстоящей административной реформой. Теперь мы имѣемъ передъ собою самый текстъ правилъ, составленныхъ министерствомъ юстиціи. Главныя ихъ черты были переданы въ газетахъ совершенно вѣрно. Участковыхъ мировыхъ судей предполагается упразднить не только въ уѣздахъ, но и въ большинствѣ городовъ; сохраняются они только въ губернскихъ городахъ и въ тѣхъ изъ числа уѣздныхъ, гдѣ возникаетъ ежегодно не менѣе 1.000 дѣлъ (въ восьми губерніяхъ, съ которыхъ имѣется въ виду начать осуществленіе реформы, такихъ городовъ насчитывается лишь около десяти). Городскіе мировые судьи назначаются министерствомъ юстиціи, становясь во всѣхъ отношеніяхъ на одинъ уровень съ судебными слѣдователями. Выборное начало остается въ силѣ только для почетныхъ мировыхъ судей, но въ засѣданіяхъ уѣзднаго отдѣленія окружного суда (замѣняющаго собою мировой съѣздъ) они присутствуютъ по очереди, установленной окружнымъ судомъ, въ числѣ, не превышающемъ числа остальныхъ членовъ, и ни въ какомъ случаѣ не могутъ исполнять обязанностей предсѣдателя. Тамъ, гдѣ нѣтъ участковыхъ мировыхъ судей, мѣсто ихъ заступаютъ судебные слѣдователи, по всѣмъ дѣламъ, не относимымъ къ вѣдѣнію земскихъ начальниковъ и волостныхъ судовъ. Судебные слѣдователи входятъ въ составъ уѣзднаго отдѣленія окружного суда; предсѣдатель его пользуется правами члена окружного суда. Уѣздному отдѣленію могутъ быть подчинены два или бо-

лѣе смежныхъ уѣзда; но подвѣдомственныя ему дѣла оно обязательно разбираетъ въ томъ уѣздѣ, въ которомъ они возникли. Къ этой организаціи вполнѣ примѣнимы всѣ замѣчанія, сдѣланныя нами въ предыдущемъ обозрѣніи. Она носитъ на себѣ нѣкоторые слѣды приспособленія къ обстоятельствамъ; это—не возможно-лучшее устройство судебной части, а только соглашеніе ея съ данными условіями. Составители проекта не могли не видѣть всѣхъ неудобствъ, сопряженныхъ сліяніемъ въ одномъ лицѣ обязанностей слѣдователя и судьи; они не могли не знать, что производство слѣдствій требуетъ безпрерывныхъ передвиженій въ предѣлахъ участка, а судебное разбирательство—постояннаго присутствія въ опредѣленномъ пунктѣ. При другомъ положеніи дѣлъ они едва ли рѣшились бы предложить установленіе подобнаго порядка; но вопросъ былъ поставленъ такъ, что свободнымъ, очевидно, оставался только выборъ мѐньшаго изъ двухъ золъ, и такимъ мѐньшимъ зломъ, сравнительно съ простымъ расширеніемъ компетенціи окружного суда, могло показаться учрежденіе слѣдователей-судей. Этимъ путемъ сохраняется, до извѣстной степени, по меньшей мѣрѣ одно изъ преимуществъ упраздняемой системы—*близость* суда по маловажнымъ дѣламъ, къ которой населеніе, за послѣднія двадцать лѣтъ, успѣло привыкнуть. Но уравновѣшивается ли, однако, эта выгода—потерей всякой надежды на правильную организацію слѣдственной части? Ея недостатки обнаружились весьма скоро послѣ судебной реформы; надъ изслѣдованіемъ ихъ трудилось нѣсколько коммиссій, и всѣ были согласны въ томъ, что именно здѣсь слѣдуетъ искать ахиллесову пяту нашего уголовнаго процесса. Почти каждый разъ, когда громкое уголовное дѣло оканчивалось, вопреки общему ожиданію, оправдательнымъ вердиктомъ, настоящей причиной оправданія оказывались пробѣлы или ошибки предварительнаго слѣдствія. Необходимость поднять институтъ судебныхъ слѣдователей, привлечь къ нему и удержать въ его средѣ наиболѣе опытныхъ и способныхъ криминалистовъ, становилась все болѣе и болѣе очевидной; можно было думать, что вопросъ окончательно созрѣлъ, и что разрѣшеніе его замедляется только въ силу финансовыхъ соображеній. И вдругъ дѣло принимаетъ совершенно другой оборотъ; на судебныхъ слѣдователей возлагаются новыя обязанности, при которыхъ не можетъ быть и рѣчи ни о повышеніи требованій отъ кандидатовъ на эту должность, ни о безукоризненномъ производствѣ слѣдствій. Перемѣна, казавшаяся близкой, откладывается на неопредѣленное время; предварительное слѣдствіе остается больнымъ мѣстомъ судебнаго организма.

Къ старому недугу грозитъ, притомъ, присоединиться новый. Если разборъ маловажныхъ судебныхъ дѣлъ будетъ мѣшать произ-

водству слѣдствій, то и послѣднее, въ свою очередь, будетъ неблагопріятно отзываться на первомъ. Для мирового судьи рѣшеніе дѣлъ было главной, основной задачей, на которой, такъ или иначе, сосредоточивались его лучшія силы; для слѣдователя оно можетъ отойти въ разрядъ curae posteriores, второстепенныхъ функцій, отправляемыхъ когда и какъ придется... Правда, соединеніе въ одномъ лицѣ обязанностей слѣдователя и судьи не представляется у насъ чѣмъ-то безусловно новымъ; оно существуетъ за Кавказомъ, въ туркестанскомъ краѣ, въ архангельской губерніи, но порядки, дѣйствующіе въ отдаленныхъ концахъ имперіи, едва ли могутъ служить образцомъ для великорусскихъ губерній. Прогрессомъ считалось, до сихъ поръ, уравненіе окраинъ съ центромъ, а отнюдь не центра съ окраинами, и, вдобавокъ, съ окраинами наименѣе цивилизованными, наиболѣе отставшими отъ общаго движенія. Разбирая, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ [1]), законъ 12-го декабря 1887 г. о введеніи мировыхъ судебныхъ установленій въ архангельской губерніи, мы имѣли уже случай замѣтить, что, даже по отношенію къ ней, не было достаточнаго повода отступать отъ основныхъ началъ судоустройства; тѣмъ менѣе цѣлесообразнымъ это отступленіе представляется теперь, когда оно возводится на степень общаго правила. Движеніе назадъ опасно, между прочимъ, именно потому, что трудно опредѣлить заранѣе его размѣры; это—наклонная плоскость, на которой не всегда можно остановиться. Когда мы спрашивали себя, не слѣдуетъ ли видѣть въ законѣ 12-го декабря начало возвращенія къ до-реформенному судебному строю, мы не ожидали, что на этотъ вопросъ такъ скоро будетъ данъ утвердительный отвѣтъ; мы знали только, что за первымъ шагомъ въ извѣстномъ направленіи слишкомъ легко могутъ послѣдовать другіе, болѣе рѣшительные. Порядокъ, не испытанный еще на опытѣ или давшій болѣе чѣмъ сомнительные результаты, можетъ, тѣмъ не менѣе, быть обращенъ въ прецедентъ и явиться оправданіемъ для дальнѣйшихъ перемѣнъ, проникнутыхъ тѣмъ же самымъ духомъ. Нужно было бы доказать, что соединеніе, въ архангельской губерніи, обязанностей слѣдователя и судьи достигаетъ желанной цѣли—а между тѣмъ это признается какъ бы доказаннымъ и служитъ однимъ изъ мотивовъ къ распространенію той же системы на мѣстности, не имѣющія ничего общаго съ сѣверной окраиной Россіи.

Посмотримъ теперь поближе на положеніе, создаваемое проектомъ для почетныхъ мировыхъ судей. До сихъ поръ почетный мировой судья, живущій вблизи мѣста пребыванія съѣзда, располагающій достаточнымъ запасомъ свободнаго времени и готовый потру-

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 2 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

диться для общей пользы, имѣлъ полную возможность принимать участіе въ каждомъ засѣданіи съѣзда, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что почти во всѣхъ уѣздахъ (земскихъ губерній) было, по меньшей мѣрѣ, по одному почетному судьѣ, который пользовался этою возможностью. Изъ среды такихъ судей нерѣдко избирались предсѣдатели и непремѣнные члены съѣздовъ. Другіе почетные судьи посѣщали съѣздъ сравнительно рѣдко, но только потому, что жили въ отдаленныхъ губерніяхъ или были обременены собственными дѣлами; пріѣзжая на время въ родной уѣздъ или освобождаясь отъ занятій, они охотно становились судьями не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ, и ихъ труды часто имѣли большую цѣнность. Достаточно припомнить, что къ судьямъ этой категоріи принадлежалъ покойный С. И. Зарудный. Каждый почетный судья, отправляясь на съѣздъ, зналъ, что для него тамъ всегда найдется мѣсто; никто не могъ ни требовать отъ него явки въ опредѣленный день, ни воспретить ему засѣдать на съѣздѣ, разъ что онъ туда явился. Сенатъ слѣдилъ лишь за однимъ,—чтобы званіе почетнаго мирового судьи не обращалось въ пустой титулъ; другими словами, не допускалось только безусловное, систематическое уклоненіе почетнаго судьи отъ исполненія судейскихъ обязанностей. Были, конечно, судьи, сводившіе эти обязанности почти къ нулю; но ихъ было немного, и они во всякомъ случаѣ никому и ничему не мѣшали. Не таковъ порядокъ, проектируемый на будущее время. Къ присутствованію въ уѣздномъ отдѣленіи окружного суда почетные судьи призываются по очереди, установляемой окружнымъ судомъ. Иными словами, почетный судья *долженъ* являться въ засѣданія, въ назначенные для того дни, а въ другіе дни *не въ правѣ* участвовать въ засѣданіи. Уничтожается, такимъ образомъ, всякая разница между почетными судьями усердными и неусердными, свободными отъ постороннихъ занятій и несвободными, постоянно живущими въ мѣстѣ пребыванія съѣзда и пріѣзжающими туда только на время. Регламентируется трудъ, по самому своему существу не подлежащій строгой регламентаціи; одна и та же его сумма требуется отъ людей, поставленныхъ въ совершенно различныя условія. Однимъ не позволяютъ удѣлять судейской дѣятельности столько времени, сколько они могли и желали бы посвятить ей; другихъ обязываютъ работать больше, чѣмъ они въ силахъ. Этого мало: являясь въ уѣздное отдѣленіе окружного суда, очередной почетный судья никогда не будетъ увѣренъ въ томъ, что его допустятъ къ участію въ засѣданіи. Число наличныхъ почетныхъ судей не должно превышать числа наличныхъ коронныхъ членовъ отдѣленія; отсюда явствуетъ, что, въ случаѣ внезапной болѣзни или отлучки одного изъ коронныхъ членовъ, равновѣсіе должно

быть возстановлено удаленіемъ одного изъ почетныхъ судей. А такіе случаи несомнѣнно будутъ встрѣчаться весьма часто, въ виду соединенія въ одномъ лицѣ обязанностей судьи и слѣдователя. Когда бы ни пришло извѣстіе о важномъ преступленіи, совершонномъ за городскою чертою, слѣдователь, въ участкѣ котораго оно совершено, долженъ немедленно выѣхать изъ города, и если въ это время предстоитъ или уже началось засѣданіе уѣзднаго отдѣленія, то изъ его состава долженъ быть исключенъ тотъ или другой почетный мировой судья. Понятно, что одна вѣроятность подобныхъ сюрпризовъ послужитъ для многихъ достаточнымъ поводомъ къ отказу отъ званія почетнаго судьи. Кто имѣетъ только изрѣдка возможность отправлять судейскія обязанности, тотъ не захочетъ подвергаться риску приглашенія въ судъ какъ разъ въ такое время, когда онъ находится вдали отъ мѣста пребыванія суда или занятъ другимъ, неотложнымъ дѣломъ; кто готовъ былъ бы принимать участіе въ каждомъ засѣданіи суда, тотъ не легко примирится съ мыслью, что доступъ къ судейскому креслу открытъ для него только въ извѣстные дни и закрытъ въ другіе; всѣмъ, наконецъ, одинаково непріятна будетъ перспектива быть призваннымъ въ составъ суда и вслѣдъ затѣмъ удаленнымъ оттуда, вслѣдствіе неприбытія одного изъ коронныхъ судей... Основною чертою проекта—насколько онъ касается почетныхъ мировыхъ судей—является какъ будто *недовѣріе*, недовѣріе къ званію и къ лицамъ. Только имъ однимъ можно объяснить стремленіе ограничить свободу дѣйствій почетныхъ судей и нежеланіе допустить, чтобы на ихъ сторонѣ оказалось, хотя бы случайно, большинство уѣзднаго отдѣленія окружного суда. И это весьма понятно. Выборные почетные судьи — это часть нынѣ дѣйствующей судебной организаціи, переносимая въ совершенно иныя, отчасти противоположныя условія. Чуждое невольно возбуждаетъ подозрѣнія, всегда держится въ тѣсныхъ границахъ; самое большее, на что оно можетъ разсчитывать—это терпимость. И дѣйствительно, проектъ только терпитъ почетныхъ мировыхъ судей, тщательно заботясь о томъ, чтобы они не могли имѣть преобладающаго вліянія на рѣшенія уѣздныхъ отдѣленій. Послѣдовательнѣе было бы, какъ намъ кажется, вовсе упразднить учрежденіе, призванное къ жизни именно *довѣріемъ* къ обществу—или замѣнить *выборныхъ* почетныхъ судей *назначенными*, по примѣру западныхъ губерній. Конечно, назначенные почетные судьи имѣютъ болѣе орнаментальный, чѣмъ реальный характеръ, но вѣдь и выборнымъ почетнымъ судьямъ суждено быть, по мысли проекта, именно такимъ орнаментомъ Сущность новой судебной организаціи направлена противъ участія общества въ отправленіи правосудія; потому этой цѣли соотвѣтствуетъ и составъ новыхъ учрежденій. Со-

храненіе выборныхъ почетныхъ судей, ничего, въ сущности, не измѣняя, можетъ только затемнить истинный смыслъ нововведенія.

Вѣденію уѣздныхъ отдѣленій окружного суда предположено подчинять въ иныхъ мѣстахъ только одинъ уѣздъ, въ другихъ — два или болѣе. Мы думаемъ, что больше двухъ уѣздовъ едва ли окажется возможнымъ соединять въ одно судебное цѣлое. На предсѣдателя отдѣленія возлагается уже теперь не мало добавочныхъ занятій; онъ не только замѣняетъ собою непремѣннаго члена мирового съѣзда, но и производитъ, по порученію окружного суда, допросъ свидѣтелей, осмотры на мѣстѣ, дознанія черезъ окольныхъ людей, ревизію мировыхъ судей и судебныхъ слѣдователей и т. п. Онъ можетъ быть также призываемъ къ участію и даже къ предсѣдательствованію въ выѣздныхъ сессіяхъ окружного суда. Въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ, по всей вѣроятности, еще большее расширеніе функцій предсѣдателя уѣзднаго отдѣленія; равно какъ и самого отдѣленія, въ полномъ его составѣ. Можно ли ожидать, затѣмъ, что предсѣдатель отдѣленія успѣетъ побывать, ежемѣсячно, въ трехъ уѣздныхъ городахъ и въ каждомъ изъ нихъ подготовить и привести къ концу сессію отдѣленія? А между тѣмъ мировые съѣзды пріучили населеніе къ ежемѣсячному разбору дѣлъ, подсудныхъ мировымъ установленіямъ. Болѣе продолжительные промежутки между сессіями повлекли бы за собою притомъ такое накопленіе дѣлъ, которое слишкомъ долго удерживало бы слѣдователей-судей вдали отъ ихъ участковъ. Немало, наконецъ, и такихъ уѣздовъ, изъ которыхъ каждый, въ отдѣльности взятый, доставитъ достаточно работы отдѣленію окружного суда. Мы едва ли ошиблись, поэтому, говоря, въ прошедшій разъ, что предсѣдателей уѣздныхъ отдѣленій придется назначить не менѣе двухсотъ (въ тридцати-шести губерніяхъ, на которыя предполагается распространить новые порядки, числится около четырехсотъ уѣздовъ). Содержаніе предсѣдателя отдѣленія опредѣляется въ 2.700 рублей; содержаніе секретаря — въ 600 рублей; вмѣстѣ съ канцелярскими расходами и разъѣздными деньгами (тамъ, гдѣ одному отдѣленію подчиняются два уѣзда) все это составитъ, среднимъ числомъ, до пяти тысячъ рублей на отдѣленіе, а на двѣсти отдѣленій — милліонъ рублей. Такой же суммы потребуетъ учрежденіе одной лишней должности слѣдователя на каждый уѣздъ (2.500×400), и во многихъ уѣздахъ придется, по всей вѣроятности, назначить вновь больше чѣмъ по одному слѣдователю. Если присоединить ко всему этому добавочные пятьсотъ рублей, ассигнуемые каждому слѣдователю, и квартирныя деньги для слѣдователей вновь назначенныхъ, то стоимость новыхъ учрежденій приблизится къ тремъ милліонамъ рублей. Напрасно было бы думать, что эта из-

держка будетъ уравновѣшена, хотя отчасти, упраздненіемъ уѣздныхъ мировыхъ судей и мировыхъ съѣздовъ. Всѣ сбереженія, проистекающія изъ этого источника, пойдутъ на содержаніе земскихъ начальниковъ и ихъ съѣздовъ. Хотя земскихъ начальниковъ и будетъ, быть можетъ, нѣсколько меньше, чѣмъ числилось до сихъ поръ участковыхъ мировыхъ судей, хотя съ учрежденіемъ ихъ будутъ закрыты крестьянскія присутствія и уничтожена должность непремѣннаго члена, но зато содержаніе земскаго начальника будетъ, въ среднемъ, выше содержанія мирового судьи. Въ послѣднемъ счетѣ сумма расходовъ на земскихъ начальниковъ, съ ихъ съѣздами и губернскими по сельскимъ дѣламъ присутствіями, окажется, безъ сомнѣнія, не меньше, чѣмъ сумма расходовъ на теперешнія крестьянскія присутствія, на мировыхъ судей и на мировые съѣзды, а стоимость новыхъ судебныхъ учрежденій ляжетъ добавочнымъ бременемъ на массу народа.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы сообщили, со словъ одной московской газеты, утѣшительную вѣсть о томъ, что при преобразованіи волостныхъ судовъ въ остзейскихъ губерніяхъ предполагается совершенно отмѣнить право волостного суда присуждать крестьянъ къ тѣлесному наказанію. Мы выразили надежду, что тому же самому ограниченію будетъ подвергнута карательная власть волостныхъ судовъ и во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ Россіи, такъ какъ нельзя же допустить, чтобы чувство чести было менѣе развито у великоруссовъ и малоруссовъ, чѣмъ у латышей и эстовъ. Теперь ходятъ слухи другого рода. Говорятъ, что тѣлесныя наказанія остаются въ силѣ для остзейскихъ губерній, какъ и для всѣхъ остальныхъ; говорятъ, что право присуждать къ тѣлесному наказанію будетъ предоставлено земскому начальнику не только косвенно (путемъ передачи дѣла на разсмотрѣніе волостного суда), но и прямо; говорятъ, что къ числу проступковъ, влекущихъ за собою тѣлесное наказаніе, будутъ отнесены мелкія поврежденія чужой собственности, караемыя теперь небольшимъ денежнымъ штрафомъ или краткосрочнымъ арестомъ. Для остзейскихъ губерній допускается будто бы только одно изъятіе: признанному виновнымъ въ проступкѣ, за который можетъ быть назначено тѣлесное наказаніе, предоставляется выборъ между этимъ наказаніемъ и другимъ (вѣроятно, арестомъ или отдачей въ общественныя работы). Изъ всѣхъ этихъ слуховъ болѣе или менѣе правдоподобнымъ кажется намъ только послѣдній. Расширенію сферы тѣлесныхъ наказаній и включенію ихъ въ число мѣръ, непосредственно зависящихъ отъ земскаго начальника, мы рѣшительно отказываемся вѣрить. Не можетъ быть, чтобы введеніе

новаго порядка, которому предстоитъ еще доказать свои права на сочувствіе и авторитетъ, было ознаменовано такимъ рѣзкимъ поворотомъ къ крѣпостнымъ обычаямъ и правамъ; не можетъ быть, чтобы земскимъ начальникамъ была дана одна изъ самыхъ непопулярныхъ прерогативъ помѣщичьей власти. Мы знаемъ, что эта прерогатива принадлежала мировымъ посредникамъ и не помѣшала имъ пріобрѣсти, въ началѣ ихъ дѣятельности, общія симпатіи крестьянства, но тогдашнія условія были совершенно другія, да и земскіе начальники, какъ мы уже много разъ говорили, призываются къ жизни совсѣмъ не съ тою цѣлью, въ виду которой были созданы мировые посредники. Какъ бы широка ни была власть посредника и какъ бы сурово онъ ею ни пользовался, бремя ея казалось легкимъ, потому что она замѣнила собою невыносимую тягость крѣпостного ига. Иное дѣло теперь, когда крѣпостное право давно забыто, и понятіе о „баринѣ“, о „господинѣ“ перестало совпадать, въ глазахъ крестьянъ, съ понятіемъ о безапелляціонной и неограниченной карательной власти. Если тѣлеснымъ наказаніямъ не суждено еще, покамѣстъ, исчезнуть вовсе изъ нашего законодательства, то они останутся—мы въ этомъ убѣждены—только въ сферѣ волостного суда, и притомъ волостного суда, дѣйствующаго самостоятельно, а не по предписанію земскаго начальника. И въ этихъ предѣлахъ, конечно, они не имѣютъ ни малѣйшаго права на существованіе, но старое зло все же меньше новаго, присоединяющагося къ старому. Если въ законодательныхъ сферахъ дѣйствительно возникаетъ мысль о факультативности тѣлеснаго наказанія, т.-е. о предоставленіи осужденному выбора между розгами и другимъ видомъ уголовной кары, то уже это одно устраняетъ возможность дальнѣйшаго распространенія тѣлесныхъ наказаній. Свобода выбора предполагаетъ, что для значительной части лицъ, подсудныхъ волостному суду, тѣлесное наказаніе имѣетъ характеръ безусловно позорящій, вслѣдствіе чего они готовы предпочесть ему всякое другое. Отсюда только одинъ шагъ до признанія его позорящимъ и позорнымъ *вообще*, а слѣдовательно и до совершеннаго исключенія его изъ списка наказаній. Въ этомъ смыслѣ факультативность тѣлеснаго наказанія была бы несомнѣннымъ шагомъ впередъ, и самая простая справедливость требовала бы примѣненія ея не къ однѣмъ остзейскимъ губерніямъ. Если и допустить, вопреки очевидности, что въ массѣ русскихъ крестьянъ чувство чести развито меньше, чѣмъ въ массѣ крестьянъ остзейскихъ, то во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что отдѣльныя лица съ сильно развитымъ чувствомъ чести встрѣчаются и между русскими крестьянами, особенно теперь, когда многіе изъ нихъ отбыли воинскую повинность, и что, слѣдовательно,

возможность освободиться отъ тѣлеснаго наказанія должна быть дана не однимъ только латышамъ и эстамъ. Съ практической точки зрѣнія, однако, цѣлесообразность разбираемой нами мѣры представляется болѣе чѣмъ спорною. При тѣхъ порядкахъ, которые существуютъ и, несмотря ни на какія преобразованія, долго еще будутъ существовать въ волостномъ судѣ, гарантія, создаваемая закономъ, слишкомъ легко можетъ обратиться въ мертвую букву. Выборъ между двумя видами наказанія будетъ удостовѣряться отмѣткой въ книгѣ волостного суда, но, при безграмотности большинства подсудимыхъ, эта отмѣтка сплошь и рядомъ будетъ расходиться съ истиной, и тѣлесному наказанію будутъ подвергаться и такія лица, которыя просили о его замѣнѣ. Здѣсь, какъ и вездѣ, системѣ полумѣръ грозитъ полнѣйшая безплодность. Когда болѣзнь не подлежитъ сомнѣнію и столь же несомнѣнна возможность радикальнаго ея исцѣленія, незачѣмъ обращаться къ палліативнымъ средствамъ, но если ужъ принята эта система леченія, то необходимо, по меньшей мѣрѣ, дать ей самое широкое развитіе. Рядомъ съ факультативностью тѣлеснаго наказанія, необходимо установить цѣлый рядъ изъятій—напр. въ пользу всѣхъ окончившихъ курсъ въ начальной школѣ, министерской, земской или церковно-приходской. Для этихъ лицъ тѣлесное наказаніе особенно тяжело не только въ силу бóльшаго умственнаго развитія, но и въ силу нравственнаго склада, вырабатываемаго современной начальной школой. Школьная дисциплина—въ большинствѣ случаевъ мягкая, основанная на довѣріи къ ученикамъ и укрѣпляющая въ нихъ чувство собственнаго достоинства—прямо противоположна грубой, физической расправѣ. Кто привыкъ, еще мальчикомъ, къ человѣчному, гуманному обращенію, тому до крайности трудно или совершенно невозможно примириться съ мыслью, что къ нему, уже взрослому, могутъ быть примѣнены мѣры понужденія или взысканія, годныя развѣ для домашнихъ животныхъ.

Одновременно съ утвержденіемъ положенія о земскихъ начальникахъ, а также правилъ о новомъ устройствѣ судебной части въ уѣздахъ и о дѣлопроизводствѣ въ волостныхъ судахъ, предстоитъ разрѣшить вопросъ о порядкѣ введенія ихъ въ дѣйствіе. Сначала, повидимому, они будутъ примѣнены только къ нѣсколькимъ губерніямъ, въ разныхъ частяхъ Россіи. Когда реформа осуществляется не вдругъ, а постепенно, это зависитъ либо отъ желанія удостовѣриться, на самомъ дѣлѣ, въ цѣлесообразности нововведеній, либо отъ другихъ причинъ, болѣе случайнаго и частнаго свойства. Одна возможность перваго изъ этихъ двухъ предположеній

смущаетъ и тревожитъ нашу реакціонную печать. „Проектъ положенія о земскихъ начальникахъ, — восклицаютъ „С.-Петербургскія Вѣдомости", — опять, если вѣрить слухамъ, переживаетъ родъ какого-то новаго фазиса. Предполагается ввести его первоначально, *въ видѣ опыта*, въ шести губерніяхъ [1]), съ тѣмъ, чтобы, сообразуясь съ результатами практическаго приложенія новаго учрежденія, постепенно распространить дѣйствіе положенія на всю Россію". Петербургская газета высказывается противъ подобныхъ административныхъ экспериментовъ и выражаетъ надежду, что *опытъ*, еслибы онъ и былъ признанъ нужнымъ, будетъ сокращенъ до послѣдней возможности. „Московскія Вѣдомости" держатся того же мнѣнія, но онѣ „глядятъ впередъ безъ боязни", овладѣвшей ихъ петербургскимъ союзникомъ. „Никакихъ *опытовъ*,—утверждаетъ московская газета,— министерство внутреннихъ дѣлъ надъ какими-либо губерніями Россіи производить не намѣрено. Подобная *экспериментація* была бы ни съ чѣмъ несообразною и совершенно противорѣчила бы намѣреніямъ покойнаго графа Д. А. Толстого, неоднократно высказывавшаго мнѣніе, что реформу такой первостепенной важности, какова реформа мѣстнаго управленія, необходимо вводить осторожно и постепенно, но никоимъ образомъ не въ видѣ *опыта*. Опытъ можно производить надъ предметами, которыми нѣтъ основанія особенно дорожить, какъ на то ясно указываетъ правило: fiat experimentum in anima vili. Кто же при данномъ экспериментѣ будетъ эта anima vilis? Центральныя, т.-е. лучшія губерніи Россіи? Неужели можно допустить мысль, что живое населеніе этихъ губерній будетъ отдано въ руки экспериментаторовъ, которые будутъ производить какіе-то опыты, въ результатахъ которыхъ они сами еще не увѣрены. Нѣтъ, реформа мѣстнаго управленія будетъ введена безъ всякихъ колебаній, *окончательно*, но при введеніи ея будетъ соблюдаться та постепенность, которую имѣлъ въ виду и покойный графъ Толстой. Всякая реформа есть переворотъ, т.-е. извѣстное отступленіе отъ установившихся привычекъ и традицій, требующее тѣмъ бо̀льшаго напряженія силъ, чѣмъ прочнѣе укоренились эти привычки и традиціи. Но всякое напряженіе силъ имѣетъ границы. Мѣстная реформа требуетъ обширныхъ подготовительныхъ работъ и громаднаго контингента людей, вполнѣ преданныхъ дѣлу реформы, серьезно къ ней подготовленныхъ и способныхъ, не жалѣя трудовъ, всецѣло посвятить себя великому дѣлу упорядоченія нашего сельскаго быта. Поэтому весьма понятно, что министерство не считаетъ возможнымъ ввести реформу разомъ во

[1]) Не въ шести, кажется, а въ восьми: называютъ губерніи московскую, владимірскую, костромскую, рязанскую, калужскую, харьковскую, черниговскую и новгородскую.

всѣхъ тридцати шести губерніяхъ. Само собою разумѣется, что всякіе мелкіе непредвидѣнные недостатки, которые окажутся на практикѣ при введеніи реформы въ первой группѣ губерній, будутъ немедленно устранены и въ другихъ группахъ уже не повторятся; но самая реформа никакимъ существеннымъ измѣненіямъ подвергаться не будетъ, и она будетъ *всецѣло* и *окончательно* введена не только въ первыхъ восьми, но и во всѣхъ остальныхъ двадцати восьми губерніяхъ".

Съ бо́льшею самоувѣренностью говорить нельзя, но самоувѣренность, какъ извѣстно, не исключаетъ ошибокъ; наоборотъ, она весьма часто служитъ ихъ источникомъ. Безспорно, проектируемая реформа мѣстнаго управленія можетъ быть названа „переворотомъ", отступленіемъ отъ установившихся или установлявшихся традицій; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы для нея трудно было найти людей, и чтобы этой трудностью обусловливалась необходимость постепеннаго осуществленія новыхъ порядковъ. Когда, въ 1866 г., правительство приступило къ введенію въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, оно располагало сравнительно небольшимъ числомъ свѣдущихъ, образованныхъ юристовъ. Старые суды были слишкомъ дурной юридической школой; долговременная судебная служба являлась, въ большинствѣ случаевъ, плохой гарантіей тѣхъ качествъ, которыя требовались отъ новыхъ судебныхъ дѣятелей. Необходимо было создать, изъ лучшихъ наличныхъ силъ, нѣчто въ родѣ кадровъ, которые пополнялись бы мало-по-малу свѣжими элементами; необходимо было показать, при условіяхъ наиболѣе благопріятныхъ, ка̀къ должны дѣйствовать новые уставы. Въ особенности трудно было бы организовать сразу десять или болѣе судебныхъ палатъ и назначить въ кассаціонные департаменты такое число сенаторовъ, которое было бы достаточно для разсмотрѣнія жалобъ, стекающихся со всѣхъ концовъ Россіи. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ судебные уставы были введены въ дѣйствіе, первоначально, только въ двухъ судебныхъ округахъ — петербургскомъ и московскомъ. Ничего подобнаго мы не видимъ теперь, когда идетъ рѣчь объ учрежденіи земскихъ начальниковъ. Никакой особой подготовки для занятія этой должности не требуется, да и не нужно. Чтобы дѣйствовать по усмотрѣнію, чтобы наводить желательный страхъ на волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, чтобы дисциплинировать всѣхъ вообще сельскихъ обывателей, нѣтъ надобности ни въ общихъ, ни въ спеціальныхъ знаніяхъ, ни даже въ особой опытности. Если стать на точку зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей", то „привычки и традиціи", пріобрѣтенныя на земской или судебно-мировой службѣ, могутъ оказаться для земскаго начальника скорѣе помѣхой, чѣмъ опорой; вѣдь именно отъ этихъ-то привычекъ и традицій и слѣдуетъ „отступить",

въ силу „переворота“, производимаго реформой. Чтобы стать на высоту своего призванія, земскому начальнику достаточно прожить нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ и проникнуться тенденціями мѣстнаго дворянскаго предводителя. Инстанція, стоящая непосредственно надъ земскими начальниками, слагается изъ нихъ самихъ, съ присоединеніемъ предводителя дворянства; въ составъ губернскаго по сельскимъ дѣламъ присутствія входятъ исключительно представители разныхъ существующихъ и теперь отраслей губернскаго управленія. И здѣсь, слѣдовательно, всѣ необходимые элементы имѣются на-лицо; объ особой подготовкѣ къ занятію высшихъ должностей по крестьянскому управленію не можетъ быть и рѣчи. Введенію въ дѣйствіе новыхъ учрежденій должны, конечно, предшествовать нѣкоторыя приготовительныя работы—напримѣръ, раздѣленіе уѣзда на земскіе участки, выборъ центральнаго пункта для каждаго участка и т. п.; но онѣ имѣютъ мѣстный характеръ, и ничто не мѣшало бы произвести ихъ вездѣ въ одно и то же время. Инструкція земскимъ начальникамъ должна быть дана до начала ихъ дѣятельности, все равно, открывается ли она повсемѣстно, или только въ нѣкоторыхъ губерніяхъ; сообразно съ указаніями опыта, инструкція можетъ быть измѣнена или дополнена во всякое время, безъ всякихъ формальностей и затрудненій; этимъ-то она и отличается отъ закона. Итакъ, *возможность* одновременнаго распространенія новыхъ порядковъ на всѣ губерніи, для которыхъ они предназначены, едва ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію; если они, тѣмъ не менѣе, будутъ введены въ дѣйствіе только въ восьми губерніяхъ, то это всего скорѣе можетъ быть истолковано именно въ смыслѣ *опыта*. Ничего ненормальнаго, страннаго, возмутительнаго такой опытъ не представляетъ. Формула: „fiat experimentum in anima vili“ примѣнима только къ тѣмъ экспериментамъ, которые сопряжены съ опасностью для ихъ объекта. Приверженцы положенія о земскихъ начальникахъ, конечно, не видятъ въ немъ ничего опаснаго и не имѣютъ, поэтому, никакого права ссылаться на вышеприведенную формулу. Чѣмъ больше они вѣрятъ въ превосходство новаго учрежденія, тѣмъ меньше они должны бояться испытанія его на самомъ дѣлѣ. Они допускаютъ, что практика можетъ обнаружить въ немъ „мелкіе, непредвидѣнные недостатки“, которые и будутъ исправлены прежде дальнѣйшаго его распространенія; но гдѣ же основаніе для увѣренности, что между обнаруженными недостатками не окажется ни одного существеннаго, крупнаго? Само собою разумѣется, что раскрыть недостатки—какъ „мелкіе“, такъ и крупные—опытъ можетъ только тогда, когда онъ продолжается не слишкомъ короткое время; въ нѣсколько мѣсяцевъ, даже въ одинъ годъ нельзя составить правильнаго понятія объ учреж-

деніи, затрогивающемъ самыя различныя стороны народной жизни. Въ данномъ случаѣ опытъ представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, чѣмъ рѣзче вновь создаваемые порядки расходятся съ указаніями науки и исторіи, съ примѣромъ другихъ государствъ, съ нашимъ собственнымъ ближайшимъ прошедшимъ. Только съ помощью опыта можно оцѣнить значеніе такихъ нововведеній, какъ сосредоточеніе въ одномъ лицѣ судебной, административной и административно-карательной власти губернатора и предводителей дворянства, какъ предоставленіе чиновнику, не имѣющему ничего общаго съ крестьянами, права отмѣнять приговоры крестьянскихъ сходовъ по дѣламъ крестьянскаго хозяйства, руководствуясь при этомъ, за отсутствіемъ законовъ, исключительно личнымъ усмотрѣніемъ. Само собою разумѣется, что измѣненія, вытекающія изъ требованій жизни, возможны и по отношенію къ закону, дѣйствующему повсемѣстно; но они гораздо удобнѣе, гораздо легче, пока еще невелика область примѣненія закона.

Когда русскій языкъ объявленъ былъ обязательнымъ для среднихъ учебныхъ заведеній остзейскихъ губерній, изъ общаго правила было допущено исключеніе для закона Божія лютеранскаго исповѣданія; этотъ предметъ было разрѣшено преподавать на томъ языкѣ, на которомъ учащіеся говорятъ у себя дома, въ семьѣ. На томъ же языкѣ законъ Божій долженъ быть преподаваемъ лютеранамъ и въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ русскій языкъ еще не получилъ господствующей роли. На практикѣ это привело къ недоразумѣніямъ, вызвавшимъ особое распоряженіе попечителя дерптскаго учебнаго округа. „До настоящаго времени, — говоритъ попечитель, — не во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ сознается особое значеніе закона Божія, какъ предмета преподаванія. Уроки, долженствующіе воспитывать нравственность, обращаются въ дополнительные уроки нѣмецкаго языка. Опытъ смѣшенія двухъ цѣлей при обученіи былъ дѣлаемъ въ дерптскомъ округѣ на русской исторіи. Результатомъ двойной задачи, поставленной при обученіи этому предмету, оказались слабыя познанія въ русскомъ языкѣ и совершенное незнаніе русской исторіи. Было бы печально, еслибы то же повторилось и по отношенію къ закону Божію. Мнѣ извѣстна одна гимназія, въ которой ученики-лютеране заучиваютъ нѣмецкій текстъ катехизиса, не понимая его смысла; объясненія законоучителя проходятъ для нихъ совершенно безслѣдно; воспитывается полное равнодушіе къ предмету, который, вопреки своему существу, остается безъ воздѣйствія на чувствованія. Съ введеніемъ русскаго языка преподаванія во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ нихъ должно, естественно, оказаться то же самое явле-

ніе, если не принять своевременно мѣръ въ интересахъ религіознаго обученія. Поэтому, подтверждая сдѣланное мною прежде распоряженіе, предписываю всѣмъ завѣдующимъ какъ средними, такъ и низшими училищами принять къ его исполненію неотложныя мѣры. Еслибы даже родители заявляли желаніе, чтобы дѣти ихъ, не говорящія по-нѣмецки, обучались закону Божію на этомъ языкѣ, то просьбы о томъ должны быть отклоняемы. Родителямъ слѣдуетъ разъяснять, насколько подобныя хотѣнія неразумны и къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ повело бы ихъ исполненіе; имъ слѣдуетъ указать, что школа не можетъ быть пособницею незрѣлыхъ измышленій, и что въ стѣнахъ своихъ она призвана охранять воспитаніе дѣтей даже противъ увлеченій ихъ родителей. Еслибы эти послѣдніе настаивали на своихъ непродуманныхъ желаніяхъ, то имъ слѣдуетъ предложить взять дѣтей изъ училища, воспитывать ихъ дома и тѣмъ освободить училище отъ отвѣтственности за чужое неразуміе". Намѣреніямъ попечителя дерптскаго учебнаго округа нельзя не отдать полную справедливость; нельзя не признать, что для эстовъ и латышей, плохо понимающихъ и еще хуже говорящихъ по-нѣмецки, гораздо полезнѣе изучать законъ Божій на своемъ родномъ языкѣ, чѣмъ на нѣмецкомъ. Нѣкоторыя сомнѣнія возбуждаетъ въ насъ только критерій, которымъ обусловливается выборъ языка. Преподаваніе закона Божія должно происходить на томъ языкѣ, *на которомъ учащіеся говорятъ у себя дома, въ семьѣ*. Какъ опредѣлить, что̀ это за языкъ? Какъ узнать, въ каждомъ данномъ случаѣ, говорятъ ли эсты и латыши между собою на своемъ родномъ нарѣчіи—или на нѣмецкомъ языкѣ, для многихъ изъ нихъ ничуть не менѣе доступномъ? Нельзя же допустить, что это будетъ составлять предметъ разслѣдованія со стороны училищнаго начальства; оно имѣетъ слишкомъ много другихъ занятій, да и неудобно было бы ему вторгаться въ семью и прислушиваться къ семейнымъ разговорамъ. Не проще ли было бы предоставить рѣшеніе вопроса родителямъ ученика или тѣмъ лицамъ, на попеченіи которыхъ онъ находится? Если у нихъ въ домѣ говорятъ по-эстонски или по-латышски, то нѣтъ причины предполагать, что для преподаванія закона Божія они предпочтутъ языкъ нѣмецкій. Они поймутъ, что это будетъ только напраснымъ обремененіемъ для ученика, трудно преодолимымъ препятствіемъ къ усвоенію исповѣдуемаго имъ религіознаго ученія. Выражая желаніе, чтобы ученикъ слушалъ преподаваніе закона Божія на нѣмецкомъ языкѣ, родители-эсты или латыши этимъ самымъ свидѣтельствовали бы о томъ, что онъ достаточно понимаетъ по-нѣмецки. А если такое желаніе навязано имъ извнѣ, продиктовано имъ пасторомъ, землевладѣльцемъ или другимъ лицомъ, власть имѣющимъ? При томъ настроеніи, которое

господствуетъ теперь въ массѣ эстовъ и латышей, при тѣхъ ограниченіяхъ, которымъ подверглась и подвергается власть „остзейскихъ бароновъ", это допустить довольно трудно. Не слѣдуетъ, притомъ, упускать изъ виду, что въ преподаваніи закона Божія на языкѣ, *доступномъ ученикамъ*, заинтересованы сами пасторы. Въ виду увеличивающагося числа обращеній въ православіе, представители лютеранской церкви не могутъ не заботиться о томъ, чтобы ученіе ея глубоко западало въ умы и сердца молодого поколѣнія. Это для нихъ, очевидно, несравненно важнѣе, чѣмъ твердое знаніе нѣмецкаго языка; превращать уроки закона Божія въ дополнительные нѣмецкіе уроки было бы, съ ихъ стороны, болѣе чѣмъ странно. Приводимый попечителемъ примѣръ поучителенъ и для пасторовъ; если преподаваніе русской исторіи на русскомъ языкѣ не давало ни знанія русской исторіи, ни знанія русскаго языка, то при тождествѣ условій (т.-е. при маломъ знакомствѣ учениковъ съ языкомъ, на которомъ ведется преподаваніе) такихъ же результатовъ слѣдуетъ ожидать и отъ преподаванія закона Божія, на нѣмецкомъ языкѣ, латышамъ и эстамъ. Выборъ языка самими родителями учениковъ никакой опасности, поэтому, не представляетъ,—а громадное его удобство заключается въ томъ, что онъ освобождаетъ школу отъ конфликтовъ съ родителями, всегда тяжелыхъ и непріятныхъ. Не легко объяснять взрослому, можетъ быть весьма почтенному человѣку, что его „хотѣнія неразумны", что школа не можетъ быть пособницей его „незрѣлыхъ измышленій" и „непродуманныхъ желаній"; еще труднѣе предложить ему на выборъ либо подчиненіе порядку, который онъ по совѣсти считаетъ вреднымъ, либо взятіе дѣтей изъ заведенія... За невозможностью установить съ точностью языкъ, на которомъ дѣти говорятъ у себя дома, придется при дѣйствіи разбираемаго нами распоряженія, руководствоваться другимъ критеріемъ, болѣе нагляднымъ: происхожденіемъ ученика. Если онъ латышъ или эстъ, придется обязать его слушать преподаваніе закона Божія на латышскомъ или эстонскомъ языкѣ, хотя онъ, быть можетъ, гораздо больше знакомъ съ языкомъ нѣмецкимъ. Это приведетъ, конечно, къ еще большему, чѣмъ теперь, ограниченію роли нѣмецкаго языка—но выгода, такимъ образомъ достигнутая (если только это можно считать выгодой), едва ли уравновѣситъ указанныя нами неудобства.

ЗАМѢТКА.

Новый источникъ свободныхъ земель.

Нынѣшнимъ лѣтомъ ожидается утвержденіе правилъ о мѣрахъ взысканія платежей съ заемщиковъ дворянскаго банка. Появленіе этихъ правилъ создастъ нѣсколько новое положеніе для нашего землевладѣнія, такъ какъ до сихъ поръ, въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ, дворянскій банкъ только разрѣшалъ помѣщикамъ ссудныя деньги, погашалъ старые помѣщичьи долги и недоимки и выдавалъ значительные остатки владѣльцамъ имѣній на руки. Что же касается полученія срочныхъ платежей отъ заемщиковъ, то въ этомъ отношеніи банкъ чувствовалъ полное безсиліе. Заемщикъ могъ не вносить причитающихся отъ него платежей или молча, безъ всякой церемоніи, или — для соблюденія бо́льшей деликатности — сопровождая свой неплатежъ просьбами объ отсрочкахъ и различныхъ льготахъ. Но обращался ли заемщикъ къ тому или другому способу—для банка, въ практическомъ отношеніи, было все равно, такъ какъ онъ не могъ принимать никакихъ мѣръ взысканія. Онъ могъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отказывать въ разсрочкахъ и льготахъ, но ему нечѣмъ было подкрѣпить свои требованія, и на отказъ въ льготѣ заемщикъ имѣлъ полную возможность отвѣчать безмолвнымъ неплатежемъ. Пока нѣтъ закона о взысканіи — не можетъ быть рѣчи о понудительныхъ мѣрахъ. И такое положеніе длилось, какъ замѣчено выше, около трехъ лѣтъ. Само собою разумѣется, что столь исключительное положеніе должно было умножать число недоимщиковъ и затруднить возможность расплаты. Тотъ, кто могъ заплатить во-время и не заплатилъ единственно вслѣдствіе небывалаго льготнаго положенія, теперь едва ли заплатитъ, да едва ли ему есть и разсчетъ платить. Въ самомъ дѣлѣ, одни заемщики брали ссуды въ размѣрѣ 60% съ оцѣнки имѣнія, а другіе—75%. Кто взялъ 60% и три года не платилъ, у того теперь долгъ составляетъ 72%, а кто взялъ 75%— тотъ задолжалъ 90%. Притомъ, вѣдь это—72% и 90% съ *оцѣнки*, а не съ той суммы, за которую дѣйствительно можно теперь продать имѣніе. Не говоря уже о томъ, что иногда оцѣнки бывали излишне широки, нельзя не принимать во вниманіе нынѣшняго паденія цѣнъ и общихъ жалобъ на безденежье. При долгѣ въ 72% или 90% оцѣнки — собственности уже почти нѣтъ, и сохранить имѣніе уплатою недои-

мокъ — почти тоже, что купить имѣніе вновь. Между тѣмъ *настоящихъ* покупщиковъ земель нѣтъ. Если и найдутся охотники покупать имѣнія, то они разсчитываютъ купить за безцѣнокъ, и многіе даже возлагаютъ надежды именно на предстоящія продажи имѣній дворянскимъ банкомъ, когда, при большой массѣ предложенія, исчезнетъ всякая возможность полученія удовлетворительныхъ цѣнъ.

При такихъ условіяхъ, ожидаемыя правила взысканія — которое только и возможно путемъ публичной продажи имѣній — обѣщаютъ большую перетасовку землевладѣнія. Придется разомъ выпустить на рынокъ массу имѣній. Насколько велика можетъ быть эта масса, покуда сказать невозможно, но что она велика—въ этомъ сомнѣваться мудрено. Въ газетахъ проскользали уже извѣстія, что въ иныхъ губерніяхъ заемщики не вносили по три и по четыре платежа, а въ одной газетѣ даже прямо было указано, что сильно задолжавшихъ банку имѣній есть болѣе чѣмъ на 50 милліоновъ рублей. Оставляя отвѣтственность за это свѣдѣніе на сообщившей его газетѣ, надобно признать, что оно, во всякомъ случаѣ, очень похоже на правду. Но пусть даже безповоротно задолжавшихъ имѣній будетъ только на 30 милліоновъ—и то предъ нами крупный вопросъ. Вынести на рынокъ разомъ 30-ти-милліонную земельную цѣнность, перемѣнить массу нынѣшнихъ владѣльцевъ этой цѣнности на другую—все это слишкомъ крупное дѣло. Оно тѣмъ серьезнѣе, что предстоящія назначенія въ продажу мало похожи на публичныя продажи, практиковавшіяся прежде частными банками, не запускавшими много лишнихъ недоимокъ и болѣе скупыми по части размѣра ссудъ. Многимъ заемщикамъ гораздо труднѣе выпутаться изъ долга дворянскому банку, чѣмъ изъ долга частнымъ банкамъ, потому что отъ перваго—ссуды требовались шире, въ разсчетѣ на будущія блага, и мѣра терпѣнія была гораздо значительнѣе.

Не создастъ ли объясненный выносъ на рынокъ крупныхъ земельныхъ цѣнностей такого вопроса, къ которому слѣдуетъ приготовиться заблаговременно? Отрицательный отвѣтъ тутъ, разумѣется, невозможенъ. Надо заранѣе быть готовыми къ разрѣшенію вопроса — что дѣлать съ такою массою земель, тѣмъ болѣе, что на серьезныхъ покупщиковъ много разсчитывать нельзя. Людей съ свободными капиталами теперь очень мало. Притомъ же дворянскій банкъ—сословный. Частному банку легче продать имѣнія, такъ какъ для него всякій денежный покупщикъ безразличенъ, и на каждаго внесшаго извѣстную частицу долга можетъ быть переводимъ остальной банковый долгъ. А дворянскій банкъ, разумѣется, не будетъ переводить своего долга на людей непривилегированныхъ сословій иначе, какъ подъ условіемъ скорой уплаты. Тутъ сословность приведетъ и къ

уменьшенію числа покупщиковъ, и къ пониженію продажныхъ цѣнъ на имѣнія. Безъ сомнѣнія, немало публичныхъ торговъ на дворянскія имѣнія не состоится за неявкою покупателей, готовыхъ уплатить безъ замедленія всѣ требуемыя суммы. Что же дѣлать тогда?

Продавать за слишкомъ пониженныя цѣны—значило бы нанести казнѣ чувствительный убытокъ и кромѣ того поощрить спекуляціи. Если пониженіе цѣнъ и возможно, то съ извѣстною умѣренностью. Остаются значитъ два исхода: или самому банку вести хозяйство въ имѣніяхъ, или сдавать имѣнія въ вѣдомство государственныхъ имуществъ, какъ это допущено уже по отношенію къ землямъ, заложеннымъ крестьянскому банку. Первый способъ придется практиковать по-неволѣ, но, конечно, недолго, потому что у банка нѣтъ ни достаточнаго числа агентовъ, ни средствъ для веденія хозяйства во множествѣ мѣстъ. А второй способъ требуетъ со стороны вѣдомства государственныхъ имуществъ заблаговременной подготовки къ принятію на себя новой и крупной отрасли хозяйства.

Задача эта застигаетъ означенное вѣдомство въ несовсѣмъ удобный моментъ. Въ теченіе почти двадцати лѣтъ это вѣдомство освобождало себя отъ собственно земельнаго хозяйства. То путемъ отчужденія казенныхъ земель въ частную собственность, то другими способами, дѣло приведено къ такому положенію, при которомъ въ большинствѣ губерній за казною остались почти исключительно одни лѣса. Немало есть губерній, въ которыхъ у казны, кромѣ лѣсовъ, вовсе нѣтъ другихъ земель. Пространства, годныя для земледѣлія, сохранились за казною почти исключительно въ степныхъ губерніяхъ, каковы: новороссійскія, нижневолжскія, заволжскія, да пожалуй кавказскія; и тамъ казенныя земли сдаются съ торговъ въ аренду, а казенное вѣдомство само не ведетъ на нихъ хозяйства. Говорятъ, опыты казеннаго хозяйничанья по части земледѣлія дали такіе неудовлетворительные результаты, что это хозяйничанье признано положительно невыгоднымъ. Но и для сдачи въ аренду казенныхъ земель осталось уже немного. Такъ, недавно вѣдомство государственныхъ имуществъ отказалось отъ отвода новыхъ участковъ переселенцамъ въ Новороссіи именно по недостатку земель. И вотъ при такомъ-то положеніи возникаетъ вопросъ о принятіи казеннымъ вѣдомствомъ въ различныхъ губерніяхъ массы новыхъ земель, пригодныхъ именно къ земледѣлію, давно разработанныхъ и снабженныхъ даже необходимыми для того устройствами.

Итакъ, предстоитъ разрѣшить — куда дѣвать массу свободныхъ земель, гдѣ найти для нихъ хозяевъ?

Замѣчательно, что этотъ вопросъ возникаетъ одновременно съ существованіемъ другого вопроса, совершенно обратнаго значенія:

гдѣ найти земли для массы людей, желающихъ ее обрабатывать и не находящихъ приложенія своей рабочей силѣ? Въ силу переполняющихъ нашу жизнь странностей, у насъ рядомъ уживаются самыя противоположныя потребности. Тутъ недостатокъ спроса, и тутъ же недостатокъ предложенія на тотъ же самый предметъ. Нѣтъ земли для свободныхъ рукъ, и не отыскиваются люди для свободныхъ земель. Надо дать назначеніе свободной земли, а между тѣмъ сколько лѣтъ уже тяготитъ насъ переселенческій вопросъ, состоящій въ томъ, что люди, которымъ дома тѣсно, не находятъ въ сосѣдствѣ простора, и потому должны искать послѣдняго въ отдаленныхъ мѣстахъ: въ западной Сибири, въ уссурійскомъ краѣ, въ карской области, на Кубани, и т. д., и т. д. Слышно, что вносится на законодательное разсмотрѣніе вопросъ о способахъ устройства переселенцевъ на казенныхъ земляхъ, но при этомъ, главнымъ образомъ, имѣются въ виду губерніи и степныя области западной Сибири. И, разумѣется, обращаться къ такимъ мѣстностямъ приходится потому, что въ европейской Россіи уже чувствуется слишкомъ большой недостатокъ свободныхъ земель.

Такимъ образомъ, самъ собою выступаетъ вопросъ — нельзя ли какъ-нибудь примирить обѣ противоположныя потребности? Чѣмъ посылать людей въ отдаленные края, не лучше ли, въ предѣлахъ возможности, пристраивать ихъ на родинѣ? Какому-нибудь малоземельному или безземельному мужику, для полученія земельнаго участка въ пользованіе, теперь надобно или перекочевывать за тысячи верстъ, тратя массу времени, издержекъ и хлопотъ, при сомнительныхъ шансахъ успѣха, или покупать участокъ дома съ вольной руки, по высокой цѣнѣ. Переселясь въ отдаленный край, мужикъ большею частію теряетъ хозяйственный годъ, въ теченіе котораго надобно кормиться, обстраиваться, поднимать цѣлинныя земли и расчищать лѣса. Притомъ подобныя переселенія нерѣдко завершаются полною неудачею и разочарованіемъ. То не хватитъ силъ на перенесеніе тяжкаго переходнаго періода, то земля попадется неудобная, то климатическія условія новаго мѣста—о которыхъ переселенецъ прежде не имѣлъ понятія — окажутся совсѣмъ неблагопріятными. Газеты полны извѣстіями объ обратныхъ перекочевкахъ переселенцевъ, которыя часто представляютъ видъ полнаго разоренія и разочарованія людей. Трудно исчислить всѣ потери отъ подобнаго рода передвиженій. Слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что иногда переселенцы получаютъ пособія на свое передвиженіе и устройство, такъ что потери относятся не только на счетъ самихъ переселенцевъ, но и на счетъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ пособія выдаются. Даже въ благопріятномъ случаѣ переселенцу удается устроить свое хозяйство лишь

по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, а если послѣ принесенія всѣхъ жертвъ получается въ результатѣ неудача — дѣло становится куда хуже. При покупкѣ же земельнаго участка дома, на родинѣ, покупщику неизбѣжно приходится платить дорого при постоянно сказывающемся неумѣніи торговаться. Продавецъ всегда дорожится, а мужикъ щедрѣе всѣхъ при покупкѣ земли; и очень часто онъ плохо разсчитываетъ свои силы. Теперь спрашивается, что̀ лучше: переселяться и покупать землю дорого на родинѣ, или же открыть возможность устройству нуждающагося мужика дома же, но на участкѣ, попавшемъ въ распоряженіе казны, освобождая значительную массу людей отъ всей тягости и риска дальняго передвиженія? Конечно, переселеніе — дѣло необходимое и неизбѣжное вообще, потому что тѣсно становится очень большой массѣ, но нельзя не желать ослабленія потребности въ немъ, насколько это возможно. Если избавить отъ необходимости переселенія десятокъ тысячъ людей—и то будетъ важный успѣхъ, а избавленіе большей массы было бы еще цѣннѣе.

Изъ всего сказаннаго, надѣемся, ясно, что казенному вѣдомству всего удобнѣе было бы распорядиться поступающею въ его владѣніе массою земель въ пользу удовлетворенія той части населенія, которая выдѣляетъ изъ себя контингентъ переселенцевъ. Чѣмъ вести хозяйство за собственный счетъ, чѣмъ сдавать въ аренду первому встрѣчному, являющемуся на торги, чѣмъ искать арендаторовъ—не лучше ли воспользоваться готовымъ составомъ земледѣльческаго люда, находящагося въ сосѣдствѣ или очень недалеко? Такъ достигались бы разомъ двѣ цѣли: и земли приносили бы удовлетворительный доходъ, и масса людей находила бы себѣ мѣсто, а вдобавокъ безъ всякой искусственности ослаблялось бы стоющее большихъ жертвъ переселенческое движеніе, которое увлекало бы лишь тѣхъ, кто почему-нибудь не нашелъ уже никакой возможности пристроиться дома. Какъ именно поставить такое дѣло—это уже другой вопросъ; но у казеннаго вѣдомства, надобно замѣтить, есть уже готовые образцы. Въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ оно уже практиковало устройство переселенцевъ въ степныхъ губерніяхъ (какъ жаль, что по этой части не появляется никакихъ печатныхъ отчетовъ!). Оно отводило участки сперва на арендномъ правѣ, съ тѣмъ, чтобы потомъ предоставить твердо усѣвшемуся населенію прочное обезпеченіе пользованія земельными участками. То же самое могло бы быть практикуемо и по отношенію къ землямъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Пусть бы и здѣсь поселенцы сперва усаживались на отдѣльные участки подъ условіемъ срочнаго платежа, а впослѣдствіи, за уходомъ непрочныхъ поселенцевъ и приходомъ на ихъ мѣсто другихъ, оконча-

тельно осѣвшій поселокъ получалъ бы прочное право на пользованіе тѣмъ, чѣмъ пользуется.

Во всякомъ случаѣ, теперь надо приготовиться къ разрѣшенію предстоящей въ очень близкомъ будущемъ задачи и выработать заблаговременно систему употребленія земельныхъ пространствъ, потерявшихъ прежнихъ хозяевъ и еще не нашедшихъ себѣ новыхъ. Это— „вопросъ дня".

В

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля 1889.

Періодическія газетныя тревоги и ихъ причины. — Оффиціальная и оффиціозная политика.—Ошибочныя предположенія и толкованія.—Конфликтъ съ Швейцаріею и его значеніе.—Вопросъ о швейцарскомъ нейтралитетѣ.—Мотивы и послѣдствія германской дипломатической кампаніи.—Политическія дѣла Австро-Венгріи.—Положеніе Босніи.

Нѣмецкая оффиціозная печать доказывала много разъ, что опасность для европейскаго мира заключается только въ стремленіяхъ и интересахъ двухъ державъ—Франціи и Россіи, противъ которыхъ и направленъ извѣстный тройственный союзъ, съ Германіею во главѣ. Съ этой точки зрѣнія, Европа должна была бы оставаться совершенно спокойною, пока миролюбіе господствуетъ во Франціи и пока Россія не обнаруживаетъ намѣренія прибѣгнуть къ воинственной политикѣ. Французы поглощены теперь внутренними дѣлами и всемірною выставкою, и нельзя заподозрить ихъ въ желаніи нарушить миръ въ настоящее время. Нѣтъ также ни малѣйшаго повода предполагать подобное желаніе и со стороны Россіи. Чѣмъ же вызываются внезапные порывы тревожнаго настроенія, овладѣвающіе по временамъ европейскою журналистикою и европейскими биржами? Недавно только прекратился газетный шумъ, вновь напомнившій всѣмъ и каждому о крайней непрочности настоящаго международнаго положенія. Не странно ли, что сигналъ къ періодически возникающей тревогѣ исходитъ отъ оффиціозной печати тѣхъ именно державъ, которыя взяли на себя заботу объ обезпеченіи мира въ Европѣ? Франція безусловно спокойна и не можетъ думать *теперь* о войнѣ; Россія не станетъ предпринимать чего-либо противъ тройственнаго союза безъ содѣйствія Франціи, даже еслибы у насъ существовали

воинственные замыслы, — и однако нѣтъ надежнаго спокойствія въ Европѣ. Изъ этого видно, что миръ зависитъ вовсе не отъ поведенія Франціи и Россіи, а отъ чего-то другого, и что могущественная лига, руководимая Германіею, не доставляетъ народамъ тѣхъ мирныхъ гарантій, во имя которыхъ она организована княземъ Бисмаркомъ. Элементы международнаго безпокойства и волненія даютъ себя чувствовать въ газетахъ Берлина и Вѣны, а оттуда уже дѣйствуютъ косвенно на Парижъ и Петербургъ.

Лучшая часть нѣмецкой независимой прессы рѣшилась на этотъ разъ прямо поставить вопросъ о причинахъ такого ненормальнаго порядка вещей; газеты заговорили о „побочныхъ воинственныхъ теченіяхъ" въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Пруссіи, о какой-то спеціальной военной политикѣ, несогласной съ намѣреніями германскаго канцлера и имѣющей своимъ представителемъ графа Вальдерзе, преемника Мольтке въ должности начальника главнаго штаба. Говорили, что графъ Вальдерзе представилъ Вильгельму II докладъ, въ которомъ доказывалась необходимость принять какія-либо мѣры противъ дальнѣйшихъ военныхъ приготовленій въ пограничныхъ областяхъ Россіи, и что только личному авторитету князя Бисмарка удалось ослабить впечатлѣніе, произведенное на императора этимъ докладомъ. Въ газетахъ появились странныя разоблаченія о скрытомъ политическомъ антагонизмѣ между властью военною и гражданскою, между стремленіями „военной партіи" и „государственною политикою". Особенно серьезнымъ казался тотъ фактъ, что газеты, считавшіяся до сихъ поръ несомнѣнными органами германскаго канцлера, какъ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung", приняли участіе въ походѣ, устроенномъ, по общему мнѣнію, графомъ Вальдерзе и направленномъ косвенно противъ успокоительной тактики князя Бисмарка. Оффиціозная печать начинаетъ какъ будто подчиняться внушеніямъ, исходящимъ не отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а отъ болѣе вліятельныхъ нынѣ придворно-военныхъ кружковъ, значеніе которыхъ возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ старѣетъ канцлеръ. На графа Вальдерзе смотрятъ какъ на счастливаго соперника и вѣроятнаго замѣстителя князя Бисмарка, когда послѣдній сойдетъ со сцены; и оффиціозы заранѣе обращаютъ свои взоры на „человѣка будущаго", стараясь пріобрѣсть его расположеніе и поддержку. Отсюда та „анархія" въ оффиціозной журналистикѣ, на которую жалуются теперь даже такія благонамѣренныя и патріотическія газеты, какъ берлинская „National-Zeitung". Названная газета, всегда безусловно защищающая и восхваляющая политику князя Бисмарка, категорически высказываетъ „требованіе, чтобы системѣ періодическаго возбужденія тревоги положенъ былъ конецъ со стороны правительства",

такъ какъ эти оффиціозныя газетныя кампаніи подрываютъ довѣріе къ государственной власти и сильно вредятъ экономическимъ интересамъ самой Германіи, безъ всякой пользы для международнаго положенія имперіи. Гораздо рѣзче выражается „Berliner Tageblatt", который съ особенною энергіею протестуетъ противъ вмѣшательства военныхъ спеціалистовъ въ политическія дѣла и противъ вызывающаго тона, усвоеннаго въ послѣдніе годы оффиціозною нѣмецкою печатью. „Нѣмецкій народъ,—по словамъ „Tageblatt",—не хочетъ знать такъ-называемой прусской военной партіи и считалъ бы національнымъ бѣдствіемъ предоставленіе ей рѣшающаго политическаго вліянія въ дѣлахъ государства". Самая возможность такого вліянія военныхъ элементовъ на текущую международную политику представляетъ великую опасность для общаго европейскаго мира, и это обстоятельство придаетъ исключительный интересъ недавней воинственной полемикѣ нѣмецкихъ и австрійскихъ оффиціозовъ.

Разладъ между оффиціальнымъ миролюбіемъ и закулисными военными вліяніями проявляется одинаково во всѣхъ угрожающихъ симптомахъ, выступившихъ поочередно въ Берлинѣ, Вѣнѣ и въ другихъ мѣстахъ. Повсюду министры иностранныхъ дѣлъ и ихъ органы въ печати вынуждены считаться съ „побочными теченіями", дѣйствующими въ разрѣзъ оффиціальной политикѣ; такого разлада нѣтъ только во Франціи. Къ сожалѣнію, и наши „патріотическія" газеты слѣдуютъ отчасти примѣру тѣхъ австро-нѣмецкихъ публицистовъ, противъ которыхъ такъ рѣшительно возстаютъ „National-Zeitung" и „Berliner Tageblatt". Нельзя отрицать, что и у насъ есть немало „патріотовъ", готовыхъ возбуждать и поддерживать тревогу даже по поводу фактовъ, имѣющихъ скорѣе успокоительное, чѣмъ раздражающее значеніе. Благодаря одностороннимъ и преувеличеннымъ толкованіямъ этихъ публицистовъ, заграничная пресса получаетъ совершенно невѣрное представленіе объ общественномъ настроеніи Россіи и о политическихъ цѣляхъ и заботахъ русской дипломатіи. Вслѣдствіе этого и возможны странныя недоразумѣнія и предположенія, не имѣющія въ сущности никакой серьезной основы,—предположенія о томъ, что мы будто бы вновь готовимся дѣйствовать активно на Балканскомъ полуостровѣ, не обращая вниманія на Австрію и Германію (не говоря уже объ Англіи). Самостоятельное національное направленіе, принятое дѣлами Сербіи со времени отреченія короля Милана, сопровождалось у насъ такими комментаріями, какъ-будто въ сербскомъ королевствѣ уже водворилось русское владычество, а не сербское,—чѣмъ и воспользовалась заграничная пресса для соотвѣтственныхъ пессимистическихъ выводовъ. Еще болѣе произвольны были разсужденія, вызванныя извѣстнымъ петергофскимъ тостомъ

18-го мая въ честь князя Николая Черногорскаго. Толкованіе этого тоста послужило поводомъ къ самымъ страннымъ и ошибочнымъ заключеніямъ въ иностранной печати. Между тѣмъ дѣйствительный смыслъ событія, столь знаменательнаго для Черногоріи и ея князя, могъ бы считаться безусловно миролюбивымъ и успокоительнымъ съ западно-европейской точки зрѣнія. Признаніе князя Николая „единственнымъ искреннимъ и вѣрнымъ другомъ Россіи" указывало какъ нельзя яснѣе на то, что Россія сама сознаетъ свою политическую изолированность въ Европѣ, и что она не желаетъ и не ищетъ могущественныхъ союзовъ, что она не имѣетъ никакихъ наступательныхъ цѣлей, требующихъ посторонняго содѣйствія, и разсчитываетъ на свои военныя силы только въ видахъ обороны. Что̀ можетъ быть успокоительнѣе такого признанія для государствъ, привыкшихъ смотрѣть на Россію какъ на возможную зачинщицу войны? Если мы не поддаемся никакимъ иллюзіямъ относительно нашего политическаго одиночества въ Европѣ и не возлагаемъ большихъ надеждъ на содѣйствіе Франціи на Востокѣ, то мирная политика становится для насъ обязательною уже въ силу существующей группировки великихъ державъ, независимо отъ нашихъ желаній и интересовъ, требующихъ также сохраненія общаго мира. Истолковывать тостъ 18-го мая въ смыслѣ активной политической программы, какъ это дѣлали не только заграничныя, но и нѣкоторыя изъ русскихъ газетъ, казалось бы совершенно невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что это противорѣчило бы положительнымъ фактамъ, свидѣтельствующимъ о твердомъ рѣшеніи Россіи не уклоняться отъ системы осторожнаго выжиданія и отъ необходимой свободы дѣйствія на случай столкновеній и кризисовъ на Западѣ. И тѣмъ не менѣе воинственныя толкованія связывались почему-то съ петергофскимъ тостомъ, вопреки его прямому смыслу, а несомнѣнное миролюбіе правительства давало поводъ говорить о какихъ-то двухъ различныхъ теченіяхъ, существующихъ будто бы въ области оффиціальной русской политики. Отвѣтомъ на эти толки и слухи послужила враждебная кампанія противъ русскихъ финансовъ, начатая въ Берлинѣ и дѣятельно поддержанная въ Вѣнѣ и Пештѣ. Столбцы австро-нѣмецкихъ газетъ наполнились сообщеніями объ усиливающихся передвиженіяхъ русскихъ войскъ вдоль границъ Австріи и Германіи, о разнообразныхъ приготовленіяхъ и дѣйствіяхъ Россіи, доказывающихъ будто бы рѣшимость ея напасть современемъ на мирныя сосѣднія имперіи.

Нѣмецкіе военные публицисты разсуждали такъ: союзный договоръ 7-го октября 1879 года, текстъ котораго былъ обнародованъ въ свое время, долженъ былъ убѣдить всѣхъ и каждаго въ томъ, что Австрія и Германія соединились исключительно для совмѣстной защиты на

случай нападенія и сами не имѣютъ въ виду возбуждать наступательную войну; поэтому для Россіи не было основанія передвигать войска къ австро-нѣмецкой границѣ, какъ она дѣлала неуклонно въ теченіе послѣднихъ лѣтъ; если же она все-таки продолжаетъ вооружаться и направлять свои военныя силы къ западу, то, очевидно, она имѣетъ агрессивныя цѣли, отъ преслѣдованія которыхъ ее не удерживаетъ даже перспектива столкновенія съ двумя могущественными имперіями. Отсюда уже недалеко до заключенія, что цѣлесообразно было бы предупредить окончаніе русскихъ приготовленій и отклонить опасность заблаговременнымъ нападеніемъ на Россію, пока она еще не готова. Удивительнѣе всего то, что такая софистика выдается за нѣчто серьезное и вѣское даже въ оппозиціонномъ „Berliner Tageblatt". Эта „военная" аргументація построена на двухъ крайне наивныхъ предположеніяхъ, на которыхъ не стоило бы даже останавливаться. Во-первыхъ, ни одна великая держава не обязана безусловно довѣрять формальнымъ заявленіямъ чужихъ кабинетовъ; поэтому и текстъ австро-германскаго союзнаго договора не можетъ ни въ какомъ случаѣ признаваться достаточнымъ доказательствомъ чисто-оборонительныхъ намѣреній Германіи и Австріи. Нелѣпо требовать, чтобы Россія сообразовала свои дѣйствія съ оффиціальнымъ содержаніемъ чужихъ дипломатическихъ соглашеній, могущихъ имѣть свои секретные и дополнительные пункты. Во-вторыхъ, несправедливо и нелогично приписывать русскимъ военнымъ приготовленіямъ другой смыслъ, чѣмъ вооруженіямъ прочихъ державъ и особенно сосѣднихъ. Если Германія и Австрія непрерывно вооружаются на случай русскаго „нападенія", то и Россія имѣетъ такое же основаніе готовиться на случай нападенія австро-германскихъ военныхъ силъ. Обѣ стороны совершенно одинаково поставлены въ этомъ отношеніи. Доводы военнаго сотрудника „Berliner Tageblatt" могутъ быть обращены прежде всего противъ самой Германіи и ея лиги мира. Можно бы сказать такъ: Россія всегда заявляла миролюбіе относительно сосѣднихъ имперій и неоднократно категорически отвергала приписываемые ей воинственные замыслы; тѣмъ не менѣе Германія и Австрія съ каждымъ годомъ усиливаютъ свои вооруженія, направленныя спеціально противъ Россіи, а изъ этого слѣдуетъ заключить, что обѣ державы имѣютъ агрессивныя цѣли и собираются начать войну въ удобный для нихъ моментъ, подъ предлогомъ обороны. Къ сожалѣнію, нигдѣ софизмы не повторяются такъ часто и не пользуются такимъ легкимъ успѣхомъ, какъ въ сферѣ международныхъ отношеній. Очевидная несообразность объясненія, придающаго агрессивный характеръ однимъ только русскимъ вооруженіямъ, не мѣшаетъ даже добросовѣстнымъ нѣмецкимъ газетамъ видѣть что-то исключительное и особенно

угрожающее въ обычныхъ военныхъ мѣрахъ, принимаемыхъ Россіею по примѣру Австро-Венгріи и Германіи. При такой спеціальной чувствительности иностранцевъ ко всему тому, чтó касается нашей внѣшней политики, слѣдовало бы по крайней мѣрѣ нашимъ газетамъ избѣгать безцѣльныхъ „патріотическихъ" порывовъ и увлеченій, не имѣющихъ за собою никакой реальной почвы и только напрасно смущающихъ общественное мнѣніе Европы, въ ущербъ нашимъ дѣйствительнымъ интересамъ.

Печальное состояніе международныхъ отношеній въ Европѣ освѣщается весьма ярко дипломатическимъ споромъ, возникшимъ между Германіею и Швейцаріею по поводу арестованія нѣмецкаго полицейскаго чиновника Вольгемута на швейцарской территоріи. Вольгемутъ, которому поручено было слѣдить за дѣйствіями нѣмецкихъ соціальдемократовъ въ Швейцаріи, принялъ на себя роль агента-подстрекателя и вступилъ въ переписку съ агитаторами, уговаривая ихъ „дѣйствовать смѣлѣе"; одно изъ такихъ писемъ, попавшее въ руки мѣстной власти въ кантонѣ Ааргау, побудило кантональную администрацію задержать Вольгемута и затѣмъ выпроводить его за границу въ предѣлы Германіи. Берлинскій кабинетъ усмотрѣлъ въ этомъ распоряженіи швейцарскихъ властей оскорбительный поступокъ, требующій возмездія. Германская дипломатія не удовлетворилась объясненіями центральнаго правительства Швейцаріи и предприняла формальный дипломатическій походъ противъ небольшой республики; оффиціозныя нѣмецкія газеты стали нападать на Швейцарію въ обычномъ вызывающемъ тонѣ, называя ее „дикою страною" и угрожая ей репрессаліями. Швейцарское правительство ссылалось на то, что арестъ нѣмецкаго агента состоялся безъ вѣдома центральной власти; оно не отрицало также нѣкоторыхъ недостатковъ въ существующей организаціи надзора за иностранцами и выразило готовность принять всѣ необходимыя мѣры для предупрежденія преступныхъ попытокъ, подготовляемыхъ на швейцарской территоріи противъ иноземныхъ правительствъ; но оно рѣшительно протестовало противъ двухъ притязаній, предъявленныхъ Германіею, — противъ желанія ея имѣть своихъ полицейскихъ агентовъ въ Швейцаріи и контролировать дѣйствія мѣстныхъ властей относительно допущенія извѣстныхъ категорій иностранцевъ къ пользованію правомъ убѣжища на швейцарской территоріи. По дѣлу Вольгемута не достигнуто было никакого соглашенія, и этотъ частный „инцидентъ" перенесенъ былъ на почву общаго вопроса объ условіяхъ нейтралитета и независимости Швейцаріи. Значеніе новой дипломатической кампаніи было тѣмъ болѣе серьезно, что къ ней оффиціально присоединилась Россія, за которою послѣдовала и Австро-Венгрія. Въ нотѣ, переданной 13-го

(1-го) іюня швейцарскому правительству отъ имени Германіи и Россіи, высказано неудовольствіе по поводу того, что Швейцарія злоупотребляетъ своимъ нейтралитетомъ и не исполняетъ вытекающихъ изъ него обязанностей. Швейцаріи поставлено въ упрекъ, что она оказываетъ гостепріимство и поддержку иностраннымъ революціонерамъ, пребывающимъ на ея территоріи, что она допускаетъ въ своихъ предѣлахъ враждебныя дѣйствія противъ чужихъ государствъ и пользуется своимъ нейтралитетомъ во вредъ монархическимъ правительствамъ. „Norddeutsche Allgemeine Zeitung" дополняла недосказанное въ этой нотѣ своими оффиціозными комментаріями; она доказывала, что дѣйствія или упущенія Швейцаріи могли бы вызвать войну, еслибы они не прикрывались нейтралитетомъ, и что самый нейтралитетъ этотъ есть созданіе новѣйшей исторіи, не имѣющее будто бы корней въ прошедшемъ и не оправдываемое современными обстоятельствами. Историческая справка, приведенная газетою въ подтвержденіе этого взгляда, оказалась не совсѣмъ точною; независимая часть нѣмецкой печати напомнила оффиціозамъ, что Швейцарія боролась за свой нейтралитетъ и отстаивала его съ перемѣннымъ успѣхомъ въ теченіе трехъ столѣтій.

Обвиненія, выставленныя теперь противъ Швейцаріи, не заключаютъ въ себѣ ничего новаго; они могли быть подняты съ одинаковымъ основаніемъ десять или пятнадцать лѣтъ тому назадъ, такъ какъ выходцы разныхъ странъ и въ томъ числѣ политическіе эмигранты и революціонеры издавна пользовались правомъ убѣжища въ предѣлахъ швейцарскаго союза. Почему же именно теперь подвергнуто сомнѣнію право Швейцаріи на нейтралитетъ? Право убѣжища торжественно признано было въ эпоху „священнаго союза", при полномъ господствѣ реакціи; почему же оно отрицается теперь, и чѣмъ объяснить рѣзкое оспариваніе его Германіею? Заключительнымъ актомъ вѣнскаго прогресса, отъ 20-го марта 1815 года, великія державы гарантировали нейтралитетъ и независимость Швейцаріи; въ протоколѣ, подписанномъ въ Парижѣ 20-го ноября того же года, выражено, что державы „торжественно и положительно признаютъ навсегда нейтралитетъ Швейцаріи и обезпечиваютъ неприкосновенность ея владѣній". Настоящимъ договоромъ,—какъ сказано далѣе въ этомъ документѣ,—державы объявляютъ самымъ положительнымъ образомъ, что нейтралитетъ и неприкосновенность Швейцаріи, равно какъ и независимость ея отъ всякаго посторонняго вліянія, соотвѣтствуютъ истиннымъ интересамъ европейской политики". Швейцарскій нейтралитетъ подтвержденъ былъ Пруссіею и Франціею въ 1870 году, передъ началомъ военныхъ дѣйствій. Теперь эти принципы дѣйствующаго международнаго права признаются уже несоотвѣтствующими

„истиннымъ интересамъ европейской политики", хотя внутреннее и внѣшнее положеніе Швейцаріи ни въ чемъ не измѣнилось. Систематическій настойчивый походъ берлинской дипломатіи и оффиціозной печати противъ швейцарскаго нейтралитета долженъ имѣть другіе, болѣе вѣскіе и общіе мотивы, чѣмъ дѣло Вольгемута и снисходительность къ соціаль-демократамъ. Швейцарскія власти никогда не отказывали въ содѣйствіи иностраннымъ правительствамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о предупрежденіи дѣйствительныхъ преступленій противъ чужихъ государствъ или о преслѣдованіи виновныхъ въ такихъ посягательствахъ; но пропаганда извѣстныхъ мнѣній путемъ печати и сходокъ не причислялась и не могла причисляться къ подобнымъ нарушеніямъ общихъ законовъ, точно также какъ не считается это нарушеніемъ во Франціи и въ Англіи. Швейцарскія газеты напоминаютъ, что отъ самихъ заинтересованныхъ правительствъ зависитъ требовать примѣненія карательныхъ или предупредительныхъ мѣръ противъ революціонеровъ, дѣйствующихъ незаконно въ Швейцаріи; союзный совѣтъ можетъ, на основаніи конституціи, удалять иностранцевъ, нарушающихъ безопасность и интересы страны, какъ это и сдѣлано было въ свое время относительно руководителей нѣмецкой революціонной газеты „Social-Demokrat". Въ уголовномъ швейцарскомъ кодексѣ существуетъ статья, которая гласитъ: „публичное оскорбленіе чужого народа или государя или чужого правительства наказывается денежнымъ штрафомъ до тысячи франковъ, а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ—тюремнымъ заключеніемъ до шести мѣсяцевъ. Преслѣдованіе, однако, возбуждается только по требованію подлежащаго иноземнаго правительства, съ признаніемъ взаимности относительно швейцарскаго союза". Почему,—спрашиваетъ одна швейцарская газета,—нѣмецкое правительство никогда не пользовалось существованіемъ этого закона? Что революціонная дѣятельность эмигрантовъ нисколько не поощряется въ Швейцаріи, какъ это утверждаетъ нѣмецкая дипломатія,—это можно видѣть изъ неоднократныхъ примѣровъ перемѣщенія органовъ революціонной пропаганды въ Лондонъ, который вообще предпочитается для болѣе воинственныхъ изданій (въ родѣ „Freiheit" Моста). Редакція газеты „Social-Demokrat" также вынуждена была перенести свое предпріятіе въ Англію. Въ чемъ же особенномъ выразилось новѣйшее „злоупотребленіе нейтралитетомъ" со стороны Швейцаріи?

Швейцарское общественное мнѣніе, какъ видно изъ отзывовъ мѣстной печати, приписываетъ дѣйствія Германіи чисто-политическимъ разсчетамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ тѣми мелкими и несостоятельными доводами, которые съ такимъ усердіемъ разрабатываются нѣмецкою оффиціозною печатью. Въ Швейцаріи го-

споствуетъ убѣжденіе, что Германія добивается отмѣны ея нейтралитета для того, чтобы имѣть возможность провести свои войска черезъ швейцарскую территорію въ случаѣ войны противъ Франціи; это право прохода войскъ было бы важно также для союзницы нѣмцевъ, Италіи. Тотъ же взглядъ на мотивы берлинской дипломатической кампаніи высказывается во многихъ заграничныхъ газетахъ съ бо́льшею или мѐньшею рѣшительностью. „Истина, бросающаяся въ глаза,—говоритъ напримѣръ „Indépendance Belge",—заключается въ томъ, что Германія и Италія обязались оказывать другъ другу помощь и поддержку въ возможной борьбѣ съ Франціею. Швейцарія находится между обоими союзниками и служитъ преградою для ихъ совмѣстныхъ дѣйствій; и вотъ почему—надо сказать это откровенно—хотятъ заранѣе подготовить общественное мнѣніе къ извѣстнымъ случайностямъ. Швейцарія мѣшаетъ этимъ союзникамъ, и только это одно въ дѣйствительности „переполнило чашу" (какъ выражается „Norddeutsche Allgemeine Zeitung" о дѣлѣ Вольгемута). Никого, ни въ Бернѣ, ни въ другомъ мѣстѣ, не обманываетъ эта комедія". Представители швейцарскаго народа отнеслись къ дѣлу исключительно съ точки зрѣнія народной самозащиты; національный совѣтъ единодушно одобрилъ объясненія, представленныя въ засѣданіи 21-го іюня (н. ст.) начальникомъ департамента иностранныхъ дѣлъ, Дрозомъ,—объясненія весьма рѣшительныя и твердыя по тону. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что швейцарцы будутъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать неприкосновенность своей территоріи, гарантированную трактатами, и не допустятъ добровольно ни нарушенія нейтралитета, ни отмѣны или ограниченія права убѣжища. Національный совѣтъ единодушно вотировалъ заключеніе займа въ 16 милліоновъ для надлежащаго вооруженія арміи; въ то же время создана новая должность союзнаго прокурора, для приданія необходимаго единства мѣрамъ надзора за иностранцами. Нѣмецкіе оффиціозы вызвали общее раздраженіе въ Швейцаріи своими грубыми и оскорбительными выходками; многія швейцарскія фирмы прекратили всякія торговыя сношенія съ Германіею, и краснорѣчивые протесты противъ нѣмецкой политики выражаются одинаково во всѣхъ слояхъ швейцарскаго общества, независимо отъ различій языка и происхожденія. Нѣмецкая часть Швейцаріи въ этомъ случаѣ безусловно солидарна съ французскою.

Если такъ смотритъ швейцарскій народъ на дипломатическіе шаги Германіи, если онъ видитъ въ нихъ замаскированную попытку подорвать независимое существованіе Швейцаріи и уничтожить ея нейтралитетъ для облегченія будущей войны съ Франціею, то участіе Россіи въ этомъ германскомъ предпріятіи представляется какъ будто

не совсѣмъ понятнымъ. Россія всего менѣе можетъ быть заинтересована въ открытіи швейцарской территоріи для прохода германскихъ войскъ и въ облегченіи военныхъ дѣйствій противъ Франціи. Очевидно, русская дипломатія, поддерживая ноту 13-го (1-го) іюня, не имѣла въ виду поощрять спеціально-нѣмецкіе планы, направленные противъ швейцарскаго нейтралитета; она принимала заботу объ иностранныхъ революціонерахъ въ Швейцаріи за дѣйствительный предметъ нѣмецкихъ требованій. Но вопросъ о нейтралитетѣ, поднятый Германіею, не могъ и не долженъ былъ разсматриваться съ точки зрѣнія обвинительныхъ пунктовъ, касающихся положенія эмигрантовъ и революціонеровъ въ Швейцаріи; онъ могъ быть поставленъ только въ видѣ угрозы, для принужденія швейцарскаго правительства къ существеннымъ уступкамъ относительно права убѣжища и надзора за иностранцами. Очень можетъ быть, что только для этой цѣли предпринята была дипломатическая кампанія, которой оффиціозная пресса сообщила такую непріятную рѣзкость; по крайней мѣрѣ это предположеніе оправдывается образомъ дѣйствій Россіи, которая вообще не имѣла бы никакого повода выступать солидарно съ Германіею противъ швейцарскаго нейтралитета, неудобнаго лишь для прусской военной партіи. Такъ какъ Швейцарія приняла уже серьезныя мѣры по тому предмету, который интересовалъ русскую дипломатію, то нужно надѣяться, что въ дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса о нейтралитетѣ Россія не будетъ дѣйствовать за-одно съ берлинскимъ кабинетомъ, и что старинныя права Швейцаріи останутся нетронутыми.

Каковъ бы ни былъ однако результатъ конфликта, тяжелое впечатлѣніе изгладится не скоро: поразительная легкость, съ какою подвергаются сомнѣнію вѣковыя права цѣлаго народа, не обладающаго военнымъ могуществомъ, бросаетъ печальный свѣтъ на современную международную политику. Право, признанное и освященное торжественными договорами, какъ будто не признается правомъ, если оно не имѣетъ за собою достаточной военной силы; небольшому, хотя и вполнѣ независимому народу даютъ чувствовать, что рядомъ находятся великія державы, желанія которыхъ сильнѣе и важнѣе формальнаго права. Бываютъ случаи, когда представители внѣшняго могущества ошибаются, и къ такимъ ошибкамъ нельзя не отнести германскаго столкновенія съ Швейцаріею. Такой народъ, какъ швейцарскій, защищенный грозною природою, съумѣетъ всегда отстоять свою независимость, какъ съумѣлъ онъ завоевать и охранить ее въ прошломъ. Оттолкнуть отъ себя этихъ мирныхъ, но мужественныхъ сосѣдей, вызвать въ нихъ чувство непріязни и раздраженія—это едва ли могло соотвѣтствовать интересамъ Германіи и нѣмецкаго

народа. Оффиціозная журналистика, какъ и всякая печать, для которой патріотизмъ есть выгодное ремесло, — оказала уже немало такихъ „медвѣжьихъ услугъ" отечеству.

„Продолжающаяся непрочность европейскаго положенія" была оффиціально констатирована императоромъ Францемъ-Іосифомъ при торжественномъ пріемѣ австро-венгерскихъ делегацій въ Вѣнѣ, 23-го іюня (н. ст.). Въ рѣчи австрійскаго императора обратили на себя особенное вниманіе два мѣста, касающіяся балканскихъ дѣлъ. Упомянувъ о „достойномъ сожалѣнія" рѣшеніи короля Милана отречься отъ престола, Францъ-Іосифъ выразилъ надежду, что регентство исполнитъ свое формальное обѣщаніе поддерживать прежнія дружественныя отношенія съ Австро-Венгріею и что „благоразуміе и патріотизмъ сербовъ оградятъ страну отъ серьезныхъ опасностей". Въ этихъ словахъ слышится какъ будто предостереженіе объ австрійскомъ вмѣшательствѣ, въ случаѣ уклоненія регентства отъ обязательствъ относительно Австріи; такъ поняты были эти слова большинствомъ австрійскихъ и иностранныхъ газетъ. Болѣе серьезный и положительный смыслъ имѣетъ заявленіе, относящееся до Болгаріи. „Въ Болгаріи господствуетъ порядокъ и спокойствіе, и пріятно указать на постоянные успѣхи, дѣлаемые въ этой странѣ, несмотря на ея затруднительное положеніе". До сихъ поръ считалось, что порядокъ, установившійся въ болгарскомъ княжествѣ, не можетъ быть признанъ законнымъ, при отсутствіи формальнаго согласія и утвержденія со стороны великихъ державъ; теперь Австрія косвенно признаетъ и фактъ возсоединенія княжества съ Восточною Румеліею, и право принца Кобургскаго на званіе болгарскаго князя. Это какъ будто первый шагъ къ оффиціальному признанію, къ которому современемъ присоединятся, быть можетъ, и Англія, и Италія. Нечего и говорить, что одобрительный отзывъ объ успѣхахъ Болгаріи направленъ спеціально противъ русской политики и имѣетъ цѣлью возможно рѣзче оттѣнить коренной антагонизмъ между Австріею и Россіею на Востокѣ. Россія настолько ясно и категорически отвергла болгарскіе порядки, устроенные безъ ея участія и противорѣчащіе берлинскому трактату,—что хвалить ихъ въ торжественной политической рѣчи можно только въ видѣ намѣренной демонстраціи. Повидимому, вѣнскій кабинетъ желалъ показать русской дипломатіи, что устраненіе австрійскаго преобладанія въ Сербіи будетъ съ избыткомъ возмѣщено утратою Болгаріи для Россіи. Такъ какъ подобные намеки на существующій антагонизмъ интересовъ не могутъ содѣйствовать мирному разрѣшенію

спорныхъ вопросовъ, то заявленіе императора Франца-Іосифа было принято большинствомъ европейскихъ и особенно нѣмецкихъ газетъ безъ особеннаго удовольствія. Даже нѣкоторые австрійскіе публицисты (какъ напр. въ „Neue Freie Presse") позволяли себѣ думать, что не слѣдовало раздражать Россію безъ надобности и пользы; только венгерская печать привѣтствовала эту фразу императора, какъ симптомъ самостоятельной активной политики и какъ знаменіе будущихъ успѣховъ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ сущности, публичное признаніе антагонизма, существующаго издавна, не можетъ ничего ни прибавить, ни убавить въ области международныхъ интересовъ и отношеній; притомъ болгарскій вопросъ самъ по себѣ потерялъ свой живой смыслъ для нашей внѣшней политики и отступилъ безспорно на задній планъ. Безпокойство, къ которому могли подать поводъ приведенныя заявленія императора, было разсѣяно отчасти самимъ Францемъ-Іосифомъ и затѣмъ еще болѣе объясненіями графа Кальноки. Императоръ, въ разговорѣ съ однимъ изъ членовъ делегацій, замѣтилъ, что пессимистическій взглядъ на международныя дѣла не имѣетъ основанія, и что есть основательная надежда на сохраненіе мира въ ближайшемъ будущемъ. Такимъ образомъ, и здѣсь оффиціальное миролюбіе остается въ своей силѣ.

Въ имперскомъ бюджетѣ, внесенномъ на разсмотрѣніе делегацій, нельзя не отмѣтить интересныхъ свѣденій о финансахъ Босніи и Герцеговины. На будущій годъ предполагается избытокъ доходовъ надъ расходами на сумму 49 тысячъ гульденовъ. Изъ годового бюджета въ $9^1/_2$ милл. тратится около 335 тысячъ на народное образованіе, болѣе 330 тысячъ на устройство путей сообщенія и около 900 тыс. на содержаніе войска. Ассигнованы новыя суммы на устройство техническаго учебнаго заведенія, на начальныя школы и на выдачу стипендій. Въ то же время замѣчаются значительные культурные успѣхи въ общемъ состояніи Босніи, хотя экономическій бытъ большинства населенія страдаетъ отъ неправильныхъ поземельныхъ отношеній и отъ обременительной системы налоговъ. Недавно рѣшенъ вопросъ объ устройствѣ водопроводовъ въ главномъ городѣ Босніи, Сераевѣ. Городское управленіе дѣлаетъ заемъ на 300 тысячъ гульденовъ для этой цѣли, съ согласія правительства. Полагаютъ, что городъ Сераево, соединенный уже желѣзною дорогою съ Вѣною, можетъ служить удобною климатическою станціею, когда получится тамъ возможность имѣть хорошую воду; наплывъ австрійскихъ чиновниковъ и предпринимателей все болѣе и болѣе измѣняетъ прежній характеръ города. Недалеко отъ Сераева устроена однимъ вѣнскимъ капиталистомъ обширная бумажная фабрика, первая въ странѣ; она снабжена всѣми но-

вѣйшими приспособленіями и составляетъ первый крупный опытъ примѣненія фабричнаго производства въ Босніи. Нельзя, конечно, приписывать фабрикамъ и заводамъ благотворное вліяніе на населеніе, но увеличивающееся число народныхъ школъ и созданіе техническихъ учебныхъ заведеній свидѣтельствуютъ наглядно, что австрійскія власти занимаются въ Босніи во всякомъ случаѣ не однимъ только преслѣдованіемъ православнаго духовенства и поощреніемъ католической пропаганды, какъ можно бы заключить по описаніямъ и разсказамъ одностороннихъ наблюдателей-патріотовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля, 1889.

— *Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей* для Русскаго Біографическаго Словаря. Часть первая: А—Л. Часть вторая: М—Ѳ. (Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томы шестидесятый и шестьдесятъ второй). Спб. 1887, 1888.

Уже много лѣтъ назадъ Императорское Русское Историческое Общество возъимѣло мысль объ изданіи біографическаго словаря русскихъ дѣятелей. Въ такомъ изданіи давно чувствуется недостатокъ, который далеко не восполняется существующими изданіями подобнаго рода, такъ какъ наши энциклопедическіе словари, въ которыхъ обыкновенно заключается много біографическаго, до сихъ поръ составляютъ одну изъ слабѣйшихъ сторонъ нашей образовательной литературы, а другія изданія, представляющія подобный матеріалъ, также не могутъ восполнить отсутствія спеціальнаго изданія, такъ какъ ихъ матеріалъ является или разбросаннымъ, или спеціальнымъ.

Въ обществѣ, которое начало интересоваться своей исторіей, потребность въ жизнеописаніяхъ историческихъ лицъ является обыкновенно съ первыми шагами исторіографіи. Первые біографическіе словари относятся у насъ еще къ концу XVIII-го столѣтія, когда Новиковъ собиралъ свой словарь русскихъ писателей. Впослѣдствіи два подобныхъ словаря, писателей свѣтскихъ и духовнаго чина, составилъ митрополитъ Евгеній; далѣе, не ограничиваясь писателями, составленъ былъ извѣстный словарь достопамятныхъ людей Бантыша-Каменскаго; сборникъ жизнеописаній Терещенка; далѣе, неоконченный Энциклопедическій словарь Плюшара, едва начатый словарь русскихъ ученыхъ и литераторовъ, старый Военно-Энциклопедическій лексиконъ и т. д. Множество біографическаго матеріала доставила исторія спеціальныхъ учрежденій: академіи наукъ, россійской академіи, университетовъ, духовныхъ академій, семинарій, военно-учебныхъ заведеній;

собранія военныхъ біографій, портретныя галереи, сопровожденныя текстами (Платона Бекетова, галерея Зимняго дворца, Мюнстера, Баумана, Ровинскаго), новѣйшіе историческіе журналы, наконецъ, громадная масса біографій людей всевозможныхъ слоевъ общества и профессій, разсѣянная въ журналахъ, газетахъ, календаряхъ, памятныхъ книжкахъ и т. д., и т. д. Этотъ матеріалъ становился такъ громаденъ, что разобраться въ немъ становилось невозможно. Относительно новѣйшей исторіи могли помогать въ этомъ отношеніи указатели (какъ, напримѣръ, многочисленные указатели г. Межова), но эти указатели не помогали для старой литературы; найти біографію какого-нибудь стараго дѣятеля, нѣсколько второстепеннаго, становилось цѣлымъ трудомъ, иногда безплоднымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ громадный матеріалъ бывалъ и недостаточенъ: многія біографіи совсѣмъ отсутствовали... Нельзя поэтому не привѣтствовать предпріятія, задуманнаго и теперь исполняемаго въ Русскомъ Историческомъ Обществѣ. Сколько возможно обширный,—не по объему біографій, а по числу введенныхъ лицъ,—біографическій словарь удовлетворитъ настоятельной потребности нашей литературы, особливо въ такое время, когда въ обществѣ несомнѣнно усилились историческіе интересы и справочная книга становится тѣмъ болѣе необходимой. Скажемъ болѣе: подобный словарь необходимъ для самаго достоинства нашей литературы и просвѣщенія. Въ западныхъ литературахъ издавна существуютъ громадныя предпріятія, посвященныя исключительно біографіи, не только за старое время, но и современной (словари Вапро, де-Губернатиса), не говоря о прекрасныхъ энциклопедіяхъ, гдѣ біографія также занимаетъ обыкновенно большое мѣсто. Біографическій словарь, отвѣчающій всякой справкѣ о сколько-нибудь замѣчательномъ дѣятелѣ, чрезвычайно облегчитъ пользованіе исторической литературой и будетъ безъ сомнѣнія настольной книгой у всякаго, кому не чужды интересы къ исторіи собственной страны.

Понятно, что подобное предпріятіе чрезвычайно сложно и можетъ быть по силамъ только или ученому обществу, располагающему большими научными силами, или учрежденію, какъ Русское Историческое Общество, владѣющему богатыми средствами и могущему вести дѣло не торопясь и съ возможностью пользоваться не только книжными пособіями, но и архивными дѣлами оффиціальныхъ вѣдомствъ. Кромѣ разысканія самого матеріала, пересмотра множества изданій и неизданныхъ свѣденій, сличенія и провѣрки данныхъ,—что само по себѣ составляетъ огромный трудъ,—подобное предпріятіе требуетъ также большого вниманія въ самой организаціи добытаго матеріала. Въ нашей литературѣ эта редакціонная часть работы не разъ уже оказывалась дѣломъ непривычнымъ и труднымъ: не разъ изданія подобнаго

рода прерывались при самомъ началѣ; дѣло въ томъ, что цѣлое не обдумывалось впередъ, не опредѣлялись строго размѣры, и работа выходила изъ колеи. Очевидно, что въ такихъ сложныхъ предпріятіяхъ необходимо съ точностію опредѣлять впередъ его программу и размѣры, по пословицѣ: десять разъ примѣрять и разъ отрѣзать. Повидимому такъ и поступаетъ въ настоящемъ случаѣ Русское Историческое Общество. Вышедшіе теперь два тома „азбучнаго указателя" (одинъ въ 500 страницъ, другой въ 800 страницъ слишкомъ, плотной печати въ два столбца) представляютъ именно только предварительную программу будущаго словаря: это пока только списокъ именъ съ самыми краткими хронологическими обозначеніями. Въ предисловіи мы читаемъ: „Изъ настоящаго списка будутъ перенесены въ біографическій словарь лишь имена, заслуживающія болѣе или менѣе пространныхъ біографій. Переходя къ этому второму труду и сознавая всю его затруднительность, редакція Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества позволяетъ себѣ надѣяться, что никто изъ любящихъ Россію и ея исторію людей не откажетъ въ сочувствіи и содѣйствіи этому предпріятію, не только указаніемъ ошибокъ, недосмотровъ и промаховъ въ нынѣ печатаемомъ спискѣ, но и сообщеніемъ свѣденій, долженствующихъ облегчить написаніе біографій, имѣющихъ войти въ біографическій словарь".

Изъ этихъ словъ недостаточно ясно видно, какъ думаетъ редакція словаря поступить съ тѣми именами, которыя *не будутъ перенесены* изъ настоящаго списка въ самый словарь, долженствующій заключать „болѣе или менѣе пространныя" біографіи. Дѣло въ томъ, что разъ предпринятъ столь обширный трудъ и уже собранъ матеріалъ для самого указателя, то, намъ кажется, словарь долженъ дать не только болѣе или менѣе подробныя біографіи, но даже и краткія свѣденія о тѣхъ лицахъ, имена которыхъ нашли теперь мѣсто въ указателѣ. Историческая справка можетъ понадобиться не только о крупныхъ историческихъ лицахъ, но и о мелкихъ дѣятеляхъ, и разъ свѣденія намѣчены, онѣ должны бы быть сохранены. Будутъ ли эти второстепенныя лица, о которыхъ иногда могутъ быть сообщены только ихъ званіе и годы рожденія и смерти, введены въ самый словарь, или, чтобы не загромождать его, выдѣлены въ особое прибавленіе,—это безразлично; можно желать только, чтобы свѣденія о нихъ, хотя бы иногда даже въ томъ краткомъ видѣ, какъ онѣ являются теперь въ указателѣ, не были потеряны.

Въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ только объ опредѣленіи именного состава словаря; о предполагаемомъ способѣ исполненія мы не имѣемъ указаній,—редакція словаря, безъ сомнѣнія, уже опредѣлила эти способы. Желательны при этомъ въ особенности два условія: во-

первыхъ, долженъ быть строго опредѣленъ maximum объема отдѣльныхъ біографій для наиболѣе важныхъ историческихъ дѣятелей, который никакъ не долженъ быть переступаемъ, изъ опасенія нарушить размѣры всего изданія; во-вторыхъ, изложеніе должно оставаться строго объективнымъ, фактическимъ. Цѣль словаря можетъ быть только одна—по возможности обширный матеріалъ справочный, и въ немъ не должно быть мѣста для историческихъ и публицистическихъ трактатовъ; излишнія подробности могутъ быть избѣгнуты указаніемъ на спеціальныя сочиненія. Какъ при обширныхъ біографіяхъ должны быть приводимы сочиненія, гдѣ читатель можетъ найти всѣ подробности о жизни и значеніи историческаго дѣятеля, такъ при самыхъ краткихъ біографическихъ указаніяхъ о людяхъ мало извѣстныхъ должны бы быть упоминаемы тѣ нерѣдко единственныя изданія, гдѣ имена ихъ были названы.

— *Изъ дальнихъ лѣтъ.* Воспоминанія Т. П. *Пассекъ.* Томъ III. Съ портретомъ автора. Спб. 1889.

Два первые тома этой книги вышли еще въ 70-хъ годахъ и тогда обратили на себя большое вниманіе; настоящій томъ заключаетъ въ себѣ отрывки изъ воспоминаній, появлявшіеся послѣ того въ журналахъ, и собраніе писемъ, хранившихся у покойной Т. П. Пассекъ. Изданіе приготовлялось самой составительницею, но вышло послѣ ея смерти. Г-жа Пассекъ (1810—1889) была, какъ извѣстно, близкая родственница и подруга дѣтства и юности А. И. Герцена, и сберегла много любопытныхъ воспоминаній какъ о первой порѣ жизни этого писателя, такъ и о тѣхъ временахъ, когда въ молодомъ кружкѣ 30-хъ годовъ совершалось живое броженіе идей, изъ котораго образовались вскорѣ знаменательныя литературныя явленія. „Корчевская кузина" (какъ называетъ ее Герценъ въ „Быломъ и Думахъ") въ этихъ 30-хъ годахъ вышла замужъ за извѣстнаго Вадима Пассека, который самъ принадлежалъ къ тому же кружку, хотя отличался отъ него нѣкоторыми особенностями своихъ мнѣній: въ то время, какъ одни въ тогдашнихъ кружкахъ увлекались Гегелевской философіей, другіе соціализмомъ, Пассекъ сталъ восторженнымъ народникомъ; это направило его интересы въ другую сторону, сблизило съ людьми, интересными ему по этнографіи и археологіи, но совершенно далекими отъ молодыхъ кружковъ, и послѣдніе съ обычною нетерпимостью молодости отдалились отъ него, полагая, что онъ уходитъ на другую дорогу. По всей вѣроятности здѣсь была нѣкоторая несправедливость, и г-жа Пассекъ объясняетъ теперь, что въ

этой размолвкѣ участвовали чисто личные мотивы, и разсказываетъ, что впослѣдствіи Огаревъ самъ признавалъ, что былъ неправъ относительно Пассека. Всѣ эти событія во внутренней жизни тогдашнихъ кружковъ или происходили на глазахъ г-жи Пассекъ, или она знала о нихъ изъ первыхъ рукъ, и это дало ей возможность собрать въ своихъ воспоминаніяхъ много любопытныхъ подробностей, рисующихъ время и людей („Изъ дальнихъ лѣтъ", первые два тома). Въ настоящей книгѣ досказывается послѣднее, что̀ оставалось г-жѣ Пассекъ передать о своихъ давнихъ друзьяхъ, къ которымъ она сохранила до конца самую теплую привязанность. Книга начинается разсказомъ о путешествіяхъ ея за границу въ 1859 и 1873 годахъ, когда г-жа Пассекъ въ послѣдній разъ видѣла своихъ друзей (Герценъ умеръ въ 1870, Огаревъ въ 1875); между прочимъ ей были переданы тогда нѣкоторыя бумаги и письма, которыя вошли въ настоящее изданіе. Кромѣ того сюда включены многія воспоминанія Н. А. Огаревой (урожд. Тучковой), между прочимъ о послѣднихъ дняхъ Герцена въ январѣ, 1870. Наконецъ въ настоящихъ воспоминаніяхъ г-жа Пассекъ обращается снова къ старымъ временамъ и добавляетъ нѣкоторыя подробности о томъ, о чемъ была уже рѣчь въ первыхъ томахъ ея записокъ, а въ концѣ помѣщены разсказы о новѣйшихъ людяхъ и событіяхъ, между прочимъ характеристика Каткова.

Во всемъ этомъ найдетъ не мало интереснаго читатель, который захочетъ познакомиться съ послѣдними годами жизни названныхъ дѣятелей нашей литературы. Всего болѣе любопытны изданныя здѣсь письма Герцена, гдѣ есть между прочимъ немаловажныя указанія объ его отношеніяхъ съ кружкомъ новѣйшей русской эмиграціи (эти отношенія были всего меньше дружелюбны, и Герценъ не стѣсняется въ выраженіяхъ) и разсѣяно много подробностей объ его настроеніи въ послѣдніе годы жизни. Очень любопытенъ отрывокъ изъ поэмы Огарева, оставшейся неконченною: здѣсь много прекрасныхъ стиховъ, которые могутъ стать рядомъ съ его лучшими пьесами и очень симпатично рисуютъ поэтическое настроеніе писателя-эмигранта мечтающаго о далекой и любимой родинѣ.

Таково содержаніе этой книги. Покойная писательница не успѣла сама исполнить изданія,—дѣло это было бы и не легко при ея преклонномъ возрастѣ,—и тѣмъ лицамъ, которыя взяли на себя редакцію изданія, нужно было бы обратить больше вниманія на его исполненіе. Читая книгу, намъ не однажды казалось, что едва ли не произошло здѣсь настоящаго „нарушенія воли", о которомъ шла недавно рѣчь на страницахъ „Вѣстника Европы". Въ самомъ дѣлѣ долженъ быть извѣстный предѣлъ въ публикованіи того, что̀ было нѣкогда интимною рѣчью между двумя близкими людьми. Въ такой

перепискѣ часто не выбираются выраженія, и иной разъ говорятся вещи, вовсе не предполагающія публичности; въ письмахъ, не такъ давно писанныхъ, называются живыя лица, еще не перешедшія въ исторію. Необходимъ извѣстный тактъ въ обращеніи съ такого рода содержаніемъ; подобныя письма могутъ и должны служить матеріаломъ для біографіи, для исторіи; но печатаніе ихъ цѣликомъ еще на свѣжей памяти можетъ дѣлаться большою безтактностью. Отчасти это чувствовали лица, взявшія на себя редакцію книги: многія имена оставлены подъ буквами, хотя не всѣ. Съ другой стороны, въ письмахъ остается очень много неяснаго: по большей части эти письма или записки состоятъ изъ отдѣльныхъ лаконическихъ замѣтокъ, которыя были достаточны для двухъ лицъ, совершенно знавшихъ подробности своихъ дѣлъ, но нерѣдко остаются непонятны для обыкновеннаго читателя, и повидимому издатели не могутъ здѣсь помочь ему какимъ-нибудь объясненіемъ. Въ подобныхъ случаяхъ,— предполагая, что были бы напечатаны письма о такихъ предметахъ, которые можно считать отошедшими въ исторію,—было бы однако важно позаботиться объ истолкованіи смысла намековъ и умолчаній. Къ сожалѣнію, весьма неисправна самая корректура: повидимому, почеркъ писемъ былъ не весьма четкій, но слѣдовало положить нѣсколько труда на то, чтобы правильно разобрать его, а теперь лаконическія письма еще затемнены опечатками, изъ которыхъ многія могли бы отсутствовать. Напримѣръ, стр. 175: „вчера я послалъ Чернецкому sombonds (?) записки“ и пр.; мудреное слово есть очевидно: „sous bande“, т.-е. подъ бандеролемъ; стр. 187: „въ середу поѣдемъ, но пути еще не знаю, можетъ на Тунъ—Omni Caru 15 въ Prangius“, это „Omni-Caru“ есть просто: „omni casu“, т.-е. во всякомъ случаѣ; стр. 208, опять: „Omnicaru“—omni casu; стр. 220: „Бибкнехтъ“, т.-е. Либкнехтъ; стр. 224: „слюнубрація“ (!) неужели такъ вмѣсто „элукубрація“? и т. д. Не перечисляемъ другихъ неточностей редакціи или корректуры, также весьма нежелательныхъ (напримѣръ, даже смерть Вадима Пассека въ двухъ мѣстахъ отмѣчена различно—1843 и 1844 годомъ, стр. 293 и 310), и не будемъ также много останавливаться на другихъ разсказахъ настоящей книги, гдѣ нѣкоторые отзывы составительницы записокъ не составляютъ, конечно, настоящаго рѣшенія исторической критики, а служатъ только образчикомъ мнѣній, слышанныхъ ею въ тѣхъ кругахъ, гдѣ она вращалась въ прежніе и въ послѣдніе годы. Ей кажется, напримѣръ, что „главная заслуга Вельтмана—его историческія изслѣдованія, появившіяся въ 60-хъ годахъ“, что онъ „изслѣдовалъ, по самымъ древнимъ источникамъ, исторію *всѣхъ народовъ* и указалъ въ новѣйшихъ исторіяхъ множество грубыхъ историческихъ оши-

бокъ" (стр. 280—281). Историческая критика находитъ совсѣмъ наоборотъ, что эти мнимо-историческія изслѣдованія относятся къ самымъ слабымъ изъ произведеній Вельтмана, и т. п. Трактатъ о Катковѣ въ концѣ книжки могъ бы совсѣмъ отсутствовать: онъ какъ будто не былъ до конца выработанъ, въ немъ остаются непримиренныя противорѣчія, и похвалы этому писателю не вяжутся съ тѣми сочувствіями, какія высказаны раньше г-жею Пассекъ къ характеру и дѣятельности ея старыхъ друзей, принадлежавшихъ къ совершенно противоположному лагерю, чѣмъ Катковъ.

— *Н. Лендеръ. Волга.* Очерки и картины. Съ картою Поволжья. Изданіе пароходнаго общества „Самолетъ". Спб. 1889.

Авторъ этой книжки (выходящей уже вторымъ, кажется, пополненнымъ изданіемъ,—чего въ заглавіи не указано) говоритъ въ предисловіи, что въ 1862 году обществомъ „Самолетъ" изданъ былъ трудъ Н. П. Боголюбова: „Волга отъ Твери до Астрахани", съ рисунками извѣстнаго художника А. П. Боголюбова, что этотъ солидный трудъ былъ первымъ путеводителемъ по Волгѣ (были и раньше), что съ тѣхъ поръ многое на Волгѣ измѣнилось и то же общество напечатало настоящую книжку, заключающую рядъ очерковъ современнаго Поволжья. Авторъ говоритъ дальше: „Историческое прошлое приволжскихъ губерній и большихъ городовъ достаточно уже извѣстно, а потому въ этихъ очеркахъ я обратилъ главное вниманіе на изображеніе нынѣшней Волги и промышленной жизни Поволжья въ ея современномъ развитіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я подробно останавливаюсь на глухихъ, малоизвѣстныхъ уголкахъ Поволжья". Свои свѣденія авторъ собиралъ на мѣстахъ и дополнялъ изъ спеціальныхъ источниковъ. Первоначально отдѣльныя статьи книжки выходили въ фельетонахъ разныхъ газетъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Литературномъ Обозрѣніи „Вѣстника Европы" было говорено по поводу одного путеводителя по Волгѣ (г. Монастырскаго) о томъ, какъ неудовлетворительны до сихъ поръ въ нашей литературѣ подобныя книги. Путеводитель г. Монастырскаго хотя и сообщалъ необходимыя въ такой книгѣ справочныя свѣденія, но авторъ всѣми мѣрами старался превратить свой весьма небезполезный трудъ въ увеселительный фельетонъ, не имѣющій никакой литературной цѣны. Настоящая книжка прямо составлена изъ фельетоновъ, но авторъ все-таки положилъ на ея составленіе столько труда, что, посвятивъ ей еще нѣсколько вниманія, могъ бы дать нѣчто не только фельетонное. Довольно трудно угадать, для какого

разряда читателей предназначается эта книжка въ ея настоящемъ видѣ. Для читателя-туриста (какіе начинаютъ появляться на Волгѣ), или для обыкновеннаго проѣзжаго она неудовлетворительна по отсутствію справочныхъ свѣденій; для читателя нѣсколько серьезнаго, который пожелалъ бы себѣ составить понятіе о главныхъ пунктахъ обширнаго края, она даетъ свѣденія слишкомъ поверхностныя. Авторъ говоритъ, что историческое прошлое приволжскихъ городовъ „достаточно уже извѣстно", и самъ сообщаетъ о нихъ свѣденія только въ родѣ тѣхъ, какія даются въ учебникахъ географіи; но дѣло идетъ не о читателѣ-спеціалистѣ, который можетъ на досугѣ рыться въ историческихъ книгахъ,—и сочиненіе, предлагаемое именно путешественникамъ, которые не могутъ забирать съ собой библіотекъ, должно бы было дать болѣе подробныя свѣденія, не ссылаясь на другія книги. Главное вниманіе авторъ обратилъ, кромѣ внѣшняго описанія встрѣчныхъ городовъ, на жизнь промышленную; говоря о нижней Волгѣ, онъ разсказываетъ о Сарептѣ, о распространеніи раскола, о калмыкахъ и киргизахъ и т. п. Нельзя однако сказать, чтобы онъ успѣлъ, или даже старался, уловить какъ разнообразіе волжскаго пейзажа, который столько мѣняется отъ Твери до Астрахани, такъ и разнообразіе быта приволжскаго и окрестнаго населенія; оно легко бросится въ глаза нѣсколько внимательному путешественнику, и последній въ правѣ ждать отъ книги объясненій объ этомъ предметѣ. Приволжскіе города имѣютъ свою исторію, отдѣльные факты которой крупными чертами входятъ и въ общую исторію государства и народа; съ нѣкоторыми изъ нихъ связаны тѣ или другія воспоминанія литературныя: черты этого рода, вѣроятно, были бы интересны для многихъ читателей не меньше, чѣмъ свѣденія о нефтяной промышленности. Обильный матеріалъ для такой исторической и бытовой характеристики Поволжья авторъ могъ бы найти въ довольно обширной литературѣ, какая уже существуетъ по этому предмету. Въ описаніяхъ можно бы желать больше простоты. Вотъ, напримѣръ, двѣ, три фразы изъ описанія Жегулевскихъ горъ: „Надъ Волгой только-что занялось весеннее утро, но не *робкое* (?) и ясное, а хмурое и вѣтряное. Въ небѣ тяжело ползутъ облака"... „Глухо шумятъ встрѣчныя волны, непрозрачныя, принявшія какой-то сѣро-свинцовый оттѣнокъ. Кругомъ сумрачно, точно осенью. Но вотъ *нежданно* показался между горами клочокъ свѣтлаго неба, затѣмъ блеснулъ одинокій солнечный лучъ, *робко* и *задумчиво* (?) заигралъ свѣтлымъ, но блѣднымъ пятномъ между двумя холмами и, словно *испугавшись* (?), поблѣднѣлъ и погасъ"... „Мрачные колоссы Жегулей съ вершинами, срѣзанными туманомъ, дѣлаются все выше и выше. Неподражаемо убранные однимъ зеленымъ ковромъ, они выступаютъ во всеоружіи

величія и красоты. Словно *почуявъ* это (?), откуда-то прорвался новый солнечный лучъ, *весело* и *смѣло* пронизалъ онъ туманный воздухъ, *улыбнулся* и ярко, ярко заигралъ" (!!) и т. д. (стр. 124—126). Говорить такимъ языкомъ было бы въ пору какому-нибудь изъ современныхъ фразистыхъ поэтовъ новой школы, а никакъ не автору дѣлового описанія Волги.—А. П.

Въ теченіе іюня мѣсяца поступили въ редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абаза, В. А. Руководство къ отечественной исторіи. Спб. 89. Стр. 342. Ц. 1 р. 20 к.

Акинѳіевъ, И. Я. О причинахъ заразительныхъ болѣзней. Екатеринб. 89. Стр. 19. Ц. 7 к.

Андріевичъ, В. К. Исторія Сибири. Ч. I. Спб. 89. Стр. 220. Ц. 1 р. 50 к.

Арандаренко, Г. А. Досуги въ Туркестанѣ, 1874—1889. Спб. 1889. 8°. 666 стр. Ц. 3 руб.

Брамзенъ, Альфр. Зубы нашихъ дѣтей во время ихъ проростанія. Съ нѣм. перев. А. Казарновскій. Спб. 89. Стр. 78. Ц. 50 к.

Васильевъ, Н. Н. Древній Свято-Духовскій храмъ въ Якобштадтѣ. Спб. 89. Стр. 64. Ц. 1 р.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій Словарь русск. писат. и ученыхъ. Вып. 18 и 19. Спб. 89. Стр. 801—896. По 35 коп.

Вольфсонъ, Вл. Теорія гипнотизма. Опытъ объясненія гипнотическихъ и иныхъ сходныхъ имъ явленій путемъ изученія нормальныхъ функцій человѣческаго мозга. Спб. 89. Стр. 52. Ц. 25 к.

Гёте. Всѣ виноваты. Ком. въ 3 д. Перев. Э. Репмана. М. 89. Стр. 100. Ц. 1 р.

Гиляровъ-Платоновъ, Н. П. Основныя начала экономіи. Посмертный трудъ. М. 89. Стр. 142. Ц. 1 р. 20 к.

Головачевъ, П. Сибирь въ Екатерининской коммиссіи. М. 89. Стр. 127. Ц. 60 коп.

Головщиковъ, К. Д. Исторія города Ярославля. Яросл. 89. Стр. 277. Ц. 1 р. 75 коп.

Григорова, Е. Н. Эдиссонъ. М. 89. Стр. 56. Ц. 25 к.

Григоровичъ, Д. В. Полное собраніе сочиненій въ 11 томахъ. Т. 11. Спб. 89. Стр. 356. Ц. 2.

Деркачевъ, И. Прежде азбуки. Тула. 89. Стр. 160. Ц. 1 р.

Залуговскій, М. Уходъ за больными, ранеными, беременными, родильницами, новорожденными дѣтьми и первая помощь до прибытія врача. 4-е изд. Съ 127 рис. Тверь. 89. Стр. 424. Ц. 2 р.

Иностранцевъ, А. А. Геологія. Общій курсъ. Т. I. 2-е изд. Спб. 89. Стр. 559. Ц. 4 р.

Кантъ, Иммануилъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ, могущей возникнуть въ смыслѣ науки. Переводъ Владиміра Соловьева. Москва, 1889. Стр. XI и 367. Ц. 2 р.

Лемблань, Раф. Вырожденіе евреевъ и Палестина. Одесса, 89. Стр. 63. Ц. 30 к.

Лесманъ, Б. М. Стихотворенія. Од. 89. Стр. 194. Ц. 1 р. 25 к.

Льюисъ, Д. Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени, съ указателемъ. Перев. п. р. В. Чуйко. Спб. 89. Стр. 753. Ц. 3 р.

Межовъ, В. И. Пятое прибавленіе къ систематической росписи книгамъ, продающ. въ книжн. маг. И. И. Глазунова. Спб. 89. Стр. 999.

Миллеръ, В. Ѳ. Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго этнографическаго музея. Вып. 2. М. 89. Стр. 154. Ц. 1 р. 25 к.

Михневичъ, Барышни и барыни. Разсказы. Спб. 89. Стр. 337. Ц. 1 р. 25 к.

Немировъ, Г. А. Петербургъ до его основанія. Вып. 3-й. Спб. 89. Стр. 57—96.

Орловскій, Ф. В. Стихотворенія (1885—88). Кіевъ, 89. Стр. 118. Ц. 1 р.

Пассекъ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ воспоминанія. Т. III. Спб. 89. Стр. 343. Ц. 2 р.

Рашковскій, Н. С. Одесса, какъ центръ лечебныхъ купаній. Од. 89. Стр. 79. Ц. 50 к.

Рейнботъ, А. Е. Хлѣбные вѣсы. Спб. 89. Стр. 56.

Рѣдкинъ, П. Г. Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. II. Спб. 89. Стр. 403. Ц. 3 р.

Спенсеръ, Герб. Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Перев. Е. А. Сысоевой. 3-е изд. Спб. 89. Стр. 227. Ц. 85 к.

Филипповъ, С. По Крыму. М. 89. Стр. 469. Ц. 1 р. 50 к.

Харузинъ, М. Богородицкая гора въ Эстляндіи. М. 89. Стр. 149. Ц. 10 к.

Ярышкинъ, А. И. Отравители. Общественный вопросъ. Од. 89. Стр. 11. Ц. 5 к.

Achajus, Der Werth der Berliner politischen Presse. Berlin, 1889. Стр. 88. Ц. 1 марка 50 пф.

Dickel, Karl, Dr., Ueber das neue bürgerliche Gesetzbuch für Montenegro etc. Marburg (Hessen). 1889. Стр. 112.

Dostoïewsky, Th. Les précoces, trad. par Halpérin-Kaminsky. Par. 89. Стр. 276.

Dukmeyer, Fr. Pietro Aretino. Drama in 5 Acten. Cöthen, 89. Стр. 67.

——— Joseph und Arvid. Gedichte. Cöthen, 89. Стр. 74.

Garschine, Wsev. La Guerre, trad. par Halpérin-Kaminsky. Par. 89. Стр. 310.

Nekrassow. Poésies populaires, traduites par E. Halpérine-Kaminsky et Ch. Morice et précédées d'une Étude sur Nekrassow, par le V-te E. M. de Vogüé. Portrait gravé par M. Maurice Baud. Paris (1889). 262 стр.

— Всеобщая исторія литературы, состав. п. р. А. Кирпичникова. Вып. XXIII. Спб. 89. Стр. 160.

— Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Импер. Р. Географическаго Общества. Томъ IX. Тифлисъ. 1886—1888.

— Казанская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, за 1888 г. Каз. 89. Стр. 413.

— Карсская область. Изд. Кавказ. Статистическаго Комитета. Тифл. 89. Стр. 283.

— Описаніе празднованія 25-лѣтія Музея военно-учебныхъ заведеній. Спб. 89. Стр. 65.

— Отчетъ о состояніи народныхъ чтеній въ г. Астрахани за 1888—89 г. Астрах. 89. Стр. 51.

— Отчетъ по Главному Тюремному управленію за 1887 г. Спб. 89. Стр. 339.

— Отчетъ Общества попеченія о неимущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ въ Москвѣ. М. 89. Стр. 104.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Тт. 66, 67 и 68. Спб. 89. Стр. 681, 578 и 741. Ц. по 3 р.

— Стенографическій отчетъ XXIV очередного новгородскаго губ. земскаго собранія. Новг. 89. Стр. 302.

ПОПРАВКА.

(Письмо въ редакцію.)

Въ только-что вышедшей іюньской книгѣ „Русской Мысли" г. Михайловскій приписываетъ мнѣ искаженную будто бы мною цитату изъ *его* разсужденій о „вольницѣ и подвижникахъ"; но въ дѣйствительности приведенное имъ мѣсто сдѣлалось „цитатою" только оттого, что онъ прибавилъ отъ себя кавычки къ *моимъ* словамъ и присоединилъ послѣднія къ слѣдующей затѣмъ цитатѣ. Въ этомъ можетъ удостовѣриться всякій, кто пожелаетъ сопоставить указаніе г. Михайловскаго съ подлиннымъ текстомъ моей статьи, какъ она была напечатана въ журналѣ („Вѣстн. Европы", май, стр. 142) и съ соотвѣтственными мѣстами сочиненій г. Михайловскаго.

Не можемъ, кстати, не упомянуть также и объ указаніяхъ г-на С. Ю. (въ майской книгѣ „Сѣв. Вѣстника" за текущій годъ) на найденныя имъ неточности и ошибки въ моей книгѣ объ „Основныхъ вопросахъ политики". Эти ошибки, по мнѣнію г. С. Ю., заключаются въ слѣдующемъ:

Во-первыхъ, въ книгѣ упоминается мною имя короля Фердинанда II, прозваннаго „королемъ-бомбою" за его дѣйствія въ 1848 году въ Неаполѣ. Рецензентъ протестуетъ противъ такого смѣшенія „короля-бомбы" съ Фердинандомъ II. Очевидно, онъ имѣетъ въ виду какого-то другого, своего собственнаго „короля-бомбу"; но такъ какъ онъ не назвалъ его по имени, то намъ, вмѣстѣ со всѣми, приходится поневолѣ оставаться при своей „ошибкѣ".

Во-вторыхъ, въ книгѣ мною сказано, что французское „національ-

ное собраніе 1871 года было выбрано по округамъ" (а не по департаментскимъ спискамъ). Рецензентъ несогласенъ съ этимъ фактомъ и объявляетъ его невѣрнымъ, — но на какомъ основаніи—опять неизвѣстно.

Въ-третьихъ, въ книгѣ приведены, со словъ Летурнò, нѣкоторыя свѣденія о „придворныхъ" обычаяхъ въ „странѣ Мтезы". Хотя по смыслу фразы видно, что имя короля Мтезы не можетъ быть отнесено къ самой странѣ, какъ предполагаетъ рецензентъ, но, быть можетъ, для большей ясности слѣдовало сказать: „въ странѣ короля Мтезы".

Наконецъ, двѣ ошибки указаны вѣрно. Въ примѣрѣ о сѣрыхъ и черныхъ крысахъ (стр. 80), вмѣсто „сѣрыхъ", поставлены „черныя" и наоборотъ. Въ другомъ мѣстѣ напечатано: „*все*народное голосованіе", вмѣсто „народнаго", въ примѣненіи къ Бельгіи и Австріи; но этотъ недосмотръ тѣмъ легче можетъ быть замѣченъ самимъ читателемъ, что объ отсутствіи всеобщей подачи голосовъ въ названныхъ двухъ государствахъ говорится въ другихъ мѣстахъ книги (стр. 136, 186 и др.).

Остальныя, подобныя же указанія г-на С. Ю. основаны на невѣрности цитатъ изъ разбираемой имъ книги, въ чемъ не трудно убѣдиться каждому, а въ томъ числѣ и самому г-ну С. Ю., при сличеніи сдѣланныхъ имъ выдержекъ съ дѣйствительнымъ текстомъ книги.

Л. Слонимскій.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

—Das Staatsrecht des Kaiserthums Russland, von D-r J. Engelmann. Freiburg in B. 1889.

Сочиненіе дерптскаго профессора Ив. Энгельмана о государственномъ правѣ Россіи входитъ въ составъ четвертаго тома обширнаго коллективнаго труда, изданнаго эрлангенскимъ профессоромъ Марквардсеномъ: „Handbuch des oeffentlichen Rechts“, и начатаго въ 1885 году. Отдѣльныя части этого сборника исполнены по одной схемѣ, строго обязательной для сотрудниковъ, и содержатъ крайне сжатое изложеніе предмета, такъ что, напримѣръ, часть, обработанная проф. Энгельманомъ, помѣщается всего на 240 страницахъ in 8°. Она предназначена собственно для нѣмецкой публики, и такъ какъ это не есть разсужденіе по поводу русско-государственнаго права, а просто-напросто—элементарный учебникъ, то при всей полнотѣ и систематичности своей этотъ трудъ нѣсколько утомляетъ избыткомъ сухихъ деталей. Но зато самая работа отличается одною особенностью, которая должна быть ей поставлена въ заслугу: она представляетъ весьма пространно и рельефно всѣ мѣстныя учрежденія, которыми отличаются страны и губерніи (кромѣ русской Финляндіи, которая будетъ отдѣльно обработана д-ромъ Мехелиномъ), состоящія на особомъ положеніи. Какъ и слѣдовало ожидать отъ дерптскаго профессора, весьма обстоятельно изложены учрежденія остзейскихъ губерній, что̀ особенно интересно въ виду приводимаго въ настоящую минуту подведенія этого края, сохранившаго свою средневѣковую нѣмецкую старину, подъ одинъ съ коренною Россіею знаменатель. Книга Энгельмана богата, прежде всего, фактическимъ содержаніемъ; она представляетъ учрежденія и правоотношенія въ настоящемъ ихъ видѣ, но каждому отдѣлу предшествуютъ бѣглые историческіе обзоры; есть также немало освѣщающихъ предметъ критическихъ замѣтокъ, тонкихъ, не лишенныхъ порою остроты и соли. Чтобы познакомить читателя съ тѣмъ, въ какомъ духѣ и направленіи написано сочиненіе, позволимъ себѣ привести изъ нея нѣсколько выдержекъ по жгучимъ вопросамъ современности и, прежде всего, по совершоннымъ въ послѣднія 30 лѣтъ реформамъ, которыя въ настоящую минуту имѣютъ, повидимому, больше противниковъ, нежели сторонниковъ, и переживаютъ нынѣ моментъ весьма критическій.

Изложивъ, на стр. 125, блистательный успѣхъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва, авторъ объясняетъ успѣхъ тѣмъ, что на первыхъ порахъ имъ предоставленъ былъ просторъ дѣйствія; боясь отвѣтственности въ случаѣ неудачи, бюрократія разрѣшала имъ на свой рискъ поступать какъ знаютъ. Но когда успѣхъ былъ обезпеченъ и новые независимые органы совладали съ задачею, тогда обнаружилось сначала потаенное, а потомъ все яснѣе и яснѣе обнаруживающееся стремленіе прежде всего лишить должность ея самостоятельности, а потомъ и устранить ее совсѣмъ. Умножились предписанія начальства; вмѣсто закона указываемы были цѣли общественныя, административныя и даже политическія, для осуществленія коихъ личные виды бюрократіи, въ формѣ толкованій и инструкцій, предложены были вмѣсто закона,—вслѣдствіе чего самостоятельные люди покинули званіе мировыхъ посредниковъ; наконецъ и сама должность упразднена въ 1874 г., такъ какъ по имени и преданію она напоминала самостоятельность и право. Чистокровный бюрократъ всегда и вездѣ ненавидитъ законъ и право, когда они ограничиваютъ его усмотрѣніе. Нашъ бюрократъ, начиная съ московскаго періода, имѣетъ въ виду только свое предписаніе, и вовсе не желаетъ знать дѣйствительности: она должна быть приносима въ жертву его бумагѣ, его шовинизму и политикѣ, какъ онъ ее самъ понимаетъ.

Судебную реформу характеризуетъ Энгельманъ, какъ намъ кажется, довольно мѣтко въ ея существенномъ недостаткѣ, который въ настоящее время послужилъ поводомъ къ предстоящей реформѣ значительной части недавно еще возникшихъ судебныхъ установленій. На стр. 169 онъ говоритъ: „суды мировые и обыкновенные, дѣйствующіе по одному и тому же порядку судопроизводства и примѣняющіе то же матеріальное право, уклоняясь отъ судоустройства всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ, образуютъ двѣ, вполнѣ раздѣленныя, системы судилищъ, которыхъ связь заключается только въ томъ, что они поставлены подъ однимъ и тѣмъ же кассаціоннымъ судомъ. Непостижимо, зачѣмъ введена эта раздѣльность, могущая повести къ различному пониманію и осуществленію примѣняемаго закона. Мотивы, приводимые въ пользу этой раздѣльности, не выдерживаютъ критики“.

Очень важны замѣчанія профессора о самоуправленіи въ Россіи (стр. 102—105). „Многократныя попытки устроить самоуправленіе истекали изъ воли государей и находили камень преткновенія въ находчивости и послѣдовательности, съ которыми центральная власть успѣвала эксплуатировать вновь создаваемые органы въ интересѣ центральнаго управленія, такъ что они, въ концѣ концовъ, совсѣмъ теряли свое значеніе. Конечно, привлекая мѣстное населеніе къ самоуправленію,

Екатерина II не хотѣла дать самостоятельность состояніямъ и сословіямъ, на которыя она возложила государственныя функціи. Она смотрѣла на эту дѣятельность сословій какъ на государственную, и на установленія и должности сословныя по выбору—какъ на одинаковыя съ коронными, имѣющія то же значеніе и ту же власть. Но такой взглядъ былъ противенъ всѣмъ преданіямъ бюрократіи московской. Центральныя установленія и губернаторы по прежнему считаютъ себя единственными представителями монарха, а свое усмотрѣніе и произволъ—единственнымъ руководящимъ началомъ въ управленіи. Чтобы провести этотъ взглядъ и утвердить свое полновластіе, окружающая государство бюрократія выдвинула понятіе самодержавія. Самодержавіе никогда не вмѣщаетъ въ себѣ ничего прямо противнаго благу и настоящимъ интересамъ народа. Существо ея совмѣстимо съ тѣмъ, чтобы имъ данные или утвержденные законы признаны были неприкосновенными и соблюдались самимъ законодателемъ. Произволъ и законность исключаютъ себя взаимно, но самодержецъ не имѣетъ никакого интереса въ произволѣ. Даже личный интересъ самодержца всегда можетъ быть согласованъ съ народнымъ благомъ, но не личный интересъ многихъ лицъ, цѣлой бюрократіи, потому что интересы многихъ слишкомъ расходятся. Только чиновничій произволъ и законность несогласимы безусловно. Подъ предлогомъ поддержанія авторитета верховной власти, бюрократія ставила свою волю и свой интересъ вмѣсто закона, и успѣла въ томъ тѣмъ легче, чѣмъ ближе она была къ государынѣ. Ея право надзора превратилось въ право все безраздѣльно рѣшать, а провинціальныя установленія стали агентами всевѣдущей власти центральной. Этотъ процессъ совершился медленно; ему содѣйствовали апатія народонаселенія и его неспособность или нежеланіе отстаивать свое право. Государыня уступила сама этому направленію и оставила свое устройство недоконченнымъ. Единство управленія было возстановлено не самостоятельнымъ соучастіемъ центральныхъ и мѣстныхъ властей на почвѣ закона, но внѣшнимъ образомъ, однимъ перевѣсомъ центральной власти".

Новый фазисъ вопроса въ царствованіе Александра II изображенъ у Энгельмана слѣдующими чертами (104). Послѣ освобожденія крестьянъ неотложность дальнѣйшихъ реформъ обозначилась рѣзко и явственно. Полицію оставили на прежнемъ положеніи, но только исправникъ изъ выборнаго сдѣлался короннымъ чиновникомъ. Усилившіяся потребности общественнаго образованія, призрѣнія, здоровья, строительства, путей сообщенія—возложены на земства. Крестьянское состояніе получило почти неограниченное сословное самоуправленіе. Только игравшее первую роль въ прежнихъ условіяхъ

бывшаго весьма ограниченнаго самоуправленія дворянство потеряло свое главенство, оттѣснено на задній планъ либеральнымъ чиновничествомъ и ограничено корпоративными дѣлами своего сословія. Только предводители дворянства отличены тѣмъ, что имъ предоставлено предсѣдательство въ земствахъ. Авторъ усматриваетъ проявленіе государственнаго ума въ томъ, что въ новыя земства вставленъ былъ, изъ числа бывшихъ и уже испробованныхъ органовъ самоуправленія, органъ, имѣвшій корни въ обществѣ, реальное значеніе, уваженіе и извѣстную самостоятельность. Но эта связь органовъ самоуправленія прежнихъ, не отмѣняемыхъ реформою, и новыхъ оказалась только внѣшняя, безъ образованія изъ нея объединенной системы установленій, заправляющихъ всѣми мѣстными дѣлами на законномъ основаніи. Сельскія и городскія общины не вяжутся съ земствами; и тѣ, и другія не только имѣютъ одинаковыя задачи, но вѣдаютъ одни и тѣ же дѣла, однако онѣ до того обособлены, что, кромѣ Петербурга, Москвы и Одессы, даже и выборы происходятъ въ городахъ отдѣльные—въ гласные земства и въ гласные городской думы, хотя было бы проще предоставить городскимъ думамъ назначеніе городскихъ гласныхъ. Кромѣ того, уклонясь отъ всѣхъ европейскихъ законодательствъ, положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. и городовое 1870 г. отнимаютъ у созданныхъ ими органовъ всякую публичную власть и противопоставляютъ ихъ, какъ учрежденія *общественныя*, властямъ правительственнымъ, хотя, съ другой стороны, этимъ общественнымъ учрежденіямъ предоставлены у насъ почти неограниченныя права издаванія обязательныхъ постановленій и податного самообложенія, какія въ другихъ государствахъ не даны въ такомъ размѣрѣ даже самостоятельнымъ органамъ самоуправленія. Авторъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе А. Градовскаго, что нельзя учредить настоящее самоуправленіе на такомъ началѣ, чтобы не власть дѣлилась между учрежденіями, но чтобы одна и та же функція возлагаема была на совершенно различныя по происхожденію и характеру учрежденія, которыя не могутъ не сталкиваться при такой неизбѣжной конкурренціи.

Что касается въ частности до Городового Положенія 1870 г., то имъ, въ сущности, наслоено новое устройство на продолжающее существовать старое—екатерининское. Новое положеніе не создаетъ городской общины, не опредѣляетъ, кто горожанинъ, не заводитъ одной городской обывательской книги, а только предписываетъ, чтобы плательщики городскихъ податей собирались и избирали на 4 года городскихъ гласныхъ. Кромѣ того, цензъ городской можетъ быть только либо съ недвижимости, либо торговый, либо промысловый, но не допущены ни подоходный, ни квартирный, такъ что изъ состава

избирателей выключены наиболѣе образованные классы населенія: чиновники, врачи, учителя и др., хотя бы вся ихъ дѣятельность была сосредоточена въ городѣ, если только они не домовладѣльцы. Зато послѣдній кабатчикъ, мелочной продавецъ, разнощикъ, хотя бы онъ только заѣзжалъ въ городъ и имѣлъ въ другомъ мѣстѣ свою осѣдлость, считается полноправнымъ городскимъ избирателемъ.

Главная задача послѣднихъ лѣтъ, начиная съ 1880 г., заключалась, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы упорядочить и объединить мѣстное управленіе уѣздное и губернское, которыя, несмотря на реформы, остаются, въ сущности, въ такомъ видѣ, въ какомъ ихъ создала Екатерина въ 1775 году въ учрежденіи о губерніяхъ. И недостатки этого отжившаго устройства изображены у Энгельмана довольно вѣрно и типично. При Екатеринѣ II правительство убѣдилось, что нельзя управлять государствомъ изъ центра, а надобно устроить управленіе на мѣстахъ поближе къ управляемому народу и къ реальнымъ интересамъ государства, безъ самостоятельности, однако, и безъ права наложенія податей. Центръ тяжести этого мѣстнаго управленія лежалъ не въ самостоятельныхъ органахъ самоуправленія, а въ мѣстныхъ представителяхъ центральнаго управленія—въ губернаторѣ, который былъ, по словамъ законодательства Екатерины, „глава и хозяинъ", и въ генералъ-губернаторѣ, который пользовался личнымъ довѣріемъ государя, былъ болѣе или менѣе посвященъ въ его планы и имѣлъ значеніе нѣкоторымъ образомъ провинціальнаго министра. По введеніи при Александрѣ I учрежденія министерствъ, постепенно распространяется въ настоящемъ столѣтіи система спеціальныхъ вѣдомствъ, въ ущербъ самостоятельности мѣстнаго управленія и его единства. Въ силу извѣстнаго, почти безсознательнаго теченія, всѣ реформы, съ какою бы цѣлью онѣ ни предпринимались, постоянно имѣли результатомъ усиленіе центральной власти министровъ по ихъ вѣдомствамъ. Объединенныя большія губернскія коллегіи распались на множество независимыхъ агентствъ центральныхъ вѣдомствъ, ревнивыхъ и также охотно сталкивающихся одно съ другими, какъ то дѣлаютъ и самыя министерства. Губернскія власти отложились въ значительной части отъ губернатора, который постепенно превратился изъ представителя государя почти-что въ органъ одного вѣдомства внутреннихъ дѣлъ, въ администратора. То же распаденіе единства проявляется въ дѣятельности многочисленныхъ смѣшанныхъ комитетовъ и коммиссій. Хотя составъ ея однообразенъ (смѣсь коронныхъ чиновъ и органовъ самоуправленія), но по каждому вѣдомству имѣется одна или нѣсколько таковыхъ коммиссій, что натурально расплождаетъ переписку. Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ преобладанія централизаціи въ управленіи по вѣдомствамъ является недо-

вѣріе начальниковъ по вѣдомствамъ къ органамъ самоуправленія. Екатерина пожаловала этимъ органамъ, долженствующимъ исполнять государственныя задачи, права и власть правительственныхъ органовъ, но предоставила имъ малую самостоятельность, которую сословія не съумѣли какъ слѣдуетъ отстоять. Новымъ органамъ самоуправленія предоставлена гораздо большая самостоятельность, но новые законы отказываютъ имъ въ начальнической власти и лишаютъ ихъ чрезъ то важнѣйшей прерогативы ихъ положенія, заключающейся въ томъ, что эти органы самоуправленія осуществляютъ также и государственныя задачи. Понятно, что при такихъ условіяхъ они осуществляютъ эти задачи далеко не въ надлежащей степени.

Приведенныя нами выдержки изъ книги Энгельмана указываютъ на то, что онъ рѣшительный противникъ бюрократической системы управленія, ея шаблоновъ, ея рутины, того мертвящаго однообразія, подъ которымъ она погребаетъ всякое живое дѣло, и того вреда, который она приноситъ самому началу самодержавія по своему усыпляющему вліянію, потому что она—толстая бумажная ширма, изъ-за которой Россіи настоящей не видать, и вслѣдствіе чего наилучшія намѣренія правительства могутъ оказаться безплодными. Намъ кажется, что не только національными чувствами автора, но еще въ большей степени его анти-бюрократическимъ направленіемъ объясняются тѣ страницы его книги, въ которыхъ онъ горячо и съ убѣжденіемъ отстаиваетъ особенности быта остзейскихъ губерній, подвергающіяся нынѣ со всѣхъ сторонъ нападеніямъ и сильному измѣненію и въ законодательномъ порядкѣ, и всевозможными административными мѣрами. Его защита остзейскихъ учрежденій всего лучше можетъ быть выражена посредствомъ слѣдующей и послѣдней выдержки изъ его книги, на чемъ мы и окончимъ бѣглый ея обзоръ (стр. 226). „Значеніе остзейскихъ областей для Россіи главнымъ образомъ заключается въ томъ, что въ этихъ трехъ губерніяхъ не надо съ трудомъ основывать, вводить и воспитывать самоуправленіе, такъ какъ оно тамъ уже прочно насаждено за нѣсколько столѣтій. Сословія здѣсь пріучены завѣдывать земскими дѣлами. Ландтаги въ началѣ нынѣшняго столѣтія разрѣшили аграрный вопросъ и привлекли постепенно крестьянъ къ участію въ самоуправленіи. Обязанности даже весьма второстепенныхъ исполнительныхъ полицейскихъ органовъ, соотвѣтствующихъ становымъ приставамъ, разсматривались всегда какъ почетныя должности и какъ школа, съ которой начинали свое служебное поприще именитѣйшіе и состоятельнѣйшіе представители дворянства. Въ другихъ губерніяхъ нельзя бы и помышлять о томъ, чтобы на эти должности пошли дворяне, что доказываетъ, конечно, что въ сихъ послѣднихъ самоуправленіе еще мало укоренено.

Самоуправленіе не есть только блистательное въ экстренныхъ случаяхъ представительство, оно—ежедневная служба для поддержанія страны въ безопасности, порядкѣ и благосостояніи. Чѣмъ старательнѣе совершается эта работа, тѣмъ вѣрнѣе всеобщее благосостояніе и безопасность цѣлой имперіи. Самоуправленіе не можетъ быть подведено подъ одну какую-либо теорію, подъ одну схему; оно вездѣ разнообразно и по объему своему, и по формамъ. Обыкновенно не причисляютъ къ самоуправленію юстиціи и полиціи, но Петръ В. и Екатерина II относили туда и одну, и другую, а въ остзейскихъ областяхъ онѣ изначала и всегда считались принадлежащими къ самоуправленію. Равнымъ образомъ мы видимъ тамъ всегда обязательность служенія по самоуправленію. При одинаковыхъ почти условіяхъ, должности земскія полицейскія платныя въ Лифляндіи и въ Курляндіи, въ Эстляндіи—безплатны и весьма обременительны въ денежномъ отношеніи, но никакой землевладѣлецъ, бывъ избранъ въ эти должности, не въ правѣ отъ нихъ отказываться".—В. Д.

II.

— *Francisque Bouillier*. Questions de morale pratique. Paris, 1889.

Въ книгѣ Бульѐ читатель не найдетъ ни новыхъ оригинальныхъ воззрѣній, ни смѣлой постановки вопросовъ, ни особенной эрудиціи; но всякій съ интересомъ пробѣжитъ легко написанныя страницы французскаго академика, посвященныя многоразличнымъ „злобамъ дня" въ области практической житейской морали. Авторъ имѣетъ въ виду способствовать „возстановленію и укрѣпленію нравственнаго чувства" въ публикѣ посредствомъ популярныхъ разъясненій, примѣровъ и совѣтовъ, не претендующихъ на философскую глубину и относящихся къ фактамъ обыкновенной, повседневной жизни.

Въ этюдѣ объ извращеніяхъ нравственнаго чувства или о „ложной совѣсти" приводятся и разбираются случаи, когда „совѣсть старается обмануть себя" и подыскиваетъ мотивы для внутренняго оправданія дѣйствій, осуждаемыхъ истинною совѣстью. Бульé различаетъ извращенія коллективныя, свойственныя цѣлому народу или цѣлой эпохѣ, и индивидуальныя, о которыхъ только и говорится въ книгѣ. Для иллюстраціи этихъ попытокъ внутренняго самообмана авторъ пользуется разсужденіями двухъ писателей—англійскаго романиста Стерна и французскаго католическаго проповѣдника Бурдалý. Мимоходомъ достается и республикѣ, съ ея политическими дѣятелями, у которыхъ совѣсть будто бы замѣняется интересами

партіи и личнымъ честолюбіемъ. По мнѣнію Бульѐ, „господство ложной совѣсти получаетъ наибольшее развитіе въ политическомъ мірѣ"; но республика тутъ, конечно, не при чемъ. Чтобы вовстановить и очистить свое нравственное чувство, мы должны держаться правила —„судить себя самихъ, какъ мы судимъ другихъ". Между прочимъ, авторъ считаетъ весьма опаснымъ орудіемъ нравственнаго извращенія—гипнотизмъ, почему и возстаетъ рѣшительно противъ гипнотическихъ сеансовъ и опытовъ.

Во второмъ этюдѣ—„о мелкихъ удовольствіяхъ и непріятностяхъ" —дѣлается сравнительная оцѣнка хорошихъ и дурныхъ сторонъ жизни; авторъ особенно останавливается на тѣхъ пріятныхъ ощущеніяхъ и впечатлѣніяхъ, которыя зависятъ отъ привычки и изъ которыхъ складывается наше обыденное существованіе. Даже къ горю люди привыкаютъ и находятъ въ немъ элементы нравственнаго возвышенія и утѣшенія; въ доказательство цитируются изреченія нѣкоторыхъ философовъ и поэтовъ. Бульѐ не сомнѣвается, что въ общемъ счетѣ безспорный перевѣсъ остается за благами жизни.

Въ главѣ о „цивилизаціи безъ морали и о морали безъ религіи" авторъ справедливо указываетъ на необходимость поддержанія и возбужденія нравственнаго чувства, безъ котораго немыслимо правильное общественное развитіе. „Есть люди,—замѣчаетъ онъ,—думающіе, что прогрессъ неизбѣженъ и что ничто не можетъ остановить его ходъ. Но эта слѣпая вѣра въ фатальный прогрессъ, который совершается самъ собою, безъ насъ и даже вопреки намъ, есть только опасное суевѣріе, съ которымъ нужно бороться. Чтó намъ оставалось бы дѣлать, какъ не смотрѣть, сложа руки, на процвѣтаніе зла и порчи, при господствѣ убѣжденія, что необходимо восторжествуетъ добро и что все само собою пойдетъ къ лучшему? Мы сами дѣлаемъ прогрессъ; мы одни создаемъ добро, какъ и зло; насъ не ведетъ какое-то невѣдомое божество прогресса, которое будто бы то подвигаетъ насъ впередъ, то оставляетъ насъ на полдорогѣ". Существеннымъ элементомъ соціальныхъ и политическихъ успѣховъ является именно нравственное чувство. „Чтобы судить о могуществѣ имперіи, о шансахъ ея прочности и развитія, нужно принять во вниманіе ея нравственныя силы, а не только матеріальныя. Нельзя считать единственнымъ мѣриломъ состояніе богатствъ, утонченность нравовъ и образа жизни, даже степень умственной культуры; прежде всего надо оцѣнить души людей, ихъ характеры, мужество, нравственныя и гражданскія добродѣтели. Соціальный порядокъ, не опирающійся на эти начала, разлагается и современемъ рухнетъ". Бульѐ придаетъ первостепенное значеніе религіи, какъ основѣ морали, и рѣзко критикуетъ „свѣтскую" систему воспитанія, введенную республиканскимъ

правительствомъ въ народныхъ школахъ Франціи. Онъ предвидитъ вреднѣйшія последствія отъ устраненія руководящей роли священниковъ въ воспитаніи будущихъ поколѣній; наиболѣе пагубнымъ кажется ему этотъ „жестокій и грубый опытъ въ области женскаго образованія, ибо у женщинъ пустота сердца будетъ замѣтнѣе и труднѣе можетъ быть возмѣщена". Бульé повторяетъ при этотъ банальныя фразы о „синихъ чулкахъ", о „блѣдныхъ дѣвушкахъ съ очками на глазахъ и съ книгами подъ мышкою", объ опасности уменьшенія числа „добрыхъ женъ и матерей семействъ". Изъ того, что религія не преподается въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, авторъ ошибочно заключилъ о возможности какой-то „пустоты сердца" у женщинъ, забывъ о воспитательныхъ семейныхъ вліяніяхъ и традиціяхъ, восполняющихъ пробѣлы оффиціальнаго образованія.

Этюдъ о поощреніи добрыхъ дѣлъ и объ академическихъ преміяхъ представляетъ мало интереса для русскихъ читателей. Какъ академикъ, авторъ склоненъ преувеличивать важность тѣхъ наградъ, которыя торжественно даются академіями за добродѣтель или за особенныя заслуги. Сообщая фактическія свѣденія о существующихъ преміяхъ, онъ указываетъ на отсутствіе наградъ для богачей за употребленіе капиталовъ на общую пользу; но для благотворителей есть ордена и разные знаки отличія, которыми люди обыкновенно дорожатъ гораздо больше, чѣмъ академическими медалями.

Въ заключительныхъ этюдахъ о лжи и лицемѣріи затронуты весьма любопытные вопросы объ условіяхъ и предѣлахъ правдивости въ сношеніяхъ между людьми. Авторъ допускаетъ и защищаетъ ложь въ тѣхъ случаяхъ, когда она необходима для пользы ближняго и не приноситъ никому вреда; подъ это правило подходятъ три вида лжи— героическая, профессіональная и общественно-условная. Кантъ безусловно отвергалъ ложь даже для спасенія друга; противъ этого горячо протестовалъ Якоби, заявлявшій готовность слѣдовать примѣру Ореста, который ложно назвалъ себя Пиладомъ, чтобы умереть на его мѣстѣ, или Дездемоны, которая, умирая, обвиняетъ себя въ самоубійствѣ, чтобы спасти своего мужа. M-me де-Сталь считала себя счастливою, что ей удалось посредствомъ лжи избавить отъ гильотины графа Нарбонна, скрывавшагося въ ея домѣ во время террора. „Эти неправды,—говоритъ Бульé,—возвышаютъ, а не унижаютъ человѣческое достоинство". Впрочемъ, мнѣнія автора объ этомъ предметѣ довольно сбивчивы. Онъ упрекаетъ адвокатское сословіе въ томъ, что оно пользуется какъ бы „привилегіею говорить за и противъ, поддерживать правду и несправедливость, т.-е. лгать". И въ то же время онъ утверждаетъ, что „только адвокатъ по назначенію имѣетъ право лгать (?), ибо онъ не по своей волѣ выбралъ защищаемое дѣло;

онъ исполняетъ задачу, возложенную на него закономъ; онъ облеченъ полномочіемъ говорить все, чтобы доказать невиновность или уменьшить вину своего кліента, чтобы ввести въ заблужденіе (?!), если возможно, судей и присяжныхъ всѣми искусными пріемами діалектики, всѣми страстными порывами декламаторской реторики". Вѣрнѣе было бы сказать наоборотъ, что, защищая дѣло не по собственному выбору и убѣжденію, адвокатъ долженъ только выставить всѣ доводы въ пользу обвиняемаго и избѣгать всякихъ увѣреній, противорѣчащихъ его дѣйствительному взгляду. Право говорить ложь должно быть также предоставлено, по мнѣнію автора, „судебнымъ слѣдователямъ, чтобы они могли вырвать признаніе у виновнаго, заставить противорѣчить себѣ и уличить хитрыхъ мошенниковъ, которыхъ приходится имъ допрашивать". Еще большій просторъ можетъ принадлежать въ этомъ отношеніи „полицейскимъ агентамъ, которые не обязаны въ такой мѣрѣ заботиться о своемъ личномъ достоинствѣ" (?). Эти замѣчанія Бульé должны быть признаны весьма странными и совершенно несогласными съ принципами морали, хотя бы и практической. Гораздо строже и разборчивѣе оказывается авторъ въ вопросахъ о добросовѣстности въ коммерческихъ и вообще дѣловыхъ отношеніяхъ. Онъ признаетъ безнравственнымъ поступокъ того купца, который воспользуется высокой цѣною товара для выгодной его продажи и умолчитъ предъ покупателями о предстоящемъ прибытіи новаго груза тѣхъ же продуктовъ; онъ осуждаетъ Натана Ротшильда, который первый привезъ въ Лондонъ извѣстіе объ исходѣ битвы при Ватерло и не только воздержался отъ сообщенія этой новости и биржѣ, но косвенно давалъ понять, что дѣла плохи, и посредствомъ громадныхъ закупокъ по существовавшему низкому курсу реализировалъ сразу милліонные барыши, въ ущербъ другимъ биржевымъ игрокамъ. Бульé осуждаетъ также тѣхъ библіофиловъ и собирателей рѣдкостей, которые за безцѣнокъ покупаютъ дорогую вещь у невѣжественнаго торговца и оставляютъ его въ невѣденіи насчетъ дѣйствительной цѣнности продаваемаго имъ предмета. О лжи въ газетной журналистикѣ и въ политикѣ авторъ разсуждаетъ довольно поверхностно; онъ протестуетъ, напримѣръ, противъ газеты „Matin" за то, что она поочередно даетъ статьи авторовъ. принадлежащихъ къ разнымъ политическимъ лагерямъ, по однимъ и тѣмъ же политическимъ вопросамъ, чѣмъ поддерживается будто бы индифферентное, скептическое отношеніе къ дѣламъ современности. Въ сущности, „Matin" дѣлаетъ то, что̀ нужно для облегченія читателю возможности составить себѣ самостоятельные взгляды по текущимъ вопросамъ: выслушавъ защитниковъ и противниковъ извѣстныхъ идей, публика можетъ сама извлечь надлежащіе выводы,

независимо отъ обычнаго вліянія какой-либо одной, постоянно получаемой, газеты. Это вниманіе къ различнымъ и даже противоположнымъ мнѣніямъ открываетъ путь къ отысканію правды и не имѣетъ ничего общаго съ индифферентизмомъ. Въ заключеніе, разсуждая о лицемѣріи въ политикѣ, авторъ намекаетъ, большею частью, на французскія республиканскія партіи, которымъ онъ вообще не сочувствуетъ, какъ консерваторъ по природѣ и по академіи.

III.

Georges Guéroult. Le centenaire de 1789. Evolution philosophique, artistique et scientifique de l'Europe depuis cent ans. Paris, 1889.

Жоржъ Геру возъимѣлъ мысль связать успѣхи политическіе съ научными, литературными и художественными, за послѣднее столѣтіе, чтобы придать болѣе общее и широкое значеніе юбилею, празднуемому французскою республикою. Мысль сама по себѣ не можетъ быть названа удачною, а исполненіе оставляетъ желать очень многаго. Жоржъ Геру дѣлаетъ обзоръ научнаго и литературнаго движенія въ Европѣ съ конца прошлаго вѣка, безъ всякой связи съ политическими идеями 1789 года. Онъ хочетъ доказать, что пережитое столѣтіе представляетъ собою во всѣхъ отношеніяхъ „самый блестящій плодотворный и интересный періодъ въ жизни человѣчества", но онъ не пытается даже объяснить, какое отношеніе имѣютъ эти блестящія черты къ принципамъ и завоеваніямъ „великой революціи". Самый обзоръ сдѣланъ авторомъ весьма неровно и неполно; выборъ матеріала кажется иногда случайнымъ. Притомъ Жоржъ Геру не только излагаетъ, но и высказываетъ свои личныя мнѣнія, критикуетъ и полемизируетъ одновременно по вопросамъ философіи, науки, литературы и искусства, а рѣзкость и быстрота приговоровъ по нѣкоторымъ весьма сложнымъ предметамъ невольно производитъ впечатлѣніе легкомыслія. Читатель не ожидаетъ встрѣтить въ бѣгломъ обзорѣ мимолетныя замѣчанія въ родѣ того, что „идеи Конта совершенно ошибочны и свидѣтельствуютъ о глубокомъ невѣжествѣ относительно первыхъ законовъ человѣческаго ума", или что воззрѣнія Милля „соединяютъ въ себѣ всѣ характерные признаки того, что называется и всегда будетъ называться абсурдомъ".

Меньше всего говоритъ авторъ о политикѣ; ей посвящена только маленькая вступительная глава, оканчивающаяся заглавіемъ о неминуемомъ будто бы образованіи единой федераціи европейскихъ народовъ. Послѣ небольшихъ отдѣловъ о философіи и религіи идутъ три

болѣе обширныя главы объ искусствѣ и литературѣ, о математическихъ и опытныхъ наукахъ, о наукахъ общественныхъ. Авторъ нисколько не выдвигаетъ на первый планъ спеціально-французскихъ успѣховъ и пріобрѣтеній, какъ слѣдовало бы по связи съ юбилеемъ французскаго національнаго возрожденія; напротивъ, онъ удѣляетъ много мѣста заслугамъ другихъ народовъ и разсуждаетъ больше объ Европѣ, чѣмъ о Франціи. Преувеличенное національное самомнѣніе, которое, однако, было бы вполнѣ естественно и справедливо со стороны француза, особенно по поводу празднованія столѣтняго юбилея принциповъ 1789 года, совершенно отсутствуетъ въ книгѣ Геру, какъ оно отсутствуетъ и въ большинствѣ новѣйшихъ французскихъ сочиненій по политикѣ и литературѣ. Прежняя наклонность къ патріотической хвастливости уступила мѣсто болѣе трезвому взгляду на окружающее, признанію чужого и критикѣ своего родного; на эту симпатичную черту мы не разъ уже имѣли случай указывать въ нашихъ замѣткахъ.

IV.

Guillaume de Greef. Introduction là a sociologie. Deuxième partie. Fonctions et organes. Brux. et Paris, 1889.

Трудъ Гильома де Грефа задуманъ по обширному плану и въ большихъ размѣрахъ. Одно „введеніе" должно составить четыре объемистыхъ тома; изъ нихъ первый вышелъ въ 1886 году, а второй— въ настоящее время. И все это только предварительный матеріалъ для построенія соціологіи, разработка методовъ и пріемовъ для ея изученія. Уже изъ оглавленія, говорящаго о „соціальныхъ тканяхъ", органахъ и функціяхъ, можно видѣть, что авторъ принадлежитъ къ числу писателей, увлеченныхъ кажущеюся научностью произвольныхъ аналогій и готовыхъ строить на этомъ фантастическомъ фундаментѣ какую-то новую науку, подъ громкимъ именемъ соціологіи. Гильомъ де Грефъ находитъ „преждевременными и поспѣшными" нѣкоторыя соціологическія обобщенія Спенсера; но онъ идетъ гораздо далѣе англійскаго мыслителя въ дѣлѣ „поспѣшныхъ" научныхъ комбинацій. „Семья, банки, заводы, рынки, искусство, религія, суды, парламенты и пр., по убѣжденію автора, суть такіе же организмы, какъ организмъ индивидуальный; они имѣютъ всѣ особенности, отличающія органическое тѣло". Такъ напримѣръ, „учетный банкъ есть органъ, образовавшійся вслѣдствіе сосредоточенія торговыхъ цѣнностей одинаковаго свойства и обращенія ихъ въ формѣ общественной". Что общаго съ наукою могутъ имѣть эти туманныя картины и обманчивые неопредѣленные образы—непонятно.

V.

Achajus. Der Werth der berliner politischen Presse. Berlin, 1889.

Въ этой брошюрѣ собраны интересныя свѣденія о берлинской политической печати и о главныхъ ея представителяхъ, а также объ организаціи знаменитаго центральнаго бюро, называемаго обыкновенно „Reptilienfond". Авторъ, повидимому, близко знакомъ съ газетнымъ дѣломъ въ Германіи; онъ указываетъ на слабыя стороны журналистики, на возрастающее подчиненіе ея интересамъ промышленности и наживы, на недостаточную матеріальную обезпеченность газетныхъ работниковъ и писателей. Онъ съ особеннымъ раздраженіемъ говоритъ объ оффиціозной прессѣ, которая, по его мнѣнію, является вреднымъ пятномъ на германской чести. Ничего дурного не было бы въ томъ, что правительство желаетъ имѣть свои органы въ печати; но оно хочетъ проводить свои взгляды черезъ посредство газетъ, имѣющихъ внѣшній видъ независимости, и для этого оно ежедневно снабжаетъ массу провинціальныхъ и столичныхъ изданій своими даровыми статьями, корреспонденціями и сообщеніями. Весь этотъ матеріалъ приготовляется въ берлинскомъ бюро, подъ руководствомъ опытныхъ агентовъ-журналистовъ, которые должны также завязывать и поддерживать личныя отношенія съ редакціями нужныхъ газетъ. Небогатыя изданія, особенно въ провинціи, не могутъ противиться искушенію печатать даровой матеріалъ, обильно присылаемый имъ изъ центра, и такимъ образомъ незамѣтно совершается поддѣлка общественнаго мнѣнія: правительственные взгляды выдаются за самостоятельныя разсужденія разныхъ редакцій, и нѣмецкіе читатели постепенно проникаются тѣми именно убѣжденіями, которыя желательны руководящимъ государственнымъ дѣятелямъ. Агенты берлинскаго бюро, заправляющіе ходомъ этого непрерывнаго превращенія и развращенія, были когда-то самимъ княземъ Бисмаркомъ названы „свинопасами", а на замѣчанія о сомнительныхъ качествахъ этихъ исполнителей канцлеръ отвѣчалъ, что „порядочные люди туда не идутъ". А между тѣмъ за подобное дѣло берутся настоящіе писатели и даже ученые, въ родѣ профессора Эгиди, Дункера и другихъ. Печальныя послѣдствія этой системы освѣщаются въ брошюрѣ многими примѣрами и соображеніями. Что касается характеристики отдѣльныхъ берлинскихъ газетъ, то она кажется намъ не совсѣмъ безпристрастною, какъ напримѣръ относительно „Berliner Tageblatt".—Л. С.

НЕКРОЛОГЪ.

Орестъ Θедоровичъ Миллеръ.

† 1 іюня 1889 г.

Смерть О. Θ. Миллера была совершенною неожиданностью. Еще утромъ онъ былъ здоровъ, выходилъ изъ дому по дѣламъ, а вскорѣ по полудни 1 іюня онъ вдругъ почувствовалъ себя худо на улицѣ, вблизи своей квартиры на Васильевскомъ Острову, и въ нѣсколько часовъ его не стало. Кончина его произвела тяжелое впечатлѣніе и въ кругу литературномъ, и въ обществѣ, гдѣ онъ пользовался давнишними и горячими сочувствіями и уваженіемъ не только со стороны друзей, но и противниковъ по убѣжденіямъ; враговъ едва ли могла имѣть такая свѣтлая и незлобивая личность.

Въ январѣ 1886 года былъ отпразднованъ 25-лѣтній юбилей его служебной и литературной дѣятельности; недавно вышла книжка съ описаніемъ этого юбилея и перечисленіемъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ О. Θ. Миллера [1]); въ этой книжкѣ и въ „Исторіи Спб. университета“ мы находимъ краткія свѣденія о его внѣшней біографіи. О. Θ. Миллеръ родился въ 1833 въ Гапсалѣ. По смерти родителей, на третьемъ году своей жизни, онъ привезенъ былъ въ Петербургъ и жилъ у дяди своего И. П. Миллера, состоявшаго на военной службѣ и потому часто перемѣнявшаго свое мѣстопребываніе,—онъ жилъ въ разныхъ провинціальныхъ городахъ Россіи, наконецъ въ Вильнѣ и въ Варшавѣ. Въ 1851 году Миллеръ поступилъ въ петербургскій университетъ и кончилъ курсъ въ 1855 г. Свое литературное поприще онъ началъ лирическими стихотвореніями и трагедіей „Конрадинъ“ изъ средневѣковой исторіи. Въ 1858, онъ издалъ и защищалъ диссертацію на степень магистра: „О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ“. Эта диссертація, принятая въ университетѣ (профессоромъ по каѳедрѣ русской литературы былъ тогда А. В. Никитенко), встрѣчена была въ литературѣ довольно неблагопріятно [2]), и самъ авторъ впослѣдствіи отказывался отъ принятой имъ здѣсь точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что

---

[1]) „Очеркъ научной дѣятельности профессора О. Θ. Миллера, съ приложеніемъ его портрета, факсимиле и описанія празднованія 25-лѣтняго юбилея“. Составилъ И. Ш. Спб. 1889.

[2]) Разборы Добролюбова и Котляревскаго.

Миллеръ понялъ нравственную стихію и нравственное дѣйствіе поэзіи въ крайне тѣсномъ смыслѣ нравоученія, и понятно, что не разъ подъ его требованія не подходили именно величайшіе поэты, не задававшіеся нравоученіемъ, а на первый планъ выступали моралисты, которыхъ собственно поэтическое значеніе было весьма второстепенно. Впослѣдствіи ученые и критическіе интересы О. Ѳ. Миллера направлялись главнымъ образомъ на литературу новѣйшую, которой онъ посвятилъ цѣлый рядъ публичныхъ лекцій, собранныхъ потомъ въ книгу; затѣмъ,—на народную словесность, изъ которой, между прочимъ, заимствованъ былъ предметъ его докторской диссертаціи; наконецъ,—на славянскій вопросъ. Если онъ увидѣлъ ошибочность въ своей постановкѣ вопроса о нравственной стихіи въ поэзіи, то тѣмъ не менѣе изслѣдованіе этой нравственной стихіи осталось вообще основнымъ мотивомъ его литературныхъ изысканій. Выходъ въ свѣтъ знаменитыхъ пѣсенныхъ сборниковъ Кирѣевскаго и Рыбникова надолго привлекъ Миллера къ изслѣдованіямъ по народной словесности. Онъ сталъ своего рода ученымъ „народникомъ“ именно потому, что народная словесность, созданная общенароднымъ геніемъ безъ участія личнаго, и потому произвольнаго, вмѣшательства, заключала въ себѣ простые, но высокіе идеалы нравственности какъ личной, такъ и общественно-народной. Эта словесность казалась потому единственнымъ подлиннымъ выраженіемъ народнаго духа и, слѣдовательно, наилучшей мѣркой нравственныхъ вопросовъ для самого современнаго общества. Въ сочиненіяхъ Миллера и даже въ его публицистическихъ статьяхъ можно очень часто встрѣтить такія ссылки на древній эпосъ, на лирическую народную пѣсню: они были для него рѣшающимъ примѣромъ и доказательствомъ. Основная, наиболѣе любимая личность нашего народнаго эпоса есть Илья Муромецъ, имя котораго сохранилось въ сказочномъ преданіи даже и тамъ, гдѣ уже исчезли разсказывающія о немъ эпическія былины. Этотъ благодушный богатырь, ревностный защитникъ русской земли, вышедшій изъ простой народной среды и, повидимому, въ особенности воплотившій въ себѣ высокія черты народной нравственности, служилъ центромъ древняго героическаго эпоса, и онъ-то привлекъ особенный интересъ нашего изслѣдователя. Миллеръ посвятилъ ему объемистую книгу („Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство кіевское“. 1870), въ которой старался опредѣлить разнообразныя редакціи эпическаго сказанія объ Ильѣ Муромцѣ, сопоставить его съ параллельными явленіями въ другихъ литературахъ и, наконецъ, опредѣлить его нравственный смыслъ. Въ своемъ взглядѣ на генетическое образованіе былины Миллеръ держался распространеннаго тогда

представленія о развитіи героической былины изъ эпоса миѳологическаго, такъ что основная личность героическаго эпоса является дальнѣйшимъ развитіемъ первоначальнаго языческаго божества, и земные подвиги богатыря составляютъ реальное примѣненіе первоначальной миѳологической темы. Въ ту самую пору вопросъ о происхожденіи былины поднятъ былъ, съ точки зрѣнія радикально противоположной, въ извѣстныхъ статьяхъ В. В. Стасова: книга Миллера въ то время еще не выходила въ свѣтъ, но его взгляды были уже не однажды высказаны и извѣстны; статьи г. Стасова задѣли за-живое всѣхъ прежнихъ толкователей, въ томъ числѣ и Миллера, и послѣдній горячо возсталъ за своего любимаго героя. Впослѣдствіи явилась еще новая точка зрѣнія въ детальныхъ изслѣдованіяхъ г. Веселовскаго, и прежняя постановка предмета въ диссертаціи Миллера должна была потерпѣть большія, даже коренныя измѣненія; онъ, кажется, многое призналъ основательнымъ въ этихъ поправкахъ, но продолжалъ думать, что вопросъ не исчерпывается деталями, что остается, тѣмъ не менѣе, общее эпическое представленіе, наполненное своимъ нравственнымъ содержаніемъ, которое имѣетъ свое значеніе и должно быть опредѣлено. Въ существѣ онъ по прежнему высоко ставилъ это нравственное содержаніе русскаго эпоса, съ которымъ сливалось для него нравственное достоинство народа. Какъ мы сказали, его идеи не оставались отвлеченными: онъ примѣнялъ ихъ къ общественной и народной практической дѣйствительности и былъ, напримѣръ, горячимъ поклонникомъ реформъ прошлаго царствованія, особливо—освобожденія крестьянъ, которое должно было возстановить нравственное достоинство народной личности. Совпадая во многомъ съ другими оттѣнками народничества, между прочимъ—славянофильства, и не всегда ясно выставляя свои положенія, Миллеръ давалъ иногда поводъ къ недоразумѣніямъ относительно окончательнаго смысла его общественныхъ стремленій; но въ концѣ-концовъ выяснялось, что его союзъ съ упомянутыми направленіями не предполагалъ полнаго единогласія съ нимъ. Отъ направленій этого рода, обыкновенно крайне исключительныхъ, онъ отличался тѣмъ, что былъ свободенъ отъ ихъ нетерпимости и признавалъ свободу критики; онъ былъ искреннимъ приверженцемъ широкаго и настоящаго народнаго просвѣщенія и былъ врагомъ общественной неправды, изъ какого бы лагеря она ни происходила. Во второй половинѣ 70-хъ годовъ онъ горячо увлекался славянскимъ вопросомъ, предполагая въ немъ одно изъ проявленій русскаго народнаго дѣла и выполненія народнаго долга: онъ былъ членомъ славянскаго общества и особенно дѣятельно работалъ въ немъ по сбору пожертвованій во время сербской войны 1876 года. Свобод-

ный, какъ мы сказали, отъ исключительности взглядовъ какой-либо партіи, онъ расходился иногда съ тѣмъ самымъ кругомъ, гдѣ были его главныя симпатіи, когда этотъ кругъ впадалъ въ узкую исключительность. У него доставало, не частаго у насъ, мужества стоять за свои мысли, хотя бы приходилось идти противъ людей своего же круга или противъ такихъ людей, которые могли ему существеннымъ образомъ повредить... Съ самаго учрежденія высшихъ женскихъ курсовъ онъ постоянно читалъ тамъ лекціи по исторіи русской словесности. Въ университетѣ онъ многіе годы состоялъ товарищемъ предсѣдателя въ обществѣ вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ, гдѣ нуждающіеся всегда имѣли въ немъ ревностнаго предстателя, и въ теченіе пятилѣтняго существованія ученаго литературнаго общества (изъ слушателей университета) былъ его предсѣдателемъ. Въ теченіе нѣскольких лѣтъ онъ бывалъ также членомъ комитета литературнаго фонда.

Черезъ два года послѣ 25-лѣтія своей службы при университетѣ Миллеръ долженъ былъ оставить его осенью 1888 года; это событіе встрѣчено было въ обществѣ съ большими сожалѣніями и, какъ говорятъ, очень тяжело подѣйствовало на Миллера, отрывая его отъ любимой среды, съ которою онъ связанъ былъ трудомъ всей своей жизни и гдѣ его нравственное вліяніе было такъ плодотворно.

Едва ли не больше, чѣмъ литературная,—вызывала теплыя сочувствія дѣятельность Миллера педагогическая и общественная. Въ теченіе своего продолжительнаго пребыванія въ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ онъ имѣлъ множество учениковъ и ученицъ, сохранившихъ къ нему настоящую привязанность. Можно было не раздѣлять его теоретическихъ взглядовъ, но въ этихъ взглядахъ, всегда была черта, заслуживавшая полнаго сочувствія, и которая особенно сильно дѣйствовала въ прямой бесѣдѣ преподавателя съ его аудиторіей. Это было неизмѣнно любящее отношеніе къ народу, горячее исканіе справедливости, защита просвѣщенія и вообще искреннее гуманное чувство, получавшее особенную цѣну въ наше сухое и раздражительное время. Эта черта неизмѣнно проходитъ въ сочиненіяхъ Миллера и, вѣроятно, наполняла и его устное преподаваніе. Дѣйствіе этого ученія было тѣмъ сильнѣе, что писатель и преподаватель оставался ему вѣренъ и въ самой жизни. Многіе, если не всѣ, его знавшіе думали и говорили при его кончинѣ, что едва ли былъ въ нашей общественной средѣ другой человѣкъ съ такимъ сильнымъ гуманнымъ чувствомъ, кроткой душой, съ такой преданностью каждому общественному человѣколюбивому дѣлу, съ такой всегдашней готовностью помочь

въ бѣдности и въ несчастіи. Понятно, что это внушало глубокую привязанность къ нему во всѣхъ, кто испыталъ или видѣлъ эту черту его личности, а эта черта въ немъ была господствующая.

Такіе характеры очень рѣдки, и къ сожалѣнію о писателѣ на этотъ разъ прибавляется еще сожалѣніе объ утратѣ достойнаго воспитателя юношества.

А. Пыпинъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го іюля 1889.

Продолженіе кампаніи противъ финляндскаго сепаратизма; ея комическія и серьезныя стороны.—Дачники въ роли патріотовъ.—Есть ли въ Финляндіи основные законы?—Надежда Дмитріевна Заіончковская (В. Крестовскій-псевдонимъ) †.—Ея общественные идеалы и литературное значеніе.

Походъ противъ Финляндіи, предпринятый у насъ извѣстнаго рода прессой, принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Объемистыя передовыя статьи изображаютъ собою регулярную армію; партизанская, наѣздническая война ведется, по прежнему, путемъ корреспонденцій, писанныхъ, вѣроятно, тѣми изъ нашихъ соотечественниковъ, которые, живя въ Финляндіи, не любятъ, чтобы тамъ препятствовали ихъ „нраву", а именно въ Финляндіи это съ ними легко можетъ случиться. Оружія и орудія пускаются при этомъ въ ходъ самыя разнообразныя, заимствуются то изъ области исторіи и государственнаго права, то изъ *дачныхъ* наблюденій. По части послѣднихъ отличается, въ особенности, гельсингфорскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей". „Господа финляндцы,—восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—завладѣли, для надзора за русской торговлей, уже и русской территоріей, водворивъ съ этою цѣлью, для постояннаго пребыванія на желѣзнодорожной станціи Бѣлоостровѣ, съ русской стороны границы, одного старшаго сторожа. Этого сторожа проѣзжающіе по желѣзной дорогѣ могутъ всегда видѣть и узнать по особенной финляндской формѣ, но на финляндской станціи по ту сторону границы—русскаго сторожа они не видятъ"... (многоточіе въ подлинникѣ). Въ самомъ дѣлѣ, какой ужасный аффронтъ... для дачниковъ, поселяющихся на лѣто за Бѣлоостровомъ, вдоль линіи финляндской желѣзной дороги! Русскій средній человѣкъ, изъ такъ-называемыхъ привилегированныхъ классовъ, не любитъ у себя платить налоговъ и пошлинъ; онъ не успѣлъ еще къ нимъ

привыкнуть, не успѣлъ еще забыть недавняго различія между податными и неподатными сословіями. Таможенный сборъ, правда, ему приходилось вносить и при прежнихъ порядкахъ, но именно потому онъ и чувствуетъ къ этому сбору сугубое нерасположеніе; именно здѣсь онъ и считаетъ позволительнымъ, почти похвальнымъ обмануть казну —даже свою собственную, русскую казну. Понятно, что тѣмъ меньше ему пò-сердцу платежи въ пользу чужой казны, въ особенности если они повторяются—или должны были бы повторяться—чуть не ежедневно, при каждомъ возвращеніи на дачу. Ощущенія дачниковъ и дачницъ, изображенныя Салтыковымъ въ первой главѣ „Мелочей жизни", несомнѣнно списаны съ натуры; сотни русскихъ сердецъ закипаютъ тревогой и досадой, когда петербургскій поѣздъ приближается къ Теріокамъ. Сознаваться въ мелкомъ чувствованьицѣ не очень-то пріятно, хотя бы оно и принадлежало къ числу самыхъ распространенныхъ; гораздо удобнѣе назвать его другимъ именемъ, болѣе благозвучнымъ. И вотъ на сцену выступаетъ оскорбленный „патріотизмъ": русская гордость не можетъ-молъ примириться съ данью, платимою маленькой Финляндія; русскому глазу больно видѣть, на русской почвѣ, финляндскую форму финляндскаго таможеннаго сторожа! Послѣдней каплей, переполняющей чашу, является... отсутствіе русскаго таможеннаго сторожа, въ русской формѣ, на финляндской станціи Теріокахъ! Равенство нарушено, карликъ побѣдилъ великана, двухъ-милліонная страна поставила свою пяту на выю стомилліонной... Все это—чисто водевильные мотивы; съ какой серьезной миной ни распѣвали бы ихъ новые Тиртеи, они никого не побудятъ возстать на защиту угнетенной родины. Соотвѣтственной мѣрой противъ зла, раскрытаго пылкимъ корреспондентомъ-патріотомъ, была бы развѣ подача министру финансовъ, отъ имени теріокскихъ и мустамякскихъ дачниковъ, петиціи о „водвореніи" русскаго таможеннаго сторожа (непремѣнно—старшаго) въ Теріокахъ, въ pendant къ финляндскому—въ Бѣлоостровѣ.

„Надо видѣть,—продолжаетъ корреспондентъ московской газеты,—то движеніе, которое разростается въ лѣтніе мѣсяцы изъ Петербурга на финляндской желѣзной дорогѣ вплоть до Выборга и даже далѣе, чтобы оцѣнить, что̀ получаетъ Финляндія отъ Россіи. Тысячи русскихъ семействъ несутъ тысячи русскихъ рублей *въ эту удивительную по своей неблагодарности страну*. Другія тысячи мызо- и дачевладѣльцевъ кладутъ милліоны въ свои финляндскія имущества, обогащая окрестное населеніе и мѣстныя производства". Устами корреспондента и здѣсь, очевидно, говорятъ дачники-патріоты своего отечества. Какъ! они, русскіе, удостоиваютъ Финляндію своимъ присутствіемъ, благоволятъ тратить тамъ свои деньги — не разсчиты-

вали ли они жить тамъ даромъ? — а она не спѣшитъ признать ихъ своими благодѣтелями и удивляетъ міръ своею неблагодарностью! Само собою разумѣется, что, поселяясь въ Финляндіи, они думаютъ только о своихъ собственныхъ выгодахъ и удобствахъ — но финляндцамъ не должно быть никакого дѣла до ихъ побужденій. Для жителей маленькаго государства достаточной честью долженъ считаться уже тотъ фактъ, что къ нимъ пріѣзжаютъ въ гости могущественные сосѣди. Какъ много, однако, съ этой точки зрѣнія наберется у насъ—да и вездѣ—обязанныхъ благодарностью и неблагодарныхъ! Купцы, напримѣръ, должны быть благодарны своимъ покупателямъ; ремесленники должны быть благодарны купцамъ; производители сырья должны быть благодарны ремесленникамъ; неимѣющимъ право ни на чью благодарность окажется, пожалуй, только одинъ „человѣкъ, питающійся лебедою". Конечно, существуетъ и другая точка зрѣнія, отвергающая благодарность, когда рѣчь идетъ только объ обмѣнѣ услугъ, но она, очевидно, выдумана неблагонамѣренными людьми. Права русскихъ дачниковъ на признательность мѣстнаго финскаго населенія такъ же безспорны, какъ и права русскихъ хлѣбныхъ торговцевъ на признательность иностранцевъ, кормящихся привезеннымъ изъ Россіи хлѣбомъ... Какъ ни смѣшны всѣ подобныя претензіи, но онѣ имѣютъ и свою печальную сторону. Находятся наивные люди, которые имъ вѣрятъ и увеличиваютъ собою нестройный хоръ слѣпыхъ ненавистниковъ всего инороднаго, иновѣрнаго и иностраннаго. Чѣмъ громче раздается въ послѣднее время побѣдная пѣснь этого хора, тѣмъ антипатичнѣе отдѣльные голоса, подыскивающіе для нея новые мотивы.

Комическое впечатлѣніе производитъ гельсингфорскій корреспондентъ и тогда, когда онъ отказывается признать за финляндскими земскими чинами право на уваженіе „русскихъ людей". Къ этому незванному и непрошенному представительству реакціонная печать насъ уже давно пріучила; всѣмъ очень хорошо извѣстна настоящая цѣнность мнимаго „русскаго" общественнаго мнѣнія, фабрикуемаго въ Москвѣ,—и фабрикуемаго съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ луна дѣлается въ Гамбургѣ. Къ неуваженію тѣхъ „русскихъ людей", отъ имени которыхъ можетъ говорить корреспондентъ московской газеты, финляндскіе земскіе чины могутъ отнестись совершенно равнодушно; гораздо непріятнѣе было бы уваженіе, идущее изъ такого источника. Въ чемъ заключаются, однако, обвинительные пункты противъ финляндскаго сейма? Одинъ изъ его членовъ былъ уличенъ въ уголовномъ преступленіи. „Изъ-за одной личности,—сказано по этому поводу въ запискѣ генералъ-губернатора,—нельзя дѣлать общаго вывода". Съ этимъ безспорнымъ тезисомъ соглашается, по-неволѣ, и

авторъ корреспонденціи; онъ замѣчаетъ только, что „мѣра уваженія отъ того возрасти не можетъ". Но развѣ кто-нибудь утверждалъ противное? Все дѣло въ томъ, что преступленіе одного изъ членовъ сейма не бросаетъ ни малѣйшей тѣни на остальныхъ, нисколько не *уменьшаетъ* уваженія къ *учрежденію*. Мы можемъ легко найти у себя примѣры хищенія казны, которымъ были прикосновенны, между прочимъ, довольно высокопоставленныя лица; но развѣ отъ этого пострадалъ хоть сколько-нибудь авторитетъ тѣхъ высшихъ учрежденій, которыхъ они были членами?.. „Иныя общины, — продолжаетъ корреспондентъ, — изъ экономіи не посылаютъ (на сеймъ) своего депутата, а приглашаютъ или, по-просту, нанимаютъ кого-нибудь изъ гельсингфорскихъ жителей, и онъ является ихъ депутатомъ. Эти депутаты могутъ быть сами по себѣ честными людьми, этого я не думаю отрицать; но они остаются все-таки наемными людьми, и на общее уваженіе особенно претендовать не могутъ". Но развѣ всякая община—или совокупность общинъ—обязана избирать депутата непремѣнно изъ своей среды? Если она останавливаетъ свой выборъ на гельсингфорскомъ жителѣ, то гдѣ же основаніе утверждать, что она руководствуется при этомъ именно и только экономіей, а не довѣріемъ къ избираемому? Если избиратели покрываютъ издержки, съ которыми сопряжено участіе въ сеймовой сессіи, то неужели избираемый становится, вслѣдствіе этого, ихъ „наемнымъ человѣкомъ"? Самостоятельность народныхъ представителей обусловливается вовсе не тѣмъ, получаютъ ли они какое-либо вознагражденіе. Члены германскаго сейма, отправляющіе свои обязанности безвозмездно, ничуть не болѣе независимы, чѣмъ члены прусской палаты депутатовъ, которымъ уплачиваются такъ-называемыя діэты [1]). Безразличенъ, съ этой точки зрѣнія, и источникъ вознагражденія, если только оно имѣетъ характеръ возмѣщенія расходовъ и потери времени, а не платы за личныя услуги, оказываемыя депутатомъ наиболѣе вліятельнымъ изъ числа избирателей... Третье и главное обвиненіе, взводимое корреспондентомъ на *весь* финляндскій сеймъ, переходитъ уже прямо на политическую почву. „Нужно стоять на чисто финляндской, скажу болѣе—на сепаратистической точкѣ зрѣнія, чтобы говорить объ уваженіи къ людямъ, ежеминутно пытающимся захватить то, что̀ имъ никогда не принадлежало, не принадлежитъ и не должно принадлежать—права верховной власти. Нѣтъ, пока финляндскіе земскіе чины не обратились въ истинныхъ вѣрноподданныхъ русскаго самодержавнаго государя, пока они не перестали носиться съ мыслью

[1]) Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ упорное сопротивленіе кн. Бисмарка всякимъ попыткамъ предоставить членамъ сейма право на вознагражденіе

объ отдѣленіи отъ его коренной россійской державы и о превращеніи страны въ какое-то мнимое государство, враждебное (?) этой державѣ, до тѣхъ поръ со стороны русскихъ людей къ нимъ не только общаго, но и никакого уваженія быть не можетъ". Изъ среды „русскихъ людей" исключается, такимъ образомъ, и финляндскій генералъ-губернаторъ, прямо заявившій въ своей докладной запискѣ, что *„земскіе чины Финляндіи пользуются общимъ уваженіемъ"*. Уже это одно обстоятельство съ достаточною ясностью свидѣтельствуетъ о томъ, что финляндскій сеймъ вовсе не стремится къ *захвату* правъ, ему не принадлежащихъ. Онъ только пользуется своими правами, другими словами—исполняетъ свою обязанность. Чтобы пріобрѣсти уваженіе „русскихъ людей", представляемыхъ корреспондентомъ московской газеты, ему нужно было бы отказаться отъ своихъ правъ, измѣнить своей обязанности, пожертвовать самостоятельностью страны, къ явному вреду для нея самой и безъ всякой дѣйствительной пользы для Россіи. Пускай русскіе псевдо-патріоты продолжаютъ работать надъ тѣмъ, чтобы Финляндія перестала быть Финляндіей, но даже имъ слѣдовало бы понять, что участія въ этой работѣ никакъ нельзя ни ожидать, ни требовать отъ самихъ финляндскихъ земскихъ чиновъ.

Познакомивъ читателей съ партизанскимъ отрядомъ, перейдемъ къ регулярной арміи. Финляндскій генералъ-губернаторъ удостовѣрилъ, въ своей докладной запискѣ, что *управленіе въ краѣ ведется въ установленномъ законами порядкѣ*, и что на разсмотрѣніе сейма вносится все относящееся къ *той части законодательства, въ которой, по основнымъ законамъ, участвуетъ сеймъ*. Эти два положенія составляютъ твердыню, всего усерднѣе обстрѣливаемую въ передовыхъ статьяхъ „Московскихъ Вѣдомостей". И въ самомъ дѣлѣ, если признать, что у Финляндіи есть основные законы, и что они исполняются администраціей, соблюдаются сеймомъ, то подъ ногами нашихъ „финнофобовъ" не останется не только твердой, но и ровно никакой почвы. Московская газета это очень хорошо понимаетъ, и именно потому усиливается доказать, что въ Финляндіи, со времени завоеванія ея Россіей, никакихъ основныхъ законовъ не было и нѣтъ. Съ этою цѣлью разсказывается исторія присяги, принесенной финляндцами на русское подданство, приводится текстъ манифестовъ 1808 г. и фридрихсгамскаго мирнаго договора 1809 г., отрицается существованіе „боргоскихъ актовъ", установившихъ, будто бы, личную унію между Финляндіей и Россіей. Не входя въ подробную повѣрку этого разсказа, остановимся только на нѣкоторыхъ фактахъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію и спору. Первый изъ нихъ — это формула обѣщанія, даннаго, по соглашенію съ русскимъ правительствомъ, членами боргоскаго сейма (1809 г.): они обязались „со-

хранять коренные законы и учрежденія этой страны, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ и дѣйствуютъ (telles qu'elles existent et sont en vigueur). „Само собою разумѣется,—замѣчаетъ по этому поводу московская газета,—что шведская конституція не могла существовать и дѣйствовать въ странѣ, еще до окончанія войны порвавшей всякую связь съ Швеціей, въ странѣ, покоренной русскимъ оружіемъ, включенной въ составъ единой русской имперіи и принесшей присягу на вѣрность подданства русскому престолу". Намъ кажется, что „само собою разумѣется" нѣчто совершенно другое. Если шведскіе „коренные законы и учрежденія", въ моментъ созванія боргоскаго сейма, не существовали и не дѣйствовали, то что же, спрашивается, обязывались „сохранять" члены сейма? Коренные законы имперіи? Очевидно—нѣтъ, потому что тогда не нужна была бы оговорка: „въ томъ видѣ" и т. п., не нужно было бы и самого обязательства, въ виду раньше принесенной присяги. Созывая боргоскій сеймъ, на точномъ основаніи прежнихъ законовъ, императоръ Александръ I подтвердилъ уже этимъ самымъ ихъ значеніе и силу. По праву завоевателя, онъ могъ бы, конечно, уничтожить ихъ безслѣдно, примѣнить къ Финляндіи всецѣло обще-русскіе порядки и законы; но онъ этого не сдѣлалъ, и шведскіе законы пережили паденіе шведскаго господства. Исчезло только то, что было въ нихъ безусловно и рѣшительно несовмѣстнаго съ новыми государственными отношеніями Финляндіи. Понятно, что самый переходъ ея подъ власть православнаго государя отмѣнилъ, ipso facto, прежнія постановленія объ обязательной принадлежности монарха къ лютеранскому исповѣданію; понятно, что съ фактическимъ упраздненіемъ присяги, приносимой самимъ монархомъ, отошелъ въ прошедшее и ея текстъ, о формахъ котораго такъ много и такъ напрасно толкуетъ московская газета [1]). Вотъ къ этимъ-то правиламъ, очевидно обратившимся въ мертвую букву, и относилась, по всей вѣроятности, оговорка о сохраненіи коренныхъ законовъ и учрежденій *въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ и дѣйствуютъ*. Есть, впрочемъ, и другое, еще болѣе сильное, доказательство тому, что основные законы Финляндіи продолжали дѣйствовать, mutatis mutandis, и послѣ перехода ея подъ власть Россіи: это — манифестъ 9 (21) февраля 1816 г., цитированный нами in extenso въ предыдущей нашей хроникѣ. Не даромъ же московская газета недовольна тѣмъ, что этотъ государственный

[1]) Этой присягой шведскій король обязывался управлять королевствомъ, „навсегда отвергая ненавистное королевское единодержавіе или такъ-называемый суверенитетъ и почитая для себя за величайшую честь быть первымъ согражданиномъ честнаго и свободнаго народа" (цитируемъ по переводу „Московскихъ Вѣдомостей", не ручаясь за его точность).

актъ „найдено было нужнымъ привести текстуально“ въ особомъ примѣчаніи къ запискѣ генералъ-губернатора. Онъ разбиваетъ въ пухъ и прахъ всѣ ея измышленія, прямо провозглашая существованіе „конституціи и законовъ, съ давнихъ временъ положившихъ основаніе гражданской свободѣ финляндскаго народа“. Эта конституція и эти законы признаются неограниченными и неотмѣненными, а наоборотъ, „торжественно утвержденными при воспріятіи царствованія“ надъ Финляндіей; они утверждаются еще разъ, по поводу переименованія правительствующаго совѣта въ финляндскій сенатъ. Утверждать можно только то, что̀ есть; еслибы Финляндія, послѣ завоеванія ея русскими войсками, осталась безъ конституціи и законовъ, рѣчь могла бы идти только о дарованіи ихъ вновь, а отнюдь не объ оставленіи ихъ въ прежней силѣ. Московская газета смѣшиваетъ два совершенно различныя понятія: отсутствіе основныхъ законовъ и неприведеніе ихъ въ стройную систему. Попытки кодификаціи, сдѣланныя въ разное время, она толкуетъ въ такомъ смыслѣ, какъ будто при этомъ имѣлось въ виду создать нѣчто совершенно новое. Съ такимъ же точно правомъ можно было бы увѣрять, что до изданія Свода 1832 г. въ Россіи вовсе не было законовъ. Пока государственный актъ имѣетъ преимущество передъ газетной статьей, до тѣхъ поръ никакимъ реакціоннымъ софизмамъ не удастся затемнить ту безспорную истину, что Финляндія обладаетъ основными законами, „торжественно утвержденными“ ея завоевателемъ. Что именно такъ, а не иначе, смотритъ на дѣло и русская государственная власть—это видно изъ данныхъ, приводимыхъ самими „Московскими Вѣдомостями“. Недавно въ оффиціальномъ сборникѣ постановленій великаго княжества финляндскаго напечатанъ законъ, предоставляющій дворянамъ право занимать городскія должности, *„въ измѣненіе одного изъ пунктовъ акта соединенія и безопасности отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 г.“* (этотъ актъ—одинъ изъ „основныхъ законовъ“, столь ненавистныхъ московской газетѣ). „Понятно,—говорятъ „Московскія Вѣдомости“,—важное значеніе послѣднихъ подчеркнутыхъ нами словъ. Измѣняемы могутъ быть только законы, имѣющіе силу, и стало быть утвержденіе измѣненій до извѣстной степени равносильно признанію самого закона, въ которомъ измѣненія дѣлаются“. Ну, да, конечно равносильно, и даже не „до извѣстной степени“, а вполнѣ; но именно въ этомъ-то и заключается лучшее опроверженіе взгляда, поддерживаемаго реакціонной газетой. Чтобы ускользнуть отъ вывода, логически неизбѣжнаго, „Московскія Вѣдомости“ допускаютъ совершенно невозможное предположеніе: основываясь на томъ, что ихъ корреспондентъ когда-то обсуждалъ вышеупомянутое постановленіе сейма, а въ докладной

запискѣ генералъ-губернатора ничего о немъ не говорится, они выражаютъ сомнѣніе, было ли оно повергнуто на Высочайшее усмотрѣніе. Но развѣ постановленіе сейма можетъ получить силу закона безъ утвержденія верховной власти? Развѣ генералъ губернаторъ обязанъ опровергать по пунктамъ все то, что вздумается написать какому-нибудь корреспонденту какой-нибудь газеты?

Докладная записка генералъ-губернатора признаетъ, какъ мы уже говорили, что „управленіе краемъ ведется въ установленномъ законами порядкѣ". Оспаривая это положеніе, московская газета указываетъ на формулу, включаемую иногда въ текстъ финляндскихъ узаконеній: *съ согласія земскихъ чиновъ*. Обнародованіе законовъ принадлежитъ къ числу обязанностей финляндскаго сената, а сенатъ, за силою ст. 20 регламента 6-го (18-го) августа 1809 г., „не можетъ употреблять другой власти, какъ ту, которая Его Императорскимъ Величествомъ Высочайше оному предоставлена, почему всѣ его акты и рѣшенія издаются Высочайшимъ именемъ". „На какомъ же основаніи, по какому праву,—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости",—финляндскій сенатъ позволяетъ себѣ, въ издаваемыхъ имъ актахъ, ставить на ряду съ императорскою властью еще другую власть—власть земскихъ чиновъ?" Нужно быть намѣренно слѣпымъ, чтобы не видѣть, что статья 20 регламента 1809 г. вовсе не относится къ постановленіямъ сейма. Это „не акты" и не „рѣшенія" сената, а проекты законовъ до утвержденія, законы—послѣ утвержденія ихъ верховною властью. Сенатъ ничего къ нимъ не прибавляетъ, онъ только доводитъ ихъ до всеобщаго свѣденія. Формула, возмущающая московскую газету, не содержитъ въ себѣ, слѣдовательно, ровно ничего противозаконнаго. Съ тѣхъ поръ, какъ четверть вѣка тому назадъ созванъ былъ, въ первый разъ послѣ 1809 г., финляндскій сеймъ, законодательная дѣятельность въ Финляндіи покоится именно на согласіи между земскими чинами и верховной властью.

До какой степени раздраженія доводитъ нашихъ газетныхъ реакціонеровъ зрѣлище порядка, подъ сѣнью котораго благоденствуетъ Финляндія, объ этомъ можно судить по рѣзкости языка „Московскихъ Вѣдомостей". Финляндскіе дѣятели 1808 и 1809 г. „съ назойливымъ попрошайничествомъ, которому могли бы поучиться у нихъ даже наши цыгане (!), старались выканючивать (!) у милостиваго государя какъ можно больше подачекъ, выгодъ и льготъ, правъ и привилегій". Финляндскіе „сепаратисты" прибѣгаютъ къ помощи „шулерскихъ подтасовокъ и передержекъ"; „сепаратистская интрига извивается ужомъ и жабой (съ которыхъ поръ жаба извивается?), не брезгаетъ никакими пріемами"; „сенатору Мехелину понадобился подмѣнъ словъ, чтобы не сказать — подлогъ"... Къ участію въ по-

ходѣ противъ подлежащаго разрушенію Карѳагена призываются и иностранные союзники. Берлинскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ ссылается на авторитетъ какого-то берлинскаго „биржевого дѣльца“, обозвавшаго Финляндію „паразитомъ, живущимъ на громадномъ русскомъ тѣлѣ“. Въ той же самой корреспонденціи проводится мысль, что финляндцы готовятъ нѣчто въ родѣ государственной измѣны. Задумавъ произвести конверсію своихъ желѣзнодорожныхъ займовъ, они обратились за деньгами въ Берлинъ, „заявляя, что предстоящій заемъ навсегда будетъ освобожденъ отъ налоговъ, и что проценты по займу будутъ выплачиваться аккуратно даже во время войны, къ какой бы національности ни принадлежали владѣльцы облигацій“. Одна изъ берлинскихъ оффиціозныхъ газетъ усмотрѣла въ этомъ намекъ на то, что русское финансовое управленіе съ своей стороны пріостановитъ уплату процентовъ германскимъ владѣльцамъ русскихъ бумагъ, тотчасъ же по открытіи военныхъ дѣйствій. „Ваши читатели,—восклицаетъ корреспондентъ,—по достоинству оцѣнятъ поступокъ финляндскихъ сепаратистовъ, которые не только стараются одурачить заграничныхъ дѣятелей увѣреніемъ, что между ними и Россіей нѣтъ иной связи кромѣ какъ въ лицѣ монарха, но не брезгаютъ при этомъ прибѣгать и къ такимъ неблаговиднымъ продѣлкамъ, какъ разсказанная выше“. Признаемся, для насъ не совсѣмъ ясно, какимъ образомъ произвольное толкованіе оффиціозной газеты можетъ быть поставлено въ вину финляндскимъ „сепаратистамъ“. Одно изъ двухъ: или условія конверсіи, о которыхъ упомянуто выше, были предложены лицами, никѣмъ на то неуполномоченными—въ такомъ случаѣ они были не больше какъ частнымъ мнѣніемъ, къ которому никто изъ берлинскихъ капиталистовъ не могъ отнестись серьезно; или они исходили отъ финляндскаго правительства, и въ такомъ случаѣ они подлежали предварительному утвержденію верховной власти. Гдѣ же тутъ мѣсто для „сепаратистическихъ продѣлокъ“? Не проще ли предположить, что прусская оффиціозная газета воспользовалась первымъ попавшимся предлогомъ, чтобы пустить въ обращеніе слухъ, неблагопріятный для Россіи?

Приведемъ въ заключеніе еще одно мѣсто изъ гельсингфорской корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей“, разрывающее и помимо воли корреспондента сѣть обвиненій, набрасываемую имъ на Финляндію. „Въ Финляндіи,—говоритъ корреспондентъ,—есть три партіи: одна, небольшая — викинги, — мечтающая о возсоединеніи съ Швеціей; она безсильна. Другая, очень небольшая, довольна настоящими отношеніями къ Россіи; она тоже пропадаетъ безслѣдно. Наконецъ, третья— все остальное большинство — прямо ставитъ своею цѣлью абсолютное отдѣленіе отъ Россіи“. Допустимъ, что это фак-

тически вѣрно, и замѣтимъ, прежде всего, что во всей странѣ, по признанію самого корреспондента, не оказывается никого, кто хотѣлъ бы болѣе тѣснаго, чѣмъ теперь, единенія съ Россіей. Не явствуетъ ли отсюда, что политика, столь настойчиво рекомендуемая реакціонной печатью, имѣла бы противъ себя единодушныя желанія всего населенія?.. Еще важнѣе другой выводъ, вытекающій изъ словъ корреспондента. Если группа или партія, мечтающая о возсоединеніи съ Швеціей, малочисленна и безсильна, то къ чему же или къ кому, по мнѣнію большинства, должна примкнуть Финляндія, „абсолютно отдѣлившаяся“ отъ Россіи? Неужели она должна образовать изъ себя совершенно самостоятельное государство, втиснутое между Скандинавіей и Россіей? Мыслимо ли подобное существованіе для двухъ-милліонной страны — и не суждено ли ей было бы опять сдѣлаться яблокомъ раздора и театромъ войны между болѣе могущественными сосѣдями? А тѣ выгоды, которыя Финляндія, по словамъ реакціонной печати, извлекаетъ изъ своей связи съ Россіей? Чѣмъ она ихъ замѣнила бы, еслибы была предоставлена исключительно самой себѣ? Нѣтъ, безсиліе „викинговъ“ доказываетъ, какъ намъ кажется, лишь одно: крайнюю слабость финляндскаго сепаратизма (если только онъ вообще существуетъ). То большинство, о которомъ говоритъ корреспондентъ, едва ли желаетъ чего-либо другого, кромѣ сохраненія и дальнѣйшаго развитія финляндскихъ законовъ и учрежденій. Гарантіей этого развитія — о томъ свидѣтельствуетъ исторія послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ—служитъ именно неприкосновенность порядковъ, подъ которые такъ настойчиво подкапывается извѣстная часть нашей періодической прессы. Насильственная нивеллировка, безъ сомнѣнія, возможна—только она не приведетъ къ добру ни для понижаемыхъ, ни для понижающихъ.

Старое литературное поколѣніе быстро сходитъ со сцены; черезъ шесть недѣль послѣ смерти Салтыкова скончалась его ровесница, Надежда Дмитріевна Заіончковская (урожденная Хвощинская), гораздо больше извѣстная подъ именемъ: „В. Крестовскій-псевдонимъ“. Ея литературные дебюты относятся къ 1850 г., но она всецѣло принадлежитъ сороковымъ годамъ, тѣмъ сороковымъ годамъ, которые открыли собою новую литературную эпоху, подготовили почву для великихъ реформъ, воспитали „вѣру въ чудеса“, воспѣтую Салтыковымъ. Эта вѣра существовала недолго; слишкомъ много ей пришлось претерпѣть жестокихъ разочарованій, но она сдѣлала свое дѣло, потому что только благодаря ей сталъ возможнымъ рѣшительный разрывъ съ прошедшимъ. Переставъ ожидать „чудесъ“, одни сохранили неприкосновеннымъ стремленіе въ ту область, доступъ къ которой ока-

зался не столь легкимъ, какъ это думалось сначала; другіе примирились съ несбыточностью молодыхъ мечтаній и замкнулись, довольные и спокойные, въ узкую сферу своихъ личныхъ интересовъ; третьи перешли на противоположный берегъ и приступили къ сожженію всего того, чему прежде поклонялись. Заіончковская, какъ и Салтыковъ, стояла до конца въ передовыхъ рядахъ первой группы и неустанно боролась противъ двухъ другихъ. Для нея короткій расцвѣтъ русской общественной жизни всегда оставался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ—лучомъ утренняго солнца между темною ночью и пасмурнымъ, хмурымъ, непривѣтливымъ днемъ. „Кто прожилъ эти годы и помнитъ, тотъ знаетъ, какъ трудно пересказать ихъ. Первыя понятія, первая любовь, первые часы выздоровленія не передаются никакими словами... Что̀-то торжественно тихое, будто канунъ большого праздника; домъ убранъ, свѣчи еще не зажжены, но готовы, и все ждетъ звука колокола, который разольется въ ночи. И самая уплывающая ночь—такая благодатная; въ ней свершилось что̀-то, въ ней что̀-то воскресло; она уже свѣтлѣетъ янтарной восходящей звѣздой" („Свиданіе"). „Люди стали всѣ какіе-то хорошіе; думалось шире, говорилось смѣлѣе; зла какъ будто не бывало, а которое оставалось — казалось такое безсильное, смѣшное... Ну его! скоро само провалится... Это милое время, кромѣ своей величавой красоты, было еще какое-то доброе. Оно будто наклонялось, ласково глядѣло ясными глазами" („Обязанности"). Такъ рисуется конецъ пятидесятыхъ годовъ въ памяти „вѣрныхъ", но не такимъ изображаютъ его извѣрившіеся или „раскаявшіеся". „Это невозвратное осуждалось не разъ. Его стремленія называли безуміемъ, надъ нимъ глумились безъ пощады, на него клеветали безъ совѣсти. Его похоронили". Эти послѣднія слова написаны въ 1878 году; съ тѣхъ поръ могильная яма еще болѣе углублена; на нее положены тяжелые камни, чтобы похороненное въ ней не могло встать изъ гроба. Заіончковская была свидѣтельницей этой работы, и свидѣтельницей не молчаливой и не безстрастной. Она клеймитъ своимъ перомъ отщепенцевъ и ренегатовъ, лѣнивыхъ и равнодушныхъ — Алтасовыхъ („Свиданіе") и Веригиныхъ („Альбомъ"), Заозеровыхъ („Здоровые") и Костиныхъ („Прощаніе"). Она наноситъ, въ лицѣ Верховскаго („Большая Медвѣдица") послѣдній ударъ дряблости, воображающей себя добродѣтелью, слову, считающему себя свободнымъ отъ дѣла. Она подмѣчаетъ нарожденіе новыхъ типовъ, которымъ хорошо живется среди мрака и застоя: героя „Первой борьбы", Черневскаго („Здоровые"), Клеопатры (тамъ же), Варвары Павловны („Обязанности"). Она рисуетъ торжество эгоизма, необузданнаго, безграничнаго, вѣрующаго въ свое безусловное право и требующаго такой же

вѣры отъ всѣхъ „низшихъ", т.-е. болѣе слабыхъ. И чѣмъ выше поднимается волна мелкихъ, пошлыхъ, себялюбивыхъ чувствъ, тѣмъ опредѣленнѣе становятся очертанія идеала, освѣщающаго путь писательницы. Особенно знаменательны, съ этой точки зрѣнія, два изъ числа послѣднихъ произведеній Крестовскаго: „Прощаніе" и „Обязанности". „Знаете ли, въ чемъ счастье?" — восклицаетъ Цвѣтковъ (главное дѣйствующее лицо въ „Прощаніи"). „Смѣшаться въ общей толпѣ и страдать со всѣми вмѣстѣ... Тщеславны мы, а не горды. Говоримъ: помогать. Почему не по-просту: дѣлиться? Что̀ такое помощь? Какая бы она ни была, самая осторожная, самая сердечная— въ ней покровительство, старшинство, что̀-то принижающее. Тяжело это. Ее берутъ изъ крайности. Равенству въ ней — конецъ". Такъ смотритъ на дѣло и Павелъ Васильичъ, въ „Обязанностяхъ". „Время освобожденія не застало его врасплохъ, какъ другихъ. Павелъ успѣлъ узнать народъ. Онъ больше не жилъ въ избѣ, не ходилъ за сохой. Онъ не баловался, работая ради прелести отдохновенія; онъ толково отдавалъ не излишекъ, а все, что могъ, чтобы работникъ и его семья были сыты и покойны". Его не понимаютъ близкіе къ нему люди; не въ него уродившаяся дочь упрекаетъ его въ томъ, что онъ не дѣлаетъ сбереженій и не исполняетъ своихъ обязанностей по отношенію къ семьѣ. „Когда любишь, — отвѣчаетъ онъ ей,—то за всѣмъ, что передъ глазами, видится дальше — просторъ, цѣлая вселенная; невозможно, кажется, жить въ одиночку; такъ бы и слился со всѣмъ... И все люди тамъ, ждутъ и зовутъ... Ты напоминаешь обязанности—вотъ онѣ гдѣ". „Что-жъ вы не довершили подвига до конца?"—спрашиваетъ его Варвара Павловна. „Короче было бы раздать все разомъ".—„Для чего юродствовать? Да немного, что̀ пришлось бы и раздать, а при постоянной заботѣ постоянно для кого-нибудь что-нибудь найдется... хоть грошъ, хоть кусокъ хлѣба, что̀ случится. Я—управляющій, служу своимъ господамъ... Варенька, есть такіе углы, такія несчастья"... „Жизнь мила", — таковы заключительныя слова романа,—„жизнь мила, какъ бы ни была трудна, и люди становятся еще милѣе, когда чувствуешь, что не одинъ, не лишній. Да лишнихъ нѣтъ, лишнихъ и не можетъ быть на свѣтѣ. Всякій найдетъ себѣ мѣсто и дѣло, была бы своя собственная охота. Лишній тотъ, кто самъ никого не любитъ". Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ этихъ словахъ отразилась задушевная мысль Заіончковской — мысль, не расходившаяся у нея съ дѣломъ. Дѣятельная любовь къ человѣку предохранила Заіончковскую отъ пессимизма, къ которому она была такъ близка по меланхолическому складу своей натуры, по безнадежному взгляду на настоящее и на ближайшее будущее.

Говоря о Заіончковской, мы не могли не коснуться ея міросозерцанія, ея убѣжденій. Они играютъ слишкомъ крупную роль въ ея творчествѣ; ее нельзя ни понять, ни оцѣнить, если разсматривать ея произведенія исключительно съ литературной точки зрѣнія. Само собою разумѣется, что прочный успѣхъ въ области искусства не можетъ быть достигнутъ одной высотой взглядовъ, одними нравственными качествами писателя; но въ Крестовскомъ-псевдонимѣ мыслитель сливался съ художникомъ, тенденціозность замысла не исключала ни жизненности характеровъ, ни правдивости положеній, ни изящества формы. Заіончковская писала долго и много; ея дѣятельность обнимаетъ собою почти сорокъ лѣтъ, совпадая съ дѣятельностью Тургенева, Достоевскаго, Салтыкова, Льва Толстого—и все-таки она никогда не переставала обращать на себя вниманіе общества. Это было бы невозможно, еслибы она не обладала крупнымъ, оригинальнымъ дарованіемъ. Особенности этого дарованія были, въ свое время, подробно разобраны въ нашемъ журналѣ [1]). Возвышаясь надъ всѣми русскими писательницами, Заіончковская приближается къ величайшимъ представительницамъ женскаго творчества на западѣ Европы —Ж.-Занду, Керреръ-Белль, Дж. Элліоту. Трудно надѣяться на скорое пополненіе пробѣла, оставляемаго ею въ нашей оскудѣвающей литературѣ...

ИЗВѢЩЕНІЯ.

ОТЪ РАСПОРЯДИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА КАВКАЗСКОЙ ВЫСТАВКИ ПРЕДМЕТОВЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Въ *сентябрѣ 1889 года* въ г. *Тифлисѣ* Кавказскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства имѣетъ быть открыта подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Михаила Николаевича, бывшаго Намѣстника Кавказскаго, Кавказская выставка предметовъ сельскаго хозяйства и промышленности, производимыхъ на Кавказѣ и въ Закаспійской области.

Выставка включаетъ слѣдующіе одиннадцать отдѣловъ: 1) земледѣліе, 2) садоводство и огородничество, 3) винодѣліе, 4) шелководство и пчеловодство, 5) продукты молочнаго хозяйства и скотоводство, 6) лѣсоводство, 7) рыболовство, 8) земледѣльческія орудія и машины, 9) кустарная, ремесленная и фабрично-заводская промышленность, 10) горный промыселъ, 11) педагогическо-профессіональный.

[1]) См. №№ 1, 2 и 3 „Вѣстн. Европы." за 1885 г.

Задачи выставки заключаются, во-1-хъ, въ выясненіи нуждъ и современнаго положенія сельскаго хозяйства и промышленности Кавказа и Закаспійской области; во-2-хъ, въ ознакомленіи всѣхъ интересующихся съ образцами мѣстныхъ производствъ; въ-3-хъ, въ возбужденіи промышленнаго соревнованія между мѣстными производителями и, въ-4 хъ, въ ознакомленіи сихъ послѣднихъ съ преимуществами усовершенствованныхъ орудій производствъ и различныхъ улучшенныхъ произведеній для усвоенія мѣстнымъ населеніемъ болѣе усовершенствованныхъ пріемовъ техники.

Въ виду этихъ задачъ, Распорядительный Комитетъ, независимо отъ привлеченія на выставку возможно большаго числа экспонентовъ и надлежащей организаціи конкурса и премированія ихъ произведеній, имѣетъ въ виду: во-1-хъ, допустить къ участію въ кустарно-ремесленномъ отдѣлѣ самихъ кустарей и ремесленниковъ со своими орудіями и приспособленіями и предоставить имъ возможность демонстрировать свои производства и продавать образцы своихъ произведеній. Во-2-хъ, допустить къ участію на выставкѣ экспонентами русскія и иностранныя фирмы, произведенія которыхъ, однако, за исключеніемъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, не будутъ премироваться, при чемъ экспоненты внѣ-кавказскаго района, за исключеніемъ производителей земледѣльческихъ орудій и машинъ, не пользуются даровымъ мѣстомъ въ зданіяхъ выставки и сами озабочиваются устройствомъ своихъ павильоновъ или иныхъ помѣщеній для своихъ экспонатовъ. Въ-3-хъ, при участіи извѣстныхъ спеціалистовъ, по назначенію г. министра государственныхъ имуществъ, подвергнуть конкурсному испытанію различнаго рода сельско-хозяйственныя орудія и машины какъ мѣстныхъ, такъ и русскихъ и иностранныхъ фирмъ, въ цѣляхъ правильной экспертизы, нагляднаго убѣжденія мѣстнаго населенія въ преимуществахъ тѣхъ или иныхъ орудій и выясненія этимъ путемъ ихъ типа, наиболѣе соотвѣтственнаго мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ. Въ-4-хъ, обращено будетъ серьезное вниманіе, на ряду съ прочими отдѣлами выставки, и на отдѣлъ горнаго промысла, обставляемаго мѣстнымъ Горнымъ Управленіемъ всѣми необходимыми коллекціями, картами и прочими научными матеріалами, требуемыми для быстраго и нагляднаго обзора горныхъ богатствъ края и положенія въ немъ различныхъ отраслей горнаго промысла (нефтяного, марганцеваго, мѣднаго и проч.), пріобрѣвшихъ въ западной Европѣ и Россіи столь серьезное значеніе.

Въ-5-хъ, при содѣйствіи мѣстныхъ наиболѣе крупныхъ винодѣльческихъ фирмъ будутъ демонстрированы различные (иностранные и мѣстные) способы и пріемы винодѣлія, со всѣми приспособленіями и принадлежностями къ нимъ; при этомъ же имѣется въ виду правильной организаціей экспертизы и особаго пробнаго отдѣленія облегчить посѣтителямъ ознакомленіе съ различными мѣстными винами и этимъ путемъ способствовать выясненію того типа мѣстныхъ винъ, который наиболѣе отвѣчаетъ запросамъ главнѣйшихъ рынковъ.

Наконецъ, въ-6-хъ, имѣется въ виду пріурочить ко всѣмъ отдѣламъ выставки особыя вспомогательныя группы различныхъ научныхъ пособій, коллекцій и проч., относящихся къ произведеніямъ того или иного отдѣла. Въ этой вспомогательной группѣ найдутъ

выраженіе всѣ важнѣйшіе успѣхи въ области научнаго знанія, но только лишь въ той мѣрѣ, въ какой это знаніе имѣетъ приложеніе къ той или иной сферѣ хозяйственно-технической дѣятельности.

Само собою разумѣется, что успѣхъ кавказской выставки въ осуществленіи ея задачъ въ значительной мѣрѣ будетъ зависѣть отъ дѣятельнаго сочувствія Распорядительному Комитету въ этомъ дѣлѣ со стороны различныхъ общественныхъ и правительственныхъ учрежденій, образованной части общества и представителей различныхъ отраслей промышленности и науки.

Распорядительный Комитетъ позволяетъ себѣ выразить увѣренность, что всѣ означенныя лица и учрежденія откликнутся на его призывъ и своимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ поспособствуютъ въ той или иной формѣ осуществленію многостороннихъ задачъ выставки.

Учрежденія и лица, интересующіяся Кавказской выставкой, благоволятъ обращаться за всѣми необходимыми по сему справками или въ ближайшія сельско-хозяйственныя общества, или непосредственно въ Тифлисъ, въ Кавказское Общество сельскаго хозяйства—на имя Распорядительнаго Комитета выставки.

Правила, программа и генеральный планъ выставки высылаются всѣмъ желающимъ безплатно.

ПОПРАВКА.

Въ іюньской книгѣ, на стр. 839, строка 13 св., напечатано: „мѣста"; слѣдуетъ: „опыта".

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. 66. Спб. 1889. Стр. 681. Ц. 3 р.

Содержаніе 66-го тома составляютъ весьма интересныя донесенія англійскаго представителя при нашемъ дворѣ—Рондо—лорду Таунсгенду, въ царствованіе Петра II и Анны Іоанновны, съ 1728 по 1733 г. Въ донесеніяхъ встрѣчаются извѣстія о такихъ лицахъ и предметахъ, о которыхъ нельзя найти что-нибудь въ собственныхъ источникахъ, по весьма понятнымъ причинамъ; да и иностранцы, частные люди, могли сообщать за границу извѣстія съ крайнею осторожностью; такъ Рондо пишетъ въ 1728 г., что во время пребыванія Петра II въ Москвѣ былъ изданъ „приказъ, подъ страхомъ смертной казни воспрещающій русскимъ подданнымъ и иностраннымъ купцамъ отправлять оттуда какія бы то ни было извѣстія, хотя бы даже о томъ, пребываетъ ли царь въ Москвѣ, или выѣхалъ изъ нея“. Иностранные резиденты доставляли иногда своимъ дворамъ копіи съ документовъ и бумагъ, которыя имъ случалось добывать на мѣстѣ. Рондо къ одному изъ своихъ рапортовъ, въ 1729 г., прилагаетъ копію съ письма датскаго посланника къ своему королю, съ подробнымъ некрологомъ скончавшагося тогда и столь извѣстнаго гр. П. А. Толстого, игравшаго важную роль въ предшествовавшія царствованія; авторъ заимствовалъ данныя для біографіи „изъ самыхъ достовѣрныхъ и точныхъ записокъ и документовъ“.

Кантъ, Иммануилъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ, могущей возникнуть въ смыслѣ науки. Переводъ *Владиміра Соловьева*. Съ приложеніемъ „Критики Кантовской философіи“, *Куно-Фишера*. Москва, 1889. Стр. X и 367. Цѣна 2 р.

Второй выпускъ „Трудовъ психологическаго общества“ составленъ такъ же удачно и съ такимъ же знаніемъ дѣла, какъ и первый, посвященный философіи Шопенгауера. „Пролегомены“ Канта, столь необходимые для пониманія его ученія, предлагаются русской публикѣ—какъ говоритъ проф. Гротъ въ предисловіи—„въ мастерскомъ по своей точности и литературнымъ достоинствамъ переводѣ г. Соловьева, сдѣланномъ имъ еще въ началѣ 70-хъ годовъ и нынѣ исправленномъ и дополненномъ. Лучшаго перевода Канта у насъ нѣтъ и, вѣроятно, никогда не будетъ“. Правда, г. Н. Гротъ иногда прибѣгаетъ къ гиперболамъ для болѣе яркаго выраженія своей мысли, какъ можно судить, напримѣръ, по слѣдующимъ его словамъ по поводу предполагаемаго изданія новаго философскаго журнала: „Нужна чистая любовь къ истинѣ, добру и красотѣ, какъ вѣчнымъ идеаламъ человѣческаго духа, необходима любовь къ человѣку и къ своей родинѣ для того, кто пожелаетъ понять настоящее значеніе предпринимаемаго изданія перваго органа всѣхъ русскихъ философовъ и мыслителей, безъ различія направленій и теоретическихъ пріемовъ мышленія; но мы вѣримъ въ возможность этого обилія любви въ русскихъ людяхъ и призываемъ къ нему“. Проще было бы сказать, что нуженъ интересъ къ философскимъ вопросамъ среди читающей русской публики,—интересъ, доказываемый, между прочимъ, успѣхомъ у насъ Шопенгауера и посвященнаго ему перваго выпуска „Трудовъ“ московскаго психологическаго общества. Но относительно перевода г. Соловьева проф. Гротъ не преувеличилъ, безъ сомнѣнія. Передать тяжелый и иногда темный языкъ Канта въ ясномъ и точномъ изложеніи—задача трудная, и г. Соловьевъ исполнилъ ее вполнѣ удовлетворительно. Къ „Пролегоменамъ“ приложена обстоятельная критическая оцѣнка Кантовской философіи, Куно-Фишера, въ переводѣ г. Иванцова; это „приложеніе“ составляетъ почти половину книги—около десяти печатныхъ листовъ.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. С. А. Венгерова. Вып. 16, 17, 18 и 19. Спб. 1889. Отъ 701—896 стр.

Новыя двѣсти страницъ этого широко задуманнаго предпріятія все-таки не выводятъ читателя изъ первой буквы нашего алфавита, но, судя по второй буквѣ именъ этихъ выпусковъ (Ап—Аш), надобно ожидать, что въ ближайшемъ выпускѣ дѣло дойдетъ до буквы „Б“. Независимо соображеній о невозможности одному поколѣнію дождаться конца этого интереснаго труда, приходится быть признательнымъ автору и за то, что онъ даетъ, не взыскивая съ него за то, что онъ не дастъ скоро всего.

Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи въ 1878 и 1880 годахъ. Составилъ *Э. Гринстремъ*. Изданіе второе, дополненное. Съ картою и 58 рисунками. Спб., 1889. Стр. 182. Цѣна 1 р. 50 к.

Сверхъ интереснаго и популярнаго очерка путешествія Норденшельда, въ книгѣ изложены также свѣдѣнія о предшествовавшихъ попыткахъ иностранныхъ и русскихъ мореплавателей найти свободный путь черезъ сѣверный Ледовитый океанъ въ Китай и Индію. Книга написана легко и издана изящно; многочисленные рисунки даютъ читателю наглядное представленіе о видѣнномъ и испытанномъ путешественниками среди льдовъ сѣвера.

Гербертъ Спенсеръ. Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Перев. съ англ. Е. А. Сысоевой. Спб. 1889. Стр. 297. Ц. 85 к.

Мы уже имѣли случай указывать на русскій переводъ этого столь извѣстнаго труда Спенсера, по поводу первыхъ двухъ изданій перевода. Появившееся нынѣ третье свидѣтельствуетъ о томъ успѣхѣ, какой нашелъ этотъ трудъ и въ нашей публикѣ, чему нельзя не радоваться въ виду того обстоятельства, что нигдѣ семья не является такъ мало на помощь школѣ, какъ у насъ.

Н. В. Жукъ. Мать и дитя. Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. 3-е, вновь просмотрѣнное и дополненное изданіе. Съ 220 рисунками. Стр. XVI и 840. Цѣна 3 р.

Книга г. Жука, вышедшая недавно въ третьемъ изданіи, представляетъ собою обстоятельное и полное практическое руководство для матерей, желающихъ отнестись сознательно къ исполненію своихъ трудныхъ и важныхъ естественныхъ функцій. Авторъ дополнилъ свой трудъ новыми свѣдѣніями и указаніями по гигіенѣ дѣтскаго возраста, причемъ значительно расширилъ чисто-медицинскую часть книги; вслѣдствіе этого увеличился и объемъ сочиненія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1889 г.
(Двадцать-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ
отъ 28 до [illegible]0 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Янв.	Іюля	Янв.	Апр.	Іюля	
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.— Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по
діямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣл
и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подпис**

☛ Съ перваго іюня открыта подписка на третью четверть 1889 года.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, н
Остр., 2 лин., 7; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на
просп., 14, и А. Ф. Цинзерлинга, Невск. пр., 46, противъ Гостин. Двора; — въ М
1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Кар
кова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровск
ніи. — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію жу
Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же приним
ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, ф
съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго
почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежд
самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена
журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, п
въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе — 40
3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнал
подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ По
Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на по
журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подпис
которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛ
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ—ПОЛИТИКИ—

ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 8.

АВГУСТЪ, 1889.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1889.

Стр.

I.—МРАЧНЫЙ ШТУРМАНЪ.—Картинки былой морской жизни. — **К. М. Станюковича** 457

II.—МАТЬ ПРЕСТУПНИКА.—Поэма Теннисона.—Перев. **О. М—вой** 500

III.—ПРЖЕВАЛЬСКІЙ И ЕГО ПУТЕШЕСТВІЯ.—II-III.—Окончаніе.—**Л. Весина**. 512

IV.—УЗЕЛОКЪ СЪ КРАСНОЙ МѢТКОЙ.—Разсказъ.—**Н. Д. Ахшарумова** . . . 540

V.—ПОѢЗДКА ВЪ ТРОАДУ.—На раскопкахъ Шлимана.—I-II.—**В. Теплова** . . 560

VI.—ИЗУВѢРЫ.—Изъ воспоминаній судебнаго слѣдователя 70-хъ годовъ.—I-III.—**Н. Реутскаго** 595

VII.—НА РАЗСВѢТѢ.—Повѣсть Ежа.—Перев. **І. У.** 628

VIII.—РУССКОЕ СЛАВЯНОВѢДЕНІЕ ВЪ XIX-мъ СТОЛѢТІИ.—II.—**А. Н. Пыпина**. 653

IX.—ЛОНДОНСКАЯ ЖИЗНЬ.—Повѣсть.—Соч. Г. Джемса.—I-VI.—**А. Э.** 729

X.—ХРОНИКА.—Всемірная выставка въ Парижѣ.—Письмо третье.—**М.** . . 769

XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Пути возвышенія мелкой сельско-хозяйственной культуры въ Россіи.—Самостоятельность путей развитія крупнаго и мелкаго земледѣльческаго производства.—Индивидуальное и массовое творчество народа въ области сельск. хозяйства.—Результаты дѣятельности крестьянъ и владѣльцевъ въ области скотоводства.—Необходимость участія въ поднятіи сельско-хозяйственной культуры со стороны правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.—**В. В.** 793

XII.—ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.—Саратовъ.—**Z.** 827

XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Особое положеніе оффиціозной печати въ Германіи.—Признаки внутренняго разлада и ихъ дѣйствительное значеніе.—Примирительный тонъ въ международныхъ дѣлахъ.—Послѣдствія рабочаго движенія въ каменноугольныхъ копяхъ.—Особенности рабочихъ кризисовъ въ Германіи.—Австро-венгерскія дѣла.—Положеніе Сербіи.—Выборы и буланжизмъ во Франціи.—Мнимые русскіе націоналисты въ „Nouvelle Revue". 836

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Н. Чечулинъ, Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка.—Г. Арандаренко, Досуги въ Туркестанѣ.—В. Миллеръ, Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго этнографическаго музея.—Н. Лопатинъ и В. Прокунинъ, Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ.—**А. П.**—А. Штиглицъ, Изслѣдованія о началахъ политическаго равновѣсія, легитимизма и національности.—Н. Гиляровъ-Платоновъ, Основныя начала экономіи.—**Л. С.** 850

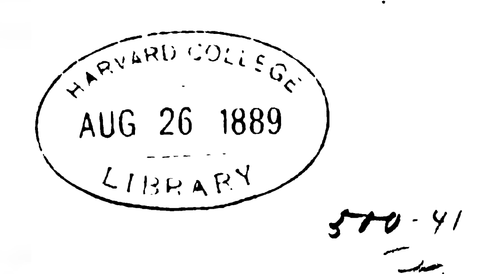
XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—B.-Saint-Hilaire, La philosophie dans ses rapports avec les sciences et la religion.—F. Cellarier, Etudes sur la raison.—De Roberty, L'inconnaissable, sa métaphysique, sa psychologie.—K. Dickel, Ueber das neue Gesetzbuch für Montenegro.—**Л. С.** . 868

XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Первый періодъ „классицизма" у насъ, и сужденія въ печати о его главныхъ результатахъ.—Журнальная статья о томъ же предметѣ г. А. Георгіевскаго, и трудъ г. Ѳ. Еленева: „О нѣкоторыхъ желаемыхъ улучшеніяхъ въ гимназическомъ обученіи".—Записка о классицизмѣ Ив. Ив. Пискарева, директора царскосельской гимназіи.—Постановленія петербургской Думы о „тотализаторѣ", повторившееся въ московской Думѣ.—Противники и защитники тотализатора въ печати.—Образчикъ новѣйшей философіи отечественной исторіи.—Основаніе новаго философскаго журнала въ Москвѣ.—М. Н. Любощинскій †. 876

XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I.—Отчетъ Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за мартъ, апрѣль и май 1889 г.—II.—Отъ Общества Любителей Россійской Словесности.—III.—Отъ Редакціи.—Пожертвованія на составленіе капитала имени М. Е. Салтыкова, и на надгробный памятникъ Н. Д. Зайончковской 894

XVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Сенатскій Архивъ, т. II.—Всеобщая исторія литературы, вып. 23.—Стихотворенія Фр. Коппе, вып. 1, п. р. П. Вейнберга.—Четыре министра путей сообщенія, В. Панаева.—Историческая христоматія по русской исторіи, Л. Гуревича, т. III.—Греко-болгарскій вопросъ, по неизд. источникамъ. Историческое изслѣдованіе В. Теплова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.



МРАЧНЫЙ ШТУРМАНЪ

Картинки былой морской жизни.

I.

Послѣ трехлѣтняго дальняго плаванія съ грозными подъ-часъ штормами и непогодами, послѣ тепла и приволья южныхъ широтъ съ ихъ роскошными пейзажами, вѣчно грѣющимъ яркимъ солнцемъ, безпредѣльной высью бирюзоваго неба и волшебными тропическими ночами,—корветъ „Грозный" возвращался на далекую родину.

На корветѣ было сто-семьдесятъ-пять человѣкъ команды, шестнадцать офицеровъ, докторъ и іеромонахъ.

Всѣ радовались возвращенію. Долгое плаваніе, несмотря на всѣ прелести природы, порядочно-таки надоѣло. Всѣмъ—и офицерамъ, и матросамъ—хотѣлось поскорѣй на сушу—отдохнуть послѣ продолжительной, полной тревогъ и случайностей, жизни на морѣ.

Надо было поспѣть въ Финскій заливъ до заморозковъ, и потому всѣ торопились.

Чуть затихалъ попутный вѣтеръ и вся поставленная парусина еле двигала корветъ, — или вѣтеръ начиналъ задувать „въ лобъ", принуждая къ томительной лавировкѣ,—какъ отдавалось ш[...]казаніе разводить пары, и старшій механикъ, Иванъ Савичъ Х[...]одильниковъ, давно ужъ скучавшій по Кронштадту, гдѣ оста[...] молодая жена,—торопливѣй и веселѣй, чѣмъ обыкновенно, о[...]кался въ свою просаленную и прокопченую „машинную" к[...]ку и съ радостнымъ лицомъ бѣжалъ къ себѣ въ „преисподн[...]", переваливаясь всѣмъ своимъ худымъ, костлявымъ тулови-

щемъ, похожимъ на плохо собранную машину, и размахивая, словно крыльями, длинными, никогда не находившими мѣста, руками.

И скоро „Грозный“, попыхивая дымкомъ изъ своей короткой горластой трубы, шелъ впередъ полнымъ ходомъ, подрагивая кормой, подъ однообразный и равномѣрный стукъ машины.

Рѣдкіе заходы въ попутные порты за углемъ и за свѣжей провизіей отличались теперь короткими стоянками, не позволявшими любознательнымъ мичманамъ основательно знакомиться съ мѣстными ресторанами и красотою туземокъ. Капитанъ, изнывавшій въ ожиданіи увидать жену и дѣтей, торопился самъ и поторапливалъ всѣхъ. Значительно смягчившійся характеромъ, по мнѣнію молодыхъ мичмановъ, съ тѣхъ поръ, какъ получено было предписаніе „слѣдовать въ Кронштадтъ“, и „разносившій“ подчиненныхъ далеко не съ прежней страстной стремительностью, онъ, при каждомъ заходѣ въ портъ, безъ обычной раздражительности просилъ „медлительнаго барона“, ревизора корвета, „не копаться“ и какъ можно скорѣй оканчивать разсчеты съ берегомъ.

Но просьбы капитана на этотъ разъ были излишни.

Баронъ Оскаръ Оскаровичъ, котораго матросы перекрестили въ „Каръ Карыча“ и звали потихоньку „долговязой цаплей“, и безъ капитанскихъ просьбъ сбросилъ теперь свою упрямую, методичную и самодовольную остзейскую флегму и съ удивительной въ немъ быстротой леталъ къ консуламъ, торопилъ поставщиковъ, принималъ провизію безъ придирчивой мѣшкотни и заставлялъ грузить уголь по ночамъ, ибо, въ свою очередь, торопился въ Митаву, къ невѣстѣ; портреты ея, въ различныхъ позахъ и костюмахъ, влюбленный баронъ получалъ чуть ли не съ каждой почтой и теперь предвкушалъ счастіе скоро припасть къ ногамъ оригинала.

Такимъ образомъ корветъ нигдѣ не застаивался и не терялъ времени, чтò, разумѣется, очень радовало всѣхъ женатыхъ людей и влюбленныхъ жениховъ и нѣсколько огорчало нѣкоторыхъ молодыхъ офицеровъ, не сидѣвшихъ, какъ бòльшая часть молодежи, „на экваторѣ“ и мечтавшихъ-было „просадить“ сотни двѣ-три франковъ въ Парижѣ. Но, увы!—въ Шербургѣ, гдѣ сперва предполагали краситься, корветъ простоялъ лишь сутки, и Парижъ „улыбнулся“.

— По крайности, денежки ваши цѣлы!—утѣшалъ раздобрѣвшій за время плаванія отецъ Агаѳонъ.

— Вамъ, батя, хорошо разсуждать... Вы—монахъ.

— Въ какихъ это смыслахъ?

— А въ такихъ смыслахъ, что васъ не должна смущать прелесть француженокъ, а насъ смущаетъ... Впрочемъ, еслибы вы увидали ихъ въ Парижѣ...

— Замолчите, безстыдники!—добродушно останавливалъ мичмановъ отецъ Агаѳонъ и затыкалъ обѣими руками уши, оставляя, однако, щелочку.

II.

Въ виду скораго окончанія плаванія и настроеніе команды сдѣлалось веселымъ и приподнятымъ. Еще бы! Матросамъ, болѣе чѣмъ кому-либо, „очертѣло" это шатаніе по океанамъ, полное безпокойствъ, трудовъ и опасностей суровой морской службы, съ частыми порками и зуботычинами, съ вѣчной руганью за малѣйшую оплошность, приводившую въ ярость офицеровъ „дантистовъ", которыхъ на корветѣ было довольно-таки.

На бакѣ и въ палубѣ матросы, разсчитывавшіе послѣ „дальней" сходить домой на побывку, чаще чѣмъ прежде лясничаютъ о „своихъ мѣстахъ", а женатые обстоятельные матросы и тѣ изъ холостыхъ, которые не прогуливали на берегу всѣхъ денегъ, чаще заглядываютъ въ свои парусинные мѣшки, чтобы пересмотрѣть прикопленныя за три года собственныя вещи (преимущественно рубахи) и заграничные гостинцы для бабъ. Старики, ожидающіе „чистой" и, вѣроятно, плавающіе въ морѣ послѣдній разъ въ жизни, толкуютъ между собой о разныхъ „способныхъ доложностяхъ", которыя могли бы они исполнять, если не поживется въ деревнѣ.

Въ каютъ-компаніи тѣ же темы разговоровъ. Холостые офицеры съ веселымъ оживленіемъ бесѣдуютъ о томъ, кто куда поѣдетъ послѣ плаванія. Навѣрное дадутъ шестимѣсячный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія и годовой окладъ не въ зачетъ, въ видѣ награды. Значитъ, можно за-ново экипироваться. Особенно экспансивны мичмана, недавно произведенные изъ гардемариновъ. Многіе изъ нихъ ушли въ плаваніе безбородыми, безусыми юношами, а теперь возвращаются молодыми людьми, съ загорѣлыми, огрубѣвшими свѣжими лицами, съ шелковистыми бородками, окрѣпшими голосами, съ нѣкоторой напускною серьезностью и преувеличеннымъ щегольствомъ манерами заправскихъ „морскихъ волчковъ".

Каждаго изъ нихъ давно нетерпѣливо поджидаютъ въ семьяхъ. Каждаго сладко манитъ радость свиданія послѣ долгой разлуки и давно неиспытанная прелесть родного гнѣзда, гдѣ мать и под-

ростки сестры и братья съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и съ гордой любовью будутъ слушать по вечерамъ, собравшись тѣснымъ кружкомъ, разсказы вернувшагося странника. И вся обстановка *той* жизни, совсѣмъ непохожая на настоящую, кажется теперь особенно уютной, пріятной и милой.

Тамъ не будетъ ни „мокрыхъ“ ночныхъ вахтъ, ни постоянной качки, ни штормовъ, наводящихъ трепетъ, бережно скрываемый отъ чужихъ глазъ, подъ видомъ небрежнаго равнодушія, ни отчаянныхъ „разносовъ“ свирѣпѣющаго отъ вѣчнаго одиночества капитана, который пріучилъ себя каждому пустяку придавать серьезное значеніе, ни замѣчаній педанта старшаго офицера, представляющагося занятымъ одной лишь службой. *Тамъ* не услышишь этихъ внезапныхъ, способныхъ разбудить мертваго, окриковъ боцмана: „Пошелъ всѣ наверхъ рифы брать!“—окриковъ, заставляющихъ среди ночи выскакивать изъ теплой койки и, наскоро одѣвшись, стремглавъ летѣть наверхъ, на палубу, гдѣ вѣтеръ реветъ на просторѣ, сердито воя въ снастяхъ, и смотрѣть, какъ повисшія на марса-реяхъ черныя людскія тѣни, стремительно качающіяся, на страшной высотѣ, вмѣстѣ съ мачтами и всѣмъ судномъ, среди мрака бурной ночи, дѣлаютъ свое каторжное, опасное матросское дѣло—крѣпятъ вырывающійся изъ цѣпкихъ рукъ вздувшійся парусъ, возбуждая въ зрителѣ невольный страхъ при мысли, что человѣкъ можетъ сорваться съ реи и упасть либо въ океанъ, либо размозжиться на палубѣ. *Тамъ* не придется постоянно и неизмѣнно видѣть однихъ и тѣхъ же людей, сведенныхъ на пространствѣ длиною въ 160 футъ; обязательное, непрерывное общеніе съ ними дѣлаетъ подъ-часъ самыхъ лучшихъ людей невыносимыми другъ другу, по крайней мѣрѣ на время, пока „берегъ“ съ его удовольствіями не дастъ новыхъ впечатлѣній, и эти самые люди, казавшіеся, благодаря скукѣ и однообразію томительнаго тридцати-дневнаго перехода, „невыносимыми“, —снова кажутся не такими ужъ тяжелыми людьми, и бесѣды съ ними, послѣ „берега“, опять получаютъ интересъ. *Тамъ* нѣтъ этой тѣсной каютки, гдѣ все „принайтовлено“ [1],—узкой и темной, съ наглухо „задраеннымъ“ [2]) иллюминаторомъ, обмываемымъ сѣдой волной, которая иногда невольно заставляетъ думать, что лишь нѣсколько дюймовъ дерева отдѣляютъ человѣка отъ этого страшно-таинственнаго, бездоннаго океана, которому ничего не стоитъ поглотить корветъ со всѣми его обитателями. Какая-нибудь

---

[1]) „Принайтовить“—привязать, прикрѣпить.

[2]) „Задраить“—закрыть плотно.

роковая случайность — столкновеніе, пожаръ, ураганъ—и... все кончено. Океанъ, попрежнему загадочный и таинственный, съ прежнимъ безсмысленнымъ бѣшенствомъ будетъ катить свои сѣдые валы надъ мѣстомъ, гдѣ только-что волновались, мечтали, надѣялись, словомъ—жили двѣ сотни людей...

Такія мысли объ „изнанкѣ" плаванія теперь чаще лѣзутъ въ голову, хотя, по ложному стыду, о нихъ никто не рѣшается говорить. И возвращеніе становится еще желаннѣе и милѣе. И разговоры о поѣздкахъ въ разные уголки Россіи не истощаются среди молодежи.

III.

Семейные люди—докторъ, механикъ и артиллеристъ—никуда не собираются. Имъ только бы поскорѣй добраться до Кронштадта, гдѣ свиты оставленныя ими гнѣзда. Люди солидныхъ лѣтъ, они не пускаются въ откровенныя изліянія, но зато обнаруживаютъ малодушное нетерпѣніе и раздражительность каждый разъ, когда засвѣжѣетъ противный вѣтеръ, разводя большое волненіе, и „Грозный", не отличающійся сильной машиной, еле подвигается впередъ, клюя носомъ и съ трудомъ выгребая противъ вѣтра, или когда стоянка гдѣ-нибудь кажется имъ продолжительною.

Въ первомъ случаѣ они то-и-дѣло выходятъ наверхъ и сердито и безпокойно посматриваютъ и на небо, покрытое тучами, и на воду, справляются о барометрѣ и молчаливо хмурятся, въ каютъ-компаніи, а во второмъ, съ затаеннымъ недоброжелательствомъ бросаютъ взгляды на ревизора, когда онъ, усталый отъ бѣготни, хлопотъ и пререканій на берегу, возвращается на корветъ и съ мрачнымъ видомъ, молча, пьетъ чай въ каютъ-компаніи, только-что выругавъ совершенно безвиннаго вѣстового.

„И чего онъ копался на берегу, этотъ долговязый баронъ? Отчего до сихъ поръ не везутъ угля? Вѣдь такъ мы опоздаемъ въ Кронштадтъ!"—досадливо думаютъ они. И всѣ косо поглядываютъ на „долговязаго барона".

Но ревизоръ мраченъ, какъ ночь, и никто не отваживается на разспросы, выжидая, когда начинавшее лысѣть чело молодого барона немного прояснится.

Въ эту минуту входитъ въ каютъ-компанію мичманъ Петровъ, прозванный „легкомысленнымъ мичманомъ". Онъ только-что выспался передъ ночной вахтой и, замѣтивъ ревизора, немедленно спрашиваетъ, щуря съ просонковъ глаза:

— Что, баронъ, скоро дождемся угля?

Это было слишкомъ даже и для такого флегматика, какъ „долговязая цапля"! Этимъ углемъ его ужъ успѣли довести до бѣлаго каленія, едва онъ, выскочивъ со шлюпки, показался на палубѣ.

— Когда же уголь? — встрѣтилъ его съ нѣмымъ укоромъ капитанъ, едва сдерживаясь отъ желанія по крайней мѣрѣ „вдребезги разнести" барона.

— Скоро ли уголь-съ?—сухо спросилъ старшій офицеръ.

— Отчего не везутъ угля?—считалъ долгомъ остановить барона каждый изъ гулявшихъ на палубѣ.

Хотя баронъ, щеголявшій своей джентльменской остзейской выдержкой, и отвѣчалъ всѣмъ, по обычаю, изысканно любезно, длинно и обстоятельно, но внутри у него кипѣло. Раздраженный и отсутствіемъ обѣщанныхъ консуломъ шаландъ съ углемъ, и нѣмымъ укоромъ капитана, во взглядѣ котораго онъ ясно прочелъ сдержанную злобу, и обиліемъ этихъ вопросовъ объ углѣ, полныхъ, казалось, скрытыхъ обвиненій, баронъ былъ весь начиненъ досадою и гнѣвомъ, когда, наконецъ, спустился въ каютъ-компанію и молча отхлебывалъ чай, чувствуя бросаемые на него не особенно ласковые взгляды доктора и остальныхъ женатыхъ.

Такимъ образомъ вопросъ „легкомысленнаго мичмана" былъ фитилемъ, приставленнымъ къ заряженной пушкѣ.

И баронъ теряетъ свое самообладаніе. Весь вспыхивая, онъ накидывается на мичмана.

— Да что вы ко мнѣ пристаете съ углемъ, позвольте васъ спросить?—восклицаетъ онъ раздраженнымъ гнѣвнымъ голосомъ. — На себѣ я его привезу, что-ли, какъ вы думаете?

Но такъ какъ мичманъ, ошалѣвшій отъ этого неожиданнаго взрыва, въ первую секунду могъ лишь удивленно вытаращить глаза, то баронъ снова выпаливаетъ:

— Развѣ я виноватъ, что этотъ англичанинъ, имѣющій честь называться русскимъ консуломъ,—такое животное? Долженъ ли я отвѣчать за него, или не долженъ, по вашему мнѣнію?

И, разумѣется, не дожидаясь мнѣнія мичмана, баронъ продолжаетъ „разражаться".

„Онъ, вотъ, съ ранняго утра сегодня, какъ собака, рыскалъ по городу, высунувши языкъ, а всѣ: „когда уголь?" „отчего нѣтъ угля?".. Нечего сказать, деликатно! Поѣхали бы сами, посмотрѣли, какъ съ консуломъ дѣла дѣлать. Три раза онъ былъ у этого рыжаго дьявола изъ-за угля. Сперва было совсѣмъ отказалъ найти людей по случаю воскресенья... Наконецъ, далъ слово, что къ шести часамъ шаланды будутъ, а ихъ нѣтъ. Это чортъ

знаетъ чтò такое! Пускай капитанъ жалуется на подобныхъ консуловъ... Консулъ—животное, а ревизоръ виноватъ!

— Покорно васъ благодарю!—неожиданно прибавляетъ баронъ, взглядывая со злостью на мичмана.

— Но позвольте, баронъ...

— Чтò „баронъ"!.. Барону никакого отдыха нѣтъ... Барону вотъ сію минуту надо опять ѣхать на берегъ изъ-за этого консула, а вамъ чтò?.. Спите сколько угодно... Покорно благодарю!

— Да развѣ я, баронъ...

— Побыли бы вы ревизоромъ, испытали бы эту каторгу!—продолжаетъ онъ, нѣсколько смягчаясь, но по прежнему не обращая ни малѣйшаго вниманія на попытки мичмана докончить фразу.

По счастію, вбѣгаетъ разсыльный и докладываетъ, что идутъ шаланды съ углемъ.

И баронъ, не докончивъ чая и своихъ ламентацій, выскакиваетъ на верхъ. Лица женатыхъ проясниваются. Только „легкомысленный мичманъ" съ минуту находится въ недоумѣніи: „за что это обрушилась на него долговязая цапля?"

— Вѣрно попало ему отъ капитана, а? — смѣется онъ, обращаясь къ присутствующимъ.

IV.

По мѣрѣ того, какъ „Грозный" приближается къ сѣверу, видимо возрастаетъ общее нетерпѣніе. Уже высчитываютъ остающіеся дни плаванія („если, Богъ дастъ, не будетъ никакихъ случайностей", опасливо прибавляютъ люди постарше) и чаще стыдятъ старшаго механика за то, что „Грозный", несмотря на полный ходъ и на самую благопріятную погоду, „ползетъ" какъ черепаха, всего по семи съ половиною узловъ въ часъ.

— Хоть бы до восьми постарались, Иванъ Савичъ!—говорятъ ему, когда онъ показывается въ каютъ-компаніи.

Всѣ, разумѣется, отлично знали, что Иванъ Савичъ, заботившійся о своей „машинкѣ", какъ нѣжно называлъ онъ двухсотъпятидесяти-сильную машину корвета, точно о родной дочери, и самъ „старался" и нисколько не виноватъ, что его „машинка" бòльшаго хода давать не могла, но надо же было излить досаду нетерпѣнія, тѣмъ болѣе, что объектъ этихъ жалобъ, милѣйшій Иванъ Савичъ, былъ въ высшей степени мягкій, добродушный и невозмутимый человѣкъ.

И онъ не обижался.

Покуривая дешевую манилку и теребя свои рѣденькія рыжеватыя бакенбарды, окаймлявшія рябое, покрытое веснушками лицо, съ съѣхавшимъ чуть-чуть на сторону носомъ и большими голубыми глазами, кроткое и умное выраженіе которыхъ значительно смягчало некрасивость его лица, Иванъ Савичъ терпѣливо отмалчивался или замѣчалъ, добродушно улыбаясь:

— Больше ходу взять неоткуда... Слава Богу, идемъ хорошо. И то подшипники нагрѣваются!—озабоченно прибавилъ Иванъ Савичъ.

— Нечего сказать... хорошъ ходъ!.. — иронизировалъ кто-нибудь.

— И такого хода не будетъ.

— Это почему?

— А если засвѣжѣетъ... Кажется, къ тому дѣло идетъ!— пугалъ Иванъ Савичъ.

— Типунъ вамъ на языкъ, Иванъ Савичъ!

— Не бойсь, этого не любите!—смѣется Иванъ Савичъ!

Но когда суточное плаваніе корвета, благодаря попутному вѣтру, бывало не менѣе двухсотъ миль, бо̀льшая часть семейныхъ людей расцвѣтала.

Экспансивнѣе другихъ женатыхъ выражалъ въ такіе дни свою радость докторъ Лаврентій Васильевичъ Жабринъ, высокій, крупныхъ размѣровъ, видный толстякъ, лѣтъ за сорокъ, съ громаднымъ животомъ, снискавшимъ ему большой почетъ и уваженіе среди китайцевъ. Его шаровидное румяное лицо съ двойнымъ подбородкомъ, съ широкимъ мясистымъ носомъ, толстыми сочными губами и маленькими, заплывшими жиромъ, глазками,—лицо съ благодушно-довольнымъ выраженіемъ уравновѣшеннаго человѣка теперь положительно сіяло и потому, вѣроятно, казалось еще ординарнѣе и глупѣе, чѣмъ обыкновенно.

Лаврентій Васильевичъ былъ совсѣмъ облѣнившійся, зажирѣвшій человѣкъ, идеалы котораго давно съузились въ рамкахъ маленькаго, нетребовательнаго личнаго благополучія и лѣниваго покоя. Въ теченіе трехъ лѣтъ плаванія онъ бо̀льшую часть времени просиживалъ на своемъ постоянномъ почетномъ мѣстѣ, рядомъ съ мѣстомъ старшаго офицера—на диванѣ, или въ пріятномъ и всегда нетерпѣливомъ ожиданіи часовъ ѣды, или въ осовѣломъ состояніи хорошо покушавшаго обжоры, чувствующаго ко всѣмъ приливъ необыкновеннаго дружелюбія вмѣстѣ съ неодолимымъ желаніемъ растегнуть нижнія пуговицы, стѣсняющія

громадный животъ, и подремать, подсапывая и подсвистывая носомъ, съ засуленной сигарой во рту.

Это неизмѣнно блаженное настроеніе доктора нарушалось лишь тогда, когда на корветѣ случались больные. Тогда Лаврентій Васильевичъ становился раздражительнымъ и озабоченнымъ. Онъ терпѣть не могъ больныхъ, особенно такихъ, которые продолжали хворать и послѣ натиранія горячимъ уксусомъ—этого излюбленнаго Лаврентіемъ Васильевичемъ средства противъ всякихъ болѣзней. Приходилось, такимъ образомъ, безпокоиться и изыскивать другія средства, а между тѣмъ профессіональныя познанія доктора, повидимому, были не изъ обширныхъ. Онъ давно не заглядывалъ въ медицинскія книжки и предоставлялъ больше природѣ дѣлать свое дѣло, помогая лишь ей уксусомъ, горчичниками и касторовымъ масломъ. Вѣроятно, потому онъ отрицалъ и самую медицину, утверждая, что она еще въ младенчествѣ, что еще не вполнѣ дознано, какъ лекарства дѣйствуютъ на организмъ, и, слѣдовательно, несравненно, молъ, лучше обходиться по возможности, безъ лекарствъ.

И обыкновенно добродушный Лаврентій Васильевичъ серьезно сердился, когда матросъ жаловался ему на нездоровье.

— Ну, чѣмъ ты, каналья, боленъ? Какая такая у тебя болѣзнь можетъ быть? Просто лодырничать въ лазаретѣ захотѣлось, а? Такъ ты та́къ и скажи, а то: боленъ!

— Никакъ нѣтъ, вашескородіе... Ломитъ всего... Нутренности горятъ, вашескородіе!

— Гмм... Ломитъ?.. „Нутренности" горятъ?—сердито ворчитъ Лаврентій Васильевичъ.—Посмотримъ, посмотримъ, братецъ... Покажи-ка языкъ!

Матросъ добросовѣстно высовываетъ языкъ, весь покрытый бѣлой пленкой.

Докторъ хмурится. „Кажется, въ самомъ дѣлѣ боленъ, шельма", думаетъ онъ.

— Такъ ломитъ, говоришь ты?

— Ломитъ, вашескородіе.

Лаврентій Васильевичъ тогда пробуетъ рукой голову, щупаетъ пульсъ и, обращаясь къ фельдшеру, отважно приказываетъ:

— Антоновъ! Натереть его покрѣпче горячимъ уксусомъ да напоить малиной... Пусть хорошенько пропотѣетъ. А къ вечеру, если не будетъ лучше, дать двѣ ложки касторового масла...

— Не прикажете ли, ваше высокоблагородіе, для вѣрности дать пріемъ хины на случай, если febris gastrica...

— Что-жъ, можно и хинки дать... Дай, братецъ, дай.

— Сколько прикажете: десять грановъ?

— Пожалуй, десять.

По счастію для врача, а еще болѣе для матросовъ, серьезно больныхъ на корветѣ почти не было, и такимъ образомъ уксусъ, малина, горчичники и касторовое масло успѣшно дѣлали свое дѣло вмѣстѣ съ фельдшеромъ Антоновымъ, къ которому матросы гораздо охотнѣе прибѣгали за помощью, чѣмъ къ „лѣнивому борову", какъ нелюбезно звали доктора на бакѣ.

Возвращеніе въ Россію нѣсколько встряхнуло и Лаврентія Васильевича. Онъ сбросилъ обычную лѣнь и неподвижность и по временамъ даже „нервничалъ", т.-е. ѣлъ безъ особеннаго обжорства. Въ „счастливые дни" хорошаго суточнаго плаванія онъ оживлялся, охотно угащивалъ желающихъ „марсальцой" и чируткамн изъ Манилы, разсказывалъ свои любимые анекдотцы скоромнаго содержанія (давно, впрочемъ, всѣми слышанные), первый заливаясь, въ концѣ анекдота, густымъ, сочнымъ утробнымъ смѣхомъ, и надоѣдалъ всѣмъ разспросами: „когда придемъ въ Кронштадтъ?"

„Скорѣй бы добраться! Довольно съ него этого долгаго плаванія. Шутка сказать: три года! Онъ ужъ больше ни за что не оставитъ своей Марьи Петровны и троихъ ребятокъ и не пойдетъ за границу (Богъ съ ней!), хоть заграничное плаваніе и выгодно, конечно, въ матеріальномъ отношеніи. Но онъ не гонится за большимъ. Онъ не жаденъ къ деньгамъ и не мечтаетъ о карьерѣ. Онъ не намѣренъ, ради усиленнаго оклада, подвергаться безпокойствамъ и жить въ разлукѣ съ любимой семьей. Довольно и трехъ лѣтъ!.. Слава Богу, за эти три года онъ кое-что скопилъ про запасъ".

— По нашимъ скромнымъ требованіямъ, какъ-нибудь проживемъ и съ береговымъ содержаніемъ!—весело, съ чувствомъ полнаго удовлетворенія, прибавлялъ довольный Лаврентій Васильевичъ, заранѣе предвкушавшій сладость осуществленія своей давнишней мечты, изъ-за которой, собственно говоря, онъ, этотъ лѣнивый толстякъ и счастливый семейный человѣкъ, и просился въ кругосвѣтное плаваніе. Мечта эта—покупка маленькаго деревяннаго домика, съ садикомъ,—конечно, въ одной изъ дальнихъ кронштадтскихъ улицъ, гдѣ дома дешевле,—уже высмотрѣннаго и приторгованнаго Марьей Петровной, образцовой хозяйкой и женой, до сихъ поръ влюбленной въ своего „Лаврика", такой же высокой, крупной, дебелой и еще моложавой, какъ и ея супругъ. Тамъ, въ собственномъ домикѣ, планъ котораго недавно прислала жена, онъ отлично размѣстится въ шести комнатахъ со своей

„Машетой“ и тремя мальчуганами и снова заживетъ въ семьѣ, среди любимыхъ и любящихъ лицъ, въ привольѣ домашняго уюта и общей ласки, не стѣсняясь лѣтомъ ходить по саду въ своемъ любимомъ халатѣ. Садъ-то вѣдь собственный!.. Покойное мѣсто старшаго экипажнаго врача (лечить больныхъ, слава Богу, не придется—на то есть госпиталь!), не требующее никакихъ занятій, хозяйственныя бесѣды по утрамъ за чаемъ съ Марьей Петровной, прогулка по службѣ въ казармы, въ полдень рюмка, другая хорошей водки съ домашними соленьями, въ третьемъ часу сытный домашній обѣдъ въ веселой компаніи вернувшихся изъ гимназіи двухъ старшихъ мальчиковъ и маленькаго, общаго баловня, чудесныя наливки и славное варенье къ чаю, заготовленныя въ изобиліи къ пріѣзду Лаврентія Васильевича, сладкая дремота послѣ обѣда въ креслѣ и ласковый шопотъ жены: „усни, Лаврикъ, на кровати“, вечера въ клубѣ или дома съ нѣсколькими хорошими игроками за винтомъ по сотой, этакъ роберовъ двѣнадцать, вкусная закуска съ обильной выпивкой привезенной марсалы и затѣмъ безмятежный сонъ счастливаго человѣка на мягкой пуховой постели рядомъ съ своей „Машетой“, необыкновенно авантажной въ своемъ кокетливомъ ночномъ чепчикѣ, изъ-подъ котораго выбивались черныя косы, всегда нѣжной и ласковой (даже въ случаѣ проигрыша „Лаврикомъ“ за винтомъ)—не счастливая ли это, въ самомъ дѣлѣ, жизнь, за которую можно только благодарить судьбу!?

Такія мысли въ послѣднее время все чаще и чаще приходили въ голову благополучнаго Лаврентія Васильевича, и онъ все болѣе и болѣе разгорался желаніемъ скорѣе вкусить давно неиспытанныхъ тихихъ радостей семейной жизни и броситься въ объятія своей вѣрной „Машеты“. И сама эта тридцати-пятилѣтняя, полная и рыхлая „Машета“, съ моложавымъ и румянымъ, но самымъ банальнымъ лицомъ, которую мичмана, видѣвшіе Марью Петровну на проводахъ, дерзко окрестили „холмогорской коровой“, рисовалась теперь пылкому воображенію соломеннаго вдовца въ самомъ очаровательномъ, соблазнительномъ видѣ, далеко не соотвѣтствующемъ дѣйствительности.

— Черезъ недѣлю придемъ, не правда ли?—обращался ко всѣмъ возбужденно Лаврентій Васильевичъ.

— Придемъ... придемъ!.. А, не бойсь, много везете съ собой денегъ, докторъ?—спрашивали молодые люди.

— Такъ, кое-какія деньжонки есть!—съ уклончивой скромностью отвѣчалъ докторъ.

— У доктора, господа, въ кубышкѣ навѣрное тысячъ десять

лежитъ!—увѣренно выпаливаетъ „легкомысленный мичманъ", возвращавшійся, какъ и бóльшая часть молодежи, безъ гроша въ карманѣ.

— Ужъ и десять! Не жирно ли будетъ?

— А сколько?

— Слава Богу, если тысченки три наберется!—скромно говорилъ онъ, уменьшая, про всякій случай, на двѣ тысячи съ хвостикомъ цифру своихъ сбереженій.

— Не маловато ли, докторъ?

— А вы, видно, лучше меня знаете?—недовольно замѣчаетъ Лаврентій Васильевичъ, не особенно охотно посвящавшій постороннихъ въ свои денежныя дѣла.

— Мы думали—гораздо болѣе, и разсчитывали, что вы, по случаю возвращенія, насъ всѣхъ угостите шампанскимъ!

— Ну, ужъ это шалите!.. У меня на шампанское, господа, денегъ нѣтъ... У меня не шальныя деньги, какъ у васъ, у легкомысленнаго мичмана! Однако, что-жъ это не накрываютъ на столъ? —круто обрываетъ докторъ щекотливый разговоръ.—Ужъ время и обѣдать!—прибавляетъ онъ, взглядывая на часы.

И при мысли объ обѣдѣ маленькіе „свиные" глазки Лаврентія Васильевича загораются плотояднымъ огонькомъ. Онъ освѣдомляется, какія будутъ кушанья, и сладко подсасываетъ своими толстыми губами.

V.

Среди всѣхъ этихъ радостныхъ и веселыхъ лицъ моряковъ одинъ лишь старшій штурманскій офицеръ, Никандръ Мироннычъ Пташкинъ, сохранялъ обычный свой сдержанный, холодный и сумрачный видъ, не обнаруживая ничѣмъ, по крайней мѣрѣ на людяхъ, ни нетерпѣнія, ни радости по случаю возвращенія въ Россію и никогда не заговаривая объ этомъ, точно ему было все равно и точно его никто не ждалъ въ Кронштадтѣ.

Онъ былъ, какъ и всегда, молчаливъ и серьезенъ, этотъ непроницаемый и для многихъ загадочный человѣкъ, строгій педантъ по службѣ, аккуратный, какъ судовые хронометры, за которыми смотрѣлъ, точный, какъ его ежедневныя вычисленія, ни съ кѣмъ не сближавшійся за время трехлѣтняго плаванія и державшійся неизмѣнно особнякомъ, съ амбиціознымъ чувствомъ собственнаго достоинства и подозрительной осторожностью непомѣрно мнительнаго и самолюбиваго человѣка, не допускав-

шаго никакой короткой фамильярности, никакой шутки въ отношеніяхъ, особенно со стороны флотскихъ офицеровъ—этихъ „аристократовъ службы", къ которымъ, въ качествѣ „паріи-штурмана", онъ питалъ традиціонную, глухую ненависть, зависть и затаенное презрѣніе.

А между тѣмъ наврядъ ли былъ на корветѣ человѣкъ, который бы ждалъ прихода въ Кронштадтъ съ такимъ страстнымъ нетерпѣніемъ, какъ этотъ самый „непроницаемый" Никандръ Мироньгчъ, цѣломудренно-ревниво таившій отъ постороннихъ глазъ свои чувства, словно бы боясь профанировать ихъ и показаться смѣшнымъ въ образѣ влюбленнаго пожилого мужа.

Онъ, какъ школьникъ, считалъ у себя въ каютѣ остающіеся дни и часы до предположеннаго имъ прихода, мучительно страдалъ при каждой задержкѣ и безумно радовался при каждомъ лишнемъ узлѣ, замирая, какъ влюбленный юноша, при мысли о свиданіи съ молодой женой, которая была все въ его жизни: ея счастье, радость, ея единственный смыслъ. Онъ успѣлъ съ ней пробыть лишь два счастливые короткіе года и любилъ, вѣрнѣе, боготворилъ жену со всей глубиною и силою своей первой поздней страсти, полный благодарной признательности пожилого, сознающаго свою скромную внѣшность, человѣка къ молодому, расцвѣтающему созданію, которое сѣренькія мрачныя будни его прежней одинокой, никому ненужной жизни вѣчнаго труженика обратило во что-то свѣтлое и радостное, хотя по временамъ и жутко-мучительное, когда внезапно набѣгала мнительная мысль: „а что, какъ это счастье вдругъ кончится, и жена полюбитъ кого-нибудь молодого, красиваго, изящнаго, какъ она сама?

Ужасъ охватывалъ въ такія минуты Никандра Мироныча...

VI.

Въ день ухода изъ Кронштадта она пріѣзжала на корветъ проводить мужа—свѣжая, стройная, со вкусомъ одѣтая, красивая, молодая брюнетка, съ прелестными черными глазами, съ родинкой на щекѣ и раздувающимися розовыми ноздрями задорно приподнятаго носика надъ пунцовой, подернутой пушкомъ, губой. Она была задумчива, серьезна и слегка грустна, что, однако, не мѣшало ей по временамъ улыбаться, показывая маленькіе, ослѣпительной бѣлизны зубки, и украдкой отъ мужа бросать на любующихся ею молодыхъ моряковъ быстрые, какъ молнія, полные жизни, блеска и огня, кокетливые взгляды и тотчасъ же

скромно опускать ихъ, прикрывая глаза, словно сѣткой, длинными густыми рѣсницами и снова принимая прежній задумчивый и печальный видъ жены, опечаленной разлукой.

Но какимъ жалкимъ и несчастнымъ, рядомъ съ этой высокой и эффектной, сіявшей красотою и молодостью женщиною казался бѣдный Никандръ Миронычъ, маленькій, худой, поджарый и сутуловатый, со своими врозь разставленными, по морской привычкѣ, слегка изогнутыми, короткими ножками!

Обычное суровое выраженіе, въ которомъ чувствовалась энергія сильнаго характера, теперь исчезло съ его умнаго, но крайне невзрачнаго лица, сухощаваго, старообразнаго, точно сморщеннаго, съ непропорціонально большимъ, книзу опущеннымъ носомъ, неуклюже торчащимъ между плоскихъ, желтыхъ щекъ, испещренныхъ бородавками.

Взволнованное, сконфуженное и словно еще болѣе постарѣвшее, блѣдное, съ нервно-вздрагивающей губой, лицо штурмана свѣтилось выраженіемъ безпредѣльной любви и глубокой скорби, когда онъ взглядывалъ на жену долгимъ, неотрывающимся взглядомъ своихъ сѣрыхъ, теперь необыкновенно кроткихъ глазъ. И напрасно Никандръ Миронычъ, желая скрыть отъ постороннихъ волненіе и печаль, старался принять свой обычный суровый видъ или пробовалъ улыбаться. Улыбка, кривившая его губы, выходила неестественная, жалкая, и никакого „вида", кромѣ страдальчески безпомощнаго, у бѣднаго Никандра Мироныча не было.

Появленіе этой красивой, какъ куколка одѣтой, молодой женщины произвело нѣкоторую сенсацію среди офицеровъ и многочисленной публики провожавшихъ. Мужчины любовались ею, а „флотскія" дамы, кронштадтскія „патриціанки", оглядывали и госпожу Пташкину, и ея элегантный костюмъ завистливыми, удивленными глазами, словно бы изумляясь, что жена „какого-нибудь штурмана" можетъ быть такъ хороша и изящна.

Проходившій мимо, съ озабоченнымъ лицомъ, старшій офицеръ, увидавъ красивую брюнетку, невольно уменьшилъ шагъ, неизвѣстно зачѣмъ покрутилъ свой длинный усъ и пошелъ далѣе, взглянувъ на Никандра Мироныча завистливо и сердито, точно хотѣлъ сказать: „И зачѣмъ это у тебя, у штурмана, такая красавица жена!"

Въ небольшой кучкѣ молодежи между тѣмъ шелъ оживленный обмѣнъ впечатлѣній. Восхищались и глазами, и руками, и „вообще", и детально.

— И гдѣ это штурманъ могъ подцѣпить такую красавицу, скажите на милость?

Оказалось, что никто этого не зналъ и никто раньше не видалъ ее въ Кронштадтѣ.

— Но она-то хороша!.. Выйти замужъ за такое мурло, какъ Никандръ Миронычъ!—съ сердцемъ замѣтилъ „легкомысленный мичманъ".

— Настоящій карла Черноморъ передъ Людмилой!

— Не бойсь, уйдемъ,—явится и Русланъ!..

— Тише... Еще, пожалуй, услышитъ!..

— И по дѣломъ! Не женись на такой хорошенькой!

Замѣтилъ ли Никандръ Миронычъ всѣ эти любопытные, нечистые взгляды, бросаемые на жену, или до него долетѣло какое-нибудь изъ пошлыхъ восклицаній, но только лицо его вдругъ какъ-то болѣзненно перекосилось, и онъ прошепталъ:

— Пойдемъ ко мнѣ въ каюту, Юленька. Здѣсь столько народу...

— Какъ хочешь, мой другъ... Только не душно ли тамъ?

Голосъ Юленьки звучалъ мягко и нѣжно, словно гладилъ.

— Ты боишься духоты? Такъ останемся!—съ грустной покорностью промолвилъ Никандръ Миронычъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пойдемъ...

Они ушли внизъ и не вышли къ прощальному завтраку въ каютъ-компаніи.

— Ишь Отелло какой! Даже полюбоваться не даетъ! — смѣялись мичмана.

Уже гудѣли пары, выхаживали якорь, и провожавшіе родные и друзья стали по сходнѣ переходить на пароходъ, стоявшій бортъ-о-бортъ съ корветомъ, когда на палубѣ показался Никандръ Миронычъ съ женой.

Она имѣла разстроенный, печальный видъ, утирала обильно льющіяся слезы и повторяла: „Смотри же, пиши чаще, береги себя!" Никандръ Миронычъ ничего не говорилъ. Блѣдный какъ полотно, видимо осиливая душевную муку, онъ былъ безнадежно спокоенъ, какъ человѣкъ, мужественно идущій на казнь, къ которой успѣлъ приготовиться. Онъ довелъ жену до сходни, крѣпко сжалъ ея руку, хотѣлъ что-то сказать, но судорога сжала горло, и онъ только махнулъ головой и торопливо взошелъ на мостикъ, на свое мѣсто.

Пароходъ съ провожатыми отошелъ, и „Грозный" тихо тронулся впередъ, плавно разсѣкая воду...

— Счастливаго пути!.. Прощайте!.. Прощай!

Съ парохода кричали, кланялись, махали фуражками, зонтиками, платками. Съ корвета отвѣчали тѣмъ же.

Никандръ Миронычъ молча смотрѣлъ безсмысленнымъ взглядомъ на корму парохода, гдѣ стояла его жена и махала голубымъ зонтикомъ. Корветъ забралъ ходу, и безконечно дорогого лица не было видно. Только свѣтло-яркое пятно женской фигуры пестрѣло на кормѣ парохода, но и оно, черезъ нѣсколько минутъ, ушло отъ жадныхъ глазъ, слившись въ темной каймѣ человѣческихъ головъ. И самый пароходъ, уносившій отъ Никандра Мироныча единственно-любимое имъ существо, становился все меньше и меньше.

Круто отвернувшись отъ парохода, Никандръ Миронычъ незамѣтно смахнулъ рукой катившіяся по щекамъ предательскія слезы, глубоко и тяжко вздохнулъ и съ большимъ морскимъ биноклемъ въ рукѣ сталъ внимательно наблюдать за благополучнымъ проходомъ корвета по фарватеру кронштадтскаго рейда, снова принявъ свой обычный суровый видъ „мрачнаго штурмана", какимъ всѣ привыкли его видѣть.

VII.

Никандръ Миронычъ Пташкинъ принадлежалъ къ типу „ожесточеннаго", „непримиримаго" штурмана.

Человѣкъ умный, таившій въ глубинѣ души не мало честолюбія, натура вообще недюжинная, энергическая и богато одаренная, онъ сознавалъ и чувствовалъ въ себѣ, быть можетъ болѣзненно преувеличивая и мнительно питая это чувство, служебную безвыходность и приниженность.

Его возмущало это неравенство, развившееся на почвѣ сословныхъ привилегій и предразсудковъ [1]), создавшихъ въ старинное время во флотѣ дѣленіе на касты. Для привилегированныхъ патриціевъ, флотскихъ офицеровъ,—всѣ отличія и почести, такъ сказать, сливки службы, а для плебея-штурмана—вѣчное подчиненное положеніе, труженическая отвѣтственная работа и—ничего впереди!..

А между тѣмъ служба штурмана была весьма важная и тре-

---

[1]) Исключительное положеніе штурмановъ во флотѣ явилось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе сословнаго различія. Дѣло въ томъ, что прежде флотскими офицерами могли быть лишь потомственные дворяне. Представители другихъ сословій не имѣли доступа въ морскую (флотскую) службу. Штурмана же (какъ и механики, и морскіе артиллеристы) не принадлежали къ привилегированному классу и были изъ разночинцевъ—изъ такъ-называемыхъ „оберъ-офицерскихъ" дѣтей, изъ личныхъ дворянъ, изъ бывшихъ кантонистовъ и т. п. Въ настоящее время штурмана упразднены.

бовала основательныхъ знаній. Штурманъ прокладывалъ на картѣ путь, дѣлалъ счисленіе, описи береговъ и съемки, производилъ астрономическія наблюденія для опредѣленія мѣста корабля, наблюдалъ за морскими картами, за вѣрностью компасовъ, за хронометрами,—однимъ словомъ, вѣдалъ, главнымъ образомъ, кораблевожденіе, и вслѣдъ за капитаномъ первый подвергался строгой отвѣтственности по суду, въ случаѣ постановки судна на мель или другого какого-либо несчастія, бывшаго слѣдствіемъ ошибки или незнанія штурмана.

Эта серьезная часть морского дѣла всецѣло лежала на штурманахъ, особенно въ старое время, когда флотскіе офицеры гнушались „подлымъ", не-дворянскимъ, цифирнымъ дѣломъ (не даромъ и штурмановъ презрительно звали „цифирниками"), и бóльшая часть капитановъ плохо или даже совсѣмъ не знала штурманской части, ограничиваясь управленіемъ судовъ и военнымъ обученіемъ командъ. Безъ хорошаго штурмана многіе капитаны въ старину не могли бы плавать, и по этому поводу прежде ходило не мало анекдотовъ среди моряковъ.

Приниженное положеніе штурмановъ не ограничивалось ихъ служебной карьерой. И внѣ службы штурманъ, какъ человѣкъ не „бѣлой кости", былъ, такъ сказать, „отверженцемъ". Онъ не былъ принятъ въ привилегированной кастѣ флотскихъ. Его чуждались. Ни одинъ изъ моряковъ не подумалъ бы выдать дочь за штурманскаго офицера. Начальство третировало штурмана съ презрительной грубостью; сослуживцы—съ небрежнымъ превосходствомъ. Штурманъ считался человѣкомъ „низшей расы", „бурбономъ". Надъ нимъ издѣвались. Въ старину про штурмановъ даже была сложена пѣсенка, начинавшаяся словами:

Штурманъ! дальше отъ комода!
Штурманъ! чашку разобьешь!

Подъ вліяніемъ такого отношенія сложились типичныя черты штурмана стараго времени. Это былъ обыкновенно молчаливый, загнанный человѣкъ, зачастую выпивавшій, съ грубыми манерами, вѣчный труженикъ, педантичный морской служака, молча и повидимому безъ ропота тянувшій лямку и переносившій грубости капитановъ стараго закала, но въ глубинѣ души оскорбленный и нерѣдко ожесточенный, питавшій глухую и непримиримую вражду ко всѣмъ флотскимъ, только потому, что они флотскіе.

Вѣянія шестидесятыхъ годовъ не прошли безслѣдно и для замкнутаго морского мірка съ его кастовыми предразсудками. Многое измѣнилось въ немъ подъ вліяніемъ новыхъ идей, охватив-

шихъ общество и правительство. Обращеніе съ матросомъ, отличавшееся особенной суровостью, доходившею до звѣрства, смягчилось. Измѣнились, конечно, и прежнія безобразныя отношенія между „патриціями“ и „плебеями“ морской службы. Никто не осмѣлился бы запѣть: „Штурманъ! дальше отъ комода!..“ Но вкоренившіеся въ сознаніе людей кастовые предразсудки не могли исчезнуть сразу, и въ самыхъ повидимому любезныхъ и равноправныхъ отношеніяхъ моряковъ къ штурманамъ все-таки невольно проглядывало старое, годами унаслѣдованное, сознаніе своего привилегированнаго положенія, что̀, разумѣется, чувствовалось штурманами и не охлаждало традиціонной вражды, тѣмъ болѣе, что и служебное положеніе штурмановъ не измѣнилось.

Реформы не коснулись этихъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“ тружениковъ морской службы.

— Всѣхъ ньньче освобождаютъ, только штурмановъ, видно, не хотятъ! Да и не стоитъ! Развѣ штурманъ, въ глазахъ многихъ, человѣкъ?.. Штурманъ—терпѣливое и безропотное животное... Кто подниметъ за него голосъ?..

Такъ изрѣдка говаривалъ съ ядовитой, насмѣшливой ироніей Никандръ Миронычъ, обращаясь къ своему помощнику, молодому штурманскому прапорщику, но очевидно говоря для всѣхъ сидѣвшихъ въ каютъ-компаніи моряковъ и словно бы вызывая на отвѣтъ.

И угрюмое лицо Пташкина, и его тихій, слегка скрипучій голосъ были полны злости.

Никто не подавалъ отвѣта, и Никандръ Миронычъ снова упорно молчалъ.

VIII.

Между „мрачнымъ штурманомъ“ (такъ звали за глаза Никандра Мироныча) и большинствомъ сослуживцевъ установились холодныя отношенія, остававшіяся неизмѣнными во все время долгаго плаванія. Штурмана не долюбливали.

Всѣ признавали, что Никандръ Миронычъ превосходный и образованный штурманъ; всѣ соглашались, что Никандръ Миронычъ человѣкъ безукоризненной честности; но его отчужденіе, его, чувствуемая всѣми, глухая непріязнь, тяжелый, угрюмый, озлобленный характеръ и, наконецъ, нѣкоторые его взгляды, казавшіеся многимъ морякамъ через-чуръ либеральными, все это невольно возбуждало и къ нему, въ свою очередь, не особенно дружелюбныя чувства.

Несмотря, однако, на такое не особенно лестное мнѣніе о характерѣ Никандра Мироныча, составившееся въ каютъ-компаніи, этотъ молчаливый и серьезный человѣкъ внушалъ къ себѣ невольное уваженіе и нѣкоторую боязливость имѣть съ „мрачнымъ штурманомъ" столкновеніе. Всѣ были съ нимъ особенно осторожны, избѣгая затѣвать съ Никандромъ Миронычемъ споры, особенно на нѣкоторыя щекотливыя темы, и не позволяя себѣ со штурманомъ никакой шутки, никакой фамильярности, обычной въ тѣсномъ каютъ-компанійскомъ кружкѣ. Каждый хорошо зналъ, что Никандръ Миронычъ этого не любилъ, и что, несмотря на свою сдержанность и умѣніе владѣть собой, можетъ серьезно разсердиться, а задѣвать его не безопасно.

И никто никогда не рѣшался шутить съ нимъ. Молодежь какъ-то невольно стѣснялась при немъ вести фривольные разговоры о женщинахъ, зная, что такихъ разговоровъ Никандръ Миронычъ особенно не могъ терпѣть. Онъ ничего, по обыкновенію, не говорилъ въ такомъ случаѣ, но сумрачное, серьезное лицо штурмана, среди всеобщаго веселаго смѣха, лицо, безмолвно не одобрявшее, казалось, пошлые разговоры, производило охлаждающее дѣйствіе, и всѣмъ дѣлалось легко, когда штурманъ при подобныхъ разговорахъ уходилъ изъ каютъ-компаніи. Вдобавокъ Никандра Мироныча знали и по его репутаціи—за человѣка „безпокойнаго характера", который очень ревнивъ къ собственному достоинству и не позволитъ никому наступить себѣ на ногу, даже и начальству, хотя бы при этомъ и пришлось рисковать многимъ.

На корветѣ слышали о разныхъ прежнихъ столкновеніяхъ „мрачнаго штурмана" съ начальствомъ и, между прочимъ, о столкновеніи, бывшемъ во время одного изъ прежнихъ плаваній Никандра Мироныча, между нимъ, тогда скромнымъ младшимъ штурманомъ, и начальникомъ эскадры, „свирѣпымъ" адмираломъ, котораго всѣ офицеры боялись какъ огня, особенно въ минуты адмиральскаго гнѣва, когда вспыльчивый адмиралъ утрачивалъ всякую сдержанность и „разносилъ", не разбирая выраженій. На корветѣ разсказывали, какъ всѣ присутствующіе тогда на флагманскомъ суднѣ были изумлены, когда, въ отвѣтъ на неприличную грубость забывшагося адмирала, этотъ маленькій, невзрачный Никандръ Миронычъ, побѣлѣвшій какъ рубашка, отвѣтилъ на грубость еще болѣе рѣзкой грубостью, рискуя за такое нарушеніе безпощадной морской дисциплины надѣть матросскую куртку. Изумился едва ли не больше всѣхъ и адмиралъ, не ожидавшій встрѣтить такого отпора со стороны „ничтожнаго штурмана", и въ изумленіи спустился къ себѣ въ каюту. По счастію, этотъ

„свирѣпый“ адмиралъ былъ справедливымъ и честнымъ человѣкомъ, способнымъ сознать свою вину. Онъ понялъ, что дерзость оскорбленнаго штурмана была вызвана имъ же самимъ, и не далъ никакого хода этой исторіи. Отважный штурманъ не пострадалъ. Напротивъ, по возвращеніи изъ плаванія, генералъ далъ о Пташкинѣ самую лестную аттестацію, представляя его къ ордену.

Командиръ „Грознаго“, лихой парусный морякъ старой школы, но плохо знавшій штурманскую часть, очень дорожилъ Никандромъ Миронычемъ, какъ превосходнымъ штурманомъ, на котораго можно было положиться какъ на каменную гору, и который „не подведетъ“. Человѣкъ раздражительный и рѣзкій, не стѣснявшійся иногда, во время „разноса“, кричать на господъ офицеровъ, замѣченныхъ въ неисправности по службѣ, капитанъ, однако, ничего подобнаго не позволялъ себѣ съ Никандромъ Миронычемъ и былъ съ нимъ всегда вѣжливъ и крайне остороженъ. Безпокойный характеръ „мрачнаго штурмана“ былъ, конечно, извѣстенъ и капитану.

Впрочемъ надо и то сказать: Никандръ Миронычъ былъ такой добросовѣстный и исправный служака, онъ съ такой бдительностью сторожилъ корветъ около опасныхъ мѣстъ, до того былъ остороженъ и пунктуаленъ во всемъ, что̀ касалось его обязанностей, что даже и при желаніи рѣшительно невозможно было придраться къ „мрачному штурману“.

Съ этой стороны онъ былъ неуязвимъ.

Такимъ образомъ Никандръ Миронычъ съумѣлъ себя поставить въ независимое положеніе и находился со всѣми въ вѣжливо холодныхъ отношеніяхъ вооруженнаго нейтралитета.

Только съ двумя членами каютъ-компаніи онъ не былъ сдержанъ, сухъ и подозрителенъ, и когда разрѣшалъ себя отъ молчанія, то заговаривалъ всегда лишь съ ними, оказывая имъ неизмѣнно знаки своего благоволенія. Такими фаворитами Никандра Мироныча были: механикъ, Иванъ Савичъ Холодильниковъ, милѣйшій человѣкъ неизсякаемой доброты, глядѣвшій вообще на жизнь съ величайшимъ философскимъ оптимизмомъ, и только-что произведенный изъ гардемариновъ мичманъ Крутиковъ.

Послѣднему Никандръ Миронычъ прощалъ не только его принадлежность къ „флотскимъ“, но даже и отца адмирала и вообще вліятельное во флотѣ родство, вѣроятно за то, что этотъ юный, пылкій идеалистъ исповѣдовалъ самые демократическіе взгляды, велъ со всѣми ожесточенные споры, въ защиту ихъ, никогда не ругалъ матросовъ и всегда былъ ярымъ ихъ защитникомъ и представителемъ, что̀ вызывало со стороны нѣкоторыхъ „дантистовъ“,

считавшихъ зуботычины несомнѣнной обязанностью каждаго „настоящаго“ моряка, не мало насмѣшекъ и обвиненій въ „штатскихъ“ взглядахъ, нисколько не пригодныхъ на палубѣ военнаго судна. Кромѣ того, этотъ демократъ-мичманъ заслужилъ благоволеніе мрачнаго штурмана, кажется, еще и тѣмъ, что, не въ примѣръ своимъ товарищамъ, интересовался не одними только „морскими“ вопросами, почитывалъ книжки и вдобавокъ превосходно дѣлалъ астрономическія наблюденія и никогда не принималъ участія въ скабрёзныхъ разговорахъ про женщинъ, что, было особенно ненавистно цѣломудренному Никандру Миронычу.

И „мрачный штурманъ“ сперва было-считавшій юношу за „маменькина сынка“, которому впослѣдствіи будетъ „бабушка ворожить“, присмотрѣвшись къ нему, сталъ иногда водить съ нимъ разные серьезные разговоры, давалъ совѣты, чтò читать, и вообще относился къ нему съ сочувственнымъ дружелюбіемъ.

Разсказывая иногда въ каютъ-компаніи свои, какъ онъ называлъ, „любопытныя“ исторійки, въ которыхъ представители флотскихъ играли всегда несимпатичную роль, Никандръ Миронычъ обращался къ Кривскому, и „мрачному штурману“ повидимому доставляло своеобразное удовольствіе видѣть, какъ возмущался и негодовалъ юноша, слушая о разныхъ темныхъ продѣлкахъ капитановъ и ревизоровъ, о злоупотребленіяхъ въ порту и госпиталѣ, о звѣрскомъ обращеніи съ матросами. А Никандръ Миронычъ зналъ много такихъ „любопытныхъ исторіекъ“ и изрѣдка разсказывалъ ихъ своимъ тихимъ, ровнымъ голосомъ, подъ наружнымъ спокойствіемъ котораго чувствовалось ехидное злорадство, говорившее, казалось: „Смотри, каковы бываютъ флотскіе“.

„Мрачный штурманъ“ никогда не лгалъ, и подлинность его „исторіекъ“ про разныхъ патентованныхъ, такъ сказать, казнокрадовъ, по счастію не особенно многочисленныхъ во флотѣ, была болѣе или менѣе извѣстна морякамъ. Поэтому никто не могъ ничего возразить штурману по существу, но и его спокойная манера разсказывать, и его скрипучій голосъ, и его ядовитая иронія производили всегда на присутствующихъ тягостное, непріятное впечатлѣніе. Старшій офицеръ старался, бывало, замять подобный разговоръ, но это не всегда ему удавалось. Никандръ Миронычъ не обращалъ повидимому никакого вниманія на производимое имъ впечатлѣніе и продолжалъ просвѣщать юношу насчетъ разныхъ безобразій, а окончивъ разсказъ, обыкновенно прибавлялъ:

— А какого-нибудь несчастнаго шкипера за украденный

кусокъ парусины—подъ судъ! Не обкрадывай, молъ, казны, шкиперъ!.. Да-съ...

Когда, наконецъ, Никандръ Миронычъ окончательно умолкалъ, не обнаруживая намѣренія продолжать еще свои обличительные разсказы, всѣ невольно испытывали чувство облегченія. И только-что онъ уходилъ изъ каютъ-компаніи, какъ раздавались замѣчанія:

— Слава Богу, кончилъ! А то каркалъ, каркалъ... всю душу вымоталъ!

— Давно ужъ не каркалъ. Вѣрно, къ шторму!

— У мрачнаго штурмана желчь разлилась. Вы бы ему что-нибудь прописали, докторъ.

— Онъ неизлечимъ!—съ сердцемъ отвѣчалъ Лаврентій Васильевичъ, питавшій къ штурману, несмотря на свое благодушіе, непріязненныя чувства за то снисходительное презрѣніе, которое проглядывало въ отношеніяхъ къ нему Никандра Мироныча.

— По-неволѣ разольется желчь, если такія мерзости на свѣтѣ! — восклицалъ Кривскій, готовый всегда заступиться за всѣми нелюбимаго штурмана.—Развѣ тò, чтò сейчасъ разсказывалъ, Никандръ Миронычъ, не возмутительно?.. Развѣ...

— Да пожалѣйте насъ, голубчикъ! Ужъ мы наслушались вашего мрачнаго штурмана. Мало ли возмутительныхъ вещей на свѣтѣ!..

IX.

Невыносимо долги и тяжелы для „мрачнаго штурмана“ были эти три года плаванія. Море, прежде столь любимое имъ за сильныя и разнообразныя ощущенія, которыми оно часто даритъ своихъ поклонниковъ, теперь было ему ненавистно. Океанъ, нѣкогда возбуждавшій возвышенныя мысли, то-и-дѣло нашептывалъ ему о разлукѣ и наводилъ тоску. И „мрачный штурманъ“ чаще чѣмъ прежде проклиналъ эту проклятую службу, безжалостно оторвавшую его, черезъ два года послѣ свадьбы, отъ страстно любимой жены.

Это назначеніе въ кругосвѣтное плаваніе было для Никандра Мироныча совершенной неожиданностью. Онъ такъ далекъ былъ отъ подобной мысли. Онъ два раза уже ходилъ кругомъ свѣта, и, разумѣется, не могъ ожидать, что его пошлютъ въ третій... Прочитавъ приказъ, написанный писарской рукою, онъ въ первую минуту былъ ошеломленъ.

„Разстаться съ Юленькой!"—безпомощно повторялъ онъ, и тоска охватила его сердце.

Это казалось ему чудовищнымъ, невозможнымъ дѣломъ. Онъ именно мечталъ никогда не разставаться съ любимымъ созданіемъ—вѣдь никто добровольно не бѣжитъ отъ счастья?—и собирался для этого совсѣмъ не ходить больше въ море, а прочно основаться на береговомъ мѣстѣ—сдѣлаться преподавателемъ въ штурманскомъ училищѣ, имѣть еще частные уроки, однимъ словомъ, работать изо всѣхъ силъ, чтобъ жена могла жить беззаботно, чтобы онъ могъ исполнять ея желанія. Вѣдь она такъ молода, эта веселая, ласковая Юленька. Ее еще тѣшатъ наряды. Ей хочется блеска и свѣта.

Никандръ Миронычъ ни слова не сказалъ женѣ, надѣлъ мундиръ и отправился къ начальству объясниться. Онъ шелъ, полный надежды, что его объясненія будутъ уважены, а приказъ—отмѣненъ. Желающихъ идти въ заграничное плаваніе вѣдь такъ много!

Въ пріемную, гдѣ дожидалось нѣсколько офицеровъ, вышелъ начальникъ штаба съ серьезнымъ и строгимъ видомъ озабоченности на лицѣ; это былъ молодой еще адмиралъ, изъ „подававшихъ большія надежды", очень недавно назначенный на видный постъ начальника штаба, открывавшій дальнѣйшія перспективы блестящей карьеры, и вѣроятно потому уже успѣвшій въ короткое время превратиться изъ прежняго Петра Петровича, неглупаго, обходительнаго человѣка и хорошаго капитана, въ недоступнаго и необыкновенно серьезнаго административнаго авгура, поглощеннаго, казалось, въ тайны высшихъ соображеній.

И этотъ видъ недоступности вмѣстѣ съ боязнью не уронить своего достоинства, и эта преувеличенная, очевидно, ненатуральная, серьезность, и нѣкоторая нервность еще неувѣренныхъ движеній и жестовъ, и этотъ властный, громкій и отчетливый, видимо восхищавшій самого адмирала, тонъ, съ какимъ онъ говорилъ, обращаясь къ почтительно стоявшимъ офицерамъ: „*Я* посмотрю"... Все, чтò отъ *меня* будетъ зависѣть"... *Я* сдѣлаю распоряженіе",—все, словомъ, свидѣтельствовало, что адмиралъ еще переживалъ медовые мѣсяцы упоенія властью, и ему доставляло наслажденіе сознавать свое значеніе и играть въ начальника.

— Вамъ чтò угодно?

— Я, ваше превосходительство, назначенъ на корветъ „Грозный",—началъ-было Никандръ Миронычъ.

— Какъ же-съ, знаю... знаю... Васъ выбрали, какъ опытнаго и отличнаго офицера!—любезно подчеркнулъ, перебивая,

адмиралъ, видимо довольный своимъ правомъ давать аттестаціи, и, поднявъ на Никандра Мироныча взглядъ, ждалъ, что штурманъ немедленно просіяетъ послѣ такого комплимента.

Но—подите! „мрачный штурманъ“ не моргнулъ глазомъ и угрюмо сказалъ:

— Имѣю честь доложить вашему превосходительству, что я два раза ходилъ въ дальнее плаваніе, и потому считаю себя въ правѣ просить объ отмѣнѣ моего назначенія.

Рѣшительно, „мрачный штурманъ“ не умѣлъ говорить съ начальствомъ. Въ его тонѣ не было чего-то „того“, что̀ располагаетъ сердца многихъ высшихъ лицъ!

И дѣло его сразу было пробиграно.

Не понравилось ли молодому адмиралу, что въ выраженіи лица и въ тонѣ штурмана не было сугубой почтительности, хотя и необязательной по уставу, однако вовсе не лишней въ жизни, или ему показалось, что достоинство и значеніе начальника штаба, отъ котораго многое зависитъ, нѣсколько задѣты тѣмъ, что этотъ невзрачный и угрюмый штурманъ не просіялъ отъ похвалы адмирала, и вмѣсто того, чтобы просто почтительно просить, „считалъ себя въ правѣ“ просить,—но только адмиралъ, за минуту передъ тѣмъ готовый оказать вниманіе „исправному и отличному офицеру“,—внезапно почувствовалъ къ нему непріязненное чувство, при чемъ и лицо, и носъ, и бородавки Никандра Мироныча показались теперь адмиралу непріятными.

И онъ, сдвинувъ брови, сталъ еще серьезнѣе, заложилъ, вѣроятно для большей внушительности, большой палецъ за бортъ сюртука и, отступивъ шагъ назадъ, спросилъ:

— По какимъ же причинамъ вы считаете себя въ правѣ просить?

Онъ подчеркнулъ слово: „считаете себя въ правѣ“.

— По домашнимъ обстоятельствамъ, ваше превосходительство!—коротко отрѣзалъ штурманъ и опять безъ всякой нѣжной интонаціи въ голосѣ.

— На службѣ нѣтъ-съ домашнихъ обстоятельствъ. Вы, какъ старый офицеръ, должны это знать-съ!—строго замѣтилъ адмиралъ.—Кто разбираетъ назначенія, тотъ долженъ оставить службу. Иначе у всѣхъ будутъ домашнія обстоятельства... Я ничего не могу для васъ сдѣлать. Вы назначены по приказанію высшаго морского начальства!—прибавилъ адмиралъ значительно смягченнымъ тономъ, замѣтивъ безмолвное отчаяніе на лицѣ мрачнаго штурмана.

— Вы женатый?

Въ его голосѣ звучала теперь простая человѣческая нота участія. Быть можетъ, при видѣ штурмана, онъ вспомнилъ, какъ самъ, два года тому назадъ, хлопоталъ, чтобъ его не назначали въ дальнее плаваніе.

— Женатый...

— Я вамъ могу посовѣтовать одно: поѣзжайте въ Петербургъ и просите начальство... Быть можетъ, ваша просьба и будетъ уважена, а я не имѣю права отмѣнять назначенія.

Никандръ Миронычъ вышелъ изъ пріемной съ слабой надеждой.

„Развѣ уважатъ его просьбу безъ чьего-нибудь вліятельнаго ходатайства? Навѣрное, и тамъ ему скажутъ, что на службѣ нѣтъ семейныхъ обстоятельствъ, а тѣмъ болѣе для штурмана“...

Однако онъ рѣшился испробовать послѣднюю попытку. На слѣдующее утро онъ осторожно всталъ, чтобъ не потревожить спавшую Юленьку, и съ первымъ пароходомъ отправился въ Петербургъ... Наканунѣ онъ сказалъ женѣ, что ѣдетъ по служебнымъ дѣламъ, но о назначеніи своемъ не говорилъ.

„Къ чему огорчать ее прежде времени?“ —думалъ онъ, вполнѣ увѣренный, что это извѣстіе опечалитъ жену.—„Быть можетъ... все устроится!“..

Адмиралъ, въ обширный кабинетъ котораго вошелъ Никандръ Миронычъ, извѣстный въ тѣ времена веселымъ характеромъ, отличался, несмотря на свое важное положеніе, доступностью, и щеголялъ въ обращеніи съ подчиненными, особенно съ молодыми, фамильярной простотой и нѣкоторою распущенностью властнаго лица, увѣреннаго, что всякія его шутки могутъ только доставить удовольствіе.

Онъ, по обыкновенію, сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ въ халатѣ, съ открытою голою грудью, съ коротко остриженной головой, съ красивымъ когда-то лицомъ, теперь желтымъ и оплывшимъ, и о чемъ-то весело болталъ съ нѣсколькими лицами, почтительно стоявшими около стола.

— Что скажете, батюшка!—ласково проговорилъ адмиралъ, замѣтивъ вошедшаго штурмана, скромно остановившагося у дверей. —Милости просимъ... Подходите поближе... Не бойтесь—не кусаюсь. Ваша фамилія?

— Штабсъ-капитанъ Пташкинъ.

— По какому дѣлу изволили пожаловать, батюшка?

Никандръ Миронычъ изложилъ свою просьбу, пояснивъ, что онъ женатый человѣкъ.

— Съ женой, значитъ, жаль разставаться, а? — замѣтилъ, смѣясь, адмиралъ.

И, подмигнувъ глазомъ, прибавилъ:

— Молодая, что-ли, у васъ женка, господинъ Пташкинъ, что вамъ такъ не хочется уходить, а? Давно женаты?

Адмиралъ смотрѣлъ на штурмана съ насмѣшливымъ добродушіемъ. На его веселомъ лицѣ свѣтилась лукавая усмѣшка.

Никандръ Мироньічъ смѣшался и потупилъ глаза. Этотъ фамильярно-игривый тонъ оскорблялъ его чувства. Онъ сдѣлался еще угрюмѣе и вмѣсто того, чтобы отвѣтить въ томъ же игривомъ тонѣ, проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Два года, ваше превосходительство!

— Всего два года? — переспросилъ адмиралъ, словно бы удивляясь, что штурманъ такъ поздно женился, и снова смѣрилъ Никандра Мироныча своимъ зоркимъ, умнымъ взглядомъ, который, казалось, говорилъ: „Однако ты, братъ, очень неказистъ“.

Онъ помолчалъ и сказалъ:

— Конечно, непріятно разставаться послѣ такого короткаго срока, чтò и говорить; а все-таки, любезнѣйшій, мой дружескій совѣтъ вамъ—идти. Васъ назначили, какъ опытнаго и усерднаго офицера, и вы не артачьтесь и ступайте съ Богомъ! — прибавилъ адмиралъ тѣмъ же простоватымъ, фамильярнымъ тономъ, въ которомъ, однако, слышалось приказаніе, не допускающее возраженія.—Чтò дѣлать?.. Потерпите три года... Зато послѣ трехъ лѣтъ женушка еще милѣе покажется... это вѣрно...

И адмиралъ снова засмѣялся.

— Да чтò вы, батенька, такимъ бирюкомъ глядите, а?..—шутилъ адмиралъ, желая ободрить штурмана и объясняя себѣ угрюмый его видъ робостью передъ начальствомъ.—Не вы одинъ разстаетесь съ женой. Вонъ Петровскій,—указалъ, смѣясь, адмиралъ на стоявшаго въ полной парадной формѣ лейтенанта,—плачетъ, а идетъ. И года еще нѣтъ, какъ сдѣлалъ глупость—женился, а назначили—и оставляетъ неутѣшную красавицу. Такъ-то-съ... А какъ вернетесь, если Богъ дастъ, будемъ съ вами живы и здоровы, я обѣщаю устроить вамъ береговое мѣсто, коли ужъ вы такой домосѣдъ. А пока поплавайте... потрудитесь... Ну, съ Богомъ, родной... Не поминайте лихомъ... Да на японокъ не очень засматривайтесь!—крикнулъ шутливо адмиралъ въ догонку уходившему штурману.

Только-что Никандръ Миронычъ съ отчаяніемъ и безсильною злобою въ сердцѣ вышелъ за двери, какъ адмиралъ, обратившись къ присутствующимъ, замѣтилъ съ веселымъ смѣхомъ:

— И отчего это у нашихъ штурмановъ такія отчаянныя физіономіи, а? Замѣтили, господа, чтò за физіономія у этого

штурмана? И видъ—какъ у факельщика... Недоволенъ, поди, а жена, я думаю, молебенъ отслужитъ за начальство... что освободило ее отъ такого красавчика. Развѣ ужъ сама—унеси ты мое горе!

— У Пташкина, ваше превосходительство, прехорошенькая жена!—почтительно замѣтилъ одинъ капитанъ-лейтенантъ.

— Хорошенькая у такого мурлы? Ахъ, онъ...

И адмиралъ весело докончилъ фразу нескромнымъ выраженіемъ.

— Такъ хорошенькая?—смѣялся адмиралъ.—То-то ему такъ не хочется идти. Боится видно, какъ бы, въ его отсутствіе, мичманà... того...

И, приставивъ къ остриженной головѣ два пальца, адмиралъ залился хохотомъ.

Мысль объ отставкѣ закрадывалась въ голову бѣднаго Никандра Мироныча и занимала его всю дорогу отъ Петербурга до Кронштадта. О, съ какимъ удовольствіемъ бросилъ бы онъ теперь эту ненавистную службу!.. Отказъ въ его просьбѣ казался ему несправедливостью, возможною только со штурманомъ... Еслибы просился флотскій—ему бы не отказали. Онъ зналъ много примѣровъ... Но подать въ отставку былъ шагъ чрезвычайно серьезный... Ему оставалось дослужить всего три года, чтобы, при отставкѣ, имѣть право на пенсіонъ и эмеритуру... Неужели лишиться этого права?.. Вѣдь онъ не одинъ! И скоро ли онъ найдетъ мѣсто?.. И гдѣ его искать человѣку безъ связей, отставному штурману?.. Но, главное, имѣетъ ли онъ право подвергать Юленьку всѣмъ случайностямъ невѣрнаго существованія?.. Еще еслибъ у него были какія-нибудь деньги, которыя бы позволили выжидать мѣста, но у него больше денегъ нѣтъ. Всѣ сбереженія, скопленныя имъ во время дальнихъ плаваній, именно въ виду давно лелѣянной мысли бросить службу, пошли на устройство уютнаго гнѣздышка для любимой женщины, на подарки, на ея наряды, украшенія, прихоти...

Но всѣ эти благоразумныя соображенія теряли свою важность передъ мучительною мыслью о долгой разлукѣ, и Никандръ Мироньичъ, всегда основательный и разсудительный, теперь не прочь былъ не только рискнуть отставкой, но и совершить какую угодно глупость, лишь бы не разставаться съ женой.

„Что-то скажетъ бѣдная Юленька?“

Признаться, вѣсть о назначеніи мужа въ дальнее плаваніе не особенно опечалила „бѣдную Юленьку“. Вѣроятно, поэтому-то она съ большимъ искусствомъ выразила безграничное сожалѣніе при

этомъ извѣстіи. Ея хорошенькое личико, полное „ангельской", по выраженію Никандра Мироныча, кротости, такъ омрачилось, въ глазахъ свѣтилась такая печаль, что влюбленный штурманъ, проведшій молодость въ плаваніяхъ, не знавшій совсѣмъ ни женщинъ, ни женскаго лицемѣрія и вѣрившій въ свою Юленьку какъ въ Бога,—спѣшилъ ее успокоить. Счастливый и радостный, онъ объяснилъ, что еще можно избѣгнуть этого несчастія...

— Стòитъ только наплевать на нихъ и подать въ отставку! Чтò ты на это скажешь, Юленька?—проговорилъ онъ, заглядывая ей въ лицо съ веселой улыбкой.

— Въ отставку?—вырвалось у Юленьки восклицаніе, обнаружившее скорѣе удивленіе, чѣмъ радость.—О, конечно, это было бы отлично!—поспѣшила прибавить молодая женщина.

И тотчасъ же спросила съ наивнымъ видомъ балованнаго ребенка:

— У насъ, значитъ, есть хорошее мѣсто, Никаша?

Этотъ прозаическій вопросъ нѣсколько смутилъ Никандра Мироныча. Онъ добросовѣстно признался, что не только хорошаго, но никакого мѣста еще нѣтъ въ виду, но чтò за бѣда! Онъ достанетъ себѣ мѣсто... Онъ будетъ хлопотать, гдѣ возможно... Сегодня же онъ напишетъ къ пріятелю, который служитъ въ черноморскомъ обществѣ...

— Конечно, Юленька, это дѣлается не такъ скоро... Придется, быть можетъ, подождать... нѣсколько стѣсниться; но вѣдь зато мы будемъ вмѣстѣ, моя родная!—застѣнчиво и взволнованно прибавилъ Никандръ Миронычъ.

Эта перспектива повидимому не особенно улыбалась молодой женщинѣ. Она, конечно, по-своему была расположена къ мужу, но далеко не настолько, чтобы приносить на алтарь привязанности какія-нибудь жертвы. Не для того она вышла замужъ. И практическая Юленька рѣшила удержать своего благовѣрнаго отъ глупости, которую онъ готовъ былъ сдѣлать изъ-за своей сумасшедшей любви.

Она съ чувствомъ пожала руку Никандра Мироныча, подаривъ его взглядомъ, полнымъ благодарности, и снова повторила, что это самое лучшее, чтò онъ могъ придумать... Она такъ рада не испытывать такой долгой разлуки...

— Одно только меня смущаетъ, голубчикъ...

— Чтò, милая?

— Я боюсь за тебя... Удобно ли тебѣ бросать службу?.. Она все-таки даетъ вѣрный кусокъ хлѣба и обезпеченіе въ будущемъ... Каково тебѣ будетъ, если ты не скоро получишь мѣсто...

— Ты, значитъ, не совѣтуешь, Юленька?

Юленька даже обидѣлась. Развѣ она не совѣтуетъ?! Развѣ она можетъ рѣшать такой серьезный вопросъ?.. Пусть Никаша поступаетъ, ка̀къ найдетъ лучшимъ... Конечно, бросать службу, не имѣя ничего опредѣленнаго впереди, страшно, но она съ удовольствіемъ готова жить въ одной комнатѣ, продать всѣ свои вещи и платья, все, что̀ онъ подарилъ ей, она сама будетъ готовить... Разумѣется, во всемъ этомъ нѣтъ особенной прелести, но что̀ дѣлать?.. Она видѣла и прежде нужду... Она...

— Что̀ ты, что̀ ты, Юленька?.. Да развѣ я допущу тебя до этого, мое сокровище?—воскликнулъ Никандръ Миронычъ, тронутый до глубины души словами жены и чувствуя себя передъ нею безконечно виноватымъ.

Ка̀къ онъ могъ серьезно подумать о такой глупости, какъ отставка! Онъ—отчаянный эгоистъ, думающій лишь о себѣ. Эта будущая картина нужды, нарисованная женой, наполнила сердце Никандра Мироныча ужасомъ. Эта великодушная, милая Юленька будетъ страдать только потому, что онъ не имѣетъ силы вынести три года разлуки!.. Онъ готовъ былъ поставить на карту свое положеніе, свои долгіе годы службы, чтобы подвергнуть любимое существо случайностямъ невѣрнаго существованія!.. О, какъ онъ гадокъ въ сравненіи съ этимъ чистымъ созданіемъ!..

И умиленный, растроганный Никандръ Миронычъ рѣшительно объявилъ, что онъ принимаетъ назначеніе.

— Мало ли какія глупости не придутъ въ голову!.. Какая отставка, Юленька! Отставка—безумный вздоръ... Какъ ни тяжело оставлять тебя, мою цыпочку, а необходимо!—говорилъ Никандръ Миронычъ, глядя на жену съ восхищеніемъ и любовью.— По крайней мѣрѣ, и дѣлишки свои поправимъ: морское содержаніе хорошее, всего не истратимъ... Привезу тебѣ кое-что... да... И служба не будетъ потеряна... А вернусь—ужъ мы больше не разстанемся... Не правда ли, Юленька?—прибавилъ онъ, стараясь улыбнуться и скрыть свое отчаяніе...

Эта безпредѣльная привязанность, это горе тронули молодую женщину. Въ душѣ ея шевельнулось что-то въ родѣ упрека за то, что она недостаточно цѣнитъ эту любовь. Она заплакала. Увѣренная, что онъ непремѣнно пойдетъ въ плаваніе, она стала теперь уговаривать его не идти съ тою искренностью наивнаго лицемѣрія, свойственнаго лживымъ натурамъ, которое заставляетъ иногда разыгрывать совершенно ненужныя комедіи.

— Я не хочу, чтобы ты уходилъ изъ-за меня... Я не хочу... Слышишь ли? не хочу! Мнѣ будетъ такъ скучно одной!—шеп-

тала она, утирая слезы, и ей въ самомъ дѣлѣ казалось, что жаль разставаться, хотя въ ту же самую минуту, какъ она говорила объ этомъ и плакала, она подумала, какъ будетъ веселиться одна, ѣздить часто въ Петербургъ, бывать въ театрахъ и клубахъ, какъ она заведетъ новыя интересныя знакомства; словомъ, вполнѣ насладится свободой, не стѣсняемая присутствіемъ мужа.

Никандръ Мироньчъ, тронутый такою привязанностью своей Юленьки, былъ, однако, непоколебимъ. Едва сдерживаясь, чтобы не выдать своего горя, онъ же успокоивалъ Юленьку, какъ только могъ.

И она мало-по-малу успокоилась и согласилась съ нимъ, что надо покориться.

На слѣдующій же день Никандръ Мироньчъ явился къ командиру „Грознаго“ и объявилъ, что назначенъ старшимъ штурманскимъ офицеромъ.

X.

Три мѣсяца передъ разлукой пролетѣли для Никандра Мироньча какъ чудный сонъ. Юленька удвоила свою заботливость. Она не оставляла теперь мужа и сидѣла дома. Предупредительная, нѣжная, простиравшая вниманіе до мелочей, она расточала въ это время столько любви, столько горячей ласки, что Никандръ Мироньчъ въ умиленіи повторялъ:

— Господи! За что̀ такое счастье? Чѣмъ заслужилъ я такую любовь Юленьки?

Подобный вопросъ онъ задавалъ себѣ и раньше, когда получилъ радостное согласіе Юленьки быть его женой, вмѣстѣ съ первымъ застѣнчивымъ поцѣлуемъ уже потертыхъ отъ поцѣлуевъ губъ. Это было для Никандра Мироньча неожиданнымъ, невѣроятнымъ событіемъ, отъ котораго невольно мутится разсудокъ. Онъ уже нѣсколько времени любилъ эту дѣвушку, но скрывалъ свою любовь, считая ее безнадежною, такъ какъ не смѣлъ и мечтать, чтобъ его, некрасиваго, немолодого, угрюмаго и застѣнчиваго штурмана, могла когда-нибудь полюбить эта молодая, красивая дѣвушка, съ своими бархатными глазами и „чудной“ улыбкой „ангела“, въ которую онъ „врѣзался“ при первой же встрѣчѣ и которую, разумѣется, надѣлилъ всевозможными качествами, какія только могъ придумать наивный „морской волкъ“, полюбившій впервые со всею силою запоздавшей страсти и вдобавокъ питавшій къ женщинамъ благоговѣйный культъ строго-цѣломудренной натуры. Сознавая свою скромную наружность,

Никандръ Миронычъ всегда дичился женщинъ и совсѣмъ не зналъ ихъ. Мимолетныя знакомства во время плаваній,—знакомства, оканчивавшіяся ужиномъ и золотою монетою,—лишь оскорбляли его чувства и высокое понятіе о томъ идеалѣ воображаемаго женскаго существа, который онъ бережно носилъ въ душѣ и теперь воплотилъ въ Юленькѣ.

Влюбленный штурманъ не рѣшался, однако, ѣздить такъ часто, какъ бы хотѣлось, изъ Кронштадта въ Петербургъ, въ эту маленькую, скромную квартирку въ одной изъ дальнихъ улицъ Коломны, гдѣ жилъ старый бѣдный чиновникъ кораблестроительнаго департамента, господинъ Морошкинъ, у котораго была такая хорошенькая дочка. А между тѣмъ у Морошкиныхъ всегда бывали такъ рады посѣщеніямъ Никандра Мироныча. Еще бы! Старый плутяга-чиновникъ, едва перебивавшійся съ большой семьей, и его супруга, молодившаяся еще, шустрая дама, гордившаяся тѣмъ, что у нея дядя полковникъ и богатъ (хотя отъ дяди она и не получала ни копѣйки) и игравшая запоемъ въ мушку,—чуяли въ Никандрѣ Мироничѣ подходящаго жениха и совѣтовали Юленькѣ не упустить случая. И то она засидѣлась—ей двадцать-пять! Партія отличная—принца, все равно, не найдешь, а семьѣ и безъ того жить трудно, она сама знаетъ!..

Смышленая, съ практической жилкой, дѣвушка, рано узнавшая дома изнанку жизни—съ грязью и лишеніями прилично скрываемой бѣдности, съ попрошайствомъ у дяди, вѣчными семейными ссорами изъ-за вѣчнаго рубля,—получившая у матери первые уроки лжи и притворства, а у отца—первыя наставленія житейской морали заматерѣлаго плута-чиновника,—прошедшая потомъ полный курсъ петербургскихъ клубовъ, — Юленька, и безъ родительскихъ намековъ, видѣла, что Никандръ Миронычъ серьезно клюнулъ, и что онъ представляетъ для такой бѣдной дѣвушки, какъ она, болѣе или менѣе подходящую партію. У нея были и раньше женихи, но такіе же полу-нищіе, какъ и она сама, и дѣвушка имъ отказывала. А Никандръ Миронычъ былъ „серьезный“ женихъ. Правда, онъ некрасивъ, немолодъ, но разбирать теперь въ самомъ дѣлѣ не приходится. Къ тому же она давно стремилась вырваться изъ дома, изъ этой полунищенской обстановки. Надоѣли ей и домашнія сцены, и молчаливые упреки ея неумѣнью выйти замужъ, и амбиціозная бѣдность, и ея подержанныя платья съ чужихъ плечъ, въ которыхъ она отплясывала и кокетничала въ благородномъ собраніи и приказчичьемъ клубѣ, пока мать азартно играла въ мушку, скрывая проигрыши отъ отца. Надоѣли ей и влюбленные ухаживатели,

желавшіе соблазнить дѣвушку и предлагавшіе катанія на тройкахъ и ужины въ загородныхъ ресторанахъ, но, разумѣется, не думавшіе жениться на дочери бѣднаго мелкаго чиновника. Юленька хоть и ѣздила на тройкахъ и ужинала въ ресторанахъ, но всегда подъ покровительствомъ маменьки. Не по лѣтамъ практическая и понимавшая, что „ошибка" уменьшитъ шансы на приличную партію, она серьезной интриги ни съ кѣмъ не завела, и даже послѣ нѣсколькихъ бокаловъ шампанскаго, оживленная и раскраснѣвшаяся, умѣла держать своихъ влюбленныхъ въ строгихъ границахъ сдержанности. Обѣщающіе взгляды и улыбки, нечаянные поцѣлуи, разсѣянность при долгомъ пожатіи руки—вотъ все, что позволяла себѣ разсчетливая дѣвушка, въ надеждѣ ускорить развязку и изловить не любовника, а мужа. Но желанная „развязка" не являлась, и Юленька, раздраженная, съ головною болью и воспоминаніемъ пьянаго поцѣлуя, возвращалась, въ сопровожденіи маменьки, домой, въ убогую квартирку, видъ которой теперь казался ей еще ненавистнѣе.

Влюбленный штурманъ явился какъ разъ во-время. Она, конечно, поняла, почему онъ такъ былъ застѣнчивъ и мраченъ въ ея присутствіи и почему краснѣетъ, когда она обращается къ нему. Секретъ его молчаливой любви не былъ ни для кого секретомъ у Морошкиныхъ. Старикъ уже собралъ точныя свѣденія, что у Никандра Мироныча лежитъ въ банкѣ семь тысячъ и что онъ считается отличнымъ офицеромъ. Подростки сестеръ и братья уже заблаговременно выпрашивали у Юленьки подачекъ и оказывали ей теперь предупредительное вниманіе. Мать ходила къ Покрову и служила молебны, разсчитывая обновить свой гардеробъ и обшить младшихъ дѣтей на счетъ Никандра Мироныча. Всѣ члены этой семьи, всегда ссорившіеся и попрекавшіе другъ друга, притихали, какъ пираты, въ ожиданіи поживы, при появленіи Никандра Мироныча, и, словно охотники, обхаживающіе звѣря, встрѣчали гостя необыкновенно радушно, устраивая передъ нимъ трогательное зрѣлище необыкновенно дружнаго семейства, въ которомъ Юленька играетъ роль трудолюбивой, добродѣтельной феи.

Юленька заставила влюбленнаго штурмана заговорить. Свадьбу скоро сыграли, и вся семья была обшита. При всей своей испорченности, Юленька была тронута и силою беззавѣтной страсти, и необыкновенною деликатностью чувства Никандра Мироныча. Счастливый и умиленный, онъ говорилъ ей, что онъ ее не стѣснитъ, что она будетъ всегда свободна въ своемъ чувствѣ, и если разлюбитъ, то скажетъ.

— Конечно, потеря любви ужасна, но... обманъ еще ужаснѣе... Не такъ ли?..

И, не вѣря своему счастію, онъ часто спрашивалъ:

— За что̀ ты меня любишь?

И Юленька, ласкаясь, какъ кошечка, смѣясь отвѣчала:

— За что̀ любятъ?.. За то, что ты умный, хорошій, добрый...

Влюбленный мужъ вѣрилъ и былъ счастливъ. Юленька тоже была довольна. Послѣ жизни, полной лишеній—уютное свое гнѣздо, наряды, поѣздки въ Петербургъ, театры... Мужъ ее баловалъ и лелѣялъ и никогда не показывалъ ревности. Она это цѣнила и не раскаявалась, что вышла замужъ. Онъ такой добрый и хорошій и такъ любитъ ее! И она по-своему была расположена къ мужу, чувствуя, что онъ ея рабъ. Жизнь они вели замкнутую; въ Кронштадтѣ знакомыхъ было немного, и это нѣсколько смущало Юленьку, но зато она часто ѣздила въ Петербургъ, чтобы похвастать передъ родными нарядами и вечеромъ побывать въ театрѣ или въ клубѣ. Мужъ ее сопровождалъ. Конечно, онъ бы охотнѣе проводилъ вечера съ ней вдвоемъ за чтеніемъ интересной книги, чтобы послѣ поговорить, подѣлиться впечатлѣніями, но „она такъ молода, ей еще веселиться хочется... книга потомъ займетъ!"—утѣшалъ онъ себя, и первый предлагалъ ей ѣхать въ Петербургъ или идти куда-нибудь въ гости...

Да, тяжелы были эти три года разлуки для Никандра Мироныча. Все это долгое время онъ жилъ ожиданіемъ ея конца. Онъ писалъ своей Юленькѣ длиннѣйшія письма, наполняя страницы описаніемъ природы, своими думами, впечатлѣніями и изліяніями своей горячей любви. Раза два Никандръ Миронычъ даже писалъ ей свои стихотворенія и просилъ никому не показывать... Онъ для нея только ихъ писалъ...

На берегъ Никандръ Миронычъ съѣзжалъ только для того, чтобы найти что-нибудь для жены, и былъ страшно скупъ для себя. Никандра Мироныча ни разу не видѣли на берегу обѣдающимъ въ гостинницѣ или сидящимъ въ кафе за стаканомъ пива, и всѣ на корветѣ считали „мрачнаго штурмана" скаредомъ. Зато его каюта, необыкновенно чистая, всегда аккуратно убранная, съ нѣсколькими портретами Юленьки, украшавшими стѣну надъ койкой, была полна подарками для жены. Чего, чего только не было въ огромномъ сундукѣ! И кромѣ подарковъ онъ везъ чекъ на нѣсколько тысячъ, чтобы отдать своей ненаглядной, милой хозяйкѣ.

Письма отъ жены были для Никандра Мироныча праздникомъ. Онъ запирался въ своей каютѣ и перечитывалъ по нѣскольку разъ эти маленькіе листки, наполненные новостями о кронштадтской жизни, разсказами о родныхъ и общихъ знакомыхъ. Ея короткія, но нѣжныя строки о томъ, что она скучаетъ безъ мужа и нетерпѣливо ждетъ его, чтобы обнять и горячо расцѣловать его, и постоянная ея подпись: „твоя вѣрная Юленька" — приводили его въ восторгъ, и онъ цѣловалъ письма, стараясь найти въ этихъ нѣжныхъ строкахъ жены откликъ тому поэтическому настроенію, которымъ были проникнуты его письма.

Если письма не было, мрачный штурманъ приходилъ въ отчаяніе и былъ молчаливѣе и угрюмѣе, чѣмъ обыкновенно. Бѣда было тогда чѣмъ-нибудь раздразнить Никандра Мироныча. Онъ запирался въ каютѣ и часто ночью ходилъ по палубѣ, заложивъ за спину руки и опустивъ голову. И тогда-то сѣдыя волны океана рокотали ему самыя мрачныя думы. Ему представлялось, что его Юленька полюбила другого (этотъ другой рисовался ему въ образѣ флотскаго офицера) и весело смѣется въ чужихъ объятіяхъ. Онъ вздрагивалъ отъ боли и старался гнать отъ себя эти ужасныя мысли... Мало ли какія бываютъ случайности! Письмо могло пропасть. И зачѣмъ же такъ, *вдругъ* она разлюбитъ?.. Развѣ она станетъ скрывать отъ него что-нибудь? Не онъ ли говорилъ ей, что чувство свободно?.. Къ чему же обманъ?

Рокотавшій океанъ не успокоивалъ. Напротивъ, онъ точно нарочно все громче и громче говорилъ о несчастіи, о потерѣ любимой женщины, и мрачный штурманъ, терзаясь ревностью и отчаяніемъ, переживалъ тяжкія минуты.

Но въ слѣдующемъ же портѣ вмѣсто одного письма его ждали два. И, жадно глотая эти милыя строки аккуратной въ перепискѣ жены, строки, въ которыхъ снова была рѣчь и о любви, и о нетерпѣливомъ ожиданіи „вѣрной Юленьки", — Никандръ Миронычъ, умиленный и растроганный, жестоко корилъ себя, что смѣлъ оскорбить это чистое, благородное созданіе подозрѣніями.

„Теперь конецъ... скоро конецъ всѣмъ этимъ мукамъ!" — восторженно шепталъ Никандръ Миронычъ, высчитывая остающіеся дни.

И слезы радости сверкали въ глазахъ мрачнаго штурмана, когда, глядя на послѣдній портретъ жены, онъ представлялъ себѣ скорую близость свиданія.

XI.

— Кричите, господа, уру!.. Баронъ! Ставьте бутылку шампанскаго! — радостно воскликнулъ, входя въ каютъ-компанію, „легкомысленный мичманъ“, только-что смѣнившійся съ вахты.

— Что такое?—лѣниво спросилъ баронъ Оскаръ Оскаровичъ.

— Сію минуту входимъ въ Финскій заливъ, вотъ что! Завтра къ вечеру въ Кронштадтѣ! Мрачный штурманъ самъ сказалъ... И—вообразите, господа?—мрачный штурманъ улыбался. Ей Богу, собственными глазами видѣлъ! — говорилъ съ веселымъ смѣхомъ мичманъ.—Ну, зато-жъ и собака-погода!—прибавилъ онъ, отряхивая фуражку.—Эй, вѣстовые, чаю! Живо!

Всѣ бывшіе въ каютъ-компаніи бросились наверхъ взглянуть на Финскій заливъ.

— Докторъ, проснитесь!.. Эка храпитъ какъ!.. Лаврентій Васильичъ, вставайте!—кричалъ легкомысленный мичманъ сквозь жалюзи докторской каюты.

Храпъ вдругъ смолкъ на низкой нотѣ, и недовольный голосъ спросилъ:

— Чего вы такъ орете?.. Развѣ ужъ подали чай?

— И чай, и Финскій заливъ... И то, и другое...

— Ну? — радостно промычалъ докторъ.

— То-то: „ну“! Завтра, Богъ дастъ, дома пить чай будете... Выходите скорѣй!

Черезъ минуту докторъ вышелъ, протирая глаза и отдуваясь.

— А гдѣ же всѣ?

— Пошли кланяться Финскому заливу, а я съ вахты чайкомъ буду грѣться... А знаете ли что̀, докторъ... у меня—мысль... поддержите!

— Коли добрая—поддержу.

— Добрая... Не дурно бы сегодня за ужиномъ вспрыснуть Финскій заливъ, а?.. Разныхъ бы закусокъ, шампанскаго!!.. однимъ словомъ: ознаменовать!

Докторъ нашелъ, что мысль добрая, обѣщалъ поддержать, и пошелъ наверхъ.

Погода была въ самомъ дѣлѣ—„собака“. Шелъ не то дождь, не то снѣгъ. Пронизывало насквозь сыростью и холодомъ. Свинцовыя тучи повисли на небѣ и обложили со всѣхъ сторонъ горизонтъ.

Несмотря на такую погоду, палуба была полна народомъ. Всѣ посматривали на мутно-свинцовыя, непривѣтныя воды Фин-

скаго залива и вглядывались въ сѣрую, мрачную даль въ какомъ-то особенномъ радостномъ возбужденіи.

— Запахло, братцы, Рассеей... Вишь и снѣжокъ... Давно его не видали! — весело говорятъ матросы, и многіе снимаютъ шапки и крестятся.

Мысль „вспрыснуть“ вступленіе въ Финскій заливъ встрѣтила общее одобреніе, хотя баронъ Оскаръ Оскаровичъ, бывшій содержателемъ каютъ-компаніи [1]), и досадовалъ, что поздно спохватились. До ужина оставалось всего два часа, и поваръ не успѣетъ сдѣлать пирожнаго. Рѣшено было пригласить на ужинъ и капитана, тѣмъ болѣе, что онъ послѣднее время „велъ себя хорошо“, то-есть не „разносилъ“ офицеровъ [2]).

Ужинъ былъ веселый. Всѣ были необыкновенно оживлены. Теперь, передъ окончаніемъ долгаго плаванія, были забыты прежнія ссоры, прежнія маленькія недоразумѣнія, и прожитое вмѣстѣ время помянули добрымъ словомъ. Говорились спичи и предлагались разные тосты—за капитана, за старшаго офицера, за каютъ-компанію, за команду „Грознаго“. Кривскій предложилъ тостъ за старшаго штурманскаго офицера, и всѣ, радостные, размякшіе послѣ выпитаго шампанскаго, горячо поддержали тостъ.

— А гдѣ же Никандръ Миронычъ? Отчего его нѣтъ? — спрашивали со всѣхъ сторонъ.

— Онъ наверху, маякъ сторожитъ!

— Попросить сюда Никандра Мироныча!

— Ну, Никандръ Миронычъ не спустится, пока не откроетъ маяка!—замѣтилъ капитанъ.

— И то правда... Такъ несите ему бокалъ, Кривскій. Передайте нашъ общій тостъ!

Кривскій одѣлъ кожанъ (ему кстати нужно было подсмѣнить вахтеннаго офицера) и поднялся на мостикъ. За нимъ шелъ вѣстовой съ подносомъ.

Смѣнивъ вахтеннаго, нетерпѣливо ожидавшаго смѣны, чтобъ идти ужинать, Кривскій приблизился къ мрачному штурману, который стоялъ на краю мостика и смотрѣлъ въ бинокль въ направленіи, гдѣ долженъ былъ открыться маякъ. Въ темнотѣ вечера низенькая фигура штурмана въ дождевикѣ, съ зюйдъ-весткой на головѣ, казалась какимъ-то темнымъ пятномъ.

---

[1]) Содержателемъ каютъ-компаніи называется офицеръ, выбираемый всѣми членами каютъ-компаніи завѣдывать хозяйствомъ. Обыкновенно выбираютъ на 6 мѣсяцевъ, послѣ чего дѣлаютъ новые выборы.

[2]) Если офицеры недовольны за недѣлю капитаномъ, то обыкновенно они не приглашаютъ его. Эти приглашенія дѣлаются по большинству голосовъ.

— Никандръ Миронычъ!—окликнулъ его Кривскій.

— А, это вы, Сергѣй Петровичъ... Маякъ, батюшка, долженъ сейчасъ открыться... Ужъ глаза проглядѣлъ... Посмотрите-ка вы... Не увидите ли...

Голосъ Никандра Мироныча звучалъ радостнымъ возбужденіемъ.

Кривскій передалъ ему тостъ за его здоровье отъ каютъ-компаніи, свои поздравленія по случаю возвращенія домой и предложилъ выпить бокалъ шампанскаго. Никандръ Миронычъ чокнулся, выпилъ и, крѣпко стиснувъ руку Кривскаго, сказалъ взволнованнымъ тономъ:

— Спасибо, голубчикъ... спасибо... Завтра будемъ... завтра...

— Вы бы спустились поужинать, Никандръ Миронычъ... Я посторожу маякъ...

— Да я ѣсть не хочу... какой ужинъ! Чтò вы... ужинать!.. Завтра будемъ, голубчикъ!

Это радостное волненіе, обнаруженное мрачнымъ штурманомъ, удивило Кривскаго. Такимъ возбужденнымъ онъ его никогда не видалъ.

— Ну, чтò, видите что-нибудь?..

— Ничего не вижу...

— Сейчасъ откроется... Ну, вотъ и огонёкъ... Вотъ и онъ... миленькій!—весело воскликнулъ Никандръ Миронычъ.—А вы все не видите?

— То-то нѣтъ.

— Глазъ-то у васъ не штурманскій... Пошлите-ка доложить капитану, что маякъ открылся... Теперь надо слѣдующаго ждать...

— Да вы, Никандръ Миронычъ, хоть бы спустились внизъ погрѣться. Погода дьявольская. Того и гляди, простудитесь!

Но мрачный штурманъ на-отрѣзъ отказался. Ему не холодно. Онъ всю ночь простоитъ наверху, будетъ смотрѣть за маяками.

— Да и не уснуть, все равно... Слишкомъ взволнованъ... Вѣдь я три года ждалъ этого самаго Финскаго залива. Легко сказать: три года!.. — повторилъ онъ въ необыкновенномъ возбужденіи...

И, помолчавъ, неожиданно прибавилъ:

— Вы и не знаете еще, милый Сергѣй Петровичъ, какая мука быть въ долгой разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ!

Его обыкновенно недовольный, раздражительный голосъ звучалъ теперь такимъ глубокимъ, нѣжнымъ чувствомъ, какого Кривскій и не подозрѣвалъ въ мрачномъ штурманѣ.

— Теперь шабашъ!.. Больше въ море не пойду! Ужъ мнѣ

обѣщали мѣсто въ штурманскомъ училищѣ... Смотрите: навѣстите меня... Надѣюсь, наше знакомство не кончится?.. Вы увидите, какая у меня славная хозяюшка!—съ гордостью прибавилъ Никандръ Мироньгчъ.

Молодой человѣкъ былъ глубоко тронутъ этою неожиданною интимностью. Мрачный штурманъ показался ему теперь еще симпатичнѣе, и онъ горячо проговорилъ:

— Спасибо за приглашеніе... Разумѣется, я имъ воспользуюсь и, конечно, никогда не забуду вашего расположенія ко мнѣ. Повѣрьте, Никандръ Миронычъ!

— Вѣрю, голубчикъ. Вы хоть и флотскій, а милый человѣкъ! — задушевно промолвилъ Никандръ Миронычъ.—Оттого-то я и хочу, чтобъ вы познакомились съ моей женой.

Онъ замолчалъ, видимо взволнованный, а Кривскій, вспомнивъ эту хорошенькую брюнетку, пріѣзжавшую на корветъ провожать мужа и вскидывавшую глазками, почему-то невольно теперь пожалѣлъ мрачнаго штурмана.

Погода становилась хуже. Хлопья снѣга падали сильнѣе. Вѣтеръ свѣжѣлъ, пронизывая ледянымъ холодомъ. Вокругъ былъ мракъ, среди котораго по временамъ лишь ярко блисталъ то бѣлый, то красный огонь маяка, предупреждавшій объ опасности приближаться къ берегу.

Никандръ Миронычъ не обращалъ вниманія на погоду. Возбужденный и радостный, онъ зорко всматривался впередъ, въ мракъ ночи, сторожа теперь появленіе маячнаго огня съ другой стороны.

XII.

На слѣдующее утро, послѣ веселаго и шумнаго чаю, каютъ-компанія обратилась въ настоящій складъ товаровъ. Большой столъ былъ заставленъ ящиками, ящичками и свертками. Въ отворенныхъ настежъ каютахъ шла дѣятельная уборка. Всѣ пересматривали и разбирали свои многочисленныя покупки трехлѣтняго плаванія, въ различныхъ странахъ, для подарковъ роднымъ и близкимъ, чтобъ сегодня же увезти на берегъ кое-какія вещи.

Чего только тутъ не было! И шолковыя тяжелыя китайскія матеріи, и цѣлые женскіе костюмы, вазы, сервизы, шкатулочки, шахматы, страусовыя перья, издѣлія изъ черепахи и слоновой кости, божки изъ нефрида, чечунча и кретоны, стрѣлы и разное оружіе дикихъ, сигары съ Гаванны и съ Манилы, золотой пе-

сокъ изъ Калифорніи, индійскія шали, купленныя въ Калькуттѣ, попугаи въ клѣткахъ, крошки-обезьянки въ ватѣ...

Всѣ, веселые и довольные, показывали свои вещи, хвастая другъ передъ другомъ и иногда совершая мѣны. Только Никандръ Миронычъ никому ничего не показывалъ и не появлялся въ каютъ-компаніи. Онъ давно ужъ уложилъ и приготовилъ нѣсколько ящиковъ, которые сегодня же свезетъ женѣ и, слегка вздремнувъ послѣ ночи, снова былъ наверху и посматривалъ на высокое сѣрое пятно острова Гогланда, прорѣзывающееся въ окутанной туманомъ дали, къ которому торопливо шелъ „Грозный" полнымъ ходомъ, имѣя кромѣ того поставленные паруса.

„Легкомысленный мичманъ", который проигралъ бо̀льшую часть своего жалованья въ ландскнехтъ, устраивавшійся часто во время стоянокъ на берегу, возвращался въ Россію безъ подарковъ, съ одной своей любимицей „Дунькой", уморительной обезьяной, изъ породы мартышекъ, выдрессированной мичманомъ и продѣлывавшей всевозможныя штуки. Онъ посматривалъ не безъ зависти на чужія вещи и упрашивалъ уступить ему что-нибудь.

— А то, господа, тетка разсердится, и кузины тоже!—смѣялся онъ.—Нельзя съ пустыми руками явиться, ей Богу! Не уступите, придется въ Питерѣ втридорога платить за „Японію". Пожалѣйте бѣднаго мичмана!..

Нѣкоторые изъ товарищей кое-что уступали.

— Баронъ, а баронъ! Уступите три страусовыхъ перышка. У васъ ихъ чуть ли не сотня, а мнѣ какъ разъ бы подарить тремъ кузинамъ на шляпки. Деньги удержите изъ жалованья!—поспѣшилъ прибавить „легкомысленный мичманъ", зная скупость ревизора Оскара Оскарыча.

— У меня у самого кузинъ много.

— Не сотня, надѣюсь?

— И невѣстѣ надо.

— У васъ на всѣхъ хватитъ.

— Не могу дать... все распредѣлено... Впрочемъ, хотите мѣняться?

— На что̀?

— На вашу „Дуньку"!

„Легкомысленный мичманъ" обижается.

— Хотя бы вы, баронъ, всѣ ваши вещи предложили, и то я „Дуньку" не отдамъ...

Въ концѣ концовъ, „легкомысленный мичманъ" кое-что собралъ для подарковъ и, обращаясь къ доктору, не принимавшему

никакого участія въ общей суетѣ и неподвижно сидѣвшему на диванѣ, спросилъ:

— А ваша лавочка гдѣ, докторъ? Развѣ никому не везете подарковъ?

— Какъ не везти? Везу подарокъ для себя: пять круговъ честеру, двѣ бочки марсалы, бочку элю да тысячу чирутокъ! — весело говоритъ докторъ.

— Я и забылъ, вы вѣдь „пустячковъ" не любите.

— И не люблю, да и некому ихъ возить!—замѣтилъ Лаврентій Васильичъ.

„Пустячками" онъ называлъ китайскія и японскія бездѣлки и вообще всякія рѣдкости. Онъ ихъ никогда не покупалъ, находя, что непрактично тратить деньги на предметы, по его выраженію, „несущественные", и по этому случаю нерѣдко говаривалъ: „Это вотъ развѣ молоденькой институточкѣ или гимназисточкѣ лестно получить отъ молодого мичмана китайскій вѣерокъ, бразильскую мушку, перышко, однимъ словомъ, извините за выраженіе, какое-нибудь „дерьмо-съ"; а моя Марья Петровна—женщина серьезная. Она любитъ существенное, а не то что: бразильскія мушки!.. Что̀ въ нихъ?.. На рукахъ хозяйство, дѣти... тутъ не до бразильскихъ мушекъ и не до перышекъ!.. Вотъ штучку чечунчи купилъ на капотъ. Это, по крайности, полезная вещь!"

Докторъ, сколько мнѣ извѣстно, позволилъ себѣ разориться только на одинъ „пустячокъ", не представлявшій, собственно говоря, „существеннаго" предмета—на покупку дорогого стереоскопа и большой коллекціи фотографическихъ карточекъ, бо̀льшая часть которой составляли фотографіи полураздѣтыхъ и совсѣмъ мало одѣтыхъ дамъ всевозможныхъ расъ, національностей и цвѣтовъ кожи.

Лаврентій Васильевичъ потратился на подобную покупку въ качествѣ большого любителя „неприкрашенной натуры". Запираясь въ своей каютѣ, онъ иногда, послѣ обѣда, развлекался созерцаніемъ соблазнительныхъ картинокъ.

Разумѣется, докторъ, оберегая себя отъ мичманскаго зубоскальства, тщательно скрывалъ отъ всѣхъ свои развлеченія. Только изрѣдка онъ приглашалъ „взглянуть" пожилого артиллериста, штабсъ-капитана Федюлина, вполнѣ увѣренный, что Евграфъ Иванычъ, какъ человѣкъ скромный и вдобавокъ польщенный особымъ довѣріемъ, его не выдастъ.

— Зайдите-ка ко мнѣ, Евграфъ Иванычъ, что̀ я вамъ покажу! — таинственно говорилъ докторъ, понижая голосъ, когда,

послѣ покупки стереоскопа, въ первый разъ приглашалъ артиллериста на „сеансъ".—Только ужъ я на васъ надѣюсь, Евграфъ Иванычъ, что вы никому ни слова! — прибавилъ Лаврентій Васильичъ, когда оба они вошли въ докторскую каюту, и двери ея были заперты на ключъ.

— Будьте спокойны, докторъ... Одно слово—могила!—торжественнымъ шопотомъ отвѣчалъ Евграфъ Иванычъ, нѣсколько изумленный столь таинственнымъ предисловіемъ.

Вслѣдъ затѣмъ докторъ вынулъ стереоскопъ и положилъ толстую пачку фотографій передъ коренастымъ, колченогимъ, лысымъ артиллеристомъ, втайнѣ считавшимъ себя, впрочемъ, весьма пріятнымъ мужчиной.

— Однако... все неодѣтыя! — могъ только проговорить Евграфъ Иванычъ, перебирая фотографіи, и неожиданно захохоталъ.

— То-то неодѣтыя!..—ласково подтвердилъ докторъ.—Признаюсь, люблю, знаете ли, натуру, не извращенную разными костюмами... Да вы въ стереоскопъ глядите, Евграфъ Иванычъ! Вотъ такъ... Ну, чтò?

Но артиллеристъ, впившійся въ фотографію плотояднымъ взоромъ скрытнаго развратника, въ отвѣтъ только произносилъ какіе-то неопредѣленные одобрительные звуки.

Когда, наконецъ, вся коллекція была осмотрѣна, и Евграфъ Иванычъ, весь красный, съ отвислой губой и масляными глазами, первую минуту пребывалъ въ безмолвномъ восхищеніи, докторъ спросилъ:

— Чтò, какова коллекція, Евграфъ Иванычъ! Вѣдь тутъ, батюшка, представительницы всѣхъ націй...

— Да... Любопытная коллекція! — произнесъ артиллеристъ и снова засмѣялся.—Дорого дали за эту покупочку?

— Не дешево... Но вѣдь зато—вещь!..

— Занимательная вещица... это чтò и говорить!.. Но только какъ вы, Лаврентій Васильичъ, ее привезете домой, позволю себѣ спросить, если не сочтете мой вопросъ нескромнымъ?

— Да такъ и привезу... А чтò?.. Не бойсь и вамъ хочется пріобрѣсти такую вещицу?

— Я бы не прочь, но только...

Евграфъ Иванычъ замялся.

— Въ чемъ дѣло?

— Какъ бы супруга не обидѣлась, увидѣвши такой щекотливый предметъ. Дамы на этотъ счетъ довольно даже строги!—проговорилъ Евграфъ Иванычъ съ искусственной улыбкой, зная по опыту, какую бы задала ему „взбучку" его супруга, еслибы увидѣла у него такія картинки.

— Вотъ вздоръ!.. — отвѣчалъ докторъ, не совсѣмъ однако увѣреннымъ тономъ. — Да и зачѣмъ показывать женѣ всѣ картинки?... Для нея виды, а дамочекъ подъ замокъ... Ихъ можно глядѣть по секрету, а то и показать когда солидному пріятелю... этакъ послѣ обѣда у себя въ кабинетѣ... Вотъ оно, и волки сыты, и овцы цѣлы!—прибавилъ, смѣясь, Лаврентій Васильичъ.—Многіе держатъ такія коллекціи. Одинъ мой коллега, такъ благодаря своимъ коллекціямъ и разнымъ японскимъ альбомамъ — видѣли ихъ?—даже по службѣ ходъ получилъ, подаривши ихъ въ Петербургѣ нашему любителю, который прослышалъ про нихъ и просилъ показать. Тотъ просто пришелъ въ восторгъ, особливо отъ разнообразія японскаго альбома.

— Какъ же, слышалъ... слышалъ... Говорятъ, у него цѣлый шкафъ подобныхъ вещей.

— Ну, а коллега-то мой, Вадимъ Петровичъ Завитковъ, какъ человѣкъ ловкій и шустрый, не будь дуракъ, да и говоритъ: „Осчастливьте, молъ, ваше превосходительство, принять!“ Тотъ благосклонно принялъ, а Завитковъ послѣ того и въ гору пошелъ... Ну, да и то сказать: умѣетъ онъ, шельма, услужить... Я вѣдь его еще студентомъ зналъ. Того и гляди будетъ генералъ-штабъ-докторомъ! Вотъ вамъ и коллекція!—заключилъ сентенціозно докторъ, хотя самъ и не имѣлъ намѣренія поднести кому-нибудь свою собственную коллекцію.

Однако Евграфъ Иванычъ все-таки стереоскопа не купилъ, зная, что никакіе ключи не спасутъ его отъ любопытства супруги, и лишь время отъ времени заглядывалъ къ доктору въ каюту и просилъ позволенія полюбопытствовать, освѣдомляясь: нѣтъ ли чего новенькаго?

И Лаврентій Васильичъ съ удовольствіемъ показывалъ, послѣ чего оба эти почтенные отцы семейства пускались въ оцѣнку статей разныхъ „штучекъ“ и, наговорившись до-сыта, расходились, вполнѣ довольные „сеансомъ“, какъ называлъ Лаврентій Васильичъ эти секретныя развлеченія при помощи стереоскопа.

Разборка вещей окончена. Большая часть офицеровъ приготовилась къ съѣзду на берегъ. Въ часъ подаютъ обѣдать, но моряки ѣдятъ лѣниво, и даже докторъ, къ удивленію, не обнаруживаетъ обычнаго аппетита. Послѣ обѣда никто не уходитъ отдыхать. То-и-дѣло кто-нибудь выбѣгаетъ наверхъ посмотрѣть: „гдѣ мы?“—и, возвращаясь, объявляетъ, сколько еще остается ходу. Возбужденіе увеличивается до нервнаго состоянія по мѣрѣ приближенія „Грознаго“ къ Кронштадту. Этому послѣднему дню,

казалось, нѣтъ конца. Время тянется чертовски долго, и всѣ ворчатъ, что корветъ еле ползетъ, а онъ между тѣмъ, подъ парами и парусами, идетъ по девяти узловъ.

Капитанъ часто выходитъ наверхъ и нервно ходитъ по мостику, нетерпѣливо подергивая плечами. То-и-дѣло онъ спрашиваетъ у Никандра Мироныча съ нетерпѣніемъ въ голосѣ:

— Къ шести должны вѣдь придти, а?

— Надо придти-съ!—отвѣчаетъ штурманъ, самъ охваченный волненіемъ, которое онъ скрываетъ подъ видомъ обычной своей суровости.

— А вѳ-время возвращаемся... Опоздай день, другой... Кронштадтъ бы замерзъ. И то у береговъ льдины! Пришлось бы въ Ревелѣ зимовать!

Черезъ нѣсколько минутъ онъ спускается внизъ и говоритъ на ходу вахтенному офицеру:

— Какъ покажется Толбухинъ маякъ, пришлите сказать!

— Есть!

Но капитану не сидится и не дремлется на мягкомъ диванѣ его большой, роскошной каюты. Онъ словно на иголкахъ,—этотъ коренастый, плотный, крѣпкій морякъ лѣтъ подъ-пятьдесятъ. Умѣвшій владѣть собой во время штормовъ, онъ рѣшительно не можетъ теперь справиться съ нетерпѣніемъ, которое отражается на его красномъ, обвѣтрившемся лицѣ, съ выкатившимися глазами и небольшимъ вздернутымъ носомъ,—на его порывистыхъ движеніяхъ. Онъ то встаетъ, то садится и безпощадно теребитъ своими толстыми короткими пальцами сѣдоватые, подстриженные баки и рыжіе усы. У него вырываются отрывистыя слова:

— Миша, пожалуй, и не узнаетъ... выросъ... Катя... большая дѣвица теперь... Володя... Милые мои!

Его лицо свѣтится нѣжной отцовской улыбкой, глаза слегка заволакиваются, и онъ теперь совсѣмъ не похожъ на того свирѣпаго капитана, прозваннаго „бульдогомъ“, котораго такъ боялись, во время авраловъ и ученій, офицеры и матросы.

Валъ винта быстро вертится съ обычнымъ постукиваніемъ подъ поломъ капитанской каюты. Капитанъ прислушивается, считаетъ обороты винта, и ему кажется, что ихъ будто бы меньше, чѣмъ было. Онъ надѣваетъ фуражку на свою круглую, коротко остриженную голову, дѣйствительно напоминающую бульдога, и снова подымается на мостикъ.

— Лагъ!—приказываетъ онъ.

Бросили лагъ, и докладываютъ, что девять узловъ хода.

— Старшаго механика попросить!

Черезъ минуту является засаленный и черный Иванъ Савичъ.

— Сколько фунтовъ пару держите?

Иванъ Савичъ говоритъ.

— Нельзя ли еще поднять фунтиковъ десять?

— Можно-съ.

— Такъ поднимайте и валяйте самымъ полнымъ ходомъ!

Когда механикъ ушелъ, капитанъ посмотрѣлъ вокругъ, взглянулъ на голыя брамъ-стеньги и сказалъ вахтенному офицеру:

— Ставьте-ка брамсели!

Наконецъ въ пятомъ часу открылся Толбухинъ маякъ, а черезъ два часа „Грозный" показалъ свои позывные и, минуя брандвахту, входилъ на пустой кронштадтскій рейдъ.

Городъ и мачты судовъ въ гавани едва чернѣли въ бѣлой мглѣ падающаго снѣга.

— Свистать всѣхъ наверхъ, на якорь становиться!—раздалась веселая и радостная команда вахтеннаго офицера.

— Свистать всѣхъ наверхъ, на якорь становиться!—проревѣлъ также радостно боцманъ.

И эти крики отозвались невообразимою радостью въ сердцахъ моряковъ.

— Изъ бухты вонъ, отдай якорь!—скомандовалъ старшій офицеръ.

Якорь грохнулъ въ воду. Якорная цѣпь съ лязгомъ завизжала въ клюзѣ, и „Грозный", вздрогнувъ, остановился на Маломъ рейдѣ, близъ стѣнки купеческой гавани, почти на томъ же самомъ мѣстѣ, съ котораго онъ ушелъ въ дальнее плаваніе три года и два мѣсяца тому назадъ.

Офицеры радостно поздравляли другъ друга съ приходомъ. Матросы, обнаживъ головы, благоговѣйно крестились на Кронштадтъ. Блѣдный отъ волненія и усталости, Никандръ Миронычъ, въ отвѣтъ на поздравленія Кривскаго, крѣпко пожималъ ему руку, не находя словъ.

А снѣгъ такъ и валилъ на счастливыхъ моряковъ.

— На капитанскій вельботъ! На катеръ! Баркасъ къ спуску!

Черезъ нѣсколько минутъ шлюпки съ офицерами и баркасъ съ женатыми матросами отвалили отъ борта на берегъ. На корветѣ остались лишь старшій офицеръ да „легкомысленный мичманъ", охотно ставшій на вахту за товарища, спѣшившаго обнять сегодня же старушку-мать.

XIII.

На слѣдующее утро, радостное и счастливое для Никандра Мироновича, словно для узника, освобожденнаго послѣ долгихъ

лѣтъ неволи,—онъ все еще, казалось, не смѣлъ вѣрить своему счастію, что онъ, со вчерашняго вечера, снова около своей Юленьки, необыкновенно кроткой, нѣжной, встрѣтившей его внезапными слезами, и ужъ болѣе съ ней не разстанется,—онъ у себя, дома, въ веселомъ, уютномъ гнѣздышкѣ, гдѣ все дышетъ любимой женщиной, счастливый и благодарный, подъ впечатлѣніемъ ея порывистыхъ, горячихъ ласкъ, которыми она точно хотѣла его вознаградить за долгую разлуку,—сидитъ теперь, какъ три года тому назадъ, въ маленькой столовой, за круглымъ столомъ, на которомъ весело шумитъ блестящій пузатенькій самоваръ. На подносѣ *его* большая чашка—давнишній подарокъ Юленьки въ день его имянинъ,—изъ которой онъ такъ любитъ пить чай.

Вотъ и Юленька. Она только-что пришла изъ спальной—свѣжая, бѣлая, съ румянцемъ на круглыхъ щекахъ, необыкновенно хорошенькая, въ своемъ свѣтло-синемъ фланелевомъ капотѣ, съ надѣтымъ поверхъ груди бѣлымъ пушистымъ платкомъ,—въ маленькомъ кружевномъ чепцѣ, изъ-подъ котораго выбиваются взбитыя прядки черныхъ блестящихъ волосъ. Она сѣла за самоваръ и стала разливать чай, слегка смущенная и притихшая.

Никандру Миронычу чувствовалось необыкновенно хорошо и уютно. Чай, поданный этой маленькой бѣлой ручкой, украшенной кольцами, казался ему особенно вкуснымъ, сливки, масло и хлѣбъ—превосходными.

Чай отпитъ, самоваръ убранъ, а они все сидятъ за столомъ. Никандръ Миронычъ все еще не можетъ наговориться. Вчера Юленька была взволнована и говорила мало. Что̀ она дѣлала въ эти три года? Какъ проводила безъ него время? Есть ли новые знакомые? Какіе?

Юленька удовлетворяетъ любопытство мужа, но не вдается въ большія подробности. „Жизнь шла однообразно, она скучала"...

— Я, впрочемъ, обо всемъ тебѣ писала!—прибавляетъ она, и въ голосѣ ея звучитъ какая-то безпокойная нотка.

Переполненный счастьемъ, умиленный Никандръ Миронычъ не слышитъ этой тревожной нотки въ нѣжномъ голосѣ своего „ангела". Онъ не замѣчаетъ, какъ такое же выраженіе не то безпокойства, не то страха внезапно мелькаетъ на ея лицѣ и снова исчезаетъ въ улыбкѣ. Онъ не видитъ, что въ нѣжномъ взглядѣ ея прекрасныхъ глазъ, когда она изрѣдка ихъ поднимаетъ на мужа, есть что-то робкое и приниженное, словно виноватое. Онъ видитъ только свою ненаглядную „цыпочку" и глядитъ на нее влюбленными глазами, глядитъ, словно не можетъ еще налюбоваться ею, и говоритъ съ веселой улыбкой:

— А вчера я и не замѣтилъ. Вѣдь ты пополнѣла, Юленька... Да еще какъ!

Внезапная краска заливаетъ щеки молодой женщины.

— Тебѣ это идетъ, право, Юленька... Чего ты конфузишься?..

— Развѣ я въ самомъ дѣлѣ пополнѣла?..

— Есть-таки... Однако, что-жъ это?.. Подарковъ ты такъ еще и не видала?.. Не знаю: понравятся ли тебѣ?

Съ этими словами Никандръ Мироничъ вышелъ изъ столовой.

Съ хорошенькаго личика молодой женщины внезапно исчезла улыбка. Оно омрачилось и стало тревожнымъ. Брови сдвинулись, и между ними залегла складка. Глаза сосредоточенно смотрѣли передъ собой. Она тяжело вздохнула и, склонивъ голову, словно бы подъ тяжестью какой-то неотвязной мысли, сжимала свои бѣлыя руки.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги мужа. Юленька встрепенулась и подняла голову. Лицо ея теперь было серьезно. Взглядъ полонъ рѣшимости. Слабая улыбка играла на устахъ.

— Ну-ка, посмотри, Юленька, что̀ я тебѣ привезъ!—проговорилъ, входя съ ящиками, Никандръ Мироничъ.—Не думай: это не все... На корветѣ остался еще цѣлый сундукъ для тебя!— весело прибавилъ онъ, открывая ящики.

И Никандръ Мироничъ вынималъ и выкладывалъ передъ Юленькой прелестныя вещи.

— Да что̀ ты вдругъ нахмурилась, Юленька?.. Или не угодилъ?—съ безпокойствомъ спросилъ Никандръ Мироничъ, заглядывая въ лицо жены.

Она видимо что-то хотѣла сказать и не рѣшалась.

— Не нравится, а?—повторилъ онъ.

Она подняла на мужа робкій взглядъ и, улыбаясь, промолвила·

— Твои подарки прелестны... Спасибо тебѣ, мой добрый!

И съ какою-то нѣжною порывистостью поцѣловала Никандра Мироныча.

— А я думалъ, что ты недовольна, моя цыпочка, и мнѣ было непріятно... Такъ довольна?..

Юленька стала разсматривать вещи и опять улыбалась. Но вдругъ краска сошла съ ея лица. Она поблѣднѣла, взоръ сталъ мутный.

— Что съ тобой?.. Ты нездорова?--испуганно спросилъ Никандръ Мироничъ.

— Ничего, ничего... Пройдетъ!—отвѣчала она и вышла изъ комнаты.

Черезъ минуту Никандръ Миронычъ испуганно заглянулъ въ спальную. Юленька была блѣдна какъ при морской болѣзни.

— Не послать ли за докторомъ, Юленька?

— Къ чему? Докторъ не поможетъ...

— Какъ не поможетъ?.. Что ты? Я сейчасъ побѣгу за докторомъ.

— Не надо!—остановила его съ досадою въ голосѣ Юленька.— Развѣ ты не видишь, какая это болѣзнь?—неожиданно прибавила она съ особымъ удареніемъ.

Голосъ ея звучалъ серьезно и глухо.

Въ первую секунду „мрачный штурманъ", казалось, не понялъ значенія этихъ словъ и глядѣлъ на жену растеряннымъ, недоумѣвающимъ взоромъ. Но затѣмъ онъ съ укоромъ воскликнулъ.

— Какъ тебѣ не стыдно такъ зло шутить, Юленька!

Юленька молчала.

— Вѣдь ты пошутила!? Юлочка! Голубушка! Цыпочка моя! Скажи же! Вѣдь это неправда?—повторилъ онъ глухимъ, упавшимъ голосомъ, чувствуя въ то же время и надежду, и страхъ, и тоску.

Онъ заглянулъ ей въ глаза, полные какого-то тупого выраженія, и мгновенно понялъ истину. Лицо его покрылось мертвенною блѣдностью. Ужасъ исказилъ его черты. Губы нервно затряслись, и изъ груди вдругъ вырвался жалобный, полный невыразимаго страданія, вопль:

— Юленька! Юленька!

Рыданія душили его. Онъ вышелъ, шатаясь, изъ комнаты.

XIV.

„Гнѣздышко" сразу потеряло въ его глазахъ прежнюю прелесть. Ему хотѣлось уйти куда-нибудь подальше, спрятаться отъ людей, остаться одному со своимъ тяжкимъ горемъ. Онъ одѣлъ пальто и выбѣжалъ изъ дома.

Мрачный штурманъ шелъ по глухимъ улицамъ, направляясь за городъ, съ опущенной головой, скрывая свое страдальческое, съ помутившимся взоромъ, лицо. Онъ шелъ по грязи, не замѣчая ни ледяного вѣтра, ни снѣга съ дождемъ, которые хлестали его со всѣхъ сторонъ. Обманъ любимаго существа, которому онъ вѣрилъ, ревность, оскорбленіе, позоръ причиняли ему невыносимыя душевныя муки. Несчастіе казалось чудовищнымъ. Жизнь представлялась какимъ-то мрачнымъ гробомъ. Когда онъ вспоминалъ,

что Юленька принадлежала другому, ярость охватывала штурмана. Черты его лица искажались злобой, изъ груди вырывались проклятія, и онъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, полный ненависти и желанія убить человѣка, отнявшаго у него счастье. Онъ представлялъ себѣ, что это непремѣнно флотскій, какой-нибудь подлый развратникъ, котораго слѣдуетъ убить какъ паршивую собаку...

Мысли путались въ возбужденномъ мозгу Никандра Мироныча. Порывъ злобнаго чувства смѣнялся ощущеніемъ горя и тяжкой обиды, и это ощущеніе смягчало взволнованную душу. И онъ чувствовалъ къ себѣ жалость.

— За что? За что?—беззвучно шептали его губы, и слезы лились изъ его глазъ.

Образъ Юленьки, красивый, блестящій, съ ея голосомъ, нѣжнымъ и ласковымъ, не оставлялъ его, наполняя сердце любовью и мучительной тоской...

Онъ чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, что, несмотря на обиду, любитъ ее такъ же сильно и горячо, какъ и раньше. И это сознаніе причиняло ему еще бо̀льшее страданіе.

Онъ думалъ:

„Она полюбила другого... Чувство свободно... Я некрасивъ, я не возбуждалъ ея любви. Но развѣ она не знаетъ меня? Зачѣмъ же обманъ? Эти письма... Твоя вѣрная Юленька? Зачѣмъ вчера эти горячія ласки? Притворство, ложь?“

Онъ не могъ ничего понять въ этихъ противорѣчіяхъ и напрасно хотѣлъ себѣ ихъ объяснить. Это было не подъ силу цѣльной натурѣ влюбленнаго „морского волка“, который бо̀льшую часть своей жизни провелъ на палубѣ и, полюбивъ, лелѣялъ въ своей душѣ имъ самимъ созданный идеалъ любимой женщины, имѣющій мало общаго съ дѣйствительностью.

И онъ жалѣлъ и разбитую, поруганную вѣру въ „ангела“, и самого падшаго ангела, и приходилъ въ отчаяніе при мысли, что онъ теперь для Юленьки чужой... Онъ навсегда лишенъ любимаго существа.

„Все кончено... все кончено!“—тоскливо повторялъ онъ, и въ его головѣ блеснула мысль, что жить не стоитъ!

„Зачѣмъ жить?“

Онъ между тѣмъ вышелъ за оборонительную стѣнку и очутился среди пустого поля. Вѣтеръ ревѣлъ на просторѣ и море бушевало вблизи.

И мысли его были такъ же мрачны, какъ было мрачно кругомъ.

„Къ чему жить? Кому онъ теперь нуженъ?“

Передъ нимъ пронеслась вся его жизнь. Ничего отраднаго! Вѣчное одиночество, нелюбимая служебная лямка, озлобленіе и глухая ненависть неудовлетвореннаго честолюбія! Явилось-было счастіе, измѣнившее всю его жизнь, но и это счастье оказалось миражемъ. Вѣра въ единственное близкое существо разбита. Его даже не пожалѣли! Впереди снова одиночество—еще болѣе тоскливое и мучительное—приниженнаго ожесточеннаго человѣка, на котораго будутъ смотрѣть съ злорадствомъ. „Глядите! Вотъ этотъ самый—влюбленный штурманъ, котораго жена обманула и бросила!“

— Обманула... Измѣнила!—повторилъ онъ уже громко.

Онъ припоминалъ теперь вчерашнюю встрѣчу: внезапныя слезы, нервное состояніе, переходы отъ слезъ къ ласкѣ. Дуракъ! Онъ принялъ и слезы, и волненіе—за радость свиданія. Глупецъ! Онъ въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ, что его любили, его ждали. А онъ съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ ждалъ свиданія!.. И вотъ оно!.. Онъ бродитъ за городомъ!

Никандръ Мироնычъ смотрѣлъ на бушующее море сосредоточеннымъ, упорнымъ взглядомъ маніака. Море точно звало его къ себѣ, обѣщая полное успокоеніе.

„А что̀ будетъ съ ней? Что̀ будетъ съ Юленькой?“

Сердце его наполнилось жалостью при мысли о страданіи, объ угрызеніи совѣсти любимаго существа, о злорадствѣ людского осужденія. И ему стало безконечно жаль Юленьку. И сердце мрачнаго штурмана смягчилось. Онъ глубоко задумался.

„Нѣтъ, не такъ надо поступать честному человѣку. Совсѣмъ не такъ!“—подсказывала ему самоотверженная любовь.

И онъ, рѣшительный и скорбный, тихо повернулъ назадъ. Рѣшеніе было принято, и онъ больше не думалъ о смерти.

XV.

Въ шестомъ часу, продрогшій и усталый, Никандръ Мироնычъ вернулся домой и прошелъ въ свой маленькій кабинетъ. Когда, черезъ нѣсколько минутъ, онъ вошелъ въ спальную, Юленька была поражена видомъ мужа—до того онъ постарѣлъ, осунулся и былъ мрачент.

Она глядѣла на него съ выраженіемъ испуга, подавленная и безпокойная, ожидая, что̀ скажетъ онъ. А онъ опустилъ глаза, точно виноватый, и, сдерживая волненіе, заговорилъ тихимъ, слегка дрожащимъ голосомъ.

— Я не стану упрекать. Я не съумѣлъ заслужить довѣрія

и потерялъ привязанность. И вотъ что̀ я предлагаю: ты свободна... Я устрою разводъ, приму вину на себя, и ты можешь выйти замужъ за человѣка, котораго любишь, и будешь счастлива. А пока я уѣду, чтобы не стѣснять своимъ присутствіемъ.

Юленька не ожидала такого рѣшенія. Оно ей вовсе не улыбалось, да и тотъ самый „человѣкъ“, красивый лейтенантъ Скрынинъ, съ которымъ она провела веселый годъ, разумѣется, не связалъ бы себя женитьбой на разведенной женѣ штурмана. Онъ оказался большимъ негодяемъ—этотъ Скрынинъ! Онъ бросилъ ее. И Юленька теперь ненавидѣла его!

Испуганная предложеніемъ мужа, испуганная перспективой жизни безъ средствъ, молодая женщина робко и виновато шепнула:

— Разводъ? Ты, значитъ, презираешь меня? Что жъ, я этого стою, но мнѣ не нужно развода, и ни за кого я не собираюсь замужъ. Я никого кромѣ тебя не люблю!

Никандръ Мироничъ поднялъ изумленные глаза на ея лицо, кроткое и покорное. Казалось, онъ не могъ сразу сообразить то̀, что̀ она сказала, до того это было неожиданно, и молчалъ.

Тогда Юленька вдругъ опустилась на колѣни и, заливаясь слезами, говорила:

— Прости, если можешь... Пожалѣй свою бѣдную Юленьку!

— Юленька! Что̀ ты? Богъ съ тобой, родная!—воскликнулъ испуганный Никандръ Мироничъ.

Онъ поднялъ ее, взволнованный и смягченный, усадилъ на маленькій диванчикъ и, садясь рядомъ, промолвилъ дрожащимъ голосомъ:

— Такъ я тебѣ не чужой? Ты хочешь остаться со мною?

Юленька поняла, что дѣло ея выиграно, и что мужъ ее любитъ по прежнему. Вмѣсто отвѣта она прижалась къ нему, обняла Никандра Мироныча и спрятала голову у него на груди, всхлипывая какъ малый ребенокъ.

И мрачный штурманъ молча прижималъ одной рукой свою Юленьку, а другой тихо гладилъ ея голову. Слезы текли по его лицу.

Черезъ минуту она говорила, прерывая слова слезами:

— Ты простишь ли меня? Забудешь ли?

— Милая!.. Развѣ ты не видишь?

— То было увлеченіе, слабость, безумный порывъ. Я согласилась поѣхать ужинать. Я выпила шампанскаго и...

Юленька закрыла лицо руками.

Никандръ Мироничъ вздрогнулъ, какъ ужаленный, ощущая мучительное чувство ревности.

— Не надо... Не говори!..—прошепталъ онъ. Къ чему?

— Нѣтъ, я хочу тебѣ все сказать, чтобъ ты не такъ обвинялъ меня. Послѣ этого ужина мнѣ сталъ гадокъ этотъ человѣкъ. Я его больше не видала.

— Кто это?—глухо вымолвилъ Никандръ Миронычъ.

— Не спрашивай: мнѣ стыдно, что я была знакома съ такимъ человѣкомъ. Впрочемъ, изволь, но прежде дай слово, что ради меня ты не станешь его преслѣдовать... Даешь?

Онъ далъ, и Юленька сказала съ чувствомъ ненависти:

— Скрынинъ!

— Эта гадина? Юленька!

— О, прости... Прости... Еслибъ ты зналъ, какъ я страдала! Я не смѣла написать тебѣ... Вѣрь, что никогда...

И Юленька, рыдая, обнимала Никандра Мироныча.

Никандръ Миронычъ повѣрилъ и этой лжи объ единственномъ ужинѣ, и глубинѣ раскаянія, и увѣреніямъ въ любви. Еще бы! Ему такъ хотѣлось вѣрить. И онъ утѣшалъ свою „ненаглядную цыпочку“ и, нѣжно цѣлуя ее, сказалъ:

— Ни слова больше объ этомъ, Юленька. Забудемъ навсегда!

Юленька подарила мужа благодарнымъ, нѣжнымъ взглядомъ и чуть слышно проронила:

— Ребенка я отдамъ куда-нибудь, чтобъ онъ не напоминалъ тебѣ моей вины.

— Чтò ты, Юленька! Зачѣмъ? Нѣтъ, онъ останется у насъ. Пусть люди его считаютъ нашимъ пріемышемъ. И повѣрь, я его не обижу и буду любить... Вѣдь онъ твой, Юленька! И вотъ еще чтò: мы пока уѣдемъ изъ Кронштадта, чтобъ не было лишнихъ сплетенъ.

— Добрый, хорошій!—шептала тронутая Юленька. Такъ ты совсѣмъ простилъ? Ты вернулъ любовь своей Юленькѣ? Ты не напомнишь о моемъ проступкѣ?

— Да развѣ ты не знаешь, какъ я люблю тебя, Юленька!—воскликнулъ Никандръ Миронычъ.—И ни на минуту не переставалъ любить, хотя сегодня, когда ты сказала, мнѣ было невыносимо больно. И развѣ я негодяй, чтобъ когда-нибудь упрекнуть тебя, мое сокровище?

И „сокровище“, улыбаясь сквозь слезы, прильнуло къ мужу.

XVI.

Прошло нѣсколько лѣтъ. „Мрачный штурманъ“ сдержалъ свое слово.

Онъ не только не обижаетъ маленькой „Юлочки", названной этимъ именемъ по настоянію Никандра Мироныча, но, напротивъ, не чаетъ души въ ребенкѣ. И по мѣрѣ того, какъ ростетъ дѣвочка, привязанность Никандра Мироныча увеличивается. Ему все кажется, что жена недостаточно любитъ Юлочку и мало ею занимается. И онъ балуетъ дѣвочку. Во время поѣздокъ жены изъ Кронштадта въ Петербургъ (Юленька часто таки ѣздитъ „повидаться съ родными") Никандръ Миронычъ, возвращаясь съ уроковъ изъ штурманскаго училища, проводитъ нерѣдко долгіе часы, пѣстуя и забавляя маленькую любимицу, и самъ укладываетъ ее спать, разсказывая ей сказки. Случается иногда, Никандръ Миронычъ, мрачно задумывается, глядя на спящую дѣвочку. Черты ея все болѣе и болѣе напоминаютъ ненавистныя ему черты Скрынина. Невольный вздохъ вырывается изъ его груди, и онъ шепчетъ:

— Чѣмъ же ты виновата, милая крошка!

И онъ креститъ дѣвочку и уходитъ въ кабинетъ готовиться къ лекціямъ.

Свою Юленьку онъ любитъ по прежнему, балуетъ и вѣритъ вполнѣ ея преданности. И Юленька, все еще хорошенькая и пикантная, нѣсколько пополнѣвшая, всегда ласковая и нѣжная съ Никандромъ Миронычемъ, знаетъ свою силу и держитъ подъ башмакомъ влюбленнаго мужа. Она въ послѣднее время чаще ѣздитъ въ Петербургъ, подъ предлогомъ повидать больную маму, и возвращается еще болѣе ласковая и предупредительная. Но ея невѣрности сохраняются на этотъ разъ въ секретѣ, и Никандръ Миронычъ, конечно, ни о чемъ не догадывается. Когда онъ замѣчаетъ, что его цыпочка начинаетъ скучать, онъ самъ же предлагаетъ ей развлечься и поѣхать въ Петербургъ.

Зато флотскихъ Никандръ Миронычъ ненавидитъ еще болѣе и отзывается о нихъ съ какою-то ожесточенною ненавистью. При встрѣчахъ съ прежними сослуживцами онъ еще суровѣе и угрюмѣе, чѣмъ прежде. И его всѣ по прежнему зовутъ „мрачнымъ штурманомъ", а за глаза въ обществѣ моряковъ глумятся надъ нимъ:

— Жена-то ему чужого ребенка приподнесла, а онъ преспокойно это скушалъ: даже не вызвалъ на дуэль Скрынина и не прогналъ жены. Впрочемъ, чего-жъ и ждать отъ штурмана! — брезгливо прибавляли многіе.

К. Станюковичъ.

МАТЬ ПРЕСТУПНИКА

Поэма Теннисона.

Стонетъ вѣтеръ, воетъ вѣтеръ у меня въ окнѣ...
Въ вѣтрѣ слышу зовъ Уилли:—Мать, приди ко мнѣ!
—Не могу придти сегодня, сынъ мой, не могу:
Ночь свѣтла... луны сіянье блещетъ на снѣгу...

Насъ увидѣли бы, милый, недруговъ глаза.
Лучше—мгла безлунной ночи, буря и гроза!
Въ самый ливень, вся промокнувъ ночью до костей,
Дотащусь къ тебѣ во мракѣ я на зовъ цѣпей...

Какъ? Ужели? Быть не можетъ! Кости я взяла,
Съ мѣста казни окаянной всѣ подобрала!
Что̀ сейчасъ я говорила?.. Слушаютъ! Шпіонъ?!
Если дубъ лѣсной срубили—ужъ не встанетъ онъ!..

Кто впустилъ васъ? И давно ли вы пришли сюда?
Вы ни слова не сказали... О, простите!.. да,
Узна̀ю васъ... Вы, милэди, вы пришли помочь,
Но и въ сердце мнѣ, и въ очи ужъ закралась ночь.

Вы, не знавшая страданій въ жизни никогда—
Что̀ вы знаете о безднѣ ужаса, стыда?..
Въ часъ ночной, пока вы спали, я нашла его!
Уходите! Не понять вамъ горя моего!

Вы добры ко мнѣ, милэди. Умоляю васъ,
Не браните лишь Уилли въ мой предсмертный часъ.

Я въ тюрьмѣ прощалась съ сыномъ... Идя умирать,
Онъ сказалъ:—Меня другіе подбивали, мать.
Преступленіе открылось... Я плачусь одинъ.—
И я знаю: не солгалъ онъ, не солгалъ мой сынъ!

Своевольнымъ да упрямымъ былъ онъ съ дѣтскихъ лѣтъ,
Подзадоритъ кто бывало—не удержишь, нѣтъ!
Безшабашной головою росъ Уилли мой,
Изъ него солдатъ бы вышелъ—молодецъ лихой.

Но къ безпутнымъ негодяямъ онъ попалъ во власть,
Подзадорившимъ на почту у холмовъ напасть.
Не убилъ онъ и не ранилъ, взялъ лишь кошелекъ,
Да и тотъ друзьямъ онъ бросилъ, бѣдный мой сынокъ!

Я къ судьѣ явилась. Правду разсказала я,
И Уилли осудилъ онъ... Богъ ему судья!
Мой Уилли былъ повѣшенъ, какъ злодѣй, какъ воръ!
Незапятнанное имя... О, позоръ, позоръ!

Самъ Господь велѣлъ, чтобъ въ землю опускали прахъ,
А Уилли трупъ качался по вѣтру въ цѣпяхъ...
Богъ помилуетъ убійцу, правый гнѣвъ смягча,
Но не судій кровожадныхъ съ сердцемъ палача!

Оттолкнулъ меня тюремщикъ рѣзко отъ дверей;
За дверями лишь раздался жесткій лязгъ цѣпей:
Сынъ хотѣлъ сказать мнѣ что̀-то—но закрылась дверь—
Что̀ такое? мнѣ ужъ больше не узнать теперь...

Съ этихъ поръ глухою ночью и при свѣтѣ дня
Не смолкаетъ крикъ Уилли, мучаетъ меня!
Стали бить меня за это, стали запирать,
Но немолчно, годъ за годомъ, все я слышу:—Мать!—
Наконецъ, признавъ безумной, дали волю мнѣ—
Но отъ трупа оставались кости лишь однѣ!

Тѣло сына расклевали во̀роны кругомъ!
Я собрала эти кости... Было ль то грѣхомъ?
Нѣтъ, милэди, я не крала, взявъ ихъ у судьи,
Я подъ сердцемъ ихъ носила, и онѣ—мои!

Я омыла ихъ ручьями жаркихъ слезъ моихъ,
И въ землѣ святой, у церкви, закопала ихъ.
Въ страшный день Суда Господня, вѣрю, встанетъ онъ,
Только-бъ люди не узнали, гдѣ онъ схороненъ.

Вѣдь они его откроютъ и повѣсятъ вновь!
Боже, Боже! Ты и къ грѣшнымъ завѣщалъ любовь.
Прочитайте изъ Писанья, какъ страдалъ Христосъ,
Какъ прощеніе и милость людямъ Онъ принесъ!

Завѣщавъ долготерпѣнье, Онъ велѣлъ прощать,
А земные судьи смертью вздумали карать.
Но послѣдній будетъ первымъ, по Его словамъ...
Боже мой, и я терпѣла—это знаешь Самъ—
О, какъ долго! Годъ за годомъ, въ холодъ и туманъ,
Подъ дождемъ, во мракѣ ночи, въ снѣжный ураганъ!

Онъ не каялся,—сказали. Но объ этомъ знать,
О раскаяніи сына, можетъ только мать...
Вы слыхали бурной ночью дикій вѣтра стонъ?
Это плачетъ мой Уилли, это стонетъ онъ!

Судъ и милость—въ волѣ Бога. Умирая, жду,
Что увижуся съ Уилли, только не въ аду.
За него я такъ молилась, что услышалъ Богъ
И меня съ любимымъ сыномъ разлучить не могъ.

Если-жъ *онъ* погибъ навѣки по своей винѣ—
То не надо о спасеньѣ говорить и мнѣ...
Уходите!.. Богъ все видитъ, Богъ меня пойметъ!
Вы ребенка не носили... Ваше сердце—ледъ!

О, простите мнѣ, милэди. Но Уилли зовъ
Мнѣ мѣшаетъ.. Я не слышу звука вашихъ словъ.
Снѣгъ блеститъ и небо ясно... Что же онъ зоветъ?
И не съ висѣлицы страшной—изъ могилы?.. Вотъ!
Вы слыхали? Ближе... громче... Милый сынъ! я жду.
Мѣсяцъ скрылся. Доброй ночи. Онъ зоветъ... Иду!

О. М—ва.

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКІЙ
и
ЕГО ПУТЕШЕСТВІЯ

Окончаніе.

II *).

Третье путешествіе Пржевальскаго—въ Тибетъ.—Трудности пути чрезъ пустыню.—Оазисъ Са-Чжеу.—Противодѣйствія со стороны китайцевъ.—Въ горахъ Нань-Шань.—Вступленіе въ Тибетъ.—Невозможность проникнуть въ Лассу.—Отступленіе изъ Тибета.—Снова на Куку-Норѣ.—Изслѣдованіе верховьевъ Желтой рѣки.—Возвращеніе въ Россію.—Результаты третьяго путешествія.—Четвертое путешествіе.—Путь прежними мѣстами.—На истокахъ Желтой и Голубой рѣкъ.—Изслѣдованіе зап. Цайдама.—Невозможность проникнуть въ Тибетъ съ сѣвера.—Открытіе новыхъ горныхъ хребтовъ.—Оазисы по сѣверную сторону этихъ хребтовъ.—Путь на Аксу и возвращеніе въ Россію.

Ровно десять лѣтъ тому назадъ, 20 января 1879 г., Пржевальскій и его спутники оставили Петербургъ, а 21 марта въ числѣ 13 человѣкъ выступили изъ Зайсанскаго поста [1]). До мая мѣсяца они шли на востокъ вдоль р. Урунгу и ея притока Булугуна, текущихъ къ югу отъ хребта Б. Алтая. Достигнувъ Булугуна, они повернули къ югу и вступили въ пустыню Джунгаріи, простирающуюся до Тянь-Шаня. Это—высокая равнина, по которой разбросаны, большею частію, незначительной высоты горы. Ближе къ этимъ горамъ почва обыкновенно взволнована пологими увалами и про-

*) См. іюль, стр. 145.

[1]) Главными спутниками Пржевальскаго были прапорщики Эклонъ и Роборовскій.

рѣзана сухими руслами дождевыхъ потоковъ. Въ лучшихъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ почва сырѣе отъ влаги, просачивающейся изнутри и выходящей наружу въ видѣ тощаго ключа, являются чій или дырисунъ, служащій и кормомъ, и матеріаломъ для выдѣлки щетокъ, цыновокъ; встрѣчаются тростникъ, джингилъ, тамарискъ, изрѣдка шиповникъ и золотарникъ. Возлѣ самаго ключа иногда выдается зеленая площадка травы въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ саженъ; покажутся птички, которыхъ нигдѣ до сихъ поръ не было видно; иногда встрѣтится гнѣздящаяся пара турпановъ или отсталая утка. Но и подобные оазисы попадаются лишь изрѣдка. Безжизненная пустыня заслонила собою все; даже на горахъ лежитъ всюду ея мертвая печать. Жителей, какъ въ этой части, такъ и во всей Джунгарской пустынѣ, нѣтъ; даже привычному ко всякимъ лишеніямъ номаду здѣсь кочевать невозможно. Лишь по окраинамъ пустыни, въ болѣе плодородныхъ гористыхъ мѣстностяхъ на западѣ и сѣверѣ, кочуютъ торгоуты и киргизы, а на югѣ подгорная полоса вдоль Тянь-Шаня занята осѣдлымъ китайскимъ и частью мусульманскимъ населеніемъ (дунгане, таранчи). Въ Джунгарской пустынѣ путешественники встрѣтили дикую лошадь и дикаго верблюда. Впрочемъ, дикими ихъ называетъ самъ Пржевальскій; возможно, что это просто одичавшіе представители животныхъ, нѣкогда бывшихъ домашними.

Гораздо привѣтливѣе описанной пустыни ея южная окраина—предгорія Тянь-Шаня; въ ихъ долинахъ довольно ключей съ прекрасною водою; по горнымъ скатамъ и въ падяхъ отличныя пастбища. Насколько разнообразна здѣсь флора, можно судить уже по тому, что въ одинъ день наши путешественники собрали 32 вида цвѣтущихъ растеній, тогда какъ передъ тѣмъ, въ теченіе всего апрѣля и почти всей первой половины мая, ими найдено было лишь 52 вида. Животная жизнь также гораздо богаче, чѣмъ въ пустынѣ.

Еще лучше растительность самого Тянь-Шаня, по крайней мѣрѣ на сѣверномъ его склонѣ. Подножія этого склона луговыя, но приблизительно съ 6.000 фут. абс. высоты появляются хвойные лѣса (лиственныхъ здѣсь нѣтъ) и сразу густо одѣваютъ собою горные склоны. Эти лѣса поднимаются вверхъ до 9.000 ф.; за ними идетъ луговая альпійская область. Въ ущельяхъ, по дну которыхъ бѣгутъ ручьи, ростутъ разнообразные кустарники. Столь же разнообразна и травяная флора лѣсовъ. Но животная жизнь сѣвернаго склона не отличается богатствомъ видовъ.

За Тянь-Шанемъ къ югу разстилается еще болѣе мертвая и

негостепріимная, чѣмъ Джунгарская, пустыня Хами. Въ самомъ преддверіи ея расположенъ городъ Хами въ оазисѣ того же имени. Хами составляетъ со стороны Китая ключъ ко всему Восточному Туркестану и землямъ притяньшанскимъ. Китайскія власти дали здѣсь Пржевальскому конвой изъ одного офицера и 15 солдатъ. Пржевальскій былъ доволенъ, когда ему удалось отдѣлаться отъ большей части конвойныхъ, изъ числа которыхъ 9 человѣкъ офицеръ распорядился отправить назадъ, въ Хами.

Съ Хамійской пустыни началась самая трудная часть путешествія. Уже на третьемъ и четвертомъ переходахъ отъ Хами пустыня эта явилась во всей ужасающей дикости. „Мѣстность,— пишетъ Пржевальскій,—здѣсь представляетъ слегка волнистую равнину, по которой тамъ и сямъ разбросаны лёссовые обрывы въ формѣ стѣнъ, иногда столовъ и башенъ; почва же покрыта галькою и гравіемъ. Растительности нѣтъ вовсе. Животныхъ также нѣтъ никакихъ; даже ни ящерицъ, ни насѣкомыхъ. По дорогѣ безпрестанно валяются кости лошадей, муловъ и верблюдовъ. Надъ раскаленною почвою виситъ мутная, словно дымомъ наполненная, атмосфера; вѣтерокъ не колышетъ воздуха и не даетъ прохлады. Только часто пробѣгаютъ горячіе вихри и далеко уносятъ крутящіеся столбы соленой пыли. Впереди и по сторонамъ путника играетъ обманчивый миражъ. Если же этого явленія не видно, то и тогда сильно нагрѣтый нижній слой воздуха волнуется и дрожитъ, безпрестанно измѣняя очертанія отдаленныхъ предметовъ. Жара днемъ невыносимая. Солнце жжетъ отъ самаго своего восхода до заката. Оголенная почва нагрѣвалась до $+62,_5^0$; въ тѣни же, въ полдень, мы не наблюдали отъ самаго прибытія въ Хами меньше $+35^0$. Ночью также не было прохлады, такъ какъ съ вечера обыкновенно поднимался восточный вѣтеръ и не давалъ атмосферѣ достаточно охладиться чрезъ лучеиспусканіе. Напрасно, ища прохлады днемъ, мы накрывали смоченными войлоками свою палатку и поливали водою внутри ея. Мѣра эта помогала лишь на самый короткій срокъ: влага быстро испарялась въ страшно сухомъ воздухѣ пустыни, затѣмъ жара чувствовалась еще сильнѣе и негдѣ было укрыться отъ нея ни днемъ, ни ночью“ („Третье путешествіе“, стр. 86).

Понятно, что при такой страшной жарѣ путешествовать было немыслимо. Наши путешественники, поэтому, вставали обыкновенно около полуночи, выступали около 2-хъ часовъ ночи и часамъ къ 9-ти утра приходили на слѣдующую станцію. Описывая переходъ чрезъ Хамійскую пустыню, Пржевальскій сообщаетъ интересный фактъ, что въ ней „волосы на головѣ и бородѣ росли

необыкновенно быстро, а у молодыхъ казаковъ вдругъ начали рости усы и борода" (стр. 90).

Только въ оазисѣ Са-Чжеу, на югѣ Хамійской пустыни, у сѣверной подошвы громаднаго хребта Нань-Шань, экспедиція могла отдохнуть отъ трудностей пути. Са-Чжеу, лежащій на высотѣ 3.700 ф., занимаетъ площадь верстъ на 25 отъ сѣвера къ югу и на 20 отъ востока къ западу. Все это пространство сплошь заселено китайцами, одиночныя фанзы которыхъ скрываются въ тѣни высокихъ ивъ, ильмовъ и пирамидальныхъ тополей. Въ районѣ, ближайшемъ къ самому городу Са-Чжеу, расположенномъ въ южной части оазиса, разведены многочисленные сады, въ которыхъ изобильны яблоки, груши и абрикосы; персиковъ и винограда нѣтъ. Въ пространствѣ между отдѣльными фанзами помѣщаются поля, разбитыя красивыми, тщательно обработанными квадратными площадями и обсаженныя по берегамъ оросительныхъ канавъ деревьями. На этихъ поляхъ произрастаютъ пшеница, горохъ, ячмень и ленъ, рѣже—рисъ, кукуруза, чечевица, фасоль, конопля, арбузы, дыни. Вообще, по словамъ Пржевальскаго, са-чжеускій оазисъ послѣ илійскаго самый плодородный во всей Центральной Азіи. Населеніе его состоитъ изъ китайцевъ.

Китайскія власти въ Са-Чжеу отнеслись къ экспедиціи не особенно дружелюбно. Онѣ цѣлую недѣлю угощали Пржевальскаго обѣщаніями дать проводника въ Цайдамъ, но затѣмъ отказали въ этомъ окончательно, отговариваясь неимѣніемъ людей, знающихъ туда дорогу. Когда же Пржевальскій объявилъ, что пойдетъ одинъ, безъ проводника, власти дали какихъ-то темныхъ личностей, которыя намѣренно или нѣтъ завели потомъ караванъ въ непроходимую мѣстность.

Верстахъ въ 12 отъ Са-Чжеу экспедиціи встрѣтился прекрасный ручей, струившійся подъ сѣнью ильмовыхъ деревьевъ. Въ этомъ мѣстѣ оказалось много священныхъ буддійскихъ пещеръ, выкопанныхъ въ обрывахъ наносной почвы. Въ одной изъ пещеръ находился громадныхъ размѣровъ (12—13 саж. высоты) идолъ, сдѣланный изъ глины съ примѣсью тростника; голова, кисти рукъ и босыя ноги у него были вызолочены, одѣяніе же выкрашено въ красный цвѣтъ. Миновавъ пещерный городъ, экспедиція была заведена проводниками въ мѣстность, изрытую оврагами, невозможную для движенія. Тогда Пржевальскій рѣшился разыскивать путь разъѣздами: отъ мѣста стоянки посылались верхомъ на лошадяхъ два-три человѣка въ разныя стороны, верстъ за сто и далѣе. Послѣ осмотра тропинокъ и вообще изслѣдованія мѣстности посланные возвращались назадъ, и тогда

уже поднимался въ путь весь караванъ. Въ одну изъ такихъ экскурсій Пржевальскій встрѣтилъ двухъ охотниковъ-монголовъ и привелъ ихъ въ лагерь. За хорошую плату эти монголы согласились провести караванъ ближайшимъ путемъ въ Цайдамъ, въ урочище Сартынъ.

Въ это время наши путешественники вступили уже въ Нань-Шань. Нань-Шань—восточное продолженіе открытаго Пржевальскимъ въ путешествіе на Лобъ-Норъ хребта Алтынъ-Тага; при посредствѣ Алтынъ-Тага онъ связывается съ Кунь-Лунемъ. Такимъ образомъ является непрерывная, гигантская стѣна отъ р. Хуанъ-Хэ на востокѣ до Памирской выси на западѣ. Эта стѣна, отдѣляя Монголію на сѣверѣ отъ Тибета, на югѣ служитъ чрезвычайно рѣзкою границею названныхъ странъ въ отношеніи климата, флоры и фауны. Нань-Шань состоитъ изъ нѣсколькихъ параллельныхъ цѣпей и образуетъ альпійскую страну, переходящую къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Куку-Нора, мѣстами за предѣлы вѣчнаго снѣга. Пользуясь правомъ перваго изслѣдователя, Пржевальскій назвалъ двѣ главныя цѣпи Нань-Шаня именами Гумбольдта и Риттера. Въ западной своей части (той, которую Пржевальскій проходилъ въ описываемое путешествіе) Нань-Шань отличается довольно бѣдною растительною и животною жизнью, что̀, по всей вѣроятности, происходитъ отъ замѣченной здѣсь сухости климата. Во время странствованія путешественниковъ въ Нань-Шанѣ съ однимъ изъ нихъ, унтеръ-офицеромъ Егоровымъ, случилось приключеніе, которое могло стоить ему жизни. Этотъ Егоровъ отправился на охоту и заблудился. Настала морозная ночь. Чтобы не замерзнуть, Егоровъ, бывшій въ одной рубахѣ, проходилъ всю ночь и удалился отъ стойбища совсѣмъ въ сторону. Утромъ, когда разсвѣло, онъ уже не могъ распознать дороги къ каравану, и долженъ былъ проблуждать еще цѣлыя сутки. Пищи у него съ собою не было взято никакой; звѣрей, какъ на зло, ему не попадалось, такъ что несчастный долженъ былъ поддерживать свое существованіе только ревенемъ. Лишь на пятыя сутки удалось ему убить зайца, котораго онъ и съѣлъ сырьемъ. Морозы между тѣмъ продолжали стоять значительные. Для предохраненія отъ нихъ Егоровъ сталъ класть за пазуху сухой пометъ дикихъ яковъ. При всемъ томъ, какъ только онъ засыпалъ, рубаха, пропотѣвшая днемъ, замерзала и превращалась въ дерево. Въ довершеніе бѣды плохая самодѣльная обувь износилась въ два дня. Тогда Егоровъ разодралъ свои парусинныя панталоны и обернулъ ими ноги. Прошло 6 дней. Силы несчастнаго замѣтно убывали; онъ сталъ уже готовиться

къ смерти, какъ случайно встрѣтилъ караванъ экспедиціи, и былъ спасенъ. Трудно передать, на что онъ былъ похожъ тогда: безъ шапки, съ почти чернымъ отъ загара лицомъ, мутнымъ, дикимъ взоромъ, съ ногами, покрытыми ранами. Нѣсколько глотковъ водки подняли упавшія силы Егорова, но окончательно онъ поправился только спустя двѣ недѣли.

За Нань-Шанемъ лежитъ извѣстный уже намъ Цайдамъ, образующій передовой, сѣверный уступъ Тибета, къ западу отъ Куку-Нора. Съ сѣвера Цайдамъ ограждаютъ цѣпи, принадлежащія къ системамъ Нань-Шаня и Алтынъ-Тага; съ юга еще болѣе рельефною ему границею служитъ громадная стѣна горъ, которыя отъ Бурханъ-Будда на востокѣ тянутся подъ различными названіями далеко къ западу. Здѣсь, т.-е. на западѣ, границу Цайдама въ свое третье путешествіе Пржевальскій не могъ опредѣлить: это удалось ему исполнить лишь въ четвертое—послѣднее. Что касается востока, то съ этой стороны описываемую страну окаймляютъ горы, служащія западнымъ продолженіемъ нѣкоторыхъ хребтовъ верхняго теченія Хуанъ-Хэ. Съ востока на западъ Цайдамъ тянется верстъ на 800; ширина же его, не переходящая сотни верстъ, въ восточной части значительно увеличивается въ серединѣ. Весь край, поднятый на 9—11.000 ф. надъ уровнемъ моря, состоитъ изъ двухъ довольно рѣзко различающихся частей: южной — которой собственно и пріурочено монгольское имя Цайдамъ, несомнѣнно бывшей недавно дномъ обширнаго соляного озера, а потому болѣе низкой, совершенно ровной, изобилующей болотами, почти сплошь покрытой солончаками, и сѣверной—болѣе возвышенной, состоящей изъ мѣстностей гористыхъ, или изъ безплодныхъ глинистыхъ, галечныхъ и частію солончаковыхъ пространствъ, изборожденныхъ невысокими горами.

Населеніе Цайдама слагается главнымъ образомъ изъ монголовъ, принадлежащихъ къ олютамъ. Всего чаще встрѣчается здѣсь помѣсь съ тангутами, особенно въ восточномъ и южномъ Цайдамѣ. Лѣнивые и апатичные, цайдамскіе монголы притомъ большіе плуты и обманщики. Въ умственномъ отношеніи они стоятъ очень низко. Жизнь влачатъ самую жалкую. Они постоянно подвергаются разбойничьимъ нападеніямъ со стороны тангутовъ. Сопротивленія вооруженною силою разбойники почти никогда не встрѣчаютъ, разъ—вслѣдствіе трусости самихъ монголовъ, а во-вторыхъ потому, что за каждаго убитаго разбойника платится большой штрафъ его семейству. Такой порядокъ, по словамъ Пржевальскаго, узаконенъ сининскими амбанями (губернаторами), съ которыми разбойники будто бы дѣлятся добычей.

На пути чрезъ Цайдамъ экспедиція миновала значительныя соляныя озера и при одномъ изъ нихъ, Курлыкъ-Норѣ, сдѣланъ былъ привалъ. Къ Пржевальскому пріѣхалъ съ визитомъ жившій по другую сторону Курлыкъ-Нора мѣстный князь (бэйсе). Несмотря на такую вѣжливость, когда зашла рѣчь о снабженіи экспедиціи продовольствіемъ, князь сталъ отказывать во всемъ. Однако Пржевальскій, немного погодя, самъ отправился къ нему съ визитомъ. Князь вышелъ на встрѣчу и ввелъ нашего путешественника въ свое жилище - грязную дырявую юрту. Когда возобновились переговоры насчетъ дальнѣйшаго слѣдованія въ Тибетъ, со стороны князя и его приближенныхъ начались разсказы о трудности пути, неимѣніи проводниковъ, верблюдовъ и т. под. Пржевальскій категорически потребовалъ проводника и снабженія всѣмъ необходимымъ, грозя, въ случаѣ отказа, жаловаться прямо въ Пекинъ. Утромъ другого дня князь снова пріѣхалъ къ Пржевальскому и началъ-было свои прежнія увѣренія въ готовности, но невозможности исполнить требованія. Тогда Пржевальскій выгналъ князя со свитой вонъ изъ палатки. „Какъ и вездѣ въ Азіи, — говоритъ самъ путешественникъ, — подобное обращеніе сразу отклонило всѣ проволочки и привело къ осязательнымъ результатамъ. Прогнанные изъ нашей палатки, бэйсе и его приближенные усѣлись, отойдя немного, въ кружокъ на землѣ, нѣсколько времени совѣтовались и наконецъ объявили, что готовы исполнить наши требованія, за исключеніемъ проводника прямо въ Тибетъ, но обѣщали дать вожака до стойбищъ сосѣдняго цайдамскаго князя Дзунъ-Засака, у котораго мы были въ 1872 и 73 г.г., при своемъ первомъ путешествіи въ Тибетъ. Затѣмъ началась закупка продовольствія. Комично было отмѣриваніе ячменя, хранившагося въ ямѣ. Довѣренный князя залѣзъ въ эту яму съ мѣркою; князь же и его свита вели счетъ, и лишь только наполненная ячменемъ мѣрка показывалась изъ ямы, всѣ въ одинъ голосъ вскрикивали: „гурбу!“ (третій), „дубръ!“ (четвертый) и т. д. Верблюдовъ князь, однако, вовсе не далъ, а присланный имъ проводникъ оказался идіотомъ“. Система запугиваній, какъ видно, не всегда достигала цѣли.

Пройдя р. Баянъ-Голъ, видѣнную еще въ первое путешествіе, но оказавшуюся теперь гораздо ўже, экспедиція пришла къ „хырмѣ“ помянутаго князя Дзунъ-Засакъ. Этотъ князь, несмотря на свое знакомство съ Пржевальскимъ, встрѣтилъ послѣдняго далеко не радушно. Думая выслужиться передъ китайцами, онъ старался, по словамъ Пржевальскаго, всячески затормазить движеніе экспедиціи въ Тибетъ, въ чемъ, однако, не успѣлъ. Оста-

вивъ въ хырмѣ лишній багажъ, 18-го сентября экспедиція перешла хребетъ Бурханъ-Будда и вступила на тибетское плато, или, вѣрнѣе, на послѣднюю къ нему ступень со стороны Цайдама, лежащую на высотѣ 13.100 ф. Характеръ мѣстности и всей природы круто измѣнился. На плато прежде всего поражало обиліе крупныхъ звѣрей, мало или почти вовсе не страшившихся человѣка. Невдалекѣ отъ стойбища экспедиціи паслись табуны хулановъ, лежали и расхаживали въ-одиночку дикіе яки, въ граціозной позѣ стояли самцы оронго; быстро, словно резиновые мячики, скакали маленькія антилопы-ады. Появились и новыя птицы. Не было конца удивленію и восторгу путниковъ, впервые увидѣвшихъ такое обиліе дикихъ животныхъ.

Двигаясь все дальше и дальше къ югу, наши путешественники пересѣкли нѣсколько горныхъ хребтовъ. Въ хребтѣ Куку-Шили проводникъ, который уже раньше путался, окончательно сбился съ толку и былъ прогнанъ. Пржевальскій рѣшился прибѣгнуть къ прежнему, уже испытанному способу разысканія пути при помощи разъѣздовъ. Разъѣзды эти вывели экспедицію на р. Муръ-Усу—верховья Янъ-Изыцзяна, или Голубой рѣки, орошающей и оплодотворяющей своимъ среднимъ и нижнимъ теченіемъ лучшую половину собственнаго Китая. Муру-Усу беретъ начало въ хребтѣ Танъ-Ла, покрытомъ вѣчными снѣгами.

Хребетъ Танъ-Ла, съ прилегающимъ къ нему плато, несмотря на свое высокое положеніе, служитъ мѣстомъ жительства тангутскаго поколѣнія эграевъ, которые существуютъ грабежами и разбоями, нападая на слѣдующіе въ Тибетъ караваны. Эграи думали поживиться и насчетъ экспедиціи, но на этотъ разъ ошиблись въ разсчетѣ. Напавъ на путешественниковъ въ самомъ перевалѣ чрезъ Танъ-Ла, они были встрѣчены залпами изъ берданокъ. Четверо разбойниковъ свалились мертвыми, нѣсколько было ранено; видя это, остальные бросились бѣжать въ горы. Это произошло 7-го ноября. На слѣдующій день, собравшись въ большемъ числѣ, эграи заняли ущелье, чрезъ которое лежалъ путь экспедиціи, но и вторичное ихъ нападеніе было отбито. Такимъ образомъ путь былъ очищенъ, и, спустясь съ Танъ-Ла, Пржевальскій направился въ Лассу.

Близъ деревни Набчу, всего за 250 верстъ отъ столицы Далай-Ламы, караванъ встрѣтили тибетцы и объявили, что не могутъ пустить русскихъ дальше безъ разрѣшенія своего правительства; посланъ былъ гонецъ въ Лассу; путешественники же остановились ждать отвѣта. На всякій случай противъ русскихъ былъ собранъ большой отрядъ войска, состоявшій изъ такихъ же

жалко вооруженныхъ трусовъ, какъ и эграи. Вѣсть о побитіи эграевъ произвела въ Тибетѣ сильное впечатлѣніе, чего не скрывали и сами солдаты Далай-Ламы. Вообще розсказни о Пржевальскомъ и его спутникахъ приняли самые чудовищные размѣры и фантастическую окраску. Распространился, между прочимъ, слухъ, что русскіе трехглазые, поводомъ къ чему послужили кокарды на фуражкахъ у Пржевальскаго и двухъ другихъ офицеровъ.

Чрезъ 20 дней послѣ отправленія гонца въ Лассу прибылъ оттуда посланникъ Далай-Ламы съ 7-ю чиновниками, которые стали просить Пржевальскаго вернуться, такъ какъ тибетскій народъ не желаетъ-де пустить къ себѣ русскихъ. Когда Пржевальскій показалъ свой пекинскій паспортъ и сталъ утверждать, что на проходъ въ Лассу имѣетъ разрѣшеніе китайскаго правительства, посланцы отвѣчали, что они знаютъ свой народъ и своего государя, а до китайцевъ имъ нѣтъ дѣла. Вообще, какъ оказалось, власть Китая въ Тибетѣ очень невелика. Что̀ было дѣлать? Пржевальскій согласился вернуться, но потребовалъ и получилъ отъ пословъ бумагу, въ которой объяснялось, почему путешественниковъ не пустили въ Лассу.

Весь декабрь и январь экспедиція шла обратно изъ Набчу въ Цайдамъ (разстояніе 850 верстъ). Путь былъ крайне трудный. Морозы, бури, снѣга, огромная абсолютная высота (14.000—16.000 ф.)—все это давало себя знать очень сильно. Изъ 34 верблюдовъ 20 пало, пришлось завьючить часть верховыхъ лошадей, а самимъ идти поочередно пѣшкомъ. Продовольствія недоставало. Добывали мясо охотой; ежедневная порція муки была лишь въ 1/2 фунта на брата. Всѣ схватили простуду, а одинъ казакъ чуть не умеръ. Только въ Цайдамѣ путешественники могли вздохнуть свободнѣе и предаться отдохновенію.

Въ Цайдамѣ Пржевальскій направился не по прежнему пути на сѣверъ, а на востокъ, къ оз. Куку-Норъ и верховьямъ Желтой рѣки (Хуанъ-Хэ). На Куку-Норъ онъ вышелъ въ томъ же пунктѣ, который посѣтилъ въ 1873 г. Съ привала у г. Донъ-Кыра (къ востоку отъ Куку-Нора) нашъ путешественникъ ѣздилъ въ г. Сининъ на свиданіе съ амбанемъ (губернаторомъ). На спросъ Пржевальскаго идти мѣсяца на три-четыре на верховья Желтой рѣки—амбань отвѣчалъ отказомъ, увѣряя, что получилъ изъ Пекина предписаніе не пускать путешественника никуда, а выпроводить домой. Съ цѣлью отклонить Пржевальскаго отъ путешествія на верховья Желтой рѣки, амбань стращалъ разбойниками, а одинъ изъ приближенныхъ губернатора прибавилъ, что

тамъ въ лѣсахъ живутъ людоѣды. Въ концѣ концовъ, амбань—дабы не подвергаться отвѣтственности въ случаѣ какого-нибудь несчастья съ нашимъ путешественникомъ выпросилъ отъ Пржевальскаго росписку въ томъ, что онъ идетъ на Желтую рѣку вопреки его предостереженіямъ.

По возвращеніи изъ Синина къ стойбищу, два дня (15-го и 16-го марта) посвящены были переформировкѣ каравана. Всѣ коллекціи и кое-какія лишнія вещи были отправлены на 10 верблюдахъ, подъ присмотромъ одного казака, въ Алашань, а оставленнымъ самымъ необходимымъ грузомъ навьючены мулы. Отъ мѣста бивуака до Желтой рѣки оказалось всего 57 верстъ. Переваливъ два горные хребта, караванъ достигъ крайняго осѣдлаго пункта въ верхней части Желтой рѣки, Белекунъ-Гоми. Лѣсныя и кустарныя заросли по долинѣ Хуанъ-Хэ, широкая рѣка —все это дѣйствовало особенно привлекательно послѣ однообразія пустынь Тибета, Цайдама и Куку-Нора. Тамошніе холода смѣнились теплою, временами даже жаркою, весеннею погодою. Но надежды Пржевальскаго на богатую флору и фауну далеко не оправдались.

10 дней, проведенныхъ въ Гоми, послужили не только для отдыха, но и для разысканія проводника на дальнѣйшій путь по Желтой рѣкѣ. Многіе изъ мѣстныхъ тангутовъ, несомнѣнно, бывали на истокахъ этой рѣки, но ни одинъ изъ нихъ о томъ и не заикнулся. Съ великими усиліями и угрозами удалось, наконецъ, добыть путеводителя, но опять-таки идіота, едва знакомаго съ мѣстностью на 100 верстъ впередъ. Пржевальскій не сомнѣвался, что между мѣстными жителями выбранъ былъ самый худшій проводникъ и притомъ по приказанію посланца изъ Синина, передавшаго мѣстнымъ жителямъ приказъ амбаня обманывать русскихъ на каждомъ шагу, затруднять ихъ движеніе всякими уловками.

Путь по верховьямъ Желтой рѣки познакомилъ съ чрезвычайно любопытнымъ строеніемъ ея бассейна. Характерною чертою послѣдняго служатъ безчисленные, чрезвычайно глубокіе корридоры, или траншеи, вырытые въ наносной почвѣ (глина, галька, мелкіе валуны) всѣми безъ исключенія, даже мелкими рѣчками. Нерѣдко такія же промоины образуются во время сильныхъ дождей. Бока подобныхъ корридоровъ, всегда вертикальные, страшно исковерканные, имѣютъ по меньшей мѣрѣ 1.000 ф. по отвѣсу. На самой Желтой рѣкѣ, которая течетъ въ такомъ же, только болѣе широкомъ, корридорѣ, отвѣсные бока возвышаются надъ уровнемъ воды на 1.600 футовъ. Тысячи и тысячи подобныхъ пропастей изрѣзываютъ мѣстность по верхней Хуанъ-хэ. Но всѣ

эти пропасти и овраги незамѣтны даже вблизи: идешь по луговому платò, совершенно гладкому, и вдругъ подъ ногами разверзается страшная пропасть, по дну которой обыкновенно течетъ обросшая деревьями рѣчка. Въ пропасти эти можно спуститься только тропинками, проложенными мѣстными жителями; но такія тропинки, при 3—4 верстахъ протяженія, имѣютъ полторы тысячи фут. паденія. Можно себѣ представить, каково спускаться или подниматься по этимъ тропамъ муламъ, навьюченнымъ кладью. Съ глиняныхъ стѣнъ, вдобавокъ, постоянно грозятъ обвалы.

Къ неудобствамъ движенія присоединилось враждебное настроеніе мѣстныхъ жителей, сифаней. Лишь только экспедиція вступила въ ихъ край, какъ явился какой-то всадникъ, который издали прокричалъ путникамъ, что они будутъ перебиты, и скрылся. Пришлось опять, какъ зимою въ Тибетѣ, перейти на „военное положеніе". Къ счастію, угрозы сифаней такъ и остались угрозами. Позже они перемѣнили свои отношенія на болѣе мирныя, даже пріѣзжали къ путешественникамъ и продавали имъ масло и барановъ.

Верстахъ въ 130 отъ Гоми наши странники встрѣтили въ глубокихъ рѣчныхъ ущельяхъ высокихъ, мѣстами снѣговыхъ горъ порядочные лѣса, въ которыхъ оказалось много птицъ, въ томъ числѣ три вида еще неизвѣстныхъ. Особенно много было голубыхъ ушастыхъ фазановъ. Другая рѣдкость описываемой мѣстности—лекарственный ревень, ростущій мѣстами въ невѣроятномъ изобиліи. Старые корни ревеня достигаютъ здѣсь громадныхъ размѣровъ.

Перебираясь изъ одного ущелья въ другое, караванъ достигъ устья притока Желтой рѣки—Чурмыка. Разъѣздами верстъ на 40 вверхъ по теченію рѣки Пржевальскій убѣдился въ невозможности перейти прорываемый этой рѣкой громадный хребетъ. Горы заходятъ за облака, страшныя ущелья чуть не на каждой верстѣ; подножнаго корма нѣтъ. Между тѣмъ трудности пути уже отозвались на животныхъ, изъ которыхъ четыре штуки пали. Въ виду всего этого Пржевальскій повернулъ обратно, пришелъ въ Гоми, а оттуда въ городъ Гуй-Гуй, лежащій въ 60 верстахъ ниже Гоми, на правомъ (южномъ) берегу Желтой рѣки.

Посѣтивъ лѣтомъ еще разъ оз. Куку-Норъ и вторично обслѣдовавъ восточный Нань-Шань, Пржевальскій двинулся чрезъ Ала-Шань на Ургу и Кяхту, куда и прибылъ 29-го октября 1880 г.

Итоги третьяго путешествія хотя и не достигали тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, какіе указаны въ „Извѣстіяхъ И. Р. Г.

Общества" [1]), все-таки были значительны. Экспедиція совершила съ 21-го марта 1879 г. по 1-е ноября 1880 г. 7.180 верстъ, произвела съемку и описаніе пройденнаго пути, сдѣлала рядъ метеорологическихъ наблюденій, собрала богатыя коллекціи растеній и животныхъ.

Успѣхъ трехъ описанныхъ путешествій въ Центральной Азіи, обширныя, оставшіяся тамъ еще неизвѣстными, площади страны, заманчивость вольной страннической жизни, все это толкало Пржевальскаго на новыя странствія. И вотъ въ февралѣ 1883 г. онъ представилъ императорскому русскому географическому обществу планъ четвертаго путешествія, задачею котораго ставилось изслѣдованіе сѣвернаго Тибета отъ истоковъ Желтой рѣки до Лобъ-Нора и Хотана, а также путей въ Лассу. Какъ и прежде, географическое общество и военное министерство отнеслись къ плану Пржевальскаго съ полнымъ сочувствіемъ. На экспедицію ассигновано было казною 43.580 р. Увеличеніе денежныхъ средствъ дозволило Пржевальскому увеличить и число участниковъ экспедиціи, доведя его до 21 чел. (вмѣсто 13).

3-го августа Пржевальскій отправился изъ Петербурга, въ сопровожденіи двухъ ближайшихъ помощниковъ—подпоручика Роборовскаго и вольноопредѣляющагося Козлова. На пути въ Ургу къ нему присоединился конвой и переводчикъ.

Окончательно снарядившись въ Ургѣ, 8-го ноября 1883 г., экспедиція выступила въ путь.

До самой хырмы кн. Дзунъ-Засака Пржевальскій шелъ уже извѣстными намъ мѣстами чрезъ Ала-Шань, Гань-Су, область Куку-Нора. Хырма Дзунъ-Засака должна была послужить, такъ сказать, базисомъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій страны. По новому плану нашего путешественника, для устраненія необходимости тащить съ собою весь караванъ и съ цѣлью дать отдыхъ наиболѣе утомившимся вьючнымъ животнымъ, здѣсь устроенъ былъ опорный складочный пунктъ, изъ котораго начались экскурсіи въ стороны.

Первымъ дѣломъ по прибытіи къ Дзунъ-Засаку (1-го мая 1884 г.) было купить новыхъ верблюдовъ, а также найти проводника для предстоящей лѣтней экскурсіи на истоки Желтой рѣки и далѣе къ югу, словомъ—въ сѣверо-восточный Тибетъ. Но и теперь Пржевальскому пришлось встрѣтить сильное противо-

[1]) Въ „Извѣстіяхъ" сказано, что третьею экспедиціею было пройдено 22.260 верстъ; изъ нихъ 11.470 сняты глазомѣрно, опредѣлено 48 астроном. пунктовъ, сдѣлано 212 барометрическихъ опредѣленій высотъ (Изв., т. XIX, отд. I, стр. 10). Между тѣмъ самъ Пржевальскій очень опредѣленно относитъ эти цифры къ тремъ путешествіямъ (см. „Третье путешествіе", стр. 467).

дѣйствіе со стороны своего стараго знакомаго. Дзунъ-Засакъ сталъ отговариваться неимѣніемъ хорошихъ верблюдовъ, также какъ и людей, знакомыхъ съ мѣстностью сѣверо-восточнаго Тибета; неохотно отозвался онъ и на предложеніе продать барановъ и немного ячменя для корма лошадямъ. Тогда Пржевальскій прибѣгнулъ къ прежней мѣрѣ: назначивъ Дзунъ-Засаку четырехдневный срокъ для доставки всего требуемаго, онъ грозилъ, въ случаѣ неисполненія требованій, употребить болѣе крутыя мѣры. Несмотря на все это, къ концу четвертаго дня нашему путешественнику доставлены были лишь десятка два никуда негодныхъ верблюдовъ и столько же плохихъ барановъ, а относительно проводника послѣдовалъ полный отказъ. Тогда безъ дальнѣйшихъ околичностей Пржевальскій арестовалъ Дзунъ-Засака въ лагерной палаткѣ, возлѣ которой поставленъ былъ вооруженный часовой; помощника князя посадилъ подъ открытымъ небомъ на цѣпь, а одного изъ княжескихъ приближенныхъ, осмѣлившагося во время осмотра верблюдовъ ударить переводчика экспедиціи — высѣкъ! Такія мѣры возъимѣли, по свидѣтельству самого Пржевальскаго, дѣйствіе: нашлись и проводникъ, и верблюды, и бараны, и продовольствіе. Тутъ, очевидно, экономическіе законы „спроса и предложенія" отступили на послѣдній планъ; вмѣсто нихъ явилось на сцену категорическое требованіе, подкрѣпляемое силою. Расправляясь съ „поставщиками" при помощи крутыхъ мѣръ, Пржевальскій, конечно, думалъ, что дѣйствуетъ вполнѣ справедливо, что борется противъ „злоупотребленій". Такой взглядъ былъ съ его стороны большимъ заблужденіемъ. Отказъ въ снабженіи продовольствіемъ могъ явиться слѣдствіемъ не столько недоброжелательства къ нашимъ путешественникамъ, сколько собственной бѣдности жителей. Самъ Пржевальскій не скрываетъ того, что и „засаки", и ихъ подданные влачатъ самое жалкое существованіе. Снабженіе продовольствіемъ довольно большой партіи путешественниковъ на значительное время было дѣломъ не особенно легкимъ. Хотя нашъ путешественникъ за все расплачивался щедро, но для отрѣзанныхъ степями отъ всего міра кочевниковъ, съ ихъ первобытнымъ натуральнымъ хозяйствомъ, деньги едва ли имѣютъ большое значеніе.

У хырмы, подъ присмотромъ семи казаковъ, былъ сложенъ лишній багажъ и оставлены запасные верблюды. Съ прочими спутниками Пржевальскій направился въ сѣверо-восточный Тибетъ, на истоки Желтой рѣки, которые оставались еще неизслѣдованными. Трое сутокъ употреблено было на подъемъ на хребетъ Бурханъ-Будда, перевалъ чрезъ который имѣлъ 16.100 ф. абсолютной

высоты; спускъ на южную сторону оказался гораздо короче. По ту сторону хребта караванъ вступилъ въ восточную окраину котловины Одонь-Тала, бывшую нѣкогда дномъ озера и теперь покрытую множествомъ кочковатыхъ болотъ (мото-шириковъ), ключей и маленькихъ озерковъ. Текущія здѣсь рѣчки сливаются въ два главные потока, которые и составляютъ истоки Желтой рѣки. Въ области этихъ истоковъ нѣтъ вѣчно снѣговыхъ горъ; послѣднія если появляются, то дальше внизъ по теченью Желтой. Истоки рѣки лежатъ на высотѣ 13.600 ф. И по соединеніи потоковъ, Желтая рѣка имѣетъ все еще весьма скромные размѣры. Она состоитъ изъ двухъ-трехъ рукавовъ, каждый въ 12—15 саж., при глубинѣ въ 2 ф. въ бродахъ, затѣмъ проходитъ два озера и становится шире и многоводнѣе.

Лишь только экспедиція вступила въ горы сѣверо-восточнаго Тибета, какъ тотчасъ же почувствовала суровость климата этого высочайшаго плоскогорья. Несмотря на то, что стояла уже вторая половина мая мѣсяца, здѣсь нерѣдко, какъ среди зимы, бушевали мятели, а по ночамъ случались морозы до 23 гр. по Ц. Даже въ іюнѣ и іюлѣ морозы, хотя и легкіе (до 5°), повторялись каждую ясную ночь. Вмѣстѣ съ тѣмъ ежедневно, а иногда и нѣсколько сутокъ кряду, лили дожди. Количество водяныхъ осадковъ, приносимыхъ сюда изъ-за Гималайскихъ горъ юго-западнымъ муссономъ Индійскаго океана, по словамъ Пржевальскаго, такъ велико, что сѣверный Тибетъ превращается лѣтомъ въ сплошное болото. Нечего и говорить, какія затрудненія представляли эти болота для движенія верблюдовъ, привыкшихъ къ сухости.

Но дикія пустыни сѣвернаго Тибета, столь непривѣтливыя для человѣка, что въ большей части этой страны отказываются жить даже номады, укрываютъ многочисленныя стада дикихъ животныхъ, яковъ, хулановъ, антилопъ, горныхъ барановъ, медвѣдей. Медвѣди попадались экспедиціи ежедневно по нѣсколько штукъ иногда болѣе десятка. Тибетскій медвѣдь очень труcливъ и старается уйти даже раненый.

На истокахъ Желтой экспедиція провела нѣсколько дней и затѣмъ направилась на верховья другой громадной рѣки Китая, Голубой. Мѣстность по прежнему представляла холмистое, иногда гористое платò, въ большей части покрытое кочковатыми болотами, поросшими твердою, какъ проволока, тибетскою осокою. Водораздѣлъ двухъ великихъ китайскихъ рѣкъ въ мѣстности, пройденной экспедиціею, оказался въ 14.500 ф. абсолютной высоты. Далѣе къ югу, уже въ бассейнѣ Голубой рѣки, характеръ края быстро измѣняется—онъ превращается въ горную альпійскую

область; но лѣсовъ по горамъ еще нѣтъ, хотя травянистая флора довольно богата и разнообразна. Здѣсь же кочуютъ со своими стадами яковъ и барановъ тангуты племени катъ; они встрѣтили экспедицію хоть и не особенно дружелюбно, но и не враждебно.

Черезъ сотни верстъ труднаго пути по горной странѣ достигнуты были верховья Голубой рѣки, протекающей здѣсь на абсолютной высотѣ 12.700 фут. Стѣсненная горами, рѣка имѣетъ, при большой глубинѣ, ширины 50—60 саж.; вода въ ней очень мутная, теченіе чрезвычайно быстрое. Переправиться чрезъ такую рѣку съ верблюдами представлялось немыслимымъ; путь далѣе къ югу, слѣдовательно, былъ прегражденъ. Рѣшено было обслѣдовать большія озера верховьевъ Желтой рѣки. На обратномъ пути Пржевальскаго отъ озеръ въ Цайдамъ тангуты, промышляющіе грабежомъ и разбоемъ, сдѣлали конною партіею въ 300 человѣкъ на нашихъ путниковъ неожиданное нападеніе. Это нападеніе, какъ и другое, послѣдовавшее непосредственно затѣмъ, было отбито. Такимъ образомъ, обратный путь въ Цайдамъ былъ очищенъ. Путниковъ стали донимать только дожди и мятели. Жителей не попадалось, но неподалеку отъ южной подошвы Бурханъ-Будда встрѣтилась партія золотопромывателей. Золота въ сѣв. Тибетѣ очень много. Тамъ, гдѣ работала помянутая партія, оно лежало не глубже 1—2 ф. отъ поверхности, и хотя промывка песковъ производилась самымъ грубымъ, первобытнымъ способомъ, добыватели драгоцѣннаго металла показывали его цѣлыя горсти, все кусочками не меньше горошины, а часто вдвое и втрое крупнѣе.

Восточный Цайдамъ, куда вступила экспедиція, при всей бѣдности и жалкости своей природы, послѣ Тибета показался благодатною страною.

Въ западномъ Цайдамѣ, у солончаковой долины Гасть, расположенной на высотѣ 9.000 фут., устроенъ былъ, взамѣнъ прежняго, новый складочный пунктъ, гдѣ подъ командой урядника Пржевальскій оставилъ 6 казаковъ и переводчика.

Отъ складочнаго пункта путь лежалъ далѣе на западъ, въ „Долину Вѣтровъ“, названную такъ нашимъ путешественникомъ потому, что въ ней постоянно дуютъ западные вѣтры. Долина эта тянется верстъ на 200 отъ востока къ западу и ограждена высокими горами, открытіе которыхъ составляетъ также заслугу Пржевальскаго. Съ сѣвера „Долину Вѣтровъ“ ограничиваетъ Чаменъ-Тагъ и частью Алтынъ-Тагъ, съ юга—хребетъ, названный Московскимъ и частью Цайдамскимъ. Въ углубленной ложбинѣ, занимающей середину долины, течетъ р. Зайсанъ-Сайту, представ-

ляющая ту особенность, что она дважды скрывается подъ землею. Почва описываемой долины большею частью совершенно безплодна, почему флора и фауна здѣсь отличаются бѣдностью. Но тѣмъ не менѣе Пржевальскій утверждаетъ, что по этой долинѣ пролегаетъ лучшій и наиболѣе короткій путь изъ южныхъ оазисовъ Восточнаго Туркестана чрезъ Цайдамъ въ западный Китай. Хотя путь проходитъ здѣсь въ значительной части солончаками южн. Цайдама, однако онъ удобнѣе для движенія, чѣмъ еще болѣе непривѣтливая, пустынная дорога на Лобъ-Норъ.

Къ югу отъ Зайсанъ-Сайту нашъ путешественникъ опять поднялся на плато Тибета. Передъ нимъ открылась новая долина, среди которой разстилалось большое озеро, названное Незамерзающимъ, потому что, несмотря на позднее время года, было найдено экспедиціею еще непокрытымъ льдомъ. Пржевальскій сдѣлалъ попытку проникнуть еще далѣе къ югу, по направленію къ внутреннему Тибету, но долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго движенія: разслѣдованіе мѣстности обнаружило полное ея безплодіе.

11 января 1885 г. онъ возвратился изъ экскурсіи къ складочному пункту, проведя въ пути до 3 мѣсяцевъ и сдѣлавъ 784 версты. Въ складѣ все оказалось благополучно. Казаки были живы и здоровы. Верблюды совершенно отдохнули и на хорошемъ подножномъ корму вполнѣ оправились, чтѐ представляло большую важность для продолженія путешествія, такъ какъ на покупку свѣжихъ верблюдовъ разсчитывать было нечего.

Трое сутокъ пошло на подготовленія къ дальнѣйшему слѣдованію, на перекладку багажа, просушку коллекцій и т. д., затѣмъ экспедиція покинула свою стоянку и направилась къ сѣверу, на Лобъ-Норъ.

Мы не будемъ описывать продолжительнаго 50-ти-дневнаго пребыванія экспедиціи на Лобъ-Норѣ, потому что оно проведено было въ мѣстности, уже посѣщенной Пржевальскимъ въ 1877 г., и послужило частію для пополненія прежнихъ свѣденій, частію для отдохновенія. Послѣднему благопріятствовала привѣтливость туземнаго населенія, которое при первой встрѣчѣ съ русскими, изъ опасенія Якубъ-бека, не обнаружило къ нимъ особеннаго расположенія [1]). Мѣстные жители сообщили Пржевальскому дополнительныя подробности относительно пребыванія на Лобъ-Норѣ русскихъ старовѣровъ; съ этими подробностями мы познакомили нашихъ читателей уже выше.

---

[1]) Послѣ 1877 г. Якубъ-бекъ вскорѣ умеръ, и его владѣнія отошли къ Китаю.

Отъ Лобъ-Нора наши путники направились на юго-западъ, въ Вост. Туркестанъ, слѣдуя вдоль сѣверняго склона Алтынъ-Тага и новооткрытаго хребта „Русскаго". Послѣдній Пржевальскій относить къ западному Кунь-Луню; хребетъ этотъ служитъ на всемъ своемъ, весьма значительномъ, протяженіи оградою высокаго тибетскаго платò къ сторонѣ р. Тарима и поднимается выше сосѣдняго Алтынъ-Тага, переходя за снѣговую линію.

Путь вдоль сѣверныхъ склоновъ названныхъ хребтовъ шелъ по совершенной пустынѣ. Только въ немногихъ мѣстностяхъ, орошаемыхъ бѣгущими съ горъ потоками, лежатъ рѣдкіе оазисы, населенные преимущественно мачинцами. Таковы оазисы Чархалыкъ, Черченъ, Кэрія, Хотанъ и др. Величина каждаго оазиса зависитъ, прежде всего, отъ мѣстнаго количества воды: на главныхъ рѣкахъ Восточнаго Туркестана расположены и наиболѣе обширные оазисы; на незначительныхъ же рѣчкахъ и ручьяхъ находятся оазисы мѐньшихъ размѣровъ. Первые состоятъ изъ центральнаго пункта города и бòльшаго или мѐньшаго числа деревень, то скученныхъ, то раскинувшихся на большомъ пространствѣ. Общій видъ и характеръ тѣхъ и другихъ оазисовъ одинаковы. Главное занятіе ихъ населенія—земледѣліе и скотоводство. Благодаря теплому климату и необыкновенному плодородію лёссовой почвы, земледѣльческая культура, при условіи достаточнаго орошенія можетъ достигать здѣсь замѣчательныхъ успѣховъ. Потребность въ водѣ заставила туземныхъ обитателей до совершенства изощриться въ устройствѣ арыковъ (оросительныхъ канавъ), которые, развѣтвляясь словно вены и артеріи въ животномъ организмѣ, оплодотворяютъ каждый клочокъ обрабатываемыхъ участковъ. Во всѣхъ оазисахъ засѣваютъ: на поляхъ пшеницу, ячмень, кукурузу, рисъ, горохъ, просо, клеверъ, арбузы, дыни, табакъ, хлопокъ; въ огородахъ—лукъ, радисъ, рѣдьку, морковь, огурцы, тыкву и разную кухонную зелень. Въ садахъ ростутъ абрикосы, персики, виноградъ, яблоки, груши, сливы, гранаты, грецкіе орѣхи, шелковица; здѣсь же имѣются небольшіе пруды, а также цвѣтники, гдѣ разводятся розы, астры, бархатцы, бальзамины и др. цвѣты. Огороды возлѣ сакель обыкновенно весьма миніатюрны, да и произрастающіе въ нихъ овощи очень плохи. Несравненно лучше и обширнѣе въ тѣхъ же оазисахъ сады. Въ нихъ уходъ за деревьями самый заботливый; ростутъ же эти деревья прекрасно, давая превосходные плоды.

Однако, какъ ни очаровательны съ виду всѣ вообще оазисы, особенно при рѣзкомъ контрастѣ съ сосѣднею пустынею, въ большей ихъ части бѣдность и нужда царятъ на каждомъ шагу.

Такъ напр., въ Кэріи, Чира, Хотанѣ и другихъ, меньшихъ оазисахъ по сосѣдству, на семью въ 5—6 душъ едва ли придется 1 1/3—2 дес. земли; обыкновенно земельный надѣлъ еще скуднѣе. Правда, недостатокъ этотъ пополняется отчасти отличнымъ урожаемъ хлѣбовъ и двойнымъ посѣвомъ въ теченіе одного лѣта, но все-таки множество семействъ принуждено перебиваться изо дня въ день съ весны до новой жатвы.

Въ оазисѣ Кэрія, лежащемъ на лѣвомъ берегу р. Кэрія-Дарья, на высотѣ 4.700 ф. надъ уровнемъ моря, къ сѣверу отъ горнаго хребта, составляющаго западное продолженіе Русскаго и названнаго Пржевальскимъ Кэрійскимъ, устроенъ былъ новый складочный пунктъ экспедиціи. Въ Кэріи Пржевальскій провелъ шесть сутокъ, употребивъ все время на суетливыя хлопоты по снаряженію въ дальнѣйшій путь. Теперь планъ путешественника состоялъ въ томъ, чтобы пробраться на два, на-три мѣсяца на сосѣднее платò Тибета, въ случаѣ же неудачи—заняться въ теченіе лѣта обслѣдованіемъ ближайшихъ горъ. Какъ для той, такъ и для другой цѣли истомленные верблюды не были пригодны. Поэтому наняты были 30 вьючныхъ и верховыхъ лошадей. Всѣ коллекціи, помѣщавшіяся въ 14 большихъ ящикахъ и нѣсколькихъ мѣшкахъ, оставлены въ саклѣ, отведенной мѣстнымъ хакимомъ, и сданы ему на храненіе. Прочій багажъ, кромѣ того, какой шелъ въ экскурсію, долженъ былъ находиться на попеченіи казаковъ, оставленныхъ при верблюдахъ. Китайскія власти, чтобъ разстроить экскурсію въ Тибетъ, распорядились въ тихомолку испортить путь чрезъ мало доступное само по себѣ ущелье. Проникнуть въ Тибетъ Пржевальскому не удалось, но онъ разслѣдовалъ Кэрійскій хребетъ, оказавшійся весьма высокою и крутою стѣною горъ, сплошь переходящею на своемъ гребнѣ за снѣговую линію. Въ полосѣ отъ 11 до 13 тыс. фут. встрѣчаются альпійскіе луга, выше 13.000 ф. растительность пропадаетъ, а еще выше, съ 15.500—16.000 фут., раскидываются громаднѣйшіе ледники. Въ Кэрійскихъ горахъ Пржевальскій нашелъ чрезвычайно обильные атмосферные осадки. Съ 29 іюня пошли дожди, выпадавшіе въ теченіе цѣлыхъ 25 сутокъ (по 24 іюля), причемъ въ первыя 20 сутокъ дождь стихалъ лишь на короткое время. Вверхъ отъ 12—13.000 ф., взамѣнъ дождя, выпадалъ снѣгъ. Приводя свои наблюденія надъ осадками въ Кэрійскихъ горахъ въ связь съ произведенными въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ на верхнемъ теченіи Желтой рѣки и въ бассейнѣ Куку-Нора, Пржевальскій предполагаетъ, что обильные лѣтніе дожди приносятся съ Индійскаго океана юго-западнымъ лѣтнимъ муссономъ.

Несмотря на обиліе дождей, фауна Кэрійскаго хребта отличается бѣдностью. Она характеризуется полнымъ отсутствіемъ деревьевъ, бѣдностью кустарниковъ и исключительнымъ преобладаніемъ травянистой, всего болѣе альпійской растительности. Скудна и флора.

Послѣ экскурсіи въ Кэрійскія горы Пржевальскій уже не возвращался въ Кэрію, и караванъ, остававшійся въ послѣднемъ оазисѣ, присоединился къ нему на пути. Хотя теперь было ясно, что Пржевальскій уже оставилъ попытки проникнуть въ ревниво оберегаемый китайцами Тибетъ, тѣмъ не менѣе китайскія власти продолжали строить всевозможныя козни. Такъ напр., одинъ хакимъ, вызвавшійся быть вожакомъ каравана, повелъ послѣдній чрезъ поля туземцевъ, засѣянныя кукурузой и клеверомъ. „Позади каравана,—говоритъ самъ Пржевальскій,—оставался широкій поясъ истоптаннаго хлѣба; прекратить такое безобразіе нельзя было, ибо не находилось годнаго мѣста для бивуака, жара же стояла страшная. Строго допрошенный вожакъ, а съ нимъ и выѣхавшіе на встрѣчу старшины откровенно теперь намъ объяснили, что дѣло это не случайное, но умышленное со стороны хакима, получившаго, въ свою очередь, приказаніе отъ китайцевъ дискредитировать насъ въ глазахъ туземцевъ“. Пржевальскій постарался вознаградить потерпѣвшихъ хозяевъ полей деньгами.

За Хотаномъ путь поворачивалъ прямо къ сѣверу, на верховья р. Тарима. Онъ хотя и шелъ вдоль р. Хотанъ-Дарьи, но пересѣкалъ сыпучіе пески. 7 октября экспедиція вышла на берегъ р. Тарима, гдѣ рѣки Яркендская и Аксуйская, сливаясь вмѣстѣ, образуютъ послѣдній. Ширина Тарима оказалась въ 80 саж. Путники переправились чрезъ него на плашкоутѣ. На сѣверъ отъ Тарима, по Аксу и другимъ рѣчкамъ, текущимъ изъ горъ системы Тянь-Шаня, начинается полоса новыхъ оазисовъ, болѣе обширныхъ и болѣе населенныхъ, чѣмъ описанные выше. Чрезъ оазисы Аксу и Учъ-Турфанъ караванъ вступилъ въ предѣлы нашей Семирѣченской области.

Такъ завершилась четвертая и послѣдняя экспедиція нашего изслѣдователя. Въ теченіе ея пройдено было 7.325 верстъ, обслѣдованы новыя, невѣдомыя области, произведена съемка пройденнаго пути, собраны новыя богатыя коллекціи. Отчетъ о послѣдней экспедиціи Пржевальскій далъ въ недавно вышедшемъ трудѣ: „Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-Норъ по бассейну Тарима“ (съ 3 картами, 29 фототипіями и 3 политипажами).

III.

Общіе итоги путешествій Пржевальскаго.—Громадность пройденнаго имъ пути и собранныхъ коллекцій. — Слабыя стороны Пржевальскаго, какъ изслѣдователя. — Его взгляды на „статскихъ" путешественниковъ и спеціалистовъ.—Предвзятость его мнѣнія, что для успѣха путешествій въ Центральной Азіи необходимы винтовка и нагайка.

Пржевальскій какъ бы предчувствовалъ, что его четвертое путешествіе будетъ вмѣстѣ и послѣднимъ. Въ только-что помянутомъ отчетѣ онъ подводитъ итоги всѣмъ своимъ странствіямъ въ Азіи и даетъ слѣдующую краснорѣчивую таблицу:

Путешествія.	Общее число участниковъ экспедиціи.	Продолжительность пребыванія въ китайскихъ предѣлахъ.	Длина пройденнаго пути, кромѣ боков. разъѣздовъ.	Общая стоимость собств. экспедиціи безъ прогон. и служебн. содержанія [1]).
I. Монгольское . .	4	2 г. 10 мѣс. 12 дн.	11.100 в.	6.000 р.
II. Лобъ-Норское .	9	1 „ 2 „ 14 „	3.980 „	19.150 „
III. Тибетское. . . .	13	1 „ 7 „ 9 „	7.180 „	23.550 „
IV. Тибетское. . . .	21	2 „ — „ 7 „	7.325 „	42.250 „
Итого . . .		7 л. 8 мѣс. 12 дн.	29.585 в.	90 950 р.

Не менѣе внушительна и таблица собранныхъ во время путешествій ботаническихъ и зоологическихъ коллекцій.

Оказывается, что собрано было:

	видовъ:		экземпляровъ:
млекопитающихъ { крупныхъ, среднихъ }	115		303
млекопитающихъ { мелкихъ	—		400
птицъ.	425		5.000
яицъ	—	около	400
пресмыкающихся и земноводныхъ	50		1.200
рыбъ	75		800
моллюсковъ	20		400
насѣкомыхъ	?		10.000
растеній	1.700		15—16.000

За исключеніемъ части насѣкомыхъ, вся зоологическая коллекція передана была Пржевальскимъ академіи наукъ, ботаническая—ботаническому саду, минералы—въ геологическій музей

[1]) Заимствуя помѣщенныя цифры изъ четвертаго путешествія Пржевальскаго, мы должны здѣсь оговориться, что онѣ не вполнѣ соотвѣтствуютъ приведеннымъ выше. Причину разницы надо отнести къ тому, что цифры расхода обнимаютъ не одинаковые періоды.

петербургскаго университета. Кромѣ собиранія коллекцій, во время всѣхъ четырехъ путешествій дѣлались метеорологическія наблюденія и астрономическія опредѣленія разныхъ пунктовъ, производились топографическія съемки и т. под.

Нѣтъ надобности распространяться здѣсь, что путешествія Пржевальскаго совершенно измѣнили карту Центральной Азіи. Желающіе убѣдиться нагляднымъ образомъ, какъ существенно было это измѣненіе, пусть хоть сличатъ составленную г. Сѣверцовымъ „Карту высотъ внутренней Азіи" („Извѣстія И. Р. Г. Общ.", 1872 г.) съ „Отчетною картою четырехъ путешествій" Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи. Справедливость, однако, заставляетъ насъ здѣсь замѣтить, что въ самой „Отчетной картѣ" далеко не все обстоитъ благополучно. Сравнивая эту карту съ приложенною къ тому-же изданію „Картою маршрутно-глазомѣрной съемки" собственно четвертаго путешествія, мы встрѣтились съ весьма крупными и непонятными противорѣчіями. На общей, отчетной картѣ р. Бухаинъ-Голъ, впадающая въ Куку-Норъ, показана текущею у подножія горъ, составляющихъ сѣверную границу разстилающейся къ западу отъ этого озера долины, между тѣмъ какъ на картѣ собственно четвертаго путешествія рѣка эта показана текущею по самой серединѣ долины. Затѣмъ горная цѣпь, проходящая къ западу отъ хребта Риттера, на „Отчетной картѣ" доведена до озера Гасъ, а на картѣ четвертаго путешествія она обрывается подъ 93½ гр. вост. долготы. Есть и другія несогласія.

Разумѣется, географическія открытія Пржевальскаго имѣютъ значеніе, главнымъ образомъ, потому, что имъ принадлежитъ преимущество первенства. Пржевальскій первый ознакомилъ, хотя въ общихъ чертахъ, съ орографіей, гидрографіей и климатологіей Центральной Азіи. Онъ совершенно справедливо называлъ свои путешествія „научными рекогносцировками". При ближайшемъ изслѣдованіи посѣщенныхъ Пржевальскимъ странъ многое окажется неточнымъ, многое потребуетъ исправленія. Уже самъ онъ, проходя въ послѣдующія экспедиціи мѣстами, посѣщенными въ предыдущія, при ближайшемъ изученіи этихъ мѣстъ открывалъ въ своихъ первыхъ разслѣдованіяхъ немалыя погрѣшности. Такимъ образомъ будущимъ изслѣдователямъ Центральной Азіи остается еще „жатва многа". Много работы ждетъ здѣсь въ особенности геолога и этнографа. Недостаточность знаній нашего путешественника и его помощниковъ въ области геологіи и этнографіи, неимѣніе порядочныхъ переводчиковъ были причиною того, что по части геологіи Пржевальскій данныхъ почти

никакихъ не сообщаетъ, а по этнографіи приводитъ подчасъ свѣденія, не выдерживающія никакой критики. На стр. 95 своего „третьяго путешествія“, говоря о жителяхъ оазиса Са-Чжеу, Пржевальскій, напр., замѣчаетъ: „языкъ ихъ, *по отзыву нашего переводчика*, тотъ самый, какимъ говорятъ китайцы въ Хами, Гученѣ, Кульджѣ“. Подобный же мало-авторитетный источникъ приводится Пржевальскимъ и на стр. 259, гдѣ онъ сообщаетъ свѣденія о языкѣ тибетцевъ. „Языкъ видѣнныхъ нами тибетцевъ, *по словамъ* бывшаго у насъ въ услуженіи *монгола-переводчика*, довольно хорошо объяснявшагося съ туземцами, тотъ же, какимъ говоритъ народъ въ Лассѣ“. Нѣтъ надобности доказывать, что полагаться на отзывы невѣжественныхъ людей въ опредѣленіи лингвистическихъ особенностей того или другого народа было со стороны Пржевальскаго большимъ промахомъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ держится о переводчикахъ мнѣнія весьма невыгоднаго: „изъ десяти разъ на девять переводчикъ будетъ или плутъ, или дуракъ, чаще же то и другое совмѣстно“ [1]). Между тѣмъ къ такимъ лицамъ Пржевальскій обращался сплошь и рядомъ не только въ вопросахъ этнографіи, но и вообще во всѣхъ случаяхъ, когда приходилось пользоваться разспросами. Ненадежные и невѣжественные переводчики, разумѣется, должны были искажать и свѣденія, которыя сообщали жители проходимыхъ путешественникомъ мѣстностей.

Основательному изученію народностей Центральной Азіи ставила препятствія еще усвоенная нашимъ путешественникомъ „система“ обхожденія во время странствій населенныхъ мѣстъ. „По принятому нами рѣшенію, — говоритъ самъ онъ въ своей книгѣ „Монголія и страна тангутовъ“ (т. I, стр. 103), мы держали себя какъ можно дальше отъ мѣстнаго населенія“. Только необходимость заставляла руководителя экспедиціи „разбивать свою палатку вблизи жилыхъ мѣстъ, такъ какъ только здѣсь можно было найти воду“. Избѣгая встрѣчъ съ мѣстными жителями, Пржевальскій естественно не могъ получить обстоятельнаго и правильнаго понятія о его бытѣ.

Но трудъ преемниковъ Пржевальскаго по части изслѣдованія Центральной Азіи, какъ бы то ни было, весьма облегченъ дѣятельностью этого „піонера“. Не говоря уже о томъ, что Пржевальскій проложилъ путь въ самыя глухія мѣста невѣдомыхъ дотолѣ странъ, онъ вынесъ изъ своихъ долговременныхъ странствій богатый запасъ практическихъ свѣденій о томъ, „какъ путе-

---

[1]) Четвертое путешествіе, стр. 54.

шествовать по Центральной Азіи". Этимъ запасомъ онъ дѣлится въ описаніи своего „Четвертаго путешествія". Пржевальскій чрезвычайно обстоятельно разсматриваетъ условія успѣшности экспедицій въ Азію, сообщая множество крайне полезныхъ указаній и подробностей. Онъ разсматриваетъ личность путешественника, составъ экспедиціи, матеріальныя средства, планъ путешествія, снаряженіе (дома и на границѣ), говоритъ объ укладкѣ багажа, выборѣ экспедиціонныхъ животныхъ, порядкѣ вьюченья и уходѣ за верблюдами, обыденной жизни въ пути, продовольственной части, гигіенѣ, отношеніяхъ къ туземцамъ, проводникахъ и переводчикахъ, системѣ будущихъ работъ и задачахъ будущихъ изслѣдованій. Какъ ни интересны указанія нашего путешественника по всѣмъ этимъ вопросамъ, мы не станемъ на нихъ останавливаться, ограничась лишь нѣкоторыми замѣчаніями по поводу наиболѣе существенныхъ, капитальныхъ пунктовъ его мнѣній.

Пржевальскій—безусловный сторонникъ военныхъ экспедицій. „Составъ экспедиціи для продолжительной научной рекогносцировки невѣдомыхъ и трудно доступныхъ мѣстностей въ глубинѣ Центральной Азіи изъ статскихъ людей едва ли возможенъ. Въ такомъ отрядѣ неминуемо (?) воцарится неурядица, и дѣло скоро рушится само собою (?). При томъ же военный отрядъ необходимъ, чтобы гарантировать личную безопасность самихъ изслѣдователей и достигнуть иногда силою того, чего нельзя добиться мирнымъ путемъ" (стр. 3—4).

Выставляя столь серьезное обвиненіе противъ „статскихъ путешественниковъ", слѣдовало бы подкрѣпить его хотя бы однимъ примѣромъ, дѣйствительно подтверждающимъ положеніе, что въ „статскомъ отрядѣ" непремѣнно воцарится неурядица и дѣло рушится. Почтенный путешественникъ, обыкновенно обосновывающій свои слова на фактахъ, на этотъ разъ отъ такого прекраснаго пріема отступаетъ, и потому невольно вселяетъ въ читателяхъ сомнѣніе въ справедливости своихъ словъ. Послѣднія, въ самомъ дѣлѣ, не согласуются съ дѣйствительностью. Мало ли было снаряжаемо успѣшныхъ „статскихъ" экспедицій въ невѣдомыя страны Африки, мало ли было „статскихъ" изслѣдованій трудно доступныхъ мѣстъ на азіатскомъ материкѣ! Мы увѣрены, что и въ будущемъ такого рода экспедиціи окажутъ громадныя услуги наукѣ. Обязательно только, чтобы руководители ихъ были люди, пользующіеся безусловнымъ нравственнымъ авторитетомъ въ глазахъ прочихъ участниковъ. Что касается безопасности экспедицій, то и для этого едва ли необходимъ военный составъ. Достаточно будетъ, если въ конвой войдутъ хорошо вооруженные

стрѣлки. Военная сила пріобрѣтаетъ значеніе только въ массѣ, но самъ Пржевальскій, говоря о численности членовъ экспедиціи, отдаетъ предпочтеніе незначительному (въ 8—10 чел.) составу передъ большимъ (въ 20—25), на томъ основаніи, что для малаго состава экспедиціоннаго отряда гораздо легче подобрать годныхъ людей и удобнѣе съ ними управляться, что для снаряженія его потребуется меньше средствъ, и т. д., и т. д. (стр. 5). Прибавимъ, что самая замѣчательная первая экспедиція Пржевальскаго совершена была имъ всего „самъ-четвертъ".

Да и не слишкомъ ли большое значеніе придаетъ нашъ путешественникъ конвою? Мысль о необходимости военнаго конвоя выработалась въ нашемъ путешественникѣ какъ слѣдствіе его нѣсколько своеобразнаго пониманія отношеній къ туземному населенію. „Опытъ позднѣйшихъ экспедицій,—говоритъ онъ,—окончательно убѣдилъ меня, что для успѣха далекихъ и рискованныхъ путешествій въ Центральной Азіи необходимы три проводника: деньги, винтовка и ногайка" (стр. 51). Но любопытно, что самъ защитникъ винтовки и ногайки, въ другомъ мѣстѣ, на стр. 50 „Четвертаго путешествія", буквально заявляетъ слѣдующее: „При всѣхъ четырехъ здѣсь путешествіяхъ мнѣ постоянно приходилось быть свидѣтелемъ большой симпатіи и уваженія, какими пользуется имя русское среди туземцевъ, за исключеніемъ лишь Тибета, гдѣ насъ мало знаютъ. Зато среди другихъ народностей Центральной Азіи ихъ стремленія къ Россіи достигаютъ весьма высокой степени. Номады—монголы, дунгане, т.-е. китайскіе магометане, и жители Вост. Туркестана, въ особенности послѣдніе—питаютъ сильную надежду сдѣлаться подданными Бѣлаго Царя, имя котораго, наравнѣ съ именемъ Далай-Ламы, является въ глазахъ азіатскихъ массъ въ ореолѣ чарующаго могущества". Выходитъ, такимъ образомъ, что винтовка и ногайка предназначаются для нашихъ же собственныхъ друзей! Вѣдь страны, посѣщенныя нашимъ путешественникомъ, населены преимущественно перечисленными дружественными намъ народностями. Да и китайцы, къ которымъ Пржевальскій питаетъ особое нерасположеніе, судя по отзывамъ другихъ путешественниковъ, не такіе ужъ невыносимые люди, какими рисуетъ ихъ нашъ изслѣдователь Азіи. Въ отношеніяхъ китайцевъ къ европейскимъ путешественникамъ слѣдуетъ различать двѣ стороны: отношенія собственно китайскаго населенія и отношенія властей.

Касательно отношеній населенія мы имѣемъ свидѣтельство доктора Пясецкаго, участника экспедиціи Сосновскаго. Д-ръ Пясецкій, проѣзжавшій весь Китай изъ конца въ конецъ, приводитъ

множество примѣровъ терпимости китайскаго народа къ иностранцамъ. „Не вязались какъ то въ моей головѣ,—говоритъ онъ,—разсказы о злобѣ китайцевъ и всегда возможной будто бы опасности съ ихъ стороны—съ подобными даже нѣжными проявленіями симпатій, хотя и основанныхъ, можетъ быть, на нѣкоторыхъ матеріальныхъ разсчетахъ. Неужели же подобныя, добрыя съ виду, отношенія не что иное какъ дипломатическая хитрость, намѣреніе усыпить вниманіе, чтобы, когда настанетъ время дѣйствовать, застигнуть врасплохъ? Не думаю. Развѣ европейцы сами создадутъ и вызовутъ взрывъ негодованія противъ себя. Этого я отрицать не стану, потому что и здѣсь я не разъ видѣлъ самое грубое обращеніе европейцевъ съ туземцами, особенно нѣкоторыхъ англичанъ, не въ обиду имъ будь сказано" [1]).

Вотъ отзывъ путешественника, не довѣрять которому мы не имѣемъ никакого основанія. Очевидно, дѣло сводится къ тому, какъ поставить себя къ туземному населенію самъ изслѣдователь: при грубомъ обращеніи онъ легко можетъ вызвать неудовольствіе, и тогда дѣло дойдетъ до ногаечной расправы; при мягкомъ, гуманномъ—все обойдется мирно.

Что касается китайскихъ властей, то и онѣ не всегда и не ко всѣмъ относятся такъ недружелюбно, какъ рисуетъ Пржевальскій. Г. Потанинъ встрѣчалъ такое сочувствіе со стороны представителей китайской администраціи, что, по возвращеніи въ Россію, вошелъ въ наше географическое общество съ слѣдующимъ заявленіемъ: „Во время нашего путешествія по провинціи Гань-Су мы пользовались полной свободой въ изысканіяхъ, со стороны властей встрѣчали вездѣ содѣйствіе и не замѣтили никакой подозрительности съ ихъ стороны". Въ виду этого г. Потанинъ ходатайствовалъ передъ обществомъ о выраженіи благодарности сининскому амбаню, мандарину города Сигу и нѣкоторымъ другимъ лицамъ [2]). Относительно сининскаго амбаня г. Потанинъ говоритъ, что „онъ постоянно снабжалъ экспедицію охранными листами, дѣйствіе которыхъ продолжалось далеко и за предѣлами его вѣдомства, въ опасныхъ мѣстахъ давалъ конвой до 40 человѣкъ, и пр. [3]). Благодаря его распоряженіямъ, не только у экспедиціи не было столкновеній съ толпой, но повсюду дѣлу экспедиціи оказывалось вниманіе—ладили дороги, починяли мосты, даже одинъ былъ выстроенъ вновь" [4]). Но допустимъ, наконецъ,

---

[1]) „Путешествіе по Китаю", т. I, стр. 361.

[2]) Извѣстія И. Р. Г. О-ва 1887 г., XXIII, стр. 404.

[3]) Пржевальскій старался конвойныхъ прогонять.

[4]) При слѣдованіи Пржевальскаго дороги, наоборотъ, портили. См. „Четвертое путешествіе", стр. 413.

что Пржевальскій вполнѣ правъ, что китайскія власти дѣйствительно дѣлаютъ путешественникамъ всякаго рода каверзы, ставятъ имъ преграды для осуществленія ихъ плановъ,—можно ли и въ такомъ случаѣ быть къ китайцамъ столь строгими, какъ строгъ къ нимъ нашъ путешественникъ? Взглядъ Пржевальскаго на отношенія китайскихъ властей къ путешествующимъ сильно измѣнился бы, еслибы нашъ почтенный изслѣдователь китайскихъ владѣній потрудился обратить вниманіе на участь нѣкоторыхъ путешественниковъ въ его собственномъ отечествѣ. Участь эта далеко не завидна. Мы не станемъ здѣсь припоминать надѣлавшей въ свое время большого шуму исторіи Павла Якушкина съ псковскимъ полиціймейстеромъ Гемпелемъ, случившейся въ 1860 году, а приведемъ факты болѣе свѣжіе. Въ 1882 г. „Голосу" изъ гор. Петропавловска сообщали, что въ этомъ городѣ распространился слухъ о доставленіи въ него важнаго „преступника", бѣжавшаго изъ Петербурга. Этимъ „преступникомъ", дѣйствительно захваченнымъ въ ишимскомъ округѣ, оказался членъ географическаго общества Г..., ѣхавшій на Амуръ для ученыхъ изслѣдованій. Засѣдатель, только наканунѣ получившій отъ губернатора секретное предписаніе о розыскѣ какого-то бѣжавшаго преступника, встрѣтивъ въ своемъ участкѣ Г..., заарестовалъ его, принявъ за разыскиваемаго преступника, и при оффиціальной бумагѣ препроводилъ къ петропавловскому полиціймейстеру на „зависящее распоряженіе". Мотивомъ для арестованія послужили такія соображенія: Г... купецъ и членъ географическаго общества, а купецъ не можетъ быть членомъ географическаго общества; у Г... много огнестрѣльнаго оружія, револьверовъ и ружей; у него 50.000 рублей, которыми, очевидно, снабдили его для успѣшнаго бѣгства въ Америку злоумышленники, и т. д., и т. д. [1])

Приведенный случай далеко не единственный. „Восточное Обозрѣніе", въ статьѣ: „Судьба сибирскихъ Ливингстоновъ", приводило нѣсколько очень характерныхъ примѣровъ крайне подозрительнаго и недоброжелательнаго отношенія представителей администраціи нашихъ „медвѣжьихъ угловъ" къ ученымъ изслѣдователямъ. „Кандидатъ петербургскаго университета, командированный отъ правительства и извѣстный путешественникъ,—повѣствуетъ „В. Обозрѣніе",—проѣзжаетъ Монголію и Китай; возвращаясь изъ путешествія, въѣзжаетъ въ Забайкалье, гдѣ изучаетъ распространеніе буддизма среди нашихъ инородцевъ. И вотъ, въ Забайкальской области съ нимъ происходитъ слѣдующій курьезъ.

---

[1]) „Голосъ" 1882 г., корр. изъ Петрапавловска отъ 23-го августа.

Имѣя право отсылать монгольскія рукописи и книги на казенный счетъ въ университетъ, онъ обращается форменной бумагой къ мѣстнымъ властямъ. Не дождавшись отвѣта, онъ является къ губернатору области, проѣзжавшему здѣсь, и выражаетъ свою просьбу. Губернаторъ выполняетъ охотно просьбу и путешественникъ успокаивается. Но вслѣдъ затѣмъ получается новая бумага, приказывающая задержать путешественника и арестовать, какъ лицо, неизвѣстное администраціи. Оказалось, что главное начальство желало имѣть подтвержденіе изъ Петербурга, а пока рѣшилось его задержать".

„Недавно также,—продолжаетъ „В. Обозрѣніе",—одинъ молодой геологъ, членъ императорскаго географическаго общества, кандидатъ университета, несмотря на солидныя познанія, способности и извѣстность въ наукѣ, заѣхавъ въ одну сибирскую губернію, имѣлъ неосторожность заявить себя соприкосновенностью къ литературѣ. А это, какъ извѣстно, къ наукѣ не относится и мѣстнымъ начальствомъ не терпится. Кончилось тѣмъ, что путешественнику не только было отказано въ содѣйствіи и облегченіи пути, когда онъ ѣхалъ въ пустынный раіонъ, но причинено столько непріятностей, сколько можно вынести у папуасовъ. Этотъ ученый не нашелъ себѣ изъ-за этого мѣста, ему мѣшали пріискать занятіе, и онъ обреченъ былъ чуть не умереть здѣсь съ голода".

„Такой же членъ географическаго общества въ Восточной Сибири долженъ былъ оставить край по капризу одной особы, въ силу личнаго приказанія, безъ всякихъ законныхъ поводовъ. А между тѣмъ это было лицо, пользовавшееся уваженіемъ въ ученомъ мірѣ, цѣлую жизнь безкорыстно посвящавшее наукѣ, лицо извѣстное и въ краѣ имѣвшее не мало друзей; его выбирали въ секретари мѣстнаго географическаго общества, и онъ могъ оказать серьезныя услуги въ отдаленномъ краѣ. А между тѣмъ этотъ начальникъ, выгнавшій ученаго, носитъ съ гордостью титулъ „покровителя" мѣстнаго ученаго общества".

Можно ли послѣ всего этого претендовать на придирчивость къ путешественникамъ китайскихъ властей, еслибы таковая и была?

Сторонникъ военной силы, нашъ путешественникъ не расположенъ и къ истиннымъ представителямъ науки въ лицѣ „спеціальныхъ изслѣдователей". Даже при большомъ составѣ экспедиціи персоналъ спеціальныхъ изслѣдователей, по его мнѣнію, долженъ быть по возможности ограниченъ (стр. 5). Особенно не долюбливаетъ нашъ путешественникъ „патентованныхъ" переводчиковъ. Замѣтивъ, что переводчикъ (изъ мѣстныхъ жителей) изъ

десяти разъ на девять будетъ или плутъ, или дуракъ, а чаще всего то и другое вмѣстѣ, нашъ путешественникъ говоритъ дальше: „если не гоняться за многимъ и предпочесть недомеканіе умышленному обману, то для монгольскаго языка наилучшіе переводчики изъ нашихъ забайкальскихъ казаковъ; для тюркскаго же— изъ казаковъ сибирскихъ и семирѣченскихъ“. „Во всякомъ случаѣ никакъ не посовѣтую брать патентованныхъ переводчиковъ, еслибы даже таковые и нашлись. За очень рѣдкими исключеніями, подобный переводчикъ будетъ лишь бариномъ въ экспедиціи; для дѣла же всего вѣрнѣе станетъ радѣть настолько, насколько ему будетъ выгодно или заблагоразсудится“ (стр. 54—56).

При такомъ взглядѣ на спеціальныя знанія и на переводчиковъ нашъ путешественникъ упростилъ составъ своихъ экспедицій до того, что никакихъ спеціалистовъ въ ней не полагалось, а роль переводчиковъ исполняли, по меньшей мѣрѣ, люди невѣжественные. Конечно, итоги экспедицій Пржевальскаго, *несмотря* на все это, были значительны, но съ увѣренностью можно сказать, что результаты ихъ оказались бы еще значительнѣе, еслибы въ составъ этихъ экспедицій вошли свѣдущіе спеціалисты (напр., по геологіи) и добросовѣстные, знающіе дѣло, „патентованные“ переводчики. Во всякомъ случаѣ нельзя возводить въ общее правило, выставлять какимъ-то руководящимъ началомъ,—какъ это дѣлаетъ Пржевальскій,—положенія весьма спорныя.

Если невозможно соглашаться съ нѣкоторыми взглядами и положеніями нашего путешественника, то слѣдуетъ отнестись вполнѣ сочувственно къ его—первой въ своемъ родѣ—попыткѣ дать будущимъ изслѣдователямъ указанія: „какъ нужно снаряжать экспедиціи“, какихъ выбирать животныхъ, какіе брать съ собою предметы, какъ совершать переходы, и т. д., и т. д. За эту „инструкцію“ или „наказъ“ многіе скажутъ Пржевальскому большое спасибо.

Л. Весинъ.

УЗЕЛОКЪ СЪ КРАСНОЙ МѢТКОЙ

РАЗСКАЗЪ.

Дѣло происходило лѣтъ двадцать тому назадъ,—и вотъ въ сущности чтò я слышалъ о немъ отъ очевидца.

I.

...Наталья Дмитріевна была одно время невѣстою; но объ этомъ кромѣ старухи тетки ея не зналъ никто. Женихъ, Иванъ Николаевичъ Зоринъ, служилъ поручикомъ въ *** драгунскомъ полку; человѣкъ безъ большого образованія, но теплаго сердца, простой и искренній. Они познакомились лѣтомъ, въ деревнѣ смоленской губерніи, гдѣ жила невѣста, а Зоринъ, по праву сосѣда и дальняго родственника, нерѣдко гостилъ.

Наталья Дмитріевна была дѣвушка бурнаго темперамента и съ головою, способною къ необузданнымъ увлеченіямъ, но взыскательная, обидчивая и своевольная; самолюбіе бѣшеное, претензіи непомѣрныя. Ей нуженъ былъ человѣкъ, способный забыть себя и уйти цѣликомъ въ созерцаніе ея совершенствъ, человѣкъ по-собачьи ей преданный, не замѣчающій въ ней ни единаго недостатка, такой человѣкъ, для котораго всякая прихоть ея была бы законъ, а сама она—божество. Понятно, что этого она не нашла въ своемъ молодомъ поклонникѣ. Зоринъ потомъ признавался, что никогда не былъ страстно въ нее влюбленъ, а такъ-себѣ,—дѣвушка ему нравилась, потому что была недурна, неглупа, бойка и сулила усмѣшкой, взглядами, нѣчто такое, противъ чего въ двадцать лѣтъ весьма мудрено устоять. Наташа была двумя

годами старше его и гораздо болѣе развита, въ силу чего руководящая роль несомнѣнно принадлежала ей. Они сблизились очень скоро, но такъ же скоро и надоѣли другъ другу. Пошли съ ея стороны попреки и обвиненія, съ его—охлажденіе, потомъ ссоры. Позже, когда, измученный, онъ уѣхалъ,—длинныя письма ея, на которыя простодушный юноша не умѣлъ отвѣчать. Она читала отвѣты его съ негодованіемъ, и отзывалась о нихъ презрительно... Кончилось тѣмъ, что въ порывѣ неудержимаго раздраженія она сама отказала ему; послѣ того они долго не видѣлись...

Онъ возвратился въ полкъ; она, по второму году, ѣздила съ теткой на́-воды, и послѣ короткой, но очень счастливой кампаніи, вышла тамъ за человѣка съ хорошими средствами, тоже служившаго въ нашемъ полку, ротмистра Вологдова.

Это была отличная партія, и, узнавъ о счастливомъ событіи, молодой офицерикъ отъ чистаго сердца перекрестился.—„Ну", думалъ онъ: „слава Богу, счеты наши теперь окончены!"... Но бѣдняга жестоко ошибся.

Мужа Натальи Дмитріевны Зоринъ зналъ хорошо. Онъ былъ моложе Вологдова лѣтъ на семь, но послѣ выпуска въ офицеры служилъ съ нимъ три года въ полку и, несмотря на разницу въ чинѣ, считался его товарищемъ.

Юрій Платоновичъ Вологдовъ былъ надѣленъ отъ природы весьма представительною наружностью. Истинный типъ кавалерійскаго офицера: средняго роста, статный и худощавый, съ короткими по военному, но красиво вьющимися русыми волосами; надменно-сдержанная усмѣшка и соколиный взоръ. При этомъ лихой наѣздникъ, красивый игрокъ и баловень дамъ. Онъ былъ человѣкъ съ состояніемъ и держалъ себя бариномъ; лошади его были лучшія въ цѣломъ полку; платье, бѣлье и обувь—прямо изъ Петербурга.

Въ первое время Зоринъ души въ немъ не слышалъ; все, даже дерзкое обхожденіе ротмистра съ новичками и рѣзкій, насмѣшливый тонъ, казалось ему очаровательнымъ. Молодой офицерикъ былъ просто въ него влюбленъ, ходилъ за нимъ слѣдомъ, какъ тѣнь, сносилъ терпѣливо желчныя его выходки, считалъ себя счастливымъ, когда тотъ удостоивалъ его дружескаго вниманія и, наконецъ, успѣлъ-таки заслужить его снисходительное благоволеніе. Друзьями, однако, они не сдѣлались, частью вслѣдствіе разницы лѣтъ, но главнымъ образомъ потому, что въ природѣ Вологдова не было нужной для этого искренности и теплоты. Сначала, покуда юноша простодушно приписывалъ всѣ недостатки себѣ и думалъ, что тотъ считаетъ его недостойнымъ дружбы, это

очень его печалило; но съ годами, когда подчиненная роль утомила Зорина, онъ сталъ внимательнѣе вглядываться въ свой идеалъ, и юношеское очарованіе его сильно остыло. Осталось, однако, нѣчто, что я не умѣю иначе назвать, какъ привычкою сердца. Подкупленное изящною внѣшностью, оно не хотѣло сознаться въ своей ошибкѣ и продолжало упорно вѣрить, что тамъ, внутри, за эффектною декораціей, все же есть нѣчто незаурядное; если не теплота души, то желѣзная воля; если и не геройство, которое трудно представить себѣ безъ высокой цѣли, то беззавѣтная удаль. Много способствовало этой иллюзіи то, что за Вологдовымъ были извѣстны дуэли, которыя, впрочемъ, кончались благополучно; промахъ взволнованнаго его увѣреннымъ взглядомъ противника—и небрежный выстрѣлъ на воздухъ съ его стороны; въ итогѣ—почетный миръ и репутація храбреца. Послѣдняя не имѣла въ себѣ ничего фальшиваго, такъ какъ физически Вологдовъ былъ безукоризненно смѣлъ, но за этою смѣлостью таились, съ одной стороны, слѣпая вѣра въ счастье, свойственная подобнымъ баловнямъ, съ другой—холодный разсчетъ, который рѣдко его обманывалъ.

Съ такими данными Зорину, какъ и многимъ изъ насъ, не легко было себѣ объяснить его женитьбу на бѣдной дѣвушкѣ. Ротмистръ слылъ фаворитомъ прекраснаго пола и хвасталъ глубокимъ знаніемъ женскаго сердца. Но молодой поручикъ, не будучи знатокомъ послѣдняго вообще, все-таки зналъ Наталью Дмитріевну, и его не мало интриговалъ вопросъ: на чемъ эти люди сошлись. По моему,—хотя я и не выдаю своей догадки за непреложную истину,—ротмистръ женился больше отъ скуки. Физически дѣвушка была совершенно во вкусѣ его, а нравственно—необузданно-страстный характеръ Натальи Дмитріевны обѣщалъ ему ту игру самолюбій, которую онъ любилъ больше всякой другой... Если она казалась ему самолюбива, то и у него самолюбіе было дьявольское; если она прихотлива и своевольна, то и онъ былъ деспотъ, и вѣра въ свою неодолимую власть не позволяла ему усомниться ни на минуту въ своей побѣдѣ.

Зоринъ ихъ посѣтилъ немедленно послѣ ихъ возвращенія въ Н**, но засталъ его одного и, разумѣется, горячо поздравилъ.

— Спасибо,—отвѣчалъ ротмистръ весело; но цинически поднятый на поручика и упорно пристальный взоръ его говорилъ другое. Онъ словно шарилъ въ потемкахъ чужой души, ища тамъ отвѣта на что-то сильно его занимавшее.

— Жена будетъ сожалѣть: она говорила, что вы давно зна-

комы, — добавилъ онъ, помолчавъ, съ какою-то вынужденною усмѣшкой.

— Я очень пріятнымъ образомъ удивленъ...—началъ простодушно Зоринъ.

— Фразы, mon cher. Стоитъ смотрѣть на вещи просто, чтобы ничему на свѣтѣ не удивляться... Женитьба, если ты хочешь, конечно, глупость, но не глупѣе многаго, что мы дѣлаемъ каждый день... Или тебя удивляетъ выборъ? Чтожъ дѣлать? Je ne nie pas, mon cher, que je me suis encanaillé.

Послѣднее сказано было съ его обыкновеннымъ нахальствомъ, такъ какъ онъ никогда не скрывалъ, что Зоринъ въ его глазахъ—плебей; но молодой человѣкъ слишкомъ привыкъ къ подобнымъ выходкамъ, чтобы видѣть въ нихъ что-нибудь кромѣ соленой шутки.

— Надѣюсь, что ты не говоришь подобныхъ вещей Натальѣ Дмитріевнѣ?—произнесъ онъ, смѣясь.

— Наоборотъ, я началъ съ этого, чтобы дать ей измѣрить всю жертву, которую я ей принесъ... Надо знать женщинъ, чтобы понять, какъ важно поставить ихъ сразу на ихъ настоящее мѣсто.

„Финтишь, братъ!“ — подумалъ Зоринъ. Но онъ ушелъ успокоенный. Очевидно, пріятель если и зналъ что-нибудь, то не успѣлъ еще ни на комъ остановить свои подозрѣнія.

Дня черезъ два, однако, онъ получилъ отъ Натальи Дмитріевны нѣсколько строкъ:

„Я не жалѣю, что вы не застали меня“,—писала она своимъ бойкимъ, размашистымъ почеркомъ,—такъ какъ мнѣ надо съ вами поговорить безъ свидѣтелей. Приходите сегодня вечеромъ, въ восемь... Я буду одна, но еслибы и случилось иначе, то это не важно, по той причинѣ, что Жоржъ долженъ играть сегодня въ карты у полкового командира“.

Наташа встрѣтила его очень недружелюбно; не подала ему даже руки, а указала только на стулъ. Она показалась Зорину очень похорошѣвшей, но раздраженной до крайности; темныя брови сдвинуты, высокая грудь тяжело дышала.

Вологдова, повидимому, ждала отъ него чего-то, но, не дождавшись, заговорила сама.

— Вы понимаете, я надѣюсь, глупое положеніе, въ которое я поставлена?—сказала она съ зловѣщимъ взглядомъ:— между мужемъ, котораго я люблю, и вами, поступокъ котораго я не знаю какъ и назвать, такъ онъ низокъ въ моихъ глазахъ...—Губы ея кривило отъ нервнаго напряженія, и она съ трудомъ выговаривала

слова.—Но я не затѣмъ васъ звала, чтобы сводить съ вами счеты. Я только желаю знать, есть ли у васъ еще хоть искра совѣсти?

Пѣсня эта была давно знакома Зорину, но никогда еще не хватала его за горло съ такимъ безпощаднымъ ожесточеніемъ. „Чего ей нужно еще теперь, когда все развязалось такъ гладко?" спрашивалъ онъ себя, дивясь. Оправдываться, какъ онъ это зналъ по опыту, было напрасно и не могло привести ее ни къ чему, кромѣ истерики, а между тѣмъ всѣ обвиненія ея, когда-либо высказанныя, были несправедливы. Починъ въ ихъ печальной исторіи принадлежалъ несомнѣнно ей, развязка—тоже. Единственное, въ чемъ онъ по совѣсти могъ себя упрекать, это что у него не хватило воли остановиться на скользкомъ пути, по которому она увлекала его. Но для этого требовалось почти геройство.

— Да говорите же!—продолжала Вологдова.—Какъ вы можете оставаться нѣмы и холодны, когда вамъ только изъ жалости не плюютъ въ лицо?.. Скажите, что̀ вы намѣрены дѣлать?

— Позвольте мнѣ прежде узнать, чего вы требуете?—отвѣчалъ онъ сдержанно.

— А вамъ это нужно подсказывать? Вы не догадываетесь, или не даете себѣ труда пошевелиться безъ принужденія?.. Дѣло, однако, довольно просто: возьмите отпускъ и уѣзжайте сейчасъ... Переходите куда-нибудь... Въ Варшаву, въ Москву... почемъ я знаю!

— Охотно,—отвѣчалъ онъ:—если только вы не боитесь, что слишкомъ поспѣшное бѣгство мое изъ полка поведетъ къ догадкамъ...

Послѣднее слово вывело ее изъ себя, и она оборвала его.

—Молчите! Какъ вы осмѣливаетесь кидать мнѣ въ лицо подобнаго рода намеки?.. Къ чему бы ни повело, это не ваша забота. Довольно съ васъ знать, что я не хочу васъ видѣть тутъ. Не хочу!.. Одной уже мысли встрѣчаться съ вами достаточно, чтобы отравить мнѣ жизнь.

— Слушаю-съ.

Зоринъ всталъ, поклонился ей низко и, не прибавивъ ни слова, ушелъ.

Поручикъ былъ не изъ нервныхъ, и, несмотря на свое простодушіе, никогда не терялъ головы Предвидя, что вѣтеръ можетъ перемѣниться, онъ проронилъ, на всякій случай, въ товарищескомъ кругу, что ему, по всѣмъ вѣроятіямъ, скоро придется быть въ Петербургѣ, и ждалъ. Потомъ, черезъ нѣсколько дней, отъ него узнали, что онъ уже былъ у полковника, и что ему

обѣщанъ отпускъ въ концѣ недѣли. Но отпускъ не былъ еще готовъ, какъ онъ опять получилъ записку отъ Вологдовой.

„Не уѣзжайте, не повидавшись съ Жоржемъ“,—писала она. „Онъ воротился сегодня изъ штаба хмурый и между прочимъ спросилъ у меня, зачѣмъ вы ѣдете въ Петербургъ... Но что я могла ему объяснить?..“

На другой день Зоринъ видѣлся съ ротмистромъ, и тотъ же вопросъ былъ повторенъ ему съ глазу на глазъ.

— Дѣла,—отвѣчалъ спокойно поручикъ.—Я получилъ извѣстіе отъ сестры, что меня ждутъ къ 15-му.

Тотъ посмотрѣлъ на него очень пристально.—А здѣсь у тебя нѣтъ дѣлъ, которыя требовали бы твоего... отсутствія?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ поручикъ.—Прощай.

— Не торопись, Иванъ Николаевичъ,—сказалъ значительно Вологдовъ.—Мнѣ надо тебя поразспросить... Припомни-ка: нѣтъ ли у тебя здѣсь старыхъ счетовъ, которые лучше бы было свести, чѣмъ удирать, предоставляя другимъ за тебя расплачиваться?

— Послушай, Юрій Платоновичъ,—возразилъ на это Зоринъ: —если ты хочешь, чтобы я тебѣ отвѣчалъ не шутя, то ты лучше оставь загадки, такъ какъ иначе мнѣ трудно тебя понять.

— Я говорю такъ ясно, какъ только возможно, не называя людей и вещи по именамъ. Но если ты затруднишься, то я не требую отъ тебя немедленнаго отвѣта. Я бы желалъ только знать: совсѣмъ ли ты уѣзжаешь, или вернешься?

— Если понадобится, вернусь.

— Не лжешь?

— Не имѣю обыкновенія.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я тебя не держу. Прощай, голубчикъ, не позабудь сообщить намъ адресъ твой въ Петербургѣ; на случай, ты понимаешь, еслибы кто-нибудь, по старой памяти, вздумалъ тебѣ писать.

— Непремѣнно... Прощай, Юрій Платонычъ.

И на другой день Зоринъ уѣхалъ.

II.

Судьба сыграла съ ротмистромъ злую шутку, поставивъ его самого въ одно изъ тѣхъ положеній, въ которыя онъ такъ легкомысленно и безпечно ставилъ другихъ. На первыхъ порахъ оно казалось безвыходнымъ, такъ какъ его жена упорно отказывалась назвать ему виноватаго, а преслѣдовать ее за двоихъ послѣ того,

какъ онъ убѣдился до очевидности, что Наташа любитъ его горячо, у него не хватало жестокости.

Какъ онъ открылъ, наконецъ, виноватаго—мы уже знаемъ, и намъ остается только прибавить, что послѣ сдѣланнаго Наташею, на-зло остереженіямъ Зорина, промаха, открытіе это не могло особенно ее удивить. Скрывать было долѣе нечего, и она созналась, какъ сознаются въ подобныхъ случаяхъ женщины. Да, Зоринъ дѣйствительно былъ влюбленъ въ нее, былъ ея женихомъ и пользовался своими правами шире, чѣмъ это принято. А она была такъ глупа,—совершенный еще ребенокъ,—почемъ она знала!.. Кое-какія детали оставлены были, конечно, въ потемкахъ, другія присочинены или перевраны, а остальное освѣщено не безъ разсчета на театральный эффектъ... Фантазія ея, впрочемъ, напрасно трудилась. Вологдовъ былъ уменъ и отъ природы далеко не злой человѣкъ. Зная изъ личнаго опыта женщинъ и зная Зорина, онъ легко отличилъ правду отъ вымысла. Развязка была рѣшена въ его головѣ, и она отвѣчала вполнѣ его понятіямъ о законахъ чести, но онъ не сказалъ о томъ ничего женѣ, и какъ порядочный человѣкъ воздержался отъ безполезныхъ упрековъ.— „Зачѣмъ?—думалъ онъ:—и за чтò?..“ Ему стало ясно къ этому времени, что она никогда не любила Зорина, а послѣ разрыва успѣла возненавидѣть его совершенно по-женски: слѣпо, непримиримо, всѣмъ существомъ своимъ, со всею неумолимою горечью оскорбленнаго женскаго самолюбія. Сопернику его въ прошломъ дѣйствительно нечѣмъ было похвастать, кромѣ случайнаго торжества, за которое онъ, бѣдняга, и такъ уже заплатилъ слишкомъ дорого. Во имя чего же этотъ злосчастный юноша, попавшій какъ муха въ медъ, вдобавокъ любившій Вологдова гораздо больше, чѣмъ онъ, даже въ первомъ пылу, любилъ Наташу, долженъ быть непремѣнно наказанъ, тогда какъ никто вокругъ, очевидно, даже не подозрѣваетъ его грѣха?.. Но ротмистръ думалъ объ этомъ почти такъ же мало, какъ дикій, не спрашивающій себя, за чтò попавшійся ему въ плѣнъ молодой человѣкъ враждебнаго племени долженъ быть варварски умерщвленъ?.. Любой, воспитанный въ той же средѣ и въ тѣхъ же понятіяхъ, поступилъ бы такъ же; мало того—считалъ бы себя глупцомъ и не простилъ бы себѣ до смерти, еслибы упустилъ изъ рукъ подобное счастье. Ротмистръ не видѣлъ въ этомъ не только чего-нибудь вопіющаго, а даже и просто несправедливаго. Неумолимый законъ стоялъ передъ нимъ, какъ безобразный идолъ, требующій кровавыхъ жертвъ, и онъ, вообще равнодушный къ принципамъ, не смѣлъ даже и мысленно уклониться отъ исполненія—

этого. Вся варварская безсмыслица подобнаго самосуда оправдывалась въ его глазахъ двумя словами: *равные шансы*. Но даже и это воображаемое равенство, съ его точки зрѣнія, не выдерживало повѣрки, ибо Вологдовъ, суевѣрный, какъ всѣ игроки, считалъ себя почему-то любимцемъ счастья. Ему довольно было иной разъ взглянуть въ глаза противнику и прочесть въ нихъ малѣйшую нерѣшимость, чтобы сказать съ увѣренностью: „Оставь надежду, мой другъ; у тебя на лицѣ написано: *проигралъ*!"... Одно, что серьезно смущало его, это—скандалъ. Какъ объяснить причину враждебной встрѣчи такъ, чтобы никто не заподозрилъ въ ней вымышленнаго предлога? Вокругъ него не было никого, кому бы онъ могъ довѣрить свою семейную честь, а оставить причину ссоры безъ всякаго объясненія, значило бы направить догадки прямо на истинный путь... И онъ ломалъ себѣ голову, не находя удовлетворительнаго рѣшенія.

Тѣмъ временемъ и Наташа думала. Зная изъ третьихъ рукъ, какъ въ свѣтѣ смотрятъ на этого рода вещи, она не могла допустить, чтобы мужъ оставилъ свою обиду неотомщенною. Онъ молчитъ, но именно это молчаніе и казалось ей самымъ зловѣщимъ симптомомъ того, что дѣлается въ его душѣ. Молчитъ, значитъ—не довѣряетъ ей, опасаясь, чтобы она, по женскому малодушію, не разстроила его плановъ. Съ тайной тревогою она всматривалась въ его лицо, и ей чудилось, что она читаетъ на немъ предсказаніе страшной бѣды... Что, если онъ, не говоря ни слова, исчезнетъ, оставивъ нѣсколько строкъ на столѣ, что, молъ, дѣла заставляютъ его неожиданно отлучиться, и чтобъ его не ждали раньше, какъ черезъ три дня?.. А къ этому времени въ штабѣ будетъ уже оффиціально извѣстно, что онъ дрался и убитъ! Барыня была нервная, опрометчивая, выдержки и терпѣнія ни на грошъ. Сидѣть сложа руки и ждать надвигающейся грозы стало скоро невыносимою пыткой. Дикіе замыслы возникали и исчезали одинъ за другимъ въ ея головѣ, но всѣ одинаково были порожденіемъ страха и ненависти, которые быстро росли. — Неужели же она ничего не сдѣлаетъ?.. Неужели у нея нѣтъ средствъ?.. Адресъ Зорина былъ ей извѣстенъ... Какая-то дикая мысль два дня уже неотступно ее преслѣдовала... „Писать!.. Непремѣнно писать!"

И вотъ, въ одинъ пасмурный день, возвратясь изъ Маріинскаго театра, Зоринъ нашелъ у себя на столѣ ея письмо.

„Что вы сдѣлали?—начиналось оно безъ предисловій.—За-

чѣмъ сообщили сюда вашъ адресъ?.. Чтобы Жоржъ отыскалъ и убилъ васъ, или былъ самъ убитъ?.. Но неужели съ васъ мало той пытки, которую я несу,—что вы собираетесь еще кровью его омыть вашу честь? Нѣтъ, Зоринъ, новое преступленіе не смоетъ съ нея пятна, а только окраситъ его въ другой, по истинѣ дьявольскій цвѣтъ... Чтò вы желаете доказать?.. Что вы не трусъ? Но развѣ можетъ быть что-нибудь презрѣннѣе этой цѣли, если ея нельзя достигнуть иначе, какъ цѣною жизни ни въ чемъ неповиннаго человѣка, котораго вы вдобавокъ не стоите, и добраго имени женщины, когда-то любившей васъ и любимой?.. Подумайте хорошенько объ этомъ, и вы убѣдитесь, что есть другая развязка... Мнѣ нечего васъ учить, тѣмъ болѣе, что у васъ остаются на выборъ лишь два пути... Если вы трусъ, то бѣгите немедленно, не теряя ни часу, бѣгите, не оставляя послѣ себя слѣда и спрячьтесь куда-нибудь, гдѣ вы могли бы спокойно влачить безславную жизнь... Если же вы найдете въ себѣ довольно мужества поступать, какъ указываютъ вамъ честь и совѣсть, то вы поймете сами, чтò вамъ остается дѣлать. Случай вашъ не единственный. Ранѣе васъ были люди, которые предпочли безчестію... не рѣшаюсь назвать вамъ чтò, потому что въ груди у меня не *камень*, а сердце, которое никогда не можетъ вполнѣ забыть того, чтò однажды ему было мило... Въ самую эту минуту, когда я кончаю письмо, въ памяти у меня воскресаютъ: заглохшій садъ и плакучія, наклонившіяся къ водѣ березы... Двѣ тѣни на берегу и шопотъ.. О! еслибы мы могли предвидѣть тогда, до чего мы дошепчемся... Но прощайте,—не вижу болѣе ни пера, ни бумаги. Слезы туманятъ глаза...“

Письмо это возмутило Зорина.—Спасибо за память!—подумалъ онъ.—Но не слишкомъ ли уже дорого, изъ-за этихъ плакучихъ березъ и шопота, пустить себѣ пулю въ лобъ?.. Ахъ, Наталья Дмитріевна! Наталья Дмитріевна!.. Какая черная клевета на „камень“!

Письмо такъ овладѣло его вниманіемъ, что даже, и дочитавъ его до конца, онъ не сразу замѣтилъ возлѣ него, на столѣ, другую гостью. Это была визитная карточка съ хорошо знакомымъ именемъ:

„*Александръ Егоровичъ Иловлевъ*“. Внизу нацарапано карандашомъ: „*буду завтра отъ 10 до 11-ти*“.

Иловлевъ этотъ былъ старый маіоръ, служившій еще въ полку, когда Зоринъ туда поступилъ, но назадъ тому съ годъ

оставившій службу. Рыжіе съ просѣдью волосы, огненная окраска лица, густые усы и брови дыбомъ—все придавало ему какой-то свирѣпо-воинственный видъ, и только добрые голубые глаза говорили другое. Всѣ любили и уважали его, но особенно—неоперившаяся еще, зеленая молодежь, которую онъ берегъ и лелѣялъ съ какой-то особенной, материнскою нѣжностью. Безусые, молодые корнетики повѣряли ему свои сердечныя тайны, и не было случая, чтобы онъ выдалъ кого-нибудь; отдавали ему свои деньги на сохраненіе и, краснѣя, выслушивали строгіе выговоры за мотовство. Случалась ли ссора, первый, кто вмѣшивался въ нее и мирилъ товарищей, былъ Александръ Егоровичъ; случалось кому-нибудь захворать или вылетѣть изъ сѣдла и свихнуть себѣ ногу или плечо—Иловлевъ ночи не спалъ у его постели, игралъ съ нимъ въ шашки или въ пикетъ, читалъ ему вслухъ, перемѣнялъ компрессы, заваривалъ чай... Но особеннымъ фаворитомъ его былъ Зоринъ. Всѣ тайны поручика, въ томъ числѣ и несчастное дѣло его съ Натальей Дмитріевной, въ анонимной формѣ, были ему извѣстны.

Понятна поэтому радость Зорина, когда онъ узналъ, что старый маіоръ въ Петербургѣ и будетъ у него завтра. Заслышавъ его звонокъ, онъ выбѣжалъ къ нему въ прихожую безъ сюртука и едва не задушилъ его въ своихъ сильныхъ объятіяхъ.

— Гдѣ вы остановились?—допрашивалъ онъ второпяхъ.— Вздоръ! Сію минуту ко мнѣ! Сію минуту ѣдемъ туда за вещами вмѣстѣ; вотъ только чаю напьемся. Я ждалъ васъ, и самоваръ на столѣ.

Но Иловлевъ показался ему какъ-то невеселъ, и на горячее приглашеніе отвѣчалъ, что, къ несчастію, не можетъ къ нему переѣхать немедленно; а на смущенный вопросъ: „почему“, объяснилъ со вздохомъ, что онъ у него по скверному дѣлу...—Съ Вологдовымъ,—подтвердилъ онъ, усѣвшись и отвѣчая на изумленный видъ Зорина.

— Я прямо оттуда, и былъ у него по приглашенію... Сидѣли вплоть до отхода поѣзда... Нѣтъ, не могу такъ сразу; дай закурить.

Съ минуту они молчали, печально поглядывая другъ другу въ глаза, и лица у обоихъ были вытянуты... О чаѣ никто и не думалъ.

— Въ чемъ дѣло?—началъ взволнованнымъ голосомъ Зоринъ.

— Онъ отказался отъ всякаго объясненія,—отвѣчалъ маіоръ.— Но, между нами сказать, я догадываюсь... Хуже всего эти проклятыя недомолвки. Не знаешь, на чемъ и стоять. Говорятъ, что

о гласной развязкѣ нельзя и думать. „Никто, молъ, не долженъ даже подозрѣвать, что тутъ было что-нибудь въ родѣ ссоры". Ну, однимъ словомъ, скверно!.. Еслибы я имѣлъ хоть малѣйшій поводъ коснуться дѣла по существу, я доказалъ бы это ему какъ дважды два; но у меня подъ ногами не было твердой почвы, и всѣ мои возраженія разлетались въ прахъ. Кабы не надежда, хотя, признаюсь, и слабая, что мнѣ все же удастся какъ-нибудь васъ помирить, я отказался бы на̀-чисто. Ищи дурака, который, не зная того, что̀ я знаю, повѣрилъ бы на́ слово, что это не бѣшеное безумство!.. Ты понимаешь, чего онъ хочетъ?.. Онъ хочетъ, чтобы одинъ изъ двухъ, по жребію, добровольно отправился на тотъ свѣтъ. Въ принципѣ я не берусь судить объ этомъ способѣ, такъ какъ мало ли есть на свѣтѣ людей, которымъ жизнь и безъ ссоръ немила, и которые ищутъ только придраться къ чему-нибудь, чтобы пустить себѣ пулю въ лобъ. Но въ вашемъ случаѣ нѣтъ ни повода, ни охоты. Въ чемъ онъ нашелъ оскорбленіе? Что ты не женился на ней послѣ того, какъ она тебѣ отказала? Или не разболталъ во всеуслышаніе того, что̀ у васъ съ нею было, чтобы отбить у нея жениховъ? Такъ развѣ онъ самъ, на твоемъ мѣстѣ, не поступилъ бы такъ же?.. Это чортъ знаетъ какой взглядъ на честь, и я ему такъ въ глаза скажу, если ты мнѣ позволишь. Теперь вѣдь поздно уже ее выдавать, послѣ того, какъ она...

— Нѣтъ, Александръ Егоровичъ, дорогой,—отвѣчалъ рѣшительно Зоринъ, — я не согласенъ на это. Долгъ честнаго человѣка въ подобныхъ случаяхъ ясенъ какъ день, и какъ бы кто на него ни смотрѣлъ, какіе бы страхи мнѣ ни грозили, дѣло мое: исполнить его буквально.

— Да какъ же? Какъ же, голубчикъ? Вѣдь онъ прислалъ меня къ тебѣ съ вызовомъ, и я долженъ сегодня же сообщить ему твой отвѣтъ... Что̀ жъ я ему скажу?

— Такъ и скажите, что я согласенъ.

— Подумай, по крайней мѣрѣ... Куда спѣшить?.. Теперь еще нѣтъ и одиннадцати... Я подожду до вечера.

— Мнѣ не о чемъ думать, мой другъ, и нечего ждать.

Иловлевъ чуть не взвылъ.

— Гдѣ будетъ встрѣча?—спросилъ поручикъ.

— Здѣсь, у меня, въ гостинницѣ, въ нумерѣ... Онъ получитъ депешу рано поутру и выѣдетъ съ первымъ поѣздомъ. Будетъ, стало быть, здѣсь послѣ-завтра, въ девять часовъ утра; а въ десять вы встрѣтитесь у меня, и все рѣшено будетъ въ пять минутъ. Но окончательная развязка не раньше какъ черезъ три

дня. Это мое условіе, чтобы никто не заподозрилъ связи ея съ вашею встрѣчею у меня... Согласенъ?

— Согласенъ.

— Иванъ Николаичъ! подумай!

— Кончимте эту канитель, маіоръ. Ни мнѣ, ни вамъ, тутъ не выдумать ничего.

III.

Два дня ожиданія и двѣ ночи прерывистаго, тяжелаго забытья жестоко измучили Зорина... Чего только онъ не передумалъ за это время!.. Вся глупая, юношеская его исторія съ Натальей Дмитріевной оживала въ памяти его до малѣйшей подробности, и нужно ли говорить, какъ горько онъ проклиналъ свою слѣпоту, свое малодушіе!.. Думалъ ли онъ въ ту пору, къ чему она его приведетъ?.. Нѣтъ, медъ былъ сладокъ, и онъ какъ муха тѣшился имъ до тѣхъ поръ, покуда у нихъ не начались ссоры. Тогда только онъ спохватился, и въ немъ шевельнулось сомнѣніе: да полно—любятъ ли они въ самомъ дѣлѣ другъ друга? А мѣсяцъ спустя и спрашивать себя уже было не о чемъ. Все, что казалось такъ сладко на первыхъ порахъ, стало тяжелымъ бременемъ, и онъ несъ его на себѣ безъ малѣйшей надежды когда-нибудь воротить потерянную свободу. Разлука казалась ему лишь временнымъ отдыхомъ, да и тотъ нарушаемъ былъ безпрестанно обязанностью вести переписку... „Чѣмъ бы это окончилось?— спрашивалъ онъ себя теперь:—еслибъ она сама не разорвала, и лучше ли было бы, еслибъ они затянули на̀-глухо петлю, и безъ того не позволявшую ни ему, ни ей свободно вздохнуть? Такой развязки, какая ихъ ждетъ теперь, конечно, не было бы; — но смерть, если ее разбавить водой и принимать черезъ часъ по ложкѣ, все же осталась бы смертью, только медленною и постепенною, растянутой, быть можетъ, на долгіе годы. Вынесла ли бы она эти пріемы по ложкамъ, и не пришло ли бы ей, или ему, на умъ, что лучше уже хватить за-разъ?.. Межъ тѣмъ какъ теперь она во всякомъ случаѣ счастлива за другимъ, и если предчувствіе его не обманываетъ, останется еще долго счастлива, —съ маленькою занозой на совѣсти... Но занозы и не такого рода излечиваются“... Обратной возможности Зоринъ не допускалъ—до того она казалась ему возмутительна. Къ тому же и вѣроятности были противъ нея. Вологдовъ былъ извѣстенъ въ полку своимъ дьявольскимъ счастьемъ. Въ дуэляхъ или на скач-

кахъ, въ картахъ или на пари, никто не помнилъ, чтобы ему выпадала на долю крупная неудача... Конечно, онъ выиграетъ и на этотъ разъ, долженъ выиграть, если Богъ справедливъ, потому что за нимъ, въ настоящемъ случаѣ, нѣтъ ни малѣйшей вины, и его жизнь нужна для Наташи, тогда какъ, напротивъ, онъ, Зоринъ, стоитъ живою помѣхою на ея пути... О встрѣчѣ и „узелкахъ", однакоже, онъ не думалъ, а думалъ больше о томъ, что̀ ожидаетъ его черезъ три дня, и гдѣ-то онъ будетъ, когда въ газетахъ появится его имя, подъ заголовкомъ: „*Загадочное самоубійство*": „Вчера, въ Петербургѣ, въ одиннадцатомъ часу утра, въ Николаевской, на квартирѣ поручика *** полка И. Н. Зорина"... и т. д. Чаша страданій, нравственныхъ и физическихъ, которая, вѣроятно, ждетъ его прежде, чѣмъ все будетъ кончено, не особенно устрашала Зорина.—Что-жъ,—думалъ онъ, —дѣло не длинное, и если другіе его выносятъ твердо, безъ воплей и причитаній, то отчего и ему не вынести? Но что̀ дѣйствительно было страшно — это заглядка туда, гдѣ все земное кончено для страдальца. Что̀ тамъ скрывается? Настанетъ ли для него немедленно судъ, на которомъ онъ долженъ будетъ дать Богу отвѣтъ на грозный вопросъ: что̀ онъ сдѣлалъ или чего не сдѣлалъ съ собой?.. Или его душа будетъ вѣчно скитаться въ полныхъ потемкахъ, безъ памяти и сознанія, съ однимъ только смутнымъ чувствомъ неискупимой вины, которая отлучаетъ ее отъ своего источника?—„Господи! Да за что̀ же? — спрашивалъ онъ себя въ отчаяніи. — Могъ ли я сдѣлать что-нибудь кромѣ того, что̀ сдѣлано? И неужли жъ я такой злодѣй, что меня невозможно простить?..." Тяжелыя, мутныя сновидѣнія проносились надъ изголовьемъ его въ послѣднюю ночь, и онъ проснулся ранѣе времени, съ сильнымъ сердцебіеніемъ, съ головою въ чаду.

Въ восемь часовъ онъ былъ уже на ногахъ, а къ девяти умытъ и одѣтъ, но, увидавъ себя въ зеркало, ужаснулся. Лицо его было блѣдно и желто какъ воскъ, глаза воспалены, какъ у игрока послѣ безсонной ночи, взглядъ лихорадочный, вся фигура имѣла какой-то безсильный, измученный видъ. „Хорошъ молодецъ!—произнесъ онъ мысленно, и ему стало стыдно.—Что̀ скажутъ ротмистръ и маіоръ, увидѣвъ передъ собою вмѣсто знакомаго браваго офицера, какого-то выходца съ того свѣта? Вологдовъ непремѣнно подумаетъ, что не сто̀итъ и жребій бросать, потому что на лбу у него и такъ написано: *Мертвый*"... Это озлило Зорина; онъ воротился назадъ къ умывальнику и сталъ лить себѣ на голову кувшинъ за кувшиномъ... Потомъ налилъ стаканъ горячаго чаю и пробовалъ пить, но не могъ, а выпилъ вмѣсто

того стаканъ вина... Все вмѣстѣ: стыдъ и досада, вода и вино, наконецъ, подѣйствовали. Кровь заиграла слегка на щекахъ, станъ выпрямился, взглядъ ожилъ. Въ вискахъ немного стучало еще, и голова отъ вина на-тощакъ была отуманена; но взглядъ на часы убѣдилъ его, что возиться дольше съ своею наружностью некогда.

Четверть часа спустя онъ явился на мѣсто встрѣчи, но ротмистра еще не было. Иловлевъ крѣпко обнялъ его, потомъ заглянулъ въ глаза и ободрительно потрепалъ по плечу.—Ничего! —сказалъ онъ,—дастъ Богъ, не посрамимся...

Зоринъ слегка покраснѣлъ и собирался что-то сказать, но отрывистый, рѣзкій стукъ въ двери нумера зажалъ ему ротъ.

Это былъ Вологдовъ, прямо съ дороги... Онъ смотрѣлъ, какъ всегда, молодцомъ, и держалъ высоко голову,—выбритый, вымытый, безъ малѣйшихъ слѣдовъ тревоги или усталости.

— Здравствуйте, господа!—сказалъ онъ полнымъ голосомъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, пожалъ обоимъ товарищамъ руки.— Я, кажется, нѣсколько опоздалъ; но намъ вѣдь не мостъ наводить, и пріѣзжему это не въ счетъ.

Подносъ съ закускою и другой съ заваренньмъ чаемъ стояли въ нумерѣ.

— Алексѣй Егоровичъ, извините,—сказалъ развязно Вологдовъ, подходя къ столу.—Съ мѣста до мѣста не ѣлъ, и смерть какъ проголодался... Да сдѣлайте милость не хлопочите—я самъ налью.

Онъ закусилъ и налилъ; потомъ закурилъ сигару... Зоринъ глядѣлъ на него, дивясь. Тотъ улыбнулся.—Что-жъ ты не придержишь?—сказалъ онъ.—Выпьемъ?

— Успѣю еще,—отвѣчалъ пристыженный поручикъ.

— Пожалуйста, господа, не дожидайтесь! — произнесъ ротмистръ.—За мной остановки не будетъ.

Иловлевъ вышелъ изъ комнаты и черезъ минуту вернулся съ платкомъ, два конца котораго впереди, завязанные, слегка дрожали въ его рукахъ.

— Кому угодно первому?—сказалъ онъ.—Конецъ безъ мѣтки: „*выигралъ*";—съ красною мѣткой: „*проигралъ*".

Вологдовъ бросилъ сигару и медленно подошелъ; потомъ посмотрѣлъ пытливо въ глаза противнику, и, почти не глядя на платокъ, взялся за первый попавшійся узелокъ.

— Я постараюсь избавить васъ отъ хлопотъ,—сказалъ онъ, развязывая, но на послѣднемъ словѣ голосъ его оборвался, и глаза, широко-открытые, неподвижно остановились. Комната, люди,

платокъ—все исчезло куда-то, и только двѣ красныя буквы рдѣли... Конецъ былъ съ мѣткой.

Чувство, которое Вологдовъ испыталъ, убѣдясь, что его игра проиграна, въ первый моментъ было почти безсознательно. Сердце упало въ его груди, какъ оно неизбѣжно должно упасть у самаго смѣлаго человѣка, ступившаго, какъ ему случалось уже не разъ, на перекинутую черезъ бездонный провалъ перекладину, и вдругъ чувствующаго, что она измѣняетъ ему... Конецъ! Ему никогда не быть на другой сторонѣ... Въ первый моментъ онъ покраснѣлъ, какъ люди краснѣютъ отъ неожиданности, и что-то въ родѣ проклятія сорвалось невнятно съ его языка. Но тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ онъ вспомнилъ, что на него глядятъ, и привычка къ сценѣ заставила его сдѣлать отчаянное усиліе надъ собой, чтобъ доиграть свою роль до конца. Въ извѣстной мѣрѣ это ему и удалось.

— Я говорилъ, что избавлю тебя отъ труда,—произнесъ онъ съ слабой усмѣшкою, но глаза его не смѣялись. Они смотрѣли гордо, озлобленно на противника и на Иловлева... Это, однакоже, было послѣдней побѣдой, одержанной имъ надъ собой. Несчастный чувствовалъ, что онъ дольше не въ силахъ играть; онъ бросилъ конецъ платка и отвернулся. Съ нимъ начиналась реакція... Чувствуя, что колѣни его дрожатъ, онъ подошелъ къ дивану и сѣлъ... Лицо его стало мертвенно-блѣдно.

Глубоко тронутый, Зоринъ, переглянувшись съ хозяиномъ, подошелъ и сѣлъ рядомъ, взявъ своего товарища за руку.

— Сердись—не сердись на меня, Юрій Платоновичъ,—сказалъ онъ,—а я далѣе этого не пойду. Дѣло не рѣшено, потому что я не успѣлъ развязать своего узелка, какъ ты уже бросилъ свой, и теперь перекидывать на-ново поздно. Оставимъ эту безбожную, дьявольскую игру и помиримся. Подумай только, кому изъ насъ нужно, чтобы она доведена была по всѣмъ правиламъ до конца?.. Конечно, не Александру Егоровичу.

— Не позволяю!—свирѣпо сказалъ маіоръ.

— А что касается до меня, — продолжалъ Зоринъ, — ты знаешь, какъ я всегда любилъ тебя... Чтò же случилось, чтò бы могло охладить мою старую дружбу къ тебѣ?.. Ты не желалъ моей гибели, а не болѣе какъ исполнилъ то, чтò требовали законы чести, и еслибы выигралъ, безъ сомнѣнія, тоже не пожелалъ бы, чтобъ я пустилъ себѣ пулю въ лобъ... Прости же меня по-христіански! помни, что вѣдь вина моя не умышленная... Другъ, Юрій Платоновичъ, прости!

Но ротмистръ сидѣлъ, склонясь головой до колѣнъ, и, закры-

вая руками лицо, упорно молчалъ... Только плечи его какъ-то нервно подергивало.

— Александръ Егоровичъ! Да замолвите же словечко!

Но Иловлевъ дѣлалъ ему руками знаки, чтобъ онъ пересталъ.

— Чтѡ жъ я могу прибавить къ сказанному,—произнесъ онъ грустно, — кромѣ того, что я никогда и не взялся бы за такое дѣло, еслибы я не надѣялся, что оно окончится между вами миромъ. Но если ротмистръ такъ оскорбленъ нашимъ вмѣшательствомъ, что не удостоиваетъ насъ даже отвѣта, то я напомню только ему наши условія: не раньше какъ черезъ трое сутокъ... До этого времени онъ у меня тутъ заарестованъ,—а ты убирайся отсюда, такъ какъ тебѣ тутъ нечего больше дѣлать.

Поручикъ, въ душѣ довольный, что его роль, по крайности хоть на этотъ день, кончена, ни слова не говоря, взялся за шапку и, торопливо накинувъ въ прихожей шинель, ушелъ,—но, уходя, сдѣлалъ знакъ Иловлеву, чтобы тотъ на минуту вышелъ за нимъ.

Онъ былъ уже за дверьми и на лѣстницѣ, когда тотъ торопливо его догналъ.—Чтѡ такое?—спросилъ онъ нетерпѣливо.

— Разрѣшите отправить его женѣ депешу отъ вашего имени, чтобы она немедленно пріѣзжала. На всякій случай, лучше, вы понимаете, чтобы она была здѣсь.

— Благословляю.

Какъ разъ черезъ сутки, утромъ, въ 11 часу, Наталья Дмитріевна была въ Петербургѣ и въ нумерѣ. Иловлевъ, котораго она видѣла у себя, встрѣтилъ ее одинъ.

— Гдѣ мужъ? – было первымъ словомъ ея.

— Не тревожьтесь, сударыня,—отвѣчалъ маіоръ, усаживая пріѣзжую и говоря почти шопотомъ:—Юрій Платоновичъ здѣсь; только онъ еще спитъ.

— Онъ раненъ?

— Боже избави! Нѣтъ, но онъ очень разстроенъ однимъ несчастнымъ случаемъ, и желательно было бы, чтобы ваше свиданіе обошлось какъ можно спокойнѣе... Вы не гнѣваетесь, надѣюсь, что я васъ вызвалъ сюда безъ всякаго объясненія? Писать было некогда, а депеша не терпитъ подробностей... Остальное онъ самъ объяснитъ. Сдаю вамъ его съ увѣренностью, что онъ не можетъ быть въ лучшихъ рукахъ, и прошу извинить меня, если я, какъ лишній, оставлю васъ тутъ вдвоемъ. Хозяйство, какое есть, конечно, въ полномъ вашемъ распоряженіи, и прислуга тоже.

Сказавъ это, онъ откланялся и ушелъ.

Оставленная одна, въ чужомъ помѣщеніи, Вологдова сидѣла, дико осматриваясь.

Просторный нумеръ въ третьемъ этажѣ очень приличной гостинницы, окна на дворъ, и уличной трескотни не слышно. На кругломъ столѣ неубранный чайный приборъ и пепельница съ окурками; на всемъ—печать неусидчивыхъ, перелетныхъ жильцовъ и холостыхъ привычекъ. Вологдова сидѣла, измученная своимъ путешествіемъ и нескончаемой очередью догадокъ, роившихся всю дорогу въ ея головѣ... Въ прихожей ея багажъ. Въ сосѣдней комнатѣ мертвая тишина, и портьеры ведущихъ въ нее дверей опущены.

Пять, десять, двадцать минутъ... Долго ли еще такъ сидѣть?

Она начинала уже терять сознаніе времени, когда изъ спальни донесся обычный глубокій вздохъ просыпающагося, и минуту спустя она услыхала знакомый голосъ:

— Александръ Егоровичъ! Который часъ?

Наташа вскочила и сквозь распахнутую портьеру увидѣла мужа. Онъ былъ въ халатѣ Иловлева и глядѣлъ на нее, не вѣря своимъ глазамъ.

— Наташа! Какими судьбами ты здѣсь?

Въ одно мгновеніе онъ очутился въ ея объятіяхъ.—Жоржъ! дорогой мой! Что̀ съ тобою? Меня сюда вытребовали депешей, но я до сихъ поръ не знаю, зачѣмъ, и не могу ничего понять.

— А гдѣ же Александръ Егоровичъ?—спросилъ ротмистръ, дико осматриваясь. Съ просонковъ вся эта встрѣча казалась ему похожа на сонъ.

— Онъ былъ тутъ, когда я пріѣхала; но потомъ ушелъ, какъ говоритъ, чтобы намъ не мѣшать.—И, всматриваясь въ его осунувшееся лицо, она спросила:—Скажи мнѣ правду, ты боленъ?

— Нѣтъ, ничего... Погоди немного; дай мнѣ опомниться.

Онъ торопливо умылся, одѣлся, позвалъ полового, потребовалъ завтракъ, и только когда вся эта возня окончилась, Вологдова услыхала отъ него нѣсколько сдержанныхъ и загадочныхъ словъ о томъ, что̀ ее такъ сильно интриговало.

— Не волнуйся, прошу тебя,—сказалъ онъ.—Дѣло, изъ-за котораго я пріѣхалъ сюда, серьезное, и мнѣ прежде всего надо знать, какъ ты на него посмотришь. Еще до отъѣзда я вызвалъ Зорина.

Барыня вздрогнула.—Онъ убитъ?

— Нѣтъ, живъ... Не перебивай, пожалуйста; иначе я никогда не кончу. Мы встрѣтились здѣсь у Иловлева, и условія были заранѣе выговорены. По жребію: одному изъ двухъ жить, а другому

отправиться добровольно къ праотцамъ и исполнить это безъ шуму, наединѣ, такъ чтобъ никто не заподозрилъ тутъ ссоры. Съ этою цѣлью и назначенъ былъ срокъ—три дня, изъ которыхъ одинъ уже прошелъ. Жребій бросали вчера, и... *онъ* проигралъ.

Ротмистръ, сказавъ эту ложь, остановился, видимо собираясь съ духомъ, и зорко глядѣлъ на жену, которая измѣнилась въ лицѣ.

— Да, проигралъ голубчикъ; только тутъ оказался маленькій недочетъ. Мы всѣ почему-то думали, что этотъ способъ до крайности простъ; но на повѣрку вышло недоумѣніе, а затѣмъ и горячій протестъ. Одинъ упорно молчалъ, но двое были противъ него. Они говорили громко, что проигравшій нисколько не виноватъ, по крайней мѣрѣ, не болѣе виноватъ, чѣмъ всѣ мы, сколько насъ есть, должны быть, по совѣсти, признаны виноватыми, и что свалить на него одного, какъ на козла отпущенія, общій грѣхъ, оставивъ, или—что тоже—заставивъ его хладнокровно покончить съ собой, немногимъ лучше, чѣмъ потайное убійство; а если принять въ разсчетъ, что при такой обстановкѣ дѣла убійца ничѣмъ не рискуетъ, то даже и хуже. Дѣло, конечно, спорное, но мнѣ хочется знать, что̀ ты, какъ женщина, о немъ думаешь.

Наташа сидѣла блѣдная и дрожащая.

— Кто былъ на его сторонѣ?—спросила она, не смѣя поднять на мужа опущенные глаза.

— Вотъ женщины! — произнесъ язвительно Вологдовъ.—Да развѣ это не все равно?.. Ну, положимъ, Иловлевъ.

— Нѣтъ, Жоржъ, голубчикъ, не все равно. Если они такъ думали, то отчего же они не сказали этого ранѣе?.. и зачѣмъ оставили тебя одного рисковать?.. Потому что, конечно, у нихъ это было уговорено заранѣе. Зная, какъ ты благороденъ, они могли быть спокойны, что, въ случаѣ выигрыша, ты не потребуешь отъ него исполненія. Но кто же ручается, что они поступили бы такъ же великодушно, еслибъ не онъ, а ты проигралъ?.. Весьма вѣроятно, откланялись бы, да и оставили тебя, несчастнаго, осужденнаго...—Слезы текли у нея по щекамъ, но губы стиснуты были неумолимою злобой.—Это низко съ ихъ стороны! Такъ низко, какъ я никогда и не ожидала даже отъ Зорина... Зоринъ—трусъ!

— Ахъ, Наташа, мой другъ!—сказалъ ротмистръ, смотря на нее съ укоромъ. — Неужто тебѣ нисколько его не жаль? Подумай, всего 22 года! Здоровъ и силенъ какъ быкъ, и такой хорошій, добрый! всегда такъ любилъ меня!.. Допустимъ, что лично передъ тобою онъ виноватъ. Но вѣдь дѣло происходило давно,

когда никому и въ голову не могло придти, что ты будешь моею женой... Наташа, мой ангелъ, прости его!

Барыня вспыхнула.—Да я что же?.. Я тутъ сторона, и если ты простилъ его, то, конечно, не мнѣ... Господи! Да за что̀ ты мучишь меня такими вопросами?.. На что̀ тебѣ знать, какъ я на это смотрю?

— На то,—отвѣчалъ угрюмо Вологдовъ,—что вѣдь и я могъ такъ же легко проиграть, и былъ бы точно въ такомъ же, какъ онъ, положеніи... И Иловлевъ былъ бы тогда навѣрное за меня, а за Зорина я тебѣ головой отвѣчаю. Но для меня всего важнѣе судъ, и я хочу его слышать безъ всякой утайки. Скажи: оправдала ли бы ты меня, еслибъ я понялъ тогда, какую гадость мы трое продѣлали, и, бросивъ всякое фанфаронство, принялъ предложенную пощаду?

— Я-то? — сказала порывисто Вологдова, склонясь головою къ нему на грудь.—Да развѣ у меня есть что-нибудь, чего бы я съ радостью не отдала за твое спасеніе?.. Честь, гордость, мщеніе,—все задавила бы въ сердцѣ!.. Въ землю бы передъ нимъ поклонилась!

— Ну, такъ иди же и кланяйся,—сказалъ мужъ, горячо цѣлуя ее.—Кланяйся и прости ему въ своемъ сердцѣ и помирись съ нимъ. Потому что не онъ, а я проигралъ... И я сидѣлъ какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я сижу, сидѣлъ совершенно убитый, думая о разлукѣ съ тобой, когда онъ, первый, не слышавъ еще ни слова ни отъ кого, сѣлъ возлѣ и взялъ меня за руку, и сталъ говорить... „Другъ мой! — говорилъ онъ: — ты знаешь, какъ я всегда любилъ тебя. Прости же мнѣ мой невольный грѣхъ и помиримся“... Тогда я не могъ ему отвѣчать, потому что гордость моя, хотя и раздавленная, причиняла мнѣ нестерпимую боль. Но потомъ я надумался, и мнѣ стало ясно какъ день, что я не стою его... Наташа! Еслибъ ты знала, какая ломка происходила во мнѣ весь день послѣ этого, и чего мнѣ стоило, наконецъ, признаться даже тебѣ, что я совершенно разбитъ, побѣжденъ, какъ только можетъ быть побѣжденъ человѣкъ, всю жизнь бывшій очень высокаго мнѣнія о себѣ!.. Ты кстати пріѣхала. Безъ тебя у меня не хватало духу сдѣлать то, что̀ мнѣ остается сдѣлать. Но ты мнѣ поможешь... Садись и пиши ему, что мы оба просимъ его пріѣхать, чтобы покончить, разъ навсегда, съ этой безсмысленной ссорой.

Наташа слушала это какъ балованная дѣвчонка, которую принуждаютъ выпить что-нибудь очень горькое. Губы и плечи ея подергивало; но мужъ смотрѣлъ на нее такими глазами, что

невозможно было и думать о сопротивленіи. Помявшись и отъ усилія надъ собой покраснѣвъ до ушей, она усѣлась писать.

Миръ былъ отпразднованъ вечеромъ, вчетверомъ съ маіоромъ, и на другой же день всѣ вмѣстѣ уѣхали въ полкъ.

Но служба въ полку, гдѣ все напоминало Вологдову ходульную роль, которую онъ такъ долго игралъ, скоро ему опротивѣла. Онъ вышелъ въ отставку и поселился съ женой въ своемъ родовомъ помѣстьѣ, въ тамбовской губерніи. Теперь это—пожилой уже человѣкъ, отецъ многочисленнаго семейства и образцовый хозяинъ.

Н. Ахшарумовъ.

ПОѢЗДКА ВЪ ТРОАДУ.

На раскопкахъ Шлимана.

I.

Подобно тому, какъ тридцать вѣковъ тому назадъ Европа и Азія раздѣлились на два враждебныхъ лагеря съ цѣлью—одна напасть, а другая—отстоять древнюю Трою, такъ и новѣйшіе ученые въ наше время раздѣлились на два стана: одни—чтобы оспаривать предполагаемое мѣсто столицы Пріама, другіе—наоборотъ—чтобы доказывать свои предположенія и съ точностью опредѣлить то мѣсто, гдѣ находилась гомеровская Троя. Въ особенности же послѣ 1874 года, послѣ раскопокъ Шлимана, усилилась полемика по этому вопросу.

Открытія Шлимана возбудили первоначально сильное одушевленіе; но вскорѣ мѣсто восторговъ заступили порицанія и сомнѣнія. Возникла цѣлая литература, безпрерывно ростущая и теперь. Она принесла хорошіе плоды, потому что разъяснила вопросъ и поставила читателей на истинную точку зрѣнія. Шлимана перестали то превозносить до небесъ, то втаптывать въ грязь, но вмѣсто того начали понимать культурно-историческое значеніе его открытій.

Вопросъ о мѣстонахожденіи Трои обсуждался и въ древности. Потомки эолійскихъ переселенцевъ, еще въ VII в. до Р. Х. основавшіе на нынѣшнемъ холмѣ Хисарликѣ Новый-Иліонъ, доказывали, что ихъ городъ занимаетъ мѣстность города Пріама. Во время Александра Македонскаго это мнѣніе было настолько распространено, что македонскій царь, восторженный почитатель

Гомера, осыпалъ городъ милостями и застроилъ его великолѣпными зданіями.

Однако уже во II вѣкѣ до Р. Х. Дмитрій, уроженецъ Троады, сталъ опровергать притязанія Новаго-Иліона, причемъ основывался на существовавшемъ тогда варіантѣ мѣстнаго преданія и на трудности согласить топографическія данныя Гомера съ нахожденіемъ города на Хисарликѣ. Страбонъ подтвердилъ это сомнѣніе и согласился съ предположеніемъ Дмитрія, по которому древняя Троя находилась въ 30 стадіяхъ къ В. отъ Новаго-Иліона, близъ нынѣшней деревни Акчикѣй.

Но и въ его время тщетно искали слѣдовъ древней Трои; по словамъ Лукана, напрасны были такія же попытки, сдѣланныя во время Юлія Цезаря, такъ какъ тогда исчезли уже самыя развалины этого города—„etiam periere ruinae“ [1]). Да и не мудрено: развѣ существуютъ какіе-нибудь остатки Тира, города столь же могущественнаго, какъ и Иліонъ, и разрушеннаго гораздо позже?

Десятилѣтняя ожесточенная война, пожаръ, разграбленіе, остатки жилищъ, разнесенные по сосѣднимъ городамъ для возстановленія зданій, поврежденныхъ во время войны,—всѣ эти причины соединились съ разрушительнымъ дѣйствіемъ времени и съ теченіемъ вѣковъ уничтожили всѣ слѣды гордой Пріамовой столицы.

Въ концѣ прошлаго столѣтія французскій путешественникъ Le Chevalier издалъ сочиненіе: „Voyage dans la Troade“, въ которомъ привелъ соображенія, что гомеровская Троя должна была находиться на холмѣ, гдѣ теперь деревушка Бунаръ-баши. Предположеніе это встрѣтило почти единодушное одобреніе ученыхъ и было развито многими послѣдующими путешественниками и археологами.

Внимательно разсматривая самую мѣстность гомеровскихъ битвъ, Шлиманъ нашелъ слабыя стороны въ догадкахъ Дмитрія и Ле-Шевалье, и, напротивъ, представилъ нѣкоторыя соображенія въ пользу жителей Новаго-Иліона. Онъ рѣшилъ, въ виду того, на собственный счетъ произвести обширныя раскопки въ обѣихъ мѣстностяхъ, оспаривавшихъ другъ у друга честь имени древней Трои.

Въ Бунаръ-Баши раскопки, начатыя въ апрѣлѣ 1867 года и продолжавшіяся четыре дня, не дали никакихъ результатовъ, и, по мнѣнію Шлимана, было ясно, что тамъ не могло существовать въ древности никакого значительнаго города.

Къ такимъ же отрицательнымъ результатамъ привели раскопки

[1]) Phars. lib. 9 v. 953.

Шлимана въ имѣніи англійскаго вице-консула Кальверта — Батакѣ, гдѣ Страбонъ помѣщаетъ древнюю Трою: тамъ не было найдено никакихъ развалинъ, а лишь крупный песокъ, безъ примѣси какихъ-либо остатковъ древности.

Тогда неутомимый изслѣдователь перенесъ раскопки на холмъ Хисарлика, и въ 1869 г. вышло въ свѣтъ его сочиненіе: „Итака, Пелопоннезъ, Троя", гдѣ Шлиманъ старался доказать тождество Новаго-Иліона, занимавшаго Хисарликъ, съ Иліономъ древнимъ. Послѣдующее его сочиненіе: „Троянскія древности", даетъ отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ Хисарликѣ, не касаясь уже вопроса о мѣстности гомеровой Трои; дѣло представляется какъ бы окончательно рѣшеннымъ въ пользу Хисарлика.

При производствѣ своихъ раскопокъ Шлиману приходилось бороться не только съ естественными препятствіями, но и съ турецкими порядками, а потому не безъинтересенъ его личный разсказъ объ отношеніяхъ къ нему турецкаго правительства. „Съ самаго начала моихъ раскопокъ въ апрѣлѣ 1870 г.,—говоритъ онъ,— я употребилъ всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти въ собственность холмъ Хисарлика; для этого мнѣ пришлось сдѣлать нарочно три путешествія изъ Парижа въ Кумъ-Кале; наконецъ, мнѣ удалось уговорить владѣльцевъ этой мѣстности, двухъ турокъ, продать мнѣ ее за 1.000 франковъ. Тотчасъ же послѣ этого, въ декабрѣ 1870 г., я отправился къ Сафвету-пашѣ, бывшему тогда министромъ народнаго просвѣщенія, и сообщилъ ему, что послѣ восьми-мѣсячныхъ стараній мнѣ удалось склонить къ уступкѣ владѣльцами главной части древней Трои за 1.000 фр., и что я немедленно совершу покупку, какъ только получу фирманъ, разрѣшающій мнѣ производить раскопки на Хисарликѣ. Оказалось, что Сафветъ ничего не слыхалъ ни о Троѣ, ни о Гомерѣ; я разсказалъ ему о нихъ вкратцѣ и прибавилъ, что надѣюсь отыскать въ этой мѣстности безцѣнныя сокровища для науки. Министръ, конечно, сообразилъ, что я предполагаю отыскать много золота, освѣдомился у меня о разныхъ подробностяхъ и затѣмъ просилъ зайти къ нему черезъ недѣлю. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда, принявъ меня въ назначенный срокъ, Сафветъ-паша объявилъ мнѣ, что онъ заставилъ обоихъ турецкихъ владѣльцевъ продать землю ему, за 600 франковъ, и что я могу производить тамъ раскопки, но съ тѣмъ, что все найденное поступитъ въ его полную собственность. Въ отвѣтѣ моемъ Сафвету я въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ объяснилъ ему всю гнусность его поступка и объявилъ, что, не желая имѣть съ нимъ никакого дѣла, отказываюсь совершенно отъ раскопокъ.

„Послѣ этого Сафветъ-паша засылалъ ко мнѣ нѣсколько разъ тогдашняго американскаго посланника въ Константинополѣ, Mr. Wyne Mac Veagh, предлагая предоставить мнѣ половину всѣхъ предметовъ, которые будутъ найдены при раскопкахъ. Я согласился, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что мнѣ можно будетъ вывезти изъ Турціи принадлежащую мнѣ часть предметовъ. Между тѣмъ, когда раскопки были въ полномъ ходу, право это, въ концѣ марта 1872 г., было внезапно отъ меня отнято Портою, при чемъ было добавлено, что за мною сохраняется право продать найденныя древности, но въ предѣлахъ Турціи.

„Такимъ произвольнымъ распоряженіемъ Порта сама нарушила свой контрактъ со мною и сама сняла лежавшія на мнѣ обязательства, почему я и счелъ себя въ правѣ взять себѣ всѣ предметы, представлявшіе какой-либо интересъ, и спасти ихъ такимъ образомъ для науки“ [1]).

Турецкое правительство, однако, не согласилось съ такимъ толкованіемъ контракта, и когда 17-го іюля 1873 г. Шлиманъ окончилъ свои раскопки, начало противъ него процессъ, требуя выдачи половины отрытыхъ предметовъ; кончилось дѣло тѣмъ, что Шлиманъ добровольно уплатилъ 50.000 франковъ, и Порта признала его единственнымъ обладателемъ найденныхъ имъ древностей, состоявшихъ изъ золотыхъ вещей, множества оружія изъ бронзы и камня, а также изъ разнообразныхъ глиняныхъ сосудовъ.

Въ сентябрѣ 1878 г. Шлиманъ снова досталъ себѣ фирманъ и началъ раскопки, выстроивъ для себя, своихъ гостей и слугъ особыя жилища. Главнымъ результатомъ раскоповъ была находка трехъ небольшихъ и одного большого клада золотыхъ вещей. Найдены были также: два скелета воиновъ въ мѣдныхъ шлемахъ —рядомъ съ однимъ изъ нихъ лежало длинное копье—и скелетъ троянки, съ выдающеюся нижней частью лица и съ прекрасно сохранившимися, удивительно мелкими зубами. Подлѣ этого скелета въ слоѣ густого пепла найдены кольцо, серьги и брошка изъ чистаго золота. Немного далѣе—веретено съ намотанною еще шерстью и обрывки женскихъ одеждъ. Въ концѣ февраля 1879 г. Шлиманъ возвратился снова въ Хисарликъ и произвелъ свои послѣднія раскопки; на этотъ разъ ему помогали въ трудахъ извѣстные Вирховъ и Эмиль Бюрнуфъ. Слои были опредѣлены съ геологической и антропологической точекъ зрѣнія, причемъ оказалось, что весь холмъ, поднимающійся отъ гранитнаго материка на 24 метра, состоитъ изъ остатковъ человѣческихъ жилищъ.

---

[1]) Antiquités troyennes, par Schliemann, Paris. 1874, LIV.

По мнѣнію Шлимана, здѣсь было послѣдовательно семь городовъ, и второй отъ материка слой былъ гомеровскою Троею.

Сначала Шлиманъ полагалъ, что древнюю Трою слѣдуетъ искать въ третьемъ слоѣ, но отказался отъ своего мнѣнія послѣ того, какъ Максъ Миллеръ доказалъ, что встрѣчающееся на сосудахъ этого слоя своеобразное изображеніе креста 卐 и 卍, распространенное по всему востоку, отъ Китая и до Западной Африки, и извѣстное въ Индіи подъ именемъ *свастика*, является не ранѣе IV в. до Р. Х., и что, слѣдовательно, третій слой на 600 лѣтъ моложе Пріамовой Трои.

Въ то же время были изслѣдованы и подробно описаны раскопки двухъ кургановъ—Бешикъ-Тепе и Уджекъ-Тепе. Въ послѣднемъ, на глубинѣ двухъ саженъ, найдено огромное каменное строеніе въ видѣ башенки, почти въ 12 метровъ вышиною и до 5 метровъ въ квадратѣ, покоящееся на выложенномъ изъ камней многоугольникѣ, свыше 4 саженей въ діаметрѣ. Шлиманъ и Бюрнуфъ относятъ строеніе къ 214 г. по Р. Х. и считаютъ холмъ могилою Феста, любимца Каракаллы.

Догадки и предположенія Шлимана встрѣтили не мало противниковъ, и изъ нихъ Брентано занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ [1]. Возраженія его сводятся къ слѣдующему: по описанію Гомера, Троя была большимъ, окруженнымъ стѣнами и прекрасно построеннымъ городомъ, съ красивыми и широкими улицами и съ высокимъ зáмкомъ. Она заключала въ себѣ храмы Аполлона, Минервы, Зевса, Марса, Леты и Артемиды, прекрасно выстроенныя жилища Пріама и его сыновей и многочисленные дома троянцевъ. Могъ ли подобный городъ помѣщаться на холмѣ, который можно обойти кругомъ менѣе чѣмъ въ $1/4$ часа; и если на немъ жилъ только Пріамъ съ своими 50 сыновьями и дочерьми, то, конечно, не оставалось затѣмъ мѣста ни для одного посторонняго обитателя. Къ этому необходимо прибавить еще то соображеніе, что на хисарликской террасѣ нѣтъ воды; лишь во время дождя виднѣется у подошвы холма едва замѣтное просачиваніе влажности. Одной пятидесятой части греческой арміи было бы достаточно, чтобы въ десять дней овладѣть этими глиняными стѣнами и разорить немногіе дома Хисарлика, а потому нельзя признать въ этихъ жалкихъ развалинахъ политическаго центра обширнаго и богатаго царства, точно также, какъ невозможно признать открытыя Шлиманомъ стѣны за оплотъ Пріамовой столицы; ихъ грубая

[1]) Zur Lösung des troyanischen Frage u Alt Ilion im Dumbrekthal, von Brentano. 1877.

кладка, незначительность размѣровъ, отсутствіе всякаго строительнаго искусства невольно бросаются въ глаза, въ особенности при сравненіи ихъ съ правильными циклопическими постройками Микенъ—современницы Трои.

Вдобавокъ, въ томъ слоѣ, гдѣ Шлиманъ предполагаетъ древнюю Трою, онъ нашелъ пропасть каменнаго оружія, о которомъ между тѣмъ Гомеръ не говоритъ ни слова. И вообще самъ Шлиманъ, даже предполагая, что всѣ дома Хисарлика были трехъ-этажные и расположены были одинъ около другого, утверждаетъ, что весь городъ не могъ имѣть болѣе 5.000 жителей и выставлять въ поле болѣе 500 воиновъ [1]).

Вѣроятнѣе всего, что на Хисарликѣ издавна былъ храмъ богини огня, которую греки отождествляли съ Минервой. Храмъ былъ окруженъ жилищами жрецовъ и владѣлъ сокровищами, которыя отъ времени до времени подвергались разграбленію, а самыя жилища—сожженію. Гомеровскую же Трою слѣдуетъ искать въ 30 стадіяхъ къ востоку отъ Хисарлика, въ долинѣ Думбрека, ближе къ тѣмъ странамъ, гдѣ разыгрываются древнія троянскія преданія: тамъ Дарданія — ихъ срединный пунктъ, родовой городъ троянской династіи, тамъ страна бебриковъ, тамъ происходило похищеніе Ганимеда и т. п.

Теорія Брентано представляетъ, конечно, много основательныхъ соображеній, но для подкрѣпленія ея необходимы новыя раскопки въ указываемой имъ мѣстности; впредь же до того нельзя не признать, что въ настоящее время наиболѣе вѣроятій все-таки остается на сторонѣ открытій Ле-Шевалье.

Бунаръ-Баши дѣйствительно соединяетъ въ себѣ топографическія условія, наиболѣе подходящія какъ для объясненія описаній Гомера, такъ и для мѣстонахожденія могущественнаго города. Сосѣдній съ Эгейскимъ моремъ и Геллеспонтомъ, построенный въ Бунаръ-Баши городъ былъ, тѣмъ не менѣе, удаленъ отъ ихъ береговъ настолько, насколько это было нужно, чтобы не подвергнуться какому-либо внезапному нападенію съ моря, столь частому въ древности. Съ другой стороны, прислоненный къ отрогамъ Иды, защищенный съ востока и сѣвера теченіемъ Симонса (Мендже-су), имѣя предъ собою обширную, обильную водою равнину, городъ этотъ имѣлъ въ себѣ всѣ задатки будущаго развитія и богатства.

Затѣмъ, неопровержимо существованіе горячихъ и холодныхъ ключей у Бунаръ-Баши [2]), о которыхъ говоритъ Гомеръ, помѣ-

[1]) Antiquités troyennes, 302.

[2]) Asie Mineure, par Tchihatcheff, 333.

щая ихъ у источниковъ Скамандра и по близости отъ троянскихъ стѣнъ.

Противники ле-Шевалье основывались также на томъ, что при отдаленности Бунаръ-Баши отъ Геллеспонта, на берегу котораго стояла греческая рать, невозможно допустить описанія въ Иліадѣ нѣкоторыхъ сраженій, когда греки по нѣскольку разъ въ день проходили это пространство.

Въ объясненіе этого необходимо замѣтить, что троянская долина съ каждымъ годомъ увеличивается въ сторону моря подъ вліяніемъ песочныхъ наносовъ Симоиса. Еще Страбонъ разсчиталъ [1]), что съ троянской войны до его времени наносы покрыли пространство въ шесть стадій (1.110 метровъ), что̀ составляетъ почти по одному метру ежегодно. Слѣдовательно, чтобы получить долину временъ троянской войны, нужно уменьшить нынѣшнее разстояніе отъ Бунаръ-Баши до пролива на три тысячи метровъ, что̀ уменьшитъ на такое же разстояніе пространство между греческимъ станомъ и Иліономъ. А во-вторыхъ, какъ замѣтилъ G. Perrot [2]), невозможно понимать буквально всѣ разсказы Гомера о сраженіяхъ; то, что̀ онъ описываетъ какъ происходившее въ теченіе одного дня, въ дѣйствительности, быть можетъ, происходило въ теченіе нѣскольких дней; поэтъ—не военный историкъ, и выводимые имъ герои и воины—не простые смертные, какъ мы; поэтъ напоминаетъ намъ о томъ постоянно: они съ легкостью кидаютъ чуть не цѣлыя скалы, а мы хотимъ судить о ихъ ногахъ по нашимъ и о продолжительности ихъ маршей по тому пути, который въ наше время могутъ пройти наши солдаты.

Только при условіи значительной отдаленности Трои отъ греческаго лагеря можно допустить разсказъ Гомера о Политѣ, который, какъ извѣстный быстротою своихъ ногъ, былъ посланъ соглядатаемъ на отдаленный отъ города холмъ, чтобы наблюдать за движеніями греческаго войска. Будь Троя въ Хисарликѣ, ему незачѣмъ было бы полагаться на быстроту ногъ, такъ какъ изъ-за городскихъ стѣнъ ему прекрасно была видна вся греческая армія.

Точно также слова Улисса къ Эвмею предполагаютъ большое разстояніе между городомъ и корабельною стоянкою. Кромѣ того, посылаются лазутчики (Иліада, XX) съ цѣлью узнать, останутся ли троянцы у греческихъ кораблей, удаленные на столь большое

[1]) Geogr. lib. XIII, 55 et 56.

[2]) Excursion à Troie et aux sources du Mendéré, par G. Perrot. 1875, 70.

разстояніе отъ собственной стѣны, или же снова вернутся въ городъ.

Тогда какъ Шлиманъ считаетъ, что развалины Трои помѣщаются во второмъ отъ материка слоѣ Хисарлика, археологи утверждаютъ, что эти развалины и остатки, судя по ихъ признакамъ, принадлежатъ эпохѣ гораздо болѣе древнѣйшей, чѣмъ троянская война, и цивилизаціи гораздо менѣе развитой, чѣмъ троянская. Невозможно допустить, чтобы въ XII или даже XI в. до Р. X. могущественный троянскій народъ, или вообще какой-либо другой народъ Малой Азіи, могъ находиться въ томъ по истинѣ варварскомъ состояніи, которое обличаютъ тысячи разнообразныхъ предметовъ, отрытыхъ Шлиманомъ въ Хисарликѣ. Сравнивая эти предметы съ такими же, найденными въ Кипрѣ, Родосѣ, Санторинѣ и вообще по островамъ Архипелага, Lenormant [1]) полагаетъ, что они принадлежатъ къ XVII или XVIII в. до Р. X., находясь въ близкомъ родствѣ съ цивилизаціею бронзоваго вѣка, какою она представляется по находкамъ, сдѣланнымъ въ Европѣ отъ Скандинавіи до центральной Италіи.

Затѣмъ, съ исторической точки зрѣнія, невозможно допустить, чтобы Троя, разрушенная въ XII в. до Р. X., не была, подобно всѣмъ остальнымъ сосѣднимъ народамъ, въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ финикіянами и не подверглась въ нѣкоторой степени ихъ вліянію или, по крайней мѣрѣ, не имѣла множества предметовъ финикійскаго производства, а слѣдовательно и городъ, гдѣ не найдено вовсе такихъ предметовъ и никакихъ слѣдовъ подражанія финикійскому искусству, могъ быть лишь городомъ, разрушеннымъ ранѣе историческаго періода, заканчивающагося концомъ XIV вѣка до Р. X.

Такія же соображенія слѣдуетъ привести по поводу отсутствія въ откопанныхъ въ Хисарликѣ предметахъ слѣдовъ ассирійскаго вліянія, которое въ древней Троѣ должно было быть еще сильнѣе египетско-финикійскаго, такъ какъ, во-первыхъ, въ XII в. ассирійская монархія была въ своемъ первомъ фазисѣ завоевательнаго могущества, которое распространялось именно по направленію къ Малой Азіи, и, во-вторыхъ, существуютъ данныя о томъ, что Пріамъ былъ въ вассальныхъ отношеніяхъ къ ассирійскимъ царямъ.

Равнымъ образомъ немыслимо было бы иначе объяснить полное отсутствіе въ раскопкахъ Хисарлика желѣза, извѣстнаго Моисею и евреямъ во времена библейскія, египтянамъ эпохи II

---

[1]) Les Antiquités de la Troade, par Lenormant. Paris, 1876.

династіи, индусамъ временъ составленія ведъ и халдеямъ первыхъ вѣковъ исторіи. Никакими натяжками и объясненіями, даже признаніемъ возможности быстраго окисленія желѣзныхъ предметовъ, нельзя объяснить отсутствія въ культурѣ народа, имѣвшаго обширныя торговыя связи съ далекими странами, металла, который знали даже полудикіе туземцы Эѳіопіи.

По окончаніи всѣхъ работъ на Хисарликѣ Шлиманъ собралъ въ одно сочиненіе всѣ свои прежнія изслѣдованія о Троѣ, согласовалъ ихъ съ новыми открытіями и отчасти съ мнѣніями своихъ ученыхъ противниковъ, и издалъ въ 1881 г. книгу: „Ilios", съ предисловіемъ Вирхова. Трудъ этотъ, болѣе серьезный и зрѣлый, не говоритъ уже о дворцѣ Пріама, а упоминаетъ лишь о кладѣ и дворцѣ начальника города или князя.

Новый трудъ Шлимана былъ встрѣченъ въ Германіи сочувственно, хотя по прежнему главнѣйшіе ея археологи—Курціусъ, Конце и Штаркъ—высказались противъ убѣжденія Шлимана, будто имъ открыты развалины гомеровской Трои. Если поэтъ Иліады въ дѣйствительности видѣлъ мѣстность Трои, а не описалъ ее только по слуху, то Хисарликъ не Иліонъ, а Иліонъ слѣдуетъ искать въ другомъ мѣстѣ; тѣмъ болѣе, что селиться семь разъ на одномъ и томъ же мѣстѣ противорѣчило обычаямъ древности. Древніе скорѣе избѣгали подобныхъ селеній на покинутомъ или разрушенномъ мѣстѣ, нежели отыскивали ихъ; по ихъ мнѣнію, проклятіе лежало на такомъ мѣстѣ, наказанномъ гнѣвомъ боговъ. Въ данномъ же случаѣ, страхъ, внушаемый бывшею Троею, былъ еще тѣмъ сильнѣе, что предъ отплытіемъ грековъ Агамемнонъ, по древнему обычаю, произнесъ самыя страшныя заклятія противъ возстановленія этого города и противъ тѣхъ, кто вздумалъ бы тамъ селиться снова [1]).

Въ 1884 г. Шлиманъ издалъ въ Лондонѣ у Мёрреля новое сочиненіе подъ названіемъ: „Результаты послѣднихъ изслѣдованій и открытій относительно мѣстности гомеровской Трои". Въ этой книгѣ онъ сознается во многихъ сдѣланныхъ имъ прежде промахахъ и измѣняетъ нѣкоторыя изъ начальныхъ своихъ положеній. Новѣйшія свои раскопки онъ производилъ въ прежнихъ мѣстахъ, при содѣйствіи двухъ ученыхъ архитекторовъ, и успѣлъ кое-что исправить изъ того, что̀ сперва испортилъ по своей неподготовленности къ дѣлу. Онъ подтверждаетъ, что сожженная Троя была вторымъ, а не третьимъ (какъ онъ прежде предполагалъ) городомъ на возвышенности Хисарлика. Этотъ второй го-

[1]) Découvertes dans la Troade, par Mauduit. 1840, стр. 220.

родъ существовалъ, должно быть, долгое время, потому что по его стѣнамъ и общественнымъ зданіямъ видно, что онъ былъ въ извѣстное время расширенъ и возобновленъ, а толстый слой земли, лежащій надъ этимъ городомъ и служащій основаніемъ третьему городу, указываетъ на нѣсколько столѣтій, прошедшихъ прежде, нежели этотъ пустырь былъ вновь застроенъ. Шлиманъ отступается отъ прежде высказаннаго имъ мнѣнія, что Троя была вся расположена только на узкой возвышенности Хисарлика. Новыми его изслѣдованіями обнаружено, что городъ, и повидимому значительный, былъ раскинутъ по сѣверную, западную и южную стороны Хисарлика, и развалины этого города принадлежатъ къ тому же періоду, къ которому относятся развалины второго слоя; такимъ образомъ, все это вмѣстѣ составляло обширный городъ, какимъ и долженъ былъ быть гомеровскій Иліонъ. Наконецъ, Шлиманъ открылъ остатки двухъ монументальныхъ зданій, по всей вѣроятности храмовъ, но бо́льшая часть главнаго храма не можетъ быть возстановлена, потому что она была искажена при первоначальныхъ, веденныхъ безъ системы, раскопкахъ.

Что касается до найденныхъ въ Хисарликѣ вещей, то всѣ онѣ въ количествѣ болѣе 20.000 предметовъ принесены Шлиманомъ въ даръ Германіи и будутъ выставлены въ берлинскомъ этнографическомъ музеѣ.

Такимъ образомъ, въ настоящее время можно утверждать съ достаточною основательностью, что Шлиману не удалось открыть гомеровской Трои, что̀, впрочемъ, нисколько не умаляетъ заслугъ этого замѣчательнаго человѣка, съ которымъ я имѣлъ случай познакомиться лично въ Константинополѣ, въ 1878 г.: достигнутые имъ результаты хисарликскихъ раскопокъ имѣютъ первостепенное археологическое значеніе и должны считаться однимъ изъ лучшихъ научныхъ открытій нашей эпохи.

Рѣдко можно, въ самомъ дѣлѣ, встрѣтить человѣка, который все свое время, состояніе и самыя упорныя усилія посвятилъ бы въ теченіе долгихъ лѣтъ на выясненіе одного историко-археологическаго вопроса. Ни трудныя условія существованія въ турецкомъ захолустьѣ, ни лишенія, ни климатъ, не могли сломить энергіи Шлимана, который, не останавливаясь ни предъ какими препятствіями, прорылъ громадныя пространства земли, произведя раскопки, далеко превышающія то, чего можно было бы ожидать отъ одного частнаго человѣка, и которыя скорѣе по плечу правительству большой страны. Если добытые результаты и не подтвердили излюбленной мысли Шлимана, тѣмъ не менѣе раскопки въ открытомъ имъ древнемъ городѣ, гораздо болѣе древнемъ, чѣмъ

сама Пріамова Троя, бросили яркій свѣтъ на древности пелазгическихъ народовъ вообще.

Труды Шлимана не будутъ забыты археологами, и имя его будетъ вѣчно храниться. вмѣстѣ съ именами ученыхъ, наиболѣе потрудившихся на трудномъ поприщѣ изученія древней жизни и цивилизаціи.

II.

Тихимъ, безоблачнымъ утромъ выѣхали мы въ большомъ каюкѣ изъ Чанакъ-Кале и направились въ Кумъ-Кале; предъ нами потянулись берега пролива: европейскій —покрытый горами; выставлявшими свои крупныя ребра, лишь изрѣдка зеленѣвшія какою-то сухою травою и верескомъ, тогда какъ азіатскій, болѣе смѣющійся, кокетничалъ мягкими очертаніями своихъ холмовъ и разбросанными на нихъ рощами чинаровъ, фиговыхъ деревъ и орѣшника. Вотъ и мысъ между Сестосомъ и бухтою Майто (древняя Мадитосъ), на которомъ Ксантиппа, аѳинскій полководецъ, распялъ одного изъ вождей Ксеркса, Артіакта, попавшагося ему въ плѣнъ, въ наказаніе за то, что онъ разграбилъ храмъ Протезилая—бога-покровителя города Элеонта.

Вообще Херсонесъ Ѳракійскій, вдоль берега котораго мы идемъ, богатъ воспоминаніями древности. Тутъ именно былъ убитъ младшій сынъ Пріама, Полидоръ. Опасаясь худого исхода войны, отецъ отправилъ его къ родственному ему владѣтелю Херсонеса, Полимнестору. Полидору были вручены большія сокровища, и онъ долженъ былъ, въ случаѣ паденія Трои, раздѣлить ихъ между всѣми братьями, которые къ тому времени останутся въ живыхъ. Пока городъ держался, Полимнесторъ ласкалъ Полидора; но какъ только Иліонъ былъ взятъ, скупой и коварный ѳракійскій царь предпочелъ захватить сокровища въ свою собственную пользу. Полидоръ былъ умерщвленъ, а тѣло его брошено въ Геллеспонтъ. Мать его, Гекуба, при взятіи Трои, попала невольницей къ Улиссу. Когда на обратномъ пути въ Грецію, Одиссей посѣтилъ Полимнестора, Гекуба узнала о горькой участи своего сына. Желая отомстить убійцѣ, она сдѣлала видъ, что ничего не знаетъ о случившемся, и просила тайнаго свиданія съ Полимнесторомъ, чтобы наединѣ передать ему еще одно сокровище. Тотъ согласился, и когда былъ уже вдали отъ своей стражи, Гекуба бросилась на него и выколола ему глаза. Сбѣжавшійся на крики народъ побилъ Гекубу камнями; могила ея находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь выстроенъ Килидуль-Бахръ.

Почти на оконечности Галипольскаго полуострова, древняго Херсонеса ѳракійскаго, и близъ крѣпости Седдиль-Бахръ, виднѣется курганъ—могила Протезилая.

Царь Фтіотиды, Протезилай отправился въ походъ подъ Трою, несмотря на то, что только-что женился предъ тѣмъ на Лаодаміи, и несмотря на предсказаніе, что будетъ убитъ, если приметъ участіе въ походѣ.

Оракулъ предсказалъ также, что первый грекъ, который ступитъ на троянскую землю, погибнетъ. Ладья, въ которой былъ Протезилай вмѣстѣ съ Улиссомъ, пристала къ берегу. Хитроумный Улиссъ выскочилъ, желая выказать свое великодушіе, первымъ, но имѣлъ предосторожность бросить сначала на землю свой щитъ и потомъ уже поставилъ на него свою ногу; такимъ образомъ, предсказаніе оракула сбылось надъ Протезилаемъ, который ступилъ на берегъ слѣдомъ за Улиссомъ.

На гробницѣ Протезилая росли, по преданію, тѣ деревья, которыя всякій разъ засыхали, какъ только вершинки ихъ доростали до такой высоты, что могли видѣть Иліонъ, и потомъ начинали рости сызнова.

Не доѣзжая Кумъ-Кале, влѣво отъ насъ, мы увидѣли на самомъ берегу пролива могильный холмъ Аякса. Павзаній разсказываетъ, что въ его время прибой волнъ размылъ съ одной стороны холмъ, и сквозь образовавшееся отверстіе можно было видѣть скелетъ человѣка необычайно огромнаго роста, что̀ какъ бы подтверждаетъ преданіе о томъ, что тѣло Аякса не было сожжено: тому воспротивился Калхасъ, объявивъ, что религія воспрещаетъ воздавать такую почесть самоубійцамъ. Такой же почести были лишаемы и убитые молніей, такъ какъ древніе считали ихъ врагами боговъ. На вершинѣ холма, который имѣетъ около 13 футовъ вышины и около 80 въ діаметрѣ при его основаніи, находился храмъ Аянтіонъ, перестроенный императоромъ Адріаномъ; онъ существовалъ до 1770 г., когда комендантъ сосѣдней крѣпости приказалъ его разрушить и употребить остатки на постройку моста чрезъ протекающую вблизи кургана рѣку. Внутри храма стояла статуя Аякса настолько искусной работы, что Маркъ-Антоній счелъ ее достойною быть поднесенной въ подарокъ Клеопатрѣ. Послѣ многихъ стараній статуя эта была возвращена храму и пользовалась глубокимъ уваженіемъ до той самой поры, когда христіанскіе императоры стали истреблять повсюду памятники язычества. Въ настоящее время холмъ этотъ зовется Инъ-Тепе—сокращенное изъ Аянъ-Тепе; въ древности около него былъ раскинутъ городъ

Аянтіонъ. Курганъ былъ раскопанъ въ 1788 г. и внутри найденъ былъ кирпичный сводъ и римская постройка въ видѣ пирамиды.

Окрестные жители относились къ Аяксову кургану съ благоговѣніемъ, смѣшаннымъ со страхомъ, и всячески старались жертвоприношеніями задобрить тѣнь погибшаго героя, которая часто выходила изъ своей гробницы и пугала всѣхъ встрѣчныхъ своимъ зловѣщимъ видомъ и ужасными завываніями; вышиною же она была свыше 15 футовъ. Въ воспоминаніе того, что Аяксъ передъ смертью избилъ стадо барановъ, пастухи и до сихъ поръ не позволяютъ скоту пастись по кургану, считая вредною растущую тамъ траву.

Послѣ двухъ-часового плаванія мы прибыли въ крѣпость Кумъ-Кале (песочную крѣпость), выстроенную на песочныхъ отложеніяхъ рѣки Мендере-Су; кругомъ ея раскинулась небольшая турецкая деревушка, самая же крѣпость полуразрушена. Съ ея зубчатыхъ стѣнъ развертывается видъ на всю троянскую долину. Уныла и однообразна теперь эта долина, гдѣ совершились событія, столько вѣковъ живущія въ памяти народовъ. Печально и ровно тянется она, поднимаясь лишь къ морскому берегу, гдѣ образуетъ гребень, на которомъ раскинуты двѣ деревушки—Енишахръ и Еникёй. Съ лѣвой стороны тянется рядъ невысокихъ желтыхъ холмовъ, почти лишенныхъ растительности: лишь тамъ и сямъ торчитъ отдѣльное тутовое либо фиговое дерево, какъ бы скучающія о своемъ одиночествѣ. Самая равнина покрыта цѣлою сѣтью маленькихъ рѣчекъ, потоковъ, въ настоящее время года въ большинствѣ случаевъ пересохшихъ; по срединѣ лишь змѣится Мендере-Су (древній Симоисъ), скрываясь часто за камышами, такъ что за теченіемъ его можно слѣдить по растущимъ, какъ бы нарочно посаженнымъ рукою садовника, одинокимъ деревьямъ ивъ и тута. Прямо предъ нами равнина замыкается высотами Бунаръ-Баши, изъ-за которыхъ выглядываетъ Балидагъ и снѣговая шапка Иды. Особенность пейзажа составляютъ могильные курганы, разбросанные кругомъ насъ. Налѣво могила Аякса; близъ насъ—общая могила грековъ, павшихъ при осадѣ Трои; далеко впереди—Уджекъ-Тепе (могила Ила); правѣе отъ насъ—могила Ахилла и конусообразный холмъ на горѣ между Енишахромъ и Еникёемъ—могила Феста—любимца Каракаллы. Слѣва же вздымается Хисарликъ съ громадными траншеями, прорѣзанными Шлиманомъ, которыя зіяютъ своими отверстіями; отъ нихъ же до самой равнины правильною наклонною плоскостью спускаются бѣлыя груды мусора и земли, извлеченныя во время

раскопокъ, и эти бѣлыя пятна какъ-то рѣжутъ глазъ на общемъ сѣромъ, однотонномъ фонѣ всей картины. На этой землѣ, преданной опустошенію, нѣтъ даже и развалинъ. Въ развалинахъ сохраняется по крайней мѣрѣ память старины, а здѣсь, въ царствѣ смерти и ничтожества, заглохъ и этотъ посмертный голосъ минувшаго.

Проклятіе Агамемнона какъ бы понынѣ звучитъ надъ всѣмъ этимъ погруженнымъ въ могильную тишину краемъ. Кругомъ—величавое спокойствіе смерти, какъ на гигантскомъ кладбищѣ, на которомъ нашло себѣ успокоеніе цѣлое царство, цѣлый могучій народъ.

Отъ Кумъ-Кале началось уже мое сухопутное путешествіе; крѣпкая турецкая лошадь бодро затрусила по старинной мостовой, сложенной изъ большихъ камней; слѣдомъ за мной ѣхали конюхъ и два турецкихъ заптіе (жандарма), которыми комендантъ Чанакъ-Кале снабдилъ меня съ двойною цѣлью: охранить меня по возможности отъ разбойниковъ, которые никогда не переводятся внутри Малой Азіи, а во-вторыхъ, и самое главное, наблюсти за мною, — узнать, чтò за причина, побуждающая „москова" ѣхать въ дикую страну. Турки не понимаютъ путешествій или поѣздокъ просто изъ любознательности, а потому склонны въ такихъ случаяхъ пріискивать различныя тайныя цѣли, клонящіяся пожалуй ко вреду правовѣрныхъ. Впрочемъ о моихъ провожатыхъ могу сказать, что это были въ высшей степени добродушные люди, которые не знали просто, чѣмъ мнѣ угодить, и которые дѣйствительно оказали мнѣ значительныя услуги.

Свернувъ съ мостовой, идущей въ Енишахръ, мы цѣликомъ чрезъ пашню добрались до большого холма, которымъ оканчивается Сигейскій мысъ и который извѣстенъ подъ именемъ Ахилловой могилы. Холмъ этотъ вмѣстѣ съ двумя другими курганами въ честь Патрокла и Антилоха, изъ коихъ послѣдній не существуетъ уже болѣе, были насыпаны надъ прахомъ убитыхъ героевъ—всею греческою арміею, стоявшей станомъ между Сигейскимъ и Ретійскимъ мысами, дабы могила знаменитаго сына Пелея „была видна всѣмъ плавающимъ по Эгейскому морю не только въ наше время, но и на вѣки вѣчные" [1]).

Курганы насыпáлись вообще какъ знакъ того, что покойному были отданы послѣднія погребальныя почести. По древнѣйшимъ вѣрованіямъ грековъ и римлянъ, душа умершаго не переселялась

---

[1]) Одиссея, XXIV. 378.

ни въ какой другой міръ, а оставалась близъ живущихъ, въ землѣ, подлѣ праха погребеннаго человѣка. Рождаясь вмѣстѣ съ тѣломъ, душа не отдѣлялась отъ него по смерти, а входила вмѣстѣ съ нимъ въ могилу. Когда опускали трупъ въ землю, то вѣровали, что съ нимъ вмѣстѣ нисходитъ въ могилу нѣчто вѣчно живое, и потому закапывали туда же предметы, въ которыхъ это вѣчно живущее существо могло имѣть надобность: одѣянія, вазы, оружіе; на могилу разливали вино, чтобы утолить его жажду; ставили кушанье, чтобы насытить его; закалывали лошадей и рабовъ дабы, будучи въ землѣ въ одной могилѣ съ погребеннымъ, они могли продолжать ему служить, какъ тò дѣлали при его жизни. Когда по взятіи Трои каждый воинъ возвращается на родину съ прекрасною невольницею, Ахиллъ изъ-подъ земли требуетъ свою рабыню, и ему отдаютъ Поликсену.

Изъ этого первоначальнаго вѣрованія истекала необходимость погребенія. Дабы душа была прикрѣплена къ подземному жилищу, гдѣ она должна была оставаться во все свое посмертное существованіе, необходимо было, чтобы тѣло, съ коимъ она была соединена, было прикрыто землею. Душа, у которой не было гробницы, не имѣла жилища; она вынуждена бывала блуждать. Напрасно помышляла она о покоѣ, представлявшемся ей желаннымъ послѣ житейскихъ бурь и треволненій,—ея долей было скитаться вѣчно въ видѣ призрака или вампира, никогда не останавливаясь, никогда не получая ни жертвоприношеній, ни пищи, въ которой она такъ нуждалась. Несчастная сама, она скоро начинала приносить несчастіе и другимъ. Она мучила живущихъ, насылала на нихъ болѣзни, портила ихъ жатвы, пугала ихъ своими зловѣщими появленіями, все для того, чтобы заставить ихъ похоронить ее и ея тѣло.

Всѣ древніе были убѣждены, что безъ погребенія душа была глубоко несчастна, послѣ же погребенія для нея наступало вѣчное блаженство. Не для того, чтобы выказать свою скорбь, исполняли древніе всѣ погребальные обряды, а ради спокойствія и счастія погребеннаго человѣка. Считалось недостаточнымъ просто закопать трупъ въ землю. Необходимо было совершить извѣстные обряды, произнести опредѣленныя молитвы, и лишь тогда души пріобрѣтали свое постоянное жилище и не могли уже покинуть своей могилы. У древнихъ писателей можно найти указанія на то, какъ мучились люди опасеніемъ, чтобы надъ прахомъ ихъ не забыли исполнить какого-нибудь погребальнаго обряда; опасеніе это дѣлалось источникомъ смертельнаго безпокойства. Менѣе боялись смерти, чѣмъ лишенія погребенія, такъ какъ въ этомъ послѣд-

немъ случаѣ дѣло шло о вѣчномъ успокоеніи и блаженствѣ. Аѳиняне казнили своихъ полководцевъ, которые послѣ морской побѣды при Лесбосѣ не озаботились погребеніемъ убитыхъ. Побѣдою своею они спасли Аѳины, но погубили своею нерадивостью тысячи душъ. Родственники погибшихъ, подъ вліяніемъ мысли о вѣчныхъ мученіяхъ, на которыя были обречены души убитыхъ и непогребенныхъ воиновъ, явились въ судъ въ траурныхъ одѣяніяхъ и взывали къ отмщенію. Народный судъ согласился съ ними и, обвинивъ вождей-побѣдителей въ нечестіи, предалъ ихъ казни [1]).

Понятно также, почему Гомеръ описываетъ терзанія Пріама, который во что бы то ни стало старается выкупить у Ахилла тѣло Гектора: онъ не жалѣетъ богатыхъ даровъ и не останавливается предъ рискованнымъ шагомъ отправиться самому во вражескій станъ и слезами и личными просьбами вымолить возвращеніе тѣла дорогого сына. Гомеръ влагаетъ ему въ уста трогательныя слова [2]):

...Я еще болѣе жалокъ!
Я испытую, чего на землѣ не испытывалъ смертный:
Мужа, убійцы дѣтей моихъ, руки къ устамъ прижимаю!

Близъ Ахилловой могилы происходили торжественныя похороны Патрокла, весьма подробно описанныя въ Иліадѣ; тутъ въ честь его были военныя игры: бѣгъ на колесницахъ, бой на копьяхъ, стрѣльба изъ лука, кулачный бой, борьба, бѣгъ, единоборство, метаніе диска.

Такая же церемонія повторилась вскорѣ и для самого Ахилла, похороны которому были устроены Агамемнономъ и всею оплакивавшею смерть молодого героя греческою ратью.

Глубокое уваженіе къ памяти Ахилла, ставшаго предметомъ религіознаго культа, охраняло въ теченіе вѣковъ его могилу, на которую, въ знакъ поклоненія, возлагали первые изъ собираемыхъ плодовъ. Никто не осмѣливался провести ночь близъ кургана, такъ какъ изъ него по ночамъ часто выходила тѣнь Ахилла, одѣтаго въ доспѣхи и потрясающаго своимъ огромнымъ копьемъ съ ясеневымъ древкомъ; онъ былъ владыкою и ужасомъ окрестной страны, нѣкогда видѣвшей его подвиги.

Послѣ троянской войны, въ теченіе долгаго времени, ѳессалійцы ежегодно присылали выборныхъ для жертвоприношеній на могилѣ Ахилла и для совершенія около нея игръ. Династія царей, смѣнившая Эакидовъ, мало-по-малу уклонилась отъ этого

[1]) La cité antique, par Fustel de Coulanges, p. 12.
[2]) Иліада, пѣснь XXIV.

обычая, которому оставались вѣрны лишь немногіе города; впослѣдствіи ревность и этихъ послѣднихъ стала ослабѣвать, такъ что древній обычай почти вышелъ изъ употребленія, какъ вдругъ страшная засуха явилась доказательствомъ гнѣва боговъ. Спрошенный по этому поводу, додонскій оракулъ выразилъ ѳессалійцамъ порицаніе за то, что они забыли свой священный долгъ, и предписалъ имъ ежегодно посылать на могилу Ахилла жрецовъ для принесенія божественному сыну Пелея двойной жертвы — какъ богу и какъ смертному, покинувшему жизнь. Ладья съ черными парусами привозила въ извѣстные дни къ троянскимъ берегамъ четырнадцать жрецовъ, двухъ быковъ—чернаго и бѣлаго, — вскормленныхъ въ лѣсахъ горы Пеліона, священный огонь, зажженный въ Ѳессаліи и для возліяній воду Сперхія. По этому случаю ѳессалійцы первые ввели въ обычай погребальные вѣнки изъ амарантовыхъ цвѣтовъ, дабы, въ случаѣ неблагопріятныхъ вѣтровъ, они, не увянувъ, могли быть привезены на берега Геллеспонта. Ладья должна была войти въ бухту ночью, и прежде, чѣмъ высадиться, пѣли гимнъ Ѳетидѣ, божественной матери Ахилла.

Сначала ѳессалійцы нѣсколько разъ обѣгали кругомъ могильнаго холма, нагими, но съ оружіемъ въ рукахъ; стуча копьями въ свои щиты, они громко призывали имя Ахилла. Затѣмъ они поднимались на холмъ, украшали цвѣтами его вершину, вырывали тамъ яму и закалывали чернаго быка, какъ умилостивительную жертву духу героя, какъ смертнаго. Сошедъ съ холма, они приносили въ жертву бѣлаго быка Ахиллу уже какъ божеству. Всѣ церемоніи должны были быть закончены до появленія первыхъ солнечныхъ лучей: иначе жертвоприношеніе не могло состояться, и самыя жертвы переносились обратно на ладью.

Въ одно весеннее утро 334 г. до Р. Х. вся окрестность наполнилась необычнымъ шумомъ: молодой македонскій завоеватель, отправляясь на войну съ персами, счелъ долгомъ почтить жертвоприношеніями храмъ иліонской Паллады и гробницы героевъ, павшихъ при осадѣ Трои, и теперь съ многочисленною свитою переправлялся чрезъ проливъ, въ мѣстности близъ нынѣшняго Кумъ-Кале.

Предъ переправою черезъ Геллеспонтъ Александръ Македонскій заклалъ жертву на гробницѣ Протезилая, моля боговъ, чтобы его переправа принесла ему болѣе счастія, чѣмъ этому послѣднему герою.

При переѣздѣ же чрезъ проливъ Александръ принесъ Нептуну и Нереидамъ въ жертву вола и сдѣлалъ возліяніе изъ зо-

лотого кубка. Не успѣвъ еще пристать къ азіатскому берегу, онъ уже бросилъ на него свое копье какъ бы въ знакъ того, что онъ принимаетъ отнынѣ подъ свою власть всю Азію, и затѣмъ въ полномъ вооруженіи выскочилъ изъ ладьи первымъ на бывшую троянскую землю. Въ храмѣ онъ принесъ жертвы Зевсу и его воинственной дочери — Палладѣ-Аѳинѣ. Производя по материнской линіи свой родъ отъ Ахиллова сына, Неоптолема, Александръ Македонскій принесъ также жертву и тѣни убитаго Пирромъ царя Пріама, чтобы примирить ее съ своимъ родомъ.

Отсюда Александръ направился къ кургану Ахилла, сдѣлалъ возліяніе изъ масла на колонну, которая находилась на вершинѣ холма, украсилъ ее цвѣтами и, нагой, обѣжалъ нѣсколько разъ вокругъ кургана вмѣстѣ съ самыми знатными изъ своихъ воиновъ, почтивъ разными военными играми память своего великаго предка и всѣхъ павшихъ подъ Троею.

Заступничество Ахилла за грековъ проявлялось, по преданіямъ, и много вѣковъ спустя. Такъ, Зозимъ передаетъ, что послѣ смерти императора Валентиніана были сильныя землетрясенія въ Критѣ, Пелопоннезѣ и вообще въ Греціи, которыя разрушили множество городовъ. Верховный жрецъ въ Аѳинахъ, Несторій, былъ предувѣдомленъ сновидѣніемъ, что слѣдуетъ совершить общественную церемонію въ честь памяти Ахилла и что это спасетъ городъ. Такъ какъ власти насмѣхались надъ этимъ сномъ, то Несторій самъ сдѣлалъ изваяніе Ахилла и приносилъ ему жертвы, благодаря чему Аѳины и были дѣйствительно спасены [1]).

Въ другой разъ, когда въ 395 г. Аларикъ во главѣ своихъ войскъ приблизился къ аѳинскимъ стѣнамъ, онъ увидѣлъ шествующихъ по нимъ Минерву и Ахилла, который, въ блестящихъ доспѣхахъ и съ оружіемъ въ рукахъ, угрожающе смотрѣлъ съ вершины городскихъ стѣнъ на приближающихся варваровъ. Преданіе добавляетъ, что испуганный такимъ зрѣлищемъ Аларикъ потерялъ всякую охоту нападать на Аѳины и заключилъ съ ними миръ [2]).

По распоряженію французскаго посла въ Константинополѣ, графа Шуазель-Гуффье, курганъ Ахилла былъ раскопанъ въ 1785 г. Въ концѣ траншеи, прорытой отъ основанія холма къ его центру, нашли небольшое углубленіе въ материковомъ утесѣ. Углубленіе это, площадью въ два квадратныхъ аршина, было окружено стѣнкою, сложенною изъ камней, замазанныхъ глиною;

---

[1]) Histoire romaine, par Zozime. Lib. IV.

[2]) Ib. Lib. V.

изъ такого же матеріала былъ и сводъ, закрывавшій углубленіе; внутри же этого послѣдняго лежало множество обломковъ. Благодаря искусству художника Fauvel, удалось соединить отдѣльные куски, изъ которыхъ и составили двѣ вазы въ этрусскомъ вкусѣ, вышиною отъ 10 до 12 дюймовъ, и одну бронзовую статую 10 дюймовъ вышины; она была поставлена на подножіе, поддерживаемое двумя конями съ всадниками на нихъ, но отъ всадниковъ осталась лишь нижняя часть тѣла. Статуя эта египетская: прическа ея украшена листомъ лотоса, но одежда, надѣтая на ней, греческая.

Поле, раскинутое на югъ отъ Ахилловой могилы и покрытое разными обломками, было въ древности занято городкомъ Ахилейономъ, который, по Страбону (XIII, 1), былъ выстроенъ митиленцами, нѣсколько лѣтъ воевавшими съ аѳинянами—владѣтелями сосѣдняго городка Сигея, и, наконецъ, разрушенъ, одновременно съ этимъ послѣднимъ, жителями Новаго-Иліона.

По каменной, растрескавшейся уже отъ лучей солнца почвѣ поднимаемся мы отъ Ахилловой могилы въ гору, на вершинѣ которой, составляющей южную азіатскую оконечность Дарданелльскаго пролива, разбросана деревня Енишахръ, иначе называвшаяся Гяуръ-Ней, такъ какъ составляющіе ее 400 домовъ всѣ христіанскіе. На этомъ мѣстѣ въ древности находился эолійскій городъ Сигей, основанный митиленцемъ Археанаксомъ. Вскорѣ затѣмъ аѳиняне выгнали митиленцевъ и овладѣли городомъ; изъ-за этого возникла между ними война, во время которой вождемъ митиленцевъ былъ Питтакъ, одинъ изъ семи мудрецовъ древности. Наконецъ, оба города прибѣгли къ посредничеству коринѳскаго тиранна, Періандра который въ 564 г. до Р. Х. присудилъ Сигей аѳинянамъ. Впослѣдствіи Сигей былъ разрушенъ сосѣдями, возобновленъ византійскими императорами и даже имѣлъ особаго епископа, зависѣвшаго отъ митрополита кизическаго.

Путешественники Chandler и Revett нашли еще здѣсь многочисленные остатки храма и сдѣлали снимокъ съ одной надписи на пиластрѣ, которая считается однимъ изъ самыхъ древнихъ эпиграфическихъ памятниковъ греческаго языка. Теперь обломки всѣ разсѣяны, разнесены по окрестностямъ, и нельзя даже опредѣлить того мѣста, гдѣ стоялъ знаменитый въ древности храмъ Минервы. Впрочемъ это общая участь всѣхъ архитектурныхъ и скульптурныхъ памятниковъ въ Турціи: ихъ усердно тащатъ во всѣ стороны, то для починки жилищъ, то для постройки крѣпостей; въ странахъ при-геллеспонтскихъ множество памятниковъ было истреблено, благодаря тому, что дарданелльскія батареи стрѣляли мраморными ядрами; въ истребленіи древностей принимали

одинаковое участіе и турки, и христіане. Достаточно вспомнить, что одно изъ чудесъ свѣта — мавзолей, воздвигнутый надъ могилой мужа карійской царицей Артемизіей и пощаженный временемъ, былъ разрушенъ въ 1522 г. родосскими рыцарями для того, чтобы добыть известку, нужную имъ для починки форта св. Петра близъ Бодрума, древняго Галикарнасса.

Теперь Енишахръ—довольно скучное мѣстечко, съ домами, сложенными изъ крупныхъ камней, крытыми сухою болотною травою и тростникомъ.

Морской берегъ отъ Енишахра до Еникёя представляетъ изъ себя сплошную возвышенность, какъ бы огромную плотину, защищающую троянскую равнину отъ волнъ Эгейскаго моря. Къ морю она спускается отвѣсными гранитными утесами, до 300 футовъ вышиною, тогда какъ въ сторону равнины она скатывается легкими, пологими холмами, незамѣтно переходящими въ болотистую долину, по которой извивается Мендере-Су.

На половинѣ дороги между Енишахромъ и Еникёемъ поднимается конусообразный курганъ св. Дмитрія, могила Феста,—вѣнчающій мысъ, нѣсколько вдающійся въ море.

Императоръ Каракалла, выбравшій себѣ образцомъ для подражанія Ахилла, пожелалъ, при своемъ посѣщеніи Троады, повторить у его гробницы всѣ церемоніи, совершонныя тамъ Александромъ Македонскимъ. Но у него оставалось еще одно сожалѣніе о томъ, что онъ, подобно Ахиллу, не могъ совершить такихъ торжественныхъ похоронъ, какія были сдѣланы для Патрокла. Судьба сжалилась надъ Каракаллой. Въ это время весьма кстати умираетъ любимый его отпущенникъ, Фестъ. Геродіанъ намекаетъ, что искусство пришло въ этомъ случаѣ на помощь судьбѣ, и что Фестъ былъ просто отравленъ. Какъ бы то ни было, Каракалла съ восторгомъ ухватился за представившійся случай повторить похороны Патрокла. Все было исполнено согласно тому, что разсказываетъ Гомеръ о погребеніи друга Ахилла: передъ трупомъ Феста были закланы безчисленныя жертвы; только на одну минуту императору было затруднительно выполнить свою роль,—это когда, по примѣру Ахилла, бросившаго въ пламя свои отрѣзанныя въ знакъ скорби кудри, Каракалла, бывшій почти лысымъ, съ великимъ трудомъ искалъ на своей головѣ хотя нѣсколько волосковъ, чтобы сжечь ихъ въ честь похищеннаго смертью его друга; при видѣ его отчаянныхъ усилій—принести требуемую обрядомъ жертву, не могли удержать смѣха даже и окружавшія его войска [1]).

[1]) Histoire romaine, par Hérodien, l. IV.

Послѣ часового пути мы уже въѣзжали въ Еникёй, греческое село въ 200 дворовъ, большею частью двухъ-этажныхъ, причемъ верхній этажъ обыкновенно деревянный. Жители этого села, кустари, занимаются производствомъ стеклянныхъ браслетовъ, ожерелій и пр., украшенныхъ погремушками, которые находятъ широкій сбытъ по всей окрестной странѣ. Не преминулъ я познакомиться съ современною достопримѣчательностью Еникёя—лавочникомъ Коловосомъ, котораго такъ горячо расхвалилъ Шлиманъ [1]). Безногій отъ рожденія, онъ самоучкой изучилъ языки французскій, итальянскій и древне-греческій, прочелъ всѣхъ классиковъ и могъ наизусть произносить цѣлыя пѣсни Иліады. Я нашелъ Коловоса въ его лавкѣ, окруженнымъ толпою почтительныхъ слушателей; надо сказать правду, одутловатая, жирная его фигура не внушала къ себѣ ни малѣйшей симпатіи, и трудно было признать въ немъ мѣстнаго ученаго, а не самаго ординарнаго баккала (мелочного лавочника). Ко мнѣ Коловосъ отнесся, разумѣется, съ легкимъ высокомѣріемъ, много распространился о Шлиманѣ, имя котораго, съ приставкою: „mon ami", безпрерывно слетало съ его языка. Безъ всякой съ моей стороны просьбы. Коловосъ началъ декламировать Гомера, чѣмъ окончательно восхитилъ всѣхъ слушателей, хотя и не понимавшихъ ни слова по древне-гречески. Затѣмъ мановеніемъ головы онъ милостиво далъ мнѣ разрѣшеніе удалиться.

Очень красивый видъ открывается съ небольшого, поросшаго кустарникомъ, холма, лежащаго въ четверти часа разстоянія отъ Еникёя; вдали виднѣется бухта Безики, любимое мѣсто засады „просвѣщенныхъ мореплавателей", забирающихся туда при малѣйшемъ европейскомъ замѣшательствѣ, дабы быть поближе отъ всего, что будетъ плохо лежать. Крутой, утесистый берегъ, тянувшійся отъ самаго Енишахра, близъ Еникёя обрывается и затѣмъ, до Бешика-Тепе, у подножія котораго пріютилась Безикская бухта, онъ стелется уже пологою, поросшею изрѣдка кустарникомъ, поверхностью. Эта пустынная мѣстность, называемая теперь Палеокастро, не что иное, какъ древняя Агамія. Здѣсь Геркулесъ увидѣлъ плачущую дѣву—Гезіону, здѣсь спасъ онъ ее, пронзивъ мечомъ страшное морское чудовище.

Варронъ говоритъ, что было сорокъ Геркулесовъ,—это не слишкомъ много по числу приписываемыхъ ему подвиговъ: жизни обыкновеннаго человѣка не могло хватить на нихъ. Съ перваго же дня жизни Геркулеса начинаются его подвиги; едва родившись, онъ

[1]) Antiquités troyennes, par Schliemann, p. 453.

уже душитъ двухъ огромныхъ змѣй, посланныхъ Юноною въ его колыбель. Съ юношескихъ лѣтъ начинаетъ онъ свою борьбу съ чудовищами, продолжая ее безъ перерыва до самой смерти. Какъ выражается Henry Houssaye, „Hercule est à la fois force du bien par ses travaux et ses bienfaits, et force du mal par ses crimes et ses violences“ [1]).

Отфридъ Мюллеръ объясняетъ первоначальный миѳъ о Геркулесѣ антропоморфизмомъ: онъ смотритъ на него какъ на героя-покровителя, олицетворяющаго собою инстинкты храбрости и мстительнаго правосудія всего дорійскаго племени. Ему нужно было трудиться всю жизнь; ему необходима была смерть мученика на очистительномъ кострѣ горы Эты, чтобы найти себѣ покой въ безсмертіи.

По догадкѣ Евстатія, архіепископа ѳессалоникскаго, сынъ Юпитера, Геркулесъ—это человѣческій разумъ, который, черпая свои силы изъ верховнаго существа, поднимается до небеснаго свода и нисходитъ въ адъ.

Въ Геркулесѣ усматривали олицетвореніе всего греческаго народа; дѣйствительно, это былъ народъ-колонистъ, мореходъ, охотникъ, воинъ, впервые рѣшившійся на подвиги дальнихъ странствованій, опасной борьбы, необычайныхъ встрѣчъ, на знакомство съ невѣдомыми чудесами новыхъ странъ, гдѣ всѣ существа и явленія природы кажутся невѣроятными, сверхъестественными: птицы съ желѣзными клювами, быки, дышущіе огнемъ, змѣи трехъ-головыя, гдѣ всякое полезное человѣку сокровище охраняется дракономъ, гдѣ туземцы-дикари представляются въ своей первобытной мощи исполинами непобѣдимой силы и безпредѣльной свирѣпости, гдѣ вся природа еще полна неодолимыми чудовищами: кишитъ змѣями и хищными звѣрями.

Исторія Геркулеса, это—дѣйствительная исторія смѣлаго и предпріимчиваго грека, проникшаго во всѣ уголки тогдашняго міра, искрестившаго на своихъ утлыхъ суденышкахъ всѣ извѣстныя и неизвѣстныя тогда моря, изъ одного края въ другой, до предѣловъ свѣта, гдѣ онъ воздвигаетъ, какъ межевой знакъ, свои геркулесовы столбы, до тѣхъ далекихъ, заманчивыхъ горизонтовъ Запада, гдѣ уже Атласъ, человѣкъ-гора, сынъ земли—Геи, поддерживаетъ на плечахъ небесный куполъ, и гдѣ Геспериды—дочери ночи—охраняютъ свои золотыя яблоки, яркія, какъ лучи заходящаго солнца. Геркулесъ недаромъ соприкасается со всѣми землями и народами, на Кавказѣ освобождаетъ прикованнаго Прометея и

[1]) Athènes, Rome, Paris, p. 55.

побѣждаетъ Амазонокъ, въ Малой Азіи спасаетъ Гезіону отъ морского чудовища, въ Африкѣ очищаетъ Ливію отъ хищныхъ звѣрей и основываетъ стовратный городъ—Гекатомпилосъ.

Геркулесъ—истый предокъ и предшественникъ Улисса, другого любимца греческой фантазіи, потому что въ немъ не одна грубая и слѣпая сила мускуловъ. Напротивъ, эта неразумная, стихійная сила, олицетворенная въ разныхъ Антеяхъ, Атласахъ, не можетъ нигдѣ противустоять хитроумнымъ пріемамъ Геркулеса, который ловко умѣетъ отдѣлить Антея отъ земли, дававшей ему неистощимую силу, и перехитрить глупаго колосса—Атласа...

Отъ Еникёя мы спустились въ долину Мендере, болотистую, покрытую осокою, мелкимъ кустарникомъ и лишь тамъ и сямъ разбросанными одиночными деревьями. Болота эти кишатъ лягушками и змѣями, изъ которыхъ самыя ядовитыя—антиліи,—маленькія, коричневыя, толщиною съ дождевого червя. По увѣренію мѣстныхъ жителей, ужаленный антиліей человѣкъ можетъ прожить лишь до солнечнаго заката. Не будь множества аистовъ, очищающихъ долину отъ гадовъ, эти послѣдніе сдѣлали бы просто невозможнымъ пребываніе здѣсь человѣка. И то уже здѣшніе обитатели вынуждены пить настойку изъ особой змѣиной травы, которая, говорятъ, имѣетъ свойство предохранять отъ послѣдствій ужаленія.

Самая рѣка — Мендере, въ половодье, затопляетъ всю долину и бурнымъ теченіемъ несетъ тогда огромныя деревья, сплавляемыя изъ Казъ-Дага (Иды). Никакое судоходство невозможно по ней: зимою препятствіемъ служитъ слишкомъ быстрое теченіе, лѣтомъ—слишкомъ малое количество въ ней воды. Лишь начиная отъ Бунаръ-Баши, древній Симоисъ имѣетъ нѣкоторую глубину—аршина въ полтора; выше же воды такъ мало, что по рѣкѣ съ трудомъ проходятъ *салы*—плоты, сколоченные изъ распиленныхъ на заводахъ Казъ-Дага досокъ. Зимнимъ своимъ теченіемъ Мендере-Су прорылъ себѣ нѣсколько руслъ, къ лѣту обыкновенно пересыхающихъ, да и нынѣшнее его теченіе струится по ложу слишкомъ для него широкому, и непокрытыя водою части русла вьются по обѣимъ сторонамъ рѣки какъ огромныя, желтыя змѣи, нѣжащіяся на солнечномъ припекѣ.

Во время моей поѣздки, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, санитарныя условія троянской равнины были еще хороши; но съ іюля мѣсяца, когда воздухъ бываетъ тамъ насыщенъ міазмами, распространяемыми милліонами гніющихъ лягушекъ, погибающихъ отъ переcы-

ханія болотъ и многочисленныхъ пространствъ стоячей воды, и когда отъ палящей жары въ землѣ образуются глубокія трещины, тогда въ равнинѣ начинаются страшныя троянскія лихорадки, не поддающіяся никакому леченію,—тогда остается лишь поскорѣе бѣжать отъ этихъ мѣстъ, полныхъ заразы.

Переѣхавъ Мендере-Су по деревянному мосту и перебравшись вбродъ чрезъ слѣдующую рѣку — Кала-Фатли-Асмакъ, мы сошли съ лошадей у Хисарлика, верстъ на шесть отстоящаго отъ Сигейскаго мыса.

Печать унынія лежитъ на этомъ холмѣ, вышиною около 30 метровъ, гдѣ исполинскія груды мусора, заросшія густымъ покровомъ травы, образовавшей цѣлые слои перегноя, были Шлиманомъ взрыты, изрѣзаны, перевернуты и теперь зіяютъ глубокими траншеями, въ продольныхъ разрѣзахъ которыхъ слои ракушекъ чередуются съ пластами обломковъ, пепла и земли. Поднявшись на вершину холма и выбравъ мѣсто повыше, мы видимъ кругомъ цѣлый лабиринтъ поднимающихся одна надъ другою и переплетающихся между собою улицъ и переулковъ, полуразрушенныхъ стѣнъ домовъ, отдѣленныхъ отъ нихъ пластомъ земли; подъ ними виднѣются развалины предшествующаго города, въ свою очередь попирающія развалины города еще болѣе древнѣйшаго, наполовину загроможденныя кучами земли и обломковъ; ближе къ С.-З.—остатки зданія, которое Шлиманъ прежде называлъ дворцомъ Пріама; близъ него мѣсто, гдѣ были ворота, выходившія на улицу довольно широкую, хотя и короткую, вымощенную прекрасными плитами, виднѣются еще колеи продолбленныя тяжелыми колесами колесницъ. Ближе къ спуску тянутся обнаженные остатки Мизимаховой стѣны. Что̀ невольно бросается въ глаза среди окружающей васъ массы развалинъ, усыпанныхъ пепломъ и расписанными черепками, это наполовину отдѣляющіеся отъ глиняныхъ стѣнъ огромные сосуды (амфоры), вышиною отъ 1 до $2^1/_2$ метровъ, служившіе древнимъ вмѣсто погребовъ для храненія вина и воды.

Мѣсто, гдѣ было найдено такъ-называемое Пріамово сокровище, находится у бывшей городской стѣны, шагахъ въ 20 отъ дворца.

Шлиманъ подробно разсказываетъ [1]) обстоятельства, при коихъ была сдѣлана имъ эта находка. Дѣлая раскопки близъ воротъ, онъ обратилъ вниманіе на какой-то большой мѣдный предметъ, за которымъ блестѣло золото. Опасаясь хищничества рабо-

[1]) Antiquités troyennes, стр. 285 и слѣд.

чихъ, онъ ранѣе времени приказалъ прекратить работы, а самъ большимъ ножомъ сталъ откапывать кладъ, не обращая даже вниманія на грозившую ему явную опасность, такъ какъ при этомъ онъ подкапывалъ основаніе городской стѣны, которая ежеминутно могла рухнуть на него. Работа увѣнчалась успѣхомъ, кладъ былъ отрытъ благополучно, но нельзя было перенести его незамѣтно въ домъ, еслибы не m-me Шлиманъ, которая, подъ покровомъ своей большой шали, перетащила одинъ за другимъ всѣ найденные предметы.

Кладъ состоялъ изъ оружія, сосудовъ и разныхъ украшеній изъ мѣди, золота, серебра и электрона (сплавъ изъ золота и серебра). Тутъ былъ щитъ, 13 наконечниковъ для копій, 14 сѣкиръ, 8 кинжаловъ, серебряные большіе сосуды; многіе изъ нихъ отъ дѣйствія сильнаго огня были сплавлены между собою и съ драгоцѣнными украшеніями, которыя находились внутри ихъ. Форма найденныхъ сосудовъ чрезвычайно разнообразна, начиная отъ похожихъ на кубышку бутылей до щитообразныхъ блюдъ и продолговатыхъ чашекъ; тутъ же были чаши, кубки и сосуды изъ чистѣйшаго золота и слитки изъ серебра въ видѣ пластинокъ, съ одной стороны закругленныхъ, съ другой же вырѣзанныхъ въ формѣ полумѣсяца, — быть можетъ, таланты, о коихъ говоритъ Гомеръ. Болѣе же всего кладъ богатъ всевозможными женскими украшеніями, главный интересъ которыхъ заключается въ оригинальности ихъ узора и отдѣлки, не схожихъ съ извѣстными стилями—ассирійскимъ, египетскимъ, финикійскимъ и лидійскимъ. Видно, что всѣ эти предметы были собраны второпяхъ, въ самую послѣднюю минуту и брошены вмѣстѣ безъ всякаго порядка или заботливости, подъ вліяніемъ лишь смертельнаго страха и желанія спасти отъ наступающаго уже врага свои драгоцѣнности. Такъ, въ самую большую серебряную вазу были засунуты двѣ великолѣпныхъ діадемы, головная повязка, четыре серьги въ высшей степени изящной работы; сверхъ ихъ лежало 56 золотыхъ серегъ и 8.750 колецъ, пуговицъ, запонокъ, застежекъ и разной другой мелочи женскаго туалета; поверхъ же всего были кинуты 6 золотыхъ браслетовъ и два золотыхъ кубка.

Такъ какъ весь этотъ кладъ представлялъ изъ себя четырехъугольную кучу, то Шлиманъ предполагаетъ, что въ минуту городского приступа драгоцѣнности были брошены въ деревянный ящикъ, который и пытались вытащить и спасти, но у городской уже стѣны несшіе сундукъ были застигнуты либо врагами, либо задавлены обрушившимися горящими зданіями. Предположеніе

Шлимана подкрѣпляется еще тѣмъ, что близъ клада имъ найденъ мѣдный ключъ длиною въ десять съ половиною сантиметровъ.

Вообще Шлиманъ раскопалъ храмъ Минервы, башню, театръ, нѣсколько частныхъ домовъ, изъ нихъ одинъ въ восемь комнатъ. Въ одной изъ этихъ комнатъ виденъ жертвенникъ, на которомъ когда-то горѣлъ священный огонь.

Каждый греческій или римскій домъ имѣлъ въ себѣ жертвенникъ, на которомъ постоянно должно было находиться немного пепла и горячихъ угольевъ. Священнымъ долгомъ каждаго главы семейства было поддерживать огонь днемъ и ночью. Горе тому дому, гдѣ погасъ бы этотъ огонь! Всякій вечеръ прикрывали уголья нѣкоторымъ количествомъ пепла, дабы они не могли сгорѣть до утра; при пробужденіи первою заботою было раздуть огонь и подложить въ него новыя вѣтви. Огонь переставалъ горѣть на жертвенникѣ лишь тогда, когда погибало рѣшительно все семейство; потухшій очагъ и угасшая семья въ устахъ древнихъ были синонимами.

Къ семейному огню относились какъ къ чему-то священному, ему поклонялись, въ немъ видѣли благодѣтельнаго бога, покровителя дома и всей семьи; близъ него искали убѣжища въ минуту опасности. Когда Пріамовъ дворецъ уже оглашается кликами ворвавшихся ахейцевъ, Гекуба увлекаетъ старца-царя къ очагу. „Твое оружіе безсильно, чтобы защитить тебя,—говоритъ она ему,—а этотъ очагъ защититъ насъ всѣхъ".

Всякое обращеніе къ божеству, какому бы то ни было, должно было начинаться и заканчиваться молитвою къ домашнему очагу. Въ Олимпіи первою жертвою, которую приносила вся соединенная Греція, была жертва очагу; второю уже была приносимая Зевсу.

Во время раскопокъ Шлиманомъ, кромѣ мѣднаго и каменнаго оружія, утвари, надписей, женскихъ украшеній, изображеній Минервы Илійской и Пріама, были сдѣланы и живыя находки: изъ камней, на глубинѣ отъ 12 до 14 метровъ, извлечены были въ два раза по двѣ живыхъ жабы, преспокойно удалившіяся, какъ только раскололи камни, въ которыхъ онѣ были заключены.

Какъ ни невѣроятнымъ представляется подобный фактъ, тѣмъ не менѣе новѣйшими изслѣдованіями подтверждена его возможность и доказана безпримѣрная устойчивость жизни въ нѣкоторыхъ организмахъ.

Рише́ приводитъ многочисленные случаи нахожденія живыхъ жабъ въ камняхъ, гипсѣ и т. п. Извѣстный ученый Ричардсонъ сообщаетъ въ своей „Иконографіи ископаемыхъ животныхъ въ

Англіи", что онъ однажды самъ видѣлъ жабу, найденную въ срединѣ большого камня, разбитаго каменьщиками.

Роша передаетъ что рабочіе, углубляя колодезь, наткнулись, на глубинѣ 19 метровъ, на небольшихъ размѣровъ кремнистый камень, который пришлось разбить. Камень легко раскололся на двѣ почти равныя части; внутри оказалась сводчатая камера, какъ бы выложенная известнякомъ, и въ этой камерѣ сидѣла вплотную громадная жаба. Животное пыталось уйти, но было поймано, вновь заключено въ свою камеру и въ такомъ видѣ доставлено въ Société des Sciences, въ Блуа, для изслѣдованія. Жаба вѣсила 15 граммовъ и заполняла почти всю камеру, которая по формѣ казалась какъ бы вылитой для жабы. Вначалѣ, когда осторожно приподняли верхнюю часть обломка, жаба продолжала оставаться въ немъ, и лишь по прошествіи нѣсколькихъ дней вышла не надолго изъ своей камеры, въ которую вновь спокойно улеглась, какъ только ее положили на обломокъ, и притомъ улеглась такъ удобно, что ни одинъ изъ ея членовъ не могъ быть захваченъ при наложеніи второго обломка. Эту жабу долго берегли въ ея удивительномъ логовищѣ, которое держали въ смоченномъ мху, и любопытно, что ни разу не было замѣчено, чтобы она что-нибудь ѣла. 8-го іюня жаба смѣнила кожу, а 21-го докторъ Моненсъ представилъ ее въ парижскую академію наукъ, гдѣ и сдѣлалъ о ней сообщеніе предъ коммиссіей, состоявшей изъ Эли де-Бомона, Флуранса, Мильнъ-Эдвардса и Дюмериля.

Девинь разсказываетъ, что при разломкѣ гидравлическаго цемента, составлявшаго фундаментъ одного дома, сложеннаго одиннадцать лѣтъ тому назадъ, при ударѣ киркой въ бетонъ въ одномъ мѣстѣ изъ него вышла живая жаба.

Гериссонъ заключилъ нѣсколько жабъ въ гипсъ, и всѣ онѣ были найдены живыми по истеченіи 18 мѣсяцевъ. Эти опыты были затѣмъ съ успѣхомъ повторены Мильнъ-Эдвардсомъ и Сегю.

Въ особенности замѣчательны были опыты Сегю: одна изъ жабъ, задѣланныхъ въ гипсъ, найдена была живой по истеченіи десяти лѣтъ. „Въ моментъ, когда я разбилъ гипсъ, — говоритъ Сегю,—жаба попробовала-было выйти изъ своего заключенія, но одна изъ ея лапокъ оказалась приставшей къ гипсу: я освободилъ лапку, и жаба, прыгнувъ на земь, стала уходить, словно она и не была заключена въ гипсъ".

Часть Хисарлика находится подъ деревянными домиками, построенными Шлиманомъ для себя, своихъ гостей и рабочихъ. Здѣсь провелъ въ борьбѣ съ лишеніями много мѣсяцевъ неутомимый изслѣдователь, всю душу свою вложившій въ работы, цѣлью

которыхъ было разрѣшеніе исторической проблемы. А лишеній, которыя пришлось вынести Шлиману и его женѣ,—изъ любви къ мужу сдѣлавшейся страстною почитательницею Гомера,—было не мало: чего стоилъ одинъ холодъ, который приходилось выносить зимою, на холмѣ, со всѣхъ сторонъ обвѣваемомъ рѣзкими вѣтрами. Подъ февралемъ 1873 г. въ дневникѣ Шлимана записано: „моя бѣдная жена и я, мы сильно страдаемъ отъ холода; леденящій сѣверный вѣтеръ дуетъ съ такою силою, что проникаетъ въ домъ сквозь малѣйшія скважины деревянныхъ стѣнъ до такой степени, что по вечерамъ мы не можемъ имѣть зажженной свѣчи. Несмотря на то, что огонь поддерживался постоянно въ каминѣ, термометръ показываетъ въ комнатѣ 4° по Реомюру холода; вода, стоящая близъ самаго камина, замерзаетъ. Днемъ еще можно кое-какъ переносить стужу, такъ какъ мы сами работаемъ, сами раскапываемъ землю, но вечерами, чтобы согрѣться, у насъ нѣтъ ничего кромѣ нашего энтузіазма къ великому дѣлу открытія гомеровской Трои“ [1]).

Невольное уваженіе внушаетъ столь глубокая любовь къ наукѣ, такое самоотверженіе и упорство въ достиженіи намѣченной цѣли. Эта рѣдкая энергія—удѣлъ немногихъ людей.

Покинувъ Хисарликъ и переѣхавъ снова Калафатли-Асмакъ, но уже по деревянному мосту, мимо полей, работающіе на которыхъ—хотя и греки—всѣ съ большими бѣлыми чалмами на головахъ, мы къ солнечному закату добрались до ночлега въ маленькой деревушкѣ Калафатли, близъ которой темнѣетъ четырехъугольное каменное зданіе, похожее на амбаръ,—закрытый нынѣ монастырь св. Іоанна.

Деревня эта когда-то была гораздо значительнѣе, но въ концѣ прошлаго столѣтія болѣе двухъ-сотъ человѣкъ умерло въ ней отъ чумы, и съ тѣхъ поръ не можетъ она оправиться; здѣсь насчитывается въ настоящее время не болѣе 40 дворовъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ жители выстроили себѣ церковь съ очень красивымъ, рѣзнымъ изъ дерева иконостасомъ и мозаичнымъ поломъ, откопаннымъ поселянами въ развалинахъ Новаго-Иліона.

Дома въ Калафатли каменные, крытые дерномъ, на который въ свою очередь наложены камни. Кровли всѣ плоскія, и такъ какъ дома жмутся другъ къ другу, то переходить съ кровли одного дома на кровлю другого не представляетъ никакого затрудненія. Нижній этажъ зданій обыкновенно нежилой, что̀ обусловливается сильными зимними наводненіями. Въ январѣ мѣсяцѣ, когда воды

[1]) Antiquités Troyennes, p. 182.

Мендере-Су затопляютъ всю долину, жители Калафатли безвыходно, дней по 5, по 6, сидятъ въ своихъ домахъ. Вода тогда достигаетъ вышины груди взрослаго человѣка. Впрочемъ особенно сильныя наводненія бываютъ въ три, четыре года разъ.

Сравнительное благосостояніе жителей Калафатли поддерживается туристами, по преимуществу англичанами, пріѣзжающими осмотрѣть Шлимановскія раскопки и вообще троянскую равнину. Въ домѣ, въ которомъ я остановился, мнѣ тотчасъ же предупредительно объяснили, что тутъ останавливаются „всѣ лорды“ — высшая похвала, которой можетъ удостоиться путешественникъ. „Лордъ“ въ Малой Азіи—синонимъ „le boyard russe“ во Франціи. Предполагается, a priori, что тотъ и другой начинены золотомъ, спеціальное назначеніе котораго—перейти въ чужіе карманы, что тотъ и другой нѣчто въ родѣ неисчерпаемой бутылки, изъ которой полагается цѣдить и цѣдить, а при случаѣ и „счастье сдѣлать“.

Въ удостовѣреніе, что это дѣйствительно такъ, что дѣйствительно „лорды“ останавливались въ моемъ домѣ, мнѣ показали развѣшанные по стѣнамъ письменныя одобренія „благородныхъ сыновъ Альбіона“; надо отдать справедливость, что отведенная мнѣ комната была безукоризненно чиста, постель изготовлена прекрасно. Съ тѣмъ большимъ наслажденіемъ растянулся я потомъ на этой постели, что зналъ — слѣдующія ночи мнѣ ужъ не видать кровати, и придется спать Богъ знаетъ гдѣ и Богъ знаетъ ка́къ.

Какъ признакъ цивилизаціи, на столѣ появились чайникъ и самоваръ; ихъ внесла красивая современная троянка въ обычномъ костюмѣ всѣхъ мѣстныхъ дѣвушекъ—черныхъ широчайшихъ шальварахъ, съ стеклянными браслетами на рукахъ, увѣшанная погремушками (въ древней Литвѣ, кажется, юбки дѣвушекъ были также обшиты бубенчиками и колокольчиками), и въ бѣломъ платкѣ, покрывающемъ и голову, и подбородокъ.

Послѣ утомительнаго дня было такъ пріятно сидѣть уже не на сѣдлѣ, а на зеленѣющей кровлѣ какого-то сосѣдняго строенія, на которую я вышелъ прямо изъ окна моей комнаты!

На троянскую равнину спускались уже вечернія тѣни, а такъ какъ въ здѣшнихъ странахъ сумерокъ не бываетъ, то почти немедленно послѣ угасшаго послѣдняго луча солнца мракъ окутываетъ все,—горы закутались въ бѣловато-синюю мглу, долина оставалась еще чуть-чуть освѣщенною; иныя ея части, на которыхъ сгустились болѣе темныя пятна, какъ бы двигались, шевелились, давая широкій просторъ фантазіи. Воображеніе, настроенное воспоминаніями, связанными съ этими мѣстами, работало неустанно.

Вотъ вдали показалась какая-то небольшая, темная масса,—ближе, ближе,—и вотъ какъ бы вырисовываются контуры коней, муловъ, высокой колесницы: то царь Пріамъ, съ сердцемъ, полнымъ смертельной, жгучей скорби, ѣдетъ умолять убійцу отдать ему тѣло сына,—обезоруженные останки того, кто бился за родной очагъ, за весь народъ, разорять который пришли изъ-за моря кровожадные хищники... Вотъ поднялся вѣтеръ; гонитъ, крутитъ онъ клубы пыли, но нѣтъ, тутъ не одна пыль: сквозь сѣрый покровъ блеснуло оружіе,—то ахейцы, закованные въ тяжелые досчатые доспѣхи, стремятся на приступъ иліонскихъ твердынь, за стѣнами которыхъ ихъ ждетъ неувядаемая слава и богатѣйшая добыча. Но и съ противоположной стороны заклубилась пыль: защитники высокой Трои безъ страха сами наступали на врага; въ рукахъ у нихъ расписанные щиты въ ростъ человѣка, на головахъ кожаные шлемы съ металлическою оправою, съ возвышеніемъ на верхушкѣ, откуда выходитъ пукъ длинныхъ конскихъ волосъ; у иныхъ мѣдные шлемы въ видѣ фригійской шапки съ высокимъ гребнемъ для прикрѣпленія гривы. Еще мгновеніе—и обѣ арміи сблизились: малоазійцы, союзники троянъ, начали битву метаніемъ копій и дротиковъ; главные вожди сражались съ колесницъ; скоро все перемѣшалось; битва сдѣлалась общею, разлилась по всей равнинѣ:

> Сшиблись щиты со щитами, громъ раздался ужасный.
> Вмѣстѣ смѣшались побѣдные крики и смертные стоны
> Воевъ губящихъ и гибнущихъ; кровью земля заструилась.
> Словно когда двѣ рѣки наводненныя, съ горъ низвергаясь,
> Обѣ въ долину единую бурныя воды сливаютъ,
> Обѣ изъ шумныхъ истоковъ бросаясь въ пучинную пропасть;
> Шумъ ихъ далеко пастырь съ утеса нагорнаго слышитъ:
> Такъ отъ сразившихся воинствъ и громъ разліялся, и ужасъ.
> . . . .
> Много и храбрыхъ троянъ, и могучихъ данаевъ въ день оный
> Ницъ, по кровавому праху, простерлося другъ подлѣ друга [1]).

Древніе жители троянской равнины разсказывали, что они часто видали тѣнь Гектора: ростомъ выше обыкновеннаго, вся сіяющая яркимъ свѣтомъ, тѣнь эта правила военною колесницею, запряженною четырьмя лошадьми: затѣмъ Гекторъ какъ бы обучалъ и строилъ свои войска, воодушевлялъ ихъ голосомъ, раскатывавшимся по всѣмъ окрестностямъ, и, наконецъ, возвращался домой, покрытый пылью и потомъ. Греческіе герои тоже не оставались въ долгу, и ихъ тѣни, предводительствуя своими войсками,

[1]) Иліада, пер. Гнѣдича, пѣснь IV.

кидались на троянъ; бой закипалъ, но облако пыли скоро скрывало его отъ глазъ зрителей.

Вообще призраки погибшихъ греческихъ героевъ относились очень враждебно къ мѣстнымъ жителямъ, которые однако всячески старались ихъ умилостивить постоянными жертвоприношеніями на ихъ могилахъ: имъ приносили въ жертву и первые плоды земные, и ягнятъ, и воловъ, и жеребятъ,—каждый по мѣрѣ возможности и богатства. Единственная тѣнь, которую нельзя было успокоить никакими жертвами, была тѣнь Ахилла, который выходилъ изъ своей могилы постоянно разъяреннымъ, постоянно ищущимъ на комъ-нибудь выместить свой гнѣвъ; тѣнь его, выроставшая до необычныхъ размѣровъ и гонявшаяся постоянно то за врагомъ, то, въ часы отдыха отъ воинскихъ забавъ, за дикимъ звѣремъ, царила безраздѣльно надъ всѣмъ этимъ краемъ и внушала всѣмъ встрѣчнымъ неописанный ужасъ.

Легко представить себѣ, въ какое смятеніе духа должно было повергать окрестныхъ жителей это безпрестанное появленіе страшныхъ призраковъ. Къ счастью для слабыхъ умовъ, въ природѣ около яда всегда существуетъ противоядіе: на берегахъ Скамандра росло растеніе, называемое *систросъ*, въ луковицѣ котораго находились похожія на горошины сѣмечки, имѣвшія, по мнѣнію древнихъ, свойство дозволять носившимъ ихъ смотрѣть безъ страха на призраки и даже приближаться къ нимъ...

На утро я поднялся пораньше, чтобы видѣть интересное оптическое явленіе, происходящее при восходѣ солнца въ троянской равнинѣ и замѣченное многими путешественниками. Дѣйствительно и я лично могъ наблюдать, что вслѣдствіе, вѣроятно, особыхъ топографическихъ условій и преломленія солнечныхъ лучей—солнце при самомъ восходѣ изъ-за горъ имѣетъ здѣсь удлиненную кверху форму и представляется въ видѣ огромнаго, пылающаго хлѣбнаго снопа.

Раннимъ утромъ мы распростились съ Калафатли и, придерживаясь теченія Мендере-Су, направились къ Ю. В. Съ обѣихъ сторонъ дороги въ равномъ разстояніи, верстахъ въ четырехъ съ каждой, тянется рядъ желтоватыхъ холмовъ; нѣсколько разъ приходится переѣзжать сухія русла потоковъ и бывшихъ теченій Симоиса, разъ перебираемся даже чрезъ Мендере-Су вбродъ—саженъ пять шириною. По берегамъ ростутъ ивы; иногда онѣ сбѣгаютъ къ самой водѣ и даже забираются въ нее, образуя красивые островки; самые берега здѣсь обрывистые, отъ $1^1/_2$ до 2 саженъ вышиною.

Въ получасѣ пути отъ Калафатли вправо отъ насъ остается

селеніе Эркеси, окруженное нѣсколькими турецкими домами. Домъ самого владѣтеля—въ видѣ большой каменной башни, на каждомъ углу которой маленькія башенки съ бойницами.

Съ той же стороны остается у насъ Уджекъ-Тепе (могила Ила)—поросшій травою курганъ, въ 60 футовъ вышины, при 250 футахъ діаметра въ своемъ основаніи. Мѣстные греки до сихъ поръ сохранили за этимъ курганомъ его старое названіе,—только они полагаютъ, что это могила пророка Иліи, смѣшивая такимъ образомъ его имя съ именемъ древняго троянскаго царя. Вслѣдствіе этого каждый годъ, 20 іюля, въ день празднованія памяти пророка Иліи, кругомъ холма происходили разныя религіозныя церемоніи и устраивалась большая ярмарка, преимущественно для рогатаго скота. Вотъ почему, когда Шлиманъ пріѣхалъ въ Уджекъ-Тепе дѣлать свои раскопки и сталъ взрывать святую землю, велико было негодованіе вѣрующихъ; однако они не посмѣли остановить археолога, но религіозныя празднества съ той поры прекратились, и никто уже не приходитъ поклониться св. Иліи на оскверненной раскопками почвѣ.

Слѣдуя постоянно легкимъ подъемомъ, мы чрезъ полтора часа по выѣздѣ добрались до турецкой деревушки Бунаръ-Баши, привѣтливо выглядывающей своими черепичными кровлями и тонкимъ минаретомъ изъ-за орѣшинъ, дубовъ и чинаровъ. Весь окружающій деревушку склонъ былъ, по всей вѣроятности, застроенъ гомеровскою Троею; здѣсь окрестныя горы были, ночною порою, свидѣтельницами разгрома центра малоазійскихъ вендовъ; здѣсь мечъ побѣдителя уставалъ разить захваченныхъ врасплохъ защитниковъ Иліона. На этомъ мѣстѣ, гдѣ мы стоимъ, быть можетъ троянка обнимала колѣни незнающаго жалости ахейца, умоляя пощадить жизнь ея малютки-сына. Быть можетъ на этомъ мѣстѣ поднимались Скейскія ворота, гдѣ въ послѣдній разъ простился Гекторъ съ Андромахой. Напрасны были старанія жены удержать героя въ семьѣ, которой боги сдѣлали даръ наиболѣе цѣнный, какой только они могутъ сдѣлать супругамъ, даровавъ имъ взаимное согласіе, которое служитъ предметомъ отчаянія для враговъ, радости—для друзей, а для самихъ супруговъ составляетъ сокровище славы и общаго уваженія [1]). Андромаха истощила все свое краснорѣчіе, но все безуспѣшно:

> Гекторъ, ты все мнѣ теперь, и отецъ, и любезная матерь,
> Ты и братъ мой единственный, ты и супругъ мой прекрасный,
> Сжалься же ты надо мною и съ нами останься на башнѣ,
> Сына не сдѣлай ты сирымъ, супруги не сдѣлай вдовою.

[1]) Одиссея, пѣснь VI.

Слушая рѣчи жены, исполненныя самой страстной, самой нѣжной любви, Гекторъ колеблется, но чувство долга предъ отчизной заставляетъ замолчать голосъ сердца. Его рѣшеніе принято, хотя смутныя предчувствія объ ожидающей его участи томятъ мужественнаго воина; какъ бы провидя грядущую судьбу своего родного города и своей милой жены, ея плѣнъ и слезы, онъ говоритъ:

. . . Въ сердцѣ твоемъ пробудится новая горесть;
Вспомнишь ты мужа, который тебя защитилъ бы отъ рабства!
Но да погибну и буду засыпанъ я перстью земною
Прежде, чѣмъ плѣнъ твой увижу и жалобный вопль твой услышу! [1])

Минутахъ въ десяти ходьбы отъ Бунаръ-Баши, въ сторону ближе къ подножію холма, изъ горъ вытекаетъ отъ 8 до 10 ключей, составляющихъ источники Скамандра, небольшого нынѣ ручейка. Близъ выхода изъ скалы вода образуетъ небольшой затонъ, надъ которымъ со всѣхъ сторонъ склоняются кудрявыя орѣшины, лапчатыя фиговыя деревья и сѣнелиственные платаны. Вода, ясная, прозрачная, струится по мелкому бѣлому песку: не оттого ли вторымъ именемъ Скамандра былъ Ксантъ, т.-е. бѣлокурый? Потомъ уже преданіе могло приписать водамъ Скамандра свойство дѣлать бѣлокурыми женщинъ, которыя въ нихъ купались.

Очень вѣроятно, что источники Скамандра открылись вслѣдствіе землетрясенія и во время сильной грозы, потому что древніе смотрѣли на нихъ какъ на благодѣяніе Юпитера, который, по просьбѣ изнемогавшаго отъ жажды Геркулеса, ударомъ молніи источилъ воду изъ утеса.

За Бунаръ-Баши дорога поднимается все въ гору. Гора эта Балли-Дагъ (медовая гора), называемая такъ турками, благодаря множеству пчелъ, раскинувшихъ свои ульи по горнымъ разсѣлинамъ. Пройдя небольшую лощинку, мы достигаемъ высшей точки Балли-Дага, гдѣ нѣкогда былъ акрополь Трои, знаменитый Пергамъ: замѣчательно, что и у турокъ мѣсто это до сихъ поръ слыветъ подъ именемъ „кале“, т.-е. крѣпости, хотя въ позднѣйшее время здѣсь не было никакого укрѣпленія, къ которому это имя могло бы относиться. Очевидно, названіе это — отголосокъ древнихъ преданій, путемъ устной передачи сохранившихся въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній и дошедшихъ до нашихъ дней. Обращенный къ югу бокъ горы, тотъ, который огибается рѣкою Мендере-Су, весь состоитъ изъ базальтовыхъ утесовъ, круто спускающихся внизъ и почти обнаженныхъ: у высшей же точки

[1]) Иліада, пѣснь VI. Перев. Гнѣдича.

Балли-Дага они опускаются вертикальными голыми скалами, образуя пропасть до 400 футовъ глубины, — мѣсто погибели Астіанакса.

Не доходя немного до вершины горы, на довольно большой площадкѣ, мы встрѣтили три могильныхъ кургана. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія ихъ было четыре [1]), но одинъ уже исчезъ, благодаря раскопкамъ ученыхъ либо, вѣрнѣе, кладоискателей.

Одинъ изъ кургановъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ насыпанъ не изъ земли, какъ всѣ другіе, а изъ мелкихъ валуновъ, совершенно такъ, какъ Гомеръ описываетъ могилу Гектора. Одна сторона кургана повреждена, какъ будто его уже раскапывали, чтò также, повидимому, подтверждаетъ преданіе, что ѳиванцы открывали могилу Гектора, чтобы, повинуясь велѣніямъ оракула, перенести въ свой городъ прахъ троянскаго героя. Этотъ курганъ былъ раскопанъ въ октябрѣ 1872 г. сэромъ John Lubbock, но, по словамъ Шлимана, внутри его были найдены одни лишь расписанные греческіе черепки, принадлежащіе къ эпохѣ не старше 300 лѣтъ до Р. Х. [2]). Другой курганъ, считаемый за гробницу Пріама и имѣющій $4^1/_2$ аршина вышины, былъ раскопанъ англійскимъ вице-консуломъ въ Дарданеллахъ, Гальвертомъ: въ срединѣ его было найдено одно грубое каменное сложеніе, которое едва ли можетъ быть принято за царскую усыпальницу.

Судя, однако, по журналу „*Oriental Advertiser*“, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ Бунаръ-Баши были сдѣланы гораздо болѣе счастливыя находки. Около тридцати крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень отправились по совѣту какого-то дервиша въ Бунаръ-Баши. Не спрашивая себѣ, разумѣется, никакого разрѣшенія отъ правительства, они въ теченіе нѣсколькихъ ночей производили раскопки и, наконецъ, наткнулись, на глубинѣ трехъ метровъ, на очень древнюю гробницу. Тогда дервишъ посовѣтовалъ всѣмъ удалиться немедля нимало, чтобы не попасться злымъ духамъ, живущимъ обыкновенно въ могилахъ. Когда же испуганные крестьяне убѣжали, дервишъ съ тремя помощниками вернулся, вскрылъ гробницу и унесъ къ себѣ все, чтò въ ней заключалось.

Слухъ объ этой находкѣ какъ-то дошелъ до мѣстныхъ властей, съ особеннымъ удовольствіемъ всегда вмѣшивающихся въ дѣла, прикосновенныя къ кладамъ, къ золоту. Дервишъ былъ тотчасъ же арестованъ и преданъ суду, а найденныя вещи ото-

[1]) Justification d'Homère, par Morritt, p. 253.

[2]) Antiquités troyennes. XLIV.

браны отъ него. Кладъ, по словамъ вышеприведеннаго журнала, состоитъ изъ золотой короны, украшенной дубовыми листьями и разными плодами, изъ пояса шириною въ восемь сантиметровъ, довольно длинной цѣпи и двухъ жезловъ, все изъ чистаго золота и довольно значительнаго вѣса. Особая коммиссія была наряжена для доставленія всѣхъ этихъ предметовъ въ Константинополь.

Если только это извѣстіе справедливо и найденныя вещи не затеряются —и на этотъ разъ уже окончательно — въ дорогѣ между широкимъ карманомъ коммиссаровъ и стамбульскимъ музеемъ, изъ котораго до послѣдняго времени періодически продавали на вѣсъ, какъ негодный желѣзный хламъ, хранившіяся въ немъ древнія вооруженія,—то сдѣланная находка очень важна: она послужитъ однимъ изъ аргументовъ для противниковъ Шлимана и подкрѣпитъ теорію открытій Le Chevalier.

Съ высотъ Балли-Дага, предполагаемаго Пергама, открывается чудный видъ на всю окрестную страну: къ югу, насколько хватаетъ глазъ, громоздятся лѣсистыя горы, прорѣзанныя тамъ и сямъ долинами, заботливо обработанными. Прямо предъ нами вся троянская равнина, какъ бы охваченная объятіями холмовъ, изъ которыхъ одни упираются въ Сигейскій мысъ, а другіе подступаютъ къ Дарданельскому проливу близъ Аяксовой могилы, отдѣляя отъ себя лишь небольшую цѣпь, заканчивающуюся Хисарликомъ, печально смотрящимъ своими проколотыми, обнаженными боками на камыши, осоку и разныя болотныя травы, изумрудною зеленью украсившія всю долину, по которой прихотливыми извивами струится Симоисъ. За проливомъ виднѣются высоты древняго Херсонеса Ѳракійскаго, а налѣво отъ насъ— дрожащая радостнымъ огнемъ, голубая зыбь Эгейскаго моря; изъ нея вздымается Тенедосъ съ своею пирамидальною горою св. Ильи, нѣкогда усѣянною монастырями и часовнями византійцевъ; еще далѣе чуть обрисовывается Лемносъ, божественная кузница Вулкана, Имбросъ и Самоѳраки, полный таинствъ древности, а совсѣмъ, совсѣмъ вдали еле виднѣется, какъ прозрачная лиловая дымка, священный Аѳонъ, высокій утесъ котораго одинъ смѣлый ваятель древности предлагалъ обратить въ статую гиганта, который въ рукѣ своей держалъ бы цѣлый городъ...

В. Тепловъ.

ИЗУВѢРЫ

Изъ воспоминаній судебнаго слѣдователя 70-хъ годовъ.

I.

...Вечеромъ, 16-го января 1873 г., къ сельскому старостѣ деревни Угловой, бирючинскаго уѣзда, Аѳанасію Голубчикову, явились мѣстные парни Михаилъ и Семенъ Угловы и разсказали, что ихъ братъ, мальчикъ, играя у дома старовѣра Рябинина, рубившаго дрова, видѣлъ, какъ изъ села Тимонова прискакалъ къ Рябинину верховой и увелъ его въ избу. Спустя нѣкоторое время, онъ вмѣстѣ съ Рябининымъ вышелъ на крыльцо и, уѣзжая обратно, наказывалъ Рябинину:

— Смотри же, Василій, немедля поспѣшайте къ намъ, прямо къ Ивану Колесникову, идите всѣ—большіе и малые: малыхъ повезутъ по машинѣ, а мы пойдемъ пѣшіе.

Сказавъ это, пріѣзжій ускакалъ въ Тимоново, а вслѣдъ затѣмъ вся семья Василья Рябинина, одѣтая по дорожному, отправилась туда же. Самъ Рябининъ, зайдя въ два, три дома угловскихъ старовѣровъ, также пошелъ въ Тимоново.

Это возбудило подозрѣніе старосты. Поэтому, собравъ десятка два крестьянъ, онъ бросился по домамъ старовѣровъ: ни большихъ, ни малыхъ—никого не было. Тогда онъ послалъ своихъ крестьянъ въ Тимоново искать бѣглецовъ тамъ. Тимоновскій староста собралъ своихъ крестьянъ и съ ними и съ угловскими пошелъ къ избѣ Колесникова. Она оказалась запертой изнутри. Посмотрѣли въ окно: изба полна народу, но ничего нельзя разглядѣть. Залаяли собаки, и изъ избы вышелъ Иванъ Колесниковъ.

— А что̀, Иванъ, не у тебя ли наши угловскіе?—спросили посланцы изъ Углова.

— Нѣтъ, нѣту. У меня остановились заграничные купцы,— отвѣчалъ Колесниковъ.

Между тѣмъ толпа прибывала; народъ обступилъ избу, стали заглядывать въ окна. Колесниковъ толкнулся-было назадъ въ избу, но народъ его не пустилъ, да и двери уже заперли изнутри. Вдругъ одно изъ оконъ избы отворилось, кто-то высунулся въ него и закричалъ:

— Что вамъ надо? хотите денегъ, такъ я всю вашу Тимонову куплю; а хотите воевать, такъ вотъ вамъ!

И кричавшій выставилъ въ окно дуло ружья; но кто-то изъ толпы ударилъ по ружью коломъ, и оно полетѣло на землю. Тогда часть крестьянъ плотною стѣною окружила избу, рѣшивъ до утра никого не выпускать, а остальные отправились съ обыскомъ въ клуню Колесникова. Тамъ нашли двѣ зимнія кибитки, лошадей съ упряжью и два сѣдла. А между тѣмъ послали за хмелевскимъ волостнымъ старшиной.

По требованію старшины, дверь избы отворили. Тамъ оказалось около пятидесяти человѣкъ старовѣровъ [1]) тимоновскихъ, угловскихъ и солотѣйскихъ [2]). За столомъ же сидѣли три неизвѣстныхъ человѣка въ темно-сѣрыхъ жилетахъ, свѣтлыхъ, крапчатыхъ ситцевыхъ рубахахъ поверхъ суконныхъ брюкъ, запущенныхъ въ высокіе сапоги.

Первый изъ нихъ и, повидимому, старшій, такъ какъ сидѣлъ подъ самыми образами, былъ приземистый мужчина средняго роста и лѣтъ, съ небольшой рыжеватой бородой и сѣрыми, слегка смѣющимися глазами. Хотя лицо у него было невзрачное, широкое и все въ веснушкахъ, но тихое спокойствіе и неподдѣльная простота, свѣтившіяся въ его глазахъ, невольно подкупали въ его пользу. Рыжеватые волосы его были подстрижены спереди въ скобку, пальцы лѣвой руки — сведены. Онъ назвалъ себя турецкимъ подданнымъ Козьмой Ѳедосѣевымъ, жителемъ г. Галаца. Говорилъ онъ спокойно, безъ малѣйшаго смущенія или волненія. Другой, сидѣвшій по правую его сторону, былъ высокій, бѣлокурый мужчина, лѣтъ тридцати-пяти, съ красивымъ выразительнымъ лицомъ, окаймленнымъ длинными русыми, вьющимися волосами и такой же бородой. Большіе синіе глаза его

---

[1]) Старовѣрами мѣстные православные крестьяне называютъ духовныхъ „людей божіихъ", т.-е. тѣхъ послѣдователей скопческаго ересіарха Андрея Иванова Селиванова, которые, принимая его теоретическое, историческое и обрядовое изувѣрство, отвергаютъ необходимость оскопленія и вовсе не подвергаются никакому членовредительству.

[2]) Углово и Солотѣй—это сосѣднія съ Тимоновымъ деревни бирючинскаго уѣзда.

смотрѣли сурово и въ нихъ просвѣчивалъ какой-то подозрительный огонекъ. Съ вызывающимъ видомъ и высоко поднявъ голову, онъ, на вопросы старшины, отвѣчалъ, что онъ тоже турецкій подданный и житель г. Галаца Козьма Ковалевъ, пріѣхавшій въ Россію для покупокъ. Третій, сидѣвшій по лѣвую сторону Козьмы Ѳедосѣева, былъ человѣкъ, при взглядѣ на котораго невольно вздрогнешь: невысокій, смугло-желтый, худой какъ щепка, съ черными, какъ смоль, волосами и клочкомъ такихъ же волосъ на подбородкѣ. Испитое лицо, ввалившіяся щеки, глубоко засѣвшіе въ своихъ орбитахъ, огромные черные глаза и страшная желтизна лица придавали ему видъ совершеннаго скелета. Но въ глубокихъ впадинахъ его глазъ горѣлъ мрачный огонь.

На вопросы старшины онъ, ни на кого не глядя, сурово отвѣчалъ:

„Я турецкій подданный Михаилъ Петровъ, а въ Россію пріѣхалъ для разныхъ покупокъ, а какихъ—это мое дѣло“.

На печи оказались двѣ женщины: одна молодая и здоровая, другая—худая, желтая, болѣзненная. Первую Ковалевъ назвалъ своей женой Ѳевроньей Ѳедоровой, а другую—ея сестрой Ѳеклой Ѳедоровой.

Заграничные паспорты у нихъ оказались прописанными. Но такъ какъ они, очевидно, были русскіе люди и притомъ сектанты, застигнутые при подозрительной обстановкѣ, то старшина распорядился отправить ихъ въ г. Бирючъ, въ полицейское управленіе. Они собрались и вышли отъ Колесникова совершенно спокойно, безъ малѣйшаго признака страха и безъ всякаго выраженія протеста или неудовольствія.

Когда Козьма Ѳедосѣевъ началъ выходить изъ комнаты, то нѣкоторые изъ тимоновскихъ и угловскихъ старовѣровъ или духовныхъ „людей божіихъ“ крестились и падали ему въ ноги. Онъ же махалъ имъ бумажнымъ платкомъ, который держалъ въ своей правой рукѣ.

Въ полицейскомъ управленіи они подтвердили, что они турецкіе подданные и что они вѣры православной: первый, невысокій, дѣйствительно называется Козьмой Ѳедосѣевымъ, второй, высокій—Козьмой Ковалевымъ, а третій—Михаиломъ Петровымъ. Затѣмъ Козьма Ѳедосѣевъ и Ковалевъ показали, что они жители г. Галаца и пріѣхали въ Россію для разныхъ покупокъ, а для какихъ—это ихъ секретъ, въ Тимоново же попали случайно, по пути на желѣзную дорогу. Михаилъ же Петровъ объявилъ, что они пріѣхали въ Россію по своему дѣлу: такъ только, проѣхаться, посмотрѣть... Въ этомъ же родѣ дали показанія и женщины.

Въ это время въ бирючинскомъ уѣздѣ сильно распространилась секта духовныхъ „людей божіихъ“ [1]). О распространеніи ея производилось уже, по бирючинскому уѣзду, и слѣдствіе, по которому нѣсколько человѣкъ тимоновскихъ и угловскихъ духовныхъ „людей божіихъ“ содержалось въ бирючинской тюрьмѣ. Сопоставляя съ этимъ то обстоятельство, что, но случаю пріѣзда этихъ заграничныхъ людей къ Колесникову, къ нему собрались тимоновскіе и угловскіе духовные „люди божіи“, полицейское управленіе заподозрило въ этихъ проѣзжихъ главныхъ руководителей обнаруженной въ уѣздѣ пропаганды. Турецкіе же паспорты могли быть у нихъ и чужіе, пріобрѣтенные лишь для отвода глазъ властямъ. Поэтому Козьма Ѳедосѣевъ и его спутники заключены были въ бирючинскую тюрьму.

Это было 17-го, а 25-го января 1873 г. къ рѣшеткѣ тюрьмы подошли два человѣка, одѣтые въ городскіе полушубки, бараньи шапки и высокіе сапоги. Они были моложавы на видъ, безъ усовъ и бородъ, и смотрѣли не то мастеровыми, не то приказчиками. Обратясь къ караульному, они просили вызвать имъ заграничныхъ людей, чтобы подать имъ милостыню. Въ рукахъ у нихъ дѣйствительно были узелки съ булками. Къ нимъ вышелъ самъ смотритель и потребовалъ у нихъ паспорты. По паспортамъ они значились одинъ молдавскимъ подданнымъ Романомъ Кузьминымъ, а другой—турецкимъ подданнымъ Ѳедоромъ Безуглымъ. Увидавъ это, смотритель отправилъ ихъ въ полицейское управленіе.

Здѣсь они показали, что вѣры они православной, хотя принадлежатъ къ числу „людей божіихъ“: Кузьминъ—молдавскій подданный, а Безуглый—турецкій подданный. Жители они м. Николаевки, что̀ въ Молдавіи, а въ Россію пріѣхали для разныхъ покупокъ. Въ Бирючъ попали изъ Харькова, а куда поѣхали бы далѣе—не знаютъ. На базарѣ увидѣли заграничныхъ „людей божіихъ“ Козьму Ѳедосѣевича и другихъ, когда ихъ вели въ

---

[1]) Секта „людей божіихъ“, сущность ученія которыхъ заключается въ нелѣпомъ отождествленіи личности императора Петра III-го съ лицомъ Сына Божія Іисуса Христа, въ лицѣ Петра III-го будто бы вторично снисшедшаго на землю, для личнаго руководства людьми въ дѣлѣ спасенія, основана Андреемъ Ивановымъ Селивановымъ, принявшимъ имя Петра III-го. Послѣдователи Селиванова дѣлятся на двѣ категоріи: одни, называющіе себя просто „людьми божіими“, принимаютъ изувѣрство его во всемъ его объемѣ и потому подвергаютъ себя оскопленію (скопцы), признавая оскопленіе необходимымъ для спасенія. Другіе, слѣдуя тому же, совершенно отвергаютъ однакожъ необходимость оскопленія, не оскопляются вовсе и потому называются духовными „людьми божіими“.

острогъ. А такъ какъ они видѣли ихъ прежде въ Молдавіи, то и пошли въ тюрьму, чтобы подать имъ милостыню.

Оба они были отправлены въ тюрьму и заключены въ одну камеру съ Козьмой Ѳедосѣевымъ и его товарищами.

Вскорѣ послѣ этого, содержавшіеся въ тюрьмѣ, тимоновскіе и угловскіе духовные „люди божіи" стали просить смотрителя тюрьмы помѣстить ихъ въ одну камеру съ заграничными „людьми божіими", или, по крайней мѣрѣ, позволить имъ хоть посмотрѣть на заграничныхъ людей. Смотритель отказалъ имъ. Съ этого времени часовые стали замѣчать, что тимоновскіе и угловскіе сектанты, до этого молившіеся иногда по обрядамъ православной церкви, стали совершать какія-то странныя моленія. Кружась на мѣстѣ и ударяя себя по бокамъ, они пѣли:

„Воскресъ нашъ батюшка, искупитель второй, и Александрушка Ивановичъ! Святъ Духъ! Святъ Духъ! Духъ, Духъ! Царь святой!"

Подобныя же моленія происходили и у заграничныхъ „людей божіихъ". Такъ, 30-го января, вечеромъ, старшій по караулу унтеръ-офицеръ Прокофьевъ, заглянувъ въ дверное окошко ихъ камеры, увидалъ, что всѣ они, одинъ за другимъ, быстро ходили вокругъ камеры и что-то пѣли. Потомъ всѣ, кромѣ Козьмы Ѳедосѣева, встали въ кругъ, а Козьма Ѳедосѣевъ сталъ внѣ круга. Ставшіе въ кругъ, качаясь въ обѣ стороны, быстро шли одинъ за другимъ, описывая при этомъ кругъ, и продолжали пѣть. По окончаніи пѣнія всѣ подошли къ Козьмѣ Ѳедосѣеву, поклонились ему до земли, перекрестясь обѣими руками. А онъ махнулъ имъ бывшимъ въ рукахъ его платкомъ.

Вслѣдъ затѣмъ, 13-го февраля, на разсвѣтѣ, шумъ и крики въ двухъ камерахъ тимоновскихъ и угловскихъ сектантовъ вызвали туда смотрителя тюрьмы и надзирателей. Войдя въ эти камеры, они нашли арестантовъ этихъ камеръ безъ чувствъ и въ крови. Всѣ они были оскоплены и показали, что на разсвѣтѣ камеры ихъ вдругъ освѣтились небеснымъ свѣтомъ и они услышали голосъ, взывавшій къ нимъ: „Принимайте, „люди божіи, чистоту [1]), ибо пришло уже время!" Вслѣдствіе этого они и совершили другъ надъ другомъ операцію, для чего послужилъ имъ отточенный кусокъ желѣза отъ оконной рѣшетки.

То же самое сдѣлалъ надъ собою, въ ночь на 20-ое февраля, содержавшійся въ тюрьмѣ рядовой Яковъ Дмитріевъ, показавшій, что сдѣлалъ это самъ, по примѣру тимоновцевъ и угловцевъ.

---

[1]) Принятіемъ чистоты „люди божіи" символически называютъ оскопленіе.

Въ тотъ же день къ тюрьмѣ подошли два крестьянина и просили у караульнаго позволенія передать хлѣбъ заграничнымъ „людямъ божіимъ“. Они были задержаны и назвались молдавскими подданными Василіемъ Ефремовымъ и Артеміемъ Николаевымъ. Въ ихъ сумкахъ, оставшихся на постояломъ дворѣ, на ихъ подводѣ, оказались и молдавскіе паспорты на эти имена. Вмѣстѣ съ паспортами оказались письма галацкихъ „людей божіихъ“ къ Козьмѣ Ѳедосѣевичу, который въ этихъ письмахъ величался „искупителемъ“.

Послѣ этого арестованные показали, что они тимоновскіе крестьяне Василій Каверинъ и Артемъ Ковалевъ, что еще въ ноябрѣ 1872 года ушли изъ Тимонова въ Молдавію, для поклоненія объявившемуся тамъ „искупителю“ и тамъ приняли „чистоту“. Съ того времени проживали въ Галацѣ. Когда же, въ январѣ, тамошніе „люди божіи“ получили изъ Петербурга извѣстіе, что „покатившій“ въ Россію „искупитель“ задержанъ въ Россіи, то они, Каверинъ и Ковалевъ, тотчасъ пустились въ путь, чтобы найти „искупителя“ и дѣлать, что̀ онъ повелитъ.

Послѣ всѣхъ этихъ открытій, 21 февраля 1873 года, Козьма Ѳедосѣевъ явился въ квартиру смотрителя тюрьмы и заявилъ, что онъ пришелъ „объявить“ ему о себѣ. Затѣмъ онъ плавно, нѣсколько нараспѣвъ, разсказалъ слѣдующее:

„Зовутъ меня Козьмой Ѳедосѣевымъ Лисинымъ, но „по плоти“ я о себѣ свидѣтельствовать не могу. Пусть обо мнѣ, по плоти, свидѣтельствуютъ другіе. По духу же я милосердый государь-батюшка-искупитель, Петръ Ѳеодоровичъ Третій, воскресшій, чтобы привести въ порядокъ вѣру „людей божіихъ“ и прекратить преслѣдованіе ихъ. Прибылъ я въ Россію, по глаголу Отца моего небеснаго, чтобы объявиться въ Москвѣ Государю Императору, собрать туда вѣрныхъ моихъ и возстановить жизнь ихъ праведную“.

Послѣ небольшой паузы онъ, съ замѣтнымъ воодушевленіемъ, продолжалъ нѣчто походившее на бредъ умопомѣшаннаго: „Давно тому назадъ, въ Москвѣ, при царицѣ Аннѣ Ивановнѣ, жила великая пророчица Настасьюшка и проповѣдовала вѣру людей божіихъ, но, по приказу царицы, ей отрубили голову. Тогда встала на царство царица Елисавета Петровна, которая сама получила даръ пророчества. Не желая царствовать, она посадила на престолъ Петра Ѳеодоровича Третьяго. А онъ давно уже позналъ вѣру людей божіихъ и имѣлъ въ себѣ душу совершеннѣйшую, безгрѣшную. Почему, изволеніемъ Господа Саваоѳа и снизошло въ него Божество Сына Божія, Господа Іисуса Христа, для вто-

ричнаго искупленія рода человѣческаго и личнаго руководства людьми въ дѣлѣ спасенія душъ ихъ. Между тѣмъ царица Елисавета Петровна, одѣвъ рубище, ушла къ людямъ божіимъ. Когда же царица Екатерина Алексѣевна узнала про „вѣру" Петра Ѳеодоровича, то возненавидѣла его и съ своимъ министромъ Потемкинымъ задумала его истребить. Но Петръ Ѳеодоровичъ узналъ объ этомъ. Обмѣнявшись платьемъ съ стоявшимъ у него на часахъ солдатомъ Селивановымъ, онъ послалъ его въ свою горницу, а самъ сталъ на часы. Когда явились посланные царицы, онъ объявилъ имъ, что не пропуститъ ихъ въ горницу царя, пока не принесутъ ему отъ царицы отставки. Тотчасъ принесли ему отставку, и Петръ Ѳеодоровичъ, съ своими вѣрными сподвижниками Мартынушкой Дашковымъ и Александрушкой Шиловымъ, одѣвъ рубище, подъ именемъ солдата Селиванова, также ушелъ къ людямъ божіимъ. А чтобы искупить грѣхи міра, забывшаго уже первое пришествіе на землю Сына Божія, Петръ Ѳеодоровичъ потерпѣлъ страды въ Сосновкѣ и въ Иркутскѣ, почему и есть истинный искупитель. Когда воцарился императоръ Павелъ Петровичъ, то, по докладу купца Масонова, возвратилъ искупителя Петра Ѳеодоровича въ Петербургъ, гдѣ онъ, до воцаренія императора Александра Павловича, пребывалъ во дворцѣ. Императоръ же Александръ Павловичъ помѣстилъ искупителя въ домѣ богатаго купца Солодовникова. Сюда стекались къ искупителю его вѣрные [1]) - праведные, и здѣсь онъ, съ своими дѣтушками, совершалъ свои празднованія. Впослѣдствіи, по навѣтамъ злыхъ людей, сослали искупителя въ Суздаль, гдѣ и умеръ онъ по плоти, заповѣдавъ своимъ дѣтушкамъ, что придетъ его часъ, и онъ снова воскреснетъ. И вотъ, 2 іюня 1872 года, сбылись слова его, и на горѣ Сіонѣ, близъ г. Галаца въ Молдавіи, совершилось чудо великое: небеса отверзлись, послышался гласъ съ неба, и во мнѣ Козьмѣ Ѳедосѣевѣ объявилась сила искупителя — сына Божія, Петра Ѳеодоровича Третьяго. Совершилось это при двухъ свидѣтеляхъ, Іоаннѣ Богословѣ и Василіѣ Великомъ. Сила же Іоанна Богослова объявилась въ Иванѣ Филипповичѣ Ковалевѣ, а сила Василія Великаго—въ галацкомъ жителѣ Василіѣ Ивановичѣ".

Козьма Ѳедосѣевъ Лисинъ замолчалъ и стоялъ тихій и спокойный: глаза его были совершенно ясны, и въ нихъ виднѣлось полное сознаніе всего окружающаго. Не замѣтно было въ нихъ и того лихорадочнаго огня и угрюмаго, непреклоннаго выраженія,

---

[1]) Вѣрными-праведными называютъ „люди божіи" самихъ себя.

которое замѣчается иногда въ глазахъ фанатиковъ-сектантовъ. Поэтому нельзя было принять его за крайне экзальтированнаго фанатика, дошедшаго до галлюцинацій. По тому же неподдѣльному воодушевленію, съ которымъ онъ говорилъ, трудно было видѣть въ немъ и обманщика, хорошо изучившаго свою роль.

Смотритель тюрьмы сообщилъ о показаніи Лисина слѣдователю. И у слѣдователя Лисинъ повторилъ тотъ же разсказъ. Вызваны были товарищи Лисина. Ковалевъ показалъ:

„По плоти я Иванъ Филипповъ Ковалевъ, уроженецъ молдавскаго города Чишмы. Я былъ природный молоканъ, но позналъ истинную вѣру „людей божіихъ“ и принялъ чистоту. По духу же я есмь Іоаннъ Богословъ, Александрушка Шиловъ Второй, мать-благодать. Истинно свидѣтельствую вамъ, что Козьма Ѳедосѣевичъ есть дѣйствительно милосердый государь-батюшка-искупитель, — сынъ Божій, Петръ III-й Ѳеодоровичъ. 2-го іюня 1872 года, на горѣ Сіонѣ, въ Молдавіи, при небесахъ отверзтыхъ и гласѣ съ неба, на него, Козьму Ѳедосѣевича, снизошла сила искупителя—сына Божія, государя Петра Ѳеодоровича III-го. При этомъ были два свидѣтеля: я—Іоаннъ Богословъ и Василій Великій“.

Далѣе Ковалевъ повторилъ разсказъ Лисина, причемъ голосъ его все возвышался, глаза горѣли, лицо выражало безграничное увлеченіе.

Михаилъ Петровъ объявилъ, что свидѣтельствовать о себѣ по плоти не желаетъ. По духу же онъ Илія пророкъ, сила котораго объявилась въ немъ, по благословенію государя-батюшки-искупителя Козьмы Ѳедосѣевича, который есть истинный „искупитель—сынъ Божій, государь Петръ Ѳеодоровичъ III-й.

Кузьминъ и Безуглый почти дословно подтвердили показанія Лисина и Ковалева. О себѣ же они объяснили, что они точно жители молдавскаго м. Николаевки, Кузьминъ—молдавскій, а Безугловъ—турецкій подданный. Отъ милосердаго же государя-батюшки-искупителя Козьмы Ѳедосѣевича они получили даръ „пророчества“ и вмѣстѣ съ нимъ поѣхали въ Россію возвѣщать „людямъ божіимъ“ о его явленіи. Изъ Каменки они поѣхали впередъ, но гдѣ были—не помнятъ. Въ Тимоновѣ же узнали, что ихъ искупитель-батюшка съ Александрушкой и Ильей-пророкомъ задержаны и находятся въ тюрьмѣ въ Бирючѣ. Поэтому они поспѣшили сюда, въ надеждѣ повидаться съ „искупителемъ“ и узнать, что̀ онъ повелитъ имъ дѣлать, но въ тюрьмѣ были задержаны.

Впослѣдствіи оказалось, что Михаилъ Петровъ былъ крестья-

нинъ малоархангельскаго уѣзда, орловской губерніи, д. Гнилые-Плоты, Григорій Евдокимовъ Картамышевъ, лѣтъ 15 тому назадъ, за принятіе „чистоты", попавшій подъ судъ и бѣжавшій въ Молдавію. Романъ Кузьминъ оказался Романомъ Ѳедоровымъ Бударнымъ, крестьяниномъ с. Стрѣлецъ, корочанскаго уѣзда, курской губерніи, а Ѳедоръ Безуглый — Григоріемъ Ивановымъ Соловьевымъ, крестьяниномъ м. Злынки, елисаветградскаго уѣзда, херсонской губерніи. Оба они, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по той же причинѣ, бѣжали въ Молдавію.

II.

Въ то время, какъ въ Бирючѣ Лисинъ и его товарищи давали вышеприведенныя показанія, слѣды ихъ вліянія были обнаружены въ Новороссійскомъ краѣ. Въ то же время было выяснено, что его изувѣрство имѣло непосредственную связь съ новымъ движеніемъ, возникшимъ, въ началѣ 1872 года, въ средѣ румынскихъ „людей божіихъ", охватившимъ потомъ общества духовныхъ „людей божіихъ" Новороссійскаго края и оставившимъ послѣ себя пагубные слѣды въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя оно проходило. Поэтому мнѣ поручено было разслѣдованіе всѣхъ проявленій этого движенія, гдѣ бы таковыя ни оказались.

Съ этою цѣлью я побывалъ во всѣхъ такихъ мѣстностяхъ, посѣтилъ Яссы и Галацъ, и разспросилъ на мѣстѣ всѣхъ, кому было извѣстно что-либо по этому дѣлу. Кромѣ того, я навелъ справки въ старинныхъ дѣлахъ о „людяхъ божіихъ" и историческихъ изслѣдованіяхъ, касавшихся этого предмета. Такимъ путемъ, независимо отъ уголовной, такъ сказать, служебной стороны дѣла, мнѣ удалось выяснить внутреннюю сторону названнаго движенія: связь съ прошедшими событіями, мотивы, тайныя цѣли, сущность и вліяніе на общества „людей божіихъ" въ Россіи. И вотъ результаты собранныхъ мною свѣденій.

Еще въ концѣ XVII-го столѣтія возникла въ Россіи секта „божьихъ людей", называемыхъ въ просторѣчіи хлыстами. По вѣрованію ихъ, люди сами по себѣ, безъ непосредственной помощи Божіей, не могутъ достигнуть спасенія. Поэтому Господь Саваоѳъ самъ нисходилъ на землю въ Россіи и преподалъ людямъ свое ученіе. Кромѣ того, онъ періодически ниспосылаетъ на землю, для руководства людьми къ правильному выполненію этого ученія, какъ сына своего, Господа Іисуса Христа, вселяющагося въ избранниковъ своихъ, такъ и Св. Духа, дѣйствующаго чрезъ

вдохновеніе пророковъ. Преподанное же „божьимъ людямъ“ ученіе заключается въ томъ, что никакое книжное ученіе не ведетъ къ спасенію, а люди должны руководствоваться исключительно наставленіями „живого бога“ Іисуса Христа и внушеніями Св. Духа, возвѣщаемыми чрезъ вдохновеніе пророковъ, достигаемое посредствомъ радѣній. Для этого люди должны возвратиться къ первобытнымъ способамъ богоугожденія временъ апостольскихъ и умерщвлять плоть свою путемъ безбрачія, цѣломудрія, воздержанія отъ брани, воровства, хмельныхъ напитковъ, всякихъ мірскихъ увеселеній, а также постомъ и неустанною молитвою. Кромѣ того, „божьи люди“ должны вѣрить „пророчествамъ“, хранить свою вѣру въ тайнѣ и жить между собою въ братствѣ, мирѣ и любви.

По преданіямъ „божьихъ людей“, просвѣтилъ этимъ ученіемъ Россію верховный и богатый гость Данила Филипповичъ [1]). Отрѣшившись отъ земного начала и вмѣстивъ въ себѣ самого Господа Саваоѳа, сокатившаго на него съ неба, на горѣ Городиной, среди облакъ, въ сонмѣ ангеловъ и архангеловъ, Данила Филипповичъ сталъ вмѣстилищемъ Божества, „живымъ-превышнимъ богомъ“. Поселился онъ въ костромской верховной сторонѣ, пребывалъ въ д. Старой [2]) и проповѣдовалъ свое ученіе — „вѣру истинную божьихъ людей“. Сюда призвалъ онъ и избраннаго сына своего, Ивана Тимоѳеевича [3]), далъ ему „божество“ и три дня и три ночи возносился съ нимъ на небо. Умеръ Данила Филипповичъ въ 1700 году и погребенъ, по сказаніямъ „божьихъ людей“, въ с. Кріушинѣ, костромского уѣзда, и когда его хоронили, говорятъ они, то —

Лѣса къ землѣ преклонялися,
А кресты въ Костромѣ на церквахъ
Къ той сторонѣ наклонялися.

Сдѣлавшись „Христомъ-сыномъ-божіимъ“, говорятъ далѣе „божьи люди“, Иванъ Тимоѳеевичъ до 1716 года проповѣдовалъ ученіе „господа-Саваоѳа“ Данилы Филипповича и послѣдніе годы жилъ въ Москвѣ, въ своемъ божьемъ домѣ у Сухаревой

---

[1]) По всѣмъ вѣроятіямъ „божьи люди“ обоготворяютъ, въ лицѣ миѳическаго Данила Филипповича, одного изъ своихъ самыхъ первыхъ „учителей“, послѣдователя расколоучителя Капитона Даниловскаго, проповѣдывавшаго въ костромскихъ предѣлахъ во второй половинѣ XVII вѣка и отвергавшаго св. таинства и всякое церковное руководство.

[2]) Деревня Старая находится въ костромскомъ уѣздѣ, близъ с. Кріушина.

[3]) Это былъ оброчный крестьянинъ муромскаго уѣзда, сельца Максаковъ (помѣщиковъ Александра и Ивана Львовичей Нарышкиныхъ) Иванъ Тимоѳеевичъ Сусловъ.

башни, претерпѣвъ передъ тѣмъ многія жестокія и безчеловѣчныя мученія отъ патріарха Никона. Послѣ него „Христомъ" объявился Прокофій Даниловичъ Лупкинъ [1]), умершій въ 1733 г., а затѣмъ—гласятъ ихъ преданія—„настало древлее молчаніе и престали пророчества на цѣлыя семь лѣтъ", по случаю гонительнаго времени. Послѣ того, въ 1740 году „разрѣшилъ уста" третій „Христосъ", Андреянъ Петровъ, духовный сынъ пророчицы Настасьюшки Карповой. Но въ 1745 году онъ былъ открытъ и со всѣми своими пророками сосланъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ссылки Андреяна Петрова, говорятъ „божьи люди", открылся вышній на престолѣ суда „Господь Іисусъ Христосъ, императоръ Петръ Ѳеодоровичъ III" [2]).

Вѣрованіемъ „божьихъ людей" въ императора Петра III, какъ искупителя-сына божія, воспользовался для своей чудовищной пропаганды „божій человѣкъ", крестьянинъ дер. Брасовой, сѣвской округи, Андрей Ивановъ, обыкновенно называемый Селивановымъ. Видя у „божьихъ людей" полный упадокъ „вѣры" и находя, что преподанные имъ способы умерщвленія плоти вовсе не удерживаютъ ихъ отъ разврата, любостяжанія, раздоровъ, зависти и другихъ грѣховъ, Селивановъ, въ своемъ фанатизмѣ, пришелъ къ мысли, что всему злу въ мірѣ причиной плотскія пожеланія. Стóитъ лишь отсѣчь, думалъ онъ, источникъ зла, и зло само собой исчезнетъ: не будетъ пожеланій, не будетъ и никакихъ страстей, человѣкъ сдѣлается безстрастнымъ и потому неспособнымъ ни къ какому грѣху.

Принявъ „чистоту" и склонивъ къ тому же „друга своего сердечнаго, вѣрнаго и неизмѣннаго товарища", пророка „божьихъ людей", нѣкоего Мартынушку Радіонова, фанатикъ рѣшилъ выступить съ проповѣдью принятія „чистоты". Зная о существовавшемъ между „божьими людьми" повсемѣстно убѣжденіи, что Петръ Ѳеодоровичъ III есть искупитель-сынъ божій, что онъ не умеръ, а скрылся, и долженъ между ними явиться, Селивановъ задумалъ эксплоатировать это вѣрованіе „божьихъ людей" для успѣха своей пропаганды. Онъ рѣшилъ выдать себя за императора Петра Ѳеодоровича—сына божія, а Мартынушку за своего наперсника—князя Дашкова.

Около 1767—1768 годовъ, въ нищенскомъ „образѣ", подъ именемъ кіевскихъ затворниковъ, изувѣры пробрались въ орлов-

[1]) Лупкинъ былъ отставной московскій стрѣлецъ.

[2]) См. книгу: „Люди божьи и скопцы" Н. В. Реутскаго, М. 1872 г., стр. 27, 75—83, и статью его же: „Московскіе божьи люди", „Р. Вѣстникъ", май, 1882 г., стр. 7, 8, 9 и 11.

свій уѣздъ, гдѣ тогда былъ многочисленнѣйшій корабль (община) „божьихъ людей" извѣстнѣйшей ихъ учительницы Акулины Ивановны и „пророчицы" Анны Романовны. Здѣсь Селиванову, долго игравшему роль юрода-молчальника, при содѣйствіи Мартынушки, удалось такъ искусно сообщить свой „секретъ" Аннѣ Романовнѣ, что она сразу увѣровала въ него, какъ искупителя-сына-божія, императора Петра Θеодоровича. За нею увѣровали многіе „божьи люди" и приняли отъ него „чистоту". Отсюда слухъ о немъ, какъ объ объявившемся искупителѣ Петрѣ Θеодоровичѣ, прошелъ далеко, и къ нему присоединился такой же изувѣръ, крестьянинъ алексинскаго уѣзда, тульской губерніи, Александръ Шиловъ и принялъ его „чистоту". Тогда Селивановъ и Мартынушка перенесли свою „проповѣдь" въ алексинскій уѣздъ. Но здѣсь „божьи люди", возмущенные этою „проповѣдью", убили Мартынушку и чуть не убили самого Селиванова. Послѣднему не только удалось скрыться, но и склонить на принятіе „чистоты" писаря фабрики капитана Лушнина, Емельяна Ретиваго, подъ вліяніемъ котораго приняли „чистоту" и нѣкоторые фабричные рабочіе. Послѣ этого, благодаря связямъ Ретиваго въ моршанскомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи, Селиванову и Шилову удалось перенести свою пропаганду въ моршанскій уѣздъ, гдѣ они въ короткое время склонили на принятіе „чистоты" около шестидесяти человѣкъ въ селахъ Сосновкѣ, Правыхъ- и Лѣвыхъ-Ламкахъ.

Этимъ на время ограничилась дѣятельность Селиванова и Шилова, такъ какъ дѣйствія ихъ были открыты, и они были задержаны въ Тулѣ, куда успѣли-было скрыться.

Слѣдствіе и судъ надъ ними поручены были полковнику Волкову. 16-го августа 1775 года онъ постановилъ приговоръ, по которому Селивановъ, по наказаніи въ Сосновкѣ кнутомъ, былъ сосланъ въ вѣчную работу въ Нерчинскъ, а Шиловъ и другіе главные сообщники Селиванова, по наказаніи батогами, сосланы были въ крѣпостныя работы въ Ригу; прочіе же послѣдователи Селиванова, принявшіе „чистоту", оставлены въ мѣстахъ своего жительства.

Изувѣрство Селиванова ближайшими его послѣдователями, называющими себя „людьми божьими", формулировалось такъ: Спаситель міра Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, искупилъ родъ человѣческій ученіемъ о принятіи „чистоты" и соблюденіи заповѣдей божіихъ—о безбрачіи, воздержаніи отъ всякой мірской суеты и увеселеній, мясной пищи, хмельныхъ напитковъ, брани и т. п. Но послѣ вознесенія Его на небо ученіе это было забыто людьми, вслѣдствіе чего Сынъ Божій вторично снизошелъ

на землю въ лицѣ императора Петра Ѳеодоровича, личность котораго тождественна съ Селивановымъ. Поэтому вѣра въ Селиванова, какъ искупителя-сына-божія, Петра Ѳедоровича III, принятіе „чистоты“, соблюденіе заповѣдей божіихъ и исключительное руководство, во всѣхъ путяхъ своихъ, внушеніями отъ Св. Духа, возвѣщаемыми чрезъ вдохновеніе пророковъ, составляютъ единственный путь къ спасенію. Вдохновеніе же пророковъ достигается посредствомъ бесѣдъ и радѣній.

И послѣ ссылки Селиванова пропаганда принятія „чистоты“ не прекратилась. Сосланные въ Ригу „люди божіи“ успѣли перенести свое изувѣрство въ Ревель, откуда оно проникло въ Петербургъ. Крестьяне Лушнина, будучи взяты въ его московскій домъ, склонили къ принятію „чистоты“ нѣкоторыхъ московскихъ „божьихъ людей“, и такимъ образомъ оказалось, что къ концу царствованія императрицы Екатерины II и нѣкоторые богатые и вліятельные московскіе купцы были въ числѣ „людей божьихъ“, принявшихъ „чистоту“. Благодаря ихъ ловкости и хитрости, въ царствованіе императора Павла Петровича Селивановъ былъ возвращенъ изъ Иркутска, гдѣ былъ оставленъ мѣстнымъ начальствомъ и привезенъ въ Петербургъ, но до конца этого царствованія содержался въ домѣ сумасшедшихъ.

Въ царствованіе императора Александра I правительство, по отношенію къ разнымъ сектамъ, держалось нѣкоторой вѣротерпимости, имѣя при этомъ, конечно, самую высокую цѣль: не стѣснять совѣсти людей въ дѣлахъ вѣры. Этимъ воспользовались „люди божіи“, стекшіеся, по случаю прибытія Селиванова, въ довольно значительномъ количествѣ въ Петербургъ. Освобожденный, благодаря указанному направленію правительства, изъ дома сумасшедшихъ, Селивановъ, проживая въ своемъ „горнемъ Сіонѣ“, сначала въ домѣ Ненастьева, а потомъ въ домѣ „человѣка божія“ Михаила Солодовникова, по Озерной улицѣ, прямо именовалъ себя, передъ „дѣтушками“ и простыми посѣтителями, императоромъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, „искупителемъ-сыномъ божіимъ“, „живымъ богомъ“. Лишь передъ своими знатными посѣтителями онъ игралъ роль „блаженнаго“. Но этого мало: съ энергіею и смѣлостью, достойными лучшаго дѣла, онъ съ своими „дѣтушками“ чуть не открыто пропагандировалъ „принятіе чистоты“ и увеличивалъ число своихъ послѣдователей. Такъ шло дѣло до 1819 года, когда смѣлость „людей божьихъ“ дошла до того, что одинъ изъ нихъ, именно придворный лакей Кобелевъ, рѣшился заговорить о своей „вѣрѣ“ съ однимъ гвардейскимъ офицеромъ, лично извѣстнымъ тогдашнему петербургскому генералъ-

губернатору графу Милорадовичу. Кобелевъ пригласилъ этого офицера сходить на поклоненіе Селиванову. Офицеръ сообщилъ о томъ графу, и поднялось дѣло о пропагандѣ Селиванова и его приближенныхъ. На этотъ разъ, благодаря піэтически-мистическому настроенію тогдашняго министра духовныхъ дѣлъ, извѣстнаго князя Александра Николаевича Голицына, и директора его министерства Попова, дѣло кончилось лишь ссылкою въ Соловецкій монастырь „людей божьихъ“: Кобелева, Кирилла Григорьева и Исая Ильина. Но вслѣдъ затѣмъ, 17-го февраля 1820 года, по высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ особый секретный комитетъ изъ митрополита Михаила, архіепископа тверского Филарета [1]), князя А. Н. Голицына, графа Милорадовича и управлявшаго тогда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ князя Кочубея. На комитетъ было возложено всестороннее изслѣдованіе и обсужденіе дѣйствій Селиванова.

Результатомъ совѣщаній этого комитета была ссылка Селиванова. Іюня 7-го 1820 года приставъ слѣдственныхъ дѣлъ Путвинскій взялъ Селиванова изъ дома Солодовникова, отвезъ въ суздальскій Спасо-Евфиміевскій монастырь и сдалъ настоятелю его Парфенію, при особой инструкціи отъ митрополита Михаила.

Здѣсь и умеръ Селивановъ 20-го февраля 1832 года, въ глубочайшей старости, и погребенъ въ саду близъ Николаевской церкви.

„Между монастырскою братіею,—говоритъ г. Надеждинъ въ своемъ изслѣдованіи,—сохранилось преданіе, что Селивановъ, передъ смертью, оказалъ раскаяніе въ своихъ заблужденіяхъ и грѣхахъ и, по долгу христіанина православной церкви, исповѣданъ и сподобленъ причастія св. Таинъ. Было ли это раскаяніе истинное и полное знаетъ одинъ Богъ. Людямъ остается только удивленіе, что безвѣстный бродяга, невѣжда, не знавшій грамоты, каторжникъ, наказанный кнутомъ, въ продолженіе стольких лѣтъ, на глазахъ правительства, могъ играть и доиграть до конца такую невообразимо-чудовищную роль: роль самозванца-царя и самозванца-бога!“

Дальнѣйшими послѣдствіями совѣщаній упомянутаго комитета, въ связи съ открытіями объ этой сектѣ, сдѣланными вскорѣ архимандритомъ Соловецкаго монастыря Досиѳеемъ, было повсемѣстное, строгое примѣненіе къ „людямъ божіимъ“ состоявшихся относительно ихъ въ разное время карательныхъ постановленій. Вслѣдствіе этого подверглись преслѣдованію не только распространители этой ереси, но и простые ея послѣдователи, если они

[1]) Впослѣдствіи преосвященный митрополитъ московскій.

подозрѣвались въ добровольномъ принятіи „чистоты". Поэтому многіе „люди божіи" этихъ категорій бѣжали за границу. Поселившись въ Молдавіи и Валахіи, они положили тамъ начало своей сектѣ. Пополнялась же она новыми бѣглецами изъ Россіи, которымъ румынскіе „люди божіи" оказывали всевозможное покровительство. Такимъ образомъ въ Румынію пробрались наиболѣе предпріимчивые „люди божіи" изъ числа сосланныхъ на Кавказъ. Къ такимъ принадлежали: Ефимъ Семеновичъ Купріановъ и Ѳедосѣй Артемьевичъ Волошинъ, поселившіеся, въ шестидесятыхъ годахъ, первый въ Галацѣ, а второй въ молдавскомъ мѣстечкѣ Николаевкѣ. Оба составили себѣ значительное состояніе— первый отдачей денегъ въ ростъ, а Волошинъ—хлѣбопашествомъ. Волошинъ, кромѣ того, былъ и примаремъ, или мэромъ, м. Николаевки. Къ такимъ же выходцамъ принадлежалъ содержатель биржевого заведенія въ Галацѣ, Василій Ивановъ Ѳедотовъ, иначе „Василій Ивановичъ", тотъ самый, о которомъ упоминалъ Лисинъ, какъ о второмъ свидѣтелѣ „явленія" на горѣ Сіонѣ. Тогда же румынское общество „людей божіихъ" стало пополняться и выходцами изъ внутреннихъ губерній имперіи, укрывавшимися въ Молдавіи отъ суда за принятіе „чистоты". Таковы были будущія дѣйствующія лица настоящаго очерка, галацкіе жители: Ѳедоръ Мартыновичъ, родомъ изъ таврической губерніи; Михайла Лагутинъ, родомъ изъ орловской губерніи; Яковъ Павловичъ Куяльницкій, тоже; Яковъ Ивановичъ или Лаврентій Куницынъ, родомъ изъ новооскольскаго уѣзда курской губерніи; послѣдніе трое содержали въ Галацѣ биржевыя заведенія. Такими же были богатые жители мѣстечка Чишмы: Ѳома Сербиновъ, Давидъ и Романъ Бударные, уроженцы корочанскаго уѣзда курской губерніи; именовавшій себя „Ильей-пророкомъ" Григорій Картанышевъ, родомъ изъ малоархангельскаго уѣзда орловской губерніи, промышлявшій въ Галацѣ извозничествомъ, и многіе другіе. Но румынскіе „люди божіи" не довольствовались такимъ случайнымъ приростомъ своего общества. Изувѣры вели и прямую пропаганду „чистоты". А такъ какъ населеніе Новороссійскаго края было ближайшимъ къ нимъ русскимъ населеніемъ, то понятно, что замыслы ихъ обращены были сюда. Къ тому же здѣсь, повидимому, существовала и достаточно подготовленная для того почва.

Еще въ концѣ прошлаго столѣтія въ Новороссійскомъ краѣ, на такъ-называемыхъ Молочныхъ-Водахъ [1]), близъ теперешняго города Мелитополя, были поселены молокане. Они, повидимому,

---

[1]) Рѣчка Молочная, при которой стоитъ городъ Мелитополь.

получили и названіе свое отъ этихъ водъ. Молоканство процвѣтало здѣсь все время; и по преданію, близъ Мелитополя, въ с. Терпѣньи, нѣкогда проживалъ, среди своихъ прекрасныхъ садовъ, какой-то ихъ „великій учитель". Въ 1870 году молокане жили частію въ с. Терпѣньи, Мелитополѣ и др. мѣстахъ а, главнымъ образомъ въ богатомъ, прекрасно отстроенномъ селѣ Астраханкѣ бердянскаго уѣзда, почти сплошь населенномъ молоканами. Но людей, наклонныхъ къ мистицизму, нерасположенныхъ къ простой работящей жизни и отъ природы впечатлительныхъ, молоканство не удовлетворяло. Такіе люди нерѣдко изъ молоканства переходили въ секту духовныхъ „людей божіихъ". Такимъ образомъ, для такихъ людей молоканство составляло первую ступень уклоненія отъ ученія церкви, ересь же духовныхъ „людей божіихъ"—вторую ступень.

Самое же изувѣрство „людей божіихъ" проникло въ Новороссійскій край еще въ началѣ второй четверти нынѣшняго столѣтія, когда въ Одессѣ появилось около двадцати „людей божіихъ". Въ Одессу занесли его тѣ послѣдователи Селиванова, которые за принятіе „чистоты" опредѣлены были въ матросы. Но затѣмъ оно начало проникать въ этотъ край и изъ внутреннихъ губерній имперіи, преимущественно изъ бѣлгородскаго уѣзда курской губерніи. Заносили его сюда великорусскіе переселенцы, селившіеся въ сороковыхъ годахъ въ таврической губерніи. Но этимъ путемъ „ученіе" людей божіихъ лишь проникло сюда. Пустило же оно корни и распространилось, и притомъ весьма быстро, по таврической и отчасти по херсонской губерніямъ, вслѣдствіе исключительныхъ качествъ человѣка, ставшаго, въ пятидесятыхъ годахъ, во главѣ здѣшнихъ „людей божіихъ". По той же причинѣ здѣсь, за немногими исключеніями, укрѣпился тотъ отдѣлъ секты, члены котораго называются *духовными* „людьми божіими", т.-е. вовсе отвергающими принятіе „чистоты".

Человѣкъ этотъ былъ такъ-называемый „великій токмакскій учитель" Андрей Степановичъ Софіенко, проживавшій въ м. Большомъ Токмакѣ бердянскаго уѣзда. Умный, способный и весьма начитанный въ свящ. писаніи, онъ, въ то же время, былъ изувѣръ съ несокрушимой волей и большой энергіей. Увлекшись разъ на путь сектантства, онъ всецѣло отдался идеѣ „людей божіихъ", подчинивъ дѣлу ея распространенія не только всѣ свои умственныя силы, но и свою внѣшнюю жизнь, свои желанія и помышленія. Будучи по своему развитію и потребностямъ значительно выше крестьянской среды, онъ довольствовался жизнью зажиточнаго крестьянина. Имѣя возможность, по своему положе-

нію въ сектѣ, располагать большими средствами, онъ съумѣлъ устоять передъ соблазномъ обогащенія. Онъ былъ доступенъ для каждаго изъ „братьевъ“, не пренебрегалъ никѣмъ изъ обращавшихся къ нему. Во всякое время дня и ночи онъ былъ готовъ „молиться“, „учить“, наставлять, подать совѣтъ, оказать помощь. Онъ былъ неутомимъ и самоотверженъ въ дѣлѣ „вѣры“: скорбѣлъ печалями своихъ „братій“, радовался ихъ радостями.

Онъ принималъ въ секту цѣлыми семьями сразу. Какъ настоящій „ловецъ душъ“, онъ постоянно разъѣзжалъ по селамъ таврической губерніи, устраивая „бесѣды“, „проповѣдуя“, уча и зорко высматривая, гдѣ можно „уловить“ душу.

У Софіенки были ревностные помощники въ этомъ дѣлѣ. Это были крестьяне: мелитопольскаго уѣзда с. Томашовки—Стефанъ Работяговъ, с. Ново-Ивановки—Яковъ и Константинъ Вагановы, с. Матвѣевки—Кононъ Яркинъ и его сестра Ефросинья Даниловна Яркина, с. Поповки бердянскаго уѣзда—Григорій Деркульскій и др. Будучи нѣсколько начитаны и ведя одинаковую съ своими единомышленниками крестьянскую жизнь, а главное воздерживаясь отъ духа стяжательности, они черезъ это пріобрѣли значительное вліяніе въ средѣ односельцевъ, и потому могли съ успѣхомъ содѣйствовать пропагандѣ Софіенки.

Въ результатѣ всего этого вышло, что къ концу своей дѣятельности Софіенко могъ насчитывать немалое число послѣдователей секты „духовныхъ людей божіихъ“ [1]) въ г. Мелитополѣ, въ селахъ Матвѣевкѣ, Ѳедоровкѣ, Дубовомъ, Томашовкѣ, Михайловкѣ, Бѣлозеркѣ, Ново-Ивановкѣ мелитопольскаго уѣзда, въ г. Бердянскѣ, селахъ Новопавловкѣ, Нововасильевкѣ, Поповкѣ, м. Большомъ Токмакѣ и др. бердянскаго уѣзда. Были они и въ городахъ Херсонѣ и Николаевѣ.

Изъ перечня помощниковъ Софіенки мы видѣли, что въ каждомъ почти изъ указанныхъ мѣстъ были у него наперсники, и что, такимъ образомъ, предпринятое имъ дѣло было искусно организовано.

Софіенко училъ своихъ единомышленниковъ твердо вѣрить въ милосердаго государя-батюшку-искупителя, Петра Ѳеодоровича Третьяго-Селиванова, помнить его „страды“ и обѣтованіе вновь явиться къ своимъ вѣрнымъ-праведнымъ, радѣть и молиться, какъ онъ заповѣдалъ, вѣрить „пророчествамъ“, жить по слову Божію, отнюдь не прилѣпляться къ мірской суетѣ, вина не пить, на

---

[1]) Въ просторѣчіи, между мѣстными жителями, „духовные люди божіи“ называются „шалапутами“.

мірскія гульбища не ходить, держать себя строго и о „вѣрѣ“ своей никому не открывать, и еслибы пришлось, то потерпѣть за нее не только страданія, но и смерть. Въ то же время онъ безусловно воспрещалъ своимъ единомышленникамъ принятіе „чистоты“, говоря, что истинно вѣрующій въ „искупителя“ и живущій по слову Божію, можетъ угодить Богу и безъ членовредительства, лишь бы въ душѣ своей отрѣшился отъ страстей и грѣховныхъ помысловъ. Точно также Софіенко не отвергалъ и брачной жизни. Самъ онъ не принималъ „чистоты“, равно какъ и его единомышленники. Когда же михайловскіе „учители“, Парѳенъ Бабанинъ [1]) и Варвара Баздырева, стали учить о необходимости принятія „чистоты“, то Софіенко и его единомышленники, до того времени не чуждавшіеся общенія съ немногочисленными согласниками Бабанина въ „моленіяхъ“, прекратили всякое общеніе съ ними.

Такъ шло дѣло до 1865 г., когда Софіенко, Яркинъ, Работяговъ, а вмѣстѣ съ ними и Бабанинъ, были привлечены къ суду за распространеніе ереси и сосланы въ Сибирь. Уходя въ ссылку, Софіенко передалъ свое учительство сестрѣ Конона Яркина, крестьянкѣ с. Матвѣевки Ефросиньѣ Даниловнѣ Яркиной. Въ то же время онъ завѣщалъ своимъ единомышленникамъ твердо держаться его наставленій, жить по слову Божію, не прилѣпляться къ мірской суетѣ и не принимать „чистоты“.

Хотя Софіенко и завѣщалъ свое „учительство“ Яркиной, но не имѣлъ возможности, по обычаю „благословить“ ее на это „въ словѣ“ [2]). Поэтому единомышленники Софіенки и согласники Бабанина, оставшіеся совсѣмъ безъ „учителя“, рѣшили обратиться за этимъ въ свою „метрополію“—Бѣлгородъ курской губерніи. Тамъ въ то время проживала извѣстная между людьми божіими „учительница“ Анна Кузьминишна, называвшаяся и Анной Павловной, по имени „учителя“, ее „благословившаго“. Она пользовалась большимъ почетомъ между „людьми божіими“, такъ какъ была поставлена на „учительство“ старѣйшимъ „учителемъ“ Пав-

[1]) Скопецъ.

[2]) Слово значитъ пророчество. „Благословенный“ кѣмъ-либо изъ главныхъ учителей въ „пророки“ сектантъ, во время радѣнія, придя въ экстазъ, становится посреди моленной, кружится и затѣмъ начинаетъ говорить речитативомъ отрывочныя фразы, заключающія предсказанія сначала всѣмъ молящимся или всему міру „людей божіихъ“. Это называется „общимъ словомъ“. Потомъ „пророкъ“ говоритъ такія же фразы въ смыслѣ предсказаній поочередно каждому изъ молящихся; это называется частнымъ „словомъ“; и тотъ, кому оно произносится, выслушиваетъ его, стоя на колѣняхъ.

ломъ Ивановымъ, получившимъ „учительство“ отъ самого Андрея Иванова Селиванова, въ Петербургѣ въ домѣ Солодовникова. Къ ней-то и обратились таврическіе сектанты. Единомышленникамъ Софіенки Анна Кузьминишна, кромѣ Яркиной, „благословила“ крестьянокъ м. Токмакъ Гнѣдашеву и с. Ново-Павловки Крывунову, а согласникамъ Бабанина, кромѣ упомянутой выше Баздыревой—жителя с. Матвѣевки Ермолая Щетинина, давно принявшаго „чистоту“.

Теперь, подъ вліяніемъ своей главной учительницы Анны Кузьминишны, таврическіе духовные „люди божіи“ перестали строго соблюдать запрещеніе Софіенки, имѣть общеніе съ послѣдователями Бабанина, и хотя и не молились вмѣстѣ, но не стали чуждаться ихъ. Этимъ воспользовались румынскіе „люди божіи“, для своей пропаганды. Пробираясь изъ Румыніи въ Россію, подъ такими или иными предлогами, они завязывали связи съ новороссійскими духовными „людьми божіими“ и старались пропагандировать между ними принятіе „чистоты“. Предоставленное же пограничнымъ сельскимъ властямъ право выдавать своимъ односельцамъ семидневные билеты на переходъ черезъ границу, для обработки полей, дало румынскимъ „людямъ божіимъ“ полную возможность безпрепятственнаго перехода въ Россію и обратно. Дѣлалось это при посредствѣ упоминавшагося выше примаря м. Николаевки Волошина. Пользуясь пограничнымъ положеніемъ Николаевки, Волошинъ выдавалъ такіе семидневные билеты, на переходъ черезъ границу, не только своимъ односельцамъ, но и всѣмъ вообще „людямъ божіимъ“. Въ то же время, злоупотребляя своимъ положеніемъ примаря, дававшимъ ему извѣстную силу и значеніе, Волошинъ, какъ ярый фанатикъ, употреблялъ свое вліяніе на покровительство румынскимъ пропагандистамъ и ихъ прозелитамъ, укрывавшимся за границей. Такимъ образомъ путь черезъ Николаевку былъ свободнымъ трактомъ для румынскихъ пропагандистовъ ученія „людей божіихъ“.

Несмотря впрочемъ на все это, пропаганда принятія „чистоты“ не имѣла большого успѣха въ Новороссійскомъ краѣ и ограничивалась немногими, одиночными случаями прозелитизма, и то лишь въ городахъ Бердянскѣ и Николаевѣ. Съ одной стороны духовными „людьми божіими“ таврической губерніи не была забыта еще заповѣдь Софіенки—не принимать чистоты; ведя простую, семейную, трудовую жизнь обыкновеннаго русскаго простолюдина, они чувствовали отвращеніе къ членовредительству. По той и другой причинѣ принятіе „чистоты“ представляло для нихъ ту заколдованную черту, которую они не могли переступить.

Эту-то черту мгновенно стерло и совершенно изгладило то фанатическое движенiе въ мiрѣ „людей божiихъ“, возникшее въ началѣ 1872 г. въ Румынiи, о которомъ было упомянуто въ началѣ этой главы.

III.

Новая система судебнаго преслѣдованiя и отправленiя правосудiя, основанная на судебныхъ уставахъ 20-го ноября 1864 г., значительно повлiяла на обнаруженiе многихъ такихъ закононарушенiй, которыя до того долго оставались, по тѣмъ или инымъ причинамъ, негласными. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были открыты, остававшiеся до того негласными, и случаи распространенiя секты „людей божiихъ“. Послѣдовали осужденiе и ссылка такихъ видныхъ представителей секты, какъ Плотицынъ, Кудринъ, Чумаковъ и др. Возникли извѣстные процессы „людей божiихъ“: Соболева, Солодовникова, Алексѣева и др. Въ своемъ фанатизмѣ „люди божiи“ не могли смотрѣть на это иначе, какъ на проявленiе гнѣва „искупителя“ на своихъ „дѣтушекъ“. Такъ, конечно, смотрѣли на это и многiе румынскiе „люди божiи“, съ живымъ интересомъ слѣдившiе за судьбами секты въ Россiи. Это заставило ихъ вдуматься въ положенiе секты. Внимательно вглядѣвшись въ жизнь „людей божiихъ“, они пришли къ безотраднымъ заключенiямъ. Было ясно какъ день, что жизнь „людей божiихъ“ была далека отъ заповѣданнаго „искупителемъ“ идеала, что отъ „вѣры“ ихъ остался одинъ лишь наружный обрядъ, пустая форма, лишенная содержанiя. Предначертанныя сектѣ задачи: самоусовершенствованiе, забота о душѣ, неустанный прозелитизмъ —были совершенно забыты. Ихъ замѣнили: непомѣрная суетность, матерiализмъ и безграничная стяжательность. „Учители“ же ихъ и „пророки“, кромѣ своекорыстiя, взаимной зависти, жадности къ наживѣ и индифферентизма въ дѣлѣ вѣры, ничѣмъ другимъ себя не проявляли. Все это невольно привело мыслящихъ румынскихъ „людей божiихъ“ къ сознанiю, что безъ какой-либо чрезвычайной мѣры, способной вызвать къ жизни всѣ духовныя силы секты, она дойдетъ до полнаго истощенiя и падетъ подъ ударами неблагопрiятныхъ для нея условiй времени. Такiя мысли съ одной стороны были послѣдствiемъ полнаго разочарованiя и недовольства настоящимъ положенiемъ вещей въ дѣлѣ „вѣры“, а съ другой—сознанiемъ необходимости возбудить секту, очевидно падающую подъ давленiемъ цивилизацiи, къ послѣднему напряженiю силъ, къ послѣдней борьбѣ.

Такое же разочарованіе и неудовлетворенность въ дѣлахъ „вѣры" обуревали въ то время и умы духовныхъ „людей божіихъ" Новороссійскаго края. Послѣдніе во-очію видѣли, что ученіе Софіенки не прилѣпляться къ мірской суетѣ и жить по слову Божію сдѣлалось пустымъ звукомъ. Они не могли не убѣдиться, что настоящіе ихъ „учители" и „пророки" исключительно преданы стремленію къ наживѣ, сытой и притомъ совершенно мірской жизни, а свои отношенія къ единомышленникамъ ограничивали формальнымъ участіемъ въ ихъ „моленіяхъ", проявленіемъ властолюбія и взаимной зависти. Сравнивая все это съ „золотыми днями" Софіенки, когда „учители" были друзьями ихъ искренними, а люди все счастіе полагали въ ихъ исполненіи „заповѣдей искупителя",—духовные „люди божіи" видѣли въ настоящемъ полное паденіе „вѣры". Но, будучи людьми простыми, неразвитыми, они не могли предпринять сами ничего къ измѣненію существующаго. Между румынскими же „людьми божіими" нашлись фанатики, которые не только приняли все это близко къ сердцу, но и серьезно задумались надъ изысканіемъ средствъ къ осуществленію предначертанныхъ сектѣ цѣлей. Это были упоминавшіеся выше примарь м. Николаевки Волошинъ, галацкіе „люди божіи" Василій Ивановъ Ѳедотовъ, Яковъ Павловъ Куяльницкій и недавно перешедшій въ секту изъ молоканъ Иванъ Филипповъ Ковалевъ. Къ нимъ вскорѣ присоединился, хотя и полуграмотный, но отличавшійся фанатизмомъ и совершенной нестяжательностью, нѣкто Ѳедоръ Мартыновичъ, родомъ изъ Новороссійскаго края, по ремеслу портной. Хотя Ефимъ Семеновичъ Купріановъ и былъ ростовщикъ, но Волошинъ и его товарищи не могли скрыть отъ него своихъ мыслей, такъ какъ Купріановъ считался старѣйшимъ и ученѣйшимъ изъ румынскихъ „людей божіихъ".

Какъ вполнѣ практическій человѣкъ, Купріановъ сообразилъ, что легко можетъ воспользоваться фанатизмомъ этого новаго кружка въ интересахъ увеличенія своего вліянія и значенія. Притворяясь чистосердечно раскаявшимся въ своей прежней грѣховной жизни, онъ примкнулъ къ этому кружку и вскорѣ занялъ въ немъ первенствующее мѣсто.

Поглощенные съ этого времени своими планами, члены кружка послѣдовательно пришли къ убѣжденію, что для дѣйствительнаго осуществленія цѣлей секты „люди божіи" должны изыскать способы къ достиженію таинственнаго „воскресенія о Христѣ". Поэтому Волошинъ и его товарищи стали собираться на совѣщанія то въ Галацѣ у Купріанова, то въ Николаевкѣ у

Волошина. Купріановъ и Волошинъ, какъ болѣе начитанные и бывалые, руководили этими совѣщаніями. При этомъ Волошинъ относился къ дѣлу искренно и фанатически; Купріановъ же игралъ только роль раскаявшагося. Точно также какъ и Волошинъ, особеннымъ фанатизмомъ и рвеніемъ отличался среди членовъ кружка и Иванъ Филипповъ Ковалевъ.

Между грамотными „людьми божіими" были всегда въ большомъ ходу разныя мистическія произведенія, преимущественно же сочиненія Бёма, „Ключъ къ таинствамъ природы", Эккартгаузена, и „Потерянный и обрѣтенный рай", Мильтона. Волошину и Купріанову были хорошо извѣстны эти книги. Находя ихъ вполнѣ подходящимъ, въ данномъ случаѣ, матеріаломъ, они объясняли сущность содержанія этихъ сочиненій своимъ товарищамъ. И вотъ, подъ вліяніемъ этихъ сочиненій, кружокъ додумался до слѣдующаго міровоззрѣнія и взгляда на способы спасенія души.

Жизнь „людей божіихъ", не чуждая обширныхъ свѣтскихъ занятій и страстей, недостаточна для спасеніи души. Для этого необходимы: полное отрѣшеніе отъ плоти и всякой мірской суеты, смиреніе, незлобіе и ревность къ молитвѣ и упражненію въ священномъ писаніи. Только при такой жизни „люди божіи" сдѣлаются достойными получить высшее „откровеніе". Откровеніе же это заключается въ томъ, что души человѣческія суть тѣ ангельскіе духи, которые, еще до сотворенія міра, согрѣшили передъ Творцомъ гордостію, невѣріемъ въ Сына Божія и Св. Троицу, за что и были извергнуты изъ того неприступнаго Свѣта, гдѣ пребываетъ самъ Господь Саваоѳъ и гдѣ, до паденія, и они обитали. Вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ Денницей они были низринуты въ какую-то ужасную пропасть. Пропасть эта заключалась въ пространствѣ, составлявшемъ внутренность того шара, который зовется твердью небесной. И вотъ стѣны этого шара закрыли отъ падшихъ ангеловъ тотъ неприступный Свѣтъ. Внутри этого шара тогда ничего еще не было: былъ одинъ хаосъ, т.-е. тьма и мракъ. Безконечно долго падшіе ангелы подвергались мукамъ въ этой тьмѣ и миракѣ. Но такъ какъ были среди нихъ и такіе, которые вовлечены были въ грѣхъ вліяніемъ другихъ и начали приходить въ раскаяніе, то всемилосердое провидѣніе Божіе, сжалившись надъ ними, по ходатайству Сына Божія, дало этому хаосу тотъ порядокъ, который извѣстенъ изъ библіи подъ именемъ семидневнаго мірозданія. Внутри названнаго шара повѣшена была земля, созданы солнце, луна и звѣзды. Черезъ это въ хаосѣ образовался видимый свѣтъ, такъ какъ солнце, будучи помѣщено въ самой стѣнѣ тверди небесной, служило дверью, черезъ кото-

рую, въ видѣ его лучей и свѣта, сталъ проникать во внутренность этого шара, оттѣнокъ того неприступнаго Свѣта, въ которомъ пребываетъ Господь во святой своей Троицѣ. На землѣ, кромѣ другихъ низшихъ тварей, созданъ былъ и первый человѣкъ Адамъ. Онъ созданъ былъ по образу и подобію Божію, въ необыкновенно свѣтломъ видѣ и „эѳирномъ тѣлѣ". Ему была дана неограниченная творческая способность рождать подобныхъ себѣ людей съ такими же эирными тѣлами. Эти послѣднія были предназначены Творцомъ для вселенія въ нихъ раскаивавшихся падшихъ ангеловъ, въ видѣ душъ человѣческихъ, и для перевода ихъ черезъ эти тѣла, посредствомъ творенія правды и добра, въ первобытное ангельское состояніе и названный неприступный Свѣтъ или блаженный рай. Но на Адама возложена была обязанность пробыть опредѣленное время послушнымъ заповѣди Божіей: пользоваться всѣмъ, но не касаться древа жизни-познанія добра и зла, не вкусить запрещеннаго плода. Древо это стояло среди рая, служившаго Адаму обиталищемъ. Адаму, впрочемъ, было извѣстно, что̀ такое добро и что̀ такое зло. Ему было предоставлено на волю: дѣлать то или другое. Но, творя добро и строго выполняя заповѣдь Божію, Адамъ, съ одной стороны приносилъ бы тѣмъ жертву Богу отъ Его созданія, а съ другой онъ черезъ это пріобрѣлъ бы себѣ, навсегда и неотъемлемо описанную рождательную способность, дарованную ему Богомъ. Она осуществлялась бы въ немъ магически: стоило бы Адаму только задумать и пожелать, и тотчасъ являлись бы такія, какъ и у него, эѳирныя тѣла и въ нихъ, въ видѣ душъ, вселялись бы раскаивавшіеся падшіе ангелы, которые, творя опредѣленное время правду, достигали бы совершенства, чрезъ что и возвращались бы въ свое первобытное, ангельское состояніе и неприступный Свѣтъ или блаженный рай.

Первоначально Адамъ лишь отчасти отступилъ отъ предначертанія Божія. Соскучившись одиночествомъ, онъ пожелалъ имѣть жену. Въ силу такого его внутренняго пожеланія явилась ему помощница-жена Ева, съ такимъ же эѳирнымъ тѣломъ. Но это не было еще грѣхопаденіемъ, а повело лишь къ ограниченію его рождательной способности, такъ какъ послѣ этого осуществленіе ея зависѣло уже не отъ одного его желанія. Грѣхопаденіе же произошло такимъ образомъ. Вождь и начальникъ низвергнутыхъ духовъ ангельскихъ, Денница, проникнулъ въ планы Божіи относительно назначенія человѣка. Пылая непримиримой злобой къ Божеству и освободясь какими-то невѣдомыми ухищреніями изъ той

тьмы, въ которую былъ ввергнутъ, Денница далъ исчадіямъ своимъ, Грѣху и Смерти, клятву—дѣйствовать съ ними заодно. Они сговорились всѣми мѣрами искушать людей на грѣхъ, чтобы люди, подпавъ грѣху, стали чрезъ то умирать. Такимъ образомъ, предначертанный Богомъ планъ перевода раскаивавшихся падшихъ ангеловъ, черезъ эѳирнаго, неспособнаго потому къ грѣху и безсмертнаго человѣка, въ первобытное ангельское состояніе—могъ бы и не осуществиться.

Преодолѣвъ всѣ „пучины невозможности", пролетѣвъ невообразимыя бездны и пространства, Денница явился на поверхности видимаго міра. Онъ обманулъ стоявшую на грани ангельскую стражу, пронесясь мимо въ свѣтломъ архангельскомъ образѣ, и такимъ образомъ достигъ рая, гдѣ пребывали Адамъ и Ева.

Денницѣ были извѣстны всѣ послѣдствія, могущія произойти отъ нарушенія нашими прародителями заповѣди Божіей. Зналъ онъ, что, по великому предначертанію Божію, они должны были рождать, для раскаивающихся ангеловъ или душъ, эѳирныя, лишенныя грѣховныхъ ѳрганов, тѣла, недоступныя грѣху и смерти. Провѣдалъ онъ и то, что съ нарушеніемъ этой заповѣди все эѳирное въ Адамѣ и Евѣ поглотится плотскимъ, и вмѣсто эѳирныхъ они станутъ производить обыкновенныя человѣческія тѣла, одаренныя грѣховными ѳрганами, слѣдовательно доступныя грѣху и обреченныя смерти. А при такихъ условіяхъ душамъ человѣческимъ уже несравненно труднѣе будетъ достигать усовершенствованія.

И вотъ, сонными видѣніями и обольщеніями всякаго рода Денница старается вдохнуть въ Адама и Еву духъ непокорности Творцу и довести ихъ до того, чтобы они коснулись запрещеннаго плода. Долго всѣ усилія его оказывались тщетными. Но наконецъ, при посредствѣ змѣи, ему удается соблазнить сначала Еву, а потомъ и Адама. И едва только они поддались этому духу тьмы и заразы, и въ нихъ явилась одна мысль о непокорности Творцу, все эѳирное въ нихъ мгновенно исчезло и замѣнилось плотскимъ, и у нихъ образовалось плотское тѣло со всѣми грѣховными ѳрганами. Они почувствовали страсть и согрѣшили, чтѳ и есть запрещенный плодъ. Вслѣдствіе этого они были изгнаны изъ рая, имъ предстояло размножиться уже плотски, и потомство ихъ подвержено было грѣху и обречено смерти.

Другимъ тягчайшимъ послѣдствіемъ грѣхопаденія первыхъ человѣковъ было то, что всѣ души человѣческія подверглись смерти отъ Адама. Если же душа человѣка не воскреснетъ отъ

такой смерти еще въ сей жизни, то послѣ плотской смерти человѣка ей, какъ мертвой, предназначено переходить въ другія тѣла человѣческія. И такъ она должна странствовать хотя бы и тысячи лѣтъ, пока „праведностію“ не воскреснетъ. Собственными же силами человѣкъ не можетъ достигнуть „праведности“. Поэтому Господь Саваоѳъ, по неизреченному милосердію къ Своей твари, ниспослалъ на землю Сына Своего Единороднаго, Господа Іисуса Христа, для искупленія рода человѣческаго. Искупленіе Его состояло въ томъ, что, подъявъ на Себя всѣ немощи человѣческія, Сынъ Божій между тѣмъ велъ самую чистую и самоотверженную жизнь, гонимъ былъ за правду, принялъ страданія и крестную смерть, воскресши въ третій день изъ мертвыхъ. Эта-то великая милость Божія и послужила для людей оправданіемъ и искупленіемъ отъ грѣховъ и средствомъ для прямого перехода душъ ихъ въ тотъ неприступный Свѣтъ, въ которомъ пребываетъ Самъ Господь. Но воспользоваться этою милостію могли только увѣровавшіе въ Искупителя-Сына Божія и исполняющіе Его велѣнія. Для этого увѣровавшій въ Него и познавшій тайну Его пришествія, смерти и воскресенія, долженъ таинственно умереть съ Нимъ, распяться и воскреснуть. А для этого необходимо отречься отъ себя, уничтожить свое „я“, принять „чистоту“, пожертвовать всю жизнь и существо свое для славословія Божія, жить для Бога, а въ случаѣ нужды страдать и умереть для Него. Посредствомъ такой жизни, при благодатной силѣ Св. Духа, душа человѣка воскреснетъ и не подвергнется уже вторичной смерти, а прямо, послѣ смерти тѣла, возвратится въ неприступный Свѣтъ, или блаженный рай. И поэтому во всю остальную жизнь такой человѣкъ не долженъ уже грѣшить— долженъ сдѣлаться не своимъ, а Христовымъ — не онъ будетъ жить, а въ немъ будетъ жить Христосъ. Такую-то возможность къ воскресенію душъ и прямому переходу ихъ въ блаженный рай даровалъ людямъ Сынъ Божій Своею святою жизнію, страданіемъ и крестною смертію. Ниспосланіемъ же Духа Святого дано людямъ и благодатное средство къ тому.

При первомъ сошествіи Своемъ на землю Сынъ Божій лично руководилъ людьми въ достиженіи указанной цѣли. По вознесеніи же Его на небо служители Его не были въ состояніи вполнѣ замѣнить Его въ этомъ. Поэтому, съ теченіемъ времени, ученіе объ усовершенствованіи душъ забылось и заглохло, обратившись въ простой, наружный обрядъ, не приводившій къ цѣли. Однако Господь Саваоѳъ вновь умилосердился къ людямъ и вторично

ниспослалъ на землю Сына Своего въ лицѣ императора Петра Өеодоровича Третьяго, для возобновленія этого ученія и личнаго руководства людьми въ его примѣненіи. Сила же Искупителя-Сына Божія потому снизошла на Петра Өеодоровича Третьяго, что душа его достигла полнаго усовершенствованія — воскресла еще въ сей жизни. Поэтому, по божеству, или „внутреннему Богочеловѣку", въ Петрѣ Өеодоровичѣ пребывала сила того самаго Сына Божія, который снисходилъ на землю 1871 годъ тому назадъ. Слѣдовательно, Петръ Өеодоровичъ Третій-Селивановъ „былъ тотъ же искупитель".

Послѣ плотской смерти Петра Өеодоровича Третьяго ученіе объ усовершенствованіи душъ опять заглохло и обратилось въ одинъ наружный обрядъ. Люди божіи предались мірской суетѣ и грѣху, и поэтому душамъ ихъ предстоитъ опять безконечное странствованіе изъ одной плоти въ другую. Чтобы избавить отъ этого души свои, люди божіи должны смиренною, чуждою всего мірского и суетнаго, жизнью и неустанными моленіями и радѣніями доводить души свои до такого совершенства, чтобы онѣ могли таинственно умереть и воскреснуть со Христомъ и получить чрезъ это возможность прямого перехода въ блаженный рай. А такъ какъ собственными силами они не въ состояніи этого достигнуть, то необходимо умолить Господа Саваоөа вновь ниспослать на землю силу Сына Божія, для возстановленія помянутаго ученія и личнаго руководства „людьми божіими" въ осуществленіи его. Для этого же необходимо „избрать", изъ числа „людей божіихъ" наиболѣе ревностныхъ къ „вѣрѣ" и отрѣшившихся отъ суеты мірской, чтобы они своими непрестанными слезными молитвами и неустанными радѣніями умолили Господа Саваоөа скорѣе ниспослать на землю — вселеніемъ въ усовершенствованную душу—силу милосердаго государя-батюшки-искупителя Петра Өеодоровича Третьяго-Селиванова.

Вслѣдствіе этого и все это „ученіе" получило названіе „избранія".

Лицомъ, достойнымъ вмѣстить въ себѣ силу „искупителя" Петра Өеодоровича Третьяго, по предположенію установителей „избранія", могъ быть хорошо извѣстный имъ житель м. Чишмы, „человѣкъ божій" Козьма Өедосѣевъ Лисинъ. Въ обществѣ молдавскихъ „людей божіихъ" онъ былъ извѣстенъ не только по своей фанатической ревности къ „вѣрѣ", кротости, незлобію характера и строгой жизни, но и по одному особенному, бывшему въ жизни его, случаю.

Козьма Θедосѣевъ Лисинъ былъ уроженецъ московской губерніи, подольскаго уѣзда, дер. Кнутовой, по ремеслу портной. Еще въ ранней молодости онъ былъ совращенъ въ секту духовныхъ „людей божіихъ" какимъ-то бродячимъ портнымъ Дмитріемъ. А такъ какъ черезъ это домашніе стали нападать на него, то, по совѣту того же Дмитрія, Лисинъ бросилъ отцовскій домъ и бѣжалъ въ Молдавію. Поселившись въ м. Чипмѣ и очутившись среди молоканъ, Лисинъ заинтересовался ихъ „ученіемъ" и кончилъ тѣмъ, что принялъ молоканство и женился. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ Чипму пришелъ какой-то таинственный странникъ, называвшій себя Михаиломъ Петровымъ, изъ Петербурга. Странникъ этотъ началъ распространять здѣсь духовное молоканство, т.-е. ересь, составляющую нѣчто среднее между молоканствомъ и сектантствомъ духовныхъ „людей божіихъ". Къ „ученію" обыкновенныхъ молоканъ духовные молокане присоединяютъ „пророчества" и радѣнія „людей божіихъ", употребляя и многіе ихъ распѣвы [1]). Увлеченный проповѣдью странника, Лисинъ не только принялъ духовное молоканство, но съ страстностью человѣка, совершенно поглощеннаго своими „вѣрованіями", всей душой предался имъ. Онъ постился, дни и ночи просиживалъ надъ священнымъ писаніемъ, проповѣдовалъ противъ нечестія міра и неправедной жизни людей, предсказывалъ близость страшнаго суда и наконецъ довелъ себя до того, что съ нимъ случилась болѣзнь, доводившая его до бѣшенства. Припадки ея выражались въ томъ, что онъ кричалъ, что всѣ люди живутъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и бился объ стѣны, бросался съ яростью на собственныхъ дѣтей, неистово кружился по комнатѣ, бормоталъ отрывочныя фразы изъ свящ. писанія или пѣлъ псалмы и т. п. Припадки эти длились около двухъ недѣль и сдѣлали его извѣстнымъ между сектантами многихъ городовъ Молдавіи. По выздоровленіи онъ сдѣлался еще болѣе кроткимъ, смирнымъ, тихимъ и незлобивымъ.

Во время болѣзни жена съ дѣтьми бросила Лисина. Поэтому, выздоровѣвъ, онъ ушелъ въ Галацъ, сошелся тамъ съ Купріяновымъ и другими „людьми божіими", ученіе которыхъ какъ нельзя болѣе подходило къ тогдашнему его настроенію, и принялъ ихъ „чистоту".

Между тѣмъ Волошинъ и его товарищи, видя въ натурѣ

---

[1]) Распѣвы—это тѣ молитвенныя пѣсни, которыя „люди божіи" поютъ во время своихъ „моленій" и „радѣній".

Лисина какую-то особенность, что-то необыкновенное, постарались сблизиться съ нимъ и привлечь его въ свой кружокъ. Міровоззрѣніе „избранія“ и его цѣли совершенно овладѣли душой Лисина, и онъ окончательно отдался имъ.

Ни на часъ не упуская Лисина изъ виду, какъ человѣка „отмѣченнаго Богомъ“, установители „избранія“ приступили къ выполненію его цѣлей. При этомъ, такъ какъ Волошинъ жилъ не въ Галацѣ, то Купріанову досталась первая роль. Онъ сталъ собирать членовъ кружка у себя въ квартирѣ. Здѣсь они штудировали ученіе объ усовершенствованіи душъ, радѣли, молились о дарованіи „искупителя“. Таинственность этихъ бесѣдъ, авторитетъ Купріанова, какъ ученѣйшаго человѣка, и извѣстность Лисина и Ковалева, какъ великихъ ревнителей „вѣры“, тотчасъ заинтересовали молдавскихъ „людей божіихъ“. Они стали добиваться участія въ этихъ бесѣдахъ. Установители „избранія“ принимали лишь такихъ, которые готовы были раскаяться въ своемъ прежнемъ индифферентизмѣ въ дѣлѣ „вѣры“ и всецѣло отрѣшиться отъ суеты мірской. Принятые назывались „избранными“, остальные „люди божіи“—„зваными“.

Бесѣды избранныхъ происходили ежедневно и назывались „празднованіями“. На нихъ разъяснялось ученіе объ усовершенствованіи душъ. Потомъ слѣдовали „слезныя“ моленія о дарованіи „искупителя“ и долгія, неустанныя радѣнія, подъ пѣніе распѣвовъ, соотвѣтствовавшихъ настроенію молящихся. Распѣвы эти, вмѣстѣ съ радѣніями, до-нельзя распаляли воображеніе „избранныхъ“. Вотъ нѣкоторые изъ подобныхъ распѣвовъ:

Со восточныя
Со сторонушки,
Не-то князь идетъ,
Не-то царь грядетъ.
За нимъ ангелъ святой
Острый мечъ несетъ.
На главѣ царя
Семигранъ вѣнецъ,
А во сердцѣ его
Живъ-распятый крестъ;
Во рукахъ у него
Книга-Евангеліе;
Во устахъ же его —
Золота труба,
Живогласная.
Онъ трубитъ въ трубу—
Живогласную;

Онъ гласитъ, сударь,
Во всю вселенную,
Чтобы слышали
Его дѣтушки —
Вѣрны-праведны:
Хочетъ батюшка
Плевела посѣчь,
Змѣю лютому
Да главу отсѣчь;
Свою чисту плоть
На крестѣ распять,
Сосудъ кровію
Подъ края налить;
И со вѣрными
Въ небеса парить;
Своихъ дѣтушекъ
Подъ покровъ покрыть.

* * *

Во лугахъ, во лугахъ,
Во зелены-и-хъ лугахъ,
Во травахъ, во травахъ —
Травахъ шолковыхъ,
Насажденъ отъ-былъ
Виноградный садъ.
И по тому по саду
Виноградному
Ужъ ходилъ, гулялъ
Пребогатый гость —
Сударь сынъ божій...
Онъ трубитъ во трубу
Живогласную,
Онъ гласитъ, сударь,
На всю вселенную...
Саваоѳъ же взошелъ
На Сіонъ-гору.
И держитъ онъ скиптръ
Со державою.
Засудилъ онъ свой
Судъ со славою.
. . . .
Онъ и пишетъ указъ
Съ неба на землю,
Сыну божьему—
Искупителю
И вселенскому
Свѣтъ-учителю:
Ты изволь, сударь,
Собиратися
Со своимъ, сударь,
Полкомъ израильскимъ.
Ужъ готовы тебѣ
И дворецъ, сударь,
И палатушки.
О, предивная
Та палатушка—
Изъ безцѣннаго
Яхонтъ-каменя.
А вокругъ стоятъ
Святы ангелы.
А во стрѣтенье
Идетъ матушка,—
Во третьемъ небѣ
Наша помощница—
Акулина
Свѣтъ-Ивановна,
Со честнымъ, хвальнымъ
Своимъ апостоломъ,
Со святыми со кадилами.
И поетъ она
Небесной птицею:
Ужъ аминь, аминь,
Аллилуйя, аллилуйя!
И Христосъ воскресъ,
И Христосъ воскресъ!

* * *

Ай у батюшки
У родимаго,
У спасителя-искупителя.
Ай у матушки—
У помощницы,
У Александра
Свѣтъ-Ивановича
Собиралася
Тайная бесѣдушка,
И всѣ ангелы
Солеталися...
Свѣтъ-нашъ батюшка
Припечалился;
Со всей троицей
Думу думаетъ,
Думу думаетъ
И совѣтуетъ,—
Горючьми слезми
Обливается.
Проситъ просьбою
У отца своего —
У сотворшаго,
Обо всемъ своемъ
Объ израилѣ:
„Ужъ и, какъ же мнѣ
Ихъ оставити?
Станутъ горько они,
Слёзно плакати“.
Речетъ батюшка—
Самъ небесный царь:
„О, возлюбленный
Ты, сыночекъ мой,
Даю власть тебѣ
Свою полную
На сырой землѣ,
Да и въ будущемъ.
Хоть и трудъ несешь
Со страданіемъ,
И со слезнымъ
Со рыданіемъ,
Тѣсноту-запоры крѣпкіе;

Потерпи еще
Время малое:
Придетъ часъ тебѣ
Пора-времячко:
Отопрутся тогда
Замки крѣпкіе,
Сошлю ангеловъ,
И архангеловъ,
И всю силушку—
Свѣтъ-небесную
Взять тебя
Къ себѣ въ царствіе.
Тебѣ, батюшка,
Сударь-сынъ божій,
Погости ты, свѣтъ,
Еще на сырой землѣ,
Пока вѣрны твои
Поисправятся,
Маловѣрные поувѣрятся,
Маломочные воспокоятся.
Тогда судъ будетъ
И рѣшеніе.
Сядешь, батюшка,
На златой престолъ...
И засудишь, свѣтъ,
Судомъ страшны-и-мъ;
Придутъ вѣрные
Твои дѣтушки
Ко тебѣ, свѣту,
Со исправою...
Тогда, батюшка,
Сударь-сынъ божій,
Ты не станешь ждать
Поры-времячка,
Ни одного часу,
Ни минуточки—
Поспѣшать станешь
Въ свое царствіе".

* * *

Небесныя силы
Вѣрнымъ гласили...
Вы на память приведите,
Въ чемъ поруку вы давали,
Знамя божье подымали,
Души Богу поручали.
А теперь вы стали, други,
Дѣла божьи откладать,
Стали плоти утѣшать
И про Бога забывать —
На бесѣдахъ стали спать.
Ужъ вы, братцы и сестрицы,
Всѣ предъ Богомъ встрепенемся,
На судъ страшный соберемся!
Какъ же, други, намъ собраться?
Надо плоть свою трудить
И всю лѣпость отрубить,
Въ небо мыслями ходить,
И сердцами поболѣть,
Чистотою поговѣть.
Ты, единый, нашъ творецъ,
Всей вселенныя отецъ!
Умилися, свѣтъ, до насъ,
Сошли сына-божья къ намъ.
Наша жъ матушка
Акулина-свѣтъ-Ивановна
На насъ сиротъ взирала,—
Горьки слезы проливала,
Жалобный гласъ простирала,
Божью сыну докладала:
„Умились, умилосердись
До своихъ сиротъ,
До избранныхъ своихъ"...
Умилосердился нашъ отецъ:
Онъ на землю сокатилъ,
Всѣ затворы растворилъ,
Всѣхъ праведныхъ обновилъ...

* * *

Проглаголывалъ
Сударь-сынъ божій,
Возговаривалъ
Сударь-духъ святой:
„Вы извольте всѣ
Во кругъ становиться—
Богу-агнцу молиться.
Въ грѣхахъ кайтеся
И винитеся.
И опять во пыль
Не пылитеся.
На добрыхъ коней
Вы садитеся,
Въ путь дороженьку
Вы пуститеся.
Съ родомъ-племенемъ
Попроститеся.
Славу-батюшки —
Искупителя
Препрославьте вы".

Подъ опьяняющимъ дѣйствіемъ радѣній и живымъ впечатлѣніемъ подобныхъ распѣвовъ „пророки“ становились въ „словѣ“. Весьма естественно, что съ устъ ихъ срывались фразы, вырванныя изъ тѣхъ же распѣвовъ и въ отдѣльности имѣвшія смыслъ прямыхъ предсказаній о скоромъ явленіи „искупителя“. Что же касается Ковалева, Василія Иванова и Ѳедора Мартыновича, то, находясь подъ такимъ же вліяніемъ и будучи всецѣло поглощены ожиданіемъ „искупителя“, они дѣлали и прямыя указанія на Лисина, какъ на „совершеннѣйшую“ и „избраннѣйшую“ душу, и въ своемъ частномъ „словѣ“ предрекали ему великую судьбу и необыкновенное положеніе въ мірѣ „людей божіихъ“.

Празднованія „избранныхъ“ начались съ весны 1872 г. и продолжались ежедневно до 2 іюня этого года.

Увлеченный „пророчествами“, а отчасти и подготовленный послѣдними событіями жизни ко всему необычайному въ своей судьбѣ, Лисинъ незамѣтно дошелъ до убѣжденія, что въ немъ-то и должна объявиться сила „искупителя“. Подъ неотразимымъ вліяніемъ такого убѣжденія отправился онъ 2 іюня 1872 года за городъ. Съ нимъ пошли Ковалевъ и Василій Ивановичъ. Усѣвшись на небольшомъ курганѣ, они запѣли свои распѣвы. Потомъ Василій Ивановичъ одинъ запѣлъ: „Сокатала наша матушка съ неба на землю“... Не успѣлъ Василій Ивановичъ кончить распѣва, какъ Лисинъ вскочилъ, пошелъ въ „словѣ“ — и заговорилъ:

„Я, господь Саваоѳъ, вкатилъ въ сына своего возлюбленнаго, искупителя Петра Ѳеодоровича-Селиванова. А я, отецъ искупитель, благословляю васъ, дѣтушки мои возлюбленныя: отселѣ ты, Иванъ Филипповичъ, будешь Іоаннъ Богословъ, а ты, Василій Ивановичъ, будешь Василій Великій. И увѣрю васъ, дѣтушки мои, тѣмъ, что на бесѣдушкѣ запоютъ: Христосъ воскресе!“ Съ этими словами Лисинъ сошелъ съ кургана и направился въ Галацъ. Спутники его послѣдовали за нимъ, не будучи еще твердо увѣрены въ снишествіи на Лисина силы „искупителя“, хотя и предполагали это, судя по словамъ, обращеннымъ къ нимъ Лисинымъ.

Въ тотъ же день вечеромъ, во время празднованія „избранныхъ“, одинъ изъ „пророковъ“ какъ бы совершенно случайно закончилъ свое „слово“ восклицаніемъ: „Христосъ воскресе!“. Ковалевъ и Ивановъ, видя въ этомъ прямое подтвержденіе словъ Лисина, тотчасъ заключили, что на курганѣ въ Лисинѣ дѣйствительно объявилась сила „искупителя Петра Ѳеодоровича“, и пришли въ такой восторгъ, что сами стали кричать: „Христосъ воскресе!“.

Это подтвердилъ имъ и самъ Лисинъ, когда они, послѣ празднованія, провожали его на квартиру. Онъ объяснилъ имъ, что когда они были на курганѣ, „накатилъ на него духъ", и онъ ощутилъ въ себѣ силу „искупителя Петра Ѳеодоровича Селиванова" и говорилъ не отъ себя, а отъ „духа". Такимъ образомъ „объявленіе" въ Лисинѣ силы „искупителя", для всѣхъ троихъ, стало дѣйствительнымъ фактомъ, и они назвали это событіе „явленіемъ на горѣ Сіонѣ".

Не то удивительно и достойно вниманія, что двое полупомѣшанныхъ фанатиковъ приняли за нѣчто серьезное бредъ такого же третьяго, а то, что этотъ бредъ приняли потомъ за чистую дѣйствительность сотни совершенно здоровыхъ людей, между которыми было не мало и такихъ, которыхъ далеко нельзя было назвать вовсе неразвитыми и невѣжественными.

Въ слѣдующіе дни Лисинъ „открылъ" все Якову Павловичу Куяльницкому, Ѳедору Мартыновичу, Григорію Картамышеву, которые повѣрили ему безусловно. Затѣмъ онъ уѣхалъ въ Николаевку къ Волошину.

Послѣ его отъѣзда Ковалевъ и Ивановъ разсказали о „явленіи на горѣ Сіонѣ" Купріанову. Купріановъ, на вечернемъ праздновaніи, объявилъ объ этомъ всѣмъ „избраннымъ", объясняя, что сила „искупителя Петра Ѳеодоровича" объявилась въ Лисинѣ при двухъ свидѣтеляхъ—Іоаннѣ Богословѣ, сила котораго объявилась въ Ковалевѣ и Василіѣ Великомъ, сила котораго снизошла на Василія Ивановича. Тутъ „избранные" окружили Ковалева и Иванова. Подтверждая слова Купріанова, Ковалевъ въ своемъ увлеченіи добавилъ, что самъ слышалъ при этомъ гласъ съ неба и видѣлъ „небеса отверзты". Восторгъ избранныхъ былъ неописанный: они плакали отъ умиленія, бросались на колѣни и благодарили Бога за дарованіе „искупителя", цѣловали другъ друга, называя „братцами" и произнося: „Христосъ воскресе!"

Съ этого дня у „избранныхъ" началось непрерывное ликованіе. Они ежедневно ходили на курганъ и до поздней ночи совершали тамъ свои празднованія. Возвращались они въ городъ длинными вереницами, оглашая воздухъ радостными „распѣвами" и словами: „Христосъ воскресе!". Многіе изъ нихъ предались, кромѣ того, жестокому самоистязанію: били себя камнями по щекамъ, стегались жгутами и терніями, босыми ногами ходили по колючкамъ. Нѣкоторые же разбрасывали деньги, которыя давали имъ другіе избранные. Потомъ часть „избранныхъ" разсѣялась по городамъ Румыніи объявлять о явленіи „искупителя". Они бѣгали по площадямъ и базарамъ, врывались въ дома „лю-

дей божіихъ" и вездѣ возвѣщали объ этомъ явленіи. Въ иныхъ мѣстахъ ихъ гнали, били, сажали въ полицію, но они все-таки продолжали свою „проповѣдь".

Купріановъ не пошелъ вмѣстѣ съ другими возвѣщать о явленіи „искупителя", а, не теряя времени, бросился въ Николаевку на поклоненіе Лисину. Послѣдній назначилъ его своимъ намѣстникомъ надъ молдавскими „людьми божіими" и наименовалъ вторымъ Моисеемъ, т.-е. законодателемъ,—въ знакъ того, что Купріановъ наиболѣе приложилъ труда и знаній при разъясненіи ученія объ усовершенствованіи душъ. Съ этимъ Купріановъ возвратился въ Галацъ, гдѣ и занялъ первенствующее мѣсто между увѣровавшими въ Лисина. Въ это время почти всѣ галацкіе и многіе ясскіе, бухарестскіе, чишменскіе и николаевскіе „люди божіи" признали въ Лисинѣ „искупителя" и приняли „избраніе".

Волошинъ, еще раньше Купріанова, принявъ Лисина, какъ „искупителя", отдалъ въ его распоряженіе не только самого себя, но и свой домъ и имущество. Лисинъ послалъ его возвѣщать о своемъ „явленіи", и Волошинъ, соединившись въ Галацѣ съ Картамышевымъ и Ивановымъ, отправился съ ними въ Яссы и другіе города Молдавіи, возвѣщая о явленіи „искупителя".

Н. Реутскій.

НА РАЗСВѢТѢ

Повѣсть Ежа.

Съ польскаго.

Наша повѣсть относится къ современному намъ періоду возрожденія Болгаріи. Автору приходилось поэтому или отказаться отъ точнаго изображенія историческихъ событій, или вывести на сцену, быть можетъ, и понынѣ здравствующихъ людей. Желая особенно избѣжать послѣдняго, мы заимствовали изъ исторіи только фонъ картины, и на немъ постарались изобразить съ возможной точностью положеніе даннаго историческаго момента. Нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ лицъ—историческіе типы, выработавшіеся въ условіяхъ, благодаря которымъ давно забытый народъ выступилъ вдругъ на сцену политической жизни. Дѣятели и даже названія мѣстностей являются въ нашей повѣсти съ измѣненными именами и названіями. Автору хотѣлось главнымъ образомъ сохранить одну мѣстную окраску, изобразить внутреннюю сторону цѣлаго историческаго періода, а познакомиться съ нимъ будетъ не безъинтересно, такъ какъ рѣчь идетъ о родственномъ намъ народѣ. Авторъ счелъ нужнымъ предпослать своей повѣсти эти нѣсколько словъ для предупрежденія читателя: пусть онъ не ищетъ здѣсь ни исторіи, ни фантазіи; авторъ даетъ только общую картину того броженія, которое происходило въ средѣ болгарскаго общества, на разсвѣтѣ его пробужденія отъ пятивѣковаго сна.

I.

Нѣкогда Болгарія очень полюбилась Святославу Игоревичу. И не мудрено: это одна изъ прелестнѣйшихъ странъ въ Европѣ. Она раскинулась по двумъ склонамъ Балканскихъ горъ, изъ которыхъ одинъ спускается къ Эгейскому морю, другой — къ Дунаю. Скатываясь неправильными уступами, они представляются то въ видѣ холмовъ, то переходятъ въ обширныя плоскогорья, сопровождающія долины, въ глубинѣ которыхъ мчатся потоки и рѣчки. Родники журчатъ, горные потоки бѣгутъ съ пѣною по камнямъ, пока не обратятся въ спокойную рѣчку. Одна изъ такихъ рѣчекъ называется Янтра. Она беретъ начало около прохода Шипка, столь прославившагося во время послѣдней войны, и на ея-то берегахъ расположились два города, имѣющіе для Болгаріи громадное значеніе: Тырново, нѣкогда столица болгарскаго государства, а нѣсколько выше Тырнова, въ горахъ—Габрово, столица и средоточіе умственнаго движенія, которое было первымъ пунктомъ народнаго пробужденія послѣ продолжительной спячки. Янтра, принявъ въ себя много притоковъ съ правой и лѣвой стороны, впадаетъ въ Дунай нѣсколько ниже Систова, на разстояніи одной трети пути между Систовомъ и Рущукомъ.

Въ окрестности, по которой протекаетъ Янтра, она имѣетъ немаловажное значеніе. По долинѣ ея проходитъ дорога, ведущая черезъ Балканы въ Казанлыкъ, въ Эски-Загру и далѣе—въ Адріанополь. Близъ устья пересѣкаетъ ее почтовый трактъ, соединяющій придунайскіе города: Рущукъ, Систово, Никополи, Рагово, обѣ Паланки и Виддинъ. Здѣсь турки перекинули черезъ рѣку каменный мостъ; какой-то цинцаръ поставилъ около него „мэгану“ (постоялый дворъ); еще нѣсколько человѣкъ построили тутъ же избушки, и такимъ способомъ образовался поселокъ, получившій названіе—Кривена. Названіе это явилось какъ-то само собой, вѣроятно потому, что въ этомъ мѣстѣ дорога дѣлаетъ поворотъ, или потому, что здѣсь горы будто исковерканы, а можетъ быть и оттого, что сама Янтра ниже моста поворачиваетъ вправо и какъ бы колеблется — излить ли ей свои воды въ Дунай, или параллельно съ нимъ течь прямо къ морю. Впрочемъ, если Кривена сдѣлается когда-нибудь великимъ, богатымъ, значительнымъ городомъ, то, спустя какихъ-нибудь тысячу лѣтъ, могутъ появиться историки, которые заинтересуются происхожденіемъ названія этого поселка. Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невозможнаго. Развѣ Одесса, напримѣръ, сто лѣтъ тому назадъ не была ры-

бацкимъ поселкомъ? Теперь, однако, это вопросъ будущаго, и современная Кривена ни богата, ни извѣстна и даже вовсе не городъ. Все ея достоинство заключается въ мэганѣ, которая для правовѣрныхъ — кофейня, для неправовѣрныхъ — кабакъ. Этотъ двойной характеръ зависитъ оттого, что она принадлежитъ цинцару, который какъ будто румынъ, но онъ не румынъ, какъ будто болгаринъ, но не болгаринъ, какъ будто вѣрноподданный падишаха, но и это не совсѣмъ такъ. Говоритъ онъ по-румынски, по-болгарски, по-турецки, говоритъ и еще на нѣсколькихъ языкахъ, дѣло свое отлично знаетъ и хорошо исполняетъ его, а кромѣ того еще кое-чѣмъ занимается, но объ этомъ ни рущукскій губернаторъ, ни систовскій каймаканъ и ни одинъ запти (жандармъ) не должны знать и не знаютъ. Никому и въ голову не приходило, чтобы онъ могъ вести какой-нибудь подозрительный „*мистишугъ*". Величали его „мэганджи", производя отъ мэгана, хотя, въ сущности, его заведеніе не было *мэганой*, т.-е. постоялымъ дворомъ, такъ какъ не было при немъ ни сарая, ни конюшни. Зданіе, покрытое соломенной крышей, было съ виду не казисто, а внутри раздѣлялось на двѣ симметрическія половины. Направо изъ сѣней была просторная горница съ каминомъ, мебель которой состояла изъ деревянныхъ скамей и прилавка съ деревянной рѣшеткой, скрывающей отъ взоровъ мусульманъ ракѝ и мастику, разставленныя въ бутылкахъ рядомъ съ рюмками и стаканами на полкѣ. Мусульмане съ любопытствомъ заглядывали за рѣшетку, хотя законъ разрѣшаетъ имъ смотрѣть только на каминъ, въ которомъ съ утра до вечера горѣли угли, и на выступѣ котораго помѣщались *джезны* (кофейники), чашки, подносы, деревянныя кофейницы съ молочнымъ кофе и нѣсколько сосудовъ, называемыхъ моргалями и похожихъ на бутылки съ шейками, прикрытыми глиняными трубками и обитыми кожаными чубуками. Свѣтъ входилъ сюда черезъ окна, представляющіяся въ видѣ квадратныхъ отверстій, черезъ которыя вмѣстѣ со свѣтомъ входилъ и воздухъ, такъ какъ ни стекло, ни какой бы то ни было другой предметъ не препятствовали этому. На зиму отверстія забивались рамами, обтянутыми бычачьимъ пузыремъ, но лѣтомъ ихъ вынимали и складывали на чердакъ. На ночь окна закрывались внутренними ставнями.

Нашъ мэганджи Пэто разсчитывалъ, главнымъ образомъ, на доходъ отъ прохожихъ и проѣзжающихъ, хотя и жители Кривены съ своей стороны не отказывались отъ дани въ размѣрѣ, по крайней мѣрѣ, двухсотъ процентовъ отъ затраченнаго имъ нѣкогда капитала. Однако взимаемая съ нихъ бездѣлица составляла только

маленькую долю того, что входило въ *джэпъ* (мошну) мэганджи въ дни систовскихъ ярмарокъ. Всѣ мусульмане, всѣ христіане, идущіе и ѣдущіе съ праваго берега Янтры въ Систово или возвращающіеся домой, заходили въ мэгану—одни на чашку кофе, другіе *попить малко раки*, чтобы запастись ярмарочной бодростью. Въ дни *панагира* (ярмарки) Пэто занятъ былъ съ утра до ночи: самъ суетился, какъ муха въ кипяткѣ, а кромѣ того, нанималъ *момчэ* (мальчика) изъ Кривены въ поденщики. Въ обыкновенное время онъ успѣвалъ справляться одинъ,—а бывало и такъ, что за весь день никто не зайдетъ въ мэгану. Въ такихъ случаяхъ Пэто дремалъ, мечталъ и, подобно весталкамъ, поддерживалъ неугасаемый огонь въ каминѣ, а между тѣмъ слушалъ и до того изощрилъ слухъ, что издали различалъ приближающихся посѣтителей; какъ только разслышитъ скрипъ повозки за горой, сейчасъ подойдетъ къ камину, подсыплетъ углей, возьметъ раздувательный мѣхъ и станетъ поддувать снизу.

Въ тотъ день, съ котораго начинается наше повѣствованіе, у Пэто была полнѣйшая безработица. Онъ сѣлъ на скамью, руки сложилъ на грудь, закрылъ глаза и изрѣдка махалъ рукой. Виновниками этихъ движеній были мухи, которымъ онъ разрѣшалъ странствовать по всему своему лицу, исключая тѣхъ окрестностей носа, гдѣ онъ соединяется съ верхней губой. Какъ только которая-нибудь изъ нихъ приближалась къ ноздрямъ, онъ сейчасъ же просыпался и съ досадой махалъ рукою, а по временамъ даже бранился и думалъ: съ какой стати мухи лѣзутъ смотрѣть, что̀ дѣлается у него въ носу? О, ужасъ! онъ подозрѣвалъ и ихъ въ шпіонствѣ.

— „Пэзэвенкъ“!.. — ругнулъ онъ, потирая пальцемъ переносицу.

Передъ окномъ что-то мелькнуло. Пэто всталъ и направился къ камину. Въ комнату вошелъ одинъ человѣкъ, за нимъ другой, третій, четвертый, пятый, шестой и седьмой. Хозяинъ не отвернулся и, казалось, былъ всецѣло поглощенъ раздуваніемъ огня, а между тѣмъ, не только пересчиталъ входившихъ гостей, но успѣлъ разглядѣть ихъ: это были „низамы“ изъ полка, расквартированнаго по придунайскимъ городамъ. На первомъ изъ нихъ былъ офицерскій мундиръ, на груди его красовался офицерскій знакъ, сбоку висѣла короткая сабля, за поясомъ — револьверъ, голову покрывалъ красный фэсъ съ форменной кистью, а ноги были обуты въ туфли съ застежками. На остальныхъ была солдатская одежда, но нашивки одного изъ нихъ указывали, что это былъ старшій въ десяткѣ, т.-е. онбаши. Чинъ сопровождав-

шаго ихъ офицера соотвѣтствовалъ самому низшему офицерскому чину въ европейскихъ арміяхъ,—однимъ словомъ, это былъ милязимъ. Онъ прошелъ наискось черезъ горницу, остановился около скамьи, снялъ туфли, сѣлъ и поджалъ ноги. Тоже сдѣлалъ онбаши, но предварительно снялъ съ плечей ранецъ, а ружье поставилъ у дверей. Остальные одинъ за другимъ послѣдовали примѣру онбаши. Усѣвшись въ рядъ на скамьѣ, каждый изъ нихъ вынулъ изъ-за пазухи чубукъ, кисетъ, трубку и не спѣша набивалъ ее.

— А тэшъ (огня)!—промолвилъ тотъ, который прежде другихъ успѣлъ набить трубку.

Меганджи раздулъ уже огонь и, поставивъ большой жестяной кофейникъ съ водой на горячихъ угляхъ, вынулъ изъ-за пояса щипцы, взялъ ими горячій уголекъ и понесъ турку. То же самое повторилось съ другимъ, третьимъ, четвертымъ—до послѣдняго. Семь ртовъ потягивало дымъ изъ семи чубуковъ.

— *Биразъ кавэ*,—небрежно проговорилъ милязимъ.

Это значитъ: „одного кофе", т.-е. вождь потребовалъ чашку чернаго кофе. Мэганджи влилъ немного воды изъ большого жестяного кофейника въ маленькій мѣдный и поставилъ его на огонь; когда вода вскипѣла, онъ всыпалъ ложечку молотаго кофе и опять поставилъ на огонь; вскипятилъ разъ, другой, третій; потомъ взялъ подносъ, поставилъ на немъ крошечную чашечку на жестяной подставкѣ и, захвативъ другой рукой кофейникъ, подошелъ къ милязиму, налилъ и подалъ напитокъ, сравниваемый нѣкоторыми съ нектаромъ, хотя онъ и былъ покрытъ толстымъ слоемъ гущи. Турокъ взялъ осторожно чашку, наклонился надъ нею и, не касаясь губами, втягивалъ въ себя воздухъ, вмѣстѣ съ которымъ всасывалъ и слой, покрывавшій жидкость. Втянувъ въ себя верхній слой гущи, онъ нѣсколько разъ чмокнулъ съ видомъ гастронома, вкушающаго особенно лакомый кусокъ; потомъ погладилъ себя рукой по груди и сталъ пить кофе маленькими глотками, покуривая трубку.

Подчиненные послѣдовали примѣру вождя, и одинъ за другимъ заказывали кофе. Мэганджи, удовлетворивъ всѣмъ требованіямъ, сталъ у камина, сложилъ на груди руки и ждалъ новыхъ приказаній или разговора. Новыхъ приказаній не послѣдовало, но черезъ нѣкоторое время между нимъ и милязимомъ все-таки завязался разговоръ, который начался обмѣномъ обычныхъ привѣтствій: *гашъ гелды* и *сифотъ гелды*,—послѣ чего милязимъ спросилъ:

— *Нэ варъ нэ, екъ* (ну, что тутъ у васъ)?

— *Сэвъ билиръ, эфэндимъ* (тебѣ извѣстно, господинъ),—отвѣчалъ Пэто.

Милязимъ взялъ чубукъ въ ротъ, потянулъ, выпустилъ клубомъ дымъ изо рта и опять спросилъ:

— Много ли народу заходитъ въ твою кофейню!

— И... одинъ разъ много, другой разъ мало.

— А кто оэи такіе?

— Все больше изъ... — онъ назвалъ нѣсколько окрестныхъ деревень.

— А знаешь ты своихъ гостей?

— Однихъ знаю, другихъ не знаю.

— Не знаешь... э?

Пэто пожалъ плечами, давая понять, что о незнакомыхъ ничего не можетъ сказать.

— Но вѣдь?...—пытался допрашивать милязимъ.

— Развѣ Янтра разспрашиваетъ о чемъ-нибудь тѣхъ овецъ, что̀ приходятъ пить изъ нея?

— Да,—согласился милязимъ,—но вѣдь ты не Янтра.

— Такъ и люди приходятъ не ко мнѣ, а заходятъ на чашку кофе.

— И за водкой тоже.

— Правовѣрные на чашку кофе, а *райя*—за водкой.

— И райя молча пьетъ?

— То молчитъ, а то и не молчитъ.

— А когда не молчитъ, такъ что?

— Тогда говоритъ, эфендимъ.

— Ты вѣдь не дуракъ...—рѣшилъ милязимъ, которому хотѣлось о чемъ-то разузнать.—Ты уменъ и умѣешь слушать.

— Конечно,—отвѣчалъ Пэто съ самодовольной улыбкой.

— Такъ что же ты слышалъ?

— О, эфендимъ! — отвѣчалъ мэганджи, небрежно махнувъ рукою:—еслибы у меня было столько *паричэкъ* (мелкая монета), сколько словъ въ одно мое ухо влетитъ, а въ другое вылетитъ, тогда бы я былъ самымъ богатымъ человѣкомъ въ мірѣ.

— Гм...—турокъ покачалъ головой.

— Слушаю, но не слышу... это не мое дѣло.

— У-ум...—бормоталъ милязимъ:—но... смотришь?

— Конечно, смотрю.

— Э?..—продолжалъ допрашивать турокъ.

Мэганджи опять пожалъ плечами.

— А не видалъ ты „комиту"?

— Что это такое?—спросилъ Пэто.

— Комита... гм.... Я самъ хорошо не знаю,—отвѣчалъ милязимъ и посмотрѣлъ вопросительно на солдатъ.

— Комита...—сказалъ одинъ, затягиваясь изъ трубки.

— Комита...—повторилъ другой, нѣсколько нагибаясь и постукивая трубкой по скамьѣ.

— Комита...—произнесъ третій, задумываясь.

— Это должно быть *эснафъ* (ремесло) такой,—глубокомысленно заявилъ милязимъ.

Солдаты поддакивали, одобрительно качая головами, а мэганджи ни догадывался, ни одобрялъ. Лицо его выражало совершенное равнодушіе: онъ ждалъ.

— Это своего рода *эснафъ*,—повторилъ милязимъ, обращаясь къ Пэто.

— Можетъ быть, и эснафъ...—былъ отвѣтъ.

— Знаешь теперь?

— Самъ знаешь, эфендимъ.

— Тс...—таинственно шепнулъ турокъ, мотнувъ головой.— За этотъ эснафъ въ *апсу* (тюрьму) сажаютъ, вѣшаютъ и головы снимаютъ... Знаешь теперь?

— Пхи-и!..—удивлялся Пэто, покачивая головой.— А я думалъ, что это какое-нибудь ремесло а-ла-франка (иностранное).

— Нѣтъ... это не то.

— Чтò же это такое?

— Должно быть, что-нибудь а-ла-франка... *мистишугъ* какой-то... однимъ словомъ, комита.

— Гм...—вздохнулъ мэганджи.

— Мы по этому случаю командированы и останемся въ твоей мэганѣ, чтобы за комитой наблюдать.

Пэто ничего не отвѣчалъ, и въ горницѣ воцарилась тишина, которую прервалъ милязимъ, обращаясь къ онбаши.

— Поставь, милый мой, часового и разскажи ему, чтò и какъ.

— Э?..—недоумѣвалъ онбаши:—чтò же и какъ?

— Пусть на мостъ глядитъ, а когда увидитъ что-нибудь въ родѣ комиты, пусть остановитъ и позоветъ остальныхъ... Понимаешь?

— Понимаю, эфендимъ, — отвѣчалъ онбаши и немедленно позвалъ одного изъ солдатъ, который всталъ, надѣлъ туфли, взялъ въ руки ружье и ждалъ команды. Онбаши вышелъ съ нимъ, и слышно было, какъ онъ дѣлалъ наставленія относительно комиты, потомъ вернулся.

— Э?..—спросилъ милязимъ.

— Все обстоитъ благополучно, эфендимъ. Мостъ вотъ такъ, а часовой — вотъ такъ, — эти слова произносились съ соотвѣт-

ствующей жестикуляціей.—Мышь и та не пробѣжитъ незамѣченной мимо часового.

— Пусть себѣ мыши, собаки, коты и даже люди проходятъ, только бы намъ комиту поймать...

— Не уйдетъ!—отвѣчалъ онбаши, усаживаясь на скамью:—если только не направится по другой дорогѣ.

— Всюду, милый мой, часовые.

Послѣдовало довольно продолжительное молчаніе, посвященное размышленіямъ, которому турки предаются съ удивительнымъ мастерствомъ. Сидѣли они степенно вдоль стѣны и размышляли. Мэганджи поставилъ чашки на мѣсто, помѣшалъ огонь, присыпалъ золой угли, жестянку съ водой такъ поставилъ, чтобы вода сохраняла высокую температуру, посмотрѣлъ на дворъ черезъ открытую дверь, высморкался въ фартукъ, набилъ трубку, зажегъ ее, сѣлъ рядомъ съ милязимомъ и вздохнулъ.

— Горе, эфэндимъ.

— А чтò такое?

— Жить плохо стало.

— Отчего?

— Да вотъ стали заниматься такими ремеслами, за которыя и въ тюрьмы сажаютъ, и вѣшаютъ, и головы снимаютъ.

— Да, занимаются.

— Прежде этого не бывало.

— Не бывало.

— По тюрьмамъ, бывало, сажали и вѣшали разбойниковъ.

— Это вѣрно.

— Такъ, можетъ быть, комита и разбой одно и то же?

— Тс...—возразилъ милязимъ:—нѣтъ не одно.

— А если не одно, такъ за чтò же ихъ вѣшаютъ и по тюрьмамъ сажаютъ?

— Такъ, *джанэмъ* (голубчикъ), велитъ падишахъ... А какъ онъ прикажетъ, такъ и надо дѣлать, вотъ что!

— Ну, конечно,—согласился мэганджи.

— Еслибы мнѣ приказали отсѣчь тебѣ, джанэмъ, голову, я взялъ бы топоръ и отсѣкъ, вотъ что!

— О... ну, да кому нужна моя голова?

— Не говори такъ, джанэмъ.

— Да вѣдь падишахъ меня не знаетъ.

— Какъ не знаетъ!—протестовалъ милязимъ.

— И въ глаза онъ меня не видалъ.

— Послушай, вотъ я тебѣ объясню: вѣдь *запти* (жандармъ) знаетъ тебя?

— Знаетъ,—отвѣчалъ Пэто.

— Такъ вотъ видишь ли: запти сказалъ о тебѣ агѣ, ага—мудиру, мудиръ—каймакану, каймаканъ—пашѣ, паша—великому визирю, а великій визирь — падишаху. Такимъ образомъ падишахъ знаетъ о всѣхъ и обо всемъ, и еслибы ему захотѣлось твоей головы, онъ только бы сказалъ великому визирю: „голову мэганджи изъ Кривены", и тотчасъ она бы покатила въ мѣшкѣ въ самый Стамбулъ. *Билиръ сэнъ* (понимаешь)?

— Понимаю...—отвѣчалъ Пэто и сдѣлалъ движеніе, указывающее на то, что онъ желаетъ встать.

— Постой-ка, — остановилъ его милязимъ: — ступай въ деревню къ *чорбаджи* (старостѣ) и скажи ему, что пришелъ милязимъ съ шестью низамами, и что Кривена должна ихъ кормить, такъ какъ они не на то служатъ падишаху, чтобы голодать.

— Хорошо,—отвѣчалъ мэганджи.

Во время турецкаго господства существовалъ обычай, по которому всякій пріѣзжающій, предъявивъ старостѣ „тэскеру" (паспортъ), могъ жить на счетъ общины въ продолженіе трехъ дней: общество должно было давать квартиру и харчи. Этимъ обычаемъ всегда пользовались штатскіе и военные турецкіе чиновники. Войско получало продовольствіе только въ казармахъ; всѣ же командированные отряды содержались обществомъ, которое устанавливало чередъ между жителями. Такимъ образомъ милязимъ, посылая къ старостѣ, намекалъ Пэто, жителю Кривены, что и онъ долженъ участвовать въ череду, и какъ хозяинъ дома, въ которомъ гости остановились, долженъ кормить его. Мэганджи понялъ, въ чемъ дѣло, не пошелъ къ старостѣ, а только, войдя въ сѣни, предупредилъ жену, что надо приготовить солдатамъ ѣду. Жена вмѣстѣ съ дочерью немедленно приступила къ работѣ.

Обстановка той половины дома, которую занимала семья мэганджи, нѣсколько отличалась отъ обстановки харчевни. Это была большая комната, въ которой не было ни софъ, находившихся обыкновенно въ квартирахъ зажиточныхъ людей, ни скамей, ни какой бы то ни было другой принадлежности для сидѣнья. Единственными представителями столярной работы былъ здѣсь низенькій круглый столъ, опрокинутый у стѣны, да полки съ кухонной и столовой посудой. Полъ плохо прикрывали истоптанныя рогожи, а у стѣны лежала куча продолговатыхъ подушекъ, набитыхъ соломой съ шерстью и обтянутыхъ съ одной стороны фіолетовымъ узорчатымъ ситцемъ весьма сомнительной чистоты. У одной изъ стѣнъ надъ широкой каменной плитой возвышался каминъ, снабженный внутри перекладинами, къ которымъ при-

крѣплялись цѣпи, поддерживающія мѣдные котелки. У порога на толстомъ деревянномъ гвоздѣ висѣлъ котелъ съ водой и тутъ же жестяной ковшъ. Такова была обстановка комнаты, которая служила въ одно и то же время кухней, спальней, столовой и гостиной.

Три женщины, находившіяся здѣсь, представляли собою три возраста: старческій, зрѣлый и молодой. Старушка сидѣла на полу и пряла шерсть; достойная представительница молодости, девятнадцати- или двадцати-лѣтняя красивая дѣвушка, обладавшая всѣми признаками силы и здоровья, сидѣла рядомъ со старушкой, вышивая красной бумагой по шерстяной ткани; наконецъ женщина въ зрѣломъ возрастѣ занималась хозяйствомъ.

Когда входили низамы, дверь въ горницу была открыта. Хозяйка заперла ее.

— Зачѣмъ?—спросила старушка.

— *Аскерляръ* (солдаты),—послѣдовалъ отвѣтъ.

Старушка съ безпокойствомъ взглянула на молодую дѣвушку. Всѣ три женщины внимательно вслушивались и тревожно посматривали на потаенную дверь, находившуюся въ задней стѣнѣ; но когда въ сѣняхъ стихли отголоски шаговъ, онѣ успокоились.

— Должно быть, изъ Систова въ Рущукъ идутъ или изъ Рущука въ Систово,—замѣтила хозяйка.—Напьются кофе и уйдутъ.

— Дай Господи!—отвѣчала старушка,—но...

— Что такое, *баба* (бабушка)?—спросила дѣвушка, замѣтивъ, что старуха не договариваетъ.

— Аскеръ всегда къ несчастью...—отвѣчала она.

— То-есть, когда онъ грабитъ.

— Аскеръ всегда къ несчастью...—повторила старушка.

— Вѣдь они уйдутъ?

— Уйдутъ!.. можетъ быть, и уйдутъ... дай, Господи!.. Но появленіе ихъ, какъ и появленіе покойника, когда онъ изъ гроба подымается и идетъ къ живымъ—плохое предзнаменованіе.

— Баба, баба!..—повторяла испуганная дѣвушка.

— И почему имъ не сидится въ Систовѣ или Рущукѣ, если имъ тамъ хорошо!

— Вѣдь дорога изъ Систова въ Рущукъ проходитъ мимо насъ,—замѣтила хозяйка, которая, предвидя, должно быть, что надо будетъ готовить на низамовъ, суетилась около камина.

— Аскеръ всегда къ несчастью, — заключила старушка и замолчала. Она даже ничего не отвѣтила хозяйкѣ, когда та, услыхавъ въ сѣняхъ шаги, заглянула въ окно и сообщила, что передъ мэганой поставили часового. Старушка только вздохнула.

Пэто, войдя въ сѣни, обратился къ женѣ:

— Ѣды для семи аскеровъ. Пусть Марійка собирается вечеромъ въ Драганицу.

У хозяйки всѣ припасы были заготовлены; надо было, слѣдовательно, позаботиться о лепешкѣ. Ну, да за этимъ дѣло не станетъ. Пока готовились кушанья, дѣвушка замѣсила тѣсто и сдѣлала большую лепешку; хозяйка натыкала ее довольно часто ручкой деревянной ложки, потомъ очистила на очагѣ кругъ, положила на него лепешку и, присыпавъ золой, стала готовить столъ. Приготовленіе стола заключалось въ слѣдующемъ: покрывъ скатертью, она поставила на него подносъ, одинаковой съ нимъ величины, а на подносъ: солонку, перечницу, нѣсколько небольшихъ тарелокъ, на одной изъ которыхъ былъ жареный горохъ, на другой маслина, кромѣ того положила деревянныя ложки, а по срединѣ поставила миску съ пирамидально возвышающимся пилавомъ. Когда все было готово, хозяйка, обращаясь къ матери, сказала:

— Мойка!

Старушка встала не безъ труда, отложила въ сторону кудель, взяла столъ съ ѣдой и вышла съ нимъ въ сѣни. Здѣсь встрѣтилъ ее мэганджи.

— Будутъ ѣсть на дворѣ,—сказалъ онъ.

Старушка остановилась и ждала, пока мимо нея не прошелъ весь отрядъ. Шедшій позади всѣхъ милязимъ посмотрѣлъ на нее и, обращаясь къ Пэто, спросилъ:

— Что же, у тебя нѣтъ ни *булки* (молодой женщины), ни *момицы* (дѣвушки)?

— Нѣтъ, эфендимъ.

— Вѣдь ты, *джанэмъ* (голубчикъ), вѣроятно, женатъ, — допрашивалъ турокъ, направляясь къ тѣнистому орѣху, стоявшему около мэганы.

— Эвэтъ (да), эфендимъ,—отвѣчалъ Пэто.

— Почему же не *булка* несетъ намъ ѣду?

— Моя *старуха* нездорова.

Онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ „старуха", желая заявить, что жена его не *булка*, до которыхъ турки были большіе охотники, предпочитая ихъ даже дѣвушкамъ. Со времени изданнаго Абдулъ-Мэджидомъ *танзимата*, законъ охранялъ дѣвушекъ, а слѣдовательно офицеру съ столь низкимъ чиномъ, какъ милязимъ, не безопасно было связываться съ ними. Высшіе чины могли, конечно, нарушать законъ, но милязимъ за такую штуку могъ поплатиться. Нѣсколько примѣрныхъ наказаній обуз-

дали тогда порывы этихъ господъ и заставили ихъ нѣсколько осторожнѣе обращаться по крайней мѣрѣ съ дѣвицами. Законъ этотъ не касался *булокъ*, которыя, какъ казалось господствующему народу, вполнѣ могли считаться общимъ достояніемъ.

Милязимъ и всѣ низамы усѣлись въ тѣни орѣха въ кружокъ; тогда мэганджи, взявъ у старухи столикъ, поставилъ его между ними. Старуха принесла завернутую въ полотенце лепешку, а мэганджи пошелъ за мыломъ, тазомъ и водой. Помыли руки. Лепешку передали милязиму, который, разломавъ ее, положилъ передъ каждымъ низамомъ по горячему, дымящемуся куску. Турки, обдувая пальцы, стали отламывать по кусочку лепешки, скатывать его въ шарикъ и глотать. Такихъ шариковъ одинъ проглотилъ два, другой три. Наконецъ милязимъ сталъ пальцами ѣсть пилавъ, подавая такимъ образомъ сигналъ своимъ подчиненнымъ, которые дружно пошли на приступъ. Всѣ ѣли и отъ времени до времени запивали водой, передавая кувшинъ изъ рукъ въ руки.

II.

Близъ кривенской мэганы подъ тѣнью орѣха воины султана достодолжно подкрѣплялись. Пэто не скупился, хотя очень хорошо зналъ, что за все это ни „парички" не получитъ. Хозяйка одного пилаву столько наготовила, что семь человѣкъ могли до сыта наѣсться. Но пилавъ былъ только первымъ блюдомъ, послѣ котораго появилась чорба: кисловатая похлебка со сметаной, въ которой плавали куски мяса; за чорбой слѣдовалъ соусъ, посыпанный толченымъ турецкимъ перцемъ; потомъ вареныя яйца, тоже съ турецкимъ перцемъ; послѣ яицъ подали жареную козлятину. Турки разстегнули не только мундиры, но все, что можно было разстегнуть, и медленно, съ разстановкой, но усердно уплетали дары божьи, стараясь, чтобъ въ мискахъ ничего не оставалось. Задача была нелегка, но пока силы не измѣняли имъ. Они только вздыхали, сопѣли, пыхтѣли, а дѣло справляли успѣшно. Прислуживали имъ старушка и самъ мэганджи: она уносила и приносила миски, онъ убиралъ пустыя и ставилъ на столъ полныя.

Во время ѣды на мосту вдругъ появилось нѣсколько человѣкъ. Прежде всѣхъ увидѣлъ ихъ онбаши; онъ осторожно толкнулъ локтемъ милязима:

— Смотри,—проговорилъ онъ.

— Что, милый мой? — спросилъ тотъ, переводя глаза на мостъ:—люди какіе-то...

— Не комита ли?—шепнулъ онбаши.

— Увидимъ... Вѣдь мимо насъ пройдутъ.

Вскорѣ приблизились путники. Въ кучкѣ ихъ было человѣкъ двѣнадцать разнаго пола и возраста. Трое дѣтей шли сами; двухъ малютокъ, завернутыхъ въ куски толстой холстины, несли на плечахъ женщины; еще три женщины съ трудомъ тащили тюки въ грязныхъ попонахъ, а одна очень старая женщина шагала, опираясь на длинную палку, торчавшую въ ея рукѣ; мужчина подгонялъ осла, а двое другихъ шли рядомъ.

— *Чингонляръ* (цыгане),—сказалъ онбаши.

— Ну, видишь, что не комита,—отвѣчалъ милязимъ.

Цыгане подошли довольно близко и остановились. Женщины сняли съ себя ношу и положили на землю. Вся группа выстроилась передъ турками во фронтъ; собственно говоря, ни порядку, ни стройности не было въ этомъ фронтѣ, а было лишь то, что молодые и старые, женщины и мужчины, всѣ, однимъ словомъ, устремили взоры на столикъ, за которымъ сидѣли воины султана.

— Эге?—произнесъ вопросительно онбаши.

Милязимъ, глодавшій въ то время кость, швырнулъ ее цыганамъ, которые съ яростью набросились на добычу; первый схватилъ ее ребенокъ, но одна изъ женщинъ вырвала у него кость; мужчина, въ свою очередь, ухвативъ женщину за руку, старался отнять лакомый кусокъ. Онбаши бросилъ вторую кость, одинъ изъ солдатъ—третью, другой—голову козленка. Между цыганами началась свалка. Зрѣлище это очень забавляло турокъ: они смотрѣли, смѣялись; какъ только цыгане успокаивались, имъ бросали новый кусокъ, изъ-за котораго начиналась новая борьба. Цыгане и цыганки катались по землѣ, а турки громко смѣялись и восклицаніями ободряли борцовъ.

— Молодецъ баба, не поддавайся!.. души его... вотъ такъ, за горло!

— Ай да мужикъ!.. дуй бабу!..

Во время борьбы и катанія по землѣ этихъ людей туловища ихъ принимали положенія, оскорблявшія не только приличіе, но и нравственность. Воины въ такихъ случаяхъ приходили въ изступленіе; офицеръ и его подчиненные смѣялись до слезъ и выкрикивали:

— Ай да!.. еще, еще!..

Щедрость ихъ увеличивалась. Мэганджи принесъ дессертъ: каймакъ (варенецъ), халву и рахатлакумъ. Каймакъ неудобно было швырять, зато халвы и рахатлакума турки совсѣмъ не ѣли, а все побросали цыганамъ.

Наконецъ мэганджи не ставилъ больше новыхъ кушаній. Цыгане столпились въ кучку и будто ждали чего-то.

Внимательный наблюдатель безъ труда замѣтилъ бы, что вся эта травля, которую устроили цыгане, носила характеръ представленія, въ которомъ нисколько не было правды. Они по-просту разыгрывали комедію, чтобъ получить крохи съ господскаго стола. Ѣды не стало, и представленіе кончилось. Старая цыганка, отдѣлившись отъ кучки, не замедлила подойти къ столу и, остановившись передъ милязимомъ, стала что-то шептать.

— Гм... я вижу, старуха, тебѣ „паричекъ“ захотѣлось,—замѣтилъ офицеръ.

— Подайте, батюшка... будьте милостивы... Аллахъ отдастъ вамъ на томъ свѣтѣ.

— Развѣ мы мало роздали ѣды?

— Не мнѣ, голубчикъ... не мнѣ, котикъ... я стара, вотъ видишь... молодые все отняли... Подайте старухѣ, а Монляиръ и Нанкиръ все запишутъ и припомнятъ вамъ, хотя бы вы сами забыли.

— Что же тебѣ даромъ давать, что-ли? — спросилъ одинъ солдатъ.

— Не даромъ, миленькій, не даромъ: я такое слово знаю, что какъ бы ты ни прыгалъ, а не надорвешься... умѣю болѣзни всякія исцѣлять и гадать умѣю.—Турки не охотники до гаданія, они слишкомъ вѣрятъ въ предопредѣленіе, чтобъ заботиться о будущемъ; чтò въ книгахъ записано, говорятъ они, тò и случится, а чтò не записано, тому не бывать. Поэтому милязимъ равнодушно слушалъ цыганку, а потомъ, указывая на ея товарищей, спросилъ:

— Есть у нихъ музыка?

— Есть, джанэмъ,—отвѣчала старуха.

— Э...—онъ посмотрѣлъ на солдатъ и предложилъ: не выпить ли намъ ракú?

Онбаши вздохнулъ и солдаты вздыхали, а одинъ такъ будто застоналъ.

— Такъ что же? какъ вы думаете?—спрашивалъ милязимъ.

— Не дурно бы,—отвѣтили они.

— Вѣдь *ракú* (водка) не *шаропъ* (виноградное вино),—бормотала цыганка.

Пророкъ запретилъ правовѣрнымъ пить вино, а про водку ни слова нѣтъ въ коранѣ.

— Такъ вотъ чтò,—началъ милязимъ.—Мэганджи поставитъ намъ ракú, а цыгане пусть играютъ, поютъ и танцуютъ... тогда,—

прибавилъ онъ, видя, что старуха все стоитъ,—быть можетъ, и деньги найдутся.

— Хорошо, голубчикъ... сыграютъ они и потанцуютъ,— промолвила старуха и ушла.

— Какой водки?—спросилъ Пэто.

— Мастики,—отвѣчалъ милязимъ, и никто не возражалъ.

Нѣсколько минутъ спустя на столѣ появилась бутылка, кувшинъ съ водой и для каждаго особый стаканчикъ. Мэганджи взялъ бутылку, налилъ изъ нея свѣтлой жидкости по одной трети стаканчика, потомъ долилъ ихъ водой, послѣ чего прозрачная жидкость помутилась и стала бѣлой, какъ молоко. Напиткомъ этимъ—скажемъ въ скобкахъ: чрезвычайно вкуснымъ и обладающимъ смолистымъ запахомъ—восточные жители напиваются до положенія ризъ, а бѣлый его цвѣтъ, символизирующій невинность, дѣлаетъ его еще болѣе опаснымъ. Турки чрезвычайно любятъ его.

Одновременно съ появленіемъ на столъ мастики раздались звуки цыганской музыки. Это была музыка не венгерскихъ цыганъ, которые преподносятъ намъ марши, чардаши и даже сочиненія Листа, но самая первобытная, состоявшая изъ повторенія въ тактъ монотонной мелодіи. Незамысловатые инструменты состояли изъ барабанчика и дудки. Одинъ цыганъ взялъ дудку въ ротъ, другой взмахнулъ тамбуриномъ и раздались непріятные, рѣжущіе уши звуки. Послѣ непродолжительнаго ритурнеля началась заунывная пѣснь, всякій куплетъ которой начинался и оканчивался повторяющимся по нѣскольку разъ: „аманъ (увы)!“

„Аманъ, аманъ, аманъ!..—стоналъ пѣвецъ:—у дѣвицы черные глаза... аманъ, аманъ, аманъ!.. Аманъ, аманъ, аманъ, черные какъ уголь глаза! аманъ, аманъ, аманъ“... и такъ далѣе. Во время воспѣванія черныхъ глазъ выступила цыганка и, сдѣлавъ кругъ, остановилась въ томъ мѣстѣ, откуда вышла; тотчасъ выступила другая, третья, четвертая, пятая, и всѣ повторяли то же самое. Изъ этихъ пяти женщинъ, покрытыхъ лохмотьями, двѣ имѣли видъ дѣвушекъ. Всѣ были худы, истощены, со смуглыми лицами, бѣлыми губами, горящими лихорадочнымъ огнемъ глазами и черными растрепанными волосами. Когда выступили, всѣ онѣ начали подпрыгивать, топать ногами и выдѣлывать туловищами непристойныя движенія. Турки созерцали все это съ величайшимъ удовольствіемъ, особенно когда женщины вертѣлись и босыми подошвами ударяли одна другую по обнаженнымъ мѣстамъ. Звуки этихъ ударовъ, напоминавшіе пощечину, приводили зрителей въ восторгъ. Воины пили мастику и веселились. Пред-

ставленіе, однако, кончилось, и старая цыганка снова приблизилась къ столу.

— Паричекъ хочешь? — спросилъ милязимъ: — паричекъ?.. Почему это у васъ медвѣдя нѣтъ?

— Издохъ медвѣдь нашъ, джанэмъ, издохъ,—отвѣчала старуха, вздыхая.

— Еслибъ на медвѣдя посмотрѣть, тогда бы и *гурушъ* нашелся (гурушъ—двадцать сантимовъ).

— Я бы тоже далъ...—подхватилъ одинъ изъ солдатъ.

— И я бы далъ,—повторилъ каждый по очереди.

Вдругъ онбаши снова толкнулъ милязима въ бокъ и указалъ ему на мостъ.

— Э?.. что такое?—спросилъ начальникъ.

— Какой-то человѣкъ... Не комита ли?

Милязимъ посмотрѣлъ и, указавъ на одного изъ низамовъ, велѣлъ ему стать на часахъ. Низамъ исполнилъ приказаніе: всталъ, застегнулся, взялъ въ руки ружье и едва занялъ постъ, какъ съ мэганой поравнялся прохожій, котораго наружность совсѣмъ не казалась ему подозрительной. На немъ были кожаные лапти и онучи, обвивавшіе ноги до колѣнъ, на плечахъ—*габа* (неуклюжая крестьянская одежда) изъ толстаго сукна, на головѣ баранья шапка, называемая *кылпакомъ*, которая придавала ему видъ подвижного гриба. Неуклюжесть его была поразительна и какъ будто даже искусственна, а глуповатая гримаса на лицѣ не соотвѣтствовала смышленому и даже умному выраженію глазъ.

Когда прохожій приблизился, покачиваясь, какъ утка, на своихъ толстыхъ ногахъ, часовой крикнулъ:

— *Дуръ* (стой)!.. пойди сюда!

Прохожій остановился, посмотрѣлъ исподлобья на часового и будто самъ не зналъ, что̀ ему дѣлать.

— *Гіель бурда* (пойди сюда)!—снова крикнулъ часовой.

Крестьянинъ повиновался. Часовой взялъ его за воротъ, привелъ къ столу и пустилъ. Милязимъ посмотрѣлъ, и еслибы не пилъ мастики, то, конечно, замѣтилъ бы, какъ крестьянинъ взглянулъ исподлобья на мэганджи и какъ мэганджи посмотрѣлъ на него. Этотъ обмѣнъ взглядовъ былъ весьма краснорѣчивъ и замѣнилъ вопросъ и отвѣтъ. Но никто не замѣтилъ этого, и никто, кромѣ цыганки, не могъ замѣтить. Она же смотрѣла только на крестьянина, но, казалось, ничего не примѣчала.

— Откуда ты?—спросилъ милязимъ.

Крестьянинъ переступилъ съ ноги на ногу, пошаталъ головой и началъ:

— Я и...и...и... изъ п-п-п-поян-н-н-ны.

Онъ сильно заикался.

— Ты чѣмъ занимаешься?

— Я па-па... сссстухъ.

— А комитой не занимаешься?

— Ббб... ппп... ббб...

Онъ ничего не могъ произнести.

— Знаешь ли, что̀ такое комита?

— Ннн... нѣтъ.

Отвѣчая, онъ дѣлалъ такія движенія и гримасы, что наблюдавшій за нимъ онбаши промолвилъ:

— Вотъ медвѣдь!

— Право, это медвѣдь,—повторилъ милязимъ.

Крестьянинъ въ это время вздохнулъ, но во вздохѣ этомъ послышалось что-то звѣриное.

— Вотъ медвѣдь! — сказалъ милязимъ, обращаясь къ цыганкѣ:—пусть танцуетъ... я вамъ его дарю... — Танцуй! — сказалъ онъ крестьянину: — а то я изъ тебя комиту сдѣлаю и въ тюрьму засажу...

Когда онъ произносилъ послѣднія слова, между мэганджи и крестьяниномъ произошелъ новый обмѣнъ взглядовъ, послѣ чего послѣдній глухо зарычалъ.

— Берите его... пусть танцуетъ! Танцуй, медвѣдь! танцуйте, цыгане! Дружно!—кричалъ милязимъ, развеселенный мастикой, которую мэганджи безпрестанно подливалъ.

Это вполнѣ опредѣленное приказаніе было немедленно приведено въ исполненіе. Одинъ изъ цыганъ подошелъ къ крестьянину и далъ ему въ руки палку, потомъ надѣлъ на него арканъ, а между тѣмъ двое другихъ выступили съ музыкой. Запищала дудка, загремѣлъ тамбуринъ; цыганки одна за другой выступили въ прежнемъ порядкѣ, и опять начался дикій балетъ, съ тою только разницей, что въ серединѣ круга, по которому плясали цыганки, подпрыгивалъ и рычалъ болгарскій крестьянинъ, изображавшій медвѣдя. Воины до слезъ хохотали, а по временамъ среди рева импровизированнаго медвѣдя, среди треска барабана и рѣзкихъ звуковъ дудки раздавались одобрительныя восклицанія изъ среды доблестнаго воинства. Вскрикивалъ милязимъ, кричали подчиненные, и веселье это продолжалось около получаса, послѣ чего турки сдержали слово и вознаградили цыганъ. Это произошло весьма оригинальнымъ образомъ. Когда старая цыганка снова приблизилась, милязимъ вынулъ изъ кармана кошелекъ, взялъ изъ кошелька монету и подозвалъ цыганку; она нагнулась, а онъ, сильно наслю-

нивъ монету съ одной стороны, прилѣпилъ ее ко лбу старухи. То же самое сдѣлалъ онбаши и всякій изъ солдатъ. Цыганка съ облѣпленнымъ монетами лбомъ встала, смахнула въ руку деньги, отдала одному изъ мужчинъ, и цыгане начали собираться въ путь. Но передъ уходомъ они столпились у дверей мэганы и просили напиться. Мэганджи принесъ имъ ведро воды и ковшикъ, а кромѣ того вынесъ хлѣба. Они благодарили, прославляли его доброту, желали ему всѣхъ земныхъ благъ, а между тѣмъ поспѣшно удалялись; спѣшили потому, что украли ковшикъ и хотѣли подальше уйти, пока Пэто замѣтитъ покражу. Ихъ опасенія были тщетны; пока они занимались ковшикомъ, мэганджи занялся крестьяниномъ, представлявшимъ медвѣдя. Онъ старался скрыть его отъ взоровъ низамовъ. Исчезли цыгане—исчезъ крестьянинъ. И только низамы остались подъ орѣхомъ, но и ихъ вскорѣ можно было считать исчезнувшими, такъ какъ еще до заката солнца умъ ихъ, память и всѣ органы чувствъ были стушеваны мастикой. Мэганджи принесъ изъ избы подушки, и они уснули; даже часовой заснулъ и не караулилъ болѣе. Семь носовыхъ трубъ подъ аккомпаниментъ жужжанія комаровъ, гудѣнія жуковъ, кваканья жабъ, лая собакъ и мычанія скота исполняли концертъ спанья, а между тѣмъ рѣка шумѣла характернымъ ночнымъ шумомъ.

Сытые и пьяные воины спали богатырскимъ сномъ. Врядъ ли пушечные выстрѣлы или даже призывная труба архангела Гавріила разбудили бы ихъ. Сонъ ихъ сталъ крѣпче всего въ то время, когда на восточной сторонѣ горизонта появилась свѣтлая полоса—предвѣстница зари. Тогда одна изъ представительницъ толстокожей породы подошла къ головѣ милязима и, похрюкивая, обнюхала его носъ и ротъ, прикасаясь къ нимъ непосредственно своимъ пятакомъ, а потомъ стала чего-то искать подъ головой милязима, откидывая ее рыломъ. Онъ только ворчалъ и, не просыпаясь, обращался къ ней съ возгласами:

— Играй... танцуй... танцуй, танцуй...—наконецъ махнулъ рукой, и свинья отошла.

Свидѣтелями этой сцены были мэганджи, хозяйка, старая ея мать, молодая дѣвушка и какой-то молодой человѣкъ, одѣтый въ пальто, фесъ, панталоны и сапоги *а-ла-франка*. Удивительно, откуда онъ появился?

Это случилось вотъ какимъ образомъ.

Послѣ вышеописаннаго балета съ медвѣдемъ, пока цыгане занимались ковшомъ, крестьянинъ, представлявшій медвѣдя, проскользнулъ въ мэгану и направился не въ кофейню, а въ квартиру хозяевъ. Лишь только успѣлъ онъ войти, какъ очутился въ

объятіяхъ хозяйки, которая называла его Стояномъ, а онъ ее матерью. Старуху звалъ онъ также матерью, только „старой“. Когда она спросила, почему онъ такъ долго не пріѣзжалъ, онъ отвѣтилъ, уже нисколько не заикаясь:

— Работы было очень много, старая мойка... и побывалъ я не въ одномъ мѣстѣ.

— Вѣдь вотъ ужъ полгода тебя не видать!

— Въ эти полгода я еще далеко не все сдѣлалъ...

— Гдѣ же ты былъ?—спросила дѣвушка.

— Гдѣ только меня не было! Въ Румеліи, въ Македоніи, въ Сербіи, въ Румыніи... ну, и Болгарію исходилъ вдоль и поперекъ.

— Но вѣдь ты усталъ и голоденъ,—замѣтила хозяйка.

— И голоденъ, и усталъ,—отвѣчалъ онъ:—сегодня иду съ самаго утра, и вмѣсто того, чтобы отдохнуть, надо было еще играть передъ турками комедію... Это меня бѣсило больше всего.

— Дитя мое... родной мой!..—восклицала хозяйка, укладывая подушку передъ каминомъ.—Садись вотъ здѣсь, отдохни.

— Нѣтъ, я ужъ прежде переодѣнусь,—и, сказавъ это, онъ снялъ шапку, что̀ вполнѣ преобразило его наружность. Гусеница сдѣлалась бабочкой. Онъ не былъ красивъ, но и не дуренъ собою: брюнетъ, съ правильными чертами лица, а главное, съ тѣмъ смышленымъ выраженіемъ, которое даже некрасиваго мужчину дѣлаетъ привлекательнымъ. Волосы у него были коротко подстрижены, а усы указывали, что лѣта юности уже прошли. По наружности ему можно было дать лѣтъ двадцать-пять или двадцать-восемь.

— Ты хочешь переодѣваться?—нѣсколько тревожно спросила хозяйка.

— Да, изъ силъ просто выбился.

— А если солдаты тебя увидятъ?

— Вѣдь они сюда не придутъ.

— Ну... я боюсь... надо спросить, что̀ отецъ скажетъ...— Мойка,—обратилась она къ старушкѣ:—иди, спроси.

Старушка ушла, а нѣсколько спустя появился Пэто. Хозяйка объяснила ему, въ чемъ дѣло, и прибавила, что она боится.

— Э...—съ пренебреженіемъ отвѣчалъ Пэто:—теперь милязиму можно бы комиту на носъ посадить, и то бы онъ ее не примѣтилъ.

— Такъ они сюда за комитетомъ пришли?—спросилъ Стоянъ.

— Ну, да, только сами не знаютъ, какое это *ремесло*.

— Ремесло?

— Ну, да, по ихнему это ремесло такое.

— Почему же поставили здѣсь часового?

— По ихъ словамъ я заключилъ, что систовскій каймаканъ получилъ изъ Рущука приказъ поставить стражу на всѣхъ мостахъ Янтры—вотъ и пришелъ сюда милязимъ съ шестью низамами... Однако мнѣ пора къ туркамъ вернуться... надо ихъ заставить выпить всю бутылку мастики; тогда будетъ покой. Тогда можно бы передъ ними весь комитетъ съ музыкой провести, и то бы они ничего не замѣтили. Пусть переодѣвается!—сказалъ онъ женѣ и ушелъ.

Стоянъ сѣлъ на подушку и началъ разуваться.

— Я бы тебѣ помогла,—сказала, подойдя къ нему, сестра.

— Хорошо, только ты поосторожнѣе развертывай онучи: въ нихъ много всякихъ записокъ, которыя должны быть цѣлы.

Дѣвушка стала развязывать веревки и ремешки и осторожно разматывала сначала шерстяныя, потомъ холщевыя онучи; между ними были и письма въ конвертахъ, и просто куски исписанной бумаги. Конверты эти и записки были невелики и очень мелко исписаны. Все найденное она передавала брату, а онъ клалъ эти документы около себя. Развернула одну ногу, принялась развертывать другую; въ ней тоже находила бумаги. Кончивъ свое дѣло, она взяла въ руки обѣ ноги брата и, нагнувшись, поцѣловала ихъ.

— Что̀ ты дѣлаешь, Марійка!—крикнулъ молодой человѣкъ, отдергивая ноги.

Дѣвушка ничего не отвѣчала. Встала и начала смотрѣть въ сторону камина.

— Что̀ это ты, съума сошла?—обратился къ ней братъ.

— Нѣтъ, я подумала, что твои ноги... носятъ тебя.

— Да вѣдь всякаго человѣка ноги носятъ.

— Да, но не всякаго туда, куда твои тебя... Ахъ, Стоянъ!—вздохнула она.

— Ну, что-жъ такое?.. я вѣдь только обязанность свою исполняю.

— Обязанность?—удивленно спрашивала старушка, усаживаясь около него.—Да вѣдь ты не болгаринъ!

— А ты, старая мойка, тоже не болгарка?

— Я?.. конечно, болгарка.

— А мать моя?

— Ну, и мать болгарка.

— И я, и мой отецъ вскормлены болгарскимъ молокомъ, болгарскимъ хлѣбомъ, мы здѣсь выросли, такъ неужели мы ни-

чѣмъ не обязаны тому краю, который принялъ насъ какъ родныхъ сыновей?

— Надо любить... — отвѣчала старуха.

— А что бы ты сказала, еслибъ тотъ, кто былъ принятъ въ семью, стоялъ сложа руки во время пожара и говорилъ бы о своей любви? Нѣтъ, старая мойка, ты бы такъ не поступила!

— Боюсь за тебя, дитя мое,—отвѣчала старуха, вздыхая.

— Это другой уже вопросъ, и теперь я тебѣ скажу, что нечего тебѣ бояться.

— Да вѣдь такихъ, какъ ты, турки казнятъ.

— А развѣ ты не знаешь, что смерть порождаетъ жизнь? Такими казнями турки сами себѣ вредятъ.

— А по мнѣ, тебѣ бы лучше торговлей заниматься.

— Я бы и занимался. Но какая-то непреодолимая сила связываетъ меня съ этой молодежью, которая съ опасностью жизни сѣетъ между людьми зерна освобожденія, и я убѣжденъ, что посѣвъ этотъ дастъ прекрасную жатву.

— Дай, Господи!.. Благослови же васъ Христосъ! — прибавила старуха и замолчала.

— Марійка, принеси мнѣ одежду!—сказалъ Стоянъ сестрѣ.

Дѣвушка подошла къ врѣзанному въ стѣну шкафу, отворила его и стала въ немъ шарить. Тѣмъ временемъ Стоянъ скинулъ крестьянское платье, изъ-подъ котораго вынулъ револьверъ; когда сестра принесла ему все необходимое, онъ началъ переодѣваться, и скоро былъ готовъ. Крестьянинъ, представлявшій медвѣдя, ничѣмъ теперь не напоминалъ его. Стоянъ обутъ былъ въ штиблеты, пальто на плечахъ, и только фесъ указывалъ на принадлежность его къ мѣстности, находившейся подъ владычествомъ турокъ. Впрочемъ даже европейцы, проживающіе въ Турціи, перенимаютъ этотъ головной уборъ. Неудобенъ онъ, отъ солнца не защищаетъ, но... вошелъ въ употребленіе, и всѣ слѣдуютъ обычаю.

Стоянъ переодѣлся, сѣлъ на подушку и сказалъ.

— Теперь я будто отдохнулъ.

Хозяйка занималась приготовленіемъ ужина, и только изрѣдка съ любовью посматривала на сына.

— Ты, кажется, сталъ выше,—сказала она.

— Вѣдь не выросъ же я, — отвѣчалъ сынъ.

— Конечно, нѣтъ, но мнѣ что-то кажется...

— Нѣтъ, не выросъ,—сказала старушка.

— Ахъ, выросъ онъ, выросъ!—промолвила дѣвушка.

— Ну, что ты... нѣтъ, не выросъ...—возражали бабушка съ матерью.

— Выросъ!.. — настаивала дѣвушка, глядя на брата съ такимъ выраженіемъ, въ которомъ можно было прочесть значеніе ея словъ. Она сама не съумѣла бы передать словами смыслъ своего взора, но чувствовала, что братъ выросъ въ нравственномъ отношеніи.

— Э!.. — произнесъ вошедшій въ горницу Пэто, — теперь *аскеры* (солдаты) на всю ночь готовы. Самъ султанъ не заставилъ бы ихъ встать — вотъ какъ на нихъ подѣйствовала мастика. — Онъ сѣлъ передъ каминомъ и въ продолженіе нѣкотораго времени выдѣлывалъ туловищемъ какія-то движенія, какъ лошадь запряженная въ тѣсный хомутъ, потомъ успокоился, досталъ изъ-за пасухи кисетъ, набилъ себѣ трубку, а кисетъ передалъ сыну.

— Не надо, — сказалъ Стоянъ.

— Тамъ есть папиросная бумажка.

— Я не курю.

— Что же такъ? вѣдь ты курилъ?

— Курилъ, да бросилъ.

— Бр... бр... — удивлялся Пэто. Онъ взялъ горячій уголекъ, закурилъ трубку и спросилъ: — Почему-жъ ты бросилъ курить?

— Я разсчиталъ, что за тѣ деньги, которыя истратишь на табакъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, можно купить книгу или револьверъ.

— Книгу или револьверъ... — повторилъ мэганджи: — развѣ это одно и то же?

— Да, въ нихъ много общаго: и то, и другое служитъ средствомъ борьбы противъ турокъ... Со мной всегда револьверъ, и имъ я буду защищаться отъ заптіевъ, если они вздумаютъ арестовать меня; а книгой мы подкапываемъ турецкое владычество.

— И надѣетесь подкопать?

— Конечно, не подкопаемъ, если не будемъ копать, — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Да, вѣрно... вѣрно, — отвѣчалъ мэганджи. — Сложа руки никогда ничего не дождешься. Это правда.

— У турокъ противъ книги нѣтъ оружія.

— Но противъ револьверовъ есть.

— Да, пока есть.

— Я только не понимаю, — замѣтилъ Пэто, — почему они съ вашими книгами не воюютъ своей книгой?

— Есть у нихъ книги, только зарядить ихъ нечѣмъ. Револьверъ можно зарядить пулей и порохомъ, а книгу — правдой и справедливостью.

— Угу... — бормоталъ мэганджи. — Можетъ быть, онъ и не

понялъ сравненія, съ помощью котораго сынъ старался объяснить ему свою мысль.

Молодая дѣвушка, очевидно, поняла брата; она пристально смотрѣла на него и слѣдила за каждымъ его словомъ. Она стояла неподвижно въ полузабытьѣ, и Богъ знаетъ, какъ долго простояла бы, еслибъ мать, повторившая уже два раза одно и то же слово, не толкнула ее пальцемъ, говоря въ третій разъ:

— Трапэза (столъ)!

Дѣвушка будто проснулась, побѣжала за стаканомъ и начала готовить къ ужину. Нѣсколько минутъ спустя столикъ былъ накрытъ, семья окружила его, и начался ужинъ.

III.

Судьба Болгаріи представляетъ много любопытнаго. Нѣкогда, какъ извѣстно, она была не только государствомъ, но даже великой державой, потомъ пала, и нѣтъ въ этомъ ничего удивительнаго—такова судьба многихъ великихъ державъ. Послѣ паденія Болгаріи всѣ объ ней забыли, и она сама забыла о себѣ. Ее такъ основательно забыли, что ни въ исторіи, ни въ географіи, ни въ статистикѣ, ни въ этнографіи, ни въ литературѣ и помину объ ней не было. Болгаръ причислили къ той же категоріи, какъ и половцевъ, печенѣговъ, хозаръ, и ученые представляли ихъ себѣ обитателями Геродотовой Скиѳіи, а названіе турецкой провинціи считали просто административнымъ названіемъ. Однимъ словомъ, всѣ забыли про Болгарію, а главное она сама забыла про себя. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія болгаринъ не считалъ себя болгариномъ: это былъ просто „райя" по праву, по обязанности, по рожденію, и никто лучше, аккуратнѣе, совершеннѣе его самого не мирился съ совершившимися фактами и не приноравливался къ обстоятельствамъ.

Такая-молъ ужъ судьба: собака родилась собакой, а райя —райей! Вѣдь съ судьбой ничего не подѣлаешь: болгаринъ и мирился съ нею съ примѣрной покорностью, и былъ самымъ вѣрноподданнымъ слугой падишаха. Волновались и протестовали греки, сербы, албанцы; болгарская территорія бывала театромъ войнъ; Турція начала разлагаться, а болгары оставались все такими же вѣрноподданными, и только около 1850 года начала зарождаться въ нихъ потребность свободы. Но стоило ей только зародиться, и жизнь быстро пошла впередъ. Зерно народной независимости, скрытое гдѣ-то въ глубинѣ, не проростало въ продолженіе нѣсколькихъ

вѣковъ, и вотъ теперь ростокъ сталъ развиваться съ удивительной силой и быстротой, а съ помощью печати распространялъ корни и вѣтви по всей странѣ! Появились совершенно новые вопросы. Болгары стали поговаривать о народной церкви и о политическихъ правахъ. Первымъ вопросомъ занялась цареградская печать; второй вопросъ разбирался въ книгахъ, брошюрахъ и журналахъ, писанныхъ и издаваемыхъ за границей. Извнѣ и изнутри все начало будить народъ отъ вѣкового сна; въ сущности же онъ самъ просыпался. Пробуждались различные общественные классы, но преимущественно оживали мѣщане и крестьяне, и въ народѣ появилось новое, незнакомое ему чувство: любовь къ родинѣ. Родина! Эта идея и не существовала для болгаръ до 1850 года. Въ слѣдующемъ десятилѣтіи она начала зарождаться. Между 1860 и 1870 г. ознаменовала себя дѣломъ, а въ семидесятыхъ годахъ искупалась въ крови. Въ продолженіе трехъ десятилѣтій она такъ выросла, окрѣпла и расцвѣла, что молодежь безумно увлекалась ею, всецѣло поддаваясь вліянію того чарующаго романтизма, который требуетъ жертвъ и укрѣпляетъ характеры.

Такимъ романтикомъ былъ Стоянъ, сынъ кабатчика изъ Кривены. Во время необдуманной, отчаянной вспышки хаджи Димитра (1868 г.) онъ былъ еще подросткомъ и не участвовалъ въ дѣлѣ только по независящимъ отъ него обстоятельствамъ. Онъ тогда учился въ Бухарестѣ, а его заблаговременно не увѣдомили, потому что принимали за *маломомчэ* (мальчишку). Самъ же онъ считалъ себя человѣкомъ вполнѣ способнымъ жертвовать жизнью для блага родины. Узнавъ о печальномъ исходѣ предпріятія, Стоянъ пошелъ къ одному изъ членовъ болгарскаго комитета, засѣдавшаго въ столицѣ Румыніи, и спросилъ:

— Почему меня своевременно не извѣстили?

— Да вѣдь тебѣ не больше семнадцати, восемнадцати лѣтъ.

— Но вѣдь я крѣпокъ и здоровъ.

— Впрочемъ,—прибавилъ членъ комитета: — это было безумное предпріятіе.

— Безумное предпріятіе?!—воскликнулъ онъ въ негодованіи.

— Они безполезно пропали.

— Безполезно?!

Онъ пришелъ въ изступленіе: выбѣжалъ, плакалъ и долго не могъ успокоиться. Почему ему не пришлось раздѣлить участь хаджи Димитра и его товарищей? ему стало больно, досадно; эти чувства сроднились съ его характеромъ. Онъ съ ними росъ, высказывалъ ихъ отцу, матери, бабкѣ, сестрѣ, всякій разъ,

когда пріѣзжалъ изъ Бухареста домой. Такимъ образомъ онъ заражалъ патріотизмомъ свою семью, свою деревню, а отъ нихъ заимствовалъ ту привязанность къ землѣ, которую ослабляютъ космополитическіе взгляды. Онъ воспитывался въ Бухарестѣ, въ европейскомъ городѣ; отецъ ни въ чемъ не отказывалъ ему; поэтому онъ жилъ удобно, вращался среди образованныхъ людей и вполнѣ могъ оцѣнить разницу между жизнью въ цивилизованномъ городѣ и въ кривенской мэганѣ. Не зародись въ немъ чувство патріотизма—онъ, конечно, также вполнѣ оторвался бы отъ своей среды, но думалъ бы только о себѣ. Только благодаря той идеѣ, которая жила въ его сердцѣ и владѣла умомъ, Стоянъ совершенно позабывалъ лично о себѣ. Зато отецъ думалъ о немъ, и когда онъ вернулся домой, окончивъ образованіе, старикъ прямо спросилъ сына:

— Ну... чтò же будетъ теперь?

— Какъ чтò будетъ?—въ свою очередь спрашивалъ сынъ.

— Чтò ты намѣренъ дѣлать?

— Я еще самъ не знаю.

— Не хочешь ли замѣнить меня въ мэганѣ?

— Нѣтъ... не хочу.

— Да и я не особенно охотно уступилъ бы тебѣ это дѣло. Я еще лѣтъ двадцать могу стоять за прилавкомъ и готовить кофе. А двоимъ намъ нечего здѣсь дѣлать, такъ какъ только въ ярмарочное время мнѣ нуженъ помощникъ...

— Да вѣдь я уйду.

— Куда, зачѣмъ?

— Не знаю—куда... Буду искать работы.

— А не хочешь ли взяться за готовую уже работу?

— Съ удовольствіемъ.

— Знаешь ли ты хаджи Христо изъ Рущука? Я уже говорилъ съ нимъ, и онъ согласенъ поручить тебѣ счетоводство и корреспонденцію на румынскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Стоянъ принялъ предложеніе и черезъ нѣсколько дней поселился въ Рущукѣ. Ему пришлось заняться торговлей. Сношенія хаджи Христо были очень обширны и простирались до Трансильваніи. Стоянъ понравился ему. Но торговля не особенно привлекала Стояна; впрочемъ онъ занимался дѣломъ, пока не начались новыя политическія волненія, которыя были продолженіемъ недавно подавленныхъ турками. Такъ какъ усмиреніе не уничтожало причинъ, способствовавшихъ волненіямъ, то послѣднія снова должны были появляться, и на самомъ дѣлѣ появлялись.

Внѣ границъ оттоманской имперіи, въ Бухарестѣ, въ Бѣл-

градѣ и въ другихъ мѣстахъ, работали втайнѣ комитеты, носившіе разнообразныя названія: центральнаго, революціоннаго, народнаго, славянскаго, македонской лиги и тому подобныя. Всѣ они имѣли значительное вліяніе, но не непосредственное. Газеты ихъ, воззванія, прокламаціи— все это читалось, но все это имѣло значеніе только совѣтовъ, указаній. Настоящая же дѣятельность должна была совершаться у турокъ на глазахъ, внутри страны. Она сосредоточивалась по городамъ: въ школахъ, въ церквахъ, въ читальняхъ, гдѣ онѣ находились.

Въ Рущукѣ была такая читальня, и Стоянъ сдѣлался постояннымъ ея посѣтителемъ.

Читальня, поддерживаемая городской знатью, находилась въ цвѣтущемъ состояніи. Въ ней были не только газеты и журналы, но даже библіотека, изъ которой можно было брать книги на домъ. Она состояла подъ присмотромъ чорбаджи болгарской общины, который долженъ былъ отвѣчать передъ пашей за нравственную пищу, почерпаемую болгарами изъ библіотеки. Размѣръ этой пищи регулировался газетой „Дунай", издаваемой въ Рущукѣ и предназначенной для охраненія обывателей отъ постороннихъ пагубныхъ вліяній и для укрѣпленія въ нихъ уваженія къ закону. Таково было оффиціальное назначеніе читальни. Ни на столахъ, ни въ шкафахъ ея не было ничего, имѣющаго подозрительный видъ. Газеты, издаваемыя въ Турціи на французскомъ, итальянскомъ, греческомъ, турецкомъ и болгарскомъ языкахъ, приходили по почтѣ прямо въ читальню; заграничныя же изданія относились сначала въ конакъ, гдѣ подвергались просмотру спеціальнаго чиновника, который задерживалъ нумера, заключающіе въ себѣ что̀ бы то ни было, наводившее его на мысль о неблагонадежности. Поэтому все печатное, попадающее въ читальню, отличалось благонамѣренностью и доброжелательствомъ, прежде всего, самому султану, потомъ его пашамъ, затѣмъ всякаго рода высшимъ и низшимъ чиновникамъ, наконецъ всѣмъ вообще и болгарамъ въ частности.

Подъ конецъ турецкаго владычества, Рущукъ, благодаря желѣзной дорогѣ, которая была кратчайшимъ путемъ изъ средней Европы на востокъ, сталъ преобразовываться въ европейскій городъ, а такъ какъ, кромѣ того, онъ былъ резиденціей паши, начальника эйялета, то принялъ характеръ столицы. Въ городѣ стали строить европейскіе каменные дома, появились гостинницы и лавки, и можно было предвидѣть, что западъ, завоевавъ себѣ прежде всего главную улицу, ведущую отъ вокзала къ гавани, постепенно вытѣснитъ турецкія мазанки и изъ остальныхъ улицъ. Среди населенія, равнымъ образомъ, можно было замѣтить пере-

мѣны, предвѣщавшія побѣду Европы надъ Азіей. Христіанское населеніе составляли здѣсь: румыны, болгары, греки и армяне; къ не-христіанамъ принадлежали: турки, черкесы и евреи. Исключая черкесовъ, всѣ понемногу цивилизовались; даже турчанки становились любопытнѣе, а христіанки пробовали выходить на улицу безъ форменныхъ покрывалъ. Румынки и болгарки охотно надѣвали европейскій костюмъ, мужчины—тоже. Это былъ нѣкотораго рода бунтъ, благодаря которому жители раздѣлились на два лагеря: одни изъ осторожности оставались вѣрными обычаю; другіе, болѣе смѣлые, не подчинялись ему, желая порвать съ прошлымъ, какъ съ признакомъ рабства. Среди горожанъ образовался даже кружокъ франтовъ и франтихъ, къ которому, какъ воспитанный въ Бухарестѣ, Стоянъ имѣлъ полное право пристать. То обстоятельство, что онъ былъ сыномъ кабатчика, не представляло въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго препятствія. Въ обществѣ, въ которомъ не имѣли понятія о родовыхъ правахъ и привилегіяхъ, не обращали вниманія на происхожденіе и титулъ. Въ Болгаріи не было ни графовъ, ни бароновъ, и только одинъ Вогоридэсъ называлъ себя княземъ, но и онъ скоро сталъ не то грекомъ, не то румыномъ.

Стоянъ, однако, хотя и не избѣгалъ общества, но не увлекался имъ: онъ искалъ чего-то другого.

Въ читальнѣ онъ познакомился съ представителями мѣстной интеллигенціи. Всѣ они философствовали на одну и ту же тему:— Дай Богъ, чтобы не было хуже; тогда, можетъ быть, станетъ лучше.

Этимъ принципомъ руководствовался и хаджи Христо, и всѣ члены *мизлину* (городского совѣта), избранные болгарской *маголой* (общиной). Такого взгляда придерживалось и громадное большинство. Это озадачило Стояна на первыхъ порахъ. Онъ молча слушалъ пренія по поводу разныхъ общественныхъ вопросовъ, о которыхъ болгары любили разсуждать. Другіе молодые люди тоже слушали. Между послѣдними былъ юноша лѣтъ двадцати, который обыкновенно приходилъ въ субботу и оставался въ читальнѣ все воскресенье. Стоянъ замѣтилъ, что этотъ молодой человѣкъ съ удивительнымъ вниманіемъ слушаетъ разговоры, но еще внимательнѣе читаетъ. Въ воскресенье, въ какое бы время ни придти, всегда можно было застать его за книгой. Онъ былъ одѣтъ бѣдно и нѣсколько странно, такъ какъ на немъ былъ полу-болгарскій, полу-европейскій костюмъ. Можно было предположить, что одежда его составилась изъ отдѣльно подаренныхъ

частей. Обутъ онъ былъ въ лапти. Стоянъ спросилъ однажды про него завѣдующаго читальней.

— Кто это такой?

— Не знаю,—послѣдовалъ отвѣтъ.—Зовутъ его Никола. Онъ приходитъ въ субботу вечеромъ, а уходитъ въ понедѣльникъ утромъ... Выпросилъ.

— Такъ онъ двѣ ночи ночуетъ въ читальнѣ?

— Да, ночуетъ, и за то взялся полы мыть. Приноситъ съ собой свѣчку и, какъ кажется, проводитъ ночи за книгой.

— Любопытный человѣкъ!

Стоянъ чрезвычайно заинтересовался Николой. Ему захотѣлось сблизиться съ нимъ, и съ этой цѣлью онъ какъ-то поздно вечеромъ пришелъ въ читальню. Черезъ щели ставенъ былъ видѣнъ свѣтъ. Въ читальнѣ кромѣ Николы никого не было. Онъ что-то писалъ, наклонившись надъ столикомъ.

— Здравствуй,—привѣтствовалъ его Стоянъ.

— Здравствуй,—отвѣчалъ Никола.

— Что это ты пишешь по ночамъ?

Молодой человѣкъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на Стояна и отвѣтилъ:

— Днемъ мнѣ некогда.

Стоянъ подошелъ и увидѣлъ, что передъ Николой лежитъ словарь.

— Что это ты пишешь?

— Я переписываю.

— Словарь?

— Да, словарь.

— Зачѣмъ же это?

— Купить мнѣ не на что, а выучиться хочу.

Словарь былъ французско-сербскій, изданный въ Бѣлградѣ въ 1846 году. Никола передѣлывалъ его въ алфавитномъ порядкѣ на болгарсво-французскій, не записывая, впрочемъ, всѣхъ словъ. Стоянъ посмотрѣлъ внимательно и замѣтилъ своего рода систему въ записываніи словъ. Видно было, что Никола, переписывая, въ то же время работаетъ мысленно.

— Такъ ты учишься французскому языку?

— Да, учусь,—отвѣчалъ Никола.

— Учишь слова?

— Конечно; выучу слова, тогда и буду говорить.

— Надо вѣдь, кромѣ того, знать, какъ ихъ выговаривать и какъ соединять?

— Это что такое?

— Прочти мнѣ вотъ это слово.—Стоянъ указалъ на слово: „pain". Никола прочелъ:—„паинъ".

— Такъ пишется, а произносить надо иначе.—Стоянъ выговорилъ слово какъ слѣдуетъ.—Вотъ видишь, ты бы совсѣмъ невѣрно выучилъ.

— Ахъ, Господи!—вздохнулъ молодой человѣкъ.

— Чтò же, ты хочешь выучиться говорить?

— И говорить, и книги читать.

— Тогда тебѣ надо познакомиться съ грамматикой, и кто-нибудь долженъ выучить тебя произносить.

— Чтò это такое грамматика?

— Она учитъ говорить и писать.

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось выучить ее!

— Какъ же у тебя появилась эта охота?

— Какъ?.. право, не знаю,—отвѣчалъ Никола.

— Чѣмъ же ты занимаешься?

— У *абаджія* (портного) работаю.

— Давно?

— Вотъ ужъ скоро будетъ годъ.

— Откуда же ты?

— Изъ Котла.

— А дома ты тоже работалъ у портного?

— Нѣтъ, я не учился этому ремеслу. Я поступилъ къ портному только съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ въ Рущукъ.

— Чѣмъ же ты прежде занимался?

— Овецъ пасъ.

— Но вѣдь ты умѣешь читать и писать?

— Да, я еще въ дѣтствѣ выучился грамотѣ, а потомъ...

— Чтò же потомъ?

— У меня были книги, и я читалъ ихъ въ полѣ, когда пасъ овецъ.

— Какія у тебя были книги?

Никола сталъ перечислять: „Митарствата на Блаженна Ѳеодора"; „Ревизьята на Святая Богородица"; „Чудесата на Святая Богородица". Первая изъ этихъ книгъ повѣствуетъ, какъ грѣшница спаслась молитвой и покаяніемъ; вторая описываетъ мученія, которыя Богородица видѣла въ аду; третья представляетъ подробное описаніе девяносто-девяти чудесъ, совершонныхъ Богородицей. Сначала болгарская литература состояла, главнымъ образомъ, изъ такихъ произведеній. Книги эти особенно были распространены въ средѣ, гдѣ кромѣ грамотности ничему больше не учили. Къ такой средѣ принадлежалъ Никола.

— Я читалъ эти книги, и мнѣ казалось, что и нѣтъ другихъ... Въ полѣ читалъ я одинъ, а въ деревнѣ случалось и другимъ читывать... Но однажды, когда я пригналъ ягнятъ на рынокъ въ Варну, мнѣ пришлось снести купленнаго ягненка къ французскому консулу, и тамъ я увидѣлъ пропасть книгъ... Съ тѣхъ поръ я ужъ не могъ успокоиться... Бросилъ должность пастуха, пришелъ въ Варну и сталъ проситься къ консулу на службу, но меня не взяли... Нѣкоторое время я просто шатался по городу и наконецъ узналъ, что въ Рущукѣ есть книги.

— Должно быть, въ Варнѣ есть книги не у одного только французскаго консула?

— Можетъ быть... только въ Варнѣ я уже начиналъ голодать. Я разсчитывалъ-было получить мѣсто у консула, но обсчитался, ну, и нечего было дѣлать.

— А другого мѣста ты не пробовалъ искать?

— Пробовалъ, и мѣста попадались, только безъ книгъ.

— А тебѣ непремѣнно книгъ хотѣлось?

— Ну, конечно,—отвѣчалъ Никола:—я безпрестанно думалъ о нихъ и даже ночью снились мнѣ книги... Мнѣ казалось, что умру, если не достану ихъ...

— И какъ это у тебя зародилась такая къ нимъ страсть?

— Говорятъ, что по книгамъ можно всему обучиться.

— Гм... Какъ же ты въ Рущукъ попалъ?

— Это одинъ парень сказалъ мнѣ, что здѣсь есть читальня, въ которой много книгъ.

— И больше ничего?—съ любопытствомъ допрашивалъ Стоянъ.

— А еще что же?.. Вотъ я пошелъ изъ Варны въ Рущукъ.

— Пѣшкомъ?

— Ну, да... Со мной не было ни одной *парички*, вотъ и нечѣмъ было заплатить за билетъ на *желпъзницп* (желѣзной дорогѣ)... Я шелъ четыре дня, а кормился Христовымъ именемъ; такъ и пришелъ. Спросилъ, гдѣ читальня; указали, и, слава Богу, нашелся портной, который взялся учить меня ремеслу, а пока работаю за харчи... Работаю всю недѣлю, а въ субботу вечеромъ прихожу въ читальню, и у меня остается такимъ образомъ цѣлый воскресный день и двѣ ночи. Читаю по-болгарски, но мнѣ бы хотѣлось читать и по-французски.

— Такъ тебѣ хочется учиться?—спросилъ Стоянъ.

— Ахъ, какъ хочется!—отвѣчалъ Никола, весь вспыхнувъ [1]).

— Хочешь, я буду учить тебя?

Никола посмотрѣлъ на него съ чувствомъ глубокой благодар-

[1]) Личность овчара взята прямо изъ жизни.—*Прим. автора.*

ности. Стоянъ сѣлъ около него и началъ объяснять французскій выговоръ. Урокъ этотъ продолжался около получаса и кончился разговоромъ:

— Почему тебѣ хочется начать ученіе съ французскаго языка? —спросилъ Стоянъ.

— Потому что, какъ я слышалъ, на французскомъ языкѣ есть больше всего книгъ.

— Такъ ты, значитъ, любишь читать и хочешь выучиться по-французски, чтобы читать побольше книгъ?

— Нѣтъ, не только,—возразилъ молодой человѣкъ.

— А чего жъ тебѣ еще хочется?

— Я думаю, не найдется ли въ книгахъ какого-либо средства.

— Противъ чего?

— Противъ турокъ, чтобы ихъ выгнать изъ нашей родины.

— Такъ ты объ этомъ думаешь!—удивился Стоянъ.

— А почему бы мнѣ не думать? Я вотъ слыхалъ, что въ книгахъ бываютъ слова такія, что дѣйствуютъ противъ всякихъ бѣдъ... Мнѣ не приходилось находить такихъ словъ... Вотъ я и хочу поискать въ другихъ книгахъ.

Стоянъ задумался и потомъ отвѣчалъ:

— Дѣло не въ словахъ, а въ наукахъ, которыя указываютъ пригодныя ко всему средства.

— Въ наукахъ?.. Я учился.

— Чему?

— Грамотѣ... Вотъ я теперь умѣю читать и писать по-болгарски, а какъ еще выучусь по-французски...

— Это только начало... Знаніе каждаго языка, которыхъ очень много, должно быть только средствомъ къ изученію наукъ.

— Чтò же это такое наука?

Стоянъ назвалъ и постарался объяснить ему, въ чемъ заключается задача разныхъ наукъ. Никола не сводилъ съ него глазъ.

— Учи меня!—воскликнулъ онъ наконецъ.

— Хорошо, только хватитъ ли у тебя времени?

— Задавай мнѣ урокъ въ субботу на всю недѣлю.

— Развѣ ученіе не будетъ отвлекать тебя отъ ремесла?

— Нисколько! Шью и думаю себѣ; а перестану шить, посмотрю, чтò у меня написано, и опять есть о чемъ думать.

— Ну, хорошо,—повторилъ Стоянъ.

Теперь Стоянъ нашелъ себѣ занятіе, которое очень интересовало его. Пастухъ этотъ открылъ передъ нимъ цѣлый новый міръ, съ которымъ до сихъ поръ онъ только поверхностно былъ знакòмъ, несмотря на то, что сталкивался съ нимъ во время

пребыванія въ отцовской мэганѣ. Онъ и не подозрѣвалъ, что въ этой средѣ появляются личности, подобныя Николѣ. Желаніе освободиться отъ владычества турокъ легче было объяснить. Съ одной стороны, Сербія освободилась отъ него, съ другой стороны—Румынія. Съ этой цѣлью велись войны, распространялись среди народа разныя предсказанія и, наконецъ, отчаянная вспышка хаджи Димитра (1868) и подавленіе ея нисколько не способствовали къ успокоенію умовъ. Все это, однако, не могло объяснить появленія типа Николы. Откуда онъ взялся?

Никола былъ весьма способенъ: онъ легко понималъ, усвоивалъ и запоминалъ. Съ каждымъ урокомъ Стоянъ все больше былъ имъ доволенъ. Онъ разсказалъ ему о формѣ земли, показалъ карту, и Никола все сразу понялъ и впослѣдствіи самъ уже училъ географію. Съ большимъ любопытствомъ онъ изучалъ по картѣ направленіе горъ, рѣкъ, всматривался въ очертаніе материковъ, усвоивалъ границы государствъ. Точно съ такою же легкостью давалась ему ариѳметика. Казалось, что въ головѣ этого человѣка находится цѣлый запасъ безпорядочно усвоенныхъ знаній, и что приходится только привести ихъ въ порядокъ. Въ полгода онъ изучилъ: простыя и десятичныя дроби, отношенія, пропорціи, тройное правило и могъ начать алгебру и геометрію. Но больше всего занимала его исторія, которую онъ просто поглощалъ. По французскому языку онъ тоже сдѣлалъ большіе успѣхи: изучилъ выговоръ, зналъ массу словъ и началъ заниматься грамматикой. Однажды въ субботу импровизированный учитель нашелъ своего ученика въ превосходномъ расположеніи духа.

— Что̀ случилось?—спросилъ Стоянъ.

— Я бросилъ своего портного.

— Такъ чего же ты такъ радъ тому?

— Какъ же не радоваться? Я поступилъ теперь къ тому tailleur, что пріѣхалъ изъ Парижа. У него и вывѣска французская, и говорятъ у него по-французски.

И дѣйствительно, было чему радоваться: во-первыхъ, у прежняго хозяина Никола не получалъ жалованья, а теперь ему стали платить; а во-вторыхъ, кромѣ того, что у новаго хозяина онъ могъ говорить на томъ языкѣ, которому хотѣлъ выучиться, у него оставалось теперь гораздо больше времени для себя. У портного болгарина онъ долженъ былъ оставаться день и ночь; французъ же отпускалъ его на ночь. Стоянъ внимательно выслушалъ разсказъ о всѣхъ преимуществахъ новаго мѣста.

— А есть у тебя квартира?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ; мнѣ и хочется просить тебя...

— ...Чтобъ намъ вмѣстѣ жить? Хорошо.

— Нѣтъ, мнѣ бы хотѣлось ночевать здѣсь въ читальнѣ... Вѣдь Марко (завѣдующій читальней) позволяетъ мнѣ ночевать здѣсь съ субботы на воскресенье и съ воскресенья на понедѣльникъ.

— Поговори съ нимъ.

— Я уже говорилъ, но онъ отказываетъ. Онъ увѣряетъ, что хаджи Христо разсердился бы, еслибъ узналъ, что я здѣсь ночую.

— Такъ я поговорю съ хаджи Христо.

— Пожалуйста, поговори!—просилъ его Никола.

Хаджи Христо, который былъ предсѣдателемъ управленія читальни, не любилъ ни въ чемъ отказывать Стояну, имѣя на то нѣкоторыя основанія. Впрочемъ вопросъ былъ пустой и даже ни въ чемъ не противорѣчившій уставу читальни, такъ какъ ни одинъ параграфъ этого устава не воспрещалъ позволять ночевать тому, кто бы объ этомъ попросилъ управленіе. Что̀ не запрещено, то можно разрѣшить. На этомъ основаніи хаджи Христо уполномочилъ Стояна передать Марку, что Никола можетъ ночевать въ читальнѣ, но за то долженъ будетъ каждый день подметать ее передъ уходомъ. Такимъ образомъ выиграли обѣ стороны: и читальня, и Никола. Для Николы чрезвычайно важно было то обстоятельство, что занятія его могли теперь сдѣлаться болѣе систематичными. Каждый день отъ заката солнца до двѣнадцати часовъ онъ учился, и никто не мѣшалъ ему, такъ какъ въ Рущукѣ хотя и начали проявляться признаки европейской цивилизаціи, но еще господствовалъ турецкій порядокъ, запрещающій жителямъ ходить по улицѣ послѣ сумерекъ. Поэтому съ наступленіемъ ночи всѣ выходили изъ читальни, и бывшій пастухъ имѣлъ полную возможность читать, писать и даже повторять вслухъ, что̀ ему было угодно. Онъ занимался ежедневно около трехъ часовъ; но многому можно научиться, занимаясь, конечно, усердно, хотя бы по три часа въ день. Притомъ онъ учился, не отрываясь отъ жизни, такъ какъ днемъ постоянно присутствовалъ при оживленныхъ разговорахъ, касающихся общественныхъ вопросовъ, а кромѣ того Нико̀ла не переставалъ слѣдить по газетамъ за ходомъ событій, и такимъ образомъ постоянно находилъ приложеніе вновь пріобрѣтаемыхъ познаній къ жизни.

Конечно, эти познанія не превышали элементарныхъ, но ихъ оживляло и дополняло именно это постоянное приложеніе къ жизни. Всѣ пріобрѣтаемыя имъ научныя свѣденія онъ подвергалъ чисто субъективной оцѣнкѣ: ему хотѣлось изъ всего извлечь пользу для Болгаріи. Такимъ образомъ въ душѣ его зародился,

развивался и укрѣплялся патріотизмъ отчаянія. Подъ вліяніемъ этого чувства человѣкъ дѣлается способнымъ войти въ союзъ съ какимъ бы то ни было врагомъ своихъ притѣснителей. Этого требуетъ логика преслѣдованій. Лишь только осѣнило болгаръ сознаніе отношенія ихъ къ Турціи, среди нихъ и сталъ развиваться подобнаго рода патріотизмъ; Никола былъ однимъ изъ носителей его.

Онъ скоро заглянулъ и „за кулисы“ читальни. На столѣ, правда, лежали газеты, въ шкафахъ уставлены были книги, дозволенныя турецкой цензурой; но, кромѣ того, появлялись и ходили по рукамъ нецензурныя газеты и запрещенныя книги, особенно русскія, а также сербскія и болгарскія, издаваемыя въ Бухарестѣ или Браилѣ; всѣ онѣ ревностно читались даже благонамѣренными посѣтителями читальни. Какъ онѣ появлялись въ читальнѣ? Берега Дуная оберегали турецкіе часовые, которые не пропускали никого безъ паспорта и предварительнаго осмотра, а между тѣмъ запрещенныя книги и газеты безпрестанно появлялись и появлялись.

IV.

Откуда появлялись запрещенныя изданія въ рущукской читальнѣ—этого не зналъ ни Стоянъ, ни Никола, ни Марко. Послѣдній получалъ даже нерѣдко за это выговоръ отъ хаджи Христо.

— Кто это доставилъ?—спрашивалъ предсѣдатель, когда въ его руки попадался экземпляръ запрещеннаго изданія.

— Почемъ же я знаю?—отвѣчалъ завѣдующій.

— Смотри получше.

— Вѣдь я смотрю... на всякомъ экземплярѣ почтовый штемпель осматриваю.

— И съ почты ничего подобнаго не приходитъ?

— Ничего не приходитъ.

— Должно быть, кто-нибудь подкидываетъ, — догадывался хаджи Христо.—Ты только замѣть — кто, накрой, а я ужъ его проучу. Если, сохрани Богъ, паша узнаетъ, тогда намъ всѣмъ достанется и читальню закроютъ.

Послѣдній аргументъ казался Марку очень убѣдительнымъ, и онъ удвоилъ надзоръ. Но ревность его не повела ни къ чему. Что же тутъ подѣлаешь? Приходили посѣтители, садились, курили, читали, разговаривали. Какъ же было усмотрѣть, не принесъ ли

кто изъ нихъ запрещенной книги или газеты и не положилъ ли ее рядомъ съ лежавшими на столѣ? Напрасно Марко сторожилъ цѣлые часы, ему не удавалось никого поймать на мѣстѣ преступленія. Присутствіе „запрещеннаго“ обнаруживалось уже по усердію, съ которымъ его читали. Всякій спѣшилъ прочитать, а лицо его принимало выраженіе, соотвѣтствующее тому, что̀ онъ чувствовалъ во время чтенія. Одинъ улыбался, другой морщился, третій выходилъ изъ себя и даже ругался. „Запрещенное“ ходило по рукамъ, и, когда читатели расходились, Марко находилъ его на столѣ. Не къ кому было придраться. Оставалось уничтожать *corpus delicti* и молчать, а между тѣмъ хаджи Христо повторялъ ему все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ удареніемъ:

— Смотри, наблюдай,—а не то будетъ бѣда.

Надо было пособить бѣдѣ, и Марко рѣшилъ во что бы то ни стало отыскать преступника или преступниковъ; съ этой цѣлью онъ, спрятавъ одно „запрещенное“, обратился однажды къ Николѣ, когда тотъ, по обыкновенію, пришелъ вечеромъ въ читальню.

— Знаешь ли, что̀ здѣсь происходитъ?—спросилъ онъ.

— А что̀ такое?

— Могутъ закрыть читальню.

— Съ какой стати?

— А вѣдь это было бы не совсѣмъ хорошо.

— И вовсе нехорошо.

— Ну, такъ мы должны предупредить бѣду.

— Какимъ же образомъ?—спросилъ Никола.

— Смотри!—отвѣчалъ Марко, подавая ему газету, которую нарочно припряталъ, чтобы показать.

Никола, приходя въ читальню поздно, не имѣлъ до сихъ поръ въ рукахъ „запрещеннаго“. А потому первый попавшійся ему въ руки экземпляръ произвелъ на него весьма сильное впечатлѣніе. Онъ быстро пробѣжалъ листокъ и спросилъ:

— Ты это читалъ, Марко?

— Я?.. нѣтъ... я не читаю.

— Почему?

— Какъ почему?.. Я исполняю только то, что я взялъ на себя, а читать я не обязывался.

— Ну, хоть любопытства ради.

— Любопытство не требуется отъ меня. Мое дѣло наблюдать, вотъ я и наблюдаю,—а несмотря на то безпрестанно появляются изданія, которыя не должны находиться въ читальнѣ.

— Такъ на что̀ же читальня?

— Въ читальнѣ должны быть изданія со штемпелемъ, а вотъ это—онъ указалъ глазами на „запрещенное", которое было въ рукахъ Николы—кто-то подкидываетъ... Вотъ ты цѣлый воскресный день сидишь за столомъ, ты бы долженъ помочь мнѣ.

— Поймать, кто подкидываетъ? — съ удивленіемъ спросилъ Никола.

— Конечно... Ты только накрой... и скажи мнѣ... больше ничего не надо.

— Чтò же ему будетъ?

— Хаджи Христо съ нимъ расправится... Надо, братъ, стараться, чтобъ турки не закрыли читальни... Жаль будетъ, жаль!

— Конечно...—отвѣчалъ Никола:—только было бы тоже жаль, еслибъ такихъ изданій не стало.

Но Марко не совсѣмъ понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, очень часто встрѣчавшихся тогда въ Болгаріи, которые въ чтеніи видѣли чисто механическій процессъ: они читали потому, что знали азбуку и склады.

— Вотъ ты послушай,—сказалъ Никола, и съ жаромъ прочиталъ выдержку изъ „запрещеннаго", въ которой доказывалась несправедливость турецкаго господства въ Болгаріи.

— Понимаешь?—спросилъ онъ, окончивъ читать.

— Ну, да...—отвѣчалъ Марко.

— Ты когда-нибудь думалъ объ этомъ?

— Нѣтъ, не думалъ.

— И никогда бы не узналъ, еслибъ я тебѣ не прочелъ?

— Не узналъ бы.

— Такъ видишь, что въ читальнѣ должны находиться такія изданія... Правда?

— Да... конечно, такъ... Но какъ же быть съ хаджи Христо?

— Тебѣ надо подумать не о хаджи Христо, а о пашѣ. Надо все такъ устроить, чтобъ паша не узналъ, и чтобъ какой-нибудь его наушникъ не могъ донести.

— Твоя правда,—отвѣчалъ Марко.

— А бываютъ ли здѣсь такіе?

— Бываютъ... — Завѣдующій читальней назвалъ нѣсколько именъ.

— Отлично!.. Скажи хаджи Христо, что они-то и подкидываютъ „запрещенное".

— Но... какъ же это такъ?..—сомнѣвался Марко.

— Не увѣряй, а такъ только скажи, что тебѣ кажется... да и въ самомъ дѣлѣ это очень возможно... Они, можетъ быть, нарочно это дѣлаютъ, чтобъ закрыть читальню.

— А право, можетъ быть! — сказалъ почти уже убѣжденный Марко.

— Совсѣмъ безъ грѣха можно сказать, что это именно такъ.

— Да, непремѣнно должно быть такъ.

Логически развивая мысль, на которую натолкнулъ его Никола, Марко дошелъ до полнаго убѣжденія, что „запрещенное“ злоумышленно подкидываютъ наушники паши. При первомъ же свиданіи съ хаджи Христо онъ сообщилъ, что виновники появленія недозволенныхъ изданій въ читальнѣ такіе-то, и назвалъ наушниковъ паши.

— А!..—удивился Христо, призадумался и, остановившись на какой-то мысли, произнесъ:—Гм...

— Они, должно быть, подкапываются подъ насъ, чтобъ закрыть читальню,—пояснилъ Марко.

— А знаешь ли, какъ этому помочь?

— Не пускать ихъ въ читальню.

— Нѣтъ, этого нельзя; но надо, чтобъ такія изданія сейчасъ же исчезали, такъ, чтобы, въ случаѣ обыска, заптіи (жандармы) не нашли ихъ. Понимаешь?

— Понимаю,—отвѣчалъ Марко.

— Пусть они исчезаютъ потихоньку, безъ шума.

— Я такъ и дѣлалъ все это время... Они обыкновенно появлялись въ воскресенье, и я, какъ только находилъ ихъ, убирая столъ вечеромъ, такъ сейчасъ же жегъ.

— Не надо ждать и вечера: какъ только появится, а ты ее въ огонь.

— А еслибъ...—началъ Марко.

— Чтò такое?

— Еслибъ ихъ просто выкидывать вонъ?

— Дѣлай какъ хочешь, только смотри, чтобы намъ *калабалыка* (непріятностей) не нажить.

Такимъ образомъ, завѣдующій читальней получилъ *carte-blanche*, на основаніи которой могъ предпринимать какія ему угодно мѣры предосторожности. Засимъ онъ съ чистой совѣстью обратился за совѣтомъ къ Николѣ, а послѣдній немедленно сообщилъ обо всемъ Стояну.

Стояну не разъ приходилось читать этого рода изданія еще въ Бухарестѣ, гдѣ никто ихъ не запрещаетъ, и гдѣ они теряютъ поэтому прелесть запрещенныхъ плодовъ и читаются спокойно. Никола же съ восторгомъ сообщалъ своему руководителю впечатлѣнія при чтеніи „запрещеннаго“.

Стоянъ соглашался съ нимъ; и онъ также находилъ въ за-

прещаемыхъ въ Турціи изданіяхъ много правды и прелести, но онъ относился ко всему этому приблизительно такъ, какъ относится любитель музыки къ представленію хорошо знакомой ему оперы.

— Да,—отвѣчалъ онъ,—все это вѣрно и хорошо написано.

— Такъ можно ли такія вещи уничтожать?

— Да кто же ихъ уничтожаетъ?

— Хаджи Христо велѣлъ Марку жечь ихъ или бросать вонъ! Я бы такую газету въ золотыя рамки вставилъ, а тѣхъ, кто ихъ подкидываетъ, озолотилъ бы.

— Кто же ихъ подкидываетъ?

— Не знаю; должно быть, какой нибудь молодецъ.

Стоянъ обрадовался этому открытію. Онъ догадался, что существуетъ какая-то подпольная дѣятельность, и въ немъ снова проснулась та неодолимая страсть, которая овладѣла имъ еще въ юности и которая до сихъ поръ не была удовлетворена. Онъ догадался, что запрещенныя изданія приходятъ въ Рущукъ путемъ контрабанды, но не той контрабанды, которая служитъ матеріальной выгодѣ. У него явилась охота открыть участниковъ заговора противъ Турціи не изъ пустого любопытства, а для того, чтобы помочь имъ.

Никола тоже хотѣлъ выслѣдить участниковъ, но желаніе это носило у него нѣсколько иной характеръ. Онъ не думалъ о соучастіи, но ему хотѣлось выразить уваженіе тому, кто приноситъ въ читальню запрещенныя изданія; воображеніе его рисовало такого человѣка какимъ-то героемъ, не потому, что онъ приноситъ изданія въ читальню, но потому, что онъ проноситъ ихъ очень искусно, и умѣетъ провести турецкую стражу. Какъ онъ это дѣлаетъ? Онъ, вѣроятно, идетъ за книгами, вооружаясь съ ногъ до головы; у него должны быть и ножъ, и пистолетъ, и ружье; онъ подвергается всякимъ опасностямъ и, вѣроятно, ему приходится вступать подчасъ въ рукопашный бой съ врагомъ. Никола хотѣлъ бы обо всемъ этомъ знать, чтобы выразить герою свое благоговѣніе. Онъ вспомнилъ про Сцеволу, о которомъ случалось ему читать. Незнакомый герой, вѣроятно, точно такъ же сжегъ бы себѣ руку, еслибъ стражи поймали его.

Такимъ образомъ, несмотря на различіе мотивовъ, у Стояна и Николы появилось одно и то же желаніе, и они начали слѣдить. Слѣдить имъ пришлось не особенно долго; черезъ нѣсколько дней они достигли своей цѣли, и оба въ одно и то же время поймали преступника на мѣстѣ преступленія. Посѣтители начали только собираться, а они вдвоемъ сидѣли рядомъ и внимательно

осматривали каждаго приходящаго. Вскорѣ они замѣтили, какъ одинъ изъ вошедшихъ вынулъ изъ рукава газету и положилъ ее подъ нумера, лежавшіе на столѣ, потомъ отошелъ и сѣлъ подальше отъ того мѣста. Никола толкнулъ локтемъ Стояна и сказалъ ему на ухо:

— Ну, не ожидалъ!

Стоянъ пожалъ плечами.

Никола никакъ не ожидалъ, чтобы воображаемый имъ герой былъ такъ невзраченъ. Въ наружности его не было ни малѣйшаго признака отваги; это былъ тихій, смиренный, а къ тому же немного хромой Станко Радовъ, исполнявшій должность младшаго учителя въ городской школѣ, и вдругъ это онъ оказался тѣмъ преступникомъ, который такъ восхищалъ Николу.

„Вѣроятно, — подумалъ Никола, — это не онъ ходитъ по ту сторону Дуная и сражается съ турками. Онъ бы руки себѣ не сжегъ".

— Ну, я отъ Станка этого не ожидалъ,—шепнулъ онъ на ухо Стояну.

— Почему же?—спросилъ Стоянъ.

— Очень ужъ онъ невзраченъ.

— По наружности невзраченъ, но въ немъ чудная душа.

— Да, можетъ быть,—отвѣчалъ Никола, и тотчасъ же Станко показался ему совершенно инымъ. Живое воображеніе юноши способно было въ одно мгновеніе представить себѣ тотъ же предметъ въ различныхъ видахъ, смотря по данному извнѣ толчку; такъ и теперь: невзрачный учитель показался ему совсѣмъ другимъ. Станко между тѣмъ, ничего не подозрѣвая, читалъ газеты, посматривалъ иногда исподлобья на публику и вскорѣ ушелъ. — Пойдемъ за нимъ! — шепнулъ Никола Стояну. Они поднялись вмѣстѣ и безъ труда догнали Станко, такъ какъ онъ нисколько не спѣшилъ. Стоянъ поздоровался съ нимъ, а Никола прямо началъ:

— Ты герой, Станко.

— Я?—спросилъ онъ съ оттѣнкомъ удивленія.

— Конечно, ты... Ты вѣдь ходишь за Дунай!

— Я во всю жизнь ни разу не былъ на той сторонѣ Дуная.

— Да вѣдь тѣ изданія, которыя приносишь въ читальню, ты за Дунаемъ берешь?

Слова эти смутили Станко; онъ посмотрѣлъ на Николу и спросилъ:

— Ты это видѣлъ?

— Мы оба видѣли.

— Въ такомъ случаѣ... не стану больше носить газеты.

Герой моментально упалъ въ глазахъ Николы. Однако Стоянъ, который иначе смотрѣлъ на вещи, возражалъ:

— Мы подкараулили тебя не затѣмъ, чтобы ты переставалъ дѣлать то̀, что̀ затѣялъ, но потому, что хотимъ тебѣ помочь... Вотъ видишь, ты и попался потому, что ты одинъ, мы же будемъ прикрывать тебя, а при случаѣ и поможемъ...

— Мы будемъ тебѣ помогать!—воскликнулъ съ увлеченіемъ Никола.

— Тише!—сказалъ Станко:—не кричи на улицѣ.

— Псс...—повторилъ Никола, закрывая себѣ ротъ рукою.

— Пойдемъ ко мнѣ,—сказалъ Стоянъ.—У меня отдѣльная комната... тамъ можно будетъ свободно поговорить.

Стоянъ жилъ въ домѣ хаджи Христо, который былъ построенъ въ болгарскомъ предмѣстьѣ и занималъ значительную часть улицы. Позади его былъ обширный, очень тщательно содержавшійся садъ, въ которомъ было множество всевозможныхъ фруктовыхъ деревьевъ. Здѣсь созрѣвали такія вишни, сливы, яблоки и груши, отъ которыхъ не отказались бы султанши, а кромѣ того созрѣвали здѣсь гранаты и миндаль. Деревья росли безъ всякой симметріи, и всѣ вмѣстѣ составляли тѣнистую рощу, передъ которой разстилалась зеленая мурава, испещренная клумбами цвѣтовъ. Тутъ было множество всякихъ цвѣтовъ и розовыхъ кустовъ. Розы могутъ считать Болгарію своей родиной: здѣсь за ними ухаживаютъ гораздо больше, чѣмъ за другими цвѣтами, и онѣ являются однимъ изъ богатствъ страны. Между клумбами и деревьями переплетались вытоптанныя человѣческой стопой дорожки, ведущія въ обвитыя виноградомъ бесѣдки. Одна изъ бесѣдокъ находилась близъ входа въ садъ, другая—по ту сторону. Деревья, бесѣдки и кусты прикрывали потаенные ходы и потаенныя убѣжища, которые болгары устраивали въ своихъ домахъ во время господства турокъ. Входъ въ деревянный двухъ-этажный домъ хаджи Христо былъ со двора, окруженнаго высокой каменной стѣной. Весь дворъ былъ застроенъ разнаго рода амбарами, кладовыми, сараями, конюшнями и хлѣвами; въ послѣднихъ помѣщались лошади, коровы и свиньи, такъ размѣщенныя, чтобъ ихъ не сразу можно было замѣтить. Въ одномъ изъ угловъ двора была устроена винокурня для выдѣлки водки—раки.

Въ нижнемъ этажѣ дома находились кухня и кладовыя; въ верхнемъ было около десяти комнатъ, которыхъ расположеніе представлялось въ видѣ лабиринта, знакомаго только домашнимъ. Всѣ внутреннія стѣны состояли изъ шкафовъ, а двери, соеди-

няющія между собой комнаты, равно какъ и двери отъ шкафовъ, были маскированы. Незнакомые съ внутреннимъ расположеніемъ входили по лѣстницѣ въ сѣни, а отсюда въ обширную комнату съ шестью окнами, называемую *мусо-фирлыкъ*. Здѣсь обыкновенно принимали гостей. Полъ этой комнаты покрытъ былъ ковромъ, а вокругъ стѣнъ стояли мягкіе, широкіе диваны, обитые шолковой матеріей. На окнахъ висѣли дорогія занавѣски, а двери были украшены искусной рѣзьбой. Все здѣсь свидѣтельствовало о богатствѣ хозяина.

Стоянъ не повелъ гостей въ мусо-фирлыкъ. Войдя во дворъ, онъ остановился и сказалъ какъ бы самъ себѣ:

— Стѣны слышатъ.

Да, стѣны слышатъ, а окна видятъ; доказательство явилось на-лицо. Стоянъ оглянулся и тотчасъ же замѣтилъ, что у одного изъ оконъ, выходившихъ на дворъ, стояла женская фигура. Онъ поклонился ей, а она улыбнулась тою улыбкой, которая обладаетъ какой-то магической притягательной силой. Ближайшимъ послѣдствіемъ этой улыбки было то обстоятельство, что Станко и Никола заглядѣлись и раскрыли рты. Смиренный преподаватель азбуки и пылкій эксъ-пастухъ, а теперь портной, были внезапно поражены и будто ослѣплены. Они сами не отдавали себѣ отчета, откуда явилось это видѣніе. Смотрѣли и врядъ ли слышали вопросъ Стояна:

— Можно ли въ садъ?

— Конечно, можно,—отвѣчалъ голосъ, показавшійся Станку и Николѣ какой-то чудной мелодіей.

— Тамъ никого нѣтъ?—спросилъ Стоянъ.

— Кажется, нѣтъ никого,—прозвучалъ отвѣтъ.

— Пойдемъ!—сказалъ Стоянъ товарищамъ.

Они направились въ садъ. У входа Никола повернулся и снова посмотрѣлъ въ окно, но кромѣ рамъ уже ничего въ немъ не увидѣлъ.

Стоянъ привелъ своихъ гостей въ бесѣдку и, усадивъ, прежде всего подалъ имъ табакъ и папиросную бумажку, а потомъ началъ:

— Здѣсь можно свободно говорить... Что̀ скажешь, Станко?

— А что?—спросилъ учитель.

— А вотъ мы будемъ твоими помощниками.

— А я бы предпочелъ, чтобы вы замѣнили меня.

— Какимъ образомъ?

— А вотъ какъ: берите, разносите, раздавайте, а мое дѣло—сторона.

— Хорошо,—отвѣчалъ Стоянъ.

— А если хорошо, такъ не о чемъ больше говорить.

— Такъ ты намъ укажи, откуда брать.

— А... объ этомъ я самъ долженъ еще разузнать и спросить кого слѣдуетъ... Вѣдь это не отъ меня зависитъ.

— Отъ кого же?

— Этого-то мнѣ и нельзя сказать.

— Ну, вотъ еще!—уговаривалъ его Стоянъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—остановилъ его Станко:—ни вамъ, ни кому бы то ни было, ни по дружбѣ, ни туркамъ по страху, хотя бы они меня на горячихъ угольяхъ жгли... Я обѣщалъ, а вѣдь обѣщаніе—святая штука.

Онъ говорилъ это чрезвычайно просто, спокойно, какъ будто дѣло и не касалось горячихъ угольевъ, и такъ это у него выходило естественно, точно сидѣніе на горячихъ угольяхъ немногимъ только отличалось отъ сидѣнья въ бесѣдкѣ.

— Да, я обѣщалъ,—повторилъ онъ.

— Что же, ты присягалъ?—спросилъ Стоянъ.

— Нѣтъ... обѣщалъ, вотъ и все... Меня спросили: „не скажешь?"—вотъ и все... но...—продолжалъ-было онъ, и вдругъ остановился, такъ какъ въ этотъ моментъ вошла въ бесѣдку дѣвушка, та самая, что стояла у окна. Она несла поднось, на которомъ стояли хрустальныя вазы, блюдечки и кубки. Вазы были съ вареньемъ, на блюдечкахъ лежали серебряныя ложечки, а въ кубкахъ была вода.

Дѣвушка съ подносомъ въ рукахъ приблизилась къ учителю и сказала:

— *Поффимъ.*

Выраженіе это, взятое изъ румынскаго языка, переводится французскимъ: *„s'il vous plait"*; венгерскимъ: *„tessek"*; польскимъ: *„proszę"*. На это приглашеніе молодой дѣвушки преподаватель азбуки, взявъ ложечкой немного варенья, положилъ его въ ротъ, запилъ водой и кубокъ поставилъ на поднось. Дѣвушка подошла къ Николѣ, который тоже взялъ ложечку, но, вложивъ ее въ вазу съ вареньемъ, никакъ не могъ вынуть. Подниметъ ложечку, и ваза съ вареньемъ поднимается. Попробовалъ разъ, попробовалъ другой, наконецъ, желая какъ-нибудь покончить, онъ такъ дернулъ ложечку, что стащилъ съ подноса вазу съ вареньемъ, которая, оторвавшись, наконецъ, отъ ложечки, упала на землю. Ваза, конечно, разбилась въ дребезги, куски стекла разсыпались во всѣ стороны, а на землѣ остался бѣлый комокъ шербета.

Въ первый моментъ Никола самъ не зналъ, что ему дѣлать,

потомъ съ глухимъ вздохомъ, вырвавшимся у него изъ груди, наклонился, ухватилъ шербетъ обѣими руками и самъ не зналъ, что ему съ нимъ дѣлать.

— *Зараръ ёкъ* (ничего, не безпокойтесь)!—утѣшала молодая дѣвушка, стоя передъ нимъ и снова поднося *сладко.*

— *Поффимъ.*

Она хотѣла этимъ выразить, чтобы онъ отвѣдалъ другого варенья и запилъ бы водой, но Никола не могъ этого сдѣлать, во-первыхъ потому, что былъ чрезвычайно смущенъ, а кромѣ того у него въ рукахъ былъ роковой шербетъ.

— *Зараръ ёкъ!*—утѣшала его дѣвушка, но утѣшеніе это не выводило молодого человѣка изъ затруднительнаго положенія.

— Да брось это!—промолвилъ Стоянъ.

Никола не рѣшился исполнить совѣтъ пріятеля: ему показалось, что *сладко* слѣдуетъ положить на подносъ. Онъ исполнилъ это такъ быстро, что дѣвушка не успѣла ему помѣшать, и комокъ шербета очутился на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ только-что стояла ваза. Дѣвушка улыбнулась и, снова обращаясь къ Николѣ, повторила:

— *Поффимъ.*

— Нѣтъ, теперь ужъ не надо...—рѣшительно сказалъ Никола, облизывая приставшій къ рукамъ шербетъ.—Воды только напьюсь; что же касается вазы... не безпокойся: это мое дѣло.—Онъ сдѣлалъ при этомъ соотвѣтствующій жестъ, потомъ, напившись воды, сказалъ какъ бы про себя:

— Вотъ такъ отличился! Да чортъ же его зналъ, что есть такое „сладко", въ которомъ вязнетъ ложечка... Въ другой разъ наука...

Дѣвушка подошла съ подносомъ къ Стояну, который лучше всѣхъ исполнилъ свое дѣло.

— Кофе?—спросила она.

— Пожалуйста,—отвѣчалъ Стоянъ.

Дѣвушка ушла. Когда она удалилась, Никола тяжело вздохнулъ:

— Аманъ, аманъ!..—горевалъ онъ. — Вотъ такъ отличился же я въ присутствіи дѣвушки!

— И! что за важность!..—отвѣчалъ Стоянъ.

— Что она обо мнѣ подумаетъ!

— Пусть думаетъ что хочетъ!

— Какая она красавица!..

Дѣйствительно, эта дѣвушка была, казалось, на то и создана, чтобъ ею люди восхищались. Болгарки вообще красивы,—она же царила даже между красавицами. Ни одна деталь ея

наружности не допускала ни малѣйшаго порицанія: ни фіалковаго цвѣта глаза, ни свѣтлые волосы съ шолковымъ отблескомъ, заплетенные въ толстыя косы, ни черты лица, ни формы всей ея фигуры, обрисовывающіяся изъ-подъ нѣсколько измѣненнаго турецкаго костюма. На ней были шальвары изъ легкой шолковой матеріи въ мелкія разноцвѣтныя полоски; станъ и плечи прикрывалъ подпоясанный шолковымъ поясомъ халатикъ. Эта одежда обрисовывала каждый изгибъ, каждую выпуклость стана. Складки мягкаго шолка облекали формы классической красоты.

— Какая красавица!—восхищался Никола, облизывая руки.— Такой я еще никогда не видалъ; кто она такая?

— Дочь,—отвѣчалъ Стоянъ.

— Чья дочь?

— Хаджи Христо.

— Но... но... а какъ ее зовутъ?

— Иленка.

— Вѣдь она бы понравилась самому султану, еслибъ онъ ее увидѣлъ.

— Конечно,—промолвилъ Станко.

— Ахъ, какая красавица! Ну, да пусть она не хлопочетъ насчетъ этой вазы... Это не ея дѣло.

Онъ, можетъ быть, продолжалъ бы еще въ этомъ родѣ, но Станко прервалъ его:

— Такъ я, значитъ, скажу, что вы сами за все беретесь. Тѣмъ лучше. Я было не хотѣлъ въ такія дѣла мѣшаться, но не было никого другого,—вотъ и взялся. Для своей родины я на все рѣшусь, но предпочитаю, чтобы за меня сдѣлали другіе, потому, что я еще дорожу жизнью. А вы, — спросилъ онъ, — готовы ли рисковать жизнью?

— Да, — отвѣчалъ Стоянъ: — я всегда готовъ отдать свою голову.

— Я тоже!—воскликнулъ Никола.

— Такъ я скажу о васъ и вамъ сообщу, а пока буду передавать которому-нибудь изъ васъ тѣ изданія, которыя предназначены въ читальню.

— Передавай мнѣ!—воскликнулъ Никола.

— Мнѣ все равно,—отвѣчалъ Станко.

— Такъ я буду къ тебѣ вечеромъ заходить.

— Два раза въ недѣлю: въ середу и субботу. Понимаешь?

— Чего же тутъ не понимать? Надо только запомнить: середа, суббота; середа, суббота...—повторялъ про себя Никола.

V.

Можетъ быть, красота Иленки и не произвела бы такого впечатлѣнія на Николу, еслибъ не происшествіе съ хрустальной вазой, которое постоянно напоминало ему дѣвушку. Извѣстно, что незначительныя происшествія приводятъ иногда къ великимъ событіямъ. То, что̀ произошло вслѣдствіе разбитія вазы, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть причислено къ разряду великихъ событій. Произошло нѣчто весьма обыкновенное. Красивая дѣвушка очень понравилась молодому человѣку, а происшествіе еще усилило его чувство.

— Я разбилъ вазу,—повторялъ себѣ Никола:—я ей сдѣлалъ непріятность... ей!..

„Ей", „она": какъ только молодой человѣкъ начинаетъ часто повторять мѣстоименіе женскаго рода,—это прямо указываетъ на то, что есть такая особа, къ которой мѣстоименіе это относится, и что если эта особа еще не вполнѣ завладѣла его сердцемъ, то во всякомъ случаѣ можетъ завладѣть.

— Она... она...

Во время работы въ мастерской портного мѣстоименіе это не давало ему покоя. Онъ, собственно говоря, думалъ о вазѣ. Никола зарабатывалъ столько, что ежемѣсячно могъ отложить десять гурушъ, т.-е. два франка. По счету оказалось, что у него было около двадцати франковъ. Эти сбереженія предназначались на покупку одежды.

— Э!.. одежда...—говорилъ онъ себѣ.—Одежда не уйдетъ. А вотъ надо купить вазу.—Разбитая ваза такъ и стояла передъ его глазами, и онъ былъ увѣренъ, что въ стеклянномъ магазинѣ найдетъ точно такую. Въ двѣнадцать часовъ хозяинъ отпускалъ рабочихъ на одинъ часъ. Никола воспользовался этимъ временемъ, чтобы пойти въ лавку.

— Есть у васъ ваза на „сладко"?

Купецъ посмотрѣлъ на него и спросилъ:—Это тебѣ?

— Нѣтъ, я разбилъ и долженъ купить.

— Какую?

— Какую... такую красивую.

Купецъ показалъ ему простую стеклянную вазу.

— Нѣтъ, не то,—говорилъ Никола.

Купецъ показалъ цвѣтныя: зеленую, голубую, розовую; но Никола все повторялъ:—Нѣтъ не то.

— Ты развѣ хочешь граненую или хрустальную?—спросилъ немного разсерженный купецъ.

— Должно быть, хрустальную,—отвѣчалъ Никола.

— А сколько у тебя денегъ?

— Пятьдесятъ гурушъ.

— Такъ ступай, принеси еще пятьдесятъ, тогда потолкуемъ.— Въ нѣсколькихъ другихъ лавкахъ съ нимъ произошла та же исторія. Одинъ купецъ показалъ ему вазу, очень похожую на ту, которую онъ разбилъ; съ него запросили шестьдесятъ-пять гурушъ. Можетъ быть, купецъ бы даже уступилъ, но Никола не былъ увѣренъ, точно ли она такая, какъ была та, что̀ онъ разбилъ, а потому не рѣшался купить. Это его очень занимало и безпокоило. Онъ упрекалъ себя, что не собралъ кусковъ разбитой вазы: по крайней мѣрѣ могъ бы теперь сравнить. Онъ ходилъ, понуривъ голову, и все думалъ то о разбитой вазѣ, то о дѣвушкѣ.

Между тѣмъ вотъ что̀ произошло въ ближайшее воскресенье: когда молодой человѣкъ сидѣлъ по обыкновенію въ читальнѣ, пришелъ Стоянъ и, усѣвшись около него, шепнулъ:

— Былъ ли ты у Станко?

— Ахъ, нѣтъ! забылъ!—отвѣчалъ Никола.

— Вотъ видишь!

— Право, не знаю, что̀ это со мною? совершенно забылъ.

— Вѣдь вчера была суббота.

— Да... суббота. Середа, суббота... середа, суббота... Забылъ... пойду сегодня вечеромъ.

— Застанешь ли его дома?

— Не понимаю, какъ это я забылъ?—Потомъ, еще больше понизивъ голосъ, онъ спросилъ.—А какъ Иленка?

— Что̀?—спросилъ, нѣсколько удивленный Стоянъ.

— Она не сердится на меня?

— За что̀?

— Да за эту проклятую вазу!

— И!..—успокоилъ его Стоянъ.

Никола вздохнулъ и опять спросилъ, нѣсколько спустя:

— А можно ее видѣть?

— Почему жъ бы нѣтъ!

Нѣсколько минутъ позже онъ вышелъ изъ читальни и направился къ дому хаджи Христо. Войдя во дворъ, онъ самъ не зналъ, какъ бы такъ устроить, чтобъ повидать дѣвушку. Къ счастію, вышла служанка, которую онъ попросилъ вызвать Иленку.

— Зачѣмъ?—спросила служанка.

— Мнѣ надо съ ней поговорить.

— О чемъ?

— О хрустальной вазѣ.

— Ступай вотъ туда!—сказала она, указывая дверь,—а я ей доложу.

Комната, въ которую онъ вошелъ, была меблирована диванами, но въ ней не было никакихъ украшеній. Это былъ мусофирлыкъ, куда пускали мелкихъ просителей, съ которыми хаджи Христо условливался относительно небольшихъ дѣлъ. Здѣсь и хаджи Христица, т.-е. жена хаджи Христо разговаривала съ купцами и торговками. Эту комнату можно бы назвать залой аудіенціи. Служанкѣ казалось, что *коконица* (такъ прислуга, подражая задунайскому обычаю, называла Иленку) хочетъ поговорить съ приказчикомъ изъ лавки стеклянной посуды, и потому она указала Николѣ эту комнату. Едва Никола успѣлъ сѣсть на диванъ, какъ появилась Иленка. Онъ всталъ.

— А!.. — нѣсколько удивленно, нѣсколько вопросительно произнесла она.

— Я пришелъ,—началъ онъ...

— *Добро дошелъ* (здравствуй)!

— Я только на минутку по дѣлу...

— По какому?

— Вотъ... видишь ли,—запинался онъ,—эта ваза.

— Ваза? Ты, можетъ быть, хочешь сказать о разбитой?

— Ну, да! Я не сказать о ней хочу, а спросить: есть ли отъ нея пара?

— Есть,—отвѣчала она нѣсколько удивленно.

— Точно такая же?

— Точно такая же.

— Я бы хотѣлъ посмотрѣть на нее.

Она взглянула на него вопросительно, а потомъ отвѣчала:

— Хорошо... подожди *малко* (немного), вотъ я принесу тебѣ „сладко“ и воду... тогда увидишь.

— Нѣтъ,—возразилъ Никола, протягивая руку.—Я не стану ни „сладко“ ѣсть, ни воды пить; мнѣ только хочется взглянуть на вазу, чтобъ не купить другой.

— Такъ тебѣ понравилась эта ваза?

— Мнѣ не ваза понравилась, и не потому я купить ее хочу.

— А почему же?

— Чтобъ тебѣ не было убытку. Разбилъ,—ну, и долженъ купить.

— Что̀ это ты затѣялъ!—возразила Иленка.—Вотъ еще!

— Вѣдь я разбилъ.

— Да вѣдь не ты одинъ.

— Какъ не я?

— Вмѣстѣ со мной... Ты и я, мы оба вмѣстѣ...

— Ты и я, мы оба вмѣстѣ!—повторилъ молодой человѣкъ, какъ бы пораженный сочетаніемъ этихъ словъ.

— Разбили,—докончила Иленка.

— О, нѣтъ!—возразилъ Никола.

— Развѣ я не должна была предостеречь тебя, видя, какъ ты поднялъ вазу вмѣстѣ съ ложечкой; я даже больше тебя виновата.

— Э, — отвѣчалъ Никола, — это пустое... Я разбилъ и я долженъ купить; этого требуетъ справедливость, это моя обязанность.

— Обязанность?—повторила серьезно дѣвушка.—У тебя и безъ того есть обязанности: служи Болгаріи—вотъ твоя обязанность!

— А!—воскликнулъ Никола.—Съ чего это ты вздумала говорить мнѣ объ этомъ?

— Стоянъ разсказывалъ намъ о тебѣ, такъ вотъ мнѣ и кажется, что ты не долженъ думать о вазѣ. Чтò стоитъ ваза въ сравненіи съ *мэмлекетомъ*!

— Конечно, конечно,—повторилъ Никола.

— О вазѣ ты забудь.

— Забуду, забуду, но...

— Чтò такое?—спросила она, ласково взглянувъ на него.

— О тебѣ я не забуду...

Дѣвушка опустила глаза, помолчала, потомъ сказала нѣсколько смущенно:

— Развѣ я больше вазы стою въ сравненіи съ *мэмлекетомъ*?

— Ты?.. въ сравненіи съ *мэмлекетомъ*? не... знаю... не знаю...

— За мэмлекетъ, если ты настоящій болгаринъ, ты долженъ и жизнь отдать.

— А за тебя я бы не отдалъ жизни?.. а?

— Болгаринъ не долженъ такъ говорить,—отвѣчала дѣвушка и хотѣла уйти.

— Постой!—остановилъ ее Никола.

Она остановилась и обернулась.

— О вазѣ забуду... о тебѣ постараюсь забыть, но... не знаю, съумѣю ли. Попробую, однако: дороже тебя будетъ у меня Болгарія... Посмотримъ, чтò изъ этого выйдетъ... А пока... вотъ что... э! — онъ махнулъ головой и будто отгонялъ отъ себя какую-то мысль:—нѣтъ... Прощай!

— Прощай,—отвѣчала Иленка.

Иленка быстро удалилась наверхъ въ мусо-фирлыкъ и, ставъ за занавѣской, смотрѣла черезъ окно на Николу, который, выбѣжавъ со двора, поспѣшно удалялся. Его что-то гнало, и онъ бѣжалъ, какъ пришпоренная лошадь. Онъ будто чувствовалъ на себѣ сѣдока, но ѣздокъ свободно пускалъ поводья. Еслибъ онъ встрѣтилъ на дорогѣ канаву, онъ бы перепрыгнулъ черезъ нее; еслибъ встрѣтилъ заборъ—перепрыгнулъ бы; турка бы встрѣтилъ—турка бы опрокинулъ. Имъ овладѣла какая-то удаль. Къ счастью, онъ не наткнулся ни на ровъ, ни на заборъ, ни даже турка не встрѣтилъ, вбѣжалъ въ читальню и только тогда очнулся.

— Чего я такъ бѣжалъ?—спросилъ онъ себя.

Признаки усталости были очевидны, и всѣ въ читальнѣ посмотрѣли на него съ удивленіемъ; онъ покраснѣлъ какъ ракъ, и не могъ удержаться отъ усиленнаго дыханія.

— Набѣгался?—сказалъ ему сосѣдъ.

— Я не бѣгалъ,—отвѣчалъ Никола.

— Тяжести, что-ли, таскалъ?

— Нѣтъ, не таскалъ.

— Такъ чего-жъ сопишь какъ кузнечный мѣхъ и чего такъ покраснѣлъ?

— Ахъ!—вздохнулъ Никола.

— Вѣдь на дворѣ не очень жарко?

— А мнѣ все-таки жарко.

— Лихорадка, что-ли, напала?

— Ахъ, нѣтъ!.. такъ что-то сдѣлалось.

— Сходи къ знахаркѣ, чтобъ пошептала.

Никола махнулъ рукой, вздохнулъ и старался развлечься чтеніемъ. Взялъ одну газету, другую, третью, перечитывалъ, но рѣшительно ничего не понималъ. Онъ видѣлъ буквы, слова и строки, но они не вызывали въ немъ никакихъ представленій,—читалъ совершенно механически,—наконецъ, сталъ смотрѣть во всѣ стороны и будто кого-то искалъ. Онъ дѣйствительно искалъ Стояна, но его здѣсь не было.

„Должно быть, ушелъ домой“,—подумалъ Никола и какъ до сихъ поръ механически читалъ, такъ и теперь всталъ, какъ автоматъ, и пошелъ въ городъ.

Теперь онъ уже не спѣшилъ: шелъ медленно, всякому уступалъ дорогу, о чемъ-то думалъ, но самъ не зналъ, куда идетъ, и до тѣхъ поръ шелъ, пока не принужденъ былъ остановиться. Остановила его естественная преграда—пропасть, къ краю которой подошелъ. Приподнявъ голову, онъ увидѣлъ Дунай, а за Ду-

наемъ—громадную необъятную плоскость, имѣющую видъ зеленаго моря. На этомъ морѣ вдали блестѣли какія-то точки, но на нихъ Никола не обратилъ вниманія. Смотрѣлъ, смотрѣлъ и перестаⅼъ видѣть. Онъ сѣлъ надъ пропастью, поджалъ по-турецки ноги, оперся на нихъ локтями и, положивъ подбородокъ на кулаки, оставался въ этомъ положеніи цѣлый часъ, а можетъ быть и больше. Казалось, онъ задумался, но еслибъ кто-нибудь спросилъ его: „о чемъ?"—онъ не могъ бы отвѣтить. Ему представлялись какія-то картины, мерещилось что-то какъ бы во снѣ... Яснѣе всего онъ видѣлъ Болгарію, которая рисовалась ему въ видѣ прекрасной блондинки, очень похожей на Иленку. Мало-по-малу мысли его приходили въ порядокъ, и, наконецъ, онъ сталъ ясно сознавать свое настроеніе, которое выразилъ слѣдующими словами:

— Еслибъ она (Иленка или Болгарія?) приказала мнѣ прыгнуть съ этого мѣста въ Дунай... я бы прыгнулъ.

Онъ вздохнулъ.

Предпріятіе это было потому безсмысленно, что въ этомъ мѣстѣ невозможно было прыгнуть въ Дунай: между подножіемъ пропасти и берегомъ рѣки, находилась прибрежная полоса, шириной по крайней мѣрѣ шаговъ въ шестьдесятъ. Подобнаго прыжка не могъ бы совершить самый лучшій гимнастъ. Но вѣдь прыжокъ этотъ принадлежалъ къ тому разряду, который производится упругостью сердца, не привыкшаго принимать въ разсчетъ никакихъ разстояній. Какъ бы тамъ ни было, безсмыслица эта доказывала, что мысли Николы не перепутывались теперь между собою, что онѣ стали принимать извѣстное направленіе. Результатомъ этого направленія явилась другая, еще бо́льшая безсмыслица, которая указывала, что, несмотря на весьма реальное пребываніе прежде въ пастухахъ, а теперь въ мастерской портного, несмотря на весь реализмъ тѣхъ усилій, благодаря которымъ Никола пріобрѣталъ свои познанія, однимъ словомъ, несмотря на то, что онъ былъ погруженъ въ практическую среду, Никола все-таки былъ идеалистомъ, даже еще хуже—онъ былъ романтикомъ!

Никола увидѣлъ вдали длинный рядъ летѣвшихъ лебедей. Они представлялись въ видѣ бѣлой полосы на голубомъ небосклонѣ и стройно, какъ войско, летѣли, только не „черной колонной, какъ грязная лава", но свѣтлой изгибающейся лентой. Никола смотрѣлъ, смотрѣлъ и обратился къ лебедямъ съ воззваніемъ:

— О, лебеди, лебеди! еслибъ я могъ полетѣть съ вами!

И съ чего это пришло ему въ голову? Но это былъ дальнѣйшій результатъ того фантастическаго направленія, которое приняли

приходившія въ порядокъ мысли Николы: онъ сталъ желать чего-то болѣе опредѣленнаго, но въ самой необузданной ничѣмъ формѣ... Еслибъ онъ могъ летѣть вмѣстѣ съ лебедями, онъ бы указалъ имъ дорогу не на зеленыя болота, но въ Цареградъ, прямо во дворецъ султана... Вотъ султанъ гуляетъ въ саду. Лебеди прилетаютъ и вдругъ спускаются на него громаднымъ десяти-тысячнымъ стадомъ. Въ то время царствовалъ Абдулъ-Азисъ, прославившійся своими выпуклыми глазами и еще тѣмъ, что, будучи наслѣдникомъ, любилъ забавляться отрѣзываніемъ головъ индюкамъ. По словамъ Садыка-паши, это былъ великій человѣкъ. Но, несмотря на то, неожиданное нападеніе десяти тысячъ лебедей поставило бы его въ довольно затруднительное положеніе.

— О, лебеди, лебеди!—повторялъ Никола.

И въ самомъ дѣлѣ, что̀ бы султанъ сдѣлалъ со всѣмъ своимъ величіемъ, еслибъ его хоть разъ ущипнулъ каждый лебедь? Онъ, конечно, защищался бы, отрѣзалъ бы имъ головы, но вѣдь отъ этого ему не стало бы легче, и въ концѣ концовъ онъ-таки принужденъ бы былъ воскликнуть: „Аманъ, аманъ! чего вы, лебеди, хотите отъ меня?“ Тогда бы выступилъ Никола съ готовымъ фирманомъ въ рукѣ и сказалъ бы:

— Или подпиши вотъ эту бумагу... или пусть заклюютъ тебя лебеди...

Конечно, султанъ подписалъ бы бумагу.

Фирманъ заключалъ бы приказъ всѣмъ пашамъ, каймаканамъ, мудирамъ и всѣмъ вообще статскимъ и военнымъ чинамъ, чтобы они тотчасъ же убирались изъ Болгаріи. Вотъ о чемъ мечталъ молодой человѣкъ; это, впрочемъ, было только начало мечты. Потомъ являлась на сцену Иленка. Никола становился передъ ней съ фирманомъ въ рукѣ и держалъ такую рѣчь:

— Вотъ видишь!.. Я это сдѣлалъ... Я нашелъ союзниковъ нашихъ, птицъ... О, лебеди, лебеди!—восклицалъ онъ, видя, какъ бѣлая лента сгибается внизъ, спускаясь на дунайскія болота. Вдругъ онъ очнулся.

Кто-то спрашивалъ его:

— Что̀ ты здѣсь дѣлаешь?

Онъ оглянулся. Рядомъ съ нимъ, нѣсколько сзади, стояла женщина, которая, казалось, остановилась, проходя мимо. Женщину эту ему уже приходилось встрѣчать.

Никола посмотрѣлъ на нее и отвѣтилъ:

— Такъ себѣ, сижу...

— Не сиди здѣсь, сынокъ.

— Почему?—спросилъ онъ.

— Это мѣсто нехорошее: здѣсь можетъ закружиться голова... А что у тебя голова еще не вскружилась?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, удивленный этимъ вопросомъ.

— Ты вотъ лебедей звалъ... чего ты хочешь отъ нихъ?

Этотъ вопросъ смутилъ нашего героя.

— Гм...—продолжала женщина. — Оставь ты лебедей въ покоѣ... Ничего ты у нихъ не выпросишь.

— Развѣ я ихъ о чемъ просилъ?

— Ты такъ ихъ звалъ, какъ бы, ко мнѣ обращаясь, сказалъ: „баба Мокра". Оставь ихъ въ покоѣ... и не сиди здѣсь... Развѣ тебѣ нечего дѣлать?

— Мнѣ?.. нечего дѣлать?

— Вотъ видишь... наступаетъ вечеръ.—Старушка указала на небо, на западной сторонѣ котораго спускалось красное большое солнце.

— Вотъ уже вечеръ,—повторила старушка,—кончается день, а подъ конецъ его всякому надо кончить свое дѣло. Неужели ты ничего не начиналъ?—спросила она.

Никола всталъ, посмотрѣлъ на старуху и отвѣчалъ:

— Я, баба, началъ служить.

— Вотъ видишь,—отвѣчала она.—Ступай же на свою службу, а здѣсь не садись. Впрочемъ, если тебѣ дозволятъ...

Баба Мокра сразу начала говорить съ Николой тономъ нравственнаго превосходства, не допускающимъ возраженій. Поэтому онъ безпрекословно повиновался.

Она осталась, онъ ушелъ.

Отвѣчая старухѣ, что онъ началъ служить, Никола опять имѣлъ въ виду службу Болгаріи, о которой говорила ему Иленка. Этотъ разговоръ подѣйствовалъ на молодого человѣка, мысли его спутались, и потомъ, приводя ихъ въ порядокъ, онъ дважды пришелъ къ нелѣпости.

Конечно, это были нелѣпости съ практической точки зрѣнія. Но эти нелѣпости нисколько не были хуже тѣхъ, благодаря которымъ человѣчество прожило цѣлые вѣка съ вѣрой въ чудесное и во всякаго рода постороннія вмѣшательства въ обыденныя людскія дѣла. Вѣдь человѣчество было тоже ребенкомъ и юношей: оно создавало себѣ вѣрованія и безгранично полагалось на нихъ. Никола тѣмъ отличался отъ человѣчества, что онъ не строилъ себѣ вѣрованій, но мечталъ и притомъ условно. Еслибъ „она" ему приказала — онъ прыгнулъ бы; еслибъ онъ сдѣлался лебедемъ—привезъ бы султанскій фирманъ. Онъ не вѣровалъ, а только мечталъ. Еслибъ баба не помѣшала ему, онъ бы остался

на мѣстѣ и, быть можетъ, просидѣлъ бы всю ночь. Тогда мечты его, подъ вліяніемъ темноты, вѣроятно приняли бы другую окраску. Но баба пришла, приказала—онъ послушался, ушелъ, и только когда уже значительно удалился отъ пропасти, спросилъ себя: почему это онъ послушалъ, почему подчинился нравственному вліянію бабы? Баба Мокра! Онъ что-то слышалъ о ней, но ничего не могъ вспомнить.

Размышляя такимъ образомъ, онъ шелъ въ квартиру Станко за „запрещеннымъ".

Станко жилъ въ школѣ, или школа занимала его квартиру, которая состояла изъ двухъ горницъ: класса и кухни. Въ классѣ не было ни партъ, ни столовъ. Только лежавшія на полкѣ книги, доска и висѣвшая на стѣнѣ карта Европы, изданная въ началѣ нынѣшняго столѣтія, указывали, что это классъ. Ученики садились на полу. Такъ какъ это было воскресенье, то въ классѣ помѣщалась семья Станко: жена и пятеро малютокъ, между которыми самой старшей дѣвочкѣ было не больше восьми лѣтъ.

— Здравствуйте!—сказалъ, входя, Никола.

Станко привѣтствовалъ его, но не всталъ съ мѣста: одинъ ребенокъ былъ у него на рукахъ, другой сидѣлъ на колѣняхъ, а третій прижался къ нему.

— Я ждалъ тебя вчера,—сказалъ хозяинъ.

— Виноватъ,—отвѣчалъ Никола, садясь рядомъ, и, ударяя себя кулакомъ въ лобъ, прибавилъ:—это вотъ эта голова виновата... забылъ!

— Не сердись на себя... всѣ мы люди!.. Память?.. гм... Только въ седьмой разъ память пристаетъ къ головѣ. Ты забылъ только первый разъ... и я нисколько не удивлялся... Но вотъ что: я предположилъ, что ты раздумалъ.

— Вотъ еще!—протестовалъ Никола.

— Да вѣдь это рискъ, а не всякій способенъ рисковать жизнью.

— Вѣдь ты рисковалъ, хотя у тебя дѣти.

— Гм...—возразилъ Станко:—это другой вопросъ.

— Какъ другой?

— Да вѣдь это мое *эснафъ* (ремесло). Начинаю съ азбуки, а потомъ все дальше и дальше... Дѣтей учу: азъ, буки... взрослымъ говорю: читайте... такъ это и пошло, и вотъ теперь разношу изданія, до которыхъ люди и дотронуться боятся... Но мнѣ не хочется рисковать головой... И мнѣ показалось, что и тебѣ жизнь не надоѣла.

— Конечно, не надоѣла.

— Такъ подумай; можетъ быть, раздумаешь!

— Еслибъ я раздумалъ, тогда бы ты опять взялъ это на себя.

— Нѣтъ... меня уже примѣтили.

— Такъ вѣдь надо кого-нибудь?

— Да, надо, только такого, чтобы, какъ я уже говорилъ въ саду хаджи Христо, и на горячихъ угольяхъ не сказалъ бы того, о чемъ знаетъ.

— Да вѣдь объ этомъ была уже рѣчь.

— Да, но подумалъ ли ты хорошенько?

— Немного подумалъ.

— А думалъ ли ты объ этомъ въ продолженіе недѣли?

Этотъ вопросъ не особенно былъ пріятенъ Николѣ. Онъ не отвѣчалъ на послѣдній вопросъ. Станко же повторилъ его въ нѣсколько иной формѣ.

— О чемъ ты думалъ всю эту недѣлю?

— О вазѣ,—отвѣчалъ Никола.

— А!..—нѣсколько удивился Станко.

— О той, которую я разбилъ.

— Такъ тебѣ она засѣла въ память?

— Хотѣлъ купить такую же.

— Ну?

— Ни денегъ со мной столько не было, ни выбрать какъ слѣдуетъ не умѣлъ; вотъ и сходилъ сегодня въ *момицѣ* хаджи Христо, чтобъ показала мнѣ такую же вазу.

— И что́ же?

— А то, что теперь уже и задумываться мнѣ нечего, сталъ ли бы я болтать на раскаленныхъ угольяхъ!

— Красавица!—замѣтилъ Станко и спросилъ:—А ты ничего съ нею про меня и про „запрещенное“ не говорилъ?

— Ни слова.

— Вотъ это хорошо. Такъ если ты рѣшился, то надо будетъ обождать только, пока выйдетъ разрѣшеніе.

— Разрѣшеніе?.. — повторилъ Никола:—сегодня вотъ уже второй разъ говорятъ мнѣ о разрѣшеніи.

— Какъ такъ?

— Теперь ты вотъ говоришь, а нѣсколько минутъ тому назадъ то же самое говорила мнѣ баба Мокра.

— Гдѣ же ты ее видѣлъ?

— Сидѣлъ себѣ надъ пропастью, она пришла, приказала уйти и прибавила, что можно и мнѣ будетъ тамъ садиться, когда дозволятъ...

— Гм...—бормоталъ Станко:—а знаешь ты ее?

— Что́-то о ней слышалъ.

— Это немного странная, но очень умная женщина. Весь Рущукъ ее знаетъ: она не боится ни аги, ни самого паши.

— Это сейчасъ видно.

Станко хотѣлъ еще что-то сказать, но только покачалъ головой и позвалъ жену, которая готовила въ кухнѣ ужинъ.

— Возьми ребенка, — сказалъ онъ ей, передавая спящаго малютку.—Мнѣ надо съ книгами покончить.

Жена взяла ребенка; онъ всталъ и ушелъ, но скоро вернулся съ пустыми, казалось, руками; однако, сѣвъ рядомъ съ Николой, вынулъ изъ рукава газету, сложенную въ нѣсколько разъ, и маленькую брошюру въ красной обложкѣ. Положивъ ихъ передъ Николой, онъ сказалъ:

— Возьми вотъ это и вложи себѣ въ рукавъ.

Никола исполнилъ приказаніе.

— А когда будешь идти по улицѣ, смотри, чтобы заптіи не арестовали тебя и не посадили бы въ апсу (тюрьму).

— Съ какой же стати имъ арестовать меня?

— Съ какой стати? Можешь показаться имъ подозрительнымъ. Они арестуютъ тебя, обшарятъ карманы, все отнимутъ, и если найдутъ парички, то арестуютъ и выпустятъ безъ паричекъ; если же найдутъ „запрещенное“, тогда тебя станутъ водить изъ тюрьмы въ конакъ, изъ конака въ тюрьму, будутъ допрашивать, толкать, бить по пяткамъ, голодомъ морить, пытать и, наконецъ, или повѣсятъ, или въ Акрѣ (St. Jean-d'Acre) сгноятъ... Понимаешь?

— Ну, да...—отвѣчалъ Никола, насупивъ брови.

— Теперь знаешь, на что̀ пошелъ?

— Конечно, знаю.

— Ну, такъ берегись, и да благословитъ тебя Богъ! — Заходи въ середу, а теперь слышишь? — поднявъ указательный палецъ, онъ обращалъ вниманіе Николы на жалобное, протяжное пѣніе муэдзина, которое доносилось изъ ближайшаго минарета:—вечерній намазъ... Черезъ полчаса можно будетъ ходить только кошкамъ, собакамъ и заптіямъ... Спѣши.

Никола вскочилъ и пошелъ.

На улицѣ было усиленное движеніе, такъ какъ каждый торопился домой. Въ это время, особенно въ праздничные и воскресные дни, часто проходили патрули, подбирая пьяныхъ и арестуя подозрительныхъ. Никола считалъ себя подозрительнымъ и легко могъ бы попасться, еслибъ какой-нибудь заптій внимательно посмотрѣлъ на него. Но счастье не измѣнило ему. Онъ благополучно добрался до читальни и такимъ образомъ успѣшно началъ новую свою службу.

РУССКОЕ СЛАВЯНОВѢДЕНІЕ

въ

XIX-мъ СТОЛѢТІИ

II *).

Первое общее условіе, способствовавшее правильной постановкѣ нашего славяновѣденія, заключалось въ развитіи исторической критики, прежде всего примѣненной къ самой русской исторіи. Главнымъ представителемъ этого движенія былъ Карамзинъ. Его предшественники успѣли уже собрать большую массу свѣденій, въ отдѣльныхъ случаяхъ показали не мало остроумія объясненій и догадокъ, но у нихъ не было все-таки критическаго такта, который бы постоянно сопровождалъ историка. Послѣ настоятельныхъ уроковъ Шлёцера русскіе историки начинали усвоивать это критическое настроеніе, и прежде всѣхъ Карамзинъ. Ему не приходило уже въ голову повторять баснословія,—какъ мы видѣли, державшіяся у насъ до самаго XIX-го столѣтія; онъ не думаетъ отождествлять съ русскими или славянами всякіе древніе народы, жившіе на современной русской территоріи, если ихъ имена поддавались на какую-нибудь мнимо-историческую игру словъ, по которой прежде не сомнѣвались зачислять ихъ въ нашихъ предковъ. Такимъ образомъ отпадала (впрочемъ, какъ увидимъ дальше, еще не совсѣмъ) масса ненужныхъ разсужденій о мнимой славяно-русской древности, и вниманіе могло быть собрано

*) См. выше: іюль, стр. 238.

на тѣхъ свидѣтельствахъ древности, которыя дѣйствительно и несомнѣнно относились къ славянству.

Такъ и поступаетъ Карамзинъ. Его разсказы о древнихъ судьбахъ славянства, правда, еще далеко не точны и не полны, но по крайней мѣрѣ онъ желаетъ остаться въ кругу положительныхъ данныхъ. Точно также онъ желаетъ составить себѣ опредѣленныя представленія о внутреннихъ отношеніяхъ славянства, о родствѣ современныхъ племенъ, основываясь на тѣхъ свѣдeніяхъ, какія за то время онъ правильно считалъ наиболѣе компетентными. Въ прежнее время наши историки въ состояніи были только огуломъ пересчитывать славянскія племена, и то невѣрно, и не знали, гдѣ получить достовѣрныя свѣденія о родственности племенъ; эти указанія не были достаточны и у Шлёцера. Карамзинъ, безъ сомнѣнія по слѣдамъ Шлёцера, обратился къ той западной нѣмецко-славянской литературѣ, которая тогда въ первый разъ желала выяснить распредѣленіе славянскихъ племенъ по степенямъ родства и, сколько умѣла, это сдѣлала. Карамзинъ знаетъ какъ средневѣковыхъ славяно-латинскихъ и нѣмецко-латинскихъ лѣсописцевъ, которые теперь введены были въ изслѣдованіе, такъ знаетъ и труды упомянутыхъ нѣмецко-славянскихъ ученыхъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, знаетъ Іордана, Поповича, Гебгарди, Тунмана, Гаттерера, Рюдигера и Добровскаго. Въ результатѣ его опредѣленіе, однако, все-таки весьма недостаточно. Онъ говоритъ о дѣленіи славянскихъ нарѣчій (и стало быть племенъ) слѣдующимъ образомъ:

„Разсѣянныя по Европѣ, окруженныя другими народами и нерѣдко ими покоряемыя, славянскія племена утратили единство языка, и въ теченіе временъ произошли его нарѣчія, изъ коихъ главныя суть:

„1) Русское, болѣе всѣхъ другихъ образованное и менѣе всѣхъ другихъ смѣшанное съ чужеземными словами. Побѣды, завоеванія и величіе государственное, возвысивъ духъ народа россійскаго, имѣли счастливое дѣйствіе и на самый языкъ его, который, будучи управляемъ дарованіемъ и вкусомъ писателя умнаго, можетъ равняться нынѣ въ силѣ, красотѣ и пріятности съ лучшими языками древности и нашихъ временъ. Будущая судьба его зависитъ отъ судьбы государства.

„2) Польское, смѣшанное со многими латинскими и нѣмецкими словами: имъ говорятъ не только въ бывшемъ Королевствѣ Польскомъ, но и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пруссіи, дворяне въ Литвѣ и народъ въ Силезіи, по сю сторону Одера.

„3) Чешское, въ Богеміи, въ Моравіи и Венгріи, по утверж-

денію Іорданову ближайшее къ нашему древнему переводу Библіи, а по мнѣнію другихъ богемскихъ ученыхъ среднее между кроатскимъ и польскимъ. Венгерское нарѣчіе именуется словакскимъ, но разнится отъ чешскаго, большею частію только въ выговорѣ, хотя авторы Многоязычнаго Словаря признаютъ его особеннымъ. Впрочемъ и другія славянскія нарѣчія употребляются въ Венгріи.

„4) Иллирическое, то-есть болгарское — самое грубое изъ всѣхъ славянскихъ—боснійское, сербское—самое пріятнѣйшее для слуха, какъ многіе находятъ—славянское и далматское.

„5) Кроатское, сходное съ вендскимъ въ Стиріи, Каринтіи, Крайнѣ, также съ лаузицскимъ, котбузскимъ, кашубскимъ и люховскимъ. Въ Мейсенѣ, Бранденбургѣ, Помераніи, Мекленбургѣ и почти во всемъ Люнебургѣ, гдѣ нѣкогда славянскій языкъ былъ народнымъ, онъ уже замѣненъ нѣмецкимъ".

Карамзинъ ссылается здѣсь на Добровскаго, именно на одну статью 1791 года; но Добровскій нѣсколько разъ возвращался къ вопросу о распредѣленіи славянскихъ нарѣчій и въ концѣ концовъ приходилъ къ гораздо болѣе точному опредѣленію ихъ отношеній, чѣмъ то, какимъ воспользовался Карамзинъ. Уже въ 1795 было заявлено другомъ Добровскаго, Дурихомъ, свѣденіе объ открытіи Добровскимъ тѣхъ отличительныхъ признаковъ, по которымъ славянскія нарѣчія распадаются вообще на двѣ группы или на два порядка. Впослѣдствіи самъ Добровскій нѣсколько разъ излагалъ эту свою классификацію (въ послѣдній разъ въ предисловіи къ его Institutiones linguae slavicae, 1822), и Карамзинъ могъ воспользоваться тѣми изложеніями, какія явились, напримѣръ, въ предисловіи къ первому изданію чешской грамматики Добровскаго 1809 года: здѣсь Добровскій принималъ упомянутые два „порядка" или отдѣла славянскихъ нарѣчій; къ первому онъ относилъ нарѣчія русское, сербское, кроатское и вендское; ко второму—чешское, верхне-лужицкое и нижне-лужицкое, и польское. Къ сербскому онъ причислялъ, правда, еще и болгарское, и языкъ старо-славянскій также считалъ древне-сербскимъ, который смѣшался потомъ съ русскимъ. Затѣмъ Добровскій опредѣлилъ эту классификацію съ бо̀льшею точностью, но Карамзинъ (и во второмъ изданіи „Исторіи") не воспользовался его новыми объясненіями, такъ что уже въ то время его изложеніе, выше приведенное, было недостаточно [1].

[1]) Объ этихъ взглядахъ Добровскаго см., напримѣръ, въ книгѣ И. Снегирева: „Іосифъ Добровскій. Его жизнь, учено-литературные труды и заслуги для славяновѣденія", Казань, 1884, стр. 73, 156—158, 268, 278. Рецензія „Исторіи государства Россійскаго", Добровскаго, въ вѣнскихъ Jahrbücher der Litteratur, 1822, т. XX.

Болѣе внимательное изученіе первыхъ вѣковъ нашей исторіи указывало съ другой стороны на оживленныя сношенія съ славянскимъ югомъ, Болгаріей и Сербіей, оставившія свой слѣдъ и въ памятникахъ письменныхъ. Такимъ образомъ въ естественномъ развитіи историческаго интереса являлся новый вопросъ о древнихъ русскихъ памятникахъ въ ихъ сосѣдствѣ и связи съ памятниками южно-славянскими. Независимо отъ Карамзина, даже раньше появленія первыхъ томовъ его „Исторіи“, вопросы этого рода возбуждались въ немноголюдномъ еще кружкѣ ученыхъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ Москвѣ съ конца прошлаго столѣтія мысли такого рода зарождались въ преподаваніи Чеботарева, котораго самъ Шлёцеръ называлъ своимъ руководителемъ и который, между прочимъ, указывалъ уже тогда, „что славяне принадлежатъ къ тому великому древу народовъ, отъ котораго, какъ вѣтви, произросли германцы, римляне и греки, что̀ доказывается сравненіемъ ихъ языковъ“.

Въ 1804 году основано было московское Общество исторіи и древностей: первое время оно̀ было, правда, не весьма дѣятельно, но думали уже о критическомъ изслѣдованіи Нестора; Тимковскій изслѣдовалъ Патерикъ и указывалъ „на наши сокровищницы, въ коихъ хранятся письменные памятники славянской древности“; въ первомъ засѣданіи 1812 года назначенъ былъ къ печати цѣлый рядъ замѣчательныхъ памятниковъ, которые вышли позднѣе, въ 1815, въ первомъ томѣ „Русскихъ Достопамятностей“. Дѣло было въ рукахъ людей, какъ Тимковскій, опытный критикъ, и Каченовскій, пытливость котораго не мало содѣйствовала раскрытію новыхъ сторонъ вопроса о русско-славянской древности. Въ томъ же 1812 году Общество ставитъ на премію вопросъ о славянскомъ языкѣ. Въ то время, когда Шишковъ проповѣдовалъ свою теорію о первенствѣ славянскаго языка и воздвигалъ безполезное зданіе своего словопроизводства, въ московскомъ Обществѣ предметъ поставленъ какъ вопросъ, еще требующій объясненія. Въ темѣ спрашивалось о „такъ-называемомъ славенскомъ языкѣ“, языкѣ Библіи и другихъ памятниковъ — „въ самомъ ли дѣлѣ онъ есть подлинный коренной языкъ, произведшій столь многія отрасли, или онъ не что̀ иное есть, какъ токмо *произведенный*, подобно прочимъ?“ Еслибы отвѣтъ на второй пунктъ былъ утвердительный, то слѣдовало объяснить, существуетъ ли до сихъ поръ коренной славянскій языкъ и гдѣ? Эти вопросы совпадали съ тѣмъ, что̀ занимало самаго глубокаго тогда изслѣдователя славянской древности — Добровскаго; нѣсколько раньше онъ объяснялъ уже, что старо-славянскій языкъ нельзя

считать корнемъ или матерью другихъ славянскихъ нарѣчій, что это есть не родъ, а видъ, и въ этомъ смыслѣ принадлежитъ къ первому изъ двухъ принятыхъ имъ „порядковъ“ славянскихъ нарѣчій и племенъ [1]); но вопросъ оставался еще не вполнѣ выясненнымъ, какъ остается и до сихъ поръ.

По мнѣнію г. Кочубинскаго, постановка этихъ вопросовъ въ московскомъ Обществѣ сдѣлана была именно Каченовскимъ [2]).

Въ обычныхъ литературныхъ понятіяхъ имя Каченовскаго памятно всего больше, если не исключительно, какъ имя журналиста, который въ двадцатыхъ годахъ былъ представителемъ старомоднаго направленія, враждебнаго Пушкину и его школѣ. Полемика его „Вѣстника Европы“ противъ романтической школы; статьи Надеждина, которыя нашли у него пріютъ; эпиграммы Пушкина; нѣсколько забавныя жалобы Каченовскаго въ цензурное вѣдомство на Полевого и его цензора Глинку, и т. д. — вотъ чѣмъ особенно извѣстно имя Каченовскаго. Съ другой стороны онъ довольно извѣстенъ какъ основатель у насъ не совсѣмъ удачной „скептической школы“ въ исторіографіи, — школы, которая впрочемъ, несмотря на свои преувеличенія, принесла пользу, пріучая нашихъ, еще не весьма опытныхъ, историковъ къ критической осмотрительности. „Навѣты скептиковъ“ именно послужили къ первымъ подробнымъ изслѣдованіямъ о Несторовой лѣтописи и другихъ памятникахъ нашей старой исторической письменности. Въ воспоминаніяхъ его бывшихъ слушателей [3]) Каченовскій является однимъ изъ тѣхъ, очень немногихъ тогда профессоровъ, которые умѣли затронуть любознательность своей аудиторіи, увлекать ее критическимъ остроуміемъ и широкимъ горизонтомъ историческаго наблюденія. Извѣстно, что въ числѣ учениковъ Каченовскаго, вступавшихъ на скептическій путь, былъ даже столь обстоятельный впослѣдствіи Бодянскій. Но была еще третья, наименѣе оцѣненная тогда и долго послѣ, сторона дѣятельности Каченовскаго: это — его славянскія изученія [4]). Историкъ начальныхъ годовъ русскаго славяновѣденія не сомнѣвается, что когда Разумовскій, другъ Каченовскаго и прежній попечитель московскаго университета, назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія и основалъ въ московскомъ университетѣ

[1]) Slavin, Прага, 1806, статья: „Ueber die Altslavonische Sprache nach Schlözer, mit Anmerkungen“, стр. 362—388.

[2]) „Начальные годы русскаго славяновѣденія“, Одесса, 1887-1888, стр. 39—40.

[3]) Недавно мы читали послѣдній отголосокъ ихъ въ „Воспоминаніяхъ“ г. Гончарова.

[4]) Данныя объ этомъ собраны въ той же книгѣ Кочубинскаго, стр. 40 и далѣе

„катедру славянской словесности“, чтобы ознакомить учащихся со всѣми вообще славянскими книгами, съ показаніемъ соотношенія россійскаго языка къ славянскому и происхожденія его изъ славянскаго“, внушителемъ этой мысли могъ быть только Каченовскій. Это весьма вѣроятно, потому что не было другого лица, которому этотъ предметъ былъ тогда столь близокъ. На первый разъ, однако, каѳедра была занята не весьма удачно. Профессоръ Гавриловъ (ум. 1829) наполнялъ свои славянскія лекціи чтеніемъ псалтыри и восхищеніемъ ея красотами, то-есть съ реторической точки зрѣнія, во вкусѣ Шишкова. Г. Кочубинскій замѣчаетъ, что эта первая каѳедра славянскаго языка не принесла добрыхъ плодовъ и, напротивъ, могла лишь убить въ молодежи охоту къ изученію предмета. Можно было бы прибавить, что свою, неудобную въ этомъ смыслѣ, сторону имѣли и труды самого Каченовскаго: то живое и научно-широкое, что было въ его славянскихъ интересахъ и изученіяхъ, соединилось, къ сожалѣнію, съ литературнымъ старовѣрствомъ, которое ввело его во вражду съ молодыми литературными поколѣніями. Въ полемикѣ послѣднихъ противъ него цѣлью насмѣшекъ становились, между прочимъ, славянскія и старо-славянскія пристрастія Каченовскаго: уже съ этихъ поръ стало, повидимому, складываться то представленіе, долго у насъ господствовавшее, что славянскіе вкусы и археологическія влеченія нераздѣльны съ безучастіемъ къ живымъ интересамъ литературы и даже прямо нераздѣльны съ тенденціями ретроградными. Дальше будемъ имѣть случай видѣть, что такое впечатлѣніе подновлялось нѣкоторыми литературными явленіями и впослѣдствіи.

По смерти Мерзлякова въ 1830 году, отъ московскаго университета объявлена была программа для конкурса на вакантную каѳедру „краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго“. Здѣсь, между прочимъ, по русскому языку требовалось указать „отношенія къ нему языковъ славянскаго происхожденія, прежде установившихся и получившихъ постоянныя формы, и именно — *церковнаго, богемскаго и польскаго*“. Это былъ первый ясный намекъ на учрежденныя вскорѣ, университетскимъ уставомъ 1835 года, каѳедры славянскихъ нарѣчій.

Въ своемъ журналѣ Каченовскій постоянно давалъ мѣсто своимъ или заимствованнымъ статьямъ по славянской исторіи, современнымъ дѣламъ и литературѣ. Такъ, съ 1805 года и до 1830, были здѣсь статьи о „жителяхъ области Монтенегро или черногорцахъ“; о Георгіи Черномъ, предводителѣ сербовъ; краткія свѣденія о Болгаріи (1810); о польскомъ языкѣ, изъ Снядец-

каго; „Замѣчанія о языкахъ богемскомъ, польскомъ и нынѣшнемъ россійскомъ“, изъ Бандтке; о трудахъ Добровскаго; о старыхъ церковно-славянскихъ книгахъ; о чешской литературѣ; о народныхъ славянскихъ обычаяхъ; записки о путешествіи по славянскимъ землямъ, каноника Бобровскаго; о славянскихъ народныхъ пѣсняхъ, изъ Бродзинскаго, и т. д. Въ собственныхъ изслѣдованіяхъ, касавшихся славяно-русской древности, Каченовскій говорилъ объ источникахъ для русской исторіи (1809), затрогивая и исторію славянскую. Замѣчая, что Кириллъ принесъ къ моравамъ вѣру и искусство письма и что къ русскимъ, „раньше полу-дикарямъ“, это искусство вмѣстѣ съ вѣрою пришло позднѣе изъ Константинополя, Каченовскій считалъ возможнымъ такой вопросъ: „Азбука, принятая въ Россіи, повидимому, не разнится отъ кирилловской, но не извѣстно, точно ли та самая, которую Кириллъ составилъ для моравовъ, и какъ она попала въ Кіевъ, ибо нѣтъ никакихъ славянскихъ рукописей древнѣе русскихъ лѣтописей“. Перечисляя памятники старой русской письменности, Каченовскій говоритъ: „Желательно, чтобы списки всѣхъ такихъ рѣдкостей сдѣлались извѣстны ученымъ мужамъ; сего нетерпѣливо желаютъ самые иностранцы..., тогда удобнѣе было бы открыть истину“. Въ другой статьѣ Каченовскій сообщаетъ „историческій взглядъ на грамматики славянскихъ нарѣчій“ (1817)— именно языковъ чешскаго, польскаго, славяно-русскую грамматику Зизанія и т. д.

Изъ этихъ образчиковъ можно видѣть, во-первыхъ, что русскій любитель славянства останавливался на самыхъ различныхъ подробностяхъ славяновѣденія, отъ древнѣйшихъ эпохъ славянской старины до новѣйшихъ событій, литературы, современныхъ народныхъ обычаевъ и т. д.; во-вторыхъ, что всего этого онъ касался, однако, очень отрывочно, эпизодически, насколько находилъ объ этомъ свѣденій въ своихъ источникахъ. Источники были еще скудны и бо̀льшею частью это были иностранныя книги, польскія и нѣмецкія. Степень знанія была элементарная: невозможно было думать о какомъ-либо цѣльномъ понятіи о славянской исторіи, литературѣ, этнографіи. Это были только первые ученическіе приступы къ основанію новой отрасли историческаго знанія.

Въ то время, когда въ Москвѣ, въ Обществѣ исторіи и древностей и въ журналѣ Каченовскаго, собирались любители русской старины, приходившіе сами собой къ интересамъ славяновѣденія, въ Петербургѣ шли имъ на встрѣчу тѣ же поиски за русской стариной, приводившіе также къ славянскому міру, по крайней

мѣрѣ древнему. Мы говорили въ другомъ мѣстѣ [1]) о широкихъ предпріятіяхъ знаменитаго канцлера Румянцова, которые, начавшись съ мысли издать „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ“, повели потомъ къ осмотру рукописныхъ библіотекъ и архивовъ, и закончились важными открытіями какъ въ русской древней письменности, такъ и въ древнѣйшей письменности славянской. Самъ Румянцовъ былъ, конечно, только любитель, но научный интересъ къ предмету назрѣлъ къ тому времени уже настолько, что онъ безъ особеннаго труда могъ найти исполнителей для своихъ плановъ; эти исполнители сдѣлали несомнѣнно больше, чѣмъ самъ онъ могъ бы ожидать, и имена ихъ стали во главѣ перваго истинно-научнаго русскаго славяновѣденія. Надо прибавить, впрочемъ, что любительство, о которомъ мы говоримъ, вовсе не было тѣмъ поверхностнымъ дилеттантствомъ, какое такъ часто встрѣчается въ аристократическомъ кругу; мы хотимъ только сказать, что Румянцовъ не былъ спеціалистомъ въ тѣхъ разнообразныхъ предметахъ русской исторіи, которые его интересовали, но во многихъ случаяхъ онъ пріобрѣлъ опытъ довольно рѣдкій для любителя; онъ исполненъ былъ страстнымъ желаніемъ подвинуть разысканія по русской исторіи и съ истинною радостью встрѣчалъ новыя открытія, которыя дѣлались при его матеріальной помощи, частью по его инипіативѣ, и эта преданность дѣлу послужила сильнымъ правственнымъ мотивомъ въ успѣхѣ открытій

Дѣятельность Румянцова на этомъ поприщѣ излагалась много разъ въ нашей литературѣ и нѣтъ надобности повторять факты, болѣе или менѣе общеизвѣстные; достаточно собрать главное, что было сдѣлано по его иниціативѣ или при его посредствѣ въ области изученія славянства.

Около Румянцова составился цѣлый кружокъ ученыхъ людей, работавшихъ въ одной общей области, въ русской исторіи и славянской старинѣ: въ Петербургѣ—Востоковъ, Кёппенъ, прот. Григоровичъ; въ Москвѣ—Бантышъ-Каменскій, Малиновскій, Строевъ, Калайдовичъ. Въ числѣ ученыхъ друзей Румянцова былъ знаменитый митрополитъ Евгеній, нѣмецкій академикъ Кругъ, который велъ его сношенія съ иностранными учеными по изданію византійцевъ и т. д. Дѣятельность этого ученаго общества распадалась на разнообразныя направленія поисковъ и издательскихъ предпріятій. Румянцовъ собираетъ старыя рукописи, которыя предоставляются имъ въ пользованіе его ученымъ сотрудникамъ и

[1]) По поводу книги г. Кочубинскаго, „Вѣстн. Европы“, 1888, октябрь: „Меценаты и ученые Александровскаго времени“.

составили знаменитую коллекцію Румянцовскаго Музеума, оставленнаго имъ послѣ смерти „на благое просвѣщеніе" и находящагося теперь въ Москвѣ, въ соединеніи съ московскимъ Публичнымъ Музеемъ. Съ помощію иностранныхъ ученыхъ онъ предпринимаетъ изданіе византійцевъ, что является широкимъ починомъ въ дѣлѣ разработки источниковъ русской исторіи. Изданіе государственныхъ грамотъ и договоровъ было другимъ широкимъ планомъ, подобныхъ которому мы найдемъ не много и до сихъ поръ: въ свое время это предпріятіе было сильнымъ возбужденіемъ къ точнымъ историческимъ изслѣдованіямъ, и „Собраніе", по своему времени великолѣпно изданное, до сихъ поръ не замѣнено другимъ. Описаніе своего рукописнаго собранія Румянцовъ поручилъ наиболѣе компетентному человѣку, какой былъ въ то время, Востокову, и это описаніе, правда, вышедшее долго времени спустя, стало въ сороковыхъ годахъ богатымъ источникомъ свѣдѣній о славянорусской письменности, пока съ 60-хъ годовъ не началась болѣе детальная ея разработка. Въ Москвѣ, гдѣ по смерти Бантыша-Каменскаго (1814) дѣло изданія государственныхъ грамотъ и договоровъ поручено было его преемнику въ московскомъ архивѣ Малиновскому, подъ руководствомъ этого послѣдняго должны были работать молодые археографы—Строевъ и Калайдовичъ; но они съ первыхъ шаговъ далеко опередили предполагаемаго руководителя и, осматривая монастырскія библіотеки по порученію Румянцова, сдѣлали цѣлый рядъ замѣчательныхъ открытій, которыя бросали яркій свѣтъ на русскую и славянскую письменную древность и заставили искать новыхъ памятниковъ, потому что найденное открывало въ этой старинѣ нежданную и чрезвычайно любопытную перспективу. Такъ найдены были въ это время Святославовъ Сборникъ 1073 года, съ изображеніемъ семейства этого князя, сочиненія туровскаго епископа Кирилла изъ XII-го вѣка, законы великаго князя Ивана Васильевича, постановленія московскихъ соборовъ XVI-го столѣтія и множество другихъ актовъ и грамотъ. Для славянской старины были въ высшей степени важны открытія Калайдовича: кромѣ названнаго сейчасъ Святославова Сборника съ текстами несомнѣнно южно-славянскаго происхожденія [1]), Калай-

[1]) Впослѣдствіи, въ „Описаніи рукописей Румянцовскаго Музеума", Востоковъ указалъ греческую рукопись того же самаго состава, такъ что „Святославовъ Сборникъ" былъ, очевидно, прямымъ переводомъ подобнаго греческаго сборника, а затѣмъ Шевыревъ („Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь", 1851) нашелъ экземпляръ того же славянскаго сборника, гдѣ вмѣсто Святослава стоитъ имя болгарскаго царя Симеона. Такимъ образомъ выяснялось, что имя князя Святослава было просто подставлено русскимъ переписчикомъ болгарской рукописи.

довичъ открылъ сочиненія Іоанна экзарха болгарскаго, изъ X-го столѣтія.

Открытія Калайдовича не ограничились находкою рукописей: къ нимъ присоединились замѣчательныя для своего времени изслѣдованія, сущность которыхъ была въ томъ, что они раскрывали цѣлый, раньше не подозрѣваемый періодъ оживленной южнославянской письменности въ древней Болгаріи, и вмѣстѣ съ тѣмъ намѣчалось вліяніе этой письменности въ древней Руси.

Поиски и собираніе рукописей составляли одинъ изъ господствующихъ интересовъ тогдашняго ученаго круга, и это было естественно. Если разъ научное вниманіе было направлено въ эту сторону, необходимо было прежде всего осмотрѣться въ томъ, что̀ сохранилось до насъ изъ письменности прежнихъ вѣковъ. Работы XVIII-го вѣка направлены были въ этой области преимущественно на собираніе лѣтописей. Въ результатѣ сдѣланъ былъ рядъ изданій, большею частью не весьма удовлетворительныхъ. Много другихъ историческихъ документовъ печаталъ Новиковъ въ „Древней россійской Вивліоѳикѣ", но затѣмъ оставалась еще громадная, едва обозримая масса рукописей, разсѣянная, кромѣ старыхъ московскихъ церковныхъ библіотекъ, по архивамъ монастырей и въ частныхъ рукахъ. Трудъ Карамзина усилилъ интересъ къ этому дѣлу; самъ Карамзинъ пересматривалъ много подобныхъ рукописей и отрывки изъ нихъ помѣщалъ въ примѣчаніяхъ къ „Исторіи", которыя надолго, почти до 60-хъ годовъ, служили запасомъ цитатъ изъ неизданныхъ источниковъ; Карамзинъ былъ въ оживленныхъ сношеніяхъ съ людьми, въ завѣдываніи или въ рукахъ которыхъ находились подобные матеріалы, и пользовался указаніями самихъ молодыхъ изыскателей, какъ напр. Калайдовича. Въ то же время и независимо отъ этого, собираніе рукописей привлекаетъ богатыхъ любителей, у которыхъ оно становилось наконецъ благородною страстью. Мы называли Румянцова; другое, богатое и разнообразное собраніе рукописей составлено было графомъ Ѳ. А. Толстымъ—оно послужило послѣ главнымъ фондомъ рукописной славяно-русской коллекціи Публичной Библіотеки въ Петербургѣ и, пока находилось еще во владѣніи гр. Толстого, было описано Калайдовичемъ и Строевымъ [1]). Это описаніе было только простымъ каталогомъ или краткимъ описаніемъ рукописей и сбор-

[1]) Книга вышла въ 1825 году; впослѣдствіи Строевъ подобнымъ образомъ описалъ обширную библіотеку купца Царскаго, перешедшую потомъ во владѣніе гр. А. С. Уварова и соединившуюся съ его собственнымъ большимъ собраніемъ; потомъ библіотеку моск. Общества исторіи и древностей.

никовъ по статьямъ; но каталогу предшествуетъ обширное предисловіе, гдѣ сдѣлана попытка систематическаго обозрѣнія старой письменности по составу библіотеки графа Толстого. Это предисловіе было въ сущности первымъ краткимъ обзоромъ произведеній нашей древней письменности; въ немъ, между прочимъ, оказывались памятники южно-славянскіе, болгарскіе и сербскіе.

Въ то самое время, когда Строевъ и Калайдовичъ работали въ московскихъ библіотекахъ и осматривали архивы подмосковныхъ монастырей и Калайдовичъ составлялъ свои замѣчательные комментаріи къ Іоанну экзарху, въ Петербургѣ были свои большіе знатоки рукописной старины, Востоковъ и Ермолаевъ, завѣдывавшій славянскими рукописями Публичной Библіотеки. Послѣдній вообще мало извѣстенъ. Это былъ также любитель, собственно художникъ и палеографъ-самоучка, но столько работавшій, что сталъ въ свое время однимъ изъ лучшихъ знатоковъ старой письменности, сужденія котораго были авторитетомъ. Ермолаевъ отличался повидимому большими знаніями, но, человѣкъ скромный, онъ почти не выступалъ въ литературѣ съ своими трудами и, по смерти, бумаги его затерялись. Востоковъ также не прошелъ никакой филологической школы; ученикъ академіи художествъ и довольно замѣтный въ свое время стихотворецъ, онъ, какъ почти всѣ тогдашніе археографы, былъ ученый самоучка. Въ наше время, когда подобныхъ самоучекъ уже не бываетъ и когда средства для ученой подготовки стали очень доступны, довольно трудно представить себѣ, какъ, при тогдашней скудости или полномъ отсутствіи средствъ, могли вырабатываться строгіе научные пріемы и достигаться такіе первостепенные результаты. Основаніе научной славы Востокова заключается въ небольшой статьѣ, помѣщенной въ „Трудахъ“ Общества любителей россійской словесности въ 1820 году. Это—знаменитое „Разсужденіе о славянскомъ языкѣ“, гдѣ въ первый разъ указаны были пріемы настоящей филологической критики, которыми объяснялось какъ взаимное отношеніе славянскихъ нарѣчій между собою, такъ и истинное свойство церковнаго или старо-славянскаго языка. Съ удивительною для того времени проницательностью и вмѣстѣ простотою, всегда отличавшей его труды, Востоковъ разъяснилъ свойства звуковъ и формъ старо-славянскаго языка, которыя стали типическимъ отличіемъ его древняго состава отъ позднѣйшихъ видоизмѣненій по времени и по нарѣчіямъ позднѣйшихъ писцовъ—русскихъ, болгарскихъ, сербскихъ и т. д. Здѣсь были положены первыя основанія для настоящей *исторіи* старо-славянскаго языка,—основанія, которыя, впрочемъ, у насъ

были развиты и утилизированы только впослѣдствіи. Востоковъ, можно почти сказать, явился слишкомъ рано съ своими открытіями: даже ближайшіе современники и сотоварищи, какъ талантливый и остроумный Калайдовичъ, не усвоили вполнѣ историческаго взгляда Востокова, а менѣе сильные тогдашніе специалисты совсѣмъ не умѣли оцѣнить всей глубокой важности этого взгляда, а глава „Россійской Академіи", Шишковъ, такъ никогда и не понялъ, въ чемъ было дѣло. Черезъ два года послѣ разсужденія Востокова вышли „Institutiones" Добровскаго. Онъ довершалъ свой трудъ, не зная о статьѣ Востокова, съ которой познакомился только послѣ, и, конечно, увидѣлъ ея значеніе; между тѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, предпринято было русское изданіе книги Добровскаго безъ всякаго вниманія къ тому, что она уже при своемъ первомъ появленіи, несмотря на все обиліе важныхъ и остроумныхъ частностей, въ основѣ была невѣрною и отсталою. По странно сложившимся обстоятельствамъ, Востокову пришлось просматривать этотъ полубезполезный переводъ, изготовленный Погодинымъ и Шевыревымъ [1]).

Востоковъ предполагалъ самъ составить грамматику старославянскаго языка, но долго отвлеченъ былъ отъ этого предмета другими работами, и прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ прежде, чѣмъ на основѣ его трудовъ образовалась у насъ филологическая школа, которую можно назвать его школою. Это были въ особенности тѣ слависты новаго поколѣнія, которые съ конца 30-хъ годовъ отправились въ славянскія земли для приготовленія къ каѳедрамъ славянскихъ нарѣчій и въ 40-хъ годахъ заняли эти каѳедры.

Но научное дѣло было сдѣлано. Долго у насъ непонятый, Востоковъ былъ высоко оцѣненъ западно-славянскими учеными, которые въ то же время вели самостоятельно свои изслѣдованія славянской старины. Это былъ въ особенности—Добровскій, въ то время доживавшій свои послѣдніе годы „патріархъ" славянской науки, знаменитый словинецъ Копитаръ, позднѣе Шафарикъ.

Въ тѣ годы изслѣдованіе славянской древности велось съ двухъ сторонъ и частію съ противоположныхъ концовъ. Добровскій былъ типъ ученаго XVIII-го вѣка; человѣкъ сильнаго критическаго ума и широкаго образованія, аббатъ-раціоналистъ и свѣтскій человѣкъ, онъ вмѣстѣ былъ и горячій славянскій патріотъ съ точки зрѣнія человѣческихъ правъ и гуманизма; онъ первый широко обнялъ разнообразные вопросы славянской старины и

[1]) Эта исторія подробно разсказана въ книгѣ Кочубинскаго.

этнографіи и, при всей трудности дѣла съ мало разработанными источниками, онъ среди множества детальныхъ изслѣдованій ставилъ крупные вопросы, какъ, между прочимъ, вопросъ о старо-славянскомъ языкѣ. Но въ его рукахъ было ограниченное число памятниковъ и ему не представлялась съ достаточною ясностью подлинная полоса старо-славянской рѣчи, проходившая чрезъ различныя ея видоизмѣненія въ письменныхъ памятникахъ разныхъ вѣковъ и племенъ: его старо-славянскій языкъ есть искусственный, имъ предполагаемый, особливо въ его русскихъ формахъ. „Разсужденіе" Востокова установляло по древнимъ памятникамъ, находившимся въ Россіи, именно эти древнѣйшія формы и объясняло значеніе звуковъ, Добровскимъ непонятое. Копитаръ былъ другой западно-славянскій ученый, пріобрѣтавшій въ то время крупный авторитетъ. Его личный характеръ и значеніе до сихъ поръ толкуются весьма различнымъ, даже противоположнымъ образомъ. Человѣкъ сильнаго ума и обширныхъ познаній, онъ былъ исполненъ упрямой энергіи и большого самомнѣнія. По разнымъ обстоятельствамъ [1]) Копитаръ относился враждебно къ нѣкоторымъ дѣятелямъ возрождавшейся тогда чешской литературы и получилъ въ ихъ кругу репутацію настоящаго врага славянства и „Мефистофеля"; съ этимъ чешскимъ кругомъ особенно сближались тогда и послѣ (съ 20-хъ и до 40-хъ годовъ и позднѣе) русскіе слависты, и недружелюбная чешская молва о Копитарѣ доходила и въ русскую среду. Подтверждалась эта молва —кромѣ отношеній Копитара къ чешскимъ „національнымъ памятникамъ" и къ чешскимъ ученымъ—его суровыми отзывами и объ русской тогдашней наукѣ; въ своихъ научныхъ мнѣніяхъ онъ какъ бы намѣренно шелъ противъ взглядовъ, въ то время принимавшихся (и въ большинствѣ донынѣ господствующихъ) въ русской наукѣ—напримѣръ, о предполагаемой родинѣ старо-славянскаго языка, объ отношеніяхъ Кирилла и Меѳодія къ римской церкви и т. п. Послѣдующая русская критика отнеслась къ Копитару иначе и высоко оцѣняла его заслуги, отвергая мелочныя обвиненія, въ которыхъ, съ чешской стороны, обнаружилась разсчитанная тенденціозность. Въ Копитарѣ какъ будто сказывалась та сторона западно-славянскихъ взглядовъ, которая яснѣе выражаема была впослѣдствіи: онъ былъ славянскій патріотъ

[1]) Въ особенности потому, что онъ заподозрилъ подлинность „открытыхъ" тогда (въ 1817-1818 г.) памятниковъ древней чешской литературы—„Краледворской рукописи" и „Суда Любуши", которые въ чешскомъ ученомъ кругу были встрѣчены какъ драгоцѣнный остатокъ національной старины, а по мнѣнію Копитара были фальсификатомъ. „Судъ Любуши" отвергалъ и Добровскій.

въ смыслѣ австрійской отдѣльности славянства и католикъ. Хотя слишкомъ исполненный самомнѣнія, онъ былъ, однако, сильный ученый. Правда, древній письменный матеріалъ, которымъ онъ распоряжался, былъ невеликъ, какъ и у Добровскаго; славянскихъ рукописей на западѣ было меньше, чѣмъ въ Россіи, но историческою ученостью, особливо по западнымъ источникамъ, онъ былъ богаче тогдашнихъ русскихъ любителей, и то, что̀ онъ зналъ изъ русской ученой литературы до ея новыхъ замѣчательныхъ произведеній, давало ему право смотрѣть свысока на неумѣлость русской критики, на недостатокъ знаній, на слишкомъ продолжительное невниманіе къ тѣмъ драгоцѣннымъ памятникамъ, которые были такъ близко подъ руками у русскихъ ученыхъ [1]); но должно отдать справедливость Копитару, что, при всемъ его видимомъ недружелюбіи къ русской наукѣ, онъ хорошо понималъ то, что̀ сдѣлано было ею истинно важнаго. Онъ не вдругъ понялъ „Разсужденіе" Востокова, но уже вскорѣ увидѣлъ его глубокое значеніе, и съ тѣхъ поръ имя Востокова стало для него предметомъ великаго уваженія. И вообще когда съ русской стороны являлись или научныя содѣйствія, или примѣры настоящихъ критическихъ трудовъ, онъ высказывалъ имъ полное сочувствіе [2]).

Такимъ образомъ сама собой, въ силу чисто научнаго интереса, возникала связь начинавшейся русской славистики съ трудами западно-славянскихъ ученыхъ. Западная славистика была гораздо старѣе: она была тамъ изученіемъ собственнаго народа, собственной исторіи, языка и литературы; близкое сосѣдство пле-

---

[1]) По поводу словаря Россійской Академіи Копитаръ говорилъ: Die grossen, aber in der Wissenschaft noch sehr kleinen Russen.

[2]) Библіографическія подробности объ этомъ періодѣ нашей славистики читатель найдетъ въ книгѣ А. Котляревскаго: „Древняя русская письменность. Опытъ библіологическаго изложенія исторіи ея изученія", въ воронежскихъ „Филологич. Запискахъ", и отдѣльно, Воронежъ, 1881.

— А. Кочубинскаго, „Итоги славянской и русской филологіи", Одесса, 1882, и его же: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія", Одесса, 1887—88.

Въ частности, о Востоковѣ: „Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова", Срезневскаго, 1865, и также при книгѣ: „Филологическія Наблюденія В.", Спб. 1865; „Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ съ объяснительными примѣчаніями И. Срезневскаго". Спб. 1873; „Источники для исторіи славянской филологіи. Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ", И. В. Ягича. Спб. 1885 (многочисленныя упоминанія). Первый опытъ біографіи Востокова, Н. Карелкина, въ „Отеч. Запискахъ", 1854.

О Строевѣ—книга Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды П. М. Строева". Спб. 1878.

О Калайдовичѣ — П. Безсонова: „К. Ѳ. Калайдовичъ. Біографическій очеркъ", въ „Р. Бесѣдѣ" 1860, кн. II, и отдѣльно, т. I, М. 1816; томъ II, въ „Чтеніяхъ" Моск. Общества Ист. и Древн. 1862, кн. III и отдѣльно, М. 1862.

менъ давно возбудило между ними интересъ другъ къ другу; книги, въ прежнее время часто писанныя по-латыни или по-нѣмецки, были близки и доступны (для русскихъ все это было гораздо дальше); наконецъ, вслѣдствіе подъема Россіи въ XVIII вѣкѣ, въ кругъ западно-славянскаго интереса вступаетъ Россія, какъ сильный славянскій народъ и государство; хотя знали о ней все еще мало, въ кругъ ученыхъ людей начали, однако, попадать русскія историческія книги и произведенія начинавшейся поэтической литературы, сборники пѣсенъ и т. п.; теперь, наконецъ, впервые возникла научная солидарность и возможность равносильнаго и равноправнаго научно-литературнаго общенія. Этимъ подготовлена была та прямая встрѣча русскихъ и славянскихъ ученыхъ силъ и стремленій, какая произошла съ конца 30-хъ годовъ, когда направились въ западно-славянскія земли молодые русскіе ученые, будущіе профессора славянскихъ нарѣчій.

Намъ надо остановиться здѣсь еще на одномъ дѣятелѣ 20-хъ годовъ, который въ то время явился если не прямымъ спеціалистомъ славистики, то первымъ живымъ посредникомъ между ученымъ кругомъ русскимъ и западно-славянскимъ. Это былъ Кёппенъ [1]). Юристъ по образованію, и по характеру человѣкъ весьма подвижной, съ разносторонними учеными интересами, Кёппенъ уже во второмъ десятилѣтіи нашего вѣка входитъ, съ одной стороны, въ московскій кружокъ и знакомится съ Калайдовичемъ, съ другой стороны—въ кружокъ петербургскій, гдѣ сближается съ Востоковымъ до тѣсной дружеской связи, съ митрополитомъ Евгеніемъ, наконецъ съ Румянцовымъ. Хорошая ученая школа сдѣлала доступными ему новые вырабатывавшіеся тогда пріемы филологической и археологической критики; наклонность къ полиграфическому собиранію, отличавшая труды всей его жизни и дѣлавшая его то археологомъ и славистомъ, то библіографомъ, то статистикомъ, оказалась очень кстати теперь, когда большинство его ученыхъ сотоварищей были поглощены древними рукописями. Въ 1819 году Кёппенъ издалъ уже „Обозрѣніе источниковъ для составленія исторіи россійской словесности"; въ 1822 году — „Списокъ русскимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи"; въ 1825—1826 годахъ онъ издавалъ чрезвычайно замѣчательный для своего времени критико-библіографическій журналъ „Библіографическіе Листы", прекратившіеся потому, что даже столь спе-

---

[1]) Подробнѣе мы говорили объ его роли въ это время по поводу книги г. Кочубинскаго.

ціальное изданіе, которое было доступно только небольшому кругу любителей, подверглось доносамъ тогдашнихъ обскурантовъ, именно Магницкаго. Журналъ Кёппена посвященъ былъ интересамъ русской и славянской литературы, исторіи и археологіи; матеріалъ для него получался изъ русскихъ и славянскихъ источниковъ. Дѣло въ томъ, что въ 1821 году Кёппенъ нашелъ возможность отправиться за границу „съ однимъ юнымъ россійскимъ дворяниномъ" (Березинымъ, умершимъ потомъ въ Италіи). Выѣхавши въ декабрѣ 1821 года изъ Кіева въ Австрію, Кёппенъ возвратился въ Петербургъ въ апрѣлѣ 1824 года: онъ успѣшно воспользовался своимъ путешествіемъ, осмотрѣлъ славянскіе края Австріи, между прочимъ и весьма захолустные, жилъ въ Вѣнѣ и Прагѣ, завязалъ многочисленныя сношенія съ славянскими учеными, съ тогдашними установившимися и возникавшими авторитетами, сношенія, которыя съ тѣхъ поръ, почти не прерываясь, установились между русскими славистами и западно-славянскими учеными. Съ нимъ были, конечно, книги, между прочимъ русскія ученыя новинки, и когда Кёппенъ, познакомившись въ Вѣнѣ съ Копитаромъ, показалъ ему эти новинки, между которыми были „Разсужденіе" Востокова и снимки съ рукописей, Копитаръ пришелъ въ восторгъ: самымъ цѣннымъ показалось ему „Разсужденіе" Востокова; онъ писалъ объ этомъ Добровскому въ Прагу и даже звалъ его въ Вѣну, чтобы познакомиться съ русскими новинками. Нѣсколько позднѣе Кёппенъ самъ посѣтилъ Прагу, гдѣ имѣлъ, по словамъ его, „истинное счастіе" познакомиться съ Добровскимъ и другими учеными славянами. Наконецъ онъ сдѣлалъ поѣздку въ Мюнхенъ, гдѣ приготовилъ снимокъ съ одной знаменитой древней западно-славянской рукописи, впослѣдствіи изданной имъ съ комментаріями Востокова. Путешествіе Кёппена было практическимъ выполненіемъ той научной солидарности, которая, какъ мы сейчасъ говорили, образовывалась между русскими и западными славистами.—Когда уѣзжалъ Кёппенъ, митрополитъ Евгеній выражалъ увѣренность, что онъ не возвратится „тощъ", и дѣйствительно, путешествіе его было богато результатами. „Путешествіе энергическаго Кёппена по Австріи,—говоритъ историкъ этой поры нашей науки,—по ея славянскимъ землямъ, составило извѣстнаго рода эпоху въ развитіи славяновѣденія у насъ, съ многообразными послѣдствіями въ ближайшемъ и болѣе отдаленномъ будущемъ. Но оно было съ значеніемъ и для нихъ, самихъ славянъ Австріи. Кёппенъ тощъ не возвратился уже по тому одному, что открылъ личныя знакомства съ выдающимися дѣятелями того времени среди австрійскихъ

славянъ; онъ сталъ, вѣрный себѣ, энергическимъ посредникомъ между молодою наукою Россіи и славянскими учеными силами Австріи—словомъ и дѣломъ" [1]).

Путешествіемъ не кончилась дѣятельность Кёппена въ этомъ направленіи. Изданіе „Библіографическихъ Листовъ" было примѣненіемъ того опыта и личныхъ связей, какіе были имъ пріобрѣтены въ западномъ славянствѣ. „Журналъ Кёппена,—говоритъ тотъ же историкъ,—дѣйствительно былъ единящимъ органомъ славянства. Въ немъ принимали большее или меньшее участіе, статьями, совѣтами: Добровскій и Ганка въ Прагѣ, Копитаръ и и Вукъ Караджичъ въ Вѣнѣ, Янъ Колларъ въ Пештѣ, Шафарикъ въ Новомъ Садѣ, Бандтке въ Краковѣ, Линде и Мронговіусъ въ Варшавѣ, однимъ словомъ, вся плеяда современныхъ представителей науки, литературы, сношенія съ которыми такъ счастливо открыты Кёппеномъ во время недавняго путешествія. Прибавимъ наконецъ, что и самъ знаменитый Яковъ Гриммъ былъ въ числѣ сотрудниковъ" (стр. 205). Къ сожалѣнію не совсѣмъ добровольное прекращеніе этого изданія, къ которому присоединилась перемѣна службы и отъѣздъ Кёппена изъ Петербурга въ провинцію, прервало этотъ замѣчательный эпизодъ его ученой дѣятельности; но въ теченіе 1824—1826 годовъ Кёппенъ работалъ для установленія научно-славянскихъ отношеній и инымъ образомъ. По возвращеніи изъ-за границы онъ поступилъ на службу къ Шишкову, назначенному тогда министромъ просвѣщенія, во „временный комитетъ для составленія проекта устава учебныхъ заведеній", преобразованный по вступленіи на престолъ императора Николая въ „главный комитетъ устройства учебныхъ заведеній". Состоя при Шишковѣ, Кёппенъ кромѣ службы именно работалъ и по славянскимъ дѣламъ. Только-что вернувшись изъ-за границы, онъ былъ въ Петербургѣ единственный человѣкъ, лично знавшій тѣхъ славянскихъ ученыхъ, съ которыми въ то время уже начались сношенія у Шишкова по Россійской Академіи и у Румянцова.

Разнаго рода сношенія съ западно-славянскими учеными начинаются отрывочно еще раньше. Въ началѣ столѣтія Добровскій упоминаетъ о какомъ-то князѣ Бѣлосельскомъ, который перевелъ по-русски нѣкоторыя чешскія пословицы, напечатанныя Добровскимъ съ его рукописи въ его изданіи „Slavin" (1806—1808). Въ 1811 и въ 1812 году жилъ въ Вѣнѣ извѣстный Новосильцовъ, сотрудникъ первыхъ лѣтъ императора Александра, тогда

[1]) Кочубинскій, стр. 199.

на время удалившійся отъ дѣлъ. Въ Вѣнѣ онъ видался съ Копитаромъ, которому льстило знакомство съ русскимъ „графомъ" (которымъ Новосильцовъ не былъ). Австрійскихъ славянъ Новосильцовъ зналъ и ранѣе. Въ 1804 году, открывая Педагогическій институтъ, онъ вызвалъ для него нѣсколькихъ профессоровъ изъ Австріи, именно Лодія, Кукольника, Балугьянскаго, по указанію товарища Сперанскаго, карпатоpосса Орлая. Въ тѣ же годы во вновь основанный харьковскій университетъ вызваны были профессорами австрійскіе сербы Стойковичъ и Терлаичъ; теперь Новосильцова интересовала славянская ученая литература и между прочимъ онъ хотѣлъ добыть или заказать сравнительный словарь славянскихъ нарѣчій. Въ 1813 году, по изгнаніи Наполеона изъ Россіи, вмѣстѣ съ главнымъ штабомъ русской арміи, въ качествѣ государственнаго секретаря переступилъ границу Шишковъ. Когда онъ попалъ въ Прагу, его не меньше войны заняли славянскіе ученые и „богемскія книги"; изъ-за послѣднихъ Шишковъ подвергся даже нареканіямъ, что, увлекшись ими, забываетъ о дѣлахъ. Пребываніе Шишкова въ Прагѣ въ прямомъ научномъ смыслѣ было совершенно безплодно: о настоящей наукѣ онъ не имѣлъ понятія, ожидая въ Прагѣ найти только новыхъ союзниковъ и сотрудниковъ для своихъ фантастическихъ словопроизводствъ; ученый и тонкій Добровскій, безъ сомнѣнія, вполнѣ его понялъ,—но это опять помогло позднѣйшимъ сношеніямъ. Въ 1819 году въ Петербургъ пріѣхалъ тогда уже очень извѣстный Вукъ Караджичъ; за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ началъ свою дѣятельность подъ руководствомъ Копитара изданіемъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ, пріобрѣвшихъ вскорѣ великую славу даже за предѣлами славянскаго міра, а теперь онъ только-что издалъ свой замѣчательный сербскій словарь, богатый и въ филологическомъ, и въ этнографическомъ отношеніи. Вука встрѣтили очень гостепріимно, сначала во Псковѣ Евгеній, потомъ въ Петербургѣ Румянцовъ и Шишковъ. Румянцовъ, планы котораго разростались по мѣрѣ успѣха его предріятій, возъимѣлъ теперь новую мысль воспользоваться Вукомъ въ интересахъ славяновѣденія; а именно онъ заключилъ съ Караджичемъ условіе, чтобы тотъ на счетъ Румянцова „объѣхалъ всѣ области славянскаго поколѣнія, отыскивая въ каждой древніе сихъ народовъ документы и лѣтописи"; это предпріятіе почему-то не состоялось, но отъ Россійской Академіи Караджичъ получилъ медаль и денежную премію. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Вукъ получалъ отъ русскаго правительства постоянную пенсію.

Такъ мало-по-малу накоплялись взаимныя отношенія съ за-

падно-славянскими учеными. Самъ Шишковъ мечталъ при этомъ объ одномъ — своей славянской этимологіи, но уже и для нея считались необходимыми славянскія сношенія. Въ 1818 году, въ новомъ уставѣ Россійской Академіи онъ уже настаиваетъ на необходимости общенія съ славянскимъ ученымъ міромъ. Въ докладной запискѣ по этому предмету онъ говорилъ: „Нужно Академіи со многими славянскихъ нарѣчій профессорами, книгохранителями и другими учеными людьми *сноситься*. И буде кто изъ нихъ, — продолжалъ онъ, — изслѣдованіями и трудами своими о славянскихъ народахъ и языкѣ ихъ, или выписками изъ древнихъ рѣдко встрѣчающихся книгъ доставитъ въ нее какія-либо новыя, достойныя любопытства открытія и свѣдѣнія, таковому Академія, какъ попечительница обо всемъ подобномъ, долженствуетъ дать названіе почетнаго члена съ приличнымъ, по разсмотрѣнію ея, единовременнымъ или всегдашнимъ награжденіемъ". Эти славянскихъ нарѣчій профессора оказывались нужными Академіи и для ея собственныхъ работъ, напримѣръ для „свода славянскихъ нарѣчій" (т.-е. вѣроятно для сравнительнаго ихъ словаря), для составленія славянской грамматики и пр.

Въ Петербургѣ встрѣтили съ большимъ интересомъ доставленные изъ Праги „новѣйшіе памятники древняго чешскаго языка" [1]), тогда только-что появившіеся на свѣтъ. О нихъ получали свѣденія и Румянцовъ, и Шишковъ; это были „Краледворская рукопись" и „Судъ Любуши". Выше мы упоминали, что нѣкоторые изъ западно-славянскихъ ученыхъ съ самаго начала заподозрили подлинность этихъ памятниковъ, въ особенности Копитаръ; „Судъ Любуши" былъ рѣшительно отвергнутъ и Добровскимъ, но масса чешскаго общества увѣровала въ эти памятники [2]), и у насъ они приняты были какъ самая несомнѣнная старина. Шишковъ поторопился помѣстить въ изданіяхъ Академіи русскій переводъ этихъ произведеній [3])...

Итакъ, когда Кёппенъ вернулся изъ славянскихъ земель и поступилъ на службу къ Шишкову, онъ сталъ въ славянскихъ сношеніяхъ и планахъ его свѣдущимъ человѣкомъ и правой рукой; надо думать, что неясныя мечтанія Шишкова получали смыслъ именно въ рукахъ Кёппена. Возникаетъ и разработывается мысль

---

[1]) Пользуемся выраженіемъ г. Ламанскаго.

[2]) До такой степени, что даже донынѣ, когда ихъ подложность доказана внѣ всякихъ сомнѣній, большинство и въ томъ числѣ ученые люди упорно стоятъ за ихъ подлинность, считая врагами отечества тѣхъ, кто раскрылъ эту замѣчательную въ литературныхъ судьбахъ мистификацію.

[3]) См. подробности у Кочубинскаго, стр. 228 и далѣе.

о привлеченіи славянскихъ ученыхъ силъ къ настоящему дѣятельному участію въ трудахъ Россійской Академіи, представлявшей тогда единственный оффиціальный пріютъ русскаго славяновѣденія. Быть можетъ, первый намекъ объ этомъ идетъ изъ самой Праги, именно отъ Ганки: этотъ пронырливый чешскій патріотъ еще въ 1822 году писалъ Шишкову, что для успѣха трудовъ Россійской Академіи, которая задумывала тогда словарь всѣхъ славянскихъ нарѣчій, было бы важно, еслибы въ ней былъ „національный членъ изъ каждаго нарѣчія". Сдѣлать этого тотчасъ было нельзя, потому что требовалось бы новое измѣненіе устава, но послѣ Шишковъ охотно думалъ о томъ или другомъ способѣ привлечь славянскія силы въ Академію или университеты. Въ концѣ 1826 года Кёппенъ сообщаетъ въ Прагу предположеніе о расширеніи изученія славянства въ Россіи, что могло бы быть достигнуто учрежденіемъ въ русскихъ университетахъ каѳедры исторіи славянскихъ литературъ. Имѣлось въ виду основать эти каѳедры въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Казани. Кёппенъ, писавшій Ганкѣ по порученію Шишкова, спрашивалъ его мнѣнія о тѣхъ лицахъ изъ чешскихъ ученыхъ, которыя могли бы занять эти каѳедры, и съ своей стороны называлъ Шафарика, Палацкаго и самого Ганку. Въ то же время Кёппенъ обращался съ подобнымъ вопросомъ къ Копитару, чтобы получить совѣтъ относительно представителей отъ второй „главной вѣтви славянскаго племени", т.-е. юго-восточной. Въ Прагѣ эта мысль о славянскихъ каѳедрахъ въ Россіи была видимо принята съ великою радостью: съ одной стороны чешскіе ученые, которые были и ревностные славянскіе патріоты, ожидали отъ этого плана великихъ пользъ для своего собственнаго дѣла; съ другой стороны почти всѣ они жили въ крайне скудныхъ матеріальныхъ условіяхъ, и русскій планъ обѣщалъ имъ щедрое обезпеченіе; но отъ Копитара, который въ этомъ случаѣ высказывалъ также и взгляды Добровскаго, полученъ былъ отвѣтъ отрицательный. „Сказать откровенно,—писалъ онъ Кёппену,—я жду солиднаго только отъ *туземцевъ*, которые могли бы образоваться или у себя дома, или въ путешествіи, или еще лучше—при соединеніи того и другого, какъ это имѣло мѣсто съ вами лично". Впослѣдствіи, какъ извѣстно, дѣло и устроилось именно такъ, какъ предполагалъ Копитаръ... Предположенія Шишкова и Кёппена долго однако не приходили ни къ чему опредѣленному. Въ теченіе переписки съ Прагой произошли нѣкоторыя перемѣны въ комбинаціяхъ: вмѣсто Палацкаго ставится Челяковскій, популярный чешскій поэтъ и вмѣстѣ филологъ, матеріально бѣдствовавшій. Для него больше, чѣмъ для

кого-нибудь изъ кандидатовъ, приглашеніе въ Россію составляло розовую надежду, которой, однако, не суждено было осуществиться. Когда наконецъ въ Петербургѣ зашла рѣчь объ исполненіи плана, онъ встрѣтилъ сопротивленіе въ средѣ самого министерства. Въ сентябрѣ 1827 года, въ комитетѣ устройства учебныхъ заведеній, гдѣ долженъ былъ рѣшаться окончательно вопросъ о приглашеніи славянъ на университетскія каѳедры, внесенъ былъ по высочайшему повелѣнію проектъ извѣстнаго дерптскаго профессора Паррота: проектъ направленъ былъ противъ обычая вызывать ученыхъ изъ-за границы и настаивалъ на необходимости приготовлять ученыхъ изъ „туземцевъ", для чего долженъ былъ служить „профессорскій институтъ" въ нѣмецко-русскомъ Дерптѣ и затѣмъ посылка молодыхъ русскихъ ученыхъ за границу. Одни изъ членовъ комитета, союзники Шишкова, возстали противъ проекта Паррота, но другіе соглашались съ нимъ, и окончательное предпочтеніе ему отдано было резолюціей императора Николая.

Но дѣло о славянахъ на этомъ еще не окончилось. Шишковъ сталъ искать другого средства привлечь ихъ въ Россію. По уставу Россійской Академіи 1818 года члены ея обязывались между прочимъ стараться о „сводѣ славянскихъ нарѣчій", и Академія должна была составить избранную славянскую библіотеку: та и другая задача оставалась неисполненною, и когда Кёппенъ, послѣ 1826 года выѣхавшій изъ Петербурга, вернулся туда въ 1829 году, Шишковъ снова заводитъ съ нимъ рѣчь о давнемъ планѣ. Дѣло шло теперь о томъ, чтобы на основаніи устава учредить при Россійской Академіи славянскую библіотеку и вызвать для нея библіотекарями славянскихъ ученыхъ. Кёппенъ извѣщалъ объ этомъ въ Прагу въ декабрѣ 1829 года: „Въ библіотекари избраны: г. Ганка, съ содержаніемъ въ 4 тысячи рублей, г. Челаковскій въ 3 тыс., г. Шафарикъ въ 4 тыс., всѣ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ приглашаются въ Россію иностранные профессора, съ подъемными, правами службы и пр. Г. Челаковскій уравненъ съ экстра-ординарными профессорами. Обо всемъ этомъ я имѣю составить особенную записку, хотя я и не членъ Россійской Академіи. Представленіе по этому дѣлу отъ Академіи уже пошло въ министерство, и теперь требуется одного утвержденія государя. Хотя я ни мало не сомнѣваюсь въ этомъ утвержденіи, но дѣло можетъ еще нѣсколько замедлиться". Вскорѣ, въ январѣ 1830 года, планъ устройства библіотеки и вызова славянскихъ библіотекарей получилъ высочайшее утвержденіе. У Шишкова и Кёппена возрождается мысль объ учрежденіи въ Петербургѣ каѳедры славянской филологіи. Казалось, все было сдѣ-

лано, но дѣло все-таки не состоялось. У самихъ славянскихъ ученыхъ начались колебанія, требовались отсрочки, выражались опасенія относительно суроваго сѣвернаго климата; Кёппена опять не было въ Петербургѣ, гдѣ стали охладѣвать къ проекту, и онъ окончательно не состоялся [1]).

Такова была длинная исторія этихъ первыхъ плановъ связать русскую науку съ наукою славянской и водворить у насъ изученіе славянскаго міра. Что планы Шишкова потерпѣли недачу, это не очень удивительно: при всѣхъ наилучшихъ намѣреніяхъ онъ такъ странно понималъ самую задачу славяновѣденія и такой странной была вся его „ученая" дѣятельность, что, быть можетъ, его плановъ не принимали серьезно ни у насъ, ни за границей, —несмотря на всѣ старанія Кёппена ихъ осмыслить. Что планы не удались—быть можетъ, и не требуетъ сожалѣній: возможно, что дѣятельность славянскихъ ученыхъ, только-что установлявшихъ свое дѣло у себя дома, не принесла бы въ Россіи тѣхъ результатовъ, какіе приносила тамъ, гдѣ она была нравственной силой и общественною потребностью. Челяковскій опасался уже, что его поэзія замолкнетъ; Шафарикъ едва ли бы могъ найти въ Россіи тотъ матеріалъ, который собранъ былъ въ его „Исторіи славянской литературы" или даже въ „Славянскихъ древностяхъ" и пр.; на мѣстѣ съ ихъ отсутствіемъ ослабѣло бы то возбужденіе, какое придавалъ ихъ трудъ національному дѣлу, въ то время еще слишкомъ непрочному, и сношенія вызванныхъ въ Россію австрійскихъ подданныхъ съ ихъ родины едва ли не были бы сильно затруднены; наконецъ, относительно установленія славистики въ Россіи, нѣтъ сомнѣнія, что оно гораздо успѣшнѣе могло быть произведено именно тѣмъ путемъ, какой черезъ нѣсколько лѣтъ былъ примѣненъ, по взглядамъ Копитара, Добровскаго и Паррота. Съ конца 30-хъ годовъ въ этомъ дѣлѣ наступилъ поворотъ, и русская славистика установлена была „туземными" силами молодого ученаго поколѣнія.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію дѣятельности этого поколѣнія, мы должны остановиться еще на одномъ явленіи первой четверти столѣтія, которое съ своей стороны содѣйствовало распространенію славянскихъ интересовъ въ обществѣ. Мысли о славянствѣ бросаютъ корень въ молодомъ поколѣніи 20-хъ годовъ, которое въ періодъ Наполеоновскихъ войнъ внесло въ рус-

[1]) Подробности у Кочубинскаго, гл. IV.

ское общество идеи западнаго либерализма. Въ этомъ броженіи тайныхъ обществъ, масонскихъ ложъ, вольнолюбивыхъ мечтаній, нашли мѣсто и мечты о славянскомъ мірѣ. Либерализмъ 20-хъ годовъ былъ чисто романтическій: чѣмъ меньше русская дѣйствительность отвѣчала идеаламъ, вычитаннымъ изъ тогдашней литературы и вынесеннымъ изъ зрѣлища европейской жизни, тѣмъ свободнѣе работала фантазія и романтическія построенія будущаго благополучія Россіи при свободныхъ учрежденіяхъ, которыя считались совершенно возможными. Эти фантазіи выходили, конечно, изъ самыхъ широкихъ основаній: вопросъ національности былъ въ воздухѣ, и не мудрено, что когда шла рѣчь о Россіи, вспоминалось единоплеменное славянство. Оно также нуждалось въ свободѣ, и если нашъ либерализмъ принималъ къ сердцу тò, чтò совершалось въ чуждыхъ намъ странахъ Европы, въ Италіи, въ Испаніи, въ Греціи, то тѣмъ ближе могла быть мысль о народахъ единоплеменныхъ, угнетенныхъ чужимъ игомъ. Выше мы упоминали, что о славянствѣ въ этомъ отношеніи стали помышлять еще съ XVIII-го вѣка и даже фактически возбуждать его къ возстанію, когда это было полезно какъ диверсія въ нашихъ войнахъ съ Турціей и въ 1805—1807 годахъ съ Франціей. Возстаніе Сербіи было первымъ шагомъ на предполагаемомъ будущемъ пути освобожденія цѣлаго славянства; созданіе полусвободной конституціонной Польши, соединенной съ Россіею какъ бы только личною уніей, полагало повидимому конецъ старой междуплеменной вражды и устраняло одну изъ помѣхъ для мысли объ освобожденіи цѣлаго славянства. Романтизмъ любилъ обращаться къ древности, въ которой предполагалась свобода, и какъ въ русской исторіи такая свобода видѣлась въ древнемъ Новгородѣ и считалась исконнымъ и истинно-народнымъ качествомъ русской жизни, такъ и въ древнемъ славянствѣ видѣли также древнія, свободныя свойства племени, возстановленія которыхъ желали для современнаго порабощеннаго потомства. Попытки вооружать славянъ для завоеванія ихъ свободы дѣлались не однажды самимъ правительствомъ,—въ послѣдній разъ еще недавно, наканунѣ двѣнадцатаго года [1]),—слѣдовательно планъ поднять славянство былъ бы неновъ. Такія мысли дѣйствительно бродили въ умахъ того круга, который въ тѣ годы поглощенъ былъ планами общественнаго и политическаго преобразованія или переворота. Въ числѣ тогдашнихъ масонскихъ ложъ находимъ

[1]) Богдановичъ, „Исторія царствованія Александра I", т. III, приложеніе, стр. 59.

одну, которая носила названіе „Соединенныхъ Славянъ"; намъ мало или почти ничего неизвѣстно объ ея составѣ и цѣляхъ, но во всякомъ случаѣ названіе было едва ли случайно. Больше свѣденій мы имѣемъ о другомъ обществѣ того же времени: это было уже прямо тайное политическое общество, возникшее независимо отъ тайнаго общества будущихъ декабристовъ и только позднѣе примкнувшее къ его вѣтви въ южной арміи. Свѣденія о немъ находятся въ извѣстномъ Докладѣ слѣдственной коммиссіи, въ запискахъ нѣкоторыхъ декабристовъ, въ особенности Розена и, наконецъ, въ „Исторіи царствованія имп. Александра I", Богдановича, которому открыты были архивныя дѣла о тайныхъ обществахъ того времени. „Общество Соединенныхъ Славянъ" основано было въ 1823 году (а по другимъ свѣденіямъ еще ранѣе), артиллеристами братьями Борисовыми. Только въ 1825 году объ его существованіи узналъ одинъ изъ будущихъ декабристовъ, М. П. Бестужевъ-Рюминъ. „Цѣль общества, — говоритъ баронъ Розенъ,—заключалась въ соединеніи славянскихъ племенъ посредствомъ федеративнаго союза, съ удержаніемъ взаимной независимости". На восьмиугольной печати Общества Соединенныхъ Славянъ" означены были восемь колѣнъ славянскаго племени по принятому тогда дѣленію: русскіе, сербы-хорваты, болгары, чехи, словаки, лужичане, словинцы и поляки, „всѣхъ до 30 милліоновъ", какъ тогда считали [1]). Общество образовалось и держалось независимо, и только въ 1825 году стараніями Бестужева-Рюмина и Сергѣя Муравьева-Апостола присоединено было къ такъ-называемой Васильковской управѣ южнаго общества. Бестужевъ-Рюминъ сообщилъ этимъ „Славянамъ" такъ-называемый государственный завѣтъ или сокращеніе „Русской Правды" Пестеля. Въ теченіе слѣдствія о тайныхъ обществахъ, о „Соединенныхъ Славянахъ" составилось мнѣніе какъ о людяхъ жестокихъ и кровожадныхъ; баронъ Розенъ старается опровергнуть это мнѣніе, въ которомъ, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ были приняты слишкомъ буквально черезъ мѣру рѣзкіе разговоры, какіе, вѣроятно, бывали въ ходу. Повидимому, однако, въ этомъ кругу было нѣсколько человѣкъ особенно возбужденныхъ и фанатизированныхъ. Судъ отнесся къ „Соединеннымъ Славянамъ" очень сурово: изъ тридцати-шести его членовъ двадцать-восемь были осуждены

[1]) Такъ писалъ Розенъ на память. У Богдановича (т. VI, стр. 480) вѣроятно точнѣе, по бумагамъ, восемь славянскихъ поколѣній пересчитаны такъ: „Россія, Польша, Богемія, Моравія, Далмація, Кроація, *Венгрія съ Трансильваніей*, Сербія *съ Молдавіей и Валахіей*",—т.-е., между прочимъ, захвачены кстати и земли вовсе не славянскія.

верховнымъ судомъ (одинъ еще застрѣлился); по словамъ Розена, эта суровость къ „Славянамъ“ принята была „вѣроятно, по случаю совершенно ложно-распространившагося предубѣжденія объ ихъ кровожадности—они имѣли довольно случаевъ и времени, чтобы доказать совершенно противное этому мнѣніе“. На послѣднемъ совѣщаніи, на которомъ были „Соединенные Славяне“ вмѣстѣ съ членами южнаго общества, рѣшено было приготовиться и начать дѣйствовать въ августѣ 1826 года. Одинъ изъ присутствовавшихъ замѣтилъ на это, что „начать слѣдуетъ не черезъ годъ, а развѣ черезъ десять лѣтъ“ [1]). Какъ дѣйствовать? — Надо думать, что „Славянамъ“ этотъ вопросъ не былъ достаточно ясенъ [1]).

Какъ говорятъ, кромѣ того, что̀ было извѣстно до сихъ поръ въ печати объ этомъ обществѣ, есть еще неизданные документы, какъ напримѣръ записки декабриста Горбачевскаго, исполненныя любопытныхъ подробностей.

Общество „Соединенныхъ Славянъ“ не успѣло сдѣлать ничего; идеи его были, кажется, очень странныя, но появленіе его интересно какъ симптомъ и какъ свидѣтельство, что встрѣчи съ западными и южными славянами съ прошлаго вѣка, политическія, личныя и литературныя, оставляли достаточно сильный слѣдъ въ обществѣ для того, чтобы идея славянства могла быть развиваема даже въ романтическо-революціонномъ духѣ... За недостаткомъ свѣденій трудно рѣшить, насколько справедливы были заявленія „Соединенныхъ Славянъ“ объ ихъ связяхъ съ славянами внѣ Россіи. Богдановичъ сомнѣвается въ справедливости ихъ показаній, но другіе указываютъ, что австрійская полиція была встревожена русскими событіями 1825 года, и уже гораздо ранѣе слѣдила за пражскими патріотами, подозрѣвая ихъ въ сношеніяхъ съ русскими обществами. Одинъ изъ старыхъ чешскихъ патріотовъ разсказываетъ о томъ времени: „уже тогда (до 1825) мечтали о соблазнительной идеѣ великой славянской федераціи, которая, какъ извѣстно, вскормлена была русскими тайными обществами. Эти русскія стремленія были *хорошо извѣстны* въ Чехіи и возбуждали у горячихъ людей преждевременныя, ничѣмъ не поддерживаемыя надежды“. Въ перепискѣ Челяковскаго, близкаго современника, сохранились такія упоминанія: въ *1822* году онъ пишетъ къ одному изъ своихъ друзей, что въ Вѣнѣ неспокойно, „дворъ видитъ одни заговоры, одни русскія сообщества“; въ сен-

[1]) Записки, А. Е. Розена, стр. 68—70.

[2]) Богдановичъ, который долго останавливается на „Соединенныхъ Славянахъ“ (VI, стр. 478—492), передаетъ изъ ихъ плановъ весьма фантастическія понятія о славянствѣ.

тябрѣ *1824* года онъ пишетъ, что „Ганка былъ уже допрашиваемъ въ полиціи о заднѣпрянахъ (?), яко бы основалъ какія-то тайныя связи съ ними“ [1]). „Заднѣпряне“ дѣйствительно загадочны, хотя и это могли быть какіе-нибудь невинные харьковскіе любители; но вообще довольно извѣстно, что тогдашней, да и позднѣйшей австрійской и иной полиціи казались заговорами и простыя литературныя сношенія.

Богдановичъ разсказываетъ еще, что въ Кіевѣ, въ 1819 г., основана была флигель-адъютантомъ княземъ А. Я. Лобановымъ-Ростовскимъ масонская ложа подъ названіемъ „Бѣдные славяне“. Въ ложѣ собирались деньги, и „собранныя суммы, по донесеніямъ мѣстныхъ властей, назначались на усиленіе братіи, съ революціонною цѣлью“. Другихъ свѣденій объ этой ложѣ (вскорѣ уничтожившейся) намъ не встрѣчалось [2]).

Къ тому же возбужденію двадцатыхъ годовъ относятся панславистическія мечтанія извѣстнаго Каразина. Онѣ не однажды были указаны въ литературѣ, и мы не будемъ входить о нихъ въ подробности, тѣмъ больше, что онѣ остались единичнымъ выраженіемъ его мнѣній и не имѣли дальнѣйшаго вліянія.

Отмѣтимъ еще фактъ, что романтизмъ въ славянскомъ направленіи былъ вообще нечуждъ тогдашнему молодому литературному кругу и Пушкинской школѣ.

Біографы и критики Грибоѣдова находятъ у него черты извѣстнаго славянофильства, о которыхъ напоминаетъ, между прочимъ, Кюхельбекеръ. Въ своихъ замѣткахъ, писанныхъ въ 1832 г. въ Петропавловской крѣпости, послѣдній говоритъ: „я вотъ уже двѣнадцать лѣтъ служу въ дружинѣ славянъ подъ знаменами Шишкова, Грибоѣдова“. Въ 1821 году Кюхельбекеръ читалъ въ Парижѣ публичныя лекціи о славянской литературѣ и языкѣ. Лекціи возбудили въ Парижѣ интересъ, но изъ посольства Кюхельбекеру велѣно было отправляться домой. Славянская струна проходитъ также въ поэзіи другого современника и друга Грибоѣдова, князя А. И. Одоевскаго, которому принадлежитъ изящное стихотвореніе „Славянскія дѣвы“. Наконецъ, славянскій интересъ присутствуетъ у Пушкина: извѣстны мечты и вопросы о сліяніи славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ,—и „Пѣсни западныхъ славянъ“, взятыя изъ Мериме.

Упомянемъ, наконецъ, изъ эпохи десятыхъ и двадцатыхъ годовъ еще черту, которая впослѣдствіи почти отсутствуетъ. Это—

[1]) Кочубинскій, стр. 49—59.

[2]) Богдановичъ, VI, стр. 410. Ср. „Хронологическій указатель русскихъ масонскихъ ложъ“, Спб., 1873, стр. 37, подъ 1818 годомъ.

славянскія изученія въ польской литературѣ и ея тогдашнія отношенія къ литературѣ русской. То и другое представляетъ замѣчательное явленіе, впослѣдствіи въ такой мѣрѣ уже не повторявшееся. Цѣлый рядъ польскихъ и русско-польскихъ писателей посвящаютъ свои труды изученію славянской старины исторіи, этнографіи, дѣлаютъ путешествія по славянскимъ землямъ или самыя польскія изученія ставятъ на обще-славянскую почву; назовемъ Линде, Казиміра Бродзинскаго, Кухарскаго, Раковецкаго, Лелевеля, Сестренцевича, каноника Бобровскаго, наконецъ Мацѣевскаго. Почти всѣ они находятся въ сношеніяхъ съ западно-славянскими учеными и многіе принимаютъ непосредственное участіе въ русскихъ изданіяхъ. Мы упоминали выше, что нѣкоторыя изъ этихъ польскихъ именъ являются въ журналѣ Каченовскаго; они встрѣчались также и въ другихъ изданіяхъ (какъ „Сѣверный Архивъ" и пр.) и вообще были очень знакомы въ русской литературѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что это участіе польскихъ ученыхъ въ вопросахъ, занимавшихъ и ученый русскій кружокъ, имѣло съ своей стороны немалое возбуждающее вліяніе.

Отъ 1820 къ 1830 годамъ вопросы славянской исторіи и современности начинаютъ находить больше мѣста въ общихъ журналахъ. Назовемъ „Московскій Телеграфъ" Полевого, который при всѣхъ увлеченіяхъ теоретическими предметами и новизнами европейской литературы, понималъ важность начинавшихся славянскихъ изслѣдованій и, напримѣръ, съ восторгомъ привѣтствовалъ открытія Калайдовича. Еще сильнѣе были интересы этого рода въ „Московскомъ Вѣстникѣ", который основанъ былъ по инициативѣ Веневитинова и долженъ былъ собрать труды молодого литературнаго круга, между прочимъ Пушкина и его друзей. Однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этого изданія былъ Погодинъ, который уже вскорѣ выступилъ рьянымъ славянолюбцемъ; въ журналѣ долженъ былъ принять участіе и Хомяковъ. Любопытно, что къ изданію Веневитиновъ думалъ пригласить Мицкевича, который жилъ тогда въ Москвѣ и, между прочимъ, слылъ за знатока литовскихъ древностей, латышскаго и древне-славянскаго языка. Хомяковъ, который въ 1825 и 1826 году жилъ за границей, на обратномъ пути въ Россію объѣхалъ западно-славянскія земли и въ 1830 году могъ дать совѣтъ Шевыреву: „проѣзжая чрезъ славянскія земли въ южной Австріи, говорите какъ можно болѣе съ жителями—васъ будетъ веселить ихъ радость, и хорошо напомнить имъ иногда объ Россіи. Они своихъ сѣверныхъ братьевъ рѣдко видятъ". Извѣстно, что въ турецкую войну Хомяковъ отправился въ дѣйствующую армію, былъ

въ Болгаріи, и результатомъ его тогдашняго настроенія было знаменитое стихотвореніе: „Орелъ", въ свое время запрещенное даже у насъ и сочтенное за манифестъ панславизма.

Это настроеніе времени создало и извѣстнаго Ю. И. Венелина (1802—1839). Венгерскій русинъ по рожденію, онъ юношей выселился въ Россію, и живя на югѣ Россіи, заинтересовался судьбою болгарскаго племени, которому послѣ посвящалъ свои труды. Онъ перебрался потомъ въ Москву, поступилъ въ университетъ, сдѣлался медикомъ, но въ 1829 г. издалъ уже свою книгу: „Древніе и нынѣшніе болгаре", которая произвела впечатлѣніе. Въ слѣдующемъ году онъ сдѣлалъ путешествіе въ Болгарію на средства Россійской Академіи и началъ рядъ новыхъ трудовъ, посвященныхъ славянской древности и этнографіи [1]). Венелинъ не былъ настоящій ученый; онъ былъ для этого слишкомъ восторженный народникъ и поэтъ; его энтузіазмъ одѣвался только въ археологію. Строгіе ученые не разъ говорили съ пренебреженіемъ о фантазіяхъ Венелина,—но за нимъ остается великая заслуга: послѣ него въ общемъ счетѣ славянства уже нельзя было забыть о болгарахъ, какъ дѣлалось до того времени, и съ другой стороны именно Венелинъ, больше чѣмъ кто-нибудь другой, способствовалъ первому пробужденію національнаго сознанія въ средѣ самихъ болгаръ. Венелинъ—одно изъ самыхъ характерныхъ явленій, вызванныхъ настроеніемъ двадцатыхъ годовъ, и одинъ изъ наиболѣе живыхъ и вліятельныхъ его результатовъ.

Въ 1835 году изданъ былъ новый уставъ русскихъ университетовъ. По этому уставу введена была каѳедра славянской филологіи или, какъ было сказано въ уставѣ, исторіи литературы славянскихъ нарѣчій. Изъ того, что мы говорили выше о постоянно нароставшемъ и расширявшемся интересѣ къ славянству, научномъ, литературномъ и общественномъ, можно видѣть, что учрежденіе новой каѳедры было важнымъ фактомъ, отвѣчавшимъ дѣйствительной потребности и обѣщавшимъ богатые результаты. Русская наука самимъ ходомъ ея вопросовъ все больше сближалась съ славянскимъ міромъ, и для интересовъ національныхъ, возникавшихъ въ обществѣ, знакомство съ славянствомъ—этимъ близкимъ, но скрывавшимся въ туманѣ міромъ—становилось необходимостью. Мы видѣли также, что при всемъ томъ приступъ

[1]) Подробнѣе о немъ въ моей „Исторіи слав. литературъ", 2-е изд., I, стр. 110—112.

къ дѣлу окруженъ былъ большими трудностями. Не было никакой школы, которая могла бы приготовлять къ изученію этого міра: люди ученые, которымъ необходимы были свѣденія, — и этихъ ученыхъ людей было не много, — должны были собирать эти свѣденія отрывочно и самоучкою; прямыхъ сношеній съ западно-славянскими учеными долгое время совсѣмъ не было; книги были большою рѣдкостью. Первыя связи, въ основаніи которыхъ такая великая заслуга принадлежала Кёппену, были все-таки слишкомъ отрывочны, слишкомъ зависѣли отъ случайной личной иниціативы. Любопытно и почти забавно, напримѣръ, что люди, какъ Румянцовъ и Шишковъ, владѣвшіе наибольшимъ практическимъ вліяніемъ въ этихъ сношеніяхъ, не умѣли даже правильно называть очень видныхъ, даже знаменитыхъ, людей тогдашней славянской литературы: Шишковъ называлъ Вука Караджича „Вугомъ", а Румянцовъ Добровскаго — Думбровскимъ [1]). Очевидно, что дѣло должно было быть поставлено иначе—прямо и органически. Этого думали достигнуть, еще при Шишковѣ и Кёппенѣ, приглашеніемъ въ наши университеты или въ библіотеку Россійской Академіи западныхъ славистовъ; мы видѣли, что эта мѣра не была принята правительствомъ и замѣнена другою; вмѣсто призыва чужихъ ученыхъ рѣшено было приготовить будущихъ профессоровъ изъ молодыхъ русскихъ ученыхъ силъ. Рѣшеніе было, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе правильное: новая наука должна была выростать изъ собственныхъ корней русской умственной жизни.

Министерство просвѣщенія предложило университетамъ выбрать молодыхъ людей, способныхъ взять на себя эту задачу и дать имъ возможность приготовиться къ ея исполненію. Университеты: московскій, харьковскій, петербургскій, и позднѣе казанскій, приняли это предложеніе, и четыре будущихъ слависта начали свое поприще.

Двое изъ нихъ уже раньше были заинтересованы славянскими предметами и нашли возможнымъ начать приготовленіе къ профессурѣ прямо путешествіемъ по славянскимъ землямъ; это были Бодянскій и Срезневскій; двое другіе занимались сначала въ Россіи и начали путешествіе позднѣе; это были Прейсъ и Григоровичъ. Одинъ изъ этихъ будущихъ профессоровъ, Прейсъ, можетъ быть, самый даровитый изъ всѣхъ, умеръ, едва начавъ свою дѣятельность; остальные долго служили своему дѣлу, Срезневскій въ Харьковѣ и въ Петербургѣ, Бодянскій въ Москвѣ,

[1]) Самъ Кёппенъ называлъ Копитара—Копытарь.

Григоровичъ въ Казани и Одессѣ, и имъ принадлежитъ заслуга установленія русскаго славяновѣденія.

Новость дѣла обнаружилась, между прочимъ, и въ тѣхъ инструкціяхъ, какія даны были для руководства молодыхъ ученыхъ въ путешествіи по славянскимъ землямъ. Въ московскомъ университетѣ составлена была „Записка о путешествіи по заграничнымъ славянскимъ землямъ", которая разослана была, кажется, во всѣ университеты. Когда въ Харьковѣ попечитель, графъ Головкинъ, предложилъ совѣту о назначеніи въ путешествіе Срезневскаго, къ московской запискѣ прибавилъ свои замѣчанія профессоръ Артемовскій-Гулакъ, а затѣмъ составлена была своя инструкція для руководства будущему путешественнику. Всѣ эти записки и инструкціи отличаются однимъ общимъ качествомъ: всѣ онѣ совершенно неисполнимы; всѣ онѣ ставятъ задачу путешествія и изученія славянскихъ земель такъ широко, предъявляютъ такія требованія, которыя были бы непосильны не только для одного, притомъ начинающаго слависта, но, пожалуй, для цѣлой экспедиціи; можно сказать, что задачи, поставленныя въ этихъ инструкціяхъ, не разрѣшены въ нашей литературѣ и до сихъ поръ, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ ихъ составленія. Очевидно, что составители съ одной стороны старались собрать всю свою ученость по мудреному славянскому вопросу, а съ другой — обнаруживали несостоятельность этой учености, не имѣя никакого яснаго представленія о томъ, насколько удобоисполнимы или даже нужны нѣкоторыя ихъ требованія. Артемовскій-Гулакъ въ своихъ замѣчаніяхъ на московскую записку ограничивалъ, по крайней мѣрѣ, заявляемыя требованія и справедливо говорилъ, что при исполненіи планъ необходимо долженъ измѣняться отъ обстоятельствъ, которыхъ и предвидѣть невозможно, и что путешественника не надо обременять требованіями, которыя могли бы отвлекать его отъ настоящей цѣли его назначенія. Тѣмъ не менѣе, въ инструкціи харьковскаго университета задано было Срезневскому столько задачъ, что для ихъ рѣшенія надо было потратить вмѣсто трехъ-четырехъ годовъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Предметы занятій путешественника должны были составлять: во-первыхъ, изученіе нарѣчій славянскаго языка; во-вторыхъ, „изученіе характеристики славянскихъ народовъ, каждаго въ особенности". Изученіе нарѣчій должно быть теоретическое и практическое; но такъ какъ теоретическое изученіе, по мнѣнію инструкціи, поставлено очень слабо, грамматики и лексиконы недостаточны, и даже лучшіе изъ нихъ „не составляютъ еще полной сокровищницы языковъ", то путешественнику предлагалось „преимуще-

ственно обратить свое вниманіе на практическое изученіе племенныхъ славянскихъ нарѣчій". Но, и „это практическое изученіе славянскихъ нарѣчій не должно ограничиваться изслѣдованіемъ языка, употребляемаго однимъ извѣстнымъ классомъ народа одной извѣстной области: оно должно слѣдить за *всѣми возможными оттѣнками* его измѣненій по разнымъ провинціямъ, въ разныхъ сословіяхъ народа, котораго нарѣчіе путешественникъ изучить вознамѣрится".

Далѣе, „изученіе характеристики славянскихъ народовъ должно составить предметъ особеннаго вниманія и заботливости путешественника: образъ жизни домашней и общественной, нравы, обычаи, степень образованія, древнія преданія и повѣрья, предразсудки, суевѣрія, игры, увеселенія, одежда, пища и т. п. составятъ неистощимый запасъ для предыдущихъ изслѣдованій и выводовъ путешественника, въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археографическомъ и нравственномъ отношеніяхъ (!). Откуда же почерпать свѣденія по всѣмъ этимъ отношеніямъ? Какія книги, какіе ученые въ состояніи будутъ озарить эти важныя условія настоящимъ свѣтомъ и облегчить выполненіе оныхъ? Чтобы достигнуть до этого, путешественнику необходимо нужно будетъ прибѣгнуть къ практическому ученію, которое ему совѣтуемо было выше".

Инструкція, впрочемъ, признавала, что нѣчто важное было уже сдѣлано многими учеными, и потому рекомендовала путешественнику познакомиться съ ихъ трудами, которые должны были принести ему пользу; но сказаннаго было еще мало. Путешественникъ долженъ былъ распредѣлить свои занятія такъ, чтобы время его было употреблено на самыя разнообразныя наблюденія: „ему вмѣняется въ *неизъятную обязанность* вести самый подробный дневникъ его путешествія, гдѣ и самая мелочная наблюдательность останется не безъ пользы и должна въ ономъ занять опредѣленное мѣсто. Путешествуя по какой-нибудь странѣ, онъ долженъ прежде стараться пріобрѣсть вѣрную и подробную карту оной и раздѣлить свое путешествіе сколь возможно систематически, по направленію рѣкъ, горъ и т. п., и по этимъ направленіямъ преслѣдовать *все, могущее характеризовать эту страну* (!). Почему онъ имѣетъ обратить вниманіе на физическое положеніе оной, на ея климатъ, на ея изобиліе или скудость въ дарахъ природы, на степень цивилизаціи ея обитателей, на развитіе промышленности и т. п., потому что всѣ эти воззрѣнія имѣютъ весьма важное значеніе въ опредѣленіи характеристики каждаго народа. Сверхъ того онъ вникнетъ въ діалектическія свойства,

отличающія языкъ или нарѣчіе этой страны отъ языка или нарѣчія другой; онъ вслушается въ смыслъ и духъ народныхъ пѣсенъ и въ мелодію ихъ напѣва; соберетъ преданія и сказки; замѣтитъ физіономію племени. При такомъ условіи наблюдательности, само собою разумѣется, нашъ путешественникъ долженъ совершать свои ученыя экскурсіи *пѣшкомъ*, избирая для сего благопріятное въ году время. Иначе, завися отъ тягостныхъ условій почты и дилижансовъ (!), онъ перепорхнетъ только (!), такъ сказать, черезъ города, села и деревни, тщательное обозрѣніе которыхъ могло бы доставить обильную пищу его любознательности. Къ тому же, изъ числа странъ, составляющихъ предметъ его изученія, есть и такія, посѣщеніе которыхъ нашъ путешественникъ и безъ того, по необходимости, долженъ будетъ совершать не иначе, какъ пѣшкомъ" и т. д. Какъ видимъ, инструкція доходитъ до комическаго. Составители усердствовали; инструкція была невыполнима, но должно отдать справедливость нашимъ первымъ ученымъ путешественникамъ въ славянскія земли, что они вели свои изученія съ величайшею ревностью, а иногда и дѣйствительно пѣшкомъ совершали свои странствія.

Не станемъ пересказывать біографій и исчислять всѣхъ трудовъ нашихъ первыхъ славистовъ, тѣмъ больше, что мы имѣли уже случай говорить почти о всѣхъ [1]).

Эти четыре кандидата славянской профессуры были люди не-

---

[1]) О Бодянскомъ (1808 — 1877), Григоровичѣ (1815 — 1876) и Срезневскомъ (1812—1880) см. некрологи въ „Вѣстн. Европы" 1877 и 1880; мы говорили также о Срезневскомъ въ „Исторіи малорусской этнографіи".

— Срезневскій, „На память объ О. М. Бодянскомъ, В. И. Григоровичѣ и П. И. Прейсѣ", въ Сборникѣ II-го отдѣленія Академіи, т. XVIII, Спб. 1877.

— О В. И. Григоровичѣ: Рѣчь А. А. Котляревскаго въ „Славянскомъ Ежегодникѣ", Кіевъ, 1877, стр. 308—316; некрологъ (Н. С. Тихонравова) въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", 1876, № 332; въ „Одесскомъ Вѣстн." 1876, № 286—287; „Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ", Г. Е. Аѳанасьева, въ „Одесскомъ Славянскомъ сборникѣ", Одесса, 1880, стр. 68—80.

— О Бодянскомъ: „Біографическій Словарь" профессоровъ московскаго университета, Москва, 1855; „Воспоминанія студентства, 1832—1835 г.", К. Аксакова, въ газетѣ „День", 1862, № 39, 40; некрологи: Котляревскаго въ „Славянскомъ Ежегодникѣ" 1878; Д. Языкова въ „Древней и Новой Россіи" 1878, № 1; въ „Русской Старинѣ", 1879, № 5, стр. 205—218; № 11, стр. 461—480 (Н. Попова); А. Дювернуа, „Рѣчи и Отчетъ" моск. унив., 12-го января, 1878, стр. 27—32; „Русскіе Палеологи сороковыхъ годовъ", Н. Барсукова, Спб. (1880).

— Наиболѣе подробная біографія Срезневскаго составлена А. Ѳ. Бычковымъ, въ академическомъ Отчетѣ за 1880 годъ, въ „Сборникѣ" II-го отд. Академіи, т. XXII, 1881. Подробный списокъ трудовъ Срезневскаго напечатанъ былъ русскимъ отдѣленіемъ Академіи къ его 50-лѣтнему юбилею, въ 1879, и повторенъ въ упомянутомъ Отчетѣ, 1881.

сходнаго характера; но всѣ были сходны въ одномъ — въ страстной привязанности къ своему предмету. Петръ Ивановичъ Прейсъ (1810—1846), рано лишившись отца (учителя музыки), провелъ молодость да и всю жизнь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, не могъ по тѣмъ же обстоятельствамъ докончить университетскаго курса въ Петербургѣ; съ 1828 года служилъ въ Дерптѣ младшимъ, потомъ старшимъ учителемъ русскаго языка въ гимназіи, но продолжалъ работать при помощи дерптскихъ ученыхъ по германской и славянской филологіи. Здѣсь онъ сблизился съ молодыми русскими учеными, пріѣхавшими доканчивать свое научное образованіе въ профессорскомъ институтѣ, учрежденномъ въ 1828 году, и его дарованія и преданность наукѣ обращали на себя такое вниманіе, что когда совѣтъ петербургскаго университета долженъ былъ, по предложенію министерства, назвать своего кандидата для предстоящаго славянскаго путешествія и для приготовленія къ славянской каѳедрѣ, то друзья Прейса достигли того, что онъ былъ выбранъ совѣтомъ единогласно. Это было въ 1838 году. Прейсъ не пожелалъ, однако, тотчасъ начать путешествіе и съ разрѣшенія властей остался на годъ въ Петербургѣ, чтобы завершить свои занятія древне-славянскимъ языкомъ и письменностью подъ руководствомъ Востокова. Этотъ послѣдній, какъ мы видѣли выше, былъ въ тѣ годы наиболѣе авторитетный знатокъ дѣла не только въ русскомъ, но и въ западно-славянскомъ ученомъ мірѣ. Желаніе Прейса свидѣтельствовало о его научной требовательности. Востоковъ въ самомъ началѣ занятій съ Прейсомъ нашелъ его уже весьма хорошо приготовленнымъ, и занятія древними памятниками по рукописямъ Публичной Библіотеки и Румянцовскаго Музея (еще находившагося тогда въ Петербургѣ) еще укрѣпили его научную почву. Осенью 1839 года Прейсъ началъ свое путешествіе, которое продлилось по декабрь 1842 года. Онъ приступалъ къ дѣлу уже съ немалымъ запасомъ научной опытности. Какіе разнообразные предметы привлекали его вниманіе и съ какимъ обширнымъ запасомъ свѣденій онъ приступалъ къ изученію славянства, видно изъ его оффиціальныхъ отчетовъ, которые печатались тогда въ журналѣ министерства, и изъ разсказовъ Срезневскаго, который значительную долю времени путешествовалъ вмѣстѣ съ нимъ. „Многіе изъ отчетовъ Прейса,—говоритъ Срезневскій,—напечатаны въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія и высоко цѣнятся знатоками дѣла. Столько же цѣнились начитанность, наблюдательность и трудолюбивая изслѣдовательность Прейса и тѣми людьми науки, съ которыми онъ сближался во время путешествія. Соста-

витель этой записки, путешествуя по славянскимъ землямъ одновременно съ Прейсомъ и частію вмѣстѣ съ нимъ, можетъ лично свидѣтельствовать объ уваженіи, которое Прейсъ оставлялъ всюду за собою, какъ ученый, столько же богатый запасами знаній и наблюденій, сколько и осторожный въ соображеніяхъ и выводахъ. Нѣсколько мѣсяцевъ провели мы вмѣстѣ съ нимъ въ Прагѣ, сходясь съ пражскими учеными. Всѣ они дорожили указаніями и мнѣніями Прейса. Шафарикъ, между прочимъ, обильно пользовался его извлеченіями изъ древнихъ церковно-славянскихъ памятниковъ и указателями его къ „Славянскимъ древностямъ" самого Шафарика и къ нѣкоторымъ трудамъ Я. Гримма. Пользовался его указаніями и Челяковскій, и Палацкій, и нѣкоторые другіе. Ему и я обязанъ, какъ первому совѣтнику, узнаніемъ первыхъ пріемовъ, какъ заниматься древними рукописями".

Дѣятельность Прейса была непродолжительна. Онъ началъ лекціи только во второй половинѣ марта 1843 года, а въ маѣ 1846 года его уже не стало.

Сотоварищъ Прейса по путешествію въ славянскихъ земляхъ и преемникъ его по каѳедрѣ въ петербургскомъ университетѣ, Срезневскій, выѣхалъ за границу въ концѣ 1839 года и осенью 1842 года вернулся въ Харьковъ, гдѣ тогда же началъ чтеніе своего предмета. И въ путешествіи, и въ литературѣ Срезневскій былъ наиболѣе дѣятельнымъ, подвижнымъ и разнообразнымъ изъ всей группы тогдашнихъ славистовъ. Онъ перебывалъ во всѣхъ западныхъ (но не южныхъ) славянскихъ земляхъ, между прочимъ дѣлалъ много путешествій пѣшкомъ, какъ предписывала харьковская инструкція. Любовь къ этнографіи была у него давняя: еще юношей въ Харьковѣ онъ началъ издавать извѣстную „Запорожскую Старину" и даже раньше того издалъ небольшой сборникъ словацкихъ пѣсенъ (1832), записанныхъ имъ отъ бродячихъ торговцевъ-словаковъ, заходившихъ въ Харьковъ. Еще не помышляя о будущихъ занятіяхъ славянствомъ, Срезневскій интересовался славянскою древностью и т. д. Путешествіе видимо пришлось ему по душѣ: завязавши много связей въ ученомъ кругу всѣхъ славянскихъ краевъ, онъ легко сходился и съ народомъ, и въ его замѣткахъ и воспоминаніяхъ собралось много этнографическихъ подробностей, которыми между прочимъ онъ пользовался впослѣдствіи въ своихъ ученыхъ разысканіяхъ и лекціяхъ. Опять, какъ желала того харьковская инструкція, онъ, кромѣ древностей, исторіи, литературы, занимался изученіемъ живого народнаго языка и, какъ немногіе наши слависты того времени и послѣ, находилъ возможность изучать живую народ-

ную рѣчь и изучать самые оттѣнки славянскихъ нарѣчій, почерпая факты прямо изъ устъ народа. Мы подробнѣе говорили въ другомъ мѣстѣ о точкѣ зрѣнія, которая выработалась у него вообще въ его славянскихъ изученіяхъ. Эта точка зрѣнія подготовлена была еще юношескими интересами и работами. Издатель „Запорожской Старины" былъ уже романтикъ, направившійся въ этнографію. Истинная національная жизнь, по его взгляду, была жизнь народная: истинный духъ націи или племени сохраняется только въ чисто народной средѣ, въ преданіяхъ, повѣрьяхъ, обычаѣ и поэтическихъ произведеніяхъ массы, гдѣ народная сущность осталась нетронутой чужими пришлыми вліяніями и исторической порчей. Никакая литература не представитъ столько живого и глубокаго интереса, какъ народная поэзія: тамъ говоритъ чисто личная мысль и чувство, здѣсь—мысль и чувство народнаго множества; тамъ—произволъ, свойственный личности, здѣсь—прочное содержаніе, провѣренное и принятое всею народной массой. Литература получаетъ значеніе и достоинство въ той мѣрѣ, въ какой она приближается къ народному содержанію и языку, и въ какой она служитъ потребностямъ народа, не измѣняя его нравственному складу. Подобный взглядъ могъ еще больше укрѣпиться и развиться въ соприкосновеніи съ тѣми литературами, какія приходилось теперь изучить Срезневскому у крупныхъ и особливо мелкихъ славянскихъ племенъ, тогда только-что вступавшихъ на путь возрожденія ихъ народностей. Въ самомъ дѣлѣ, это возрожденіе на первыхъ порахъ могло быть достигнуто только пробужденіемъ народнаго сознанія, внушеніемъ уваженія къ народному преданію, напоминаніемъ о народной старинѣ, заботой объ (элементарномъ) народномъ образованіи, не выходящемъ изъ круга существующаго обычая и міровоззрѣнія, и т. п. Возрожденіе славянскихъ литературъ выразилось по преимуществу, во-первыхъ, историческими изслѣдованіями о прошлой судьбѣ народовъ; во-вторыхъ, этнографическимъ собираніемъ народной поэзіи, и въ-третьихъ, легкой популярной литературой, которая могла бы быть доступна грамотному сельскому люду. Таковы были дѣйствительно черты всѣхъ возрождавшихся тогда славянскихъ литературъ. Почти вездѣ у этихъ племенъ новая литература могла обращаться, главнымъ образомъ, только къ народнымъ массамъ и къ ближе стоявшей къ нимъ части средняго класса. Сословія высшія почти вездѣ и почти сполна были уже отняты у народа: онѣ были или обнѣмечены въ Австріи, Пруссіи и Саксоніи, или омадьярены въ Венгріи, отуречены въ Турецкой имперіи, объитальянены въ Далмаціи,

ополячены у русиновъ въ Галиціи. Такимъ образомъ народные патріоты должны были обращаться именно къ народу въ буквальномъ смыслѣ слова—напомнить ему прошедшее, поднять въ его глазахъ его народную личность и особенность, возбудить въ немъ интересъ къ образованію и дать для этого образованія первыя средства, словомъ, сжиться съ народной средой, чтобы мало-по-малу поднять ее для дальнѣйшихъ высшихъ задачъ умственной, общественной и политической жизни. Понятно, что на этой, такъ сказать, педагогической ступени литературы не было мѣста ни для какихъ сложныхъ задачъ высшей науки, ни для какихъ утонченныхъ вопросовъ современной философіи, политики, искусства и т. д.: это или теряло интересъ для патріотовъ-народниковъ, или отодвигалось въ какое-то далекое будущее, или, наконецъ, считалось не-народнымъ, то-есть не отвѣчающимъ народной потребности въ данную минуту, или даже враждебнымъ народной идеѣ... Вращаясь въ кругу такихъ вопросовъ возрожденія въ мелкихъ литературахъ, Срезневскій вполнѣ принялъ эту точку зрѣнія: высокая оцѣнка *народнаго* съ отрицаніемъ *не-народнаго*, и потому съ равнодушіемъ къ тому, чѣмъ волновались высшіе слои литературы, воспитанная въ немъ славянскими литературами въ ихъ спеціальныхъ условіяхъ, стала для него общимъ закономъ въ его взглядахъ на литературу вообще и тогдашнюю русскую въ частности.

Это была, конечно, исключительность и въ концѣ концовъ ошибка. Дѣйствительно, дѣятельность Срезневскаго, въ высокой степени важная въ спеціальной наукѣ, осталась какъ бы чуждой общественнымъ интересамъ литературы, стояла внѣ ихъ и сама не произвела того дѣйствія, какое могла бы, повидимому, произвести при обширныхъ знаніяхъ и большомъ дарованіи нашего замѣчательнаго слависта. Русская литература не была, конечно, въ положеніи какой-либо изъ западно-славянскихъ литературъ... Но съ другой стороны, съ точки зрѣнія, какой держался Срезневскій, была своя очень симпатичная сторона. Въ этомъ особенномъ интересѣ къ народу, въ возвеличеніи его нравственнаго достоинства, въ призывѣ къ его изученію была мысль, заключавшая въ себѣ глубокое, гуманное поученіе. Въ тѣ годы, въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ такая мысль и такое поученіе были нужны въ нашей литературѣ. То развитіе этнографіи, какое отличаетъ эти десятилѣтія, имѣло, кромѣ научной, свою сильную общественную сторону; съ интересомъ этнографическимъ часто тѣснымъ образомъ связывалось участіе къ положенію народа въ тогдашнемъ общественномъ строѣ. Правда, не всѣ этнографы доста-

точно это сознавали, и этнографія часто бывала у нихъ только инстинктомъ, который хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ оставался недоразвитымъ или даже извращеннымъ, но въ концѣ концовъ приносилъ свое полезное дѣйствіе. Срезневскій также какъ бы не хотѣлъ поставить вопроса яснѣе и въ связи съ движеніемъ въ другихъ отрасляхъ литературы; но тѣмъ не менѣе его работы по изученію славянства и особенно его преподаваніе имѣли свое несомнѣнное благотворное вліяніе въ смыслѣ распространенія интересовъ къ народу.

Его первыя лекціи въ харьковскомъ университетѣ произвели сильное впечатлѣніе. „Успѣхъ чтеній Срезневскаго былъ громадный,—разсказываетъ очевидецъ,—студенты всѣхъ факультетовъ, особенно въ первый годъ курса, толпами стекались слушать краснорѣчиваго профессора; самая большая университетская аудиторія не вмѣщала всѣхъ желающихъ. Новость предмета, бойкость изложенія, то восторженнаго и приправленнаго цитатами изъ Коллара, Пушкина и Мицкевича, то строго критическаго, не лишеннаго юмора и ироніи — все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ; все это было такъ своеобычно и еще ни разу не случалось, какъ гласило преданіе, на университетской каѳедрѣ. Направленіе профессора было панславистское; стихи Коллара не сходили, можно сказать, съ его устъ“.

Съ начала 1847 года Срезневскій началъ чтенія въ петербургскомъ университетѣ; курсъ его представлялъ энциклопедическое обозрѣніе цѣлаго предмета [1]). Первое увлеченіе уже нѣсколько охладилось, но въ первой половинѣ 50-хъ годовъ мы бывали слушателями его одушевленныхъ лекцій, какія въ то время были рѣдки въ нашихъ университетахъ. Его точка зрѣнія была та же, о какой мы говорили, но онъ умѣлъ возбуждать любознательность и тѣ, такъ сказать, народническія сочувствія, какія самъ питалъ. Съ переѣздомъ въ Петербургъ его ученая

[1]) Въ „Исторіи с.-петербургскаго университета“ онъ указывается въ такомъ видѣ: „Начальный курсъ чтеній постоянно посвящаемъ былъ имъ энциклопедическому введенію, имѣющему цѣлью ознакомить слушателей съ славянскимъ племенемъ, какъ частью кореннаго народонаселенія Новой Европы; съ его общими судьбами въ отношеніи политическомъ, религіозномъ, битовомъ; съ характеристическими отличіями его нарѣчій; съ важнѣйшими явленіями народной его словесности и книжной литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ главными пособіями для изученія славянства. Вслѣдъ за этимъ, вводнымъ, курсомъ, слѣдовали постоянно черезъ годъ два другіе: курсъ славянскихъ древностей и курсъ исторіи языка и литературы западныхъ славянъ... Заключительный, четвертый, курсъ посвящаемъ былъ древностямъ русскаго языка, съ подробнымъ объясненіемъ главнѣйшихъ его памятниковъ“.

дѣятельность очень расширилась; вступивъ вскорѣ во II-е отдѣленіе Академіи, смѣнившее въ 1841 году Россійскую Академію, Срезневскій сталъ въ немъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, и основанныя имъ „Извѣстія“ заключали множество важныхъ изслѣдованій, этнографическихъ матеріаловъ и обильную библіографію книгъ по русскому и славянскимъ языкамъ и литературамъ. Бо̀льшая часть работъ по „Извѣстіямъ“ принадлежала ему. Въ тѣ годы онъ также участвовалъ своими трудами въ этнографическомъ отдѣленіи Географическаго Общества, въ Обществѣ Археологическомъ; мало-по-малу его труды стали принимать другое направленіе: онъ съ особенною любовью, почти исключительно, занялся вопросами палеографіи, изданіемъ старо-славянскихъ и старо-русскихъ текстовъ, собираніемъ матеріала для словаря древняго русскаго языка. Въ послѣдній разъ онъ возвратился къ славянскимъ предметамъ по поводу полемики, открывшейся вслѣдствіе того, что заподозрѣна была подлинность нѣкоторыхъ древнихъ чешскихъ памятниковъ, причемъ въ роли поддѣльщика оказывался старинный его другъ, чешскій археологъ Ганка. Памятникъ, о которомъ шла рѣчь, былъ изъ числа тѣхъ, какими нѣкогда пользовался самъ Срезневскій въ своихъ археологическихъ изысканіяхъ. Въ ловко составленной статьѣ Срезневскій старался ослабить или подорвать нападеніе, представляя возможность заподозрѣнныхъ данныхъ или доказывая, какія необычайныя знанія потребовались бы для поддѣлки. Защита была искусная, но напрасная.

Другой замѣчательный славистъ этой группы—В. И. Григоровичъ былъ уроженецъ юго-западнаго края. Отецъ его былъ малорусскій помѣщикъ и чиновникъ, мать—полька; первое ученье онъ прошелъ въ уніатскомъ училищѣ въ Умани, потомъ слушалъ лекціи въ Харьковѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1833 году дѣйствительнымъ студентомъ. Какъ разсказываютъ люди, близко его знавшіе съ молоду, Григоровичъ отличался крайнею застѣнчивостью, доходившею до робости, источникъ которой была большая требовательность и недовѣріе къ самому себѣ. Онъ прилежно работалъ и зналъ больше, чѣмъ показывали иногда его экзамены. Этимъ объясняютъ неудачное окончаніе курса въ Харьковѣ; но онъ рѣшилъ продолжать свои занятія и снова работалъ въ Дерптѣ, гдѣ получилъ степень кандидата, занявшись въ особенности греческимъ языкомъ и нѣмецкой философіей. Въ 1839 году онъ занялъ мѣсто преподавателя греческаго языка въ казанскомъ университетѣ; но еще въ Дерптѣ его влекло уже гораздо больше въ другую сторону, именно къ славянству. Приглашеніе въ Ка-

занъ имѣло въ виду также то, что Григоровичъ будетъ готовиться къ занятію каѳедры славянскихъ нарѣчій, къ чему тогда вызывало университеты министерство просвѣщенія. Въ 1842 году Григоровичъ, не выѣзжая изъ Казани, напечаталъ диссертацію на степень магистра славяно-русской филологіи [1]). Книга была замѣчательна: по замѣчанію Срезневскаго, Григоровичъ, повидимому, не имѣлъ въ рукахъ единственнаго существовавшаго тогда труда по исторіи славянскихъ литературъ, изданнаго Шафарикомъ (1826), и слѣдовательно самъ собиралъ матеріалъ для своего изложенія, и притомъ исторія литературы излагалась здѣсь въ связи съ политическою судьбою племенъ и изложеніе освѣщено было философскимъ объясненіемъ явленій. Послѣ того Григоровичъ занялъ въ Казани каѳедру славянскихъ нарѣчій. Въ концѣ 1845 года онъ началъ свое славянское путешествіе, изъ котораго возвратился въ началѣ 1847 года; выработанный имъ планъ путешествія задуманъ былъ очень широко [2]) и совсѣмъ не былъ похожъ на другія путешествія. Наименѣе извѣстнымъ славянскимъ краемъ, но и наиболѣе интереснымъ по вопросу о началѣ древне-славянской письменности и о связяхъ славянскаго юга съ древнею Русью, была, конечно, Болгарія. Путешествіе въ Болгарію, подъ турецкимъ владычествомъ, и въ позднѣйшіе годы было очень трудно, а въ тѣ годы тѣмъ болѣе, и несмотря на то, робкій, непрактическій Григоровичъ рѣшилъ направиться прежде всего именно въ Болгарію—гдѣ не бывалъ ни одинъ изъ другихъ нашихъ славистовъ, тогда уже кончившихъ свои экспедиціи. Путешествіе оказалось дѣйствительно трудно; разсказываютъ, что Григоровичъ подвергался и серьезнымъ опасностямъ; Надеждинъ, съ которымъ онъ послѣ встрѣчался на пути, называлъ его мученикомъ. „Но страдалъ онъ не напрасно,—говоритъ Срезневскій, —онъ домогся-таки до памятниковъ, никѣмъ изъ изслѣдователей дотолѣ невидѣнныхъ и никому неизвѣстныхъ, сдѣлалъ описи ихъ, вымѣтки изъ нихъ, а нѣкоторые и пріобрѣлъ въ собственность. Вмѣстѣ съ тѣмъ собралъ такъ же, какъ новости, много свѣденій мѣстныхъ—частію о народѣ и народныхъ преданіяхъ, частію о разныхъ мѣстностяхъ, важныхъ для древней исторіи славянъ и для славянскаго языка. Книга его о путешествіи по Турціи остается и вѣроятно еще надолго останется важнымъ источни-

[1]) „Опытъ изложенія литературы Словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ, часть I: 1 и 2 эпохи“ (только древній періодъ), въ „Ученыхъ запискахъ“ казанскаго университета, 1842, книга III, и отдѣльно, 1843.

[2]) Этотъ планъ, составленный въ 1843 году, изданъ въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“, 1883, кн. III, стр. 36—47.

комъ первоначальныхъ свѣденій по политической исторіи, по исторіи христіанства и письменности, по палеографіи и дипломатикѣ южныхъ славянъ".

Рѣшеніе Григоровича было въ тѣ времена настоящимъ подвигомъ. Онъ былъ вообще первый настоящій ученый, посѣтившій Болгарію и положившій начало открытіямъ, которыя съ тѣхъ поръ впервые разъяснили болгарскую древность и современное состояніе болгарскаго народа. Одинъ изъ его учениковъ, печатая планъ его путешествія,—говоритъ: „Никто изъ русскихъ славистовъ до Григоровича не заглядывалъ въ „Балканскія дебри и лѣса" и за Балканы, находя, конечно, болѣе комфортабельнымъ изучать наличныя данныя въ извѣстныхъ „цивилизованныхъ" пунктахъ западно-славянской территоріи, и ни одинъ изъ нихъ не представилъ такихъ вѣскихъ матеріаловъ для уясненія, если не разрѣшенія первыхъ вопросовъ литературы и исторіи славянъ, какъ Григоровичъ! Уже Шафарикъ, создавшій—можно сказать—науку о славянствѣ, привѣтствовалъ еще въ 1853 г. Григоровича, какъ ученаго, которому наука обязана разрѣшеніемъ вопроса о древности глаголицы въ противоположность ходячему мнѣнію Добровскаго объ ея молодости сравнительно съ такъ-называемой кириллицей. Шафарикъ, на трудахъ котораго воспитывался Григоровичъ, воспользовался въ своихъ работахъ многими открытіями своего ученика въ области древней славянской письменности и ставилъ казанскаго ученаго значительно выше, чѣмъ его всероссійскіе соотечественники прежняго и даже новаго времени" [1]).

Путешествіе Григоровича [2]) надолго осталось авторитетной книгой. Остальное время онъ посвятилъ западнымъ славянскимъ землямъ, работалъ въ библіотекахъ, знакомился съ учеными, запасался книгами. По возвращеніи въ Россію, въ Петербургѣ онъ снова встрѣтился съ давно знакомымъ ему Срезневскимъ, который такъ описываетъ ихъ тогдашнія бесѣды: „Онъ уже не былъ такъ застѣнчивъ, какъ былъ прежде, и сталъ гораздо болѣе сообщителенъ, хотя иногда и съ недовѣрчивостью—то къ самому себѣ, то къ другимъ. Собранныя имъ сокровища онъ не скрывалъ, даже позволялъ ими пользоваться. По его рукописямъ я почти-что началъ заниматься глаголическою письменностью и при этомъ пользовался его указаніями и объясненіями. Онъ съ радостною готовностью, можно сказать, съ увлеченіемъ отвѣчалъ

[1]) „Русскій Филол. Вѣстн.", 1883, кн. III, стр. 37.

[2]) „Очеркъ путешествія по Европейской Турціи", въ „Ученыхъ Запискахъ" казанскаго университета и отдѣльно, Казань 1848. Впослѣдствіи оно было перепечатано, М. 1877.

на всѣ разспросы и самъ вызывалъ вопросы на отвѣты, по которымъ былъ богатъ свѣдѣніями. Онъ былъ преданъ глаголицѣ какъ религіозной святынѣ, готовъ былъ всякаго вводить въ ея таинства. Не ею впрочемъ одною занятъ былъ умъ его. Не съ меньшимъ увлеченіемъ онъ высказывалъ и свои домыслы о древнѣйшемъ времени литературной дѣятельности славянъ... Кромѣ этого занимали его умъ и нѣкоторыя другія стороны историко-литературныхъ изслѣдованій, и между другимъ, болѣе всѣхъ другихъ связи Византійской Греціи со славянствомъ и византійская древность и исторія вообще. Это было мнѣ тогда почти совершенно чуждо и становилось дорого — по увлеченію, оживлявшему его бесѣду объ этомъ, по огромному запасу его знаній, по смѣлости соображеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по труду надъ нѣкоторыми византійскими памятниками совмѣстно съ Н. Н. Надеждинымъ".

Такимъ мы его знали какъ профессора. Рѣдко въ нашемъ ученомъ кругу можно было встрѣтить человѣка, до такой степени преданнаго своему дѣлу, жившаго имъ, столько готоваго передать другимъ свое знаніе и свою любовь къ предмету, какъ былъ Григоровичъ. Не будемъ исчислять его трудовъ [1]): они почти исключительно посвящены были древнему, особливо болгарскому періоду славянской литературы, и высоко цѣнились спеціалистами.

Послѣдніе годы своей жизни Григоровичъ работалъ въ новороссійскомъ университетѣ, гдѣ, впрочемъ, какъ говорятъ, недостатокъ сочувственной среды отражался неблагопріятно на его ученой производительности. Чтенія его, какъ обыкновенно, обнимали всѣ отрасли предмета—языкъ, древности, исторію литературы. Онъ, кажется, не составлялъ самъ своихъ записокъ [2]) и, какъ говорятъ, на лекціяхъ высказывался вообще смѣлѣе и свободнѣе, чѣмъ въ печатныхъ сочиненіяхъ: надо жалѣть, что его чтенія не были разработаны имъ самимъ или, по крайней мѣрѣ, точно стенографированы. Онѣ изданы были уже послѣ его смерти въ воронежскихъ „Филологическихъ Запискахъ" и въ варшавскомъ „Филологическомъ Вѣстникѣ" [3]).

---

[1]) Списокъ ихъ данъ въ воспоминаніяхъ Срезневскаго.

[2]) Такъ по словамъ его слушателя А. И. Смирнова; но въ числѣ рукописей, оставшихся послѣ Григоровича и находящихся на храненіи въ Московскомъ музеѣ, названы: „Университетскія лекціи по славянской исторіи и филологіи, рукописныя и литографированныя". Срезневскій, „На память" и проч., стр. 27.

[3]) „Славянскія древности" (Лекціи профессора В. Ив. Григоровича, читанныя въ 1867-8 году въ новороссійскомъ университетѣ, составлены слушателемъ его А. Смирновымъ), Варшава, 1880.

— „Обзоръ славянскихъ литературъ". Лекціи. Вып. I, Воронежъ, 1880.

Опять иного характера былъ славистъ, поставленный московскимъ университетомъ. Малороссъ по происхожденію, а также по характеру, О. М. Бодянскій вступилъ изъ семинаріи въ университетъ по тогдашнему поздно (23 лѣтъ), но хорошо приготовленный къ научнымъ занятіямъ и привычный къ настойчивому труду. Въ одномъ письмѣ къ Сахарову онъ говоритъ о своей „козацкой ретивости", и дѣйствительно, настойчивость въ своихъ планахъ и ихъ исполненіи отличала его какъ рѣдкая черта между нашими учеными. По введеніи уставомъ 1835 года каѳедры славянскихъ нарѣчій въ Москвѣ, она занята была стариннымъ любителемъ славянства Каченовскимъ, но кромѣ того, что его свѣденія были случайны и неполны, онъ былъ уже старъ, и когда Бодянскій представилъ въ 1837 году свою магистерскую диссертацію „О народной поэзіи славянскихъ племенъ", Каченовскій намѣтилъ въ немъ своего преемника. Въ 1838 году Бодянскій началъ свое путешествіе по славянскимъ землямъ, наиболѣе продолжительное изъ всѣхъ: оно протянулось лѣтъ на пять вслѣдствіе того, что болѣзнь заставила Бодянскаго употребить не мало времени на леченіе. Въ это время встрѣчался съ нимъ, живалъ и работалъ вмѣстѣ съ нимъ Срезневскій и говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о его необычайномъ трудолюбіи, направленномъ на изученіе языка и литературы, и на собираніе матеріала въ видѣ замѣтокъ, выписокъ изъ рукописей и т. п. Очевидно, Бодянскій увидѣлъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ своего будущаго труда въ доставленіи русской литературѣ историческаго матеріала о славянствѣ. По возвращеніи изъ-за границы Бодянскій открылъ свои лекціи, а вскорѣ затѣмъ избранъ былъ

— „Славянскія нарѣчія". Варшава, 1884.

Въ предисловіи къ лекціямъ о славянскихъ литературахъ г. Смирновъ, также ихъ составлявшій, говоритъ: „Настоящее изданіе не есть дословная запись того, что говорилъ покойный; оно представляетъ развѣ половину, а пожалуй и треть изъ сказаннаго въ аудиторіи. Покойный лекціи не записывалъ и даже не выдавалъ во время чтеній конспектовъ, а говорилъ онъ очень скоро, такъ что и стенографъ едва ли могъ записывать все... Несмотря на недословность записи, лекціи рисуютъ покойнаго профессора нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ онъ извѣстенъ по печатнымъ его трудамъ. Викторъ Ивановичъ былъ слишкомъ остороженъ, когда писалъ или говорилъ для печати; иногда онъ свои сужденія и мнѣнія выражалъ такъ, что ихъ можно было толковать и въ ту, и въ другую сторону. Эта осторожность и какъ бы боязнь возбудить о себѣ толки и были, кажется, главною причиною, почему онъ напечаталъ такъ мало сравнительно съ тѣмъ громаднѣйшимъ богатствомъ знаній, какимъ онъ дѣйствительно владѣлъ. Искренно любя своихъ слушателей и во всемъ довѣряясь имъ, В. Ив. на лекціяхъ говорилъ отъ души, безъ всякой утайки или недомолвки, самъ увлекался читаемымъ предметомъ и увлекалъ насъ, своихъ слушателей, иногда до того, что рука отказывалась записывать".

въ 1845 году секретаремъ московскаго Общества исторіи и древностей. Это избраніе направило особеннымъ образомъ его дѣятельность и дало для нея новыя средства. Какъ секретарь Общества, Бодянскій сталъ редакторомъ его изданій и въ сущности главнымъ руководителемъ дѣйствій Общества: въ первый разъ съ этого времени оно выказало чрезвычайную дѣятельность и „Чтенія“ его, выходившія подъ редакціею Бодянскаго, стали богатѣйшимъ собраніемъ матеріаловъ и изслѣдованій по русской и славянской древности и исторіи. Онъ велъ ихъ съ 1846 года и до самой смерти, впрочемъ съ перерывомъ отъ 1848 до 1858, когда Бодянскій, вслѣдствіе цензурной исторіи, обрушившейся на него по поводу напечатанія въ „Чтеніяхъ“ перевода англійской книги Флетчера (XVI вѣка) о Россіи, былъ устраненъ отъ веденія дѣлъ Общества и отъ изданія „Чтеній“. На нѣкоторое время онъ въ томъ же 1848 году устраненъ былъ и отъ профессуры, на которую впрочемъ возвратился въ 1849 году.

Его собственныя работы по славянству начаты были упомянутой диссертаціей 1837 года. Составленная по тому матеріалу, какой онъ могъ собрать въ Москвѣ и который для того времени былъ довольно полонъ, она свидѣтельствовала, что будущій путешественникъ былъ уже приготовленъ къ послѣдующимъ трудамъ въ славянскихъ изученіяхъ. Въ русской литературѣ предметъ былъ совсѣмъ новъ; книга Бодянскаго была первымъ русскимъ сочиненіемъ этого рода, да и въ литературѣ западно-славянской были только отдѣльные сборники пѣсенъ, еще не вызвавшіе никакихъ особыхъ изысканій, кромѣ немногихъ самыхъ общихъ обзоровъ. По литературному обычаю времени Бодянскій ставилъ предметъ на почву общихъ философскихъ положеній, которыя должны были, конечно, отпасть при дальнѣйшемъ размноженіи матеріала и болѣе многостороннемъ изученіи; но книга остается любопытна, какъ одна изъ первыхъ попытокъ самостоятельнаго русскаго труда по славянской этнографіи. Впослѣдствіи, какъ мы сказали, Бодянскій обратился къ собиранію матеріала; между прочимъ онъ справедливо нашелъ, что нашею литературой должны быть усвоены тѣ основные труды, какіе были уже совершены западнославянскими учеными по общимъ вопросамъ славяновѣденія и какихъ у насъ недоставало. Еще до отъѣзда онъ началъ и по возвращеніи окончилъ переводъ знаменитыхъ „Славянскихъ древностей“ Шафарика, тогда только-что появившихся; потомъ издалъ по-русски его же „Славянское народописаніе“; въ „Чтеніяхъ“ помѣстилъ переводы нѣсколькихъ историческихъ изслѣдованій Шафарика, Палацкаго, рядъ южныхъ и западныхъ славян-

скихъ памятниковъ, обширное собраніе памятниковъ о Кириллѣ и Меѳодіи и т. д. Не говоримъ о множествѣ драгоцѣнныхъ матеріаловъ по русской и малорусской исторіи, иностранныхъ путешественниковъ въ Россію, пѣсенныхъ сборниковъ (какъ напр. галицко-русское собраніе Головацкаго), которые появились въ „Чтеніяхъ" и нерѣдко имѣли значеніе почти открытій для нашей исторической литературы. Таково было, напримѣръ, изданіе славянскихъ памятниковъ, „Исторіи Руссовъ" Конисскаго и другихъ произведеній южно-русской исторіографіи, первая проба изъ пѣсеннаго сборника Кирѣевскаго (изданнаго сполна уже долго послѣ) и т. д. Бодянскій нерѣдко сопровождалъ подобныя изданія своими объяснительными предисловіями. Изъ его собственныхъ крупныхъ трудовъ можно указать еще только одинъ: „О времени происхожденія славянскихъ письменъ" (Москва, 1855), замѣчательный критическій обзоръ всѣхъ извѣстныхъ свидѣтельствъ, относящихся къ этому предмету. Во время путешествія и послѣ у Бодянскаго собралась также богатая славянская библіотека съ чрезвычайно рѣдкими изданіями, между прочимъ, какъ мы слышали, съ чуть ли не единственной коллекціей славянскихъ библій. Къ сожалѣнію, по смерти Бодянскаго, эта замѣчательная библіотека разошлась по рукамъ букинистовъ.

О его личныхъ свойствахъ говоритъ одинъ изъ его учениковъ, близко знавшій его дѣятельность, Котляревскій: „Характера Бодянскій былъ разсчетливо-обдуманнаго и сдержаннаго; послѣдняя черта нерѣдко сказывалась у него подъ видомъ простодушія; но это былъ твердый и стойкій характеръ; это былъ человѣкъ убѣжденій, не уступавшій ни пяди земли безъ боя и не входившій ни въ какія сдѣлки съ совѣстью. Такими чертами отмѣчена и его дѣятельность послѣдняго времени, когда помѣщена имъ въ „Чтеніяхъ" статья *Трилогія на Трилогію*, едва не вызвавшая разрушеніе стараго московскаго историческаго Общества".

Эта „Трилогія" была блестящимъ полемическимъ трактатомъ противъ мнимаго классицизма, соединявшагося съ подкопомъ подъ университеты, который проповѣдовалъ Катковъ подъ эгидою тогдашняго министра просвѣщенія. „Трилогія" была пересыпана пословицами и классическими цитатами, искусно подобранными...

Изъ того положенія, въ какомъ находились наши славянскія познанія до экспедиціи конца 30-хъ годовъ, очевидно, что первые профессора славянскихъ нарѣчій имѣли передъ собою настоящую tabula rasa. Имъ приходилось самимъ создавать содержаніе и методъ своей науки. Въ своихъ воспоминаніяхъ Срезневскій такъ говоритъ объ этомъ положеніи первыхъ профессоровъ, въ томъ

числѣ и его собственномъ: „Этими новыми преподавателями начиналось университетское изложеніе науки новой, не только для Россіи, но и вообще, науки, по которой нельзя было университетскому преподавателю отвѣчать на неизбѣжный въ то время вопросъ—„какихъ руководствъ придерживается онъ въ изложеніи предмета". Не было не только руководствъ, но даже ни одного опредѣлительно высказаннаго мнѣнія, что̀ должно входить въ составъ курсовъ по этой новой каѳедрѣ. Не было оспариваемо только то, что преподаватели должны помочь своимъ слушателямъ въ изученіи главныхъ славянскихъ нарѣчій и ознакомить ихъ съ достояніемъ западно-славянскихъ литературъ; но ка̀къ, въ какой степени,—это оставалось на рѣшеніи доброй воли преподавателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ самими преподавателями находимо было нужнымъ дать мѣсто и исторіи славянъ, и этнографическому обзору славянскаго племени, и славянскимъ древностямъ, и грамматикѣ древняго церковно-славянскаго языка и т. д. Министерство народнаго просвѣщенія не посылало отъ себя преподавателямъ никакихъ наставленій, какъ бы предоставляя выработать содержаніе преподаваемой новой науки самимъ преподавателямъ. Не могло бы, казалось, остаться безъ пользы для этого отбираніе отъ каждаго изъ преподавателей программъ ихъ курсовъ и сообщеніе ихъ для свѣденія всѣмъ другимъ; но и этого дѣлано не было".

Это были первые курсы славяновѣденія. Къ сожалѣнію, никто изъ этихъ первыхъ профессоровъ не обработалъ своихъ чтеній; по всей вѣроятности они затруднялись неполнотою своего изложенія, которая была бы весьма естественна по новости предмета; но эти соображенія могла бы устранить мысль, что русская литература того времени не имѣла ничего подобнаго, и курсы, хотя бы на первый разъ не вполнѣ отчетливые, могли много содѣйствовать распространенію славянскихъ знаній, которыя иначе были доступны только въ спеціальномъ факультетѣ [1]). Надо жалѣть, что мы не имѣемъ подобныхъ общихъ курсовъ и по настоящее время.

Такимъ образомъ въ литературѣ труды первыхъ славистовъ ограничились только чисто спеціальными изслѣдованіями по отдѣльнымъ вопросамъ и изданіемъ матеріаловъ; болѣе широкое изложеніе предмета совершалось только на каѳедрѣ—въ болѣе или менѣе тѣсномъ кругу слушателей. Эти слушатели образовали второе поколѣніе русскихъ славистовъ...

[1]) Изданныя впослѣдствіи лекціи Григоровича слишкомъ носятъ на себѣ печать поспѣшной и весьма неполной студентской записи. Понятно, что въ рукахъ самого профессора лекціи вышли бы гораздо обстоятельнѣе.

Въ концѣ 1870-хъ годовъ, вскорѣ одинъ за другимъ кончили свое поприще эти первые русскіе слависты. Исторія русскаго образованія и науки поставить очень высоко ихъ труды, которыми открывается у насъ новая отрасль научнаго знанія, отразившаяся болѣе широкимъ пониманіемъ самой русской старины и народности. Что древняя русская исторія, общія племенныя черты русскаго народа, его характера, быта, языка, народной поэзіи, могутъ быть объяснены только при помощи ближайшаго сравненія съ явленіями славянскими, это не требуетъ большихъ объясненій; между тѣмъ до основанія русской научной славистики это сравнительное изученіе было совершенно невозможно. Съ тѣхъ поръ въ упомянутыхъ изслѣдованіяхъ славянскія сравненія являются обычной чертой, которая часто бываетъ необходима для разъясненія предмета; съ другой стороны для русской науки впервые открывался цѣлый историческій и современный славянскій міръ. Странно сказать, но именно только съ этой поры, съ 40-хъ годовъ, русская литература получаетъ первыя точныя свѣденія о цѣломъ рядѣ единоплеменныхъ народовъ на югѣ и западѣ; многое впервые было указано для самой западно-славянской науки русскими славистами (какъ напр., изысканія Григоровича въ Болгаріи и на Аѳонѣ). Мы скажемъ дальше, какъ стали складываться теоретическія общественныя понятія объ отношеніяхъ Россіи и русскаго народа къ славянскому міру,—наши первые слависты держались въ этомъ вопросѣ съ извѣстною осторожностью или уклончивостью, но при ихъ помощи сдѣлано было важное пріобрѣтеніе: славянство переставало быть искомымъ неизвѣстнымъ, насчетъ котораго могла свободно разыгрываться фантазія. Правда, точный взглядъ на дѣло, правильное, безпристрастное пониманіе славянскихъ отношеній еще не достигнуты и донынѣ, но путь къ изученію открытъ, и отъ доброй воли общества и его дѣятелей зависитъ вступить на этотъ путь.

А. Пыпинъ.

ЛОНДОНСКАЯ ЖИЗНЬ

ПОВѢСТЬ.

Соч. Генри Джемса.

Съ англійскаго.

I.

...Кажется, дождь идетъ; но все равно: она надѣнетъ башмаки съ двойными подошвами и все-таки пойдетъ въ Плашъ... Она такъ волнуется и безпокоится, что просто мученье; какіе-то страшные голоса слышатся ей и пугаютъ ее въ пустыхъ комнатахъ дома... Она тамъ повидается съ старой м-съ Беррингтонъ—ее она любитъ за ея простоту,—и съ старой лэди Давенантъ, которая гоститъ въ Плашѣ и интересна по причинамъ, не имѣющимъ съ простотой ничего общаго. Послѣ того вернется къ дѣтскому чаю—она любила пить чай съ хлѣбомъ и масломъ, въ дѣтской, когда свѣчи зажжены, огонекъ пылаетъ въ каминѣ,—пить чай въ перемежку съ конфиденціями миссъ Стэтъ, гувернантки дѣтей ея сестры Селины, и въ обществѣ Скрача и Парсона (по ихъ прозвищамъ вы бы подумали, что это собачки), ея маленькихъ, великолѣпныхъ племянниковъ, у которыхъ щечки такія твердыя и вмѣстѣ съ тѣмъ такія нѣжныя, а глазки такъ блестятъ, когда они слушаютъ сказки.

Плашъ—усадьба, доставшаяся на „вдовью часть" и отстоящая въ полутора миляхъ отъ зáмка Меллоу, гдѣ она жила, а дорога туда ведетъ черезъ паркъ... Въ сущности, дождь пересталъ, и

было только сыро, зато роскошная зелень окутана сѣрой дымкой, дорожки размякли отъ дождя, но все же идти было не трудно.

Дѣвушка жила уже больше года въ Англіи, но для нея было много, къ чему она до сихъ поръ не привыкла и что не переставало ее восхищать: особенно ей нравилась доступность, удобство сельскихъ прогулокъ. За воротами ли парка, или въ его стѣнахъ—все было „прилично". Самое названіе „Плашъ", старомодное и чопорное, не утратило для нея своей прелести, равно какъ и то, что усадьба была вдовьей частью: маленькое красное строеніе, увитое плющемъ, служило убѣжищемъ старухи м-съ Беррингтонъ, куда она удалилась, когда ея сынъ, по смерти отца, вступилъ во владѣніе всѣми помѣстьями. Лаура Уингъ очень не одобряла обычая выживать вдову на склонѣ ея дней, когда слѣдовало бы оказывать ей особенныя почести и окружать вниманіемъ; но такое неодобреніе ослаблялось остальными условіями этого обычая, смягчавшими его; впрочемъ, такъ почти всегда бывало съ ея неодобрительными отзывами о различныхъ англійскихъ учрежденіяхъ: въ концѣ концовъ, она всегда смягчала свои приговоры.

Ненормальное въ такой странѣ, какъ Англія, всегда имѣетъ нѣсколько живописный характеръ, и въ романахъ, рисовавшихъ аристократическій укладъ жизни, часто описывались именно „вдовьи усадьбы", а на этихъ романахъ Лаура выросла и съ дѣтства начиталась ихъ. Ненормальность этого обычая не мѣшала однако тому, чтобы въ этихъ усадьбахъ проживали старыя лэди съ своими интересными воспоминаніями и музыкальными голосами; низложеніе же ихъ вовсе не мѣшало имъ кутаться въ наслѣдственныя кружева.

Въ паркѣ, на полдорогѣ, Лаура остановилась съ болью — нравственной болью, отъ которой у нея захватывало духъ; она глядѣла на туманныя проталинки и на милые старые ясени (которые ей такъ нравились, и которые она такъ полюбила, точно они были ея собственные); темнымъ декабрьскимъ днемъ казалось, что ихъ оголенныя вѣтки сознаютъ всю горечь положенія, и она подумала, какъ велика перемѣна и въ ней самой. Годъ тому назадъ она почти ничего не знала, а теперь знаетъ почти все; и худшее въ этомъ знаніи (или въ опасеніяхъ, которыя внушало ей ея же знаніе) усвоено ею въ этомъ памятномъ мѣстѣ, полномъ чистоты и мира, съ отпечаткомъ счастливой покорности вѣковѣчнымъ законамъ. Мѣсто было то же, но глаза ея измѣнились; они видѣли столько худого, столько худого, и въ такое короткое время! Да! времени прошло немного, а все измѣнилось къ

худшему. Лаурѣ Уингъ было такъ тяжело, что она не могла даже вздыхать, а походка ея постепенно дѣлалась осторожной и воздушной, точно она шла на цыпочкахъ.

Въ Плашѣ домъ точно сіялъ въ сыромъ воздухѣ; тоны мокрыхъ красныхъ стѣнъ и безукоризненно подстриженныхъ лужаекъ, казалось, созданы кистью художника.

Лэди Давенантъ сидѣла въ гостиной, на низкомъ креслѣ, у одного изъ оконъ и читала второй томъ романа. Мебель была обита пестрымъ ситцемъ; цвѣты стояли вездѣ, куда только ихъ можно было поставить, а обои на стѣнахъ были въ томъ безвкусномъ родѣ, какой былъ въ модѣ много лѣтъ тому назадъ; но стѣны были такъ плотно увѣшаны рисунками различныхъ любителей и превосходными гравюрами въ узенькихъ золотыхъ рамкахъ съ широкими бѣлыми полями, что обоевъ почти не было видно. Комната носила веселый, прочный, общительный характеръ, тотъ самый характеръ, который Лаура Уингъ любила во многихъ англійскихъ вещахъ, предназначенныхъ для ежедневной жизни, на долгіе періоды и для самыхъ „приличныхъ" цѣлей.

Но болѣе чѣмъ когда-либо ее поражало сегодня, что такое жилище съ его ситцемъ и британскими поэтами, его потертыми коврами и произведеніями домашняго рукодѣлья,—съ его вполнѣ несимметричнымъ и искреннимъ видомъ, соприкасалось съ жизнью другой особы, далеко не добродѣтельной и не весьма приличной. Конечно, оно соприкасалось съ ней косвеннымъ образомъ, и неприличную жизнь вели никакъ не старуха м-съ Беррингтонъ и не лэди Давенантъ.

Если характеръ Селины, сестры Лауры, и ея поведеніе шли въ разрѣзъ съ такимъ жилищемъ, какъ Плашъ, то вѣдь только потому, что сама Селина прибыла издалека и была въ Англіи чуждымъ элементомъ. И однако, именно здѣсь нашла она удобную почву для своихъ безтактностей; здѣсь ждали ее тѣ вліянія, которыя такъ преобразили ее (сестра ея придерживалась теоріи, что съ ней произошла метаморфоза: когда она была юна, то казалась воплощенной невинностью), если не въ Плашѣ именно, то въ Меллоу,—такъ какъ оба дома, въ сущности, были очень схожи, и въ Меллоу были комнаты, замѣчательно сходныя съ гостиной м-съ Беррингтонъ.

Лэди Давенантъ носила оригинальный головной уборъ, который чрезвычайно какъ шелъ къ ней: бѣлый вуаль,—острымъ кончикомъ надвигавшійся на лобъ, и изъ-подъ котораго видны были ея волосы, спускавшіеся на плечи. Онъ былъ всегда бѣлоснѣжный и придавалъ милэди сходство съ портретомъ стариннаго ма-

стера. Такъ, по крайней мѣрѣ, находила Лаура. И однако, милэди была полна жизни, несмотря на старость, и годы (ей было около восьмидесяти лѣтъ) сдѣлали ее тоньше, умнѣе и проницательнѣе. Кисть художника какъ будто видѣлась Лаурѣ въ ея лицѣ, въ выраженіи ума, который сіялъ, подобно лампѣ, сквозь абажуръ ея благовоспитанности; природа, конечно, тоже художникъ, но не такой тонкій художникъ. Дѣвушка приписывала милэди безграничную опытность, и вотъ почему она любила ее и вмѣстѣ съ тѣмъ боялась.

Лэди Давенантъ вообще не особенно благоволила къ молодежи, но она дѣлала исключеніе для этой американской дѣвочки, сестры невѣстки, ея самой задушевной пріятельницы. Она принимала участіе въ Лаурѣ отчасти, можетъ быть, отъ того, что желала загладить холодность, съ какой относилась къ Селинѣ. Во всякомъ случаѣ она взяла на себя обязанность найти ей мужа.

Вообще говоря, милэди была не изъ мягкосердечныхъ, не любила больныхъ, утверждала, что терпѣть не можетъ несчастныхъ людей, но способна извинить ихъ, если они сами въ томъ виноваты. Она требовала къ себѣ большого вниманія, всегда ходила въ перчаткахъ и никогда ничего не брала въ руки, кромѣ книгъ.

Она не вышивала и не писала писемъ, — только читала и разговаривала.

Она не придерживалась спеціальныхъ темъ для бесѣды съ молодыми дѣвушками, но разговаривала съ ними точно такъ, какъ и съ своими сверстницами. Лаура Уингъ считала и это честью, но очень часто не понимала, что̀ хочетъ сказать старуха, и стыдилась просить объясненія.

Но разъ случилось и такъ, что лэди Давенантъ стало стыдно объяснять.

М-съ Беррингтонъ пошла въ одинъ изъ коттеджей навѣстить больную старуху, которая долгіе годы находилась у нея въ услуженіи. Въ противоположность своей пріятельницѣ, она любила молодыхъ людей и недужныхъ, но казалась менѣе привлекательной для Лауры; одно только въ ней восхищало и удивляло молодую дѣвушку: откуда у нея такая бездна спокойствія?

У м-съ Беррингтонъ было длинное лицо и добрые глаза, и она очень любила птицъ; иногда Лаура про себя сравнивала ее съ кускомъ бѣлаго тонкаго мыла — трудно было придумать что-нибудь болѣе мягкое и чистое.

— Ну, что, какъ идутъ дѣла chez vous... кто гоститъ у васъ и что̀ дѣлается?—спросила лэди Давенантъ, послѣ первыхъ привѣтствій.

— У насъ никого нѣтъ, кромѣ меня... и дѣтей, и гувернантки.

— Какъ? нѣтъ гостей, нѣтъ домашняго театра? Какъ же вы проводите время?

— О! я совсѣмъ не такъ люблю развлеченія, — отвѣчала Лаура.—Но въ субботу, кажется, кто-то собирался пріѣхать, да пришлось отказать: Селина поѣхала въ Лондонъ.

— А зачѣмъ она поѣхала въ Лондонъ?

— О! право, не знаю. У нея такъ много дѣла.

— А гдѣ же м-ръ Беррингтонъ?

— Онъ тоже куда-то уѣзжалъ; но, кажется, что сегодня долженъ вернуться... или завтра.

— Или послѣ-завтра?—сказала лэди Давенантъ.—Неужели они никуда не ѣздятъ вмѣстѣ?—прибавила она послѣ минутнаго молчанія.

— Ѣздятъ... иногда. Но никогда вмѣстѣ не возвращаются.

— Что же вы хотите сказать, что они дорогой ссорятся?

— Не знаю, лэди Давенантъ, отчего это такъ выходитъ. Я ничего не понимаю,—отвѣчала Лаура Уингъ съ дрожью въ голосѣ.—Мнѣ кажется, что они не очень счастливы.

— Тѣмъ хуже для нихъ. У нихъ все рѣшительно есть, что̀ нужно для счастія. Чего имъ еще надо?

— Да, и дѣти такія душки!

— Безъ сомнѣнія, премилыя. А что ихъ теперешняя гувернантка—хорошая особа? Хорошо за ними ходитъ?

— Да, она, кажется, очень добрая; это большое счастіе. Но только мнѣ кажется, что и она тоже несчастлива.

— Господи! что̀ за домъ! Что же? ей хочется, чтобы кто-нибудь въ нее влюбился?

— Нѣтъ; но ей хотѣлось бы, чтобы Селина обращала побольше вниманія на ея заботы о дѣтяхъ, цѣнила бы ихъ.

— А развѣ она не цѣнитъ, когда оставляетъ ихъ совсѣмъ на рукахъ этой молодой особы?

— Миссъ Стэтъ думаетъ, что она не замѣчаетъ, какъ они воспитываются; она никогда не приходитъ въ дѣтскую.

— И гувернантка плачетъ и жалуется вамъ? Вы знаете, онѣ всегда вѣдь плачутъ, гувернантки... какъ бы съ ними ни обращались. Ихъ не слѣдуетъ баловать; онѣ становятся слишкомъ требовательны. Она должна бы радоваться, что ее оставляютъ въ покоѣ. Вы не очень-то жалѣйте ее; не стоитъ того,—прибавила старуха.

— О! я совсѣмъ не жалѣю ни ее, ни другихъ... напротивъ

того, я вижу вокругъ себя много такого, чему вовсе не сочувствую.

— О! не будьте также слишкимъ смѣлы на языкъ, какъ истая американка!—воскликнула лэди Давенантъ.

Лаура просидѣла съ ней полчаса, и разговоръ перешелъ на то, что дѣлалось въ Плашѣ, и на то, что касалось самой лэди Давенантъ: куда она собиралась ѣхать въ гости, и какія книги она прочитала.

У старухи были свои взгляды и мнѣнія, и Лаурѣ они нравились, хотя она и находила ихъ очень рѣзкими и жесткими, частію потому, что не привыкла къ разсужденіямъ въ Меллоу. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она туда пріѣхала, она не слышала и не видѣла, чтобы кто-нибудь въ домѣ разсуждалъ или читалъ книгу. Лэди Давенантъ всю зиму, какъ, впрочемъ и всю свою жизнь, переѣзжала изъ одного сельскаго дома въ другой, и когда Лаура разспрашивала ее, то она описывала ей хозяевъ и гостей, которыхъ можно тамъ встрѣтить.

Хотя такія описанія интересовали Лауру въ настоящее время гораздо меньше, чѣмъ годъ тому назадъ (она сама съ тѣхъ поръ видѣла много домовъ и людей, и свѣжесть впечатлѣній и любопытство уже притупились), но все же ее занимали описанія и мнѣнія лэди Давенантъ, потому что послѣдняя умѣла разговаривать, а это вещь вовсе не столь обыкновенная, если подъ разговоромъ понимать не однѣ только сплетни. О такихъ разговорахъ именно мечтала Лаура, прежде нежели пріѣхала въ Англію; но въ кружкѣ Селины люди съ утра до ночи взводили другъ на друга чудовищныя обвиненія. Когда лэди Давенантъ обвиняла кого-нибудь, то ея обвиненія не выходили за предѣлы правдоподобія.

Лаура ждала появленія м-съ Беррингтонъ, но та не приходила, и дѣвушка надѣла уже ватерпруфъ, чтобы уйти. Но все еще медлила, потому что пришла въ Плашъ съ тайной надеждой, что кто-нибудь приложитъ цѣлительный бальзамъ къ ея ранамъ. Если во вдовьемъ домѣ ее не успокоятъ, то она уже и не знала, куда ей идти за спокойствіемъ, потому что дома его не найти, даже въ обществѣ дѣтей и миссъ Стэтъ. Отличительной чертой въ характерѣ лэди Давенантъ вовсе не была способность утѣшать людей, да Лаура и не разсчитывала на утѣшенія или ласки; нѣтъ, она скорѣе хотѣла, чтобы въ нее вдохнули мужество, научили, какъ жить и высоко держать голову, хотя и знаешь, что дѣло плохо.

Закоренѣлое равнодушіе—не это собственно хотѣла бы она

выработать въ себѣ, но развѣ нѣтъ болѣе философскаго и благороднаго равнодушія? Не могла ли бы лэди Давенантъ научить ее этому, еслибы захотѣла? Дѣвушка помнила, какъ она слышала о томъ, что много лѣтъ тому назадъ въ собственной фамиліи милэди произошли какія-то непріятности; ея фамилія не принадлежала къ числу тѣхъ, гдѣ всѣ лэди неизмѣнно бывали добродѣтельными. Однако въ настоящее время она пользуется почетомъ и уваженіемъ. Кто помнитъ теперь о томъ, что было когда-то и прошло? Сама лэди Давенантъ всегда была добродѣтельна, и только это и оказалось важнымъ въ концѣ концовъ. Лаура твердо рѣшила быть добродѣтельной женщиной, и хотѣла бы, чтобы лэди Давенантъ научила ее, какъ ей закалиться для жизни. Что касается чувства, то этому ее учить не приходилось; тутъ она сама была слишкомъ учена.

Старуха любила разрѣзывать новыя книги и никогда не поручала этого дѣла горничной, и пока сидѣла молодая гостья, она разрѣзала съ ней бо̀льшую часть одной книги. Она дѣлала это не спѣша; старыя руки терпѣливо и медленно распоряжались. Но, дорѣзывая послѣднюю страницу, она вдругъ спросила:

— А какъ поживаетъ ваша сестра? она очень легкомысленна,—прибавила лэди Давенантъ прежде, нежели Лаура успѣла отвѣтить.

— О, лэди Давенантъ!—вскричала дѣвушка неопредѣленно, и тотчасъ же разсердилась на себя за то, что какъ бы протестовала противъ словъ своей собесѣдницы, тогда какъ ей хотѣлось заставить ее высказаться. Чтобы исправить это впечатлѣніе, она сбросила ватерпруфъ.

— Вы никогда съ ней не говорили объ этомъ?

— Не говорила—о чемъ?

— О ея поведеніи. Вѣрно, впрочемъ, нѣтъ... У васъ, американокъ, такъ много фальшивой деликатности. Я увѣрена, что и Селина не стала бы говорить съ вами, будь вы на ея мѣстѣ (простите за это предположеніе!), и однако она способна...

Но лэди Давенантъ замолчала, предпочитая не говорить, на что способна молодая м-съ Беррингтонъ.

— Въ ея домѣ совсѣмъ не годится жить молодой дѣвушкѣ.

— Ея домъ внушаетъ мнѣ ужасъ, — сказала Лаура и въ свою очередь не договорила.

— Ужасъ къ сестрѣ. Это не совсѣмъ желательныя чувства для молодой особы. Вамъ слѣдуетъ выйти замужъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Милое дитя мое, я ужасно какъ виновата передъ вами, что до сихъ поръ объ этомъ не подумала.

— Очень вамъ обязана, но неужели вы думаете, что замужество для меня привлекательно?—воскликнула она, смѣясь, но безъ веселости.

— Сдѣлайте счастливымъ своего мужа, и вы сами будете счастливы. Вамъ необходимо выйти изъ вашего положенія.

Лаура Уингъ молчала съ минуту, хотя эта мысль была для нея не нова.

— Вы хотите сказать, что я должна оставить домъ Селины? А мнѣ представляется, что я буду трусихой, если брошу сестру.

— О, душа моя, вовсе не дѣло дѣвочкѣ служить парашютомъ для вѣтреныхъ женъ. Вотъ почему, если вы до сихъ поръ съ ней не говорили, то уже теперь начинать не стоитъ. Пусть она гуляетъ! пусть гуляетъ!

— Пусть гуляетъ?—повторила Лаура, широко открывъ глаза.

Собесѣдница бросила на нее проницательный взглядъ.

— Ну, такъ пусть сидитъ дома! только вы-то уѣзжайте изъ него. Вы можете переѣхать ко мнѣ, когда только пожелаете. Вы знаете, что я не всякой дѣвушкѣ скажу это.

— О, лэди Давенантъ!—начала Лаура, но, не договоривъ, закрыла лицо руками...

— Ахъ, моя душа! не плачьте, или я возьму назадъ свое приглашеніе! Никакого толку не будетъ отъ того, что вы будете *larmoyer*. Если я оскорбила васъ своимъ отзывомъ о Селинѣ, то я считаю, что вы черезъ-чуръ чувствительны. Мы не должны жалѣть людей больше, чѣмъ они сами себя жалѣютъ. Я увѣрена, что сестра ваша никогда не плачетъ.

— О, нѣтъ, она плачетъ, плачетъ!—воскликнула дѣвушка, рыданіями сопровождая эту странную защиту сестры.

— Ну, такъ она хуже, чѣмъ я думала. Такія менѣе противны, когда веселы; но я не выношу ихъ, когда онѣ сантиментальны.

— Она такъ перемѣнилась, такъ перемѣнилась!—сказала бѣдная Лаура.

— Нисколько, нисколько, моя душа: *c'est de naissance.*

— Вы не знали моей матери,—отвѣчала дѣвушка;—когда я думаю о ней...

И слезы не дали ей докончить.

— Я увѣрена, что она была прекрасная женщина,—сказала лэди Давенантъ мягко.—Это объясняетъ, почему вы такая хорошая,—а такихъ женщинъ, какъ Селина, и объяснять не надо. Я хотѣла только сказать, что это у нея должно быть въ крови:

какая-нибудь прародительница тамъ... хотя, кажется, у васъ въ Америкѣ нѣтъ прародительницъ.

Лаура какъ будто не слыхала этихъ замѣчаній,—она отирала слезы.

— Все такъ перемѣнилось, вы не знаете!—замѣтила она спустя минуту.—Ничего не могло быть счастливѣе, ничего не могло быть милѣе. А теперь—быть такой зависимой, такой безпомощной, такой бѣдной...

— Развѣ у васъ нѣтъ никакого состоянія?—спросила лэди Давенантъ просто.

— Ровно столько, сколько нужно на мой туалетъ.

— Это не мало для дѣвушки. Вы вѣдь необыкновенно рядитесь,—знаете ли вы это?

— Мнѣ очень жаль, если это такъ кажется. Я именно не хотѣла бы казаться нарядной.

— Вы, американка, никакъ не можете помѣшать этому; у васъ даже лица „нарядныя", точно ихъ сейчасъ прислали изъ магазина. Но сознаюсь вамъ, что вы все же не такая франтиха, какъ Селина.

— Да, не правда ли, она великолѣпна?—вскричала Лаура съ гордой непослѣдовательностью. —И чѣмъ хуже она себя ведетъ, тѣмъ становится красивѣе.

— О, милое дитя! еслибы дурныя женщины были на взглядъ такъ дурны, какъ... Только хорошенькія женщины могутъ себѣ позволить быть дурными,—пробормотала старушка.

— Послѣднее, чего я ожидала, это... что мнѣ придется стыдиться,—сказала Лаура.

— О! приберегите вашъ стыдъ до болѣе пригоднаго случая. А то вѣдь это все равно, что уступить свой зонтикъ, когда онъ у васъ всего одинъ.

— Еслибы что-нибудь произошло публично... я бы умерла, я бы умерла!—страстно воскликнула дѣвушка и съ такимъ азартомъ, что вскочила съ мѣста. И на этотъ разъ окончательно распрощалась. Послѣднія слова лэди Давенантъ скорѣе напугали ее, нежели успокоили.

Старушка откинулась въ креслѣ, глядя ей вслѣдъ.

— Это было бы, конечно, очень худо, но не помѣшало бы мнѣ взять васъ къ себѣ.

Лаура отвѣтила ей жалобнымъ взглядомъ и проговорила:

— Подумать только, что я дошла до этого!

Лэди Давенантъ расхохоталась.

— Да, да, вы должны дойти! вы слишкомъ оригинальны!

— Я не хочу сказать, что не чувствую вашей доброты,— начала дѣвушка, краснѣя.—Но быть вѣчно подъ чужимъ покровительствомъ—развѣ это жизнь?

— Большинство женщинъ только благодарны за это, и я нахожу, что вы *difficile*.

Лэди Давенантъ вставляла много французскихъ словъ, по старомодной привычкѣ, съ недостаточно чистымъ произношеніемъ; всякій разъ въ этомъ случаѣ она напоминала Лаурѣ героинь романовъ, которые она читала.

— Но вы найдете себѣ покровительство болѣе превосходное, нежели мое. *Nous verrons cela*. Только вы не должны плакать. У насъ, въ Англіи, не любятъ плаксъ.

— Нѣтъ, у васъ въ Англіи надо быть мужественнымъ. И поэтому-то не мало мужества требуется, чтобы выйти замужъ по такой причинѣ.

— Всякая причина хороша, если она помѣшаетъ женщинѣ стать старой дѣвой. Кромѣ того, вы полюбите.

— Сначала должно полюбить меня, — отвѣчала дѣвушка съ печальной улыбкой.

— Вотъ опять выскочила американка! Этого вовсе не нужно. Вы слишкомъ горды, вы слишкомъ много требуете.

— Я горда для дѣвушки въ моемъ положеніи, это несомнѣнно. Но я ничего не требую,—объявила Лаура Уингъ. Это единственная форма, въ какой выражается моя гордость... Пожалуйста, передайте мой привѣтъ м-съ Беррингтонъ. Мнѣ такъ жаль, такъ жаль!—продолжала она, чтобы перемѣнить разговоръ.

Она хотѣла выйти замужъ, но хотѣла также не хотѣть этого, а пуще всего—не показывать, что хочетъ этого. Она медлила уходить; ей такъ здѣсь нравилось, что возвращаться домой было всегда непріятно. День уже погасъ,—въ комнату были внесены лампы,—въ воздухѣ пахло цвѣтами, и старый домъ въ Плашѣ какъ будто отдыхалъ въ этотъ часъ. Спокойная старушка въ креслѣ у камина наводила ее невольно на мысль, какъ хорошо было бы перескочить черезъ всѣ страхи жизни и достичь конца безопасно, разумно, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ и комфортомъ.

— Лэди Давенантъ! а что̀ подумаетъ *она*?—вдругъ проговорила Лаура, намекая на м-съ Беррингтонъ.

— Подумаетъ? Богъ съ вами, моя милая, она никогда не думаетъ. Еслибы она думала, тогда—то̀, что̀ она говоритъ, было бы непростительно.

— То̀, что̀ она говоритъ?

— Оттого-то рѣчи ея такъ и хороши, что всегда не подготовлены. Ихъ нельзя было бы придумать.

Дѣвушка улыбнулась при такомъ отзывѣ о самой короткой пріятельницѣ ея собесѣдницы, но невольно подумала, какъ-то будетъ отзываться *о ней* своимъ гостямъ лэди Давенантъ, если она согласится пріютиться подъ ея кровомъ. Конечно, слова ея были вмѣстѣ съ тѣмъ лестнымъ доказательствомъ довѣрія.

— Она желаетъ, чтобы именно были вы... это-то я знаю,— продолжала старушка.

— Чтобы именно была я?

— Въ кого бы влюбился Ліонель.

— Вотъ я бы не вышла за него замужъ!—объявила Лаура.

— Не говорите этого, или вы заставите меня думать, что вамъ не легко помочь. Я разсчитываю, что вы не отказали бы такому хорошему жениху.

— Я не считаю его хорошимъ. Еслибы онъ былъ хорошій, то и его жена была бы лучше.

— Очень вѣроятно; но еслибы вы вышли за него замужъ, то *онъ* былъ бы лучше, и этого достаточно. Ліонель такъ глупъ, какъ комическая пѣсня; но у васъ хватило бы ума на двоихъ.

— А у васъ на пятьдесятъ человѣкъ, дорогая лэди Давенантъ. Никогда, никогда... никогда я не выйду замужъ за человѣка, котораго не могу уважать!—воскликнула Лаура Уингъ.

Она подошла къ своей старой пріятельницѣ и взяла ее за руку; та подержала съ минуту свою руку въ ея рукѣ, затѣмъ отняла и откинула одну полу ватерпруфа.

— Чтò стоитъ вамъ туалетъ? — сказала она, не обращая вниманія на восклицаніе и разглядывая платье Лауры.

— Не знаю въ точности: онъ поглощаетъ почти всѣ деньги, какія мнѣ присылаютъ изъ Америки. Но вѣдь я получаю ихъ такъ мало: всего лишь нѣсколько фунтовъ. Я очень хорошая хозяйка. Кромѣ того,—прибавила дѣвушка,—Селина требуетъ, чтобы я была хорошо одѣта.

— А она не уплачиваетъ по вашимъ счетамъ?

— Къ чему? вѣдь она и безъ того даетъ мнѣ все: столъ, квартиру, экипажъ.

— А денегъ совсѣмъ не даетъ?

— Я бы ихъ не взяла. Имъ и самимъ мало... ихъ жизнь такъ дорого стоитъ.

— Воображаю!—закричала старушка.—У нихъ чудное помѣстье, но я не знаю, чтò съ нимъ теперь сталось. Ce n'est pas pour vous blesser, но вы, американки, мастерицы разорять...

Лаура немедленно перебила ее, вздернувъ голову; лэди Давенантъ выпустила ея руку, и Лаура отступила на шагъ назадъ.

— Селина принесла Ліонелю значительное состояніе, и ему оно было выплачено все до послѣдняго пенни.

— Да, я знаю это; м-съ Беррингтонъ говорила мнѣ, что приданое выдано. Это не всегда бываетъ съ придаными, которыя сулятъ за вами, молодыя лэди.

Дѣвушка поглядѣла на нее черезъ плечо.

— Къ чему ваши мужчины женятся на деньгахъ?

— Какъ къ чему, моя душа? А до вашего разоренія сколько давалъ вамъ отецъ на личные расходы?

— Онъ давалъ намъ столько, сколько мы спрашивали. Опредѣленной цифры не было.

— А вы много спрашивали?—сказала лэди Давенантъ.

— Мы, конечно, очень рядились, какъ вы говорите.

— Не мудрено, что онъ обанкрутился... Вѣдь онъ обанкрутился... да?

— У него были большія денежныя потери, но онъ только самъ разорился, а ничьихъ денегъ не растратилъ.

— Ну, я ничего въ этихъ дѣлахъ не смыслю и спрашиваю только pour renseigner. А послѣ своего разоренія вашъ отецъ и мать недолго прожили?

Лаура Уингъ снова запахнула пальто; глаза ея были уставлены въ полъ и, стоя передъ своей собесѣдницей съ зонтикомъ въ рукахъ и покорнымъ и сдержаннымъ видомъ, она могла бы быть принята за молодую особу, нуждающуюся въ средствахъ къ жизни и желающую получить мѣсто.

— Не долго, конечно, но это все было такъ мучительно, что казалось безконечнымъ. Мой бѣдный папа, мой бѣдный папа!—продолжала дѣвушка, но голосъ ея задрожалъ, и она замолчала.

— Я точно подвергаю васъ перекрестному допросу, чего Боже упаси!—сказала лэди Давенантъ.—Но одно мнѣ дѣйствительно хотѣлось бы знать. Помогали ли вамъ Ліонель и его жена, когда вы обѣднѣли?

— Они неоднократно присылали намъ денегъ... *ея* денегъ, конечно. Мы этимъ почти только и жили.

— А такъ какъ вы были бѣдны и узнали, что̀ такое бѣдность, то скажите мнѣ вотъ что: побоялись ли бы вы выйти замужъ за бѣднаго человѣка?

Лэди Давенантъ показалось, что ея юная собесѣдница какъ-то странно на нее поглядѣла, и отвѣтъ ея прозвучалъ совсѣмъ не такъ героически, какъ она ожидала:

— Я такъ многаго боюсь теперь, что ужъ и не знаю, гдѣ кончаются мои страхи.

— Перестаньте говорить пустяки; отвѣчайте толкомъ, потому что мнѣ необходимо это знать.

— О! не разспрашивайте меня; довольно всякихъ ужасовъ!

И дѣвушка внезапно отвернулась съ раздраженіемъ и хотѣла уйти.

Но старушка встала, поймала ее и поцѣловала.

— Вы, кажется, раскапризничались, — сказала она, выпуская ее.

И затѣмъ, какъ бы находя, что такое прощаніе недостаточно весело, прибавила въ ту минуту, какъ Лаура уже взялась за ручку двери:

— Помните, что я вамъ сказала, моя душа: пусть себѣ гуляетъ!

И вотъ чѣмъ ограничился „урокъ изъ философіи", за которымъ она приходила!—подумала дѣвушка, возвращаясь черезъ темный паркъ въ Меллоу по дождю, который теперь уже пошелъ.

II.

Дѣти Селины еще не отпили чай, а бѣдная миссъ Стэтъ сидѣла между ними, утѣшая себя крѣпкимъ чаемъ; она меланхолично жевала кусочки поджареннаго хлѣба, разсѣянно глядя на своихъ маленькихъ собесѣдниковъ, когда тѣ обмѣнивались короткими, но громкими замѣчаніями. Она всегда вздыхала, когда Лаура приходила—такая у нея была манера выражать удовольствіе, и она была единственнымъ лицомъ изъ всѣхъ, которыхъ видѣла дѣвушка, кого она считала еще болѣе несчастнымъ, чѣмъ она сама. Все же Лаура завидовала ей—она находила, что ея собственное положеніе было менѣе почтенное, чѣмъ положеніе сестриной гувернантки.

Миссъ Стэтъ давно разсказала свою жизнь хорошенькой теткѣ своихъ воспитанниковъ, и послѣдняя знала, что хотя въ гувернанткѣ было много тяжелаго и непріятнаго, но никогда ничего похожаго на возможность скандала со стороны ея сестеръ. У нея было двѣ сестры (Лаура знала все про нихъ), и одна изъ нихъ была замужемъ за клерджименомъ въ Страфордширѣ (очень противная мѣстность), имѣла семерыхъ дѣтей и четыреста фунтовъ дохода, тогда какъ другая была страшно толста и занимала мѣсто начальницы въ одномъ изъ дѣтскихъ пріютовъ въ Ливерпулѣ.

Ни той, ни другой очевидно не грозилъ процессъ по бракоразводному дѣлу, а такое обстоятельство одно уже, по мнѣнію Лауры, было достаточно, чтобы чувствовать себя счастливой. Миссъ Стэтъ не знала, что̀ значитъ жить въ вѣчной нервной тревогѣ; все въ ея жизни было респектабельно. Она иногда почти сердила дѣвушку своимъ безутѣшнымъ, страдальческимъ видомъ; Лаурѣ такъ и хотѣлось ей сказать:—Богъ мой! да на что же вы можете пожаловаться? Развѣ вы не зарабатываете куска хлѣба, какъ честная дѣвушка, и развѣ вы обязаны присутствовать при такихъ явленіяхъ, которыхъ не переносите?

Но она не могла сказать ей этого, потому что обѣщала Селинѣ—не быть съ нею через-чуръ фамильярной. У Селины не было недостатка въ понятіяхъ о декорумѣ,—напротивъ того; но только она странно понимала декорумъ. Она не была фамильярна даже съ своими дѣтьми. Вотъ почему Лаурѣ нельзя было пожурить миссъ Стэтъ, когда она сидѣла съ такимъ видомъ, какъ будто была привязана къ столбу на кострѣ, и дрова уже были подожжены. Еслибы мученикамъ въ этомъ положеніи подавали чай и холодное мясо, то они были бы какъ разъ похожи на молодую особу, сидѣвшую въ дѣтской въ Меллоу. Лаура не отрицала, что было бы пріятно для нея, еслибы м-съ Беррингтонъ заходила *иногда* взглянуть, что̀ тамъ дѣлается, и похвалила бы гувернантку. Бѣдная миссъ Стэтъ только черезъ слугъ или черезъ Лауру знала, — дома ли м-съ Беррингтонъ, или нѣтъ; бо̀льшею частію ея не было дома, и гувернантка умѣла молча выражать (главнымъ образомъ она достигала этого, склоняя на бокъ голову, когда глядѣла на Скрача и на Парсона,—само собой разумѣется, что она звала ихъ Джорди и Ферди), что она обижена, да и дѣти также.

Быть можетъ, они и были обижены, хотя, конечно, этого не было видно ни въ ихъ лицахъ, ни въ ихъ манерахъ. Во всякомъ случаѣ, Лаура была увѣрена, что еслибы Селина безпрестанно заглядывала въ дѣтскую, то миссъ Стэтъ приняла бы это неудобство еще трагичнѣе. Зрѣлище истинныхъ или притворныхъ горестей этой молодой женщины не ослабило убѣжденія Лауры въ томъ, что сама она была бы отличной гувернанткой. Только она взялась бы учить самыхъ маленькихъ дѣтей, потому что считала себя слишкомъ мало свѣдущей. Но Селина ни за что не соглашалась, считая это позоромъ и даже хуже того. Лаура предлагала ей за полгода до того обойтись безъ нанятой гувернантки и предоставить ей заниматься съ двумя мальчиками: она не чувствовала бы себя—такъ она думала—въ такомъ случаѣ столь зависимой и была бы, въ свою очередь, полезна.

— Хорошо, а какъ быть въ то время, когда ты уходишь съ нами обѣдать? Кто присмотритъ за ними?—спросила м-съ Беррингтонъ съ торжествующимъ видомъ.

Лаура отвѣчала, что, пожалуй, нѣтъ никакой необходимости ей приходить къ обѣду; она могла бы обѣдать раньше, вмѣстѣ съ дѣтьми; а если ея присутствіе потребуется въ гостиной, то дѣти побудутъ съ нянькой; для чего же и держать няньку? Селина поглядѣла на нее съ такимъ видомъ, какъ бы находила ее очень поверхностной, и объявила, что няньку держатъ затѣмъ, чтобы одѣть дѣтей и смотрѣть за ихъ платьемъ; развѣ она хочетъ, чтобы бѣдныя малютки ходили въ рубищѣ? У Селины были свои понятія о материнской любви, и когда Лаура намекнула, что дѣти въ этотъ часъ обыкновенно лежатъ уже въ постели, она объявила, что желаетъ, чтобы гувернантка и тутъ не отлучалась отъ нихъ, что таковы чувства матери, которая дѣйствительно любитъ своихъ дѣтей.

Селина была удивительно заботлива; она упомянула про то, что вечерніе часы—какъ разъ такое время, когда гувернанткѣ слѣдуетъ подготовлять на завтра уроки для дѣтей. Лаура Уингъ сознавала свое невѣжество, но, тѣмъ не менѣе, полагала, что съумѣетъ учить Джорди и Ферди азбукѣ безъ предварительныхъ ночныхъ занятій. Она спрашивала себя: чему же, по мнѣнію сестры, ихъ учитъ миссъ Стэтъ? неужели она думаетъ, что та имъ преподаетъ латинскій языкъ и алгебру?

Тихіе вечерніе часы, которые проводила гувернантка въ дѣтской, были бы очень пріятны для Лауры: такъ она думала по крайней мѣрѣ. Она бы еще милѣе убрала дѣтскую и въ зимніе вечера у камина читала бы книги. Были толки про новое фортепіано (старое было очень плохо), и, быть можетъ, она попросила бы Селину купить его,—но вотъ и все.

Лаура Уингъ завидовала вообще англійскимъ дѣтямъ, мальчикамъ во всякомъ случаѣ и даже своимъ малюткамъ-племянникамъ, несмотря на тучу, нависшую надъ ними; но она уже замѣтила несоотвѣтствіе между привычками и образомъ жизни своего зятя и тѣми вліяніями, какими онъ былъ окруженъ въ дѣтствѣ. Она не то чтобы не любила Ліонеля Беррингтона, но не уважала его и жалѣла; она удивлялась пропавшимъ усиліямъ и пропавшему труду, которые вкладывались въ нѣкоторыя англійскія учрежденія (напримѣръ, въ провинціальное англійское джентри), когда видѣла, къ какимъ мизернымъ результатамъ они приводили. Почтенный, старинный салонъ съ рѣзными панелями, съ видомъ на садъ, напоминавшимъ ей сцены изъ Шекспировскихъ комедій—все было

очаровательно въ домѣ предковъ ея зятя; но какая связь была между всѣми этими прекрасными предметами и жалкимъ Ліонелемъ, жизнь котораго проходила въ конюшнѣ?

Когда она заглядывала по вечерамъ въ дѣтскую и видѣла, какъ ея маленькіе племянники наперерывъ другъ передъ другомъ торопились выпить молоко (при ея появленіи миссъ Стэтъ всегда замѣчала имъ, что неприлично спѣшить, когда ѣшь), то спрашивала себя: какими-то они будутъ черезъ двадцать лѣтъ, и чѣмъ будутъ казаться въ рамкѣ, которая теперь дѣлала изъ нихъ настоящую картину?

Сегодня вечеромъ она намѣревалась попросить миссъ Стэтъ отобѣдать съ нею внизу—до того ей казалось нелѣпымъ, чтобы двѣ молодыя женщины, у которыхъ столько общаго (достаточно, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы отобѣдать вмѣстѣ) питались отдѣльно на двухъ противоположныхъ концахъ огромнаго дома, въ грустномъ одиночествѣ. Нужды нѣтъ, если Селина найдетъ это слишкомъ фамильярнымъ обращеніемъ съ гувернанткой: иногда на Лауру нападало какое-то сердитое смиреніе, заставлявшее ее искать общества тѣхъ, кто стоялъ на низшей общественной ступени и трудился. Но когда въ настоящую минуту она увидѣла, какъ много холоднаго мяса уже поглотила гувернантка, Лаура почувствовала, что было бы пустой формальностью просить ее отобѣдать въ другой разъ. Лаура усѣлась съ нею у камина, а дѣти потребовали, чтобы она разсказала имъ сказку. Они были одѣты одинаково—англійскими матросами, и отъ нихъ пахло душистымъ мыломъ, которымъ ихъ вымыли передъ чаемъ и запахъ котораго не совсѣмъ заглушался запахомъ хлѣба съ масломъ. Скрачъ требовалъ новую сказку, а Парсонъ старую—и каждый подкрѣплялъ свои требованія убѣдительными доводами. Въ то время, какъ они спорили между собой, миссъ Стэтъ разсказывала своей посѣтительницѣ про прогулку, которую совершила съ дѣтьми, и объявила, что давно уже думаетъ спросить м-съ Беррингтонъ—еслибы только представился случай—разрѣшитъ ли она преподавать дѣтямъ элементарныя понятія изъ ботаники. Но случая все не представляется; она уже такъ давно его ждетъ. Сама она очень любитъ ботанику и имѣетъ нѣкоторыя свѣденія... Она какъ будто намекала на то, что ботаника утѣшала ее въ трудныя минуты жизни. Лаура замѣтила ей, что ботаника, можетъ быть, нѣсколько сухой предметъ для дѣтей зимой, когда съ ней приходится знакомиться по книгамъ; что, быть можетъ, лучше подождать до весны и познакомить дѣтей съ нею въ саду на живыхъ растеніяхъ. На это миссъ Стэтъ возразила, что она намѣрева-

лась постепенно ознакомлять ихъ съ общими фактами, такъ что къ веснѣ они уже были бы подготовлены. Но она говорила о веснѣ такъ, какъ еслибы до нея было еще страшно далеко! Она надѣялась, что ей удастся переговорить объ этомъ съ м-съ Беррингтонъ на этой недѣлѣ. Но вѣдь сегодня, кажется, уже четвергъ?

Лаура отвѣчала:

— О, да! Вамъ лучше было бы заняться чѣмъ-нибудь полезнымъ съ дѣтьми, чтобы они не скучали.

Она чуть-чуть не договорила: чтобы и гувернантка не скучала.

Сама она сегодня почти боялась разсказывать новыя сказки дѣтямъ: мальчики очень туго понимали и все приставали съ разспросами. Внимательное молчаніе, прерываемое случайными замѣчаніями, воцарялось не прежде того, какъ сказка была прослушана разъ двѣнадцать. „Мальчикъ съ пальчикъ" былъ одной изъ такихъ, усвоенныхъ уже дѣтьми, сказокъ; но сердце Лауры не лежало сегодня къ такому времяпрепровожденію. Дѣти стояли около нея, прислонясь къ ней, и она охватила каждаго рукой; ихъ маленькія фигурки были плотныя и сильныя, а голоски звучали какъ серебряные колокольчики. Ихъ мать, конечно, дурно держала себя; но существуютъ, тѣмъ не менѣе, предѣлы нѣжности, какую можно чувствовать къ заброшеннымъ дѣтямъ. Во всякомъ случаѣ, эти крошки сами не поощряли сантиментальнаго отношенія, ибо были вовсе не сантиментальны. Джорди выростетъ мастеромъ играть въ *„polo"* и ничѣмъ въ жизни другимъ не будетъ интересоваться, кромѣ этого времяпрепровожденія; а Ферди, быть можетъ, станетъ „первымъ стрѣлкомъ" въ Англіи. Лаура чувствовала, что такова ихъ неизбѣжная судьба: это слышалось въ томъ, что̀ они ей говорили, и въ томъ, что̀ они говорили другъ другу. Во всякомъ случаѣ, они ни надъ чѣмъ въ мірѣ не задумаются—это ясно. Они разъ поспорили другъ съ другомъ насчетъ одного пункта въ исторіи ихъ предковъ, сообщенной имъ, по всей вѣроятности, нянькой, родные которой были арендаторами фамиліи изъ поколѣнія въ поколѣніе. Ихъ дѣдъ держалъ охотничьихъ собакъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ... Ферди утверждалъ, что ихъ дѣдъ держалъ собакъ, пока не поступилъ волонтеромъ, а тогда собралъ великолѣпный полкъ, на который истратилъ десятки тысячъ фунтовъ. Ферди былъ того мнѣнія, что это брошенныя деньги... самъ онъ непремѣнно поступитъ въ дѣйствительную военную службу, будетъ полковникомъ и станетъ командовать настоящимъ гвардейскимъ полкомъ. Джорди же считалъ это какъ бы поверхностнымъ честолюбіемъ,

но самъ не шелъ далѣе мысли держать собакъ. Онъ не понималъ, почему папа ихъ не держитъ... можетъ быть, потому, что это хлопотливо.

— Я знаю почему... потому что мама американка,—объявилъ съ увѣренностью Ферди.

— А чѣмъ же это мѣшаетъ?—спросила Лаура.

— Мама слишкомъ много тратитъ денегъ... ни на что̀ другое не хватаетъ.

Это удивительное заявленіе вызвало испуганный протестъ со стороны миссъ Стэтъ; она покраснѣла и стала увѣрять Лауру, что не постигаетъ, откуда ребенокъ почерпнулъ такую необыкновенную мысль.

— Я разслѣдую это,—прибавила она:—будьте увѣрены, что я непремѣнно это разслѣдую.

Лаура же сказала Ферди, что онъ никогда, никогда, никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, не долженъ слушать непочтительныхъ отзывовъ о матери, и самъ не долженъ ихъ произносить.

— Еслибы кто-нибудь дурно отозвался о моихъ родныхъ, я бы ему задалъ! — закричалъ Джорди, засунувъ обѣ ручонки въ карманы синей курточки.

— Я бы хватилъ его кулакомъ по глазу!—объявилъ Ферди съ своей стороны.

— Можетъ быть, вамъ не хочется обѣдать въ половинѣ восьмого?—прервала Лаура дѣтскую болтовню, обращаясь къ миссъ Стэтъ:—но я была бы очень рада вашему обществу; я совсѣмъ одна.

— Очень вамъ благодарна. Въ самомъ дѣлѣ, вы совсѣмъ одна.

— Почему вы не выходите замужъ?—вмѣшался откровенный Джорди:—тогда бы вы не были одна.

— Дѣти! вы, право, ужасны сегодня вечеромъ!—воскликнула миссъ Стэтъ.

— Я никогда не женюсь... Я хочу держать охотничьихъ собакъ, — провозгласилъ Джорди, котораго, очевидно, поразило объясненіе брата.

— Я сойду къ вамъ позже, въ половинѣ девятаго, если позволите,—сказала миссъ Стэтъ, съ видомъ особы, сознающей свою отвѣтственность.

— Очень хорошо... мы займемся музыкой, попробуемъ сыграть что-нибудь въ четыре руки.

— О! музыка! Мы не любимъ музыки! — объявилъ Джорди тономъ превосходства, и въ то время, какъ онъ это говорилъ,

Лаура увидѣла, что миссъ Стэтъ вдругъ встала съ мѣста съ такимъ скорбнымъ видомъ, какой и у нея былъ рѣдкостью. Дверь комнаты растворилась настежъ, и въ ней появился Ліонель Беррингтонъ. Онъ былъ въ шляпѣ и съ сигарой въ зубахъ, а лицо у него было красно, по обыкновенію. Онъ снялъ шляпу, входя въ комнату, но не вынулъ сигары изо рта и сталъ еще краснѣе обыкновеннаго. Многое въ немъ не нравилось его невѣсткѣ, и она желала бы отъ многаго отъучить его, но нѣкоторая ребяческая застѣнчивость, съ которой онъ обращался со всѣми почти женщинами, была ей симпатична. Гувернантка дѣтей приводила его въ смущеніе, и такое же дѣйствіе производилъ онъ и на гувернантку, какъ Лаура уже раньше замѣтила. Онъ любилъ дѣтей, но видался съ ними не чаще матери, и они никогда не знали: дома онъ или нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ часто исчезалъ и вновь появлялся, что сама Лаура никогда этого не знала; въ этотъ разъ чистый случай открылъ ей его присутствіе въ домѣ. У Селины были свои причины не ѣздить въ городъ, пока мужъ ея дома, и она питала досадную мысль, что онъ остается дома затѣмъ, чтобы надзирать за ней и мѣшать уѣзжать, когда ей вздумается. Она утверждала, что постоянно сидитъ дома; послушать ее, такъ мало было женщинъ болѣе семейственныхъ, болѣе приросшихъ къ домашнему очагу и болѣе поглощенныхъ связанными съ этимъ очагомъ обязанностями. И какъ она ни была легкомысленна, однако понимала, что для того, чтобы эта теорія казалась вѣроятной, необходимо, чтобы мужъ видалъ ее иногда въ Меллоу, тѣмъ болѣе, что она была увѣрена, что онъ скоро убѣдился бы въ ея домосѣдствѣ, еслибы самъ когда-нибудь сидѣлъ дома.

Вотъ почему она не любила быть уличенной въ грубомъ фактѣ отсутствія, не любила уѣзжать у него изъ-подъ носа; она предпочитала сѣсть на поѣздъ, который слѣдовалъ за тѣмъ, на которомъ уѣхалъ мужъ, и возвращаться за часъ или полтора до него. Ей часто это удавалось, хотя она не могла знать навѣрное, *когда* онъ вернется. Но въ послѣднее время она перестала принимать такъ много предосторожностей, и Лаура, помимо своего желанія, была свидѣтельницей ея нетерпѣливыхъ заявленій и безразсудныхъ выходовъ, а потому не могла не знать, что если она затѣяла (какъ это было дня за четыре передъ тѣмъ, какъ я это пишу) навести его на ложный слѣдъ, то значитъ у нея что-то особенно ужасное на умѣ. Вотъ почему дѣвушка была такъ нервна, и почему сознаніе надвигающейся катастрофы, удручавшее ее въ послѣднее время, теперь стало почти нестерпимо:

она знала, какая тонкая стѣнка отдѣляетъ Селину отъ окончательной погибели.

Ліонель поразилъ ее своимъ неожиданнымъ появленіемъ, хотя когда же онъ являлся не неожиданно!.. О возвращеніи его обыкновенно предупреждались только слуги, большинство которыхъ были непроницаемы, несообщительны и воспитаны на телеграммахъ. Стоило вамъ только заговорить съ буфетчикомъ, какъ онъ тотчасъ же вытаскивалъ изъ кармана телеграмму. То былъ домъ телеграммъ; онѣ скрещивались по десяти разъ въ день, приходя и отходя. Селина въ особенности жила въ облакѣ телеграммъ. Лаура питала самыя смутныя представленія объ ихъ содержаніи. Когда онѣ случайно попадались ей на глаза, она или не понимала ихъ вовсе, или считала, что въ нихъ толкуется про лошадей. Лошади играли капитальную роль въ жизни м-съ Беррингтонъ. Правда, что у нея было такъ много знакомыхъ, которые всѣ такъ же суетились, какъ и она сама, назначали свиданія, справлялись о томъ, ѣдетъ ли она туда-то и туда-то, или поѣдетъ ли она туда, куда они ѣдутъ, и не завернетъ ли въ городъ отобѣдать и вмѣстѣ съѣздить въ театръ. Театръ тоже игралъ значительную роль въ жизни этой дѣятельной особы. Лаура помнила, какъ любилъ ихъ бѣдный отецъ пользоваться услугами телеграфа, но онъ никогда не ѣздилъ въ театръ; во всякомъ случаѣ она пыталась извинить сестру наслѣдственностью.

У Селины были свои взгляды на этотъ счетъ: она разъ замѣтила Лаурѣ, что надо быть женщинѣ идіоткой, чтобы писать письма; что телеграфъ — единственный способъ не попасть въ просакъ. Еслибы это было правда, то жизнь м-съ Беррингтонъ должна была бы протечь подобно мирнымъ зефирамъ Эдема.

III.

Зять Лауры не пробылъ и минуты въ комнатѣ, какъ ею овладѣла особенная тревога: она уже раза два видала его значительно на-веселѣ; это ей вовсе не понравилось, а теперь она замѣчала нѣкоторые признаки такого же состоянія. Она боялась, что дѣти замѣтятъ тоже, или, по меньшей мѣрѣ, миссъ Стэтъ, и рѣшила поскорѣе выпроводить зятя. Она подумала, что уже то, что онъ пришелъ въ дѣтскую, подозрительно, такъ какъ онъ рѣдко появлялся въ ней. Онъ очень пристально и съ улыбкой поглядѣлъ на нее, какъ будто хотѣлъ сказать:—нѣтъ, нѣтъ, я еще не того... если вы это думаете.

Она съ облегченіемъ тотчасъ же увидѣла, что дѣло не такъ плохо, какъ ей показалось, и что вино расположило его къ нѣжности, потому что онъ принялся безъ счета цѣловать Джорди и Ферди, причемъ миссъ Стэтъ деликатно отвернулась и стала глядѣть въ окно. Мальчики осыпали его вопросами, обрадовавшись его приходу, и возвѣстили, что будутъ учиться ботаникѣ, на что онъ отвѣчалъ:—неужели? а я ей совсѣмъ не учился,—и взглянулъ на гувернантку, покраснѣвъ и какъ бы умоляя ее придти къ нему на выручку.

Онъ любезно, хотя и не совсѣмъ вразумительно объяснилъ Лаурѣ и миссъ Стэтъ, что вернулся съ часъ тому назадъ и думаетъ провести ночь дома, а завтра утромъ съ первымъ поѣздомъ поѣдетъ въ городъ. Обѣдаетъ ли Лаура дома? Не ждетъ ли кого въ гости? Онъ будетъ очень радъ пообѣдать съ нею вдвоемъ.

— Я одна обѣдаю, — отвѣчала дѣвушка. — Вы, вѣроятно, знаете, что Селины нѣтъ дома.

— О, да! я знаю, гдѣ Селина!

И Ліонель Беррингтонъ съ улыбкой оглядѣлъ всѣхъ, включая Скрача и Парсона. Онъ умолкъ, не переставая улыбаться, и Лаура дивилась, чѣмъ это онъ такъ доволенъ. Она предпочитала не спрашивать; она не была увѣрена въ томъ, что это *нѣчто* доставитъ ей удовольствіе; но, подождавъ съ минутку, зять продолжалъ:

— Селина въ Парижѣ, моя душа, вотъ гдѣ Селина!

— Въ Парижѣ?—повторила Лаура.

— Да, въ Парижѣ, моя душа, дай ей Богъ здоровья! Гдѣ же вы думали, что она находится? Джорди, мой дружокъ, гдѣ бы по твоему должна была находиться мамаша?

— О! не знаю, — отвѣчалъ Джорди, нисколько не расположенный выражать сожалѣніе объ отсутствіи мамаши.—Еслибъ я былъ мамашей, я бы поѣхалъ путешествовать.

— Ну, вотъ видишь, и мамаша такъ же думаетъ... она поѣхала путешествовать. Миссъ Стэтъ, бывали ли вы въ Парижѣ?

Миссъ Стэтъ нервно засмѣялась и отвѣчала, что не бывала, но ѣздила въ Булонь, при чемъ, къ ея пущему конфузу, Ферди объявилъ, что онъ знаетъ, гдѣ находится Парижъ—въ Америкѣ.

— Нѣтъ, неправда, въ Шотландіи!—закричалъ Джорди.

Лаура спросила Ліонеля, какъ онъ это узналъ: развѣ жена написала ему?

— Написала мнѣ? развѣ она когда-нибудь мнѣ пишетъ? Нѣтъ, но я видѣлъ одного человѣка въ городѣ сегодня утромъ,

который ее тамъ встрѣтилъ... вчера за завтракомъ. Онъ пріѣхалъ оттуда нынѣшней ночью. Вотъ какъ я узналъ, что моя жена въ Парижѣ. Вѣдь это довольно вѣрный путь.

— Я полагаю, что въ Парижѣ очень весело,—сказала гувернантка изъ чувства долга, робкимъ, безутѣшнымъ голосомъ.

— О, да, полагаю, что весело... чертовски весело!—засмѣялся м-ръ Беррингтонъ.—Хотите поѣхать туда со мной, Лаура, на нѣсколько деньковъ... чтобы побывать въ театрахъ? Не вижу, почему вы должны вѣчно киснуть дома. Мы возьмемъ съ собой миссъ Стэтъ и дѣтей и доставимъ пріятный сюрпризъ мамашѣ. Съ кѣмъ, какъ вы думаете, она находится въ Парижѣ... съ кѣмъ, какъ вы думаете, ее тамъ видѣли?

Лаура поблѣднѣла и устремила пристальный, умоляющій взглядъ прямо ему въ глаза: она трепетала, какъ бы онъ не назвалъ одного имени.

— О! сэръ, не лучше ли намъ въ такомъ случаѣ уйти? — пролепетала миссъ Стэтъ не то со смѣхомъ, не то со стономъ, въ припадкѣ скромности.

И прежде, нежели Лаура опомнилась, она забрала Джорди и Ферди и вышла изъ комнаты.

— Что̀ она этимъ хотѣла сказать?.. Какая дерзость!—пробормоталъ Ліонель.—Что̀ она воображала, что я скажу? Неужто она думаетъ, что я скажу что-нибудь дурное при *ней*? Чортъ ее побери! неужто она думаетъ, что я стану срамить жену при слугахъ?

И вдругъ прибавилъ:

— Я этого не сдѣлаю и при васъ, Лаура, потому что вы слишкомъ хорошая и милая дѣвушка, и потому что я слишкомъ цѣню васъ.

— Не сойдемъ ли внизъ? не хотите ли выпить чаю?—спросила дѣвушка съ смущеніемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу тутъ остаться... мнѣ нравится эта комната...—отвѣчалъ онъ мягко и разсудительно.—Мнѣ чертовски нравится эта комната. Мнѣ всегда въ ней было весело... съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я былъ маленькимъ мальчикомъ. Я былъ грубый мальчишка, душа моя, я не былъ похожъ на тѣхъ ягнятокъ, которые только-что вышли отсюда. Я думаю, что они такъ кротки оттого, что вы присматриваете за ними. Моя гувернантка... ее звали Бальдъ или Больдъ... много натерпѣлась отъ меня. Я былъ гадкій мальчишка, Лаура. Но какъ тутъ мило!—прибавилъ онъ, озираясь:—по моему, это самая хорошенькая комната во всемъ домѣ. На кой чортъ ей ѣздить въ Парижъ, когда у нея такой прекрасный домъ? можете вы мнѣ отвѣтить на это, Лаура?

— Должно быть, она поѣхала, чтобы заказать себѣ платья; ея модистка живетъ, какъ вамъ извѣстно, въ Парижѣ.

— Модистка? платья? помилуйте, у нея нѣсколько комнатъ биткомъ-набито платьями! Развѣ не правда?

— Кстати о платьяхъ: я должна пойти и переодѣться, — объявила Лаура.—Я ходила по дождю... я была въ Плашѣ... и совсѣмъ промокла.

— О! вы были въ Плашѣ? вы видѣли maman? Надѣюсь, что она здорова?

И прежде нежели дѣвушка успѣла отвѣтить, прибавилъ:

— Угадайте, съ кѣмъ она въ Парижѣ. Моткомбъ видѣлъ ихъ вмѣстѣ... въ этомъ ресторанѣ, какъ бишь его?.. около Мадлэнъ.

И такъ какъ Лаура молчала, не желая угадывать, договорилъ:

— Это погибель для всякой женщины. Желалъ бы я знать, о чемъ она думаетъ.

Лаура все-таки ничего не говорила, и такъ какъ онъ взялъ ее за руку, она вывела его изъ дѣтской. Она страшилась имени, того имени, которое было у него на губахъ, хотя тонъ его былъ, повидимому, такъ спокоенъ и загадоченъ.

— Душа моя, она поѣхала туда вмѣстѣ съ лэди Рингрозъ... чтò вы на это скажете?—воскликнулъ онъ, когда они проходили по корридору къ лѣстницѣ.

— Съ лэди Рингрозъ?

— Онѣ уѣхали во вторникъ... онѣ тамъ шляются вдвоемъ.

— Я не знаю лэди Рингрозъ, — сказала Лаура, почувствовавъ большое облегченіе. Она боялась не этого имени. Ліонель опирался на ея руку въ то время, какъ они спускались съ лѣстницы.

— Надѣюсь... нѣтъ! ручаюсь вамъ, что ея нога не переступитъ за порогъ этого дома! Если Селина думаетъ привезти ее сюда, то лучше бы она предупредила меня за часъ времени... да, да... больше часа мнѣ не понадобится... Это все равно, какъ еслибы ее видѣли съ...

Ліонель прикусилъ языкъ.

— У нея было, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ...

И онъ снова прикусилъ языкъ.

— Вы остановите меня, знаете, если я скажу что-нибудь, чтò вамъ не понравится!

— Я васъ не понимаю... пустите меня, пожалуйста!—вскрикнула дѣвушка, съ усиліемъ освобождаясь отъ его руки. Она сбѣжала остальныя ступеньки одна, а онъ разсмѣялся ей вслѣдъ дерзкимъ смѣхомъ.

IV.

Она рѣшила не сходить къ обѣду... она не желала больше встрѣчаться съ нимъ сегодня. Онъ станетъ еще пить... напьется... кто знаетъ, чего онъ еще наговоритъ. Кромѣ того, она была также и сердита... не на него, но на Селину, и не только сердита, но и возмущена. Она знала, кто такая эта лэди Рингрозъ, она знала теперь то, о чемъ понятія не имѣла, когда была моложе —и это было такъ недавно—и не подозрѣвала, что когда-нибудь узнаетъ. Глаза ея широко раскрылись, когда она пріѣхала въ Англію, и ужъ, конечно, раскрылись и насчетъ лэди Рингрозъ. Она слышала про то, какъ она себя вела, но вѣдь то же самое она слышала и про многихъ другихъ женщинъ. Она знала, что Селина бывала у нея; догадывалась, что эта лэди посѣщала также и Селину въ Лондонѣ, хотя сама Лаура съ нею тамъ не встрѣчалась. Но она не знала, что онѣ такъ коротки между собой, что Селина уѣдетъ съ нею въ Парижъ. То, что онѣ уѣхали въ Парижъ, само по себѣ еще не было преступнымъ; могло быть сто причинъ, понятныхъ для женщинъ, любящихъ перемѣну, движеніе, театры и новыя шляпки; но тѣмъ не менѣе, какъ самая экскурсія, такъ и общество, въ которомъ она была предпринята, возбуждали въ Лаурѣ отвращеніе. Она бы не сказала,—хотя Ліонель, повидимому, такъ думалъ,—чтобы общество этой именно женщины было хуже, чѣмъ общество двадцати другихъ, которыхъ она видала у сестры въ Лондонѣ и даже въ почтенныхъ покояхъ Меллоу. Но она считала низкимъ и противнымъ въ Селинѣ то, что она уѣхала тайкомъ, точно странствующій приказчикъ, капризно прячась отъ своихъ, никого не предупредивъ и увѣривъ всѣхъ, что пробудетъ два или три дня въ Лондонѣ.

Это было признакомъ дурного тона и дурного воспитанія, это было cabotin и характеризовало безусловное, неисправимое легкомысліе Селины—худшее обвиненіе (Лаура цѣплялась за это убѣжденіе), какое она могла выставить противъ сестры. Конечно, легкомысліе, котораго человѣкъ не стыдится, все равно, что простуда, отъ которой бы онъ не поберегся,—отъ него можно нравственно погибнуть, какъ и отъ всего прочаго. Лаура знала это, и вотъ почему она была такъ невыразимо сердита на сестру. Она надѣялась получить въ это утро отъ Селины письмо (м-съ Беррингтонъ, вѣроятно, пощадитъ настолько-то приличія), и это дастъ ей возможность послать отвѣтъ, который она уже сочинила въ умѣ. Ее не могло удержать отъ такого отвѣта представленіе

того, какъ Селина съ хохотомъ протягиваетъ ея письмо черезъ столъ, въ ресторанѣ около Мадлэнъ, лэди Рингрозъ (которая навѣрное раскрашена; сама Селина, надо отдать ей справедливость, еще не начала краситься), въ то время, какъ французскіе гарсоны въ бѣлыхъ передникахъ созерцаютъ *ces dames*. Для нашей молодой особы совсѣмъ ново было размышлять о всѣхъ оттѣнкахъ, градаціяхъ, возможностяхъ безпутства, и о томъ, какъ далеко зашла въ немъ лэди Рингрозъ!

За четверть часа до обѣда, Ліонель прислалъ сказать, чтобы она обѣдала безъ него, что у него болитъ голова и онъ не придетъ. Это было неожиданнымъ благополучіемъ и упростило положеніе Лауры, а потому она сошла въ столовую. Но передъ тѣмъ послала сказать миссъ Стэтъ, что проситъ ее придти. Она повела гувернантку съ собой въ столовую (мальчики уже были уложены въ постель) и посадила ее напротивъ себя, разсчитывая, что миссъ Стэтъ будетъ служить ей охраной, еслибы Ліонель передумалъ. Гувернантка была еще болѣе напугана, чѣмъ она сама—охрана отъ нея могла быть плохая. Обѣдъ прошелъ скучно, и разговоръ не клеился. Миссъ Стэтъ съѣла три оливки и разглядывала рисунки на ложкахъ. Лаура болѣе чѣмъ когда-либо чувствовала близость катастрофы; зловѣщая туча какъ будто нависла надъ домомъ; Лаура вся застыла отъ ужаса. Письмо, которое она умственно сочиняла, улетучилось у нея изъ головы, и она думала теперь объ одномъ только: телеграфировать Селинѣ завтра чуть свѣтъ и совсѣмъ въ другихъ выраженіяхъ. Она почти не говорила съ миссъ Стэтъ, да и гувернанткѣ нечего было ей сказать: она уже такъ часто пересказывала свою собственную исторію. Послѣ обѣда она увела свою подругу въ гостиную, и тамъ онѣ сѣли за фортепіано. Онѣ играли въ четыре руки съ часъ времени, механически, громко. Лаура не знала, что̀ именно онѣ играютъ, но чувствовала только, что исполненіе ихъ отвратительное. Несмотря на то, она вдругъ услышала за спиной голосъ, говорившій:

— Это послѣднее очень мило!

Лаура догадалась, что зять пришелъ въ гостиную.

Миссъ Стэтъ была трусиха и тотчасъ же удалилась, хотя Ліонель уже позабылъ, что разсердился на нее за дерзость, съ какой она увела дѣтей изъ дѣтской. Лаура тоже ушла бы, еслибы Ліонель не объявилъ, что ему необходимо серьезно поговорить съ нею. Отъ этого ей только сильнѣе захотѣлось уйти, но она вынуждена была выслушать его, когда онъ сталъ извиняться передъ ней, выражая надежду, что она не сердится на него за то, что̀ онъ говорилъ раньше. Онъ не казался ей больше пья-

нымъ; онъ проспался, вѣроятно; какъ бы то ни было, а и головною болью онъ больше очевидно не страдалъ. Онъ все еще былъ очень веселъ, какъ будто бы только-что получилъ очень хорошія вѣсти и очень имъ обрадовался. Она знала, какія вѣсти онъ получилъ, и могла бы подумать, въ виду его веселости, что эти вѣсти вовсе не такъ худы, какъ онъ увѣрялъ. Но не въ первый разъ она видѣла его довольнымъ тѣмъ, что онъ можетъ выставить фактъ, обличающій жену, и въ настоящемъ случаѣ ей пришлось удостовѣриться, съ какимъ великимъ удовольствіемъ онъ принимаетъ женины провинности.

Она не садилась за фортепіано, но стояла у камина, дѣлая видъ, что грѣетъ ноги. Онъ же принялся ходить по комнатѣ.

— Я совсѣмъ не умѣю разговаривать съ вами: вы такъ чертовски умны!—сказалъ онъ.—Я не могу обращаться съ вами какъ съ дѣвочкой въ коротенькомъ платьицѣ... а между тѣмъ вы вѣдь все-таки молодая дѣвица. И вы такая хорошая... отъ этого только еще труднѣе,—продолжалъ онъ, останавливаясь передъ нею съ руками въ карманахъ и видомъ добродушнаго, хотя и безпутнаго мальчика, при своемъ маломъ ростѣ, гладкой, жирной рожицѣ, круглыхъ водянистыхъ глазахъ и волосахъ въ дѣтскихъ кудряшкахъ. Онъ лишился одного изъ переднихъ зубовъ и всегда носилъ туго нахрахмаленный бѣлый галстухъ съ булавкой, изображавшей какой-то символъ гипподрома или скачки.

— Я не понимаю, почему она такъ не похожа на васъ. Какъ жаль, что не васъ я выбралъ въ жены!

— Я не желаю слушать похвалъ въ ущербъ сестрѣ,—объявила Лаура не безъ величія.

— О, Лаура, не будьте такой накрахмаленной, какъ говоритъ Селина! Вы знаете свою сестру такъ же хорошо, какъ и я!

Они простояли молча, глядя въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ въ лицо другъ другу, и онъ какъ будто прочиталъ нѣчто на ея лицѣ, что̀ заставило его прибавить:

— Вы знаете, по крайней мѣрѣ, какъ мало мы подходимъ другъ къ другу.

— Я знаю, что вы не любите другъ друга... это ужасно!

— Любимъ другъ друга?! Она ненавидитъ меня, точно я горбъ на ея спинѣ. Она готова была бы всячески напакостить мнѣ, еслибы могла. Она такъ ненавидитъ меня, что съ радостью раздавила бы меня ногой, какъ таракана, и когда она раскрываетъ ротъ, то только затѣмъ, чтобы оскорблять меня.

Ліонель Беррингтонъ высказывалъ все это безъ сердца, волненія или удивленія отъ своего открытія; въ его тривіальномъ

тонѣ звучала веселая нотка, и онъ, казалось, такъ увѣренъ въ томъ, чтò говоритъ, что не считаетъ даже нужнымъ приводить доказательства.

— О, Ліонель!—пробормотала дѣвушка, блѣднѣя.—Неужели это тѣ серьезныя вещи, какія вы хотѣли мнѣ сообщить?

— И вы не можете сказать, что это по моей винѣ... вѣдь вы не станете увѣрять меня въ этомъ. Развѣ я не спокоенъ? развѣ я не добръ? развѣ я не смирно веду себя? Развѣ я не даю ей все, чего она только ни попроситъ?

— Вы не даете ей хорошаго примѣра!—отвѣчала Лаура съ энергіей.—Вы ничѣмъ въ мірѣ не интересуетесь, кромѣ удовольствій, и это круглый годъ. Ну, вотъ и она дѣлаетъ то же самое... А для женщины это еще непростительнѣе, конечно. Вы оба эгоисты, какихъ мало; ни въ головѣ, ни въ сердцѣ у васъ ничего нѣтъ, кромѣ жажды пошлыхъ развлеченій; вы оба не способны на уступки, на жертвы!

Она проговорила послѣднее со страстью; ей захотѣлось отвести душу, и это облегчило ее на минуту.

Ліонель вытаращилъ на нее глаза и покраснѣлъ; но минуту спустя, откинулъ голову назадъ съ хохотомъ.

— Неужели же я не добръ, что стою тутъ и выслушиваю все это? Если я такъ гоняюсь за удовольствіями, то какое удовольствіе доставляете *вы* мнѣ? Поглядите, Лаура, какъ я добродушно къ этому отношусь. Вы должны отдать мнѣ въ этомъ справедливость. Развѣ я не пожертвовалъ своимъ домашнимъ очагомъ? Какую еще жертву можетъ принести мужчина?

— Я думаю, вамъ домашній очагъ такъ же мало дорогъ, какъ и Селинѣ. А это такая прекрасная, такая святая вещь! Вы оба слѣпы, безчувственны и безсердечны, и не знаю, чтò за ядъ течетъ у васъ въ жилахъ. Надъ вами тяготѣетъ проклятіе, и будетъ, будетъ судъ!—продолжала дѣвушка, вдохновляясь, точно юная пророчица.

— Чтò же вы хотите, чтобы я дѣлалъ? сидѣлъ дома и читалъ библію?

— Что жъ? это бы вамъ не повредило разъ, другой.

— Судъ будетъ надъ *нею* — это вѣрно, и я знаю, гдѣ онъ будетъ происходить, — сказалъ Ліонель Беррингтонъ съ слабой попыткой на остроуміе.—Я и въ половину не виноватъ такъ передъ ней, какъ она передо мной. Да чтò я говорю: въ половину—въ сотую долю! Отвѣчайте мнѣ откровенно, милая!

— Я не знаю, чтò она вамъ сдѣлала, — съ нетерпѣніемъ отвѣчала Лаура.

— Вотъ это-то именно я и желаю вамъ сказать, да только не знаю, какъ это сдѣлать. Бьюсь объ закладъ на пять фунтовъ, что вы не угадаете, что̀ она теперь дѣлаетъ?

— Вы не умѣете заставить уважать себя,—замѣтила молодая дѣвушка.

Зять на минуту былъ какъ бы задѣтъ ея замѣчаніемъ.

— Какое отношеніе имѣетъ ея наглость къ тому, внушаю я уваженіе или нѣтъ!—вскричалъ онъ.—Никто еще до сихъ поръ не пренебрегалъ мною такъ, какъ она. Вы все про нее знаете,—продолжалъ онъ другимъ тономъ,—не увѣряйте, что не знаете. Вы все видите, вы изъ проницательныхъ женщинъ. Безполезно притворяться, Лаура; вы достаточно прожили въ нашемъ безподобномъ домѣ и не такъ наивны, какъ кажетесь. Кромѣ того, вы сами такая хорошая, что вамъ незачѣмъ вопить отъ ужаса, когда человѣкъ говоритъ правду. Зачѣмъ вы опоздали вырости? тогда я бы на васъ женился въ Нью-Іоркѣ, и вы бы уважали меня... не правда ли? Попробуйте сказать, что нѣтъ!

— Полагаю, что вы не за этимъ держите меня на ногахъ, — устало проговорила Лаура.

— Полноте, вы не собираетесь же лечь спать въ девять часовъ вечера? Все это одно притворство. Я хочу, чтобы вы помогли мнѣ.

— Помогла вамъ? какимъ образомъ?

— Я скажу вамъ... но вы должны дать мнѣ время сообразить все. Не знаю, что̀ я вамъ говорилъ до обѣда... я слишкомъ много выпилъ передъ тѣмъ водки съ содовой водой. Можетъ быть, я позволилъ себѣ черезъ-чуръ много вольности; если такъ, то прошу извинить. Я напросился на дерзость гувернантки... Очень пріятно, нечего сказать. Какъ вы думаете, дѣти замѣтили? Мнѣ, впрочемъ, все равно. Я выпилъ шесть или семь рюмокъ; мнѣ страшно хотѣлось пить, и я былъ очень обрадованъ...

— Кажется, вамъ нечему особенно радоваться?

— Вотъ тутъ-то вы и ошибаетесь. Не помню, чтобы меня что-нибудь такъ обрадовало, какъ то, что̀ я вамъ сообщилъ.

— Вы мнѣ сообщили?..

— Про то, что она въ Парижѣ. Я надѣюсь, что она пробудетъ тамъ мѣсяцъ.

— Я не понимаю васъ,—объявила Лаура.

— Неужели? Душа моя, это входитъ въ мои планы. Вѣдь онъ не первый, вы это знаете.

Лаура молчала; круглые глаза зятя упорно глядѣли на нее,

и она видѣла въ нихъ необычное выраженіе, какую-то свѣтлую точку, говорившую, что въ нихъ загорѣлась мысль.

— Онъ?—повторила она.—Про кого вы говорите?

— Какъ про кого? про Чарли Криспина. Чортъ...

И Ліонель страшно выругался.

— Какое отношеніе онъ...

— Самое близкое. Развѣ онъ тамъ не съ нею?

— Почемъ я знаю? Вы говорили про леди Рингрозъ.

— Лэди Рингрозъ—только ширма... и очень жалкая. Сожалѣю, что долженъ вамъ это сказать, но онъ ея любовникъ. Я хочу сказать—Селины. И онъ не первый.

Наступило снова молчаніе, и затѣмъ Лаура спросила—вопросъ былъ по истинѣ неожиданный:

— Зачѣмъ вы зовете его Чарли?

— Вѣдь онъ зоветъ меня Ліонъ, какъ и всѣ другіе, — отвѣчалъ ея зять, таращa на нее глаза.

— Вы самый удивительный народъ!.. Я полагаю, что у васъ есть доказательство того, что̀ вы рѣшились мнѣ сказать?

— Доказательства? у меня цѣлый океанъ доказательствъ. И не только про Криспина, но и про Дипмера.

— А кто этотъ Дипмеръ?

— Развѣ вы не слышали про лорда Дипмера? Онъ уѣхалъ въ Индію. Это было до вашего пріѣзда.—Я говорю все это не изъ удовольствія, Лаура,—прибавилъ м-ръ Беррингтонъ.

— Неужели? — странно засмѣялась дѣвушка. Я думала, вы такъ радуетесь.

— Я радуюсь тому, что знаю, а не тому, что̀ говорю. Когда я говорю, что радъ, что знаю, то это значитъ, что я радъ тому, что, наконецъ, увѣрился. О! я ее поймалъ на этотъ разъ. Теперь дѣло ясное, и все пойдетъ въ открытую. Я прослѣдилъ всю ея жизнь шагъ за шагомъ. Теперь вѣдь нѣтъ той вещи, какую бы вы не узнали, если обратитесь къ компетентнымъ людямъ. Я ее... я ее...

Онъ колебался съ минуту, затѣмъ продолжалъ:

— Все равно, что̀ я сдѣлалъ. Я знаю теперь навѣрное то, что̀ мнѣ нужно, и это большое утѣшеніе. Она теперь въ моихъ рукахъ, и мы увидимъ, кто тараканъ и кто кого раздавитъ.

— Неправда... неправда... неправда,—медленно проговорила Лаура.

— Вотъ именно то, что̀ будетъ говорить и она, хотя не такимъ тономъ. О! еслибы только она могла сослаться на ваши

слова, душа моя, то, можетъ быть, выпуталась бы... потому что вамъ бы повѣрили.

— Выпуталась бы... чтò вы хотите сказать?—спросила дѣвушка, вся застывъ отъ ужаса и стыда.

— Какъ? вы все еще не понимаете, чтò я хочу сказать? Я притяну ее въ судъ, вотъ что!

— Вы готовитесь сдѣлать скандалъ?

— *Сдѣлать скандалъ*? Клянусь честью, не я его дѣлаю! И думаю, что достаточно съ меня скандала! Я готовлюсь обратиться къ законамъ моей страны... вотъ чтò я сдѣлаю. Она воображаетъ, что я глухъ и слѣпъ ко всему, чтò она творитъ. Но вотъ въ этомъ-то она и ошибается.

— Понимаю... но вы не поступите такъ жестоко,—проговорила Лаура очень мягко.

— Жестоко, если вамъ угодно, но тѣмъ не менѣе я такъ поступлю; я и сотой доли не разсказалъ вамъ... и вы поймете, почему. Есть вещи, которыхъ нельзя передавать порядочной дѣвушкѣ, какъ вы... въ особенности про Диппмера. Но когда онѣ случаются, то вѣдь нельзя же не видѣть ихъ,—какъ вы думаете?

— Все это неправда... неправда... неправда,—повторила Лаура Уингъ, такъ же медленно и качая головой.

— Конечно, вы заступаетесь за сестру... но вотъ объ этомъ именно я и хотѣлъ съ вами поговорить... вы должны пожалѣть и *меня*, знаете, и быть справедливой. Развѣ я не былъ всегда хорошъ съ вами? развѣ вы слышали отъ меня хоть одно худое слово?

Это обращеніе тронуло дѣвушку; она много мѣсяцевъ ѣла хлѣбъ своего зятя и пользовалась роскошью, какая его окружала, и дѣйствительно, лично съ нею онъ всегда былъ очень добръ. Она, однако, не прямо отвѣтила ему, но только сказала:

— Успокойтесь, успокойтесь и предоставьте ее мнѣ! Я вамъ за нее ручаюсь.

— Ручаетесь за нее... Чтò вы хотите сказать?

— Она исправится... она станетъ благоразумнѣе, не будетъ больше никакихъ толковъ объ этихъ ужасахъ. Предоставьте ее мнѣ... отпустите ее со мной куда-нибудь подальше.

— Отпустить васъ съ нею? да я бы не позволилъ вамъ близко подходить къ ней, будь вы *моя* сестра!

— Стыдитесь!—закричала Лаура и бросилась къ двери.

Но Ліонель перехватилъ ее на полпути. Онъ отвелъ ее назадъ и преградилъ ей дорогу, такъ что она по-неволѣ должна была выслушать его.

— Я еще не сказалъ вамъ, что̀ хотѣлъ... Я сказалъ вамъ, что жду отъ васъ помощи... я вовсе не жестокъ... и совсѣмъ не хочу оскорблять васъ... Я увѣренъ, что въ душѣ вы согласны, что я перенесъ то, чего не вытерпѣлъ бы никто другой. Поэтому-то я и говорю, что вы должны быть справедливы... Конечно, она вамъ сестра, но когда сестра—совсѣмъ, совсѣмъ дурная женщина, нѣтъ такого закона, который бы обязывалъ прыгать въ грязь за нею. Это грязь, душа моя, и вы въ ней увязнете по горло. Подумайте лучше объ ея дѣтяхъ... Вамъ лучше стать на мою сторону.

— Неужели вы хотите, чтобы я показывала противъ нея?—пробормотала дѣвушка, пассивно выслушивая зятя; закрывъ лицо руками, она въ эту минуту взглянула на него, раздвинувъ руки.

Онъ колебался съ минуту.

— Я прошу васъ не отрицать того, что̀ вы видѣли... того, что̀ вы въ душѣ считаете правдой.

— Значитъ, у васъ нѣтъ доказательствъ тѣхъ ужасовъ, про которые вы говорили? нѣтъ доказательствъ?

— Почему вы думаете, что у меня нѣтъ доказательствъ?

— Если вамъ нужно мое свидѣтельство...

— Я пойду въ судъ съ неопровержимыми доказательствами. Дѣлайте какъ знаете, но я предупреждаю васъ и прошу не забыть, что я предупредилъ васъ. Прошу не забыть,—потому что васъ вызовутъ въ судъ,—что я предупредилъ васъ сегодня вечеромъ, какого рода эта женщина, и какія мѣры я намѣренъ принять.

— Вызовутъ въ судъ... вызовутъ въ судъ?—повторяла дѣвушка.

— Да, разумѣется, для перекрестнаго допроса.

— О! матушка! матушка!—закричала Лаура Уингъ.

Она снова закрыла лицо руками, и когда Ліонель Беррингтонъ, раскрывъ дверь, пропустилъ ее, она залилась слезами. Онъ поглядѣлъ ей вслѣдъ смущенный, разстроенный, полупристыженный и воскликнулъ про себя:—Злая бестія! злая бестія!

Но слова эти относились къ его женѣ.

V.

— Истинную ли правду говоришь ты мнѣ, утверждая, что капитана Криспина тамъ не было?

— Истинную правду.

И м-съ Беррингтонъ выпрямилась во весь ростъ, закинула назадъ голову и смѣрила собесѣдницу съ ногъ до головы. Надо думать, что ей хорошо было извѣстно, что это одна изъ позъ, которыя особенно къ ней идутъ. Собесѣдница была ея сестра, но даже и съ нею она не могла не практиковаться въ красивыхъ позахъ. Въ настоящемъ случаѣ она разсчитывала повліять на сестру своимъ величественнымъ видомъ, но послѣ минутнаго размышленія рѣшила пустить въ ходъ иныя пружины. Она измѣнила презрительное выраженіе лица (презрительное, потому что осмѣливались сомнѣваться въ ея правдивости) въ улыбку веселой насмѣшки; она терпѣливо улыбалась, какъ бы сообразивъ, что Лаура сама не понимаетъ, въ какой дерзости она передъ нею провинилась. Ея американская сестрица никакъ не умѣла, по ея мнѣнію, усвоить себѣ тонкость обращенія и деликатность чувствъ. Чопорность и почти варварское прямодушіе дѣвушки ослѣпляли ее насчетъ необходимости соблюдать извѣстныя правила вѣжливости.

— Мое бѣдное дитя! какія ты вещи говоришь! Нельзя спрашивать человѣка: говоритъ ли онъ правду, съ такимъ видомъ, какъ будто бы хотѣлъ ему сказать, что онъ лжетъ. Но такъ какъ я съ тобой не церемонюсь, то, пожалуй, удовлетворю твое глупое любопытство. Я понятія не имѣю о томъ, гдѣ былъ и гдѣ не былъ капитанъ Криспинъ. Я не слѣжу за его дѣйствіями, и онъ мнѣ о нихъ не сообщаетъ. Онъ не для меня пріѣзжалъ въ Парижъ. Довольно этого? Что до меня касается, то онъ могъ бы быть съ такимъ же успѣхомъ на сѣверномъ полюсѣ. Я его не видѣла и ничего про него не слыхала. Онъ мнѣ не показывалъ и кончика своего носа,—продолжала Селина съ веселымъ, снисходительнымъ юморомъ, глядя прямо въ глаза сестры. Ея собственные были ясны и кротки, и это выраженіе пристало къ ней такъ же, какъ и горделивое и холодное. Лаура дивилась ей все болѣе и болѣе; дѣвушка пребывала теперь почти непрерывно въ состояніи напряженнаго недоумѣнія.

М-съ Беррингтонъ вернулась изъ Парижа наканунѣ, но не пріѣхала въ ту же ночь въ Меллоу, хотя было много поѣздовъ, которыми она могла бы воспользоваться. Она не остановилась также и въ своемъ домѣ на площади Гросвеноръ, но провела ночь въ гостинницѣ. Мужъ ея былъ въ отсутствіи,—предполагали, что онъ въ Лондонѣ,—и, такимъ образомъ, они еще не видѣлись. Хотя она была не такая женщина, чтобы сознаться, что она неправа, однако, позднѣе, соглашалась, что съ ея стороны было ошибкой то, что она не поѣхала прямо домой. Ліонель вывелъ изъ этого

заключеніе, что она его боится, и что у нея совѣсть не чиста. Но у нея были свои причины остановиться въ гостинницѣ, хотя она считала безполезнымъ о нихъ распространяться. Она вернулась домой съ утреннимъ поѣздомъ еще до завтрака, и по этому торжественному случаю завтракала вмѣстѣ съ сестрой, миссъ Стэтъ и дѣтьми. Послѣ завтрака она отпустила гувернантку, но удержала дѣтей и занималась съ ними долѣе обыкновеннаго. Лаура должна была бы быть довольна, но въ манерахъ Селины, даже тогда, когда она поступала хорошо, было что-то раздражающее, и кромѣ того Лаура желала остаться съ нею наединѣ, чтобы серьезно переговорить. Селина ласкала дѣтей, поощряла ихъ болтовню; хохотала какъ сумасшедшая за завтракомъ надъ ихъ безхитростными замѣчаніями и привела миссъ Стэтъ въ оцѣпенѣніе своей необыкновенной веселостью. Лаура не могла расправшивать ее про капитана Криспина и лэди Рингрозъ при Джордѣ и Ферди. Конечно, они не поймутъ, въ чемъ дѣло, но они всегда отлично запоминали всѣ имена и приводили ихъ иногда самымъ неожиданнымъ образомъ. Можно было подумать, — Селина догадывается, что Лаура ждетъ, и рѣшила ее подолѣе помучить. Дѣвушкѣ хотѣлось, чтобы сестра пошла въ свою комнату, куда бы она могла за ней послѣдовать. Но Селина не выказывала ни малѣйшаго желанія уйти къ себѣ, а что касается туалета, то она всегда бывала такъ одѣта, что никому и въ голову не пришла бы мысль, что ей слѣдуетъ переодѣться. Платье, какое бы оно ни было, всегда такъ шло къ ней, что казалось самымъ подходящимъ въ данную минуту. Лаура замѣтила, что самыя складки ея платья говорили, что она была въ Парижѣ; она провела тамъ всего только недѣлю, но отпечатокъ ея couturière лежалъ на ней: только затѣмъ, чтобы совѣщаться съ этой великой артисткой, переплывала она Ламаншъ. Слѣды этихъ совѣщаній были такъ очевидны, что она какъ будто говорила: — развѣ вы не видите доказательствъ, что я ѣздила только изъ-за chiffons?

Она расхаживала по комнатѣ, держа на рукахъ Джорди, въ припадкѣ материнской нѣжности; онъ былъ слишкомъ великъ для того, чтобы граціозно свернуться у ея груди, но отъ этого она казалась еще моложе, еще стройнѣе, еще тоньше и выше ростомъ. Ея изящная фигура гибко и свободно двигалась въ то время, какъ она играла съ дѣтьми. Былъ моментъ, — когда она медленно проходила по комнатѣ, держа каждаго изъ дѣтей за руку и напѣвая имъ пѣсенку, а они глядѣли на свою красивую мамашу, восхищаясь ея красотой, слушая ея пѣніе и дивясь

новому обращенію,—такъ что ее можно было бы принять за античную статую какой-нибудь древней матроны или за изображеніе св. Цециліи. Въ это утро, болѣе чѣмъ когда-либо, Лаура была поражена ея молодостью, неистощимой свѣжестью, которыя заставили бы всякаго вскрикнуть отъ удивленія, что она мать этихъ дюжихъ мальчиковъ, и не повѣрить этому. Лаура всегда восхищалась ею, считала ее самой хорошенькой женщиной въ Лондонѣ. Но въ настоящую минуту ея красота, изящество каждаго движенія, естественная грація походки, безукоризненныя формы тѣла были почти ненавистны молодой дѣвушкѣ: они казались ей нѣкотораго рода предзнаменованіемъ опасности и даже стыда.

Миссъ Стетъ пришла, наконецъ, за дѣтьми, и какъ только она увела ихъ, Селина объявила, что отправится въ Плашъ, какъ была! Она позвонила и велѣла принести себѣ шляпу и жакетку и подать экипажъ. Лаура видѣла, что она не хочетъ дать случая поговорить съ ней. Когда принесли шляпу и жакетку, она задержала горничную въ гостиной, пространно объясняя той, какъ слѣдуетъ поступать съ вещами, привезенными изъ Парижа. Прежде чѣмъ горничная ушла, пришли сказать, что экипажъ поданъ, и слуга раскрылъ настежъ дверь. Но тутъ Лаура, потерявъ терпѣніе, выпроводила горничную и затворила дверь; она стала между сестрой и дверью. И вдругъ рѣзко, безъ обиняковъ, но сильно покраснѣвъ, спросила ее: былъ ли капитанъ Криспинъ въ Парижѣ? Мы слышали отвѣтъ м-съ Беррингтонъ, которымъ ея строгая сестрица осталась недовольна, а это обстоятельство заставило Селину воскликнуть съ негодованіемъ:

— Вотъ неслыханныя мысли въ головѣ молодой дѣвушки и неслыханный предметъ для разговора! Душа моя, ты стала необыкновенно вольна... ты эманципировалась до неприличія... поздравляю тебя.

Лаура стояла, уставивъ глаза на Селину, ни слова не отвѣчая, и Селина продолжала, мѣняя тонъ:

— Скажи пожалуйста, еслибы *онъ* тамъ и былъ, что же тутъ такого чудовищнаго? Развѣ не случалось ему бывать въ Лондонѣ въ то время, какъ и я тамъ. Почему такъ ужасно, что онъ былъ въ Парижѣ?

— Ужасно, ужасно, слишкомъ ужасно!—пробормотала Лаура съ усиленной серьезностью, не спуская глазъ съ м-съ Беррингтонъ, чего та, какъ она знала, терпѣть не могла.

— Душа моя, ты дѣлаешь странные намеки для респектабельной молодой особы! — воскликнула м-съ Беррингтонъ съ

сердитымъ смѣхомъ.—У тебя такія мысли, какихъ я, будучи дѣвушкой...

Она умолкла, и сестра видѣла, что она не рѣшается договорить...

— Не говори мнѣ про намеки и мысли... припомни тѣ, что̀ я выслушивала отъ тебя! Мысли? какія мысли были у меня, пока я сюда не пріѣзжала?—спросила Лаура Уингъ дрожащимъ голосомъ.—Не притворяйся, что слова мои удивляютъ тебя, Селина! это слишкомъ неумѣлая защита. Ты говорила мнѣ такія вещи .. ужъ если говорить про вольность! Чего только не наслушаешься въ твоемъ домѣ? Мнѣ теперь все равно, что̀ ни говорятъ другіе (все, что̀ здѣсь говорится, равно отвратительно, и выбора нѣтъ, да и впечатлительность моя развѣяна по вѣтру!), и я буду очень рада, если ты поймешь, что мнѣ все равно и то, что̀ я сама говорила. Говоря о твоихъ дѣлахъ, душа моя, нельзя быть черезъ-чуръ щекотливой!—продолжала дѣвушка со взрывомъ страсти.

Миссисъ Беррингтонъ закрыла лицо руками.

— Великій Боже! меня оскорбляетъ, меня осыпаетъ бранью— и кто же... родная, ничтожная сестренка!—простонала она.

— Я думаю, ты должна быть благодарна, что находится хоть одно человѣческое существо — хотя бы и ничтожное — которое настолько тобою интересуется, что хочетъ знать истину въ томъ, что̀ тебя касается. Селина, Селина, ты ужасно насъ обманываешь!

— Насъ?—повторила Селина съ страннымъ смѣхомъ.—Кого ты разумѣешь, говоря: *насъ*?

Лаура колебалась, она спрашивала себя: слѣдуетъ ли ей сообщить сестрѣ объ ужасной сценѣ, которая происходила между нею и Ліонелемъ, но до сихъ поръ еще не рѣшила этого вопроса. Но тутъ вдругъ рѣшилась.

— Я разумѣю не твоихъ знакомыхъ... тѣхъ, которыхъ я видѣла. Не думаю, чтобы имъ было хоть сколько-нибудь заботы... Я никогда не видывала такихъ людей. Но на прошлой недѣлѣ Ліонель говорилъ со мной... онъ сказалъ мнѣ, что *знаетъ* это навѣрное.

— Ліонель говорилъ съ тобой? — повторила миссисъ Беррингтонъ, поднимая голову и уставясь на сестру.—Что̀ же онъ такое знаетъ?

— Что капитанъ Криспинъ находится въ Парижѣ и ты—съ нимъ. Онъ говоритъ, что ты ѣздила туда, чтобы встрѣтиться съ нимъ.

— Онъ сказалъ это *тебѣ*?

— Да... и многое другое... Не знаю, къ чему я буду изъ этого дѣлать тайну!

— Отвратительное животное!—медленно и торжественно воскликнула Селина. — Онъ пользуется правомъ... легальнымъ правомъ изливать на *меня* свою подлость; но если онъ до того низокъ, что заговорилъ объ этомъ съ тобой...

И миссисъ Беррингтонъ умолкла въ порывѣ негодованія.

— О, меня огорчало не то, что онъ со мной говорилъ объ этомъ... а то, что онъ вѣритъ въ это. Это, признаюсь, произвело на меня впечатлѣніе.

— Неужели? очень тебѣ благодарна! ты нѣжная и любящая сестрица.

— Да, я нѣжная и любящая, если проплакать надъ тобой всѣ эти дни—значитъ любить тебя. Я чуть не ослѣпла отъ слезъ. Надѣюсь, что ты приготовилась къ встрѣчѣ съ нимъ? Онъ вполнѣ рѣшился на разводъ.

Голосъ Лауры почти измѣнилъ ей, когда она говорила это; впервые въ разговорѣ съ Селиной она произнесла это ужасное слово. Она слышала его, однако, довольно часто на устахъ другихъ; оно достаточно легкомысленно бросалось ей въ лицо въ нѣсколько строгихъ покояхъ Меллоу, гдѣ ее восхищала лѣпная работа во вкусѣ прошлаго столѣтія, напоминавшая фаянсъ Уэджевуде и состоявшая изъ тонкихъ фестоновъ, урнъ, трофеевъ, и завязанныхъ лентъ—символовъ семейной любви и неразрывнаго союза. Сама Селина не разъ играла этими словами, точно драгоцѣннымъ камнемъ, составлявшимъ ея резервный капиталъ, который она каждую минуту могла превратить въ звонкую монету и обезпечить себѣ счастливое будущее. Но хотя эта идея — съ ея личной точки зрѣнія—и была, очевидно, очень проста для миссисъ Беррингтонъ, но въ устахъ Лауры показалась ей почему-то нелѣпой, и она съ состраданіемъ улыбнулась.

— Ты бѣдная невинная дурочка, скажу тебѣ. Ліонель такъ же способенъ развестись со мной,—даже еслибы я была послѣдняя изъ женщинъ,—какъ написать передовую статью въ „Times“.

— Я этого не знаю.

— Я это и вижу... а также вижу, что у тебя глаза, должно быть, крѣпко завязаны. Угодно тебѣ знать немногія изъ причинъ —Боже избави, чтобы я стала излагать тебѣ ихъ всѣ: ихъ цѣлые милліоны!—почему у него руки связаны?

— Нисколько.

— Угодно тебѣ знать, что его собственная жизнь слишкомъ низка, чтобы ее высказать словами, и что наглость его отзывовъ

обо мнѣ была бы омерзительна, еслибы не была забавна. Угодно, чтобы я сказала тебѣ, до какой грязи онъ дошелъ... и очаровательную исторію его отношеній съ...

— Нѣтъ, я не желаю слушать ничего подобнаго,—перебила Лаура.—Тѣмъ болѣе, что тебя такъ огорчила вольность моихъ намековъ.

— Ты, значитъ, слушаешь его, но не желаешь выслушать меня!

— О! Селина, Селина!—почти закричала дѣвушка, отворачиваясь отъ сестры.

— Гдѣ же были твои глаза или твои уши и твоя наблюдательность? Ты, кажется, достаточно умна, когда хочешь!—продолжала съ насмѣшкой м-съ Беррингтонъ. — Ну, а теперь ты позволишь, надѣюсь, мнѣ вернуться къ исполненію моихъ обязанностей? Вѣдь карета дожидается меня.

Лаура повернулась къ ней и взяла ее за руку въ то время, какъ она проходила въ дверяхъ.

— Поклянись... поклянись всѣмъ, что̀ есть священнаго...

— Въ чемъ я должна клясться?

И Лаурѣ показалось, что Селина поблѣднѣла.

— Въ томъ, что ты въ глаза не видѣла капитана Криспина въ Парижѣ.

М-съ Беррингтонъ колебалась, но только одну секунду.

— Ты, право, нестерпима, но такъ какъ ты меня защиплешь до смерти, то я поклянусь хотя бы для того, чтобы ты оставила меня въ покоѣ. Я въ глаза его не видѣла.

— Клянись памятью отца и матери!—настаивала неумолимая Лаура.

— Клянусь памятью отца и матери... и всѣми другими членами нашей фамиліи, если угодно!—отвѣчала м-съ Беррингтонъ.

Лаура выпустила ее; она не щипала сестру, какъ та увѣряла, но крѣпко держала обѣими руками. Отворяя дверь, Селина спросила другимъ голосомъ:

— Полагаю, безполезно приглашать тебя съ собой въ Плашъ?

— Нѣтъ, благодарю тебя, я не расположена туда ѣхать... я пойду гулять.

— Я заключаю изъ этого, что твой другъ, лэди Давенантъ, уже уѣхала.

— Нѣтъ, она еще тамъ.

— Какая скука!—воскликнула Селина, исчезая.

VI.

Лаура Уингъ поспѣшила къ себѣ въ комнату, чтобы переодѣться для прогулки; но, придя къ себѣ, упала на колѣни около кровати и спрятала голову въ подушки; она долго оставалась въ такомъ положеніи, не находя въ себѣ мужества поднять голову и снова поглядѣть на Божій свѣтъ. Ей казалось, что она замѣшана въ какой-то подозрительной сдѣлкѣ, и, странно сказать, она стыдилась не только сестры, но и самой себя. Она не повѣрила сестрѣ; она знала, что Селина солгала. Это-то всего хуже терзало молодую дѣвушку. Еслибы сестра стала оправдываться, объясняться, постаралась смягчить свою вину, все было бы лучше, но теперь оставалось признать, что она—дурная женщина, потому что бездушная. У нея мѣдный лобъ. И она могла составлять планы и вести свои разсчеты, могла поѣхать къ старухѣ Беррингтонъ, потому что этимъ какъ бы заметала свои слѣды и доказывала людямъ, что у нея чистая совѣсть.

Слуга пришелъ и постучалъ въ дверь, докладывая, что чай готовъ. Лаура спросила, кто внизу (она слышала, какъ вскорѣ послѣ отъѣзда Селины подъѣхалъ какой-то другой экипажъ), и узнала, что Ліонель вернулся. Услышавъ это извѣстіе, она велѣла подать себѣ чаю въ комнату и рѣшила, что не пойдетъ внизъ обѣдать. Когда наступилъ часъ обѣда, она послала сказать, что у нея болитъ голова и что она ляжетъ въ постель.

Она раздумывала: придетъ ли къ ней Селина (сестра имѣла удивительную способность тотчасъ же забывать о непріятностяхъ), но ея страстное желаніе, чтобы та не приходила, было исполнено. Въ самомъ дѣлѣ, Селинѣ приходилось теперь свидѣться съ мужемъ, и Лаура изо всѣхъ силъ прислушивалась, съ тѣхъ поръ, какъ узнала, что зять дома, не услышитъ ли какихъ-нибудь признаковъ ссоры, громкихъ криковъ, брани. Уже отъ одного ожиданія ужасной сцены она осталась бы въ своей комнатѣ, еслибъ даже и не была дѣйствительно нездорова. Если она не ложилась въ постель, то потому только, что не знала, чего ждать. Сама она была крайне возбуждена; дѣла, по ея мнѣнію, приняли такой оборотъ, что ей необходимо принять какое-нибудь рѣшеніе относительно собственной персоны. Она не зажигала свѣчей и сидѣла у камина. Сколько она ни думала, ей предстояло повидимому одно: спасаться бѣгствомъ.

Мы скажемъ тутъ же, что Лаура Уингъ никуда не убѣжала, и хотя это обстоятельство обличаетъ нерѣшительность характера

нашей героини, но мы должны сказать также, что она даже не приняла никакого рѣшенія насчетъ дальнѣйшаго образа дѣйствій. Она не могла при этомъ успокаивать себя мыслью, что остается, чтобы удерживать сестру на стезѣ добродѣтели. Надежды, которыя она было питала на этотъ счетъ, разсѣялись. У нея не оставалось больше никакихъ иллюзій насчетъ сестры.

На слѣдующее утро послѣ того достопамятнаго дня, когда у Лауры было объясненіе съ сестрой, Лаура, къ великому своему удивленію, увидѣла, что ничто въ домѣ не измѣнилось, кромѣ того, что теперь Селина узнала, что мужъ и сестра безусловно ее подозрѣваютъ. Такъ какъ это обстоятельство не оказало ни малѣйшаго устрашающаго дѣйствія на м-съ Беррингтонъ, то увѣщанія Лауры оказались излишними. Каково бы ни было объясненіе Ліонеля съ женой, но онъ ничего больше не говорилъ Лаурѣ: онъ предоставилъ ей полную свободу думать какъ ей угодно о томъ вопросѣ, который онъ такъ внезапно освѣтилъ передъ ней. Характеристичнымъ для его добраго сердца было то, что онъ вдругъ сообразилъ, что разговоръ, можетъ быть, ей не понравился, и, чтобы загладить свою вину, онъ предоставилъ ей пользоваться сѣрыми пони, когда ей вздумается, желая, чтобы она оправилась отъ тяжелаго впечатлѣнія и изгнала непріятный эпизодъ изъ памяти.

Лаура дѣйствительно часто приказывала закладывать пони и ѣздила кататься. Она посѣщала бѣдныхъ и всегда брала съ собой при этомъ одну изъ краснощекихъ дочерей сельскаго священника. Замокъ былъ теперь постоянно полонъ гостей, когда сами хозяева не уѣзжали куда-нибудь въ гости. Иногда (почти всегда, когда ее приглашали) Лаура сопровождала сестру и разъ или два самостоятельно ѣздила въ гости. Селина часто говорила, что желала бы, чтобы сестра завела собственный кругъ знакомыхъ, и Лаура желала теперь показать, что онъ у нея есть. Она ни на что не рѣшалась, старалась ни о чемъ не думать и, закрывъ глаза, плыть по теченію, закаляя, какъ ей казалось, свое сердце. Наступало время, когда они всѣ должны были переѣхать въ Лондонъ, а тамъ жизнь пойдетъ еще проще и стѣсненія будетъ еще меньше.

Неизвѣстно, что̀ говорилъ Ліонель женѣ въ тотъ вечеръ, но Селина нашла, очевидно, способъ заткнуть ему ротъ: это Лаура видѣла не столько потому, чтобы онъ самъ измѣнился сколько-нибудь въ лицѣ и манерѣ себя держать, но потому, что Селина держала себя величественнѣе, чѣмъ когда-либо. Она была красивѣе, изящнѣе, наряднѣе, чѣмъ когда-либо; талія была еще

тоньше, плечи непринужденнѣе, чѣмъ когда-либо, откинуты назадъ, а прижатые къ таліи локти обнаруживали красоту рукъ. Она носилась, порхала съ невозмутимой ясностью души женщины, довольной собой и своимъ туалетомъ.

Но всего удивительнѣе была способность Селины оправляться отъ ударовъ и презирать обвиненія. Она цѣловала Лауру попрежнему и обсуждала вопросы, какъ лучше убрать обѣденный столъ цвѣтами, такъ серьезно и спокойно, какъ будто бы между ними никогда и рѣчи не было о капитанѣ Криспинѣ. Но лэди Рингрозъ появилась на горизонтѣ; она пріѣзжала два раза въ отсутствіе Ліонеля.

Къ удивленію Лауры, она оказалась вовсе не той Іезавелью, какую она ожидала, а умной женщиной, небольшого роста, съ пенснѐ на носу и коротко остриженными волосами, читавшей Лёкки и давшей Лаурѣ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ насчетъ акварельной живописи. Все это ободрило Лауру, которая находила теперь, что всего лучше будетъ постараться вѣрить въ то, что и люди, окружающіе ее, и положеніе дѣлъ вообще не такъ худы, какъ она думала.

А. Э.

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА

въ

ПАРИЖѢ.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ *).

I.

Конецъ прошлаго вѣка ознаменовался не одними только великими политическими событіями: въ умственной и экономической жизни образованнаго міра, послѣ длиннаго, болѣе чѣмъ вѣкового, періода броженія, совершились событія не менѣе крупныя, не менѣе сильно отразившіяся на общемъ ходѣ развитія человѣческихъ обществъ. Исторія врядъ ли даже можетъ указать на другое совпаденіе цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ во всѣхъ сферахъ умственной дѣятельности съ крупными перемѣнами въ соціально-политической жизни, какимъ завершился XVIII-й вѣкъ.

Сто лѣтъ тому назадъ Лавоазье положилъ начало новѣйшей химіи введеніемъ въ нее методовъ анализа и синтеза; англичанинъ Уатъ (Watt), послѣ упорныхъ трудовъ, длившихся болѣе 15 лѣтъ, придалъ (1785) изобрѣтенной имъ паровой машинѣ тотъ окончательный видъ, который она въ главнѣйшихъ чертахъ сохранила до сихъ поръ безъ измѣненія. Около того же времени Жуффроа, во Франціи, и Рамсэ, въ Америкѣ, произвели первыя удачныя попытки примѣненія пара къ рѣчному судоходству, и тогда же положено было начало первымъ паровозамъ. Сто

---

*) См. выше: іюль, 354 стр.

лѣтъ Гальвани и Вольтъ производили свои первые опыты и огласили весь ученый міръ достопамятнымъ споромъ о происхожденіи „гальваническаго электричества". Споръ тогда остался нерѣшеннымъ окончательно; онъ еще и теперь не рѣшенъ. Долгое время теорія Вольта была въ загонѣ, къ ней вернулись только недавно, но знаменитый диспутъ имѣлъ послѣдствіемъ изобрѣтеніе прибора—вольтова столба,—которымъ было положено начало не только новой наукѣ, но цѣлому ряду великихъ открытій и изобрѣтеній, еще далеко не исчерпанныхъ. Сто лѣтъ тому назадъ Монжъ создалъ начертательную геометрію; Лапласъ привелъ въ систему всю небесную механику и изложилъ свою знаменитую теорію мірозданія, а Ламаркъ положилъ основаніе трансформизму, имѣвшему рѣшающее вліяніе на развитіе и направленіе не только естественныхъ, но и всѣхъ соціальныхъ наукъ. Нашему вѣку оставалось только развивать и усовершенствовать то, что было создано концомъ прошлаго вѣка.

Франція, празднуя выставкой свое соціально-политическое обновленіе, имѣла бы право сказать, что она въ то же время чествуетъ столѣтній юбилей расцвѣта мысли, начало ея блестящихъ успѣховъ, которые осуществились въ нашемъ вѣкѣ; а машинная галерея (или „Palais des machines", т.-е. дворецъ машинъ, какъ она называется оффиціально, согласно красующейся на ней надписи), въ которой собрано все, что человѣкъ изобрѣлъ для облегченія труда, для улучшенія условій жизни, для ускоренія сообщеній,—всѣ тѣ орудія, которыми онъ поборолъ силы природы, имъ же открытыя и изслѣдованныя, научившись направлять ихъ по своей волѣ и заставлять ихъ дѣйствовать въ свою пользу,—эта галерея является самымъ вѣрнымъ отраженіемъ нашего вѣка великихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій, самымъ лучшимъ памятникомъ, хотя и кратковременнымъ, но вполнѣ достойнымъ той великой эпохи, которую выставка знаменуетъ. Когда вы входите въ это необъятное зданіе, васъ совершенно ошеломляетъ шумъ всѣхъ двигателей и стукъ всѣхъ рабочихъ машинъ, а въ глазахъ начинаетъ рябить при видѣ всѣхъ вращающихся валовъ, блоковъ и маховыхъ колесъ. Отъ одиннадцати часовъ утра и до пяти вечера всѣ машины въ ходу, и бо́льшая часть работаетъ. Любознательному человѣку нѣсколько визитовъ въ машинной галереѣ могутъ замѣнить осмотръ множества заводовъ. Тутъ можно видѣть всѣ механическія операціи, которымъ подвергается писчая бумага, всѣ превращенія, которыя претерпѣваютъ шолкъ, шерсть, хлопчатая бумага, когда изъ сырого матеріала—изъ кокона или хлопка—послѣ цѣлаго ряда манипуляцій изготовляется самая тонкая матерія. А рабочимъ машинамъ, самымъ разнообразнымъ станкамъ для обрабатыванія металловъ и дерева, тутъ нѣтъ числа.

О послѣднихъ намъ много говорить не приходится: здѣсь не мѣсто для подробнаго описанія ихъ конструкцій. Мы можемъ сказать, что въ настоящее время нѣтъ почти работы, которой бы нельзя было произвести при помощи машины; многіе конструкторы теперь въ поискахъ за задачами, на которыя требуются машины.

Надъ всѣми рабочими механизмами господствуетъ двигатель, безъ котораго многіе изъ нихъ вѣроятно не существовали бы. Какой бы онъ ни былъ, гидравлическій, вѣтряной или термическій (паровой, газовый или воздушный), онъ всегда является посредникомъ между силой природы и совершаемой ею въ пользу человѣка работою. Вѣтеръ и паденіе воды—силы, такъ сказать, первобытныя: ихъ человѣкъ находитъ готовыми въ природѣ—ему остается только ихъ направлять. Съ теченіемъ времени онъ дошелъ до того, что сталъ самъ создавать полезныя силы, — вѣрнѣе, превращать силы однѣ въ другія, — открывъ упругость пара, электричества и магнетизма.

II.

Паровая машина, помимо того громаднаго экономическаго переворота, со всѣми его политическими послѣдствіями, который вызвали ея широкое примѣненіе во всѣхъ отрасляхъ промышленности и ея приспособленіе къ передвиженію на водѣ и на сушѣ, была исходнымъ пунктомъ безпримѣрнаго, можетъ быть, въ исторіи наукъ умственнаго движенія, которое привело къ познанію основныхъ соотношеній между силами природы и тѣхъ началъ, которыми управляются ихъ разнообразныя проявленія.

Изобрѣтатели паровой машины, начиная отъ Ворчестера, Савери, Папэна и кончая Уатомъ [1]), трудились въ теченіе болѣе ста лѣтъ преслѣдуя исключительно свою цѣль — воспользоваться силой пара, его упругостью, для производства работы, главнымъ образомъ — для подъема воды на высоту, для извлеченія воды изъ шахтъ. Рядомъ съ изобрѣтателями философы и физики строили гипотезы о природѣ

[1]) Чтобы не входить ни въ какія техническія подробности, мы напомнимъ здѣсь только, что въ каждой паровой машинѣ, сильно нагрѣтой, паръ входитъ въ цилиндръ, гдѣ, благодаря своей упругости, онъ давитъ на поршень и приводитъ его въ движеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ паръ, толкая впередъ поршень, расширяется и нѣсколько охлаждается. Въ это время часть теплоты превращается въ работу. Охлажденный паръ изъ цилиндра идетъ въ холодильникъ и тамъ сгущается въ воду. Въ локомотивахъ и небольшихъ паровыхъ машинахъ холодильникомъ служитъ атмосфера: отработавшій паръ пускается въ воздухъ черезъ трубу вмѣстѣ съ дымомъ.

тепла. Въ концѣ XVIII вѣка нѣкоторые физики смотрѣли, правда, на теплоту какъ на особаго рода движеніе, но въ то время гипотетическія жидкости были въ большой модѣ, и теплота была включена въ число такихъ жидкостей и фигурировала въ трактатахъ химіи рядомъ съ газами: по господствовавшей тогда теоріи Флогистона, на теплоту, сопровождающую химическія реакціи, смотрѣли какъ на выдѣляющійся въ реакціи газъ. При такихъ взглядахъ на теплоту появилась паровая машина Уата. Въ отношеніи экономіи топлива она оказалась несравненно выше существовавшихъ тогда машинъ Ньюкомэна. Для современниковъ Уата и даже для его непосредственныхъ преемниковъ источникомъ силы машины была, какъ тогда говорили, „двигательная сила огня", и явился вопросъ о томъ, есть ли предѣлъ этой „двигательной силѣ огня". Многіе не прочь были допустить, что при подходящей машинѣ окажется возможнымъ произвести безконечное количество работы посредствомъ ограниченнаго количества топлива.

Между учеными, занимавшимися теоретической стороной паровыхъ машинъ, былъ тогда одинъ молодой инженеръ Сади-Карно—дядя нынѣшняго президента французской республики, сынъ знаменитаго генерала и военнаго министра первой республики. Ему было 28 лѣтъ, когда онъ въ 1824 году напечаталъ небольшой мемуаръ (въ 65 стр.) подъ заглавіемъ: „Размышленія о двигательной силѣ огня, и о машинахъ, способныхъ развить эту силу". Этимъ трудомъ онъ положилъ начало новой наукѣ—„термодинамикѣ", — которая въ наше время оказала громадное вліяніе на развитіе всѣхъ физическихъ наукъ.

Сади-Карно посмотрѣлъ на термическія машины (machines à feu) съ самой общей точки зрѣнія: не специфируя среды, помощью которой теплота производитъ работу, т.-е. будетъ ли это водяной, алкогольный или эѳирный паръ, или какой-нибудь нагрѣтый газъ, онъ ставитъ задачу о соотношеніяхъ между теплотой и производимой ею механической работой и задаетъ себѣ такой вопросъ: при какихъ условіяхъ данное количество теплоты можетъ произвести максимумъ работы.

Для рѣшенія этого вопроса онъ опирается на принципъ, который самъ формулируетъ здѣсь въ первый разъ, и который въ термодинамикѣ извѣстенъ подъ именемъ „принципа Карно" или „второго начала": „теплота можетъ произвести работу только тамъ, гдѣ имѣются двѣ разныя температуры"—другими словами, въ каждой термической машинѣ должны быть два источника — одинъ при высшей, другой при низшей температурѣ; въ паровой машинѣ, напр., имѣется паровикъ и холодильникъ. „Чтобы произвести работу,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—недостаточно располагать только теплотой, нужно

еще располагать холодомъ; безъ него теплота была бы безъ пользы". Исходя изъ этого повидимому чрезвычайно простого положенія, онъ, путемъ строгихъ, необыкновенно ясныхъ разсужденій, доходитъ до того заключенія, что въ самой идеальной машинѣ,—т.-е. такой, гдѣ бы не было *никакихъ* потерь теплоты,—максимумъ работы, который можетъ доставить единица теплоты, зависитъ не отъ природы работающей среды, т.-е. пара или газа, а исключительно только отъ крайнихъ температуръ, между которыми она работаетъ. Сравнивая паровую машину съ гидравлическимъ двигателемъ, напр. водяной мельницей, Карно устанавливаетъ между ними такую аналогію: подобно тому какъ въ водяной машинѣ работа, доставляемая каждымъ килограммомъ воды, зависитъ отъ высоты ея паденія, отъ разности уровня воды въ верхнемъ и нижнемъ резервуарѣ, такъ въ паровой или вообще термической машинѣ работа, доставляемая единицей теплоты, зависитъ отъ того, чтó можно назвать высотой ея паденія", т.-е. отъ разности уровня температуръ паровика и холодильника,— резервуаровъ, между которыми теплота падаетъ.

Этотъ выводъ изъ своего начала Карно провѣрилъ и подтвердилъ вычисленіями на основаніи существовавшихъ тогда опытовъ [1]).

Работа Карно, несмотря на ея высокій интересъ и на важныя практическія и теоретическія послѣдствія, къ которымъ вело его основное начало, прошла почти незамѣченной: никто въ то время не понялъ ея значенія и о ней совершенно забыли. Извлекъ ее изъ забытья—не къ хвалѣ французскимъ ученымъ будь сказано — даже не французъ, а англичанинъ—знаменитый современный физикъ, сэръ Уильямъ Томсонъ, черезъ двадцать-четыре года послѣ ея появленія (въ 1848 г.). Въ сороковыхъ годахъ физики всѣхъ странъ были заняты вопросомъ о превращеніи работы въ теплоту. Самаго факта

[1]) Интересно то, что Карно въ своемъ мемуарѣ держится гипотезы матеріальности теплоты,—онъ смотритъ на нее, какъ на нѣчто неразрушаемое, какъ на матерію,—но разсужденія свои онъ къ счастью ведетъ такъ, что они независимы отъ гипотезы о природѣ теплоты,—гипотеза тутъ какъ бы для красоты рѣчи. Карно смотритъ на дѣло какъ инженеръ: его интересуетъ только вопросъ—можно ли даннымъ количествомъ топлива произвести конечную или безконечную работу. И на этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ вышеуказаннымъ закономъ, провѣреннымъ опытомъ. Очевидно, тутъ совершенно безразлично знать, чтó дѣлается съ теплотою, которая доставляетъ работу: разрушается ли она, превращаясь въ работу, или, какъ думаетъ авторъ мемуара, она только переливается, переносится изъ паровика въ холодильникъ, мѣняя температуру, но не разрушаясь. Благодаря этой независимости закона отъ гипотезы, послѣдній и самое начало, на которое опирался Карно, остались непоколебленными, несмотря на то, что гипотеза сама впослѣдствіи оказалась невѣрной. Въ изданныхъ недавно его замѣткахъ видно, что онъ самъ дошелъ до убѣжденія, что теплота есть родъ движенія, и что она превращается въ работу. Онъ даже вычислилъ механическій эквивалентъ тепла.

превращенія уже никто не отрицалъ — оно было доказано еще въ началѣ вѣка опытами Румфорда и Дэви,—теперь стремились опредѣлить количественное отношеніе между работою и получаемой ея разрушеніемъ теплотою,—то, что мы называемъ теперь механическимъ эквивалентомъ тепла. И пока въ Англіи и Даніи Джуль, Кольдингъ изучали превращеніе работы въ теплоту и этимъ путемъ опредѣляли названный эквивалентъ, французы—Сэгенъ и особенно Гирнъ—занимались, наоборотъ, превращеніемъ теплоты въ работу — они показали на опытѣ, что въ каждой паровой машинѣ часть теплоты, вышедшей съ паромъ изъ паровика, исчезаетъ, превращаясь въ работу [1]). Почти одновременно съ этими работами, появился (въ 1847 г.) знаменитый мемуаръ Гельмгольца „о сохраненіи энергіи“, въ которомъ авторъ формулировалъ общій принципъ сохраненія энергіи въ природѣ, распространивъ „принципъ эквивалентности“ теплоты и механической работы на электричество и химическія реакціи.

На этихъ двухъ принципахъ—„принципѣ Карно“ (необходимость паденія теплоты для превращенія ея въ работу) и „принципѣ эквивалентности“ (или болѣе общемъ—„сохраненіи энергіи“), лежащихъ въ основѣ новой науки—термодинамики, въ настоящее время зиждутся всѣ физическія науки—вѣрнѣе, всѣ опытныя науки. Эти принципы ихъ обобщаютъ, даютъ имъ возможность предвидѣть заранѣе новыя явленія и новые законы и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ для нихъ какъ бы пробными камнями: всякое сужденіе, противное одному изъ этихъ принциповъ—ложно.

Въ образованномъ обществѣ принципъ сохраненія энергіи гораздо болѣе популяризированъ, чѣмъ принципъ Карно, и не только въ обществѣ, но даже въ нѣкоторыхъ наукахъ еще держатся взгляды, прямо ему противорѣчащіе. Напр., до сихъ поръ, во всякомъ случаѣ до послѣдняго времени, многіе физіологи смотрѣли на нашъ организмъ какъ на термическую машину, въ которой мускульная работа совершается на счетъ животной теплоты, — другими словами, наши мускулы, по мнѣнію этихъ физіологовъ, представляютъ такіе двигатели, которые способны непосредственно превращать теплоту въ работу, очевидно, безъ *паденія теплоты*, такъ какъ наши мускулы во время работы не только не охлаждаются, а, напротивъ, температура ихъ увеличивается, и во всякомъ случаѣ сохраняютъ во всей своей массѣ одну и ту же температуру. Еслибы оно было такъ, то принципъ Карно, по которому теплота можетъ превратиться въ работу только подъ условіемъ паденія теплоты съ высшей температуры на

[1]) Доказать этотъ фактъ было очень важно, такъ какъ въ то время великіе ученые допускали превращеніе работы въ теплоту, но сомнѣвались въ обратномъ переходѣ теплоты въ работу.

низшую, или перехода теплоты съ болѣе теплаго тѣла на болѣе холодное, сразу бы рушился. Поэтому гораздо вѣроятнѣе, что въ животномъ организмѣ происходитъ прямое превращеніе химической энергіи въ работу, а животная теплота есть въ нѣкоторомъ родѣ отбросокъ, служащій только для поддержанія температуры тѣла,—излишекъ химической энергіи, не превращенной въ теплоту,—въ родѣ того, какъ въ электрическомъ двигателѣ часть электричества превращается въ теплоту, которая нагрѣваетъ проводники [1]).

III.

Въ отношеніи паровой машины законъ Карно поставилъ предѣлъ ея полезному дѣйствію, показавъ, что теплота никогда не можетъ быть цѣликомъ превращена въ работу [2]). Но въ то же время онъ указалъ направленіе, въ которомъ слѣдуетъ вести усовершенствованія съ большими шансами на успѣхъ. Первымъ дѣломъ—нужно стремиться возможно болѣе увеличить разстояніе между температурами паровика и холодильника, т.-е. ввести въ цилиндръ паръ при возможно болѣе высокой температурѣ и расширить его въ цилиндрѣ до возможно болѣе низкой температуры. Но тутъ являются физическія затрудненія: увеличивая температуру пара, мы вмѣстѣ увеличиваемъ его упругость, его давленіе, которое ростетъ съ температурой очень быстро, и выше извѣстнаго предѣла становится опаснымъ для сопротивленія паровика и машины. Расширить же паръ въ цилиндрѣ дальше извѣстнаго предѣла также невозможно, такъ какъ пришлось бы давать цилиндру слишкомъ большіе размѣры; кромѣ того, во время расширенія часть пара сгущается, и въ цилиндрѣ могла бы накопляться вода, чего слѣдуетъ избѣгать. Во всѣхъ новѣйшихъ большихъ паровыхъ машинахъ паръ работаетъ послѣдовательно въ двухъ цилиндрахъ: онъ сначала подъ большимъ давленіемъ идетъ изъ паровика въ одинъ цилиндръ и, отработавши въ немъ, расширившись и потерявъ часть своей упругости переходитъ въ другой цилиндръ—малаго дав-

[1]) Эту мысль въ первый разъ высказалъ Джуль. Недавно французскій физіологъ г. Шово публиковалъ интересную работу, въ которой онъ развиваетъ ту же мысль (Revue Scientifique, № 5, 1888).

[2]) Карно самъ не опредѣлилъ точно зависимости между количествомъ превращенной въ работу теплоты и разностью температуръ; онъ только видѣлъ, что эта зависимость существуетъ, и что двѣ машины, работающія между однѣми и тѣми же температурами, производятъ одну и ту же работу, какова бы ни была работающая среда. Впослѣдствіи Клаузіусъ и Томсонъ дали точную формулу для опредѣленія того, что называютъ экономическимъ коэффиціентомъ, т.-е. части теплоты, превращенной въ работу, въ совершенной машинѣ.

ленія, но большого діаметра, и тамъ работаетъ второй разъ. (Для избѣжанія сгущенія пара въ цилиндрахъ, послѣдніе окружены паровыми муфтами.) Кромѣ того найдено выгоднымъ пропускать паръ, переходящій изъ одного цилиндра въ другой черезъ промежуточный резервуаръ, гдѣ онъ нѣсколько нагрѣвается [1]).

Въ машинной галереѣ выставлена новая машина извѣстныхъ французскихъ конструкторовъ Weyher et Richemond, съ четырьмя цилиндрами и тройнымъ расширеніемъ пара: послѣдній идетъ сначала въ одинъ цилиндръ, откуда онъ расширяется въ другой, а изъ этого, расширяясь въ третій разъ, переходитъ одновременно въ два цилиндра. Насколько мы могли замѣтить, это единственная большая машина новой конструкціи, въ которой видна новая попытка увеличить полезное дѣйствіе пара согласно принципу Карно; на дѣлѣ, однако, оказывается, что послѣднее не увеличено, вслѣдствіе потерь. Широкое распространеніе динамо-электрическихъ машинъ, благодаря быстрому развитію въ послѣднее время электрическаго освѣщенія и электрической передачи двигательной силы, породило потребность въ быстро вращающихся паровыхъ машинахъ (machines rotatives) для приведенія въ движеніе динамо-машинъ, безъ помощи передаточныхъ механизмовъ. На выставкѣ такихъ вращательныхъ машинъ очень много. Онѣ дѣлаютъ отъ 5-ти до 6-ти сотъ оборотовъ въ минуту и употребляются главнымъ образомъ на пароходахъ для электрическаго освѣщенія. Эти машины приняли большое развитіе въ послѣдніе четыре года. Трудность при ихъ постройкѣ заключалась главнымъ образомъ въ обезпеченіи хорошей смазки трущихся поверхностей. Упомянутые только-что конструкторы выставляютъ новинку ихъ конструкціи, но англійскаго изобрѣтенія (изобрѣтатель—Parsons), а именно паровую турбину. Это—паровая машина, только въ цилиндрѣ вмѣсто поршня находится рядъ турбинъ, которыя паръ приводитъ въ чрезвычайно быстрое вращеніе—отъ 10 до 18 тысячъ оборотовъ въ минуту! Машина также предназначена для вращенія динамо-машины; ихъ оси скрѣпляются такъ, что одна составляетъ продолженіе другой.

Интересную очень новинку представляетъ новая паровая машина Серполэ, предназначенная для домашняго обихода, для работы на дому и обѣщающая даже замѣнить лошадей, такъ какъ вся машина легко прилаживается къ любой повозкѣ. Изобрѣтеніе, сдѣланное года полтора тому назадъ, заключается, главнымъ образомъ, въ паровикѣ, сведенномъ къ самой простой формѣ. Это мѣдная сплющенная трубка

---

[1]) Теплота, которую паръ беретъ въ этомъ резервуарѣ, за вычетомъ потери вслѣдствіе теплопроводности стѣнъ резервуара, превращается, по теоріи, въ работу. Это подтверждается опытомъ.

съ очень толстыми стѣнками (въ два или три центиметра), такъ что просвѣтъ получается плоскій и очень узкій (отъ одного до трехъ десятыхъ миллиметровъ). Трубка свернута въ спираль (въ три—четыре оборота) и ставится въ печку, гдѣ она сильно накаливается. Одинъ ея конецъ сообщается съ небольшимъ водянымъ насосомъ, который вспрыскиваетъ въ трубку при каждомъ оборотѣ машины извѣстное количество воды, быстро превращающейся въ сухой паръ; послѣдній черезъ другой конецъ трубки переходитъ въ цилиндръ и тамъ приводитъ въ движеніе поршень. Регуляторъ, который въ обыкновенныхъ паровыхъ машинахъ регулируетъ прибыль пара въ цилиндръ, здѣсь дѣйствуетъ на насосъ, регулируя прибыль воды въ мѣдную трубку, т.-е. количество образующагося пара.

Этой машинѣ многіе обѣщаютъ большое будущее; можно только опасаться, что паровикъ съ такимъ узкимъ просвѣтомъ засорится твердыми осадками воды. Правда, изобрѣтатель увѣряетъ, что паръ образуется и вылетаетъ такъ быстро, что твердыя вещества уносятся имъ и не успѣваютъ осаждаться.

Пока на выставкѣ фигурируютъ такія машины въ одну, полторы и три силы. Тутъ же стоитъ небольшая бричка, къ которой придѣлана одна изъ этихъ машинъ, и на дняхъ даже съ бричкой сдѣланы были опыты: она проѣхалась нѣсколько разъ по Марсову-Полю.

Вообще говоря, всѣ новѣйшія усовершенствованія въ паровой машинѣ направлены почти исключительно на приспособленіе къ тѣмъ или другимъ вновь нарождающимся практическимъ потребностямъ. Существенныя же части паровой машины, вѣроятно, важнымъ измѣненіямъ подвергаться не будутъ. Она уже дошла до того состоянія, когда всѣ системы одинаково хорошо выработаны и никакихъ одна передъ другой особенныхъ преимуществъ не представляютъ. У каждаго конструктора своя система распредѣленія пара, своя система клапановъ, свой регуляторъ, но все это теперь уже дѣло вкуса, не имѣющее особенной важности. Въ отношеніи же экономіи теплоты мы уже большихъ улучшеній паровой машины ждать не можемъ—на этомъ даже всѣ конструкторы согласны. Экономія теплоты, какъ мы знаемъ, зависитъ исключительно отъ разности между температурами пара при входѣ въ цилиндръ и выходѣ изъ него. При сопротивленіи употребляемыхъ нынѣ матеріаловъ нагрѣвать паръ выше 180° становится опаснымъ. Самыя лучшія современныя машины, работающія при высокихъ давленіяхъ (между 170° и 90° градусами) могли бы, еслибы онѣ были *теоретически совершенны*, т.-е. еслибы не было *никакихъ* потерь, превратить въ работу 20% теплоты, внесенной паромъ изъ паровика въ цилиндръ. Но экономія теплоты не зависитъ только отъ одной машины,—она зависитъ еще въ значительной мѣрѣ отъ

паровика, въ которомъ водяной паръ образуется на счетъ теплоты горѣнія топлива. Въ каждомъ паровикѣ часть теплоты теряется, уносится газами, которые выдѣляются при горѣніи. Въ лучшихъ современныхъ паровикахъ, которые врядъ ли будутъ еще усовершенствованы, утилизируется для испаренія воды *въ лучшемъ случаѣ* 80% теплоты горѣнія топлива. Обыкновенно же въ нихъ утилизируется не больше 70%. И лучшія современныя паровыя машины, употребляющіяся на большихъ пароходахъ, требуютъ 900 граммовъ угля на каждую паровую лошадь; онѣ превращаютъ въ работу только *десятую часть* теплоты горѣнія угля. Девять-десятыхъ этой теплоты теряется совершенно даромъ, пускается на вѣтеръ. И это еще въ лучшихъ машинахъ.

Теоретически было бы выгодно замѣнить паръ воздухомъ, который можно нагрѣвать до очень высокихъ температуръ, не увеличивая черезъ мѣру его упругости [1]). Но на практикѣ еще до сихъ поръ хорошихъ воздушныхъ машинъ, сколько ни пытались, осуществить не удалось, главнымъ образомъ потому, что всѣ металлы въ соприкосновеніи съ сильно нагрѣтымъ воздухомъ окисляются и сгараютъ. Правда, на выставкѣ имѣются воздушныя машины. Онѣ были бы чрезвычайно удобны, такъ какъ онѣ не нуждаются въ паровикѣ,— воздухъ всасывается изъ атмосферы прямо и нагрѣвается въ машинѣ. Но указанная только-что причина вѣроятно помѣшаетъ ихъ распространенію. А между тѣмъ заботиться объ экономической тратѣ топлива слѣдуетъ всегда,—въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ заставитъ необходимость.

IV.

Законъ сохраненія энергіи показалъ намъ экономію природы въ ея настоящемъ видѣ и далъ намъ возможность добраться до источниковъ существующей на нашей планетѣ энергіи и опредѣлить, такъ сказать, наше собственное имущество. Оказалось, что первоначальной, міровой, космической энергіи, той, которую она сохранила со времени ея образованія, и годной для нашихъ практическихъ цѣлей, очень мало,—всего нѣсколько самородныхъ металловъ, въ количествѣ сравнительно крайне ограниченномъ. Главная же масса нашей земли состоитъ изъ веществъ давно окисленныхъ, давно сгорѣвшихъ, давно потерявшихъ всю свою энергію, всякую возможность произ-

[1]) Такъ, упругость воздуха равняется двумъ атмосферамъ, т.-е. удвоивается, когда его нагрѣваютъ до 273°; насыщенный паръ при такой температурѣ вѣроятно взорвалъ бы паровой котелъ.

водить работу. Въ этомъ отношеніи нашъ земной шаръ изображаетъ собою шаръ пепла, изъ котораго мы, правда, можемъ возстановить нѣкоторыя тѣла въ ихъ прежнемъ видѣ, до ихъ сожженія, но подъ условіемъ затраты энергіи—тепловой или электрической. Такое же возстановленіе въ гигантскихъ размѣрахъ совершаетъ каждую секунду главный источникъ энергіи, работы и жизни на землѣ—наше солнце. Каждый его лучъ несетъ и свѣтъ, и теплоту, и ту живую силу, которая возвращаетъ сгорѣвшему углероду (углю) способность снова горѣть, выдѣляя его въ органахъ растеній изъ инертной, безжизненной углекислоты воздуха, отлагая его тамъ въ формѣ соединеній съ другимъ сильно горючимъ газомъ—водородомъ—и возвращая вмѣстѣ съ тѣмъ нужный животнымъ кислородъ. Лучъ солнечный поднимаетъ въ видѣ пара воду изъ всѣхъ ея хранилищъ и порождаемымъ имъ же вѣтромъ переноситъ ее на вершины горъ, сообщая ей способность падать и при паденіи порождать энергію и работу. Въ давно минувшія времена, въ допотопные геологическіе періоды лучъ солнечный въ теченіе многихъ тысячелѣтій истощалъ свою силу на выдѣленіе углерода изъ углекислоты, на сообщеніе ему того, чего онъ былъ лишенъ — способности грѣть, и углеродъ накоплялся въ стволахъ гигантскихъ деревьевъ, росшихъ обширнѣйшими лѣсами,—свести ихъ было некому,—и легъ громадными залежами, когда послѣ сильныхъ катаклизмовъ лицо земли измѣнилось.

Залежи каменнаго угля вмѣстѣ съ живущею еще растительностью и составляютъ все топливо, которымъ человѣкъ располагаетъ: имъ онъ грѣется, освѣщается, имъ онъ возстановляетъ изъ соединеній всѣ необходимые ему металлы: желѣзо, цинкъ, олово, мѣдь; имъ онъ приводитъ въ движеніе свои многочисленныя термическія машины. И всякій разъ, когда уголь горитъ, тратится часть той живой силы, той энергіи, которую вложилъ въ него солнечный лучъ.

Есть на землѣ еще одинъ—третій источникъ энергіи — лунное притяженіе воды океана,—лунный приливъ и отливъ. Еслибы когданибудь человѣку удалось воспользоваться силой этой громадной волны прилива, катящейся по всему океану, слѣдуя за луной, онъ превращалъ бы въ работу энергію, вытекающую изъ тяготѣнія воды къ лунѣ. Но пока объ этомъ источникѣ силы можно только мечтать, попытокъ къ воспользованію имъ еще долго не будетъ, если допустить, что онѣ вообще когда-нибудь послѣдуютъ.

Пока у насъ имѣется топливо въ изобиліи — паръ царствуетъ вездѣ, и на сушѣ, и на морѣ, и человѣкъ тратитъ это топливо безпощадно. Въ паровой машинѣ онъ пускаетъ на вѣтеръ болѣе девяти десятыхъ добытаго тепла; но производство двигательной силы еще не составляетъ главнаго потребленія угля—на выплавку и обработку

металловъ его уходитъ гораздо больше. И тутъ онъ истребляется еще менѣе экономично, чѣмъ въ паровой машинѣ; при плавленіи стали металлъ поглощаетъ едва только двадцатую часть теплоты, выдѣленной горѣніемъ топлива.

Является теперь вопросъ: насколько времени хватитъ этихъ запасовъ солнечной энергіи въ видѣ каменнаго угля и древесныхъ стволовъ при ежегодно возрастающей тратѣ топлива? Что эти запасы истощатся—въ этомъ никакого сомнѣнія быть не можетъ. Въ настоящее время количество каменнаго угля, которое извлекается изъ земли, уже перешло за четыреста милліоновъ тоннъ, пока оно ежегодно ростетъ, такъ какъ потребность на него увеличивается. Правда, до сихъ поръ существующія залежи еще далеко не истощены, а во многихъ странахъ ежегодно открываются новыя залежи, такъ что близкой опасности не предвидится. Но такъ какъ новаго образованія каменнаго угля не происходитъ, то ясно, что еслибы бо̀льшая часть земного шара состояла изъ каменнаго угля, его хватило бы, при постоянно возрастающей тратѣ, только на конечное число лѣтъ. Въ Англіи еще въ 1871 году вычислено было, что англійскихъ залежей можетъ хватить на 250 лѣтъ. Но вѣроятно гораздо раньше этого крайняго срока добыча угля будетъ уменьшаться чувствительнымъ образомъ. Разсчитывать на лѣса врядъ ли возможно,—тутъ человѣкъ можетъ похвалиться тѣмъ, что онъ беретъ верхъ надъ солнцемъ,—онъ успѣваетъ опустошать лѣса раньше, чѣмъ нарождаются новые; наше отечество кое-что объ этомъ знаетъ.

Итакъ, рано или поздно человѣчеству волей-неволей придется обратиться за двигательной силой къ другимъ формамъ солнечной энергіи—къ паденію воды въ рѣкахъ, къ вѣтру, или, можетъ быть, даже къ приливу и отливу.

V.

Открытіе Фарэдеемъ индуктивныхъ токовъ вызвало изобрѣтеніе цѣлаго ряда электро-магнитныхъ машинъ, въ которыхъ электрическій токъ развивается на-счетъ механической работы [1]). Всѣ эти машины *оборотимы*, т.-е., приводимыя въ движеніе, онѣ даютъ электри-

[1]) Въ каждой электро-магнитной машинѣ одна или нѣсколько катушекъ движутся между полюсами магнитовъ. Въ динамо-электрическихъ машинахъ сами магниты развиваются на счетъ тока машинъ, т.-е. на счетъ работы, которая тратится для приведенія машины въ движеніе,—на побѣжденіе взаимодѣйствія между магнитами и развивающимся въ катушкахъ токомъ; это взаимодѣйствіе всегда такого рода, что магниты сопротивляются движенію катушекъ.

ческій токъ, а при пропускѣ по ихъ катушкамъ тока онѣ приходятъ въ движеніе, которымъ можно воспользоваться для исполненія механической работы: онѣ превращаютъ электрическую энергію въ работу. Такимъ образомъ каждая электро-магнитная машина можетъ быть электрическимъ двигателемъ.

Самымъ важнымъ послѣдствіемъ открытія Фарэдея и вызванныхъ имъ изобрѣтеній является возможность передавать двигательную силу на большія разстоянія при помощи электрическаго тока—по металлическимъ проводникамъ. Въ самомъ дѣлѣ двѣ электро-магнитныя машины, соединенныя проводниками, составляютъ систему, помощью которой можно передать двигательную силу. Достаточно одну изъ нихъ привести въ движеніе—въ ней разовьется электрическій токъ, который направится по проводникамъ въ другую машину и приведетъ ее въ движеніе. Разстояніе между машинами въ теоріи можетъ быть какое угодно. Если первая машина приводится въ движеніе водою или вѣтромъ, то сила воды (водопада) или вѣтра будетъ передана на разстояніе безъ всякихъ передаточныхъ механизмовъ, по простой мѣдной проволокѣ.

Вопросъ, однако, перешелъ въ область практики только въ 1870 году, съ изобрѣтеніемъ динамо-электрической машины Грамма. Первыя машины были или слишкомъ слабы, или слишкомъ громоздки и представляли много технических трудностей, совершенно препятствовавшихъ рѣшенію вопроса о передачѣ силы на разстояніе.

На вѣнской всемірной выставкѣ сдѣланъ былъ первый практическій опытъ передачи силы на разстояніе. Инженеръ общества, эксплуатирующаго привилегію Грамма, г. Фонтэнь, передавалъ съ одного конца выставки на другой силу небольшого газоваго двигателя. Опытъ удался, и съ тѣхъ поръ вопросомъ о передачѣ силы стали заниматься, хотя сравнительно очень медленно.

Выставка 1878 г.—единственная въ своемъ родѣ по числу и великому значенію фигурировавшихъ на ней въ первый разъ изобрѣтеній, особенно въ области электричества; на этой выставкѣ въ первый разъ появился телефонъ, въ первый разъ появился фонографъ, изобрѣтенный почти наканунѣ ея открытія, и по случаю этой выставки въ первый разъ цѣлая большая улица Avenue de l'Opéra была освѣщена электрическимъ свѣтомъ—системы г. Яблочкова.

Эти три событія,—появленіе телефона, фонографа и электрическаго освѣщенія, съ такимъ блестящимъ результатомъ, какъ практическое освѣщеніе цѣлой улицы,—до того заняли всѣхъ, что на передачу силы какъ-то особеннаго вниманія не обращали. Но вопросъ, однако, подвигался впередъ. Неожиданные успѣхи электротехники, особенно же изобрѣтенія Беля и Эдиссона обратили на электричество все-

общее вниманіе. Въ обществѣ, начиная съ 1878 года, всѣ были убѣждены, что наступилъ новый вѣкъ—вѣкъ электричества. Изобрѣтенія посыпались одно за другимъ; каждый день извѣщалось о появленіи новаго телефона, новаго микрофона, новой электрической лампы, новаго элемента, новой динамо-электрической машины. Лавры нашего соотечественника г. Яблочкова, которому, благодаря содѣйствію нѣкоторыхъ весьма предпріимчивыхъ французовъ, удалось создать крупное общество электрическаго освѣщенія, впослѣдствіи не имѣвшее большого успѣха,—не давали спать изобрѣтателямъ. Каждый старался создавать для эксплуатаціи своего большею частью незначительнаго изобрѣтенія большое акціонерное общество. И обществъ, особенно электрическаго освѣщенія, въ Парижѣ и Лондонѣ дѣйствительно народилось множество. Народились они хотя съ видимою цѣлью эксплуатировать разныя привилегіи на изобрѣтенія, но на самомъ дѣлѣ цѣль тутъ была совсѣмъ иная, а именно—поспекулировать на биржѣ. Разные предпріимчивые люди, сами даже неспособные оцѣнить достоинства изобрѣтенія, увидѣли возможность эксплуатировать возбужденный въ публикѣ интересъ къ разнымъ усовершенствованіямъ въ области электричества. При такихъ условіяхъ открылась въ Парижѣ электрическая выставка 1881 года. Цѣль выставки была именно—показать спеціалистамъ и публикѣ, до чего электротехника дошла въ различныхъ своихъ отрасляхъ: въ телеграфіи, телефоніи, освѣщеніи, передачѣ силы и т. д.

По замыслу и по выполненію эта выставка съ сопровождавшими ее конгрессами ученыхъ и электриковъ, какъ спеціальная, была образцовою. Только къ послѣдствіямъ привела она такимъ, какихъ экспоненты вовсе не желали. Выяснилось, что если электричество во многихъ отрасляхъ и сдѣлало очень большіе успѣхи, то много было преувеличеннаго, особенно въ отношеніи дешевизны и удобства нѣкоторыхъ системъ освѣщенія, нѣкоторыхъ батарей и аккумуляторовъ. И результатомъ получилось то, что большинство акціонерныхъ обществъ лопнуло вскорѣ послѣ выставки, а публика стала относиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ даже къ хорошимъ изобрѣтеніямъ. Вмѣшательство биржевиковъ и спекулянтовъ въ электричество оказалось для изобрѣтателей пагубнымъ.

Передача силы на разстояніе на выставкѣ 1881 года представлена была сравнительно широко. Была электрическая желѣзная дорога системы Сименса, и затѣмъ въ первый разъ появилась система распредѣленія тока извѣстнаго французскаго инженера — Марселя Депрэ. Но въ практикѣ еще не было ни одной готовой, хорошо изученной системы.

Дѣло въ томъ, что задача далеко не такъ проста, какъ она мо-

жетъ казаться съ перваго раза. Очень легко осуществить самый опытъ передачи силы—достаточно соединить проводниками двѣ машины. Но когда требуется передавать силу, хотя бы паденія воды, промышленнымъ образомъ, а особенно, когда требуется распредѣлить силу между большимъ числомъ потребителей (передача же силы электрическимъ путемъ именно тѣмъ и интересна, что она имѣетъ въ виду распредѣленіе между мелкими потребителями, разъединеніе большихъ фабрикъ), то вопросъ сильно осложняется. Прежде всего машина, воспринимающая непосредственно двигательную силу источника, строится иначе, чѣмъ тѣ, которыя ее передаютъ. Кромѣ того является масса побочныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о регулированіи тока, въ случаѣ, еслибы не всѣ машины работали одновременно, такъ какъ пріостановка одной можетъ отозваться на всѣхъ другихъ, о счетчикѣ электрической энергіи и т. д. Ни одинъ изъ этихъ вопросовъ еще не былъ вполнѣ разрѣшенъ въ 1881 году. Не было еще даже очень большихъ машинъ для передачи большой силы.

Что вопросъ не очень простъ—можно заключить изъ того, что названный выше инженеръ г. Марсель Депрэ, весьма извѣстный нѣкоторыми очень остроумными изобрѣтеніями, провозился со своей системой передачи силы около семи лѣтъ, располагая все время крупными субсидіями отъ Ротшильдовъ, и до сихъ поръ ни до какихъ практическихъ результатовъ еще не дошелъ. Правда, другой инженеръ, названный выше Фонтэнь, осуществилъ весьма интересный опытъ передачи силы съ меньшими затратами. На нынѣшней выставкѣ вопросъ о передачѣ силы является уже почти вполнѣ рѣшеннымъ. Распредѣленіе тока можетъ уже производиться практически между потребителями, такъ чтобы они были совершенно независимы одинъ отъ другого. Нѣтъ еще хорошихъ счетчиковъ электрической энергіи. Парижскій муниципалитетъ даже объявилъ недавно конкурсъ на счетчикъ. Въ машинной галереѣ стоятъ динамо-электрическія машины, которыми можно передать до 300 паровыхъ силъ.

Самымъ выгоднымъ является передача силы воды, такъ какъ сила сама по себѣ ничего не стоитъ; нужно затратить нѣкоторую сумму, болѣе или менѣе значительную, смотря по величинѣ заведенія, на установку колеса или турбины для приведенія въ движеніе динамо-машины, на машины и на проводники. Что же до полезнаго дѣйствія такой комбинаціи, то она несравненно экономичнѣе пара. Электрическая энергія имѣетъ то громадное преимущество передъ тепломъ, что она можетъ почти цѣликомъ превращаться въ работу, —она въ этомъ отношеніи не подчиняется закону Карно [1]).

[1]) Теряется только та незначительная часть энергіи, которая поглощается сопротивленіемъ механизмовъ вслѣдствіе тренія, инерціи, и то, что уходитъ на нагрѣ-

Въ Швейцаріи, гдѣ нѣтъ каменнаго угля и гдѣ зато очень много быстрыхъ рѣкъ и водопадовъ, электрическая передача силы развивается очень быстро, и полезное дѣйствіе въ различныхъ мѣстахъ варіируетъ между 70 и 80 процентами, т.-е. можно утилизировать, превратить въ работу, при помощи электрическаго генератора (машины, поглощающей силу) и двигателя, *отъ 70 до 80* процентовъ силы источника — паденія воды,—тогда какъ паровая машина превращаетъ въ работу, въ лучшемъ случаѣ только *десятую часть* теплоты горѣнія топлива. Не говоря уже о томъ, что вода ничего не стóитъ, а топливо еще нужно добывать. Еслибы у насъ имѣлась хорошая дешевая электрическая батарея, которою можно было бы производить электрическій токъ дешево, то электрическіе двигатели давно бы вытѣснили паровые даже тамъ, гдѣ нѣтъ воды. Къ сожалѣнію, во всѣхъ имѣющихся у насъ электрическихъ элементахъ электрическій токъ получается на счетъ сгоранія (окисленія) цинка. На добываніе же каждаго килограмма цинка уходитъ по меньшей мѣрѣ 12 килограммовъ каменнаго угля, а стоитъ цинкъ въ 20 разъ дороже угля; сгарая же, цинкъ выдѣляетъ въ 10 разъ меньше тепла. Такъ что если допустить, что полезное механическое дѣйствіе электрическаго двигателя въ 5 разъ больше, чѣмъ въ паровомъ, то и тогда батарея обойдется въ 40 разъ дороже паровой машины.

Но въ большихъ городахъ является выгоднымъ передавать при помощи электричества силу не только воды, но даже пара, т.-е. является болѣе выгоднымъ распредѣлять посредствомъ электричества силу большой паровой машины между большимъ числомъ потребителей, чѣмъ устанавливать у каждаго потребителя небольшую паровую машину. И вотъ почему: въ большихъ машинахъ—въ 150 силъ, — на каждую паровую силу тратится въ часъ 1 килограммъ угля (даже нѣсколько меньше), тогда какъ въ небольшихъ машинахъ такая сила поглощаетъ по меньшей мѣрѣ 4 килограмма. Такъ что если даже передать въ конечныя станціи,—потребителямъ,—только 50% силы большой машины, то и тогда выигрывается 2 килогр. угля на каждую силу, помимо всѣхъ преимуществъ, которыя представляетъ электрическій двигатель въ отношеніи чистоты, отсутствія стука, теплоты и всякой опасности. За неимѣніемъ дешевой хорошей батареи, мы могли бы довольствоваться хорошимъ аккумуляторомъ. Аккумуляторовъ на выставкѣ много, но, по нашему мнѣнію, всѣ они еще оставляютъ желать многаго. Аккумуляторъ, собственно, та же ба-

---

ваніе проводниковъ. Послѣднее въ теоріи можетъ быть доведено почти до нуля, если взять проводникъ съ очень малымъ сопротивленіемъ, напр. очень толстую мѣдную проволоку, или если требуется передавать на небольшое разстояніе, такъ что проводникъ не длиненъ.

тарея, только батарея, которую нужно раньше *образовать* помощью электрическаго тока. Всѣ аккумуляторы, которые употребляются теперь, состоятъ изъ пластинокъ свинца, имѣющихъ форму вафель, покрытыхъ окисью свинца и погруженныхъ въ подкисленную воду. Когда между такими пластинками черезъ воду пропускается токъ, то, какъ всѣмъ извѣстно, вода разлагается: кислородъ выдѣляется на пластинкѣ, соединенной съ положительнымъ полюсомъ, окисляетъ покрывающую ее окись, превращая ее въ перекись свинца (высшій окислъ), а водородъ, выдѣляясь на другой пластинкѣ, возстановляетъ окись въ порошкообразный свинецъ. Такимъ образомъ электрическій токъ *образовалъ* батарею, въ которой одинъ полюсъ—чистый свинецъ, а другой—перекись свинца. Эта батарея даетъ очень сильный токъ, которымъ можно пользоваться, какъ двигательной силой, для электрическаго мотора. Во многихъ случаяхъ теперь уже такъ и дѣлаютъ. Напр., въ Брюсселѣ электрическій вагонъ приводится въ движеніе посредствомъ аккумуляторовъ. Кромѣ того ими часто пользуются для освѣщенія, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ неудобно устанавливать паровую машину. Въ аккумуляторѣ электрическая энергія накопляется въ видѣ продуктовъ химическаго разложенія, произведеннаго токомъ, и эту энергію онъ потомъ возвращаетъ. Конструкторы всѣ увѣряютъ, что ихъ аккумуляторы возвращаютъ до 80% тока, потраченнаго на ихъ образованіе. Допустимъ, что они возвращаютъ только 70%, и то было бы хорошо, такъ какъ заряжать ихъ можно токомъ динамо-машины, работающей на счетъ силы воды, т.-е. почти даромъ. Въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ аккумуляторамъ предстоитъ важная роль. Когда недостатокъ каменнаго угля заставитъ насъ прибѣгнуть къ электрическимъ двигателямъ, аккумуляторы, за отсутствіемъ батареи, замѣнятъ на пароходахъ паровики.

Но пока мы еще далеки отъ этого. Удобный аккумуляторъ и теперь бы могъ замѣнить паръ; но его еще остается изобрѣсть. Существующіе аккумуляторы страдаютъ, во-первыхъ, тѣмъ недостаткомъ, что они очень громоздки и, будучи изъ свинца, — очень тяжелы. Въ вагонѣ или на кораблѣ они составляютъ большую тяжесть. Но еще, можетъ быть, важнѣе то, что они современемъ портятся: окись свинца отпадаетъ отъ пластинокъ.

Вообще со времени 1881 года, когда аккумуляторы въ первый разъ появились, они сравнительно мало улучшились.

VI.

Въ Парижѣ имѣется въ виду въ скоромъ времени устроить нѣсколько центральныхъ станцій для передачи силы электрическимъ путемъ, и устроятъ это дѣло Ротшильды. Разсчитывается главнымъ образомъ на мелкихъ потребителей, на небольшихъ фабрикантовъ, на рабочихъ, работающихъ у себя дома, какихъ въ Парижѣ очень много. Вопросъ о распредѣленіи силы можетъ пріобрѣсти очень важное экономическое значеніе, если этимъ путемъ удастся разъединить большія фабрики и дать ремесленникамъ возможность производить дешево, работая на дому.

Пока электрики еще только собираются устроить въ Парижѣ центральныя станціи для электричества, городъ уже теперь снабженъ большой центральной станціей для распредѣленія силы, только не при помощи электричества, а помощью сжатаго воздуха.

Этотъ способъ передачи работы былъ предложенъ Папэномъ еще въ XVII столѣтіи, а осуществился онъ въ Парижѣ очень недавно,— всего годъ тому назадъ. Инженеръ г. Попъ, стоящій во главѣ предпріятія, давно уже, лѣтъ десять тому назадъ, основалъ въ Парижѣ „общество пневматическихъ часовъ", которое распредѣляетъ по Парижу время при помощи сжатаго воздуха. Кто былъ въ Парижѣ, тотъ видѣлъ на бульварахъ большіе часы, стоящіе посреди дороги: это пневматическіе часы, которыхъ стрѣлки приводятся въ движеніе при помощи сжатаго воздуха, идущаго съ высотъ Бельвиля, на окраинѣ города, гдѣ помѣщается центральная станція. Городскіе абоненты платятъ по 5 сантимовъ (2 копѣйки) въ день за каждый часовой механизмъ.

Года три тому назадъ названное общество рѣшило расширить свое предпріятіе и устроить распредѣленіе сжатаго воздуха по всему Парижу. Выхлопотало оно разрѣшеніе устроить по всему городу канализацію и пользоваться ею въ теченіе сорока лѣтъ, и теперь разсылаетъ по городу сжатый воздухъ, который можетъ имѣть очень много примѣненій: для подъема воды, для приведенія въ дѣйствіе подъемныхъ машинъ, для приведенія въ дѣйствіе моторовъ, для охлажденія погребовъ и т. д.

Въ Бельвилѣ устроенъ теперь обширный заводъ, въ которомъ работаютъ машины, доставляющія въ общей сложности 2 тысячи паровыхъ лошадей. Машинами сжимается ежеминутно до 6 атмосферъ 50 кубическихъ метровъ ($6^1/_2$ куб. саж.) воздуха. Общество продаетъ этотъ воздухъ въ городѣ по сантиму за кубическій метръ

(при атмосферномъ давленіи) и продаетъ двигательную силу по 20 сантимовъ (8 коп.) за паровую лошадь. Оно пользуется даже своимъ сжатымъ воздухомъ для распредѣленія электричества по городу, приводя въ движеніе динамо-машины двигателями, работающими посредствомъ сжатаго воздуха. Этимъ способомъ освѣщается теперь значительная часть парижскихъ большихъ бульваровъ, начиная отъ площади Согласія. Освѣщеніе идетъ несравненно лучше, чѣмъ на выставкѣ, и обходится городу очень дешево, по 45 сантимовъ въ часъ за большой фонарь (системы Томсонъ-Густонъ). На выставкѣ можно видѣть всю систему передачи силы помощью сжатаго воздуха. Большая машина (въ 350 лошад. силъ) сжимаетъ воздухъ и передаетъ его на нѣкоторое разстояніе ряду большихъ и маленькихъ воздушныхъ двигателей.

Въ экономическомъ отношеніи это окажетъ сильную конкурренцію электричеству, такъ какъ воздухъ, отработавшій въ двигателѣ, еще не потерянъ. Извѣстно, что газъ, расширяясь, охлаждается,—воздухъ, выходя изъ двигателя, можетъ еще служить для охлажденія, для замораживанія воды и т. д. Въ парижской коммерческой биржѣ устроены погреба, которые будутъ охлаждаться посредствомъ сжатаго воздуха. Въ нихъ будутъ сохранять съѣстные припасы, до ихъ продажи въ центральныхъ рынкахъ.

VII.

Еслибы пришлось судить объ электрическомъ освѣщеніи вообще по тому, какъ синдикатъ электриковъ освѣщаетъ выставку, то пришлось бы выразить о новомъ освѣщеніи отзывъ весьма нелестный и заявить, что электрическое освѣщеніе съ 1881 года не только не ушло впередъ, но даже пошло назадъ. Въ теченіе первыхъ шести недѣль освѣщеніе особенно нѣкоторыхъ частей парка шло совсѣмъ плохо. Лампы постоянно потухали или совсѣмъ не зажигались, свѣтъ былъ неровный, словомъ—такъ шло освѣщеніе, что сами завѣдующіе имъ не могли не сознаться въ неудачѣ. Обвиняли они все паровики, которые не даютъ достаточно давленія въ машинахъ, такъ что послѣднія не могутъ выполнить требуемой отъ нихъ работы. Публика врядъ ли обратила вниманіе на недостатки электрическаго освѣщенія парка или набережной. Свѣту такъ много, что даже отсутствіе половины лампъ можетъ пройти незамѣтнымъ. Освѣщается вечеромъ, правда, не вся выставка. На Марсовомъ-Полѣ освѣщается электричествомъ машинная галерея, центральная или тридцати-метровая

галерея (идущая отъ главнаго входа къ машинной галереѣ), портики всѣхъ дворцовъ съ кофейнями, выходящими изъ-подъ нихъ, и парки съ набережной. Эйффелева башня, — за исключеніемъ электрическаго маяка и большого прожектора, — освѣщается газомъ. Газомъ же освѣщается снаружи главный входъ съ куполомъ и затѣмъ весь дворецъ Трокадеро съ прилегающими къ нему фонтанами, водопадомъ и паркомъ. Электричествомъ освѣщается еще часть колоніальной выставки на эспланадѣ Инвалидовъ.

Все электрическое освѣщеніе, во избѣжаніе большихъ расходовъ, администрація сдала международному синдикату электриковъ, который установилъ все на свой счетъ; зато администрація, по первоначальному контракту, должна была оставить въ его пользу половину выручки за вечерній входъ (съ 6 часовъ вечера) до 3.600.000 фр., 3/10 перваго полумилліона—свыше этой суммы, 2/10 второго и 1/10 дальнѣйшей выручки. Синдикатъ открытъ былъ для всѣхъ экспонентовъ, такъ что онъ представляетъ собою коллективную выставку электрическаго освѣщенія. Каждый экспонентъ, вступавшій въ синдикатъ, обязывался устроить установку, требующую по меньшей мѣрѣ 10 паровыхъ силъ; все же освѣщеніе должно было поглотить три тысячи силъ, такъ что въ синдикатѣ было мѣсто для 300 членовъ. Синдикатъ, во главѣ котораго стоитъ извѣстный въ Парижѣ инженеръ г. Фонтэнь, устроилъ изъ себя акціонерное общество съ капиталомъ въ 300.000 фр., раздѣленныхъ на паи въ 1.000 фр. каждый, — паи разобраны всѣми членами, участвующими въ синдикатѣ.

Все электрическое освѣщеніе доставляется на выставку шестью центральными станціями, расположенными кругомъ Марсова-Поля. Все освѣщаемое пространство обнимаетъ приблизительно 300.000 квадр. метр. (75 тыс. кв. саж.), и освѣщеніе, располагающее 4.000 паров. силъ, дается 1.000 разныхъ приборовъ, съ вольтовой дугой, больше всего регуляторовъ и 20.000 лампъ накаливанія [1]). Одна машинная галерея поглощаетъ для своего освѣщенія 800 паровыхъ силъ.

При такомъ громадномъ количествѣ свѣта публика могла и не замѣтить, что не всѣ лампы горѣли, что многія часто потухали или сильно мерцали. Но тому, кто нѣсколько посвященъ въ эти вопросы, неудача не могла не броситься въ глаза. Причиною тутъ, по нашему

[1]) Какъ извѣстно, въ регуляторахъ вольтова дуга образуется между двумя углями, которыхъ концы помощью спеціальнаго механизма поддерживаются на неизмѣнномъ разстояніи одинъ отъ другого. Въ лампахъ накаливанія тонкая угольная нить, спеціальнымъ образомъ приготовленная, накаливается токомъ въ пустомъ пространствѣ.

мнѣнію, недостаточная выработанность нѣкоторыхъ системъ электрическаго освѣщенія. Электрическій свѣтъ есть результатъ дѣйствія двухъ или, бóльшею частью, трехъ приборовъ: нуженъ прежде всего приборъ, въ которомъ образуется свѣтъ—лампа или регуляторъ, затѣмъ приборъ, доставляющій электрическій токъ—электрическая батарея или динамо-машина, — а въ послѣднемъ случаѣ еще нуженъ двигатель, паровой или гидравлическій, приводящій машину въ движеніе. Такимъ образомъ, хорошій ходъ освѣщенія зависитъ отъ правильности хода двухъ или трехъ приборовъ въ отдѣльности. Достаточно, чтобы одинъ изъ нихъ оказался неисправнымъ, и все освѣщеніе испорчено. Въ этомъ отношеніи электрическое освѣщеніе уступаетъ газовому, гдѣ нѣтъ столько сложныхъ механизмовъ. Зато первое представляетъ столько преимуществъ,—каковы: полная безопасность, значительно меньшее выдѣленіе теплоты и, при употребленіи лампъ накаливанія, гдѣ уголь накаливается токомъ въ пустотѣ,—полное отсутствіе углекислоты, образующейся при горѣніи свѣтильнаго газа,—что о вытѣсненіи газа электричествомъ, въ сравнительно даже близкомъ будущемъ, сомнѣнія не можетъ быть. И вытѣсненіе ускоряется тѣмъ обстоятельствомъ, что электрическое освѣщеніе создало потребность въ большомъ количествѣ свѣта, такъ что стоимость освѣщенія особеннаго значенія даже не имѣетъ. Важно тутъ удобство,—и когда электрическое освѣщеніе будетъ настолько выработано, что оно въ отношеніи удобства въ домашнемъ обиходѣ не уступитъ другимъ употребительнымъ способамъ освѣщенія, оно несомнѣнно ихъ вытѣснитъ, по нашему мнѣнію, уже въ силу того только, что оно даетъ больше свѣта, подобно тому какъ стеариновыя свѣчи во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ вытѣснили сальныя, хотя послѣднія и дешевле.

Вопросъ только въ томъ, до какой степени электрическое освѣщеніе усовершенствовано.

На парижской выставкѣ фигурируютъ почти всѣ существующія въ настоящее время системы электрическаго освѣщенія, за исключеніемъ нѣмецкихъ, и изъ всѣхъ самыми совершенными являются американскія системы Эдиссона и Томсонъ-Густона (Thomson-Houston), особенно первая. Превосходство эдиссоновской системы вытекаетъ не изъ качествъ его лампъ или регуляторовъ, — этихъ приборовъ много очень хорошихъ, даже трудно было бы рѣшить, какимъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе; мы даже думаемъ, что большихъ дальнѣйшихъ усовершенствованій въ нихъ ожидать уже трудно,—но превосходство названной системы обусловливается степенью ея выработанности: тутъ есть и хорошія лампы, и хорошія, практичныя машины,

и измѣрительные приборы, и система распредѣленія тока, его канализаціи, гдѣ все до мельчайшихъ подробностей предусмотрѣно,—словомъ, тутъ имѣется все, чего при настоящихъ условіяхъ можно требовать отъ хорошей системы электрическаго освѣщенія. И на выставкѣ участокъ, отведенный Эдиссону, освѣщенъ несравненно лучше другихъ: свѣтъ ровный, потуханій не случается, и освѣщеніе пошло хорошо съ перваго же дня открытія выставки.

Уже теперь электричество можетъ успѣшно конкуррировать съ газомъ, даже въ отношеніи стоимости, тамъ, гдѣ требуется много свѣта. По теоріи, если принять въ разсчетъ потраченную энергію, электрическій свѣтъ—самый выгодный, самый дешевый, и разсчетъ очень простъ: на добываніе кубическаго метра газа требуется 4 килогр. угля, и этимъ количествомъ газа можно въ теченіе часа поддерживать свѣтъ газовыхъ горѣлокъ. Если даже этотъ самый газъ сжечь въ газовомъ двигателѣ, или эти 4 килогр. угля сжечь въ небольшой паровой машинѣ и полученную силу употребить на добываніе тока при помощи динамо-машины, то можно зажечь 8 или 9 лампъ накаливанія, каждая вдвое свѣтлѣе газовой горѣлки, или одну вольтову дугу, равную по силѣ свѣта по меньшей мѣрѣ 40 газовымъ горѣлкамъ. Если же этотъ уголь сжечь въ большой паровой машинѣ, то можно развить 4 силы и получить 32 лампы или 4 вольтовы дуги, т.-е. въ четыре раза больше свѣта. Причина такого съ перваго взгляда страннаго явленія заключается въ громадномъ количествѣ теплоты (вѣрнѣе, тепловыхъ лучей), которое выдѣляется при горѣніи газа; эта теплота превращается въ свѣтъ (въ свѣтовые лучи), когда она переходитъ черезъ электрическій токъ. Но изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы электрическій свѣтъ вездѣ обходился дешевле газа. Его дёшевизна чувствуется только при большомъ его употребленіи. Но въ обыкновенный домашній обиходъ электрическое освѣщеніе введется только тогда, когда будетъ изобрѣтена или хорошая дешевая батарея, или хорошій удобный и недорогой аккумуляторъ,—а этого еще у насъ нѣтъ.

На выставкѣ существуетъ одно чрезвычайно интересное примѣненіе электрическаго освѣщенія, способствующее въ сильной мѣрѣ ея успѣху—это извѣстные теперь всему Парижу свѣтящіеся фонтаны (les fontaines lumineuses). Явленіе, на которомъ они основаны, давно извѣстно. Въ нѣкоторыхъ учебникахъ физики описывается приборъ подъ именемъ „фонтана Колладона". Суть прибора заключается въ томъ, что при помощи линзы пучокъ лучей направляется по струѣ жидкости, вытекающей изъ какого-нибудь сосуда, такъ чтобы лучи совпадали со струей. Струя вся становится свѣтящейся, какъ еслибы

она уносила съ собою свѣтъ лучей. Приборъ извѣстенъ уже лѣтъ 50. Въ 1866 году онъ въ первый разъ былъ примѣненъ для устройства большого свѣтящагося фонтана на лондонской колоніальной выставкѣ.

На нынѣшней выставкѣ фонтанамъ даны еще небывалые размѣры. Подъ ними устроенъ обширный подвалъ, въ которомъ помѣщаются сильныя электрическія лампы съ вольтовой дугой; для нихъ отведены двѣ очень сильныя машины Грамма. Лампы расположены такъ, что ихъ свѣтъ съ помощью линзъ можетъ быть направленъ по струѣ фонтановъ. Кромѣ того, тутъ передъ каждой лампой перемѣщается рядъ разноцвѣтныхъ стеколъ: они приводятся въ движеніе механизмомъ въ родѣ клавіатуры и могутъ такимъ образомъ окрашивать въ разные цвѣта свѣтъ, направляемый по струямъ, придавая послѣднимъ ту или другую окраску по желанію оператора; онъ же управляетъ и кранами, и можетъ, мѣняя окраску, усилить или уменьшить высоту струи, измѣнять ея форму, ея силу и т. д. Послѣ Эйфелевой башни, свѣтящіеся фонтаны являются самой большой приманкой для публики. Чтобы любоваться фонтанами, масса публики усаживается кругомъ большого бассейна, въ которомъ они бьютъ, начиная съ шести часовъ, и ждетъ около трехъ часовъ, не покидая мѣста. И эффектъ дѣйствительно получается совершенно фантастическій, когда свѣтящіяся струи бьютъ, мѣняя свои цвѣта: то вдругъ всѣ разомъ становятся красными, желтыми, зелеными, бѣлыми, то въ перемежку однѣ становятся желтыми, другія фіолетовыми и т. д. Эффектъ особенно хорошъ съ первой платформы башни.

Въ области телефона и телеграфа со времени 1881 года успѣховъ большихъ не замѣтно. Производятся правда опыты для устройства телефонныхъ сообщеній между Парижемъ и Лондономъ, но до сихъ поръ они еще не увѣнчались успѣхомъ.

Изъ новыхъ примѣненій электричества мы укажемъ на одно, почти совершенно неожиданное, — на примѣненіе его къ дубленію кожъ. Оказывается, что электрическій токъ, пропускаемый черезъ жидкость, въ которой производится дубленіе, необыкновенно ускоряетъ операцію: на что требовалось отъ 4 до 6 мѣсяцевъ, теперь достаточно однихъ сутокъ; а дубленіе подошвъ, которое обыкновенно продолжается отъ 6 до 15 мѣсяцевъ, благодаря электричеству, производится въ четверо сутокъ. Кромѣ того, по увѣренію изобрѣтателей новаго способа, гг. Вормсъ и Балэ, операція обходится втрое дешевле, чѣмъ при старомъ способѣ. Новое изобрѣтеніе обѣщаетъ произвести совершенный переворотъ въ кожевенномъ дѣлѣ, и въ значительной мѣрѣ удешевитъ обувь.

Въ машинной галереѣ показываютъ новый способъ пайки метал-

ловъ при помощи электрическаго тока. Можно видѣть, напр., какъ два толстыхъ желѣзныхъ стержня (два вершка въ діаметрѣ) спаиваются въ три минуты. Способъ этотъ, изобрѣтенный американцемъ Томсономъ, отличается отъ способа нашего соотечественника г. Бернардоса въ томъ отношеніи, что г. Томсонъ пропускаетъ очень сильный токъ между двумя металлами, которые накаливаются до плавленія по всей поверхности соприкосновенія и спаиваются подъ вліяніемъ равномѣрнаго давленія до того хорошо, что невозможно отличить мѣсто спайки; г. Бернардосъ вводитъ третій элементъ — уголь. Онъ образуетъ вольтову дугу между металлами и углемъ и проводитъ дугой по мѣсту соприкосновенія металловъ; послѣдніе плавятся и спаиваются, но спайка не такъ однородна, какъ въ способѣ Томсона.

М.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1889 г.

Пути возвышенія мелкой сельско-хозяйственной культуры въ Россіи.—Двойное вліяніе крупнаго хозяйства на мелкое.—Самостоятельность путей развитія крупнаго и мелкаго земледѣльческаго производства.—Индивидуальное и массовое творчество народа въ области сельск. хозяйства.—Результаты дѣятельности крестьянъ и владѣльцевъ въ области скотоводства.—Вліяніе крупнаго хозяйства на скотоводство крестьянина. — Значеніе крупнаго земледѣлія для сельско-хозяйственной культуры въ прошломъ и настоящемъ.—Необходимость участія въ поднятіи сельско-хозяйственной культуры со стороны правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.

Большимъ распространеніемъ пользуется у насъ мнѣніе, будто крестьянинъ представляетъ изъ себя образецъ „рутины" и „консерватизма"; подвинуть его на что-либо новое въ любой сферѣ дѣятельности можно, только наглядно доказавъ ему выгоды этого новаго; самъ онъ, безъ внѣшней иниціативы, будетъ довольствоваться существующими формами жизни и промышленной дѣятельности, можетъ быть, еще цѣлую тысячу лѣтъ, и т. д. Въ примѣненіи къ сельско-хозяйственному производству все это значитъ, что, только благодаря примѣру крупныхъ экономій, крестьянинъ усвоиваетъ что-либо прогрессивное, а потому наблюдаемый въ послѣднее время упадокъ коммерческаго земледѣлія долженъ весьма неблагопріятно отразиться на сельско-хозяйственномъ прогрессѣ, а черезъ него и на судьбѣ страны. Въ подтвержденіе сказаннаго указываютъ иногда на общеизвѣстные факты благотворнаго вліянія крупнаго хозяйства въ дѣлѣ примѣненія крестьянами удобренія земли въ центральной черноземной полосѣ, улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій—въ центральной не-черноземной, замѣны выродившихся сѣмянъ растеній лучшими, болѣе тщательной обработки земли и т. д. Извѣстія этого рода можно ежедневно читать въ агрономическихъ изданіяхъ; факты, констатируемые ими, стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія, а потому благодѣ-

тельное вліяніе крупнаго хозяйства на мелкое какъ будто вовсе не подлежитъ оспариванію.

Но нѣтъ медали безъ оборотной стороны, и въ параллель указаннымъ фактамъ можно привести рядъ другихъ, имѣющихъ уже совершенно иное значеніе.

Правда, крестьянинъ какого-нибудь данковскаго уѣзда, никогда не удобрявшій своего поля, видитъ благотворное вліяніе удобренія на землѣ сосѣдней экономіи и не прочь примѣнить эту мѣру въ собственномъ хозяйствѣ. Но та же экономія предлагаетъ ему за навозъ деньги, которыя онъ тщетно ищетъ повсюду, и вмѣсто своего поля онъ везетъ драгоцѣнное удобреніе на сосѣднее. Онъ видитъ хорошіе результаты лишней вспашки подъ посѣвъ, и однако не только не подражаетъ образцу, но, отягощенный обязательными работами, набранными за землю и деньги въ нѣсколькихъ экономіяхъ, не успѣваетъ приготовить къ посѣву свое поле даже по правиламъ обычной рутинной техники. Плугъ, которымъ пашетъ сосѣдъ-помѣщикъ, по его мнѣнію, тоже недурная вещь, да бѣда въ томъ, что полуголодной клячѣ зауряднаго крестьянина въ силу тащить только соху, и потому примѣромъ сосѣда можетъ воспользоваться лишь зажиточный земледѣлецъ. Что касается улучшенныхъ сѣмянъ или породы скота, помѣщичьи поля и условія содержанія рабочаго животнаго настолько отличаются отъ крестьянскихъ, что и сѣмена растенія, и породистый теленокъ, заимствованные однимъ у другого, очень часто не выживаютъ въ новой обстановкѣ и потому не приносятъ крестьянину ожидаемой пользы. Все это относится къ частностямъ хозяйства; что же касается общей его системы—основанія крупнаго земледѣлія, коммерческаго,—и мелкаго, направленнаго главнымъ образомъ на удовлетвореніе собственныхъ нуждъ трудящагося, настолько различны, что организаціонный планъ одного изъ нихъ очень мало пригоденъ для другого, и весь прогрессъ крупнаго хозяйства въ этой его части почти вовсе пропадаетъ для крестьянина.

Таковы, въ краткомъ изложеніи, положительныя и отрицательныя условія культурнаго вліянія одной формы земледѣльческаго производства на другую. Мы видимъ, до чего вліянія эти отрывочны и случайны, и сколь печально было бы положеніе мелкой культуры въ Россіи, еслибы прогрессивное ея развитіе зависѣло исключительно отъ воздѣйствія на нее крупнаго хозяйства. Но ближайшее изученіе русскаго быта показало, что самостоятельное стремленіе къ улучшенію хозяйства замѣчается не въ одной его крупной формѣ, и что пути развитія мелкаго и крупнаго производства не тождественны: каждое изъ нихъ ведетъ свою линію, по временамъ совпадающую, по временамъ перекрещивающуюся съ чужою.

Такъ, въ отношеніи удобренія полей бѣдный, малоземельный крестьянинъ центральной черноземной полосы дѣйствительно отсталъ отъ помѣщика; но если взглянуть на наши степи, то окажется, что опыты удобренія предпринимаются здѣсь одновременно крупными и мелкими собственниками, и на поляхъ послѣднихъ они очень часто гораздо больше распространены, чѣмъ на первыхъ (напр., въ нѣкоторыхъ уѣздахъ самарской губерніи). Въ отношеніи сѣвооборотовъ тѣ же степи представляютъ убѣдительныя доказательства самостоятельности развитія мелкаго хозяйства. Мы видимъ, что помѣщичьи экономіи продолжаютъ еще практиковать переложную систему хозяйства, лишь въ видѣ опыта примѣняя кое-гдѣ паровые сѣвообороты; у крестьянъ же залежь почти вывелась и начинается водвореніе паровыхъ системъ, мѣстами въ опредѣленной формѣ трехполья, котораго рано или поздно, вѣроятно, не избѣжать и крупнымъ хозяйствамъ. Еще примѣръ самостоятельности народнаго производства мы имѣемъ въ дѣлѣ распространенія улучшенныхъ пашущихъ орудій. Наибольшее распространеніе таковыхъ, и притомъ въ формѣ неизвѣстной крупному земледѣлію, наблюдается въ тѣхъ именно мѣстностяхъ Россіи (вятской, пермской губерніяхъ), гдѣ помѣщичье хозяйство почти совершенно отсутствуетъ.

Приведенные факты введенія удобренія крестьянскихъ пашенъ въ мѣстности, гдѣ эта мѣра не примѣняется и помѣщиками, развитіе при тѣхъ же условіяхъ паровыхъ сѣвооборотовъ изъ залежныхъ, распространеніе самостоятельно улучшенныхъ орудій въ области, занятой исключительно мелкимъ хозяйствомъ, и т. п., доказываютъ, что народная мысль самостоятельно работаетъ надъ вопросами хозяйства, почему прогрессъ земледѣльческаго производства обезпеченъ и въ томъ случаѣ, еслибы примѣра крупныхъ экономій вовсе не существовало. Самый процессъ этой работы обыкновенно ускользаетъ отъ нашего наблюденія, и только матеріальные ея результаты заставляютъ предполагать существованіе необходимой духовной основы. Но есть случаи сохраненія въ памяти людей подробностей послѣдовательнаго развитія какого-либо нововведенія, и здѣсь мы во-очію убѣждаемся, что нашъ крестьянинъ не представляетъ исключенія изъ человѣческаго рода, что онъ не есть образецъ рутины и неподвижности, что и онъ думаетъ, дѣлаетъ опыты, изобрѣтаетъ. Пока,—что́ обыкновенно и случается,—эти опыты относятся къ задачамъ, по естественнымъ законамъ промышленнаго развитія стоящимъ на очереди у всѣхъ,—до тѣхъ поръ улучшенія не выдѣляются въ формѣ индивидуальнаго почина, ибо тотчасъ подхватываются другими, распространяются дальше

и для посторонняго наблюдателя обнаруживаются только тогда, когда они уже сдѣлались болѣе или менѣе общимъ явленіемъ, утратившимъ всякій слѣдъ личной инициативы, и считаются потому результатомъ какого-то стихійнаго движенія, устраняющаго вопросъ о личномъ починѣ, изобрѣтательности. Это относится, напримѣръ, ко введенію удобренія, къ общераспространенному улучшенному орудію, образованію хорошихъ породъ скота и т. п. Кто знаетъ, напримѣръ, имена лицъ, преобразившихъ русскую соху въ косулю, или способствовавшихъ образованію столь молочной породы, какою является тощая крестьянская коровенка? Или такія лица неизвѣстны, или, какъ въ послѣднемъ случаѣ, личная инициатива немногихъ стушевывается передъ массовой дѣятельностью, стремящейся къ той же цѣли полученія наиболѣе молочнаго скота. Здѣсь повторяется обыкновенная исторія народныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. Всѣ такіе образцы сочинены несомнѣнно лично; но кто эти сочинители, гдѣ и когда они жили? Никто этого не знаетъ, да никто и не интересуется такимъ вопросомъ. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ крестьянскомъ хозяйствѣ мы встрѣчаемъ нѣчто выдающееся изъ окружающей среды и предполагающее личную дѣятельность, мы довольствуемся указаніемъ тѣхъ общихъ естественныхъ и экономическихъ условій, на почвѣ которыхъ могло развиться то или другое явленіе; вопросъ же о личной изобрѣтательности мы оставляемъ въ сторонѣ, или ищемъ его внѣ крестьянской массы, строимъ гипотезы о вліяніи на крестьянъ правительства, помѣщика и т. п. Такъ, фактъ разведенія крестьянами одного изъ уголковъ ярославской губерніи хорошей породы (романовской) овецъ, вызвалъ нѣсколько гипотезъ о ихъ происхожденіи, имѣющихъ тотъ общій смыслъ, что ими значительно съуживается самодѣятельность народа. Одни считаютъ этихъ овецъ потомками силезскихъ барановъ, будто бы выписанныхъ сюда еще Петромъ Великимъ; другіе производятъ ихъ отъ голландскихъ овецъ, заведенныхъ будто бы сто лѣтъ назадъ кн. Юсуповымъ, и т. д. Между тѣмъ какъ само отсутствіе вѣрныхъ свѣденій и даже преданія о вмѣшательствѣ извнѣ достаточно, кажется, свидѣтельствуютъ противъ замѣтнаго вліянія въ этомъ отношеніи крупнаго хозяйства. Въ виду отсутствія такихъ свѣденій, новѣйшіе изслѣдователи отвергаютъ въ романовскихъ овцахъ, какъ преобладающій элементъ, иностранную кровь, и объясняютъ ихъ происхожденіе вліяніемъ иноземцевъ-овчаровъ, выписанныхъ Петромъ для обученія овцеводству мѣстныхъ крестьянъ. Очень можетъ быть, что это обстоятельство и играло нѣкоторую роль въ происхожденіи упомянутой породы овецъ. Но что̀ придумаемъ мы для другихъ мѣстностей ярославской же, тверской, владимірской, вологодской губерній, гдѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ новѣйшее оффиціальное изслѣдованіе,

встрѣчаются породы, не уступающія романовской, и относительно которыхъ нѣтъ и намековъ на сознательное воздѣйствіе извнѣ? Очевидно, что, желая дать правильное объясненіе явленію, намъ нельзя избѣжать личной самодѣятельности мелкаго хозяина; приходится допустить, что важнѣйшую роль въ процессѣ образованія разсматриваемыхъ породъ играли сознательныя усилія отдѣльныхъ крестьянъ избирать для развода выдающіеся по желательному признаку (развитію котораго, можетъ быть, способствовали естественныя условія мѣстности) экземпляры животныхъ, содержать ихъ извѣстнымъ образомъ и т. д. Благопріятные результаты опыта отдѣльныхъ лицъ скоро побуждали слѣдовать ихъ примѣру остальныхъ крестьянъ, и вотъ создается разновидность, господствующая на всей площади извѣстнаго района, и развитію которой способствовали мѣстныя особенности почвы и растительности. Мы видимъ здѣсь проявленіе той же личной иниціативы, наблюдательности и т. п., отъ которыхъ зависитъ и прогрессъ крупнаго хозяйства, а равно и другихъ промышленныхъ отраслей.

Впрочемъ есть случаи, когда изобрѣтательность отдѣльныхъ лицъ изъ крестьянъ и ея вліяніе на хозяйство видны непосредственно. Гдѣ нововведеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ выходитъ изъ сферы обычнаго историческаго пути, гдѣ народное творчество направляется по руслу, которому оно могло слѣдовать; гдѣ продуктомъ личной изобрѣтательности является сразу нѣчто цѣльное и новое или, по крайней мѣрѣ, сильно отличающееся отъ существующаго, которое къ тому не вливается въ жизнь естественно и незамѣтно, а занимаетъ свое мѣсто послѣ пропаганды—съ одной стороны, колебанія и недовѣрія — съ другой (особенно если для своего осуществленія это новое требуетъ производства спеціальныхъ и довольно сложныхъ орудій), тамъ личность изобрѣтателя и его первыхъ послѣдователей выдѣляется изъ общей массы, нововведеніе теряетъ характеръ стихійнаго движенія, индивидуализируется и даетъ возможность убѣдиться, что и въ простой крестьянской массѣ идетъ тотъ же процессъ критики творчества, какой составляетъ основаніе прогрессивнаго развитія общества, и отдѣльныя стадіи котораго мы наблюдаемъ въ наукѣ, искусствѣ и соединяемъ съ именемъ того или другого ученаго, техника и т. п. Познакомившись съ такими фактами изъ жизни невѣжественной массы, мы убѣдимся, что крестьянское творчество играло замѣтную роль въ прогрессѣ русскаго хозяйства вообще; не только мелкій, но и крупный производитель многимъ изъ того, что̀ онъ нынѣ примѣняетъ какъ общеизвѣстное, обязанъ изобрѣтательности какого нибудь Ивана Матвѣева, Петра Сидорова, а

чаще всего „Икса“, несомнѣнно существовавшаго, но имя котораго давно покрылось забвеніемъ.

Извѣстно, напримѣръ, какъ широко распространена въ крупномъ и мелкомъ хозяйствѣ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерній культура подсолнечника; но мало кто поминаетъ при этомъ крестьянина Бокарева, которому мы въ значительной степени обязаны распространеніемъ этого растенія. Въ 30 — 40 годахъ текущаго столѣтія этотъ крестьянинъ, изъ слободы Алексѣевки бирючинскаго уѣзда воронежской губерніи, догадавшись по какимъ-то признакамъ о маслянистости сѣмянъ подсолнечника, который до того времени разводился въ огородахъ лишь для того, чтобы доставлять лакомство бабамъ и дѣвкамъ, попробовалъ истолочь сѣмечки и выжать изъ нихъ масло. Попытка увѣнчалась успѣхомъ: масло было выжато, пришлось по крестьянскому вкусу, и вотъ сельчане принялись за новое производство. Сначала сѣмена толклись въ ступѣ и выжимались ручнымъ жомомъ, затѣмъ обработывались на вѣтряныхъ мельницахъ и гречневыхъ крупорушкахъ; наконецъ стали возводить для этого спеціальные заводы. Черезъ нѣсколько лѣтъ производство подсолнечнаго масла было перенесено отсюда въ окрестности Саратова, а затѣмъ распространилось по сосѣднимъ губерніямъ. Съ появленіемъ новаго производства, огороды оказались тѣсными для культуры подсолнечника, и послѣдній былъ перенесенъ въ поле, гдѣ онъ играетъ важную роль по своему вліянію на раздѣлку почвы.

Еще болѣе широкое распространеніе получило другое крестьянское изобрѣтеніе—молотилка.

Всѣмъ извѣстны рязанская или сапожковская молотилка, получившая въ послѣднее десятилѣтіе столь широкое распространеніе, что только одинъ рязанскій округъ ея производства ежегодно пускаетъ въ продажу тысячи экземпляровъ этого орудія. И эта молотилка изобрѣтена, строится и распространяется крестьянами. Первымъ ея конструкторомъ былъ крестьянинъ с. Смыковки, Тимоѳей Хохловъ, служившій машинистомъ у Кошнева. Образцомъ для его молотилки послужилъ заброшенный испорченный барретовскій конный приводъ, построенный заводомъ Бутенопа. Несмотря на то, что въ образцѣ недоставало одного зубчатаго сцѣпленія, Хохловъ понялъ устройство машины, сталъ ее сооружать самъ и создалъ не копію съ образца, а новое орудіе, которое по легкости и удобству пользованія считается спеціалистами превосходящимъ даже первоначальный барретовскій приводъ. Нѣкоторые изъ спеціалистовъ, какъ, напримѣръ, профессоръ петровской земледѣльческой академіи, экспертъ по конкурсу молотилокъ въ Рязани, Эшлиманъ, идетъ дальше и увѣряетъ, что этотъ приводъ совсѣмъ непохожъ на барретов-

скій, а въ такомъ случаѣ подражаніе вовсе отсутствуетъ въ изобрѣтеніи Хохлова. За этимъ изобрѣтеніемъ послѣдовало кустарное производство молотилокъ [1]), распространившееся на рязанскую, тульскую, владимірскую губерніи, а затѣмъ на многія другія вплоть до вятской, пермской и даже уфимской. Важнѣе, пожалуй, самого производства было широкое ея распространеніе. Обыкновенно, построивъ машину зимой или купивъ ее въ долгъ у сосѣда, лѣтомъ крестьянинъ отправляется съ нею на сторону, молотитъ по найму хлѣбъ владѣльцевъ и крестьянъ, знакомитъ, такимъ образомъ, хозяевъ съ новой машиной, продаетъ ее и возвращается домой съ тѣмъ, чтобы на будущій годъ продолжать ту же исторію. Ознакомившись съ новымъ орудіемъ, признавъ его удобства и услышавъ о мѣстѣ производства, хозяева сами уже стараются выписать машину, слава о которой, такимъ образомъ, распространяется дальше и дальше.

Въ своихъ путешествіяхъ кустари не ограничиваются ближайшими мѣстностями, а идутъ въ среднее и нижнее Поволжье, въ земли Войска Донского и даже на Кавказъ. При такой энергіи распространенія немудрено, если рязанскія молотилки пользуются широкой извѣстностью въ Россіи и заказы ихъ идутъ даже изъ Сибири. Этотъ успѣхъ настолько громаденъ, что заставилъ другихъ конструкторовъ обратить серьезное вниманіе на крестьянскія молотилки и копировать ихъ. Успѣхъ этотъ объясняется, кромѣ практичности машины, также и дешевизною орудія, вышедшаго изъ кустарной мастерской, иногда продающагося чуть не въ убытокъ. Вѣялки юрьевскаго производителя, Карнаухова, напримѣръ, цѣною 50 р., соотвѣтствуютъ вѣялкамъ въ 125—140 р. другихъ конструкторовъ; молотилка крестьянскаго производства симбирской губерніи, стоющая безъ привода 150—200 р., замѣняетъ клейтоновскую, за которую нужно заплатить 900 р., и т. д.

Послѣ всего этого мы можемъ только согласиться съ мнѣніемъ извѣстнаго спеціалиста по земледѣльческой техникѣ, г. В. Черняева, признавшаго, что „крестьянское производство машинъ всегда будетъ играть роль піонера; оно прежде всего будетъ удовлетворять мѣстную потребность въ улучшенныхъ орудіяхъ. Кто не знаетъ, что рязанскіе мастера всего болѣе способствовали и спо-

[1]) Производство молотилокъ въ рязанской губерніи организовано слѣдующимъ образомъ: однѣ производятъ отливку, другія ковку металлическихъ частей, третьи—сборку; деревянные станки строятся обыкновенно особо, хотя случается, что у одного мастера производятся всѣ названныя работы. Дѣятельность эта не сосредоточена въ одномъ мѣстѣ: работаютъ въ деревняхъ, селахъ и городахъ, и въ результатѣ получается молотилка, весьма добросовѣстно построенная и очень дешевая,—какъ о томъ свидѣтельствуютъ многіе, видѣвшіе ее.

собствуютъ распространенію машинной молотьбы хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ". Крестьянскія молотилки пріобрѣли такую славу и даже въ крупныхъ хозяйствахъ, напримѣръ, приволжскихъ губерній, „какою врядъ ли пользуются молотилки другихъ конструкторовъ". Виновникъ же этого широко распространяющагося движенія, крестьянинъ Хохловъ, врядъ ли извѣстенъ многимъ, хотя бы по имени. „Съ большей вѣроятностью даже можно допустить,—говоритъ пр. Энгельманъ,—что самъ онъ и не знаетъ, что онъ изобрѣтатель весьма мудренаго переноснаго привода", и не только не воспользовался до сихъ поръ какими-либо выгодами и привилегіями изобрѣтенія, но „несказанно былъ бы радъ, еслибы кто-нибудь далъ ему за него хотя бы на чай".

Хохловъ не представляетъ чего-нибудь исключительнаго въ крестьянской средѣ. Много такихъ изобрѣтателей живетъ и работаетъ, оставаясь неизвѣстными образованному обществу, но оставляя послѣ себя замѣтный слѣдъ. Лишь случайно доходятъ иногда о нихъ вѣсти и до насъ, стоящихъ на извѣстномъ отдаленіи. Такъ напримѣръ, въ „Земледѣльческой Газетѣ" 1884 года было заявлено объ одномъ крестьянинѣ ардатовскаго уѣзда, симбирской губерніи, плотникѣ и строителѣ машинъ, который, за нѣсколько лѣтъ до того, присмотрѣвшись къ паровой молотилкѣ сосѣдняго помѣщика, „скомбинировалъ сложную молотилку собственной системы, замѣчательно простой конструкціи", работающую при 4—6 лошадяхъ и обмолачивающую до 5.000 сноповъ въ день, причемъ зерно получается очень чистое. Многіе землевладѣльцы симбирской и тамбовской губерній пріобрѣли такую машину вмѣсто заводской; самъ корреспондентъ семь лѣтъ работаетъ ею и не можетъ отозваться о машинѣ иначе, какъ съ большой похвалой [1]).

Итакъ, современное положеніе нѣкоторыхъ отраслей сельскаго хозяйства заставляетъ предполагать въ прошломъ крестьянской массы такой же процессъ сознательнаго стремленія къ улучшенію, какой — говорятъ — составляетъ привилегію крупной формы производства. Но и современная жизнь представляетъ не только примѣры стремленія крестьянъ позаимствовать со стороны улучшеніе, польза котораго доказана съ очевидностью, но и несомнѣнные признаки активнаго участія крестьянина въ сельско-хозяйственномъ прогрессѣ, —активнаго въ томъ смыслѣ, что здѣсь совершаются пробы, опыты, т.-е. тѣ именно пріемы, которыми всюду выражается сознательное стрем-

1) Землед. Газ. 1884 г., № 1.

леніе выработать новыя формы взамѣнъ неудовлетворительныхъ старыхъ, и которыми они-то и вырабатываются. Въ этихъ опытахъ крестьяне частью дѣйствуютъ совершенно самостоятельно, частью идутъ рука объ руку съ крупными хозяевами, частью возбуждаются къ тому земствомъ, сельско-хозяйственнымъ обществомъ и т. д. Мы здѣсь имѣемъ тотъ же процессъ, что и всюду: наиболѣе энергичные являются иниціаторами, знающіе—руководителями, многіе участвуютъ въ опытахъ, задуманныхъ другими, и дѣло двигается совокупными усиліями цѣлой массы лицъ; инертная же часть общества примыкаетъ къ движенію, когда оно окончательно выяснилось, какъ плодотворное и выгодное. Обыкновенно думаютъ, что въ сельско-хозяйственномъ прогрессѣ нашей страны первые, двигающіе дѣло впередъ, набираются изъ образованныхъ землевладѣльцевъ; а простонародье пользуется плодами, приготовленными другими. Факты же, говоримъ, часто доказываютъ противное: крестьяне дѣйствуютъ на указанномъ поприщѣ или совершенно самостоятельно, или рука объ руку съ землевладѣльцами; возбуждаются къ активной дѣятельности или опять-таки самостоятельно (насколько это вообще возможно), или примѣромъ частнаго хозяина, вліяніемъ земства и т. д. Собственно говоря, многіе случаи, въ которыхъ иниціатива идетъ, повидимому, со стороны, относятся къ числу тѣхъ, гдѣ движеніе возникло въ крестьянствѣ самостоятельно; извѣстія же о немъ проникли въ печать лишь послѣ того, какъ вмѣшался въ дѣло образованный человѣкъ, а для насъ, слышащихъ о немъ впервые, оно представляется такимъ образомъ, какъ будто бы этотъ образованный человѣкъ и бросилъ первую искру, между тѣмъ какъ его роль очень часто заключается лишь въ посредничествѣ между крестьянами-дѣятелями съ одной стороны, и рынкомъ, магазиномъ, заводомъ, торгующими предметами опыта или, наконецъ, книгой, газетой—съ другой. Самый успѣхъ иниціативы частнаго лица или общественнаго учрежденія въ большинствѣ случаевъ доказываетъ, что недостатки существующаго ясны крестьянамъ, и что они уже стремятся къ лучшему.

Мы не станемъ здѣсь указывать на уже совершившіяся или быстро идущія впередъ измѣненія въ хозяйствѣ въ области, гдѣ существуетъ одно мелкое земледѣльческое производство (напр., распространеніе улучшенныхъ орудій въ пермской и вятской губерн.), а приведемъ нѣсколько фактовъ, гдѣ крестьяне не знаютъ еще—будетъ ли новое лучше стараго, гдѣ они не перенимаютъ несомнѣнно выгодное, а производятъ опыты и подъ-часъ неудачные, съ вѣроятнымъ или сомнительнымъ успѣхомъ, гдѣ они приноровливаются или приноровливаютъ къ себѣ нововведеніе сообразно указаніямъ своего опыта и наблюденія.

Если, напримѣръ, крестьянинъ соликамскаго уѣзда пермской губерніи высѣялъ дотолѣ неизвѣстную ему росичку въ своемъ полѣ, и она не взошла, несмотря на то, что всхожесть ея была доказана *пробнымъ посѣвомъ* въ оконныхъ цвѣточныхъ банкахъ, то мы это назовемъ не иначе, какъ сознательно-произведеннымъ *опытомъ*; таковымъ же мы признаемъ и попытку уржумскихъ (вятской губ.) крестьянъ, вычитавшихъ о томъ же растеніи въ „Сельскомъ Вѣстникѣ", выписавшихъ его сѣмена и посѣявшихъ ихъ; или дѣйствія николаевскихъ (самарской губерніи) земледѣльцевъ, добывшихъ какъ-то съ Кавказа сѣмена неизвѣстнаго имъ растенія, разводящихъ его въ грядахъ и употребляющихъ вмѣсто чая. Не что иное, какъ опыты, производитъ и каргопольскій крестьянинъ, Ганинъ, когда онъ, наблюдая естественную растительность и собирая сѣмена луговыхъ травъ, насажденныхъ общею нашей учительницей—природой, „самъ дошелъ" до искусственнаго травосѣянія на новинахъ, а теперь дѣлаетъ опыты подсѣва естественнаго луга. Первая попытка въ этомъ смыслѣ оказалась неудачной, но Ганинъ думаетъ продолжать опытъ, измѣнивъ нѣкоторыя его условія, именно, предварительно взборонивши и подназовивъ лугъ [1]).

Подобный-то процессъ сознательнаго исканія крестьянами лучшаго путемъ опыта и наблюденій идетъ въ настоящее время на всемъ пространствѣ земли русской. Вятскій крестьянинъ, напримѣръ, сознавъ уже неудобства вспашки сохою, по словамъ земскихъ статистиковъ, „въ послѣдніе годы, можно сказать, мечется въ поискахъ за земледѣльческимъ орудіемъ" [2]). Въ гжатскомъ уѣздѣ смоленской губерніи „нѣтъ волости и въ ней нѣсколькихъ селеній, гдѣ отдѣльные домохозяева и цѣлыя группы не пробовали бы замѣнить свои сѣмена другими, добываемыми большею частью въ сосѣднихъ экономіяхъ",—при извѣстномъ отсутствіи въ провинціи нарочно созданныхъ складовъ сѣмянъ, играющихъ роль естественныхъ запасовъ—этой необходимой принадлежности сельскаго хозяйства. Вмѣсто обыкновенной ржи они пробуютъ кустовку, вазу, пробштейнскую, и овесъ — двуплодный, французскій. Результаты этихъ опытовъ не особенно, однако, благопріятны: рожь, по словамъ крестьянъ, скоро перерождается и требуетъ лучшаго удобренія, чѣмъ можетъ дать крестьянинъ; двуплодный овесъ слишкомъ медленно созрѣваетъ, а такъ какъ крестьяне не всегда успѣваютъ во-время его посѣять, отвлекаясь работами внѣ своего хозяйства, то снимать его нерѣдко приходится полузрѣлымъ. У крестьянъ юхновскаго уѣзда той же губерніи

---

[1]) 1886-й г. въ сельск.-хоз. отн., в. III, стр. 470, 471, 478; „Русск. Вѣд." 1887 г., № 350.

[2]) Матер. по статист. вятск. губ., т. III, стр. 50.

„исканіе лучшихъ сѣмянъ—явленіе столь же распространенное, какъ и въ гжатскомъ. Участь этихъ пробъ здѣсь такая же. Въ послѣдніе годы, вслѣдствіе полнаго отсутствія мѣстныхъ сѣмянъ, населеніе поставлено было въ необходимость обсѣваться привозными, степными; результатъ былъ тотъ, что всѣ эти посѣвы не дозрѣли... Плугъ—здѣсь явленіе еще рѣдкое; онъ является новинкою, нерѣдко привезенною случайно, къ которой крестьяне только-что приглядываются, и, какъ сами говорятъ „*производятъ опыты* еще не въ полѣ, а въ городѣ". Крестьяне сычевскаго уѣзда той же губерніи систематически пробуютъ лучшія сѣмена ржи—испанской и кустовой, двуплоднаго овса, льна-долгунца, нерѣдко беря примѣръ съ владѣльцевъ. Крестьяне архангельской губерніи начинаютъ сѣять рожь, вазу и кустовку, добытыя изъ Финляндіи еще въ 1876 г.; эти сорта ржи имѣютъ то преимущество, что поспѣваютъ раньше обыкновенной. Кое-гдѣ въ чердынскомъ уѣздѣ, пермской губерніи, крестьяне, въ видѣ опыта, посѣяли австралійскій овесъ, никольскую рожь и псковскій ленъ, сѣмена которыхъ пріобрѣли, чрезъ посредство земства, на Красноуфимской фермѣ. Въ московской губерніи, почти повсемѣстно, на крестьянскихъ поляхъ видны новыя растенія; опыты дѣлаются между прочимъ съ росичкой и рѣпой. Сплошь и рядомъ опыты оказываются неудачными: крестьяне бросаютъ принятые-было новые сорта хлѣбовъ по причинѣ ихъ поздняго созрѣванія и т. п. Кое-гдѣ здѣсь для обсѣмененія крестьянскихъ полей служитъ зерно, полученное съ общественной запашки, засѣянной улучшенными сѣменами, добываемыми изъ склада при земской управѣ. Общественныя запашки для разведенія улучшенныхъ сѣмянъ, хлѣбныхъ и техническихъ растеній, выдаваемыхъ крестьянамъ передъ самымъ временемъ посѣва, заведены и въ нѣсколькихъ волостяхъ оханскаго уѣзда пермской губерніи. Крестьяне нѣкоторыхъ селеній бугурусланскаго уѣзда пробовали улучшать породу овецъ и лошадей, покупая племенныхъ производителей; но овцы на плохомъ корму скоро перерождаются или продаются изъ нужды въ деньгахъ, а лучшія лошади уводятся конокрадами. Крестьяне одного селенія чигиринскаго уѣзда кіевской губерніи такъ заинтересовались зависимостью урожая отъ времени посѣва,—на что сдѣлано имъ указаніе однимъ изъ корреспондентовъ департамента земледѣлія,—что, не помня точно времени послѣдняго посѣва, они обѣщали непремѣнно доставить на этотъ счетъ опредѣленныя данныя въ слѣдующемъ году.

Нѣкоторыя общины бугурусланскаго уѣзда самарской губ. превращаютъ узкія полосы въ широкія, съ цѣлью пахать такія вдоль и поперекъ: „не лучше ли сдѣлается земля, — говорятъ крестьяне, —не выведется ли пырей?"

Въ 1887 г. земская управа прислала въ с. Мытищи, серпуховскаго уѣзда московской губерніи, два плуга, съ цѣлью познакомить крестьянъ съ этимъ земледѣльческимъ орудіемъ. „Плугомъ крестьяне пользовались поочередно; нѣкоторые остались имъ довольны и пожелали пріобрѣсти въ собственность". Познакомившись съ плугомъ, они отнеслись къ нему критически и подмѣтили его недостатки по отношенію къ мѣстному хозяйству, а затѣмъ приняли мѣры парализованія вліянія послѣднихъ. „По ихъ мнѣнію, весьма годный для квадратной формы полей, плугъ не совсѣмъ удобенъ для узкихъ крестьянскихъ полосъ. На широкихъ полосахъ можно ѣздить вдоль и поперекъ; при этомъ, понятно, земля будетъ разрѣзана на комья, которые уже легко поддаются дѣйствію бороны. На узкихъ же полосахъ этого сдѣлать нельзя; тамъ можно пахать только въ одномъ направленіи—вдоль полосъ. Такъ какъ плугъ кладетъ землю ровными сплошными пластами, не разбивая ее на комья, то такую полосу трудно бороновать: борона, скользя по пластамъ, только пылитъ. Но плугъ хорошъ тѣмъ, что работникъ за нимъ меньше устаетъ, чѣмъ за сохой; онъ требуетъ меньше ухода, а главное—имъ глубже прорѣзается земля. Понявъ хорошія и дурныя стороны плуга, нѣкоторые изъ здѣшнихъ крестьянъ, воспользовавшись тѣмъ, чтó есть хорошаго въ плугѣ, устранили помянутые его недостатки слѣдующимъ образомъ: въ первый разъ они пашутъ землю плугомъ съ тѣмъ, чтобы глубоко подрѣзать землю"; послѣ этого ее боронуютъ, съ цѣлью не взрыхлить, а только заровнять, и тѣмъ сдѣлать удобной для вспашки сохой. Затѣмъ производятъ эту послѣднюю вспашку, сохой рѣжутъ и разбиваютъ землю на комья, которыя окончательно разрыхляются боронованіемъ. Благодаря такому пріему, крестьяне с. Мытищи воспользовались преимуществами плуга какъ глубоко пашущаго орудія, и избѣжали его недостатковъ при узкихъ полосахъ" [1]).

Въ послѣднее время въ русской земледѣльческой литературѣ, благодаря г. Энгельгардту, поднятъ вопросъ о примѣненіи искусственныхъ минеральныхъ удобреній. Тотъ же вопросъ и тѣмъ же лицомъ возбужденъ былъ еще 20 лѣтъ назадъ, но по опытамъ, произведеннымъ крупными хозяевами, минеральныя удобренія оказались невыгодными. Теперь, благодаря вниманію, вновь обращенному на вопросъ, правительство сочло полезнымъ собрать свѣдѣнія о примѣненіи искусственнаго удобренія въ Россіи. Командированный для этого агрономъ В. Г. Котельниковъ констатировалъ фактъ, что за исключеніемъ немногихъ владѣльцевъ, кое-гдѣ выдвинувшихся изъ среды окружающихъ, минеральное удобреніе сколько-нибудь систе-

[1]) Стат. Ежегод. моск. губ. зем., 1888 г. I, стр. 136.

матически примѣняется крестьянами псковской губерніи (рѣчь идетъ о мѣстностяхъ съ русскимъ населеніемъ), вотъ уже десять лѣтъ производящими опыты съ суперфосфатами.

Изъ приведенныхъ указаній видно, что въ крестьянской средѣ частью самостоятельно, частью при помощи стороннихъ вліяній, возникло стремленіе къ измѣненію пріемовъ хозяйства, признанныхъ ими невыдерживающими критики. Добиваясь лучшаго, они поступаютъ какъ и всѣ ищущіе новаго: обращаются ко всѣмъ средствамъ пріобрѣтенія знаній, надѣясь встрѣтить тамъ и здѣсь полезныя указанія. Въ образованныхъ классахъ главнѣйшимъ изъ этихъ средствъ служитъ печать, затѣмъ опытъ сосѣдей. Крестьянинъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ пользоваться первымъ источникомъ, который обыкновенно для него замѣняется разсказами прохожихъ лицъ и бывалыхъ односельцевъ. Тѣмъ бóльшую важность имѣютъ для него свѣденія, какія онъ можетъ получить личнымъ наблюденіемъ, въ томъ числѣ примѣръ сосѣда—крупнаго хозяина. На этомъ основано значеніе, какое въ данный моментъ имѣетъ частновладѣльческое хозяйство для крестьянскаго.

Но эта роль, выпадающая на долю крупнаго земледѣлія въ Россіи, несвободна отъ многихъ недостатковъ. Не говоря объ отрицательномъ вліяніи на мелкое производство крупнаго, какъ таковаго, въ мѣстностяхъ, гдѣ оно пользуется значительнымъ распространеніемъ (скупка владѣльцами крестьянскаго навоза, отвлеченіе поселянъ отъ ихъ полей на экономическія работы и т. п.), образецъ лучшаго, предлагаемый крестьянину практикой владѣльческой экономіи, далеко не всегда заслуживаетъ подражанія, ибо хозяева сплошь и рядомъ перенимаютъ съ Запада то, что не соотвѣтствуетъ не только спеціальнымъ условіямъ мелкаго производства, но и общей обстановкѣ сельско-хозяйственной дѣятельности страны. Въ этомъ отношеніи они представляютъ полнѣйшій контрастъ крестьянину, прекрасно доказавшему свою способность приноровливаться къ обстоятельствамъ и вырабатывать формы дѣятельности, далеко не безупречныя съ абсолютной точки зрѣнія, но представляющія образецъ удачнаго достиженія намѣченной цѣли, несмотря на самую неблагопріятную обстановку. Не будемъ говорить объ огородничествѣ, садоводствѣ и разведеніи лекарственныхъ травъ въ московской или ярославской губерніяхъ, всецѣло находящихся въ рукахъ крестьянъ и доведенныхъ ими до сравнительно высокой степени культурнаго развитія. Какъ на иллюстрацію къ высказанному положенію остановимся лучше на примѣрѣ, гдѣ возможно сравненіе крупной и мелкой формы производства — взглянемъ на положеніе помѣщичьяго и крестьянскаго скотоводства въ центральной не-черноземной полосѣ

въ связи съ сыровареніемъ и маслодѣліемъ, широко развившимися здѣсь въ послѣднія 20 — 25 лѣтъ.

Эти отрасли техническаго сельско-хозяйственнаго производства, какъ извѣстно, ведутся у насъ въ крупной и мелкой формѣ; но какъ та, такъ и другая основаны на переработкѣ молока животнаго, созданнаго тысячелѣтнимъ существованіемъ крестьянскаго хозяйства и въ настоящее время выращиваемаго крестьяниномъ же.

Дѣйствительно, извѣстные наши маслодѣлы и сыровары, гг. Верещагинъ, Широбоковъ, Офросимовъ и др., и даже скотоводы, какъ г. Армфельдъ, заявляютъ, что крупныя хозяйства не должны задаваться мыслью выращивать у себя молочный скотъ, а могутъ покупать молоднякъ у крестьянъ, сами занимаясь лишь переработкой молока въ масло или сыръ. Это заключеніе они основываютъ на томъ, что, во-первыхъ, обыкновенная крестьянская корова отличается большими молочными достоинствами, и если въ чемъ нуждается для обнаруженія послѣднихъ, то это не въ примѣси иностранной крови, а въ хорошемъ питаніи, которое и можетъ ей доставить крупный хозяинъ; во-вторыхъ, что послѣдній не въ силахъ конкуррировать съ крестьяниномъ въ дѣлѣ выращиванія молодняка, и покупная корова обходится владѣльцу значительно дешевле доморощенной.

Изъ сказаннаго уже видно, что приведенный нами совѣтъ извѣстнѣйшихъ русскихъ хозяевъ не есть одно пожеланіе, но и удостовѣреніе факта; что пополненіе помѣщичьихъ стадъ скупкою крестьянскаго скота — не pia desideria, проповѣдуемыя немногими лицами, а общераспространенное, даже господствующее явленіе въ хозяйствѣ крупныхъ маслодѣловъ; что противныхъ сказанному фактовъ успѣшнаго разведенія владѣльцами лучшихъ породъ молочнаго скота такъ мало, что они не обратили на себя вниманіе даже спеціалистовъ-ученыхъ и практиковъ; что, слѣдовательно, продуктъ мелкаго, а не крупнаго хозяйства является основою современнаго маслодѣлія—и основою если не наилучшею съ идеальной точки зрѣнія, то во всякомъ случаѣ надежною, прочною, способною поддержать дѣло.

Въ самомъ дѣлѣ, хорошія свойства молока нашей крестьянской коровы и выдѣланнаго изъ него сыра и масла признаются даже за границею. Поэтому крестьянскій скотъ не напрасно считается хорошимъ матеріаломъ для соотвѣтствующихъ производствъ. Это—вкладъ для будущаго со стороны мелкаго русскаго хозяина; что́ же дало до сихъ поръ въ указанномъ отношеніи крупное?

„Въ подавляющемъ большинствѣ какъ крупныхъ землевладѣльческихъ, такъ и крестьянскихъ имуществъ,—говоритъ г. Армфельдъ,

—скотовладѣльцы часто не имѣютъ яснаго представленія о надлежащемъ кормленіи продуктивнаго скота... Животныя плодятся и множатся по законамъ естественнымъ, безъ всякаго вліянія владѣльца. Мы ничего не предпринимаемъ для улучшенія мѣстнаго скота, и остаемся при томъ же скотѣ, какимъ владѣли наши отдаленнѣйшіе предки; не сдѣлано даже никакихъ попытокъ къ его улучшенію: одинъ примѣръ на всю Россію г. Путяты (смоленской губерніи), бьющагося надъ улучшеніемъ своего скота болѣе четверти вѣка". Наши молочные хозяева не выращиваютъ коровъ, а скупаютъ крестьянскія по цѣнѣ, „рѣдко достигающей половинной стоимости ихъ выращиванія, обыкновенно не выше $^1/_3$, часто даже $^1/_4$ этой стоимости". Опытныхъ хозяевъ мы встрѣчаемъ лишь въ тѣхъ отрасляхъ скотоводства, которыя развивались при большомъ содѣйствіи правительства: коневодствѣ (рысистомъ и верховомъ, поддерживаемыхъ правительствомъ, но не рабочемъ—самомъ важномъ для хозяйства) и тонкорунномъ овцеводствѣ. Поэтому и въ будущемъ г. Армфельдъ считаетъ нужнымъ полагаться, главнымъ образомъ, на починъ и участіе правительства же, земства и сельско-хозяйственныхъ обществъ („Земл. Газ.", 1886 г., № 16).

Такое же почти мнѣніе высказываетъ другой, еще болѣе высокій авторитетъ, руководитель коммиссіи по изслѣдованію скотоводства въ Россіи, академикъ Миддендорфъ: „Относительно *сплошныхъ неудачъ* съ вывозными симментальскими, швицкими, альгаускими животными припомнимъ, что ихъ встрѣчали у насъ неприготовленность въ знаніи, кормахъ, уходѣ и т. д., и тѣ, которыя лучше были приняты, избѣгнувъ Сциллы, попали въ Харибду перекормленія, въ особенности во время ихъ развитія, и ожирѣнія, подавляющаго ихъ молочность".

Въ подтвержденіе этихъ общихъ заключеній приведемъ частности, выясненныя новѣйшимъ изслѣдованіемъ скотоводства въ центральной не-черноземной полосѣ, произведеннымъ извѣстными спеціалистами — гг. Калантаромъ, Армфельдомъ, Червинскимъ, подъ общимъ руководствомъ академика Миддендорфа.

Хотя неблагопріятный отзывъ г. Армфельда относится одинаково къ массѣ какъ помѣщичьихъ, такъ и крестьянскихъ хозяйствъ, но здѣсь слѣдуетъ принять во вниманіе, что обыкновенный крестьянинъ и не можетъ особенно заботиться о скотѣ. Нужно помнить, что эти заботы предполагаютъ, прежде всего, нѣкоторый достатокъ какъ денежныхъ средствъ хозяина, такъ и кормовыхъ; но если, какъ это обыкновенно бываетъ у насъ, послѣдняя корова мелкаго хозяина не застрахована отъ продажи за недоимку, той же, которая избѣжитъ этой участи, грозитъ въ теченіе зимы полуголодное существованіе на

одной, нерѣдко гнилой, соломѣ (извѣстно, что роль хлѣбнаго магазина для скота играетъ полугнилая соломенная крыша крестьянской избы, раскрываемая зимой и покрываемая лѣтомъ), вслѣдствіе чего къ веснѣ она еле тащитъ ноги, отчего и получила грустно-ироническое наименованіе „тасканки", — если, говоримъ, принять во вниманіе все это, присоединивъ сюда плохое естественное качество кормовыхъ средствъ самой мѣстности вообще, то сдѣлается понятнымъ, почему въ большей части мѣстностей господствующимъ типомъ является не молочная, а навозная корова, назначенная для производства удобренія, безъ котораго нѣтъ и хлѣба. Но и при этихъ условіяхъ крестьянинъ достигъ многаго въ отношеніи развитія молочности, расположеніе къ которой даже у типической „тáсканки", по словамъ академика Миддендорфа „по истинѣ значительно". Это подтверждается и тѣмъ фактомъ, что именно крестьянская корова доставляетъ матеріалъ для того маслодѣлія и сыроваренія, которое такъ развилось у насъ за послѣднее двадцатилѣтіе.

Но гдѣ только у крестьянъ есть излишекъ кормовъ, тамъ населеніе не довольствуется обычнымъ типомъ навозной коровы, а стремится къ разведенію молочнаго скота и достигаетъ въ этомъ отношеніи довольно хорошихъ результатовъ. Извѣстны, напримѣръ, коровы холмогорки, ярославки, устюжанки и т. д. Онѣ суть результатъ не только естественныхъ условій мѣстности, но и сознательныхъ стремленій къ улучшенію со стороны крестьянина. „Выбирая себѣ корову,—говоритъ г. Верещагинъ,—крестьянинъ обращаетъ вниманіе не только на общія формы животнаго, но, въ частности, на тонкій костякъ, хорошо развитой и крѣпкій желудокъ и въ особенности на правильно устроенное и неиспорченное вымя. Этимъ вниманіемъ къ вымени (отъ того или другого устройства и содержанія котораго зависитъ и молочность коровы) крестьянскія стада значительно отличаются отъ помѣщичьихъ: между тѣмъ какъ въ послѣднихъ испорченное вымя представляетъ далеко не рѣдкое явленіе, въ крестьянскомъ стадѣ вы не найдете ни одного такого вымени". Выбравъ животное, удовлетворяющее извѣстнымъ требованіямъ молочности, крестьянинъ, если только возможно, заботится о лучшемъ его содержаніи, обильномъ питаніи и т. д. Извѣстно, напримѣръ, что крестьянскія коровы ярославской и владимірской губерніи славятся своей молочностью далеко за предѣлами области и покупаются здѣсь для Петербурга, напримѣръ. Коровы ярославской губерніи выдаются по своему достоинству, благодаря комбинаціи многихъ благопріятныхъ условій. Выгодные отхожіе промыслы, обезпечивая уплату податей, позволяли крестьянину сохранять, не отчуждая на сторону,

продукты своего полеводства и луговодства и обращать ихъ на кормъ скота, въ цѣляхъ развитія его молочности, какъ одного изъ главнѣйшихъ источниковъ питанія семьи. Закупка коровъ въ разсматриваемой мѣстности для Петербурга побуждала крестьянъ тѣмъ болѣе заботиться о развитіи молочности и красивой внѣшности животнаго, которое за эти свои качества доставляло хозяину хорошій доходъ. Для достиженія своей цѣли онъ, хотя и не такъ систематически, примѣняетъ тѣ же средства, какими достигаетъ улучшенія скота и крупный хозяинъ. Оставаясь дома, земледѣлецъ тратитъ свою наблюдательность на животныхъ, усердно ихъ выращивая и гордясь передъ сосѣдями, если ему удавалось продать ихъ по высокой цѣнѣ. Любовь и внимательность къ животному порождала новыя измѣненія въ скотоводственной культурѣ. Обращалось особенное вниманіе на пастьбу скота, на перемѣну выгона, заведеніе опытныхъ пастуховъ, браковку скота, подборъ телятъ и т. п. Не оставались крестьяне равнодушными и къ племенному скоту. „Толки о преимуществахъ основного и скрещеннаго скота занимали и занимаютъ мѣстныхъ крестьянъ", говорятъ новѣйшіе изслѣдователи, и дѣлаются попытки улучшить породу примѣсью иностранной крови. Но попытки эти пока не приводили къ замѣтнымъ результатамъ, и нельзя сказать, чтобы виною сказаннаго были крестьяне. Соблазняемые высокими цѣнами крупныхъ коровъ, крестьяне начинаютъ „дорожить крупными телятами отъ культурныхъ расъ, покупаютъ ихъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ, выращиваютъ и продаютъ. Дѣлая все это ради наживы, крестьяне, однако, воздерживаются отъ придачи своему скоту свойствъ, которыми они такъ дорожатъ въ помѣщичьемъ; пробуютъ иногда пускать въ свои стада породистыхъ быковъ, но скоро изгоняютъ ихъ и возвращаются къ своимъ. И это вытекаетъ не изъ рутинности крестьянина, а изъ здраваго хозяйскаго разсчета. „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, напримѣръ, среди крестьянъ ростовскаго уѣзда нашлись особенно усердные защитники помѣщичьихъ и купеческихъ коровъ за ихъ крупное тѣло и красивый складъ; жители с. Порѣчья рѣшились и въ свое стадо пустить быковъ разныхъ породъ (преимущественно тиролекъ), но остались недовольны результатами": молока не прибавилось, а скотъ изнѣжился. И дѣйствительно, хотя помѣщичій скотъ принадлежитъ къ высшимъ породамъ, крупнѣе, красивѣе крестьянскаго, но эти его свойства развиты насчетъ молочности, и потому въ имѣніяхъ любимскаго и даниловскаго уѣздовъ, напримѣръ, коровы „по своему качеству и удойливости стоятъ ниже, чѣмъ въ деревняхъ, поставленныхъ въ сносныя условія". А между тѣмъ она разборчива на кормъ и отказывается отъ пищи, какую охотно принимаетъ русская ко-

рова [1]). То же самое приходится сказать и о владимірской губерніи.

Въ нѣкоторыхъ ея мѣстностяхъ, благодаря бывшимъ здѣсь крупнымъ владѣніямъ (гр. Шереметьева, гр. Зубова) и близости Москвы, распространился тирольскій скотъ, метисы котораго можно встрѣтить въ настоящее время у владѣльцевъ, горожанъ и богатыхъ крестьянъ. „Тирольскій скотъ,—говоритъ оффиціальное изслѣдованіе,—придалъ мѣстному нѣсколько бо́льшій ростъ, округлость и красоту внѣшнихъ формъ, грубое тѣлосложеніе и понизилъ его удойливость". Ихъ „цѣнятъ только за красивый видъ, но не долюбливаютъ за требовательность на кормъ и малоудойливость". Крестьяне называютъ такихъ коровъ „лакомками", „кусочницами", „помойницами". „Общее число заводовъ улучшеннаго скота во владимірской губерніи довольно значительно, но дѣйствительно существующихъ и ведомыхъ такимъ образомъ, чтобы имѣть какое-либо вліяніе на мѣстное скотоводство, крайне незначительно". Такъ, коровы улучшеннаго скота Фролищева и Гороховскаго монастыря пользуются у окрестнаго населенія репутаціей малоудойливыхъ и избалованныхъ. „Самъ настоятель, любуясь монастырскимъ скотомъ, сѣтовалъ, что молоднякъ плохо продается на племя, потому что скотъ этотъ въ другихъ мѣстахъ плохо удается и скоро мельчаетъ". „Изъ этого краткаго обзора заводовъ видно,—заключаетъ г. Армфельдъ,—что число ихъ, во-первыхъ, крайне ограничено, во-вторыхъ, качество не таково, чтобы они могли оказать какое-либо существенное преобразующее вліяніе на окрестное скотоводство. Заводы эти не составляютъ продукта дѣйствительно мѣстной потребности; они не плодъ точнаго и основательнаго разсчета хозяевъ; это просто отрывочныя, часто безцѣльныя и большею частью совершенно случайныя попытки немногихъ отдѣльныхъ лицъ. Обдуманнаго и цѣлесообразнаго выбора породъ не производилось; покупалось что́ случайно попадало подъ руку. Существованіе большинства заводовъ крайне кратковременно; они возникаютъ и уничтожаются быстро, часто не успѣвъ достигнуть никакихъ результатовъ" [2]).

---

[1]) Тр. В. Э. О. 1886, № 8. Изслѣд. Совр. сост. скотов. въ Россіи, в. I, А. 95—97, А. 118, А. 135, А, 125.

[2]) Землед. Газ., 1886 г., № 14, 16. Изслѣд. современ. состоянія скотовод. въ Россіи, в I, стр. А. 125, Д. 67, Д. 70, Д. 79. Въ курской губерніи, гдѣ крестьяне, вмѣсто того, чтобы содержать своего быка, находятъ болѣе выгоднымъ нанимать помѣщичьяго, очень часто заключающаго въ себѣ иностранную кровь, метиси составляютъ очень обыкновенное явленіе въ крестьянскомъ стадѣ. Но и здѣсь примѣсь иностранной крови не улучшила крестьянскаго скота, не сдѣлала его болѣе цѣннымъ. Обыкновенно такой скотъ даже во многихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ „имѣетъ по истинѣ жалкій видъ „та́сканокъ" и „горемыкъ", въ такомъ изобиліи разсѣянныхъ по лицу русской земли" (Ib., вып. II, стр. А. 20—22).

Очень подходящее къ этому заключеніе сдѣлано и профессоромъ петровско-разумовской академіи, г. Червинскимъ.

Сдѣлавъ сводъ данныхъ, собранныхъ правительственной коммиссіей о результатахъ дѣятельности хозяевъ всей Россіи (за исключеніемъ Финляндіи и остзейскихъ губерній) по части улучшенія мѣстнаго скота скрещиваніемъ его съ иностраннымъ, г. Червинскій говоритъ: „Во всей необъятной Россіи въ десяткахъ, а можетъ быть и сотняхъ тысячъ помѣщичьихъ хозяйствъ только 279 коровъ (изъ 16.523 метисовъ, подвергнутыхъ изслѣдованію) превзошли по продуктивности невзрачныхъ на видъ коровъ вяземскаго землевладѣльца" Путяты, создавшаго свое замѣчательное стадо путемъ хорошаго содержанія простой крестьянской коровенки. Приведя окончательные итоги метизацій скота (78,5% коровъ даютъ не болѣе 100 ведеръ молока въ годъ, 16,6%—отъ 100 до 120 ведеръ и лишь 9,9%—выше этой послѣдней цифры), пр. Червинскій говоритъ: „Результатъ незавидный и невольно приводящій къ заключенію, что въ общемъ итогѣ скрещиваніе не сопровождалось тѣми благопріятными послѣдствіями, на которыя можно было бы разсчитывать, еслибы метисы были поставлены въ надлежащія условія содержанія. Именно въ отсутствіи этихъ благопріятныхъ условій мы видимъ основную причину того неудовлетворительнаго состоянія частно-владѣльческаго скотоводства, въ которомъ оно находится".

Итакъ, въ противоположность крестьянину, понимающему, что „молоко у коровы на языкѣ", почему онъ обращаетъ, гдѣ это возможно, преимущественное вниманіе на содержаніе скота и этому фактору улучшенія скотоводства придаетъ бо́льшее значеніе, нежели примѣси иностранной крови,—нашъ землевладѣлецъ не додумался до положенія, что безъ надлежащаго содержанія излишне обращаться къ высокимъ производителямъ, и набросился на иностранный скотъ, какъ на якорь спасенія нашего невзрачнаго скотоводства, не позаботясь создать для него обыкновенную, сносную обстановку. Онъ позабылъ азбуку скотоводства, хорошо извѣстную крестьянину, что „никакіе серьезные и прочные успѣхи немыслимы до тѣхъ поръ, пока дѣлу посвящаютъ мало вниманія самъ хозяинъ, пока посѣщенія скотнаго двора не сдѣлаются обычнымъ явленіемъ, пока все будетъ отдаваться на усмотрѣніе скотниковъ и скотницъ, хотя бы и ученыхъ".

Обращаясь къ оцѣнкѣ двухъ способовъ поднятія молочнаго скотоводства—улучшенія содержанія мѣстнаго скота (пріемъ, практикуемый, какъ мы видѣли, гдѣ это можно, крестьянами) и скрещиванія мѣстнаго скота съ иностраннымъ (господствующаго въ попыткахъ поднятія владѣльческаго скотоводства),—пр. Червинскій говоритъ: „Только

въ хозяйствахъ, отлично кормящихъ и содержащихъ свой скотъ, выдвигается на первый планъ вопросъ о выборѣ той или другой породы скота, соотвѣтственно избранному направленію въ скотоводствѣ; при дурныхъ же кормовыхъ условіяхъ на первомъ планѣ должна стоять забота объ улучшеніи корма, а не о выборѣ породы". Сообразно этому, для огромнаго большинства хозяевъ черноземныхъ губерній, лично посѣщенныхъ профессоромъ въ качествѣ члена вышеупомянутой правительственной коммиссіи (курской, воронежской, черниговской губ.) для поднятія молочной производительности скота авторъ рекомендуетъ, „не гоняясь за выпиской иностранныхъ породъ, заняться улучшеніемъ мѣстнаго скота: строгой браковкой и улучшеніемъ кормленія добиться намѣченной цѣли". Тотъ же совѣтъ въ другомъ мѣстѣ авторъ даетъ русскому хозяину вообще [1]).

Зная, что хозяевъ, „отлично кормящихъ и содержащихъ свой скотъ",—небольшое меньшинство, къ метизаціи же прибѣгаетъ бо̀льшая часть владѣльцевъ, стремящихся къ улучшенію скотоводства, мы въ правѣ сдѣлать заключеніе, что наши крупные хозяева, несмотря на то, что къ ихъ услугамъ наука, не понимаютъ дѣла, за которое берутся, не выказываютъ достаточной степени самостоятельности въ выборѣ системы, не умѣютъ оцѣнить обстановки, въ какой имъ приходится оперировать, и рабски подражаютъ западнымъ образцамъ, почему и не могутъ служить руководителями въ дѣлѣ поднятія скотоводства въ Россіи. Крестьянинъ же, обращая, гдѣ это можно, главное вниманіе на содержаніе животнаго и относясь весьма сдержанно къ метизаціи, тѣмъ самымъ обнаруживаетъ болѣе способности къ дѣйствительному улучшенію хозяйства и нуждается не въ готовыхъ образцахъ лучшаго, которые оставалось бы только копировать, а въ благопріятной экономической обстановкѣ и элементарныхъ научныхъ знаніяхъ, при помощи которыхъ онъ съумѣетъ выработать формы хозяйства, соотвѣтствующія его потребностямъ и спеціальнымъ условіямъ той или другой мѣстности Россіи.

Итакъ, не одни только завѣдомые поклонники крестьянской коровы, какъ напримѣръ Н. В. Верещагинъ, но и оффиціальное изслѣдованіе, веденное извѣстными спеціалистами, представляютъ данныя, изъ которыхъ видно, что тогда какъ крупное хозяйство только пытается—и пока не совсѣмъ удачно—создать лучшую породу скота, обращаясь для этого къ культурнымъ породамъ Запада, мелкое уже выработало типъ, въ своихъ отрицательныхъ и положительныхъ свойствахъ вполнѣ соотвѣтствующій естественнымъ условіямъ мѣстности и требованіямъ хозяйства: крестьянская корова при самомъ

[1]) Сельск. хоз. и лѣсов., 1887, 11.

плохомъ кормѣ, при которомъ давно погибли бы западныя породы, даетъ удобреніе и молоко, а при небольшомъ измѣненіи питанія ея удойливость повышается до очень высокой степени. „Мы съ пренебреженіемъ отворачиваемся отъ маленькой, невзрачной на видъ, русской крестьянской коровы, а между тѣмъ она заслуживаетъ полнаго нашего вниманія по степени своей продуктивности,—говоритъ извѣстный хозяинъ-маслодѣлъ Широбоковъ.—При самыхъ незавидныхъ пастбищахъ и нероскошномъ зимнемъ кормленіи, она лучше всѣхъ иностранныхъ породъ оплачиваетъ свой кормъ" („Земл. Газ.", 1883 г., № 27). „Пока не появится у населенія извѣстное количество кормовыхъ средствъ, обезпечивающее хорошее содержаніе скота,—говоритъ г. Верещагинъ, — мѣстное скотоводство можетъ представлять лишь отраженіе тѣхъ плохихъ кормовыхъ условій, среди которыхъ оно находится. Но какъ только у населенія появляются какіе-либо излишки кормовыхъ средствъ, оно охотно обращаетъ ихъ на улучшеніе скота". Удивительна при этомъ перемѣна, свидѣтельствующая о хорошихъ природныхъ качествахъ крестьянской коровы, какая замѣчается въ несчастной „тáсканкѣ", коль скоро она попадетъ въ сносныя условія содержанія.

„Въ городскихъ стадахъ (владимірской губерніи), — говоритъ г. Армфельдъ,—коровы очень пестры, но бóльшая ихъ часть росла, отлично сложена, такъ что, разъ попавъ въ городское стадо, трудно изъ него выбраться: непремѣнно залюбуешься коровами". А между тѣмъ это тѣ же крестьянскія, но лишь хорошо кормленныя. „Купленныя въ деревняхъ, рублей по 25, тощія и цыбастыя первотелки съ подтянутымъ, присохшимъ вымснемъ, оленьимъ брюхомъ, кривыми ногами, быстрой, неровной походкой, блуждающимъ, дикимъ взглядомъ, взъерошенною шерстью, пробывъ въ городѣ 2—3 года, превращаются въ широкихъ, утробистыхъ, усадистыхъ коровъ, съ огромнымъ мягкимъ выменемъ, гладкимъ, мягкимъ и короткимъ волосомъ, плавной, медленной походкой, покойнымъ, довѣрчивымъ взглядомъ и, наконецъ, цѣнностью въ 75—150 р." [1]).

„Наши русскія породы принадлежатъ по преимуществу къ густомолочнымъ,—говоритъ г. Верещагинъ.—Проценты жира 4 и 5 составляютъ вовсе не исключеніе въ цѣломъ стадѣ русскихъ коровъ, и мы не ошибемся, если примемъ 4—5% жира за среднее для многихъ мѣстностей. Сосѣди наши, нѣмцы, заявляютъ въ „Milch-Zeitung", что они только по книжкамъ знаютъ о 3,5 и 4% содержаніи жира и что больше 2, 2½% они и не получаютъ у себя въ стадахъ". Сообразно этому и продукты нашего молочнаго хозяйства обладаютъ

1) Изслѣд. совр. сост. скот., в. I, стр. Д. 80—1.

высокими достоинствами. „Про наше масло иностранцы, напримѣръ гамбургскіе купцы, отзываются, что оно отличается своею плотностью и прекраснымъ вкусомъ, такъ что лучшіе его сорта приберегаются корабельщикамъ для дальняго плаванія". „О нашемъ честерѣ Hutchison (лучшій экспертъ сыровъ въ Англіи) выразился такимъ образомъ, что прежде англійскимъ хозяевамъ нужно было бояться конкурренціи Америки, но теперь они встрѣчаютъ новаго и страшнаго конкуррента въ лицѣ русскаго производителя. Дѣйствительно, нашъ тверской, череповецкій и кадниковскій честеръ считается въ Англіи однимъ изъ самыхъ лучшихъ сортовъ сыровъ". „Все это показываетъ, что любовь къ скотоводству, умѣнье воспользоваться хорошими качествами своего скота и поддерживать или закрѣплять эти качества развиты въ населеніи въ сильной степени. Поэтому, когда рѣчь идетъ объ улучшеніи нашего скотоводства, то прежде всего становится необходимымъ позаботиться о томъ, чтобы были въ наличности хорошія кормовыя средства" [1]). И дѣйствительно, не естественъ ли хорошій результатъ скотоводства у хозяйки (въ крестьянствѣ оно находится на рукахъ бабъ), которая рыдаетъ надъ заболѣвшей коровой, рыдаетъ и падаетъ въ обморокъ, когда уводятъ со двора проданную корову, которая со слезами проситъ покупателя хорошо кормить и жалѣть купленную корову, которая всю жизнь проводитъ съ коровой и овцами и изучила до тонкости ихъ нравы и свойства? Г. Энгельгардтъ утверждаетъ даже, что „такая баба лучше всякаго нѣмецкаго скотника съумѣетъ ухаживать за скотомъ... У этой бабы лучше, чѣмъ изъ книгъ, вы научитесь уходу за скотомъ, и эта баба пойметъ все дѣйствительно полезное, чтó вы извлекли изъ книгъ" [2]).

Не слѣдуетъ думать, что хорошія качества русскаго крестьянскаго скота и безуспѣшность попытокъ достигнуть замѣтныхъ успѣховъ въ дѣлѣ развитія молочнаго скота нашими крупными хозяевами зависятъ отъ какихъ-то особенныхъ хозяйственныхъ способностей русскаго крестьянина. Нѣтъ, мелкій хозяинъ повсюду имѣетъ въ этомъ дѣлѣ перевѣсъ надъ крупнымъ. „Всѣ породы, славящіяся своею молочностью,—говоритъ г. Верещагинъ,—держатся лишь въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаютъ мелкія хозяйства". „Въ крупномъ хозяйствѣ можно собрать много дойныхъ коровъ, можно получить отъ нихъ много молока; но поддерживать эти качества въ племени или создавать новыя молочныя породы не дается крупнымъ хозяйствамъ... Примѣровъ, доказывающихъ справедливость этого положенія, можно представить много. Знаменитый ангальтскій скотъ есть

[1]) Чтенія Н. В. Верещагина, стр. 7, 13, 23, 24, 25.

[2]) Энгельгардтъ, „О хозяйствѣ въ сѣверной Россіи", стр. 357—358.

продуктъ мелкихъ хозяйствъ. Голландскій держится также въ небольшомъ числѣ экземпляровъ на одномъ дворѣ; швейцарскій скотъ представляетъ тоже самое, джерзейскій—точно также". Извѣстный хозяинъ Финляндіи, Гортенфельдъ, „хозяйничая много лѣтъ, говоритъ, что мѣстный (крестьянскій) скотъ гораздо продуктивнѣе всякаго иностраннаго, равно и продуктовъ скрещиванія". Такое преимущество мелкаго хозяйства надъ крупнымъ въ дѣлѣ воспитанія скота вытекаетъ изъ того обстоятельства, что „каждое отдѣльное молочное животное требуетъ такой доли вниманія, что его можетъ хватать у семьи только на сравнительно небольшое число дойныхъ коровъ", и какого невозможно требовать отъ наемной прислуги крупныхъ владѣльцевъ [1]).

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ развитія молочнаго скота русскій крестьянинъ въ прошломъ достигъ лучшихъ результатовъ сравнительно съ крупнымъ; въ настоящемъ, гдѣ есть для того благопріятныя условія, онъ продолжаетъ усовершенствовать породу, и если и нельзя утверждать, что онъ не нуждается въ содѣйствіи со стороны, то во всякомъ случаѣ очевидно, что послѣднее должно состоять не въ указаніи готовыхъ образцовъ для подражанія, чтó могло бы сдѣлать раціональное коммерческое хозяйство, а въ систематическомъ сообщеніи крестьянину знаній, необходимыхъ скотоводу, въ образованіи фермъ для опытовъ, приспособленныхъ къ потребностямъ крестьянскаго скотоводства, для отвѣтовъ на вопросы, возникшіе въ мелкомъ хозяйствѣ. Нужно систематическое и цѣлесообразное просвѣтительное вліяніе, при помощи общественныхъ учрежденій, на крестьянское хозяйство, а не случайное воздѣйствіе крупной экономіи, руководимой въ своей дѣятельности разсчетами личной выгоды владѣльца и потребностями крупной организаціи производства, отличными отъ требованій мелкаго. Руководствуясь указанными мотивами, русскій владѣлецъ или разводитъ породы скота, не отвѣчающія запросу мелкаго хозяйства, какимъ оно сложилось при данныхъ условіяхъ мѣста и времени (да врядъ ли и особенно выгодныя для самого владѣльца), или прекращаетъ выращиваніе и основываетъ производство на пріобрѣтеніи крестьянскаго скота. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи роль крупнаго хозяйства представляетъ нѣчто совершенно обратное успѣху, и есть много данныхъ предполагать, что дальнѣйшее развитіе коммерческаго маслодѣлія и сыроваренія поведетъ къ пониженію типа молочнаго скота, выработаннаго многолѣтними усиліями мелкаго хозяина.

Еслибы, составляя свое стадо молочнаго скота, владѣлецъ готовъ

---

[1]) Ib. 32, 31, 29, 31.

былъ дать за крестьянскую корову хорошую цѣну, еслибы при этомъ масса населенія была настолько обезпечена въ удовлетвореніи своихъ главнѣйшихъ потребностей, что вынужденная продажа скота составляла бы не правило, а исключеніе,—въ такомъ случаѣ запросъ рынка на молочныхъ коровъ, можетъ быть, вызвалъ бы среди крестьянъ (какъ и запросъ Петербурга на хорошій скотъ въ ярославской губерніи) стремленіе и далъ возможность повышать удойливость коровъ, чтò и повело бы къ улучшенію скотоводства. Но при существующемъ направленіи крупнаго хозяйства, когда къ образованію стада покупкою крестьянскаго скота владѣлецъ прибѣгаетъ ради возможной дешевизны ремонта и подъ условіемъ оплаты не всей стоимости воспитанія молодняка, а 1/2—1/3 части послѣдней, отчужденіе крестьяниномъ своей коровы не будетъ результатомъ правильнаго экономическаго разсчета, а выльется изъ настоятельной потребности въ деньгахъ. Въ такомъ случаѣ крестьянинъ продаетъ не выращенное спеціально для этого животное, а ту самую корову, которую воспиталъ для себя, продаетъ хорошую, а покупаетъ себѣ плохенькую. Результатомъ такого запроса рынка легко можетъ явиться оскудѣніе населенія хорошимъ скотомъ и вообще пониженіе типа послѣдняго, ибо лучшіе экземпляры коровъ пойдутъ не на произведеніе потомства и его воспитаніе, а на утилизацію высокой молочности, причемъ молоднякъ окажется побочнымъ продуктомъ хозяйства и въ значительной степени пойдетъ, вѣроятно, подъ ножъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если наши агрономы—ученые и писатели—своими матеріальными интересами не связанные съ преуспѣяніемъ крупнаго земледѣлія во чтò бы то ни стало (академикъ Миддендорфъ, Баталинъ, Калантаръ и др.), не находятъ достаточно словъ, чтобы достойно заклеймить указанное направленіе хозяйства.

„Молочные хозяева, регистрирующіе стада не собственнымъ приплодомъ, а скупкою коровъ на сторонѣ, не могутъ считаться скотоводами,—говоритъ редакція „Земледѣльческой Газеты“. Лица эти въ сущности такіе же потребители, какъ и обыкновенные скупщики молока,—только послѣдніе пріобрѣтаютъ готовое молоко, коровосодержатели же покупаютъ молоко съ коровою, покупаютъ его, такъ сказать, *на корню*, подобно тому, какъ иными покупается хлѣбъ, еще не убранный, а стоящій на корню“. „Молочный хозяинъ, основывающій свое дѣло на скупкѣ готовыхъ коровъ, собратъ хищнику-полеводу“, такое хозяйствованіе аналогично лѣсоистребленію и т. п. „Странно сваливать самую дорогую и трудную часть скотоводства на крестьянъ“. Г. Калантаръ выражается на этотъ счетъ, что „устроенныя хозяйства занимаются эксплуатаціей крестьянской нужды и невѣжества“. Академикъ Миддендорфъ выражается еще рѣзче: вести хозяйство подоб-

нымъ образомъ—значитъ „спускаться до уровня площаднаго барышничества, содѣйствующаго еще бо̀льшему упадку молочности въ краѣ и здравствующему, благодаря безвыходности крестьянъ"... „Что это выгодно,—дополняетъ сказанное редакція „Землед. Газ.",—неоспоримо, но лишь одной сторонѣ. Спрашивается: на чью же долю падаетъ весь рискъ по воспитанію молодняка, убытки отъ продажи брака его и расходы авансомъ на 2—3 года на кормъ для непродуктивнаго ремонтнаго молодняка? Все это относится на счетъ мелкаго хозяина, а вознагражденіе ему: 1/3, часто 1/4 стоимости выращиванія". Редакція газеты не считаетъ оправданіемъ скупки владѣльцами крестьянскихъ коровъ по базарамъ то обстоятельство, что иначе онѣ будутъ куплены мясниками. „Разсуждая такъ, почему каждому изъ насъ не завести кассы ссудъ; вѣдь если не я заведу ее, то другой заведетъ... Намъ кажется, что призваніе крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ представителей сельско-хозяйственной интеллигенціи въ краѣ, состоитъ не въ скупкѣ скота у крестьянъ, конкуррируя съ мясниками" и не въ построеніи своего благополучія на крестьянской нуждѣ, „а въ томъ, чтобы продажей брака и излишняго молодняка изъ своего имѣнія давать крестьянину возможность сравнительно дешево пріобрѣтать хорошій скотъ" [1]). „Что сильное капиталистическое молочное хозяйство, вслѣдствіе неизбѣжно присущаго ему стремленія скупать молоко на корню, дѣйствуетъ разъѣдающимъ образомъ на скотоводство—на это есть не мало примѣровъ даже за границею". На это идутъ жалобы изъ Англіи. „Древняя высоко-цѣнимая альгаусская корова перевелась въ Германіи", между прочимъ, благодаря образованію крупныхъ обществъ молочнаго хозяйства, пренебрегавшихъ воспитаніемъ молодого скота [2]).

Мнѣніе, утверждающее, будто для возвышенія сельско-хозяйственной культуры страны, даже съ преобладаніемъ мелкаго земледѣлія, необходимо существованіе интенсивнаго хозяйства на поляхъ крупныхъ собственниковъ, — въ примѣненіи къ Россіи не выдерживаетъ критики. Оказывается, что и по принципіальнымъ основаніямъ и потому, какъ обѣ формы русскаго хозяйства заявили себя въ прошедшемъ и настоящемъ, крупныя экономіи не могутъ взять на себя задачу организаціи агрикультурной формы, вполнѣ удовлетворяющей требованіямъ мелкаго земледѣлія и подлежащей точному воспроизведенію на поляхъ послѣдняго. Хотя исторія русскаго хо-

---

[1]) Землед. Газ. 1883 г., № 27, Id. 1886 г., № 16.

[2]) Землед. Газ. 1883 г., № 27.

зяйства еще не написана, тѣмъ не менѣе и на основаніи извѣстнаго не трудно убѣдиться, что въ прошедшемъ крупная форма производства не играла большой культурной роли, и важнѣйшими своими успѣхами (трехпольный сѣвооборотъ съ удобреніемъ полей въ нечерноземной полосѣ, образованіе породы рогатаго скота, удовлетворяющей одновременно и мѣстнымъ кормовымъ условіямъ, и требованіямъ молочности и т. д.) мелкое хозяйство обязано самому себѣ. Въ настоящемъ же крестьянскомъ хозяйствѣ мы наблюдаемъ самостоятельное движеніе къ интензированію земледѣлія, выражающееся въ примѣненіи правильныхъ сѣвооборотовъ и удобреніи полей въ мѣстностяхъ, гдѣ помѣщичье хозяйство находится на одинаковой ступени развитія съ крестьянскимъ и потому не можетъ служить ему образцомъ (степи и переходъ отъ нихъ къ не-степному чернозему); въ быстромъ распространеніи улучшенныхъ орудій въ областяхъ, гдѣ крупное производство вовсе отсутствуетъ (сѣверныя губерніи); въ широкомъ участіи крестьянъ въ дѣлѣ распространенія молотилокъ, гдѣ они являлись изобрѣтателями, строителями и распространителями машинъ не только въ мелкомъ, но и въ крупномъ хозяйствѣ; наконецъ, въ рядѣ опытовъ и попытокъ примѣнить лучшія сѣмена, новыя растенія, тщательную обработку земли и т. п., наблюдаемыхъ на всемъ пространствѣ Россіи, независимо отъ того, существуетъ ли рядомъ съ крестьянскимъ и помѣщичье хозяйство, или первое господствуетъ на всей площади земледѣльческаго производства. Въ этомъ широкомъ движеніи мелкое хозяйство идетъ частью параллельно съ крупнымъ, частью встрѣчаясь и многообразно переплетаясь съ нимъ. Въ послѣднемъ случаѣ неизбѣжно вліяніе одной формы на другую, и мы видимъ, что такое вліяніе обоюдосторонне; при этомъ врядъ ли можно сказать, что мелкое хозяйство больше получило отъ крупнаго, нежели дало ему; но противоположное заключеніе весьма вѣроятно. Если крестьянинъ обязанъ владѣльцу за ту роль склада сѣмянъ, какую тотъ играетъ; если онъ беретъ у него идею орудія, которую еще нужно приспособить къ условіямъ своего производства; если иногда онъ узнаетъ у него о выгодахъ удобренія полей и преимуществахъ болѣе тщательной обработки земли,—зато онъ и отплатилъ ему, предложивъ свою высоко-молочную корову для организаціи маслодѣлія и сыроваренія, беря на себя трудъ ея выращиванія и тѣмъ избавляя владѣльца отъ заботъ и издержекъ по разведенію скота; онъ же изобрѣлъ для крупнаго хозяина сѣвера Россіи пашущее орудіе, приближающееся къ плугу и приспособленное къ мѣстнымъ почвеннымъ условіямъ (курашимская соха, кунгурская косуля и т. п.), построилъ и распространилъ въ хозяйствахъ средней Россіи дешевую

молотилку; создалъ культуру подсолнечника, породу (романовскую) овецъ, перенимаемую у него и крупнымъ землевладѣльцемъ [1]), и т. д.

Изъ сказаннаго ясна и та роль, какую крупное хозяйство играетъ въ дѣлѣ развитія мелкаго. Будучи неспособно вырабатывать новые пути, но имѣя къ своимъ услугамъ науку и технику, созданныя западно-европейскимъ опытомъ, оно можетъ указывать крестьянину нѣкоторые изъ пріемовъ хозяйства, рекомендуемые нашими культурными сосѣдями, знакомить его съ обрывками знаній, столь необходимыхъ для процесса систематическаго поднятія производства на высшую ступень развитія. Мы говоримъ о чужомъ опытѣ, о западноевропейской культурѣ, передаваемыхъ крупнымъ владѣльцамъ мелкому, а не о самостоятельномъ вкладѣ перваго въ сокровищницу агрономическаго знанія, и характеризуемъ то, что̀ крестьянинъ узнаетъ у сосѣда-помѣщика, терминами: „нѣчто“, „обрывки“ и т. д., и мы имѣемъ на это полное право. Слѣдя за успѣхами русскаго крупнаго хозяйства, вы увидите, что—если послѣднее не перенимаетъ чего-либо у крестьянъ—новое, имъ вводимое, почти всегда носитъ иностранную кличку. Если владѣлецъ улучшаетъ породу молочнаго скота, это значитъ, что онъ выписываетъ тирольскихъ, альгаусскихъ, антгальскихъ производителей и т. д.; если мѣняетъ доморощенную соху или плугъ на другое пашущее орудіе, то это—на плугъ Сакка, Рансома, Говарда и т. д.; вводитъ молотилку, то именно Клейтоновскую, Бутеноповскую и пр.; недоволенъ мѣстными сѣменами—обращается къ вазѣ, американскому ячменю, французскому овсу, пробштейнской ржи и проч., и весьма рѣдко проскользнетъ здѣсь имя въ родѣ Шарапова или Сабанѣева. Это значитъ, что наше крупное хозяйство живетъ пока чужимъ умомъ, что ему предстоитъ еще много дѣла въ усвоеніи агрономическихъ знаній, выработанныхъ Западомъ, подобно тому, какъ и вся наша крупная промышленность держится главнымъ образомъ западно-европейскимъ творчествомъ. Но, перенимая съ Запада то, что̀ считается наиболѣе приложимымъ къ крупному производству, да и здѣсь дѣйствуя безъ надлежащаго знанія и осмотрительности, частный собственникъ сплошь и рядомъ заводитъ у себя порядки, безполезные въ мелкомъ хозяйствѣ, часто вовсе не подходящіе къ условіямъ русскаго земледѣлія вообще. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда крестьянинъ можетъ у него что-либо позаимство-

[1]) Одинъ подмосковный хозяинъ, познакомившись съ оффиціальнымъ изслѣдованіемъ романовскаго овцеводства, выписалъ нѣсколько штукъ этой породы, воспиталъ ихъ по правиламъ, установленнымъ крестьянской практикой, развилъ цѣлое стадо и очень имъ доволенъ; а книгу, заключающую сводъ этихъ правилъ, совѣтуетъ „пріобрѣсти всякому любителю овцеводства въ средней и сѣверной Россіи“. (Земл. Газ. 1886 г., № 21).

вать, это—не наиболѣе подходящіе пріемы, не то, что̀ есть въ наукѣ самое для него нужное, а—въ чемъ интересы крупнаго производства, образующіе въ общемъ самостоятельную систему, случайно соприкасаются съ мелкимъ. Это не систематическая передача со стороны учителя знаній, наиболѣе требуемыхъ ученикомъ, а отрывочное усвоеніе ихъ, какъ результатъ случайной встрѣчи полузнайки съ невѣждой.

Такимъ образомъ, культурная роль крупнаго хозяйства въ Россіи заключается въ примѣненіи къ земледѣлію правилъ агрономической науки, выработанныхъ Западомъ; въ области частновладѣльческаго хозяйства это примѣненіе совершается имъ непосредственно, въ мелкомъ производствѣ—путемъ передачи нужныхъ знаній крестьянину. Сравнительно съ этой ролью посредника между наукой и жизнью, самостоятельное значеніе крупнаго хозяйства для поднятія земледѣльческой культуры въ Россіи стоитъ на второмъ планѣ. Что же касается самого посредничества, то оно весьма случайно, вмѣсто того, чтобы быть систематичнымъ; а если такъ, если нашему крестьянину нужна западно-европейская наука, а существующіе способы ознакомленія съ нею, вытекающіе изъ примѣненія къ образованію народа принципа laissez faire, laissez aller, не доводятъ до его свѣдѣнія того, что̀ ему всего болѣе нужно, и вмѣсто того снабжаютъ его какими-то обрывками знанія,—то не ясно ли, что взамѣнъ господствовавшаго до сихъ поръ случайнаго посредничества между наукой и народной жизнью необходимо организовать стройную систему передачи народу знаній, соотвѣтствующихъ требованіямъ его хозяйства.

Было время, когда крупная форма производства играла въ разсматриваемой области промышленной дѣятельности населенія (правда, не-русскаго) болѣе важную роль, и очень можетъ быть, что въ тѣ времена безъ ея широкаго участія сельско-хозяйственный прогрессъ значительно бы замедлился. Мы говоримъ о томъ періодѣ развитія европейскихъ обществъ, когда агрономическая наука только-что зарождалась. Развитіе этой отрасли знаній не можетъ основываться на кабинетныхъ работахъ и лабораторныхъ опытахъ; помимо наблюденія дѣйствительной жизни, какъ фактовъ естественнаго развитія общества, наука, устанавливающая принципы раціональной сельско-хозяйственной дѣятельности, должна обращаться къ опытамъ, производимымъ при соотвѣтствующей обстановкѣ, характерной для хозяйства изучаемой страны; лабораторіей ей должны служить дѣйствительныя хозяйства; ея жрецами поэтому должны быть сами хозяева, и крупные землевладѣльцы, какъ единственно просвѣщенная часть хозяевъ, естественно сдѣлались учеными агрономами, а ихъ дома и скотные дворы—лабораторіями. Въ настоящее же время, когда просвѣщеніе на Западѣ распространилось за предѣлы привилегиро-

ванныхъ классовъ, а интересы массы сдѣлались предметомъ особенныхъ заботъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, въ процессъ разработки агрономическихъ вопросовъ вовлечены и мелкія хозяйства, причемъ значительно расширилось систематическое участіе въ дѣлѣ развитія сельско-хозяйственной культуры общественныхъ учрежденій, замѣняющихъ просвѣщенное содѣйствіе крупныхъ собственниковъ и руководящихъ опытами, предпринимаемыми мелкими. Если поэтому даже на Западѣ, гдѣ практика хозяйства идетъ параллельно съ теоріей, и задача прогресса заключается не въ одномъ примѣненіи научныхъ рецептовъ, а и въ дальнѣйшемъ развитіи руководящихъ принциповъ, крупное производство уже не играетъ прежней роли піонера, открывающаго пути, по которымъ слѣдуютъ мелкіе собственники, и сельско-хозяйственная культура въ странахъ мелкаго производства по высотѣ развитія не уступаетъ мѣстностямъ, гдѣ господствуетъ крупное землевладѣніе, то тѣмъ болѣе сказанное (о руководящемъ значеніи крупнаго хозяйства) приложимо къ Россіи, гдѣ крупное хозяйство, въ западно-европейскомъ смыслѣ слова, какъ форма производства, технически независимая отъ мелкаго, не имѣетъ прочныхъ корней, ни по своему прошедшему, ни по условіямъ существованія въ настоящемъ, и гдѣ на первомъ планѣ стоитъ не созданіе науки, опредѣляющей направленіе сельско-хозяйственной дѣятельности, а усвоеніе знаній, добытыхъ европейскими обществами, примѣненіе къ русской жизни принциповъ раціональнаго хозяйства, установленныхъ нашими болѣе культурными сосѣдями.

Русскій крестьянинъ, очевидно, стремится въ настоящее время къ улучшенію своего хозяйства и обнаруживаетъ способности, обезпечивающія успѣшное достиженіе цѣли: онъ наблюдаетъ, дѣлаетъ опыты, изобрѣтаетъ, не прельщается внѣшностью образца, которому подражаетъ, а умѣетъ оцѣнить его по существу. Но онъ разобщенъ съ наукой, и необходимыя знанія доходятъ до него случайно, благодаря встрѣчѣ съ прохожимъ, черезъ отхожіе промыслы, примѣръ крупнаго землевладѣльца и т. д. Послѣдній способъ, самый важный, все-таки крайне недостаточенъ, такъ какъ, помимо слишкомъ ограниченнаго числа частныхъ собственниковъ, заводящихъ на своихъ поляхъ улучшенное хозяйство, они руководятся въ своей дѣятельности личнымъ интересомъ и требованіями крупной формы производства, значительно расходящимися съ соотвѣтствующими условіями мелкаго хозяйства. Поэтому главное (помимо финансовой стороны), что слѣдуетъ сдѣлать для обезпеченія правильнаго хода возвышенія сельско-хозяйственной культуры страны, это—установить системати-

ческую связь науки съ мелкими производителями, демократизировать первую, дать крестьянину то, что находилось до сихъ поръ въ исключительномъ пользованіи землевладѣльца.

Для достиженія указанной цѣли намъ не придется прокладывать новые пути, неизвѣстные въ практикѣ культурныхъ народовъ. Если техника обрабатывающей промышленности развивается самостоятельно, на почвѣ безпорядочной борьбы личныхъ интересовъ и при непосредственномъ участіи *свободно*-организованныхъ союзовъ (ученыхъ обществъ, съѣздовъ и т. п.), а содѣйствіе государства выражается лишь въ организаціи общаго спеціальнаго образованія, то совершенно иное приходится сказать о земледѣльческой промышленности. Даже въ странахъ съ широкимъ распространеніемъ крупнаго хозяйства (каковы, напр., Соединенные Штаты Америки) правительство играетъ важную роль въ сельско-хозяйственной жизни, предлагая производителямъ богатыя научныя пособія—кабинеты, лабораторіи—и само вмѣшиваясь въ хозяйство съ цѣлью произвести въ немъ тѣ или другія измѣненія. Возьмемъ, напримѣръ, годовой отчетъ вашингтонскаго департамента земледѣлія, и, кромѣ тщательно разработанныхъ статистическихъ данныхъ, мы тамъ найдемъ массу правительственныхъ работъ, отвѣчающихъ на текущіе запросы сельско-хозяйственной практики. Мы здѣсь увидимъ химическое изслѣдованіе растеній, культивируемыхъ или подлежащихъ разведенію въ штатахъ; изученіе болѣзней, поражающихъ въ данный моментъ животныя и растенія; опыты относительно новыхъ сельско-хозяйственныхъ техническихъ производствъ, предпринятые въ лабораторіи департамента и, по иниціативѣ послѣдняго, на частныхъ или правительственныхъ фермахъ, и т. д. Мы видимъ, что правительство не только производитъ научное изслѣдованіе существующаго, но и само вмѣшивается въ текущую жизнь, предлагаетъ тѣ или другія агрикультурныя преобразованія, само предпринимаетъ опыты, способные выяснить практическую сторону вопроса, и т. п.

Если таково участіе государства въ сельско-хозяйственной жизни страны съ широкимъ развитіемъ крупной формы производства и соотвѣтствующимъ образованіемъ хозяевъ, равно какъ и готовыми денежными средствами, чтобы предпринять тѣ или другія преобразованія, то еще большее участіе правительственныхъ и общественныхъ учрежденій найдемъ мы въ мѣстностяхъ, гдѣ мелкое земледѣліе составляетъ чуть ли не единственную форму сельско-хозяйственной дѣятельности населенія, каковы, напр., Бельгія или Люксембургъ. Въ этихъ странахъ съ высоко-развитымъ земледѣліемъ, гдѣ ферма въ 30—40 десятинъ считается уже крупной, наблюдается очень широкое участіе въ практической дѣятельности хозяевъ спеціальнаго учреж-

денія, составленнаго изъ комбинаціи правительственныхъ и общественныхъ элементовъ. Центральное сельско-хоз. управленіе страны имѣетъ по всѣмъ отраслямъ сельско-хозяйственной дѣятельности спеціалистовъ, къ которымъ и обращаются за совѣтомъ и руководствомъ хозяева, желающіе предпринять какую-либо работу. Преподаватели и ученики агрономическихъ учебныхъ заведеній устраиваютъ въ городахъ и деревняхъ публичныя собесѣдованія по разнообразнѣйшимъ вопросамъ сельскаго хозяйства; число такихъ собесѣдованій въ Бельгіи доходитъ до 1.400 въ годъ. Предметами бесѣдъ служатъ или полный курсъ хозяйства, или отдѣльные вопросы по земледѣлію, лѣсоводству, садоводству, огородничеству, скотоводству и кузнечному ремеслу. Этими бесѣдами правительство пользуется для распространенія полезнаго нововведенія.

„Центральные и мѣстные органы управленія,—говоритъ проф. Тарасовъ,—обладая всѣми необходимыми для этого средствами, тщательно слѣдятъ за рыночными цѣнами, за ввозной и вывозной торговлей, за сельско-хозяйственной дѣятельностью сосѣдей, за всѣми открытіями въ сельско-хозяйственной техникѣ, тотчасъ же оповѣщаютъ населеніе объ угрожающей ему опасности и о средствахъ къ устраненію ея или о возможныхъ улучшеніяхъ и способахъ примѣненія ихъ, являясь на помощь земледѣльцамъ въ той мѣрѣ и той формѣ, въ какой это представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ въ каждомъ данномъ случаѣ"... „Если, напр., центральное управленіе убѣждается, что тотъ или другой родъ посѣвовъ перестаетъ быть выгоднымъ для землевладѣльцевъ, вслѣдствіе измѣнившихся рыночныхъ или какихъ-либо иныхъ условій, или что тотъ или другой пріемъ обработки устарѣлъ, то первоначально населеніе данной мѣстности оповѣщается объ этомъ посредствомъ печатнаго и устнаго слова, въ конференціяхъ, собесѣдованіяхъ и т. п., съ обстоятельнымъ, вполнѣ популярнымъ указаніемъ какъ на грядущую опасность, такъ и на средства къ устраненію ея. Въ случаѣ успѣшности этого перваго пріема, т.-е. когда найдутся лица, желающія послѣдовать совѣтамъ правительства, послѣднее приходитъ всячески на помощь имъ: ссудой (только отнюдь не въ денежной формѣ, а сѣменами, машинами, удобреніемъ и т. п.), постановленіемъ, командированіемъ техниковъ, предоставленіемъ какихъ-нибудь льготъ и т. п. Если желающихъ не оказывается, то государство на своей или заарендованной землѣ совершаетъ на глазахъ у всего мѣстнаго населенія все то, чего оно хочетъ добиться отъ земледѣльцевъ, и дѣло всегда кончается тѣмъ, что крестьяне, наконецъ, убѣждаются въ выгодѣ рекомендуемаго новшества и начинаютъ вводить его у себя" [1]).

[1]) И. Тарасовъ, Интензивное хозяйство и сельско-хозяйственная политика, стр. 14—15.

Не довольствуясь проповѣдью, совѣтомъ, указаніемъ и кредитомъ, правительство входитъ въ еще болѣе интимную связь съ хозяевами, предпринимая работы, непосильныя отдѣльнымъ земледѣльцамъ и не производимыя ими сообща. Такъ, убѣдившись, что сушка хмеля въ домахъ, какъ она производится крестьянами въ Асхѣ около Брюсселя, портитъ это растеніе, и тѣмъ препятствуетъ сбыту его за границу, правительство воздвигло образцовую каменную сушильню, которою за сравнительно ничтожную плату могутъ пользоваться по очереди всѣ желающіе, и такимъ образомъ фермеры имѣютъ возможность, не дѣлая какихъ-либо крупныхъ затратъ, сушить свой хмель такъ же, какъ это практикуется въ большихъ хмельникахъ, занимающихъ большія площади въ нѣсколько десятковъ десятинъ, а не ничтожные клочки земли, рѣдко достигающіе 1/2 десятины. Люксембургское центральное управленіе сельскимъ хозяйствомъ вырабатываетъ планъ общей молочной, предназначенной, между прочимъ, для того, чтобы освободить хозяевъ отъ необходимости имѣть свои погреба и организовать дѣло сохраненія молока, отстаиванія сливокъ и сбиванія масла на возможно болѣе раціональныхъ началахъ, съ наименьшими расходами, что̀ очень трудно достигнуть личными силами отдѣльныхъ мелкихъ хозяевъ.

Во время своего путешествія по описываемой мѣстности г. Тарасовъ попалъ на ярмарку въ г. Люксембургѣ, и здѣсь ему пришлось познакомиться съ новымъ случаемъ участія общественныхъ учрежденій къ судьбѣ хозяевъ. Весь скотъ на ярмаркѣ „подвергся предварительно ветеринарному изслѣдованію, самая же продажа обставлена такими условіями, чтобы по возможности устранить услуги скупщиковъ, дабы купля-продажа совершалась въ интересахъ обѣихъ сторонъ безъ посредниковъ".

Въ заключеніе этого краткаго очерка участія общественныхъ силъ Бельгіи въ судьбахъ ея сельскаго хозяйства, приведемъ слѣдующій выводъ г. Тарасова.

„Фактъ, что въ Бельгіи господствуетъ обработка малыхъ участковъ земли фермерами или собственниками, самъ по себѣ можетъ имѣть столько же положительное, сколько и отрицательное значеніе; но тотъ же фактъ въ связи съ вышеуказанными началами отношенія государства и общества къ земледѣлію и къ распространенію сельско-хоз. образованія, имѣетъ несомнѣнно значеніе культурнаго явленія въ области народнаго хозяйства, заслуживающаго подробнаго и серьезнаго изученія, если не для слѣпого подражанія, которое невозможно, то по крайней мѣрѣ для просвѣтленія, дабы не идти по завѣдомо ложному пути".

Спрашивается: почему то же самое не можетъ быть примѣнено

къ другой странѣ мелкаго земледѣлія—Россіи? Правда, нашъ крестьянинъ не такъ культуренъ, и потому не можетъ на первое время играть въ организаціи сельско-хоз. управленія столь же видную роль, какъ въ Бельгіи, гдѣ низшими органами управленія служатъ свободные союзы земледѣльцевъ. Но у насъ есть земство, которому естественно выступить въ роли возбудителя хозяйственнаго движенія, и есть основаніе предполагать, что ему не придется неопредѣленно долгое время держать исключительно на своихъ плечахъ все бремя иниціативы и единственнаго руководителя невѣжественной массы, играть роль единственнаго учителя нерадивыхъ учениковъ. Можно надѣяться, что и крестьянство, несмотря на свое невѣжество, скоро выдѣлитъ активныхъ дѣятелей, способныхъ примкнуть къ земству и сдѣлаться въ деревняхъ представителями движенія къ улучшенію. А существованіе общины и привычка населенія дѣйствовать по мірскому уговору обезпечиваетъ согласное дѣйствіе по рѣшенію большинства въ тѣхъ случаяхъ, когда въ Бельгіи для этого требуется соглашеніе всѣхъ совладѣльцевъ. Тѣмъ же институтомъ общиннаго землевладѣнія до извѣстной степени предопредѣляется и организація нашего сельско-хоз. управленія: въ отличіе отъ бельгійской она можетъ быть построена на союзѣ не лицъ, а общинъ.

Что попытка земства или другого учрежденія и даже частнаго лица внести въ народную среду свѣтъ знанія не пропадетъ даромъ, что эти иниціаторы встрѣтятъ сочувствіе массы и найдутъ способныхъ сотрудниковъ въ деревнѣ, — кромѣ факта широкаго распространенія въ крестьянствѣ стремленія къ улучшенію хозяйства, доказывается и отдѣльными извѣстными намъ случаями вліянія на крестьянъ постороннихъ лицъ, присутствія въ общинѣ лицъ, старающихся подвинуть населеніе къ преобразованію и, наконецъ, сознанія самими крестьянами своей безпомощности и обращенія за совѣтомъ туда, гдѣ они надѣятся найти знаніе и готовность оказать имъ помощь. Не говоря о плодотворной дѣятельности Н. В. Верещагина, основавшаго у насъ заводское производство (крупное и мелкое) масла, имѣющее уже результатомъ улучшеніе скотоводства въ крестьянскомъ хозяйствѣ мѣстностей, гдѣ это производство получило широкое распространеніе, укажемъ на примѣръ движенія, возбужденнаго въ нѣкоторыхъ деревняхъ покойнымъ Кавелинымъ, проповѣдовавшимъ крестьянамъ выгоды перехода къ многопольному сѣвообороту; на случаи возникновенія въ общинѣ многихъ агрикультурныхъ преобразованій, съ приходомъ на родину лица, долго бывшаго въ отлучкѣ и насмотрѣвшагося на сторонѣ на лучшіе земледѣльческіе порядки; также на случаи обращенія крестьянъ къ земству и даже правительству съ просьбой указать имъ средства поднять производительность земли или

помочь въ достиженіи уже намѣченнаго преобразованія, и т. п. Всѣ подобные факты доказываютъ, что крестьяне сознаютъ недостатки своего хозяйства, ищутъ лучшаго, знаютъ, что полезныя указанія могутъ получить отъ науки, и готовы слушать ея поученія, какимъ бы путемъ они къ нимъ ни достигли. А если такъ, то теперь настало время устранить случайность, до сихъ поръ господствующую въ дѣлѣ передачи свѣденій отъ интеллигенціи народу; время установить систематическую связь науки съ жизнью массы населенія, а именно въ такой связи наука и почерпаетъ полное право существовать и развиваться на общія средства народа.—В. В.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Саратовъ, 28-го іюня 1889 г.

Года полтора тому назадъ разослано было по саратовской губерніи чрезъ посредство мѣстнаго статистическаго комитета 1.700 экземпляровъ краткихъ приглашеній всѣмъ жителямъ ея съ просьбой высказать вполнѣ откровенно свои соображенія о причинахъ экономическаго упадка края и о мѣрахъ къ ихъ устраненію. Мы уже говорили объ этомъ; къ маю мѣсяцу прошедшаго года поступило на этотъ запросъ до 300 отвѣтовъ, весьма разнообразныхъ по характеру и содержанію, начиная съ самыхъ безцвѣтныхъ и пустыхъ до серьезныхъ, заглянувшихъ въ самую глубь условій нашей общественной жизни въ провинціи вообще. Сведенные въ одно цѣлое, эти отвѣты были предложены на обсужденіе созваннаго въ томъ же маѣ мѣсяцѣ „съѣзда уѣздныхъ исправниковъ". Труды съѣзда, продолжавшагося почти недѣлю подъ предсѣдательствомъ самого губернатора, появились въ свѣтъ только недавно въ видѣ брошюры in 4° большого формата, на 15 страницахъ, подъ заглавіемъ: „Съѣздъ исправниковъ саратовской губерніи, созванныхъ губернаторомъ, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантомъ А. И. Косичъ, для обсужденія различныхъ административныхъ мѣропріятій". То уже одно обстоятельство, что брошюра эта пущена въ обращеніе спустя почти годъ по закрытіи съѣзда, причемъ нѣсколько разъ передѣлывалась и перепечатывалась, и разослана ограниченному кругу лицъ, въ противоположность предъидущимъ циркулярамъ, разсѣевавшимся по губерніи въ тысячахъ экземплярахъ, чуть ли не всѣмъ грамотнымъ обывателямъ,—даетъ основаніе предполагать, что саратовская губернская администрація считаетъ ее весьма важной по содержанію. Такова она и есть по существу дѣла. Съѣздъ исправниковъ явился завершеніемъ той административной политики „разговоровъ", которая воцарилась въ саратовской губерніи со второй половины 1887 года; послѣ этого съѣзда администрація приступила къ *дѣйствіямъ*. Каковы эти дѣйствія и куда склонятъ они жизнь цѣлаго края—легко можно видѣть изъ обзора самой брошюры.

Засѣданія съѣзда открыты были чтеніемъ свода отвѣтовъ на циркулярный запросъ губернатора по статистическому комитету о причинахъ обѣднѣнія края. Но этому чтенію губернаторъ предпослалъ рѣчь, въ которой объяснилъ, что изъ всѣхъ 50-60 причинъ, указанныхъ сводомъ въ качествѣ обусловливающихъ экономическій упадокъ

края, предпочтительнаго вниманія заслуживаютъ только двѣ: упадокъ въ средѣ крестьянъ вѣры въ авторитетъ власти и расшатанность религіозно-нравственнаго сознанія,—короче говоря, „распущенность и безнравственность населенія". Для возстановленія въ населеніи порядка министерство внутреннихъ дѣлъ проектировало институтъ земскихъ уѣздныхъ начальниковъ съ правами и властью бывшихъ мировыхъ посредниковъ; но въ нашемъ краѣ сочли необходимымъ начать управляться собственными средствами, не ожидая законодательныхъ мѣръ, при помощи мѣстныхъ же мѣръ и средствъ, которыя уже не пойдутъ на утвержденіе законодательнымъ порядкомъ.

Въ рѣчи очень опредѣленно намѣчалось, чего хочетъ губернская администрація отъ своихъ исполнительныхъ органовъ въ уѣздахъ: гг. исправники вызывались на съѣздъ не для самостоятельнаго обсужденія предложенныхъ ихъ вниманію вопросовъ, а лишь для воспринятія указаній, разъясненій и инструкцій. Такъ и поняли свою роль участники съѣзда, такъ и повели дѣло разсужденій и обсужденій. Прежде всего они подвергли критикѣ сводъ мнѣній. Результаты критики, въ сокращенномъ изложеніи, представляются брошюрой въ такомъ видѣ: пьянство отдѣльныхъ крестьянъ и общинное на сходахъ, при рѣшеніи всѣхъ мірскихъ дѣлъ, выставляемое въ 130 отзывахъ главной причиной народнаго оскудѣнія, вовсе не представляется столь отчаяннымъ и поголовнымъ, какъ говорится въ сводѣ мнѣній. Даже напротивъ, за послѣдніе три года, вѣроятно вслѣдствіе общаго экономическаго кризиса, крестьяне какъ будто стали пить меньше. Притомъ же сильнѣе пьянствуетъ городское сословіе, чѣмъ сельское, которое пьетъ собственно при различныхъ семейныхъ событіяхъ, въ родѣ свадебъ, крестинъ, похоронъ и т. под., и преимущественно осенью. Затѣмъ сокращенію пьянства содѣйствовала замѣна кабаковъ винными лавками (взглядъ прямо противоположный всѣмъ отвѣтамъ на циркуляръ статистическаго комитета, который въ этой замѣнѣ видитъ причину увеличенія пьянства): на пятакъ уже нельзя выпить въ лавкахъ такъ же, какъ въ бывшихъ кабакахъ. Если же теперь пьютъ въ шинкахъ и въ нарочно нанимаемыхъ содержателями винныхъ лавокъ домахъ, также въ квартирахъ сидѣльцевъ, то тѣмъ не менѣе это уже тайные притоны. Они держатся воровски, съ опасеніемъ, и не имѣютъ того характера сборищъ— сельскихъ клубовъ, какой носили прежніе кабаки, гдѣ вмѣстѣ съ достояніемъ крестьянинъ пропивалъ свою совѣсть, терялъ свой нравственный обликъ. Зло въ томъ, что винныхъ лавокъ много, что онѣ открываются безъ всякихъ стѣсненій; даже открытіе ихъ какъ бы покровительствуется нѣкоторыми положеніями. Климатическія явленія —то засуха, то проливные дожди не во-время—вліяютъ на урожаи,

но послѣдніе все-таки находятся въ прямой зависимости отъ обработки, которая становится годъ отъ года хуже. Крестьяне стремятся лишь къ увеличенію площади посѣвовъ, но не улучшаютъ качества обработки. Дешевизна хлѣба и вообще сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не влекла бы за собою оскудѣнія, еслибы рядомъ съ нею не шелъ недородъ. Высокія цѣны избаловали крестьянъ, распродавшихъ свои хлѣбные запасы и употребившихъ деньги на предметы роскоши и щегольство. Крестьяне, терпящіе много отъ своего безконтрольнаго самоуправленія, лишены руководительства въ своихъ нуждахъ. Напр., они снимаютъ чрезполосную землю, когда у сосѣдняго помѣщика могли бы арендовать рядомъ. Несмотря на дорогія цѣны за арендуемую землю, крестьяне въ иныхъ случаяхъ сдаютъ задешево своимъ кулакамъ общественную землю, которую потомъ сами же и снимаютъ вдвое дороже. Въ этомъ отношеніи въ состояніи много помочь своими указаніями мѣстныя власти, при непремѣнномъ условіи съ ихъ стороны входить въ бытъ крестьянъ и знать частныя особенности ихъ. Кустарные промыслы не развиты, вслѣдствіе недостатка знаній и предпріимчивости и отсутствія должнаго направленія, къ чему приложить трудъ, отъ неумѣнья крестьянъ распорядиться имѣющимся подъ руками матеріаломъ, отъ незнанія, въ чемъ и гдѣ есть потребность. Недовѣріе (?) къ школѣ есть слѣдствіе недостатка воспитательнаго ея значенія въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Самая же коренная причина, по единодушному отзыву исправниковъ, есть упадокъ религіознаго чувства въ средѣ крестьянъ, паденіе нравственности и недостатокъ власти въ семьѣ и общинѣ.

Для устраненія всѣхъ золъ крестьянской жизни исправниками признано необходимымъ принять немедленно всѣ мѣры къ тому, чтобы уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, какъ власть, по закону ближе всего стоящая къ сельскому населенію, могли болѣе успѣшно и плодотворно проявлять свое вліяніе на деревню. Въ настоящее время члены крестьянскихъ присутствій, по многосложности своихъ занятій, лишены возможности имѣть ближайшій надзоръ на мѣстѣ за ходомъ крестьянскихъ дѣлъ, почему и слышатся всюду жалобы, что надъ крестьянами нѣтъ настоящей власти. Поэтому, въ видахъ желательнаго бо́льшаго надзора за ходомъ крестьянскаго управленія и вообще за сельскимъ населеніемъ, въ которомъ, благодаря подобному надзору, можетъ улучшиться положеніе хозяйства и, стало быть, возвысится благосостояніе, слѣдуетъ: 1) обратиться къ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, не найдутъ ли они возможнымъ, если еще не будутъ скоро учреждены земскіе начальники, войти съ представленіями въ губернское земское собраніе о назначеніи въ составъ уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій двухъ и болѣе непремѣн-

ныхъ членовъ; 2) сдѣлать представленіе министру юстиціи о приглашеніи въ составъ уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій почетныхъ мировыхъ судей; 3) войти съ представленіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы, въ цѣляхъ наблюденія за крестьянствомъ, его самоуправленіемъ и хозяйствомъ, разрѣшено было временно усиливать уѣздныя крестьянскія присутствія приглашеніемъ въ составъ ихъ губернаторомъ членовъ уѣздной земской управы, участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей, гласныхъ и, наконецъ, для временныхъ занятій и исполненія различныхъ порученій по крестьянскому управленію—командировкой отъ губернатора чиновниковъ административнаго вѣдомства.

Вслѣдъ за тѣмъ выяснено было, что пока единственнымъ лицомъ, которое можетъ что-либо сдѣлать въ уѣздѣ къ упорядоченію крестьянскихъ дѣлъ, является исправникъ. Однако онъ своимъ личнымъ вліяніемъ имѣетъ возможность дѣйствовать въ смыслѣ лишь общаго надзора, не будучи въ состояніи оказывать ближайшаго наблюденія на мѣстахъ. Вслѣдствіе этого начинанія его бываютъ безплодны, и ему настоятельно необходимо имѣть въ волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицахъ непосредственныхъ исполнителей. Между тѣмъ личный составъ старшинъ и особенно старостъ неудовлетворителенъ: въ большинствѣ это люди вялые, неспособные къ какой-либо разумной и активной дѣятельности, подвластные лицамъ, вліятельнымъ въ крестьянской средѣ. Отсюда вопросъ первостепенной важности: чтобы на должности по волостному и особенно сельскому управленію избирались люди порядочные. Это трудно достижимо, и если исправнику удается иногда повліять на выборы, то сельскія общества уменьшаютъ и безъ того недостаточное жалованье сельскихъ стастаростъ. Независимо отъ того, вслѣдствіе одновременнаго избранія должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія на сходахъ, для членовъ уѣзднаго присутствія и исправниковъ невозможно лично влiять на выборъ. По этимъ соображеніямъ найдено крайне настоятельнымъ принять мѣры къ улучшенію состава должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія, и съ этой цѣлью прежде всего сроки выборовъ на эти должности назначать въ нѣсколько очередей: исправники и прочіе члены уѣзднаго присутствія въ состояніи будутъ тогда оказать вліяніе свое какъ на выборы, такъ равно и на назначеніе болѣе высокихъ окладовъ жалованья. „Въ экстренныхъ же случаяхъ, когда по упорству сельскаго общества или по какимъ-либо инымъ обстоятельствамъ обнаружится неудовлетворительность избранія или общество будетъ настаивать на незначительномъ окладѣ жалованья, представляется для исправниковъ по тѣмъ обществамъ, гдѣ накопилась недоимка выкупныхъ платежей, въ которые теперь переложена боль-

шая часть сборовъ съ крестьянъ всѣхъ категорій, чрезъ примѣненіе 2 п. 129 ст. и 7 п. прим. къ 130 ст. Полож. о вык., а также 143, 153 и 155 ст. Полож. кр. учр., возможность достигать смѣны избранныхъ должностныхъ лицъ и назначенія другихъ, по усмотрѣнію уѣзднаго крестьянскаго присутствія. Такимъ лицамъ, назначаемымъ отъ уѣзднаго присутствія, и жалованье можетъ быть опредѣлено по усмотрѣнію послѣдняго, на основаніи того соображенія, что съ замѣной избирательнаго порядка назначеніемъ право ассигнованія жалованья переходитъ отъ сельскаго общества къ уѣздному присутствію. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ безъ подобнаго права невозможно было бы уѣздному присутствію находить благонадежныхъ лицъ на упомянутыя должности: сельскія общества могли бы убавить имъ размѣръ жалованья и такимъ образомъ ставить ихъ въ затруднительное положеніе". То же нужно и въ отношеніи сотскихъ, обративъ особое вниманіе на выборъ ихъ и на то, чтобы надзору ихъ поручались не слишкомъ обширные участки. Равнымъ образомъ рѣшено обратиться къ уѣзднымъ земствамъ о добавленіи, „въ цѣляхъ водворенія порядка", сотскихъ наймомъ отъ земства, со снабженіемъ ихъ лошадьми, формой и вооруженіемъ.

Покончивъ съ этой капитальной мѣрой, съѣздъ перешелъ къ обсужденію различныхъ деталей въ области крестьянскаго самоуправленія и хозяйства, причемъ прежде всего постановилъ предложить волостнымъ и сельскимъ начальствамъ, чтобы они настаивали на посѣвѣ хорошими сѣменами, отобранными посредствомъ провѣиванья. Также „вмѣнить старшинамъ и старостамъ въ служебный долгъ наблюдать за веденіемъ хозяйства отдѣльными крестьянами, требовать удобренія почвы тамъ, гдѣ это вызывается необходимостью, вслѣдствіе истощенія земли, не допускать сѣва по яровищу безъ паханія, внушать пользу долгосрочныхъ передѣловъ и т. п." Въ виду затруднительности выполненія этого „служебнаго долга", признано возможнымъ допустить выборъ волостнымъ старшиной особыхъ попечителей стариковъ изъ числа крестьянъ для надзора за веденіемъ каждымъ членомъ сельскаго общества своего хозяйства.

Затѣмъ, имѣя въ виду, что въ селеніяхъ, особенно въ лѣтнее время, божественная литургія служится очень рано, такъ что отвлекаемый домашними надобностями народъ не попадаетъ въ храмъ къ церковному служенію, постановлено просить мѣстнаго преосвященнаго, не найдетъ ли онъ полезнымъ предписать сельскимъ священникамъ, чтобы божественная литургія въ воскресные и праздничные дни начиналась не ранѣе 8 часовъ и чтобы духовенствомъ говорились проповѣди въ самомъ простомъ, удобопонятномъ народу смыслѣ. Въ то же время признано полезнымъ принять мѣры къ соблюденію

благочинія во время церковной службы, къ недопущенію въ то же время сходовъ, сбора повинностей, выборовъ и „другихъ дѣлъ". Въ мѣстныхъ „Губ. Вѣдомостяхъ" предположено усилить религіозно-нравственный отдѣлъ, въ видахъ того же усиленія вліянія на развитіе нравственнаго чувства народа.

Изъ другихъ постановленій съѣзда, изложенныхъ въ брошюрѣ, впрочемъ, безъ строгой системы и порядка, можно остановиться на слѣдующихъ: „для предупрежденія распространенія пожаровъ рекомендована, какъ общая мѣра, внушеніе населенію, чрезъ сельскихъ властей, наивысшей осторожности отъ огня, что можетъ быть достигнуто постоянными напоминаніями, чтобы домохозяева береглись съ топкой печей, даже вовсе не топили бы ихъ въ жаркое лѣтнее время, во избѣжаніе воспламененія соломенной крыши". Такой же осторожности требовать въ отношеніи ставленій самоваровъ, топки бань, куренья и т. под. Равно не покидать дѣтей безъ надзора во время полевыхъ работъ и брать ихъ съ собою на поля или оставлять на попеченіи стариковъ или старухъ. Самое же главное—соблюдать ночные и дневные караулы по всѣмъ порядкамъ селеній, учреждая по возможности такіе караулы конные. Далѣе, стараться о распространеніи глинобитныхъ построекъ, которыя безопасны отъ огня. Въ видахъ дать крестьянамъ наглядный примѣръ полезности удобренія земли, рѣшено подвергать унавоживанью и тщательной обработкѣ поля, отводимыя подъ общественную запашку. Для того чтобы всѣ замѣчанія исправниковъ и другихъ должностныхъ лицъ не оставались безслѣдными, постановлено обязать волостныя и сельскія управленія завести особыя книги для записыванія всѣхъ распоряженій, требованій и замѣчаній, какія найдутъ нужнымъ сдѣлать во время своихъ объѣздовъ исправники, предсѣдатели и члены уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и другіе чины, а равно и командируемыя губернаторомъ лица. Кромѣ того, исправники обязаны представлять губернатору и обмѣниваться другъ съ другомъ копіями со своихъ циркулярныхъ распоряженій по уѣзду. Конецъ засѣданій съѣзда посвященъ былъ ламентаціямъ относительно „крайней необезпеченности жалованьемъ" исправниковъ и прочихъ чиновъ полиціи, но постановленія касательно увеличенія жалованья никакого не состоялось, за неотысканіемъ на этотъ предметъ свободныхъ ресурсовъ.

Покончивъ со всѣми этими постановленіями, съѣздъ былъ закрытъ рѣчью губернатора, въ которой послѣдній усиленно подчеркнулъ слѣдующее: „Главная причина, породившая и поддерживающая неудовлетворительный ходъ дѣлъ вообще, есть недостатокъ въ населеніи твердаго и стройнаго не матеріальнаго только, но въ особенности нрав-

ственнаго порядка". Въ виду этого губернаторъ требуетъ, чтобы исправники обратили особенное вниманіе „на самое важное у насъ, но крайне запущенное дѣло—воспитаніе народа": „въ своихъ разъѣздахъ по волостямъ чаще бесѣдуйте съ крестьянами, внушайте имъ добрыя начала, не упускайте ничего, что можетъ содѣйствовать къ улучшенію нравовъ населенія; въ своихъ бесѣдахъ поучайте, при каждомъ подходящемъ случаѣ, всему хорошему, начиная съ общественныхъ приличій и до воспитанія дѣтей. Слѣдите, чтобы вездѣ и всегда была соблюдена полная благопристойность: въ церкви, на улицѣ, на сходахъ. Слѣдуетъ замѣчать, относятся ли младшіе съ уваженіемъ къ старшимъ. На сходахъ впереди должны быть люди постарше: кто помоложе, должны слушать стариковъ; придетъ и ихъ чередъ вести дѣла; пьяныхъ, безтолковыхъ крикуновъ надо удалять. Смотрите, соблюдается ли чистота во дворахъ, все ли въ порядкѣ по домашнему обиходу, вокругъ дома и двора: вывезенъ ли навозъ, исправно ли содержится скотина, хорошо ли съ нею обращаются; исправны ли плугъ, соха, борона; починены ли телѣга, сбруя и пр.". Затѣмъ, въ виду того, что основаніе общественнаго порядка зиждется на благоустройствѣ сельскихъ обществъ, губернаторъ усиленно настаивалъ на необходимости выполненія постановленія съѣзда относительно самаго тщательнаго выбора волостныхъ старшинъ и особенно сельскихъ старостъ; „въ этомъ заключается коренное основаніе правильнаго устройства дѣлъ сельскаго населенія",—и рекомендовалъ „всѣми мѣрами добиваться того, чтобы старосты были обезпечены содержаніемъ".

Не останавливаясь далѣе на передачѣ содержанія губернаторской рѣчи, такъ какъ эта рѣчь въ свое время была напечатана въ извлеченіи въ мѣстныхъ „Губ. Вѣд.", перейдемъ къ результатамъ исправничьяго съѣзда и къ успѣвшимъ уже сказаться послѣдствіямъ его въ обыденной жизни саратовскихъ обывателей.

Съѣздъ исправниковъ исходной точкой своихъ разсужденій беретъ, очевидно, взглядъ на крестьянство, какъ на темную инертную массу, совершенно неправоспособную жить своей жизнью и нуждающуюся во всесторонней опекѣ. Опека эта, по взгляду брошюры, должна простираться даже на сферу экономическихъ отправленій сельскаго населенія, равно какъ на религіозно-нравственную сторону его жизни. Такой взглядъ съѣзда исправниковъ не совсѣмъ согласованъ съ неотмѣненнымъ еще законодательнымъ актомъ, признавшимъ за крестьянами право самоуправленія. Пусть это самоуправленіе, въ настоящемъ его видѣ, далеко отъ желательнаго совершенства—но гдѣ же основаніе думать, что недостатки его вполнѣ можетъ устранить усиленное и властное давленіе со стороны крестьянскихъ присутствій

и полиціи? А къ усиленію такого давленія и стремится съѣздъ, настаивая на тщательномъ „подборѣ" волостныхъ старшинъ и старостъ, котораго можно достичь путемъ примѣненія исключительнаго закона (ст. 129—130 Пол. о вык.). Накопленіе недоимокъ, влекущее за собой отнятіе у даннаго сельскаго общества или волости права выбора должностныхъ лицъ, легко можетъ быть создано искусственно: нѣкоторые исправники тутъ же на съѣздѣ указывали, что стóитъ ослабить настоянія относительно уплаты „податей", и черезъ годъ можно разомъ, если угодно, смѣнить всѣхъ старшинъ и старостъ уѣзда. Пусть теперь выборы этихъ лицъ совершаются дурно, но замѣна выборовъ ихъ назначеніемъ по усмотрѣнію уѣздной полиціи—смѣло можно сказать—не улучшитъ, а скорѣе ухудшитъ дѣло: ставленники начальства будутъ безконтрольными хозяевами деревни, а ряды ихъ станутъ пополняться далеко не изъ лучшихъ крестьянъ, потому что въ ходъ пойдутъ наиболѣе „удобные" для полиціи люди, которые съумѣютъ управляться во ввѣренныхъ имъ территоріяхъ при помощи собственныхъ средствъ, не причиняя затрудненій и безпокойства начальству. Легко предсказать, что при такихъ условіяхъ въ деревнѣ начнется идиллія довольно-таки сомнительнаго свойства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она уже и началась: такъ, въ одномъ изъ большихъ селъ саратовскаго уѣзда такой административный избранникъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ своего хозяйничанья, направленнаго, быть можетъ, къ подъему крестьянскаго „благосостоянія", настолько озлобилъ крестьянъ, что они снарядили въ Саратовъ особую депутацію хлопотать объ избавленіи отъ него, но депутація напрасно искала желаемой „управы" и вернулась ни съ чѣмъ. Кромѣ поддержки со стороны уѣздныхъ полицейскихъ властей, такимъ назначаемымъ сельскимъ сторостамъ и старшинамъ брошюра даетъ въ руки еще одно сильное и далеко не законное оружіе, въ видѣ права удалять со сходовъ „безтолковыхъ крикуновъ" и обязательства тѣхъ, „кто помоложе", слушать стариковъ. Въ безтолковые крикуны легко записать всякаго „неудобнаго" человѣка; молодымъ можно признать любого, у кого нѣтъ сѣдой бороды по поясъ. Старшины-дѣльцы скоро сообразятъ все это, и тогда обученіе общественнымъ приличіямъ на сходахъ пойдетъ, пожалуй, какъ разъ параллельно съ нарушеніемъ всякой законности и съ разграбленіемъ „мірского пирога". Это понимали и сами члены съѣзда, заводившіе рѣчь о страхованіи имущества сельскихъ властей на общественный счетъ: за „ревностную" службу ихъ, молъ, начнутъ жечь. Понятіе „ревностной" службы очень неопредѣленно, и притомъ ревность не исключаетъ своекорыстія и произвола.

Въ такомъ видѣ представляются постановленія съѣзда въ адми-

нистративномъ, такъ сказать, направленіи. Они трудно примиримы съ существующими законами и въ самомъ близкомъ будущемъ грозятъ весьма серьезными и нежелательными послѣдствіями. Не лучше стоитъ дѣло и тамъ, гдѣ постановленія его касаются хозяйственной стороны быта крестьянской общины. Съѣздъ устанавливаетъ за сельскими властями, въ видѣ даже „служебнаго долга", право наблюдать за веденіемъ хозяйства отдѣльными крестьянами. Какая запутанность вносится въ крестьянскую жизнь такимъ постановленіемъ: крестьянинъ совсѣмъ съ головой отдается имъ въ руки сельскаго начальства, и дурного, и хорошаго, лишается права всякаго совершеннолѣтняго человѣка работать по своему усмотрѣнію надъ чѣмъ ему угодно и какъ ему угодно, лишь бы безъ нарушенія правъ другихъ людей. Какой законъ, въ самомъ дѣлѣ, даетъ право съѣзду исправниковъ распространять сферу своей компетенціи на домашнюю и притомъ хозяйственную жизнь обывателя? А вѣдь это постановленіе въ корнѣ подрываетъ основы благосостоянія и имущественной неприкосновенности личности: сегодня, по требованію старосты или подручнаго ему „старика", такой-то обязанъ удобрить свою землю, скупивъ для этого, пожалуй, у того же самаго, требующаго, навозъ; завтра, по новому требованію, онъ обязанъ перепахать свою землю, какъ дурно вспаханную, а послѣ-завтра, обезсилѣвъ въ этой борьбѣ на пользу раціональной земледѣльческой культуры, онъ можетъ идти по міру... Дѣйствительно, сельскихъ старостъ нужно страховать очень дорого, чтобы они стали ревностно выполнять предначертанія съѣзда. Это было предвидѣно совершенно вѣрно. Проектъ такого страхованія, правда, не принятъ съѣздомъ. Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, что опасность указаннаго постановленія устранена сама собой? Къ сожалѣнію, нѣтъ: она только съужена въ размѣрахъ, теряетъ свой общій характеръ, не больше. Нашлись уже сельскія власти, которыя горячо приняли къ сердцу выполненіе указаннаго имъ съѣздомъ „служебнаго долга" и ревностно культивируютъ на подвѣдомственныхъ имъ территоріяхъ новый видъ произвола, мотивируемаго якобы желаніемъ блага населенію. Не приведетъ ли все это изъ „Сциллы" въ „Харибду"?

Z.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа 1889.

Особенное положеніе оффиціозной печати въ Германіи.—Признаки внутренняго разлада и ихъ дѣйствительное значеніе. — Примирительный тонъ въ международныхъ дѣлахъ.—Послѣдствія рабочаго движенія въ каменноугольныхъ копяхъ.—Особенности рабочихъ кризисовъ въ Германіи. — Австро-венгерскія дѣла.—Положеніе Сербіи. — Избирательное движеніе и буланжизмъ во Франціи.—Мнимые русскіе націоналисты въ „Nouvelle Revue“.

Въ нѣмецкой журналистикѣ замѣчается теперь любопытное явленіе: не только либеральныя, но и консервативныя газеты возстали противъ оффиціозной печати, смущающей общественное мнѣніе своими періодическими тревогами, угрозами и намеками. Всѣ находятъ теперь въ Германіи, что оффиціозные патріоты только вредятъ ея интересамъ и портятъ ея репутацію за границею своимъ неумѣстнымъ усердіемъ. Сами оффиціозы упрекаютъ другъ друга въ безтактности и стараются доказать, что главная отвѣтственность за успѣхъ ихъ воинственныхъ разсужденій лежитъ на независимыхъ газетахъ, считавшихъ почему-то долгомъ перепечатывать эти разсужденія, распространять ихъ въ публикѣ и придавать имъ преувеличенную важность своими комментаріями. „Кёльнская Газета“, столь часто дѣлавшая шумъ своими статьями и сообщеніями изъ „достовѣрныхъ“ или „авторитетныхъ“ источниковъ, объясняетъ съ чувствомъ собственнаго достоинства, что нынѣшніе противники ея поступили бы гораздо лучше, еслибы перестали пользоваться ея матеріаломъ для своихъ изданій и позаботились о полученіи самостоятельныхъ свѣдѣній о ходѣ политическихъ дѣлъ въ имперіи. Оффиціозы съ негодованіемъ отвергаютъ намеки на продажность и открещиваются отъ какихъ бы то ни было связей съ правительственнымъ „фондомъ пресмыкающихся“; органы ихъ будто бы ограничиваются обсужденіемъ того, что̀ можетъ узнать, провѣрить или опровергнуть всякая другая газета. Даже „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“,—о которой канцлеръ выразился когда-то, что это пустой листъ бумаги, предоставленный въ его распоряженіе,—даже этотъ присяжный о̀рганъ князя Бисмарка заявляетъ о независимости своихъ редакціонныхъ статей отъ какихъ-либо внушеній свыше. Это неожиданное признаніе сдѣлано газетою по поводу участія ея въ полемикѣ, вызванной предполагаемымъ антагонизмомъ между имперскимъ канцлеромъ и начальникомъ главнаго

штаба, графомъ Вальдерзе. „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ напечатала тогда замѣтку, въ которой напомнила мнѣніе знаменитаго военнаго писателя Клаузевица, что военныя соображенія должны подчиняться политическимъ и что „война есть та же политика, веденная иными средствами“. Другими словами, первенствующій голосъ въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ долженъ принадлежать руководителю иностранной политики, а не представителямъ и начальникамъ арміи. Въ этой замѣткѣ нельзя было не видѣть прямого подтвержденія тѣхъ газетныхъ извѣстій, которыя сообщали о какой-то закулисной борьбѣ между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Вальдерзе и указывали на попытки послѣдняго противодѣйствовать успокоительному вліянію канцлера въ дѣлахъ международной дипломатіи. Замѣтка канцлерскаго органа служила какъ бы отвѣтомъ князя Бисмарка на притязанія такъ-называемой военной партіи; вмѣстѣ съ тѣмъ она оффиціально засвидѣтельствовала существованіе „побочныхъ военныхъ теченій“ въ правительственныхъ сферахъ Берлина. Очевидно, такія разоблаченія признаны были неудобными, и вся оживленная полемика между оффиціозами двухъ категорій сразу превратилась въ общее отступленіе.

Недавніе выразители взглядовъ канцлера и стремленій графа Вальдерзе отрекаются отъ своихъ словъ или придаютъ имъ новый, невинный смыслъ. „Крестовая Газета“ увѣряетъ, что она проводила свои собственныя воззрѣнія, а вовсе не идеи начальника главнаго штаба; „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ должна была признаться, что напоминаніе о мнѣніи Клаузевица принадлежитъ самой редакціи и не было ей внушено никѣмъ. „Крестовая Газета“, въ свою очередь, дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ смѣлости или неловкости публицистовъ, которые говорятъ тономъ министерскихъ глашатаевъ безъ надлежащаго къ тому уполномочія. Независимыя и оппозиціонныя газеты привѣтствуютъ это вынужденное самоотреченіе оффиціозовъ, какъ симптомъ несомнѣннаго нравственнаго банкротства и упадка оффиціозной печати вообще. Между тѣмъ самъ графъ Вальдерзе счелъ нужнымъ отъ себя помѣстить въ газетахъ опроверженіе того извѣстія, что имъ представленъ былъ докладъ императору о необходимости скорой войны съ Россіею. Воинственная газетная кампанія затихла по всей линіи.

Одновременно съ этимъ совершилось отступленіе оффиціозовъ и въ другомъ отношеніи: угрозы противъ Швейцаріи должны были прекратиться, такъ какъ Вильгельмъ II, въ бытность свою въ южной Германіи, выражалъ свое сожалѣніе о возникшемъ спорѣ и высказывалъ увѣренность въ возстановленіи прежнихъ добрыхъ отношеній между обоими сосѣдними народами. Эти слова императора были об-

народованы въ газетахъ отъ 3-го іюля (ст. стиля), а уже 4-го іюля появились въ „Имперскомъ Указателѣ“ три дипломатическія ноты князя Бисмарка къ германскому представителю въ Бернѣ, фонъ-Бюлову, какъ бы для оправданія дѣйствій берлинскаго кабинета въ швейцарскомъ конфликтѣ. Швейцарское правительство, въ свою очередь, напечатало отвѣтную ноту отъ 10-го іюля, въ которой твердо отстаиваетъ свою точку зрѣнія и доказываетъ несовмѣстимость нѣмецкихъ требованій съ независимостью внутренняго управленія Швейцаріи. Оффиціальное разногласіе остается въ силѣ; но никто уже не сомнѣвается въ мирномъ и безобидномъ для швейцарцевъ разрѣшеніи кризиса, послѣ авторитетныхъ словъ, сказанныхъ въ Карлсруэ и сообщенныхъ газетамъ для общаго свѣдѣнія. Патріоты, грозившіе репрессаліями и нарушеніемъ швейцарскаго нейтралитета на случай войны (это говорилось именно въ органѣ князя Бисмарка—„Norddeutsche Allgemeine Zeitung“), должны были смягчить свой вызывающій тонъ, повинуясь тому же неожиданному сигналу, который положилъ конецъ полемикѣ между приверженцами канцлера и графа Вальдерзе. Примирительный духъ господствуетъ опять въ нѣмецкой оффиціозной печати; возобновились слухи о возможномъ сближеніи съ Россіею и о предстоящемъ свиданіи двухъ монарховъ. Наиболѣе ревностно проповѣдуется эта идея сближенія тою самою „Кёльнскою Газетою“, которая всегда отличалась своею руссофобіею и еще недавно подняла шумъ по поводу пребыванія нашего военнаго министра во Франціи.

Эти внезапные повороты въ ту или другую сторону наглядно убѣждаютъ публику, что оффиціозная пресса предпринимаетъ свои шумныя кампаніи безъ достаточнаго основанія, и что общее безпокойство вызываемое ими, есть великое зло. Въ систематическомъ нападеніи на оффиціозовъ участвуютъ, на ряду съ прогрессистами, и національ-либералы, и реакціонеры; „Berliner Tageblatt“ выражается только рѣзче и энергичнѣе, чѣмъ „National-Zeitung“ и „Neue Preussische Zeitung“ (или по старому: „Крестовая“). Нельзя, конечно, ожидать, чтобы этотъ интересный походъ могъ привести къ непосредственному практическому результату; но мысль о вредѣ оффиціознаго патріотическаго усердія все болѣе входитъ въ общее сознаніе и на этотъ разъ признается косвенно самими участниками и руководителями берлинскаго бюро печати, въ лицѣ ихъ главнѣйшихъ органовъ въ журналистикѣ. Не придавать значенія тревожнымъ статьямъ такихъ газетъ, какъ „Кёльнская“, или видѣть случайные продукты сочинительства въ угрожающихъ замѣткахъ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, возможно было бы только въ томъ случаѣ, еслибы эти газеты перестали говорить отъ имени правительства и

имперіи, и еслибы „достовѣрные источники", которыми онѣ пользуются, касались только фактическихъ извѣстій, а не разсужденій и комментаріевъ. Высшая государственная власть начинаетъ сама тяготиться неудобствами, связанными съ существованіемъ оффиціозной печати; эти неудобства особенно чувствительны при отсутствіи полнаго единства взглядовъ между различными вѣдомствами по текущимъ вопросамъ политики. Рѣзкія перемѣны и противорѣчія въ тактикѣ оффиціозныхъ газетъ не могутъ быть объяснены иначе, какъ именно этимъ скрытымъ разладомъ между господствующими теченіями въ правительственныхъ кружкахъ—между дипломатіею канцлера и придворно-военными вліяніями, непосредственно окружающими молодого императора. Для всякаго ясно, что оффиціозные намеки и споры по поводу политической роли графа Вальдерзе не могли быть пріятны Вильгельму II, хотя полемика велась несомнѣнно съ вѣдома и одобренія князя Бисмарка. Такъ же точно каждому бросается въ глаза противорѣчіе между рѣзкими нападками „Сѣверо-германской газеты" на Швейцарію и демонстративно выраженнымъ сожалѣніемъ императора о возникшемъ конфликтѣ. Обнародованные вслѣдъ затѣмъ дипломатическіе документы имѣли очевидною цѣлью доказать, что князь Бисмаркъ не заслужилъ сдѣланнаго ему косвеннаго упрека, и что переговоры были ведены имъ въ умѣренномъ духѣ; но тѣмъ сильнѣе падаетъ упрекъ на ближайшіе органы канцлера въ печати и прежде всего на „Norddeutsche Allgemeine Zeitung". Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что императоръ Вильгельмъ II находилъ неумѣстнымъ крутой способъ выраженій и дѣйствій относительно Швейцаріи; въ этомъ вопросѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, онъ могъ не раздѣлять мнѣній канцлера, при всемъ довѣріи къ его великой политической опытности. Значительное различіе взглядовъ, стремленій и симпатій неизбѣжно уже въ силу разницы возраста. Какъ бы то ни было, признаки существующихъ разногласій и „побочныхъ теченій" проявляются не въ одной оффиціозной прессѣ.

Такія внутреннія разногласія существуютъ повсюду, и наибольшее значеніе они имѣютъ тамъ, гдѣ о нихъ ничего не говорится въ печати. Смѣшно указывать на мнимое или дѣйствительное соперничество между графомъ Вальдерзе и княземъ Бисмаркомъ, какъ на нѣчто особенное, могущее оказаться выгоднымъ для другихъ государствъ; въ дѣйствительности, эта исторія могла заинтересовать иностранцевъ только потому, что она сдѣлалась предметомъ разоблаченій и разсказовъ въ нѣмецкихъ газетахъ. Несравненно болѣе важные случаи внутренняго разлада и разброда оставались бы неизвѣстными публикѣ, еслибы общественное мнѣніе поставлено было въ болѣе тѣсныя границы и лишено было возможности узнавать и обсуждать извѣстія,

касающіяся личныхъ счетовъ между министрами и придворными сановниками. Независимая нѣмецкая печать можетъ свободно затрогивать предметы и вопросы, считаемые вообще щекотливыми съ официальной точки зрѣнія; газеты контролируютъ дѣятельность правительственныхъ лицъ и поднимаютъ шумъ о „побочныхъ теченіяхъ" даже тогда, когда, быть можетъ, не было еще къ тому серьезнаго повода. Вредныя послѣдствія личныхъ счетовъ и соперничества предупреждаются такимъ образомъ заранѣе; неустанный контроль печати дѣлаетъ здѣсь то, чего нельзя было бы достигнуть при болѣе скрытной правительственной системѣ. Графъ Вальдерзе долженъ былъ публично опровергнуть извѣстіе о вмѣшательствѣ его въ политику; этимъ самымъ онъ призналъ, что такое вмѣшательство было бы незаконно со стороны начальника главнаго штаба. Если онъ и имѣлъ въ виду повліять на императора въ воинственномъ духѣ, то онъ, пожалуй, воздержится отъ этого въ будущемъ, чтобы избѣгнуть нареканій печати и общественнаго мнѣнія. Колебанія и опасенія, проявляющіяся въ Германіи по поводу внѣшней политики, имѣютъ свой корень въ чрезмѣрномъ еще преобладаніи спеціальныхъ военно-дипломатическихъ интересовъ надъ общенародными въ важныхъ вопросахъ о войнѣ и мирѣ. Болѣе значительное участіе общества въ рѣшеніи этихъ вопросовъ могло бы сообщить болѣе спокойный и миролюбивый ходъ международнымъ отношеніямъ Германіи.

Что общественное мнѣніе составляетъ въ Германіи благотворную положительную силу, далеко еще не получившую надлежащаго простора,—въ этомъ можно было убѣдиться и по результатамъ рабочаго движенія въ каменноугольныхъ копяхъ Вестфаліи. Всѣми было замѣчено, что по прекращеніи стачки императоръ Вильгельмъ II выразилъ свою благодарность не мѣстной гражданской администраціи, а командующему корпусомъ въ названной провинціи за сохраненіе порядка безъ крутыхъ мѣръ и безъ излишняго кровопролитія; глава гражданскаго управленія былъ просто уволенъ въ отставку. Предпочтеніе, оказанное въ этомъ случаѣ военному элементу, оправдывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что военный командиръ разумнѣе и шире взглянулъ на дѣло, чѣмъ бюрократъ-администраторъ, хлопотавшій о полицейскомъ укрощеніи рабочихъ. Общее сознаніе ненормальности положенія рабочихъ въ каменноугольныхъ копяхъ, освѣщаемое фактическими разъясненіями печати, вполнѣ раздѣлялось правительствомъ. Депутація отъ рабочихъ была непосредственно выслушана императоромъ и притомъ раньше, чѣмъ представители хозяевъ. Когда прекратились безпорядки, прусское правительство немедленно назначило слѣдствіе для провѣрки жалобъ и требованій рабочихъ. Рабочіе должны были доставить нужныя свѣдѣнія по уста-

новленной программѣ вопросовъ; по этому поводу устраивались публичныя собранія делегатовъ отъ рабочихъ, подъ руководствомъ наиболѣе популярныхъ и дѣльныхъ изъ ихъ среды. На этихъ собраніяхъ произносились рѣчи, обсуждались требованія и заявленія, которыя предстояло сообщить коммиссарамъ, и о содержаніи происходившихъ преній помѣщались отчеты въ газетахъ. Уполномоченные отъ рабочихъ считали необходимымъ содѣйствовать занятіямъ правительственныхъ коммиссій, чего нельзя сказать о заинтересованныхъ промышленныхъ компаніяхъ. Послѣднія пытались навязать правительству свою спеціальную точку зрѣнія, но не имѣли въ этомъ успѣха. Между прочимъ, дортмундская торговая палата представила князю Бисмарку докладъ, въ которомъ доказывалось, что забастовка была исключительно дѣломъ искусственной соціально-демократической агитаціи, и что достаточно только удалить враждебные элементы и принять нѣкоторыя мѣры строгости, чтобы сами собою возстановились добрыя старыя отношенія между хозяевами и рабочими. Не только прогрессистскія, но и консервативныя газеты рѣшительно отвергали эту узко-хозяйскую точку зрѣнія. Чтобы съ своей стороны получить вѣрныя свѣденія о ближайшихъ причинахъ стачки и о мотивахъ неудовольствія рабочихъ, имперскій канцлеръ послалъ особаго коммиссара съ болѣе широкими полномочіями для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ, независимо отъ дѣйствій прусскихъ правительственныхъ коммиссій, исполняющихъ свою задачу обычнымъ бюрократическимъ способомъ. Это распоряженіе канцлера было отвѣтомъ на тенденціозный докладъ дортмундской торговой палаты. Каменно-угольныя компаніи пробовали прибѣгнуть къ репрессаліямъ противъ наиболѣе дѣятельныхъ делегатовъ отъ рабочихъ; нѣкоторые изъ этихъ делегатовъ, игравшіе видную роль въ организаціи послѣдняго движенія и старавшіеся придать ему мирный, легальный характеръ, были уволены хозяевами безъ дальнѣйшихъ церемоній, чѣмъ вновь усиливалось раздраженіе. О каждомъ фактѣ такой самовольной расправы сообщалось въ газетахъ, съ соотвѣтственными комментаріями. Злоупотребленія вліятельныхъ компаній и ихъ управителей не ускользаютъ отъ публичнаго контроля; защитники интересовъ рабочаго класса имѣютъ возможность обращаться къ печати, къ общественному мнѣнію и къ правительству, что́ дѣлаетъ ихъ болѣе спокойными и сдержанными. Они разсчитываютъ достигнуть удовлетворенія своихъ требованій законнымъ путемъ, не прибѣгая къ репрессаліямъ. Рабочіе кризисы значительно облегчаются этимъ твердымъ сознаніемъ, что правительство понимаетъ свои задачи относительно народа, что оно не считаетъ себя установленнымъ для пользы и блага однихъ высшихъ сословій, что оно съ нужнымъ вниманіемъ относится къ интересамъ

наиболѣе многочисленнаго класса неимущихъ, но трудящихся, и что оно не только не пренебрегаетъ общественнымъ мнѣніемъ, а напротивъ опирается на него и контролируется имъ.

Въ Австро-Венгріи мирно закончились засѣданія делегацій (12-го іюля, н. ст.), открытіе которыхъ сопровождалось воинственными пророчествами относительно балканскихъ дѣлъ. По обыкновенію, венгерскіе патріоты, съ графомъ Аппоньи во главѣ, требовали болѣе энергической политики на Востокѣ. Выставляя общій принципъ, что Австрія призвана, уже въ силу своего географическаго положенія, играть первенствующую и руководящую роль на Балканскомъ полуостровѣ, венгерскіе ораторы упрекали австрійскую дипломатію за потерю политическаго господства въ Сербіи и за слишкомъ слабую и нерѣшительную защиту австрійскихъ интересовъ противъ соперничествующихъ державъ. Министру иностранныхъ дѣлъ, графу Кальноки, не трудно было объяснить оппозиціи, что Австро-Венгрія имѣетъ сосѣдей, съ которыми поневолѣ надо считаться, и что нѣтъ никакого разсчета рисковать войною изъ-за обстоятельствъ, которыя сами собою уладятся со временемъ безъ ущерба для Австріи. Въ сущности эти ежегодныя венгерскія напоминанія объ энергической внѣшней политикѣ превратились уже какъ будто въ простую формальность; они повторяются въ видѣ обычной демонстраціи, а не для дѣйствительнаго примѣненія предлагаемой программы на практикѣ.

Въ то же время нѣкоторые факты напоминаютъ австрійскимъ патріотамъ о чемъ-то другомъ — о шаткости политическихъ связей, основанныхъ на соображеніяхъ временнаго удобства, и о возможности серьезной перемѣны въ отношеніяхъ между внутренними національными элементами имперіи. Нынѣшній союзъ съ Италіею не мѣшаетъ итальянскимъ патріотамъ выражать надежду на будущее возсоединеніе пограничныхъ земель, оставшихся еще подъ властью Австріи; австрійскія власти вынуждены принимать строгія мѣры противъ „ирредентистовъ“ въ Тріентѣ и Тріестѣ; въ свою очередь итальянское правительство должно сдерживать агитацію, направленную противъ Австро-Венгріи въ самой Италіи, гдѣ австрійское владычество понынѣ считается синонимомъ тиранніи и произвола. Австрія по прежнему крайне непопулярна въ Италіи, и политическій союзъ обѣихъ державъ принадлежитъ къ числу тѣхъ искусственныхъ кабинетныхъ комбинацій, которыя могутъ не выдержать серьезнаго практическаго испытанія.

Внутри самой Австріи далеко еще не установилось окончательное равновѣсіе между народностями и племенами, и всякая перемѣна

въ этомъ отношеніи колеблетъ основы внѣшней политики вѣнскаго кабинета. Венгерцы не всегда будутъ занимать господствующее мѣсто въ имперіи; придется со временемъ удѣлить мѣсто и другимъ племенамъ, пока еще добивающимся равноправности. Нынѣшнее кажущееся равновѣсіе можетъ существенно измѣниться отъ такихъ событій, какъ недавнее торжество младочешской партіи на выборахъ въ земскій сеймъ Чехіи. Вся правительственная система графа Таафе пошатнулась отъ этого внезапнаго удара, нанесеннаго вѣрнымъ союзникамъ цислейтанскаго министерства, старочехамъ. Вмѣсто прежнихъ 92 старочеховъ и 10 младочеховъ, избиратели посылаютъ теперь въ палату 52 младочеховъ и 43 старочеховъ,—не считая представителей двухъ другихъ могущественныхъ партій, феодальной и нѣмецкой. Старый вождь чешскихъ патріотовъ, Ригеръ, побѣжденъ болѣе молодымъ и энергическимъ противникомъ, Грегромъ,—и побѣжденъ вполнѣ основательно, по заслугамъ. Ригеръ когда-то, въ молодости, былъ поборникомъ національной свободы; онъ давно уже отрекся отъ идей и стремленій, которымъ служилъ въ былые годы, и отдался всецѣло политическому оппортунизму весьма сомнительнаго качества. Вступивъ въ сдѣлку съ вліятельными группами чешскихъ феодаловъ и клерикаловъ, онъ постепенно перешелъ на путь полнаго подчиненія этимъ аристократическимъ элементамъ. Служеніе родной странѣ и ея народу превратилось для него въ службу одному верхнему слою чешскаго землевладѣльческаго класса. Авторитетъ, популярность и вліяніе, пріобрѣтенные многими годами успѣшной политической борьбы, отдавались имъ въ распоряженіе небольшой группы вельможныхъ лицъ; въ угоду клерикаламъ, онъ готовъ былъ допустить владычество католическаго духовенства въ дѣлахъ народной школы. Понятно, что громадное большинство чешскаго народа должно было отступиться отъ такого руководителя; оно перестало его понимать съ тѣхъ поръ, какъ и онъ пересталъ быть солидарнымъ съ массою населенія. На смѣну выростало вліяніе младочеховъ, внесшихъ новую жизнь въ тѣ завѣты прошлаго, которые нѣкогда вдохновляли Ригера и теперь были имъ какъ будто забыты. Неожиданное пораженіе старочеховъ побудитъ графа Таафе сдѣлать дальнѣйшія уступки національному чувству и стремленіямъ чешскаго народа. Младочехи не достигли еще такого торжества, которое позволило бы имъ считать себя хозяевами положенія въ Чехіи; они имѣютъ противъ себя не только группу Ригера, но и двѣ могущественныя партіи, въ лицѣ 70 нѣмецкихъ депутатовъ и 70 представителей феодальнаго землевладѣнія. Младочехи не откажутся поэтому отъ компромиссовъ; они по всей вѣроятности постараются привлечь на свою сторону часть старочеховъ и не станутъ вести оппозицію противъ графа Таафе, такъ какъ

на лучшее и болѣе уступчивое министерство они теперь разсчитывать не могутъ. Вообще для недалекаго будущаго открываются значительныя перспективы въ области внутренней политической жизни Австро-Венгріи. Эти возможныя и отчасти неизбѣжныя перемѣны должны будутъ отразиться и на цѣляхъ внѣшней австрійской политики, и на ея способахъ дѣйствій.

Австрійскія газеты, а именно австро-нѣмецкія и венгерскія, особенно недовольны въ послѣднее время ходомъ событій въ Сербіи. Повидимому, сербы освободились отъ дипломатическаго преобладанія и главенства Австріи не для того, чтобы подчиниться опекѣ какой-либо другой державы; они просто хотятъ быть независимыми и свободными у себя дома, въ своей собственной странѣ. Само собою разумѣется, что для Сербіи въ высшей степени важно и даже необходимо оставаться въ близкой дружбѣ съ Россіею, чтобы имѣть за собою могущественную протекцію на случай какихъ-нибудь внѣшнихъ посягательствъ. Но дружба не должна переходить въ опеку, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, опять повторится то, что не разъ случалось съ нами на Балканскомъ полуостровѣ. Въ настоящее время замѣчается у сербовъ сильное оживленіе національнаго чувства, бывшаго придавленнымъ въ послѣдніе годы царствованія короля Милана. Это оживленіе сказалось и въ празднованіи пятисотлѣтней годовщины косовской битвы, гдѣ пало великое сербское царство; съ воспоминаніями о прошломъ связывалась идея о будущемъ, и мысль о сербскомъ національномъ единствѣ нашла себѣ горячихъ и убѣжденныхъ выразителей. Одновременно съ этимъ состоялось торжественное коронованіе юнаго короля Александра въ Кральевѣ (20-го іюня, стар. ст.); король, сопровождаемый регентами, былъ повсюду встрѣчаемъ съ большимъ восторгомъ и вообще имѣлъ несомнѣнный успѣхъ. Народныя симпатіи легко даются сыну и наслѣднику короля, который оттолкнулъ народъ своими грѣхами и ошибками. Сербія должна быть предоставлена самой себѣ; она не должна служить предметомъ соперничества между Австріею и Россіею,—объ этомъ не слѣдовало бы забывать патріотамъ, извлекающимъ совсѣмъ неподобающіе выводы изъ современнаго политическаго настроенія Сербіи. И австрійскія газеты имѣли бы меньше поводовъ безпокоиться, еслибы онѣ не принимали въ серьезъ тѣхъ продуктовъ фантазіи, которые иногда появляются въ нашихъ патріотическихъ газетахъ подъ предлогомъ политики. Недавно еще напечатано было въ одной маленькой, но весьма распространенной газетѣ совершенно нелѣпое стихотворное воззваніе къ порабощеннымъ славянамъ, и, къ удивленію, эта воинственная чепуха нашла себѣ мѣсто также въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ". Подобныя безцѣльно раздражающія выходки принимаются заграничною

печатью за доказательство нашихъ опасныхъ замысловъ; иностранные патріоты негодуютъ и, съ своей стороны, взводятъ на насъ небывалыя обвиненія, которыя опять-таки вызываютъ отпоръ въ нашихъ газетахъ. Эта жалкая словесная борьба, лишенная реальной основы, можетъ только вредить интересамъ и цѣлямъ, во имя которыхъ она будто бы ведется.

Парламентская сессія закрылась во Франціи 15-го іюля (н. ст.), послѣ цѣлаго ряда печальныхъ сценъ и шумныхъ столкновеній, въ которыхъ главными героями были буланжисты. Палаты утвердили бюджетъ на будущій годъ и приняли, наконецъ, новый военный законъ, обсужденіе котораго продолжалось уже нѣсколько лѣтъ. Прежде чѣмъ разойтись, палата депутатовъ приняла спеціальную мѣру противъ буланжизма—законъ о запрещеніи многократныхъ кандидатуръ и о недѣйствительности избраній, состоявшихся безъ соблюденія установленныхъ правилъ. Законъ этотъ обязываетъ кандидатовъ заявлять префектамъ о своемъ желаніи баллотироваться за пять дней до выборовъ; такое заявленіе можетъ быть сдѣлано и избирательнымъ комитетомъ, дѣйствующимъ въ пользу даннаго лица. Бюллетени съ именами кандидатовъ, не исполнившихъ этого условія или заявившихъ свою кандидатуру въ другомъ округѣ, не будутъ приниматься во вниманіе при заключительномъ счетѣ голосовъ. Новыя правила должны служить оружіемъ противъ Буланже, но они въ то же время могутъ оказаться стѣснительными для массы избирателей, не имѣющихъ ничего общаго съ тенденціями буланжистовъ. Трудно будетъ доказать народу, что онъ не въ правѣ выбрать своими представителями такихъ лицъ, о которыхъ не заявлено префекту заблаговременно. Эта обязательность предварительной заявки ставитъ назначеніе кандидатовъ какъ бы въ зависимость отъ одобренія администраціи. Многочисленные противники правительства получатъ новый поводъ нападать на парламентскія партіи, рѣшившіяся ограничить права избирателей и нарушить принципъ народнаго верховенства, изъ страха передъ однимъ человѣкомъ, не имѣющимъ никакой власти. Для буланжистовъ и консерваторовъ будетъ весьма удобно сдѣлать лозунгомъ въ избирательной борьбѣ—возстановленіе народныхъ правъ, нарушенныхъ парламентскими оппортунистами и радикалами. Безъ сомнѣнія, новый законъ не будетъ примѣняться съ особенною строгостью тамъ, гдѣ кандидатами не выступятъ буланжисты; но можно предвидѣть заранѣе, что множество споровъ возникнетъ изъ-за этихъ условій и подробностей примѣненія, причемъ явится обширное поле для нареканій на правительство и его агентовъ.

Борьба противъ буланжизма стоитъ теперь на первомъ планѣ во

Франціи. Ради этой борьбы допускается даже отступленіе отъ принциповъ, которые всегда защищались и охранялись республиканцами; такіе искренніе и честные дѣятели, какъ Бриссонъ, рекомендуютъ спеціальныя мѣры для предупрежденія плебисцитовъ, хотя бы эти мѣры были несогласны съ теоретическими основами народовластія. Республиканцы хорошо помнятъ, что логическая вѣрность принципамъ не спасла республики 1848 года, и что безразборчивый искатель власти можетъ легко одержать побѣду надъ доктринерами, не имѣющими въ рукахъ практическихъ способовъ противодѣйствія. Отдать страну въ распоряженіе генерала Буланже и его пестрой толпы приверженцевъ, ради вѣрности отвлеченнымъ принципамъ, было бы слишкомъ наивно и нелѣпо, съ точки зрѣнія республиканцевъ. Какъ бы сомнительны ни были пріемы оффиціальной борьбы противъ буланжизма, но они одобряются и будутъ одобряться громаднымъ большинствомъ мирныхъ сторонниковъ республики, пока окончательно не пройдетъ опасность захвата власти лицомъ, открыто стремящимся къ диктатурѣ.

Быть можетъ, формальный судъ надъ генераломъ Буланже только случайно совпалъ съ началомъ избирательной кампаніи; но это совпаденіе невольно бросаетъ тѣнь на безпристрастіе правосудія и даетъ обильную пищу злобнымъ нападкамъ оппозиціонной печати. Обвинительный актъ, обнародованный въ газетахъ, сообщаетъ мало новыхъ фактовъ по обвиненію въ попыткѣ государственнаго переворота, но зато даетъ нѣкоторыя указанія на продажность и злоупотребленія въ расходованіи казенныхъ суммъ. Обвинить въ казнокрадствѣ человѣка, написавшаго на своемъ знамени: „долой воровъ!“— это былъ бы весьма оригинальный и ловкій политическій пріемъ, облеченный въ судебную форму. По указаніямъ и намекамъ обвинительнаго акта нельзя еще судить о степени основательности обвиненій, такъ какъ эти данныя должны были еще подвергнуться всесторонней фактической провѣркѣ при разбирательствѣ дѣла. Можно только сказать заранѣе, что тѣ пункты, которые касаются распоряженія секретными фондами военнаго министерства, значительно ослабляютъ эффектъ обвиненія: генералу Буланже ставится, напримѣръ, въ вину, что онъ выдалъ значительную сумму военному клубу и что такія-то суммы уплачивались по частнымъ его дѣламъ, въ бытность его военнымъ министромъ. Выдача субсидіи военному клубу могла вполнѣ соотвѣтствовать назначенію секретныхъ фондовъ, которые именно для того и ассигнуются, чтобы министръ имѣлъ нѣкоторую свободу въ употребленіи денежныхъ средствъ на непредвидѣнныя надобности. Буланже заявляетъ, что тѣ деньги, которыя поступали изъ кассы въ личное его распоряженіе, расходовались преимуще-

ственно на секретныя военныя цѣли, которыя получили тогда особенную важность въ виду извѣстныхъ пограничныхъ конфликтовъ съ Германіею. Еслибы судить министровъ за незаконное употребленіе секретныхъ фондовъ, то едва ли оказался бы хоть одинъ, вполнѣ свободный отъ упрека. Не мѣшаетъ вспомнить, что при жизни Гамбетты много разъ говорилось о незаконныхъ денежныхъ распоряженіяхъ его въ періодъ народной обороны, и однако дѣйствія его не были предметомъ судебнаго разбирательства, ибо всякій понимаетъ, что бываютъ расходы, безусловно необходимые для государства и тѣмъ не менѣе не допускающіе публичной провѣрки, въ виду спеціальнаго характера ихъ или исключительныхъ обстоятельствъ даннаго времени. Республиканцы окажутся правы въ глазахъ страны, если они своими мѣрами избавятъ Францію отъ буланжистскаго кошмара; они будутъ вдвойнѣ виноваты, когда политика ихъ, напротивъ, усилитъ оппозицію и не остановитъ успѣховъ буланжизма. Предварительное состязаніе между противниками состоялось на выборахъ въ мѣстные департаментскіе совѣты, происходившихъ 27-го (15) іюля. Генералъ Буланже поставилъ свою кандидатуру въ 80 округахъ и оказался избраннымъ только въ двѣнадцати; это для него полнѣйшая неудача, даже если перебаллотировки, предстоящія во многихъ мѣстахъ, увеличатъ число его избраній.

Было бы преждевременно заключить, что избраніе Буланже только въ 12 кантонахъ изъ 1421, въ которыхъ результаты выборовъ извѣстны были къ 19 іюля, предвѣщаетъ ему такую же неудачу на предстоящихъ парламентскихъ выборахъ. При избраніи членовъ мѣстныхъ генеральныхъ совѣтовъ (въ родѣ нашихъ земствъ), населеніе руководствуется совсѣмъ не тѣми соображеніями, которыя имѣютъ силу при выборѣ депутатовъ въ парламентъ: здѣсь почти исключительно дѣйствуютъ мотивы чисто мѣстные, хозяйственные, причемъ большое вліяніе имѣютъ разсчеты на поддержку администраціи или вліятельныхъ лицъ при проведеніи мѣръ и проектовъ, касающихся мѣстнаго благоустройства. Притомъ избраніе кандидатовъ, которые вовсе не могутъ быть представителями въ генеральномъ совѣтѣ по отсутствію осѣдлости или имущества въ предѣлахъ даннаго кантона, было бы напрасною потерею времени; это обстоятельство имѣетъ тѣмъ большее значеніе, когда дѣло идетъ о многократныхъ кандидатурахъ, о которыхъ заранѣе извѣстно, что онѣ во всякомъ случаѣ будутъ признаны недѣйствительными. Съ точки зрѣнія избирателей было бы крайне неразсчетливо превращать департаментскіе выборы въ безплодную политическую демонстрацію, когда и безъ того предстоитъ въ скоромъ времени избрать новыхъ депутатовъ и произнести приговоръ надъ борющимися парламентскими партіями.

Буланже много разъ терпѣлъ неудачу; оппортунисты считали его уже окончательно похороненнымъ послѣ несчастной дуэли его съ Флоке́, и однако онъ остается героемъ дня до сихъ поръ. Значеніе Буланже и его пропаганды зависитъ не отъ его достоинствъ или недостатковъ, не отъ его заслугъ или слабостей, а единственно отъ погрѣшностей и безсилія парламентскихъ группъ, управлявшихъ страною при послѣдней палатѣ, съ 1885 года. Такъ и теперь оппортунисты торжествовали при обнародованіи обвинительнаго акта, разсчитывая на неминуемую гибель буланжизма послѣ позорящихъ его судебныхъ разоблаченій. Но пока верховный судъ разбираетъ только обвиненіе въ посягательствѣ на безопасность государства и въ растратахъ, имѣющихъ связь съ этимъ обвиненіемъ; между тѣмъ по этому именно важному пункту приведены въ обвинительномъ актѣ только такія свѣденія, которыя давно всѣмъ извѣстны. Буланже обвиняется въ честолюбивыхъ планахъ, выразившихся въ рядѣ политическихъ интригъ и въ устройствѣ публичныхъ демонстрацій, начиная съ назначенія его на видный постъ въ военномъ министерствѣ въ 1882 году и особенно съ появленія его во главѣ этого министерства и до увольненія его отъ должности командующаго корпусомъ въ Клермонъ-Ферранѣ. Тутъ разсказывается и объ извѣстныхъ уличныхъ безпорядкахъ при отъѣздѣ его изъ Парижа въ Клермонъ-Ферранъ, и о косвенномъ его участіи въ манифестаціяхъ, имѣвшихъ цѣлью отклоненіе выбора Ферри президентомъ республики въ концѣ 1887 года, и т. д. Все это происходило у всѣхъ на глазахъ,—между прочимъ на глазахъ самого правительства, которое, однако, не предавало верховному суду участниковъ и организаторовъ упомянутыхъ движеній и волненій. Не узнавъ почти ничего новаго о политическихъ грѣхахъ Буланже, публика можетъ отнестись недовѣрчиво и къ болѣе серьезному обвиненію въ растратахъ, которое должно еще быть предметомъ особаго разбирательства въ военномъ судѣ, послѣ окончанія нынѣшняго чисто-политическаго процесса. Наконецъ даже обвинительный приговоръ не помѣшаетъ французамъ избрать Буланже въ палату во многихъ департаментахъ, а простое признаніе этихъ выборовъ недѣйствительными по формальнымъ причинамъ не уничтожитъ нравственнаго пораженія, нанесеннаго правительству. Впрочемъ результаты кампаніи, предпринятой энергическимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Констаномъ, выяснятся въ ближайшемъ будущемъ. Такъ какъ большинство французскихъ избирателей привыкло приписывать правительству отвѣтственность за всякія удачи и неудачи въ области общественной и экономической жизни страны, то блестящій успѣхъ всемірной выставки будетъ однимъ изъ сильнѣйшихъ аргументовъ въ пользу господствующей нынѣ республиканской

партіи. Этотъ успѣхъ доставляетъ правительству много новыхъ шансовъ въ борьбѣ съ буланжизмомъ.

Сторонники Буланже часто намекаютъ на мнимое сочувствіе Россіи къ предпріятію и замысламъ этого генерала. Мысль о русскомъ союзѣ играетъ вообще большую роль въ новѣйшихъ французскихъ дѣлахъ и комбинаціяхъ. Газеты и журналы занимаются Россіею больше, чѣмъ когда-либо; особенное усердіе въ этомъ направленіи обнаруживаетъ „Nouvelle Revue" г-жи Жюльетты Аданъ. Но это усердіе не можетъ быть названо иначе, какъ „медвѣжьимъ". Разные Петровы, Черновы и другіе подобные псевдонимы просвѣщаютъ французовъ относительно Россіи въ такомъ духѣ, что по-неволѣ приходится сказать: избави насъ Богъ отъ подобныхъ друзей! Въ одной изъ іюльскихъ книжекъ журнала поклонникъ Ашинова, г. Черновъ, заявляетъ съ гордостью, что мы, русскіе,—„азіаты", что у насъ совсѣмъ особыя воззрѣнія и понятія, которыя мы должны охранять и поддерживать ради нашего политическаго могущества, что „мы—національная партія—реакціонеры" и должны остаться таковыми во имя историческихъ традицій и высшихъ государственныхъ интересовъ. Въ то же время авторъ сознается, что не все у насъ благополучно въ области университетскаго образованія, о которомъ спеціально трактуетъ статья; многіе профессора проповѣдуютъ будто бы заграничныя теоріи, несогласныя съ тѣми принципами, которые авторъ считаетъ обязательными для всякаго русскаго, и въ подтвержденіе этого обвиненія приводятся выдержки изъ учебниковъ покойнаго Кистяковскаго, проф. Мартенса и Градовскаго. Самыя эти выдержки и сопровождающіе ихъ комментаріи доказываютъ, что авторъ не имѣетъ никакого понятія о предметахъ, о которыхъ онъ берется судить. Выступать предъ французскою публикою съ такими выходками, имѣющими, въ сущности, характеръ доноса на нѣкоторыхъ нашихъ профессоровъ, — значитъ только компрометтировать русское общество передъ французами и давать имъ намѣренно самое невыгодное представленіе о Россіи. Господамъ Черновымъ и Петровымъ слѣдовало бы, по крайней, мѣрѣ говорить отъ своего собственнаго имени, а не отъ имени Россіи и какой-то невѣдомой никому „великой національной партіи".

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа, 1889.

— **Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII-го вѣка. Историческій очеркъ.** *Н. Чечулинъ* (—на?). Спб., 1889.

Исторія нашего XVIII-го вѣка до сихъ поръ разработана очень мало, и это неудивительно, если вспомнить, что только въ послѣднее время появляется въ печати (т.-е. дѣлается для нея возможнымъ) множество интереснѣйшихъ матеріаловъ, какъ мемуары, переписка людей XVIII-го вѣка и иные историческіе документы; когда, съ другой стороны, Русское Историческое Общество впервые дѣлаетъ доступнымъ множество документовъ дипломатическихъ, скрывавшихся въ нашихъ и иностранныхъ архивахъ. Въ самомъ дѣлѣ, только въ послѣдніе годы выходили такіе драгоцѣнные источники, какъ записки Болотова, Добрынина, Винскаго, Гарновскаго, Хвостова, Пишчевича, кн. Щербатова и т. д.; десятки томовъ „Сборника" Историческаго Общества; масса мелкихъ матеріаловъ, писемъ и т. п., разсѣянныхъ въ историческихъ журналахъ. Очевидно, что весь этотъ матеріалъ вмѣстѣ съ прежнимъ долженъ быть сначала разработанъ монографически для того, чтобы вся его масса могла быть правильно утилизирована для настоящей исторіи. Въ числѣ наиболѣе любопытныхъ предметовъ, на которыхъ должно было бы остановиться монографическое изслѣдованіе, одно изъ важныхъ мѣстъ должна занять исторія бытовая. До сихъ поръ этотъ отдѣлъ исторіи остается у насъ наименѣе разработаннымъ. Книга Костомарова о великорусскомъ бытѣ XVI-го и XVII-го столѣтій, книги г. Забѣлина о бытѣ русскихъ царей и царицъ — вотъ единственные крупные и цѣльные труды, принадлежащіе къ этой категоріи; къ нимъ можно присоединить еще нѣсколько спеціальныхъ очерковъ. Восемнадцатый вѣкъ съ этой стороны почти не тронутъ; между тѣмъ именно онъ, съ точки зрѣнія бытовой исторіи, представилъ бы особенно живой интересъ: столько было говорено о Петровской реформѣ, о произведенномъ ею разрывѣ

съ народомъ, уничтоженія старыхъ преданій,—что именно исторія быта должна была бы доставить здѣсь не мало любопытныхъ объясненій. Нѣтъ сомнѣнія, что точная исторія такого рода бросила бы на этотъ вопросъ большой и нѣсколько неожиданный свѣтъ... Мы встрѣтили поэтому съ большимъ любопытствомъ книжку г. Чечулина—отдѣльный оттискъ журнальныхъ статей,—гдѣ затронута часть этого предмета, именно провинціальный бытъ второй половины столѣтія. Небольшой объемъ книжки (115 страницъ) показываетъ уже, что предметъ далеко не могъ быть здѣсь исчерпанъ, и самъ авторъ смотритъ на свою работу какъ на опытъ и на первый приступъ къ подобному изслѣдованію.

Въ началѣ своего труда авторъ останавливается на общемъ вопросѣ—насколько вѣрны тѣ отзывы о нашемъ бытѣ XVIII-го вѣка, какіе дѣлаются въ нашей современной литературѣ. Въ примѣръ онъ приводитъ именно отзывы гг. Незеленова, В. Семевскаго, Дубровина и Гольцева. Эти отзывы вообще весьма неблагопріятны XVIII вѣку, но авторъ утверждаетъ, что они и невѣрны. Они не были выводомъ изъ всесторонняго изслѣдованія эпохи, и авторъ указываетъ три источника ошибокъ въ большинствѣ изображеній XVIII-го столѣтія. Первою и главною ошибкой считаетъ онъ невѣрное опредѣленіе того, чтò должно считаться характернымъ для извѣстной эпохи; а именно, характернымъ не должна быть какая-либо отдѣльная анекдотическая черта (какія обыкновенно и собираются большинствомъ изслѣдователей), а цѣлый *фонъ* жизни, на которомъ происходятъ благопріятныя и неблагопріятныя явленія. Вторая ошибка состоитъ въ неправильномъ отношеніи къ даннымъ, представляемымъ тогдашнею литературой, и которыми пользуются обыкновенно весьма широко безъ достаточной критики этого источника; авторъ объясняетъ, что эта литература, при ея искусственномъ происхожденіи и при тогдашнемъ слабомъ пониманіи литературныхъ фактовъ, имѣетъ гораздо меньше значенія—какъ прямой нравоописательный матеріалъ, и гораздо больше—какъ выраженіе тогдашняго міросозерцанія и идеаловъ. Въ-третьихъ, изслѣдователи нерѣдко придаютъ слишкомъ широкое значеніе фактамъ мѣстнымъ (стр. 10, 16, 25). Авторъ, съ своей стороны, напротивъ, не склоненъ къ строгимъ сужденіямъ о нашемъ XVIII вѣкѣ,—и въ особенности во второй его половинѣ, въ царствованіи Екатерины II, онъ находитъ больше свѣтлыхъ, чѣмъ мрачныхъ сторонъ: послѣднія кажутся ему скорѣе исключеніемъ изъ общаго „фона“. Объ этомъ времени онъ говоритъ: „Царствованіе Екатерины II вызывало у насъ самыя различныя оцѣнки. Современники, особенно поэты, и нѣсколько ближайшихъ поколѣній прославляли его какъ блестящую эпоху, какъ золотой вѣкъ, называли Екатерину—Великою

и Премудрою; потомъ начали находить въ немъ то тотъ, то другой недостатокъ, стали упрекать его въ лживости, въ порчѣ общественныхъ нравовъ, въ забвеніи истинныхъ обязанностей въ отношеніи къ разнымъ сословіямъ и въ другихъ, не менѣе тяжкихъ, винахъ, такъ что, наконецъ, отношеніе къ этому царствованію перешло, можно сказать, въ отрицательное, чуть не во враждебное. Подобное различіе сужденій о немъ впрочемъ понятно: богатство въ немъ выдающихся событій, обиліе произведенныхъ реформъ, затронувшихъ чуть не всѣ стороны жизни, и важность произведенныхъ этими реформами слѣдствій могутъ болѣе или менѣе дать основаніе для самыхъ противорѣчивыхъ выводовъ. Но надобно, во-первыхъ, строго различать исторію Россіи вообще, исторію русскаго общества, отъ исторіи самой императрицы и окружавшей ее аристократіи; во-вторыхъ, надобно помнить, что какъ весьма значительные, бросающіеся въ глаза недостатки, такъ и замѣтные успѣхи въ извѣстныхъ только отношеніяхъ не даютъ еще права изрекать ни безусловной похвалы, ни безусловнаго порицанія всему царствованію, и т. д. (стр. 66—67)— такое общее сужденіе будетъ возможно только послѣ полнаго изслѣдованія эпохи со всѣхъ сторонъ.

Самъ авторъ предпочитаетъ другія сужденія объ Екатерининскомъ времени и приводитъ, между прочимъ, хвалебные отзывы современниковъ. Намъ кажется, что онъ не совсѣмъ точно обозначилъ причины колебанія взглядовъ на вторую половину XVIII-го вѣка, или указалъ ихъ слишкомъ общимъ образомъ. Одною изъ первыхъ причинъ, которой онъ совсѣмъ не упомянулъ, было то простое обстоятельство, что это время очень долго было совсѣмъ недоступно для нашей исторіографіи или—что̀ одно и то же—было доступно для нея только въ панегирическомъ тонѣ. Это во всякомъ случаѣ не былъ, однако, тонъ настоящей исторіи; во многихъ случаяхъ онъ бросался въ глаза своею фальшивостью, и у новѣйшихъ писателей, касавшихся этого предмета, являлось, наконецъ, естественное желаніе исправить эту фальшь и указать оборотную сторону медали. Нѣтъ сомнѣнія, что гораздо болѣе точный выводъ получится тогда, когда эпоха будетъ изучена во всей полнотѣ ея фактовъ и въ сравненіи съ предъидущими временами; но развѣ и теперь были невѣрны тѣ фактическія данныя, которыя приводятъ, напримѣръ, гг. Дубровинъ и В. Семевскій? Собственная защита этого времени у автора не весьма доказательна. Раньше, оспаривая упомянутыхъ историковъ, говорившихъ о пустотѣ тогдашней общественной жизни, авторъ замѣчаетъ: „А вѣдь были же у насъ потомъ и великіе писатели, и знаменитые ученые, и замѣчательные общественные и государственные дѣятели"... ...„безъ какого-нибудь *чуда* изъ того общества, изъ той обстановки,

при томъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ, какіе рисуютъ въ русскомъ обществѣ XVIII-го вѣка, ничего хорошаго, не только замѣчательнаго, великаго, выйти не могло" (стр. 5—6). Но чуда и не требовалось. Восемнадцатый вѣкъ представилъ дѣйствительно нѣсколько весьма замѣчательныхъ полководцевъ (что бывало и у воинственныхъ народовъ, стоявшихъ гораздо ниже Россіи въ культурномъ отношеніи), замѣчательныхъ государственныхъ людей (т.-е. главнымъ образомъ исполнителей), которые естественно могли набраться изъ процента умныхъ людей, въ долгой практикѣ управленія громаднымъ государствомъ; мы знаемъ нѣсколько замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей, хотя весьма немногихъ, какъ Новиковъ и ему под., но гдѣ же „великіе" писатели и „знаменитые" ученые? Великихъ писателей, заслуживающихъ подобнаго названія, мы найдемъ въ XVIII столѣтіи двухъ, трехъ; знаменитый ученый былъ, пожалуй, только одинъ. Авторъ хочетъ отдѣлить исторію Россіи отъ исторіи императрицы и окружавшей ее аристократіи; но и это едва ли основательно, такъ какъ не только личность императрицы оказывала весьма сильное вліяніе на ходъ правленія, но и аристократія имѣла такой обширный кругъ дѣйствій, что становилась весьма вліятельнымъ факторомъ и въ политической, и во внутренней жизни государства: довольно назвать Орловыхъ, Потемкина, Зубова и т. д. Наши историки удивлялись, напримѣръ, что въ царствованіе Екатерины могъ быть назначенъ одинъ архіерей, который былъ совсѣмъ безграмотенъ; авторъ, который вообще старается защитить XVIII столѣтіе, доказываетъ, что другіе архіереи не были такъ невѣжественны, и находитъ упомянутому факту простое объясненіе: „Аѳанасій Вальховскій получилъ епископскую каѳедру потому, что мать графа А. А. Безбородко требовала у сына каѳедры для этого Аѳанасія, своего бывшаго духовника, угрожая иначе даже проклятіемъ" (стр. 13). Хорошо же было положеніе церкви, когда не только какой-нибудь вельможа самъ, но даже мать Безбородки, повидимому взбалмошная особа, ставила архіереевъ! Опровергая г. Семевскаго, изображавшаго, по его мнѣнію, въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ тогдашій характеръ крѣпостного права, авторъ замѣчаетъ, что „кромѣ уголовныхъ дѣлъ мы встрѣчаемъ во всѣхъ памятникахъ XVIII-го вѣка очень рѣдко указанія на жестокость помѣщиковъ къ крестьянамъ"; но, во-первыхъ, эти уголовныя дѣла составляютъ весьма краснорѣчивыя „указанія" (а г. Семевскій собралъ ихъ цѣлые десятки), во-вторыхъ же, и по позднѣйшей практикѣ очень извѣстно, что факты жестокости далеко не всегда доходили до уголовныхъ судовъ, а гораздо чаще ускользали отъ суда при помощи взятокъ или укрывательства самихъ товарищей-дворянъ. Далѣе, ссылки автора на хвалебные отзывы современниковъ о второй

половинѣ XVIII-го вѣка должны быть принимаемы съ большою осторожностью: самое распространеніе панегирика было чертой времени, и, какъ извѣстно, исторія далеко не совпадала съ содержаніемъ одъ и похвальныхъ рѣчей.

Затѣмъ бóльшая доля книжки г. Чечулина посвящена изложенію фактическихъ данныхъ о провинціальномъ бытѣ второй половины XVIII-го вѣка. Авторъ изображаетъ этотъ быть въ нѣсколькихъ моментахъ: передъ манифестомъ Петра III о вольности дворянства; отъ этого манифеста до учрежденія о губерніяхъ; далѣе, въ послѣдней четверти столѣтія послѣ областной реформы; наконецъ, даетъ характеристику умственнаго и нравственнаго состоянія русскаго общества во второй половинѣ XVIII-го столѣтія. Главнымъ источникомъ послужили автору мемуары второй половины XVIII-го вѣка и тогдашняя литература, особливо журналы того времени. Матеріалъ, конечно, не исчерпанъ; между прочимъ не упомянуто и не употреблено въ дѣло многое, чтó уже есть въ литературѣ по этому предмету, но какъ первый опытъ цѣльнаго обзора бытовой исторіи данной эпохи, книжка г. Чечулина имѣетъ большія достоинства и во всякомъ случаѣ доставляетъ занимательное чтеніе. Не было бы излишне, впрочемъ, нѣсколько облегчить такое чтеніе бóльшимъ вниманіемъ къ изложенію: авторъ употребляетъ иногда фразы объемомъ чуть не въ цѣлую страницу (стр. 12, 89, 91 и друг.).

— Г. А. *Арандаренко*. Досуги въ Туркестанѣ. Спб. 1889.

Книга г. Арандаренко есть большой томъ, гдѣ собраны писанныя въ разное время статьи, составляющія результатъ его наблюденій во время продолжительнаго пребыванія въ Туркестанскомъ краѣ. Г. Арандаренко прослужилъ тамъ болѣе двадцати лѣтъ, и понятно, что за это время онъ, при собственной любознательности и желаніи вникать въ окружающія отношенія, могъ пріобрѣсти много полезныхъ свѣденій, которыми и вознамѣрился теперь подѣлиться съ читателемъ. Свѣденія автора тѣмъ болѣе цѣнны, что онъ имѣлъ возможность наблюдать вліяніе русскаго управленія на туземцевъ съ первыхъ годовъ занятія края. Содержаніе сборника довольно разнообразно. Въ особенности вниманіе автора направлено было на экономическій, сельско-хозяйственный бытъ мѣстнаго населенія—земледѣліе, скотоводство, орошеніе, лѣсной вопросъ, средства сообщенія, преимущественно впрочемъ въ Зеравшанскомъ краѣ. Онъ останавливается также на мѣстныхъ бытовыхъ обычаяхъ, народномъ судѣ, кредитѣ; даетъ историческіе очерки изъ древнихъ и новѣйшихъ

временъ и т. п. Край, видимо, знакомъ автору хорошо, со всѣми подробностями мѣстнаго земледѣлія и промысла, и цѣлью г. Арандаренко было дать понятіе о настоящемъ положеніи этого дѣла и о томъ, какими средствами могло бы быть улучшено положеніе мѣстныхъ жителей тамъ, гдѣ оно въ этомъ нуждается. Авторъ вообще есть наблюдатель-практикъ, изучавшій мѣстный бытъ по административной обязанности, въ исполненіе которой вложилъ однако много своего личнаго интереса и благожелательства къ туземцамъ. Мѣстныя условія, кромѣ инородческаго состава населенія, дѣлаютъ Туркестанъ страной совершенно необычной, которая вѣроятно долго останется для новаго человѣка мало-понятной. Авторъ описываетъ такую мѣстность, гдѣ съ успѣхомъ ведется сельское хозяйство, но гдѣ весь трудъ земледѣльца находится въ абсолютной зависимости отъ орошенія: успѣхъ дѣла и съ нимъ благосостояніе сельскаго хозяина зависятъ отъ того, сколько онъ имѣетъ воды—одинъ имѣетъ „цѣлую воду", другой „полъ-воды", третій „четверть-воды" и т. п., то-есть право получить то или другое количество воды изъ общаго канала (арыка), гдѣ сберегается вода отъ разливовъ рѣки. Эта зависимость отъ воды составляетъ, конечно, исконную принадлежность страны, и неудивительно, что въ теченіе вѣковъ создалась здѣсь замѣчательная система орошенія и строго опредѣленный порядокъ распредѣленія воды по отдѣльнымъ полямъ и хозяйствамъ. Неудача въ устройствѣ запаса, порча каналовъ отъ какихъ бы то ни было причинъ отражается тотчасъ разореніемъ; мѣстность можетъ опустѣть или, напротивъ, процвѣтать и населяться, смотря потому, какъ рѣшится вопросъ о водѣ. Авторъ отдаетъ полную справедливость мѣстному населенію, что въ этомъ вопросѣ оно выработало весьма разумный распорядокъ, въ которомъ слишкомъ усердное вмѣшательство русскихъ властей производило иногда только вредную путаницу. Въ настоящее время въ мѣстной администраціи есть уже люди, вполнѣ изучившіе этотъ предметъ и которые пріобрѣтаютъ благодарность туземцевъ разумнымъ содѣйствіемъ мѣстному орошенію; съ другой стороны, авторъ строго осуждаетъ тѣхъ не по разуму ревностныхъ администраторовъ, которые безъ вниманія къ мѣстнымъ условіямъ затѣваютъ надуманные въ кабинетѣ планы ирригаціи, для выполненія которыхъ недостало бы всѣхъ доходовъ края. Кромѣ канализаціи въ Туркестанѣ, съ древнихъ временъ практиковалось устройство цистернъ, собиравшихъ и сберегавшихъ дождевую воду; такія цистерны (обширныя каменныя постройки, углубленныя въ землѣ въ видѣ колодцевъ), построенныя иногда много вѣковъ тому назадъ и частію сохранившіяся, дѣлаютъ, напримѣръ, возможнымъ переходъ безлюдныхъ и пустыхъ степей. Къ сожалѣнію, многія изъ нихъ въ

настоящее время испорчены и превратились въ „клоаки"; сколько можно судить по словамъ автора, это превращеніе бывало, между прочимъ, обязано грубому неряшеству новѣйшихъ хозяевъ мѣстности.

Авторъ много разсказываетъ объ этомъ хозяйственномъ бытѣ описываемаго края и дѣлаетъ много полезныхъ замѣчаній, данныхъ опытомъ, которыя вѣроятно не останутся безплодными на мѣстѣ. Любопытно и то, что̀ говоритъ онъ о нравахъ и понятіяхъ туземцевъ, о ихъ религіозномъ состояніи, повѣріяхъ и суевѣріяхъ, о туземномъ судѣ и т. п. И здѣсь, безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ возможность непосредственныхъ наблюденій на живыхъ примѣрахъ. Эта картина умственнаго и нравственнаго состоянія туземныхъ жителей даетъ весьма печальныя впечатлѣнія: крайнее невѣжество во всемъ, что̀ выходитъ за предѣлы ближайшаго практическаго быта; полная безпомощность передъ традиціоннымъ суевѣріемъ, эксплуатація этого суевѣрія ловкими обманщиками, которые выдаютъ себя за обладателей сверхъестественными знаніями, силою исцѣленія и т. п.; нелѣпыя представленія о явленіяхъ природы—все это держитъ народъ на крайне низкой ступени развитія, изъ котораго нѣтъ исхода, пока не будетъ достигнуто вліяніе школы, которой, конечно, не легко установиться въ подобныхъ условіяхъ. Въ началѣ книги авторъ разсказываетъ извѣстную ему лично исторію одного проходимца, который, взявъ на себя роль религіознаго учителя, систематически обманывалъ и обиралъ невѣжественное населеніе. Намъ кажется, однако, что онъ, безъ сомнѣнія, преувеличиваетъ, если думаетъ, что таковы вообще религіозные учители этого народа. Обманы и злоупотребленія бываютъ вездѣ; сколько мы слышимъ, напримѣръ, о подобныхъ обманахъ у народовъ католическихъ и иныхъ! Еще на дняхъ мы читали въ газетахъ о четырехъ русскихъ мужикахъ, которые съ успѣхомъ вели свои дѣла, выдавая себя за аѳонскихъ монаховъ и продавая выгодно разные священные предметы собственнаго издѣлія и чудодѣйственныя средства отъ „лихоманки", „поясницы" и проч. Если среднеазіатскіе „ишаны" бываютъ иногда таковы, какъ описываетъ авторъ, то едва ли сомнительно и то, что бываютъ и совсѣмъ иные, именно совершенно убѣжденные въ своемъ священнодѣйствіи. Г. Арандаренко разсказываетъ, что эти „ишаны" иногда возстановляли народъ противъ нѣкоторыхъ распоряженій русскаго правительства; очевидно, что это уже не были простые обманщики, которымъ не было бы надобности или даже было бы невыгодно подвергать себя опасности за подобныя подстрекательства, а настоящіе, убѣжденные фанатики, исполнявшіе по-своему дѣло вѣры.

Мы, конечно, должны предоставить спеціалистамъ оцѣнку мѣстныхъ показаній автора; на нашъ взглядъ, въ нихъ есть не мало

цѣннаго опыта, который заслуживаетъ вниманія; относительно изложенія можно замѣтить, что оно не всегда достаточно ясно, и у автора нерѣдки черезъ-чуръ книжныя выраженія („мы съ особеннымъ *удовольствіемъ обязательства* отмѣчаемъ признательность населенія“ и пр., стр. 280; упомянувъ объ излишествахъ канцелярскаго веденія дѣлъ, авторъ пишетъ: „пока въ такомъ дѣлѣ будутъ преобладать эти *одолѣвающія особенности дѣятельности*“, стр. 253; и т. п.); или совсѣмъ темные обороты рѣчи, напримѣръ: „такимъ образомъ при сельджукидахъ и чингизовичахъ, несмотря на *оплотъ*, встрѣченный Чингизомъ *сильной* до монголовъ *династіи хорезмійцевъ* (?), вынудившей этого завоевателя проникнуть въ 1221 году чрезъ Балхъ и Кабулъ на Индъ, Хоразанъ окончательно уступилъ свое политическое первенство Бухарѣ“ (стр. 483). „Оплотъ“ должно значить здѣсь сопротивленіе?

Бóльшая правильность и простота языка были бы желательны.

— Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго этнографическаго музея. Составленное хранителемъ музея, профессоромъ В. Ѳ. *Миллеромъ*. Выпускъ II. Москва, 1889.

Въ Литературномъ Обозрѣніи „Вѣстника Европы“ было упомянуто о первомъ выпускѣ настоящаго изданія. Мы говорили, что проф. Миллеръ, предпринявъ описаніе этнографической коллекціи Дашковскаго музея, предпослалъ этому описанію при каждомъ племени обстоятельное указаніе касающейся его литературы. Въ настоящемъ выпускѣ заключаются описаніе коллекцій и указанія литературы, во-первыхъ, по инородцамъ индо-европейскимъ (цыганы, молдаваны, колонисты нѣмцы, литовцы и латыши); во-вторыхъ, по племенамъ кавказскимъ; въ-третьихъ, по двумъ инородческимъ племенамъ, которыя принадлежатъ бывшимъ россійско-американскимъ владѣніямъ (алеуты, колоши). Такъ какъ племена кавказскія въ Дашковскомъ музеѣ всѣ собраны въ одномъ залѣ, то и настоящее описаніе, слѣдующее расположенію музея, соединяетъ описаніе этихъ племенъ, хотя они принадлежатъ по происхожденію разнымъ племеннымъ группамъ, такъ что пришлось нарушить чисто-этнографическій порядокъ описанія. Народности Кавказа (исключая русскихъ и отдѣльныхъ случайныхъ колонистовъ) по физическому типу принадлежатъ, по объясненію г. Миллера, къ двумъ расамъ—къ такъ-называемой средиземной (кавказской) и монгольской; по языку они принадлежатъ разнымъ лингвистическимъ семьямъ, именно урало-алтайской, монгольской, индо-европейской и картвельской или иверской (грузины, лазы, мингрельцы и сванеты); какъ распредѣляются языки кавказскихъ горцевъ—это остается еще

вопросомъ нерѣшеннымъ. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется соединеніе ихъ въ двѣ семьи—восточно-горскую и западно-горскую; между этими собственно кавказскими группами языковъ, то-есть восточной и западно-горской и картвельской, не обнаружено до сихъ поръ никакого родства, и не отыскано также нигдѣ языковъ родственныхъ этимъ кавказскимъ группамъ. При описаніи одеждъ г. Миллеръ не довольствовался экземплярами музея и дополнялъ ихъ свѣдѣніями, находящимися въ литературѣ или полученными отъ живущихъ въ Москвѣ образованныхъ инородцевъ разныхъ племенъ. Библіографическія указанія составлены вообще весьма обстоятельно; по каждому племени указаны главнѣйшія сочиненія, которыя могутъ послужить для ближайшаго знакомства съ предметомъ. Мы замѣтили бы, что литература о цыганахъ могла бы быть значительно дополнена иностранными сочиненіями объ этомъ племени.

Такъ какъ въ нашей литературѣ не имѣется до сихъ поръ общаго сочиненія о племенахъ россійской имперіи, въ родѣ того, какое въ XVIII столѣтіи составлено было Георги, то предпріятіе г. Миллера является весьма полезнымъ восполненіемъ этого пробѣла, хотя бы собраніемъ обширныхъ библіографическихъ справокъ.

— Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ *Н. М. Лопатина* и *В. П. Прокунина*. Двѣ части. Москва, 1889.

Книга имѣетъ еще второе, распространительное заглавіе: „Опытъ систематическаго свода лирическихъ пѣсенъ, съ объясненіемъ варіантовъ со стороны бытового и художественнаго ихъ содержанія, Н. М. Лопатина, съ положеніемъ пѣсенъ для голоса и фортепіано, В. П. Прокунина, и съ приложеніемъ полной разстановки словъ нѣкоторыхъ варіантовъ по ихъ напѣву“.

Въ послѣдніе годы стало въ особенности распространяться изученіе русской пѣсни со стороны напѣва, и притомъ въ первый разъ обращено вниманіе на то, чтобы записать этотъ напѣвъ во всемъ томъ развитіи, какое онъ получаетъ въ хорѣ. До послѣдняго времени всѣ, какіе были, сборники народной музыки отмѣчали обыкновенно только одинъ основной мотивъ, не обращая вниманія на то, чѣмъ становится этотъ мотивъ въ исполненіи нѣсколькихъ голосовъ. Очевидно, однако, что такое записываніе было неполно, что оно не давало понятія о цѣльномъ составѣ пѣсенъ, какою она является именно въ хорѣ. Послѣ сборника Мельгунова начинаются все новыя попытки записать пѣсню именно въ этомъ полномъ ея видѣ, который только и можетъ дать настоящее понятіе о музыкальномъ складѣ

народной пѣсни. Послѣ труда г. Мельгунова такою попыткой было собраніе покойнаго Пальчикова; явился затѣмъ цѣлый трактатъ о русской народной музыкѣ, также покойнаго Сокольскаго; теперь передъ нами опытъ изученія пѣсни, въ направленіи Мельгунова, исполняемый гг. Лопатинымъ и Прокунинымъ. Трудъ раздѣленъ здѣсь между двумя лицами: одно наблюдаетъ этнографическую сторону народной пѣсни и ея внѣшнюю судьбу въ народной средѣ; другое—изучаетъ музыку. Это раздѣленіе труда кажется намъ весьма цѣлесообразнымъ, такъ какъ двѣ спеціальныя точки зрѣнія на выполненіе двоякой задачи рѣдко или никогда не совпадаютъ достаточно въ одномъ лицѣ. За предисловіемъ, гдѣ объясняется составъ изданія, слѣдуетъ обширное вступленіе, гдѣ г. Лопатинъ говоритъ вообще о характерѣ народныхъ пѣсенъ; объ отношеніи къ нимъ пѣвцовъ; о пріемахъ записыванія народныхъ пѣсенъ; о современномъ состояніи пѣсни въ народѣ, въ которомъ, какъ извѣстно, начинаютъ, повидимому, все больше забываться хорошія старинныя пѣсни и распространяются новѣйшія, почти всегда плохія и пошлыя пѣсни новѣйшаго издѣлія, городского, трактирнаго и фабричнаго происхожденія. Наконецъ, дѣлается въ предисловіи краткій обзоръ прежнихъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ и пѣсенной музыки.

Г. Лопатинъ видимо вложилъ въ свой трудъ много любви къ дѣлу и вниманія: онъ имѣетъ собственный опытъ относительно современнаго положенія народной пѣсни и сообщаетъ много разумныхъ замѣчаній о томъ, какъ стоитъ пѣсня въ самомъ народѣ, откуда идетъ ея порча, какіе пріемы слѣдуетъ употреблять при записываніи текста и напѣва. Оставляя въ сторонѣ былины, онъ дѣлитъ массу народныхъ пѣсенъ на два разряда: пѣсни лирическія и обрядовыя. Однѣ посвящены изображенію личнаго чувства и поются безразлично во всякое время однимъ лицомъ или хоромъ, и больше подлежатъ варьированію; другія—связаны съ обрядомъ, то-есть бытомъ, онѣ тверже помнятся и больше привязаны къ той или другой мѣстности и времени года. По мнѣнію г. Лопатина, обрядовыя пѣсни слѣдуетъ записывать и располагать по мѣстностямъ, по селамъ, волостямъ или по рѣкамъ и областямъ, сходнымъ въ этнографическомъ отношеніи, и притомъ изложеніе пѣсни должно сопровождаться подробнымъ этнографическимъ описаніемъ обряда и обычаевъ. Напротивъ, для пѣсенъ лирическихъ можетъ очень мало значить группировка по мѣстности, такъ какъ онѣ зависятъ отъ нея всего меньше, а скорѣе важна группировка по бытовому значенію.

Задавая вопросъ о томъ, какая причина приводитъ теперь къ несомнѣнному упадку старой пѣсни, г. Лопатинъ замѣчаетъ, что эту причину надо искать не въ слабости народной самобытности, которая

не можетъ защитить прекрасной старины отъ пошлой новизны, а въ гораздо болѣе глубокихъ бытовыхъ основаніяхъ.

„Дѣло въ томъ,—говоритъ онъ,—что народная пѣсня теперь переживаетъ свое время, что народная самобытность въ сферѣ пѣсенной поэзіи дала все, что̀ она могла въ этомъ отношеніи дать. Она какъ будто ждетъ, чтобы въ сферѣ художественнаго творчества развили ее иныя силы, а не тѣ, которыя ее основали, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается открытой и незащищенной къ покоренію ея пошлостью площадной моды, ибо только эта послѣдняя на нее оказываетъ свое вліяніе. Кажется, всему этому главная причина та, что жизнь народная осложнилась, что въ ней явились новыя потребности, новыя стремленія, очень смутныя и, можетъ быть, еще не осмысленныя, но очевидныя; народъ вступаетъ въ періодъ развитія, когда непосредственное творчество уже удовлетворяетъ его не вполнѣ. Здѣсь большую роль играетъ и колебаніе самаго строя жизни, оскудѣніе ея непосредственныхъ формъ. Непосредственная жизнь дѣлается мельче, заключается въ болѣе узкія рамки. Самая природа менѣе располагаетъ къ чисто непосредственному вдохновенію и поэзіи: уничтожаются лѣса, мелѣютъ рѣки, заселяются степи. Въ пору образованія и сложенія государства, въ пору молодечества, безшабашнаго разгула, всякихъ опасностей, неустойчивости и борьбы—въ ту пору было много въ жизни людей драматическаго, а подчасъ и истинно трагическаго, одинаково всѣмъ близкаго и понятнаго, безъ различія даже общественнаго положенія ихъ. Тогда создались лучшія, по силѣ поэтическихъ образовъ и драматическихъ движеній души, пѣсни... Народу, наконецъ, становятся далеки и тѣ формы быта, въ которыхъ жили ихъ предки,—и пѣсни, создавшіяся въ томъ быту, мало-по-малу забываются и изживаются, ибо лишаются живого интереса; на мѣсто ихъ выступаетъ жизнь блѣдная, скудная содержаніемъ: старое старѣется,—новое только нарождается. Блѣднѣетъ и оскудѣваетъ пѣсня, ибо она отражаетъ эту жизнь. И вотъ—рѣдко теперь возникающая истинно народная пѣсня слабѣетъ и въ содержаніи, и формѣ, старинная забывается или остается въ видѣ странной развалины, хоть и великаго прошлаго народнаго творчества... и остается болѣе неприкосновенной, вслѣдствіе своей косности одна обрядовая пѣсня“... „Такъ или иначе,—говоритъ авторъ дальше,—но мы постепенно приближаемся къ рубежу, на коемъ народная пѣсня безвозвратно погибнетъ, если ее черезъ этотъ рубежъ не переведутъ иныя силы—музыкальная наука, личный талантъ и вкусы интеллигенціи народа. Народная пѣсня воспрянетъ вновь, но уже въ творчествѣ не непосредственно народномъ, а въ творчествѣ личномъ народно-національнаго характера“ (стр. 26—29).

Авторъ строго осуждаетъ нашу интеллигенцію, нашихъ музыкантовъ, что они не заботятся о развитіи народныхъ вкусовъ, не пользуются народнымъ музыкальнымъ содержаніемъ, не исполняютъ народной пѣсенной музыки; но самъ онъ рисуетъ картину новѣйшаго народнаго быта, гдѣ, напр., трактиръ (куда идутъ теперь даже женщины) является разсадникомъ новыхъ вкусовъ, и гдѣ народъ безпомощенъ противъ развращающихъ вліяній. Очевидно, что въ данномъ положеніи вещей никакъ не можетъ помочь одна „интеллигенція", вмѣшательство которой въ народные вопросы вовсе не такъ удобоисполнимо, какъ повидимому, думаетъ авторъ. Самымъ могущественнымъ средствомъ, чтобы поднять народные вкусы и понятія, было бы распространеніе правильной народной школы, заслуживающей этого названія, и другія заботы объ улучшеніи народнаго быта. „Интеллигенція" ставитъ эти вопросы давно, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ безплодно.

О музыкальной сторонѣ изданія должны высказаться спеціалисты; но вообще предпріятіе гг. Лопатина и Прокунина исполнено интереса.—А. П.

Изслѣдованіе о началахъ политическаго равновѣсія, легитимизма и національности. *Александра Штиглица.* Въ трехъ частяхъ. Ч. I. Начало равновѣсія. Спб., 1889.

Авторъ избралъ для своего „Изслѣдованія" весьма сложную и обширную тему, на которую существуетъ уже въ нашей литературѣ спеціальное сочиненіе г. Даневскаго подъ одинаковымъ почти заглавіемъ („Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи", 1882). Послѣ краткаго предисловія о важности науки международнаго права, объ ея основахъ и задачахъ, г. Штиглицъ прямо начинаетъ съ изложенія историческихъ свѣденій о принципѣ политическаго равновѣсія у древнихъ грековъ и римлянъ, въ средневѣковой Европѣ и въ новѣйшей исторіи—вплоть до франко-прусской войны. Какое отношеніе существуетъ между началами равновѣсія, легитимизма и національности, какую роль играютъ они въ исторіи международнаго права, и почему авторъ связалъ ихъ вмѣстѣ, въ заглавіи своей книги, объ этомъ нельзя узнать ни изъ первой главы, ни изъ дальнѣйшихъ главъ изслѣдованія г. Штиглица.

Самый обзоръ историческихъ фактовъ, касающихся принципа равновѣсія, сдѣланъ отрывочно и неполно, безъ объясненія ихъ внутренней связи и смысла. Отъ Гіерона сиракузскаго дѣлается переходъ прямо къ французскому королю Карлу VIII, и т. д. Періодъ

отъ вѣнскаго конгресса до войны 1870 года занимаетъ у автора нѣсколько страницъ, причемъ приводится только перечень трактатовъ, конференцій и дипломатическихъ заявленій, выбранныхъ отчасти случайно, какъ бы наудачу; такъ, напримѣръ, изъ богатой событіями эпохи шестидесятыхъ годовъ взяты всего три факта—лондонская конференція 1864 года (безъ указанія даже повода и цѣли ея созванія, но зато съ подробнымъ отчетомъ о преніяхъ въ одномъ изъ ея засѣданій); затѣмъ изложеніе рѣчи Тьера 1866 года и чтеніе письма Наполеона III къ министру иностранныхъ дѣлъ въ законодательномъ корпусѣ того же года. Ни о войнѣ между Пруссіею и Австріею, столь сильно измѣнившей систему политическаго равновѣсія въ Европѣ, ни о люксембургскомъ конфликтѣ 1867 года, не упомянуто ни однимъ словомъ. Что касается франко-прусской борьбы 1870 года, то о ней приведены только слова герцога Граммона, въ отвѣтъ на запросъ депутата Кошри, и краткіе оффиціальные мотивы самого объявленія войны.

По такой же системѣ составленъ слѣдующій затѣмъ „очеркъ научной обработки вопроса о равновѣсіи“. Это просто ничѣмъ не связанный обзоръ мнѣній различныхъ авторовъ, начиная съ епископа Фенелона и кончая Лораномъ. Писатели идутъ въ перемежку, безъ соблюденія хронологіи и соразмѣрности: рядомъ съ новѣйшими учеными, писавшими уже въ восьмидесятыхъ годахъ, поставлены авторы прошлаго столѣтія (какъ напр. Юсти); и затѣмъ опять появляются современные спеціалисты международнаго права, — и такъ далѣе. Выборъ тѣхъ или другихъ писателей зависѣлъ какъ будто отъ случая; старыя журнальныя статьи двухъ малоизвѣстныхъ французскихъ публицистовъ изложены подробно (стр. 105—111 и 150—155), а имя профессора Ѳ. Ѳ. Мартенса совершенно отсутствуетъ въ числѣ излагаемыхъ авторовъ, хотя между ними встрѣчаются такія имена, какъ г. Ганеско, г. Новиковъ (издавшій недавно книгу о международномъ правѣ на французскомъ языкѣ) и другіе. Изложивъ разнообразныя мнѣнія, г. Штиглицъ вновь возвращается къ нимъ въ особой главѣ, посвященной „критическому разбору начала равновѣсія“ (т.-е. разбору мнѣній, а не самаго предмета). Въ дѣйствительности критикуются взгляды только нѣкоторыхъ писателей, также выбранныхъ на удачу изъ предшествующаго обзора: особенно подробно разобраны мнѣнія Юсти (прошлаго вѣка) и автора статьи въ „Revue des deux Mondes“ за 1840 г., де Карне́.

Въ заключительной главѣ „о началѣ политическаго равновѣсія и восточномъ вопросѣ“ г. Штиглицъ внезапно переходитъ къ оцѣнкѣ поведенія западной Европы относительно Россіи и балканскихъ дѣлъ, и столь же внезапно принимаетъ болѣе бранчивый, нежели полемиче-

скій тонъ по поводу „подлой (sic) неблагодарности", выказанной Европою по отношенію къ Россіи на Востокѣ. Не приведя еще ни единаго факта изъ исторіи восточнаго вопроса, авторъ заранѣе рѣшаетъ, что на Востокѣ дѣло идетъ единственно о борьбѣ христіанской культуры и цивилизаціи, представляемой Россіею, съ турецкою дикостью и варварствомъ, и что поэтому вражда западно-европейскихъ державъ къ нашимъ предпріятіямъ и стремленіямъ на Балканскомъ полуостровѣ ничѣмъ не можетъ быть мотивирована. Изложеніе событій, со времени занятія Константинополя турками, отличается у автора тѣмъ же характеромъ безцѣльнаго перечня фактовъ, трактатовъ и войнъ, причемъ, напр., санъ-стефанскій договоръ слѣдуетъ непосредственно за адріанопольскимъ трактатомъ 1828 года (стр. 223), который въ свою очередь приводится вслѣдъ за упоминаніемъ о войнахъ 1787 и 1806 годовъ. При обзорѣ и критикѣ международныхъ отношеній за текущее столѣтіе до берлинскаго трактата, г. Штиглицъ слѣдуетъ главнымъ образомъ изложенію г. Татищева, хотя пользуется трудами и другихъ авторовъ (кромѣ только „Сборника трактатовъ" проф. Мартенса, который, повидимому, остался неизвѣстенъ г. Штиглицу).

Личные взгляды автора на восточный вопросъ не только не имѣютъ характера выводовъ изъ предпринятаго имъ изслѣдованія, но большею частью противорѣчатъ даже элементарному пониманію фактовъ. Г. Штиглицъ считаетъ „несогласнымъ съ достоинствомъ Россіи, унизительнымъ для нея, предоставленіе Австро-Венгріи какого бы то ни было вліянія на дѣла турецкихъ христіанъ", и при этомъ совсѣмъ упускаетъ изъ виду одно обстоятельство, имѣющее первостепенную важность въ той наукѣ, которую онъ называетъ „нашею" (т.-е. своею собственною); онъ забываетъ, что вопросы международнаго права рѣшаются перевѣсомъ могущества и силы, въ данную минуту, и что такой перевѣсъ не былъ и не могъ быть на нашей сторонѣ во время берлинскаго конгресса. Нелѣпо разсуждать о томъ, слѣдуетъ ли „предоставить" Австріи вліяніе на балканскія дѣла, или не слѣдуетъ, когда Австрія сама добываетъ себѣ это вліяніе, при помощи Германіи и Англіи. Мы уже не говоримъ о мотивахъ, приводимыхъ авторомъ въ подтвержденіе его тезиса; эти мотивы—крайне несерьезны. „Россія—благодѣтельница турецкихъ христіанъ", а Австро-Венгрія „настолько связана съ ними и съ славянами вообще, насколько палачъ связанъ съ своею жертвою" (стр. 224). Всякому извѣстно, что Австрія связана съ славянствомъ и съ Балканскимъ полуостровомъ уже чисто стихійными условіями своего существованія: во-первыхъ, тѣмъ, что она уже имѣетъ у себя милліоны славянъ, и, во-вторыхъ, непосредственнымъ сосѣдствомъ съ балканскими землями. Съ такимъ же „легкимъ сердцемъ" судитъ авторъ и о другихъ предметахъ и вопросахъ политики. Вотъ какъ

замѣчательно объясняетъ онъ, напримѣръ, причину, почему французскіе дипломаты не могли достигнуть славы Меттерниха и Бисмарка, хотя нѣкоторые изъ нихъ будто бы нисколько не уступали „такъ-называемымъ дипломатическимъ геніямъ изъ нѣмцевъ“. Вся разница будто бы „въ томъ, что дѣйствовать имъ (французскимъ) приходилось въ неблагопріятной средѣ: изволь-ка идти на поклонъ къ одной фавориткѣ, къ другой, къ третьей, а тутъ—подвернется другой парень (!), болѣе красивый или болѣе ловкій по части менуэтовъ и остальной свѣтской ерунды,—какъ же не назначить его министромъ. А если и оставятъ „скучнаго“ министра у дѣлъ, то свяжутъ по рукамъ и ногамъ. Въ германскихъ государствахъ этого не было, въ виду униженнаго, мѣщанско-кухарочнаго (!) положенія нѣмокъ и высокомѣрнаго отношенія нѣмцевъ къ своимъ женщинамъ“ (стр. 228). Западная Европа въ дѣйствіяхъ своихъ относительно Турціи „заботилась только объ интересахъ брюха“ (sic!). Всѣ эти перлы „изслѣдованія“ г. Штиглица даютъ читателю сами по себѣ достаточное понятіе о томъ, какую книгу онъ держитъ въ рукахъ и чего можно отъ нея ожидать.

Въ концѣ авторъ посвящаетъ три-четыре странички объясненію и оправданію нашихъ политическихъ задачъ на Востокѣ. Мнѣнія высказаны кратко и рѣзко, но на чемъ они основаны, откуда они вытекаютъ и чѣмъ связаны съ теоріями и фактами международнаго права—неизвѣстно. Авторъ просто спрашиваетъ: „но кому же угрожаетъ рѣшеніе восточнаго вопроса въ національно-русскомъ, въ національно-славянскомъ смыслѣ?“ — и даже не даетъ отвѣта, считая его совершенно яснымъ. „Въ подобномъ рѣшеніи даннаго вопроса,—продолжаетъ г. Штиглицъ,—заключается историческая миссія, призваніе Россіи“. Но на исторической миссіи могутъ помѣшаться и нѣмцы, и австрійцы, и англичане, такъ что ссылка на одно лишь наше „призваніе“ ничего не рѣшаетъ и не объясняетъ. Затѣмъ авторъ быстро и легко опредѣляетъ способъ рѣшенія восточнаго вопроса. Австрія „должна стать къ Россіи въ тѣ отношенія зависимыя, въ которыхъ стоитъ теперь передъ Германіею. Можетъ быть, для достиженія данной цѣли придется выдѣлить изъ Австріи ея нѣмецкія области и провозгласить независимость Венгріи, а можетъ быть Австрія, умудренная опытомъ, не заставитъ насъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ“. Что касается Германіи, то „ослабленіе ея Франціею было бы вполнѣ согласно съ нашими интересами. Будучи занята войною съ Франціею, будучи побѣждена французами, Германія оказалась бы не въ силахъ помочь Австріи и Италіи въ войнѣ ихъ съ Россіею,—а съ австрійцами и съ итальянцами мы уже сами справимся. Присоединеніе къ нимъ англичанъ насъ нисколько не пугаетъ: въ Индіи мы можемъ заварить имъ такую кашу, которую имъ не рас-

хлебать. Въ данномъ случаѣ повторилась бы борьба Рима съ Карѳагеномъ" (стр. 310). Все это и многое другое можетъ еще вмѣстить печатная бумага, которая все терпитъ. Но высказывать подобное въ книгѣ о международномъ правѣ — значитъ, не щадить самого себя.

— Основныя начала экономіи. Посмертный трудъ *Н. П. Гилярова-Платонова.* Съ предисловіемъ проф. *И. Т. Тарасова.* Изданіе А. М. Гальперсонъ. Москва, 1889 г.

„Посмертный трудъ" извѣстнаго московскаго публициста представляетъ собою сборникъ замѣтокъ и набросковъ, писанныхъ очевидно въ разное время, подъ впечатлѣніемъ той или другой прочитанной книги по политической экономіи. Эти замѣтки имѣютъ между собою внутреннюю связь и касаются бóльшею частью однихъ и тѣхъ же вопросовъ, которые, повидимому, наиболѣе занимали автора. Какъ человѣкъ умный, наблюдательный, оригинальный, покойный Гиляровъ-Платоновъ высказываетъ свои собственныя и нерѣдко весьма любопытныя мнѣнія объ экономическихъ теоріяхъ и писателяхъ, объ основахъ народнаго хозяйства, о трудѣ, цѣнности и капиталѣ, о соціализмѣ и рабочемъ вопросѣ. Онъ разбираетъ взгляды Милля и его комментатора Н. Г. Чернышевскаго, ученія Маркса и отчасти Лассаля, Джорджа и Дюринга, упоминаетъ также о нѣкоторыхъ нѣмецкихъ книгахъ,—Шеффле, Мейера, Энгельса и другихъ. Изъ этихъ послѣднихъ книгъ приведены въ концѣ небольшія выписки, которыя, впрочемъ, могли бы быть выпущены безъ ущерба для читателей.

При всей отрывочности разсужденій автора, они во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія, и напечатаніе ихъ не можетъ быть признано излишнимъ для нашей экономической литературы. Самъ авторъ смотрѣлъ на свои замѣтки какъ на матеріалъ для будущаго сочиненія, о планѣ котораго читаемъ слѣдующее въ концѣ книжки: „Понемногу выясняется программа моего труда, который можетъ носить (въ той сферѣ, которой я пока касаюсь) заглавіе *основныхъ началъ* человѣческой экономіи, или даже просто „началъ экономіи", безъ прибавленія „человѣческой", потому что другой не можетъ быть". А между тѣмъ эти предварительныя замѣтки для будущаго труда, котораго не пришлось выполнить автору, предлагаются теперь публикѣ подъ тѣмъ самымъ заглавіемъ, которое авторъ хотѣлъ дать своей предположенной систематической книгѣ. Не произошло ли въ этомъ случаѣ несомнѣнное „нарушеніе воли"?

Недоумѣніе, вызываемое заглавіемъ, еще больше усиливается предисловіемъ проф. И. Т. Тарасова. По увѣренію г. Тарасова, изданные нынѣ наброски „таятъ въ себѣ такую глубину мысли

свидѣтельствуютъ о такой шири взгляда, являются результатомъ такого объективнаго и всесторонняго изученія предмета, что они не только стóятъ иного цѣлаго, но и превосходятъ многое изъ появившагося до сихъ поръ въ области самостоятельной русской экономической литературы. Читая эти наброски, составившіеся, какъ выражается самъ авторъ, изъ разсужденій, не связанныхъ рутиной учебниковъ какого бы то ни было лагеря,—говоритъ далѣе почтенный профессоръ,—невольно задаешься вопросомъ: что же было бы, еслибы преждевременная смерть не оторвала автора отъ начатой имъ работы, и онъ довелъ ее до конца, хотя бы даже только въ тѣсныхъ рамкахъ той программы, которая приложена къ концу книги? По всѣмъ вѣроятіямъ было бы то, чего до сихъ поръ нѣтъ въ нашей литературѣ, а именно вполнѣ самостоятельный очеркъ политической экономіи, который, *конечно, скоро вытѣснилъ бы собою всѣ* компилятивные или на контроверзахъ основанные руководства, очерки и курсы, занимающіе пока первенствующее мѣсто въ русской учебной литературѣ политической экономіи". Покойный Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, который прежде всего былъ человѣкомъ умнымъ, испыталъ бы, безъ сомнѣнія, неловкое чувство, читая эти восторженныя похвалы своимъ бѣглымъ замѣчаніямъ и наброскамъ. Не нужно быть спеціалистомъ, чтобы видѣть, что самостоятельныя идеи Гилярова-Платонова, указываемыя затѣмъ г. Тарасовымъ, не имѣютъ большого значенія. Эти идеи, какъ хорошо извѣстно и самому профессору, не разъ излагались и обсуждались не только въ иностранной, но и въ нашей экономической литературѣ. Тутъ, очевидно, допущено сильное преувеличеніе, никому ненужное; тѣмъ не менѣе — повторяемъ—книжка вполнѣ заслуживаетъ прочтенія.—Л. С.

Въ теченіе іюля мѣсяца поступили отъ авторовъ и издателей слѣдующія новыя книги и брошюры:

Брамсонъ, Ѳ. Краткіе очерки для учащихся классической миѳологіи. 3-е изд. Кіевъ. 89. Стр. 132. Ц. 80 к.

Бѣляшевскій, Н. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ. 89. Стр. 148. Ц. 1 р. 25 к.

Вейнбергъ, В. Стихотворенія Франсуа Коппé. Библіотека иностранной поэзіи. Спб. 89. Стр. 168. Ц. 60 к.

Гуревичъ, Я. Г. Историческая хрестоматія по русской исторіи. Ч. III. Спб. 89. Стр. 718. Ц. 2 р. 25 к.

Давидовъ, А. Ю. Собраніе геометрическихъ задачъ. Посмертн. изд. М. 88. Стр. 162. Ц. 85 к.

Диль, А. Ѳ. Русскій кожевенный промыселъ и возможность его дальнѣйшаго развитія. М. 89. Стр. 65.

Доброво, М. Изъ малорусскаго быта. Разсказы. Кіевъ. 89. Стр. 158. Ц. 80 к.

Длусскій, С. М. Курсъ русской стенографіи, по системѣ В. Штольце. Курсъ начальный. Панстенографія. Изд. 4-е. Спб. 89. Стр. 138. Ц. 1 р. 50 к.

Еленевъ, Ѳ. О нѣкоторыхъ желаемыхъ улучшеніяхъ въ гимназическомъ обученіи. Спб. Типогр. Товар. „Общ. Польза". 89. Стр. 128.

Колосовъ, Влад. Исторія Тверской духовной семинаріи, ко дню 150-лѣтняго юбилея семинаріи. Тверь. 1889 г.

Крафтъ-Эбингъ, Р., д-ръ мед. Экспериментальное изслѣдованіе въ области гипнотизма. Пер. О. Майзель и П. Розенбахъ. Спб. 89. Стр. 92.

Панаевъ, В. Четыре министра путей сообщенія. 1833—1869 г. Гр. Толь, гр. Клейнмихель, г.-ад. Чевкинъ и инж.-г. Мельниковъ. Спб. 89. Стр. 41. Ц. 60 к.

——— Биномъ Ньютона. Спб. 89. Стр. 35. Ц. 20 к.

Пель, А. В. Фальсификація и мѣры борьбы съ ними. Спб. 89. Стр. 63. Ц. 60 к.

Рябининъ, И. Организація экспорта свинины изъ Россіи. Од. 89. Стр. 51. Ц. 75 к.

Смирновъ, Г. Т. Султаны Кенисара и Садыкъ. Ташкентъ. 89. Стр. 183. Ц. 2 р.

Соповъ, А. Ипотека по римскому праву и по новѣйшимъ законодательствамъ. Варш. 89. Стр. 192. Ц. 85 к.

Тепловъ, В. Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ. Спб. 89. Стр. 245.

Чечулинъ, Н. Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII в. Спб. 89. Стр. 115.

Ясинскій, Я. Трагики. Романъ. Спб. 89. Стр. 282. Ц. 1 р.

Ѳедоровъ, П. Ѳ., д-ръ мед. Зубы и ихъ сохраненіе. Публичн. лекціи. Спб. 89. Стр. 95. Ц. 60 к.

Dalton, Hermann. Offenes Sendschreiben an den Oberprokureur des russischen Synods, Herrn w. G. K. Pobedonoszeff. Leipz. 89. Ц. 1 марка 80 пф.

Soloview, Vlad. La Russie et l'Eglise Universelle. Par. 89. Chez Alb. Savine, Nouvelle Librairie Parisienne.

Viele-Griffin, Françis. Joies, poêmes (1888—89). Par. 89. Стр. 137.

— Ежегодникъ Лохвицкаго общества сельскихъ хозяевъ, 1886—87 г. Харьковъ. 89. Стр. 100.

— Кавказъ. Справочная книга Старожила. Изд. 2-е. Ч. I. Тифлисъ. 89. Стр. 108. Ц. 60 к. съ картою.

— Обзоръ Орловской губерніи, сельско-хозяйственный. Орелъ. 88. Стр. 141 и 64.

— Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губ. за 1888 г. Новг. 89.

— Сенатскій Архивъ. II. Журналы и опредѣленія Правит. Сената. Спб. 89. Стр. 647.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

La philosophie dans ses rapports avec les sciences et la religion, par *J. Barthélemy-Saint-Hilaire.* Paris, 1889.

Книга Бартелеми-Сентъ-Илера написана въ защиту философіи противъ современнаго направленія положительныхъ наукъ, — хотя, по увѣренію автора, философія не нуждается въ защитѣ. Для доказательства великаго призванія и значенія философіи употребляется авторомъ слѣдующій логическій пріемъ: философія, говоритъ онъ, есть высшая способность разума; разумъ есть высшая способность человѣка; слѣдовательно, философія выше и прочнѣе всѣхъ другихъ наукъ. Этотъ силлогизмъ высказывается, правда, не столь кратко и просто, а облекается въ сѣть длинныхъ разсужденій.

Престарѣлый академикъ и сенаторъ, извѣстный своими переводами Аристотеля, стоитъ еще на точкѣ зрѣнія Декарта и относится одинаково пренебрежительно какъ къ критической философіи Канта, такъ и къ позитивизму Огюста Конта. Онъ полемизируетъ еще съ Бэкономъ, слава котораго, по его мнѣнію, значительно превысила его заслуги. Бэконъ будто бы вывелъ философію на ложный путь: „его методъ, весьма плохо примѣняемый самимъ авторомъ, не имѣлъ въ себѣ ничего новаго. Задолго до его совѣтовъ практиковалось наблюденіе въ древности. Безъ сомнѣнія, полезно было возстановить научные способы, запущенные роковымъ образомъ послѣ среднихъ вѣковъ; но это не было открытіемъ и еще менѣе могло считаться новымъ орудіемъ („Novum Organum“), которое англійскій канцлеръ подносилъ современному разуму. Развѣ Богъ, — продолжаетъ Бартелеми Сентъ-Илеръ,—не снабдилъ человѣка съ самаго начала всѣми необходимыми способностями, и не было ли напрасною попыткою притязаніе прибавить къ нимъ еще что-нибудь?“ Само собою разумѣется, что Бэконъ имѣлъ въ виду не прибавленіе новыхъ человѣческихъ способностей, а установленіе новыхъ научныхъ пріемовъ для отысканія истины, — такъ что замѣчаніе автора основано лишь на игрѣ словъ. Важный грѣхъ Бэкона заключался еще въ томъ, что онъ „положилъ начало такъ-называемой натуральной философіи, которая при извѣстныхъ условіяхъ могла бы привести къ отрицанію и оставленію самой философіи“. Англійскіе мыслители, слѣдовавшіе

за Бэкономъ, „скользили по той же наклонной плоскости“ и при всѣхъ своихъ заслугахъ „ничего почти не произвели въ философіи“, —если не считать увлеченій, породившихъ „безразсудства Вольтера“.

Во Франціи, по словамъ автора, философія была лучше поставлена, чѣмъ въ Германіи и Англіи. Однимъ изъ первыхъ французскихъ мыслителей настоящаго столѣтія оказывается извѣстный эклектикъ и толкователь чужихъ ученій, Викторъ Кузэнъ, котораго „краснорѣчіе и стиль были достойны XVII вѣка“. Викторъ Кузэнъ „оказалъ философіи услуги, которыя никогда не будутъ забыты. Своими трудами, продолжавшимися болѣе пятидесяти лѣтъ, онъ установилъ спиритуализмъ на несокрушимыхъ началахъ. Другіе до него проповѣдовали эту спасительную доктрину; но никто не защищалъ ее съ бо̀льшимъ постоянствомъ и успѣхомъ. Кто представилъ въ ея пользу болѣе убѣдительныя и вѣскія доказательства?“ Восхваляя Кузэна, авторъ не одобряетъ, однако, его эклектизма. „Эклектизмъ можетъ служить точкою зрѣнія для историка и критика, но не философа. Держаться только прошедшаго—значитъ почти отчаиваться въ будущемъ и обрекать его на безсиліе. Тогда какъ спиритуализмъ Виктора Кузэна будетъ существовать всегда,—эклектизмъ уже почти совершенно исчезъ“.

Къ сожалѣнію, Бартелеми-Сентъ-Илеръ даетъ довольно смутное представленіе о томъ, что̀ онъ собственно разумѣетъ подъ философіею. По его словамъ, „философія вовсе не есть спеціальная способность, принадлежащая только нѣкоторымъ и недоступная обыкновеннымъ смертнымъ; она ни въ чемъ не составляетъ привилегіи;—она есть состояніе разума, дозволенное всѣмъ“. Въ то же время она есть „общая мать наукъ, доставляющая имъ принципы и методы; она, какъ доказалъ окончательно и навсегда Викторъ Кузэнъ, есть принадлежность человѣческаго разума и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока существуетъ самъ разумъ“; она „представляетъ собою истинное“ и „изучаетъ совокупность, тогда какъ отдѣльныя науки заняты изученіемъ частей“. Философія „занимается методами“, вѣрность которыхъ гарантируется разумомъ; но какъ сообщаются намъ оракулы разума? „Благодаря Декарту, нѣтъ уже повода колебаться въ отвѣтѣ: самъ разумъ, обращаясь внутрь себя, находитъ правила, которыя онъ предписываетъ себѣ и которыя распространяются на все“. Въ каждую данную минуту „разумъ (вѣрнѣе духъ — l'esprit) можетъ войти въ самого себя и сдѣлать себя предметомъ своего собственнаго вниманія. Практикуемое такимъ образомъ размышленіе составляетъ именно отличительную черту философіи; оно дается всякому человѣку, ибо способность сознанія—если не разумъ—одинакова у всѣхъ человѣческихъ существъ“. Поэтому „философія вполнѣ инди-

видуальна, какъ и поэзія"; она „свободна, ибо обращается только къ разуму; наука же подчинена необходимости, такъ какъ она обращается къ природѣ, гдѣ ничто не зависитъ отъ человѣка. Разумъ направляется куда и какъ хочетъ; наука должна послушно ограничиваться изученіемъ фактовъ, которые остаются неизмѣнными. Факты чувственнаго міра могутъ быть всегда провѣрены новымъ наблюдателемъ; но факты сознанія извѣстны только тому, кто носитъ ихъ въ себѣ; они неуловимы для всякаго другого. О такихъ предметахъ, какъ духъ, вселенная и Богъ, возможны только вполнѣ индивидуальныя и свободныя мнѣнія". Въ другомъ мѣстѣ говорится уже, что „философія, подобно прочимъ наукамъ, живетъ наблюденіями и наведеніями", и что она должна неуклонно держаться школы Декарта, которая есть „школа истины". Наконецъ, такъ какъ разумъ находится въ распоряженіи философіи, то „остальныя науки обязаны ей всѣмъ; отъ нея заимствуютъ онѣ всю свою достовѣрность и слѣдовательно все свое могущество".

Эти разнообразныя опредѣленія философіи въ сущности противорѣчатъ одно другому и совершенно затемняютъ дѣло. Если философія есть общедоступная „способность разума", то нельзя считать ее особою наукою и ставить ее выше другихъ знаній; — разумъ остается тотъ же во всѣхъ наукахъ, и ни одна изъ нихъ не имѣетъ преимущества въ этомъ отношеніи предъ остальными. Признавая за философіею характеръ индивидуальнаго творчества, необходимо допустить, что она содержитъ въ себѣ, рядомъ съ истиннымъ, и ложное; поэтому, заимствуя отъ нея какіе-нибудь принципы, легко попасть на невѣрную дорогу. Прежде чѣмъ слѣдовать какой-либо философской доктринѣ, надо еще рѣшить, которая изъ существующихъ системъ наиболѣе приближается къ истинѣ. Бартелеми-Сентъ Илеръ слѣдуетъ воззрѣніямъ Кузэна; другіе съ гораздо бо̀льшимъ основаніемъ придерживаются теорій Канта и Огюста Конта. Авторъ утверждаетъ, но не доказываетъ, — что „Критика чистаго разума" была предпріятіемъ безразсуднымъ, такъ какъ самое основаніе ея было невозможно. „Критиковать разумъ можно было только посредствомъ разума: какимъ же образомъ критикующій разумъ будетъ имѣть больше авторитета, чѣмъ критикуемый? Отсюда—заблужденія Канта", который вообще, по увѣренію автора, потерпѣлъ полное фіаско. „Эта шумная и непоправимая неудача способствовала распространенію среди ученыхъ того пренебрежительнаго взгляда на философію, котораго они обыкновенно не скрываютъ. Ихъ оттолкнули ультра-схоластическія тонкости Канта и его послѣдователей. Примѣненный къ наукамъ, кантизмъ сдѣлался смѣшнымъ, несмотря на его искренность и на обширные труды, воздвигнутые имъ". Съ неменьшею су-

ровостью отзывается авторъ объ Огюстѣ Контѣ. Его ученіе о трехъ періодахъ умственнаго развитія „не имѣетъ ни малѣйшаго основанія"; это только огульное „порицаніе прошедшаго и тщеславное восхваленіе настоящаго". Позитивизмъ „дѣлаетъ себѣ пьедесталъ изъ всего предшествовавшаго и возвеличиваетъ себя на чужой счетъ: позитивное означаетъ для него истинное; теологическое и метафизическое—все равно, что ложное". Контъ „потерпѣлъ неудачу въ предпріятіи, которое превышало его силы и которое притомъ лишено было солидной основы". Авторъ убѣжденъ, что философія не нуждается ни въ какой реформѣ, и что задачи ея остаются тѣ же, какими опредѣлили ихъ мудрецы древности.

Вторая часть книги посвящена вопросамъ объ отношеніяхъ между религіею и философіею и о положеніи католичества во Франціи. Авторъ дѣлаетъ обзоръ политики и значенія церкви въ прошломъ, разбираетъ взгляды такихъ теологовъ, какъ Боссюэтъ и Фрейссину, относительно подчиненной роли философіи, указываетъ на историческіе счеты между церковью и государствомъ во Франціи и совѣтуетъ въ будущемъ не уклоняться отъ полной терпимости и уваженія къ религіи. Между прочимъ, осуждая вражду оппортунистовъ и радикаловъ къ католичеству, онъ напоминаетъ, однако, что сами клерикалы подали поводъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ своими неумѣренными притязаніями и вызывающими демонстраціями во время президентства Макъ-Магона. Въ общемъ, книга Бартелеми-Сентъ-Илера производитъ впечатлѣніе поверхностнаго: философскимъ остается въ ней почти одно только заглавіе.

II.

Études sur la raison, par *Félix Cellarier*. Paris, 1889.

Феликсъ Селлярье задумалъ сдѣлать радикальный переворотъ въ философіи и построить новую теорію познанія на „непоколебимыхъ началахъ", руководствуясь лишь твердою вѣрою въ непосредственныя внушенія своего разума. Книжка распадается на двѣ части, которыя напечатаны были ранѣе въ мемуарахъ академіи наукъ въ Монпелье. Въ „опытѣ классификаціи раціональныхъ идей" развивается та мысль, что понятіе абсолютнаго существа свойственно нашему разуму помимо всякаго разсужденія; что понятіе безконечности присуще намъ независимо отъ представленій о конечномъ, и что всѣ принадлежности абсолюта узнаются посредствомъ анализа нашихъ идей. Анализируя понятія, авторъ въ сущности анализируетъ слова и, вмѣсто предполагаемаго философскаго построенія, занимается просто схоластикою.

„Какъ, напримѣръ,—спрашиваетъ онъ,—представить себѣ относительное существованіе безъ соотвѣтствующаго ему по необходимости абсолютнаго бытія? Устраните абсолютное, и тогда относительное, принимаемое само по себѣ, не будетъ уже имѣть къ чему относиться. Что же такое относительное существованіе, которое не относительно? Такъ же точно конечность не можетъ быть понимаема самостоятельно, безъ одновременнаго представленія о безконечномъ существѣ. Ибо конечное ограничено; гдѣ же помѣстимъ мы его границу, и отъ чего именно отдѣляетъ его эта граница? Безъ сомнѣнія, отъ другого конечнаго. И такъ, всякое ограниченіе содержится въ другомъ, болѣе обширномъ, и всѣ вмѣстѣ заключаются въ цѣломъ. Поэтому можно ставить границы только въ этомъ цѣломъ, и конечное представляется не иначе какъ въ безконечномъ. Такимъ образомъ, идея конечнаго и относительнаго была бы намъ совершенно недоступна, еслибы въ глубинѣ нашего сознанія не существовала идея безконечнаго и абсолютнаго, вытекающая изъ разума“.

Очевидно, автору помогаетъ придти къ этимъ выводамъ только неясный или двойственный смыслъ словъ: „относительное“ и „конечное“. Достаточно замѣнить эти слова другими, чтобы вся аргументація утратила свою силу. Если назвать относительное существованіе—„міромъ явлений“, а конечное—видимымъ или доступнымъ человѣческому наблюденію, то изъ этихъ понятій нельзя уже извлечь никакихъ заключеній ни объ абсолютномъ, ни о безконечномъ: за предѣлами знанія останется только неизвѣстное и непознаваемое, о которомъ нашъ разумъ ничего сообщить не можетъ. Между тѣмъ Феликсъ Селларьé смѣло выводитъ различныя свойства абсолютнаго бытія, которое является для насъ только въ относительныхъ формахъ существованія, вещества и силы. Оказывается, что абсолютное обладаетъ и должно обладать слѣдующими основными качествами: оно безконечно, едино, тождественно и неизмѣнно; сверхъ того, оно есть добро, истина и красота. Первыя четыре свойства заключаются будто бы въ самомъ понятіи безконечнаго, т.-е. извлекаются при помощи истолкованія слова „безконечность“. Такъ, безконечное едино, потому что „представленіе о части безконечнаго или о нѣсколькихъ безконечныхъ противорѣчило бы самому себѣ и было бы, слѣдовательно, абсурдомъ“. Безконечное тождественно, потому что оно не можетъ быть различно и т. д.; оно неизмѣнно, потому что всякое измѣненіе совершается только путемъ увеличенія или уменьшенія, а безконечность не можетъ ни увеличиваться, ни уменьшаться. Еще болѣе запутаны доказательства относительно остальныхъ трехъ идей, связанныхъ съ понятіемъ объ абсолютномъ,—добра, красоты и истины, такъ какъ эти идеи выясняются уже эмпирическимъ способомъ.

Тѣ же своеобразные пріемы примѣняются къ объясненію идей пространства и времени. Самъ авторъ называетъ добытые имъ результаты „великолѣпными", хотя и выражаетъ сомнѣніе въ убѣдительности и вѣрности своихъ доводовъ.

Такимъ же оригинальнымъ характеромъ отличается „очеркъ теоріи раціональныхъ принциповъ", составляющій вторую часть книжки. Тамъ мы узнаемъ, напримѣръ, что „способность пониманія есть качество, имѣющее природныя черты постоянства, неподвижности, неизмѣнности, безстрастности, тождественности", и потому принадлежащее къ сущности вещей; а сущность можетъ быть только одна, такъ какъ она есть необходимое; необходимое же исключаетъ множественность и т. д. Располагая подобными аргументами, Феликсъ Селлярье опровергаетъ Канта и обѣщаетъ въ будущемъ воздвигнуть новый „дворецъ философіи". И такого рода работы нашли себѣ мѣсто въ мемуарахъ академіи наукъ въ Монпелье!

III.

Ueber das neue bürgerliche Gesetzbuch für Montenegro und die Bedeutung seiner Grundsätze für die Kodifikation im allgemeinen mit Bemerkungen über den neuen Entwurf eines deutschen bürgerlichen Gesetzbuch. Von *Dr. Karl Dickel.* Marburg, 1889.

Въ книжкѣ Карла Дикеля мы находимъ внимательный и дѣльный разборъ существеннаго содержанія новаго черногорскаго „законника", съ указаніями на тѣ его особенности, которыя могли бы быть полезны для другихъ законодательствъ, и въ томъ числѣ для германскаго.

Въ нашихъ газетахъ часто встрѣчаются огульныя отрицательныя сужденія о Германіи и нѣмецкомъ народѣ, о несправедливыхъ притязаніяхъ нѣмцевъ, объ ихъ высокомѣріи и самовозвеличеніи. Читатель, составившій себѣ понятіе о нѣмцахъ по этимъ обычнымъ газетнымъ матеріаламъ, будетъ крайне удивленъ при чтеніи брошюры нѣмецкаго юриста, Карла Дикеля, занимающаго должность судьи (Amtsrichter) въ Берлинѣ. Ученый берлинскій юристъ разсуждаетъ самымъ сочувственнымъ образомъ о самостоятельномъ развитіи славянскихъ племенъ вообще и Черногоріи въ частности; онъ признаетъ трудъ профессора Богишича въ высшей степени поучительнымъ и достойнымъ подражанія при всякихъ вообще кодификаціяхъ. Авторъ сопоставляетъ черногорскій кодексъ съ оффиціально-разработаннымъ проектомъ нѣмецкаго гражданскаго уложенія и приходитъ къ выводамъ, неблагопріятнымъ для послѣдняго; онъ указываетъ на чрезмѣр-

ную теоретичность многихъ положеній проекта, на неясность языка, на преобладаніе формальной логики надъ сложными явленіями и интересами жизни, — тогда какъ эти недостатки совершенно отсутствуютъ въ „законникѣ“, написанномъ просто и общедоступно, безъ всякихъ юридическихъ тонкостей и безъ излишнихъ отвлеченныхъ формулъ. Нѣмецкій проектъ есть продуктъ ученой юриспруденціи, гдѣ логическая стройность и систематичность стоятъ на первомъ планѣ, а житейскія отношенія и потребности—на второмъ. Кодексъ проф. Богишича не обнаруживаетъ заботливости о внѣшней симметріи и послѣдовательности, а отражаетъ въ себѣ основы быта въ томъ видѣ и значеніи, какъ онѣ существуютъ и развиваются въ дѣйствительности. Въ этомъ нѣмецкій авторъ видитъ великое преимущество черногорскаго законника сравнительно съ работою нѣмецкой законодательной коммиссіи, занимавшейся составленіемъ своего проекта въ теченіе около пятнадцати лѣтъ. Такъ смотритъ на дѣло нѣмецкій писатель и судья, — одинъ изъ тѣхъ именно нѣмцевъ, которые составляютъ большинство образованнаго нѣмецкаго общества и съ которыми, однако, иные изъ нашихъ патріотовъ усердно воюютъ на бумагѣ.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го августа 1889.

Первый періодъ „классицизма" у насъ, и сужденія въ печати о его главныхъ результатахъ. — Журнальная статья о томъ же предметѣ г. А. Георгіевскаго, и трудъ г. Ѳ. Еленева: „О нѣкоторыхъ желаемыхъ улучшеніяхъ въ гимназическомъ обученіи". — Записка о классицизмѣ Ив. Ив. Пискарева, директора царскосельской гимназіи.— Постановленіе петербургской Думы о „тотализаторѣ", повторившееся въ московской Думѣ. — Противники и защитники тотализатора въ печати. — Образчикъ новѣйшей философіи отечественной исторіи. — Основаніе новаго философскаго журнала въ Москвѣ.—М. Н. Любощинскій †.

Скоро исполнится двадцатилѣтіе—magnum aevi spatium—со времени введенія въ дѣйствіе донынѣ сохраняющаго всю силу устава гимназій, а потому можно съ нѣкоторымъ правомъ считать плоды его достаточно назрѣвшими, чтобы, наконецъ, оцѣнить ихъ вполнѣ объективно. Къ такой оцѣнкѣ въ послѣднее время наша печать начала обращаться довольно часто, и нельзя сказать, чтобы и въ наше время нашлось болѣе защитниковъ „классической" системы образованія во всемъ ея объемѣ; но хуже всего то, что эта система сама до сихъ поръ не породила ничего, чѣмъ можно было бы оправдать ея исключительное направленіе: о какихъ-нибудь успѣхахъ въ области филологіи или о выдающихся ея представителяхъ у насъ не можетъ быть и рѣчи, за полнымъ ихъ отсутствіемъ. Тѣмъ не менѣе, вопреки очевидности, и теперь, наканунѣ 80-хъ годовъ, какъ и наканунѣ 70-хъ годовъ, дѣлаются усилія къ тому, чтобы доказать непогрѣшимость системы и обиліе ея наилучшихъ результатовъ. Но эти усилія доказываютъ только то, что ихъ авторы ничего не забыли изъ прежнихъ своихъ доводовъ, и ничему впослѣдствіи не научились, или по крайней мѣрѣ не хотѣли ничему научиться. Къ числу такихъ лицъ мы должны отнести и автора некролога покойнаго гр. Д. А. Толстого, въ послѣдней книжкѣ одного изъ петербургскихъ журналовъ („Русскій Вѣстникъ", іюль). Смерть бывшаго министра народнаго просвѣщенія представила случай автору некролога, г. А. Георгіевскому, высказаться, главнымъ образомъ, о значеніи „классической" системы. „Великое дѣло *водворенія* (sic!) классическаго образованія въ нашемъ отечествѣ, — говоритъ г. Георгіевскій, — наиболѣе его заботившее, составитъ и наибольшую его славу и впишетъ его имя золотыми буквами на страницахъ исторіи нашего отечественнаго просвѣщенія"...

Но успѣхи классической системы въ той формѣ, какъ она, по справедливому выраженію г. Георгіевскаго, была у насъ „водворена", при помощи „нашихъ западныхъ соплеменниковъ, привлеченныхъ къ служенію великому дѣлу",—должны были бы отразиться на процвѣтаніи того факультета въ университетахъ, который имѣетъ одною

изъ своихъ спеціальностей высшее изученіе классическаго міра; но мы, къ сожалѣнію, не видимъ этого, если вѣрить — а не вѣрить нельзя—отзывамъ такихъ компетентныхъ людей, какъ ректоры и деканы историко-филологическихъ факультетовъ. Такъ, по поводу примѣненія нынѣ дѣйствующаго учебнаго плана въ историко-филологическомъ факультетѣ, мы читаемъ въ одной запискѣ, что „четырехлѣтнее примѣненіе его показало основательность опасеній, высказывавшихся по поводу его еще въ 1885 году какъ спеціалистами-академиками, такъ почти всѣми профессорами историко-филологическаго факультета и тѣми педагогами, которые были спрошены по этому дѣлу". А опасенія эти были таковы, и сводились они къ слѣдующему: „при нынѣ дѣйствующемъ учебномъ планѣ число студентовъ факультета значительно уменьшится; классическая филологія, сдѣлавшись для всѣхъ студентовъ обязательной въ одинаковой мѣрѣ, утратитъ свое значеніе и превратится въ предметъ ни для кого въ должной мѣрѣ необязательный; факультетъ превратится въ продолженіе гимназіи и утратитъ значеніе наиболѣе образовательнаго, философскаго отдѣленія; наконецъ, онъ лишится возможности подготовлять изъ своей среды будущихъ спеціалистовъ по различнымъ каѳедрамъ".

Всѣ эти опасенія, по крайней мѣрѣ на петербургскомъ университетѣ, повидимому, уже сбылись, какъ то видно изъ той же записки, а именно, что съ 1885 г. цифра слушателей на историко-филологическомъ факультетѣ упала болѣе чѣмъ на 50%: въ 1885 г. было 263 слушателя, а нынѣ въ 1889 г.—всего 127. Такое количественное паденіе сопровождалось еще пониженіемъ качества, какъ то видно изъ той же записки: въ прошедшемъ году, несмотря на то, что студенты слушали по 12 годовыхъ часовъ древнихъ авторовъ и по 8 часовъ упражнялись въ древнихъ языкахъ практически, профессоры этихъ языковъ не сочли возможнымъ выдать почти ни одному изъ экзаменовавшихся свидѣтельство на право преподаванія древнихъ языковъ, не подвергнувъ ихъ особому спеціальному экзамену. А г. Георгіевскій, въ своей статьѣ ожидаетъ отъ современной классической системы, что она „породнитъ" насъ съ образованными народами христіанскаго міра и „упрочитъ духовную связь Россіи съ міромъ эллинскимъ"; какъ оказывается на практикѣ, эта система не удовлетворяетъ даже болѣе скромныя требованія — дать намъ вполнѣ подготовленныхъ преподавателей не только по древнимъ языкамъ, но въ соединеніи съ ними, какъ ожидалъ г. Георгіевскій, „и по языку отечественному, и по исторіи, и по новымъ иностраннымъ языкамъ"; болѣе 20 лѣтъ, приходится, значитъ, продолжать „дружески относиться къ нашимъ западнымъ соплеменникамъ (чехамъ) и „привлекать лучшихъ изъ нихъ (но очень плохо владѣющихъ

русскимъ языкомъ) къ служенію великому дѣлу водворенія классическаго образованія въ нашемъ отечествѣ". Надежды г. Георгіевскаго на то, что историко-филологическій факультетъ дастъ, при нынѣшней классической системѣ, хорошихъ преподавателей не по однимъ древнимъ языкамъ, а также и по русскому языку, и по исторіи, и по философіи,—оказываются сугубо несбыточными, такъ какъ нельзя не согласиться съ отзывомъ вышеупомянутыхъ авторитетныхъ лицъ по этому вопросу: „дѣйствительно,—говорятъ они,—съ какимъ развитіемъ и степенью научной подготовки выйдетъ изъ факультета молодой человѣкъ, не прослушавшій ни логики, ни психологіи, ни исторіи философіи, ни общаго курса сравнительнаго языковѣденія, ни церковно-славянской грамматики, ни исторіи русскаго языка и русской словесности (!!!), ни энциклопедіи славяновѣденія? При нынѣ дѣйствующемъ учебномъ планѣ,—полагаютъ они,— это странное явленіе вполнѣ возможно". Такое „явленіе" можно назвать болѣе чѣмъ страннымъ: оно показалось бы невѣроятнымъ, еслибы о немъ не свидѣтельствовали лица, близко стоящія къ дѣлу. Но если спеціализація древнихъ языковъ или, вѣрнѣе, поглощеніе ими всѣхъ прочихъ предметовъ, не исключая и русскаго языка и отечественной исторіи, признается вреднымъ въ университетѣ, и не только для упомянутыхъ предметовъ, но и для самой филологіи, которая, по выраженію тѣхъ же лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу, превратилась въ „дрессировку", —то какое можетъ имѣть значеніе спеціализація этихъ же языковъ на гимназической скамьѣ? Г-нъ А. Георгіевскій замѣчаетъ, что покойный гр. Д. А. Толстой, „какъ истинно-государственный человѣкъ, первый изъ всѣхъ министровъ народнаго просвѣщенія положилъ начало твердой и правильной системѣ обученія русскому языку и русскому начальному образованію въ средѣ нашихъ многочисленныхъ инородцевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, твердою рукою охранялъ государственныя права русскаго языка и на западныхъ окраинахъ Россіи—въ Прибалтійскомъ и особенно въ Привислянскомъ краѣ". Но всѣ эти успѣхи русскаго языка на окраинахъ, если они и обнаружились между инородцами, не могутъ вознаграждать насъ за ослабленіе, въ ту же самую эпоху, изученія отечественнаго языка и литературы среди насъ самихъ, въ коренномъ населеніи имперіи.

Въ ежедневной печати и въ спеціальной литературѣ вопроса о среднемъ образованіи, въ послѣднее время, всего чаще приводился другой доводъ противъ современной системы гимназическаго обученія, а именно, всѣ указываютъ на крайнее переутомленіе учащихся. Это переутомленіе явилось прямымъ слѣдствіемъ необходимости увеличить число уроковъ по древнимъ языкамъ, безъ того, однако, чтобы

не уничтожить совсѣмъ преподаваніе другихъ предметовъ. Изъ всего, что̀ было писано у насъ въ самое послѣднее время по вопросу о переутомленіи учащихся, обращаетъ на себя особенное вниманіе по обилію собраннаго матеріала книга г. Ѳ. Еленева: „О нѣкоторыхъ желаемыхъ улучшеніяхъ въ гимназическомъ обученіи“ (Спб. 1889 г.). Книга эта, какъ замѣчаетъ авторъ въ предисловіи, напечатана въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ; она есть „не болѣе,—говоритъ авторъ, — какъ ходатайство предъ начальствомъ и преподавателями гимназій въ пользу нашего юношества, обучающагося въ этихъ заведеніяхъ, въ той надеждѣ, что они не оставятъ безъ вниманія тѣхъ пунктовъ этого ходатайства, которые окажутся нелишенными основанія“. Между тѣмъ въ этой книгѣ есть много такого, что̀ заслуживало бы вниманія именно не-педагоговъ, такъ какъ педагоги нисколько не меньше автора знаютъ все и видятъ своими глазами, а потому авторъ едва ли могъ сказать имъ что-нибудь новое: наши педагоги, безъ сомнѣнія, сами могутъ сказать автору многое, чего и онъ еще не знаетъ; обращаясь къ педагогамъ, авторъ, по пословицѣ, носитъ дрова въ лѣсъ. Дѣло состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы имъ что-нибудь было неизвѣстно: а въ такомъ случаѣ автору не слѣдовало бы пренебрегать образованнымъ обществомъ и вообще печатью, тѣмъ болѣе, что и онъ самъ не во всѣхъ своихъ сужденіяхъ непогрѣшимъ, а потому могли бы явиться необходимыя поправки и замѣчанія къ его, впрочемъ, превосходному труду. Самъ авторъ жалуется и весьма справедливо на то, что въ Германіи, во Франціи и вездѣ въ западной Европѣ, гдѣ педагогія сдѣлала огромные успѣхи, тамъ-то именно и дѣлаются ежегодно педагогическіе съѣзды, издаются въ массѣ педагогическіе журналы; а у насъ, гдѣ все это было бы наиболѣе необходимо,—у насъ, говоритъ авторъ, „не существуетъ ни педагогическихъ съѣздовъ, ни истинной педагогической литературы, которые могли бы придти на помощь министерству народнаго просвѣщенія“. Было бы лучше объяснить, почему у насъ теперь нѣтъ болѣе педагогическихъ съѣздовъ, да и „истинная педагогическая литература“ какъ бы стушевалась,—а авторъ, вмѣсто того, напалъ на мысль, что дѣло родителей сообщать министерству результаты своихъ личныхъ наблюденій надъ дѣтьми, чему и подалъ самъ примѣръ, выступивъ съ своею книжкой, напечатанной для „немногихъ“. Между тѣмъ на первой же страницѣ своего труда г. Еленевъ доказываетъ, что вовсе не нужно стоять такъ близко къ дѣтямъ, какъ стоятъ къ нимъ родители, чтобы видѣть результаты гимназическаго обученія современной системы.

„Прежде всего,—говоритъ онъ, — приходится подтвердить здѣсь

тотъ, теперь уже общеизвѣстный фактъ (а не однимъ, слѣдовательно, родителямъ), что гимназическое ученье, въ его *настоящемъ* видѣ, до крайности обременяетъ умъ гимназистовъ непомѣрною массою свѣденій и удручаетъ ихъ тѣлесныя силы продолжительностью занятій. Чтобы наглядно въ этомъ убѣдиться, достаточно простоять четверть часа у дверей любой изъ петербургскихъ гимназій во время выхода учениковъ изъ классовъ. Что за изможденныя, блѣдныя лица у большинства гимназистовъ! Какое утомленіе во взорахъ; сколько искривленныхъ лопатокъ, съ съуженною грудью! Многія дѣти въ 12—14 лѣтъ уже осѣдлались очками. Взгляните теперь на воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ (бывшихъ военныхъ гимназій), при выходѣ ихъ изъ классовъ: какъ будто совсѣмъ другая порода людей; у большинства лица дышутъ свѣжестью, глаза блестятъ молодою жизнью, станъ держится прямо, грудная клѣтка развита правильно. На съѣздахъ врачей въ Петербургѣ (въ 1885 г.) и Москвѣ (1887 г.) извѣстные спеціалисты по леченію дѣтскихъ болѣзней, на основаніи огромнаго числа наблюденій, засвидѣтельствовали тотъ по истинѣ ужасающій фактъ, что число гимназистовъ, страдающихъ хроническими головными болями, увеличивается вмѣстѣ съ возрастомъ и доходитъ до 28—40% въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ учащаются у гимназистовъ и другія нервныя болѣзни и общая психическая возбужденность... Если не принимать въ разсчетъ непроизводительнаго балласта нашихъ гимназій, состоящаго изъ лѣнтяевъ, не доходящихъ даже до 4-го класса, то указанный нашими медиками-психіатрами процентъ хроническихъ больныхъ между гимназистами надобно еще увеличить. Такимъ образомъ, всѣ невыгоды *нынѣшнихъ* гимназическихъ порядковъ (которыми такъ восхищается, какъ мы видѣли выше, г. Георгіевскій) падаютъ именно на тѣхъ юношей, изъ которыхъ, при другой системѣ обученія, вышли бы наиболѣе надежные и полезные дѣятели въ жизни; а теперь они только увеличатъ собой число преждевременно состарѣвшихся гражданъ, больныхъ тѣломъ, утомленныхъ умственно, съ чрезмѣрно возбужденной нервной системой, неспособныхъ къ самообладанію, къ продолжительному и энергическому труду и хладнокровному преодолѣнію препятствій. Какой полезный вкладъ могутъ они внести въ общественную или правительственную дѣятельность? По удостовѣренію нашихъ врачей, истерическія болѣзни, поражавшія прежде только лицъ женскаго пола, теперь все чаще и чаще появляются и среди мужчинъ, принадлежащихъ къ нашему образованному классу. Вотъ факты, на которые и государственной власти, и всему образованному русскому обществу слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе, ибо здѣсь идетъ во-

просъ о томъ, будетъ ли большинство образованныхъ дѣятелей въ нашемъ отечествѣ состоять изъ людей, у которыхъ въ здравомъ тѣлѣ заключенъ здравый умъ, или же, наоборотъ, изъ людей нравственно и физически надломленныхъ и потому неспособныхъ вложить въ жизнь государства и общества трудъ дѣятельный, разумный и долголѣтній"...

А какъ почтенный авторъ говоритъ о томъ, чтó пріобрѣтается такою жестокою цѣною? „Автору этой книги — по его словамъ — близко извѣстны примѣры, что въ тѣхъ даже гимназіяхъ, гдѣ дѣлается все возможное для облегченія учащимся тяжести предписанныхъ въ уставѣ (1871 г.) требованій, гдѣ преподаваніе основныхъ предметовъ, т.-е. языковъ русскаго и обоихъ древнихъ, равно какъ и математики, можетъ быть названо образцовымъ,—что и въ этихъ даже гимназіяхъ плоды обученія часто не отвѣчаютъ усиліямъ директоровъ и преподавателей, и громадному труду, затрачиваемому учениками, по той причинѣ, что поставленныя гимназіямъ цѣли и требованія превосходятъ силы и степень умственной зрѣлости учащихся. Оканчивающіе курсъ гимназисты неудовлетворительно пишутъ русскія сочиненія, не могутъ справляться даже на юридическомъ факультетѣ съ тамошнею латынью, не въ состояніи, безъ особеннаго продолжительнаго приготовленія, выдержать экзамена по математикѣ и физикѣ ни въ одно спеціальное заведеніе съ математическимъ курсомъ, не умѣютъ взять въ руки карандаша, циркуля и линейки, не въ силахъ понимать, безъ помощи лексикона, самой простой французской и нѣмецкой прозы. Все это указываетъ,—заключаетъ авторъ,—на то, что такъ или иначе, по плану ли, изложенному въ этой книгѣ (т.-е. по предлагаемому авторомъ плану), или по другому—болѣе компетентному и обработанному—предписанныя гимназіямъ программы и способъ преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ должны быть измѣнены";— все это,—прибавимъ мы отъ себя,—въ то же время далеко расходится съ восторженными взглядами г. Георгіевскаго на благодѣтельность прежней системы гимназическаго образованія, а потому едва ли авторъ найдетъ себѣ симпатизирующихъ читателей въ томъ кругу, на который онъ особенно разсчитывалъ, дѣлая изданіе книги въ самомъ ограниченномъ числѣ 500 экземпляровъ. Впрочемъ авторъ, повидимому, и не предается никакимъ обманчивымъ надеждамъ. Онъ, очевидно, знаетъ, что многое и изъ его скромныхъ пожеланій окажется еще неудобоосуществимымъ, а потому и прибавляетъ: „если коренное преобразованіе всей системы воспитанія и образованія юношества не всегда оказывается возможнымъ, по нерасположенію ли къ такимъ мѣрамъ высшаго правительства, или по недостатку энерги-

ческихъ и широко смотрящихъ впередъ личностей, то, *по крайней мѣрѣ*, не слѣдуетъ въ существующихъ системахъ образованія удерживать крайностей, для каждаго (кромѣ, конечно, г. Георгіевскаго) очевидныхъ и ничѣмъ не оправдываемыхъ; надобно, *по крайней мѣрѣ*, ввести хотя нѣкоторыя частныя улучшенія для облегченія юношества и для уравновѣшиванія требованій ума съ потребностями тѣлеснаго здоровья и душевной энергіи. Настоящія наши замѣтки не идутъ далѣе этихъ скромныхъ и легко осуществимыхъ желаній, въ полномъ сознаніи, что коренная реформа воспитательной и учебной части намъ теперь не подъ силу и можетъ у насъ совершиться не прежде, какъ когда подадутъ намъ благой примѣръ наши всегдашніе учители—западно-европейцы". Авторъ нѣсколько ошибается только въ послѣднемъ: нашъ современный „классицизмъ" въ его практикѣ вовсе не заимствованъ нами у Запада, и можетъ потому считаться совершенно самобытнымъ; начать съ того, что ни въ Германіи, ни во Франціи, ни въ Англіи, не выписывали и не выписываютъ преподавателей древнихъ языковъ изъ Богеміи; и если обученіе классическимъ языкамъ на Западѣ даетъ положительные результаты, то, вѣроятно, есть большое различіе и между методами преподаванія древнихъ языковъ у насъ и за границею. Наконецъ, на Западѣ реальныя гимназіи существуютъ рядомъ съ классическими, а потому родителямъ предстоитъ дѣлать выборъ между ними. Наконецъ, и на Западѣ явились жалобы на преувеличенія въ преподаваніи классическихъ языковъ и вообще на переутомленіе учащихся. Такимъ образомъ, Западъ и теперь даетъ намъ „благіе примѣры"—а слѣдовательно за недостаткомъ ихъ не можетъ быть потому остановки у насъ.

Отлагаемъ до другого раза ознакомленіе читателей съ вышеупомянутымъ планомъ гимназическаго обученія самого автора, которому у него посвящена спеціальная глава (XII, на стр. 113 и слѣд.). Мы не во всемъ можемъ согласиться съ нимъ, но и возражать ему трудно, послѣ вышеприведенныхъ его же словъ, столько же справедливыхъ, сколько и скромныхъ: быть можетъ, и его пожеланія останутся pia desideria.

Авторъ помѣстилъ у себя, между прочимъ, нигдѣ ненапечатанную до сихъ поръ и въ высшей степени интересную записку извѣстнаго директора царскосельской гимназіи, Ив. Ив. Пискарева (сконч. въ 1887 г.), прослужившаго почти полстолѣтія (съ 1832 г.) въ званіи учителя, инспектора и директора гимназій и одно время занимавшагося преподаваніемъ нынѣ царствующему Государю Императору, тогда Великому Князю. При его положеніи въ педагогической службѣ, казалось бы, ему было легко вести дѣло воспитанія

и обученія своихъ дѣтей, и подавать голосъ кому слѣдуетъ о недостаткахъ гимназическихъ порядковъ. А между прочимъ вотъ чтó онъ пишетъ о своемъ сынѣ въ упомянутой запискѣ:

„Одно лишь,—замѣчаетъ покойный И. И. Пискаревъ,—заботитъ и тревожитъ меня въ учебной жизни сына—это масса и разнообразіе ежедневной у него работы, лишающія его прогулки на свѣжемъ воздухѣ и дѣтскихъ развлеченій: онъ буквально занятъ ежедневно съ 8 часовъ утра до 11 и даже 12 ночи! Ежедневно 5 уроковъ классныхъ, и 2 или 3 урока, со включеніемъ музыки, домашнихъ! Вредно это въ физическомъ отношеніи, не менѣе вредно и въ педагогическомъ. Ежечасныя, такъ сказать, перепархиванія съ предмета на предметъ, излишняя перемежка занятій, препятствуютъ развитію сосредоточенности и самодѣятельности и образуютъ привычку къ торопливости, суетливости и поверхностности. Я всегда былъ противъ системы пятиклассныхъ уроковъ въ день, по 55 минутъ на урокъ, гдѣ учителя являются въ классъ и исчезаютъ изъ него, какъ маріонетки въ кукольной комедіи. Лишь только ученикъ, послѣ 5-ти или 10-ти минутъ отдыха, соберется въ себя, войдетъ въ дѣло, сосредоточится на предметѣ, какъ даютъ звонокъ; бросай этотъ предметъ для новаго пяти- или десятиминутнаго отдыха, а потомъ сосредоточивайся на другомъ предметѣ, съ другимъ учителемъ и т. д. Это перемежающееся ежечасно напряженіе и отвлеченіе вниманія то къ тому, то къ другому дѣлу въ концѣ концовъ утомляетъ душевныя силы. По-моему было бы цѣлесообразнѣе устроить въ день по 4 классныхъ урока, начиная съ 9 часовъ утра, каждый урокъ ровно по одному часу съ двумя промежутками по 10 минутъ и однимъ въ полчаса. *Но чтó дѣлать, когда насъ не спрашиваютъ, а спросятъ—не слушаютъ*! А учить все-таки надобно".

Кажется—sapienti sat!

„...Конечно, *этимъ* (т.-е. „потребностью государственной обороны") дается какъ бы санкція іезуитскому принципу, что „цѣль оправдываетъ средства" — но чтó же дѣлать?! Желѣзный законъ необходимости заставляетъ и не въ этомъ только случаѣ поступать не такъ, какъ бы хотѣлось. *Необходимость заставляетъ терпѣть даже существованіе кабака*"—такъ побѣдоносно заключается статья въ одной изъ петербургскихъ газетъ [1]), авторъ которой, идя по стопамъ своего

---

[1]) „Спб. Вѣд.", 21-го іюля, 1889 г., № 197: „Скачки и тотализаторъ", В. Ж.

предтечи въ одной изъ московскихъ газетъ [1]), усиливается доказать, что необходимость заставляетъ терпѣть не только кабакъ, но и „тотализаторъ"...

Тотализаторъ этотъ обошелъ, можно сказать, весь свѣтъ и, зайдя къ намъ, благополучно процвѣталъ и у насъ, какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный лѣтній день, очутился на скамьѣ подсудимыхъ... Случилось же это такъ: сначала выступила противъ тотализатора петербургская Дума, и въ засѣданіи своемъ 16-го іюня постановила: просить здѣшнее общество рысистаго бѣга уничтожить тотализаторъ, какъ противонравственное учрежденіе и разорительное для обывателей; Дума не вспомнила только совѣта дѣдушки Крылова—не жаловаться рѣкѣ на ручейки, впадающіе въ нее и размывающіе весною постройки и поля жителей. Примѣру петербургской Думы послѣдовала и московская; московскій городской голова произнесъ въ засѣданіи Думы, 4-го іюля, убѣдительную (т.-е. для гг. гласныхъ) рѣчь, въ которой представилъ детальную картину развращенія общественныхъ нравовъ, благодаря тотализатору, и московская Дума сдѣлала такое же постановленіе, какъ и петербургская: „обратиться къ г. московскому генералъ-губернатору съ покорнѣйшей просьбой спасти населеніе Москвы отъ окончательнаго разоренія при азартной игрѣ въ тотализаторъ на скачкахъ и бѣгахъ". Рѣчь эта не только не убѣдила, но возмутила князя Д. Оболенскаго, стоящаго почти во главѣ московскаго скакового общества, и онъ взялъ на себя неблагодарный трудъ увѣрить кого можно, что дважды два пять.

Пріемъ князя Д. Оболенскаго очень простъ; онъ даже не сдѣлалъ ничего другого, что̀ обыкновенно дѣлаютъ тѣ самыя газеты, которыя нападаютъ на него: онъ поставилъ вопросъ о тотализаторѣ на почву „патріотизма", и такимъ образомъ самъ собою сложился цѣлый рядъ разсужденій: кавалерія необходима для охраны безопасности отечества;—скачки необходимы для кавалеріи;—тотализаторъ необходимъ для скачекъ;—слѣдовательно, тотализаторъ необходимъ для охраны безопасности отечества. Отсюда еще одинъ шагъ, и само собою сдѣлается ясно, что говорить противъ тотализатора могутъ одни враги отечества, прикрывающіеся только нравственными цѣлями. Вѣроятно, опасаясь раздѣлить судьбу „либеральныхъ" газетъ, „Москов. Вѣд." хотя и помѣстили на своихъ столбцахъ рѣчь городского головы и высказались противъ тотализатора, но прибавили на всякій случай

---

[1]) „Москов. Вѣд.", 6-го іюля 1889 г. № 184: „Открытое письмо г. городскому Головѣ кн. Дмитрія Оболенскаго, вице-президента Императорскаго Московскаго скакового общества".

замѣчаніе, что, „быть можетъ, редакція принятой городскою Думою резолюціи страдаетъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ". Съ большею справедливостью можно было бы сказать, что возраженіе кн. Оболенскаго представляетъ собою сплошной софизмъ, а мѣстами—подражаніе пріемамъ нашей же реакціонной печати. Такъ онъ не ограничился сведѣніемъ вопроса о тотализаторѣ на „патріотизмъ", и привелъ еще одинъ argumentum ad hominem: тотализаторъ оказывается полезнымъ „учащейся молодежи"—не тѣмъ, что скачки напоминаютъ юнымъ классикамъ олимпійскія игры съ ихъ ристалищами, но тѣмъ, что даютъ возможность пріобрѣсть средства къ жизни. „Повѣрьте,—патетически восклицаетъ князь Д. Оболенскій,—что имъ (т.-е. юношамъ) полезнѣе заниматься лошадьми, чѣмъ *политикой*". Никакъ не можемъ повѣрить,—такъ какъ не раздѣляемъ убѣжденія г. вице-президента скакового общества, что учащіеся не имѣютъ ничего другого для выбора: или лошади, или политика!!.. У насъ есть еще третій конекъ, весьма убѣдительный для многихъ и которымъ также не преминулъ воспользоваться кн. Д. Оболенскій:—такъ-молъ дѣлается въ Пруссіи; тамъ укрѣпляютъ кавалерію скачками, а для скачекъ пользуются тотализаторомъ, не опасаясь, что такимъ образомъ нарушается нравственность. „Вотъ почему и нравственные нѣмцы,—убѣждаетъ князь Д. Оболенскій,—всюду и вездѣ допускаютъ тотализаторъ, который получилъ право гражданства во всемъ мірѣ". Но и на этомъ конькѣ князь усидѣть не могъ и былъ сбитъ въ печати простымъ указаніемъ на фактъ, доказывающій, что онъ имѣетъ случайныя и невѣрныя понятія о состояніи интересующаго его дѣла за границей. Оказывается, что „нравственные" нѣмцы позаботились о томъ, чтобы тотализаторъ былъ наименѣе вреденъ для общественныхъ нравовъ и не разорялъ бы бѣднѣйшихъ классовъ, эксплуатируя человѣческія слабости. Домамъ терпимости строжайше воспрещено какое-нибудь оказательство ихъ печальнаго существованія, и они поставлены подъ строгій надзоръ административныхъ властей; нѣчто подобное предпринято и въ Берлинѣ противъ тотализатора, который, такимъ образомъ, пользуется тамъ одною „терпимостью", но не полнымъ разрѣшеніемъ. Въ Берлинѣ имѣютъ право играть только тѣ, которые вооружены особымъ входнымъ билетомъ, полученнымъ ими за 10 марокъ (5 рублей),—а не всѣ безъ различія. Въ послѣднее время въ Берлинѣ, по иниціативѣ самого императора, скачки запрещены по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ и, кромѣ того, всѣ ихъ финансовыя операціи поставлены подъ ближайшій надзоръ правительства, а потому доходы съ тотализатора идутъ почти сполна для цѣлей коннозаводства. Такъ ли все это у насъ, чтобы можно было ссылаться на нѣмцевъ, какъ это дѣлаетъ

кн. Д. Оболенскій, быть можетъ—bona fide, но во всякомъ случаѣ безъ разумѣнія дѣйствительныхъ фактовъ того дѣла, за которымъ ему необходимо бы слѣдить? Лица, близко знакомыя съ порядками нашихъ скаковыхъ обществъ, утверждаютъ, что у насъ скачки, при принятыхъ короткихъ дистанціяхъ для пробѣга, разсчитаны исключительно на успѣшныя дѣйствія тотализатора, но не на развитіе коннозаводства, а сама администрація обществъ такъ дорого обходится, что тотализаторъ имѣетъ болѣе значеніе кормильца администрирующихъ, нежели собирателя капиталовъ, съ цѣлью обезпечить успѣхи коннозаводства, и все это происходитъ отъ того, что общества распоряжаются сами сборомъ и расходуютъ собранное по своему усмотрѣнію, безъ всякаго контроля. Такъ какъ князь Д. Оболенскій сослался на нѣмцевъ, то, чтобы оправдать его слова, слѣдовало бы по меньшей степени ввести и у насъ тѣ порядки, какіе дѣйствительно существуютъ у нѣмцевъ, и какіе существуютъ и у насъ по отношенію другихъ обществъ и компаній, эксплуатирующихъ общественныя деньги; всѣ они поставлены подъ болѣе или менѣе строгій надзоръ. Такъ какъ скаковыя общества пользуются для своихъ цѣлей городскою землею, то было бы всего лучше поставить тотализаторъ подъ контроль городскихъ Думъ; оттуда явилась инипіатива борьбы съ вредными послѣдствіями тотализатора; онѣ наиболѣе заинтересованы въ томъ, чтобы свести нравственный вредъ тотализатора до его minimum'а, и, наконецъ, всякій контроль дѣйствителенъ, когда онъ самъ легко доступенъ, въ случаѣ своего бездѣйствія, контролю печати и общественнаго мнѣнія; дѣйствія городскихъ общественныхъ управленій вообще очень доступны такому контролю, чего никакъ нельзя сказать объ администраціи, еслибы ей былъ ввѣренъ надзоръ за тотализаторомъ.

Въ одномъ только трудно не согласиться съ кн. Д. Оболенскимъ: преслѣдуемый, такъ сказать, по пятамъ, онъ не безъ ироніи выражаетъ изумленіе, что печать такъ усердно сосредоточилась на тотализаторѣ, когда у насъ предъ глазами масса другихъ своего рода „тотализаторовъ", не менѣе, если не болѣе вредныхъ для общественной нравственности: продажа картъ, вина (о винѣ, впрочемъ, князь спѣшитъ прибавить, что оно есть зло только „съ точки зрѣнія узкой морали") и т. п. Все это вѣрно, но не менѣе вѣрно и то, что если нельзя на свѣтѣ уничтожить всѣ формы зла, то изъ этого не слѣдуетъ, что нужно совсѣмъ опускать руки; нельзя освободиться отъ всѣхъ золъ—такъ по крайней мѣрѣ нужно отдѣлаться отъ той или

другой его формы. Притомъ кн. Д. Оболенскій не совсѣмъ тутъ правъ, какъ онъ былъ неправъ и въ отношеніи Берлина: правительство, имѣя въ числѣ своихъ бюджетныхъ источниковъ доходъ съ вина, прибѣгаетъ однако къ нѣкоторымъ ограниченіямъ этого дохода въ пользу нравовъ, опредѣляя время и часы потребленія вина; быть можетъ, эти ограниченія еще недостаточны, но тотализаторъ у насъ не знаетъ вовсе никакихъ ограниченій, какія, какъ мы видѣли, предприняты уже въ Берлинѣ. Другое дѣло, еслибы защитникъ тотализатора, въ отвѣтъ своимъ противникамъ въ печати, сказалъ: „врачу, исцѣлися самъ"; чѣмъ менѣе тотализатора вредны для общественной нравственности тѣ идеи, которыя за болѣе дешевую цѣну, чѣмъ то взимаетъ тотализаторъ, скачутъ въ наше время предъ глазами читателей на страницахъ нѣкоторыхъ газетъ—и именно тѣхъ самыхъ, которыя съ напускнымъ ужасомъ говорятъ о тотализаторѣ? Изъ такой скачки мы приведемъ только одинъ образчикъ, заслуживающій перваго приза, такъ какъ дальше, повидимому, скакать некуда. Вотъ чѣмъ въ наше время питаютъ читателя; еще не такъ давно нельзя было думать про себя то, что́ теперь провозглашается во всеуслышаніе. Въ одной изъ петербургскихъ газетъ появилась статья, подъ заглавіемъ: „Своеобразное могущество"; цѣль статьи—успокоить умы соотечественниковъ, доказавъ имъ, что нѣтъ болѣе могущественной страны, какъ Россія, но только нужно хорошо знать свое отечество, чтобы понять несокрушимый источникъ его могущества, ибо оно очень „своеобразно".

„Читая и взирая на то, что́ творится въ Россіи въ области явленій экономическихъ,—говорится въ передовой статьѣ газеты,—такъ и хочется провозгласить парадоксальный тезисъ, что именно безпорядки, убытки и всякія разоренія, не перестающія сказываться поочередно во всѣхъ сферахъ труда, промышленности и производствъ, и доказываютъ колоссальную экономическую мощь русской земли, русскаго населенія, а слѣдовательно и русскаго государства". Но газета вовсе не думаетъ, что такое заключеніе парадоксально: „это парадоксальное заключеніе,—увѣряетъ газета,—оправдывается даже нѣкоторыми теоретическими (?!) соображеніями. За симъ слѣдуетъ вѣрная картина жизни добропорядочнаго человѣка, не прожигающаго жизнь, берегущаго копѣйку на черный день: „такихъ людей—говоритъ газета—принято называть состоятельными, солидными и даже почти счастливыми хотя бы въ томъ смыслѣ, что они, не нуждаясь ни въ комъ, могутъ чувствовать себя обезпеченными. Такого рода мѣщанскимъ счастьемъ и пользуются состоятельные и аккуратные народы Европы, съ гордостью смотрящіе на безпорядочную Россію и гото-

вые искренно о ней сожалѣть какъ о странѣ, будто бы обреченной на разореніе.

„Если не вдуматься *глубже* (?!) въ эту параллель, можно, пожалуй, повѣрить иностранцамъ нá-слово и дѣйствительно воображать себѣ, что они-молъ очень богаты и счастливы, а мы очень бѣдны и несчастны. Намъ же кажется какъ разъ противоположное“...

Слѣдующее за симъ до того невѣроятно, что, цитируя слова газеты, слѣдовало бы сдѣлать точную ссылку на самую газету и указать ея №, но едва ли не узнаетъ ее каждый и безъ всякаго указанія.

„Богатство Россіи должно измѣряться не тѣмъ, что фигурируетъ у нея въ видѣ наличныхъ средствъ, а тѣмъ, что ею *ежегодно теряется* (курсивъ автора), что ею пренебрегается, что похищается у нея явно и тайно своими, а еще болѣе, чужими хищниками, — что, въ концѣ концовъ, когда нибудь, когда наступитъ всеобщее прозрѣніе, перестанетъ пропадать и обогатитъ русскую землю, *какъ ни одну страну въ мірѣ*“ (курсивъ автора).

Зло пошутилъ разъ на эту тему покойный князь П. А. Вяземскій, авторъ „Русскаго Бога“; но въ наши дни на ту же тему пишутся уже передовыя статьи, съ цѣлью руководить общественнымъ мнѣніемъ и, вѣроятно, съ разсчетомъ, что вся эта абракадабра западетъ въ душу читателя, упитаетъ ее и принесетъ плодъ сторицею, если только читатель самъ не догадается, на основаніи собственнаго жизненнаго опыта, что обокраденный ночью—утромъ, когда проснется, никакъ не можетъ считать себя обогатившимся оттого, что его обокрали. Но отсутствіе логики въ такой чепухѣ — самая послѣдняя вещь; болѣе интересно спросить: чѣмъ эта статья хуже или лучше усилій кн. Д. Оболенскаго доказать пользу тотализатора? Предъ нашими глазами доказали пользу даже казнокрадства и всякаго хищенія; не будь всего этого, мы пользовались бы „мѣщанскимъ счастьемъ“ другихъ народовъ Европы, а авторъ передовой статьи лишился бы главныхъ аргументовъ для доказательства нашего „своеобразнаго могущества“. И тѣмъ не менѣе въ этой же газетѣ, нѣсколько дней спустя, посвящена громовая статья противъ тотализатора и его бѣднаго защитника князя Д. Оболенскаго; а между тѣмъ этой газетѣ слѣдовало бы порадоваться, что тотализаторъ насъ разоряетъ: вѣдь это показало бы еще въ бóльшемъ блескѣ наше „своеобразное могущество“...

Въ виду подобныхъ теченій, какія стали обнаруживаться у насъ въ нашей общественной мысли, насколько она выражается въ печатномъ

словѣ, нельзя не порадоваться тому, что въ Москвѣ съ ноября текущаго года предпринимается, безъ предварительной цензуры и при участіи Московскаго Психологическаго Общества, изданіе новаго журнала: „Вопросы философіи и психологіи". Редакторомъ журнала объявленъ извѣстный своими трудами по той же спеціальности проф. Н. Я. Гротъ, а выходить журналъ будетъ, по примѣру англійскихъ „review", четыре раза въ годъ. Программа журнала весьма широкая и обнимающая многое: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ,— опытная и физіологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи, и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія. 5) Переводы на русскій языкъ классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Разъясненіе редактора (онъ же и предсѣдатель Психологическаго Общества), которымъ сопровождается программа, вызвала уже нѣкоторыя замѣчанія и возраженія въ печати; но мы увѣрены, что все это не больше какъ плодъ недоразумѣнія. „Новый журналъ, — говоритъ редакція,—чуждый всякихъ матеріальныхъ цѣлей, ставитъ своею главнѣйшею задачею: послужить, по мѣрѣ силъ, развитію высшихъ человѣческихъ идеаловъ и оказать посильную помощь духовному росту русскаго общества. Журналъ предполагаетъ быть органомъ русскихъ мыслителей *различныхъ* направленій, такъ какъ имѣетъ цѣлью дать возможно широкое основаніе выработкѣ положительныхъ началъ жизни. Въ убѣжденіи, что всѣ болѣе или менѣе одностороннія освѣщенія дѣйствительности одинаково стремятся къ истинѣ, — что всѣ искреннія и серьезныя направленія мысли сливаются въ этомъ общемъ идеалѣ, новый журналъ будетъ стараться проявить ту высшую степень *терпимости*, какая совмѣстима съ его главною задачею—служенія благу человѣчества и русскаго народа".

Намъ кажется, что не слѣдуетъ понимать все сказанное буквально, или иначе, дѣйствительно, можно будетъ справедливо усомниться въ возможности достигнуть цѣлей, поставленныхъ журналомъ, не превративъ его, при помощи „высшей степени терпимости", въ случайный сборникъ всего, что̀ будетъ доставлено ей лицами, нисколько не сомнѣвающимися въ томъ, что они „искренно и серьезно"

стремятся къ истинѣ; впрочемъ редакціи самой пришлось бы скоро убѣдиться, что иногда невозможна не только „высшая степень“, а даже и простая терпимость. Но ни программы, ни статьи съ „profession de foi“ не даютъ еще солиднаго основанія для сужденія о новомъ органѣ философіи и психологіи у насъ, а потому въ настоящее время можно только пожелать ему успѣха и высказать убѣжденіе въ возможности такого успѣха, судя по именамъ нѣкоторыхъ лицъ, давшихъ редакціи обѣщаніе раздѣлять ея трудъ.

Въ заключеніе своего разъясненія редакція замѣчаетъ, что „независимая творческая работа въ области отвлеченнаго мышленія для русскаго общества настоятельно необходима“; но такая независимость прежде всего нужна самому журналу, а потому и въ этомъ отношеніи пожелаемъ ему на его пути не встрѣчать особыхъ стѣсненій для своей независимости, такъ какъ безъ того журналу не удастся его главное намѣреніе: „подготовить русское общество къ существенному и самостоятельному пересмотру глубочайшихъ вопросовъ жизни и знанія, составляющихъ предметъ философскихъ изслѣдованій“. Такая подготовка, по мнѣнію редакціи, необходима потому, что „мы имѣемъ свое національное искусство, свою подлинную (?) науку, но не имѣемъ *своей* философіи“; редакція, повидимому, думаетъ, что одною изъ причинъ такого явленія было отсутствіе у насъ философскаго журнала; если это такъ, то мы не можемъ раздѣлить подобнаго убѣжденія, ибо отсутствіе у насъ „своей“ философіи можетъ быть легко объяснено совершенно иными причинами, безъ устраненія которыхъ и философскій журналъ не породитъ у насъ „своей“ философіи.

Въ то самое время, когда исчезаютъ, одинъ за другимъ, великіе представители литературы сороковыхъ годовъ, рѣдѣютъ ряды и другой выдающейся группы—группы дѣятелей, вынесшихъ на своихъ плечахъ главныя реформы минувшаго царствованія. Изъ членовъ редакціонныхъ коммиссій, подготовившихъ освобожденіе крестьянъ, остаются въ живыхъ сравнительно весьма немногіе; уменьшается также, хотя и не столь быстро, число наличныхъ участниковъ судебной реформы. За В. П. Бутковымъ, П. А. Зубовымъ. Н. А. Буцковскимъ, А. М. Плавскимъ, М. Е. Ковалевскимъ, С. И. Заруднымъ—послѣдовалъ недавно Маркъ Николаевичъ Любощинскій. Онъ не былъ однимъ изъ иниціаторовъ реформы, какъ С. И. Зарудный, не игралъ такой крупной роли въ редактированіи судебныхъ уставовъ, какъ, напримѣръ, Н. А. Буцковскій или А. М. Плавскій; но онъ принад-

лежалъ къ тому кружку образованныхъ талантливыхъ юристовъ, который сформировался еще при дѣйствіи старыхъ порядковъ и много способствовалъ успѣху преобразованія. Несмотря на свои многочисленныя странности, графъ В. Н. Панинъ, больше двадцати лѣтъ сряду занимавшій постъ министра юстиціи, обладалъ безспорнымъ умѣньемъ отличать дарованія и выдвигать ихъ впередъ, на широкую дорогу. Онъ чуть ли не первый пересталъ стѣсняться, при назначеніи на высшія должности, лѣтами и чинами, обращая вниманіе только на личныя свойства кандидата и рѣдко ошибаясь въ выборѣ. Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ оберъ-прокурорами въ бóльшей части департаментовъ петербургскаго и московскаго сената были сравнительно молодые, энергичные люди, враги рутины и застоя. Консультація министерства юстиціи, въ которой они играли первенствующую роль, была тогда лучшей школой для начинающихъ. М. Н. Любощинскій былъ оберъ-прокуроромъ перваго департамента и пользовался особымъ довѣріемъ министра. Ему порученъ былъ, въ 1857 г., разборъ проекта устава гражданскаго судопроизводства, составленнаго вторымъ отдѣленіемъ собственной канцеляріи. Пишущему эти строки пришлось принять участіе въ работѣ, подъ руководствомъ М. Н. Любощинскаго. Конечно, самый проектъ очень мало былъ похожъ на послѣдующіе, да и замѣчанія министра юстиціи, тогда еще и не думавшаго склоняться на сторону коренной перестройки судебныхъ порядковъ, не могли быть направлены къ пополненію важнѣйшихъ его пробѣловъ; но въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ по необходимости должна была вращаться работа М. Н. Любощинскаго, она была проникнута уваженіемъ къ началамъ, которымъ суждено было восторжествовать семь лѣтъ спустя—и именно потому далеко не всѣ предположенія Любощинскаго были утверждены гр. Панинымъ. Проектъ гр. Блудова, вмѣстѣ съ возраженіями, сдѣланными противъ него министерствомъ юстиціи, остался мертвой буквой—но онъ сослужилъ извѣстную службу, доказавъ, вмѣстѣ съ другими однородными попытками, несостоятельность полумѣръ и неизбѣжность радикальной реформы. Въ подготовкѣ этой реформы М. Н. Любощинскій могъ принять дѣятельное участіе, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою. Послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, Любощинскій — болѣе счастливый, въ этомъ отношеніи, чѣмъ С. И. Зарудный — былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которымъ былъ порученъ высшій надзоръ за ихъ исполненіемъ. Онъ былъ назначенъ сенаторомъ гражданскаго кассаціоннаго департамента и оставался, нѣсколько лѣтъ сряду, однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ кассаціоннаго суда. Не порывалъ онъ своей связи съ судебнымъ міромъ до самаго

конца, участвуя, въ качествѣ члена департамента гражданскихъ дѣлъ государственнаго совѣта, въ разсмотрѣніи всѣхъ законопроектовъ, касающихся судебной части. Много ли пріятныхъ минутъ доставила, въ послѣднее время, эта работа ветерану судебной реформы, убѣжденному въ правильности ея основныхъ началъ—это вопросъ, обсужденіе котораго было бы теперь несвоевременно. Къ одному изъ главныхъ дѣлъ Любощинскаго—къ изслѣдованію волостныхъ судовъ, произведенному, подъ его руководствомъ, въ 1872 г. — намъ придется, вѣроятно, въ скоромъ времени возвратиться, по поводу ожидаемыхъ новыхъ правилъ дѣлопроизводства въ волостныхъ судахъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I. Отчетъ Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за мартъ, апрѣль и май 1889 г.

Въ теченіе марта, апрѣля и мая мѣсяцевъ 1889 г. Комитетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ имѣлъ 7 обыкновенныхъ и 1 экстренное засѣданіе.

Срочныя ссуды, за поручительствомъ или подъ обезпеченіе жалованьемъ и гонораромъ, были выданы 7 лицамъ на сумму 875 р. (1—50 р., 2-мъ по 100 р., 1—150 р., 1—200 р., 1—275 р., 1—300 р.); безсрочныя ссуды выданы 19 лицамъ на сумму 2.975 руб. (2 по 50 р., 1—75, 10—по 100 р., 2 по 150 р., 3 по 300 р., 1—600 р.).

Единовременныя пособія назначены: 1-му лицу въ 250 р., 2 по 200 р., 2 по 150 р., 1—125 р., 2 по 100 р., 3 по 75, 20 по 50 р., 2 по 40 р., 1—80 р., 6 по 25 р., 2 по 10 р., а всего 42 лицамъ на сумму 2780 руб.

На погребеніе мужа одной писательницы назначено 50 р., на погребеніе одного ученаго—100 руб.

Продолжительныя пособія назначены 4 лицамъ: 1—75 р., 1—90 р., 1—150 р., 1 по 300 р. на 2 года, а всего въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на основаніи прежнихъ и новыхъ постановленій продолжительныхъ пособій выдано на 330 руб.

Одной весьма извѣстной престарѣлой и больной писательницѣ была назначена пенсія по 600 р. въ годъ, а вмѣстѣ съ назначенными ранѣе всего за 3 мѣсяца выдано пенсій на 1.297 руб.

Опредѣлено уплатить за воспитаніе и обученіе дочери 1 лица 25 р., сына 1 лица 30 р., за воспитаніе дѣтей покойнаго писателя 90 руб., дочерей трехъ писателей: одного 100 р., другого 170 р. и третьяго по 100 р. въ теченіе двухъ лѣтъ; всего же на воспитаніе и обученіе дѣтей литераторовъ и ученыхъ за 3 мѣсяца на основаніи прежнихъ и новыхъ назначеній издержано 700 руб., и кромѣ того на стипендіи 275 р.

Отклонены просьбы 19 лицъ (въ томъ числѣ 2-хъ—2 раза и 1-го 3 раза).

Редакторъ „Петербургскаго Листка" Н. А. Скроботовъ вмѣстѣ съ сотрудниками, бумажный фабрикантъ г. Небе, типографъ г. Шмидтъ и переплетный мастеръ г. Моревъ собрали 15-го марта 1889 года, въ день празднованія 25-лѣтія изданія „Петербургскаго Листка", капиталъ въ 1.000 руб., заключающійся въ билетѣ восточнаго займа 1877 г., съ тѣмъ, чтобы онъ былъ обращенъ въ неприкосновенный капиталъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, съ присвоеніемъ ему наименованія" капитала Александра Викторовича Владимірскаго", а проценты его обращались бы на нужды Общества.

М. К. Цебрикова пожертвовала 143 р. 85 к.

Ек. Ник. Жулева въ память артиста Ив. Григ. Чернышева пожертвовала 50 р.

Е. А. Салтыкова заявила, что семейство М. Е. Салтыкова жертвуетъ въ пользу Общества 1°/₀ съ цѣны изданія сочиненій Михаила Евграфовича и что деньги будутъ доставлены по распродажѣ изданія.

Присяжные повѣренные округа Спб. Судебной Палаты и ихъ помощники чрезъ гг. Е. М. Виновича и Н. І. Холева пожертвовали 317 р. 4 к. въ видѣ перваго вклада на образованіе капитала имени М. Е. Салтыкова.

Кружокъ литераторовъ на образованіе того же капитала собралъ 455 р. (въ счетъ ихъ поступило 247 р.), съ тѣмъ, что назначеніе этому капиталу дано будетъ жертвователями впослѣдствіи. Въ неприкосновенный капиталъ имени М. Е. Салтыкова поступило: отъ нижегородскихъ почитателей М. Е. Салтыкова (чрезъ В. Короленко)—50 р., отъ служащихъ при Соколовской мануфактурѣ т—ва И. А. Баранова (чрезъ В. Аристова)—118 р., отъ минскихъ почитателей—15 р., по подпискѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ собрано 106 р., отъ харьковскихъ почитателей (чрезъ г-жу Толочинову) 100.

Евг. Мих. Гаршинъ заявилъ, что онъ уступаетъ Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ принадлежащее ему, въ размѣрѣ $^{2}/_{8}$, право литературной собственности на сочиненія Всев. Мих. Гаршина (по распродажѣ изданія г. Панафидина), съ условіемъ не отчуждать этого дара никакимъ путемъ.

В. П. Андрузскій предложилъ предоставить въ распоряженіе Общества комнату, съ правомъ безплатнаго леченія 1-го лица, въ принадлежащемъ ему грязелечебномъ заведеніи въ Будакахъ, Бессарабской губерніи, и еще сдѣлать скидку въ 25°/₀ для двухъ лицъ.

Вечеръ литературнаго фонда 18-го апрѣля 1889 г., въ которомъ принимали участія г-жи М. Б. Гейденрейхъ, М. В. Крестовская, А. А. Попова, В. У. Сипягина - Лиліенфельдъ, О. И. Шапиръ,

гг. П. И. Вейнбергъ, С. Я. Морозовъ, Я. П. Полонскій, В. М. Самусь и К. М. Фофановъ, далъ чистаго сбора 708 р. 70 к.

Комитетъ считаетъ долгомъ выразить признательность всѣмъ означеннымъ лицамъ.

М. В. Ватсонъ и Э. К. Ватсонъ признаны пожизненными членами Общества въ виду ихъ трудовъ по изданію сочиненій Надсона.

II. Отъ Общества Любителей Россійской Словесности.

Общество любителей россійской словесности, состоящее при Императорскомъ московскомъ университетѣ, извѣщаетъ, что съ 1-го мая по 1-е іюня сего 1889 года къ казначею Общества поступили собранныя съ Высочайшаго соизволенія пожертвованія на сооруженіе въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю: 1) по купонамъ отъ процентныхъ бумагъ 65 руб. $65^1/_2$ коп.; 2) по подписному листу № 1401 изъ С.-Петербурга черезъ предсѣдателя горнаго ученаго комитета—6 руб.; 3) по подписному листу № 1220 изъ Екатеринослава черезъ предсѣдателя окружного суда—19 руб. 26 коп.; 4) по подписному листу № 633 изъ Казани черезъ управляющаго казенною палатою—15 руб.; 5) по подписному листу № 1262 изъ Екатеринбурга черезъ прокурора окружного суда—4 руб.; 6) по подписному листу № 1382 изъ Свеаборга черезъ командира порта—3 руб. 25 коп.; 7) по подписному листу № 1316 изъ Ташкента черезъ управляющаго туркестанскою контрольною палатою—30 руб.; 8) по подписному листу № 1328 изъ С.-Петербурга черезъ директора департамента шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній—16 руб. 50 коп.; 9) изъ Харькова черезъ г. попечителя учебнаго округа—281 руб. 32 коп., въ томъ числѣ по подписному листу № 832 изъ Ахтырки отъ прогимназіи—10 руб. 20 коп., отъ дирекціи народныхъ училищъ курской губерніи—204 руб. 52 коп., отъ начальницы харьковской женской гимназіи И. Я. Грегорцевичъ—6 руб., отъ черкасскаго окружного училищнаго совѣта—17 руб. 21 коп., донецкаго окружного училищнаго совѣта—35 руб. 39 коп. и хоперскаго окружного училищнаго совѣта—8 руб.; 10) по подписному листу № 1188 изъ Харькова черезъ старшаго предсѣдателя судебной палаты—14 руб.; 11) по подписному листу № 1371 изъ С.-Петербурга черезъ предсѣдателя морского техническаго комитета—29 руб.; 12) по подписному листу № 1399 изъ Ялты черезъ директора Императорскаго Никитскаго сада—5 руб. 90 к.;

13) по подписному листу № 450 изъ Кишинева черезъ управляющаго отдѣленіемъ государственнаго банка къ прежде высланнымъ остальные 33 руб.; 14) по подписному листу № 1256 изъ Вятки черезъ прокурора окружного суда—66 руб.; 15) изъ Могилева-на-Днѣпрѣ черезъ управляющаго акцизными сборами губерніи—1 руб. 72 коп.; 16) по подписному листу № 1165 изъ Нижняго-Новгорода черезъ прокурора окружного суда—20 руб.; 17) по подписному листу № 1259 изъ Перми черезъ предсѣдателя окружного суда—31 руб. 65 коп.; 18) по подписному листу № 1266 изъ Саратова черезъ прокурора окружного суда—10 руб.; 19) по подписному листу № 1190 изъ Харькова черезъ предсѣдателя окружного суда—18 руб.; 20) отъ Ѳ. Ѳ. Борисова (Котова) вырученныя отъ спектакля, даннаго въ Кусковѣ 14-го мая 1889 года—227 руб. 20 коп.; 21) по подписному листу № 1402 изъ С.-Петербурга черезъ директора геологическаго комитета—13 руб.; 22) по подписному листу № 1193 изъ Изюма черезъ прокурора окружного суда—27 руб. 25 коп.; 23) отъ управляющаго московскою конторою Императорскихъ театровъ вырученные отъ спектаклей, данныхъ 15-го и 16-го апрѣля 1889 г. съ Высочайшаго разрѣшенія въ московскомъ Большомъ театрѣ—5.591 руб. 48 коп.; 24) по подписнымъ листамъ №№ 345, 348 и 349 изъ С.-Петербурга черезъ городского голову—229 руб. 50 коп.; 25) по подписному листу № 1150 изъ Кашина черезъ предсѣдателя окружного суда—8 рублей; 26) по подписному листу № 1338 изъ Ковно черезъ управляющаго округомъ путей сообщенія—83 руб. 51 коп.; 27) по подписному листу № 1129 изъ Ломжи черезъ управляющаго казенною палатою—17 руб. 89 коп.; 28) изъ Перми черезъ предсѣдателя окружного суда—12 руб. 86 к.; 29) по подписному листу № 1325 изъ С.-Петербурга черезъ директора департамента личнаго состава и хозяйственныхъ дѣлъ министерства иностранныхъ дѣлъ—18 руб.; 30) по подписному листу № 1247 изъ Могилева-на-Днѣпрѣ черезъ прокурора окружного суда—21 руб. 50 коп.; 31) по подписному листу № 1235 изъ Умани черезъ прокурора окружного суда—14 руб.; 32) по подписному листу № 1421 изъ Вятки черезъ управляющаго государственными имуществами—7 руб. 89 коп.; 33) по подписному листу № 1423 изъ Казани черезъ управляющаго государственными имуществами—3 руб. 71 коп.; 34) по подписному листу № 1426 изъ Курска черезъ курско-орловское управленіе государственными имуществами — 6 руб. 99 коп. и 35) вырученныя отъ продажи афишъ спектакля 15-го апрѣля 1889 года—5 руб. 50 коп. Итого *шесть тысячъ девятьсотъ пятьдесятъ восемь рублей 53½ копѣйки*, а всего съ прежде поступившими *сорокъ тысячъ четыреста девяносто девять рублей 54¼ копѣйки* (*40.499 руб. 54¼ коп.*).

III.—Отъ Редакціи.

Въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ поступили въ Редакцію пожертвованія:

1) Для передачи въ Комитетъ литературнаго фонда для образованія неприкосновеннаго капитала имени М. Е. Салтыкова: а) изъ Елисаветграда—2 р.; б) изъ Сарапула—30 р.; в) изъ Рязани—190 р.; г) изъ Орлова—39 р., а всего 261 р.

2) На сооруженіе памятника на могилѣ Н. Д. Зайончковской въ г. Петергофѣ (Крестовскій-псевдонимъ)—25 руб.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ, 1889.

Книга седьмая. — Іюль.

Стр.

Вотчинныя фабрики и ихъ фабричные.—А. ПОГОЖЕВА 5
Старая Пермь.—Путевые очерки.—Д. СИБИРЯКЪ 44
Не судьба.—Разсказъ.—Н. СЪВЕРОВА 105
Пржевальскій и его путешествія.—I.—Л. ВЕСИНА 145
Стихотворенія.—I-V.—А. БУДИЩЕВА 168
Каширскіе дворяне.—Семейная хроника XVI-XVII вѣка.—Е. Щ. 171
„Морзъ“ и „Юзъ“.—На телеграфной станціи.—Разсказъ.—П. Д. БОБОРЫКИНА 205
Русское славяновѣдѣніе въ XIX-мъ столѣтіи.—I.—А. Н. ПЫПИНА 238
Черная стрѣла.—Историческая повѣсть, соч. Р. Стивенсона.—Съ англійскаго—Книга IV-V. — А. Э. 275
Генри Джорджъ и его теорія прогресса.—Л. З. СЛОНИМСКАГО 333
На кладбищѣ.—Стих. Д. МИХАЛОВСКАГО. 352
Хроника.—Всемірная выставка въ Парижѣ.—Письмо второе.—М. . . . 354
Внутреннее Обозрѣніе. — Подробности проектируемой замѣны уѣздныхъ участковыхъ мировыхъ судей. — Неудобства соединенія въ одномъ лицѣ обязанностей слѣдователя и судьи.—Роль, предназначаемая почетнымъ мировымъ судьямъ.—Стоимость реформы.—Волостные суды и тѣлесное наказаніе.—Постепенность въ осуществленіи преобразованій.—Распоряженіе попечителя дерптскаго учебнаго округа 380
Замѣтка.—Новый источникъ свободныхъ земель.—В. 395
Иностранное Обозрѣніе. — Періодическія газетныя тревоги и ихъ причины. — Оффиціальная и оффиціозная политика. — Ошибочныя предположенія и толкованія. — Конфликтъ съ Швейцаріею и его значеніе. — Вопросъ о швейцарскомъ нейтралитетѣ.—Мотивы и послѣдствія германской дипломатической кампаніи. — Политическія дѣла Австро-Венгріи.—Положеніе Босніи 400
Литературное Обозрѣніе.—Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей. Ч. I и II. — Изъ дальнихъ лѣтъ, воспоминанія Т. П. Пассекъ.—Н. Лендеръ, Волга.—А. П.—Новыя книги и брошюры 413
Поправка.—Письмо въ редакцію. Л. СЛОНИМСКАГО 423
Новости иностранной литературы.—I.—Das Staatsrecht des Kaiserthums Russland, v. Dr. J. Engelmann. В. Д.—II. Fr. Bouillier, Questions de morale pratique. — III. G. Géroult, Le centenaire de 1789. — IV. G. de Greef, Introduction à la sociologie. — V. Achajus, Der Werth der berliner politischen Presse. — Л. С. 425
Некрологъ.—Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ.—А. Н. ПЫПИНА. 438
Изъ Общественной Хроники. — Продолженіе кампаніи противъ финляндскаго сепаратизма; ея комическія и серьезныя стороны. — Дачники въ роли патріотовъ. — Есть ли въ Финляндіи основные законы? — Надежда Дмитріевна Заіончковская (В. Крестовскій-псевдонимъ) †.—Ея общественные идеалы и литературное значеніе 442
Извѣщенія.—Отъ Распорядительнаго Комитета Кавказской выставки предметовъ сельскаго хозяйства и промышленности 454
Библіографическій Листокъ.—Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 66.—Кантъ, Имм. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ, перев. Вл. Соловьева.—Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова, вып. 16-19.—Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи, путеш. Норденшельда. — Г. Спенсеръ, Воспитаніе умств., нравств. и физическое.—Н. В. Жукъ, Мать и дитя, гигіена въ общедоступномъ изложеніи.

Книга восьмая. — Августъ. стр.

Мрачный штурманъ. — Картинки былой морской жизни. — К. М. СТАНЮКОВИЧЪ 457
Мать преступника.—Поэма Теннисона.—Перев. О. М—ВОЙ. 509
Пржевальскій и его путешествія.—II-III.—Окончаніе.—Л. ВЕСИНА. 512
Узелокъ съ красной мѣткой.—Разсказъ.—Н. Д. АХШАРУМОВА 540
Поѣздка въ Троаду.—На раскопкахъ Шлимана.—I-II.—В. ТЕПЛОВА . . . 560
Изувѣры.—Изъ воспоминаній судебнаго слѣдователя 70-хъ годовъ. — I-III. — Н. РЕУТСКАГО 595
На разсвѣтѣ.—Повѣсть Ежа.—Перев. I. У. 628
Русское славяновѣдѣніе въ XIX-мъ столѣтіи.—II.—А. Н. ПЫПИНА 683
Лондонская жизнь.—Повѣсть.—Соч. Г. Джемса.—I-VI.—А. Э. 729
Хроника.—Всемірная выставка въ Парижѣ.—Письмо третье.—М. . . 769
Внутреннее Обозрѣніе.—Пути возвышенія мелкой сельско-хозяйственной культуры въ Россіи.—Самостоятельность путей развитія крупнаго и мелкаго земледѣльческаго производства.—Индивидуальное и массовое творчество народа въ области сельск. хозяйства.—Результаты дѣятельности крестьянъ и владѣльцевъ въ области скотоводства.—Необходимость участія въ поднятіи сельско-хозяйственной культуры со стороны правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.—В. В. 793
Письма изъ провинціи.—Саратовъ. — Z. 827
Иностранное Обозрѣніе.—Особое положеніе оффиціозной печати въ Германіи.—Признаки внутренняго разлада и ихъ дѣйствительное значеніе —Примирительный тонъ въ международныхъ дѣлахъ. — Послѣдствія рабочаго движенія въ каменноугольныхъ копяхъ.—Особенности рабочихъ кризисовъ въ Германіи.—Австро-венгерскія дѣла.—Положеніе Сербіи.—Избирательное движеніе и буланжизмъ во Франціи.—Мнимые русскіе націоналисты въ „Nouvelle Revue“ 836
Литературное Обозрѣніе.—Н. Чечулинъ, Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка.—Г. Арандаренко, Досуги въ Туркестанѣ.—В. Миллеръ, Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго этнографическаго музея.—Н. Лопатинъ и В. Прокунинъ, Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ.—А. Н.—А. Штиглицъ, Изслѣдованія о началахъ политическаго равновѣсія, легитимизма и національности.—Н. Гиляровъ-Платоновъ, Основныя начала экономіи.—Л. С. 850
Новости иностранной литературы.—B. Saint-Hilaire, La philosophie dans ses rapports avec les sciences et la religion.—F. Cellarier, Études sur la raison.—De Roberty, L'inconnaissable, sa métaphysique, sa psychologie.—K. Dickel, Ueber das neue Gesetzbuch für Montenegro.—Л. С. . . . 868
Изъ Общественной Хроники.—Первый періодъ „классицизма“ у насъ, и сужденія въ печати о его главныхъ результатахъ.—Журнальная статья о томъ же предметѣ г. А. Георгіевскаго, и трудъ Ѳ. Еленева: „О нѣкоторыхъ желаемыхъ улучшеніяхъ въ гимназическомъ обученіи“.—Записка о классицизмѣ Ив. Ив. Пискарева, директора царскосельской гимназіи.—Постановленія петербургской Думы о „тотализаторѣ“, повторившееся въ московской Думѣ.—Противники и защитники тотализатора въ печати.—Образчикъ новѣйшей философіи отечественной исторіи.—Основаніе новаго философскаго журнала въ Москвѣ.—М. Н. Любощинскій † . . . 876
Извѣщенія.—I.—Отчетъ Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за мартъ, апрѣль и май 1889 г.—II.—Отъ Общества любителей Россійской Словесности.—III.—Отъ Редакціи 894
Библіографическій Листокъ.—Сенатскій Архивъ, т. II.—Всеобщая исторія литературы, вып. 23.—Стихотворенія Фр. Коппе, вып. 1, п. р. П. Вейнберга.—Четыре министра путей сообщенія, В. Панаева.—Историческая христоматія по русской исторіи, Я. Гуревича, т. III.—Греко-болгарскій вопросъ, по неизданнымъ источникамъ. Историческое изслѣдованіе В. Теплова.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сенатскій Архивъ. II. Журналы и опредѣленія Правительствующаго Сената. Съ указателемъ. Спб. 1889. Стр. 647. Ц. 2 р.

Нынѣшній выпускъ не представляетъ того интереса, какой мы замѣтили въ первомъ томѣ, гдѣ были помѣщены именные указы имп. Павла I; второй томъ носитъ на себѣ болѣе административный и распорядительный характеръ; тѣмъ не менѣе и здѣсь найдется не мало любопытныхъ чертъ для исторіи культуры того времени; наприм., по распоряженіямъ сената можно видѣть, какимъ образомъ расправлялись въ прошедшемъ столѣтіи съ заразительными болѣзнями. Компетенція сената была тогда несравненно шире, а потому въ его указахъ можно найти и такіе акты, какъ предпринятая сенатомъ, въ 1741 г., реформа „сибирской губерніи" и „инструкція, сочиненная сибирскому губернатору". Сущность реформы состояла въ расширеніи власти губернатора, вслѣдствіе затрудненій для сената сноситься съ Сибирью: „Развратниковъ въ вѣрѣ въ сенатъ, за дальностью, не посылать, а изслѣдовавъ, обще съ архіереемъ, писать въ сенатъ и ожидать указа"; съ другой стороны, ему воспрещалось покупать въ казну „калмыцкихъ полонныхъ людей", на томъ основаніи, что „то по нынѣшнему (1741 г.) времени признавается за неприличное". Изъ этого же сборника можно видѣть, какую игралъ роль сенатъ при частыхъ перемѣнахъ царствованія въ сороковыхъ годахъ прошедшаго столѣтія.

Всеобщая исторія литературы. Состав. п. р. А. Кирпичникова. Вып. 23. Спб. 89. Стр. 160.

Предметомъ новаго выпуска этого извѣстнаго изданія служитъ французская и нѣмецкая литература въ XVIII вѣкѣ; первая была какъ бы предварительною работою мысли во Франціи, подготовившею движеніе въ народныхъ массахъ, которымъ и заключилось предыдущее столѣтіе; нѣмецкая литература той же эпохи имѣла другой характеръ, другую судьбу и породила другія послѣдствія: въ связи съ нею стоитъ просвѣщенный абсолютизмъ, представителями котораго были Іосифъ II и Фридрихъ Великій. Такое значеніе французской и нѣмецкой литературы прошлаго вѣка придаетъ особый интересъ настоящему выпуску „Всеобщей исторіи литературы",—изданію, предпринятому еще покойнымъ В. Ѳ. Коршемъ. Статья о французской литературѣ составлена Алексѣемъ Н. Веселовскимъ, имя котораго давно уже извѣстно по его трудамъ въ области иностранныхъ литературъ.

Стихотворенія Франсуа Коппе. Библіотека иностранной поэзіи. Спб. 1889. Стр. 168. Ц. 60 к.

Судя по общему оглавленію появившагося въ печати сборника стихотвореній Фр. Коппé, давно извѣстнаго у насъ французскаго поэта, надобно думать, что этою книжкой открывается цѣлая серія, куда мало-по-малу войдутъ всѣ лучшія силы современной иностранной поэзіи. Безъ сомнѣнія, большинство или по крайней мѣрѣ многіе изъ приведенныхъ нынѣ переводовъ изъ Фр. Коппé были уже помѣщены въ различныхъ журналахъ и безъ такого сборника остались бы навсегда разсѣянными по разнымъ изданіямъ и разнымъ годамъ, а потому мысль сосредоточить ихъ въ одной книгѣ — весьма счастливая. Въ нынѣшнемъ выпускѣ переводы принадлежатъ гг. Слѣпцову, Позднякову, С. Андреевскому, В. Лихачеву и наконецъ самому редактирующему изданіе, П. И. Вейнбергу. При слѣдующихъ изданіяхъ въ томъ же родѣ желательно было бы, чтобы въ самомъ оглавленіи были приведены имена переводчиковъ.

Четыре министра путей сообщенія. 1833—1869 г. В. А. Панаевъ. Спб. 1889. Стр. 41. Ц. 60 к.

Избранные четыре министра слѣдовали другъ за другомъ въ теченіе 35 лѣтъ; это были: гр. Толь, гр. Клейнмихель, ген.-ад. Чевкинъ и инж.-ген. Мельниковъ. Авторъ почти все это время служилъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія, и, опираясь на свои личныя свѣдѣнія, онъ предпринялъ теперь защиту ихъ противъ нападокъ печати, въ которой, наприм., гр. Клейнмихель былъ названъ „писаремъ", т.-е. бюрократомъ. Авторъ болѣе подробно останавливается на одномъ Чевкинѣ, но о другихъ, и особенно о Клейнмихелѣ, въ его и безъ того небольшой брошюрѣ сказано такъ мало и сказанное относится къ такимъ мелочамъ административной жизни, что можно опасаться—великодушная цѣль автора едва ли будетъ имъ достигнута.

Историческая Хрестоматія по русской исторіи. Состав. Я. Г. Гуревичемъ. Ч. III. Спб. 1889. Стр. 718. Ц. 2 р. 25 к.

Третій томъ этого почтеннаго труда, на появленіе котораго мы имѣли случай указывать при выходѣ въ свѣтъ первыхъ двухъ его выпусковъ,—весь посвященъ времени Петра В. Богатство литературы и масса мемуаровъ того времени только увеличиваютъ затрудненіе выбора. Составитель воспользовался и трудами лучшихъ нашихъ историковъ, какъ Соловьевъ и Костомаровъ, и памятниками того времени, оставленными такими свидѣтелями или жившими близко къ эпохѣ Петра лицами, какъ Корбъ, Голиковъ, Посошковъ, Берхгольцъ и друг. Мы уже, кажется, имѣли случай выразить одно сожалѣніе, и опять его повторяемъ: при заимствованіи изъ писателей эпохи было бы полезно приводить вкратцѣ ихъ біографію, чтобы читающій могъ понимать лучше отношеніе писателя къ описываемому имъ предмету, и именно этого недостаетъ хрестоматіи.

Греко-болгарскій церковный вопросъ, по неизданнымъ источникамъ. Историческое изслѣдованіе В. Теплова. Спб. 1889. Стр. 245.

Мы не такъ давно имѣли случай ознакомить нашихъ читателей съ исторіею прежнихъ отношеній Болгаріи къ греческому духовенству, по изслѣдованію г. Бурмова-Стоянова, для котораго этотъ вопросъ есть вопросъ изъ исторіи его собственнаго отечества, бывшаго долгое время предметомъ экономической эксплуатаціи Болгаріи греками въ формѣ церковной. Г-нъ Тепловъ въ своемъ изслѣдованіи также отрицаетъ „церковное" значеніе греко-болгарской распри, но видитъ въ ней „политическое" значеніе. Такъ какъ авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи „неизданные" источники, то во всякомъ случаѣ его трудъ обратитъ на себя вниманіе даже и противниковъ его мнѣній и взглядовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1889 г.
(Двадцать-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ го
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Янв.	Іюль	Янв.	Апр.	Іюль	Окт
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „
За границей, въ госуд. почтов. союза . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.— Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по пол
діямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ,
и октябрѣ, принимается— **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

☛ Съ перваго іюня открыта подписка на третью четверть 1889 года. ☚

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на
Остр., 2 лин., 7; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Не
просп., 14, и А. Ф. Цинзерлинга, Невск. пр., 46, противъ Гостин. Двора;— въ *Моск*
1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карба
кова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія
ліи.— *Иногородные* и *иностранные*— обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журн
Спб., Галерная, 20; и 2) лично— въ Контору журнала.— Тамъ же принима
ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.— 1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фам
съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ
почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учреждені
самомъ мѣстожительствѣ подписчика.— 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Кон
журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, пере
въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе— 40 к
3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала,
подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почт
Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.— 4) *Билеты* на полу
журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчи
которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.